

**ИСТОРИЯ
ИВАНОВСКОЙ СУКОННОЙ
ФАБРИКИ ЦУРИКОВЫХ
И УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ**

Д. Мылоница.

С. Тресово.

Мон. Довгий Герман

Д. Нытца.

Д. Стобошени

Д. Сычевка.

Д. Яндинова

Д. Лучинская.

Д. Пляшненская

С. Добровское

Д. Бундич

Д. Ражинова

Пыново

Д. Бундич

Д. Бречинова

1839

Д. Давыдовская

Болото

Болото

РУДНИМЪ.

Г. ВОСКРЕСЕНСКЪ.

Д. 103.

Д. Песчаный.

Д. 40.

Д. Полева.

Д. 15.

Д. Высокова.

Д. 26.

Д. Трусова.

Д. 19.

Д. Вельминова.

Д. 54.

Д. Бачарова.

Д. 17.

Н. Троицкий.

Д. Сеникова.

Д. 17.

Д. Ивановская.

Д. 35.

С. П. Носиков

История Ивановской суконной фабрики Цуриковых и Успенской церкви

(по материалам архивных исследований)

Москва

2023

История Истринского края

ISBN 978-5-00227-087-3

УДК [908+271.22–523.4]

ББК 26.89(2Рос–4Мос) + 86.372.24–65

Н84

Носиков Сергей Павлович

История Ивановской суконной фабрики Цуриковых и Успенской церкви (по материалам архивных исследований) – М.: ООО "Сам Полиграфист", 2023, 656 с.

В книге описывается история создания и расцвета Ивановской суконной фабрики, находившейся в Звенигородском уезде Московской губернии. Ее основал в 1817 году мельник Григорий Михайлович Цуриков, потом суконное дело продолжил его сын Павел, впоследствии ставший крупнейшим благотворителем края. В книге рассказывается о жизни и многочисленных добрых делах, совершенных П. Г. Цуриковым. Приведены сведения о жене благотворителя Анне Сергеевне Цуриковой (урожденной Мингалевой), о родственниках, включая Финляндских, владевших колокольным заводом в Москве. Рассказывается об известном церковном композиторе Павле Григорьевиче Чеснокове, родившемся при Ивановской фабрике. Отдельные главы посвящены истории существовавших при фабрике школе, больнице и Успенской церкви.

В текст книги включены многочисленные материалы из архивных дел, значительная часть которых прежде не публиковалась, а также исторические фотографии, сохранившиеся у потомков мельника и в различных музеях и архивах.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей нашей Родины и краеведением Подмосковья.

© С. П. Носиков

Разрешается свободная перепечатка текста при условии указания ссылок на книгу.

На обложке:

«Ивановская суконная фабрика П. Г. Цурикова. Литогр. при Музее на Мясницкой, 1868», фрагмент, (ГИМ).

На обороте обложки впереди:

«Инструментальная военно-топографическая съемка Московской губернии в окрестностях, 1839», фрагмент, (РГВИА).

На обороте обложки сзади:

«Генеральный план владения Ивановской фабрики С. М. Попова, 1897», фрагмент, переработан, (ЦГАМ).

Оглавление

Введение	4
Глава 1. История селений, в которых жили Цуриковы	8
Глава 2. Основатель фабрики Григорий Михайлович Цуриков	58
Глава 3. Ивановская фабрика Павла Григорьевича Цурикова	95
Глава 4. Школа, больница и другие учреждения фабрики	162
Глава 5. Успенская церковь при Ивановской фабрике	210
Глава 6. Жизнь и хроника добрых дел Павла Григорьевича	281
Глава 7. Анна Сергеевна Цурикова	381
Глава 8. Род Мингалевых	429
Глава 9. Предки и родственники Павла Григорьевича	455
Заключение	526
Приложение	
1. Справка о дореволюционной России	527
2. Основные даты жизни П. Г. Цурикова	529
3. Утверждение во дворянстве П. Г. Цурикова	530
4. Переписка Цуриковых и Мингалевых	535
5. Воспоминания Анны Михайловны Шуберт	541
6. Статьи в дореволюционных периодических изданиях	549
7. Прообраз рассказа А. П. Чехова “Бабье царство”	565
8. Памятник А. С. Цуриковой в Новоиерусалимском монастыре	568
9. Устав богадельни имени Цуриковых	571
10. Рассказ о Любви Сергеевне Мингалевой	573
11. Дополнительные сведения об Ивановской суконной фабрике	579
12. Описание Успенской церкви, составленное священником Голубевым	596
13. Дополнительные сведения об Успенской церкви	599
14. Служители церкви, работники школы и больницы	612
15. Дополнительные сведения о художнике Иване Соболеве	614
16. Планы Ивановской суконной фабрики	616
17. Чертежи зданий Ивановской суконной фабрики	620
18. Исторические виды Ивановской (Октябрьской) фабрики	623
19. Фотографии Цуриковых и их родственников	638
Список источников и литературы	644
Список принятых сокращений	655
Об авторе	656

Введение

Тема настоящей книги – история появления, развития и расцвета Ивановской суконной фабрики, и рассказ о первых ее владельцах Цуриковых. Многие современники отзывались о фабрике, как о передовом в технологическом плане производстве, так же отмечали красивый внешний вид ее зданий.

Началось все в далеком 1817 г., когда дворовый человек Григорий Михайлович Цуриков построил на реке Истре вблизи деревни Ивановской Звенигородского уезда Московской губернии плотину с мельницей и рядом на берегу соорудил сукновальный амбар для валяния сукна. Через два десятилетия это уже было довольно крупное производство, которое стало называться по наименованию расположенной рядом деревни Ивановской суконной фабрикой.

Фабрика просуществовала 124 года. Условно всю ее историю можно разделить на два периода.

Первый период длился 101 год. За это время у предприятия было пять владельцев:

- **1817–1848: Григорий Михайлович Цуриков** (помогал сын Павел).
- **1848–1878: Павел Григорьевич Цуриков** (первые семь лет совместно с братом Иваном).
- **1878–1887: Анна Сергеевна Цурикова** (помогал М. Е. Попов).
- **1887–1896: Максим Ефимович Попов** (помогали сыновья Александр, потом Сергей).
- **1896–1918: Сергей Максимович Попов.**

Второй период оказался намного короче первого – всего 23 года. Начался он в конце 1918 г. или в начале 1919, когда советская власть отобрала фабрику у последнего владельца С. М. Попова. Через несколько лет она была переименована в Октябрьскую фабрику в память большевистской революции. Если полистать подшивки местных газет “Воскресенские известия”, “Голос деревни” и “Истринская стройка”, то почти в каждом номере можно найти материал или упоминание о суконной фабрике. В то время это было одно из крупнейших предприятий не только на территории Истринского (ранее Воскресенского) района, но и вообще на западе Московской области.

История предприятия трагично оборвалась в конце 1941 г. во время наступления немцев на Москву, когда отступающие советские войска взорвали большинство промышленных зданий (оборудование предварительно было эвакуировано).

Настоящая книга посвящена в основном истории первых 70 лет существования суконной фабрики, когда она принадлежала Цуриковым. Изложение ведется на основе исторических данных, обнаруженных в различных архивах и большей частью прежде не публиковавшихся. Последние 30 лет дореволюционной истории описываются кратко, а советский период и вовсе почти не затрагивается.

Книга начинается с описания мест, в которых родился, а потом трудился основатель суконного предприятия мельник Григорий Михайлович Цуриков. Еще при своей жизни он передал успешно работавшую фабрику сыновьям Павлу и Ивану. После смерти Ивана все дело оказалось в руках Павла Григорьевича Цурикова. При нем производство развивалось и расширялось. Предприятие приносило хорошую прибыль, его владелец богател. Не в пример многим фабрикантам Цуриков не копил свои доходы, а щедро делился ими с людьми. Как писал о нем современник: *«Владея весьма значительными материальными средствами, покойный П. Гр. именно собирал их не себе, а старался богать, по слову Евангелия, в Бога и ближних – делал и любил делать добро всем и каждому не из каких-либо своекорыстных расчетов, временных видов и нечистых побуждений, а по любви к добру, по влечению своего истинно-добраго сердца»*¹.

П. Г. Цуриков прожил не такую уж долгую жизнь (умер в 66 лет). Но какую! Родившись в семье крепостных, он в 1830 г. благодаря своему отцу Григорию Михайловичу получил вольную грамоту. А дальше всего достигал своим трудом. В 1833 г. стал звенигородским купцом 3-й гильдии. Свою фабрику Павел Григорьевич представлял на различных мануфактурных выставках, как в Российской империи, так и за границей. И ее продукция получала везде высокие оценки специалистов, вручались заслуженные медали. Сам Цуриков был награжден несколькими орденами. И это притом, что родился дворовым человеком! *«Происходя из крепостных людей местного помещика Голохвастова, не получив никакого образования, П. Г. Цуриков природным умом и настойчивым трудом достиг того что сделался миллионером, получил потомственное дворянство и чин статского советника»*². К нему в точности относится классическая фраза: «человек, сделавший себя сам».

Но не как владелец успешно работавшей фабрики запомнился Павел Григорьевич в обществе. Простые люди искренне скорбели после его кончины, помня о многих совершенных добрых делах.

Щедрого благотворителя знал едва ли не каждый житель Звенигородского уезда, да и многие за его пределами. Как было сказано о нем современником: *«Не даром имя твоё сделалось известным по всей России»*. И это все благодаря многочисленным пожертвованиям храмам, школам, больницам, да и просто людям. Когда Цуриков внезапно умер от простуды, в нескольких ведущих газетах и журналах были напечатаны не только объявления о кончине, а довольно большие некрологи. С их текстами можно ознакомиться в приложении–6, здесь же имеет смысл привести одну из цитат:

«Как деятель и благотворитель, Павел Григорьевич был вообще первым лицом в уезде, поэтому утрата его почувствуется во всех сферах провинциальной деятельности уезда, где ни одно крупное и доброе дело не обходилось или без его совета, участия, направления или материальной помощи. Ни одна постройка церкви в уезде не обходилась без его практических советов и обильной материальной помощи. Несколько сельских школ обязаны ему своим существованием и вещественным и духовным процветанием. [...] В нашем уезде не было человека, имя которого бы ещё при жизни переходило из уст в уста с искренними благодарностями, удивлением, благословениями. Нет, русский крестьянин, русская женщина, целые общества сельские и захолустные деревенские относились к нему с непоколебимым доверием и безграничной любовью. В убогих хижинах его знал и стар и мал»³.

Если же говорить про сегодняшний день, то о прежде широко известной фамилии напоминает лишь красивый памятник Анне Сергеевне Цуриковой на территории Новоиерусалимского монастыря. Памятник этот видят все посетители обители, он установлен на самом видном месте. Но многие ли люди знают, что это жена знаменитого благотворителя?

Нельзя сказать, что имя Павла Григорьевича ныне вовсе забыто. В последние годы стали выходить публикации, посвященные благотворителю. К их числу следует отнести статью, написанную в 1998 г. для местной газеты М. А. Крючковой⁴. Она же опубликовала еще одну работу о П. Г. Цурикове в одном из научных сборников⁵. В 2004 г. в другом научном издании вышла статья московского краеведа-историка В. Ф. Козлова⁶ на ту же тему. В том же году была издана энциклопедия об истории нашего края “Истринская земля”, на страницах которой неоднократно упоминается фамилия Цуриковых. Значительно больше материалов об Ивановской суконной фабрике и ее владельцах имеется в изданной в 2010 г. книге “Суконщики Поповы”⁷. Особо ценными в ней являются воспоминания родственников Павла Григорьевича: Сергея Максимовича и Сергея Александровича Поповых, Анны Михайловны Шуберт (часть из них приведена в приложении–5). Неплохая подборка архивных материалов по истории предприятия оказалась в рукописи Л. Р. Вайнтрауба, которая, к сожалению, не была опубликована. Об истории предприятия также писал С. Ю. Мамаев в книге “Поиски вчерашнего дня”.

Благодаря всем этим публикациям людей, узнавших о замечательном благотворителе, стало заметно больше. Все это здорово. Но до сих пор не было отдельной книги, посвященной Цуриковым и основанной ими Ивановской суконной фабрике. А ведь еще до революции такой вопрос ставился: *«У нас до сих пор нет еще биографий наших замечательных деятелей в области торговли и промышленности, а многие из таких биографий были бы поучительны и к числу их принадлежала бы биография Цурикова»⁸*. Тогда это не было сделано. Настоящее издание призвано устранить этот пробел.

В 2012 г. был основан краеведческий проект “Утраченный Божий Дом” (УБД), одним из его организаторов стал автор настоящей книги. Другой основатель проекта С. Ю. Мамаев разработал специальный сайт. Вскоре там появился раздел “Замечательные люди”, П. Г. Цуриков оказался в нем первым⁹. В 2013 г. в газете Истринского благочиния “Духовная нива” была напечатана статья о Павле Григорьевиче¹⁰. Год спустя этот материал вошел в сборник УБД¹¹, тогда же были оформлены информационные стенды о благотворителе в Истринской районной библиотеке и в Петропавловском храме села Лужки.

С тех пор шел сбор сведений о Павле Григорьевиче, материала за прошедшие годы накопилось довольно много. И вот когда в наших краях заговорили об установке памятника известному в прошлом благотворителю, решено было написать настоящую книгу.

Особенности данной книги

Это уже пятая книга, если не считать изданные в соавторстве публикации. Тексты некоторых книг размещены на сайте УБД для свободного скачивания, краткую информацию о них можно найти в самом конце настоящего издания. При выпуске каждой новой книги приходилось писать о подходе автора к изложению материала. Вот краткое перечисление основных принципов:

– Излагать только правду, ничего не придумывать. Там, где нет уверенности в интерпретации

Церковь и заставка Истринского района, разоруженные в годы советской власти

«УТРАЧЕННЫЙ БОЖИЙ ДОМ»

Никитин 14 от 14 апреля 42 от 47 часов

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

ФИО:	Павел Григорьевич Цуриков
Дата рождения:	3 января (16 января по новому стилю) 1812 года
Место рождения:	Звенигородский уезд, село Покровское-Рубцове
Стедь:	Григорий Михайлович Цуриков (12.04.1782-10.03.1852)
Мать:	Матрена Анисимовна Цурикова (3.11.1785-20.02.1850)
Супруга:	Анна Сергеевна Цурикова (Мингалова) (22.07.1818-7.01.1907)
Дети:	нет
Должность:	действительный статский советник
Дата смерти:	5 января (18 января по новому стилю) 1878 года
Место захоронения:	Звенигородский уезд, село Ивановское (Успенский храм, Никольский придел)

ГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Портреты:	 Из книги «Описание Успенской...»	 Из книги «Сказания Поповы...»	
Фото супругов:	 Из книги «Сказания Поповы...»	 Из дела ИАИР РГБ Ф. 547. Оп. 9. Д. 39	 Из дела ИАИР РГБ Ф. 547. Оп. 9. Д. 39
Дворянский герб:	 Из дела РГА Ф. 1411. Оп. 1. Д. 80		
Захоронения родных:	 © 2014, С. Носков	 © 2014, С. Носков	 © 2014, С. Носков

фактов, добавлять слова «возможно», «скорее всего», «по-видимому», и другие аналогичные.

– Широко использовать исторические источники, цитаты из них выделять *курсивом*. При этом для большей наглядности слова с упоминаниями главных героев Цуриковых в текстах подчеркивать. Обязательно указывать библиографические ссылки на источники, если они известны (там, где в тексте подряд идут цитаты из одного источника, ссылка дается только один раз).

– Тексты из исторических источников по возможности приводить без искажений «как есть». Однако дореволюционная орфография заметно отличалась от современной. Для облегчения чтения цитаты адаптировать к более привычному виду: без твердого знака “Ъ” в конце слов, старорусскую букву ять “Ѣ” заменять на “е”, “і” – на “и” и т.п. При этом орфографические ошибки не исправлять, добавлять лишь знаки препинания для лучшего понимания текста.

– По этой же причине имена и отчества людей в тексте книги приводить в современном виде. Т.е. писать, к примеру, Григорий Михайлович вместо «Григорій Михайлов», как в первоисточнике. Однако написание имен в самих цитатах оставлять без изменений.

– Все даты приводить в том виде, как они записаны в оригинальных текстах (напомним, что в России до февраля 1918 года использовался Юлианский календарь, так называемый, старый стиль).

– В книге использовано немало географических планов и карт. В большинстве случаев ориентация сторон света традиционная (север предполагается сверху изображения). На тех планах, где это не соблюдается, для указания сторон света добавлять географический румб.

В настоящем издании приведено большое количество родословных древ. В них более 400 персон, причем только для родственников Цуриковых (близких и дальних) удалось найти 280 имен! В большинстве случаев даты рождения и смерти людей подтверждены метрическими книгами или же источниками, заслуживающими доверия. Лишь в отдельных случаях использованы сведения из интернета.

Желающие более углубленно ознакомиться с тематикой данной книги могут найти в приложении тексты некоторых исторических документов. Там же продублированы практически все найденные фотографии, изображения по теме настоящего издания.

Благодарности

Хотелось бы выразить особую признательность людям, которые помогали в сборе материалов, и без участия которых данная книга вышла бы беднее по содержанию и хуже по оформлению.

Каждая книга в чем-то особенная. Настоящая отличается от ранее изданных тем, что в сборе материалов помогало как никогда много людей (более полусотни). Это, прежде всего, дальние потомки основателя Ивановской фабрики С. А. Шуберт и М. С. Стуклова. Это Н. А. Круглянская, написавшая замечательную книгу “Суконщики Поповы”. Это исследователи, собирающие информацию в архивах: А. Н. Инюкин, Г. Н. Рыженко, С. В. Худяков, М. Б. Морозов, Л. Р. Вайнтрауб, В. В. Зубарев, Н. П. Машкова, Е. Н. Кожухова, И. Е. Шторм. Это местные краеведы: С. Ю. Мамаев, Р. С. Чикин, А. Н. Гольцев, В. А. Рачков, И. В. Белоусова, Д. и Н. Журовы. Это музейные и научные работники: М. А. Крючкова, Н. В. Молодцова, С. М. Завьялов, А. Ю. Лошаков, Д. С. Седов, О. Н. Яшина, К. А. Чайковская, Т. В. Колбасова, А. А. Наумов, Н. В. Горбушина. Это работники библиотек: Е. А. Чибисова, Е. Н. Золотарева, Л. Ю. Рожкова. Это люди, связанные с Церковью: священники Андрей Козырев и Николай Ельчев, монахини Алексия и Иулиания. Это сотрудники интернет-проекта “Храмы России”: А. В. Шатохин, Ю. В. Иванов, А. В. Бокарев. Это люди, которые поделились фотографиями, материалами: К. Б. Косенков, В. А. Михеев, В. В. Щёголев, М. В. Золотарев, М. А. Обухова, Е. М. Солдатова, Ю. В. Стародубов, Д. А. Дроздецкий, И. Лисова. Это специалисты по колоколам: И. М. Дроздыхин, А. А. Глушецкий. Это местные жители: В. Н. Джулай, Г. П. Михасева, В. Ю. Каменский. Это люди, оказавшие помощь при редактировании текста книги: Т. Н. Носикова, те же В. В. Щёголев и Л. Ю. Рожкова.

Помимо этого, хотелось бы отметить некоторые музеи за бесплатно предоставленные фотографии и документы: им. А. П. Чехова (в Мелихово), Новоиерусалимский и Звенигородский. А также тех, кто помогал оплачивать копирование документов в архивах: С. Ю. Таловеров, В. Кузнецов, О. Дробнич (были и другие спонсоры, фамилии которых остались неизвестными).

Это неполный список людей, были и другие, чьи имена и фамилии здесь не упомянуты, но которые также оказывали различную помощь. За 11 лет работы по сбору материалов по Цуриковым и Ивановской фабрике ненароком мог кого-то и позабыть. Пусть не обижаются и проявят снисхождение те, чьи имена здесь не упомянуты. Огромная благодарность всем за помощь!

Глава 1. История селений, в которых жили Цуриковы

Начать рассказ хотелось бы с описания мест, в которых жили Цуриковы, где родился будущий благодетель, и где оборвалась его жизнь.

О том, что отец Павла Григорьевича Цурикова, Григорий Михайлович, был дворовым человеком помещиков Голохвастовых и жил в Звенигородском уезде Московской губернии в селе Покровское-Рубцово (далее просто Рубцово), было известно давно, об этом написано во многих источниках. Но откуда корни его предков? В семье говорили, опираясь на саму фамилию, о происхождении из швейцарского города Цюрих. Об этом же сказано в одном из некрологов: «Павел Григорьевич Цуриков происходил из предков вышедших из Швейцарии, из кантона Цюриха»¹. Исторических данных, подтверждающих это утверждение нет, все это похоже на красивую легенду. Тогда откуда же корни рода Цуриковых? Вот этим вопросом и пришлось отдельно заняться.

Сведения из исповедных ведомостей

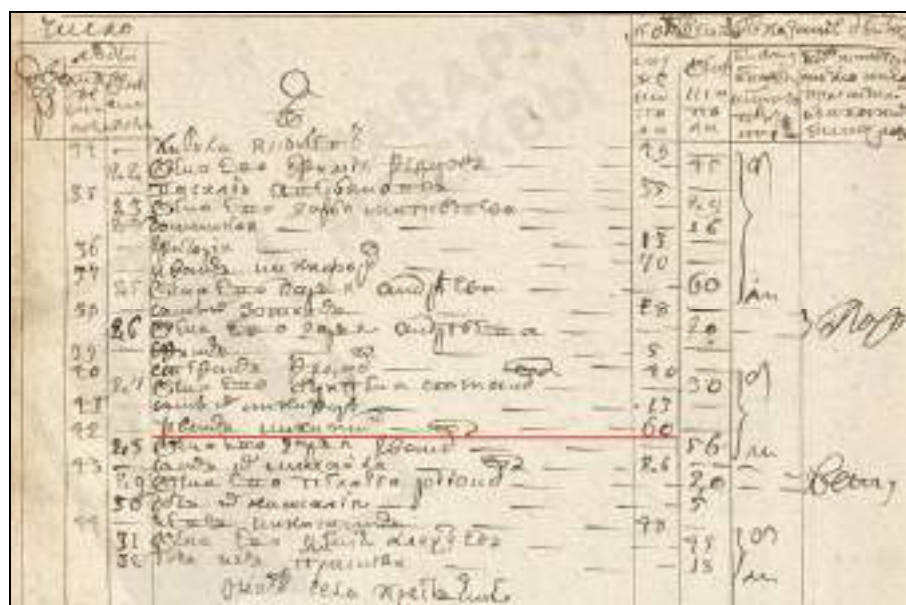
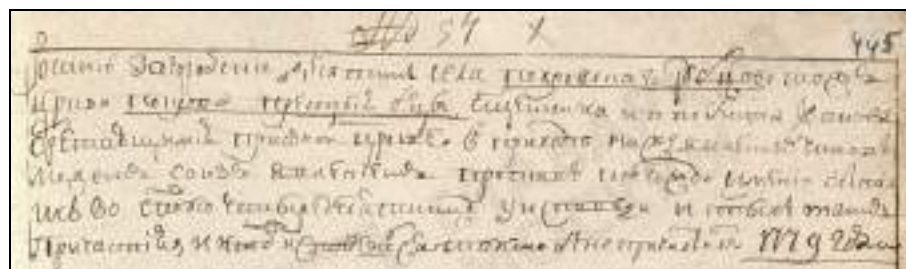
Наиболее достоверный источник информации в родословных вопросах – это приходские церковные книги. Речь идет об исповедных ведомостях или росписях, а также о метрических книгах. Такие документы заполнялись ежегодно в каждом приходском храме их настоятелями. В метрические книги заносились сведения о рождении и крещении детей прихожан церкви, записи о бракосочетании, а также о кончине людей. В исповедные ведомости (исследователи на своем жаргоне называют их исповедками) вносили всех прихожан, кто в Великий пост исповедовался и причащался в приходском храме. Это было обязательно для всех. Отдельно в исповедках отмечались те, кто этого не делал (они потом могли подвергаться наказанию, так называемой епитимье).

В качестве примера приводятся фрагменты исповедки Покровской церкви села Рубцово за 1779

год². В ней подчеркнуто имя Ивана Никитина (Никитича) – прадеда Павла Григорьевича. Ему тогда было, если верить ведомости, 60 лет.

После просмотра в архиве множества церковных книг за XVIII и XIX века, были установлены имена предков Павла Григорьевича вплоть до прадедушек и прабабушек. Подробнее о родственниках поговорим в девятой главе. Но сразу отметим, что до глубоких корней Цуриковых добраться не удалось, т.к. в самых старых документах Покровской церкви имена предков не встречаются. Стало понятно, что они родом не из села Рубцово, а из каких-то других мест¹.

Самый ранний по времени найденный документ, в котором упоминаются имена родственников Цуриковых – это исповедная ведомость Покров-

Изо 1–01. Фрагменты листов исповедки Покровской церкви, 1779.

¹ В этом нет ничего удивительного, т.к. Цуриковы были дворовыми людьми богатых помещиков, у которых имелись владения в разных губерниях. Они могли перемещать (или покупать, продавать) своих крепостных, даже не спрашивая об их желании.

ского храма села Рубцово за 1777 год. В ней есть такие строки: «*Онаго села дворовые люди: [...] Иван Никитин – 62¹ [лет от рождения]. Жена его Дарья Иванова – 60. Дети их Михайла – 24. Гаврила – 20. У Михайлы жена Пелагея Родионова – 22. Дочь их Наталья – 4. [...] Герасим Матвеев – 32. Жена его Феодосья Лукьянова – 31. Дети их Евдокея – 13. Анисим – 12. Левон – 9*»³.

Далее будет показано, что перечисленные в цитате имена – это все родня благотворителя Павла Григорьевича, его предки. Иван Никитич с женой Дарьей Ивановной – его прадедушка и прабабушка. Их сын «*Михайла*» (Михаил Иванович) с супругой Пелагеей Родионовной – соответственно дедушка и бабушка. Это все родственники по мужской линии (предки отца Григория Михайловича). Герасим Матвеевич, Феодосья Лукинична, Анисим – это прадедушка, прабабушка, дедушка по материнской линии (предки матери Матрены Анисимовны). Как видим, все жили вместе, все были дворовымиⁱⁱ людьми местного помещика (как будет показано далее, в 1770-х годах хозяином Рубцово был Н. М. Нащокин, спустя несколько лет владельцем имения оказался П. И. Голохвастов). Отметим также, что фамилии прихожан в исповедной ведомости не указаны. Это было типичным для того времени, фамилии у простых людей и крепостных появились намного позже.

Как оказалось, в более ранней исповедке за 1767 г., имен родственников нет. Нет их и в еще более старых документах (в архиве ЦГАМ такие дела сохранились выборочно, начиная с 1751 г.). Это означает, что, по всей видимости, предки Цурикова появились в Рубцово где-то между 1767–1777 годами (более точно сказать нельзя, т.к. исповедки промежуточных лет не обнаружены). А вот откуда они приехали в село – осталось загадкой.

Имена родственников повторялись в документах и после 1777 г. с учетом естественных событий: кто-то умирал, кто-то рождался. После изучения всех найденных церковных книг получилось, что родственники Павла Григорьевича по восходящей линии, за исключением нескольких лет (об этом отдельно еще поговорим), проживали в Рубцово, ходили в приходской Покровский храм на службы и исповедь. Так длилось примерно полвека (а дальние родственники жили в селе и позже).

Начиная с середины 1820-х годов, имена Григория Михайловича с сыном Павлом и другими детьми стали встречаться в исповедках Петропавловского храма села Лужки того же Звенигородского уезда. При этом они были записаны с пометкой: «*В деревне Ивановской живут при мельнице*». Это означает, что Цуриковы сменили место постоянного жительства, переехали на свою суконную фабрику, построенную вблизи этой деревни. Здесь, в Ивановском, они прожили более 60 лет вплоть до 1887 года, когда А. Г. Кручинина (сестра Павла Григорьевича) умерла, а ставшая вдовой А. С. Цурикова, продала фабрику и переехала в Воскресенск.

Вот об этих двух населенных пунктах – **Рубцово и Ивановское** – и хотелось бы поговорить отдельно, особо не углубляясь в их историю (это не является целью настоящей книги). Изложение материала, в основном, будет касаться времени проживания в них Цуриковых и людей, с которыми они были знакомы, общались.

Начнем с села Покровское-Рубцово Звенигородского уезда (ныне поселок Пионерский Истринского района).

Первые владельцы села Покровское-Рубцово

Самым знаменитым культурно-историческим центром наших мест является Новоиерусалимский монастырь, ныне находящийся в черте города Истры (ранее г. Воскресенск). Село Рубцово, история которого древнее этой обители, находится от нее на расстоянии всего четырех верст (по прямой линии) в юго-западном направлении. Это хорошо видно на картах Московской губернии (см. изд. 1–32 и оборот обложки настоящей книги).

ⁱ Внимательный читатель мог обратить внимание, что в приведенной выше фотокопии листа исповедки за 1779 г. Иван Никитин указан в возрасте 60 лет, тогда как в цитате 1777 г. для него написано, что ему 62 года, т.е. все наоборот. Подобные расхождения в возрасте есть и у других родственников. На это не стоит обращать внимание, т.к. в исповедках часто указан примерный возраст прихожан. Никто цифры не проверял, писали то, что говорили исповедующиеся. Особенно часто такое встречается в исповедках XVIII столетия, да и в более поздних документах подобное не редкость.

ⁱⁱ Дворовые люди — это крепостные крестьяне без земельных наделов, которых их господа использовали в качестве домашней прислуги и различных работ.

О данном населенном пункте в наше время писали неоднократно. Была издана даже отдельная книга с названием «Покровское-Рубцово»⁴, в ней немало интересных сведений. В энциклопедии «Истринская земля» также имеется материал, в котором кратко описана история села.

В прежние времена указанная местность входила в «волость Сурожик» или Сурожский стан Московского уезда. Впервые об этом стане сказано в духовной грамоте Ивана Калиты (XIV в.). В XVIII столетии о территориальной принадлежности Рубцово писали: «Загородская десятина Московской округи» (иногда вместо «округи» писали «уезда»). В конце того же столетия (в 1781 г.) был образован Воскресенский уезд, в него вошло Рубцово. Новый уезд просуществовал всего 15 лет до очередной административной реформы, в результате которой село, с близлежащими деревнями, отошло к Рузскому уезду. Такое положение длилось недолго: уже в начале XIX века Рубцово включили в Звенигородский уезд. В нем село и числилось вплоть до революции 1917 г. и даже чуть дольше.

На протяжении всей своей дореволюционной истории, по свидетельству многочисленных источников, Рубцово всегда (за исключением, возможно, Смутного времени) было господским владением, т.е. принадлежало каким-либо помещикам. Как будет показано далее, подавляющую часть своей истории селение принадлежало двум известным дворянским родам – Нащокиным и Голохвастовым. Но до них были еще два владельца. О них написано в книге известных церковных историков братьев Холмогоровых со ссылкой на исторические источники.

Самое раннее упоминание селения встречается в Писцовой книге 1584–1586 гг., в которой есть такие слова: «За Алексеем за Федоровым сыном **Ябединым** в вотчине, что было преже сего за Василием за **Питцким** в поместье: деревня Рубцово на речке на Истре; пашины паханные середние земли 12 четвертей, да перелогом и лесом поросло 50 четви с осминою <...> сена 50 копен, лесу 8 дес.»⁵ (здесь и далее выделения жирным шрифтом в цитатах сделаны автором).

1623–1779: Нащокины

«В щите имеющем голубое поле изображен сидящий на золотом стуле нагой муж имеющий в руке серебряные Стрелы, и пред ним означен стоящий Орел; а по сторонам щита в верхней части видно по одной золотой музыкальной Трубе. Щит увенчан обыкновенным Дворянским Шлемом с Дворянскою на нем Корonoю, на поверхности которой между двух музыкальных Труб видны три Страусовые пера. Намет на щите голубой, подложенный золотом»⁶.

Изо 1–02. Герб рода Нащокиных и его описание.

По данным все той же энциклопедии «Истринская земля», после изгнания поляков с русских земель хозяевами селения стали новые люди. В 1623 г. деревня «Рубцово, Ульянково тож» была записана за братьями **Даниилом** и «**Микифором**» **Нащокиными**. В 1646 г. владельцем был уже один Никифор Нащокин (в приводимом далее древе он отмечен буквой «А»). Рубцово к тому времени стали именовать сельцом (о различиях терминов деревня, сельцо, село рассказано в приложении–1).

Как написано в энциклопедии, после смерти Никифора «сельцо досталось его сыну Ивану. В 1678 г. за стольником **Иваном Никифоровичем Нащокиным** [“Б” в древе] в вотчине числилось с-цо Рубцово, в котором были двор приказчика, двор задворного человека и 2 двора крестьянских, а в них всего 20 человек. В 1693 г. с-цом Рубцовом и д. Ябедино по-прежнему владел Иван Нащокин. В 1705 г. здесь уже были дворы: вотчинников, скотный, конюшенный, двор мельника и 5 крестьянских дворов. От Ивана сельцо перешло к его детям: **Михаилу, Андрею, Никите и Григорию**».

В ревизской сказке 1710 г. указано имя одного владельца – сына Ивана Никифоровича **Михаила Ивановича Нащокина** (“В”). За ним записано «в Московском уезде в Сурожском стану сельцо Рубцово,

село Ябедино»⁷. А спустя четверть века произошло следующее: «В 1735 г. Никита Нащокин после смерти своих братьев разделил недвижимое имение, находившееся в разных уездах, с родными племянниками Николаем, Борисом и Анной Михайловичами Нащокиными, которым и досталось Рубцово»⁸.

Храмоздатель Николай Михайлович Нащокин

Николай Михайлович Нащокин (“Г”, 1715 – † 1779)ⁱ занимает важное место в истории нашего села. В 1743 г. он подал прошение о построении храма в своей вотчине. Оно было удовлетворено. В результате, спустя несколько лет, в селе Рубцово появилась каменная церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. В православной традиции считается, что человек, построивший Божий дом, на особом счету у Господа. Он так и называется – храмоздатель. Его имя регулярно поминается в построенной им церкви на каждой литургии. Спустя три десятка лет Н. М. Нащокин начал строить трапезную часть храма и колокольню. Обо всем этом подробнее говорится в конце главы.

Сохранилось «Экономическое описание Московского уезда 1773 года». В нем про Покровское-Рубцово написано: «господский дом с службами каменные и деревянные. При нем два сада регулярные с деревьями плодовитыми, с коих плоды употребляются про домовый расход. В оном саду пруд, в нем рыба караси, лини, а в речке щуки, окуни и плотва. При селе конный заводⁱⁱ, а в нем лошади немецкие и аглицкие. На реке [Малой] Истре при селе Покровском состоит мушная [мучная] мельница о двух поставах да маслобона о шести пестях, действие имеют во весь год. С нее помещику приход по пятнадцати рублей в год. Другая мельница повыше села, которая ныне без действия. Земля иловатая, на помещика пашется по восьмидесят [80] дес. в поле, посеянной на ней хлеб и сенные покосы [по]средственно рожьются <...> Отмежеванная церковная земля лежит на суходоле, обрабатывается самими церковнослужителями. Крестьяне состоят на издѣлье [т.е. на барщине], а промышляют хлебопашеством, к чему они и радетьельны, также продажею дров и сена»⁹.

В архиве РГАДА обнаружена карта местности, имеющая заголовок: «Геометрический Специальный план Московского уезда Сурожского стану села Покровского, Рубцово тож, сельца Одинцова, и деревнями Ябединой, Артемовой, Качеровой». Данная карта была нарисована в 1829 г. Это оказалась копия с плана, составленного, как следует из пояснительного текста, в 1767 г., когда селом владел Н. М. Нащокин. На сегодня это самый ранний обнаруженный подробный план данной местности.

На плане в центре хорошо видны постройки помещичьей усадьбы. Строений довольно много и некоторые из них (в правой части) достаточно крупные – это конюшенный и скотный дворы. В нижней части плана просматриваются два разделен-

Изо 1–03. План села Покровское-Рубцово¹⁰ (фрагмент), 1829 (1767).

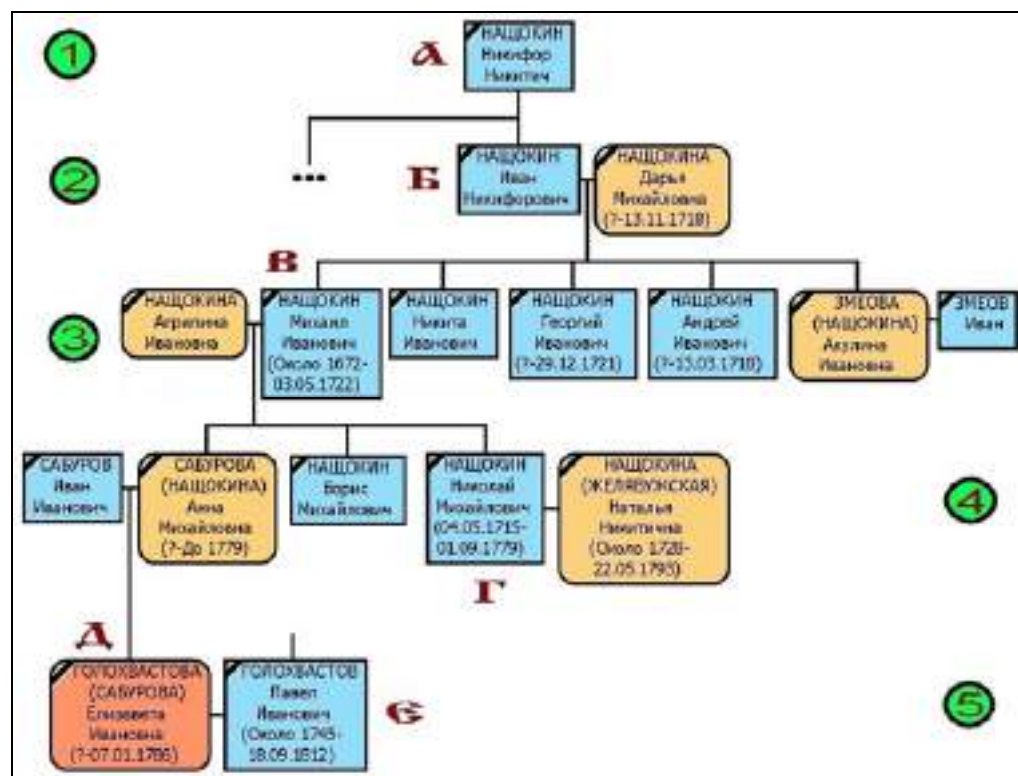
ⁱ Запись «1715 – † 1779» следует понимать так: родился в 1715 году, умер в 1779-м. Если вместо года стоит знак вопроса “?”, то это означает, что точная дата неизвестна.

ⁱⁱ «Конный завод — коневодческое хозяйство, занимающееся воспроизводством лошадей, как правило, племенных и высококачественных спортивных» (интернет).

ных перемышкой пруда и прямоугольная планировка усадебных дорожек. В связи с этим хотелось бы привести цитату из документа XIX столетия: «Господский дом прилегает к французскому саду с вековыми деревьями ели, посаженные в 1745–1746 годах и липы, стриженными липовыми и еловыми аллеями и прудом с островком»¹¹ (получается, что сад был посажен Н. М. Нащокиным). В верхней части плана на речке Малая Истрица (ныне Малая Истра) показана запруда (она и теперь находится примерно в том же месте, ныне это территория санатория «Истра»). А вот Покровский храм почему-то на плане явным образом (крестом) не обозначен. На полях листа имеется текст с описанием земель имения. Указан общий размер 773 десятины¹, расписано, сколько находится под пашней, сенокосом, лесом и т.п. Отмечено, что во всех селениях рубцовского имения по ревизским сказкам числилась 221 душа мужского пола.

В исповедной ведомости за 1754 г. приведены имена всех причастившихся в Покровском храме дворовых людей помещика Н. М. Нащокина. Вместе с женщинами и детьми их оказалось без малого почти две сотни человек! Для одного владения это большое количество дворовых людей, которые не были крестьянами. Это означало, что в имении велось какое-то крупное хозяйство. Какое именно – в документах напрямую не сказано. Но если вспомнить слова из приведенной выше цитаты – «При селе конный завод, а в нем лошади немецкие и аглицкие», – то можно предположить, чем могли заниматься эти люди, если не все, то, по крайней мере, часть их.

В документах генерального межевания земель конца XVIII века отмечено, что отставной прапорщик Николай Михайлович Нащокин помимо села Рубцово владел в Воскресенском уезде также

Изо 1–04. Фрагмент древа рода Нащокиных.

сельцами Котово и Кречково, деревнями Большая и Малая Васильевка¹². Ему также принадлежали несколько пустошей в Воскресенском и в Рузском уездах. Помимо этого были владения в Болховском уезде Орловской губернии.

По собранным из разных источников сведениям было составлено родословное древо дворян Нащокиных, в нем пять поколений (они условно обозначены цифрамиⁱⁱ от “1” до “5”).

Некрополь Нащокиных в Новоиерусалимском монастыре

На протяжении многих десятилетий представители разных поколений Нащокиных владели имением, в которое входило село Рубцово и соседние деревни (они отмечены в древе буквами от “А” до “Е”). Некоторые из членов рода (6 человек) оказались похоронены в расположенном поблизости Новоиерусалимском монастыре. Это произошло неслучайно: у рода имелась стародавняя связь с

ⁱ Здесь и далее в указании размера земли, как правило, приводится только число десятин. А значения квадратных саженей, как незначительная величина, отброшены.

ⁱⁱ В данной книге много родословных древ. Причем для одного рода могут быть приведены несколько древ для разных родственников, разных ветвей рода. Чтобы проще было в разных древах отслеживать родственников одного поколения, добавлены условные цифры поколений.

указанной обителью. Подробнее обо всем этом рассказано в книге Г. М. Зеленской, там же есть сведения об истории рода. Некоторые из приводимых в данном издании материалов нигде больше не опубликованы, поэтому имеет смысл остановиться на этом подробнее (цитата будет большая):

«Заметное место занимает в Новом Иерусалиме семейный некрополь старого дворянского рода Нащокиных. Род этот выезжий, то есть иноземного происхождения, родоначальником их считается Величко Дукс (Дух – герцог), выехавший в Тверь из итальянской земли к князю Александру Михайловичу Тверскому в 1327 году. В Твери он был наречен Димитрием Красным. [...]»

Всего некрополь монастыря насчитывает сегодня шесть надгробных знаков, связанных с семьей Нащокиных. Четыре из них в виде каменных “таблиц” [...] – находятся в восточной стене южного притвора Воскресенского собора со стороны южного участка старого братского кладбища. Они сообщают о погребениях неподалеку (“против сей подписи”, – как указано в эпитафии Михаилу Нащокину) жены стольника Ивана Никифоровича Нащокина Дарьи Михайловны († 13.11.1718) и ее сыновей капитана кавалерии Георгия Ивановича Нащокина († 29.12.1721), капитана Московского драгунского полка Андрея Ивановича Нащокина († 13.03.1718) и полковника Ростовского полка 50-летнего Михаила Ивановича († 03.05.1722¹). [...] Отец упомянутого главы семейства Ивана Нащокина Никифор Никитич был воеводой и стольником [...] у патриарха Никона (1654). В частности этим объясняется историческая связь Нащокиных с Новым Иерусалимом. [...]

Но серьезным благоустройством данной усадьбы [Рубцово – Авт.] занялся в екатерининскую эпоху правнук патриаршего стольника прапорщик Николай Михайлович Нащокин (1719–1779). Он похоронен на южном участке старого братского кладбища. Надгробие в виде чугунной плиты с текстом и фамильным гербом [...] сохранилось. [...] Поле плиты отмечено в верхней части фамильным гербом Нащокиных, внизу главою Адама, по периметру идет растительный орнамент. [...] Шрифт гражданский, аккуратно выполненный, все буквы прописные:

В ПАМЯТЬ ВЕЧНУЮ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА НАЩОКИНА 1715 ГОДА МАИЯ 4 ДНЯ РОДИШАГОСЯ 1 СЕНТЯБРЯ 1779 ГОДА В МОСКВЕ СКОНЧАВШАГОСЯ МУЖА ДОБРОДЕТЕЛМИ БОЛШЕ НЕЖЕЛИ ЧИНАМИ В ОТЕЧЕСТВЕ СВОЕМ ПРОСЛАВИВШАГОСЯ НА СЕМ МЕСТЕ ПОГРЕБЕНОЕ ТЕЛО СΙΑ ДОСКА ПОКРЫВАЕТ»¹³.

Все шесть памятных знаков Нащокиных, упомянутых в книге Зеленской, сохранились после проведения в ХХI веке крупномасштабных восстановительных работ на территории Новоиерусалимского монастыря. На приводимой фотографии на переднем плане видна чугунная плита с могилы Н. М. Нащокина. А на дальнем плане видны вделанные в стену Воскресенского собора каменные плиты, среди которых есть “таблицы” с погребальными текстами Нащокиных.

Николай Михайлович оказался последним представителем своего рода, владевшим Рубцово. В общей сложности имение принадлежало Нащокиным свыше полутора столетий. Следующие помещики – Голохвастовы – также оказались «долгожителями». Правда, общий стаж их родового владения оказался поменьше – около века. О них и пойдет далее речь.

Изо 1–05. Южный участок старого братского кладбища Новоиерусалимского монастыря после реконструкции, 2023.

¹ По архивным данным Михаил Иванович умер 9 мая 1722 г. (РГАДА Ф.1264. Оп.1. Д.114. Л. 128).

1779–1822: Павел Иванович Голохвастов и его жены

«Щит разделен горизонтально на две части, из коих в верхней в голубом поле изображен золотой Лев с мечем, стоящий на серебряном Змие, означенном в нижней части в красном поле. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем Коронаю и тремя страусовыми перьями. Намет на щите голубого и красного цвета, подложенный золотом и серебром»¹⁴.

Изо 1–06. Герб рода Голохвастовых и его описание.

Следующим хозяином Рубцово оказался дворянин **Павел Иванович Голохвастов** (ок. 1745 – † 1812). Об этом историческом факте известно давно, тому множество свидетельств. А вот когда именно и при каких обстоятельствах произошла смена владельца имения – об этом авторитетные источники умалчивают. В книге «Истринская земля» написано: «В 1800 г. село (35 дворов, 241 крестьянин) входило в Рузский уезд и принадлежало бригадируⁱ Павлу Ивановичу Голохвастову». После прочтения этих слов может сложиться впечатление, что новый владелец у села появился на рубеже веков. Однако это не так, хозяин имения поменялся двумя десятилетиями раньше. В доказательство можно привести строчку из заголовка исповедной ведомости Покровской церкви за 1780 г., в ней написано: «Роспись Московскаго уезда Загородской десятины вотчины бригадира Павла Ивановича Голохвастова, села Рубцова».

Если вспомнить самый поздний документ, в котором упоминается фамилия помещика Нащокина как владельца Рубцово – «Экономическое описание Московскаго уезда», – то получается, что смена хозяина имения произошла в промежутке между 1773 и 1780 годами. Более точной информации до недавнего времени не было. В ходе проведенных поисковых работ нужные сведения были найдены, причем они оказались, прямо скажем, в неожиданном источнике – в одном из выпусков журнала «Юный краевед» за 2009 г. Старшеклассница (на момент публикации) лицея г. Дедовск Анастасия Рязанцеваⁱⁱ написала небольшую статью об истории усадьбы Покровское-Рубцово, в которой были приведены ранее неизвестные ценные сведения: «В 1779 г. Николай Михайлович Нащокин умирает бездетным, а после смерти и его жены имение перешло к племяннице Николая Михайловича, Елизавете Ивановне. Но когда бездетной умирает и она, по согласию родственников Нащокиных, имение переходит к её мужу, Павлу Ивановичу Голохвастову. Так начался голохвастовский период усадьбы, длившийся сто семь лет»¹⁵. И хотя в статье не указан первоисточник, из которого взяты сведения о смерти Н. М. Нащокина и о передаче имения, все равно, эта публикация в, казалось бы, таком «несерьезном» источнике (журнале для юношества) принесла большую пользу – она определила направление дальнейших поисковⁱⁱⁱ.

В приведенной цитате не указана фамилия Елизаветы Ивановны. В ходе проведенных исследований она была установлена. Оказалось, что племянницу Н. М. Нащокина и жену П. И. Голохвастова звали **Елизавета Ивановна Голохвастова** (урожд. **Сабурова**, † 1786). В дореволюционном спра-

ⁱ «Бригадир — воинское звание (чин) выше полковника и ниже генерал-майора, существовавшее в русской армии XVIII—XIX веков. Было введено Петром I» (интернет).

ⁱⁱ В статье школьницы указан научный руководитель: «Михеева Екатерина Васильевна, учитель истории МОУ Лицей, г. Дедовск Истринского района» (к сожалению, она недавно ушла из жизни). Данному педагогу принадлежит заслуга отыскания многих ранее неизвестных фактов из жизни Голохвастовых. Это стало понятно после того, как была обнаружена ее статья, опубликованная в 2010 г. в газете «История».

ⁱⁱⁱ К сожалению, в эпоху тотального интернета все меньше публикаций, в которых приведены оригинальные сведения, найденные самими авторами, и все больше не содержащих ничего нового статей, созданных с минимальными усилиями, скопированными откуда-то, причем без указания первоисточника.

вочнике Руммеля о Голохвастовых написано: «Павел Иванович, служил в л.-гв. Конном полку, а затем по выборам дворянства, действ. стат. сов., † 18 сент. 1812. Ж. [жена] 1) Елизавета Ивановна Сабурова † безд. [умерла бездетной] 2) Елизавета Алексеевна Яковлева, р. [родилась] 1763, † 18 августа 1822. Дети от 2-го брака [...]»¹⁶. А на одном из генеалогических сайтов размещена информация о том, что мать первой супруги П. И. Голохвастова звали Анна Михайловна Сабурова, по рождению Нащокина¹⁷. Если же посмотреть на приведенное выше древо рода Нащокиных, то можно увидеть, что у Николая Михайловича была сестра Анна Михайловна. Все сходится. Таким образом, получается, что храмоздатель Покровской церкви села Рубцово был дядей для жены П. И. Голохвастова. И стало понятно, что имение Рубцово от одного известного дворянского рода перешло к другому по наследству.

Недвижимость Голохвастовых

Дополнительные сведения о переходе недвижимости к новым владельцам нашлись в архиве РГАДА в фонде Голохвастовых. В нем оказалось несколько довольно толстых дел, в которых подробно описано, когда и каким образом имение Покровское-Рубцово сменило владельца.

1 сентября 1779 г. умер бездетным Николай Михайлович Нащокин, у которого имелось много владений в разных губерниях: Московской, Тверской, Владимирской, Калужской, Тамбовской. По законам того времени на наследство претендовали жена Наталья Никитична Нащокина и племянница Елизавета Ивановна Голохвастова, мать которой (к тому времени покойная) Анна Михайловна Сабурова была родной сестрой умершего владельца Рубцово. Как написано в архивном деле, «По любовному разделу»¹⁸ Елизавете досталось подмосковное имение и некоторые другие владения. Так что сведения, приведенные в статье юного краеведа, оказались верными: Голохвастовы стали владельцами села Рубцово в 1779 г. И случилось это не в результате купли-продажи, а по родственным связям.

По всей видимости, подмосковное имение с момента его получения сразу стало общим владением Голохвастовых – жены и мужа. В пользу этого свидетельствует приведенная выше цитата из исповедки 1780 года, в которой написано, что село Покровское-Рубцово было вотчиной «бригадира Павла Ивановича Голохвастова». При этом юридически владелицей имения считалась супруга Елизавета Ивановна. Официально Павел Иванович стал хозяином позже, произошло это следующим образом. В январе 1786 г. умерла супруга Елизавета Ивановна. Вновь встал вопрос о дележе наследства. Как и в предыдущем случае, своих детей у умершей не было. По информации из архивного дела РГАДА на владения Елизаветы Ивановны помимо супруга Павла Ивановича претендовали дальние родственники: Воин¹ Васильевич и Петр Федорович Нащокины, а также Яков Ордин (в древе они не показаны). Наследники между собой договорились «полюбовно». П. И. Голохвастову досталось село Рубцово и некоторые другие владения.

Казалось бы, все понятно, в этом вопросе можно ставить точку. Но нет. Во все том же архивном деле приведены копии четырех купчих о продаже в 1786–1787 годах села Рубцово с деревнями. Продавцами были разные члены семейства Змеовых (иногда писали Змеевы), а покупатель был один человек – Павел Иванович Голохвастов! Надо признаться, что поначалу эти документы поставили в тупик. Казалось бы, при дележе наследства Елизаветы Ивановны ее муж получил село Рубцово целиком. Но, видимо, дело обстояло не так. Не сразу были найдены сведения о том, что Змеовы были родственниками Нащокиных. Лишь спустя некоторое время удалось установить, что тетя храмоздателя Акулина Ивановна вышла замуж за Ивана Змеова¹⁹. Вероятно, при дележе владений умершей Елизаветы Ивановны произошло разделение имения Рубцово между всеми наследниками, включая и дальних родственников. Тогда вдовец Павел Иванович решил выкупить у Змеовых их части села, чтобы стать единственным владельцем Рубцово. Любопытная деталь. Один из владельцев – Андрей Змеов – договорился об обмене (как бы сейчас сказали – о бартере). За свою часть села Рубцово он с Голохвастова помимо денег (500 рублей) взял еще одну тысячу бревен.

Рассматриваемое архивное дело РГАДА содержит и другие документы. В них идет речь о дележе наследства умерших родных братьев Павла Ивановича Голохвастова, Ивана и Петра. В результа-

¹ Воин – в данном случае имя человека. По сведениям из интернета: «Воин Васильевич Нащокин, был одной из заметных фигур Екатерининской эпохи, был принят при дворе, но после прихода к власти Павла I вышел в отставку. По семейному преданию, когда [император Павел I] спросил Воина Васильевича о причине отставки, тот, ничуть не смутившись, заявил: “Вы горячи, я горяч, – нам вместе не ужиться”».

те владельцу села Рубцово отошла часть владений этих родственников.

По сведениям из интернета, П. И. Голохвастову, помимо загородного поместья супруги, перешел и ее московский дом. Он сохранился до наших дней, правда, в перестроенном виде (Лубянский пр., д. 27/1). Были у Павла Ивановича и другие владения, об этом написано в архивном деле, датированном 1787 годом: «Воскресенской округи села Покровского з [с] деревнями, 319 [ревизских душ]. Можайской округи села Милятина с деревнями, 140»²⁰.

Предки Голохвастовы

Что можно сказать о новом владельце имения? По информации энциклопедии Брокгауза и Ефрона, Павел Иванович происходил из старинного рода, как тогда говорили – из столбовых дворян. Предки Голохвастовых «выехали из Литвы в Москву во второй половине XIV в. Род этот разделился на 4 ветви». Первая ветвь в энциклопедии названа «Московская и Ярославская», к ней и относился наш помещик.

В ежегодно издававшемся в конце XVIII столетия справочнике «Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве» можно найти упоминание фамилии Голохвастова. В издании 1772 г. он записан ротмистром Конной гвардии²¹. Службу Павла Ивановича в армии подтвердил исследователь С. В. Худяков. Он предоставил выписку из книги, озаглавленной «Полный список офицеров Лейб-Гвардии Конного полка». В ней приведен послужной список (ПС) П. И. Голохвастова, в котором отмечено

— 59 —	
Фамилия.	О т м е т к а.
Голохвастовъ, Павелъ.	1761 г. 26 Декабря, изъ Вахмистровъ Кон. Гвард. въ Корнеты. 1771 г. въ Ротмистры. 1777 г. 1 Января, изъ Ротмистровъ Кон. Гвард. уволенъ въ отставку, за болѣзнию, съ чиномъ Бригадира.

Изо 1–07. Сведения о П. И. Голохвастове.

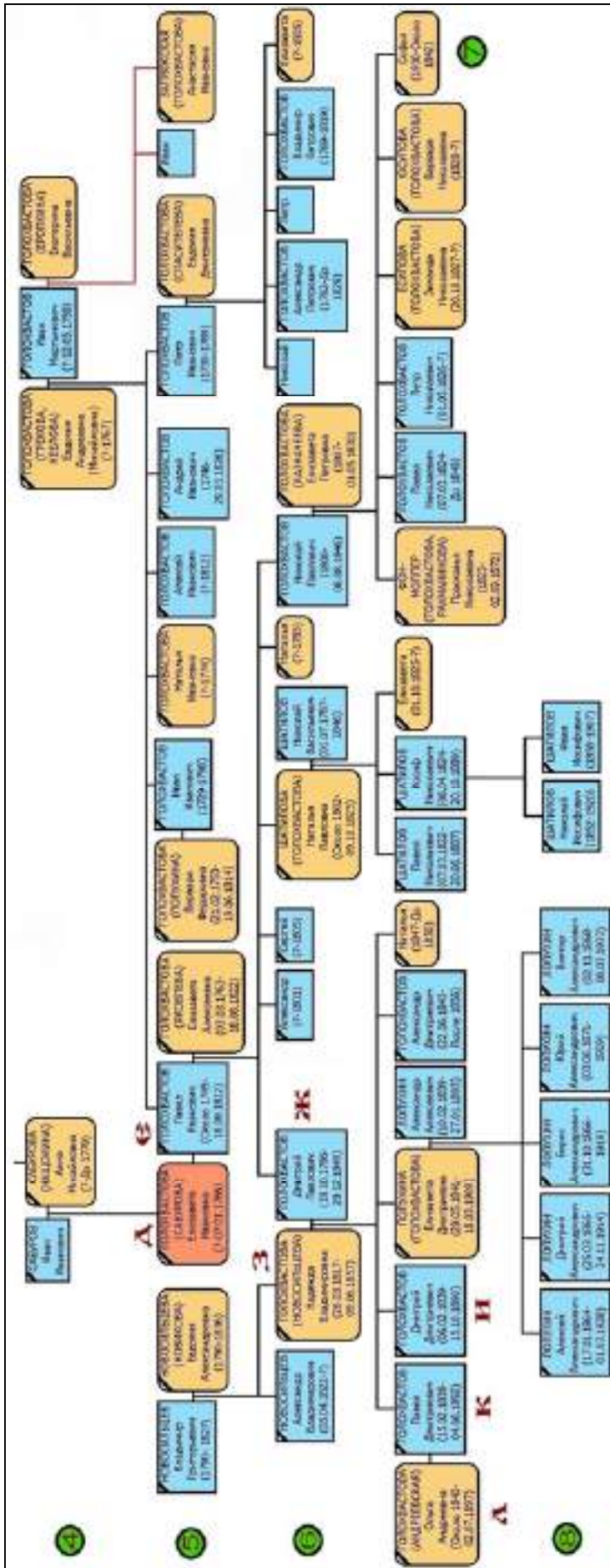
зачисление в корнеты, последующий перевод в ротмистры и увольнение из армии «за болезнию с чином Бригадира»²². А согласно сведениям из интернета, в 1767–1768 годах П. И. Голохвастов «Депутат от дворянства Боровского уезда»²³. Как это соотносится с информацией из книги, согласно которой он в это время служил в армии, осталось непонятно. В 1789 г. в «Месяцеслове» приведена новая должность дворянина: «В Воскресенске: [...] В Дворянской опеке: Предводитель, Бригадир Павел Иванович Голохвастов»²⁴. В то время наш город был центром уезда. На протяжении последующих пяти лет Голохвастов указан в справочниках в той же должности и звании. В 1810 г. он имел чин действительного статского советника и был членом комитета «для устройства в Москве казарм»²⁵.

В 1848 г. была напечатана книга «Акты, относящиеся до рода Голохвастовых». Ее подготовил и издал на основании документов семейного архива Д. П. Голохвастов, сын Павла Ивановича. В этой книге приведены тексты исторических документов, самый ранний имеет название: «Отправление Александра и Бориса Голохвастовых в Вильну к Великому князю Александру Литовскому с послами, князьями Ряполовскими и присылка Бориса Голохвастова с грамотами к Иоанну III, 7002/1494 и 7003/1495»²⁶ (через дробь приведены года от Сотворения мира и Рождества Христова).

Помимо этого исторического документа в книге есть и другие свидетельства, подтверждающие служение Голохвастовых русским государям. Уже сами заголовки документов об этом говорят: «Подлинныя царския и великокняжеския грамоты Голохвастовым», «Письмо царя Алексея Михайловича Василью Яковлевичу Голохвастову, 7158/1650». В сборнике приведены также копии исторических документов, согласно которым в XVI веке предкам рода Голохвастовых принадлежали и другие земли в нашем крае. Речь идет о населенных пунктах Юркино, Татищево, Петрово и Рождественском погосте¹ со старинной каменной церковью (храм сохранился).

В упоминавшемся справочнике Руммеля приведены также сведения об отце рубцовского помещика

¹ Впервые Голохвастовы упомянуты владельцами земель в Сурожском стане Московского уезда в начале XVI столетия (часть земель этого стана теперь относится к Истринскому району). На протяжении нескольких десятилетий этому дворянскому роду принадлежали участки в верховьях речки Малая Истрица. Потом они перестали быть владельцами этих земель. Но в середине XVII века потомок Голохвастовых (Василий Григорьевич) оспорил права на недвижимость у других людей и ему вернули родовое поместье. В конце столетия Голохвастовы продали указанные земли, в то время это была уже Загородская десятина (позднее – Рузский уезд).

Изо 1–08. Фрагмент древа рода Голохвастовых.

Иване Мартыновиче Голохвастове: «Камер-коллегия советник; Московский обер-полицмейстер и стат. сов. (при отставке 1753), † 1758. Ж. [жены] 1) Екатерина Васильевна Еропкина; 2) Евдокия Михайловна Грекова, в 1-м браке бывшая за Неловым. От 1-й жены 1 сын и 1 дочь. От 2-й жены – 5 сыновей». Среди сыновей были Павел (рубцовский помещик), Андрей (сенатор) и Иван (вице-губернатор).

В архиве ЦГАМ было обнаружено дело о причислении П. И. Голохвастова и его родных к московскому дворянству, о занесении их в шестую часть, так называемую «Бархатную книгу» наиболее знатных дворянских фамилий царской России. В деле имеется родословное древо из семи поколений²⁷. Указанное древо было дополнено сведениями о других представителях рода Голохвастовых, найденными в различных источниках. Особо выделена Елизавета Ивановна Голохвастова (урожд. Сабурова), через которую прослеживается родственная связь с родом Нащокиных.

Как и в ранее приведенном древе, здесь буквами («Д» ... «Л») выделены лица, владевшие в разные годы имением Покровское-Рубцово. Следует отметить, что в древе показаны далеко не все представители рода Голохвастовых, о которых собрана информация. Древо даже в усеченном виде получилось довольно большим. В нем отображены только близкие родственники владельцев рубцовского имения.

Павел Иванович был состоятельным человеком, владел большими поместьями с множеством крепостных. Ранее уже приводилась цитата из архивного дела 1787 г., в которой говорилось о 319 ревизских душах в Воскресенском уезде и 140 душах в Можайском (всего 459).

В другом архивном деле имеются данные за 1805 г. Для П. И. Голохвастова записано, что в Звенигородском уезде «в селе Покровском 121, в сельце Ражное 15, в деревнях Ябидиной 81, Артемовой 22, Кречковой 32, Катове 2»²⁸. Итого 273 ревизские души (т.е. без учета женщин). Далее приведены сведения для помещика Петра Федоровича Балк-Полева: в селе Лучинском 184, в деревнях Слабошеино

73, Сычевке 46, всего 303 души. И что важно – рядом имеется пометка о том, что это имение купил «означенный г-н Голохвастов». Дата и стоимость покупки не сообщаются, но очевидно, что это случилось между 1805 и 1812 гг. В результате этой сделки у П. И. Голохвастова число ревизских душ в Звенигородском уезде увеличилось примерно в два раза и стало равно 576.

По сведениям дела о причислении к московскому дворянству в 1810 г. у Павла Ивановича во всех губерниях было 2.390 душ. Редко у какого помещика было столько крепостных.

Некрополь Голохвастовых в Калужской губернии, смерть Павла Ивановича

Помимо подмосковных земель у Павла Ивановича были владения в Калужской губернии. Как удалось установить, ему принадлежало родовое поместье Голохвастовых сельцо Фалелеево (иногда писали Фалилеево). Оно находилось в Боровском уезде в приходе церкви погоста Субботники. Обнаружена интересная заметка, опубликованная еще до революции в епархиальном журнале. В ней говорится о чудотворной иконе, хранившейся в роду:

«Предание об этом таково. Дворяне Голохвостовы имели в прошлом [XVIII] столетии в Москве свою домовую церковь, в которой находилась икона Всемилостиваго Спаса древняго письма; во время свирепствовавшей в Москве моровой язвы (в 1771 г.), все приходившие с верою к означенной иконе, оставались в живых, и в доме дворян Голохвостовых не умерло ни одного человека. В благодарность за свое спасение Павел Иванович Голохвостов и построил в селе Субботниках вместо деревянного каменный храм, освященный в 1794 г. Серапионом, епископом Дмитровским, в который и перенес икону Всемилостиваго Спаса из домовой своей церкви в Москве»²⁹.

Думается, что Павел Иванович чаще бывал в Рубцово, чем в Фалелеево, находившемся в Калужской губернии. В подмосковное имение было быстрее и удобнее добираться из Москвы, в которой семья помещика жила зимой. П. И. Голохвастов приложил немало усилий для благоустройства имения Рубцово. Как написано в современном справочнике: *«Наибольшего расцвета усадьба достигла в XVIII в., когда на основе симметричной центрально-осевой планировки был создан развитой архитектурно-парковый ансамбль с каменной застройкой»³⁰.*

Изо 1–09. Е. А. Голохвастова,
худ. И. Барду, 1790-е.

Ранее говорилось, что Павел Иванович был дважды женат, рассказывалось о его первой супруге Елизавете Ивановне (урожд. Сабуровой). Вторую жену звали так же, только отчество было другое – Елизавета Алексеевна (урожд. Яковлева, 1763 – † 1822). Она происходила из старинного боярского рода Яковлевых. На многих сайтах есть ее портрет в молодые годы.

У Елизаветы Алексеевны был брат Иван Алексеевич Яковлев, который, как написано на сайте Википедии, стал *«Известен тем, что в 1812 году лично встречался с Наполеоном I в оккупированной Москве и доставил от него Александру I письмо с предложением о мире»*.

Позднее у Ивана родился внебрачный сын Александр, которому дали фамилию Герцен. Тот в последующем стал публицистом, писателем, его относили к революционерам. А. И. Герцен был широко известен в советские годы, его роман «Былое и думы» даже входил в школьную программу. В этом романе Александр Иванович упоминает своих родственников: *«Меньшая сестра моего отца была замужем за старым, старинным столбовым и очень богатым русским барином Павлом Ивановичем Голохвастовым. [...] Павел Иванович был угрю-*

мый, скупой, но чрезвычайно честный и деловой человек».

В своей книге Герцен описал трагические события, пожар, происходивший в Москве в 1812 г.: *«Мы тогда жили во флигеле у княжны, дом загорелся; вот Павел Иванович говорит: “Пойдемте ко мне, мой дом каменный, стоит глубоко на дворе, стены капитальные”. Пошли мы, и господа и люди, все вместе, тут не было разбора; выходим на Тверской бульвар, а уж и деревья начинают гореть. Добрались мы, наконец, до голохвастовского дома, а он так и пышет, огонь из всех окон. Павел Иванович остолбенел, глазам не верит»³¹.*

Этот трагический случай оказал тяжелое эмоциональное воздействие на П. И. Голохвастова (*«пожар так поразил старика»*). Через несколько месяцев рубцовский помещик скоропостижно скончался от сердечного удара. Дата кончины 18 сентября 1812 г. указана во многих источниках. А вот где Павел Иванович умер – об этом нигде не говорилось. Эта загадка частично разрешилась, когда в одном из архивных дел РГАДА был обнаружен так называемый *«Билет»*. Данный документ разрешал перевезти *«тело покойного действительного статского советника Голохвастова в Калужскую губернию»*³². Он был выдан Корчевским земским судом по предписанию тверского губернатора. Но где именно, в каком селении скончался Павел Иванович – так и осталось неизвестно.

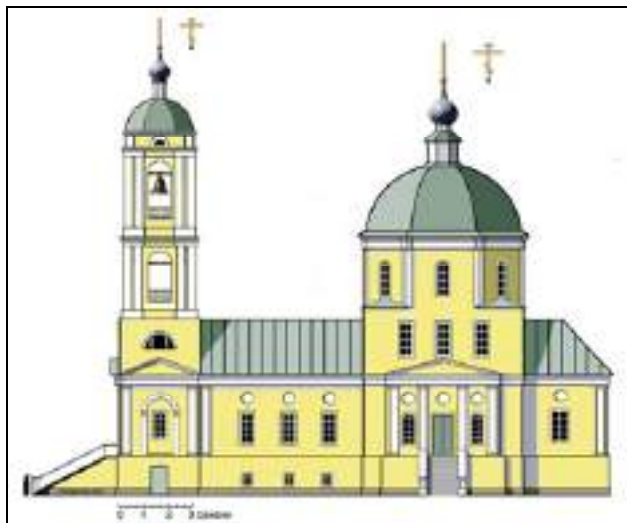
И еще. Обращает на себя внимание такое обстоятельство. На билете стоит 6 *«генваря»* 1814 г. Не подвергая сомнениюⁱ дату смерти, получается, что Голохвастова сначала где-то похоронили (в Тверской губернии?), а спустя 15 месяцев тело решили перевезти в Калужскую губернию. Такая задержка вполне объяснима, если вспомнить события, происходившие в то время в России во время войны с Наполеоном.

Ну а почему тело П. И. Голохвастова перевезли не в село Рубцово Московской губернии (которое было ближе) – тут, думается, все понятно. В Боровском уезде Калужской губернии, как уже говорилось, было родовое имение Фалееево. Неподалеку от этого селца находился погост Субботники (иногда писали Субботниково). В нем была Спасская церковь, которую построил Павел Иванович. В этом храме хоронили умерших членов рода. В епархиальных ведомостях приведено описание родового захоронения дворян Голохвастовых: *«Пол церкви над землею поднят высоко, так что под ним образовался как бы полуэтаж в виде склепа, где находится много надгробных памятников, под которыми покоятся предки и родственники строителей храма — дворян Голохвастовых и где, по завещанию строителей храма, теплится пред иконою неугасимая лампада»*³³.

Павел Иванович был не первым представителем рода, которого похоронили в Субботниках. Еще в 1774 г. (т.е. до постройки каменной церкви) там захоронили его сестру, девицу Наталью³⁴.

В РГАДА обнаружено архивное дело *«О фамильном склепе в с. Субботникове»*. В нем оказалась масса ранее неизвестных интересных подробностей, которые в основном относятся к более поздним временам. Сын Павла Ивановича Дмитрий в 1820-х годах заказал для склепа изготовление памятников своим предкам. В деле приведены имена 10 похороненных в усыпальнице человек из рода Голохвастовых, начиная с Ивана Мартыновича и его жены Авдотьи (Евдокии) Андреевны и кончая младенцами. В последующие годы в фамильном склепе продолжили погребать умиравших членов рода.

Увы, ни сам Спасский храм погоста Субботники, ни окружавшие его постройки не сохранились. На месте Божьего дома теперь поляна. В начале XXI века там еще можно было найти остатки надгробий, среди них был памятник с могилы Петра Ивановича Голохвастова, брата храмоздателя.

Изо 1–10. Спасский храм на погосте Субботники, реконструкция В. В. Щёголева.

Изо 1–11. Памятник Петру Голохвастову³⁵, 2005.

ⁱ Несмотря на то, что пока не найдена запись о смерти П. И. Голохвастова в метрической книге, сомнений в дате его кончины 18 сентября 1812 нет. Эта дата указана в прошении вдовы (ЦГАМ. Ф.50. Оп.10. Д.520. Л.1).

Жизнь вдовы Е. А. Голохвастовой с детьми в Москве

Поговорим теперь о потомстве Павла Ивановича. Первый брак с Елизаветой Ивановной по имеющимся сведениям оказался бездетным. А во втором браке с Елизаветой Алексеевной родилось, как минимум, шесть детей. Трое из них умерли в младенческом возрасте. А трое других выжили. Это Дмитрий, Николай и Наталья. Все они на момент смерти отца были несовершеннолетними, поэтому была назначена дворянская опека. Опекуншей дети выбрали свою мать Елизавету Алексеевну.

Сведений о Е. А. Голохвастовой оказалось немного. В архивном деле 1814 г. написано, что в ее личном владении было 19 душ. А у мужа Павла Ивановича (он почему-то не помечен умершим) числилось в Звенигородском уезде 592, Рузском 95, Можайском 210 и Серпуховском 29 душ³⁶.

Согласно еще одному архивному делу в 1818–1819 годах вдова купила в Звенигородском уезде по соседству с селом Рубцово сельцо Котово и деревню Горшково с пустошами³⁷. За них вдова отдала 15 тысяч рублей ассигнациями. Это стало ее личное владение. Интересно, что этим же 1819 годом датирован долг: Елизавета Алексеевна заняла у сына Дмитрия 16 тысяч рублей под залог приобретенного имения с 45 крепостными душами³⁸.

Вдова с детьми в основном проживала в Москве. В одном из архивных дел имеется описание жилья в Арбатской части: «трехэтажный каменный дом, крыт железом окрашенным зеленою краскою, снаружи кругом оштукатурен побелен. Вход в этот дом со двора по парадной лестнице»³⁹.

А. И. Герцен так описал обстановку в доме Голохвастовых: «Несколько строгий, скупой и тягелый тон, введенный стариком [Павлом Ивановичем – Авт.], пережил его. В доме их царствовала обдуманная, важная скука и официально учтивый, благосклонный тон с чувством собственного достоинства, который [в конце концов] чрезвычайно надоедал. Большие и хорошо убранные комнаты были слишком пусты и беззвучны. Молча сидела, бывало, за своей работой дочь [Наталья Павловна]; мать [Елизавета Алексеевна], сохранившая следы большой красоты и тогда еще не старая, лет сорока пяти с чем-нибудь, начинала хворать и обыкновенно лежала на софе; обе говорили протяжно и несколько нараспев, как тогда вообще говорили московские дамы и девицы»⁴⁰.

Адрес московского дома, о котором идет речь, в цитате не указан. Но практически нет сомнений, что речь идет о доме в Арбатской части, сгоревшем во время нашествия французов. В интернете о нем было написано: «Первоначально владение на Тверском бульваре принадлежало представителям дворянского рода Голохвастовых. Старый усадебный дом, украшенный четырехколонным портиком, сильно пострадал во время пожара 1812 года и позднее был восстановлен. В 1885 году архитектурное сооружение было перестроено: главный дом был соединён с боковыми флигелями»⁴¹.

На другом сайте была приведена такая информация: «В конце XIX века владение перешло к удачливому предпринимателю Л.С. Полякову, который скупил на Тверском бульваре четыре участка по нечетной стороне. Особняк

Голохвастовых стал основой здания банка. [...] В 1903 году здание снимает Ярославско-Костромской земельный банк. В 1951–1952 годах здание перестроено в П-образное помещение для Стройбанка СССР»¹.

Сохранилась дореволюционная открытка с видом на Тверской бульвар, на которой в правой части виден угол дома. Только во время съемки он уже принадлежал не Голохвастовым, а банку. Строение со-

Изо 1–12. Дом на Тверском бул.⁴², открытка, 1902.

¹ К моменту печати книги интернет-ссылка стала «битой».

хранилось, его современный адрес: Тверской бульвар, дом 13. С 2012 г. здание стало принадлежать центральному аппарату политической партии «Гражданская платформа».

Наследство Павла Ивановича

Однако вернемся в начало XIX века. Шли годы, дети Голохвастовы подрастали и достигали совершеннолетия. Но наследство отца между собой до поры до времени не делили. С общего согласия членов семьи всеми имениями (включая Рубцово) по-прежнему управляла мать детей, но уже не как опекунша, а как попечительница. Все изменилось в конце лета 1822 г. События развивались стремительно.

В начале августа (бумага зарегистрирована 10-м числом) на имя государя-императора было подано прошение от имени вдовы Елизаветы Алексеевны и ее детей Дмитрия, Николая и Натальи. В нем было написано, что после умершего десять лет назад П. И. Голохвастова *«осталось движимое и недвижимое имение [...] в разных Губерниях [...] 1-е) обгорелой во время нашествия неприятелей [...] Московской Каменной дом [в] Арбатской части 5-го Квартала под № 521-м [...] 2-е) [...] Пресненской части 5-го Квартала [владение] под № 512 [...] 3-е) Московской губернии Звенигородского уезда в селе Покровском Рубцово тож, и в деревнях Ябединой, Артемовой, Кречковой, Котовой и сельце Рожнове, мужеска пола по 7-й Ревизии [254] души. В селе Лучинском и деревнях Сычевках и Слабошеине [288] душ. 4-е) Рузского уезда в деревне Васильевской [35] души»*⁴³.

Помимо этого были еще перечислены владения Павла Ивановича в Можайском и Серпуховском уездах Московской губернии, имения в нескольких уездах Калужской, Рязанской, Тамбовской и Костромской губерниях. К ним также были добавлены владения в Московской губернии, доставшиеся в 1815 г. после раздела наследства умершей вдовы брата рубцовского помещика Ивана Ивановича Голохвастова Варвары Федоровны. Общее число душ во всех имениях равнялось 3.973. О количестве земли не сообщалось, а вот общая стоимость всех владений приведена: *«по совести»* 1.800.000 рублей. Очень богатое наследство.

В указанном деле написано, что все имения и крепостные находились *«до ныне в общем нашем владении нераздельно. Ныне же мы Елизавета, Дмитрий, Николай и Наталья поговоря между собой полюбовно, к общему и вечному спокойствию все оное имение без изъятия, приема в соображение не одно количество душ, но качество и ценность имения [...] между себя добровольно разделили»*. И далее перечислено, кому что досталось.

Старшему из братьев Дмитрию, согласно договоренности между наследниками, отошла земля в Пресненской части Москвы, владения в Звенигородском уезде, включая село Рубцово с деревнями и 254 душами. Помимо этого в том же уезде ему перешло село Лучинское с деревнями и 288 душами, деревня Васильевская в Рузском уезде, сельцо Леоново в Серпуховском уезде, два сельца в Калужской губернии и свыше двух десятков деревень в Чухломском и Бувеском уездах Костромской губернии. В общей сложности во всех этих селениях по 7-й ревизии числилось 1.268 душ.

Младшему Николаю перешли имения с 1.807 душами и плюс еще 20 тысяч рублей ассигнациями. Сестре Наталье достались имения в Можайском уезде и других местах, в которых насчитывалось 886 душ. Мать детей взяла дом в Арбатской части, денежный капитал и приняла на себя долги.

Соглашение о полюбовном разделе наследства было утверждено 14 августа 1822 года. А через три дня, как свидетельствует еще одно дело, мать Елизавета Алексеевна погасила перед своим сыном Дмитрием долг в 16 тысяч рублей (об этом займе уже рассказывалось ранее).

Но это еще не все. Буквально на следующий день после погашения долга 18 августа Елизавета Алексеевна умерла⁴⁴. Все так быстро произошло, что невольно закрадывается мысль, что она, видимо, чем-то серьезно болела, чувствовала близкую кончину¹. И все это скорое оформление по разделу имений с погашениями долгов были затеяны во избежание возможных распрей в будущем между родственниками. Е. А. Голохвастова завещала, чтобы тело ее было предано земле *«при церкви погоста Субботники Всемилостивейшаго Спаса»*⁴⁵ там, где был похоронен супруг. Воля покойной была исполнена.

¹ Напомним слова Герцена о проблемах со здоровьем у Е. А. Голохвастовой: *«начинала хворать и обыкновенно лежала на софе»*. По этой же причине (*«за слабостью здоровья»*) Елизаветы Алексеевны) оформление соглашения о разделе имений оформлено не в конторе нотариуса, а в доме Голохвастовых.

1822–1849: Дмитрий Павлович Голохвастов

Итак, в результате раздела наследства следующим владельцем села Рубцово с окружающими деревнями стал **Дмитрий Павлович Голохвастов** (1796 – † 1849). Официально он был введен во владениеⁱ движимым и недвижимым имуществом 30 мая 1823 г. Было в то время новому помещику всего 26 лет. В последующем владения Дмитрия Павловича еще более увеличились.

Изо 1–13. Д. П. Голохвастов⁴⁶, 1824.

Спустя несколько месяцев после кончины матери, в ноябре 1822 г., дети Голохвастовы договорились о «*полюбовном*» разделе ее наследства. Старшему сыну Дмитрию отошли земли рядом с Рубцово: сельцо Котово и деревня Горшково.

Далее. Не позже 1834 г. Д. П. Голохвастов уже сам купил расположенную неподалеку деревню Бутеревоⁱⁱ с 5 душами. Также были приобретены в Звенигородском уезде село Покровское–Засекино с деревней Раево с 69 душами, в Рузском уезде сельцо Троицкое–Глушаково с 69 душами, имение в Тульской губернии, а также дом в Москве. В итоге, к концу жизни Дмитрия Павловича во всех его имениях оказалось 1.904 ревизские души⁴⁷. Как видим, число крепостных увеличилось в полтора раза с момента, как он вступил в права наследства родителей.

Сохранилось интересное свидетельство об отношениях помещика Голохвастова со своими крепостными: «*крестьяне его никогда не терпели недостатка, и в голодные годы, когда мука продавалась по 4 рубля, они получали продовольствие по его распоряжению не дороже 1 р. 40 коп. за пуд, а другие и безденежно, с возвратом при урожае*»⁴⁸.

У Д. П. Голохвастова были и долги, причем немалые. Обнаружено архивное дело, согласно которому Дмитрий Павлович взял в долг в 1825 г. у сестры Натальи Павловны Шатиловой 500 и 200 тысяч рублей ассигнациями под залог своих имений⁴⁹ (долг был возвращен уже детям сестры ввиду ее кончины). Фантастические суммы для того времени. В 1834 и 1841 годах рубцовский помещик закладывал в Московском опекуном совете подмосковные владения для получения денег. В одном из архивных дел указан срок залога 26 лет и суммы 64.800 и 31.600 рублей ассигнациями⁵⁰.

О Д. П. Голохвастове оказалось довольно много информации из разных источников. Среди людей, владевших Рубцово, пожалуй, именно он достиг наибольших высот в служебной карьере. Он дослужился до высокого 3-го чина по табели о рангах – тайного советника. По сведениям из формулярного списка (ФС) был награжден несколькими орденами Российской империи: св. Владимира 3-й и 4-й степеней, св. Анны 1-й, 2-й и 3-й степеней, св. Станислава 1-й степени⁵¹. Была и необычная награда: от наследника цесаревича получил «*золотую табакерку украшенную бриллиантами*»⁵².

После кончины Д. П. Голохвастова в газете «Московские ведомости» был напечатан большой некролог, в котором описана его служебная карьера, отмечены заслуги. Эта публикация, судя по всему, не была известна современным исследователям и краеведам, ибо о некоторых фактах биографии рубцовского помещика нигде не написано. Вот выдержки из некролога: «*Д. П. Голохвастов начал службу свою с 1-го июля 1810 года, поступив в Святейшую Правительствующую Си-*

ⁱ Согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона: «*Ввод во владение – это судебный обряд оглашения перехода прав собственности на недвижимое имущество от одного лица к другому*». На практике происходило так. Когда в уездный суд поступали бумаги, подтверждающие, что у такого-то селения теперь новый хозяин, представитель суда выезжал в указанное селение и объявлял всем крепостным крестьянам о смене владельца. После этого брал подписку, что они проинформированы и должны слушаться нового хозяина.

ⁱⁱ Ныне селение Бутерево не существует, оно находилось южнее деревень Давыдовское и Котово.

нода Контору Юнкером. В 1812 году, по представлении от Императорского Московского Университета свидетельства в знании разных языков и наук, принят в Государственную Коллегию Иностранных Дел Юнкером с причислением к ее Архиву; в следующем году произведен Переводчиком. [...] В 1830 году из кандидатов по выбору Дворянства поступил в Московский Сове́стный Суд Судьею»⁵³.

Самой продолжительной и, пожалуй, наиболее известной была работа помощником попечителя Московского учебного округа. Начиная с 1831 г., на протяжении, 16 лет Дмитрий Павлович находился на этой ответственной должности. Помимо этого, он по совместительству трудился на многих других постах, вот некоторые из них: «[в 1833 г.] «назначен Председателем Временного Строительного Комитета, при Московском Университете». [В 1841 г.] «поручено ему управление Московской Медико-Хирургической Академией до соединения ее с Московским Университетом на правах Президента, в 1842 году, [...] повелено быть ему Председателем Временного Комитета для перестройки зданий Московской Медико-Хирургической Академии в Университетские Клиники».

В ноябре 1847 г. Д. П. Голохвастов из помощников был переведен на должность попечителя Московского учебного округа. Ему положили жалование 1.145 рублей в год, помимо этого, была назначена выплата «столовых» денег 1.430 рублей и «квартирных» 571 рубль⁵⁴. В сумме выходили очень неплохие деньги. Но недолго Голохвастов находился на этом высоком посту. Через два года подал прошение об отставке «по разстроенному здоровью», которое было удовлетворено именным указом императора. Дмитрий Павлович был уволен с правом ношения мундира «должности при-своенным», была назначена пенсия («пенсион»), размер ее не указан. Но недолго он был пенсионером: менее чем через год после ухода в отставку скончался. Буквально за месяц до кончины был избран почетным членом Московского университета.

Д. П. Голохвастов был образованным, незаурядным и разносторонним человеком, чем он только в жизни не занимался. Например, писал статьи, книги. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона о нем написано: «Занимался русской историей и напечатал в “Москвитяине” несколько статей, появившихся и отдельно: “Замечания об осаде Троицкой лавры” (1842), “Голос в защиту русского языка” (1845); издал во “Временнике” (кн. I) известный “Домострой” по па Сильвестра и “Акты о Голохвастовых” (в “Чтениях”, год 3-й, кн. III). Он был двоюродный брат Герцена, который много говорит о нем в “Былом и думах”»⁵⁶.

В цитате упоминается «двоюродный брат Герцена». Речь идет об Александре Ивановиче, его имя уже несколько раз ранее упоминалось. А. И. Герцен был на 16 лет младше Дмитрия Павловича. Он молодым человеком в 1829 г. вместе со своим родителем и двоюродной племянницей Т. П. Пассек приезжал погостить к родственнику в село Рубцово. Упомянутая Пассек так описала в своих воспоминаниях ту поездку:

«В исходе июля Иван Алексеевич [Яковлев, отец А. И. Герцена – Авт.] собрался посетить племянника своего, Дмитрия Павловича Голохвастова, в его селе Покровском, лежащем верстах в двух от Нового Иерусалима. Поездке этой больше всех радовался Саша; он надеялся через посредство Дмитрия Павловича склонить отца на согласие к поступлению его в университет. [...] В Покровское мы приехали около вечера; Дмитрий Павлович встретил нас чрезвычайно радушно. Он помещался во флигеле и уступил нам лучшие комнаты. Мы прогостили в Покровском около недели»⁵⁷.

В Рубцово вопрос о продолжении образования родственника был решен положительно. Несмотря на оказанную помощь в поступлении в университет, А. И. Герцен не очень хорошо относился к кузену Д. П. Го-

Изо 1–14. «Портрет А. Герцена в юности, не-известный художник, 1830-е гг.»⁵⁵.

лохвастову. Отзывался о нем в своем автобиографическом романе «Былое и думы» несколько иронически, как о человеке, слишком уж примерного поведения: *«этот образцовый сын, этот примерный брат, этот лучший племянник в мире, этот благовоспитанный человек по превосходству, этот человек, наконец, одевающийся до того хорошо, что никогда узел галстука не был ни велик, ни мал. [...] Голохвастов не имел ни одной любовной интриги, ни одной дуэли, не играл отроду в карты, ни разу не напивался допьяна, но часто по воскресеньям ездил к обедне, и не просто к обедне, а к обедне в домовую церковь князя Голицына»*⁵⁸.

И вот еще: *«Голохвастов не только правильно говорил по-французски и по-немецки, не только хорошо знал по-латыни, но знал и говорил правильно и хорошо по-русски»*. Совершенное знание языков пригодилось в начале карьеры, когда он устроился на работу переводчиком и позже в поездках за границу: *«Холостой Дмитрий Павлович между тем, правильно осмотревши Европу и учившись по-английски, возвращался вооруженный планами девонширских ферм и корнвельского конского завода в сопровождении английского берейтора [учителя верховой езды] и двух огромных породистых ньюфаундлендских собак, с длинной шерстью, с перепонками на лапах и одаренных невероятной глупостью. Морем плыли сеяльные и веяльные машины, необыкновенные плуги и модели всяких агрономических затей»*.

Все это предназначалось для рубцовского имения. В нем *«Дмитрий Павлович старательно заводил четырехпольное хозяйство, не идущее к нашей земле, и обсеивал клевером наши, православные луга»*. О том же говорится и в воспоминаниях А. М. Шуберт: *«Голохвастов был англоман, ездил за границу, откуда выписывал земледельческие машины, на пруду у него стояла водоподъемная машина, луга засеивал он клевером, у него <были> стадо тирольских коров и хороший конный завод»*⁵⁹.

О поездках рубцовского помещика в дальние страны написано также в деле 1825 г. В нем имеется доверенность, выданная Дмитрием Павловичем своему дяде И. А. Яковлеву в связи с отъездом за границу. В тексте сказано, что родственнику предоставляется полное право на управление имением *«как заблагорассудится»*, можно было даже его продать *«за выгодную цену»*. Отдельно указано, что в рекруты следует отдавать негодных крестьян, а способных – на контракты и оброки⁶⁰. Последнее указание, наверняка, относилось и к ценному специалисту по устройству плотин и мельниц дворовому человеку Григорию Михайловичу Цурикову, знаниями которого Голохвастов дорожил.

Далее будет рассказано, как сын мельника Павел Цуриков в 1837 г. женился на дворянке Анне Мингалевой и решил вместе с женой нанести визит своему бывшему барину. Ну так Д. П. Голохвастов принял молодую пару в передней, не пригласив пройти в сам дом, тогда как прежде Анна Сергеевна танцевала на балах в его доме. Не стоит удивляться такому высокомерию, чванливости рубцовского помещика, которую известный историк С. М. Соловьев называл *«русская барская спесь»*. Известно такое высказывание этого ученого о рубцовском помещике:

*«Своими понятиями и обращением Голохвастов больше чем кто-либо другой напоминал русскаго барина XVII-го или начала XVIII-го века, надевшего европейское платье, усвоившего даже себе европейскую науку, европейские языки, но в сущности остававшегося верным старине. Неуважение Голохвастова к подчиненным, или, по крайней мере, к большинству их, было возмутительно. [...] в наружности Голохвастова было много отталкивающего: его фигура выражала спесь, натянутость, форменность; это была фигура красиваго, рисующагося квартальнаго, который понимает свое высокое значение на публичном гуляньи пред толпой черни»*⁶¹.

Эти же черты характера в родственнике подметил и А. И. Герцен в своем романе. Стоит ли тогда удивляться тому, что в университете многие не любили Голохвастова за его *«холодный формализм»*, за то, что *«свое педанство он употребил на мелочное, пансионское управление студентами»*.

Из всего сказанного напрашивается вывод, что Дмитрий Павлович гордился своей принадлежностью к старинному дворянскому роду. Недаром же он потратил много времени на сбор документов, написание и издание книги о своих предках: *«Акты, относящиеся до рода Голохвастовых»*⁶². В архиве ЦГАМ был обнаружен довольно редкий документ – грамота, подтверждающая дворянство Д. П. Голохвастова.

Но не стоит думать о рубцовском помещике только как об отрицательном персонаже. Д. П. Голохвастов обладал и многими положительными чертами:

«По воспоминаниям современников, Дмитрий Павлович был приятным собеседником, талантливым литератором, высокообразованным человеком, владел четырьмя иностранными языками,

Изо 1–15. Грамота о подтверждении дворянства Д. П. Голохвастова⁶³, 1822.

основательно знал французскую, английскую, немецкую, итальянскую и русскую литературу, русское право и историю, хотя при этом не любил появляться в “большом свете”, что говорит о его практичной, не любившей пустого времяпрепровождения натуре. [...] он обладал несомненными достоинствами: сложившимся мировоззрением, блестящим образованием, трудолюбием, безукоризненной честностью, принципиальностью, требовательностью как к себе, так и к подчинённым, верностью своей семье и своему долгу перед Отечеством”⁶⁴.

О честности и бескорыстии Голохвастова говорили многие его современники. А. И. Герцен писал, что «У Дмитрия Павловича была репутация исключительно честного человека». А сын Дмитрий, вспоминая об отце, отмечал, его ум, трудолюбие, начитанность.

Дмитрий Павлович был известен в обществе своей работой в Московском учебном округе и опубликованными трудами на различные темы. Но наибольшую известность, можно сказать знаменитость, он получил благодаря увлечению лошадьми. На это рубцовский помещик не жалел никаких денег. По высказываниям современников Голохвастов потратил на разведение лошадей свыше полумиллиона рублей (не были ли это деньги, которые он занял у сестры Н. П. Шатиловой?)

В 1834 г. было открыто “Московское Императорское общество любителей конского бега”. Дмитрий Павлович был среди учредителей, его выбрали вице-президентом. На этом посту он пробыл 14 лет, жертвовал немалые личные деньги на поддержку общества. К 50-летию организации был выпущен альбом, в котором отмечены заслуги многих знатных людей, способствовавших процветанию общества, приведены их портреты. Среди них был и портрет Дмитрия Павловича. Это уже второе известное изображение рубцовского помещика.

Изо 1–16. Д. П. Голохвастов⁶⁵.

Любовь к лошадям

В рубцовском имении Голохвастова имелся завод по разведению лошадей, о нем говорится во многих источниках (еще один конезавод был в другом поместье Дмитрия Павловича, находившимся в Саратовской губернии). Стоит напомнить, что завод в подмосковном имении появился задолго до Голохвастовых. Об этом свидетельствуют приведенные ранее исторические цитаты, относящиеся к Нащокиным: «В 1705 г. здесь уже были дворы: вотчинников, скотный, конюшенный»; в 1773 г. «При селе конный завод, а в нем лошади немецкие и аглицкие».

При Дмитрие Павловиче коневодство в селе достигло наивысшего расцвета: «С раннего детства Д. П. Голохвастов проявлял особую любовь к лошадям, особенно к рысистым. Став хозяином родового имения, совершил путешествие в Англию и Голландию и “особенно увлекся нарядными и видными голландскими лошадьми”, которых позже выписывал для завода, основанного им в Покровском-Рубцове»⁶⁶.

Издание “Военно-статистическое обозрение” отметило достижения рубцовского помещика, поставив его конный завод (в категории «мелких») на первое место: «в нем в 1837 г. считалось 22 жеребца и 143 матки [...] но в течении 10 лет завод очень уменьшился, и в 1847 г. на нем считалось только 4 жеребца и 54 матки; ныне [в 1855 г., т.е. после смерти Дмитрия Павловича] завод этот почти распродан»⁶⁷. Это же издание отметило успехи помещика и в разведении крупного рогатого скота в Рубцово.

Одна из лошадей Голохвастова была особо знаменита – это конь-рысак орловской породы по прозвищу “Бычок”. В интернете можно найти такие слова: «Ни об одной лошади в России столько не говорили и так много не писали, как о Бычке. В течение семидесяти пяти лет Бычок был самой известной и самой популярной лошадью в России»⁶⁸. Слава быстрого коня передалась и его хозяину. Студенты даже сочинили эпиграмму: «Вместо шеллинговистов / Иль Пегаса-старичка / Дмитрий Палыч Голохвастов / Всё выводит нам Бычка!».

Не обошел вниманием знаменитую лошадь и А. И. Герцен: «Сверх того, еще одно лицо обрадовало и согрело последние десять лет его жизни. Я говорю о приобретении Бычка, первого рысака по бегу, красоте, мышцам и копытам, не только Москвы, но и всей России. Бычок представлял поэтическую сторону серьезного существования Дмитрия Павловича. У него в кабинете висели несколько портретов Бычка, писанных масляными красками и акварелью»⁷⁰.

Сохранилось несколько изображений знаменитого рысака, здесь приводится одно из них.

К сказанному остается еще добавить, что после смерти в

Изо 1–17. Конь “Бычок” Д. П. Голохвастова⁶⁹, литография, 1840-е ?

1847 г. знаменитого коня «Голохвастов подарил его обработанный остов Зоологическому музею. Теперь этот остов хранится в музее Тимирязевской академии»⁷¹ (по другим данным он находился «в музее московского университета»⁷²).

Голохвастов много занимался благоустройством своего подмосковного имения, вот как об этом написано в современном справочнике:

«В первой половине XIX в. по инициативе Д.П. Голохвастова усадьба была перестроена в стиле позднего классицизма на новых композиционных принципах. Лишенная прежнего размаха, она получила камерный характер. Изменил место дом, выстроенный вместе с флигелем в скромных ампирных формах, регулярный парк был дополнен пейзажным, раскинувшимся на береговом склоне Истры. [...] Кирпичный оштукатуренный дом приобрел существующую композицию и художественные формы в результате неоднократных переделок. Основу здания составляет небольшой двухэтажный корпус с мезонином, симметричный относительно собственной оси. Он сооружен не ранее 1830-х гг., однако характер планировки, образованной капитальными стенами со следами параллельных анфилад, тяготеет к предшествующей эпохе. [...] Появились обширные открытые террасы и колонный коринфский портик со стороны двора; интервал между домом и флигелем 1830-х гг. заполнили просторные светлые залы, очевидно, зимнего сада. При этом флигель был капитально перестроен. Главный фасад обновленного дома получил формы неоклассицизма»⁷³.

Нет сомнений, что Дмитрий Павлович стремился почаще приезжать в имение Рубцово, к своим лошадям. Но не всегда это удавалось сделать. Ибо, как показывает его послужной список, он с юных лет трудился на разных должностях в Москве. А передвигались в те времена на суше (первая половина XIX в.) исключительно на лошадях. Да и дороги были иные. Лишь после увольнения со службы в 1849 г. у Д. П. Голохвастова появилось время. Но, увы, недолго он смог наслаждаться жизнью на природе.

Как писал А. И. Герцен: *«Казалось бы, отделившись от скучных забот по университету, с огромным имением и огромным доходом, с двумя звездами и четырьмя детьми, тут-то бы и жить да поживать. Судьба решила иначе; вскоре после своей отставки Дмитрий Павлович, здоровый, сильный мужчина, лет пятидесяти с чем-то, занемог, хуже да хуже, сделалась горловая чахотка, и он умер после тяжелой и мучительной болезни в 1849 году»⁷⁴.*

Смерть наступила в три часа в ночи с 28 на 29 декабря. Дмитрий Павлович скончался в Москве в том самом доме на Тверском бульваре, где он чуть более полувека назад родился. *«Пред кончиной он исповедывался, причастился Святых Тайн, и в полной памяти благословил супругу и детей».* В напечатанном некрологе было сказано:

«Из дому до церкви тело покойного и его знаки отличия несены были Студентами Университета. Священно-служение отправлял новопосвященный в сан Епископа Дмитровского, Викария Московской Епархии, бывший Ректор Московской Семинарии, Высокопетровского монастыря Настоятель, Архимандрит Филофей. По окончании литургии, Протоиерей Университетской церкви, Профессор П. М. Терновской произнес к предстоявшим, в память почившаго, поучительное и утешительное Слово. По совершении обряда, закрытый гроб оставили в церкви для препровождения в родовое его имение, Калужской губернии Боровского уезда в село Суботники. ... Обширная приходская церковь Св. Иоанна Богослова не могла вместить в себе всех желающих отдать последний долг покойному, сказать вечное "Прости" и пожелать "Царства Небесного!"...»⁷⁵.

Через некоторое время «Императорское Московское общество охотников конского бега» выпустило чеканную медаль из бронзы. На одной стороне написано: **«В ПАМЯТЬ ПОКОЙНАГО ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА ДМИТРИЯ ПАВЛОВИЧА ГОЛОХВASTОВА»⁷⁶**, а на другой фамильный герб рода.

Изо 1–18. Медаль в память Д. П. Голохвастова.

Семья Д. П. Голохвастова

Дмитрий Павлович женился поздно, когда ему уже исполнилось 40 лет. Венчание состоялось 28 апреля 1838 г. в Москве в церкви Иоанна Богослова (в той, в которой его потом отпевали). В брак он вступил *«с девицею покойного полковника Владимира Григорьевича Новосильцева Надеждою Владимировою»*⁷⁷. О том, что этому предшествовало, есть несколько строчек в книге Герцена: *«Он [Голохвастов] тщательно выбрал умную и дельную жену; брак его не был делом безумной страсти; он из династического интереса желал прямых наследников, чтоб оградить родовое имение праотцев»*⁷⁸.

А недавно, благодаря находке исследователя О. В. Ткаченко, стало известно, что спутницей жизни Дмитрия Павловича могла стать другая женщина – дворянка Екатерина Александровна Соймонова, чей отец владел имением Теплое в Рузском уезде⁷⁹. Но что-то тут не сложилось.

Удалось найти некоторые сведения о жене **Надежде Владимировне** (урожд. **Новосильцевой**, 1817 – † 1857) и ее семье. Дату ее рождения удалось найти в интернете: *«родилась 26 марта 1817 года, крещена в Сергиевском соборе СПб»*⁸⁰. Невеста была на 20 лет младше жениха.

Как потом писал в своих воспоминаниях сын Дмитрий, мать была из небогатой семьи. Ее родитель Владимир Григорьевич Новосильцев родился в 1790 г. в дворянской семье и стал военным. Исследователь С. В. Худяков предоставил сведения об этом человеке, у которого оказалась славная боевая биография. В 20-летнем возрасте Владимир был направлен юнкером в Гродненский гусарский полк. Спустя два года уже служил в Сумском гусарском полку. Когда в 1812 г. на Россию напал Наполеон, Новосильцев с первых же дней принимал участие в сражениях с неприятелем. Его боевое крещение состоялось 15 июля под Витебском, 6 августа сражался с врагом под Смоленском. В одном из боев был *«ранен тикою в правый бок»*⁸¹. Однако, несмотря на это, продолжил воинскую службу, участвовал в заграничных походах русской армии. Там Владимир Григорьевич был вторично ранен: *«в генеральном сражении»* при г. Лейпциг *«получил контузию в голову осколком от гранаты»*. За *«оказанное отличие»* в боях был награжден тремя русскими орденами св. Анны (4-й и 2-й степеней) и Владимира (4-й степени) и двумя зарубежными: австрийским императорским орденом Леопольда Малого креста и орденом Королевско-Прусским *«За заслуги»*. В 1819 г. был *«уволен от службы с чином полковника и мундиром за ранами»* (т.е. из-за ранений).

На одном из сайтов интернета написано, что в 1820 г. В. Г. Новосильцев купил в Тульской губернии обветшалую усадьбу Есуково⁸² (ныне это пос. Есуковский Ясногорского района Тульской области). В ней построил двухэтажный каменный дом в стиле классицизма (здание сохранилось, но ныне пребывает в плачевном состоянии). На другом сайте об этой усадьбе написано: *«Оставил он [В. Г. Новосильцев – Авт.] только регулярный “французский” барочный парк с прямыми липовыми аллеями, выходившими к пруду. К сожалению, прожил он недолго, тяжелое ранение, полученное им в Лейпцигской битве, дало себя знать»*⁸³. По некоторым данным скончался отставной полковник летом 1827 года в своей усадьбе Есуково⁸⁴ в возрасте 37 лет.

Согласно записи в метрической книге Владимир Григорьевич женился в 1816 г., т.е. еще во время службы в армии. Женою стала Евдокия Александровна Новикова⁸⁵, в их семье родились дети. Сведений о потомстве немного. Как уже говорилось, дочь Надежда вышла замуж за Д. П. Голохвастова. Сын Александр стал кандидатом юридических наук Московского университета, а другой сын Юрий в 1883 г. был председателем съезда мировых судей Темниковского уезда. Были также дочери Софья и Екатерина, которые стали писательницами. Об одной из них – Екатерине – в интернете нашелся такой материал: *«в литературе известна под псевдонимом Т. Толычевой. Была сотрудницей “Русского Вестника”, “Русского Архива”, “Московских Ведомостей”, “Детского Отдыха”, “Полярной Звезды” и др. [...] Многие произведения Новосильцевой, рассчитанные на широкого читателя, посвящены более отдаленным по времени событиям русской (в т. ч. церковной) истории: “Начало и крещение Руси” (М., 1876), “Сказание о том, как была основана Троицко-Сергиева Лавра” (М., 1868; 6-е изд. М., 1892), “Избрание в цари Михаила Федоровича Романова” (М., 1880), “Минин и Пожарский” (4-е изд., СПб., 1900), “Св. Стефан Пермский» (СПб., 1884) и др.»*⁸⁶. К сказанному можно добавить, что в “Московских ведомостях” в 1873 г. был опубликован большой материал, подготовленный Е. Новосильцевой о Новоиерусалимском монастыре и его настоятеле архимандрите Леониде (Капустине).

Вот такие родственники оказались у жены рубцовского помещика. Надежда Владимировна пережила супруга на восемь лет. Разговор о ней продолжим позже, когда речь пойдет о сыне Дмитрие Дмитриевиче. А сейчас поговорим о других родственниках Д. П. Голохвастова.

Сестра и брат рубцовского помещика

Дмитрий Павлович был старшим среди детей, родившихся и выживших в семье Павла Ивановича и Елизаветы Алексеевны. После смерти родителей он взял на себя заботу о брате и сестре.

В романе Герцена есть такая строчка: *«Вскоре после смерти матери, устроив свою сестру, то есть выдав ее замуж [...]»*. Речь идет о **Наталье Павловне Шатиловой** (урожд. Голохвастовой, ок. 1802 – † 1825), она первой среди детей Голохвастовых обзавелась собственной семьей. Ее мужем стал представитель старинного рода Николай Васильевич Шатилов, который позднее был выбран предводителем дворянства Тульской губернии, находился на этой должности три года (1835–1838). По всей видимости, Наталья, среди всех Голохвастовых (если не считать рано скончавшихся детей), прожила самую короткую жизнь – чуть более 20 лет (умерла после рождения дочери Елизаветы⁸⁷). Но успела родить троих детей: двух сыновей и дочь. Один из сыновей – Иосиф – стал известным ученым. В интернете размещена информация о том, как Николай Васильевич Шатилов, овдовев, вместе с сыном поселился в одном из своих крымских имений:

«Иосиф Николаевич, получивший хорошее домашнее воспитание, обладал незаурядными способностями, к тому же говорил на трех языках. С ранних лет у него проявился интерес к сельскому хозяйству и естествознанию, и, посвятив этому всю жизнь, он получил настоящее признание у современников. Начало его активной научной и общественной жизни связано с Крымом. [...] Активная научная и общественная деятельность Иосифа Шатилова обратила на себя внимание местной дворянской интеллигенции, и в 1850 году он был избран, несмотря на молодость [26 лет], уездным предводителем ялтинского дворянства. [...] Впоследствии, получив общественное признание, Иосиф Николаевич являлся членом 31 научного и сельскохозяйственного общества не только в России, но и во Франции, где был избран вице-президентом иностранной секции Парижской сельскохозяйственной академии, избирался также почетным членом Московского и Харьковского университетов. [...] Планов у Иосифа Николаевича было еще много, но в 1889 году он скоропостижно скончался в Москве, во время работы за письменным столом»⁸⁸.

Во всемирной сети можно найти и другие материалы об ученом И. Н. Шатилове. Он был женат, в семье имелись дети. Один из сыновей Николай Иосифович стал художником, не раз встречался в 1870-х годах с великим писателем Львом Николаевичем Толстым в Ясной Поляне. Об этих встречах он оставил воспоминания, они выложены на сайте в интернете⁸⁹. Там же в комментариях написано, что Николай Шатилов был знаком с братьями Голохвастовыми (детьми Дмитрия Павловича). Это не удивительно, ведь они были в родстве.

Николай Иосифович Шатилов был женат, в браке родилось и выросло шестеро детей. Об этом написано на сайте Ольги Семенковой⁹⁰, которая приходится его правнучкой. Таким образом, ветвь рода рубцовского помещика Павла Ивановича Голохвастова по линии его дочери Натальи продолжается.

Поговорим теперь о младшем брате владельца рубцовского имения. **Николай Павлович Голохвастов** (1800 – † 1846) был на четыре года моложе Дмитрия и являлся полной его противоположностью. В романе Герцена написано, что Николай родился хромой, в юности не учился. Женился на Елизавете Петровне Казначеевой, девушке из бедного рода. Причем обвенчался тайно вопреки воле родственников, прежде всего, матери Елизаветы Алексеевны, которая была против этого брака. Это оказалось сильнейшим ударом для нее и прежде времени свело в могилу. Об этом так и написано в романе: *«Его мать так огорчилась тайным браком, что слегла в постель и умерла»*.

В романе “Былое и думы” написано, что Николай Павлович нигде не трудился, только гулял и проматывал состояние. Это оказалось не совсем так. В архивном деле обнаружен формулярный список Н. П. Голохвастова. В нем записей не так много, последняя датирована 1839 годом: *«утвержден чиновником особых поручений Московскаго Военнаго Генерал Губернатора»⁹¹*.

Далее А. И. Герцен в своей книге писал: *«Вскоре после смерти матери, [...] Дмитрий Павлович уехал в Париж и Лондон — глядеть Европу, а Николай Павлович принялся себя показывать Москве: балы, обеды, спектакли следовали друг за другом; его дом с утра был набит охотниками до хорошего завтрака, знатоками вин, танцующей молодежью, интересными французами, гвардейскими офицерами; вино лилось, музыка гремела»⁹²*. За годы беззаботной жизни Николай успел не только промотать огромное состояние, доставшееся ему от родителей, но и влезть в большие долги. По словам Герцена, они превышали миллион рублей. Дмитрий пытался образумить брата, но ничего не помогало.

В романе “Былое и думы” есть такие слова: *«Николай Павлович — и это, я думаю, худший и глу-*

нейший поступок в его жизни – успел разлюбить свою жену и, как бы не находя довольно быстрым средством разорения балы и обеды, взял на содержание актрису-танцовщицу, которая, без сомнения, была недостойна завязывать шнурков корсета его жены. С этой минуты все пошло как на парах: меньше было описано, жена погоревала, погоревала о судьбе детей и о своей собственной, простудилась и в несколько дней умерла, — дом распадался».

Н. П. Голохвастов умер в 1846 г. в с. Ивакино Московского уезда. В метрической книге было записано: *«Тело умершаго по разрешению г. Министром Внутренним дел из прихода сей церкви [Успенской] переведено для предания земле в Боровском уезде, Калужской губернии на погосте Субботниках»*⁹³. Шестеро его детей стали круглыми сиротами (в древе показаны их имена и даты жизни), да еще без средств к существованию. Дмитрий Павлович, несмотря на то, что в свое время резко осуждал поведение младшего брата, осиротевших племянников бросить не мог, взял на себя заботу о них.

Сведений о судьбе детей Н. П. Голохвастова в интернете найти не удалось.

1849–1890: Дмитрий Дмитриевич Голохвастов

В семье Дмитрия Павловича и Надежды Владимировны родилось по разным источникам пятеро детей. Четверо из них дожили до взрослого возраста – это Павел, Дмитрий, Елизавета и Александр. Поговорим о них отдельно (кроме Александра, судьба которого осталась неизвестной).

После того, как в 1849 г. умер отец детей Дмитрий Павлович, повторилась ситуация, возникшая в 1812 г. после кончины их деда Павла Ивановича Голохвастова. Осталось большое наследство, на которое претендовала вдова и несовершеннолетние дети (старшему Павлу исполнилось 11 лет, а младшему Александру 6). В архиве ЦГАМ сохранилось несколько дел, которые были заведены органом дворянской опеки по защите интересов детей. Были утверждены опекуны, одним из них стала мать детей Надежда Владимировна.

Описание владений Голохвастовых

В первом деле приведено подробное описание имения Рубцово, составленное 31 августа 1850 года: *«Господской Дом каменный двух этажный с мезонином и Балконом крыт железом, крыша окрашена зеленой краской [...] в нижнем этаже комнат 9, которые оштукатурены и окрашены разными колерами [...] печей изразцовых 7 с чугунными заслонками, в Верхнем этаже Комнат 10 [...] В Мезонине Комнат 2»*⁹⁴. Помимо этого дома в усадьбе был еще *«Господский Флигель двух этажный, нижний этаж каменный верхний деревянный»*. Для обоих домов приведено подробное описание внутренней обстановки, перечислены находившиеся в них иконы, мебель, посуда и остальное. Помимо того в усадьбе имелись еще семь одноэтажных и двухэтажных каменных и деревянных построек для дворовых людей и церковного причта. Были также две бани (*«господская»* и *«людская»*), две оранжереи, амбары, сарай, погреба.

В том же деле имеется описание конного завода. Он включал каменный манеж размером 38 на 22 аршина, конный двор, две конюшни (одна из них была построена в 1849 г.). Была также каменная изба, *«занимаемая людьми»*. Приведен список лошадей с указанием масти (окраса) и кличек: *«Стряпуха»*, *«Умница»*, *«Злодейка»*, *«Жар-Птица»* и другие. Для каждой указаны сведения об особых приметах, возрасте и стоимости (от 9 до 250 рублей). Описан также скотный двор с коровами, быками, телятами.

Отдельным пунктом в описи прописана: *«Мельница каменная крыта тесом [...] о двух мукомольных поставах, при ней две избы деревянные на каменном фундаменте»* (общая оценка 100 рублей). Также указана *«Плотина деревянная длины 58 аршин – 20 [руб.]»* (не вызывает сомнения, что в постройке плотины и мельницы участвовали Цуриковы). Еще записаны два моста стоимостью пять рублей и два пруда. Интересно отметить, что суммарная стоимость мельницы со всеми инструментами с плотиной и мостами оказалась меньше цены одной породистой лошади. Вот так!

В том же деле приведены сведения о составе земель в имении Рубцово. Пахотной земли было 1.673 десятины, сенокосной 486. Отдельно перечислены березовые, еловые леса и поросль. В целом всей земли у Голохвастовых оказалось 2.964 десятины (это с учетом участков в других селениях).

Планировка усадьбы в селе Покровское (Рубцово) хорошо просматривается на карте Московской губернии 1839 года. На ней обозначена *«Сукновальня»* при мельнице, *«Конской завод»* и левее показана регулярная планировка сада усадьбы. Есть и отметка храма. Наличие сукновальни (она, кстати, показана и на карте Шуберта) говорит о том, что здесь в Рубцово занимались валкой сукна.

Изо 1–19. «Военно-топографическая съемка Московской губернии»⁹⁵ (фрагмент), 1839.

Особый интерес представляют сведения о крепостных крестьянах. В 1850 г. их оказалось «наличных мужеска пола [643], женска [643], в них 289 тягол¹, из которых [...] 153 на оброке плотют [платят] оброку по 50 рублей ассигнациями с тягла». В списке дворовых оказались записаны: «Григорий Михайлов – 67 [лет], его жена Матрена – 50». Это отец и мать будущего благотворителя. Самого же Павла Григорьевича, его брата и сестер в списке нет, т.к. задолго до составления описи они получили вольную и перестали быть крепостными рубцовского помещика.

В следующем архивном деле дворянской опеки перечислено движимое и недвижимое имущество умершего Д. П. Голохвастова с указанием числа крепостных в каждой губернии и уезде. В конце списка написано: «*итого во всех означенных селениях дворовых людей и крестьян мужского пола по 8 ревизии 1904 души; да в городе Москве: Арбатской части, 5 квартала под № 587 каменный дом и Пресненской части, 3 квартала под № 171 и 192 земля с жилым и нежилым строением*»⁹⁶.

В указанном деле приведены также подробные сведения по владениям в Звенигородском уезде, сколько в каждом селении ревизских душ (за исключением отпущенных на волю): «в селе Покровском Рубцово тож – 50 [душ], в деревне Ябидиной – 81, Рожковой [Рожновой] – 25, Кречковой – 51. Сельце Козмо-Демьянском Бутырево тож – 5, деревни Котовой – 50, Горшковой – 67, селе Лучинском – 178, деревни Сычевках – 82, Слабошеине – 48. [итого:] 657 [душ]».

Также дана оценка стоимости каждого владения. В селе Рубцово с деревнями «для взимания пошлин» каждая ревизская душа была оценена в 150 рублей. Однако опекуны решили пересмотреть эту оценку «по совести» ровно в два раза (в сторону увеличения). Как написано в деле: «по качеству и количеству угодий» следует считать «по 300 рублей за каждую душу». В итоге 657 крепостных душ рубцовского имения были оценены в 197.100 рублей. Аналогичным образом была рассчитана стоимость владений и в других губерниях (там цена одной души составила «по совести» от 150 до 175 рублей). Дом в Арбатской части был оценен в 37.214 рублей. Ну а общая стоимость всего движимого и недвижимого имущества Голохвастовых получилась равной 467.906 рублей серебром.

Некоторые имения числились в залоге, на них «висели» непогашенные долги. Как ранее уже говорилось, Рубцово с деревнями было заложено в Московском опекуновом совете в 1834 и 1841 годах. Остаток долга на момент составления описи составлял 43.314 рублей. Ну а общая сумма задолженности по всем имениям в разных губерниях равнялась без малого сто тысяч рублей.

¹ Тягловые или податные души – это те люди, на которых государством были наложены натуральные и денежные повинности (налоги).

Вдове по закону полагалась седьмая часть наследства умершего супруга, т.е. 272 души. Но мать в интересах детей поступила благородно, взяла вполуполу меньше чем могла бы – 131 душу. Чтобы обойтись «без раздробления» имений, Надежда Владимировна забрала себе участок земли в Пресненской части Москвы, село Покровское–Засекино с деревней Раевой в Звенигородском уезде и деревню Дмитриевскую в Саратовской губернии вместе с конным заводом.

Информации о конных заводах Голохвастовых в деле оказалось довольно много. Напомним, что у Дмитрия Павловича было два завода для разведения лошадей – один в Московской губернии в селе Рубцово, а другой в Саратовской в деревне «Дмитриевской, Кистендей тож». В деле приведены отчеты по обоим заводам за разные года. Так в Подмоскovie на начало 1850 г. имелось 55 жеребцов и 90 кобыл. За 12 месяцев родилась 31 лошадь. Привезены из Саратовской губернии 42 лошади, проданы 50. Помимо этого на скотном дворе в подмосковном имении в начале года находилось 104 коровы и быка. Из них в течение года 25 было продано и еще 10 пало (умерли).

Помимо этого в том же источнике оказались ежегодные хозяйственные отчеты по всем имениям со сведениями о затратах и полученной прибыли. В отчете за 1851 г. показано, что от продажи лошадей был выручен 12.701 рубль. На уплату долгов ушло 7.496 руб., «на содержание экипажа – 713. На белье, обувь, платье и проч. – 901. На визиты доктору и лекарство – 113, [...] Заплачено учителям – 813, [...] Жалованья Губернеру – 807, тож Губернантке – 671» (суммы приведены в рублях без копеек). На конный завод в Рубцово в указанный год было потрачено 1.917 рублей (для сравнения на саратовский завод – 3.730). На содержание сада в подмосковном имении ушло 269 рублей, на содержание скотного двора 202 и на местный причт Покровской церкви 67.

Кончина матери Надежды Владимировны

В 1855 г. опекуна Н. В. Голохвастова обратилась в дворянскую опеку с заявлением по конным заводам. Она написала, что в Покровском–Рубцово содержать лошадей «по дороговизне фуража обременительно», т.е. невыгодно. Отметила также, что один завод (в Московской губернии) находится под опекой детей, а другой (в Саратовской губернии) принадлежит ей. Надежда Владимировна предлагала в первом заводе оставить только 90 лучших лошадей, а остальных продать по «вольной цене». Чтобы вырученные деньги пошли на оплату долгов.

В 1856 г. Надежда Владимировна обратилась на имя императора Александра II за разрешением «по причине болезни [...] по совету медиков» выехать за границу. Одновременно просила «от звания опекуниши уволить», опеку сыновей передать «мужу племянницы покойного родителя» дворянину Николаю Степановичу Кроткому. А 15-летнюю дочь Елизавету мать хотела взять с собой за границу.

В том же году произошел раздел наследства Д. П. Голохвастова между тремя его сыновьями и дочерью. Была заново составлена опись всего имущества. Общая оценка оказалась равной 375.375 руб. Дом в Москве в Арбатской части оценивался в 50.000. Движимое имущество (лошади, домашняя утварь и прочее) – в 100.000. Однако оставались еще непогашенные долги на 79.356 рублей⁹⁷.

Из всего имущества дочери Елизавете полагалась четвертая часть. Решено было ей «по совести» отдать имения в Тверской и Ярославской губерниях, в которых проживало 469 душ. Дом в Арбатской части братья Дмитрий и Павел, которые уже достигли совершеннолетия, оставили за собой с обязательством позднее «вознаградить» несовершеннолетнего брата Александра третьей частью стоимости дома.

Пребывание Надежды Владимировны Голохвастовой за границей не пошло ей на пользу. 9 июня 1857 г. «на возвратном пути в Россию» она умерла во французском городе Страсбург. Забирать несовершеннолетнюю Елизавету отправился ее брат Павел. По информации из интернета, умершая вдова была «погребена без отпевания на местном кладбище св. Елены». Спустя 18 лет по сведениям из архивного дела был выдан «Открытый лист» для перевозки останков Надежды Владимировны в Россию для погребения в фамильной усыпальнице в Спасском храме погоста Субботники⁹⁸.

Фамилия Голохвастовой была обнаружена в двух публикациях в Калужских епархиальных ведомостях. В 1868 г. был опубликован материал о богадельнях, в нем есть такие слова: «В селе Субботниках, боровского уезда, женская, на 10 человек; содержится на 11.428 руб., пожертвованные г. Голохвастовой»⁹⁹. Через два года было напечатано сообщение о пожертвовании: «От Тайной Советницы Надежды Владимировны Голохвастовой, по духовному завещанию, в церковь села Субботников, боровского уезда – 2000 руб.»¹⁰⁰.

Владения Д. Д. Голохвастова

После смерти Надежды Владимировны ее дети стали круглыми сиротами. Все повторилось как с детьми Николая Павловича в 1846 г. Только на сей раз остались не только долги, но и большое наследство. По завещанию мать почти все свои владения отписала дочери Елизавете.

В 1859 г., когда младшему Александру исполнилось 16 лет, состоялся окончательный раздел наследства отца Дмитрия Павловича между его детьми. Как отмечено в архивном деле¹⁰¹, владения в Звенигородском уезде достались среднему из братьев **Дмитрию Дмитриевичу Голохвастову** (1839 – † 1890). Он стал хозяином села Рубцово на многие десятилетия. О нем и пойдет далее речь.

В одном из архивных дел 1861 г. приведены сведения о дворянах *«Московской губернии имеющих право голоса на выборах»*. В документе отмечено, что у Д. Д. Голохвастова в Москве в Арбатской части на Тверском бульваре имелся дом, *«приносящий 2.500 руб.сер. доходу»*¹⁰² ежегодно. И еще: *«в селе Покровском 606 душ и в других губерниях 688 душ»*.

Через год земельные владения Дмитрия Дмитриевича увеличились. Как написано в упомянутом ранее деле о разделе наследства, 4 сентября 1862 г. он купил имение по соседству. Новое владение включало *«село Александрово, деревни Дубровская, Кострова, Дарьина, Фроловская, Скрябина»*¹⁰³. После этого во всех владениях Д. Д. Голохвастова насчитывалось 5.264 десятины. Рубцовский помещик стал одним из крупнейших (если не самым крупным) землевладельцем в Звенигородском уезде. Часть его лесных владений показана на плане из архивного дела.

Интересно отметить, что в документе 1862 г. приведены сведения о числе крестьян и дворовых людей, живущих на землях Д. Д. Голохвастова. Но они уже не принадлежали помещику, т.к. годом ранее в стране было отменено крепостное право, все крестьяне получили свободу. Точнее они перешли в категорию *«временно обязанных»*. Из всей помещичьей земли Голохвастова в крестьянские наделы по реформе отошло 2135 десятин (из расчета 3,5 десятины на одного крестьянина). После вычета крестьянской земли, церковного надела, а также непригодных к использованию участков *«В непосредственном владении помещика»* осталось 3006 десятин *«удобной земли»*.

Крестьяне за пользование помещичьей землей в первые послереформенные годы отрабатывали барщину (определенное количество дней зимой и летом). А потом барщина была заменена на денежный оброк (типа арендной платы за землю). Через несколько лет повсеместно стал осуществляться выкуп крестьянами используемых земельных наделов в свою собственность. Государство для этих целей выдавало общинам крестьян ссуду (о том, как все происходило, подробно рассказано в книге на примере села Филатово¹⁰⁴). Обнаружено архивное дело, в котором описано, как в 1870–1871 гг. крестьянами *«села Покровского, сельца Бутырева с деревнями: Ябединой, Кречковой, Рожновой, Катовой, Горшковой и села Александрова с деревнями Дубровской, Костровой, Дарьиной, Фроловской и Скрябиной»*¹⁰⁵ осуществлялся выкуп надела земли у помещика Д. Д. Голохвастова.

На приобретении села Александрово с деревнями рубцовский помещик не остановился. Как отмечено в одном из архивных дел, в 1864 г. он купил за 25 тысяч рублей 2.281 десятин земли в окрестностях села Кораллово (Караулово), деревень Насоново, Фуниково и других¹⁰⁶. Но недолго Голохвастов владел этой недвижимостью, через пять лет стал распродавать ее по частям. Во все том же деле зафиксированы продажи участков земли 18 дес. и 90 дес. (крестьянам сельца Хохлово), 134 дес. (Саввино-Сторожевскому монастырю). А в 1870 г. Дмитрий Дмитриевич большую часть имения Кораллово (1559 десятин) подарил своему брату Павлу. Правда, тот уже через год продал подаренную землю жене надворного советника О. В. Васильчиковой за 16.500 рублей¹⁰⁷.

Нереализованные планы по переселению трех деревень

Теперь хотелось бы рассказать об одной интересной задумке Дмитрия Дмитриевича, которая, к сожалению, (или к счастью) не была реализована. В одном из архивных дел РГАДА обнаружен проект по перенесению (переселению) трех деревень Кречковой, Ябединой и Рожновой на другие земли, находящиеся на расстоянии от 6 до 9 верст от прежнего поселения. Этот проект доселе был неизвестен, поэтому имеет смысл на нем остановиться подробнее.

В 1868 г. Д. Д. Голохвастов предложил (а точнее потребовал) бывшим своим крестьянам, жителям трех указанных деревень (всего 45 дворов) переехать ближе к селениям Александрово и Кострово.

Кому-то предлагалось переселиться в сами селения, а кому-то и вовсе на пустое необжитое место. При этом на новом месте им выделялся такой же надел земли, как и прежде. И еще каждому двору было

Изо 1–20. Карта лесных владений Д. Д. Голохвастова в Звенигородском уезде¹⁰⁸, 1889.

обещано «вспомоществование [...] по 100 руб. сереб.». На переезд отводилось три года, причем половина денег выдавалась сразу, а остальные в конце.

Возникает вопрос: а зачем помещику это переселение было нужно, да еще с выплатой денег? Дмитрий Дмитриевич в своем прошении все объясняет чересполосицей земли. Дело в том, что крестьянские наделы чередовались с помещичьими участками (их было около 20). Такое чередование было очень неудобно при обработке земли. Однако крестьяне не захотели уезжать со своих обжитых мест и отказались выполнять требование помещика: «мы на переселение наших деревень Ябединой, Кречковой и Рожновой несогласны»¹⁰⁹. В итоге разбирательство дошло даже до суда.

О вынесенном судебном решении в деле информации нет. Но, как известно, все три упомянутые деревни (Крючково, Ябедино и Рожново) остались на прежних местах. Это означает, что помещик не добился того, чего хотел. Времена были уже другие. Лет 10 назад такое переселение собственных крестьян в пределах своих угодий помещик, думается, осуществил бы без проблем. Ну а после отмены крепостного права крестьяне получили волю и без их согласия подобные перемещения были уже невозможны. Вот такое необычное дело было обнаружено в архиве. Оно показывает, что рубцовский помещик Д. Д. Голохвастов не ладил со своими бывшими крестьянами.

В 1876 г. стало окончательно ясно, что переселение деревень не состоится, и Дмитрий Дмитриевич продал землю около села Александрово в количестве 2.538 десятин. Покупателем стал губернский секретарь А. С. Мусин-Пушкин¹¹⁰ (сумма сделки в документе не указана). После этого во владении Дмитрия Дмитриевича в Звенигородском уезде осталось имение, доставшееся Голохвастовым еще от Нащокиных: село Рубцово с деревнями. Да еще село Лучинское с деревнями, купленное когда-то дедом Павлом Ивановичем.

Картонно-бумажная фабрика в Рубцово

Следует еще сказать, что примерно в это же время при селе Рубцово появилась принадлежащая помещику небольшая фабрика. В разных документах она называется по-разному, но понятно, что была связана с обработкой бумаги. Интересна история появления этого предприятия, о ней рассказывал сам Дмитрий Дмитриевич на заседании Московского губернского земского собрания в 1872 г. как пример чиновничьей волокиты:

«Я сам в нынешнем году открыл в звенигородском уезде очень ничтожную картонную фабрику. Я подал прошение в губернское правление о разрешении открыть эту фабрику в марте месяце и получил разрешение от министра финансов в декабре. Следовательно, без 2 месяцев год продолжалась переписка. Но я находился в весьма выгодных условиях и потому получил разрешение несравненно скорее, чем могли бы получить его многие другие. [...] Я знаком с здешним гражданским губернатором, с советниками губернского правления и местною полицией, и потому имел возможность ускорить решение этого дела во всех инстанциях, кроме министерства. [...] Но я ставлю себя в положение крестьянина, который лично не знаком с властями, и спрашиваю: сколько времени нужно ему, чтобы добиться такого разрешения?»¹¹¹.

Некоторые подробности о «картонно-бумажной» фабрике оказались в другом архивном деле¹¹² за тот же год. Производство собирались разместить в каменном двухэтажном здании, где находилась водяная мельница с колесом в «8 сил» (8 лошадиных сил). Предполагалась установка двух железных прессов. Работать должны были 23 человека: 7 мужчин, 8 женщин, по 4 мальчика и девочки. Дров было потребно 120 кв. сажень, «Сброс нечистот» предполагался в речку Малая Истра. Фабрика была запущена. В отчете земства за 1874 г. указано, что «бумажно-политурная фабрика» имеет годовой доход 250 рублей¹¹³. Такие же сведения приведены в отчетах земства за 1877, 1881, 1885 годы. О дальнейшей судьбе этого предприятия сведений нет.

Общественная и благотворительная деятельность Д. Д. Голохвастова

В архиве ОПИ ГИМ сохранились воспоминания Дмитрия Дмитриевича¹¹⁴. К сожалению, в них очень мало информации о подмосковном имении. Молодой человек написал, что жили они в основном в Москве, лишь на короткое время летом семья выезжала в свою усадьбу Покровское-Рубцово. Возвращались в город до престольного праздника, т.е. до 1 октября (сельский храм был освящен в честь Покрова Пресвятой Богородицы).

По имеющимся данным братья Павел и Дмитрий учились в Петербурге в привилегированном Пажеском корпусе. Но военными они не стали. 8 июля 1857 г. Дмитрий был «произведен в Коллеж-

ския Секретари для определения в гражданскую службу. Ныне по выбору Звенигородского уездного собрания сего 1861 года октября 4 дня избран Депутатом от Звенигородского уезда»¹¹⁵.

Где-то в эти годы (точную дату установить не удалосьⁱ) Дмитрий Дмитриевич был избран предводителем дворянства Звенигородского уезда. Это было трудное время для дворян. После крестьянской реформы 1861 года многие находились в растерянности, не представляли, как без крепостных крестьян, их труда жить дальше, где находить деньги на жизнь. В авторитетном издании «Русский архив» были напечатаны воспоминания Д. Д. Оболенского, которому довелось в те годы трудиться и общаться с рубцовским помещиком. Вот выдержки из этой публикации:

«По моему мнению дворянство многим обязано Д. Д. Голохвастову. Он в сущности первый, после 1861 года, открыто и громко заговорил в общественных заседаниях и собраниях о правах дворянства и о значении его в землевладении. До этого дворяне, выбитые из колеи Положением 19 Февраля 1861 года, как-то смутно, в отдельных личностях, быть может и кружках, понимали, что, утратив права свои на крестьян, они не потеряли своих политических прав и преимуществ в Империи, и что в экономическом отношении дворянское сословие, как передовое в то время и как самое образованное, не должно терять значения своего и обязано удержатъ подобающее ему положение для поддержания как порядка, так и развития страны. Блестящая речь Голохвастова в Московском дворянском собрании сразу подняли его на степень первокласного и даровитого оратора, и это в то время когда вообще на Руси публичные речи были в диковинку. Д. Д. Голохвастов в своих речах ярко обрисовал значение дворянства, как начала живого и в земстве, которое признало первенство дворянства всюду по праву выбора. Не менее талантливо обрисовал он и мертвящее значение чиновничества, назвав его современною опричиною, которая не допускает до царя Живаго слова правды; [...] Дворянство, по его почину, сразу и дружно заговорило о представительстве, что конечно не понравилось в высших сферах, и Московское Дворянское Собрание 1864—1865 года было закрыто по приказанию министра внутренних дел П. А. Валуева»¹¹⁶.

Голохвастов был вынужден в 1865 г. отказаться от должности предводителя уездного дворянства. Осенью того же года он был приглашен императором Александром II на встречу в подмосковное дворцовое имение Ильинское, которое находилось в том же Звенигородском уезде. Царь «весьма милостиво» принял помещика, они долго беседовали. Однако Дмитрий Дмитриевич допустил несколько неосторожных высказываний, которые не понравились императору. После этого он окончательно попал в опалу. Воспоминания Оболенского о бывшем предводителе заканчиваются словами: «Бедный Д. Д. Голохвастов заплатил за свое горячее заступничество прав дворянства. Не имея службы, он еще нестарым человеком зажил в своем селе Покровском, где и кончил жизнь, разбитый параличом».

Но не следует полагать, что Дмитрий Дмитриевич стал затворником в своем имении. Он вел активную общественную жизнь. Сохранились отчеты «Звенигородского земского собрания» разных лет, из которых следует, что Д. Д. Голохвастов на протяжении долгого времени был «гласным»ⁱⁱ уездного собрания. А начиная с 1868 г. и потом на протяжении двух десятилетий (т.е. фактически до самой смерти) его регулярно переизбирали в «Мировые судьи» по Звенигородскому уезду¹¹⁷. При этом все эти годы на государственной службе рубцовский помещик не состоял, напротив его фамилии в документах был записан чин коллежского секретаря. И лишь незадолго до кончины в некоторых бумагах у него указывался чин статского советника.

Как показывают собранные документы, Д. Д. Голохвастов занимался благотворительными делами. Еще в 1860 г. по собственной инициативе открыл в своем имении училище для крестьянских детей, стал его попечителем. Ребята учились в усадебном флигеле, который Дмитрий Дмитриевич специально для этого выделил. Училище было крайне востребовано, в отдельные годы число учеников превышало 70 человек. При этом плата за обучение не бралась, все расходы (кроме зарплаты

ⁱ Есть несколько современных публикаций, в которых утверждается, что впервые Д. Д. Голохвастов был избран на должность уездного предводителя дворянства в 1855 г., т.е. в 16-летнем возрасте. При этом ссылки на первоисточник не даны. Все это вызывает большие сомнения не только из-за слишком юного возраста, а еще и потому, что согласно другим данным Дмитрий до 1857 г. учился в Пажеском корпусе в Петербурге.

ⁱⁱ Гласные – это выборные члены (т.е. депутаты) уездных и губернских земских собраний, городских дум в Российской империи. В выборах гласных в XIX веке принимали участие только владельцы недвижимости, промышленники и торговцы. Избирали гласных на три или четыре года (сведения из интернета).

учителя) брал на себя попечитель. Так в отчете за 1882–1883 учебный год написано, что помещик для содержания школы «дает – отопление, помещение, освещение, ремонтровка помещ., бумагу, перья, чернила и училищную прислугу»¹¹⁸. Там же отмечено, что по случаю болезни попечитель перестал бывать в училище, приезжает его брат Павел.

Народное образование в своем селе Дмитрий Дмитриевич поддерживал на протяжении многих лет. А потом в 1887 г. неожиданно перестал это делать. Как написано в журнале заседания Звенигородского земского собрания, «*попечитель Рубцовской школы Д.Д. Голохвастов отказал в помещении существовавшей в этом месте более 10 лет школы. За неимением помещения Училищный Совет закрыл школу*»¹¹⁹. О причинах такого решения помещика нигде не сообщается. Однако в отчете земского врача П. А. Архангельского написано, что рубцовское училище оказалось среди тех, которые «*менее всех удовлетворяет требованиям школьной гигиены*»¹²⁰. В частности, оно затенялось деревьями. Занятия в школе возобновились лишь в феврале 1889 г. уже без участия Д. Д. Голохвастова «*во временно нанятом для училища помещении*»¹²¹. В том же году Звенигородское земство выдало крестьянину дер. Кречковой Андрею Тимофееву «*на постройку в с. Рубцове школы в безвозвратное пособие 500 руб., и в ссуду 400 руб., итого 900*»¹²².

Финансовые трудности

Возникают вопросы: почему рубцовское училище было доведено до такого плачевного состояния, почему попечитель вовремя не устранял возникающие проблемы, почему дети оказались лишены возможности учиться в течение полутора лет? По какой причине Дмитрий Дмитриевич, столько лет поддерживавший народное образование, вдруг отказал в помощи? Ответ на все эти вопросы тривиальный – проблема была в нехватке денег у попечителя. Финансовое положение Дмитрия Дмитриевича с каждым годом становилось все хуже. К сожалению, он не обладал той деловой хваткой, какая была у его деда и отца. Голохвастовы оказались в трудном положении, как и многие дворяне в России. После отмены крепостного права далеко не все смогли приспособиться к новым условиям жизни. Об этом написано в воспоминаниях их родственника Н. И. Шатилова:

«Голохвастовы были богатые люди, у них был знаменитый в то время завод рысистых лошадей. [...] У них было также замечательное собрание гравюр, много картин голландских художников и ценное собрание античных камней. И вот, не сменилось еще с тех пор и двух поколений, а от всего этого не осталось и следа: вся эта роскошь и блеск были эфемерными цветками, которые росли на почве крепостного права, стоило только ему прекратиться, как все рухнуло, так как вся жизнь того времени была построена на нем»¹²³.

Тот же родственник далее вспоминал, как все еще недавно было: «*Молодые братья Голохвастовы, принадлежа к московской золотой молодежи, вели светскую жизнь. Жили они тогда еще все вместе в главном корпусе своего дома, при чем каждый из членов семьи имел свой выезд, т.-е. свои отдельные экипажи, лошадей и кучеров, а равно и свои апартаменты, своих камердинеров и лакеев. Прислуга в их доме была с утра во фраках и белых галстуках, и жизнь молодых господ проходила в визитах, приемах, посещениях театров и балов*». Страсть к роскошной барской жизни, не умение жить по средствам и привели, в конце концов, к финансовому краху¹.

Доказательством удручающего состояния рубцовского имения является и письмо Н. Н. Страхова к А. А. Фету, в котором написано: «*Мы ездили навестить Покровское (верст пять [от Воскресенска]), где большой каменный дом, чудные воды, пруды, стриженный сад и проч. Все это брошено, потому что ни один из братьев не имеет средств поддерживать это имение. Балкон и колонны над ним уже обваливаются — досада меня взяла*»¹²⁴. Отметим, что это письмо было написано в 1878 году еще задолго до продажи имения.

Отношения с П. Г. Цуриковым, смерть хозяина рубцовского имения

Интересное высказывание обнаружено в воспоминаниях А. М. Шуберт: «*Дети Дм. Павл. Голохвастова — Дмитрий и Павел Дмитриевичи, блестящие земские деятели, многим обязанные Павлу Григорьевичу, с удовольствием ездили на фабрику хорошо покушать у хлебосольного хозяина, а вме-*

¹ Как это напоминает историю, описанную в книге автора о селе Глебово, в которой рассказано, как глебовский помещик дворянин Константин Степанович Шиловский, получивший богатое наследство, к середине 1880-х годов все промотал, стал банкротом и лишился всех своих владений.

сте с тем спустить ему ту или иную часть своего леса»¹²⁵.

Подтверждением того, что у братьев были хорошие¹ отношения с бывшим дворовым человеком их отца, служат письма самого П. Г. Цурикова. Полные тексты посланий имеются в приложении—4, здесь приводится одно из них, написанное Павлом Григорьевичем летом 1877 г. В нем говорится: *«Я по вашему совету послал к вам в Покровское госпоже Ольге Андреевне [жене Павла Дмитриевича – Авт.] опись на доставленные [...] от крестьян для раненных как холста, платков, чулок, тряпки, но не получил назначения, когда и куда это все можно доставить. То прошу вас меня с оным посланным уведомить, когда отослать и куда именно»*¹²⁶.

В письме упоминаются некие раненные. Кто это – легко понять, достаточно вспомнить историю. Весной 1877 г. началась Русско-турецкая война, с фронтов стали поступать воины, получившие ранения. В Воскресенске прежде не было больницы. Но на окраине города пустовали корпуса бывшей ткацкой фабрики купца И. Д. Чикина. Их решили использовать для организации временного госпиталя для лечения раненных воинов. В этом благородном деле активное участие приняли братья Голохвастовы. Был организован сбор добровольных пожертвований, в нем принял участие и П. Г. Цуриков (подробнее об этом будет рассказано в шестой главе).

Дмитрий Дмитриевич умер осенью 1890 г. в своем подмосковном имении, ему шел 52-й год. В метрической книге Покровской церкви была сделана запись о кончине помещика. В ней указана причина смерти – *«от паралича мозга»*¹²⁷ (вспомним ранее приводившуюся цитату: *в своем селе Покровском, где и кончил жизнь, разбитый параличом»*). Там же стоит отметка о погребении на приходском кладбище. Последнее выглядит довольно странным. Прежде Голохвастовы хоронили своих родственников в родовом имении в Калужской губернии в специальном склепе, устроенном в Спасском храме на погосте Субботники. Ну а если по каким-то причинам не получилось перевезти тело в другую губернию (например, не нашлось денег), то похоронить в Рубцово вблизи приходской церкви, наверное, можно было. Как показывает практика, с умершими помещиками так довольно часто происходило (все-таки, они не были рядовыми прихожанами). Ну а так остается лишь констатировать, что могила Д. Д. Голохвастова не сохранилась (в отличие от нескольких старых захоронений на территории Покровской церкви).

Возникает естественный вопрос о наследниках, потомках. Ни в одном историческом источнике не сказано, что Дмитрий Дмитриевич был женат, имел детей. Получается, что умер холостым и бездетным. Прямых наследников у него не было, поэтому имение Рубцово вместе с землями в округе перешло к старшему брату Павлу. И хотя тот владел недвижимостью всего 2 года (в отличие от 40 с лишним лет брата Дмитрия), рассказать о нем тоже следует.

1890–1895?: Павел Дмитриевич Голохвастов и его жена Ольга Андреевна

Павел Дмитриевич Голохвастов (1838 – † 1892) был первенцем в семье Дмитрия Павловича. Он появился на свет в Москве, его рождение зафиксировано в метрической книге¹²⁸ церкви Иоанна Богослова на Бронной 15 февраля 1838 года (почти ровно через год родился Дмитрий).

Об озорном характере юноши свидетельствует один эпизод, описанный в воспоминаниях Н. И. Шатилова: *«Павел Голохвастов не раз рассказывал со смехом, как ему удавалось избавляться от погони за ним тогдашнего обер-полицмейстера, не раз преследовавшего его за то, что он, едучи по улице, курил сигару. В то время курение на улицах строго воспрещалось, и молодежь из высшего круга любила дразнить полицию, нарушая это запрещение»*¹²⁹.

Общественная деятельность

О Павле Дмитриевиче сохранилось достаточно информации. Вот что о нем написано в энциклопедии “Истринская земля”: *«Между тем П. Д. Голохвастов — личность весьма незаурядная. Историк, публицист, филолог, Павел Дмитриевич окончил Пажеский корпус, в 1857—1858 гг. служил в московском Главном архиве министерства иностранных дел, в 1858—1859 гг. — в Азиатском департаменте. С 1872 г. знаком с Л. Н. Толстым. Его обширной библиотекой пользовался Толстой,*

¹ В связи с этим следует напомнить о том, как Дмитрий Павлович в 1837 г. не пустил молодоженов Цуриковых в свой дом дальше передней комнаты. Надо полагать, что у детей помещика Дмитрия и Павла уже не было такого барского чванства, высокомерия по отношению к Павлу Григорьевичу.

работая над романом из эпохи Петра I и “Азбукой”. В свою очередь, по совету Толстого Павлом Дмитриевичем была написана работа “Законы стиха русского народного и нашего литературного” (в отзывах о ней отмечалось “прекрасное знание” былинного стиха). Опубликовал также исследование “Земское дело в Смутное время»¹³⁰.

Здесь на время прервем цитирование энциклопедии. В тексте упомянуто имя знаменитого писателя. Сохранилось письмо Л. Н. Толстого, написанное П. Д. Голохвастову. Оно наглядно свидетельствует о том, какие были отношения между этими людьми:

«П.Д. Голохвастову. Ясная Поляна, 1877 г., Ноября 23. Очень рад был, Павел Дмитриевич, получить от вас весточку. Я часто поминаю вас и всегда с очень приятным чувством. Живем мы все по старому, только жена не совсем здорова и я живу праздно. [...] Передайте наши с женою поклон Ольге Андреевне. Дружески жму вашу руку. Л. Толстой»¹³¹.

Продолжим цитату из “Истринской земли”: «С конца 1870-х гг. он [Павел Дмитриевич] жил преимущественно в Покровском-Рубцове [в те годы это было владение брата Дмитрия], в 1882 — 1886 гг. был мировым судьей Звенигородского уезда, а с 1888 г. управлял железодельным заводом в Нижегородской губернии. В начале 1882 г. как теоретика славянофильской идеи Земского собора Голохвастов вызвал в Петербург поддержавший эту идею министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев. Павлу Дмитриевичу была поручена разработка основ собора, его назначили чиновником особых поручений при министерстве. Он вел обширную переписку со славянофилом И. С. Аксаковым, составил проект императорского манифеста о созыве собора. Однако идею народного представительства отверг царь Александр III, и Голохвастов в том же году вышел в отставку».

Михаил Павлович Чехов, младший брат другого знаменитого писателя, написал свои воспоминания о Павле Дмитриевиче:

«Это был высокий чернорылый и черноволосый человек с седой прядью от лба до затылка, ходивший вразвалку и низко опустив голову на грудь. Он так всегда был занят своими мыслями, что часто проходил мимо своего дома и не мог найти своих ворот. Для того чтобы он попадал домой, к нему была приставлена девочка Авочка, которую он потом удочерил. Он много занимался древней историей, сделал немало открытий по эпохе Смутного времени и вместе с тогдашним министром Н. П. Игнатьевым думал ввести в России нечто вроде конституции, но на манер древних земских соборов. Язык у него был архаический: он и писал, и разговаривал на языке древних летописей и сам придумывал слова, которые были громоздки, как леса вокруг строящегося трехэтажного дома. С ним было очень интересно поговорить, так как он держал себя чрезвычайно просто и поражал своей эрудицией»¹³².

Владение имением Рубцово

Как уже отмечалось, Павел Дмитриевич был владельцем подмосковного имения менее двух лет: с осени 1890 года по июнь 1892-го. Его финансовое положение было таким сложным, что хотел продать свою недвижимость. Прочитав в газете, «что Московское земство желает приобрести имение для устройства психиатрического заведения», решил предложить для этой цели собственное поместье Рубцово. Для этого составил описание усадьбы, оно сохранилось в архивном деле:

«Через имение протекает река Малая Истра и речка Щуровка. Истрица близ усадьбы довольно глубока и потому удобна для купания; в ней водится рыба разной породы. Вода из горного родника отличается особенною чистотою и приятным вкусом. Усадьба расположена на высоком берегу реки с которого открывается прекрасный вид на монастырь “Новый Иерусалим”, [...] местность считается здоровою во всех отношениях. [...] Земля. Усадебной под строениями и парком — 6 [дес.] Под садом и огородом — 8. Пахотной в 6-польном обороте — 91. Заливных лугов [...] — 42. Сенокосу по оврагам и полянам — 21. Под лесом — 133. [...] Всего удобной и неудобной земли — 315. [...]

Господский дом прилегает к французскому саду с вековыми деревьями (посаженные в 1745–1746 годах) [...] и прудом с островом. Фруктовый сад и огород сдаются в аренду за 250 рублей в год. Лес. [...] Рожь дает средним числом 80 пудов, овес до 100 пудов зерна с десятины. [...]

Строения. Дом господский 2-этажный, каменный, в 23 комнаты с мезонином. Флигель 2-х этажный в 5 комнат [...] Флигель у церковной ограды [...] Погреб с ледником [...] Молочная с ледником [...] Манеж [...] Конюшня [...] Каретный сарай [...] Флигель 2-х этажный [...] Флигель [...] Коровник [...] Теплица для гонки ранних огурцов [...] Господский дом был в последний раз сдан на лето в 1888 году за 700 рублей. Некоторые строения требуют ремонта. Библиотека и движимость в

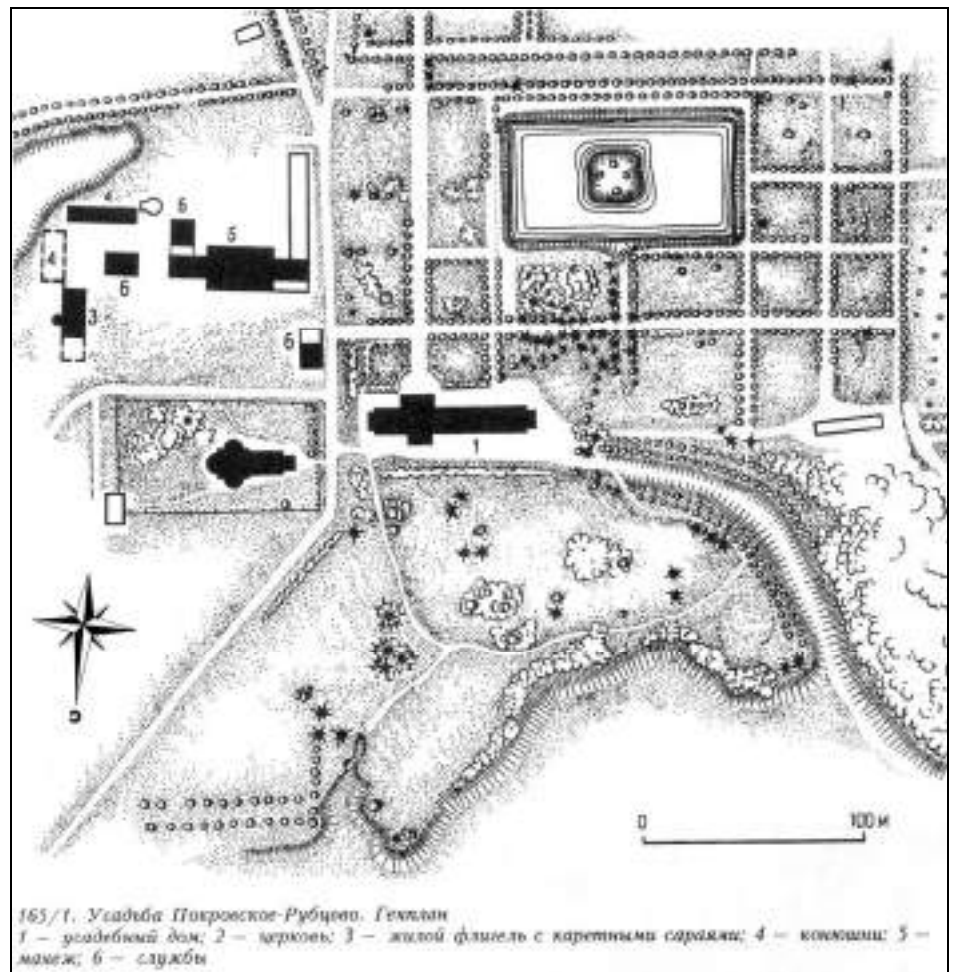
господском доме и флигеле при доме не продаются. Вместе с имением продаются [...] Скот. Коров – 10, телок – 6, бычок – 1, телят – 6, лошадей – 6, овец – 27, птицы – 16.

На продаваемую часть имения будет числиться долгу Госуд. Дворянскому Земельному Банку около 17.000 рублей. Цена имению со скотом и движимостью включительно долга Госуд. Дворянскому Земельному Банку 85 тысяч рублей.

Владелец имения коллежский секретарь Павел Дмитриевич Голохвастов живет [в] Нижегородской губернии на Ташином заводе и получает почту из гор. Арзамаса»¹³⁴.

В указанном деле приведен план господского имения. Увы, это оказалось некачественное изображение и неподробное. Более интересен другой план усадьбы Покровское-Рубцово, имеющийся в современном издании (когда имение принадлежало уже Морозовым).

Увы, хлопоты Павла Дмитриевича оказались напрасными, московское земство не заинтересовалось покупкой имения Рубцово.

Изо 1–21. План усадьбы Покровское-Рубцово¹³³.

Места проживания в последние годы

Внимательный читатель, вероятно, обратил внимание на адрес проживания, указанный в последней цитате – «на Ташином заводе». Это был Ташинский железный (чугуноплавильный) завод в Нижегородской губернии. Там Павел Дмитриевич работал управляющим. Видимо, собственные дела были настолько плохи, что он согласился на должность наемного работника в такой дали. К этому времени родительский дом на Тверском бульваре был уже продан. Об этом свидетельствует московский адрес, указанный в завещании П. Д. Голохвастова: «в здании Петровских Торговых линий».

В одном из архивных дел обнаружен интересный факт, который ранее был неизвестен. Оказывается, у Павла Дмитриевича имелся дом в городе Воскресенске, приобретенный еще в 1878 г., он находился вблизи Елеонской часовни¹³⁵. О нем говорится в ранее упоминавшемся письме Н. Н. Страхова к А. А. Фету: «сделал визит Павлу Дмитриевичу Голохвастову, в городе Воскресенске, где Новый Иерусалим. Очень милые люди, и восхищаются уже тем, что живут в деревне (Воскресенск чистая деревня). Но представьте, что они владеют там только домом. Дом этот выстроен из липового дерева (да, да), и самым выгодным образом расположен против монастыря, разубран и раскрашен как игрушка»¹³⁶.

Смерть П. Д. Голохвастова

Павел Дмитриевич Голохвастов пережил своего брата Дмитрия на полтора года. Он умер в Москве в возрасте 54 лет. В 1892 г. в газете «Московские ведомости» было напечатано объявление о его смерти: «Павел Дмитриевич Голохвастов скончался после долгих и тяжких страданий 4 июня, панихиды в 2 часа пополудни и в 8 часов вечера, Никитские ворота, д. Боргест. Вынос, отпевание и

погребение последует в Новодевичьем монастыре, в воскресенье, сего 7 июня»¹³⁷. В выписке из метрической книги церкви Феодора Студита за Никитскими воротами указано, от чего умер Голохвастов: от «гнойного воспаления легких»¹³⁸. Похороны состоялись на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве, это подтверждает справочник. Как видим, вновь по каким-то причинам погребение тела представителя рода Голохвастовых было совершено не в фамильном склепе в Калужской губернии. Трудно сказать, сохранилась ли могила Павла Дмитриевича, в справочниках по Новодевичьему кладбищу его фамилии отыскать не удалось.

В авторитетном издании «Русский архив», в котором Павел Дмитриевич печатал некоторые свои работы, был помещен некролог. В нем есть такие строки:

«4 Июня сего года в Москве скончался один из лучших людей земли Русской, Павел Дмитриевич Голохвастов, старший сын бывшего попечителя Московского Учебного Округа Дмитрия Павловича Голохвастова и Надежды Дмитриевны Новосильцовой. Он родился в Москве, 6 Февраля 1839 года¹. Получив отличное домашнее воспитание, он, по следам отца своего, с ранних лет занимался древнею Русскою историей, и в особенности смутным временем. Немногим у нас был так хорошо знаком древний Русский быт, Русская речь, Русский песенный стих, как покойному Павлу Дмитриевичу. [...] Это был человек стальной твердости и необычайно отзывчиваго сердца. Служа мировым судьей Звенигородского уезда, заслужил он любовь и уважение целой округи. Потом обстоятельства перевели его в Арзамасский уезд, где он управлял Ташинским железным заводом, и местное население никогда его не позабудет. Таких Русских людей, как П. Д. Голохвастов, на редкость. Его любили и заслушивались лица всяких положений и возрастов. Искренняя, глубокая вера в Россию так и лилась из вещих уст его. Оттого-то так многочисленны были его похороны в Московском Девицьем монастыре. Память его праведна»¹³⁹.

Жена Ольга Андреевна Голохвастова

О Павле, в отличие от брата Дмитрия точно известно, что был женат. Имя жены уже упоминалось в письме Л. Н. Толстого: *«Передайте наш с женою поклон Ольге Андреевне»*. О том, как состоялось знакомство и сватовство, написано в воспоминаниях Н. И. Шатилова: *«приехали из Швейцарии две барышни, сестры Андреевы, из которых старшая, Ольга Андреевна, была очень красивая девушка, большого роста, прекрасно сложенная, с прекрасным цветом лица, красивыми темнокоричневыми глазами и темными пышными волосами. Она была настоящим олицетворением русской красавицы. Обе они до приезда в Москву воспитывались в семье тогдашняго женеваго русского священника. Это были внебрачные дочери графини Ростопчиной, известной писательницы и поэтессы, и Андрея Николаевича Карамзина. [...] Вскоре по приезде девиц Андреевых, старшая из них, Ольга Андреевна, понравилась Павлу Дмитриевичу Голохвастову и он, не теряя времени, сделал ей предложение, которое и было принято, и они стали женихом и невестой»¹⁴⁰.*

В интернете на нескольких сайтах приведена информация о супруге рубцовского помещика **Ольге Андреевне Голохвастовой** (ок. 1840 – † 1897). Она стала писательницей. В справочнике «Русские писатели» о ней напечатаны несколько строк: *«приехав в Москву в нач. 60-х гг., в 1863 стала женой П. Д. Голохвастова. Высказывалось предположение, что ей посв. стих. Ф. И. Тютчева "Играй, покуда над тобою"»¹⁴¹*. Там же перечислены произведения, которые написала Ольга Андреевна: повесть "За себя и за многих" (1869), драма "Чья правда?" (1871), пьесы "Назвался груздем – полезай в кузов" (1874), драма "Лихому – лихое" (1881) и другие.

Истринский краевед Е. В. Штейдле в одной из своих статей написала: *«Ф.М. Достоевский в 1874 году с сочувствием отозвался на детский спектакль, поставленный по сказкам А.С. Пушкина и пьесе О.А. Голохвастовой»¹⁴²*. Удалось установить первоисточник этой информации. В полном собрании сочинений писателя Достоевского есть такие строки: *«В Звенигородском уезде, в селе Покровском, дан, на третий день праздника, благотворительный спектакль в пользу сарматов. Играли "ребятишки" — ученики и ученицы местной народной школы. Поставлено было несколько живых картин из сказок Пушкина и разыгран шутка-водевиль, написанный для этого спектакля г-жою Го-*

¹ В небольшом некрологе сразу две ошибки. Мать умершего звали не Надежда Дмитриевна, а Надежда Владимировна. И Павел появился на свет не 6 февраля 1839 г. (это дата рождения брата Дмитрия), а 15 февраля 1838 г., что подтверждает запись в метрической книге.

лохвастовой. Плата за вход была — 10 коп.; сбор составил 50 р.; следовательно, зрителей было 500. Спектакль, говорят, имел полный успех»¹⁴³.

Удалось найти упоминания имени жены Павла Дмитриевича в еще нескольких источниках. Ранее уже приводились строки из письма П. Г. Цурикова, отправленного в 1877 г. П. Д. Голохвастову: «Я по вашему совету послал к вам в Покровское госпоже Ольге Андреевне опись на доставленные от разных крестьян для раненных как холста, платков, тряпки». В справочнике по Московской губернии за 1890 г. даны сведения о земском училище: «при селе Лучинском, Попечительница жена Дворянина Ольга Андреевна Голохвастова»¹⁴⁴. Дополнительная информация была найдена в архивном деле, в котором говорится, что стала она попечительницей данного училища с момента открытия в 1884 г.¹⁴⁵.

В 1892 г. после смерти Павла Дмитриевича владелицей всей недвижимости (включая усадьбу Рубцово и дом в Воскресенске) стала его супруга Ольга Андреевна. Это произошло согласно завещанию, обнаруженному в архивном деле. Там жена названа единственной наследницей. В указанном деле имеется описание имения Рубцово, включавшее на тот момент 642 десятины земли. Текст в целом повторяет приведенное выше описание усадьбы. В списке объектов недвижимости упомянуты большой каменный двухэтажный дом, нескольких флигелей, конюшни, погреба, сарай. Стоит отметить библиотеку из 1090 книг и «17 портретов предков и Императорской фамилии»¹⁴⁶.

Возникает вопрос: где теперь все эти портреты Голохвастовых? Увы, кроме приведенных ранее копий изображений Елизаветы Алексеевны и Дмитрия Павловича, никаких других фотографий, картин и т.п. для членов рода Голохвастовых обнаружить не удалось. Лишь для жены Павла Дмитриевича имеется единственный фотоснимок, он продублирован на многих сайтах интернета. Увы, везде качество изображения низкое и нигде первоисточник не указан, поиски его оказались безрезультатными. Поэтому удостовериться в том, что на фото именно Ольга Андреевна Голохвастова, не удалось. Но, несмотря на оставшиеся сомнения, решено было привести найденную фотографию в надежде, что симпатичная женщина на фото когда-то была владелицей Рубцово.

Изо 1–22. О. А. Голохвастова?

Вряд ли полученное в наследство подмосковное имение доставило Ольге Андреевне много радости, т.к. на нем были большие долги, и погасить их не было никакой возможности и надежды. За неуплату взносов банку имение назначалось к продаже с торгов. Когда именно произошла смена владельца недвижимости — установить пока не удалось. Можно лишь констатировать, что в списке землевладельцев Звенигородского уезда за 1895 г. еще значилась О. А. Голохвастова, а три года спустя в другом документе владельцем имения был указан знаменитый купец-меценат Савва Тимофеевич Морозов. О новых хозяевах Рубцово говорить здесь не будем, т.к. они не имели отношения к Цуриковым. Приведем лишь дореволюционную фотографию главного усадебного дома, относящуюся ко времени Морозовых (здание при них было перестроено, появилась крытая галерея, соединяющая главный дом и флигель).

Ольга Андреевна умерла летом 1897 г. в Рубцово, это подтверждает обнаруженная запись в метрической книге приходской Покровской церкви. В ней указан возраст 50 лет¹ и причина смерти: «от паралича сердца и хронического воспаления почек»¹⁴⁷. В газете «Русские ведомости» было напечатано объявление: «Ольга Андреевна Голохвастова волею Божию скончалась 2-го сего июля. Отпевание 5-го сего июля в селе Покровском-Рубцове, Звенигородского уезда. Погребение и заупокойная литургия в Москве, в Новодевичьем монастыре в 10 час. утра 6-го сего июля». Надо полагать, похоронили ее рядом со скончавшимся пятью годами ранее мужем Павлом Дмитриевичем.

¹ Из возраста 50 лет следует, что Ольга родилась в 1847 году. Скорее всего, это неверные сведения, т.к. на большинстве сайтов приведен год ее рождения 1840. И тогда получается, что она прожила примерно 57 лет.

Изо 1–23. Главный дом в усадьбе (из фотоколлекции М. В. Золотарева).

Елизавета Дмитриевна Лопухина

Поговорим теперь о сестре братьев **Елизавете Дмитриевне Лопухиной** (урожд. Голохвастовой, 1841 – † 1909). Она вышла замуж за дворянина Александра Алексеевича Лопухина, который принадлежал к древнему дворянскому роду¹. Об этом роде оказалось довольно много сведений, в интернете есть даже родословный сайт “Лопухины. Русский дворянский род” (очень толковый и информативный). А еще выяснилось, что юридический факультет Московского университета окончили более десятка представителей разных поколений Лопухиных. Это была одна из самых многочисленных династий юристов в МГУ.

Дед мужа Александр Николаевич Лопухин владел поместьями в Тульской и Смоленской губерниях, в начале 1820-х купил дом в Москве. По соседству поселилась семья Лермонтовых. Михаил (будущий поэт) и один из сыновей Лопухина Алексей подружились. Когда много лет спустя в 1839 г. у Алексея Александровича родился сын Саша (будущий муж Елизаветы), поэт откликнулся на это событие стихотворением, посвященным новорожденному: *«Ребенка милого рождение / Приветствует мой запоздалый стих...»*. По информации от сотрудника музея истории юрфака МГУ Г. Н. Рыженко, Александр Алексеевич Лопухин был зачислен в Пажеский корпус, откуда перешел в школу гвардейских прапорщиков. Окончил ее в 1858 г. юнкером I класса и поступил в Московский университет.

В начале 1860-х годов Александр Алексеевич женился на Елизавете Дмитриевне Голохвастовой. По воспоминаниям современников невеста отнюдь не была красавицей, но у нее имелось большое состояние. После женитьбы карьера Лопухина «пошла в гору». Это видно из информации, приведенной на родословном сайте. В 1866 г. он стал мировым судьей в Москве. В 1867 г. был выдвинут на должность *«товарища прокурора при Московском окружном суде»*. [...] В 1870-х годах — *прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты*. [...] С 1882 г. *председатель Варшавского окружного суда*¹⁴⁸. Далее на родословном сайте написано, что *«Александр Алексеевич Лопухин послужил прототипом Стивы Облонского в романе “Анна Каренина”*. Об этом граф Л.Н. Толстой говорил брату его жены, писателю-славянофилу П.Д. Голохвастову». Там же имеется и

¹ В древе рода Голохвастовых фамилия Лопухиных ранее уже встречалась. Брат рубцовского помещика Павла Ивановича Иван Иванович Голохвастов в XVIII веке женился на Варваре Федоровне Лопухиной. Родословный сайт позволил установить, что Варвара из того же рода Лопухиных, относится к 19-му поколению. А Александр (муж Елизаветы) принадлежит к 23-му поколению. Родственная связь между ними есть, но не прямая, а очень отдаленная через общего предка в 11-м поколении.

Изо 1–24. А. А. Лопухин.

его фотография, которая здесь приводится.

У Лопухиных родилось пять сыновей (см. древо). Однако брак не стал счастливым. Как написано в Википедии, *«Лопухин был человек способный и обладал недюжинным природным умом. Красавец собой, с густою гривой волос, седых с двадцатипятилетнего возраста, он пользовался исключительным успехом у женщин»*. Там же приведены воспоминания о нем одного из современников (В. Н. Ляковского): *«Помимо того, что он спустил большую часть состояния – Елизавета Дмитриевна была с ним очень несчастлива. Наконец, он ее бросил и, без развода, умудрился обвенчаться с другой, за что император Александр III велел выйти ему в отставку»*¹⁴⁹. Уволенный со службы, А. А. Лопухин тяжело переживал крушение своей карьеры и страдал от непризнания его второго брака семьей и обществом. Умер в 1895 г., похоронен в Ницце на русском кладбище.

Как написано в тех же воспоминаниях: *«Елизавета Дмитриевна, ради детей, не допустила судебного дела. Ей удалось крайней бережливостью спасти остаток состояния и дать образование своим пятерым сыновьям. [...] Ее нельзя было не ценить за ум, энергию, твердые правила; но характер у нее был тяжелый, и ужиться с нею было трудно»*. Умерла она в 1909 г.

О детях Елизаветы Дмитриевны Лопухиной (урожд. Голохвастовой) довольно много информации. Старший Алексей с детства был дружен с будущим премьер-министром Петром Аркадьевичем Столыпиным, в последующие годы был прокурором Окружного суда Тверской, Московской и Санкт-Петербургской губерний. В мае 1902 г. Алексей Александрович был назначен директором департамента полиции Министерства внутренних дел России. Он был женат на княжне Екатерине Дмитриевне Урусовой, у них родились две дочери, обе впоследствии вышли замуж. В начале 1920-х годов А. А. Лопухин эмигрировал из советской России. Похоронен в 1928 г. в Париже.

Его брат Дмитрий Александрович выбрал карьеру военного. В годы Первой мировой войны в звании генерал-майора командовал кавалерийской дивизией. В одном из боев в 1914 г. был смертельно ранен. Имел несколько орденов за боевые отличия. Женат был на Елизавете Михайловне, урожденной Султан-Гирей. Единственный сын Георгий погиб в бою незадолго до смерти отца.

У двух других братьев – Бориса и Юрия – оказались схожие судьбы. Оба окончили Московский университет, в службе значимых высот не достигли. Во время гражданской войны в 1919 г. были арестованы в Курске как заложники и осенью того же года при отступлении Красной армии расстреляны большевиками. Были ли они женаты, имели ли детей – сведений нет.

Виктор Александрович единственный из братьев, кто не учился в Московском университете. В молодые годы служил в армии. После увольнения находился на разных гражданских должностях. В 1906 г. был назначен вице-губернатором в Тулу. Через три года уже исполнял обязанности Пермского губернатора. Потом был поочередно губернатором Новгородской, Тульской, Вологодской губерний. После прихода к власти большевиков не стал эмигрировать, хотя неоднократно подвергался арестам. Жил в Москве. Умер в 1933 г. в Бутырской тюрьме после очередного ареста. Виктор Александрович был дважды женат. Второй женой была Надежда, дочь известного благотворителя Николая Петровича Бахрушина. В браке с ней родились сыновья Георгий и Александр. Оба были женаты, дожили до почтенного возраста (умерли уже в XXI в.). Как написано на родословном сайте «Лопухины. Русский дворянский род», у Александра Викторовича родился сын Александр, ныне он живет в Москве. У него есть дети.

О роде Голохвастовых

Теперь хотелось бы поделиться сведениями о продолжении рода рубцовских помещиков Голохвастовых.

Скорее всего, детей у братьев Дмитрия Дмитриевича и Павла Дмитриевича не было. Первый и вовсе не был женат. А об отсутствии детей у второго свидетельствует то, что он в своем завещании наследницей указал только жену Ольгу Андреевну. А вот род их сестры Елизаветы Дмитриевны Лопухиной, как только что было показано, продолжается, есть живые потомки.

Если же говорить шире о роде Голохвастовых, о дальних родственниках, то тут ситуация с потомками следующая. Не исключено, что род Павла Ивановича продолжается по линии его сына Николая Павловича, у которого было шестеро детей. Кто-то из них мог дожить до взрослых лет, обзавестись своей семьей. По крайней мере, известно, что три дочери вышли замуж (в древе указаны их фамилии после замужества). Так что вполне возможно, что у кого-то из них были дети, внуки, правнуки. Но это что называется под вопросом.

А вот о том, что живы потомки Натальи Павловны Шатиловой, можно говорить твердо, об этом выше рассказывалось. Сообщалось, что род ее сына Иосифа продолжается и поныне.

Таким образом, по крайней мере, по двум ветвям род рубцовского помещика Павла Ивановича Голохвастова продолжается: по линии его дочери Натальи Шатиловой и по линии внучки Елизаветы Лопухиной. Вот только потомки носят другую фамилию.

Сколько жили Голохвастовы?

Хотелось бы поделиться таким наблюдением. Если поглядеть на родословное древо, на приведенные в нем даты жизни, то можно заметить довольно странную закономерность: все дети Павла Ивановича Голохвастова прожили немного: трое умерли в младенчестве, а трое других, хоть и дожили до взрослых лет, но срок их жизни оказался недолгим. Да и с женами, а также с более дальними родственниками ситуация примерно такая же. Если Павел Иванович прожил примерно 67 лет (его можно назвать долгожителем среди родственников), то его супруга Елизавета Алексеевна 59. Их дети: Дмитрий Павлович жил 53 года, его жена Надежда Владимировна 40, Николай Павлович 46, а Наталья Павловна и вовсе около 23 лет. Дети Дмитрия Павловича также не были долгожителями: Дмитрий прожил 51 год, Павел 54, его жена Ольга Андреевна примерно 57. Сведений о кончине Александра Дмитриевича Голохвастова нет. Но судя потому, что его имя после достижения совершеннолетия ни в каких документах не упоминается, можно предположить, что он рано умер. И лишь сестра братьев Елизавета Дмитриевна Лопухина прожила почти 68 лет.

Публикации о Голохвастовых

В завершении разговора о Голохвастовых хотелось бы рассказать вот о чем. Это старинный дворянский род России, его представители много столетий назад служили московским князям Ивану Красному и Дмитрию Донскому. О различных представителях этого славного рода достаточно много материалов в различных источниках. Радует, что в последнее время стали выходить свежие публикации. Одна из них под авторством Е. Н. Гиляровой и С. М. Завьялова вышла в сборнике об истории села Покровское-Рубцово¹⁵⁰. Другая статья Е. В. Михеевой была напечатана в газете “История” (цитаты из нее приводились выше). Это хорошие публикации, но далеко не полные.

Можно сказать, что полноценного, всеобъемлющего исследования этого старинного рода еще не было. Монографию, посвященную Голохвастовым, пока никто не написал. А зря. *«В роду Голохвастовых были послы, воеводы, начальники царской охоты, стольники, вице-губернаторы, тайные советники и сенаторы, фрейлины и даже монахи. Они были в родстве с другими знатными дворянскими родами России — Лопухиными, Рахманиновыми, Юсуповыми»*¹⁵¹. Кто-то может возразить: ведь в 1848 г. Дмитрием Павловичем была издана книга “Акты, относящиеся до рода Голохвастовых” объемом в 146 страниц. Верно. Но это всего лишь сборник древних документов, пусть и очень важных. Но в нем нет живого рассказа о представителях рода, нет сведений и о людях, живших в XIX и XX столетиях. Настоящая книга не сможет заполнить эти пробелы, она ни в коей мере не претендует на полноту изложения о Голохвастовых. В ней говорится только о тех представителях этого дворянского рода, которые были связаны с подмосковным имением Покровское-Рубцово или их владельцами.

1743–1890-е: Покровская церковь села Рубцово

Изо 1–25. Вид на Покровский храм и усадьбу Покровское-Рубцово¹⁵², 1900.

Одна из дорог из города Истры на скоростную магистраль М–9 (“Новая Рига”) пролегает через поселок Пионерский – бывшее село Рубцово. В нем на изгибе дороги высится красивая белоснежная церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, которая в советские годы не закрывалась. Хочется поговорить о ней отдельно. Однако здесь не будет полного изложения всех обнаруженных материалов, это тема отдельной публикации. Далее описывается история, начиная с постройки храма в середине XVIII столетия и кончая концом XIX века, когда

завершилась эпоха владения имением Рубцово помещиками Голохвастовыми, которым когда-то принадлежали дворовые люди Цуриковы.

Покровская церковь не только дошла до наших дней, но и в целом сохранила свой прежний вид.

Известна фотография Покровской церкви, она опубликована в книге “Покровское-Рубцово”. На общем плане виден храм и справа помещичья усадьба еще до перестройки – главный дом и флигель стоят отдельно, не соединенные крытой галереей. Если датировка снимка верна, то это означает, что он сделан в первые годы владения рубцовским имением Морозовыми. Похоже, что это изображение храма и усадьбы самое раннее из сохранившихся.

Об истории появления Божьего дома в селе Покровское-Рубцово неоднократно писали в наше время. Практически все современные публикации основаны на материалах исследований известных церковных историков братьев Холмогоровых. В своей книге, изданной в 1881 г., они использовали документы церковных архивов, некоторые из которых до наших дней не сохранились. Но основной документ, в котором изложена история появления храма в Рубцово, к счастью, уцелел, он хранится в архиве ЦГАМ. Своим появлением Покровская церковь обязана дворянину Н. М. Нащокину, о котором рассказывалось в начале настоящей главы. Прежде здесь храма не было.

Прошение о сооружении храма, его строительство

В июне 1743 г. на имя государыни Елизаветы Петровны было подано прошение. Оно начиналось традиционными для того времени словами: *«бьет челом лейб гвардии Семеновского полку солдат Николай Михайлов сын Нащокин»*¹⁵³. Далее помещик писал, что в своей вотчине сельце Рубцово *«по завещанию отца моего полковника Михаила Ивановича и матери Агрипены Ивановны Нащокиных желаю я построить вновь церковь каменную во имя Покрова Пресвятыя Б-цы»*.

Но одного желания было мало, необходимо было обосновать необходимость в новом храме. Нащокин в прошении написал, что Рубцово расположено в двух верстах от приходской Никольской церкви, находившейся в селе Лучинском. И отметил, что препятствием на пути в Божий дом являлись речки, которые во время половодья сильно разливались, отчего *«бывает немалая нужда»* как в исполнении священником различных треб, так и в посещении жителями его сельца (150 душ) богослужений.

Получив такую бумагу, архиепископ Московский и Владимирский Иосиф распорядился духовному правлению Загородской десятины провести на месте следствие и подтвердить: действительно ли все написанное в прошении соответствует истине? Летом того же года в Рубцово и Лучинское выезжали священники окрестных храмов. Произведенное ими *«следствие»* подтвердило справедливость написанных слов в прошении: *«за разлитием в вешнее и осеннее время реки Истры и Маглуши оной Николаевской церкви попу с церковными требами також и ево Нащокина людем и крестьянам до той церкви [в Лу-*

чинском] *ходить невозможно*». Еще отмечено, что «*Николаевской церкви поп Василий Игнатъев*» дал согласие на появление нового храма в своем приходе: «*спору ныне и впредь не будет*».

Чтобы прошение было удовлетворено, следовало указать, на какие средства впоследствии будет существовать причт новой церкви. Николай Михайлович это предусмотрел, написал, что из своей земли выделит «*пашенной им [служителям] земли [10] четвертей в поле, а в дву потому жⁱ, санных покосов [20] копен*». Помимо этого помещик обещал снабдить храм всей необходимой утварью (священнические одежды, богослужебные книги, сосуды, свечи, ладан, церковное вино и др.).

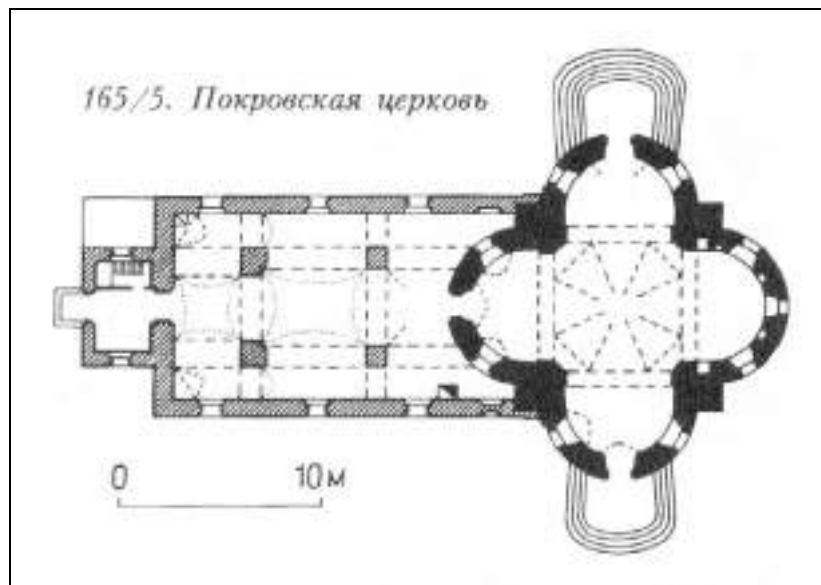
Рассмотрев все обстоятельства, консистория решила удовлетворить просьбу Н. М. Нащокина. 31 октября 1743 г. архиепископ Иосиф подписал указ с разрешением построить новую церковь в Рубцово.

Как долго шло строительство Божьего дома? В различных источниках приводятся разные даты основания Покровского храма: 1743, 1745, 1749 и 1750. С этим нужно разобраться. Если под словом «основание» понимать не закладку храма, а окончание его строительства, то ситуация такая.

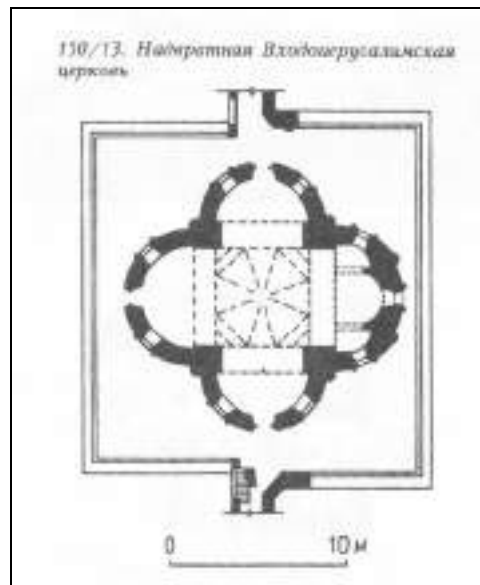
Холмогоровы пишут, что в 1749 г. назначенному в Покровский храм иерею Ипполиту Иванову (Ивановичу) была выдана «*копия с отказных книг на церковную землю*». Иначе говоря – документы на землю, которую Нащокин передал храму «*на пропитание*». Однако был ли Божий дом в это время полностью готов к проведению богослужений – в этом есть сомнения. Как свидетельствуют обнаруженные документы, лишь **27 апреля 1750 г.** был издан указ об освящении церкви Покрова Пресвятой Богородицы и выдачи антимины. Освящение должен был провести протопоп Успенского собора Кремля. Нигде не указана дата, когда было исполнено указание священноначалия. Но думается, что большой задержки не было. Поэтому 27 апреля (по старому стилю) 1750 г. можно считать датой окончания постройки, основания рубцовского храма. Так на нашей земле появился еще один Божий дом. Именно тогда село получило двойное название: «*Покровское, Рубцово тож*»ⁱⁱ.

Следует отметить, что первоначально церковь в Рубцово имела не тот вид, который у нее сейчас. Нащокиным был построен основной объем или, как раньше говорили «*настоящая церковь*» (ныне специалисты используют термин «*четверик*»). В одном из современных изданий про Покровский храм написано: «*здание кирпичное центрического ярусного типа*» с четырьмя симметричными лепестками (первоначальная постройка выделена жирным цветом на приводимом плане храма).

Интересным наблюдением поделился краевед В. В. Щёголев. По его мнению, надвратная церковь Воскресенского Новоиерусалимского монастыря «*вдохновила Нащокина*». И действительно, если

Изо 1–26. План Покровской церкви в Рубцово с выделенным первоначальным объемом¹⁵⁴, 1999.

Изо 1–27. План надвратной церкви в Новоиерусалимском монастыре, 1999.

ⁱ Объяснение этих слов см. в приложении–1.

ⁱⁱ Вблизи Москвы находилось еще одно село с таким же названием. Речь идет о дворцовом селе Покровское-Рубцово, находившемся на берегу р. Яузы. В нем также имелся Покровский храм. Такое совпадение названий села и храма на территории одного Московского региона привело местных краеведов к некоторым ошибкам.

сравнить чертежи церквей, приведенные в справочнике памятников архитектуры Московской области (ПАМО), то явно просматривается сходство планов. Щёголев также обратил внимание, что подобную «лепестковую» планировку имеет Спасская церковь в селе Уборы и еще несколько храмов. Но, конечно же, в качестве примера для подражания был взят надвратный храм Воскресенского монастыря. Входаиерусалимская церковь была построена под руководством Я. Г. Бухвостова в 1697 г., т.е. за полвека до Покровского храма. Ее, безусловно, неоднократно видел храмоздатель Николай Михайлович, когда посещал монастырь. Напомним, что ранее говорилось о тесной связи Нащокиных с указанной обителью, на территории которой оказались похоронены несколько членов этого семейства. Рядом с ними позднее был похоронен и сам Николай Михайлович (изо 1–05).

В архиве ЦГАМ сохранилось много клировых ведомостей церквей Московской губернии разных лет, самые ранние датированы 1776 годом. В одной из них написано, что Покровская церковь *«каменного здания в твердости церковной утварью довольна»*¹⁵⁵. В составе причта в указанный год находились два служителя: 68-летний священник *«Ипполит Иванов»* (Ипполит Иванович) и пономарь *«Филипп Димитриев»* (Филипп Дмитриевич). Отмечено, что храму в Рубцово принадлежали 33 десятины, и что указанной землей пользовался помещик. За это церковнослужители получали компенсацию, так называемую ругу в виде продуктов питания.

Спустя четверть века Николай Михайлович Нащокин решил расширить построенную им Покровскую церковь. Сохранилось архивное дело, в котором об этом рассказано.

Прошение о расширении храма, долгое строительство второго Никольского придела

Летом 1777 г. прапорщик Н. М. Нащокин (как видим, он уже не солдат) подал новое прошение на имя священноначалия. В своем обращении он написал, что в построенном им храме *«для зимняго времени придела теплаго неимеется; чего ради имею я желание ко оной церкви сделать придел во имя святителя и чудотворца николая да [надстроить] колокольню на трапезе каменного же здания, к чему уже и материал изготовлен»*¹⁵⁶. На сей раз в инстанциях вопрос был решен быстро и уже 7 июля был издан указ о дозволении начать стройку.

Что происходило дальше – увы, достоверных сведений нет. Можно предположить следующее. Коль скоро *«материал изготовлен»* был заранее, строительство колокольни и трапезной с приделом началось без особой задержки. Но, по всей видимости, стройка не была завершена, ибо на протяжении последующих десятилетий в документах писали, что в Покровском храме имеется только один придел. Почему так получилось – нигде не сказано. Но это и так понятно, если вспомнить, когда умер Николай Михайлович – 1 сентября 1779 г. Очевидно, за отпущенное Господом время он не успел закончить начатое дело по расширению церкви. С кончиной Н. М. Нащокина завершился самый насыщенный важными событиями и, пожалуй, самый интересный период в истории Покровского храма.

В документах последующих десятилетий о самой рубцовской церкви ничего нового не писали. В клировой ведомости 1785 г. указан новый владелец села бригадир Павел Иванович Голохвастов. В это время в Покровском храме служил другой настоятель – Петр Яковлевич. В приходе было 224 души мужского и 206 женского пола¹⁵⁷. Как следует из документов, о. Петр служил в храме долго. По крайней мере, в метрических книгах Покровской церкви за 1810 г. его имя в причте еще значится.

В 1811 г. в церковь с. Рубцово был назначен священник Алексей Васильевич Василевский. Через год ему пришлось натерпеться неприятностей. Как следует из архивного дела *«во время нашего пребывания неприятеля»*, т.е. французов, он лишился сена на 160 руб. и имущества на 150 руб.¹⁵⁸. А вот сам Покровский храм не пострадал, возможно, потому, что в его церковной кассе денег не было¹⁵⁹.

В клировой ведомости 1813 г. оказалась такая строчка: *«но придел Николая Чудотворца еще не освящен, который помещица обещает освятить в скорое при оной церкви»*¹⁶⁰. Однако свое обещание помещица (имя ее в цитате не указано, но оно и так известно – Елизавета Алексеевна Голохвастова) не выполнила. Как свидетельствуют последующие документы, второй придел в Покровском храме появился лишь спустя десятилетия. Почему случилась такая задержка – осталось непонятно. Ведь из приведенной цитаты как бы следует, что придел был уже построен. Дело оставалось за малым – получить антиминс и произвести освящение. Однако по каким-то причинам этого не произошло.

В апреле 1818 г. в соседнем селе Лучинском, которое также принадлежало Голохвастовым, сгорела деревянная Никольская церковь. Местные жители лишились своего приходского храма. Встал вопрос: то ли восстанавливать Божий дом, то ли распределить прихожан по соседним приходам. С

общего согласия всех выбрали второй вариант. Село Лучинское, деревни Сычевки и Слабошеино приписали к храму в Рубцово, а остальные селения – к церкви в Никулино.

В 1822 г., как ранее говорилось, во владение подмосковным имением вступил Дмитрий Павлович Голохвастов. Через два года он пожертвовал в Покровскую церковь колокол. Казалось бы, этот факт свидетельствует о расположенности помещика к храму в своем имении. Однако почему-то за четверть века с лишним, пока Д. П. Голохвастов владел Рубцово, второй придел в Покровской церкви так и не был освящен. Это выглядит довольно странным. Если причина задержки была финансовая, то рубцовский помещик мог бы ее решить – ведь он был богатым человеком. Неужели нужды в теплом приделе не было? А как же на протяжении десятилетий служили в храме зимой? Так и хочется написать, что, наверное, помещик не часто ходил на службы в храм при своем имении, не мерз в нем в холодное время года. Оно и понятно – он ведь жил и работал в Москве.

Со временем форма клировой ведомости менялась, в ней появлялись новые графы. Так настоятели Покровской церкви в документе стали указывать имя храмоздателя Николая Михайловича Нащокина. Это правильно. А вот о времени построения церкви почему-то писали: *«когда имянно неизвестно»*. Странно. Не такой уж древний был храм.

В 1837 г. был уволен *«за болезнь»* настоятель храма священник Алексей Васильевич Василевский. Этот батюшка прослужил в Рубцово 26 лет. На должность настоятеля храма был назначен иерей Илия Федорович Мазуров. Ему сразу же пришлось заняться ремонтом в церкви: требовалось поменять пол в алтаре. После окончания работ была составлена новая опись храма.

В клировой ведомости 1842 г. появилась такая информация о церкви: *«Престолов в ней один в настоящей холодной во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, при ней в устроенной трапезе предположен быть второй престол»*¹⁶¹. Поразительно, но такая же фраза оказалась в клировой семь лет спустя, все так же написано: *«предположен быть»*.

В феврале 1852 года в Покровскую церковь был назначен новый настоятель Василий Яковлевич Скворцов. Благодаря его усилиям вопрос о втором приделе в Покровском храме был решен окончательно. В архиве РГАДА хранится документ¹⁶² о выдаче в сентябре указанного года нового антиминса в придел Святителя Николая. Думается, что с освящением нового престола не стали тянуть.

Таким образом, с момента получения разрешения в 1777 г. на сооружение второго придела и до его освящения прошло 75 лет! Трудно найти среди храмов нашей земли другой такой же пример долгостроя. Вполне возможно, что это рекорд, а точнее антирекорд. Почему так произошло? В исторических документах об этом не говорится. Можно лишь предположить, что если б не умер так рано подавший прошение Н. М. Нащокин, то все завершилось бы достаточно быстро. А так ... шли десятилетия, менялись владельцы имения, в Покровский храм приходили новые настоятели. Но ничего не менялось. Трудно отделаться от мысли, что второй придел не очень-то был нужен, в первую очередь причту (наверное, как то приспособились служить зимой в единственном холодном приделе). Ведь если причина задержки была финансовая (помещик отказался помогать), то в храме могли бы со временем собрать нужную сумму, не такая уж большая она была. Но почему-то этого не произошло.

Идем дальше. В клировой ведомости 1855 г. написано, что *«Домы у священно-церковно-служителей деревянные от Господ Голохвастовых, для священника дом выстроен отдельно, а причт в одном флигеле с дворовыми людьми занимает по две комнаты»*¹⁶³.

В 1858 г. *«Воскресенский 2 гильдии купец Павел Григорьев Цуриков изъявил желание украсить живописью Никольский придел при церкви села Рубцова, на свое иждивение»*¹⁶⁴. Такое желание купца вполне объяснимо. Ведь для Павла Григорьевича это был родной храм. В нем его крестили, туда он ходил на службы в детские и юношеские годы. Надо полагать, что после оказанной Цуриковым помощи все работы по обустройству Никольского придела были выполнены.

О церковной земле Покровского храма

Переходим к вопросу о земле, принадлежавшей Покровскому храму. Она находилась на юг от церкви на расстоянии менее одной версты (см. отметку «Ц: 3:» на приводимом плане). Напомним, что этот участок был отведен причту храмоздателем Н. М. Нащокиным еще в середине XVIII в. Помимо этого было еще небольшое количество (2 дес.) так называемой усадебной земли, находившейся при домах причта. По законам того времени общий размер всей церковной земли должен был равен 33 десятинам. Именно столько обещал отвести храмоздатель при подаче прошения о построении Покровской церкви.

Изо 1–28. План окрестностей села Покровское-Рубцово с отметкой церковной земли¹⁶⁵ (фрагмент), 1862.

Надо сказать, что в прежние времена земельный вопрос являлся животрепещущим для каждого сельского причта. Земля давалась служителям для пропитания своих семей, ибо сборы с прихожан во время служб в храме и за исполнения треб не покрывали всех жизненных потребностей. Однако для того, чтобы земля приносила пользу, ее нужно обрабатывать, вкладывать много труда. А где взять на это время? Ведь клирики в первую очередь должны служить в храме и исполнять требы прихожан. Поэтому они предпочитали сдавать свои участки в аренду, получая взамен плату деньгами, продуктами или частью урожая. Это был один из основных источников дохода клириков. Ну а сами служители обычно своими силами заготавливали сено для домашнего скота. Ведь в каждой семье, как правило, были корова, лошадь. Как без скотины прожить на селе многодетным семьям?

В архиве сохранилось несколько дел о церковной земле Покровской церкви и ее использовании в разные годы. Начиная с самых первых клировых ведомостей (с 1776 г.) писали, что причту отведено 33 дес. «на пропитание». Так длилось десятилетиями. Причем во всех ведомостях отмечалось, что планов на церковную землю у причта нет, и что земельные документы находятся у помещика. При этом говорилось, что всею церковной землею (кроме усадебных участков) пользуется помещик. А причту за это он платил так называемую ругу в виде продуктов питания и небольшой суммы денег. По сути это была сдача земли в аренду с оплатой в виде натуроплаты и денег. При этом никаких арендных документов на бумаге не оформлялось, все договоренности были на словах.

Так в 1818 г. священник о. Алексей получил от помещицы Голохвастовой в виде руги 100 руб. денег, сенокос на две коровы, мяса два с половиной пуда, 12 четвертей¹ зерна ржи и другие продукты¹⁶⁶. У дьячка и пономаря руга была заметно меньше: денег только по 20 руб., сенокос на одну корову.

В XIX веке земельные владения Покровской церкви увеличились почти в два раза. Это произошло после того, как в 1818 г. сгорела Никольская церковь в соседнем селе Лучинском. Ее решили не восстанавливать и жителей указанного села приписали к ближайшему храму в селе Рубцово. У

¹ 1 четверть = 209,9 литров.

сгоревшего храма была своя церковная земля 36 десятин. По законам того времени она должна была перейти во владение Покровской церкви и указываться в ее документах. Но на протяжении более двух десятилетий об этом ничего не писали. И только в клировой ведомости за 1838 г. впервые записано, что большей частью земли бывшей Никольской церкви (30 из 36 дес.) «*владеет*» помещик Д. П. Голохвастов¹⁶⁷. Оставшиеся 6 десятин села Лучинского взял на свои нужды граф П. Н. Zubов (у него было имение в Глебово-Избище). Он платил ежегодно причту 50 рублей ассигнациями.

Помимо земли в Лучинском Дмитрий Павлович арендовал всю землю Покровского храма в Рубцово за исключением небольшого участка усадебной земли при домах причта. Размер этой земли должен был равен примерно 33 десятины (именно столько отвел причту храмоздатель Нащокин). Однако в клировой ведомости было отмечено, что количество пашенной и сенокосной земли Покровской церкви неизвестно, т.к. планов на нее нет. Помещик Д. П. Голохвастов за использование земли Покровской и Никольской церквей расплачивался с причтом продуктами и деньгами (священнику 120 рублей, дьячку и пономарю по 20).

В клировой ведомости Покровской церкви за 1842 г. написано примерно то же самое, но есть и отличие. Во-первых, размер усадебной земли причта указан две десятины с пометкой, что заняты только полдесятины. А во-вторых, записан размер пашенной церковной земли 24 десятины. В сумме с усадебной получается 26 десятин. А должно быть, как уже говорилось, 33. Где же остальные 7 десятин? Возможные ответы такие: или еще при постройке церкви неверно было произведено межевание (вместо 33 десятин на самом деле храму было отведено лишь 26), или помещики Голохвастовы, что называется, «заиграли» эти 7 десятин. Ведь все земельные документы были у них.

Земельному вопросу посвящены два архивных дела первой половины 1860-х годов. В первом деле говорится, что за пользование церковной землей помещик Д. Д. Голохвастов платил служителям ругу. Так священник получал в виде зерна рожь 12, гречку 2, ячмень 3, овес 5 четвертей, сена 100 пудов, деньгами 24 руб. 29 коп. При этом размер арендованной земли оставался прежним (как и в 1838 г.): вся земля Покровской земли и большая часть земли Никольской церкви (30 дес. из 36). А остальные 6 десятин пустоши (видимо, эта та земля, которую ранее брал граф Zubов) взял в пользование «*Воскресенский купец Павел Цуриков*»¹⁶⁸ (надо полагать, для заготовки дров для фабрики). И платил за это священнику 12 рублей в год, дьячку и пономарю по 4.

Во втором деле имеется прошение клириков, в котором написано: «*При нашей Покровской, Села Рубцева, церкви земли значится по планам 26 десятин 125 саженой и приписной Николаевской, бывшего села Лучинского церкви 36 десятин 779 саженой, каковыми землями сами Священно-Церковно-Служители никогда не пользовались, но владели с давних времен помещики Голохвастовы, выдавая нам за оныя вдовольном количестве ругу без всякого акта*»¹⁶⁹. Далее написано, что помещик Д. Д. Голохвастов отказался производить выплату руги так, как это делал раньше, потребовал взамен «*условия*». Иначе говоря, он захотел все отношения оформить официально в виде договора.

Как следует из этого дела, в 1864 г. между сторонами была достигнута договоренность об условиях аренды. Причт был согласен отдать помещику в аренду всю землю в размере 61 десятины, оставив себе только полдесятины уже занятой усадебной земли. Дмитрий Дмитриевич хотел взять эту землю на 24 года с ежегодной платой 500 рублей серебром. Кроме того обязался предоставлять причту бесплатно дрова для отопления своих домов и еще кое-что по мелочи. Но священноначалие не согласилось со сроком аренды, правила предусматривали не более 12 лет. Тогда Голохвастов заявил, чтобы на арендованной земле в Лучинском ему позволили поставить питейный дом. Т.к. это было далеко от Покровской церкви (две версты), то священноначалие на это согласилось, и договор был заключен.

Следующее архивное дело¹⁷⁰ о церковной земле датировано 1876 годом, когда истек срок предыдущей аренды, и требовалось заключить новое условие (договор). К этому времени Д. Д. Голохвастов передумал брать всю церковную землю, хотел арендовать лишь 24 десятины, которые находились около села Рубцово. За это был согласен ежегодно платить в течение последующих 12 лет по 168 рублей, т.е. по 7 руб. за одну десятину. В Лучинском же поначалу нашлись желающие взять в аренду лишь участок в 7 (по другим данным 8) десятин из имеющихся 36. Это были крестьяне деревни Сычевки, они готовы были платить за данный кусок земли ежегодно 60 рублей. Ну а оставшиеся 28 десятин некоторое время спустя согласились арендовать крестьяне самого села Лучинского с платой по 145 рублей ежегодно¹⁷¹.

В архиве ЦГАМ было обнаружено дело с планом местности, на котором показано, где именно

Изо 1–29. План окрестностей села Лучинского с отметкой церковной земли¹⁷² (фрагмент), 1867.

находилась церковная земля, когда-то принадлежавшая сгоревшему храму в Лучинском. Из изображения видно, что «Ц. З.» находилась у места слияния рек Мологоща и Истрица (Малая Истра).

Возвращаясь к документу 1876 г., следует привести еще одну строчку из него: «Дело по спору причта с г. Голохвастовым об усадебной земле прекращено». К сожалению, упомянутое дело отыскать не удалось, и подробности спора остались неизвестны. Можно лишь сказать следующее. Так исторически сложилось, что служители Покровской церкви жили не на своей (церковной) земле, а на помещичьей, и дома у них бы-

ли господские. Понятно, что все это было ненадежно, ибо причт зависел от доброй воли рубцовского помещика. Если б вдруг возник конфликт, то интересы служителей могли пострадать (так и случилось в конце 1880-х годов). Поэтому клирики хотели (и священноначалие их в этом поддержало), чтобы участки, на котором находились их усадьбы (т.е. дома с дворами) стали их собственностью. Взамен они предлагали помещику участок из своей церковной земли. Судя по еще одному архивному делу, такой обмен землями с Д. Д. Голохвастовым затевался еще в 1866–1867 годах. Однако тогда не сложилось – помещик передумал меняться землей. По всей видимости, лишь спустя несколько лет стороны пришли к соглашению и обмен состоялся.

Доходы и колокола Покровской церкви, пожертвования в нее

Дмитрий Дмитриевич Голохвастов, судя по документам, был более расположен к храму в своем имении, чем его предки (отец, дед и бабка). По крайней мере, так выглядело в первое время. Согласно сохранившимся в Покровской церкви приходным книгам, он был церковным старостой в 1870–1877 годах. Но еще раньше в 1865 г. помещик пожертвовал в Покровскую церковь деньги 1800 рублей. Помимо этого подарил «на сооружение ограды 34 т. [тысячи] кирпича, стоящие 290 р. и одежды на престол и жертвенник из малинового бархату»¹⁷³. Одновременно с Голохвастовым пожертвование в Покровскую церковь совершил П. Г. Цуриков. Его деньги 2.400 рублей пошли на церковную утварь. А годом ранее Павел Григорьевич передал в родной храм 1.500 рублей на «устройство иконостаса» (подробнее о пожертвованиях Цурикова рассказывается в шестой главе).

В клировой ведомости 1879 г. прописаны источники дохода Покровской церкви и ее служителей: «Неприкосновенного капитала, пожертвованного по духовному завещанию действительного Статского Советника Павла Григорьевича Цурикова, суммою в [3.261] руб. – проценты коего назначены на продовольствие Священно-Церковно-Служителей [163 рубля 5 копеек]»¹⁷⁴.

В 1887 г. во всех православных храмах Российской империи составлялись так называемые метрики. Это были отпечатанные в типографии бланки анкеты, на вопросы которой отвечали настоятели. В метрике храма с. Рубцово следует отметить такую запись: «По народному преданию основана около 1750 года. Это подтверждает и надпись на древней дарохранительнице, которая гласит так: “В Покровскую церковь 1751 года”, таковая же надпись и на потире¹»¹⁷⁵. Как видим, в цитате

¹ «Потир — сосуд для христианского богослужения, применяемый при освящении причастного вина и принятии Причастия» (интернет).

указан год 1750. Это подтверждает правильность приведенной выше даты основания храма.

Важной представляется информация о колоколах Покровской церкви, приведенная в метрике. На колокольные их было 7 штук. На четырех из них (самых тяжелых) оказались надписи. Причем на двух (отлитых в 1875 г. на заводе Финляндского) указана фамилия Цурикова. На самом большом по весу в 204 пуда (3.342 кг) помимо Павла Григорьевича упомянут еще Дмитрий (Дмитриевич) Голохвастов как церковный староста. Еще на одном кампане¹, отлитом в 1824 г., приведено имя его отца «помещика Дм. Павл. Голохвастова». Надо полагать, это были подарки храму.

Как видим, два рубцовских помещика пожертвовали свои средства на отливку колоколов для Покровской церкви. Надо сказать, что вся история взаимоотношений церковнослужителей с местными помещиками показывает, что они на протяжении десятилетий ладили друг с другом. В архивах не найдено дел о разбирательствах кого-либо из членов причта с владельцами села. Так было до конца 1880-х годов. Следующее архивное дело показывает, что помещик Д. Д. Голохвастов со временем изменил отношение к храму в своем селе. Остановимся на этом документе подробнее.

Конфликт помещика Д. Д. Голохвастова с причтом Покровской церкви

В 1888 г. заканчивался очередной 12-летний срок аренды земли Покровской церкви. Помещик решил вырубить на церковном участке весь выросший лес: как строевой, так и молодняк. Причт доложил об этом намерении своему начальству, и то выразило категорическое несогласие, издало специальное распоряжение (указ). Дмитрий Дмитриевич копию указа о запрете рубки леса получил. Но в ответе благочинному написал, что *«Приказания и запрещения Консистории могут обязательны для лиц ей подчиненных, но я к числу их не принадлежу, а потому до меня они касаться не могут»*¹⁷⁶. Что на это сказать? Юридически – все верно. А вот по форме ответ выглядит довольно дерзким.

Далее Д. Д. Голохвастов в оправдание своих действий написал: *«Церковная земля в с. Рубцове находится у меня в аренде уже 24 года, а прежде этого в течении более 100 лет, со времени постройки церкви, у моих предков. Я плачу за каждую десятину в год по 7 руб. сер. и кроме того причт пользуется моими домами, отоплением, пастбищем и подстилкой для скота. Само собой понимается, что такая высокая плата, в течении около 130 лет давалась не исключительно за право собирать грибы и что все что до сих пор могло вырасти на этой земле бесспорно принадлежит мне, а потому и лесную поросль на ней я срублю когда найду для себя удобным»*. Дмитрий Дмитриевич помимо этого заявил, что березы, выросшие в лесу, были посажены его предками.

Надо сказать, что в договоре ничего не было сказано о том, имеет или не имеет право арендатор рубить лес на арендуемой земле. Однако по сложившейся практике в МДК считали, что все выроставшие на сдававшейся в аренду земле деревья и кустарники принадлежат хозяину, т.е. храму. Видя решительное несогласие с этим помещика, священноначалие велело причту Покровской церкви *«без промедления»* обратиться с заявлением в светский суд. И потребовало, чтоб пока идет разбирательство, в лесу никаких рубок не происходило. Однако Голохвастов никаким указам и предостережениям не внял, велел своим людям рубить лес, что те и сделали. Почему он так поступал – сказать однозначно нельзя, в документах объяснений нет. Но если вспомнить, что в это время помещик испытывал значительные финансовые затруднения, то можно догадаться о его желании получить деньги от продажи срубленного леса.

Консистория не смирилась с вырубкой леса на церковной земле. Была произведена оценка нанесенного ущерба, она составила 600 рублей. Последовало обращение причта в суд с требованием к помещику возместить понесенный убыток. Предстояло длительное разбирательство. Понятно, что отношения Д. Д. Голохвастова и служителей Покровской церкви после этого были испорчены окончательно. А ведь не так давно помещик был старостой в храме.

Люди помещика срубили лес весной 1889 г. А осенью следующего года Дмитрий Дмитриевич умер. Как ранее говорилось, Рубцово перешло к его брату Павлу. Тот, вступив во владение имением, не захотел продолжения ссоры с причтом и предложил мировую. Как написано во все том же архивном деле, новый помещик договорился со служителями храма, что они отзывают свой иск в суде, а он выплачивает часть денег (225 рублей) и разрешает прогонять скот по своей территории на водопой. Последнее было очень важно для семей служителей, ввиду того, что после произведенного ранее обмена усадебная земля причта оказалась *«окружена со всех сторон владениями Голохвастов»*.

¹ Кампан – это колокол. Слово происходит от названия местности в Италии – Кампани, где впервые начали изготавливать колокола в начале VII века.

вых. Вследствие этого при недоброжелательстве с их стороны причт стеснен как в прогоне скота в пастбище, так и в водопое». Поэтому служители Покровской церкви согласились на условия нового помещика. Тем более, что разбирательство могло длиться долго: «дальнейшее ведение дела с обжалованием решения в судебную палату может затянуться еще года на два». И все это время пришлось бы испытывать неудобства с домашней скотиной.

Но даже при желании сторон пойти на мировую, нужно было время, чтобы все оформить официально на бумаге. И надо же такому несчастью случиться: в 1892 г. умирает и второй ответчик по делу помещик Павел Дмитриевич. Как ранее уже говорилось, во владение имением Рубцово вступила вдова Ольга Андреевна Голохвастова. Она также была согласна на примирение с причтом. Причем предложила даже более выгодные для служителей условия – согласилась оплатить почти полную сумму иска. Проблема же заключалась в том, что у нее было мало денег, она была готова внести наличными только 200 рублей. А на сумму 325 рублей обязалась выдать дрова причту в течение трех лет.

Чем все в итоге закончилось – в деле информации нет. Как мы знаем, Ольга Андреевна после наследования имения прожила недолго. Так умер третий ответчик по судебному делу. Ну а дальше имение Рубцово стало принадлежать богатому купцу-меценату Савве Тимофеевичу Морозову.

Изо 1–30. Покровская церковь в поселке Пионерский (бывшем селе Покровское-Рубцово), 2009.

Деревня Ивановская на реке Истре

Павел Григорьевич Цуриков родился в селе Рубцово. Но большую часть своей жизни провел на суконной фабрике вблизи деревни Ивановской¹. Там его отцом мельником Григорием Михайловичем была сооружена плотина на реке Истра. Рядом были построены мельница и сукновальный амбар. Со временем здесь появилось суконное предприятие, которое стало называться Ивановской фабрикой по наименованию ближайшего населенного пункта.

Разговор о времени переезда семьи мельника на фабрику пойдет в следующей главе. А сейчас лишь отметим, что если быть точным, то Цуриковы в самой деревне Ивановской никогда не жили. Когда строилась суконная фабрика (а ее территория примыкала к деревне с восточной стороны), то рядом с промыш-

¹ В Звенигородском уезде было еще одно Ивановское на реке Истре. То селение находилось в 3 верстах на юг от Павловской Слободы. Оно не имеет никакого отношения к деревне Ивановской, около которой была построена суконная фабрика.

ленными зданиями были поставлены избы для проживания в них хозяев и некоторых служащих.

Информации о деревне Ивановской оказалось немного, хотя ее история древняя. Объяснить это можно так. В течение нескольких столетий, на протяжении которых прослеживается история этого селения по документам, оно никогда не было господским владением, т.е. не принадлежало какому-нибудь помещику. Поэтому и нет для Ивановского рассказов о его хозяевах, о дворянских родах, к которым они принадлежали.

Наиболее подробно история деревни изложена в энциклопедии «Истринская земля». Вот с чего там начинается повествование: «Первое известное указание на Ивановское относится к 1490—1499 гг. В разъезжей грамоте на село (ныне деревня) Павловское упомянуто «Ивановское Пахмутьева (монастыря)». [...] В писцовой книге 1584—1586 гг. указано в Сурожском стане Московского уезда: «Пахмутьева монастыря пустошь, что было село Соловарово, пашни и лесом поросло средние земли 100 четви <...> сена 100 копен»¹⁷⁷. Таким образом, деревня Ивановская была монастырским владением (слова «Пахмутьева монастыря» относятся к Пафмутьеву-Боровскому монастырю, находившемуся на Калужской земле).

В Смутное время, как и многие другие русские поселения, деревня Ивановская обезлюдела. Лишь через какое-то время, как написано в той же энциклопедии, «здесь снова поселились люди. Писцовая книга 1623—1624 гг. сообщает: «Вотчина Пофнутьева монастыря Боровского чудотворца: деревня, что было село Соловарово, Ивановское тож на речке на Истре, а в ней двор монастырской, живут монастырския детеныши, да в той же деревне крестьян (2 двора, бобылей 2 двора)». [...] В 1704 г. с-цо Селиваново, Ивановская тож, имело двор монастырский, в котором жили приказчик и дворник с семьями; крестьянских дворов было уже 31, а в них 129 человек».

В 1764 г. по всей Российской империи происходило изъятие монастырских и церковных земель, коснулось это и деревни Ивановской. С тех пор почти на протяжении столетия (до отмены крепостного права в 1861 г.) местные крестьяне принадлежали государству, иначе говоря, были казенными. «В «Описании города Воскресенска и его уезда» 1784 г. указано, что с-цо Ивановское принадлежало Коллегии экономии. В это время в нем было 40 крестьянских дворов и жило 200 человек (100 мужчин и 100 женщин). К селу примыкало 422 десятины земли, из которых 240 десятин находились под пашней, 40 — под санными покосами, 130 занимали леса. Крестьяне перешли из монастырских в казенные и находились на оброке. В 1800 г. в с-це Ивановском экономической Тепневской волости числилось 42 двора, 269 крестьян».

Несколько иные цифры о величине земельного надела приведены на плане генерального межевания¹⁷⁸, выполненного в конце XVIII столетия: «Ивановское, село Московского уезда, Сурожского стана, владение Коллегии экономии, ранее Пафмутьева монастыря, состояло в споре с селом Сокольским полковника Ивана Алексеевича Казаринова, межевал 12 июня 1768 г., утв. 2 августа 1778 г. Лавров. Пашня 183 д [десятин] 2006 с [кв. саженей], лес 150 д 1182 с, сеной покос 58 д 25 с, селение 5 д 880 с, дороги 4 д 740 с, реч. [речка] 7 д 844 с, всего 409 д 877 с, душ 108»¹⁸⁰.

О своей прежней принадлежности Боровскому монастырю местные жители не забывали. Об этом говорил в конце XIX века

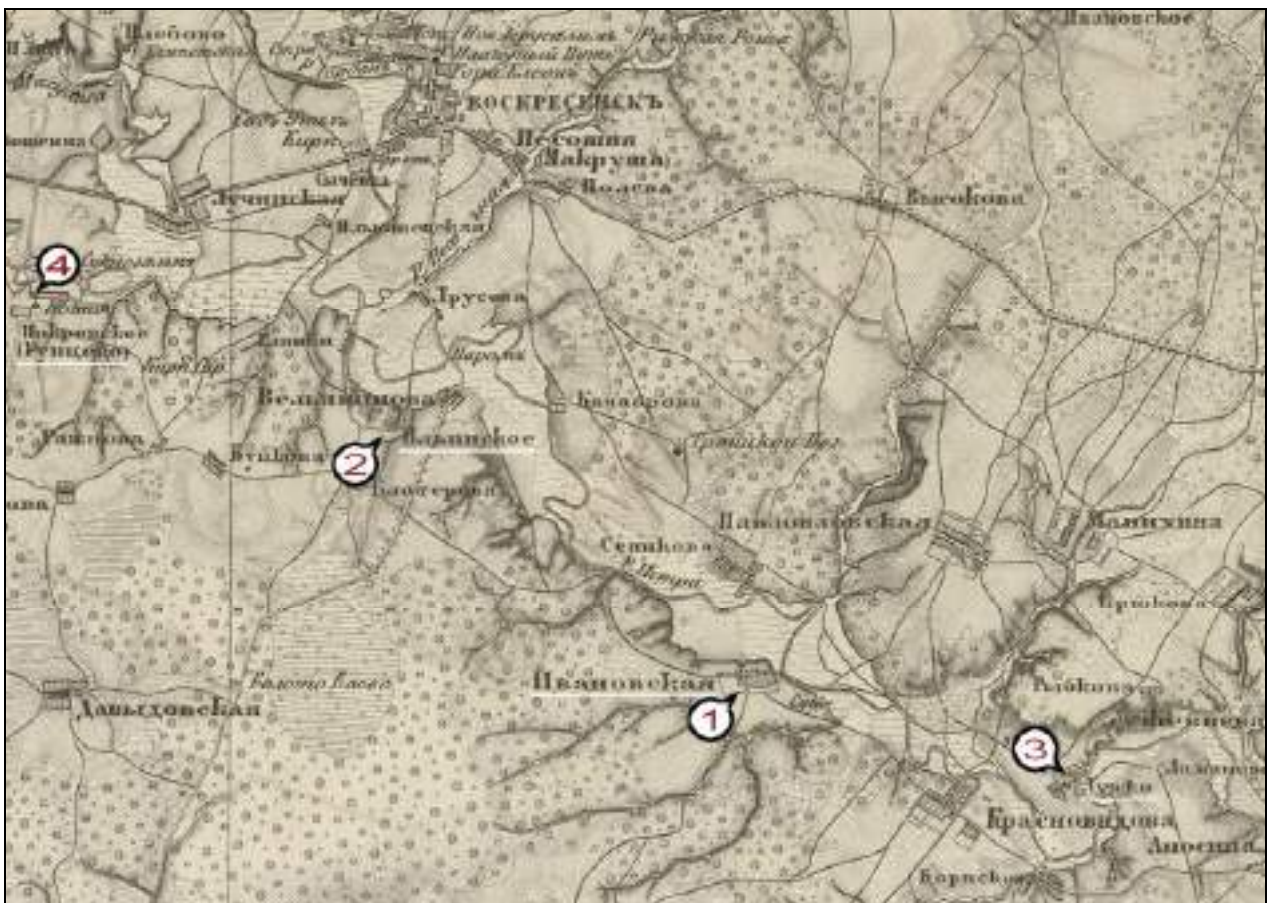
Изо 1—31. План окрестностей «казенного» селца Ивановского¹⁷⁹ (фрагмент), 1862.

известный церковный историк о. Николай Скворцов. В его неопубликованных материалах написано, что крестьяне деревень Петровское и Ивановское «до настоящего времени» чтут день памяти преподобного Пафнутия Боровского, отмечаемый в Церкви 1 мая. В этот день в приходском Успенском храме при Ивановской фабрике происходило «торжественное Богослужение», после которого духовенство совершает молебствия ему по домам прихожан»¹⁸¹.

Внимательный читатель мог заметить, что в разных исторических документах название населенного пункта слегка видоизменялось: писали то Ивановская, то Ивановское. Подобный разноречивый довольно часто встречается в источниках (и не только в отношении этого селения). Таким различиям не стоит придавать особого значения. Порой складывается впечатление, что в прежние времена переписчик документов мог написать название, как ему казалось привычнее, правильнее. Правил грамматики тогда придерживались немногие, уровень грамотности населения был низкий. Это понятно. А вот почему в исторических документах для Ивановского частенько писали не «деревня», а «сельцо» – это объяснить сложно. Повсеместно считалось, что сельцо – это такое поселение людей, в котором была усадьба помещика, но не было храма. Ну так Ивановское, как уже отмечалось, в XVII-XIX столетиях не было господским владением. Поэтому правильнее называть его деревней. Так и будем поступать за исключением исторических цитат, в которых употребляется слово «сельцо». Ну а названия будут использоваться оба – Ивановская и Ивановское.

Исторически так сложилось (по крайней мере, в первой половине XIX в.), что часть крестьян деревни Ивановской (на карте она обозначена цифрой «1») ходили на службу в Ильинскую церковь на Городищах (5 км по прямой линии, отметка «2»), а другая часть – в Петропавловский храм в Лужках (3 км, «3»). Отметим еще, что деревня находилась от села Рубцово («4») на расстоянии около 10 верст.

На сайте УБД можно найти сведения о количестве прихожан обеих церквей (цифры взяты из клировых ведомостей разных лет). Так в 1842 г. 10 крестьянских дворов деревни Ивановской (в которых проживали 27 мужчин и 27 женщин) были приписаны к Ильинскому храму, а 31 двор (111 мужчин и 132 женщины) – к Петропавловскому¹⁸². Примерно такая же пропорция численности прихожан указанных храмов наблюдалась в деревне и в другие годы.

Изо 1–32. Военно-топографическая карта Московской губернии Ф. Ф. Шуберта¹⁸³ (фрагмент), 1860.

Возникает вопрос: а почему не все крестьяне ходили на службу в Петропавловскую церковь, которая была почти в два раза ближе? Тут надо принять во внимание, что в прежние времена крестьяне не могли сами выбирать для себя приходской храм. Они шли в тот, куда прежде ходили их предки. А в приведенной ранее цитате говорилось, что в 1678 г. Ивановское «состояло в приходе Ильинской на Городище церкви». Поменять какой-либо семье или целой деревне приход – это была целая история. Надо было получить разрешение консистории. А для этого нужна была веская причина. Как показывает практика – священноначалие чаще всего отказывало в таких прошениях. Исключение делалось лишь для женщин, выходявших замуж – они автоматически переходили в приход супруга.

Следует иметь в виду еще одно обстоятельство. Путь в Ильинскую церковь был хоть и длиннее, но проходим (проезжий) в любое время года. Как видно на старой карте, дорога из деревни в Ильинское Городище была почти прямая. Серьезных преград на ней не было, если таковыми не считать несколько оврагов. А вот с маршрутом в Лужки ситуация была иная – путь преграждала река Истра (деревня находилась на правом берегу, а село с храмом на левом). Моста тогда не было, имелся так называемый “Коровий брод” около самой деревни. Но во время весеннего половодья уровень воды в реке заметно повышался. На телеге не проехать, попасть на другой берег было проблематично. Именно это обстоятельство, как будет рассказано далее, и сыграло решающую роль в возникновении желания у Павла Цурикова иметь храм близ своей фабрики. После построения Успенской церкви в 1868 г., к ней были приписаны все жители деревни Ивановской, а также некоторые работники суконной фабрики.

Крестьяне, проживавшие в Ивановском, издавна занимались сельским хозяйством. Однако с появлением суконной фабрики постепенно все большее число людей стало работать на этом предприятии. Труд на фабрике был тяжелый, но доходов он приносил больше, чем сельское хозяйство.

В семейном архиве Шуберт (АШ) сохранилась старая фотография деревни Ивановской, находившейся вблизи фабрики. Стоит обратить внимание на крыши крестьянских домов. Только на одном она ровная, возможно, из железа. А на других домах покрытие, по всей видимости, из соломы или так называемой «дранки»¹. Небогато жили обычные крестьяне, крыть крышу железом могли позволить себе немногие.

Изо 1–33. Деревня Ивановская¹⁸⁴, 1890-е, (АШ).

¹ «Дранка — кровельный материал в виде пластин из древесины. Изготавливают из деревянных чурок. Производят путём откалывания плашек от чурки при помощи специального колуна» (интернет).

Глава 2. Основатель фабрики Григорий Михайлович Цуриков

Переходим теперь непосредственно к рассказу о человеке, с которого началась история Ивановской суконной фабрики – к Григорию Михайловичу Цурикову, который был дворовым человеком рубцовских помещиков. Сразу следует отметить, что фамилия Цуриков хоть и редкая, но, как оказалась, отнюдь не уникальная. При сборе информации в архивах неоднократно попадались люди (десятки людей) с такой фамилией как в Москве и Петербурге, так и в провинции (например, в Орловской губернии). Это были дворяне, военные, купцы, мещане. Ни у кого из этих людей не прослеживается родственная связь с дворовыми людьми Цуриковыми, проживавшими в селе Покровское-Рубцово Звенигородского уезда Московской губернии. Видимо, это просто однофамильцы.

Разговор логично начать с происхождения рода и фамилии.

Происхождение Цуриковых: швейцарское или волжское?

Версия о корнях рода изложена в воспоминаниях родственницы Анны Михайловны Шуберт:

«Но существовали рассказы и о еще более далеком прошлом семьи Цуриковых.

Так, в ней из поколения в поколение передавалось утверждение, что Цуриковы были выходцами из Швейцарии, а именно – из города Цюриха, откуда и произошла их фамилия “Цуриковых”. Как ни проблематична была эта версия, следует иметь ввиду, что в каждой легенде и даже старинной песне кроется некое зерно истины. [...] Возможно, что в рассказах Цуриковых о происхождении их семьи также кроется свое зерно истины. Как иначе объяснить то, что невежественная и б.ч. [большей частью] безграмотная семья Цуриковых так настаивает на своей связи с далеким иностранным городом? Ведь вполне вероятно, что один из предков Цуриковых, попав когда-то в далекую Россию, был закрепощен каким-нибудь помещиком, что, как известно, практиковалось в более далекие времена. Имеются даже некоторые косвенные указания на то, в каких именно районах России такое закрепощение швейцарского выходца могло произойти. Едва-ли в центральных, поскольку все знавшие и помнившие Г. М. Цурикова одинаково свидетельствовали [об этом написано и в воспоминаниях С. А. Попова], что он “окал”, т.е. резко отчеканивал звук “о”, что несвойственно подмосковным жителям, но зато неизменно отмечается или отмечалось ранее у живущих на севере и на Волге. Позднее нам стали известны еще и другие более достоверные данные о возможном иностранном происхождении Цуриковых. Так наш дядя С. М. [Сергей Максимович] Попов (внук Г. М.) проживая до революции на Ивановской фабрике, получил однажды приглашение от одной помещицы приехать к ней в ее поместье, обещая рассказать ему о каких-то интересных данных, касающихся происхождения его предков Цуриковых. Дядя обещал к ней приехать, но так и не собрался до самой Революции, когда и сам был вынужден покинуть навсегда свои родные места. Об этом разговоре с упомянутой помещицей С. М. рассказывал мне лично не раз. Да и внешний облик потомков Цуриковых отнюдь не обнаруживал их крестьянского происхождения. Большинство из них, за малыми исключениями, отличались тонкими чертами лица и небольшими руками и ногами»¹.

О заграничных корнях было также сказано в одном из некрологов благотворителя: *«Павел Григорьевич Цуриков происходил из предков вышедших из Швейцарии, из кантона Цюриха»².*

Как видим – конкретики в приведенных цитатах мало, никакие даты, имена предков не приводятся. Упоминаются только швейцарский город Цюрих, русский север и Поволжье.

Как уже рассказывалось в первой главе, родители благотворителя, его дед с бабкой появились в селе Рубцово Звенигородского уезда Московской губернии не позднее 1777 г. (а, возможно, и раньше). Все они были крепостными, а точнее дворовыми людьми местного помещика Н. М. Нащокина, потом Голохвастовых. Таким образом, версия о заграничном происхождении Цуриковых (по крайней мере, двух ближайших поколений предков) не подтверждается историческими данными. Говорить о «закрепощении швейцарского выходца» в отношении кого-либо из дедушек или бабушек Павла Григорьевича точно не приходится. Более правдоподобной выглядит версия о поволжском происхождении Цуриковых. Поэтому к приведенным выше цитатам следует относиться как к красивой легенде, придуманной, по всей видимости, кем-то для повышения статуса в обществе. Родственников вполне можно понять. Им больше нравилось говорить о своем благородном происхождении, чем вспоминать поговорку «из грязи в князи» (к Поповым это не относилось, они не стеснялись своего происхождения из простого народа).

Разные варианты написания фамилии

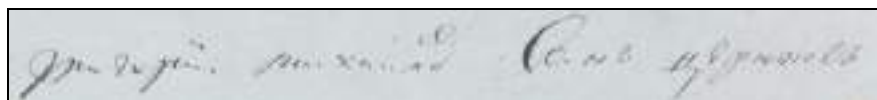
Версия о заграничном происхождении основана в основном на созвучности фамилии Цуриковых швейцарскому городу. Посмотрим, какие встречаются варианты ее написания.

В документах XVIII века ни у одного из родственников фамилия Цуриков или какая-либо иная не встречается. Вероятнее всего, ее не было, как и у подавляющего большинства крепостных людей того времени. Самый ранний обнаруженный документ, в котором указана фамилия Григория Михайловича (отца благотворителя), оказался контракт 1826 г. на аренду монастырской мельницы. В нем записано: «**Церюков**». В это время мельнику было 44 года, его отца Михаила Ивановича давно уже не было в живых (он умер за три десятилетия до этого). Так что осталось непонятно, была ли фамилия у родителей и потом досталась сыну, или же Григорий Михайлович сам ее придумал. А может фамилию дал помещик. Чем при этом руководствовались при выборе фамилии, осталось неизвестно.

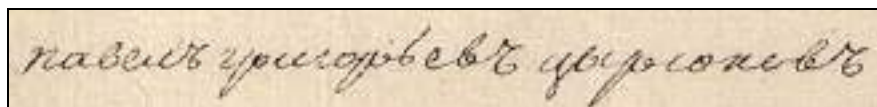
В нескольких делах 1840-х годов, когда Григорий Михайлович был церковным старостой села Лужки, он был записан как «**Цуриковский**». А в контракте 1846 г. на аренду земли фамилия была написана уже в привычном нам виде: «**Цуриков**». Почему Григорий Михайлович по-разному записывал свою фамилию – сказать трудно. Можно лишь говорить, что никакого разрешения на изменения написания фамилии в то время не требовалось. И еще. Самый первый вариант фамилии «**Церюков**» имеет мало общего со швейцарским Цюрихом. Это еще один повод сомневаться в заграничном происхождении предков. К сказанному остается еще добавить, что родной брат Григория, Михаил Михайлович, в документах писался как «**Цыриков**».

Если говорить о сыне мельника Павле Григорьевиче, то в большинстве документов, начиная с вольной грамоты, выданной в 1830 г., он был записан под фамилией «**Цуриков**». Но было несколько исключений. В ревизской сказке 1834 г. отмечен как «**Цырюков**». В одном из дел Звенигородской городской думы, датированным 1835 годом, фамилия была записана так: «**Цыреков**». В 1840 г. встречалось написание «**Цуриковский**» (как у отца). В ведомости 1844 г. купец расписался как «**Цуреков**».

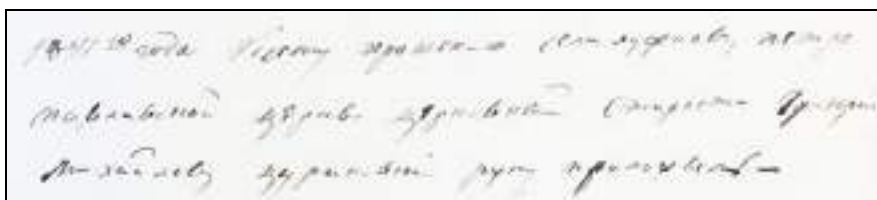
Но это все ранние документы. Начиная с 1850-х годов, Павел Григорьевич остановился на окончательном варианте «**Цуриков**». В качестве примера приводятся вырезки из нескольких документов с разными вариантами написания фамилии отца и сына.

Изо 2–01. «Григорий Михайлов Сын Цериков»³, 1826.

Изо 2–02. «павел григорьев цырюков»⁴, 1834.

Изо 2–03. «1841-го года К сему прошению села Лужков петропавловской церкви церковный Староста Григорий Михайлов Цуриковский руку приложил»⁵, 1841.

Рождение Григория, его юные годы

Как уже не раз говорилось, отца благотворителя звали **Григорий Михайлович Цуриков** (1782 – † 1852). Он по профессии был строителем речных плотин и мельниц. В ходе сбора материалов было обнаружено много ранее неизвестных фактов об этом человеке, о них и пойдём далее речь.

Разговор начнем с начала, с рождения Григория. В метрической книге Покровской церкви села Рубцово за 1782 г. удалось найти следующую запись: «В апреле, 12. Вотчины онаго господина Голохвастова у механика Михаила Иванова родился сын Григорей, крещен онаго ж [месяца] 15 числа»⁶. Упомянутый в документе родившийся мальчик – это будущий основатель Ивановской фабрики.

У Гриши были братья и сестры, как младше, так и старше его. Многие умерли в юные годы. До взрослых лет, помимо Григория, дожили Иван, Михаил и Прасковья. Подробный разговор о родственниках отложим до конца книги (девятой главы). А сейчас лишь кратко упомянем родителя.

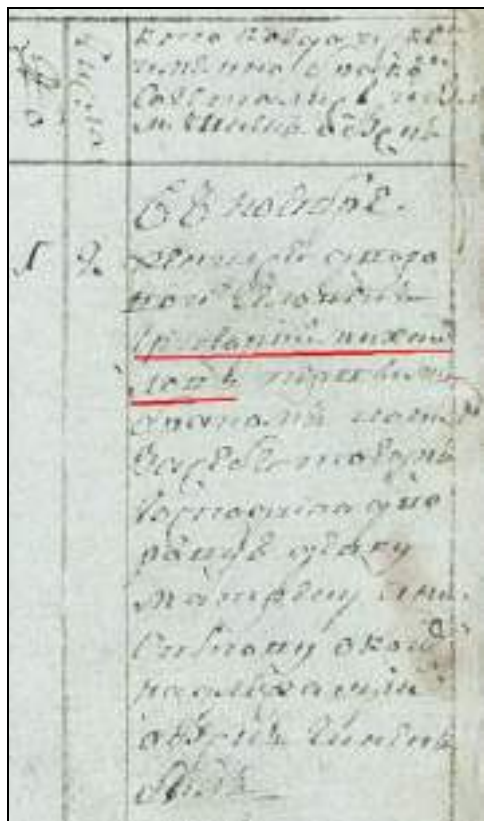
Сведений об отце Григория, дедушке Павла, **Михаиле Ивановиче** крайне мало. В приведенной цитате из метрической книги написано, что он был механиком. Осталась непонятной его специализация, мастером по каким механизмам был (в то время еще не было паровых машин). Однако, зная о том, кем в будущем стал его сын Григорий, напрашивается предположение, что механиками в те времена могли называть специалистов по строительству плотин и мельниц. Ведь в каждой мельнице были механизмы или, как теперь бы сказали, редукторы. Они передавали крутящий момент колеса от силы падающей воды или ветра на жернова для обмолота зерна. Сделать это было совсем непросто, тут нужны были знания и умение. Нет никаких сомнений, что профессия строителя плотин и мельниц в те времена была нужной и очень ценилась. Логично предположить, что мастерству механика Григорий научился у своего отца.

Из сохранившихся архивных дел следует, что Григорий Михайлович умел писать, причем даже лучше, чем его сын Павел. Об этом свидетельствуют сохранившиеся документы, написанные его рукой. У кого Григорий Михайлович научился грамоте – остается только гадать. Был ли грамотен его отец Михаил Иванович – неизвестно. Школ в сельской местности в то время еще не было, обучали грамоте крестьянских детей обычно церковнослужители. Было это отнюдь не массовым явлением, а скорее исключением. Клирики учили детей, как бы теперь сказали, частным образом и за отдельную плату. У родителя, владевшего редкой и доходной профессией механика, была возможность оплачивать обучение своих детей.

Как следует из документов, Михаил Иванович был крепостным (дворовым человеком) рубцовских помещиков – сначала Нащокиных, потом Голохвастовых. По всей видимости, у него не было своей жилой избы. Об этом свидетельствуют исповедные ведомости, согласно которым все дворовые люди вместе со своими семьями жили в одном большом доме (флигеле), разделенном на комнаты. Но это не означает, что Михаил Иванович постоянно находился в Рубцово. Есть основания полагать, что он был на откупе у своего барина и периодически выезжал в места, где требовались его знания механика. При этом брал с собой Григория и других своих сыновей. Так дети овладевали непростой профессией.

Женитьба Григория на Матрене Анисимовне

Григорий Михайлович женился молодым. Невестой оказалась крепостная девица Матрена (иногда ее имя писали Матрона). Венчание состоялось в 1802 г. в приходской Покровской церкви. Об этом свидетельствует запись в метрической книге: «В ноябре, 9. Женился дворовой человек

Изо 2–04. Запись о бракосочетании в метрической книге, 1802.

Григорий Михайлов первым браком. Понял за себя [т.е. взял в жены] того же господина дворовую девку Матрену Анисимову, о коих надлежащий обыск чинен был»⁷. В тексте написано, что Григорий Михайлович женился «первым браком». Это разом опровергает версию, высказанную А. М. Шуберт: «Г. М. был женат на Матрене Онисимовне вторым браком»⁸.

В записи о браке не указаны имена родителей невесты Матрены Анисимовны. Их удалось узнать по исповедным ведомостям: отца звали Анисим Герасимович, а мать Евфимия Михайловна, фамилия была Засыпкины. Разговор о родителях невесты, их происхождении отложим до девятой главы. Здесь же пойдет разговор об их дочери **Матрене Анисимовне** (урожд. **Засыпкиной**, 1785 – † 1850).

Дата появления на свет Матрены стала известна из надписи на ее надгробном памятнике. А вот метрическое свидетельство о ее рождении найти не удалось, т.к. родители в то время жили не в Рубцово, а в каком-то другом месте. Семья объявилась в селе в 1790 г. или чуть раньше. Засыпкины тоже были дворовыми людьми, как и Цуриковы. Их имена часто встречаются в одних и тех же исповедных ведомостях Покровской церкви. Вот, например, выписка из документа за 1800 г. (за два года до свадьбы): «Анисим Герасимов – 36 [лет]. Жена его

Афимья Михайлова – 35. Дети их Матрона – 16. Егор – 13. Симеон – 10. Андрей – 6. Прокотий – 1»⁹. Как видим, Матрена была старшей в семье. В том же документе несколькими строчками выше записаны Цуриковы вместе с Григорием, которому в то время было 19 лет. Получается, что он был на три года старше Матрены.

Упоминание в одной ведомости означает, что жених и невеста были знакомы с детства, росли вместе, принадлежали одному барину. Владельцем имения Рубцово в то время был бригадир Павел Иванович Голохвастов. Надо полагать, именно он дал разрешение на брак Григория с Матреной.

Вскоре в 1804 г. в молодой семье родилась девочка-первенец, которую назвали Александрой. Каждые два-три года в семье было прибавление: Анна (1807), Ксения (1809), Павел (1812), Иван (1815), Наталья (1818), Михаил (1820), Матрена (1821). Лишь последний мальчик появился на свет после большого перерыва в 1829 г. Его назвали Иваном, как и родившегося в 1815 г. и рано умершего малыша. В роду Цуриковых это было самое популярное имя. Все дети, кроме последнего мальчика, появились на свет в Рубцово.

В отличие от Григория Михайловича о жизни его супруги почти никаких данных нет. Но зато сохранился надгробный памятник из камня, на котором написано: *«Под сим камнем погребено тело Матроны Анисимовны Цуриковой. Супруга храмоздателя Григория Михайловича Цурикова. Родилась 1785 года 3 ноября скончалась 1850 года 28 февраля в 9 часов пополудни жития ея было 65 лет»*. В метрической книге Петропавловской церкви села Лужки за 1850 г. приведена другая дата кончины – 1 марта. А в графе о причине смерти написано: *«от преклонности лет»*¹⁰. Похоронили супругу храмоздателя 3 марта на приходском кладбище вблизи храма.

У этого надгробного камня оказалась непростая история. После развала СССР он был утрачен, а потом вновь обретен. Об этой истории можно прочитать в девятой главе в материале о Евдокии Пименовне Цуриковой.

Изо 2–05. Фрагмент памятника М. А. Цуриковой, 2013.

Плотины, построенные Григорием Михайловичем

Как уже говорилось, Григорий рано лишился отца: Михаил Иванович умер примерно¹ в 1796 году. Мальчику в то время было не более 14 лет. Но, как показывает его последующая жизнь, родитель успел научить сыновей профессии строителя речных плотин и мельниц. Причем Григорий достиг высокого мастерства в этом деле. Как потом написал в статье его правнук П. С. Попов: *«Цуриков-отец (Григорий Михайлович), первоначально занимавшийся мельничным делом, большой мастер строить плотины, соорудивший и у себя на мельнице [в Ивановском] очень хорошую плотину»*¹¹.

Интересно было бы знать: а в каких местах Григорий Михайлович построил плотины и мельницы, помимо Ивановского? Увы, ни в каком источнике послужной список мельника не приводится. Вряд ли такой документ когда-либо существовал, учитывая, что всю жизнь Г. М. Цуриков оставался дворовым человеком. Да и вообще о Григории Михайловиче отрывочные сведения. О его жизни никто из родственников подробно не писал. Ну а о том, что он мог вести свой дневник или написать в конце жизни свои воспоминания – об этом и вовсе не приходится говорить.

И все же кое-какие данные о трудовой биографии Г. М. Цурикова удалось обнаружить. По информации, собранной из различных источников, можно говорить, что на нескольких подмосковных

¹ К сожалению, далеко не все церковные книги сохранились в ЦГАМ. А некоторые из тех, что дошли до наших дней, не всегда выдают посетителям архива из-за своей ветхости. В таких случаях даты рождения и смерти приходится определять по другим документам, например, исповедным ведомостям, которые грешат многочисленными неточностями. Отсюда столько много в древе слов «ок.» (т.е. около) рядом с датами.

речках Григорий Михайлович принимал участие в сооружении плотин и мельниц. Перечислим их.

1). В воспоминаниях правнука С. А. Попова написано: «*Плотины его работы были и в самом Покровском-Рубцове*»¹². Это означает, что Григорий Михайлович потрудился в своем родном селе. В архивном документе говорится, что в окрестностях села было две мельницы: «*в Покровском, Рубцово тож [...] на реке Малой Истре Мельницею об одной мукомольной поставе и с тремя сукновальными инструментами, при селе Лучинском на речке Маглуше мукомольной о двух поставках мельницею*»¹³. Первая из упомянутых мельниц находилась на Малой Истре примерно в 400 метрах в северном направлении от усадьбы (ныне это территория санатория «Истра», там до сих пор заметно расширение русла речки в указанном месте). Плотина видна на плане местности 1829 (1767) года, приведенном в первой главе (изо 1–03). В той же главе на планах 1839 и 1860 годов, севернее села Рубцово, можно увидеть отметку «*сукновальня*» (изо 1–19, 1–32).

2). С. А. Попов в своих воспоминаниях упомянул и о другом сооружении прадеда: «*Строил он плотину, между прочим, и помещику Сойманову, который в благодарность подарил ему золотые часы с надписью: “Г.М. Цурикову подарил Л.Н. Сойманов за усердие”. Часы эти, которым более 100 лет, сохранились до настоящего времени и ходят вполне исправно*»¹⁴ (слова эти написаны в 1941 г., судьба указанных часов неизвестна). По мнению исследователя О. В. Ткаченко, недавно написавшей обстоятельную книгу об истории села Теплое Рузского уезда и его владельцах Соймоновых, плотина на речка Вельга, скорее всего, была построена Цуриковым в 1837 г.¹⁵

3). О строительстве еще одной плотины Григорием Михайловичем говорится в книге, изданной в первые годы советской власти: «*Специалист по устройству плотин, получивший правительственную медаль за установку плотины для Павловской казенной фабрики армейских сукон*»¹⁶. К сожалению, ссылка на первоисточник не указана и потому не удалось узнать подробности (почему-то нигде, ни в каких исторических документах об этой награде не говорится). Можно лишь предположить, что это могло произойти в самом начале XIX столетия, когда Павловская суконная фабрика была выкуплена казенным ведомством для нужд государства, и осуществлялись активные работы по расширению производства. Далее приводится план Павловской фабрики (изо 2–11), на котором показана плотина на реке Истра. Возможно та самая, в сооружении которой принимал участие Григорий Михайлович.

4). Следующую плотину и мельницу Григорий Михайлович, по всей видимости, не строил, а лишь эксплуатировал их. И, возможно, что-то ремонтировал при необходимости. Речь идет о плотине и мельнице, устроенных «*на прорытом канале*» реки Истра и принадлежащих **Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю**. В архивном деле 1826 г. говорится, что московский купец Сергей Михайлов и «*дворовый человек Григорий Михайлов Сын Церюков*» арендовали указанные постройки. Как уже отмечалось – это самый ранний документ, в котором указана фамилия Григория Михайловича. В нем есть такие слова: «*Взяли мы в свое содержание того монастыря пошвеннаю о двух поставках мукомольную и о двух сукновальную мелницу*»¹⁷. В деле оказался трехгодичный контракт на аренду с условием ежегодного платежа по 400 рублей. Арендаторы обязались исправить плотину и мельницу и по окончании срока сдать все в рабочем состоянии. Следует обратить внимание на приведенные слова о мельнице: «*сукновальную*». Это означает, что на мельнице можно было валять сукно. Думается, что для арендаторов это было главным. К сожалению, в архивном деле не говорится, был ли исполнен контракт до конца, был ли он позднее продлен.

5). Еще одно место приложения трудов Г. М. Цурикова – это плотина и мельница на реке Истра вблизи **деревни Ивановская**, которые были построены «с нуля». Если говорить о значении, то нет сомнений, что эти постройки были главным делом в его жизни. Григорий Михайлович прожил 70 лет и половину из них посвятил производству, организованному при указанной мельнице. Еще при его жизни появилась Ивановская суконная фабрика. В отличие от других мест, здесь обнаружено довольно много исторических документов. К их изложению и перейдем в порядке хронологии.

1817–1829: Постройка плотины и мельницы вблизи деревни Ивановской

В 1910 году была издана книжка с названием «Ивановская суконная фабрика. Исторические сведения и отчеты за 1893–1899 г.» (далее просто «Исторические сведения»). Это очень ценное издание, цитаты из него будут далее неоднократно использоваться. В частности в этой книге есть такие строки: «*Ивановская суконная фабрика была основана Григорием Михайловичем Цуриковым в 1830-м году. Гораздо ранее, в 1817-м году, Цуриков, специалист по организации плотин, устроил несколько*

выше того места, где теперь расположе-
на фабрика, плотину и мельницу»¹⁸.

В других источниках встречаются та-
кие даты основания производства сукна на
берегу реки Истра: 1825, 1830, 1833 и даже
1840 г. Причем все эти сведения из офици-
альных справочников или архивных дел.
Откуда же такой разницей, какая дата пра-
вильная? Дело в том, что суконное пред-
приятие постоянно развивалось, начиная от
выполнения отдельных вспомогательных
операций (валяние сукон в специальных
амбарах и их промывка), и до постепенного
перехода к полному циклу изготовления
сукна. Так что каждый упомянутый год со-
относится с определенной вехой в истории
развития суконного производства.

На Ивановской фабрике в 1917 г. от-
мечали ее 100-летний юбилей. Стало быть,
сам хозяин фабрики (в то время это был
внук мельника Сергей Максимович Попов)
считал за точку отсчета истории производ-
ства 1817 год. Только надо понимать, что в
указанном году никакой фабрики в при-
вычном нам понимании этого слова в ок-
рестностях деревни Ивановской построено
не было. К этому времени на реке Истра
была сооружена водяная мельница двой-
ного назначения: для обмолота зерна и для
обработки сукна. Валка сукна происходила
в построенном рядом специальном амбаре.

Изо 2–06. Обложка книги "Исторические сведения", 1910.

Выбор места для установки плотины

Хотелось бы теперь поговорить о том месте, где были поставлены плотина и мельница.

Вот как об этом написала правнучка мельника А. М. Шуберт: *«Место являлось для этого под-
ходящим, поскольку оно находилось в глубокой лощине между двумя значительными возвышенно-
стями: так называемой Павловской горой с одной стороны и Ивановской горой с другой. На Пав-
ловской горе лежала деревня того же именованья, откуда дорога вела вниз к реке Истре. Между
обоими взгорьями раскинулись тучные заливные луга, на что указывало и название лежащего ниже
по реке села "Лужки". Вода была здесь чистой и протекала под сравнительно большим напором.
Для увеличения этого напора Цуриков построил у Коровьего брода большую плотину, которая со-
хранялась в целости еще во время войны 1941 года»*¹⁹.

Эти слова дополняют воспоминания правнука П. С. Попова: *«Ивановская фабрика Цуриковых как
раз стояла в очень выгодном положении в смысле использования водной энергии. Река Истра разветв-
лялась и образовывала рукав — канаву [обводной канал]. Это и привлекло старика Цурикова постро-
ить здесь водяную мельницу. Он закрепил за собой право запруды приобретением полоски земли на
противоположном берегу. Вследствие запруды Истра выше фабрики была глубокой и полноводной,
ниже — почти до самого впадения в Москву-реку — Истру можно было перейти чуть не в брод»*²⁰.

В приведенных цитатах встречаются слова: *«Место являлось для этого подходящим»*, *«стояла в
очень выгодном положении»*. Это неспроста и не следует все относить на счастливый случай. Выбор
удачного места был следствием накопленного опыта. Григорий Михайлович к моменту сооружения
плотины и мельницы был уже достаточно зрелым мастером своего дела, ему было 35 лет. Он пони-
мал, где лучше перегородить реку, чтобы напор воды был сильнее, а затрат на сооружение было по-

меньше. Цуриков заранее облюбовал место на реке Истре на земле Ивановских крестьян, где удобно было осуществить задуманное. Прежде таких сооружений здесь не было.

Все та же Шуберт считала, что ее прадед-мельник хорошо знал эти места потому, что имел здесь родственников: *«О том, что у нашего предка Г.М. Цурикова имелись какие-то родственные связи с крепостными деревни Ивановской, мне не раз говорил мой дядя Сергей Максимович Попов, сделавшийся через ряд лет владельцем Ивановской фабрики. Как-то в [18]90-х годах указал он мне на проходившего мимо нас Ивановского крестьянина и сказал: “посмотри, вот идет твой дядя Зима!”»*. Так это или нетⁱ, но в любом случае мельник заранее заприметил удобное для установки плотины место. По своей профессии плотинщика и мельника он наверняка хорошо знал все реки и речки в округе. Ну а Ивановское было не так далеко от его дома в Рубцово. Надо отметить, что сказанные ранее слова о не случайности выбора места для плотины и мельницы около деревни Ивановской – это было всего лишь предположение, основанное на воспоминаниях родственников и здравом смысле. И вот в ходе работы над книгой было найдено архивное дело, в котором оказался документ, подкрепляющий справедливость высказанных суждений. Он был ранее неизвестен и потому следует на нем остановиться подробнее.

Но прежде чем излагать суть обнаруженного архивного дела, хотелось бы сказать, что у Григория Михайловича не было (и не могло быть) своей земли, на которой можно было бы построить плотину и мельницу. Речь могла идти лишь об аренде земли у собственника. Владельцами приглянувшегося места на реке Истра были государственные (или, как еще писали, казенные, экономические) крестьяне деревни Ивановской. Прежде чем что-то строить, надо было с ними договориться об аренде земли, заинтересовать их. Потом все соглашения следовало оформить на бумаге в виде договора (контракта) и утвердить в вышестоящей инстанции – в министерстве государственных имуществ.

По собранным из разных источников документам удалось установить, что в истории Ивановской суконной фабрики было пять договоров аренды земли, которые заключались на 10 или 12 летний срок (некоторые, правда, прерывались досрочно). Пока, наконец, в 1857 г. в результате обмена земля не стала собственностью хозяина суконной фабрики. Обо всех этих договорах и поговорим далее.

1817: Заключение первого договора аренды земли

Все началось еще в 1815 г. В архивном деле (выдержки из него приведены в приложении–11) написано, что в апреле указанного года на общем сходе *«со всеми мирскими людьми»* было принято решение: *«желаем мы Ивановския крестьяне построить в дачах своих ниже нашего селца Ивановскаго на реке Истре мукомольною и сукновальною пашвенною мельницу»*²¹. Особо оговаривалось требование, чтоб от речной запруды не было препятствий в прогоне скота и проезде людей через реку Истра, а также чтобы не было подтоплений лугов для пастбищ. Это касалось, прежде всего, крестьян деревни Сениковаⁱⁱ, чьи угодья находились в полутора верстах выше по течению реки. Достигнутая договоренность была оформлена на особой государственной бумаге стоимостью 50 копеек и скреплена печатью Вельяминовского волостного правления.

В документе нигде не упомянуто имя Григория Михайловича. Но практически нет сомнений, что все это было инициировано лично им. После обнаружения данного документа можно говорить о том, что история Ивановской фабрики началась на два года ранее, чем общепризнано. Только надо иметь в виду, что первая пара лет ушла на формальности, согласование и утверждение договоренностей.

Помимо условий крестьян необходимо было еще выполнить требования властей. Они заключались в том, чтобы во время половодья плотина не мешала проходу сплавляемых по воде плотов древесины из верховьев реки Истра, где было еще достаточно леса.

Как развивались события далее? В другом архивном деле говорится, что *«8-го января 1816-го года за № 743»*²² Московским губернским правлением был издан указ о разрешении построить мукомольную и сукновальную мельницу *«о четырех поставах»*. Там же написано, что Ивановским крестьянам дозволено на мельнице обмолачивать свое личное зерно и валять сукно домашнего производства *«безденежно»* (т.е. без взимания платы).

ⁱ Увы, не удалось понять, что это за родственник «дядя Зима» из ивановских крестьян. В ходе исследования родословной было построено обширное древо рода. Никакого родственника с таким именем или фамилией в древе нет. Однако в программе любительского спектакля, поставленного на Ивановской фабрике в 1892 г., в списке актеров оказалась фамилия: *«И. Зима»*. Кто это – выяснить не удалось.

ⁱⁱ В исторических документах деревня именуется по-разному: Сеникова, Санники. Ныне называется Санниково.

Как недавно стало известно из еще одного дела, строить плотину на реке Истра была инициатива двух человек – «дворовых господина Голохвастова людей Григорья и Михайлы Михайловых»²³. Упомянутый Михаил Михайлович – это младший брат Григория (о нем отдельный разговор пойдет в девятой главе). Об его участии в постройке Ивановской плотины и мельницы прежде не было известно.

Договор с Ивановскими крестьянами был заключен на 10 лет. К сожалению, текста самого соглашения не удалось найти в архивах. Нет точных данных о том, сколько было взято земли в аренду. Скорее всего, ее было немного – не более трех десятин. И точная дата заключения договора осталась неизвестной, мы знаем только, что это случилось в 1817 г. В дальнейшем договор неоднократно продлевался, известна дата окончания четвертого соглашения – 1 марта 1849 года. Учитывая сложившуюся практику тех лет, что обычно следующие договора заключались без задержки (чтобы не было перерыва), и что сроки аренды были кратны целым годам (12 месяцам), то можно предположить, что первый договор аренды начал действовать 1 марта 1817 года.

С даты начала действия договора в 1817 г. принято отсчитывать историю основания Ивановской фабрики. Мы тоже будем придерживаться этой даты, а не брать, например, 1815 год, когда местные крестьяне на общем сходе решили строить мельницу, или 1816, когда вышел указ о разрешении ее построить.

Надо полагать, что вскоре после заключения договора начались активные работы по возведению на реке Истра плотины и мельницы (материалы могли начать готовить заранее). Скорее всего, основные строительные работы были завершены за один летний сезон. В интересах Григория Михайловича было как можно скорее запустить мельницу, чтобы получать за ее работу деньги.

Несмотря на то, что текст первого договора не найден, стали известны некоторые условия аренды земли из других документов. Так, спустя пять лет после заключения договора, мельник писал: «крестьяне Сельца Ивановскаго предоставили мне содержание оной [земли] на десять лет, из коих восемь безденежно а последние два года с ежегодным платежом по триста рублей»²⁴. Такие условия договора понятны, ведь Григорий Михайлович понес большие затраты на постройку плотины, мельницы и других строений (изб и амбаров). Река Истра в районе Коровьего брода отнюдь не маленькая (современное русло имеет в этом месте ширину около 30 метров). Для устройства довольно протяженной плотины и мельницы нужно было много материала, причем из хорошего прочного дерева. Все это стоило приличных денег. К сожалению, о размере понесенных мельником затрат нигде не говорится. А вот откуда у него нашлись необходимые средства – в источниках приведены разные предположения.

Откуда взялись деньги на постройку плотины и мельницы?

А. М. Шуберт привела рассказ своей бабушки Матрены Григорьевны Поповой (дочери мельника): «Как-то ее отец шел около деревни Ивановской и заметил стоящего у высокого и крутого обрыва над Истрой француза из армии Наполеона. Тот стоял к Цурикову спиной и любовался, возможно, видом. Цуриков подошел к нему сзади и толкнул его с обрыва. Тот полетел вниз и, возможно, разбился на смерть. Мы же дети, и все окружающие нас взрослые воспринимали этот поступок нашего прадеда как героический – поскольку французы являлись в те далекие времена как захватчики, нашими врагами»²⁵. Предполагалось, что Григорий Михайлович завладел деньгами, которые награбил француз.

Другая версия изложена в воспоминаниях игуменнии Аносина монастыря Алипия: «Среди постоянных благодетелей нашего монастыря была семья Цуриковых. Когда-то они были простыми крестьянами. После войны с Наполеоном на своем огороде они обнаружили бочку с драгоценностями, вывезенными французами из Москвы. Часть драгоценностей пошло в казну, часть получила эта семья. На эти средства они построили в селе фабрику, на которой ткали простой материал»²⁶.

Как видим, обе версии связаны с французами и событиями 1812 года. Однако обе они не нашли документального подтверждения и больше похожи на красивые легенды (как и с происхождением из города Цюриха). Более честно написал о Григории Михайловиче один из его потомков: «как приобретал средства для построения мельницы и плотины – неизвестно». Трудно сказать, мог ли Г. М. Цуриков скопить достаточный капитал с доходов за выполнение предыдущих своих подрядных работ. Но даже если ему пришлось где-то брать деньги в долг, то нет никаких сомнений, что со временем все сполна вернул, он был честным человеком.

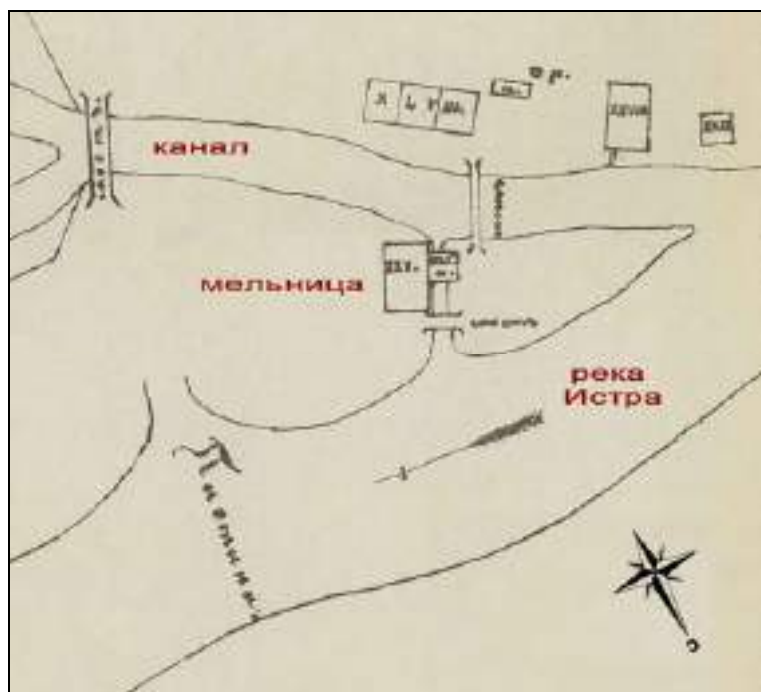
ⁱ Алипия (в миру Мелания Петровна Таишева) была назначена в Аносин монастырь настоятельницей в 1917 г. и находилась во главе обители примерно десять лет вплоть до ее закрытия. Откуда у нее оказались сведения вековой давности – осталось неизвестно.

Обводной канал

Во многих источниках сообщается, что в районе Ивановской фабрики река Истра разделялась на два рукава – основное русло и так называемый «обводной канал». В литературе, источниках нет единого мнения насчет того, был ли канал рукотворный или естественного происхождения. Учитывая, что на плане Генерального межевания 1768 г.²⁷ русло реки Истра в этом месте показано единое, версия о том, что обводной канал был выкопан по указанию Г. М. Цурикова, представляется более убедительной. Сравнивая эту карту с другой 1857 г.²⁸, можно отметить, что русло реки Истра в районе Ивановской фабрики немного изменилось, выпрямилось.

Логично предположить, что канал появился примерно в одно время с плотиной, мельницей и сукновальным амбаром. Однако, учитывая большой объем работы (по прикидкам длина канала превышала полверсты, ширина же могла достигать 8–10 метров, а глубина около метра или более), рытье канала могло занять несколько лет. Ведь никаких строительных механизмов в то время еще не было. Все делалось вручную, использовались только лошади.

Обводной канал, каким он когда-то был, до нашего времени не сохранился, но его местоположение

Изо 2–07. План Ивановской суконной фабрики²⁹
(фрагмент), 1882.

хорошо известно. В советские годы его засыпали, правда, не до конца – остатки в виде широкой канавы хорошо просматриваются на местности. С местоположением плотины тоже понятно, в реке Истре видны остатки свай из дерева (их можно увидеть в воде с пешеходного мостика на Коровьем бросе, см. также изо 2–16). А вот разобраться в том, где находилась мельница – тут без подсказок не обойтись. В 1882 г. в одном из сборников был опубликован план Ивановской фабрики с отметкой мельницы «XXV». Получается, что она стояла почти в самом начале обводного канала. По всей видимости, именно здесь обмолачивали зерно. На плане из сборника хорошо видно, что мельница располагалась на небольшой протоке, соединяющей реку Истру и обводной канал. Эта протока в настоящее время засыпана.

Виды речных мельниц

Теперь хотелось бы поговорить о мельнице на реке Истре, какая она была. Точнее, могла быть, т.к. подробных описаний первой Цуриковской постройки не найдено, сохранились лишь краткие упоминания.

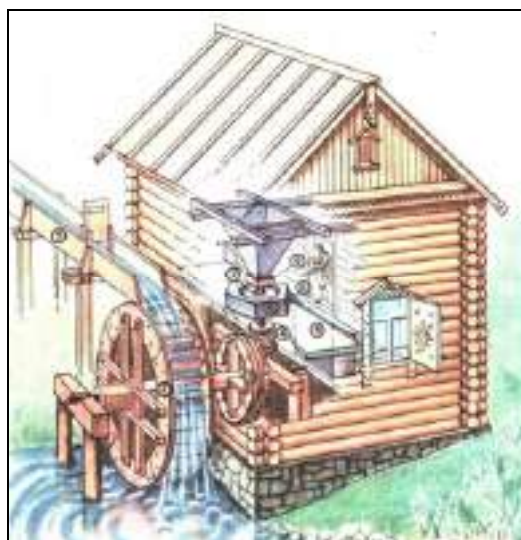
Прежде чем продолжить рассказ, необходимо сделать небольшое отступление. Наверняка современным читателям будут незнакомы некоторые слова, термины, поэтому следует их пояснить.

В одной из цитат говорилось про пошвенную мельницу. В интернете нашлось такое объяснение со ссылкой на источник 1854 г. Водяные мельницы делались с **пошвенными** (подливными) колесами или с наливными, смотря потому, как высоко можно было держать уровень воды в плотине. Пошвенные мельницы строились на небольших речках, где перевод уровней воды не мог быть более 2,5 м, в противном случае ставились **наливные**. В подливной мельнице вода протекала внизу под колесом, а в наливной вода падала сверху на колесо. В сети нашлись примеры изображений обоих типов мельниц.

Почему в Ивановском была выбрана подливная мельница, станет понятно, если вчитаться в документ 1815 г., о котором говорилось ранее. Для установки наливной мельницы нужна достаточно высокая плотина. Если бы Григорий Михайлович поставил такую плотину, то она подняла бы уровень запруженной воды настолько, что неизбежно произошел разлив реки, и затопление пойменных лугов. А допустить этого было нельзя, крестьяне это особо оговорили в договоре.

Изо 2–08. Пример подливной (пошвенной) мельницы.

Изо 2–09. Пример наливной мельницы.

Мельничные снасти

В цитате о плотине в Ивановском есть еще такие слова: «о четырех поставках». В словарях можно найти такое определение: *«Постав – это пара мельничных жерновов или вальцов, один из которых неподвижен, а другой вращается на нем, размалывая зерно»*. Можно сказать, что один постав – это один механизм, один привод. Стало быть, на Ивановской мельнице было четыре привода. Речная вода крутила колесо с лопатками (колес могло быть несколько). От колеса крутящий момент через вал передавался на передаточный механизм привода (редуктора). А от него уже крутился жернов для обмолота зерна или работало специальное приспособление по обвалке сукна. Тут мы подходим к главному.

В различных документах говорится, что построенная на реке Истра мельница была «мукомольная и сукновальная», причем первое слово иногда опускалась. Традиционное назначение мельниц (обмолот зерна), судя по всему, для Цурикова было не главным, таких мельниц в округе было достаточно. Вполне вероятно, что Григорий Михайлович решил обмолачивать на своей мельнице зерно в угоду Ивановским крестьянам, причем бесплатно. Ему нужно было наладить хорошие отношения, чтобы они согласились отдать свою землю в долгосрочную аренду, терпя при этом некоторые неудобства. Также не стоит исключать, что мукомольное производство было как страховка, если вдруг по каким-то причинам не заладится основное дело. Главным же для Григория Михайловича было – валка сукон. Надо полагать, что это приносило доход больше, чем обмолот зерна (крестьяне из других селений обмолачивали на мельнице свое зерно за плату).

К сожалению, чертежей первой Ивановской мельницы нет (скорее всего, их и не было). Рисунки тоже не найдены. Правда в семейном архиве потомков (Шуберт) сохранились два фотоснимка мельницы более позднего времени – конца XIX века (один снимок приводится здесь, другой в приложении–18 изо Р–31). Судя по хорошему виду бревен, это явно не то здание, которое построил Григорий Михайлович, а более поздняя постройка.

Изо 2–10. Дети Шуберт и Поповы у мельницы на обводном канале, 1890-е, (архив Шуберт – АШ).

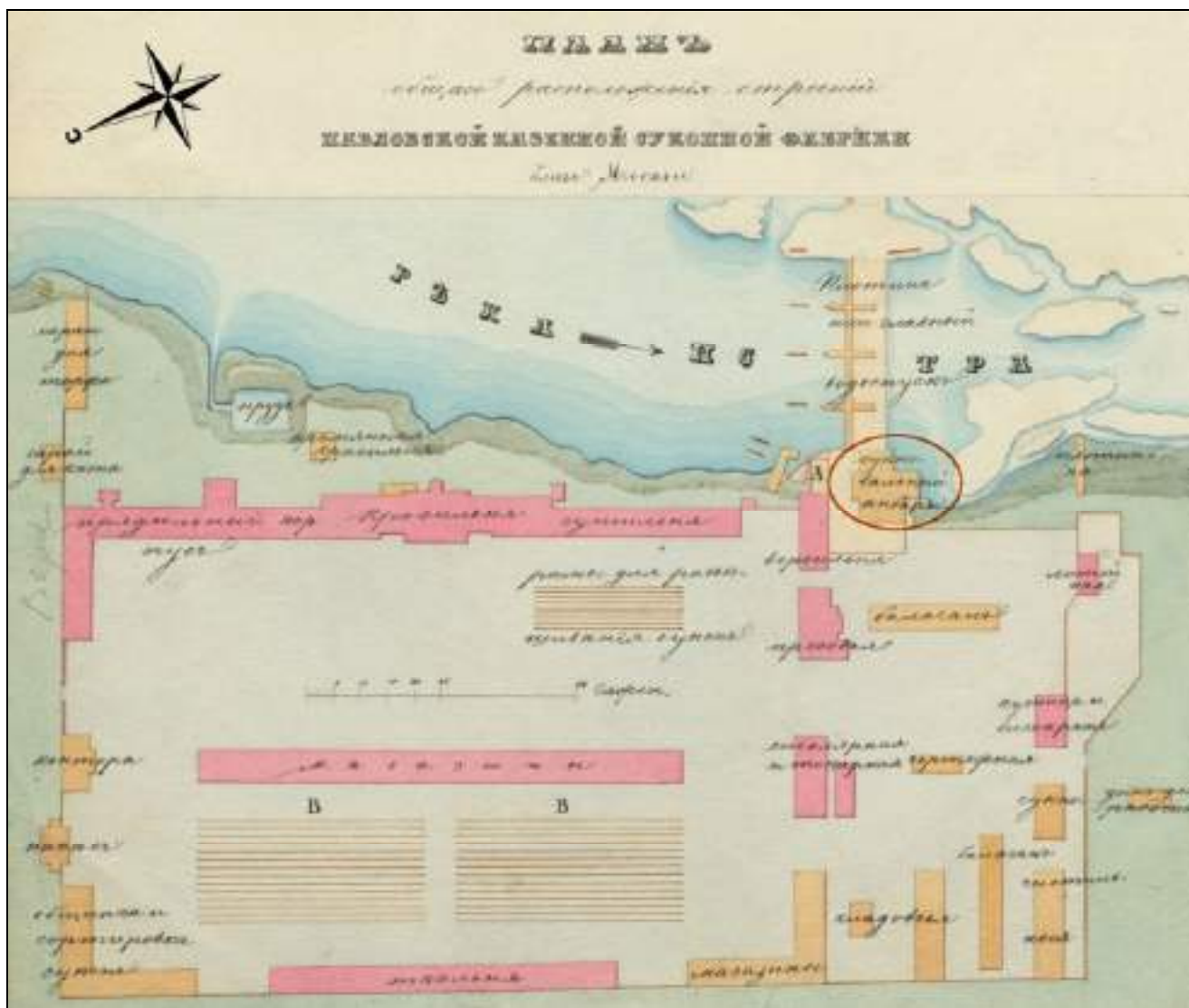
Павловская казенная суконная фабрика

Чтобы дальнейшее изложение было понятным, был очевиден смысл происходивших два столетия назад событий, необходимо сделать несколько отступлений, пояснений.

Ниже по течению реки Истры находилось большое село Павловское (Павловская Слобода). В нем находилась Павловская суконная фабрика. Она была основана еще в XVIII веке местным помещиком Павлом Ивановичем Ягужинским, потом перешла к его сыну Сергею. Об истории фабрики рассказано в книге, изданной к 500-летию юбилею села³⁰. Остановимся кратко на событиях, которые происходили при жизни Г. М. Цурикова.

В 1800 г. император Павел I выкупил у графа Сергея Павловича Ягужинского (сына Павла Ивановича) село и фабрику, имея в виду ее использование в будущем для нужд армии. С этого времени начинается история Павловской суконной фабрики как казенной (она просуществовала до 1859 г.). Это была одна из крупнейших фабрик того времени. По сведениям на 1821 г. на ней работало свыше тысячи человек: 574 лиц мужского пола (м.п.), 599 женского пола (ж.п.)³¹. Производство занимало довольно обширную площадь в юго-восточной части села на правом берегу реки Истра. На территории фабрики находилось множество зданий: 16 производственных корпусов, 39 жилых домов, 4 магазина. Часть построек видна на приводимом плане из архивного дела.

Прямо напротив фабричных корпусов на реке Истра была устроена довольно большая плотина длиной в 35 сажень (75 метров). Как ранее уже говорилось, в сооружении Павловской плотины принимал участие Григорий Михайлович и получил за это государственную награду (медаль). Вполне возможно, что он также помогал строить в начале XIX века и мельницу для казенной фабрики.

Изо 2–11. План Павловской суконной фабрики³² (фрагмент), 1855.

Технология производства сукна из шерсти

Поговорим теперь немного о том, как раньше изготавливали сукно. Во все времена это было довольно трудоемкое и продолжительное по времени занятие. Описание технологии изготовления сукна имеется в книге о селе Павловском (текст приведен в приложении–11). Если говорить в целом, то технологический процесс разделялся на ряд этапов: производство пряжи (нити) из шерсти, изготовление суконного полотна (суровья), его отделка и получение сукна. В свою очередь каждый из этапов состоял из отдельных операций, везде требовалось соблюдать свою технологию обработки.

Первоначально цикл производства в Ивановском был неполным. Григорий Михайлович ограничивался валкой сукна (точнее суровья), привозимого с Павловской казенной фабрики, туда же потом оно и отправлялось. Это была одна из наиболее ответственных, трудоемких и грязных процедур в процессе изготовления сукна. Как написано в интернете: «Сукноваление – это процесс механических сотрясаний и трений материала направленных на сбивание волокон до состояния войлокообразной массы». Задача была путем переплетения волокон шерсти получить настолько плотную ткань, чтобы в ней не было никакого просвета. Из обработанного сукна потом делали, например, армейские шинели или армяки для кучеров. Они должны были быть прочными, теплыми, не продуваемыми.

В те времена, когда еще не было механизмов, сукно валяли ногами. Этот процесс описан в сборнике историко-этнографических исследований: «Поскольку эта работа требует тепла, ее проводили летом. В натопленную избу приглашали 4–6 работников, и они за 16 часов успевали свалить трубку сукна в 50 аршин (около 36 м). Работали парами, посменно, по 30 – 40 минут. Валяльщики ложились на широкую лавку, ногами друг к другу; каждый опирался спиной о наклонно поставленную доску. Между работниками помещали мешок с сукном, свернутым в рулон. Работники с силой мяли его бо-сьми ногами, стараясь катать друг к другу, а хозяйка периодически поливала мешок горячей водой. Для определения продолжительности каждой смены служил самодельный маятник — груз на тонкой нитке, спускавшийся с какой-нибудь жердины под потолком. При начале новой смены маятник запускали, момент его полной остановки считался концом работы. Валяли также на мельницах, но продукция, вероятно, получалась худшего качества, поэтому на мельницу сукно отдавали те крестьяне, которым наем работников был не по карману»³³.

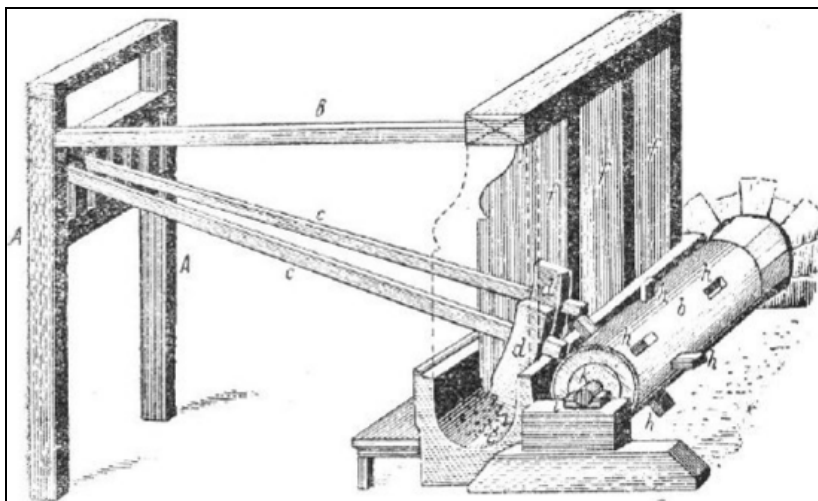
В одном из дореволюционных изданий был напечатан рисунок, показывающий, как в старину вручную (точнее «вножную») валяли сукно.

Из приведенного описания и рисунка видно, насколько тяжелой и утомительной была эта работа.

Поэтому очевидно стремление механизировать этот процесс. В интернете нашелся чертеж простейшего механизма, приведенный в энциклопедии Дидро 1763 г. Но ему видно, как от вращающегося вала через его зубцы поднимался рычаг с молотком и потом опускался в ступу, в которой находилось сукно. Многократные удары молотка приводили к желаемому результату. По такому же принципу, думается, были устроены механизмы по обваловке сукна на мельницах, устраиваемых на Руси. Не этим ли делом – изготовлением подобных станков – занимался механик Михаил Иванович,

Изо 2–12. «Валяние сукна в деревне; сцены из крестьянского быта»³⁴,
рис. Н. Соколов, 1879.

Изо 2–13. Французская сукновальня, 1763.

Изо 2–14. Русская шерстобитная чесальная машина, 2021.

отец Григория? Рядом приведена фотография дореволюционного станка с ручным приводом, выставленного в музее “Скирмановские высоты” (пос. Брикет Рузского района Московской области). Он использовался для чесания и сбивания шерсти в домашних условиях.

Логика подсказывает, что механизмы для валки сукна устанавливались как можно ближе к водяному колесу мельницы (чтобы передаточный механизм привода был менее громоздким). Для установки «сукновальных снастей» («ступы, будки») поблизости строился специальный амбар, или как еще говорили «сукновальня». Если присмотреться к приведенному выше плану Павловской фабрики (изо 2–11), то можно заметить примыкающий к плотине «сукновальный амбар» на берегу реки Истры (он обведен овалом). Скорее всего, так же близко от мельничного колеса находились сукновальные снасти и в Ивановском. Вот что написано в “Исторических сведениях”: «Ивановская суконная фабрика была основана Григорием Михайловичем Цуриковым в 1830-м году. Гораздо ранее, в 1817-м году, Цуриков, специалист по организации плотин, устроил несколько выше того места, где теперь расположена фабрика, плотину и мельницу, а затем, понемногу расширяя свою деятельность, завел сукновальный будки, или ступы»³⁵.

Река Истра даже в нижнем своем течении не относится к большим рекам и возможностей (мощности) единственной плотины на Павловской фабрике явно не хватало для валяния всего необходимого сукна, недоставало своих сукновальных будок. Поэтому требовалась помощь со стороны, как бы теперь сказали – привлечение подрядчиков.

Теперь, думается, понятно, для чего была нужна Ивановская мельница. Это было взаимовыгодное сотрудничество: Павловская фабрика могла увеличить выпуск сукна с помощью таких партнеров, как Цуриковы, а те могли зарабатывать на выполнении отдельных операций.

О том, что сукновальное было выгодным делом, свидетельствует и то, что Григорий Михайлович, как уже говорилось, на какое-то время дополнительно брал в аренду принадлежавшую Новоиерусалимскому монастырю мельницу с сукновальней. Можно также вспомнить приводившуюся ранее цитату о том, что около села Рубцово на Малой Истре находилась мельница «с тремя сукновальными инструментами». Ну и, наконец, в имении Д. П. Голохвастова около села Александрово на Малой Истре также была сукновальная мельница. Все это говорит о том, что привлечение подрядчиков к выполнению трудоемких операций было в то время распространено.

Сказанное подтверждает архивное дело 1821 г., в котором приведены статистические данные о фабриках и производствах. В Звенигородском уезде было «мельниц пильных – 2, мукомольных – 49, в числе оных и сукновальных – 11». Для некоторых мельниц приведены подробные сведения: «1). На реке Истре Воскресенского монастыря – при оной поставов 4, ис коих мукомольных 2. Оброку платится – 1150 р., сукна широкого вываливает – до 800 половинок [...] 2). На речке Песочне онаго ж монастыря при оной поставов 4, ис коих мукомольных 3. Оброку платится – 900 р., сукна широкого вываливает – до 700 половинок»³⁶.

Теперь хотелось бы вернуться к Ивановской мельнице и поговорить о ней подробнее. Как свидетельствуют сохранившиеся архивные документы, не все у Григория Михайловича шло гладко.

1822: Перестройка плотины на реке Истре

Обнаружено архивное дело, в котором имеется прошение, поданное мельником на имя генерал-губернатора в 1822 г. В нем написано, что пять лет назад им была устроена «*при сельце Ивановском на реке Истре мукомольная и сукновальная мельница о четырех поставах*». Все договоренности с его стороны исполнялись в точности: не было «*ни малейшей остановки в прогоне лесу и дров также подтопу дачам и подпору мельницам*»³⁷. И что «*жалоб ни от кого на меня приносимо Земскому Суду никогда не было*». А далее Григорий Михайлович написал, что «*Московское Губернское Правление посредством Звенигородского Земского суда принуждает меня привести вышеозначенную плотину в совершенно новый вид, согласно положению*» (полный текст прошения см. в приложении–11).

Что это за «*положение*» о плотинах – в деле не расшифровывается. Поэтому было непонятно: зачем понадобилось производить «*перестройку спусков в мельничных плотинах*», т.е. пропускных ворот? В попытке разобраться в этом вопросе удалось выяснить следующее. В это время в Москве и губернии шла активная подготовка к началу строительства Храма Христа Спасителя. В верховьях подмосковных рек, включая Истру, начали заготавливать необходимые стройматериалы (лес, камень). Они в период половодья сплавлялись на плотах в Москву. Плотины на реках не должны были препятствовать этому сплаву. Для этого в них следовало предусмотреть специальные спуски, пропускные ворота.

Ситуация с Ивановской плотинной стала более понятной из другого архивного дела. Из него следует, что Григорий Михайлович плотину на реке Истра построил «*шпунтовой*», т.е. с вбитыми в дно сваями из бревен. Остатки этих свай хорошо видны на послевоенном снимке (в небольшом количестве они заметны в реке и поныне). Изображение же самой плотины – точнее моста, проложенного поверх нее – сохранилось в семейном архиве Шуберт.

В начале же 1820-х годов (т.е. уже после постройки плотины) власти потребовали, чтобы для пропуска плотов «*запорный брус в сих спусках лежал на самой постеле [т.е. на дне] реки*»⁴⁰. А в Ивановской плотине этот брус находился намного выше – вровень с водою (т.е. на поверхности). Кроме того, ворота (спуски) для пропуска плотов должны быть устроены определенного размера: «*шириною в 6 сажень*» (т.е. более 12 метров).

Выполнение новых требований властей означало капитальную перестройку плотины с неизбежными значительными материальными затратами. Причем все это возникло неожиданно. Как написал Григорий Михайлович в прошении: «*принимая на себя*

Изо 2–15. «Плотина, построенная Г. М. Цуриковым»³⁸, 1894, (АШ).

Изо 2–16. Остатки Ивановской плотины на реке Истра³⁹, 1959.

устройство сей мельницы не мог предвидеть перемен». Затеявая большое дело по сооружению плотины и мельницы, мельник заранее подсчитал затраты и возможный доход. И прикинул, когда сможет вернуть (как теперь говорят, «отбить») вложенные в строительство деньги. Как ранее уже говорилось, договор с крестьянами об аренде земли под мельницу и плотину был заключен на 10 лет. Причем за первые 8 лет арендная плата не вносилась, она была предусмотрена только в течение двух последних лет – по 300 рублей ежегодно. А если выполнять то, что от него требовали власти, то мельник вовсе мог остаться без прибыли, а то и в убытке. Было еще одно важное обстоятельство: срок аренды земли истекал через несколько лет. И вставал вопрос: будет ли новый договор? Как в таком случае вкладывать большие деньги в перестройку плотины, если по окончании срока аренды, в случае не достижения договоренности, можно было всего лишиться?

Поэтому Григорий Михайлович предложил отнести незапланированные затраты на *«щет [счет] Ивановских крестьян»*. Или, если они пожелают, то мог все требуемое сделать на свои средства. Но лишь в том случае, если крестьяне согласятся *«продолжить мне еще на несколько лет безденежное содержание»*, т. е. без внесения оговоренной договором платы 300 рублей. Чем все в итоге завершилось – в деле не сообщается. О том, что стороны договорились, стало понятно из другого дела. В нем есть такие слова мельника: *«имею я суконную фабрику, устроенную собственным коштом в 1825 году»*⁴¹. Получается, что плотина была перестроена (а иначе и быть не могло – в противном случае власти потребовали бы ее разобрать). И все работы были выполнены за счет Г. М. Цурикова («на собственный кошт»).

1824: Дело о затопленных лугах крестьян деревни Санники

Во время первого договора аренды было еще одно дело, которое оставило свой след в истории.

В марте 1824 г. крестьяне соседней деревни подали на имя императора Александра I прошение. В нем было написано, что арендатором земли были нарушены условия договора: *«ныне от означенной мельницы не только луга и озерки но даже и огороды принадлежащая деревне нашей Санников затопляются»*⁴². Григорий Михайлович отвергал эти претензии как несправедливые. Заявил, что от его плотины никакого подтопления крестьянских *«дач»* (т.е. лугов) не происходит, и что поля около деревни затопляются по другой причине.

Надо отметить, что еще при строительстве плотины мельник учел, что деревня Санники (Сеникова) находилась выше по течению реки Истра примерно в полутора верстах от деревни Ивановской (это хорошо видно на приводимой карте). Чтобы избежать подтопления, перепад воды у плотины не должен превышать 62 сантиметра¹. В таком случае запруженная вода подошла бы к пойменным лугам вблизи Санников, но не стала бы их заливать.

Жалоба крестьян была передана в Звенигородский земской суд, который поручил дворянскому заседателю Лекшину провести расследование. Тот несколько раз выезжал на место. Первый раз осмотру помешало половодье, а второй раз препятствовали сильные дожди, из-за которых уровень воды в реке был высокий, *«и плотина еще не устроена»*. И лишь в сентябре, когда *«в реках воды были в настоящем своем положении»* (т.е. в обычном состоянии) удалось во всем разобраться. Как написано в отчете: *«в реке накопная [т.е. накопленная] вода находится всегда в одинаковом положении и в разливе своем нигде ис берегов невыходит»*. Далее говорится, что *«Хотя спрудная [запруженная] вода и касается оных дач только самою рекою но нигде на оныя дачи невыливается, ни малейшего подтопа [...] неимеется»*.

В деле также написано, что напротив деревни Санники вблизи реки имеются два небольших озерца (видимо, от старого русла). Крестьяне решили их осушить и прокопали канаву. Но не учли, что в эту канаву будет поступать вода самой реки от ее естественного уровня. А ссылка на подъем воды плотиной была напрасной, она до этого места не доходила. Получается, что виноваты были не плотина, а сами крестьяне, да еще дождливое лето.

Дело это оказалось завершено неожиданным образом. Несмотря на очевидное отсутствие вины, Григорий Михайлович заявил: *«во избежание всякаго судопроизводства и желая доставить спокойствие обязуюсь крестьянам деревни Санниковой пока мельница сия до истечения срочного времени будет находится в моем владении и на теперешнем месте [...] ежегодно платить по сту [100] рублей»*. Крестьяне таким предложением остались довольны и сняли свои претензии к мельнику. В конце документа записано: *«дело почислить решенным»*.

¹ Это значение было получено следующим образом. По данным интернета уклон реки Истра составляет 0,415 м/км, т.е. 41,5 см на 1 км течения. Стало быть, на полтора км реки перепад уровней воды будет 62 см.

Изо 2–17. "Военно-топографическая съемка Московской губернии"⁴³ (фрагмент), 1839.

Вот так! Григория Михайловича никто не принуждал принимать на себя дополнительное обязательство, приведшее к материальным расходам, причем не разовым, а ежегодным. Вероятно, ему не хотелось нервотрепки от судопроизводства, тратить на это время. Он посчитал, что лучше жить в мире и согласии с крестьянами, а не в ссоре. Это дело наглядно показывает человеческие качества мельника.

По всей видимости, плата крестьянам производилась долгие годы даже после смерти Григория Михайловича. Об этом написано в статье правнука мельника П. С. Попова: «В связи с запрудой для местного населения получался особый доход, о котором часто шла речь в Воскресенской округе. А именно, выше лежащие по реке деревни получали от фабрики ежегодно компенсацию за то, что некоторые низко расположенные луга оказывались под водой вследствие подъема воды от запруды»⁴⁴. Судя по статье расходов даже в 1918 г. Ивановская фабрика платила деньги «За подтоп лугов»⁴⁵.

Переезд Цуриковых в Ивановское

Надо полагать, Григорий Михайлович много времени проводил на своем производстве, особенно в теплое время года во время рабочего сезона. Из Рубцово в Ивановское каждый день не наездишься, поэтому, как писали родственники, мельник построил на берегу обводного канала жилье. Через какое-то время он перевез туда свою семью из Рубцово.

О времени переезда Цуриковых в Ивановское можно говорить лишь приблизительно, т.к. в документах конкретная дата не названа. Так в воспоминаниях родственника С. А. Попова есть такие слова: «Свое собственное производство Григорий Михайлович открыл около 1830 года [...] В то время семья Цурикова жила в Ивановском в двух избах»⁴⁶.

В вопросах о местах жительства иногда помогают исповедные ведомости. В первой главе уже рассказывалось, что в Российской империи до середины XIX века существовал порядок,

согласно которому все православные граждане (а таких было подавляющее большинство) обязаны были раз в год в Великий пост исповедаться и причаститься в своем приходском храме. Таким образом, наличие имен в исповедках свидетельствует, что люди проживали в приходе указанного храма. Конечно, было немало исключений, когда, например, люди куда-то надолго уезжали (например, в Москву или в Петербург), а в пост возвращались домой. Но когда нет других достоверных источников информации, то приходится использовать сведения из исповедок.

Изучение церковных книг Покровского храма села Рубцово и Петропавловского храма села Лужки показало следующее. Члены семьи Цуриковых до 1836 г., как правило, исповедовались по старому месту жительства, т.е. в Рубцово. Правда, были и исключения. Так, в 1828 и 1832 годах их имен не оказалось в исповедке Покровской церкви, зато они были обнаружены в Петропавловской церкви с. Лужки с пометкой: *«В оной деревне [Ивановской] проживающие Вотчины Господина Димитрия Павловича Голохвастова села Рубцова Дворовые люди»*⁴⁷. И далее перечислены имена Григория Михайловича с женой и детьми Павлом, Натальей, Матреной, Иваном и Александрой, у которой был уже собственный сын Алексей. А в 1824 г. имена Григория Михайловича с супругой Матреной Анисимовной и сыном Павлом оказались записаны в исповедках обоих храмов! С 1837 г. их имена встречаются только в ведомостях Петропавловской церкви.

Согласно записям в метрических книгах все дети Григория Михайловича, кроме Ивана, родились в Рубцово, последней была Матрена в 1821 г. А рождение Ивана в 1829 г. зарегистрировано в книге села Лужки, при этом адрес жительства родителя указан такой: *«в деревне Ивановской»*. Это позволяет говорить, что переезд Цуриковых на новое место жительства (на фабрику) состоялся в 1820-х годах, по всей видимости, вскоре после рождения Матрены. Переехали все члены семьи кроме старшей дочери Александры, которая в 1822 г. вышла замуж за купеческого сына Ивана Кручина, проживавшего в Звенигороде.

Ежегодные остановки производства

Сколько людей в первые годы трудилось на производстве в Ивановском – сказать трудно, такие данные нигде не приведены. Но явно у Григория Михайловича были помощники. Возможно, что вначале обходились силами родственников. Но потом с ростом объема выполняемых работ без нанятых работников никак было не обойтись. Надо полагать, что мельница не работала зимой, когда вода замерзала. Не работала она и весной при разливе реки в половодье, когда сильный напор воды мог привести к повреждениям и когда производился сплав древесины.

В воспоминаниях С. А. Попова написано, что ежегодно перед Пасхой во время половодья на фабрике останавливали работу: *«плотина разбиралась, и переставали работать водяные приводы»*. О том же сказано в одном из архивных дел: в *«весеннее время начиная с конца марта и до половины мая по случаю разлития воды в реке Истре и сплава по оной лесов, для коих разбирается самая плотина, фабрика совершенно останавливается своим производством, а равно и осенью во время паводков от подъема вод в реке Истре фабрика так же не действует некоторое время»*⁴⁸. Это дело датировано 1850 годом. Но нет сомнения, что и в прежние годы работа весной останавливалась, т.к. через плотину должны были проходить плоты.

1827: Второй договор аренды земли

Подходил к концу срок договора 10-летней аренды земли у Ивановских крестьян. Его можно условно назвать первым этапом в истории Ивановской фабрики, когда собственного суконного производства еще не было. Работы ограничивались валянием и промывкой кусков сукна, привозимых из Павловской казенной фабрики и возвращаемых туда же после завершения обработки. Необходимые технологические операции проводились в сукновальном амбаре, находившемся рядом с мельницей. Для этого использовались сукновальные ступы – устройства с примитивной механизацией. По воспоминаниям родственников в это время (1825) *«у Цурикова было 2 мукомольных и 2 сукновальных снасти»*.

Как следует из нескольких архивных дел, в 1827 году (1 марта?) был заключен новый, второй по счету договор с Ивановскими крестьянами об аренде земли под плотину, мельницу и другие постройки. На сей раз срок аренды был увеличен до 12 лет. Заключение нового соглашения прибавило уверенности Григорию Михайловичу, он мог теперь планировать свое будущее на более длительное время. Можно было подумать и о расширении производства.

1830–1835: Строительство суконной фабрики в Ивановском

Во многих документах и справочниках XIX века написано, что Ивановская суконная фабрика основана в 1830 г. (иногда писали 1833). Почему приведены такие даты? Попробуем разобраться.

В это время действовал второй договор аренды земли. На реке Истра была устроена плотина, на берегу стояла мельница, сукновальный амбар, были также построены один или два жилых дома. Как уже говорилось, Григорий Михайлович зарабатывал деньги на валке сукна, которое доставлялось с Павловской казенной фабрики и после его обработки отправлялось обратно. В какой-то момент это его перестало устраивать, и он надумал расширить производство в Ивановском. Об этом ключевом моменте в истории фабрики писали потомки в своих воспоминаниях.

Вот что говорила правнучка А. М. Шуберт: «Спустя несколько лет после постройки Цуриковым плотины и мельницы на Истре, предприятие его оказалось настолько прибыльным, что он перестал удовлетворяться промывкой чужих сукон и задумал организовать близ Ивановской собственное суконное производство. Однако это ему было недоступно, поскольку он был крепостным и не имел права купить себе соответствующий участок земли. Тогда он вошел в согласие с неким Сырейщиковым [подчеркнуто в оригинале], человеком с некоторыми средствами и независимым. И тогда они начали строить вместе фабрику на месте Коровьего брода. Для организации соответствующих работ ими были приглашены специалисты, в основном кажется немцы. Наконец фабрика была в основном готова и начала работать. Дело оказалось стоящим, и доходы Цурикова продолжали расти. Однако домашний быт Цуриковых оставался прежним. В то время как Сырейщиков построил себе на месте, купленном для фабрики, каменный особняк из 4 комнат со всеми удобствами, Г. М. продолжал жить в своей избе в обстановке простого крестьянина»⁴⁹.

Примерно о том же написано и в воспоминаниях правнука мельника С. А. Попова: «Свое собственное производство Григорий Михайлович открыл около 1830 года при помощи знакомого своего, московского купца Алексея Петровича Сырейщикова, который вступил с Григорием Михайловичем в компанию. Машины принадлежали Сырейщикову, а все остальное было Цурикова. В то время семья Цурикова жила в Ивановском в двух избах, а Сырейщиков имел при фабрике особое помещение и жил там¹ довольно комфортабельно. Супруга его, Анна Павловна, как женщина, обладавшая недюжинным умом и интеллигентностью, умела принимать у себя и развлечь офицеров артиллерийской бригады, расквартированной в близлежащей Павловской слободе»⁵¹.

В цитате говорится о каменном доме Сырейщикова. Это здание было построено в 1830 г. или вскоре после этого, как при финансовой помощи указанного купца произошло расширение Ивановской фабрики. Разговор об этом доме будет продолжен в следующей главе. Сейчас лишь отметим, что обнаружено два исторических изображения этого здания. Здесь приводится одно из них, другое можно увидеть далее (из 3–22).

Изо 2–18. Дом Сырейщиковых, слева арка главного въезда⁵⁰.

¹ Проживание семьи Сырейщиковых на Ивановской фабрике подтверждает исповедная ведомость церкви с. Лужков за 1832 г.: в ней записаны имена московского купца Алексея Петрова и его жены Анны Павловой.

Соглашение с Сырейщиковым дало мощный толчок в развитии суконного производства. Вот что написано в «Исторических сведениях»: «В 30-м [1830] году были приобретены некоторые прядильные машины, и суконное производство стало организовываться на фабрике в полном своем объеме, при чем многие рабочие перешли сюда с суконной фабрики в Дюткове, Звенигородского уезда, прекратившей свое существование»⁵². Как видим, в цитате упоминаются некие «прядильные машины». Однако по утверждению энциклопедии «Истринская земля», это были ручные ткацкие станки. Сколько всего станков (машин) было установлено – нигде не сообщается. Да и вообще подробного описания Ивановской фабрики 1830-х годов в документах найти не удалось.

Больше сведений оказалось о семье дворового человека Григория Михайловича. Осенью 1830 г. в ней произошло важное событие: стали вольными людьми четверо детей мельника. Это Павел, Наталья, Матрена и Иван (старшая Александра перестала быть крепостной перед выходом замуж в 1822 г.). Копии грамот отпуска на волю детей Григория Михайловича обнаружены в архиве. Интересно, что в текстах вольных грамот Павла и Ивана указана фамилия Цуриков, а в грамотах их сестер Натальи и Матрены фамилии нет. Вот часть текста одной из грамот: «вольно ей Матрене с сею данною от меня отпускную где она пожелает жить или в какой род жизни записаться впредь мне и наследникам моим до сие дела нет [...] ей Матрене сия отпускная от меня и дана»⁵³.

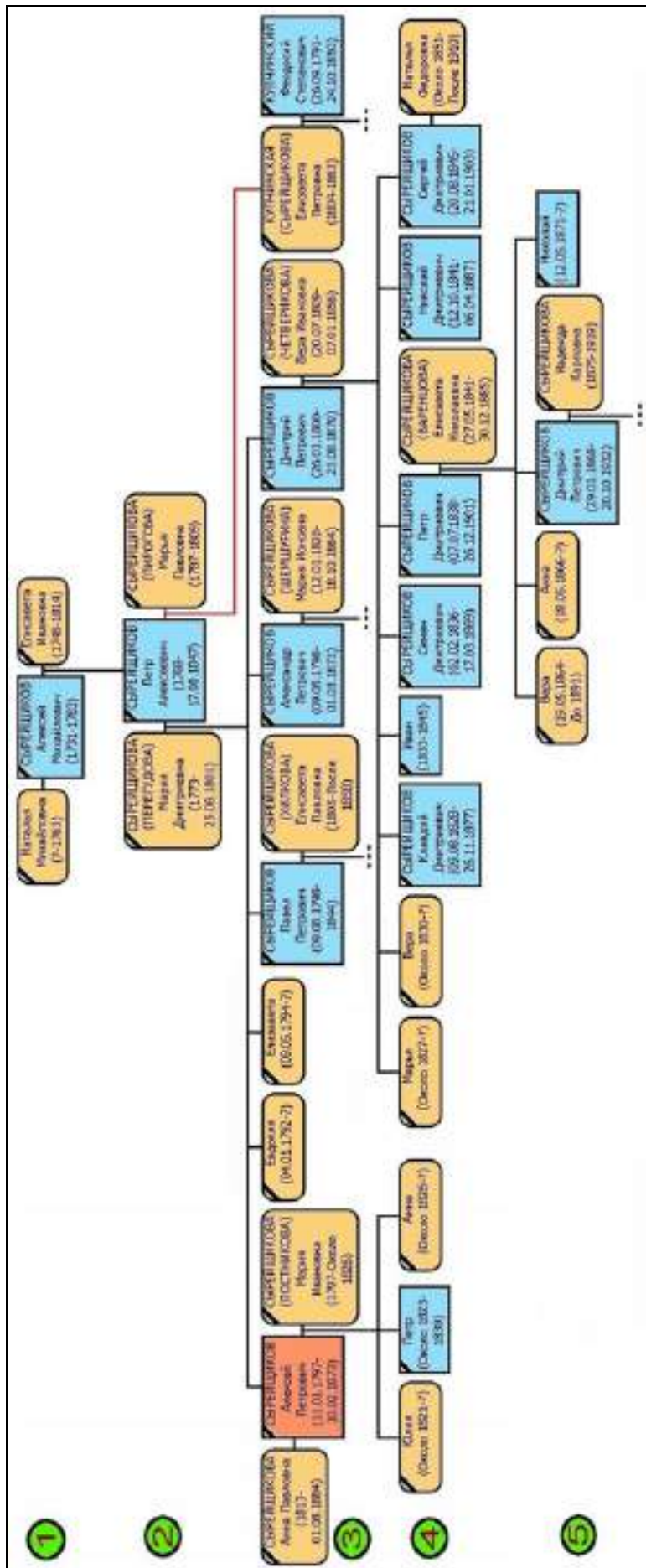
Вольные грамоты подписал Дмитрий Павлович Голохвастов. Очевидно, что помещик отпустил на волю своих крепостных не просто так, не бесплатно (лишь три десятилетия спустя все крепостные крестьяне Российской империи обрели свободу без всякого выкупа). Увы, осталось тайной, сколько заплатил Григорий Михайлович за своих детей¹. Также неизвестна причина, по которой он сам не получил вольную. Возможные версии изложены в воспоминаниях правнука мельника С. А. Попова: «Голохвастов имел влияние на судьбу Цурикова. Цуриков был большим знатоком по постройке плотин, и Голохвастов, любитель всяких механических сооружений, очень дорожил познаниями Цурикова и даже за его способности и трудолюбие предлагал выкупиться на волю, но Цуриков отказался, сказав, что умрет крепостным (детей же всех по их рождении выкупал на волю). По другому семейному преданию, Григорий Михайлович очень желал выкупиться на волю, но Голохвастов, суровый и строгий помещик, ценя его знания и способности, не соглашался отпустить его»⁵⁴.

Купцы Сырейщиковы

Но вернемся к Ивановской фабрике. В цитатах родственников упоминался некий московский купец Алексей Петрович Сырейщиков, с которым Григорий Михайлович вошел в деловые отношения. Он сыграл важную роль в становлении суконной фабрики. Без его помощи развитие производства, наверное, шло бы не так быстро. Поэтому об этом купце, его происхождении и семье захотелось узнать больше.

Вначале поисковых работ кроме имен купца и его жены, а также сведений, что они были из Москвы, других данных не было. Помощь в сборе информации о Сырейщиковых оказала работник Государственного исторического музея г. Москвы Наталья Викторовна Горбушина. Она рассказала об имеющемся в ОПИ ГИМ личном фонде В. А. Дударевой, в котором хранится много уникальных сведений о московских купцах Сырейщиковых. Остается лишь сожалеть, что материалы представлены в основном в виде черновых записей и в настоящее время не опубликованы. Информация из указанного фонда была дополнена сведениями, обнаруженными в изданных до революции справочниках о купцах, а также материалами двух десятков дел, найденных в архиве ЦГАМ. По сведениям, собранным из разных источников, было построено древо рода московских купцов Сырейщиковых (в приводимом фрагменте родословного древа не показаны многие дальние родственники Алексея Петровича и их потомки).

¹ Как написано в интернете, никаких расценок на вольную грамоту не существовало, цена отпуска на волю определялась только аппетитами помещика и ценностью для него данного крепостного. Разброс цен на выкуп свободы был огромный. Обычно за отпускные документы приходилось выкладывать по несколько сотен рублей (чаще всего от 400 до 500 рублей) на каждого просящегося на волю (при этом, цены крепостных в купчих были обычно по 150–300 рублей). Но нередко случались и исключения, как в меньшую, так и в большую сторону. А вот если крепостной обладал какой-то редкой специальностью (как, например, строивший мельницы Григорий Михайлович), то цены возрастали многократно. Это и понятно. Ведь порой оброк с дельного мужика перекрывал доходы всего имения помещика за год. Поэтому стоимость вольных для таких ценных (во всех смыслах) специалистов исчислялась в тысячах рублей и больше (известны случаи, когда крепостные выкупались за 25–30 тысяч).

Изо 2–19. Фрагмент древа Сырейчиковых.

Купеческая фамилия Сырейщиковых до революции была хорошо известна в Москве и Ярославле. В справочниках второй половины XIX века писали, что они из старинного купеческого рода. В одном из дел фонда Дударевой говорится о первом упоминании этой фамилии в историческом документе 1620 г. Там же написано, что Сырейщиковы встречаются в документах разных слобод Москвы. Алексей Петрович, ставший на время компаньоном мельника Григория Михайловича, происходил из купцов Кадашевской слободы.

Отца Алексея звали **Петр Алексеевич Сырейщиков** (1768 – † 1847). Он был московским купцом: в молодые годы 1-й и 2-й гильдии, а с 1813 г. стал купцом 3-й гильдии. Петр в 15 лет лишился отца, делами стала управлять его мать Елизавета Ивановна. В книге купеческих капиталов за 1786 г. за матерью и сыном записан капитал 1050 рублей, они имели торг в суконном ряду в Москве.

По данным архивного дела Петр Алексеевич женился на дочери купца Д. С. Перегудова Марии Дмитриевне. В браке родилось семь детей. В живых остались четыре сына: Алексей, Дмитрий, близнецы Александр и Павел⁵⁵ (даты рождения приведены в древе). Мать ребят умерла в 1801 г. Через два года Петр Алексеевич женился вторично на дочери купца Пирогова Марии Павловне, у них родилась девочка Елизавета. Купец вновь овдовел в 1809 г.

Петр Алексеевич никогда не занимался производством сукна, его купеческая деятельность заключалась в закупках за границей товара с последующей продажей в Москве. Однако он считал, что продавец должен знать, как изготавливается товар, которым торгует. Поэтому П. А. Сырейщиков отправлял своих сыновей для ознакомления с процессом производства на суконную фабрику в село Поддубное близ Ярославля. Не избежал этого и Алексей. Вообще же родитель заботился о воспитании своих детей, они учили иностранные языки.

Когда дети подросли, Петр Алексеевич каждому выдал капитал. Сыновья женились еще при его жизни, жены

Изо 2–20. П. А. Сырейщиков⁵⁶, (ГИМ).

выбирались из купеческого круга. У каждого из сыновей родилось по много детей, лишь у Алексея было трое. Как писала Дударева, в год смерти П. А. Сырейщикова (1847) его семейство насчитывало 46 человек, включая правнуков.

После женитьбы Алексей остался жить в доме своего отца. Это подтверждает исповедная ведомость «церкви Григория Неокесарийского, что при Полянке» за 1826 г.⁵⁷ В составе семьи Петра Алексеевича записан был его сын Алексей (30 лет) вместе с женой Марией Ивановной (25), дочерью Юлией (5) и сыном Петром (2). Пять лет спустя в аналогичной ведомости указано, что Алексей вдов, добавилась дочь Анна.

В следующем, 1832-м году фамилия московского купца вместе со второй¹ женой Анной Павловной оказалась в исповедке Петропавловской церкви села Лужки Звенигородского уезда. Напомним, что в упомянутом году А. П. Сырейщиков сотрудничал с Г. М. Цуриковым и построил дом для своего проживания около суконной фабрики. Но в Ивановском он, по всей видимости, жил только летом, а на зиму переезжал в Москву.

Еще стоит обратить внимание на такой факт: Алексей Петрович стал фабрикантом, тогда как все его предки, да и братья тоже были купцами-торговцами. Ему, видимо, была не интересна купля-продажа, он решил заняться производством сукна. Очень хотелось узнать, как произошло знакомство купца Сырейщикова с мельником Цуриковым. О чем они между собой договорились, какой конкретно был вклад в общее дело московского купца. Но, увы, никаких документов на сей счет обнаружить не удалось.

В справочнике 1832 г. приведены сведения о фабриках и заводах Российской империи. В нем имеется такая строчка: «Сырейщиков, Алексей Петров, Куп. сын. В Москве, Хамовнич. час., 2 квар. в доме № 189. Пряжа, сукна и драдедам»⁵⁹. Принимая во внимание год, можно подумать, что слова «Пряжа, сукна и драдедам»ⁱⁱ относятся к продукции Ивановской фабрики. Однако указанный в строке адрес в Хамовнической части обозначен как «Место нахождения фабрики и заводов». Получается, что у А. П. Сырейщикова было свое производство сукна в Москве? Странно, нигде об этом не сообщается. Да и зачем Алексею Петровичу была нужна другая суконная фабрика, коль скоро уже была одна в Ивановском. Возможно, по указанному адресу находился склад или торговая лавка.

Как оказалось, недолго продолжалось сотрудничество Г. М. Цурикова с А. П. Сырейщиковым – в общей сложности около пяти лет. Как написано в воспоминаниях С. А. Попова, разрыв отношений произошел следующим образом: «Однажды в 1835 году явились в Ивановское кредиторы Сырейщикова с целью отобрания машин за неплатеж долгов»⁶⁰.

Каким образом Алексей Петрович стал должником, как все в итоге разрешилось? Увы, и здесь, несмотря на предпринятые усилия по поиску информации, ничего не удалось найти. Можно лишь

ⁱ Интересная прослеживается закономерность: у Алексея Петровича, его отца и деда – у всех было по два брака.

ⁱⁱ «Драдедам (“драп для дам”) — это один из легких и дешевых видов сукна, шерстяная ткань полотняного переплетения с ворсом» (интернет). Драдедам использовался для изготовления платков, шалей, накидок.

отметить, что банкротство компаньона не привело к краху Ивановской фабрики. Как написано в воспоминаниях того же С. А. Попова, Григорий Михайлович, *«узнав тут об опасности, угрожавшей всему его делу, при помощи ивановских крестьян как-то отстоял машины и внес за Сырейщикова что-то тысяч десять кредитными. Все дело перешло Цурикову»*.

Отсутствие архивных сведений о долгах А. П. Сырейщикова, возможно, вызвано тем, что благодаря Григорию Михайловичу удалось уладить все претензии кредиторов, и дело не дошло до суда. А вот спустя два десятилетия ситуация с долгами купца вновь повторилась и все закончилось иначе. Об этом эпизоде жизни Алексея Петровича сохранилось несколько архивных дел, в них подробно описана история его разорения. Не вдаваясь в детали, опишем кратко, как все происходило.

Банкротство Алексея Петровича Сырейщикова

В архиве ЦГАМ сохранилось дело 1851 г., в котором имеется прошение *«французского подданного Луи Реми Шуена»*. В нем иностранец пишет, что в Серпуховской части Москвы за Камер-коллежским валом находится его фабрика *«стеариновых свечей»* (в другом документе предприятие названо: *«стеариновый, мыльный и свечной сальный завод»*). Далее Луи сообщает, что *«разстроенное мое здоровье не позволяет лично надсматривать над производством работ»*⁶¹, и он намерен выехать на лечение за границу. В связи с этим передает все дела сыну Павлу-Экстору Арману Шуен (иногда писали Шуэн). Увы, через какое-то время у сына также возникли проблемы со здоровьем. В связи с этим он продал свечной завод А. П. Сырейщику. Сумма сделки в документе не указана.

Что это был за завод? По обнаруженному описанию, это было *«существующее издавна»* небольшое предприятие с 18 рабочими, и в котором имелись *«фабрика [т.е. корпус] длиной 23 сажени, [...] крытая деревом; флигель длиной 9 сажень, [...] конюшня, [...] машина для фителей, [...] весы»*⁶². Из оборудования указаны два гидравлических прессы и еще паровая машина.

Зачем Алексей Петрович купил этот завод? Напрямую об этом нигде не говорится, наверное, купец рассчитывал от него получать прибыль. Но, увы, надежды не оправдались. Как написано в другом архивном деле: *«от больших убытков, понесенных по своей торговле стеариновыми свечами [...] по случаю общего упадка торговли»*⁶³ Сырейщиков разорился.

Оказалось, что у него, начиная с 1850 года, накопилось много долгов, кредиторы стали предъявлять претензии. 28 июня купец явился в Московский коммерческий суд, где *«объявил о неплатежеспособности долгов своих до 13.000 руб. сер.»*. В суде завели дело, было назначено конкурсное управление. На время следствия Сырейщикова посадили *«во временную тюрьму»*, стали описывать имущество. А его почти не оказалось. Алексей Петрович предвидел такое развитие событий и купленный в 1847 г. дом был записан на имя супруги Анны Павловны.

Кредиторы не стали должника окончательно «топить», подошли к рассмотрению дела о банкротстве объективно. В ходе следствия выяснилось, что *«Сырейщиков в продолжении весьма многих лет, вел себя безупречно, как доброму купцу свойственно, не запятнал себя в продолжении всей своей жизни никаким дурным поступком, который мог бы его обличить в предосудительных намерениях»*. В итоге признали Алексея Петровича *«должником неосторожным с допущением его вновь к торговле и с освобождением от содержания во временной тюрьме»*⁶⁴. Надо сказать, что вынесено было мягкое решение (должника могли сослать на каторгу в Сибирь). Скорее всего, этому поспособствовали знакомые люди со связями. В различных бумагах по данному делу неоднократно встречались имена Дмитрия Васильевича Финляндского и Максима Ефимовича Попова (оба родственники Цуриковых). Можно предположить, что эти люди уберегли Алексея Петровича от строгих мер наказания. Ну а его свечное предприятие у должника отобрали и продали *«с аукционного торга за 2.006 руб.»*.

О дальнейшей жизни обанкротившегося купца сведений очень мало. В материалах Дударевой говорится, что Алексей Петрович вел свои дела так неудачно, что одно время даже не числился купцом, т.к. не мог объявить капитал. Баллотировался на должность публичного нотариуса, которую купечество предоставляло своим нуждающимся членам, но не был выбран. Брал у магистрата свидетельство о бедном состоянии. Впоследствии жизнь наладилась, и он вновь стал купцом 2-й гильдии. Эти сведения подтверждаются данными справочника 1871 г.: *«Сырейщиков Алексей Петрович, 72 л., в куп. сост. с 1860 г. Жит. Мясн. ч. 1 кв., в пр. ц. Введения во храм Пресв. Богородицы, что на Лубянке, в д. Варгина. Находится прикащиком у купца Попова. На город. службе не состоял»*⁶⁵. По всей видимости А. П. Сырейщиков собственного коммерческого дела больше не заводил, ограни-

чился наемной работой приказчиком. Имя его хозяина не указано, только фамилия. Но нет никакого сомнения, что это был давний знакомый Максим Ефимович (кстати, по данным того же справочника у М. Е. Попова работал приказчиком и брат Алексея Александр Петрович Сырейщиков).

В 1873 г. Алексей Петрович умер и был похоронен на Ваганьковском кладбище. Выбор места погребения выглядит довольно странным, если принять во внимание, что всех его предков, а также братьев хоронили на Пятницком кладбище в Москве. Через 11 лет рядом с ним была похоронена вторая жена. Могилы обоих супругов найти не удалось, вероятно, они не сохранились. Фотографии Сырейщиковых тоже не удалось отыскать.

Супруга купца Анна Павловна

Несколько слов о второй жене купца Анне Павловне. Сергей Максимович Попов (будущий владелец Ивановской фабрики) вспоминал, как в гости в их московский дом приезжала А. П. Сырейщикова (это было в начале 1870-х годов): *«она превосходно рассказывала сказки, и ее приезды к нам с болезненным племянником или пасынком Павлом Павловичем Марковым, очень способным мальчиком, были сущим праздником для всех детей. Она садилась в гостиной на диване, ей приносили сигару, до которой она была страшная охотница, и начинала рассказывать чудные сказки, которых мы заслушивались до вечера (она познакомила нас с “Коньком-Горбунком” Ершова)»*⁶⁶.

А вот что о ней написала А. М. Шуберт: *«Из писем Павла Григорьевича за 1873 год видно, что вдове Сырейщикова он платил ежемесячное пособие в 15 рублей»*. Надо отметить, что Сырейщико-вы не были родственниками Цуриковым, эта пенсия была актом сострадания Павла Григорьевича к бедной вдове. И, наверное, знаком благодарности за то, что она когда-то давно сосватала его сестру Матрену купцу Максиму Ефимовичу Попову, ставшим впоследствии близким другом и деловым партнером на долгие, долгие годы.

Дмитрий Петрович Сырейщиков и его потомки

Теперь хотелось бы поговорить о продолжении рода Сырейщиковых.

Как уже говорилось, у Алексея Петровича от первой жены было трое детей (во втором браке детей не было). Об их судьбе, увы, никаких сведений нет. Более многочисленное потомство оказалось у его ближайших родственников. Так, сестра Елизавета после выхода замуж за Феодосия Степановича Купчинского родила 9 детей. У брата Дмитрия было 8 детей, у Александра 6, у Павла 9.

В ходе поисков удалось собрать сведения о брате Алексея, Дмитрие, и его потомстве. Среди них оказались интересные достойные люди. **Дмитрий Петрович Сырейщиков** (1800 – † 1879) был московским купцом 2-й гильдии. В нескольких источниках отмечены его добрые дела. Так он пожертвовал 15.150 рублей Московскому купеческому обществу. В 1865 г. подал прошение *«об учреждении при Императорском Московском У-те [университете] трех стипендий имени Московского купца Дмитрия Петровича Сырейщикова»*⁶⁷. Совет университета принял это предложение. Купец положил в банк 11 тысяч рублей серебром с тем, чтобы проценты с этого капитала (605 рублей) выплачивались трем бедным студентам *«по равной сумме»*.

Помимо этого Дмитрий Петрович в 1878 г. учредил стипендию в память умершего сына Клавдия в Московской практической академии коммерческих наук, пожертвовав на это капитал 8.400 рублей⁶⁸. А еще, как написано в одном из справочников, на его средства в нескольких больницах и богадельнях содержались четыре кровати (т.е. оплачивалось лечение и проживание больных, на них размещенных).

Дмитрий Петрович был женат на Вере Ивановне Четвериковой. У них родилось восемь детей (см. древо). Традицию добрых дел родителя продолжил сын Петр (племянник Алексея Петровича). В справочнике отмечено, что от имени П. Д. Сырейщикова были внесены пожертвования: *«а) 1902 [год] – 8400 руб. по дух. зав. на учреждение трех женских кроватей в Екатерининской богадельне; б) 1902 – 21034 руб. по дух. зав. на постройку дома призрения в Сретенском попечительстве о бедных»*⁶⁹. После смерти Петра Дмитриевича потомки внесли 12 тысяч рублей⁷⁰ на учреждение двух именных стипендий в Московском университете для студентов *«недостаточного состояния»*.

П. Д. Сырейщиков отличился и запомнился еще одним добрым делом. В 1885 г. умерла его супруга Елизавета Николаевна (урожд. Варенцова). Она была похоронена на Пятницком кладбище у южной стены Троицкого храма. Петр Дмитриевич помог восстановлению этой церкви: *«в память о своей супруге [...] пожелал в этом приделе [Параскевы Сербской – Авт.] на свои средства заново позолотить потускневший от времени иконостас, посеребрить все подсвечники и паникадило и промыть*

иконную и настенную живопись. [...] В небольших углублениях киота помещены иконы праведной Елисаветы и святителя Московского Петра, небесных покровителей супругов Сырейщиковых»⁷¹.

Другой сын Дмитрия Петровича, Семен, на протяжении своей жизни собирал редкие книги, ценные издания, включая портреты русского княжеского и царского домов, начиная с Рюрика. После смерти библиофила его собрание (около тысячи томов) было передано в дар Карамзинской библиотеке в городе Симбирске. Вся коллекция оценивалась примерно в 3.000 рублей серебром.

Пожалуй, наибольшую известность среди всех Сырейщиковых получил внук благотворителя Дмитрия Петровича его полный тезка (внучатый племянник совладельца Ивановской фабрики). **Дмитрий Петрович Сырейщиков** (1868 – † 1932) является автором четырехтомного издания "Иллюстрированная флора Московской губернии"⁷², которое стало классикой русской флористики и принесло ему широкую и заслуженную известность. Как написано на одном из сайтов: «По тщательности проработки этот труд не имел себе равных и до сих пор. "Флора" Д.П. Сырейщикова служит важнейшим источником и справочником по растительному миру Московской области»⁷³.

Изо 2–21. Д. П. Сырейщиков и его главный труд.

В советские годы ботаник Дмитрий Петрович стал в Московском университете ученым хранителем гербария, превратил его в истинно научное учреждение. Ныне гербарий МГУ носит его имя. Д. П. Сырейщиков принимал участие в подготовке первого издания "Большой Советской энциклопедии". Его перу принадлежат статьи о растениях Подмосковья и Крыма.

В некрологе о смерти ученого Д. П. Сырейщикова написано, что он «собрал богатейшую иконотеку — собрание изображений растений всего света из всевозможных ценных изданий, заключающее более 40000 названий, единственное в нашем Союзе по своей полноте. Обширное собрание ботанических книг было им пожертвовано в библиотеку Московского университета, где для них был отведен особый зал, который предположено назвать "залом Сырейщикова"»⁷⁴.

Дмитрий Петрович был похоронен на Пятницком кладбище рядом с матерью. Следуют сказать, что это кладбище в Москве считалось купеческим, на нем захоронено более десяти членов рода Сырейщиков. Однако ныне обозначено только одно захоронение — это могила ботаника Дмитрия Петровича, причем надгробный камень установлен современный. Безусловно, сохранению могилы способствовала его известность как ученого, его труды.

Как написано в одной из современных книг, у ботаника Дмитрия Петровича было две дочери⁷⁵ (в древе они не показаны). Мария умерла в детстве, а Елизавета вышла замуж за Валентина Александровича Макрушина, ставшего писателем-фантастом. В семье Макрушиных в 1930-х годах родилось два сына Андрей и Дмитрий. По данным интернета они оба живы, хотя обоим далеко за 80. Один из братьев – Андрей Валентинович Макрушин – стал ученым, доктором биологических наук. Так что род Сырейщиковых по этой линии продолжается, хотя фамилия у потомков другая.

Потомки компаньона Ивановской фабрики могут быть живы и по другим боковым линиям рода. Как уже отмечалось, семьи купцов Сырейщиковых, как правило, были многодетными. Возможно, что продолжатели рода есть и в нашем городе Истре. Дело в том, что в списках жителей заштатного города Воскресенска в начале XX столетия (вплоть до 1918 г.) регулярно встречались имена «не-торгующих» купцов Сырейщиковых: девицы Марьи Александровны (это племянница Алексея Петровича), Сергея Дмитриевича (племянник) с супругой Натальей Федосеевной⁷⁶.

А теперь вернемся в XIX век.

1836–1848: Развитие суконной фабрики в Ивановском

Как уже говорилось, примерно в 1835 году А. П. Сырейщиков вышел из дела, производство сукна в Ивановском оказалось целиком в руках мельника Г. М. Цурикова. Как написано в воспоминаниях А. М. Шуберт: «После того как Григорий Михайлович стал единоличным владельцем Ивановской фабрики, он сделал своего сына Павла ее совладельцем»⁷⁷.

Напомним, что в 1830 г. Павел Григорьевич освободился от крепостной зависимости. А спустя три года стал уже звенигородским купцом 3-й гильдии. Где-то в это время (или чуть раньше) по воспоминаниям родственников он проходил обучение на мельнице Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода, осваивал премудрости данного ремесла. По всему видно, что отец готовил старшего сына к тому, что тот со временем станет управлять делами Ивановской фабрики. Уже в 1841 г. в одном из дел Павел Григорьевич был назван хозяином суконной фабрики. Скорее всего, владельцем предприятия он был неофициально, т.к. согласно другому делу Григорий Михайлович передал свою фабрику сыновьям Павлу и Ивану лишь в 1848 г. В любом случае, невзирая на то, что записано в документах, все Цуриковы работали вместе, развивали и наращивали производство сукна.

Ранее уже приводились фрагменты карты «Военно-топографическая съемка Московской губернии» 1839 г. (изо 2–17). На ней можно найти надпись: «Ивановская сукон. фабр.». Хорошо видно, что

в районе Ивановской фабрики река Истра разделяется на основное (более широкое) русло и обводной канал (рукав), а между ними находится остров. Именно здесь по обоим берегам канала располагались основные строения фабрики, они обозначены на карте прямоугольниками. На главном русле реки можно разглядеть перемычку – это плотина с мостом. Здесь был Коровий брод. Плотина перегораживала водосток реки, и вода

Изо 2–22. Ивановская суконная фабрика на карте Московской губ.⁷⁸, 1839.

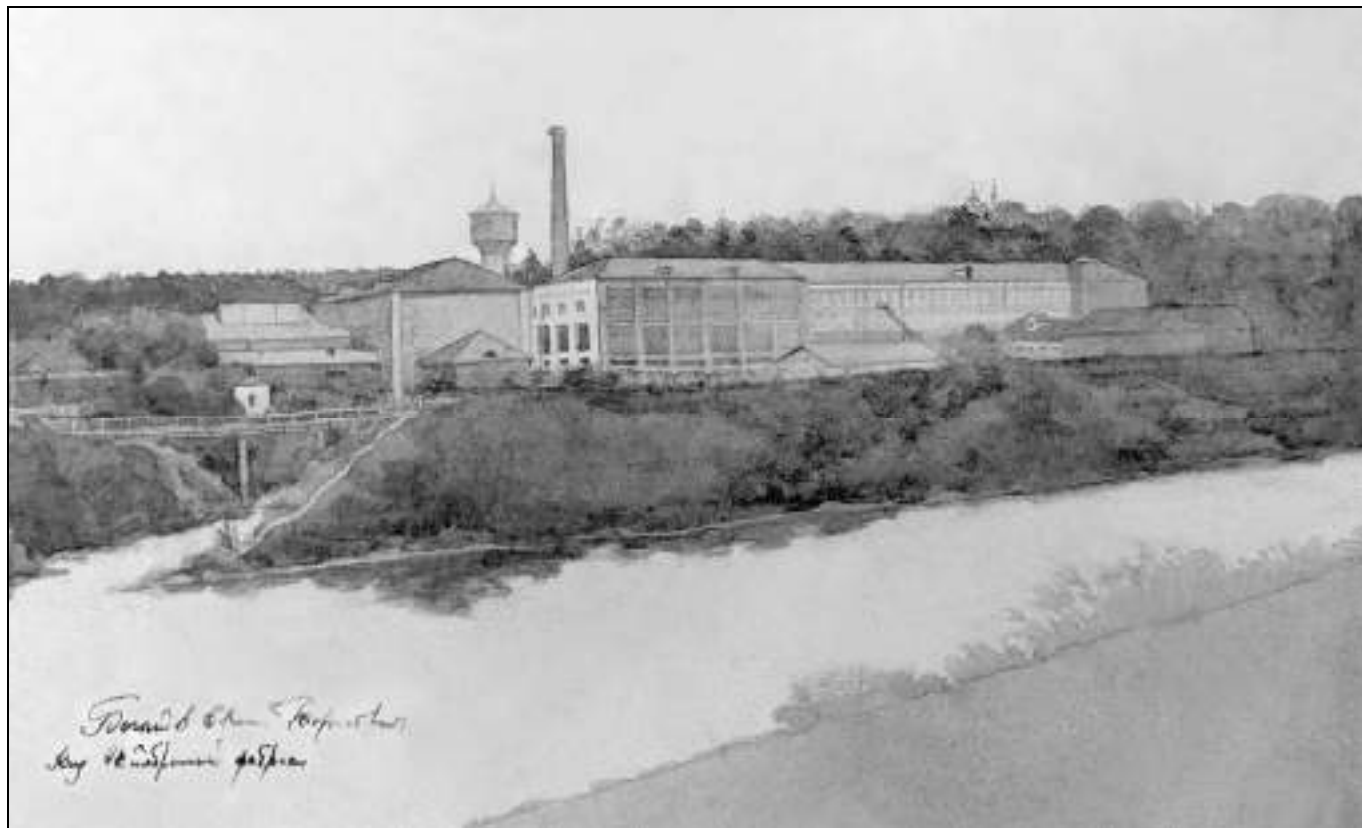
устремлялась в обводной канал. За счет того, что он более узкий, течение ускорялось. На канале были установлены водяные колеса, от вращения которых приводились в действие сукновальные «снасти» (механизмы), находившиеся в одном из корпусов. По берегам канала (у его начала) показаны небольшие темные прямоугольники. Среди них были жилые избы, включая дом семьи мельника. Севернее плотины находилась развилка дорог на деревни Сеникова, Павловская и село Лужки.

После того, как в 1835 г. Сырейщиков уехал с фабрики, Григорий Михайлович переселил в опустевший каменный дом (флигель) свою старшую дочь Александру. Сам же хозяин фабрики остался жить с женой и другими детьми в деревянной избе у обводного канала.

А как шли дела на самой Ивановской фабрике? К сожалению, сведения о ее развитии отрывочные. Нигде не написано, как именно было модернизировано производство за те пять лет (1830–1835), когда компаньоном Григория Михайловича был московский купец Алексей Петрович Сырейщиков. Можно лишь предполагать, что работы выполнены масштабные, были построены новые корпуса, в них установили различные станки для обработки сукна. Согласно заключенному с крестьянами контракту Г. М. Цуриков имел право возводить на арендованной земле постройки, включая капитальные (кирпичные) строения. Так в 1833 г., как свидетельствует архивное дело, был «выстроен им к сукновальному амбару небольшой сукновальный корпус и сушильный сарай»⁷⁹.

Также отсутствует информация о том, что происходило на Ивановской фабрике в конце 1830-х годов, когда ее единоличным хозяином стал Г. М. Цуриков. Но нет никаких сомнений, что суконное предприятие продолжало развиваться, может и не так быстро, как при Сырейщикове, ибо мельнику приходилось рассчитывать только на свои собственные силы и средства.

Производство на Ивановской фабрике в эти годы все еще не охватывало полный технологический цикл, начальные и конечные этапы обработки сукна выполнялись на стороне. Вот только заказчик-поставщик со временем стал другой, об этом свидетельствуют документы. В «Исторических сведениях» написано про «сукновальные будки, или ступы, на которых [Григорий Михайлович] валял сукна для казенной фабрики в Павловской слободе и для фабриканта Шапошникова в Лихоборах»⁸⁰.

Изо 2–23. Вид Ивановской фабрики с места слияния р. Истра и обводного канала, худ. Е. Б. Богатов, 1920-е ?

1839: Третий договор аренды земли

Истекал срок очередного соглашения с местными крестьянами об аренде земли (напомним, что первый договор был заключен в 1817 г., потом он был продлен в 1827). В 1839 г. 1 марта был составлен новый, третий по счету договор на следующие 10 лет с ежегодной платой 850 рублей ассигнациями⁸¹. Ивановским крестьянам по-прежнему предоставлялась возможность бесплатно молотить на мельнице выращенное самими зерно (для «домашняго продовольствия»), валять сукно («собственно их ткачества») и свободно прогонять личный скот через плотину на другой берег реки Истра.

Сведения об Ивановской фабрике и производимой ею продукции в 1840-е гг.

Для следующего десятилетия в архиве обнаружено несколько документов, в которых приводятся данные о производстве сукна на Ивановской фабрике. В деле 1841 г. написано: «шерсть шпанскаяⁱ получается из г. Москвы от Семена Иванова Шапошникова к коему и доставляется выработанныя сукна»⁸². Указано, что за год было «сработано» 3.500 «изделий» на сумму 151.250 рублей. Что за изделия – в документе не сообщается. Но в других делах довольно часто упоминаются некие «половинки» сукна длиной в 25 и 35 аршин. По всей видимости, это готовая продукция – куски (рулоны) выделанного сукна. Приведены сведения о станках, которые использовались на фабрике, среди них «Шерсточистовых – 10, Трепальных – 1, [...] Ворсовых – 10, Стригальных поперечных – 4, Стригальных продольных – 1». Всего было 80 станков, при этом часть их имела «действие водяное» (через механический привод от водяного колеса), а другая часть была с ручным приводом.

В течение 1841 года на фабрике была произведена одна постройка, о ней сказано в конце документа: «с прибавлением одно-этажного корпуса длиною 40 [аршин] шириною 15 аршин». В указанном деле также приведены сведения о работниках. Мастеров 4 («Аппаратный, Ткацкий, Ворсовой, Стригальный»), ткачей 80 и прочих «разных» рабочих 328. Всего 412 человек. Солидное количество для молодого производства.

По неподтвержденнымⁱⁱ данным Ивановская суконная фабрика участвовала в третьей всероссийской выставке мануфактурных изделий, проходившей в Москве в 1843 г.

В следующем году число станков на фабрике увеличилось до 110. За 12 месяцев было «сработано» пять тысяч кусков сукна («половинок» по 25 аршин) из «шпанской шерсти» на общую сумму 55.712 руб. Отмечено, что «фабрика Сия помещается в Строение деревянном в 5 корпусах. С прибавлением еще одного 2-х этажного корпуса длиною на 20 сажень, шириною 6 сажень»⁸³. Указано общее число работников – 500. В конце документа имеется подпись: «к сей ведомости звенигородской 3-й гильдии купец Павел Григорьев Цуреков руку приложил». Как видим, свою фамилию купец записал иначе: то ли сделал это сознательно, то ли просто ошибся (как в написании отчества).

Схожие сведения об Ивановской фабрике приведены в справочнике «Атлас промышленности» за 1845 г. А в описании производства за следующий год указано: «мельничное строение включает в себя два амбара длиною каждый по 13 шириною по 10 аршин, две жилыя избы каждая по 8 аршин и двор бревенчатый»⁸⁴.

Еще одно архивное дело точной датировки не имеет. Но судя по всему, оно тоже относится к 1840-м годам. В нем приведены интересные сведения о том, какие технологические процессы на Ивановской фабрике выполнялись. Расшифровка этого дела приведена в приложении–11, здесь остановимся на наиболее интересном.

На фабрике Цуриковых в это время еще не был реализован полный цикл выработки сукна. Так сортировка и мойка шерсти в Ивановском не производились, сырье поступало на фабрику надлежащего качества. Покраска готовой шерсти также не делалась, она осуществлялась после отправки товара на фабрику Шапошникова.

Первая технологическая операция, которая выполнялась на Ивановской фабрике, описана так: «Трепание шерсти производится 3 механическими машинами, действующия водою»⁸⁵. Затем ручную производилась чистка шерсти, на этой работе были заняты 80 человек. Также ручную силами всего

ⁱ Сорта шерсти различали в зависимости от породы овец и от местности, в которой они обитали. В интернете встречается шпанская, полушпанская, шленская, русская шерсть. Шпанская шерсть считалась одним из лучших сортов. В справочнике Нистрема названа «Испанской шерсти».

ⁱⁱ Упоминание об участии в этой выставке есть в архивном деле 1849 г. (ЦГАМ. Ф.17. Оп.22. Д.92. Л.7). Однако в официальном каталоге выставки среди участников фамилии Цурикова не оказалось.

ЗВЕНИГОРОДСКІЙ УѢЗДЪ.						
ШЕРСТЯНЫЯ ФАБРИКИ.	Гдѣ находится фабрика или заводъ.	Число станковъ, стоевъ или машинъ.	Число рабочихъ народа.	Сумма годоваго производства.		ПРИМѢЧАНІЯ.
				Серебромъ.		
				Рубль.	К.	
Голыцина Михайлы Николаевича, Князя, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника.	При селѣ Никольскомъ.	Станковъ 72. Машины 5. Вод. прп. 1.	202	80,000	—	Сукно армейское.
Кушнинниковъ Павла Петровича, Звенигородскаго 1-й гил. купца.	При селѣ Подмаринскѣ близъ Савинскаго монастыря.	Станковъ 200. Машины 129. Котловъ 7. Кубокъ 4. Паров. прп. 21. Силъ 1. Ком. пр. 1.	885	343,000	—	Сукно для Князей.
Павловская Казенная фабрика.	Въ Звенигород. уездѣ.	Станковъ 200. Пар. прп. 2. Вод. прп. 1.	1,928	550,000	—	Сукно для гвардіи и арміи.
Цурикова Павла Григорьевича, Звенигородскаго 3-й гил. куп., производящаго для Шанонникова, Москов. купца.	При селѣ Незнаменскѣ.	Станковъ 80. Машины 58. Ком. пр. 1.	409	160,000	—	Суровое сукно для Шанонникова.

Изо 2–24. Сведения о шерстяных фабриках Звенигородского уезда⁸⁶, 1845.

двух работников выполнялось «Намасливание шерсти». Прядение шерсти выполнялось как на «ручных» станках по 60 веретен, так и на двух «действующих водою» прядильных машинах с 260 веретенами. В описании процедуры «валки» (валяние сукна) написано: «Имеется при фабрике сукновальтельных 2 инструмента с молотками, в каждом по 6 ступ, действующих водою. При оных рабочих 10 человек». И т.д. При описании некоторых технологических процедур написано, что «Работа производится в день и ночь», при описании других – «продолжается в течение суток 14 часов» (надо полагать, это была продолжительность рабочей смены).

В указанном деле приведены сведения о работниках. Мастеров осталось столько же (4), помимо этого «прикащик 1, конторщик 1, магазейщик 1». Указаны профессии рабочих: «трепальщиков 4, шерстяниц 80, [...] присучальниц 20, тонкопрядильщиков 20, [...] ткачей 110, сукновальщиков 10». Всего на фабрике трудилось 433 человека с пометкой: «Все оныя вольнонаемныя русскія». Иностранцы на производстве появились через несколько лет.

1846: Четвертый договор аренды земли

Дальнейшему развитию Ивановской фабрики мешал небольшой размер арендуемой земли и ее заболоченность. Большинство построек были деревянными и становились ветхими намного раньше, чем если бы стояли в сухом месте. По условиям договора по завершению срока аренды плотина и мельница должны «оставаться в пользу крестьян» и быть в исправном состоянии. Конец очередного (третьего) контракта с Ивановскими крестьянами истек 1 марта 1849 г. Но уже за три года до этого стало очевидно, что фабричные постройки обветшали и их требовалось срочно ремонтировать: «как сукнодельные принадлежности находятся на низком месте, сыром и при том заливаемом весеннею водою, то они пришли в такую ветхость, что до срока по контракту простоять от гнилости немогут и требуют перестройки, особенно сушильный амбар»⁸⁷. Это требовало больших вложений денег, которые быстро не удалось бы вернуть. Поэтому Цуриковы предложили Ивановским крестьянам не ждать окончания ранее заключенного договора, а уже сейчас (в 1846 г.) заклю-

чить новый четвертый по счету договор об аренде земли, прибавив оставшиеся три года к следующему 12-летнему сроку аренды.

Григорий Михайлович смог обо всем договориться с крестьянами. Те согласились выделить дополнительную землю «к дороге из Ивановскаго в селцо Красновидово» с ограничением, «чтобы все занимаемое им пространство не превышало 3-х десятин¹». По условиям нового договора предусматривалась плата 350 рублей серебром. Пусть никого не смущает, что сумма была ниже прежней ежегодной платы 850 рублей ассигнациями. С учетом официального курса пересчета (1 руб. сер. = 3,5 руб. асс.) крестьяне реально получали больше денег за свою землю. По условию нового договора Цуриковы имели право на арендуемой земле возводить по своему усмотрению деревянные и кирпичные строения. Было оговорено, что «При означенной мельнице должен он Цуриков иметь в действии не менее 4-х поставов или снастей, два мукомольных и два сукновальных», причем одна из снастей (мукомольная) предназначалась для обмолота зерна местных крестьян. Обговаривалось «для судоходства по реке Истре устраивать спускные ворота и шлюзы» для пропуска плотов в половодье. Были также прописаны, как бы теперь сказали, различные форс-мажорные обстоятельства типа пожара.

Трудно судить, были ли у Цуриковых сложности с заключением нового договора (все же, одно правило нарушалось: срок 15 лет превышал обычный 12-летний). Но даже если трудности и имелись, то были успешно преодолены. Этому могло поспособствовать письмо, отправленное гофмаршалом В. Д. Олсуфьевым в поддержку прошения мельника Григория Михайловича. Этот высокопоставленный вельможа был хорошим знакомым Мингалева – родственником жены Павла Григорьевича (подробнее об этом поговорим в восьмой главе).

Новый договор был заключен сроком до 1 марта 1861 г. (его текст приведен в приложении–11). Соглашение было оформлено на Рыбушкинское волостное правление и Г. М. Цурикова. С заключением этого договора Ивановская фабрика получила новый импульс. У Цуриковых было почти 15 лет, когда не нужно было думать о сроке аренды, а можно было сосредоточиться на развитии производства. И уже вскоре сгнивший деревянный корпус был заменен каменным и новым деревянным.

В апреле 1848 г., как написано в архивном деле РГИА, Ивановская фабрика «по старости и слабости здоровья [Григория Михайловича] с разрешения Московской Палаты Государственных Имуществ передана детям его купцам Цуриковым». С указанного времени суконное производство стало официально принадлежать братьям Павлу и Ивану Григорьевичам Цуриковым. Старшему в то время было 36 лет, он являлся купцом 3-й гильдии и был женат. А младшему только недавно исполнилось 19 лет. Самому же Григорию Михайловичу было уже 66 лет.

Разговор об Ивановской фабрике будет продолжен в следующей главе, а сейчас поговорим о тех людях, с которыми сотрудничали Цуриковы. В конце главы расскажем об основателе фабрики Григории Михайловиче, чем он занимался помимо работы, чем запомнился людям.

Купцы Шапошниковы

Как уже говорилось, сырье в Ивановское поступало с Павловской казенной фабрики, туда же отправлялась готовая продукция. Потом произошла смена поставщика-заказчика. Когда это произошло – в документах не сообщается. Но можно предположить, что какое-то время Цуриковы работали с двумя партнерами. Об этом свидетельствует приводившаяся ранее цитата, в которой говорилось, что валка сукна производилась «для казенной фабрики в Павловской слободе и для фабриканта Шапошникова в Лихоборах». А в 1841 г. остался уже один поставщик-заказчик: «шерсть ишпанская получается из г. Москвы от Семена Иванова Шапошникова к коему и доставляется вырабатанные сукна».

Почему произошла смена поставщика-заказчика? Возможно, Павловская казенная фабрика сама отказалась от сотрудничества или же она перестала удовлетворять Цуриковых. Причиной могли быть более выгодные условия, предложенные новым партнером. Причем эта выгода перевесила не-

¹ Из приведенных слов может сложиться впечатление, что упомянутые в цитате 3 десятины – это общий объем земли с учетом того, что было арендовано Григорием Михайловичем у Ивановских крестьян ранее. Однако в одном из документов последующих лет (1856) говорится, что в аренде у П. Г. Цурикова находилось 6 десятин. Это означает, что упомянутые в цитате 1846 года три десятины – это добавка к ранее арендованной земле (другие три десятины).

удобство от более дальнего расстояния (село Павловское находилось намного ближе к Ивановскому, чем Лихоборы).

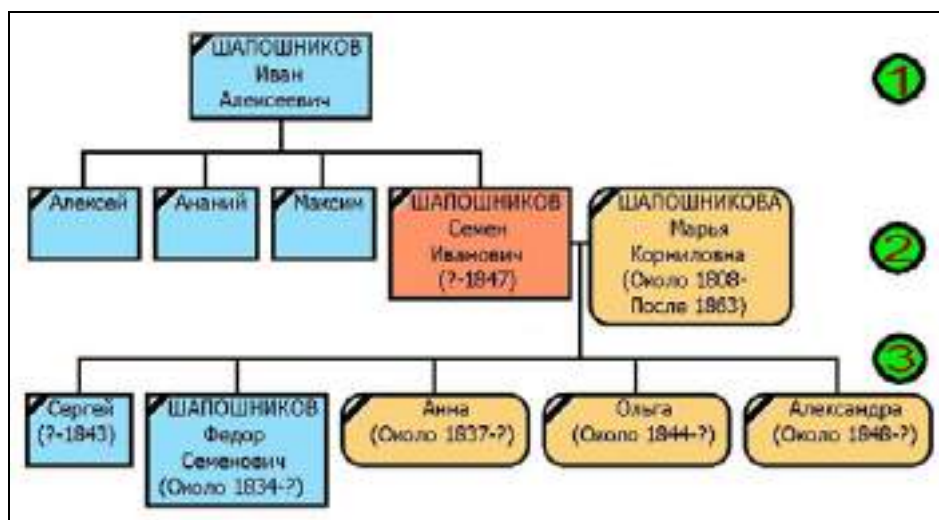
В приведенной цитате указано полное имя купца, с которым стали сотрудничать Цуриковы – **Семен Иванович Шапошников** (? – † 1847). Далеко не сразу удалось собрать о нем информацию, узнать о его происхождении.

В справочнике «Атлас промышленности» 1845 г. в разделе «Шерсто-ткацкая фабрики» написано: «*Шапошникова Ивана Алексеева, Москов. 3-й гильд. куп. [Где находится:] В Лихоборке близ Свиблова. Станов 60. Машин 59. [... Число рабочих:] 305. [Сумма годового производства:] 139.900 руб.*»⁸⁸. Как видим – те же Лихоборы, фамилия фабриканта та же, а вот имя и отчество другие, отличаются от указанных в цитате из дела 1841 г. Почему?

Разобраться в этом вопросе удалось с помощью справочника о купцах, в котором приведены сведения 9-й ревизии (1851): «*Иван Алексеев Шапошников; с 1839 г. из отп-х [отпущенных на] волю от гр. Дмитриева-Мамонова кр-н; у него с-ья [сыновья] Алексей; у него сын Ананий – в м-ство [мещанство] с 1844; Максим в м-ство с 1849., Семен, ум. в 1847 г. (у него с-ья: Сергей, ум. в 1843, Федор 16 л. 4 м); – у Сем.: ж. вд. 2 гил. к-ха [купчиха] Марья Корнилова 42, дочери – Анна 13 л. 2 м., Ольга 6 л. 3 м., Александра 2 г. 6 м. (поповиц. Согласия по Рогож. Кладб.); жит. Рогож. ч. 3 кв. в св. д.*»⁸⁹.

Так стало понятно, что Семен Иванович – это сын бывшего крепостного Ивана Алексеевича Шапошникова. С ними обоими сотрудничали Цуриковы: сначала с отцом, потом с сыном. Как видно, оба были из старообрядцев («*поповиц. Согласия по Рогож. Кладб.*»).

По собранным сведениям было составлено родословное древо купцов Шапошниковых.

Изо 2–25. Древо рода купцов Шапошниковых.

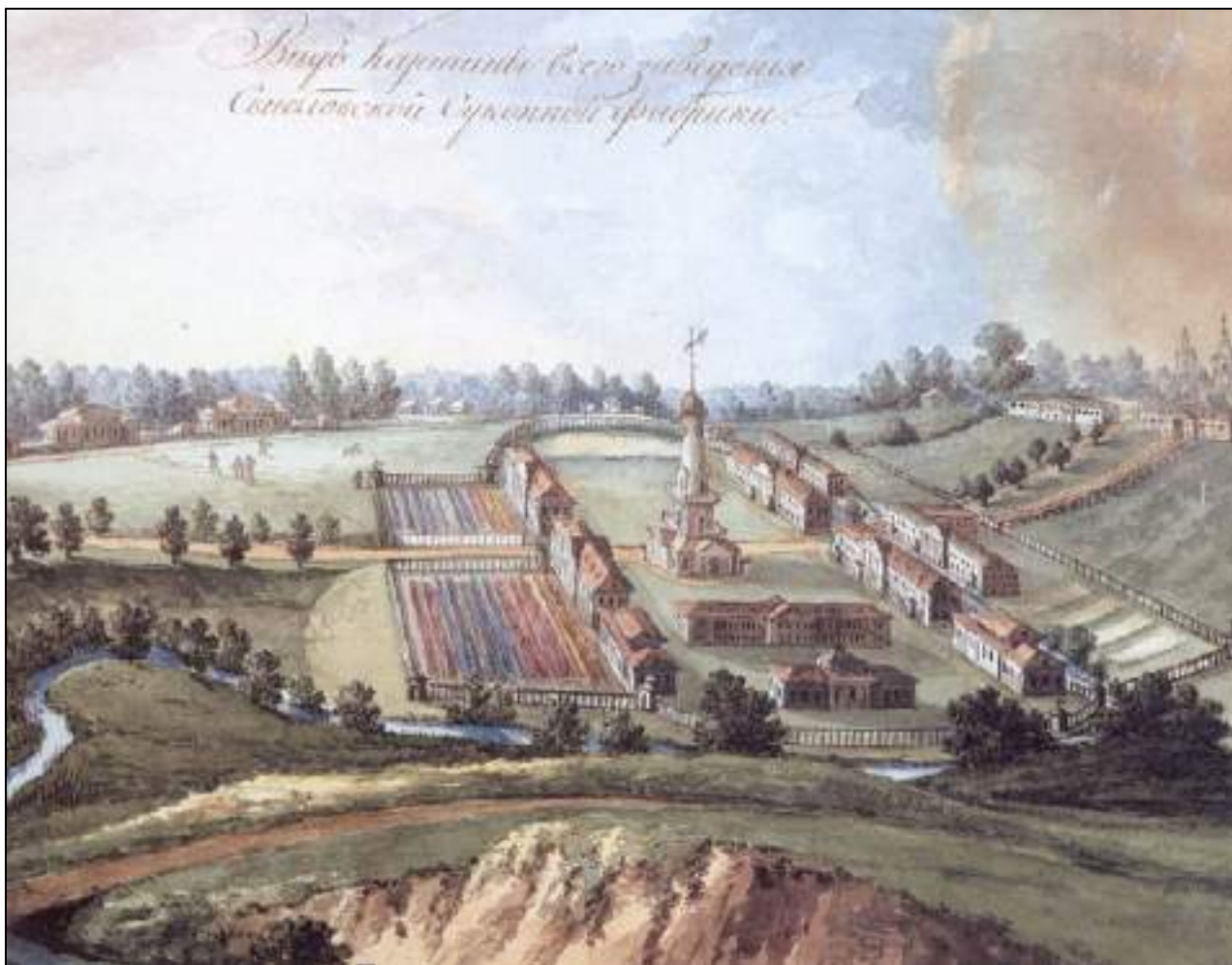
Суконная фабрика в Лихоборах (Свиблово)

Удалось найти сведения об упомянутой фабрике в Лихоборах. В интернете оказалось достаточно материалов, посвященных истории этого предприятия.

В 1821 г. богатый московский купец Иван Петрович Кожевников вместе с компаньонами купил у помещика Высоцкого имение Свиблово, расположенное в Московском уезде на берегах речек Яузы и Лихоборки (ныне это один из районов Москвы). Через пару лет купец стал единственным владельцем имения и решил на приобретенной земле построить современную суконную фабрику.

«Человек вполне европейский, он и фабрику в Свиблове решил завести на европейский манер, закупив английские машины. Так в имении на берегу Яузы появляется современное предприятие по производству тонких сукон и жилой поселок для рабочих. Свибловскую фабрику Кожевникова, продукция которой пользовалась огромным спросом, считают образцовым российским предприятием-поселком первой четверти XIX столетия. К 1820-м гг. текстильных мануфактур такого технического уровня и размаха, как в Свиблове, еще не было. [...] свибловская фабрика, восхищая современников, привлекает внимание самого российского монарха. И. П. Кожевникову жалуются орден Святой Анны III степени»⁹⁰.

В интернете можно найти вид суконной фабрики Кожевникова (первоисточник установить не удалось и осталось непонятно, то ли это картина, то ли раскрашенная литография). По изображению видно, какой красивый вид имела фабрика с высокой пожарной каланчей в центре. Павел Григорьевич безусловно на ней бывал, а, возможно, и его супруга тоже. Можно представить, как под впечатлением от увиденной красоты Анна Сергеевна решила впоследствии благоукрашать Ивановскую фабрику.

Изо 2–26. Суконная фабрика Кожевникова в Свиблово (Лихоборах).

Подробный рассказ о фабрике в Лихоборах не входит в планы настоящей книги (желающим ознакомиться подробнее с занимательной историей этих мест, можно посоветовать электронную книгу об истории Свиблово⁹¹). Остается лишь добавить, что купец И. П. Кожевников, в конце концов, разорился. Некоторые здания фабрики, включая каланчу, сохранились до наших дней.

У кого-то может возникнуть вопрос: а какое отношение к Кожевникову, его фабрике имеют упомянутые ранее Шапошниковы? Ответ был найден в архивных делах.

Дело о нарушении прав в производстве сукна

В середине XIX века было заведено несколько следственных дел из-за скандала, надо сказать, необычного для того времени. Причина его была в нарушении авторских прав. Дело даже дошло до суда. Не углубляясь в ход разбирательства (документы эти многостраничные), расскажем кратко о сути конфликта.

В 1849 г. прусский подданный Степан Яковлевич Шеффер обратился в Московский земской суд с заявлением о том, что были нарушены его и мануфактур-советника Ивана Петровича Кожевникова права. Обвинение иностранца состояло в том, что московский купец 1-й гильдии Семен Иванович Шапошников в 1845–1847 годах незаконно ставил на сукнах, изготовляемых на арендованной фабрике в Свиблово, его Шеффера клеймо. А такого разрешения он, мол, в указанные годы не давал. К этому пруссак еще добавил, что его клейма ставились на сукнах «худшего достоинства»⁹². Ответчицей в суде выступала вдова Марья Корниловна Шапошникова, т.к. ее супруга Семена Ивановича (арендатора фабрики) к тому времени уже не было в живых (он умер в 1847 г.).

Рассмотрение жалобы в суде затянулось на несколько лет. В объемном деле подробно описывается история вопроса. Оказывается, в 1839 г. С. И. Шапошников заключил соглашение о праве ставить в течение пяти последующих лет на изготавливаемых им кусках сукна (не более 20.000 штук) клеймо Шеффера-Кожевникова (надо полагать, это было как знак качества продукции). За это Ша-

пошников должен был заплатить 20 тысяч рублей ассигнациями (по рублю за кусок). Сколько в реальности было проставлено клейм – в деле не говорится. Ответчица Марья Корниловна с предъявленным Шеффером обвинением была не согласна. Заявила, что в 1846 и 1847 годах его клеймо на производимые куски сукна не ставилось. В ходе разбирательства выяснилось, что Семен Иванович Шапошников условий договора не нарушал. Суд принял окончательное решение в 1857 г., в иске Шефферу было отказано, на него были возложены судебные издержки.

В другом архивном деле приведены дополнительные сведения. Оказывается, еще в 1837 г. С. И. Шапошников арендовал у П. И. Кожевникова ткацкий корпус с оборудованием. В их числе были: «паровая [паровая] Двенадцати сильная Машина, Два Конных привода, Пять Аппаратов с принадлежностью, Сто ткацких Станов»⁹³ и многое другое. «Занимается рабочего народа мужеского пола Четыре Ста [400] Человек» (на фабрике также работало небольшое число женщин).

В указанном деле также написано, что в 1852 г. вдова М. К. Шапошникова приобрела в селе Никольское-Кудрино на реке Уча Московского уезда «каменную бумаго-прядельную фабрику» вместе с 152 десятинами земли. После этого она обратилась за разрешением о переводе суконного производства из Свиблово в Кудрино. Прошение было удовлетворено. В 1859 г. Марья Корниловна сдала эту фабрику в аренду сыну Федору и купцу Макарову. Но у тех дела пошли неудачно, и в 1863 г. М. К. Шапошникова продала суконную фабрику в Кудрино московскому купцу И. Т. Прохорову за 50.000 руб. серебром⁹⁴.

Завершая тему Шапошниковых, хотелось бы сказать следующее. В рассмотренных архивных делах фамилия Цуриковых ни разу не упоминалась. Но совершенно очевидно, что в исторических документах шла речь о той самой суконной фабрике в Лихоборах, куда отправлялись готовые к покраске куски сукна из Ивановского. Это подтверждает ФИО владельца (точнее арендатора) фабрики в Свиблово Семена Ивановича Шапошникова. А вот почему в делах ни разу не упомянут его отец Иван Алексеевич – осталось непонятно. Ведь в справочнике 1845 г. его имя указано как хозяина производства. Возможно такое объяснение: отец мог лишь формально (по документам) числиться владельцем фабрики, а всеми производственными делами заведовал его сын Семен.

По собранным из разных источников сведениям можно уточнить период времени, в течении которого Цуриковы могли сотрудничать с Шапошниковыми. Максимально возможный временной диапазон – с 1837 по 1852 год и вот почему. В 1837-м Семен Иванович взял в аренду фабрику в Свиблово. А через 15 лет в 1852 г. его жена, в то время уже вдова Марья Корниловна купила фабрику в селе Кудрино¹ и перевела туда свое производство. На самом деле срок сотрудничества был намного меньше и ограничен первой половиной 1840-х годов, т.к. фамилия Шапошниковых в более поздних документах Ивановской фабрики не встречается. Почему? Фабрика на реке Истре постоянно развивалась, на ней выполнялось все больше технологических операций по обработке сукна, и надобность в партнере отпала. Ключевую роль в развитии производства играл становившийся все более опытным П. Г. Цуриков: «фабрика обратилась в самостоятельное учреждение лишь с [18]40-х годов, когда деятельное участие в ней принял сын Григория Михайловича Павел Григорьевич»⁹⁵. В 1848 г. на производстве появился красильный мастер «Леонтий Иванович Гехт». Это означает, что покраску сукна стали выполнять на Ивановской фабрике.

Добрые дела Григория Михайловича Цурикова

К сожалению, не сохранилось ни одного изображения основателя Ивановской суконной фабрики, хотя, несомненно, они были. Правнучка А. М. Шуберт писала: «Помню портрет Григория Михайловича — благообразного старика с белоснежной бородой по пояс. Жил он и его семья так, как жили тогда все простые крестьяне»⁹⁶. О том же портрете вспоминал и правнук мельника С. А. Попов:

«Судя по портрету, писанному масляными красками неизвестным домашним художником в начале [18]50-х годов, Григорий Михайлович представлял настоящий тип великорусского крестьянина: благообразный старик с седой окладистой бородой, с серебряной медалью на шее, выделяющейся на красной рубаше, видной из поверх надетого суконного кафтана. [...] По характеру Григорий Михайлович был чисто русским человеком: умным, сметливым, простодушным. Он недурно знал грамоту, почерк его, судя по сохранившимся письмам, был неплохим. До революции 1917 года со-

¹ Топоним Кудрино в документах Цуриковых и Ивановской фабрики ни разу не встречается. А вот Максим Ефимович Попов был пайщиком Кудринского предприятия в 1880-х годах.

хранялась ка<сс>овая книга по выдаче жалования рабочим, веденная собственноручно Григорием Михайловичем. Он писал намного лучше сына Павла Григорьевича. Говорил немного на “о”, любил угощать окрестных крестьян водкой, которую называл “брыкалочкой”»⁹⁷.

В цитате упомянута серебряная медаль на шее. Возможно, это была та государственная награда, о которой говорилось в начале настоящей главы – медаль за помощь, оказанную в сооружении плотины при Павловской фабрике. Но не исключено, что эта медаль была вручена за труды во время нахождения Г. М. Цурикова на посту церковного старосты в Лужках (об этом поговорим дальше).

К сказанному остается еще добавить, что мельник очень тактично принял невестку – жену старшего сына Павла. Анна Сергеевна была из дворян, Григорий Михайлович привез ей подарок из Москвы – фортепьяно. Для молодой семьи он выстроил отдельный уютный домик близ фабрики.

Вот собственно и все сведения, которые удалось собрать о Г. М. Цурикове как о человеке. Немного больше информации удалось найти о его добрых делах. Надо сразу отметить, что масштаб благотворительности мельника намного уступал добрым делам, совершенным позднее его старшим сыном. Но нет никакого сомнения, что Павел перенял доброту, сострадание к людям от своего родителя.

О том, что Григорий Михайлович был искренне верующим человеком – об этом напрямую нигде не написано. Но это и так очевидно, иначе не был бы он много лет церковным старостой в Лужках. По исповедным ведомостям разных лет видно, что он регулярно исповедовался и причащался (как, впрочем, и другие родственники).

О вере в Бога свидетельствуют и добрые дела, помощь, которую оказывал Григорий Михайлович православной Церкви. Как минимум двум Божьим домам, расположенным неподалеку от фабрики он помогал – женскому монастырю в Аносино и приходскому храму в Лужках. Причем эта помощь была не разовая, а на регулярной основе. Поговорим об этом подробнее.

Начнем с **Борисоглебского женского монастыря в селе Аносино** Звенигородского уезда Московской губернии. Становление этой обители проходило, можно сказать, на глазах мельника (от суконной фабрики до Аносино всего несколько верст). Подробнее об истории монастыря (как и о храме в Лужках) поговорим позже, когда в шестой главе пойдет речь о добрых делах П. Г. Цурикова. Здесь же отметим, что женская обитель была небольшой и довольно бедной. Григорий Михайлович, несомненно, это знал и потому помогал монахиням. Причем помогал истинно по-христиански, не желая никакой огласки. Вот что написано в воспоминаниях настоятельницы обители игумении Евгении (Озеровой) о Павле Григорьевиче Цурикове и его родителе:

*«Его отец был человек добродетельный, имел мельницу и суконную маленькую фабричку в нашем соседстве, за пять верст, в деревне Ивановке; он любил делать милостыни, но тайно, часто и дети его о сем не знали. И к нам ежегодно от неизвестного препровождалось несколько подвод с годовым запасом гречневых круп и солода, для трапезы и странников. Открылось имя благотворителя в день его кончины [10 марта 1852 г.], когда сын его, наследовавший вполне добродетели родителя своего, объявил м. игуменье о постигшей кончине отца, прося поминовения и молитв о душе его»*⁹⁸.

К сказанному можно еще добавить слова настоятеля Троицкого храма Аносино монастыря священника Иакова Волхонского: *«О благодетельном отце Павла Григорьевича Цурикова сообщила мне мать игуменьи Рафаила, бывшая в то время послушницею. Бывало, говорила она, отец Павла Григорьевича и побранит сестер. Но все-таки не знали, что он благодетель, только и знали, что он позволял в своей мельнице даром молоть хлеб»*⁹⁹.

Когда Г. М. Цуриков начал помогать Аносино – в документах напрямую не говорится. Но одна подсказка имеется. В книге “Женская Оптина” приведены слова современника тех событий архимандрита Григория: *«Один благотворитель [в пояснении к тексту говорится, что это был Григорий Михайлович], только по смерти своей сделавшийся известным, в течение 5 лет доставлял монастырю годовой запас крупы, пшена, солоду и пшеничной муки»*¹⁰⁰. Если это так, то, стало быть, помощь оказывалась с 1847 по 1852 года. После смерти мельника Аносино монастырю продолжил оказывать помощь его сын Павел.

Другое место приложения добрых дел Г. М. Цурикова – это **Петропавловский храм с. Лужков** того же уезда. Здесь размер помощи был намного больше, и она ни от кого не скрывалась.

Как ранее уже говорилось, начиная с 1837 г., Цуриковы стали регулярно всем семейством исповедаться и причащаться в Лужках в Петропавловской церкви. По всей видимости, именно в это время они официально стали прихожанами данного храма. И вскоре Г. М. Цурикова выбрали церковным

старостой. Точную дату установить не удалось, скорее всего, это случилось в начале 1839 года¹.

Хотелось бы несколько слов сказать о роли церковного старосты в прежние времена. Для жизни храма и всего прихода это была важная должность. Она была выборной, выборы проходили каждые три года на сходе всех прихожан с участием духовенства. По итогам собрания оформлялся так называемый «приговор» (от слов: «мы все собрались и со-обща приговорили»). На должность старосты из-

Изо 2–27. Петропавловский храм села Лужки на реке Истре, (семейный архив Зеленцовых).

бирали прихожанина храма, который был честным человеком, пользовался доверием всех людей. Грамотных среди крестьян в те времена было мало, и это требование не считалось обязательным для церковного старосты. А вот умение считать деньги было необходимо. Староста должен был радеть о благосостоянии своего храма, вести учет денег в церковной кассе. На эту должность старались выбрать небедного человека в расчете, что при необходимости тот будет тратить на храм свои личные деньги. Всем этим требованиям Григорий Михайлович удовлетворял вполне. Духовенство и прихожане были им довольны.

Как уже отмечалось, Григорий Михайлович был грамотным человеком. Сохранилось несколько архивных дел, в которых имеется его роспись как церковного старосты. Это видно на примере расписки 1841 г., приведенной ранее (изо 2–03): «*петропавловской церкви церковный Староста Григорий Михайлов Цуриковский руку приложил*»¹⁰¹.

С именем старосты связаны крупномасштабные работы, проводившиеся в храме села Лужки в 1840-х годах. К сожалению, многие архивные дела оказались утрачены. И потому сейчас уже невозможно установить все детали происходившего 170–180 лет тому назад. Но по сохранившимся документам можно попытаться восстановить основную цепочку событий, понять их логику.

Приход Петропавловской церкви, к которому оказалось приписано семейство Цуриковых, был довольно крупным – свыше полутора тысяч прихожан (см. справку на сайте УБД¹⁰²). Сам же храм Петра и Павла, его основной объем (настоящая церковь) был относительно невелик. Божий дом в Лужках, к счастью, уцелел. И, глядя на него, трудно представить, как в нем могли разместиться во время службы все прихожане (трапезной до 1840-х годов не было). Однако, несмотря на очевидную тесноту, в клировых ведомостях церкви об этой проблеме не упоминали: «3). *Престол в ней один во имя Святых Апостол Петра и Павла. 4). Утварью достаточна и ни в чем нужды не имеет*»¹⁰³. Но если о тесноте не писали, то это не означало, что ее не было. Прихожане и духовенство все видели и знали. И понимали, что решение этой проблемы потребует много денег. А где их взять?

Думается, неслучайно в тот самый год, когда Цуриковы стали прихожанами Петропавловского храма, в МДК было заведено дело с названием: «*О дозволении в с. Лужки при церкви распространить трапезу, 17 сентября – 23 ноября 1837*». Увы, этот документ не сохранился и можно лишь догадываться о его содержимом. Можно предположить, что мельник, узнав о главной проблеме прихода, как

¹ Сохранился документ о выборе Григория Михайловича на должность старосты в январе 1842 г. О нем пойдет речь далее, а сейчас лишь приведем краткую выдержку: «мы его Цуриковского избираем в церковные старосты еще на последующее трехлетие». Слово «еще» подразумевает, что был предыдущий трехлетний срок.

добродетельный христианин, имевший средства, решил помочь. В то время он еще не был церковным старостой храма, на этой должности находился крестьянин сельца Борки Иоанн Афанасьев¹⁰⁴.

Основные строительные работы по сооружению трапезной части храма были выполнены за два года. В клировой ведомости Петропавловской церкви за 1839 г. написано: «Трапезная церковь таковая ж вчерне построена и покрыта железом, Строение же Колокольни не окончено. [...] в Трапезной церкви предположено устроить два придела: на правой стороне во имя святителя и чудотворца Николая, на левой стороне во Имя преподобного Александра Свирского»¹⁰⁵.

Как уже отмечалось, в этот год Григорий Михайлович был избран церковным старостой в Лужках. После его утверждения в данной должности дела с перестройкой храма пошли быстрее. Спустя несколько лет в клировой ведомости Петропавловской церкви было написано: «в 1840 году вновь распространена трапеза, в которой в 1841 году устроен и освящен придел во имя Святителя и Чудотворца Николая Мирликийского, колокольня также устроена вновь в 1842 году, покрыта железом, все сие сооружено большею частию тщанием и изданием Церковного Старосты г. Голохвастова дворового человека Григория Михайлова Цуриковского»¹⁰⁶. Как видим, в тексте непосредственно отмечены заслуги церковного старосты.

Следует отметить, что Никольский придел в храме с. Лужки появился в память первой деревянной церкви, существовавшей ранее в селе. А второй придел предполагалось освятить в память прежде бывшего в соседнем селе Славково храма Александра Свирского. Этот древний деревянный храм к началу XIX столетия обветшал. По причине «малоприходства» священноначалие решило его не восстанавливать и постановило закрыть. А всю церковную утварь вместе с иконами велено было передать в Петропавловский храм в Лужках. Туда же поначалу приписали и прихожан упраздненного прихода села Славково (позднее их перевели в Аносинский приход). Антиминс в устроенный придел Александра Свирского был выдан в 1844 г.¹⁰⁷. Тогда же, видимо, и состоялось освящение нового престола. Так церковь в Лужках стала трехпрестольной.

Прихожане Петропавловского храма были очень благодарны своему старосте за сделанные крупные пожертвования и решили ходатайствовать перед священноначалием о награждении. Это была типичная практика для того времени. За подобные деяния благодетеля могли наградить серебряной медалью или орденом св. Анны 3-й степени. Вот только почему-то (видимо, по незнанию), прихожане нарушили существовавший в то время порядок представления к награде. Об этом свидетельствуют резолюция правящего митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова):

«Резолюция от 3 февраля 1842 г. на репорт благочинного Звенигородского уезда, Спаской, села Иславского, церкви священника Василия Георгиева о том, что священники церквей с причтами и прихожанами села Дмитровского и села Лужков рапортами донесли ему об отличных заслугах церковных старост — Московского купца Михаила Зельина и крестьянина Григория Цуриковского: „Спросить благочинного, на каком пункте инструкции основался он, принимая такие рапорты. На что загоразживать причтам дорогу прямо к начальству? Если бы о заслугах старост представили причт и прихожане епархиальному начальству, благочинного можно было бы употребить для удостоверения. Теперь же он прежде времени вмешался в дело и сделался уже не посторонним наблюдателем онаго"»¹⁰⁸.

В ответ на эту резолюцию Звенигородское духовное правление приняло такое решение: «по-слать указ благочинному дабы он объявил причту и прихожанам села Лужков чтобы они, ежели признают своего старосту достойным награды возошли к Его Высокопреосвященству с прошением»¹⁰⁹. К сожалению, чем закончилась вся эта история с представлением к награждению старосты — осталось не до конца понятно, нигде прямо об этом не сказано. Свет могло бы пролить архивное дело с названием: «О награждении старосты села Лужков Звенигородского уезда дворового человека Григория Михайлова, 25 июля 1842 — 31 июля 1843». Однако этот важный для истории документ в советские годы был утрачен. И все же по его названию можно предположить, что Григорий Михайлович был награжден. Но какой именно наградой — осталось тайной. Возможно, это была та самая серебряная медаль, которая оказалась у него на шее, когда художник писал портрет мельника.

В начале 1842 г. в Лужках настало время вновь выбирать церковного старосту на очередной трехлетний срок. Прихожане были довольны работой Григория Михайловича на этом посту и решили оставить все как есть. В своем решении они написали: «с общего нашего согласия дали приговор сей оной церкви церковному старосте Г-на Голохвастова дворовому человеку Григорию Михайлову Цуриковскому [подчеркнуто в оригинале документа] в том, что мы Его Цуриковского избираем в

церковные Старосты Еще на следующее трехлетие, так как он поведения весьма доброго и должность Сию проходил с особенною ревностию и впредь надеемся иметь Его в Сей должности рачительным и во всем тому Ему вторим и ручаемся»¹¹⁰.

О том, каким добросовестным и ответственным старостой был Г. М. Цуриков, свидетельствуют его собственные слова: «я сам церковную суммою распоряжаюсь с крайнею осторожностью, и по случаю построения церкви денег церковных недоставало даже и на необходимые расходы, на которые я употребляю свои собственные»¹¹¹.

В 1849 г. в церкви с. Лужки вновь производились работы. На сей раз в главном приделе Петра и Павла был устроен новый престол и обновлен иконостас. В составленной позднее описи храма записано, что главный «Иконостас устроен преимущественно иждивением покойного старосты церковного, г. Голохвастова дворового человека Григория Михайлова Цурикова и сына его Воскресенского 2-й гильдии купца Павла Цурикова»¹¹².

В приведенном тексте не сказано, сколько стоили эти работы. Нужные сведения были найдены в другом архивном деле – на все было потрачено 1.400 рублей¹¹³. А с учетом отливки двух новых колоколов затраты благотворителей составили 7 тысяч рублей¹¹⁴. Данные пожертвования были записаны на имя Павла Григорьевича, т.к. он в то время был хозяином фабрики и давал деньги. Но старостой Петропавловского храма оставался его отец. И, несомненно, все делалось с его ведома, скорее всего, он и был инициатором этих пожертвований.

Это было не последнее благодеяние Григория Михайловича в Лужках. Сохранилось донесение церковнослужителей Петропавловской церкви благочинному, в котором написано: «Долгом поставляем донести Вашему Высокоблагословию, что в сем 1851-м году сделаны в нашу церковь следующие пожертвования: 1. Приходский наш Староста Церковный Г-жи Голохвастовой дворовый человек Григорий Михайлов и сын его Звенигородский 2-й гильдии купец Павел Григорьев Цуриков на свое иждивение возобновили иконостасы в двух приделах теплой нашей церкви, украсили оную стенным писанием, равно и холодная церковь росписана преимущественно их усердием и иждивением; каковыя пожертвования нашего Старосты Церковного и Купца Цурикова простираются на сумму в тысячу рублей серебром»¹¹⁶.

Решение о поощрении жертвователей в консистории было вынесено такое: «припечатать в издаваемым Императорской Академии наук ведомостях».

Здание Петропавловской церкви в Лужках хоть и сохранилось, но все ее внутренне убранство в советские годы оказалось утрачено, росписи на стенах не сохранились. Однако есть изображение свода настоящей церкви, по которому можно понять, как выглядели росписи на стенах и потолке. Можно предположить, что это те самые росписи, которые были выполнены в середине XIX века на средства Цуриковых.

Все вышесказанное относилось к ремонтам, обновлениям и пожертвованиям в храм села Лужки. Но в архиве сохранился документ совсем иного характера, который показывает, каким человеком был Григорий Михайлович. Суть его в следующем.

В 1841 г. в консистории было заведено дело о дьяконе Петропавловской церкви села Лужки Стефане Ефимовиче Рослякове. Ему

Изо 2–28. Остатки росписей на стенах Петропавловской церкви¹¹⁵, 1940-е.

ставилось в вину то, что он самовольно без спроса у старосты Цуриковского взял у его помощников церковные деньги. В частности изъял пожертвованные крестьянами средства *«из кружки состоящей при селце Трухоловке для сбора на построение трапезной церкви»*. Дьякон также присвоил кусок холста, который был пожертвован в церковь. В общей сложности этим служителем было незаконно присвоено денег и вещей на сумму 78 рублей. Фактически это означало воровство. Обвинение серьезное и наказание могло последовать соответствующее. Священноначалие распорядилось провести тщательное разбирательство. В ходе его выяснилось, что у 35-летнего дьякона росло семеро детей, семья жила очень бедно, постоянно испытывала нужду в средствах на пропитание. Было отмечено, что прежде ничего худого в поведении служителя не усматривалось, разве что был *«сварлив»*. В оправдание на выдвинутые обвинения Стефан заявил, что взял деньги с дозволения церковного старосты, и что и раньше занимал у него деньги.

Григорий Михайлович не стал ни подтверждать слова дьякона, ни опровергать их. А заявил, что в связи со строительством трапезной храма у него очень много забот, и что он не помнит всех подробностей. Но, думается, что на самом деле было не совсем так. Скорее всего, староста просто пожалел дьякона, проявил милосердие к его семейству. Рослякова за такие серьезные проступки могли исключить из духовного звания, а то и отправить на каторгу. Как бы тогда стала жить его семья, дети, лишившись кормильца? Понимая это, Григорий Михайлович решил самолично закрыть все выдвинутые претензии. Он внес за дьякона в церковную кассу свои 78 рублей, а также простил все его прежние долги. Сделал это, как написано в деле: *«из сострадания к его семейству, и по убедительной его прозбе, дабы не подвергнуть его пред начальством строгой ответственности»*¹¹⁷. Священноначалие не стало строго наказывать Рослякова, ограничилось посылкой *«За не чистосердечную признательность»* на неделю в Саввино-Сторожевский монастырь. Повезло дьякону, что в храме оказался добрый староста.

Если вспомнить рассказанное в начале данной главы дело о якобы подтапливаемых крестьянских лугах (тогда мельник добровольно без всякого принуждения стал платить крестьянам по 100 рублей ежегодно), то этот случай будет уже второй, когда Г. М. Цуриков из сострадания и желая сохранить добрые отношения пошел на материальные издержки. Явно был не конфликтный человек.

Григорий Михайлович Цуриков умер 10 марта 1852 г. В метрической книге Петропавловской церкви была сделана такая запись: *«Проживающий при Ивановской суконной фабрике Г-жи Голохвастовой дворовый человек Григорий Михайлов, [возраст:] 70 лет. [От чего умер:] от преклонности лет»*¹¹⁸. И далее написано: *«Погребен на общем кладбище»*. В воспоминаниях А. М. Шуберт написано подробнее: *«Он умер от воспаления легких после того как простоял всю пасхальную заутреню в церкви в селе Лужки в мокрых сапогах. Похоронен он был в тех же Лужках за церковной оградой. Над его могилой был воздвигнут памятник, который сохранялся еще ряд лет после Революции»*¹¹⁹.

Григорий Михайлович оставался церковным старостой храма села Лужки до самой смерти (1839–1852), прихожане избирали его на эту должность пять раз подряд. 13 лет – не такой уж большой срок в многовековой истории Петропавловской церкви. Но как много успел сделать один человек для Божьего дома! На средства Г. М. Цурикова были выполнены масштабные строительные работы в Лужках, были перестроены и расширены трапезная храма и его колокольня.

Упомянутый в воспоминаниях памятник Григорию Михайловичу считается утраченным (возможно, он находится на дне реки Истра). Как это не горько звучит, утрата эта случилось уже в постсоветское время (подробнее об этой истории можно прочитать в девятой главе в материале о Евдокии Пименовне Цуриковой).

О церковном старосте Г. М. Цурикове осталась добрая память, его имя помнят местные жители. В 2013 г. настоятель Петропавловского храма о. Андрей Козырев взамен утраченного установил новый памятный знак о бывшем церковном старосте.

Глава 3. Ивановская фабрика Павла Григорьевича Цурикова

Продолжим рассказ об Ивановской суконной фабрике на реке Истре. Напомним, что в предыдущей главе разговор закончился на том, что в 1846 г. основатель фабрики Григорий Михайлович Цуриков досрочно инициировал заключение очередного (четвертого) договора об аренде земли с местными крестьянами. А в 1848 г. он передал фабрику двум своим сыновьям Павлу и Ивану. Примерно в это же время Ивановская фабрика стала самостоятельной, на ней выполнялись все основные технологические операции по изготовлению сукна. С этого момента и продолжим повествование. Отметим еще, что в настоящей главе разговор в основном будет идти о фабрике. А об ее хозяине П. Г. Цурикове подробно поговорим в шестой главе.

1848–1856: Первая паровая машина на фабрике, участие в выставках

Став официально владельцем Ивановской фабрики, Павел Григорьевич (вместе с братом) в 1849 г. обратился с заявлением к властям. В нем было сказано, что выстроенные ранее деревянные корпуса, кроме единственного каменного, не смогут простоять до конца срока аренды *«в целости, по сырости места и ежегодному затоплению их водою»*¹. Поэтому необходимо здания фабрики отстроить заново из кирпича. *«А как это сопряжено с значительными издержками, которых в короткое время возратить нельзя»*, то братья Цуриковы просили, чтобы заключенный отцом договор аренды по его завершении в 1861 г. был продлен еще на 24 года на тех же условиях.

1849: Пятый договор аренды земли

Как видим, прошло всего три года с момента очередного продления соглашения об аренде земли, а уже был поднят вопрос об изменении условий. Это может показаться странным, т.к. до истечения срока договора оставалось еще 12 лет. Суть вот в чем. Надо полагать, что Павел Григорьевич, став хозяином (а может и еще раньше) понял, что постоянная замена быстро сгнивающих от большой сырости деревянных фабричных строений приводит к лишним издержкам. Чтобы избавиться от этой проблемы, надо было построить кирпичные здания, только это могло гарантировать их прочность. П. Г. Цуриков был готов строить корпуса за свой счет. Но затраты предстояли большие и вернуть их быстро было нельзя. Вот поэтому он обратился заранее о продлении срока договора, чтобы быть уверенным, что аренда земли по истечении 12 лет не закончится, и фабрика останется в его владении.

Чтобы крестьянам легче было согласиться на изменение условий аренды, Цуриковы предложили постепенно увеличивать вносимую ими арендную плату за землю, добавляя каждые шесть лет по 4 процента (это была компенсация за инфляцию денег, которая в то время тоже существовала). Первые шесть лет фабрика готова была платить ежегодно по 350 рублей серебром. С 1855 г. плата составила бы 378 рублей 50 коп., и т.д. вплоть до 442 руб. 87 коп. в последние шесть лет (1879–1885). В деле написано, что Ивановское крестьянское общество *«в мирском приговоре изъявило полное согласие на продолжение срока содержания, признавая предложения купцов Цуриковых для себя весьма выгодным»*. В итоге новое предложение владельцев фабрики было принято. И был заключен очередной, пятый по счету договор аренды земли Ивановских крестьян. Как потом оказалось, он был последним. Имеет смысл напомнить о предыдущих соглашениях.

Договоры аренды земли под Ивановской фабрикой

№	Срок	Условия	Примечания
1	1817–1827 (10 лет)	Около 3 дес. земли; первые 8 лет бесплатно, в последние два года плата по 300 руб.	К концу срока аренды была перестроена плотина.
2	1827–1839 (12 лет)	Арендная плата неизвестна.	Совместно с Сырейщиковым расширено производство.
3	1839–1849 (10 лет)	Ежегодная плата по 850 руб. ассигнациями.	В 1846 г. прерван досрочно.
4	1846–1861 (15 лет)	Добавлено 3 дес. земли; ежегодная плата по 350 руб. серебром.	В 1849 г. прерван досрочно.
5	1849–1885 (36 лет)	Прогрессивная оплата, начиная с 350 руб. серебром в год с прибавлением по 4% каждые 6 лет.	В 1857 г. прерван досрочно.

После заключения нового договора Цуриковы могли планировать развитие фабрики не на 10–15 лет, как было до этого, а на срок намного больший вплоть до 1885 г. Вот только в жизни все случилось иначе: никто из Цуриковых (ни отец, ни оба его сына) не дожили до указанного года. Да и сам договор был прерван досрочно уже через восемь лет после заключения (об этом еще подробно поговорим).

О дальнейшем периоде существования фабрики сохранилось достаточно много данных из разных источников. Они показывают, как развивалось производство сукна на берегах реки Истры. Рассмотрим собранные сведения в хронологическом порядке.

1849: Выставка мануфактурных изделий в Санкт-Петербурге

Было обнаружено архивное дело, в котором имелось прошение, поданное звенигородским купцом 2-й гильдии Цуриковым на имя московского гражданского губернатора. В нем Павел Григорьевич заявил о желании представить изделия своей фабрики на выставке мануфактурных изделий, которая должна была состояться в Санкт-Петербурге в 1849 г.

Эта выставка была не первой в Российской империи, они проходили регулярно каждые 3–6 лет поочередно в Санкт-Петербурге и в Москве. Как будет показано далее, Павел Григорьевич не пропускал ни одной мануфактурной выставки. Это была хорошая возможность показать большому числу людей свой товар. А также ознакомиться с новинками в текстильной отрасли, чтобы ценный опыт потом применить на своей фабрике.

В приводимой далее цитате есть такая строчка: *«После бывшей в Москве в 1843 году Мануфактурной выставки [...] Наград никаких не получал»*. После этих слов может сложиться впечатление об участии фабрики в выставке 1843 г. Сам П. Г. Цуриков на ней наверняка бывал, т.к. она проходила недалеко от Ивановского в Москве. Но вот о представлении продукции его суконной фабрики на этой выставке говорить не приходится за отсутствием прямых документально подтвержденных свидетельств. Поэтому выставку в Санкт-Петербурге 1849 года будем считать первой, в которой официально участвовала Ивановская фабрика.

В упомянутом деле имеется рапорт звенигородского земского исправника, к которому приложены сведения об Ивановской суконной фабрике, основанной, как написано, в 1833 г.:

«Рабочих до 400 человек и пять мастеров: 1-й пруско поданной, а ныне руско поданной Филип Репман и находится при чесальных Машинах. 2-й. Пруско-поданный Лев Кнопс и находится при ворсовальных Машинах. 3-й Полтавской колонии колонист Адольф Брюнзель по красильному Мастерству – и два русских один по ткачеству, а другой по стрижки [стрижки] сукон».

Фабрика приводится в движение Тремя Гидролическими водяными колесами всего до 35 сил.

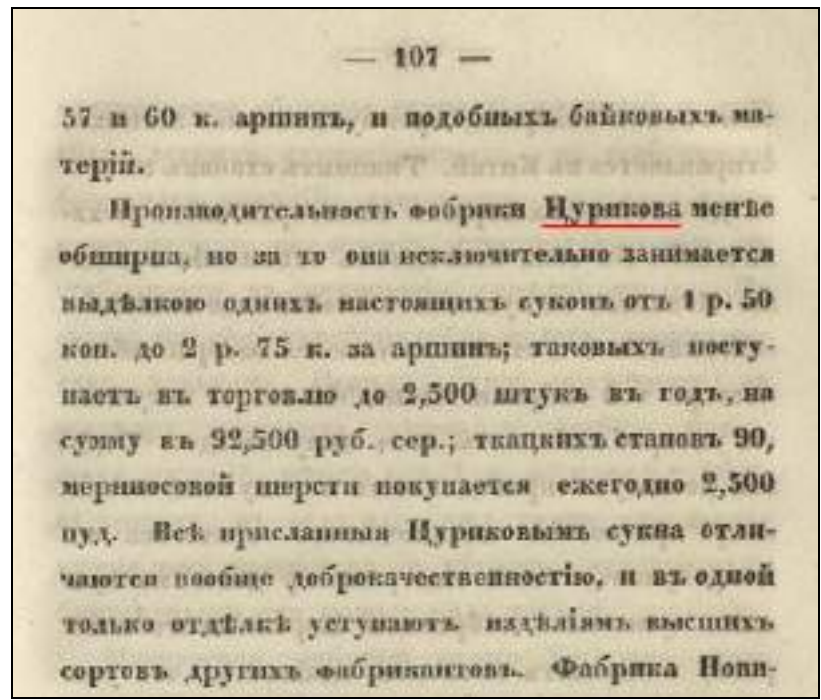
На фабрике имеются Машины, сукнодельных, трепальных, чесальных, ворсовых и стрыгальных 50. Валяльных и промывных ступ и декатеровальных Машин 12. Прядильных мюльных 4. Каждая по 240 веретен. Ручных 12 по 60 веретен в каждой. Ткачества сукна производится в двух корпусах в одном на 44 станах, а в другом на 46 станах людьми [т.е. вручную]. После бывшей в Москве в 1843 году Мануфактурной выставки, производство увеличилось и улучшилось как то: прибавлена апретурная часть и сукно вырабатывается гораздо тончайшая, чего прежде на оной фабрике непроизводилось».

Польза состоит в том что фабрика устроена при деревне Ведомства Государственных имуществ занимает небольшое пространство береговой земли, за что плотится оной деревни крестьянам значительная арендная сумма, а на фабрике работы все производятся работниками и мальчиками как той деревни, так и окрестных селений, за что они получают хорошую плату. Чем и улучшается их быт, другие же занимаются привозом на фабрику дров и шерсти, а с фабрики сукна, за что получают плату, не отлучаясь от своих домашних сельских работ».

Наград [Павел Григорьевич – Авт.] никаких не получал. Все вообще рабочие находятся под распоряжением самого владельца фабрики купца Цурикова, которые ведут себя хорошо»².

Свидетельство на участие в столичной выставке хозяину фабрики было выдано. Как записано в другом архивном деле, продукция Цурикова была отмечена наградой: *«В 1848 году¹ на Санкт-Петербургской выставке за хорошее и одобренное в большом Количестве изделие, награжден похвальною серебряною малою медалью»³*. В издании, выпущенном по итогам работы петербургской выставки, есть такие строки: *«Производительность фобрики [опечатка в тексте] Цурикова менее*

¹ 1848 – это, видимо, ошибка. Упомянутое свидетельство для выставки Цуриков запрашивал в мае 1849 г.

Изо 3–01. Обложка и страница книги, посвященная выставке в Петербурге, 1850.

обширна, но за то она исключительно занимается выделкою одних настоящих сукон от 1 р. 50 коп. до 2 р. 75 к. за аршин; таковых поступает в торговлю до 2,500 штук в год, на сумму в 92,500 руб. сер.; ткацких станков 90, мериносовой шерсти покупается ежегодно 2,500 пуд. Все присланные Цуриковым сукна отличаются вообще доброкачественностию, и в одной только отделке уступают изделиям высших сортов других фабрикантов»⁴.

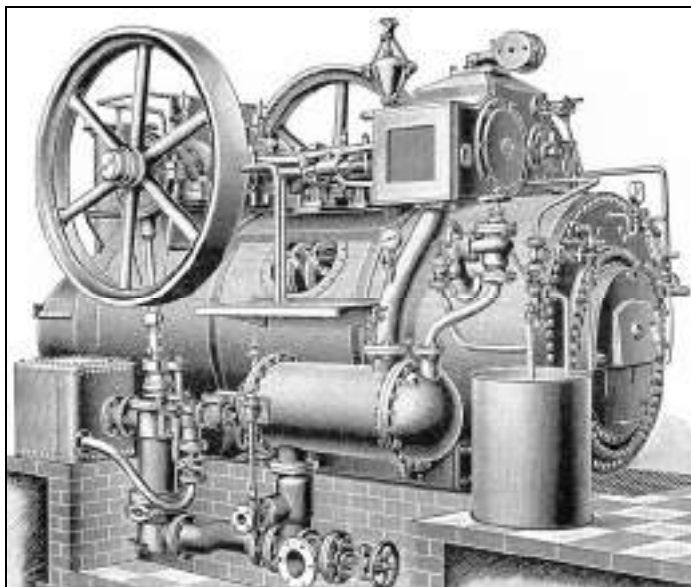
В следующем (1850) году было составлено еще одно описание предприятия, оно обнаружено в другом архивном деле: «Помещение фабрики самое удобное, просторное, заключающееся из 6 фабричных корпусов, 1 красильни, 3 сушилен и 2 жилых домов самого фабриканта и вольно наемных мастеров и прикащиков. Из коих в трех главных корпусах следующие машины: в 1-м прядильном 27 чесальных машины, 9 прядильных и 3 трепальных; во 2-м 3 сукновальни и 1 инструмент со ступами, 6 промывален; в 3-м 20 нагонных, 20 стригальных [...] 1 для резки сандала, а всего 92 машины»⁵.

1850: Прошение об установке первой паровой машины в 16 сил

В том же году Цуриков подал очередное прошение на имя губернатора. Он думал о развитии производства, стремился внедрять новые технологии. В своем обращении Павел Григорьевич просил о разрешении установить на своей фабрике паровую машину в 16 лошадиных сил (л.с.), которая должна была производить «декатировку сукон, сушку рам и отопление фабричного корпуса». Прежде паровых машин на фабрике не было, потребность в ее установке объяснялась так:

«Суконная фабрика купца Цурикова будучи устроена при реке Истре, приводится вся в действие водяным приводом оной реки и [в] весеннее время начиная с конца марта и до половины мая по случаю разлития воды в реке Истре и сплава по оной лесов, для коих разбирается самая плотина, фабрика совершенно останавливается своим производством, а равно и осенью во время паводков от подъема воды в реке Истре фабрика также не действует некоторое время, в прошлом же году осенью три раза паводки были так велики, что не только фабрика надолго была остановлена в действии, но каждый раз произведены были большие повреждения в плотине, требовавшие довольно времени на исправление, от чего купец Цуриков понес значительные убытки, так как мастера и многие фабричные на его фабрике нанимаются в год, а фабрика несколько месяцев остается без производства»⁶.

В документе не приводятся подробностей о паровой машине, кроме ее мощности 16 л.с. Нет также сведений о стране изготовления, и во что обошлась покупка. Лишь в одной из бумаг другого дела написано, что это была «иностранная паровая машина Эссера». А еще в одном архивном документе уточняется, что машина была английская. Изображение машины Эссера найти не удалось, в качестве иллюстрации приводится найденный в интернете вид паровой машины (двигателя) XIX века.

Изо 3–02. Паровой двигатель XIX века.

Прошение П. Г. Цурикова об установке 16-сильной паровой машины, работающей на дровах, власти удовлетворили. Двигатель был установлен на Ивановской фабрике в том же году. Использовалась «машина Эссера для валки сукон, которая прежде производилась ступами».

При выдаче соответствующего разрешения было учтено, что летом фабрика будет работать от водяных колес, а паровую машину задействуют только весной и осенью во время половодья и потому «потребление дров много не увеличится». Это было весомым аргументом для вынесения положительного решения, т.к. древесины в Подмосковье уже в то время не хваталоⁱ. В выданном разрешении на установку паровой машины говорилось, чтобы Цуриков «всячески старался как самую ма-

шину, так и фабрику отапливать торфом». На это Павел Григорьевич письменно ответил, что «готов на фабрике моей употребление дров заменить торфом, но так как онаго не только в ближайших от фабрики местах, но даже и во всем Звенигородском уезде не добывается, то я в настоящее время таковою замену дров торфом сделать не могу»⁷. Там же приведены сведения о количестве сжигаемых на фабрике дров за год: «еловых и сосновых пяти четвертовых 300 сажень, трех четвертовых березовых и еловых 250 сажень»ⁱⁱ. Поленницы заготовленных дров видны на дальнем плане фотоснимка, сделанного около Ивановской фабрики за ее территорией.

Изо 3–03. «Торг у ворот Ивановской фабрики»⁸ на фоне поленницы дров, 1892, (РГАЛИ).

Приглашение иностранных мастеров на фабрику

Для внедрения новых технологий требовались грамотные специалисты. Русских мастеров найти было трудно, чаще приглашали иностранцев. Иностранные специалисты были нужны и для обслуживания закупаемого за границей оборудования, паровых машин, которые в России были еще в диковинку. По воспоминаниям С. А. Попова: «Уже в 1848 году появляются на фабрике мастера иностранцы, большей частью немцы. В то время Цуриков имел уже заграничные машины». Эти сведения нашли подтверждение в рапорте звенигородского земского исправника, поданном в 1849 г. Ранее приводилась цитата из этого документа, в которой были упомянуты имена: «1-й пруско подан-

ⁱ В «Атласе промышленности» написано, что после случившегося в 1812 г. сильного пожара в Москве, на восстановление города в последующие годы было вырублено много лесов в ближайшем Подмосковье.

ⁱⁱ Речь о кубических саженьях. Одна такая сажень равна примерно 9,7 кубических метров. Стало быть, всех дров фабрика за год сжигала 550 куб. саж. = 5.342 куб. м. Огромная цифра.

ной, а ныне руско поданной Филип Репман [...] 2-й. Прусско-поданный Лев Кнопс [...] 3-й Полтавской колонии колонист Адольф Брюнзель».

Появление иностранцев в Ивановском в это время, конечно же, не случайно. Как уже говорилось, в 1848 г. суконная фабрика стала принадлежать братьям Цуриковым. Помощь в подборе иностранных специалистов оказывал родственник и партнер московский купец Максим Ефимович Попов, он был как бы кадровым агентом фабрики. Об этом писал в воспоминаниях внук С. А. Попов: «он [Павел Григорьевич] сносился с М.Е. относительно иностранных мастеров, просил совета, кого оставить, или просил найти нового, да среди года излагал М.Е. недоразумения с иностранцами, — приходилось вследствие того, что обе стороны, Цуриков и немцы, друг друга не понимали, отцу моему [Александру Максимовичу приходилось] писать мастерам немцам письма на немецком языке для устранения недоразумений»⁹.

Невозможность напрямую общаться с иностранцами порой вызывала у П. Г. Цурикова негативную реакцию. Как писала А. М. Шуберт: «Дедушка [М. Е. Попов] был поклонником немецкой учености и мастеров на фабрику брал тоже из немцев. Его деверь Павел Григорьевич Цуриков писал ему с фабрики: “Не шли мне мастеров немцев, а шли русских, им хоть в рожу плюнуть можно”»¹⁰.

Однако Цуриков понимал, что без грамотных специалистов трудно обеспечить бесперебойную работу фабрики, без них никуда. Забавный эпизод с попугаем одного из иностранных мастеровⁱ описан в воспоминаниях все того же С. А. Попова:

«Жил на фабрике много лет красильный мастер — немец. Состарился немец и решил уехать на покой к себе на родину в Саксонию; все его очень жалели. Прожил он на родине, не знаю, сколько времени и овдовел. Стал один очень скучать и прислал письмо на фабрику с просьбой разрешить ему приехать погостить на фабрике, так как он очень одинок и соскучился по старым друзьям. По приезде его на фабрику что-то не ладилось у нового красильного мастера. Немца попросили отправиться в красильное отделение посмотреть, в чем дело там. Он с радостью согласился и дело наладил. От скуки он стал ежедневно заходить на фабрику, ему и говорят: “Вы теперь одиноки, скучаете; ну что вам ехать опять в Саксонию, оставайтесь у нас, вы еще можете поработать, мы для <вас> все сделаем”. Немец призадумался и в конце концов говорит: “Я бы, пожалуй, и даже с удовольствием остался и стал бы опять работать, да у меня дома есть старый попугай, которого жена покойная очень любила, — вот что меня удерживает”. — “Только эта причина и заставляет вас отказаться от нашего предложения?” — “Да”. — “Ну, это пустяки, это все легко устроить”. — “Как же?” — “Вот увидите”. Заставили его написать письмо, чтобы отпустили попугая человеку, который привезет это письмо. Отрядили специально гонца, отправили в Саксонию на родину к немцу, он благополучно привез попугая на фабрику, и немец до конца дней прожил на фабрике. В это время фабрика принадлежала Павлу Григорьевичу Цурикову, но во всяком случае к этому делу был прикосновенен Максим Ефимович»¹¹.

Рост количества работников на Ивановской фабрике

О развитии фабрики наглядно свидетельствует рост числа ее работников. К сожалению, не удалось найти сведений о том, сколько людей работало в начальный период становления фабрики. Но, начиная с 1840-х годов, такие данные имеются.

Как ранее уже говорилось, в 1842 г. на Ивановской суконной фабрике работало 412 человек всех специальностей. В аналогичной ведомости два года спустя (1844) приведены сведения уже о 500 рабочих. При этом по данным “Атласа промышленности” (1845) на предприятии трудилось всего 409 человек. В деле о выдаче свидетельства на участие в выставке (1849) говорится: «Рабочего народа до 500 человек». В другом архивном деле (1852) приведены такие сведения: в начале года на фабрике трудилось 328 мужчин, 202 женщины и 70 малолетних (в сумме 600 человек). Через полгода их стало 386, 209 и 80 соответственно (всего 675). Забегая вперед, скажем, что в 1856 г. число работников равнялось 610, по другим данным их количество доходило до 700 (обоих полов).

Как видно из приведенных данных, количество рабочих, занятых на суконном производстве, неуклонно росло. Лишь в “Атласе промышленности” отмечено кратковременное снижение этого числа, что можно объяснить тем, что некоторые крестьяне работали на фабрике не круглый год,

ⁱ В воспоминаниях фамилия мастера не указана, возможно, это был Рудольф Голе (он работал с перерывом).

предпочитая летом трудиться на земле.

Вызывают некоторое удивление высказывания родственников о том, что при таком большом коллективе П. Г. Цуриков сам производил расчеты заработной платы каждого работника и лично выдавал деньги. Вот что, например, писала А. М. Шуберт в своих воспоминаниях: «никакой бухгалтерии Цуриков на фабрике не вел: говорил, что вся она у него в голове. Расплачивался с рабочими, которых было около тысячи человек, собственноручно, как бог на душу положит»¹².

Ей вторил С. А. Попов: «Павел Григорьевич фабрику вел как домашнее хозяйство, так сказать, “по старинке”. Вся бухгалтерию фабрики, как он сам выражался, он носил в кармане, никаких официальных торговых книг у него не велось, даже жалованье рабочим и служащим у него часто не значилось: он призывал рабочих по очереди в старый флигель Григория Михайловича несколько раз в год и давал помимо жалованья, смотря по заслугам и трудам каждого. Конечно, это было возможно только вследствие того, <что> рабочие все хорошо знали Цуриковых — это были не пришлые рабочие, а крестьяне близлежащих деревень: Ивановское, Красновидово, Лужки, Петровское, Борисово, Синеево и т.д.»¹³.

Что на это сказать? Далее будут приведены выписки из обнаруженных в архиве расчетных книг Ивановской фабрики. В них имеются записи о начислении денег, сделанные как рукой Цурикова, так и еще чьей-то. Они говорят о том, что далеко не все Павел Григорьевич держал в своей голове, записи вел на бумаге. И что у него был помощник в этом деле. Поэтому приведенные высказывания родственников выглядят преувеличением. Правда, может и не очень сильным. По всей видимости, у Павла Григорьевича действительно была хорошая память.

При таком большом числе нанятых работников с кем-то неизбежны недоразумения, а порой и конфликты. В таких случаях всегда интересно, как решалась спорная ситуация.

Сохранилось архивное дело 1850 г., в котором рассматривалась жалоба, поступившая на имя генерал-губернатора от уроженца Владимирской губернии 29-летнего Федора Герасимова. Этот крестьянин выражал недовольство владельцем Ивановской фабрики за неправильный расчет заработанных им денег. Из разбирательства дела следует, что П. Г. Цуриков в мае нанял Федора на работу ездовым на лошади сроком на полгода с общей платой 30 рублей серебром¹⁴. Через какое-то время крестьянин взял в долг шубу с сапогами, они стоили 20 рублей 43 копейки. А когда в ноябре потребовал расчета, то получил от Павла Григорьевича наличными лишь 4 рубля 37 копеек. Крестьянин этой суммой остался недоволен, считая, что ему не доплатили. Однако Цуриков напомнил, что он по договору недоработал более месяца и, бывало, отлучался по своим делам. И хотя купец считал, что больше ничего не должен ездовому, для сглаживания конфликтной ситуации все же решил доплатить еще 50 копеек серебром. На этом дело было посчитано решенным.

Единоличный владелец суконной фабрики

В 1852 г. был издан справочник К. Нистрема о населенных пунктах Московской губернии. В разделе «Звенигородского уезда Шерстяные фабрики» приведены такие данные: «Цурикова, Павла Григор., куп., суровое сукно, из Испанской шерсти, при сельце Ивановском»¹⁵.

В марте того же года умер основатель Ивановской фабрики, Григорий Михайлович Цуриков. Его сын Павел Григорьевич ходатайствовал о выдаче свидетельства на то, что «ему *дозволяется содержать устроенную им суконную фабрику*» на пустопорожней земле Ивановских крестьян. С кончиной родителя П. Г. Цуриков уже сам принимал решения по развитию производства. Да, формально фабрика была завещана двум сыновьям. Но, во-первых, Иван был на 17 лет младше Павла, ему было всего 23 года и опыта явно не хватало. Во-вторых, он жил в Москве и занимался продажей сукна в своей лавке. Ну, а когда в 1855 г. младший брат скоропостижно скончался, не оставив наследников, то П. Г. Цуриков стал уже официально единоличным владельцем Ивановской фабрики.

1853: Выставка мануфактурных изделий в Москве

В Москве должна была проходить очередная мануфактурная выставка, Павел Григорьевич пожелал представить на ней свой товар. В архивном деле говорится, что «*после последней выставки на фабрике Цурикова произведены следующие улучшения: вновь построена на реке шпунтовая плотина и при одном из фабричных корпусов в 1850 г. установлена иностранная паровая машина Эссера для валки сукон, которая прежде производилась ступами, и увеличилась выработка разных высоких сортов сукна, а в особенности сатейнов [сатина] и драдедамов в двойной пропорции противу прежняго. Го-*

довое производство фабрики Цурикова простирается на сумму 261.250 р. сер. Фабрика Цурикова приносит значительную выгоду местным окрестным крестьянам, доставляя им возможность работать на фабрике, получать хорошую задельную плату, а равно за провоз на фабрику Цурикова и отвоз с оной материалов. Сверх того купец Цуриков обмалывает без платы для крестьян деревни Ивановской всякого рода хлеба и платит значительную сумму за землю занимаемую его фабрикою»¹⁶.

Участие Павла Григорьевича в московской мануфактурной выставке подтверждено отчетом о ее проведении: «Сукна с фабрик Кенемана, Кирха, Цурикова, Жукова и Моженского, обращали внимание весьма хорошей отделкою и соразмерными достоинству ценами»¹⁷. А в другом источнике (архивном деле) написано, что товар Ивановской фабрики на этой выставке «был представлен к награде». Однако награждение по какой-то причине не состоялось. Думается, что это несильно огорчило Павла Григорьевича, т.к. его суконная фабрика и без того благодаря высокому качеству выпускаемой продукции становилась все более известной, по многим позициям опережала конкурентов. В подтверждение можно привести слова из воспоминаний А. М. Шуберт: «Цуриковские сукна [...] приобрели к этому времени известность на всю Россию». И вот еще: «В армяки цуриковского сукна одевалась в свое время вся извозчицья Москва. Материалу этому, как говорили, “не было износа”»¹⁸.

1853–1856: Работа фабрики во время Крымской войны

Началась Крымская война, в которой Россия воевала против Англии, Франции и Турции. По свидетельствам родственников эта война привела к значительному скачку в развитии Ивановской фабрики. Это подтверждают и «Исторические сведения»: «Особенного процветания фабрика достигла после Крымской кампании (конец 50-х годов) и после Русско-Турецкой Войны (конец 70-х годов)». Павел Григорьевич получил большие заказы от военного ведомства на поставку сукна и на этом заработал хорошие деньги. Один из родственников намекал, что дело тут было нечисто, что фабрикант, мол, ради получения заказов давал взятки. При этом никаких доказательств приведено не было. Поэтому судить о том – были ли взятки на подряды или нет? – мы не можем за недостатком информации. Однако нет сомнений, что будь сукно Цурикова низкого качества, вряд ли взятки помогли достичь значительного роста производства: «обороты после Крымской кампании стали быстро расти. Так, товару фабрика работала в 1854 году на 298 000 рублей, в 1855-м — <на> 362 000, в 1857-м — <на> 435 000»¹⁹. Так что выбор Ивановской фабрики в качестве подрядчика военных заказов был вполне логичен.

В интернете была обнаружена литография времен Крымской войны. На ней воины русского ополчения. Они одеты в шинели, возможно, изготовленные из сукна Ивановской фабрики.

К сожалению, в архивах не удалось обнаружить каких-либо сведений о конкретных поставках

Изо 3–04. «Государственное подвижное ополчение», литография Ипполита Шевалье, 1856.

продукции Ивановской фабрики военному ведомству во время Крымской войны. Было лишь найдено дело, в котором приведено отпечатанное в типографии «Объявление департамента мануфактур и внутренней торговли о вызове к торгам на поставку сукон для армии и флота в 1855 году»²⁰. В нем написано, что торг осуществляется «посредством запечатанных объявлений». Допускаются суконные фабрики, на которых имеется определенное оборудование: «по крайней мере один полный чесальный аппарат, [...] 4 прядильных и 12 ткацких станков ручных или 4 механических». На обороте документа узнаваемым почерком написано: «читал Павел Цуриков».

1856–1864: Оформление земли в собственность, развитие Ивановской фабрики

После завершения Крымской войны П. Г. Цуриков занялся важным делом: оформлением земли, на которой находилась его фабрика, в свою собственность.

1856–1857: Обмен земли с Ивановскими крестьянами

Все предыдущие годы производство сукна осуществлялось на земле, арендованной у местных крестьян. Все договора аренды (как ранее говорилось, их оказалось пять) ограничивались по времени. По истечении очередного срока необходимо было вновь договариваться, оформлять новое соглашение. Причем достижение договоренности с крестьянами еще не гарантировало успешного результата, т.к. договор подлежал утверждению в вышестоящей инстанции. Все зависело от чиновников, начальства. И пока не поставлена последняя подпись, все находились в подвешенном состоянии. Не было полной уверенности, что договор аренды будет продлен. Не заключение договора об аренде означало бы полный крах дела Цурикова, потерю ранее вложенных денег. В таком случае часть фабричных построек, включая мельницу, перешла бы бесплатно Ивановским крестьянам.

Цуриковы с самого начала хотели, чтобы земля под суконной фабрикой принадлежала им: «Еще Григорий Михайлович мечтал получить в собственность арендованную под фабрику землю». Это слова родственника С. А. Попова. Он же писал далее в своих воспоминаниях: «Совместная работа Цурикова и [М. Е.] Попова ясно указывала, что фабричное дело надо расширять, то есть в связи с этим надо было строить новые и увеличивать существовавшие уже фабричные корпуса, что, конечно, лучше было делать не на арендованной земле»²¹.

Сложность была в том, что суконная фабрика Цурикова размещалась на земле Ивановских крестьян. Но этот участок не был их собственностью, владельцем являлось казенное ведомство «Министерство Государственных имуществ». С частным хозяином было проще договориться об обмене или продаже недвижимости, в большинстве случаев все решали деньги. В данной же ситуации надо было договариваться с государством. Это добавляло неопределенности: мало ли какое решение могли принять чиновники. Существовали разные законы, которые якобы защищали интересы крестьян, а на деле порой все только усложняли. Возможно, из-за крайней сложности выкупа и обмена казенной земли этот вопрос Цуриковы не поднимали раньше.

Теперь же после выполнения заказов военного ведомства во время Крымской войны Павел Григорьевич разбогател, обзавелся некоторыми связями и, наконец, решил заняться земельным вопросом. Принятию такого решения поспособствовало и то, что в 1855 г. на реке Истре в очередной раз случилось большое половодье, которое привело к «значительным повреждениям» фабричных строений. Вновь предстояли материальные затраты на восстановление построек. А восстанавливать их на прежнем низком, затапливаемом водой месте не хотелось, т.к. все повторилось бы вновь при следующем наводнении. Перенести же производственные корпуса на более сухое место подальше от реки было некуда, т.к. свободной земли на фабрике просто не было. Вот поэтому Павел Григорьевич хотел не просто выкупить занятый фабрикой участок, но и увеличить его размер за счет прирезки (добавления) свободной земли Ивановских крестьян.

О том, как решался этот непростой вопрос, рассказывается в нескольких сохранившихся архивных делах (РГИА, РГАДА, ЦГАМ), которые в чем-то повторяют друг друга, а где-то дополняют. Перейдем к краткому их изложению.

В начале 1856 г. Павел Григорьевич обратился с прошением об уступке (продаже) ему части свободной и неудобной земли Ивановских крестьян. Как следует из дела РГИА, суконная фабрика к тому времени занимала территорию 6 десятин 1192 кв.саж. (это примерно 6,5 дес.) Земля находилась «от селца Ивановскаго к Юго-Востоку разстоянием в полуверсте, окружена реками Истрою

и речкою Студенец»²². Отмечено, что фабрика занимала преимущественно песчаную береговую землю и «другия неудобныя для пашины и сенокоса места». Павел Григорьевич хотел добавить еще 6 дес. 165 кв.саж. За этот участок он предлагал 15 тысяч рублей, причем деньги собирался положить «навечно» под 4% годовых, что давало бы ежегодный доход 600 рублей. Данная сумма почти в полтора раза превышала ту, что получали крестьяне по действующему договору.

В рассматриваемом деле говорилось также о том, что фабрика приносила большую пользу местным жителям: «В последние годы на фабрике средним числом занимались работами из государственных крестьян мужескаго пола до 400 и женскаго до 300 человек ежегодно, получая плату, смотря по возрасту и способностям, от 2 до 14 р. в месяц, что составляет в год всем вообще более 42 тысяч руб. серебром». И еще до полутора тысяч рублей крестьяне зарабатывали на перевозке продукции фабрики в Москву. В итоге «От столь значительных выручек благосостояние государственных крестьян, не только Ивановских, но и всех окрестных селений весьма улучшилось».

В деле имеется решение Ивановских крестьян, которые собрались 6 марта 1856 г. (перечислено множество имен). На сходе люди «с общаго и непринужденнаго согласия» поддержали предложение П. Г. Цурикова, отметив, что просимая им дополнительная земля по неудобности расположения для них совершенно «бесполезна». Но, несмотря на достигнутое согласие сторон, в министерстве предложение купца о покупке указанного участка отклонили, мотивировав тем, что ущемляются интересы крестьян (мол, земли у них стало бы меньше). Чиновники сделали встречное предложение купцу: требуемые ему дополнительные 6 десятин земли взять в аренду на 50 лет с платой за всю землю по 600 рублей серебром в год.

Это предложение не устроило Павла Григорьевича, т.к. земля по-прежнему оставалась бы чужой собственностью. И он решил задействовать свои связи. Сестра его жены Любовь Сергеевна Мингалева была близко знакома с графом Василием Дмитриевичем Олсуфьевым. Высокопоставленный вельможа «Обер-Гоф Маршал Действительный Тайный Советник граф Олсуфьев¹» откликнулся на просьбу помочь и, как написано в воспоминаниях С. А. Попова, написал ходатайство бывшему министру Государственных имуществ, которое начиналось словами: «Сосед мой по имению Звенигородский купец Цуриков [...]».

К решению вопроса о земле был также подключен шурин Александр Сергеевич Мингалев, «занимавший служебный пост в Петербурге в министерстве и имевший связи». Он написал Павлу Григорьевичу, что министр опасается, как бы это дело о казенной земле «не возродило впоследствии новых требований в таком роде». И посоветовал ничего не отвечать на сделанное министерством предложение об аренде дополнительного участка, а немного подождать. А. С. Мингалев также сообщил, что есть надежда на успешное решение вопроса. И оказался прав. Через какое-то время министр, «уважая ходатайство графа Вас. Дм. Олсуфьева, дозволил допустить обмен с Ивановскими крестьянами на другой смежный с их угодьями участок, с тем однако, чтобы крестьяне при обмене не потеряли тех выгод, которыми они пользуются в настоящее время»²³.

Цурикову такой вариант подходил. Коль скоро нельзя было выкупить землю для фабрики, а арендовать не хотелось, то он согласился на обмен земельными участками. Вот только где было найти подходящий участок, чтобы предложить его для обмена? Понятно, что не всякий участок подошел бы для этой цели, нужна была удобная земля, близко расположенная к деревне Ивановская. У Павла Григорьевича такой земли не было. И здесь ему повезло: удалось договориться с помещицей «полковницей» Марьей Васильевной Левашовой, проживавшей в соседнем селъце Красновидово. 12

Изо 3–05. Граф В. Д. Олсуфьев, акварель П. Ф. Соколова, 1846.

¹ Во второй главе рассказывалось, как в 1846 г. Цуриковы уже обращались к Олсуфьеву с просьбой помочь перезаключить договор (четвертый) об аренде с добавлением земли. В тот раз все завершилось благополучно.

июля 1856 г. он купил у нее за 1.500 рублей серебром 25 десятин «*при сельце Красновидове в пустоше Маринки*»²⁴. Земля эта находилась недалеко от деревни Ивановской в южном направлении от фабрики в сторону деревни Петровская. Она и пошла на обмен с крестьянами.

Спустя четыре дня был оформлен договор обмена земельными участками. В архивном деле РГАДА написано: «*Мы крестьяне сельца Ивановскаго [...] уступаем купцу Цурикову из числа данных нам от казны в наделение земель удобной 5 дес. 93 саж. и неудобной 1 дес. 934 саж., находящейся ныне в оброчном содержании у Цурикова под собственной его при р. Истре суконной фабрикою, называемой Ивановской и в дополнение к тому для устройства нового корпуса присоединяем еще из смежной пустошорожней земли удобной 3 дес. 886 саж. и неудобной 2 дес. 1679 саж. А вообще же уступаем купцу Цурикову удобной и неудобной земли 12 дес. 1192 саж. с устроенною иждивением Цуриковым плотинною, фабричных корпусов и всем прочим на той земле находящимися строениями*»²⁵.

Если посмотреть на приведенные цифры размеров участков, то станет понятно, что с формальной стороны обмен землей был выгоден крестьянам и невыгоден для Павла Григорьевича. Пустошь Маринки по размеру была в два раза больше той земли, которую получал купец от Ивановских крестьян (25 десятин против 12,5). Причем в пустоши рос лес (21 дес.) и имелся сенокос (3 дес.). А крестьянская земля почти наполовину была «*неудобная*». Но это с точки зрения сельского хозяйства. Для Цурикова получаемая в обмен земля имела огромную ценность (думается, что за нее отдал бы и больше). Поэтому он пошел на такой вариант сознательно, что называется «с запасом», чтобы у чиновников было меньше поводов отказать в обмене, сославшись на ущемление интересов крестьян.

Но это было еще не все. По условию министерства, чтобы крестьяне «*при обмене не потеряли тех выгод*», которые они имели ранее, помимо компенсации земли, требовалось еще возместить те деньги, которые они ежегодно получали от аренды и теперь их лишались. Речь шла о ежегодных выплатах примерно 400 руб. Так и хочется это назвать «обдираловкой», министр воспользовался безвыходной ситуацией купца. Деваться было некуда, Цуриков и на это требование согласился. Он положил в казну «*на вечные времена*» 10.000 руб. серебром. Ежегодно начисляемые на этот капитал четыре процента в размере 400 рублей должны были передаваться Ивановским крестьянам.

Таким образом, все выставленные министерством требования Павел Григорьевич выполнил. Но как! К двукратному размеру земли добавил еще десять тысяч рублейⁱ. Купец был на все согласен, лишь бы получить желанную землю, которая ему была так нужна для развития суконной фабрики. Нет никаких сомнений, что все понесенные при обмене затраты он потом с лихвой компенсировал за счет роста производства Ивановской фабрики.

В следующем 1857 году 25 февраля был издан указ Правительствующего Сената «*о промене земли между купцом Цуриковым и государственными крестьянами сельца Ивановскаго*».

Таким образом, более года вся эта история длилась. А сколько нервов и средств было потрачено! Как писал С. А. Попов: «*Немало трудов, неприятностей и издержек выпало на долю Цурикова и Попова, прежде чем удалось дело довести до желанного конца*». В итоге все завершилось удачно, мечта Цуриковых о своей земле для суконной фабрики сбылась.

В августе того же года состоялось размежевание отошедших под фабрику 12,5 десятин земли. Был вызван землемер, который все обмерил на местности и установил специальные межевые знакиⁱⁱ. По итогам обмера был нарисован земельный план с показом границ участка. Этот план «Специального межевания» оказался в архиве РГАДА, с него была сделана копия. Фрагмент изображения здесь приводится. На плане имеется следующий текст: «*под поселением дома, фабрик, двором и садами [7 дес. 1020 кв.саж.], сенаго покоса [2.359 кв.саж.], под песками [1 дес. 1416 кв.саж.], под болотом [360 кв.саж.], под течением р. Истры, половины оной, речкою Студенец, канавою и прудами [2 дес. 557 кв.саж.], под проселочными дорогами [280 кв.саж.] А всего удобной и неудобной земли*

ⁱ На самом деле Цуриков в итоге выиграл. Покупка земли обошлась ему в 1.500 руб. И еще 10.000 руб. он положил в казну. Это меньше 15.000, которые предлагал вначале (без обмена участками). Правда, в воспоминаниях С. А. Попова написано, что Цуриков внес в банк на счет Ивановских крестьян 16 тыс. руб., а не 10, как указано в документах. И еще. Тот же родственник почему-то обмененную пустошь называл Витиловой, а не Маринки.

ⁱⁱ Межевые знаки – это «материальные» знаки, определяющие границы земельных участков, которые устанавливались в поворотных точках границ земельных участков. Представляли собой особые камни, столбы, ямы и т.п. Перемещать их строго воспрещалось. При утрате этих знаков проводилось повторное межевание земли.

[12 дес. 1192 кв.саж.] На них во время межевания земли внутри окружной межи в поселении состояли купеческий дом и при нем суконная фабрика, при которых крестьян по ревизии не имеется»²⁶.

Эта история с обменом земли имела продолжение. В одном из дел имеется обращение представителей Ивановских крестьян на имя императора, поданное в 1860 г. В нем написано, что при обмене земли Цуриков внес 10.000 рублей в «Московскую Палату Государственных Имуществ», откуда они были переданы в «Сохранную Казну» на начисление процентов. На положенный капитал должны были начисляться ежегодно 4 процента, т.е. 400 рублей. Однако в 1859 г. было начислено только 302 рубля с копейками, а в следующем еще меньше – 282 рубля²⁷. Власти это объяснили просто: мол, по распоряжению «Высшаго начальства» понижены процентные ставки сначала до 3%, а потом и вовсе до 2%. Крестьяне просили перевести деньги в «Московскую Банковскую Контору», которая обещала выплачивать по 4,5 процента. Была ли выполнена эта просьба – осталось неизвестно.

Изо 3–06. План участка земли, выменяннго под Ивановскую фабрику, 1857.

оттуда они были переданы в «Сохранную Казну» на начисление процентов. На положенный капитал должны были начисляться ежегодно 4 процента, т.е. 400 рублей. Однако в 1859 г. было начислено только 302 рубля с копейками, а в следующем еще меньше – 282 рубля²⁷. Власти это объяснили просто: мол, по распоряжению «Высшаго начальства» понижены процентные ставки сначала до 3%, а потом и вовсе до 2%. Крестьяне просили перевести деньги в «Московскую Банковскую Контору», которая обещала выплачивать по 4,5 процента. Была ли выполнена эта просьба – осталось неизвестно.

1857: Выставка мануфактурных изделий в Варшаве

В Варшаве (в то время Польша входила в состав Российской Империи) должна была состояться очередная «Выставка мануфактурных изделий и земледельческих произведений». В прошении, поданном Цуриковым на разрешение представить на выставке свою продукцию, написано, что на фабрике работают до 650 человек, включая пять иностранцев. За истекший год было изготовлено 5.500 кусков разных сортов сукна и другой материи на общую сумму 307.100 рублей. В архивном деле помимо прошения имеется описание фабрики на 1857 год:

«Суконная фабрика устроена при реке Истре которою приводится в действие вся фабрика тремя водяными колесами, всего до 35 сил. Во время разлития воды весною в реке Истре фабрика действует паровою машиною устроенной для вышеозначенного случая в 1850 году в 16 сил, поставлена с разрешения Высшаго Начальства. Машин сукновальтельных 6, которая нового устройства, промывных 8, трепальных 3, чесальных 18, из оных к шерстечесальным машинам поставлены валики для очищения от шерсти сору и вместо ваточных сделаны ленточные машины, которые для прядения пряжи весьма удобны, это совсем новейшаго устройства. 9 машин называемыя Контюню, которые из ват и лент сами собой готовят ровную пряжу, 9 машин Мюльных в каждой по 240 веретен, варсовых 22, стригальных 22, бастовых 3. Всего машин 100, станков ткацких 150. После последней выставки улучшилась и увеличилась выработка разных высоких сортов сукна, а в особенности сатинов и драдедамов»²⁸.

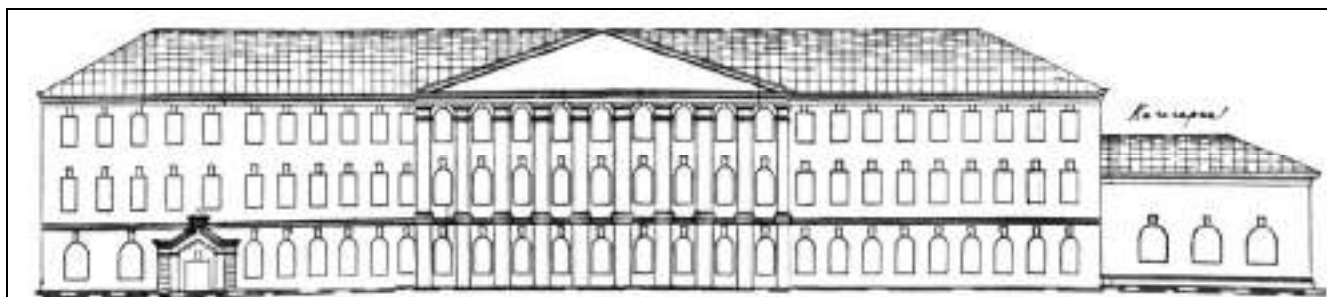
Участие Цурикова в Варшавской выставке было отмечено наградой. Правда, указ императора о награждении вышел только в следующем году. В нем написано, что «Похвальная Большая серебряная медаль» была вручена «Владельцу суконной фабрики, московской губернии, звенигородскаго уезда, при реке Истре, воскресенскому 2-й гильдии купцу Павлу Цурикову, за суконныя изделия, отличающиеся доброкачественностью материала, тщательною обработкою, ровностью и красотою цветов»²⁹.

1857: Прошение об установке второй паровой машины в 20 сил

В том же году было подано прошение о разрешении установки на фабрике второй паровой машины. В отличие от первой 16-сильной, изготовленной в Англии, эта была из Бельгии мощностью в 20 л.с.

В архивном деле, посвященном данному вопросу, приводятся интересные подробности. Так говорится, что Ивановская фабрика была устроена в 1825 г., «*доведена купцом Цуриковым до весьма значительного усовершенствования как по качеству вырабатываемых им сукон так и по внутреннему порядку, существующему на фабрике и составляет в уезде одну из важнейших статей промышленности для местных крестьян*»³⁰. Сказано также, что фабрика «*состоит из шести корпусов*». Отмечено, что паровая машина в 20 л.с. вместе с котлами будет установлена в специально выстроенном кирпичном здании, фундамент его уже «*зачат*», т.е. заложен. И что это здание «*должно примыкать к каменному трехэтажному корпусу фабрики*», и «*При паровой машине должны будут находиться два человека*».

Стоит обратить внимание, что в цитате упомянут 3-этажный корпус, раньше о нем в документах не говорилось. К сожалению, в архивах не обнаружено дело о его постройке, как, впрочем, и о других производственных зданий фабрики Цурикова. То ли такие дела не сохранилось, то ли и вовсе не заводились. В последующие годы на Ивановской фабрике было выстроено как минимум три 3-этажных корпуса, здесь приводится чертеж одного из них с пристроенной кочегаркой.

Изо 3–07. Фасад одного из корпусов Ивановской фабрики, 1889.

В рассматриваемом деле обосновывается «*неизбежная необходимость*» в установке паровой машины в 20 сил: весной и осенью «*при наступлении половодья плотина разбирается*», все работы прекращаются. Так «*в прошлом 1856 году в Ноябре и Декабре месяцах от трех бывших паводков действие фабрики трижды было остановлено, от чего купец Цуриков понес большой убыток, ибо производства на фабрике в течении нескольких недель никакого не было*». При этом жалование работникам, находившимся на окладе, выплачивалось «*сполна*».

Если вернуться к рассмотренному ранее делу 1850 г., в котором Цуриков запрашивал разрешение на установку 16-сильной паровой машины, то нетрудно заметить, что мотивировки в необходимости оборудования приведены в точности такие же. И что интересно – в новом прошении Павла Григорьевича нигде не сказано, что на фабрике уже имелась одна машина. Даже возникло подозрение: может она сломалась и прекратила работать? Надо полагать, мощности первой машины для нужд фабрики не хватало (ведь три водяных колеса, которые она заменяла летом, имели мощность 35 л.с.). С установкой второй машины в 20 л.с. суммарной мощности (16+20=36) должно было хватить для работы фабрики на время паводка, когда водяные колеса не работали.

Вот что написано в рапорте звенигородского исправника А. Брюзгина: «*Воскресенский 2-й гильдии Купец Павел Григорьев Цуриков поданным на имя мое прошением прописывает, что до 1859 года на принадлежащей ему суконной фабрике находящейся на собственной его земле близ деревни Ивановской устроена была паровая машина в 16 сил с двумя паровыми котлами [...] А в 1859 году он Цуриков желая поставить на фабрике своей другую паровую машину в 20 сил, при существующей уже прежней паровой машине и новых аппаратов, а именно: сукновальных заграничных семь, промывальных десять, трепальных заграничных четыре, чесальных заграничных двадцать и обыкновенных двадцать, мюльных заграничных двенадцать в коих 3000 веретен, самосновательной заграничной одной, станов самоткацких заграничных пятьдесят четыре, ворсовательных обыкновенных десять, ворсовательных в два барабана заграничных восемь, стригальных осьмнадцать [18], продольных восемь, бастовых четыре, прессов гидравлических два, сандадную одну, машину для мойки шерсти одну*»³¹.

Обращает на себя внимание, как часто в рапорте написаны слова «заграничные» применительно к станкам. Фабрика Цурикова относилась к числу передовых своего времени.

Как следует из дела, вся эта история с получением разрешения и установкой второй паровой машины длилась целых три года. Почему так долго, ведь первая машина была установлена всего за несколько месяцев? О причинах задержки стало понятно из рапорта инженер-технолога Матисена, которому летом 1858 г. было велено освидетельствовать новую паровую машину, провести ее испытания. Как он написал, выполнить данное указание невозможно, потому что «машина эта еще не получена из-за границы». В августе следующего года исправник А. Брюзгин докладывал, что «паровая машина в 20 сил на суконную его фабрику привезена, но еще не установлена». Только в ноябре тот же исправник сообщил, что все работы по установке машины завершены и можно приступить к ее испытанию.

2 марта 1860 г. на имя московского гражданского губернатора был подан доклад, в котором сообщалось, что паровая машина на Ивановской фабрике установлена «удобно и безопасно в особом каменном корпусе отдаленном от мастерских каменными стенами. Принадлежащая к машине два паровые котла высокого давления, выписанные из Бельгии с завода Жилена, были уже там испытаны посредством гидравлического пресса, поэтому вторичное испытание их не производилось. Котлы эти снабжены всеми потребными предохранительными [предохранительными] приборами, установлены в особом каменном корпусе и над помещением их жилых покоев не находится». 14 марта, наконец, был выдан желанный документ. В нем было написано: «дано сие свидетельство Воскресенскому 2 гильдии купцу Павлу Григорьеву Цурикову в том, что дозволяется ему установить паровую машину в двадцать сил на суконной его фабрике, [...] с двумя паровыми котлами»³².

Отметим еще, что при установке на фабрике второй паровой машины, как и первой, было высказано пожелание использовать торф при топке котлов. Увы, Павел Григорьевич при своей жизни не смог этого выполнить. Лишь последний владелец Ивановской фабрики С. М. Попов взял в разработку расположенное неподалеку Бaeво болото, на котором стал заготавливаться торф для нужд фабрики. Но это случилось лишь в начале XX века. А до этого владельцам Ивановской фабрики постоянно «ломать голову»: где взять дрова для работы паровых котлов и отопления помещений? При чем с годами их требовалось все больше, ведь фабричное производство постоянно развивалось. В связи с этим Павел Григорьевич покупал в окрестностях земельные участки, на которых рос лес. Производилась также закупка дров «на стороне». Ранее приводилась цитата о том, как на фабрику в гости к П. Г. Цурикову приезжали обедневшие рубцовские помещики Голохвастовы, чтобы «хорошо покушать у хлебосольного хозяина, а вместе с тем спустить ему ту или иную часть своего леса».

Ранее была размещена фотография (изо 3–03), на которой можно разглядеть поленницы дров, складированные вблизи Ивановской фабрики. В архиве Шуберт сохранился еще один снимок, на котором видны (в правом нижнем углу) длинные ряды заготовленного для нужд фабрики топлива.

Изо 3–08. Вид на суконную фабрику с Ивановской горки³³, 1890-е, (АШ).

1861: Выставка мануфактурных изделий в Санкт-Петербурге

В столице империи должна была состояться очередная мануфактурная выставка. В марте 1861 г. П. Г. Цуриков обратился с прошением: *«Через Звенигородского Исправника объявлено мне [...] о выставке мануфактурных произведений имеемой быть открыта в Санкт-Петербурге в Мае или начале Июня сего текущего года. А как я имею ныне желание представить изделие с суконной фабрики [...] прошу [...] удостоить снабдить меня свидетельством»*³⁴.

В том же архивном деле имеется представление министерства финансов, в котором говорится о больших изменениях, произошедших на производстве за последние годы. Написано, что Ивановская фабрика не уступает заграничным:

«Со времени последней выставки фабрика Цурикова почти устроена вновь: все машины переведены из разных старых корпусов в один большой весьма хорошо устроенный каменный светлый и просторный корпус, при чем вновь выписаны из-за границы разные машины и механические станки новейшей конструкции, устроены новый водяной двигатель и паровая Бельгийская машина, сушильная с металлическими двигающимися на рельсах 20-ю рамами, что много способствует к ускорению выделки товара.

Вообще фабрика эта принадлежит к числу самых лучших в Московской губернии и все введенные на ней усовершенствования могут поставить ее наравне с заграничными этого рода фабриками. Рабочие имеют отдельные светлые, просторные и удобные помещения. Фабрика Цурикова приносит большую выгоду местным окрестным жителям, занимая большое количество рабочих рук и давая им выгодное занятие, которое они нашли здесь со времени упразднения Павловской казенной суконной фабрики. Сбыт изделий ее производства производится в Москве, С.Петербурге, Нижнем Новгороде и других городах России».

В цитате говорится о суконной фабрике в соседнем селе Павловское. Она к этому времени была закрыта. Видимо, не выдержала конкуренции, в том числе и с производством Цурикова.

Продукция Ивановской фабрики в Санкт-Петербурге была отмечена большой серебряной медалью. В справочном издании по итогам выставки были представлены такие сведения о воскресенском купце 2-й гильдии Павле Григорьевиче Цурикове и его предприятии:

*«Суконная Фабрика находится московской губ., звенигородского уезда, на р. Истре, при селце Ивановском. Устроена в 1833 г. Фабрика приводится в действие тремя водяными колесами, в 35 сил, весною же, во время разлива Истры, действует двумя паровыми машинами, в 16 и 20 сил; эта последняя машина поставлена только в 1860 г. Прядильных машин континуу находится 12, мюльных 12, каждая на 240 веретен, трепальных 4, чесальных 28 и проч. Ваточные машины заменены ленточными. Станов механических 54, ручных 100. Всего машин 130. Рабочих об. п. [обоюго пола] 650. Задельная плата им простирается в год до 70 т. руб. Разных сортов сукна, драдедама, драпа и сатина вырабатывается в год до 60 т. штук, на сумму 360 т. рублей»*³⁵.

Изо 3–09. Товарная пломба суконной фабрики П. Цурикова.

Из сравнения с приведенными ранее цифрами за предыдущие года видно, что объем выпускаемой фабрикой продукции увеличился. Хотелось бы привести в качестве примера изображение какого-либо сукна, изготовленного в Ивановском. Но, увы, такое фото найти не удалось. Зато “Звенигородский государственный музей-заповедник” (ЗИАХМ) любезно предоставил фотоснимок товарной пломбы, каким-то чудом сохранившейся в их фондах. В Госкаталоге этот предмет описан так: *«Круглой формы, чуть приплюснутая с одной стороны, с отверстиями по гурту для шнурков. На лицевой стороне надпись: "П. Цурикова", на обороте – "35754/34 3/4"»*³⁶. Можно предположить, что такими пломбами опечатывалась продукция Ивановской фабрики.

1863: Прошение об установке третьей паровой машины в 30 сил

Со временем любая техника устаревает, выходит из строя. Первая 16-сильная паровая машина была установлена на фабрике в 1850 г. Через 13 лет П. Г. Цуриков решил ее заменить. Осенью 1863 г. он подал прошение об установке более мощной 30-сильной паровой машины, третьей уже по счету. Он также просил разрешение построить трехэтажный каменный корпус для *«более удобного размещения в нем как паровой, так и других машин»*. Весной следующего года инженер-технолог Матисен произвел очередной осмотр Ивановской фабрики и вынес такое заключение: *«Купец Цуриков в видах улучшения своей фабрики и более удобного расположения машин, находящихся ныне в двух корпусах одноэтажном и двухэтажном, имеет намерение выстроить новый трехэтажный каменный корпус и взамен ныне существующей 16-ти сильной паровой машины выписать из Бельгии с завода Жилен паровую машину в тридцать сил с двумя паровыми котлами, которые будут поставлены в особой каменной пристройке; дымовую же железную трубу проведенную по низу корпуса, предположено нагревать сушильную, от чего по рапорту Цурикова должно уменьшиться потребляемое количество дров»*³⁷.

Итоговый вердикт инженера был такой: *«Препятствий к ее [машине] установке не встречается»*.

В деле приводятся также сведения о количестве ежегодно сжигаемых дров: еловых и березовых до 850 куб. сажень и еще 100 кубов пней. Как видно, расход топлива значительно увеличился (в 1850 г. сжигалось 550 куб. саж.). Число работников на фабрике также выросло, оно достигло 800 человек.

В рассматриваемом архивном деле нет подтверждения о выдаче Цурикову разрешения на установку указанной 30-сильной паровой машины. Но есть все основания считать, что такое разрешение было получено. Установлена она была не сразу, а спустя несколько лет (по данным из источников в 1865 г. 30-сильной машины на фабрике еще не было, а в 1872 она работала). Обращает на себя внимание еще то, что новая паровая машина была того же производителя, что и предыдущая 20-сильная: бельгийской фирмы Жилен. Это означает, что Цуриков остался доволен продукцией этой фирмы.

Недвижимость Павла Григорьевича Цурикова

Теперь хотелось бы поговорить о недвижимости, которая находилась в собственности Павла Григорьевича. Сначала напомним о владениях, о которых уже говорилось:

1). В 1848 г. П. Г. Цуриков официально стал хозяином Ивановской фабрики вместе с младшим братом Иваном. Однако братьям принадлежали только **фабричные постройки**, землю же под ними приходилось арендовать у Ивановских крестьян. После кончины Ивана в 1855 г. Павел стал единственным владельцем фабрики.

2). Летом 1856 г. за 1.500 рублей была приобретена пустошь Маринки (25 дес.). Но она оставалась в собственности П. Г. Цурикова очень короткое время, т.к. в том же году эта недвижимость была передана Ивановским крестьянам. В обмен на указанную пустошь и 10.000 рублей в придачу купец получил не только землю, которую прежде арендовал (6,5 дес.), но и прилегающий соседний участок (6 дес.). В 1857 г. указом Сената этот обмен был утвержден. Так Павлу Григорьевичу стала принадлежать **Ивановская фабрика вместе с землей**, на которой она находилась.

После покупки пустоши следующие пять лет приобретений недвижимости не было. Учитывая ранее сказанное о том, как бурно в эти годы развивалась Ивановская фабрика, логично предположить, что получаемую прибыль Павел Григорьевич вкладывал в расширение производства. Часть денег тратил на благотворительность. С годами фабрика становилась все более конкурентоспособной, ее продукция завоевывала популярность и приносила хозяину все больше доходов. Появились свободные деньги для покупки недвижимости.

3). В мае 1861 г. П. Г. Цуриков стал владеть приобретенным у *«Титулярного Советника Василья Михайлова Белорастова участком земли, состоящим в заштатном городе Воскресенске»*³⁸ (размер участка и сумма сделки в деле не приведены). Интересная деталь: в тексте документа указано состояние *«от земли Г. Брюзгина [29] сажень, и от земли его Купца Цурикова [24] сажени»*. Получается, что рядом находился еще один участок, принадлежащий Павлу Григорьевичу? Но когда он был приобретен? Этого выяснить пока не удалось¹. Покупка земли в Воскресенске выглядит вполне логичной, т.к. здесь проживали родственники жены Мингалевы. И кроме того с 1857 г. Павел Григорьевич стал купцом этого заштатного города. Судя по всему, именно на этом участке был потом построен

¹ В изданной в наше время книге «У стен Нового Иерусалима» на с.121 утверждается, что Цуриков стал владельцем пустопорожней земли в городе еще в 1840-х годах. К сожалению, ссылка на первоисточник не указана.

Изо 3–10. План земли в окрестностях села Лужки³⁹, 1864.

сельце **«Ломоново, Рыбкино тож»**. Продала эту землю «жена подпоручика Анна Антонова дочь Свистунова» за 10.500 рублей серебром⁴⁰. На одном из планов на востоке от села Лужки за рекой Истра стоит отметка: **«Покупная земля Звенигородского 2-й гильдии купца Цурикова»**.

6). Забегая немного вперед скажем, что в 1876 г. П. Г. Цуриков приобрел два участка земли в Звенигородском уезде в нескольких верстах от Ивановской фабрики. В мае он купил у Волоцкой почти 58 дес. земли при сельце **Борки**. А в ноябре приобрел у Тиля 82 дес. при сельце **Обухово и деревне Борисково**⁴¹ (для второй сделки приведена оценочная стоимость – 4.000 рублей). Можно предположить, что эта недвижимость приобреталась для нужд суконной фабрики (заготовка дров).

Вся эта недвижимость по завещанию потом перешла жене Анне Сергеевне. О приобретении Павлом Григорьевичем другой недвижимости сведений нет (купленное позднее имение Красновидово было оформлено сразу на супругу).

1865–1878: Расцвет Ивановской фабрики, награды на выставках

Переходим к описанию следующего периода существования суконной фабрики, последнему при жизни П. Г. Цурикова, когда она достигла своего расцвета. Одновременно с развитием производства росла известность и уважение к ее владельцу, Павел Григорьевич получал очередные звания, чины и награды. О личных наградах фабриканта поговорим отдельно в шестой главе, сейчас же остановимся на развитии Ивановской фабрики и какие знаки отличия она получала.

К сожалению, сохранилось не так много исторических видов суконной фабрики. Несколько фотографий сберегли потомки Шуберт, часть из них опубликована в книге «Суконщики Поповы». В архиве РГАЛИ были обнаружены несколько прежде не публиковавшихся снимков. В Государственном историческом музее также оказались изображения фабрики, которые прежде не были известны. Все найденные виды представлены в приложении–18.

Хотелось бы выделить особо одно изображение – литографию 1868 г. с видом на фабрику со стороны деревни Ивановской в восточном направлении. Это очень ценное для истории наших мест изображение, ранее о нем не было известно. Слева хорошо видно основное русло реки Истра, в центре корпуса Ивановской фабрики, среди них есть двух и трехэтажные. Над всеми строениями возвышается дымовая труба. А на горе справа стоит только что построенная Успенская фабричная церковь. Ну а вдаль на горизонте можно разглядеть два белых строения. То, что левее – это Петропавловская церковь в селе Лужки. А правое на горизонте – видимо, Троицкая церковь в Аносинском монастыре.

Конечно, существовали и другие виды Ивановской фабрики, которые до настоящего времени не сохранились. Так в книге утрат музея «Новый Иерусалим» говорится об акварели неизвестного художника под названием **«Вид от Аносина монастыря на суконную фабрику и прилегающие к ней леса»**⁴². Это изображение поступило из Звенигородского музея. В годы войны оно было утрачено.

дом, в котором после продажи фабрики стала жить Анна Сергеевна Цурикова.

4). В том же архивном деле сообщается, что летом 1864 г. Цуриковым был приобретен еще один **участок в заштатном городе «у Воскресенского мещанина Петра Михайлова Колпинского»**. Для этой сделки также не указана стоимость и площадь участка. Но отмечено, где находилась эта земля: **«на Большой Крестовской улице в смежности с землями: по правую сторону принадлежащий церкви Вознесения Господня, а по левую священника сей церкви»**. Судя по описанию – это тот участок, на котором в 1871 г. Павлом Григорьевичем было построено приходское училище, подаренное городу вместе с землей.

5). В декабре 1861 г. Павел Григорьевич приобрел почти 110 десятин пустоши при

Изо 3–11. Вид на суконную фабрику со стороны дер. Ивановской⁴³, 1868, (ГИМ).

1865: Выставка мануфактурных изделий в Москве

В Москве состоялась очередная Всероссийская выставка, на ней была представлена продукция Ивановской фабрики. В издании по итогам выставки приведена такая информация: «Цуриков, Павел Григорьевич, почетный гражданин, временно Воскресенский 1-й г. [гильдии] купец. Суконная фабрика находится, Московской губернии, Звенигородского уезда, при сельце Ивановском, существует с 1833 г. Приводится в действие 3-мя водяными колесами и 2 паровыми машинами в 20 и 16 сил; машин чесальных 45, контину 13, мюльных 13 каждая в 240 веретен, станков 200, рабочих до 950 чел., которым задельной платы выдается до 80 т. р. [тысяч рублей] сер. Ежегодно вырабатывается сукон, драпу, сатину и прочего 10 т. шт. на 659 т. р.»⁴⁴.

Как видно из цитаты, значительно выросло число работающих у Цурикова, оно приблизилось к тысяче человек. Почти в два раза увеличилась выработка продукции. В воспоминаниях родственника С. А. Попова написано, что за участие в выставке 1865 г. Павел Григорьевич получил высшую награду – «государственный герб золотой двуглавый орел». К сожалению, соответствующего архивного дела о предоставлении права использования герба, найти не удалось. Подтверждение о награде оказалось в одном из некрологов П. Г. Цурикова, в котором есть такие слова: «Фабрика его имела государственный герб». Нашлось и еще одно доказательство – наглядное. На обложке печатного издания Ивановской фабрики размещена фотография трехэтажного «аппаратного» корпуса (чертеж его на изо 3–07). На фронте здания можно разглядеть государственный герб Российской империи. Можно не сомневаться, что право для размещения герба у хозяина фабрики имелось.

Изо 3–12. Корпус Ивановской фабрики с гербом на фронте⁴⁵, 1910.

1867: Всемирная промышленная выставка в Париже

Следующая промышленная выставка, в которой приняла участия продукция Ивановской фабрики, проходила за границей. О ней написали С. А. Попов и А. М. Шуберт. Только в своих воспоминаниях они допустили неточность, а правильнее сказать, внести путаницу. Оба родственника указали, что выставка в 1867 г. проходила в Вене, и Павел Григорьевич получил там большую серебряную медаль. При проверке выяснилось, что выставка в австрийском городе в тот год не проводилась, она там была организована там шесть лет спустя. Но продукция Ивановской фабрики действительно была представлена за границей в указанном году — только в другом европейском городе.

В 1867 г. проходила всемирная промышленная выставка в Париже. И Павел Григорьевич был ее участником. Мало того, продукция Ивановской фабрики по итогам этого важного форума была отмечена. Об этом важном факте в наше время не было известно, сведения обнаружены в официальном издании «Указатель русского отдела Парижской всемирной выставки 1867 г.». В нем приведены цены на продукцию Ивановской фабрики: *«Цуриков, Павел Григорьевич, Московской губ., Звенигородского уе., на р. Истре. 1). Сукно черное и цветное за аришин от 1–60 [1р. 60 к.] до 2–80. 2). Сатин черный 2–66 – 2–76. 3). Бивер – 4 [р.]. 4). Драдедам 1–70. 5). Трико – 2–60. 6). Драп для пальто 4–25. Суконная фабрика существует с 1833 г. Ежегодно вырабатывается до 10 т. кусков, на сумму до 670 т. р. Рабочих 900 чел., со включением детей»*⁴⁶. В еще одном издании о парижской выставке написано, что продукция Цурикова была удостоена *«Почетного отзыва»*⁴⁷.

В воспоминаниях С. А. Попова есть упоминание о поездке родственников на эту выставку:

*«Моему отцу и дяде Павлу Максимовичу приходилось как гидам сопровождать Павла Григорьевича в его поездках за границу. Мой отец, видимо, последний раз ездил с ним за границу во время всемирной выставки 1867 года. Цуриков, не будучи квасным патриотом, приходил в восторг от постановки промышленности в Европе, он [в] восторге от Парижа и выставки, в письме от 12 сентября он пишет: “Что же я буду описывать Париж и выставку — все сами вы видели, да это и невозможно, это просто чудеса в мире и в целом свете”. По возвращении из Лондона в Париж он пишет 17 сентября, что Лондон — “город хороший тоже в своем роде и очень громадный”. Вероятно, парижане и жители Лондона остались бы очень довольны, узнав, что самому Павлу Григорьевичу их города понравились»*⁴⁸.

В приведенной цитате есть слова: *«последний раз ездил с ним за границу»*. Они подразумевают, что были и другие поездки П. Г. Цурикова за пределы страны. К сожалению, информация на сей счет очень скудная. В архивных делах о его путешествиях за рубеж не говорится, не удалось также найти документов о получении заграничного паспорта. Известно лишь, что Павел Григорьевич побывал на Святой земле в Палестине (об этом пойдет разговор в шестой главе).

Идем далее. Со второй половины 1860-х годов в Звенигороде ежегодно собиралось уездное земское собрание, в нем принимали участие избранные гласные (депутаты). Там обсуждались разнообразные вопросы, в том числе о сборе денег (налогах) и о расходах на различные общественные нужды. На одном из собраний было заявлено, что с Ивановской фабрики неверно исчисляются сборы из-за того, что стоимость самой фабрики занижена. Это неудивительно, ведь производство постоянно расширялось, строились корпуса, в них устанавливалось новое оборудование. Разобраться в этом деле поручили архитектуру Лору. В 1868 г. он выезжал на место, все осмотрел и установил, что вместо прежней оценки фабрики 170.000 руб. правильной следует считать сумму 201.353 руб.⁴⁹. С нее была рассчитана доходность предприятия в 10.067 руб. (она исчислялась из величины 5%). В результате оказалось, что Цуриковым было недоплачено в 1867–1868 годах уездных и губернских сборов на сумму 352 руб. При обсуждении этого вопроса на собрании выступил гласный Д. Д. Голохвастов и заявил, что закон обратной силы не имеет и неправильно взыскивать с Цурикова дополнительные деньги за прошлые года. Налог с Ивановской фабрики по новой ставке стал взиматься со следующего года.

1870: Выставка мануфактурных изделий в Санкт-Петербурге

На следующей выставке Ивановская фабрика также была представлена. В докладе, составленном по итогам этой выставки, написано: *«Благодаря личному наблюдению Цурикова, пользующагося между торговцами вполне заслуженною почетною известностию, фабрика его, существующая с 1833 г. и производящая в Московской губернии ежегодно разнаго рода сукон высокаго качества на сумму 700 т. р., принадлежит к числу наилучшие устроенных подобного рода заведений»*⁵⁰.

Любопытные подробности приведены в воспоминаниях С. А. Попова:

«Выставка в Петербурге 1870 года очень беспокоила Цурикова — на предыдущей выставке там же он, очевидно, не получил награды [это не так, награда в 1861 г. была — Авт.], а потому просит М.Е. [Попова], который ехал туда, вероятно, экспертом, “замолвить словечко его сотрудникам за товар, дабы одобрили онный”, и при этом просит: “Не откажитесь попросить от меня и от себя Викт. Ив. Бутовскогоⁱ, дабы он не оставил без внимания и попросил своего братца, чем можно, чтобы наградить”. Далее в письме он объясняет, что не может хвалить свой товар, а какой есть: “Я нарочно онный для выставки не делал, а только отобрал из ходового товара и послал, а прочая наша братия нарочно для выставки работает и к тому же из хороших шерстей, но я не могу делать недобросовестно и обманывать людей, а суди, что видишь и что есть, без всякого обмана”.

Изо 3–13. Эмблема всероссийской выставки в С-Петербурге, 1870.

Два раза он ездил в это время в Петербург на выставку, все обошлось хорошо, он ведь мечтал о первой поездке. 4 апреля он пишет: “Если погода стоять будет хорошая, то не мешало бы несколько порезвиться и в Питере быть 20 непременно; хочет Государь быть на выставке”. Вероятно, получив награду на выставке, он пишет М.Е. 25 ноября: “Вот какая пришла нам честь, что министр поздравляет после выставки, будь добр, велите написать получше, чтобы поделикатнее отблагодарить Его Превосходительство за его такое внимание”⁵¹.

В приведенной цитате хотелось бы обратить внимание на следующие детали. П. Г. Цуриков просил походатайствовать о награде. Что ж, тщеславие не было чуждо ему, этим пороком грешат многие люди (а ныне тщеславие и вовсе не считается грехом). Но тут важно другое. Павел Григорьевич написал, что не станет ради получения награды изготавливать специальный товар из лучшей шерсти, т.к. не может «обманывать людей». Это лишний раз подчеркивает его честность.

С. А. Попов в своих воспоминаниях написал, что Цуриков по итогам столичной выставки 1870 г. получил медаль. Эта информация не получила подтверждения в официальных исторических источниках и потому представляется ошибочной. На самом же деле, награда была, но не медаль: Павлу Григорьевичу было присвоено почетное звание «мануфактур-советника»ⁱⁱ. В официальном издании напечатали, что эту награду получил «Цуриков, Павел, потомственный почетный гражданин (фабрикация сукон и валяных шерстяных тканей в московской губернии)»⁵². В другой книге, посвященной итогам выставки, отмечено: «отличаются хорошим вкусом и отделкою сукна и драдедам фабрики П. Г. Цурикова, в с. Ивановском»⁵³.

Высокое качество выпускаемой Ивановской фабрикой продукции было отмечено в газете “Московские ведомости”: «В последствии выработка сукон Цурикова доведена была до замечательной степени совершенства, и по своей доброкачественности и добросовестности приготовления, получила известность по всей России. Раз начатое дело не ослабевало в продолжение почти 40 лет; даже в критическое время, когда некоторые фабрики сокращали выработку, фабричная деятельность П. Г. Цурикова продолжалась в значительных размерах»⁵⁴.

Ранее уже приводились сведения из справочника “Атлас промышленности”, который был издан

ⁱ «Бутовский, Виктор Иванович [...] Служил по министерству финансов (в Московском отделении мануфактурного и коммерческого совета департамента мануфактур и торговли)» (“Суконщики Поповы”, с.566).

ⁱⁱ Мануфактур-советник — почетное звание, которое давалось владельцам крупных предприятий и купцам Российской империи «за успехи в развитии отечественной промышленности». Звание соответствовало чину 8 класса.

в 1845 г. В 1872 г. вышло сразу два издания со схожими названиями, автором которых являлся инженер-технолог Матисенⁱ. В одном из них приведены подробные статистические сведения об Ивановской фабрике: число паровых котлов – 3; паровых машин – 2; «паровых сил» – 50; водяных колес и турбин – 2; «водяных сил» – 20; число работников мужчин – 600; женщин – 320; малолетних – 110; дров – 3.450 кубов; оборот – 740.000 руб.⁵⁵. Как видим – общее число работников стало превышать тысячу, годовой оборот продукции также заметной вырос. Но самый заметный прирост оказался в количестве потребляемого топлива – объем дров увеличился в несколько раз (напомним, что в 1863 г. сожгли 905 куб. саж.). Напрашивается предположение, что паровые котлы на фабрике стали работать постоянно, а не только в период половодья. Трудно даже сказать, где находили такой огромный объем топлива для фабрики. Леса в те времена вырубались нещадно.

1873: Всемирная выставка в Вене, итоги участия в выставках

Очередная всемирная выставка проходила в Вене. Участие Ивановской фабрики подтверждает официальное издание выставки, в котором есть такие строки о ней: «Фабрика основана в 1833 г; выработывается 11.175 куск. сукна и пр., на сумму 754 тыс. р. Две паровые машины, водяное колесо и 2 турбины, сложностию в 75 сил; 17 мюльных машин с 4.255 верет., 225 ткац. станов и 1030 чел. рабочих обоего пола»⁵⁶. Ездил ли Цуриков в Вену – нигде не говорится. Так же нет официальных сведений о награждении фабрики или ее хозяина, тогда как С. А. Попов писал о большой серебряной медали (правда, для Венской выставки 1867 г., которой в том году не было).

Венская выставка оказалась восьмой по счету, для которой есть документально подтвержденные сведения об участии Ивановской фабрики. И, по всей видимости, последней, когда ее владельцем был Павел Григорьевичⁱⁱ. Сведения об этих выставках сведены в единую таблицу.

Мануфактурные выставки, в которых принимала участие Ивановская фабрика Цурикова

№	Год	Место проведения	Награды
1	1849	С-Петербург	Малая серебряная «похвальная» медаль.
2	1853	Москва	Было представление к награде, но, видимо, не последовало.
3	1857	Варшава	Большая серебряная «похвальная» медаль.
4	1861	С-Петербург	Большая серебряная медаль.
5	1865	Москва	«Государственный герб золотой двуглавый орел».
6	1867	Париж	«Почетный отзыв».
7	1870	С-Петербург	Владельцу фабрики присвоено звание «мануфактур-советника».
8	1873	Вена	Большая серебряная медаль ?

Строения Ивановской суконной фабрики

Поговорим теперь о производственных зданиях, когда они появились и где находились.

Как ранее уже говорилось, годом основания фабрики принято считать 1817-й. Надо полагать, что в тот год (или ближайшие годы) была построена плотина, мельница, сукновальный амбар, одна или две избы для проживания людей, и может еще несколько сараев. Все постройки были из дерева. Называть все это производство фабрикой, по современным меркам было бы слишком громко. Но раньше такие предприятия (и даже меньшие) именовали фабриками и заводами.

Планы территории фабрики

Где конкретно размещались фабричные постройки? Известно точное место, где находилась плотина (в реке Истре сохранились остатки некоторых ее свай). Более-менее известно, где стояла мельница. А о расположении других построек можно судить только приблизительно, т.к. никакого плана территории фабрики для ее начального периода существования не обнаружено (вряд ли вообще такой план существовал). Можно лишь уверенно говорить о том, что все фабричные постройки находились

ⁱ Фамилия этого инженера ранее уже упоминалась в связи с установкой паровой машины и осмотрами фабрики.

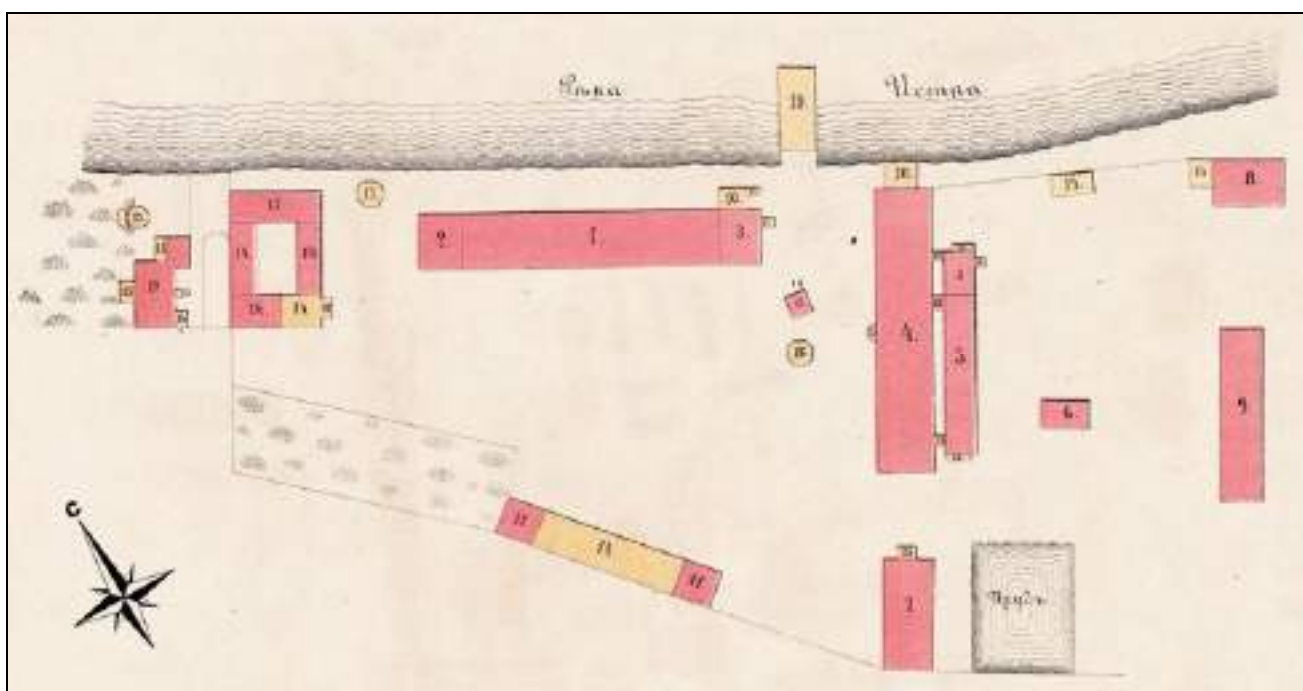
ⁱⁱ В книге «Суконщики Поповы» (с.31) есть такие слова: «фабрика удостоилась на Парижской выставке 1900 г. серебряной медали». В это время ее хозяином был племянник Павла Григорьевича С. М. Попов.

на арендованной у крестьян земле по берегам специально вырытого обводного канала и на острове.

Самый ранний план местности, на котором схематично показаны отдельные строения Ивановской фабрики, датирован 1839 годом. Это «Военно-топографическая съемка Московской губернии»⁵⁷, фрагмент этой карты приводился в предыдущей главе (изо 2–22). Там на острове и вдоль канала можно разглядеть отметки 11 темных прямоугольников разных размеров и 3 светлых. Никаких пояснений при этом нет, остается только строить догадки. По всей видимости, это обозначения фабричных построек и жилых строений.

Следующее по времени изображение местности относится к 1857 г., когда после обмена земельными участками с Ивановскими крестьянами было произведено межевание (см. соответствующий план в начале этой главы, изо 3–06). Здесь уже можно насчитать более 20 отметок строений различных размеров. Увы, и тут никаких пояснений к условным обозначениям на плане (экспликации) нет.

Первый план территории Ивановской фабрики, на котором такие сведения имеются, датирован 1872 г. На нем даны описания 19 строений (на самом деле их больше, некоторые здания обозначены одинаково). Здесь приводится фрагмент этого плана, полное изображение имеется в приложении–16 (изо Р–03), там же приведена расшифровка цифровых обозначений.

Изо 3–14. План суконной фабрики П. Г. Цурикова⁵⁸ (фрагмент), 1872.

Слева на плане показана «Квартира хозяина фабрики» (под № 12). Так назывался дом, в котором проживала семья Цуриковых (о нем поговорим подробнее чуть позже). В правой части внизу обозначен «Пруд» прямоугольной формы, он предназначался для фильтрации сточных вод производства. Следует отметить, что показанная в верхней части изображения «Река Истра» на самом деле ее рукав, обводной канал. Основное же русло реки и остров на плане почему-то не отображены.

На приведенном плане нет сведений о материале построек. Но понятно, что за исключением нескольких небольших зданий, остальные построены из кирпича. На приведенной ранее литографии, нарисованной за четыре года до этого плана, хорошо видны капитальные постройки розового (кирпичного) цвета. Это три 3-этажных корпуса (аппаратный № 1, сортировальный № 2 и отделочный № 4), дымовая труба (№ 18) и другие.

Архитектурное развитие Ивановской суконной фабрики

Интересно проследить развитие фабрики на примере ее построек. Для первых двух десятилетий существования предприятия информация о фабричных строениях очень скудная. Для последующих лет данных о фабрике, ее оборудовании, числе работников и т.п. стало больше. Однако сведений о корпусах на территории фабрики по-прежнему мало, они отрывочные.

Сначала напомним то, о чем говорилось ранее.

В первой половине 1830-х годов, когда купец А. П. Сырейчиков стал совладельцем Ивановской фабрики, он построил для проживания своей семьи небольшой домик из кирпичей. Вероятно, это было первое недеревянное строение на фабрике. Для фабричных строений этого периода времени есть несколько кратких упоминаний в документах. В архивном деле 1841 г. написано: «с прибавлением одно-этажного корпуса длиною 40 [аршин] шириною 15 аршин». В другом деле (1844) написано: «фабрика сия помещается в строение деревянное в 5 корпусах с прибавлением еще одного 2-этажного корпуса длиною 20 саж., шириною 6 саж.».

В описании фабрики (1846) отмечено: «мельничное строение включает в себя 2 амбара длиною каждый по 13, шириною по 10 аршин, 2 жилые избы, каждая по 8 аршин и двор бревенчатый». В деле 1849 г., в котором говорилось о ветхости фабричных строений, упоминался «сушильный амбар». В другом архивном деле (1850) приведено такое описание Ивановской фабрики: «Помещение фабричное самое удобное, просторное, заключающееся из 6 фабричных корпусов. 1 красильни, 3 сушилен и 2 жилых домов самого фабриканта и вольно наемных мастеров и прикащиков».

Когда шла речь об установке в 1857 г. 20-сильной паровой машины, говорилось, что «вообще фабрика купца Цурикова состоит из шести корпусов». Отмечалось, что указанная машина вместе с котлами будет установлена в специально выстроенном кирпичном здании. И что это здание «должно примыкать к каменному трехэтажному корпусу фабрики». Это первое упоминание о большой кирпичной постройке на Ивановской фабрике.

В одном из документов 1861 г. сказано: «все машины переведены из разных старых корпусов в один большой весьма хорошо устроенный каменный светлый и просторный корпус. [...] Рабочие имеют отдельные светлые, просторные и удобные помещения».

В архивном деле об установке 30-сильной паровой машины (1863) имеются такие сведения: «Купец Цуриков в видах улучшения своей фабрики и более удобного расположения машин, находящихся ныне в двух корпусах одноэтажном и двухэтажном, имеет намерение построить новый трехэтажный каменный корпус и взамен ныне существующей 16-ти сильной паровой машины выписать из Бельгии с завода Жилен паровую машину в тридцать сил с двумя паровыми котлами, которые будут поставлены в особой каменной пристройке».

Любопытная подробность приведена в воспоминаниях С. А. Попова: «при перестройке аппаратного корпуса, чтобы не останавливать работы, над деревянным старым корпусом был выстроен, вроде футляра, каменный и, когда уже были подведены все перекрытия, были разобраны стены деревянного здания».

Как видно из приведенных цитат, после того, как Павел Григорьевич стал хозяином Ивановской фабрики, на ней постоянно что-то строилось. Особенно интенсивное строительство началось со второй половины 1850-х годов (времен Крымской войны) и продолжилось в 1860-е. Новые здания возводились в основном из кирпича, на что требовалось много строительного материала. Где Цуриков брал кирпичи – нигде не говорится, наверное, где-то покупал. Только в 1873 г. он обратился за выдачей свидетельства на собственный **кирпичный завод при селце Ивановском**, который был устроен на земле, арендованной у местных крестьян на расстоянии двух верст от жилых построек. Судя по приведенному в деле описанию, этот завод представлял собой два сарая и избу, на нем работало всего 5 человек. В прошении Цурикова отмечено, что механизмов на этом кирпичном заводе нет, «Дров нужно в год 70 саж.»⁵⁹. Свидетельство на указанное предприятие было выдано. В следующем году на завод уже был начислен налоговый сбор в три рубля, который исчислялся из предполагаемой доходности 45 руб. (о кирпичном заводе разговор будет продолжен в конце настоящей главы).

Для построек 1870-х годов и более поздних искать информацию об их строительстве, с одной стороны, стало проще. В архиве ЦГАМ имеется фонд «Московского губернского правления» (№ 54), в котором есть дела о постройке и перестройке отдельных зданий Ивановской фабрики (в приложении–17 приведены чертежи фабричных строений после их обработки). Но, с другой стороны, в архиве такие дела выдают только собственникам зданий. Или надо доказать, что постройка не сохранилась.

Архитектор Владислав Осипович Грудзин

В указанном фонде было найдено дело, в котором имеется поданное П. Г. Цуриковым в 1872 г. прошение о сносе старого здания и о возведении на его месте нескольких одно и двухэтажных корпусов, среди которых один предполагалось сделать жилым. Разрешение на проведение работ было

выдано с такой оговоркой: «что бы работы сии были произведены с соблюдением установленных Законом правил под наблюдением техника имеющего на то право»⁶⁰. К делу приложен чертеж возводимой постройки, на нем проставлена фамилия архитектора Грудзина.

Эта фамилия оказалась на чертеже не случайно. По мнению известного архивиста Л. Р. Вайнтрауба «Все архитектурные проекты 1860-х – 1870-х гг. для Ивановской фабрики П.Г. Цурикова выполнил архитектор Владислав Осипович Грудзин» (фамилия иногда писалась как Грудзино). Об этом человеке удалось собрать кое-какую информацию (к сожалению, фотографию найти не удалось).

По данным интернета **Владислав Осипович (Адамович) Грудзин** (1824 – † 1901) происходил из католической семьи польско-литовских дворян Гродненской губернии. В энциклопедии “Зодчие Москвы” о нем есть небольшая заметка:

«С 1842 учился на отделении гражд. инженеров Лесного и Межевого ин-та. Работал на сооружении Эрмитажа в СПб. С 1844 служил пом. гражд. инж., с 1846 – гражд. инж. Тверской палаты Государственных имуществ. В 1849 назначен гражд. инж. Московской палаты Государственных имуществ. В 1866 назначен техником СО МП, с 1867–74 – сверхшт. техник. Заведовал казенными зданиями в Звенигороде, Можайске, Рузе, Верее, Волоколамске, Клину, Дмитрове, Сергееве и Воскресенском посадах. В 1867–70 заведовал строительством и в остальных городах губернии. Строил присутственные места в Дмитрове и Воскресенске, дома пожарных обозов в Дмитрове и Звенигороде, гостиный двор в Можайске. С 1875–94 служил Серпуховским город. архит. Работы в Москве: пристройки к ц. Воздвиженья при Ямских уч-щах (1887, не сохр.), ц. Преображения в Спаском-Тушине (1875, Волоколамское ш., 118), ц. Сергия в Бусинове (1857, Костромская ул., 3), часовня у Тверской заставы (1871, не сохр.). В Московской губ. спроектировал: часовню на центральной площади в Дмитрове, колокольню и часовню в с.Рогачеве Дмитровского у. (1884)»⁶¹.

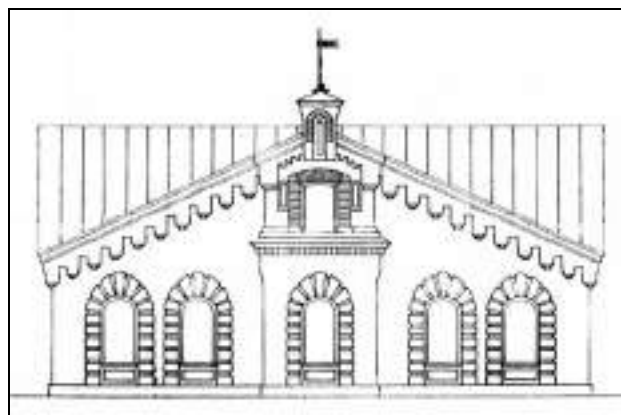
На Истринской земле архитектор В. О. Грудзин оставил свой след не только в деревне Ивановской. С его фамилией связана история Божьих домов в Телепнево, Воскресенске, Лучинском, Бужарово, Павловской Слободе.

Постройки новых корпусов

Но вернемся на Ивановскую суконную фабрику. В 1874 г. Цуриков подал прошение о дозволении сломать еще один старый корпус (на приведенном выше плане фабрики 1872 он помечен № 7, на литографии это светлое здание в правой части изображения). На его месте планировалось построить новый трехэтажный ткацкий корпус. В деле приводится план местности и чертеж фасада возводимого здания, его подписал губернский архитектор Мейнгарт (см приложение–17, изю Р–07).

Очередное прошение было подано в 1875 г. На сей раз ломать ничего не требовалось, собирались на свободном месте построить небольшое здание для прессовки сукна. В деле помимо традиционного плана фабрики приведен чертеж небольшого корпуса с необычным оформлением фасада. К 10 сентября это строение было построено и принято.

В 1877 г. было подано прошение о постройке двухэтажного кирпичного корпуса «для сушильни и сновальной»⁶³. Разрешение было получено. Это было последнее обращение П. Г. Цурикова за разрешением на сооружение зданий на суконной фабрике. Менее чем через год он умер.

Изо 3–15. Фасад здания для прессовки сукна на Ивановской фабрике⁶², 1875.

О красоте Ивановской фабрики

Теперь хотелось бы поговорить об архитектурном облике Ивановской фабрики в целом. Вот что написала в воспоминаниях детства правнучка мельника А. М. Шуберт:

«Помню, с каким волнением мы, дети, воспринимали при каждой поездке туда вид с Павловской горы, на “красавицу фабрику”, как все ее называли. А была она действительно красива. Она стояла на берегу полноводной и быстрой реки Истры среди гористой местности, покрытой лесом. Красивы

Изо 3–16. Двор Ивановской фабрики, 1910-е, (АШ).

были и фабричные корпуса, кирпичные стены которых все были с белой разделкой. Ворота, окружающие фабричный двор стены, сараи, мосты и другие подсобные строения были все с красивыми балюстрадами, башенками, даже с часами. Все это были, конечно, затеи прежней владелицы, уважаемой тетушки нашей матери, дядьев и теток — Анны Сергеевны Мингалевой»⁶⁴.

Другой родственник С. А. Попов высказался так: «фабричные корпуса, а главное, служебные постройки не носили казарменного духа — все это, вместе взятое, и окружающая красивая местность давали полное основание говорить: «Красавица фабрика»»⁶⁵.

Это свидетельства людей, которые своими глазами видели фабричные постройки, им можно доверять. Те же слова «**красавица-фабрика**» в отношении Ивановской фабрики неоднократно встречаются в других источниках. Говорят, что так называли фабрику сами местные жители. Вот какое описание приведено в сборнике санитарной статистики по Московской губернии 1882 г.:

«по первому впечатлению, живописное местоположение, красивые фронтоны главных фабричных корпусов, выкрашенные в темно-красную краску с белыми продольными полосами, архитектурные украшения, в виде различных ваз, гербов и т. п. на фронтонах, деревянные, окрашенные под кирпич, красивые будочки для писсуаров и ретиратов, и т. д. вполне могли бы подтвердить справедливость мнения местного исправника, что «это, в сравнении с другими, просто, красавица, а не фабрика». Действительно, с внешней стороны, фабрика производит чрезвычайно отрадное впечатление: фабричный двор содержится довольно чисто, архитектура резко отличается от обычного фабричного шаблона, далее, перед одним из главных фабричных корпусов устроен даже фонтан, пускаемый, как говорят, по временам. [...] Почти все строения выстроены из кирпича и крыты железом. Кроме зданий, непосредственно входящих в состав фабрики, в стороне от нея возвышается громадный белый дом владелицы, окруженный парком, цветниками, оранжереями и пр.; далее, на горе находятся фабричная церковь и неподалеку от нея школа, квартиры учителя, духовного причта и пр.»⁶⁶.

Как верно подметила А. М. Шуберт (с ее мнением солидарны и другие авторы), благоприятный вид промышленных корпусов — это заслуга Анны Сергеевны Цуриковой: «ее стремление к красоте явно сказывалось на обильном украшательстве фабричных строений: карнизы и входы в красные кирпичные корпуса снабжались разделкой из белого кирпича. Высокий деревянный забор вокруг всех зданий фабрики был украшен несколькими красивыми башенками, в одну из которых были вмонтированы часы, которые показывали время еще до первых годов Революции. Все деревянные подсобные строения окрашивались в нежный светло-серый тон с белой разделкой. В итоге Ивановская фабрика получил прозвание «Красавицы фабрики»»⁶⁷.

В предыдущей главе рассказывалось о том, что в 1840-х годах продукция Ивановской фабрики отправлялась на фабрику в Лихоборах, которую современники отмечали образцовой как в организации технологических процессов, так и по внешнему виду. Вполне возможно, что под впечатлением увиденного Цуриковы и стали развивать свою суконную фабрику в том же направлении.

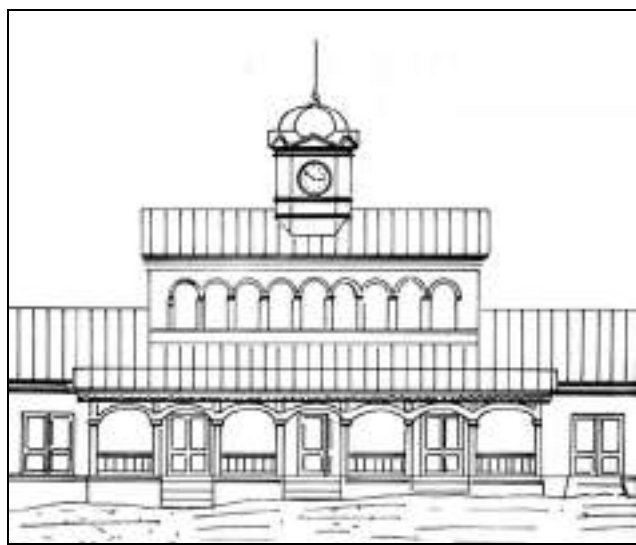
Из разных источников удалось собрать все известные (в основном по книге «Суконщики Поповы»), а также прежде неизвестные изображения Ивановской фабрики (чертежи, фотографии, картины, литография). Все их можно увидеть в приложении–17 и приложении–18, здесь же в качестве примера хотелось бы остановиться на видах двух зданий.

На первом снимке, сделанном от въездных ворот (дома Сырейщикова), вид на главный фабричный двор (изо 3–16). На дальнем плане за дымовой трубой – трехэтажный ткацкий корпус. Слева видна часть другого трехэтажного корпуса, аппаратно-прядельного с государственным гербом на фронтоне.

На втором фотоснимке (изо 3–17) видна дорога из Красновидово в Воскресенск, идущая вдоль производственных складов фабрики. На одном из них красуется надстройка с часами (вспомним слова из приведенной выше цитаты: «*башенками, даже с часами*»). В архиве ЦГАМ был обнаружен чертеж¹ этой постройки со стороны фабрики.

Изо 3–17. Башенка с часами в ограде Ивановской фабрики, (АШ).

Изо 3–18. «*фасад магазинов под часами*»⁶⁸, 1897?

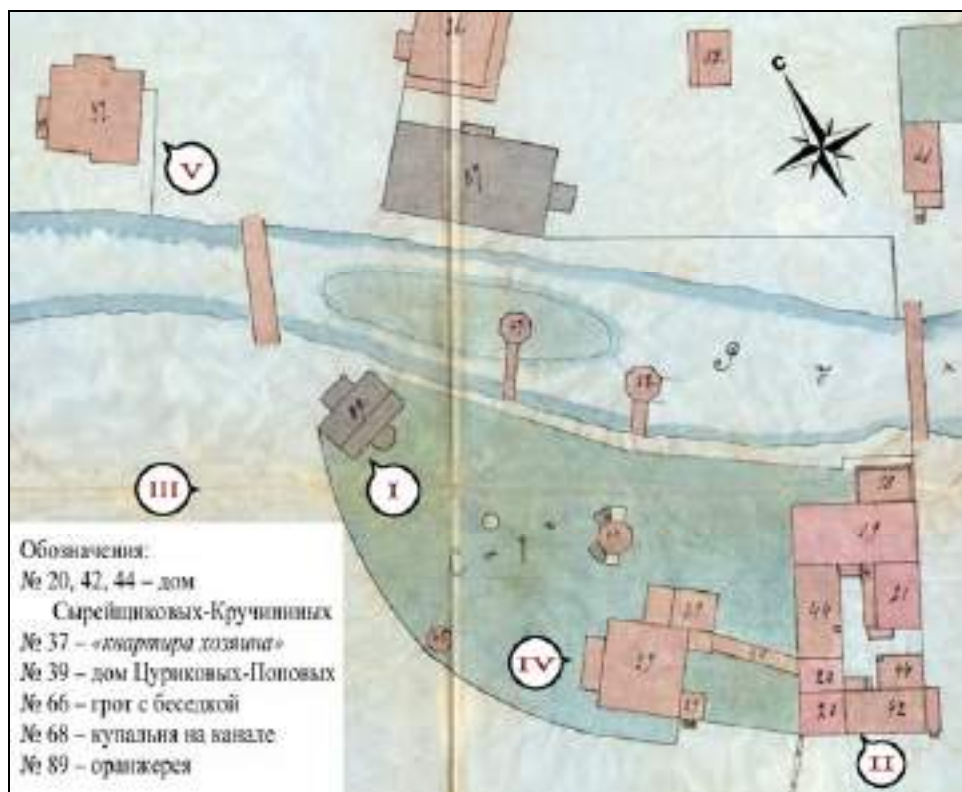
Жилые дома хозяев Ивановской фабрики

Теперь хотелось бы перейти к домам, в которых жили Цуриковы, а затем Поповы. Отдельного подробного описания их нет. Есть лишь краткие упоминания в воспоминаниях родственников А. М. Шуберт и С. А. Попова. После анализа всех собранных данных получилось, что Цуриковы в разные годы проживали на фабрике в четырех жилых домах, в пятом размещались только Поповы.

Удалось установить места всех пяти указанных мест, они показаны римскими цифрами на фрагменте плана Ивановской фабрики 1897 г. (см. оборот обложки в конце книги). Забегая вперед можно сказать, что планировка строений II, IV и V историческая, это жилые места, о которых пойдет речь далее. На месте оранжереи (№ 89 на изо 3–19) раньше находилась жилая изба мельника I. А дом молодоженов Цуриковых III почему-то на плане не обозначен, хотя на момент составления плана он существовал.

I. Первое жилое место – это дом мельника Григория Михайловича Цурикова. Основатель Ивановской фабрики с самого начала много времени проводил на производстве, особенно в теплое время года, когда обрабатывалось сукно. По всей видимости, вскоре после того, как в 1817 г. с Ивановскими крестьянами был заключен первый договор об аренде земли, Григорий Михайлович построил

¹ Чертеж этого строения и нескольких других предоставил архивист Л. Р. Вайнтрауб, за что ему отдельное спасибо. Однако он, к сожалению, не мог указать, из какого архивного дела указанный чертеж. Скорее всего, это дело ЦГАМ Ф.54. Оп.151. Д.66. Однако в правильности шифра этого дела остались некоторые сомнения (в библиографии в ссылках на это дело проставлен знак вопроса). К сожалению, руководство архива ЦГАМ не пошло навстречу в решении этого вопроса.

Изо 3–19. План Ивановской суконной фабрики⁶⁹ (фрагмент), 1897.

сле рождения у мельника дочери Матрены (1821). Переехали все члены семьи Цуриковых кроме его старшей дочери Александры, которая вышла замуж за купеческого сына Ивана Кручинина, жившего в Звенигороде.

Точное местонахождение первой избы хозяина фабрики прямо нигде не указано, имеются только косвенные свидетельства. Родственники писали: дом основателя фабрики стоял «недалеко от мельницы на берегу канала». Было также понятно, что жилище Григория Михайловича находилось рядом с проезжей дорогой. Это следует из воспоминаний правнучки А. М. Шуберт, в которых описано, как состоялось знакомство сына мельника Павла с Анной Сергеевной Мингалевой: «Как-то, еще до своего замужества, проезжая на богомолье в Аносино мимо избы Цуриковых, постучала к ним и попросила дать напиться воды. И вот к ней вышел сын Цурикова П. Г. и подал ей ковшик с водой»⁷⁰.

Но ключевыми в отыскании места первого дома оказались другие слова из воспоминаний Шуберт:

«Как говорили, Григорий Михайлович скончался в своих избах, прожив в них, таким образом, до конца своей жизни. Возможно, что только тогда эти избы были снесены, а на их месте была построена оранжерея для сада Анны Сергеевны»⁷¹. После этого стало понятно, что, отыскав расположение оранжереи, узнаем, где стоял первый жилой дом на фабрике.

Изображение красивой белой беседки оранжереи с «полосатой» крышей сохранилось, оно попало на фотоснимок ГИМ (изо 3–26). Ту же

Изо 3–20. Оранжерея при нижнем саде Цуриковых, 1880-е, (ГИМ).

беседку с характерной крышей можно увидеть на другом снимке ГИМ, на дальнем плане которого виднеется большой дом хозяев (изо 3–28). Этот дом хоть и не сохранился, но его местоположение хорошо известно – на приведенном плане это № 39. На том же плане показана и сама оранжерея, она отмечена как планируемая к сносу постройка № 89. Получается, что здесь, на этом месте и стояла когда-то изба мельника (I).

Первый жилой дом Цуриковых простоял несколько десятилетий и был разобран, как писала Шуберт, после смерти Григория Михайловича, т.е. после 1852 г. Скорее всего, это было сделано при жизни Павла Григорьевича.

Изображение избы мельника не обнаружено. Но на литографии 1868 г. (изо 3–11) в левом нижнем углу виден домик с белой трубой, по виду жилой. Он находится немного не в том месте (не в точке I), но, возможно, выглядел так же, как дом, в котором жила семья основателя фабрики. На плане фабрики 1882 г. в этом месте показано строение ХХІХ, подписанное так: *«Временное жилье для плотников каменщиков и проч.»*. Сразу за этим домом видно деревянное строение без окон. Похоже, что это здание мельницы. По крайней мере, место то самое, где она находилась.

II. Второе жилое место на фабрике – бывший дом купца А. П. Сырейщикова, который несколько лет был компаньоном Г. М. Цурикова. Это был построенный примерно в 1830 г. *«каменный особняк из 4 комнат со всеми удобствами»* (его иногда называли еще флигелем). Купец с семьей жил в нем недолго – не более пяти лет. Указанный дом потом достраивался, он показан на разных планах территории фабрики. На плане 1872 г. (изо 3–14) – это № 14, на плане 1897 г. (изо 3–19) – это №№ 20, 42, 44).

Обнаружено несколько исторических изображений дома, построенного Сырейщиковым. Одно из них приводилось в предыдущей главе (изо 2–18). В книге *«Суконщики Поповы»* фотография подписана так: *«дом основателя фабрики Григория Михайловича Цурикова»*. Эта подпись ошибочна. Дело в том, что оригинал данного снимка находится в семейном архиве Шуберт, и под ним такая подпись: *«Ворота фабрики и Домик Алекс. Григ-ны»*. Упомянутая Александра Григорьевна – это старшая дочь мельника. В девятой главе будет рассказано, как после отправки ее мужа И. Я. Кручинина в армию, она переехала на жительство к отцу в Ивановское. И когда в середине 1830-х годов Сырейщиков уехал с фабрики, то Григорий Михайлович, по словам Шуберт, *«переселил в опустевший особняк свою старшую дочь Александру Григорьевну»*.

В этом доме А. Г. Кручинина прожила до своей смерти в 1887 г. В последние годы находилась в нем одна – муж и все дети умерли раньше, а внуки разъехались. Четыре комнаты в доме Сырейщикова ей были не нужны. Когда Павел Григорьевич построил для себя новый большой дом (№ 39 на изо 3–19), расположенный напротив, то в одной из комнат была устроена кухня (№ 20). Как написано в воспоминаниях: *«Она соединялась с главным домом длинной застекленной галереей»* (№ 40). В каких-то комнатах осталась жить Александра Григорьевна.

Здесь приводится еще один исторический фотоснимок из архива Шуберт того же дома Сырейщиковых-Кручининых, сделанный со стороны дороги. На нем та же арка главного въезда на фабрику. За ней слева возвышается мезонин дома (II). В архивном деле ЦГАМ обнаружен фасад и план указанного здания, показано расположение кухни.

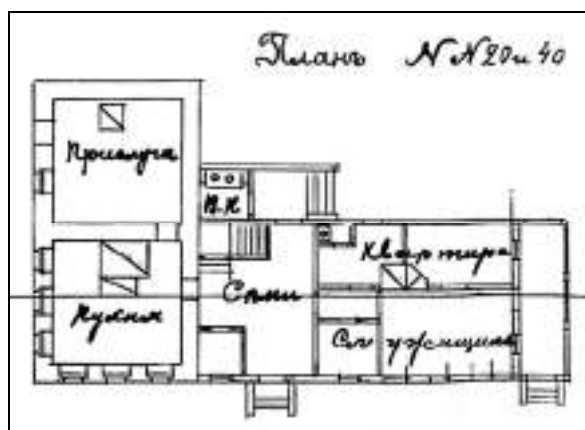
Бывший дом Сырейщиковых-Кручининых сохранился, точнее та его часть, где была кухня. Приведены фотоснимки дома, сделанные в послевоенное и нынешнее время.

Изо 3–21. Вид на суконную фабрику со стороны дер. Ивановской (фрагмент), 1868, (ГИМ).

Изо 3–22. Главные ворота фабрики, слева за ними дом Сырейщиковых-Кручининых, (АШ).

Изо 3–23. Фасад и план дома с кухней и помещениями для прислуги и служащих⁷², 1897?

Изо 3–24. Бывший дом Сырейщиковых-Кручининых⁷³, 1959.

Изо 3–25. Бывший дом Сырейщиковых-Кручининых, 2012.

III. Третье жилое место – небольшой симпатичный домик, построенный Григорием Михайловичем в 1837 г. ко дню бракосочетания своего сына Павла с дворянкой Анной Сергеевной Мингалевой. В воспоминаниях А. М. Шуберт написано, что *«К этому сроку отец Павла Григорьевича построил для сына и своей "невестки-барыни" отдельный домик [подчеркнуто в оригинале] напротив своих изб. Это было деревянное строение из 4-х комнат с мезонином, с двумя открытыми террасами и теплой уборной (типа современных подмосковных дач). Вокруг этого домика был разбит сад с цветником. Как видно, Григорий Михайлович считал недостойным для Анны Сергеевны поселить ее в одной из своих изб среди кучи своих детей»*⁷⁴.

Обнаружены четыре изображения этого дома (все они приведены в приложении–18, изю Р–38, Р–39, Р–40, Р–41). Из четырех снимков три сделаны с одного ракурса – со стороны проезжей дороги. Но самой интересной представляется четвертая фотография из ГИМ, которая прежде не публиковалась. На ней справа видна белая круглая беседка с полосатой крышей – тот самый павильон оранжереи (№ 89), кото-

Изю 3–26. Малый дом Цуриковых с оранжереей⁷⁵, 1880-е, (ГИМ).

рый помог установить место первого дома мельника (изю 3–20). А слева в кадре белый домик с мезонином, в котором в середине XIX столетия жила молодая семья П. Г. и А. С. Цуриковых. Снимок этот оказался подписан: *«Ивановская фабрика. Сад при доме. Справа оранжерея. В глубине за решеткой малый дом по дороге от плотины к фабричным воротам»*. Как видим, дом для молодоженов Григорий Михайлович построил *«напротив своих изб»*. И это хорошо видно на указанном фотоснимке: оранжерея расположена как раз напротив малого белого дома. Таким образом, на указанном фотоизображении сразу два жилых места Цуриковых – первое и третье (I и III).

Как написано в воспоминаниях С. А. Попова: *«Шесть лет прожили супруги в этом доме»* (на самом деле, возможно, и больше). В 1843 г. здесь справляли свадьбу другие молодожены, обвенчавшиеся в Лужковской церкви – Максим Ефимович Попов и Матрена Григорьевна Цурикова. Они же полвека спустя отпраздновали в этом доме золотую свадьбу. По всей видимости, в середине 1840-х годов семья Цуриковых переехала в большой дом, построенный рядом (IV).

Как использовался малый дом после отъезда хозяев? На плане фабрики 1882 г. на этом месте показана *«Квар. [квартира] аппаратного мастера»*. Летом 1889 г. (и потом еще несколько летних сезонов) в доме жили родственники Шуберт, они разместились в нем как на даче. Анна Михайловна вспоминала о своем детстве, о днях, проведенных в малом доме: *«Стоял он на болотистом месте. Башимаки, оставленные на 2–3 дня под кроватью, покрывались плесенью. В комнатах появлялись порою откуда-то лягушки. Сад при доме был крошечный. Но нам, детям, казалось, что лучшие жилища и быть не может»*⁷⁶.

На одном из снимков малого дома (см. приложение–18, изю Р–41) около него видна группа мелких детей. Фото опубликовано в книге *«Суконщики Поповы»* и подписано: *«Дневной приют для детей рабочих фабрики. Нач. XX в.»*. По данным одного из отчетов *«Приют для детей, живущих на фабричном дворе»* был организован около 1900 г. Получается, что малый дом в это время был еще цел.

IV. Четвертое жилое место – это большой дом хозяев фабрики (№ 39 на плане 1897 г.), в который семья Цуриковых переехала из малого дома. Это был двухэтажный деревянный особняк на каменном фундаменте с обзорной башней на крыше. В нем благотворитель проживал до конца своих дней (около 35 лет). Потом еще 9 лет в нем жила ставшая вдовой А. С. Цурикова. Спустя год после покупки Ивановской фабрики Максимом Ефимовичем Поповым в большой дом заселился его младший сын Сергей.

Местоположение большого дома Цуриковых-Поповых известно точно — он находился прямо напротив дома Сырейщиковых-Кручининых (II). Судя по всему, за все годы существования здание значительных перестроек не претерпевало. Об этом сказано в воспоминаниях Шуберт: «В эти более поздние годы Анна Сергеевна оттуда уже давно уехала, и в ее доме жил наш дядя Сергей Максимович Попов с семьей, который как я слышала, сохранил и дом и сад в том виде, каким они были при ней и при Павле Григорьевиче»⁷⁷. Поэтому описания жилища, относящиеся ко времени последнего хозяина, можно смело относить и к Цуриковым (кроме, может, мебели и внутренней обстановки).

О большом доме хозяев Ивановской фабрики собрано больше всего информации, обнаружено несколько его описаний и изображений. В одном из дел ЦГАМ оказались чертежи дома (план, фасад и разрез), они приведены в приложении—17 (изо Р—14). Там же собраны фотографии (изо Р—42, Р—43, Р—44, Р—45). Здесь приводится один из снимков дома (еще один имеется в шестой главе изо 6—07).

Изо 3—27. Большой дом Цуриковых-Поповых, 1910-е, (АШ).

С. А. Попов писал о доме своего дяди Сергея Максимовича: «у ворот фабрики находился его прекрасный дом со всякими затеями — много балконов, башенки, в саду беседки, мостики, все окрашенные в белый цвет, чудный цветник, — против дома царила над фабрикой церковная гора с сосновым бором, по которой шла широкая лестница до церкви»⁷⁸.

В воспоминаниях А. М. Шуберт про большой дом сказано: «Этот дом был поставлен у круто спускавшейся дороги из деревни Ивановской к броду и к избушкам Григория Михайловича.

Дальше за фабрикой дорога тянулась по правому берегу Истры в другие селения. Большой участок земли вокруг дома был отведен под сад и захватывал “Коровий брод”. Этот приусадебный участок был отделен от дороги затейливым деревянным забором. В новом доме имелось 7 больших комнат с высокими потолками и окнами, по типу солидных помещичьих домов. Кухня устроена отдельно в одной из комнат рядом стоявшего домика Александры Григорьевны. Она соединялась с главным домом длинной застекленной галереей. Были проведены водопровод и канализация. Комнаты были затем обновлены добротной мебелью хорошей столярной работы, отчасти мягкой. К дому были пристроены две открытые веранды»⁷⁹.

Та же родственница вспоминала о саде при доме: «в верхнем саду были построены две застекленные беседки, которые были обставлены тоже мягкой мебелью. Одна из этих двух беседок была построена на ниже лежащем участке сада, но на высоком и красивом гроте, так что обе беседки оказались стоящими на одном уровне. Из верхнего садика вела вниз крутая дорожка. Внизу же, на ровной площади бывшего коровьего брода был разбит английский сад, из большого числа симметрично расположенных цветочных клумб. А дальше — в конце сада была построена оранжерея. Этот нижний сад оказался на берегу прокопанного канала с водой более чистой чем сама Истра. На этом канале была устроена купальня, тоже очень красивая со стороны ее постройки и раскраски. К ней вел из сада мостик. В общем и целом все окружение дома получилось очень красивым. В этой купальне Анна Сергеевна купалась, а впоследствии купались с детьми Поповы и мы все».

Сад при доме и купальня (№ 68 на плане) хорошо видны на двух старых фотоснимках. Один из них давно известен (изо 7—06), он опубликован как минимум в двух книгах. Второй снимок прежде не публиковался, его недавно удалось обнаружить в ГИМ. На переднем плане сад, который в воспоминаниях назван нижним. На дальнем плане справа большой дом хозяина фабрики (№ 39, IV).

Прямо по центру в глубине сада виден грот и наверху его беседка. В левой части кадра разглядеть часть другой беседки, оранжереиной (№ 89). Между двумя беседками за садом расположен круглый павильон – это купальня на канале (№ 68). Напротив большого дома прямо в русле обводного канала был небольшой островок (он хорошо заметен на плане 1897 г.). К нему с нижнего сада вел небольшой мостик, о нем написано в статье П. С. Попова: «Вокруг дома был разбит сад с разнообразными клумбочками, фонтанами, беседками, гротом, перекидным мостиком на островок»⁸¹.

Изо 3–28. Нижний сад при большом доме Цуриковых⁸⁰, 1880-е, (ГИМ).

Последний хозяин Ивановской фабрики С. М. Попов проживал в большом доме до революции, уехал из него в 1918 г.

V. Пятое жилое место на фабрике. В цитатах родственников есть слова о доме, «построенном дедом для себя, для его наездов на фабрику. Дом был во вкусе деда: у самой дороги, без балкона и без сада». И еще: «для деда же был выстроен хороший двухэтажный дом тоже вне двора фабрики, около плотины на острове между Истрой и каналом». Под дедом в цитате имелся в виду Максим Ефимович Попов. На плане Ивановской фабрики на острове имеется строение № 37, обозначенное как «деревянное двухэтажное жилое с пристройкой – квартира хозяина». Это и есть дом М. Е. Попова.

Зачем и когда он был построен? В книге «Суконщики Поповы» написано: «Этот дом Максим Ефимович построил для себя еще за сорок лет до революции». За 40 лет до 1917 г. означает 1877 год (это примерная дата). Все становится понятным. Как будет рассказано далее, в 1878 г. М. Е. Попов согласился помогать А. С. Цуриковой в управлении суконной фабрикой. Он регулярно приезжал из Москвы в Ивановское, останавливался на фабрике на несколько дней. Так продолжалось девять лет.

Изо 3–29. Фасад жилого дома⁸² № 37, 1897?

Где он при этом жил, ночевал – нигде не сказано. По всей видимости, посчитав, что в большом доме вдовы останавливаться неудобно, Максим Ефимович решил построить для себя отдельное жилище. Дом в два этажа получился красивый и достаточно просторный, в нем могли жить несколько человек, включая детей М. Е. Попова.

Информации об этом жилье немного. После смерти М. Е. Попова в 1896 г. родственники решились на перестройку дома: «для бабушки пристроили открытую веранду, а дом окружили забором и небольшим садиком» (по всей видимости, приводимый чертеж дома был составлен по этому случаю). Но недолго Матрена Григорьевна этими удобствами пользовалась, через два года сама умерла. По воспоминаниям А. М. Шуберт она с матерью и другими детьми в начале 1900-х годов приезжала на лето в этот дом.

Все круто переменялось с приходом к власти большевиков. В доме недолго проживал внук М. Е. Попова Михаил Александрович, когда был директором Ивановской фабрики. Но его вскоре сняли с этого поста, и он уехал.

О том, что стало с жилыми постройками

В завершении этой темы хотелось рассказать о том, что стало с жилыми домами хозяев фабрики. Как уже говорилось, самое первое жилище (изба мельника) было снесено еще в середине XIX века. Четыре остальных дома пережили революцию (есть только некоторые сомнения по малому дому III, его могли снести раньше). Эти дома использовала советская власть для нужд суконной фабрики, которая продолжала работать. В большом доме (IV) какое-то время находилась школа.

Осенью 1941 г. при отступлении советских войск были взорваны корпуса суконной фабрики. Скорее всего, тогда же перестали существовать жилые дома, построенные из дерева. Уцелела только часть дома Сырейшиковых-Кручининых (II), а именно та часть, в которой размещалась кухня (№ 20). Это одно из немногих фабричных строений, которые дожили до нашего времени. Его нынешний адрес: поселок Октябрьской фабрики, д. 13 (GPS 55.85878, 36.9260).

Выше были приведены фотографии этого дома, сделанные после войны (изо 3–24, 3–25). По ним видно, что арка главного въезда на фабрику не сохранилась. По словам Галины Павловны Михасевой, которая ныне проживает в этом доме, арки не стало в 1960-х годах. Еще старожил сказала, что прежде в этом доме находился фабком (фабричный профсоюзный комитет) Октябрьской фабрики.

1878–1887: Ивановская фабрика Анны Сергеевны Цуриковой

Когда Павел Григорьевич в начале 1878 г. умер, Ивановская фабрика по завещанию перешла его жене Анне Сергеевне. По многочисленным свидетельствам она не умела управлять промышленным производством, да и не желала учиться работе с людьми, вникать в технические вопросы. Поэтому договорилась с другом семьи, родственником и компаньоном мужа М. Е. Поповым, что тот возьмет на себя управление фабрикой. Об этом писали родственники, вот что сказано в воспоминаниях А. М. Шуберт: *«Оставшись одной, она вероятно растерялась, так как была совершенно не знакома с суконным производством. У нее имелся только один выход: выдать полную доверенность на ведение всего дела на фабрике своему деверю, мужу нашей бабки – Максиму Ефимовичу Попову. [...] он продолжал проживать в Москве и на фабрику только временами [мог] наезжать. А проезд туда был не таким простым: около одного часа езды по Николаевской ж.д. до станции “Крюково”, а оттуда 20 верст до Ивановской фабрики на лошадях. Иногда дед ездил туда на лошадях прямо из Москвы»*⁸³.

А вот что вспоминал другой родственник С. А. Попов:

*«После смерти Павла Григорьевича Цурикова Максим Ефимович стал главным руководителем фабрики, он два раза в месяц стал наезжать на фабрику. Он считал, что многое нужно изменить на фабрике, а в особенности необходимо было выписывать из-за границы новые машины. Анна Сергеевна не желала ничего менять и хотела, чтобы все оставалось и шло, как при покойном ее Павле Григорьевиче. Максим Ефимович заводил с ней сколько раз разговор о продаже ему фабрики, но безрезультатно; наконец, в 1883 году были изданы новые фабричные правила и введен институт фабричных инспекторов во главе с профессором И.И. Янжулом, которые и стали посещать фабрику и делать свои замечания по поводу устройства быта рабочих и в отношении внутренних распоряжений. Это было непривычно для Максима Ефимовича, а тем более для Анны Сергеевны. На этой почве стали возникать недоразумения между инспекторами и владельцами фабрики, а еще больше между Анной Сергеевной и Максимом Ефимовичем. Последний, как умный и деловой человек, желал идти навстречу новым веяниям, а Анна Сергеевна не хотела или не могла понять это. В это время ему надоело руководить чужим делом и он, вероятно, желая косвенно воздействовать на вдову Цурикова, стал отстраняться от Ивановской фабрики, и для работы однородного товара вошел в компанию с Алексеевыми и открыл суконную фабрику под Москвой близ с. Пушкино у ст. Мамонтовка»*⁸⁴.

По мнению еще одного родственника Павла Сергеевича Попова (внука Максима Ефимовича), вся эта жизненная ситуация легла в основу рассказа писателя А. П. Чехова “Бабы царство”, который, посещал Ивановскую фабрику, был знаком с некоторыми ее работниками. Об этом подробный разговор пойдет в седьмой главе.

В воспоминаниях А. М. Шуберт со ссылкой на записи деда М. Е. Попова отмечено, что на Ивановской фабрике произошел какой-то бунт. Это случилось во время революционного подъема в России, когда в 1879 г. на императора Александра II было совершено три покушения. Никаких подробностей о волнениях на фабрике найти не удалось.

Описания Ивановской фабрики при Анне Сергеевне Цуриковой

Как следует из архивного дела, летом 1878 г. при вступлении в права наследства А. С. Цурикова подала прошение о дозволении содержать суконную фабрику. В документе приведены сведения о производстве по состоянию на этот год. Фактически – это описание Ивановской фабрики:

«Оказалось, что фабрика Цуриковой находится на собственной ей земле и помещается в трех каменных 3-этажных и одном каменном одноэтажном корпусах [...] В этих корпусах устроены: в первом прядильный аппарат, приводимый в действие паровую в 20 сил машиною и двумя турбинами, во втором корпусе аппретурный аппарат, приводимый в действие паровую в 30 сил машиною и одним турбинном, при этом корпусе находятся две каменные одноэтажные пристройки [...] В третьем будет производиться сортировка шерсти и будут помещаться ручные станки и контора. И в четвертом корпусе красильня с деревянною пристройкою для помещения мастера. Кроме того при фабрике устроены: каменный 2-этажный корпус, [...] в низу коего хлебопекарня и столовая, а вверху – спальня для рабочих. [...] Трех-этажный на каменном фундаменте корпус [...] для квартир приказчиков и мастеров. Деревянный двух-этажный корпус [...] тоже с квартирами приказчиков и мастеров. Деревянный на каменном фундаменте дом, занимаемый владелицей фабрики, каменная кладовая для склада шерсти [...]

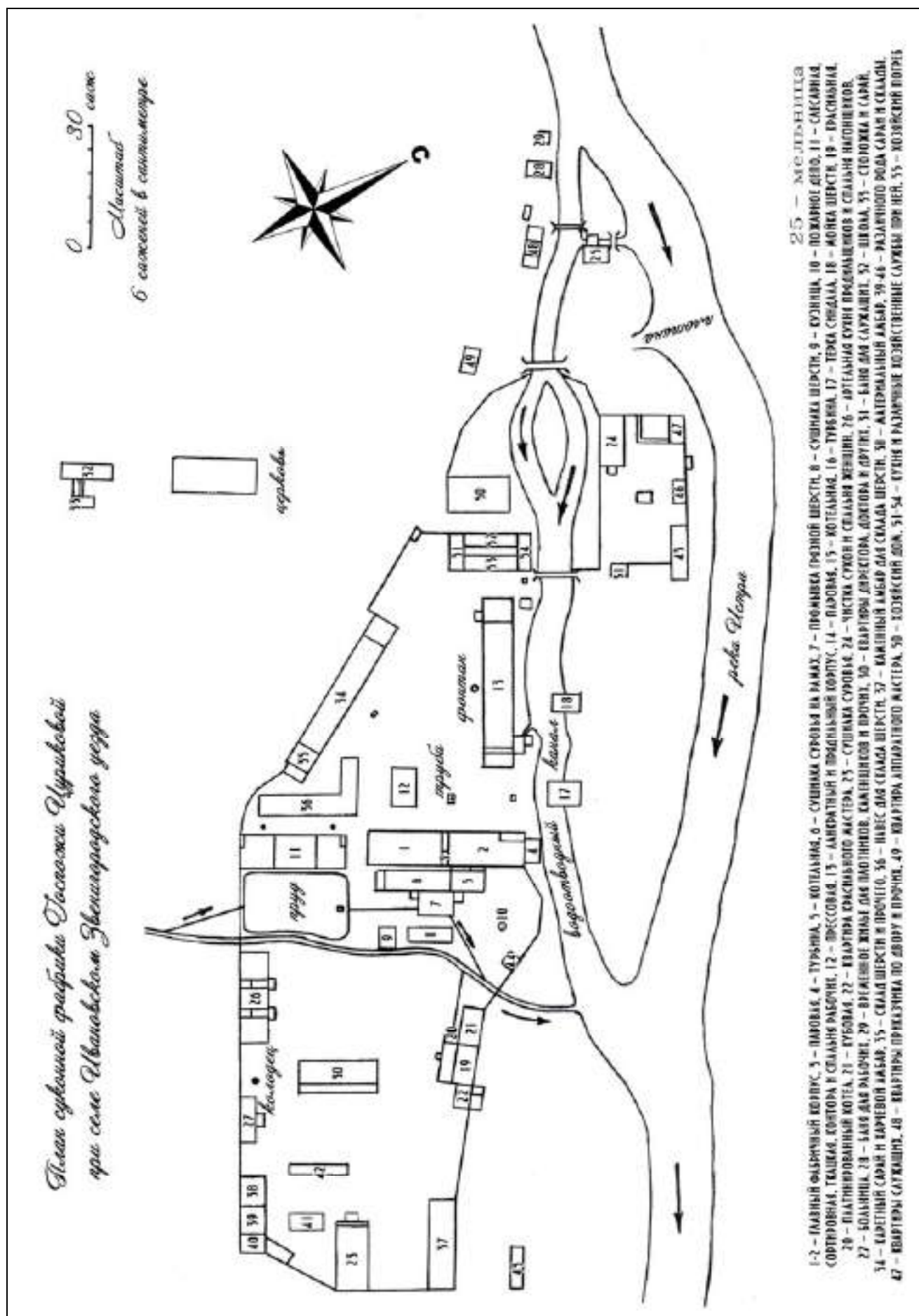
В качестве сырых продуктов употребляется шерсть и красильные материалы. Для производства имеются следующие машины и аппараты: 8 сукновальных, 12 промывных, 5 трепальных, 18 чесальных двойных и 30 одинарных, 17 мюльных, 2 крутильных, 75 ткацких механических станков и 125 ручных, 8 ворсовальных двойных и 12 ординарных, 25 стригальных поперечных и 9 продольных, 4 бастовальных, 2 гидравлических прессы [...] машины приводятся в движение тремя турбинами в 40 сил и двумя паровыми машинами в 50 сил. При фабрике рабочих людей: 3 мастера иностранца, 4 конторщика и до 1000 чел. рабочих. Для отопления всех корпусов и паровых машин употребляется дров еловых до 600 сажень, березовых до 400 сажень, пней до 600, сучьев до 600 сажень. Фабрика prepares сукна разных сортов [...] до 111 тысяч кусков на сумму до 647.500 рублей»⁸⁵.

Сведения об Ивановской фабрике приведены также в издании «Сборник статистических сведений по Московской губернии» за 1882 г., составленном А. В. Погожевым (далее он именуется просто сборник Погожева). В нем имеется подробный план Ивановской фабрики (здесь приведено обработанное С. Ю. Мамаевым изображение, исходная версия размещена в приложении–16, изю Р–05). Из всех карт территории фабрики, которые удалось обнаружить, это одна из самых подробных и полных (к сожалению, номера обозначений не соответствуют номерам тех же строений на плане 1897 г.). На плане показан не только канал, но и основное русло реки Истры, отмечена Успенская церковь на Ивановской горе вместе со школой.

Приведенный в сборнике Погожева материал представляется довольно объективным, в нем отмечены как положительные стороны осмотренного предприятия, так и отрицательные. С текстом этой довольно большой публикации можно ознакомиться в приложении–11, здесь же приведем наиболее интересные выдержки:

«Фабрика находится под главным наблюдением зятя владелицы, Московского 1-й гильдии купца Ф. Н. [правильно: М. Е. – Максима Ефимовича] Попова, ибо сама хозяйка, как говорят, ни в какие дела по фабрике лично не вмешивается и пользуется лишь доходами ея. Кроме вышеупомянутого г. Попова, торгующаго оптом сукнами в Москве и бывающаго на фабрике лишь наездами, фабричная администрация состоит из следующих лиц: воскресенскаго куп. С. А. Теплянинова [правильно: С. И. Топленинова], получившаго воспитание в частном пансионе и заведующаго ныне хозяйственной частью на фабрике, далее, директора-механика, инженер-технолога Миллера, кончившаго курс в Москов. Техническом Училище около 15 л. тому назад, и наконец 4 немцев мастеров, из коих только один аппаратный мастер – русский подданный, остальные же (красильный, ткацкий и ворсовый мастер) числятся германскими подданными»⁸⁶.

Приведены общие сведения о производстве: *«Фабрика производит около 15000 кусков в год различных сортов сукна, сатина, трико и драпа».* Исходный материал – так называемая «иленская шерсть» – покупалась на ярмарках в южных регионах страны и привозилась в Ивановское. Уже на месте шерсть промывалась, проходила несколько этапов обработки. Завершалось все покраской готовой продукции. Таким образом, на Ивановской фабрике выполнялся полный цикл по изготовлению суконной материи.

Изо 3-30. План Ивановской суконной фабрики с окрестностями, 1882.

В рассматриваемом сборнике Погожева приведена довольно пикантная подробность: шерсть «*ради большей белизны и мягкости промывается загнившей мочей*». Откуда бралась моча? От рабочих фабрики. На территории было установлено несколько, как тогда говорили, ретирад (туалетов) в виде «*красивых будочек*». Внутри них были «*устроены особые писсуары, в которых моча собирается в кадках и затем употребляется для производства, именно, для промывки грязной шерсти и очесов*».

Часть производственных процедур была механизирована: «*Фабрика приводится в движение паровой, водяной и ручной силой. Два паровых двигателя, в 25 – 35 сил, и два водяных колеса, в общей сложности, около 40 сил, помещаются в отдельных каменных пристройках к главным фабричным корпусам. Передача движения от главных двигателей производится частью ремнями, частью зубчатыми колесами*».

Число работников колебалось от 900 до 1400 человек, в среднем около 1100. На момент осмотра фабрики (1882) на ней работало малолетних (до 14 лет) работников 101 человек, из них 13 ребят были младше 12 лет. Подростков (до 18 лет) было 224. В сумме это составляло почти треть всех работавших на фабрике. А всего трудилось 716 мужчин и 326 женщин.

Большинство работников было из ближайших окрестных деревень в радиусе 2–3 верст, они добирались на работу пешком из дома. Для далеко живущих на фабрике были устроены спальные корпуса вместимостью до 280 человек. Что интересно: «*За отопление, освещение и квартиру, по заявлению фабричной администрации, с рабочих не взимается никакой платы. Летом некоторые рабочие переселяются в летние балаганы, на скоро сколоченные из досок в различных местах фабричного двора, позади более отдаленных от хозяйского дома строений*».

Помимо этого в обзоре отмечено: «*Из так называемых общественных учреждений для рабочих на данной фабрике устроены только баня, школа и больница. Баня устроена вообще удовлетворительно, топится 2 раза в месяц, рабочие пользуются ею с платою 8 – 10 коп. в месяц с каждого работающего на фабрике*».

Представляет интерес перечень рабочих специальностей: «*Аппаратницы, сновальщицы, щипальки шерсти, присучальщики, катушники, прессовщики, сукновалы, промывщики мытельщики, сушильщики, таскальщики рамок, нагонщики, слесаря, прядильщики, ткачи, шпульники, кромошники, суконщицы*» и другие.

В сборнике Погожева приведены сведения об условиях труда работников фабрики: «*Продолжительность рабочего дня у дневных рабочих, не участвующих в ночной работе, равняется 13 ½ час, от 5 час. утра до 8 ½ час вечера, за вычетом ½ часа на завтрак и 1 ½ часа на обед*». При этом: «*Время начала и окончания работ распределяется по фабричным башенным часам, которые находятся под наблюдением директора – механика и ставятся обыкновенно по Московским часам. Иногда часы переводятся на ½ часа назад, ради сбережения расходов на освещение, но при этом и работа кончается получасом раньше*». Работа шла круглосуточно и без выходных дней, «*кроме небольших перерывов на Святой и фоминой неделе, одного дня Рождества и трех дней масленицы*».

Как уже говорилось, на Ивановской фабрике работали преимущественно жители окрестных деревень. Интересные подробности обнаружены в архивном деле для деревни Павловской, которая находилась в трех верстах от Ивановской фабрики. В документе написано, что «у Цурикова» работали люди с каждого деревенского двора, одних только «*баб и девок*» насчитывалось 40 человек, начиная с 12 лет. «*Работают все на своих харчах*»⁸⁸ (т.е. еду брали с собой, воду на фабрике давали даром). Летом крестьяне из деревни ходили на работу пешком, а зимой оставались ночевать на фабрике.

В указанном деле приведены любопытные сведения о штрафах. За порчу товара вычиталось от 30 коп. до 1 руб., за курение табака и «за водку» штрафовали по одному рублю. Опоздание на работу на час или полтора считалось прогулом. Дополнительные сведения приведены в сборнике Погожева: «*по заявлению фабричной администрации, за порчу товара, только в крайних случаях, налагается штраф, в размере от 50 коп. до 3 руб., но, в конце рабочего года, все эти начеты обыкновенно слагаются [аннулируются ?]; за прогульное время вычитывается, будто бы, только стоимость одного рабочего дня, а не три дня за день, как на других фабриках*».

Изо 3–31. Туалет на Ивановской фабрике⁸⁷, 1897?

Изо 3–32. У ворот Ивановской фабрики в день выдачи зарплаты⁸⁹, нач. XX в., (АШ).

Как видим, труд на фабрике был тяжелый, продолжительность рабочего дня кажется немыслимой по меркам нынешнего времени (когда только люди отдыхали, если смена длилась 13,5 часов?) Однако крестьяне шли на такой рабский труд добровольно, т.к. на фабрике они могли заработать больше денег, чем от ведения сельского хозяйства. Сколько люди получали за свой труд? В сборнике Погожева приведены сведения о заработной плате работников: *«Рабочие получают частью сдельную, частью месячную плату, причем, судя по заявлению фабричной администрации, ме-*

сячный заработок взрослого рабочего равняется 9 – 18 руб. [...] женщины получают от 6 до 8 руб. [...] малолетние обоего пола от 3 р. 50 к. до 6 руб. или в среднем не более 4 руб. в месяц на своих харчах». Попутно отмечено, что *«Для рабочих при фабрике устроен харчевой амбар, откуда желающим отпускаются в кредит различные предметы первой необходимости, а именно: мука, соль, крупа и масло».* Разговор о заработной плате работников будет продолжен далее. В архиве Шуберт сохранился интересный фотоснимок, сделанный, судя по подписи, у ворот фабрики в день выдачи заработной платы.

Приведенные цифры – это, что называется, зарплата «грязная». Помимо трат на еду (*«на своих харчах»*) рабочим приходилось покупать за свой счет свечи для освящения тех рабочих мест, где это требовалось. Случались, как уже говорилось, штрафы, вычеты за брак. В итоге, как написал Погожев: *«заработная плата ткачей на данной фабрике далеко не так велика, как может показаться на первый взгляд».*

О тратах на еду в сборнике Погожева написано так: *«Съестные припасы они забирают частью в фабричной лавке, частью приносят из дому, а варят в самых мастерских. При описанной системе продовольствия харчи приблизительно обходятся каждому не менее 4 руб. в мясоедный месяц, который впрочем собственно ничем не отличается от постного».* Иначе говоря, мяса почти не ели. Как говорили сами рабочие: *«жирно поешь, семье ничего не останется».* Постоянный, многолетний тяжелый труд и некачественное питание *«сухоядением»* приводили к неудовлетворительному физическому состоянию многих работников Ивановской фабрики: *«слабогрудия и плохой мускулатуры; особенно жалкий вид представляли малолетние обоего пола, а также и женщины».*

По результатам осмотра Погожевым было вынесено такое заключение: *«фабрика г-жи Цуриковой, судя по данным объективного исследования, по внешности вообще прекрасно устроенная, в то же время далеко не удовлетворяет всем требованиям промышленной гигиены».* Правда, тут же добавлено, что Ивановская фабрика ничуть не хуже остальных, везде также плохо с санитарными условиями труда: *«суконная мануфактура г-жи Цуриковой также не удовлетворительно устроена, как и все другие фабричные заведения Москов. губ.».*

Продажа Ивановской фабрики Максиму Ефимовичу Попову

В то время, когда Ивановская фабрика принадлежала А. С. Цуриковой, на ней, по всей видимости, никакой модернизации производства и нового строительства корпусов не происходило. Это косвенно подтверждает тот факт, что в архивах не найдено каких-либо дел о строительных работах, когда фабрика принадлежала вдове (1878–1887). Тогда как подобные дела до указанного периода

времени, так и более поздние в архивах имеются. Как ранее уже говорилось, проверяющие органы находили все больше недостатков в работе фабрики. Однако Анна Сергеевна не хотела ничего менять на производстве, желала, чтобы все оставалось как прежде при муже Павле Григорьевиче.

М. Е. Попову, которому вдова доверила управление производством, приходилось разрываться между своими и фабричными делами, регулярно ездить из Москвы в Ивановское. Железной дороги в то время по близости еще не было, дорога была утомительна. А ведь ему шел уже седьмой десяток лет. Можно понять тяжелое состояние Максима Ефимовича, как физическое, так и моральное. Ведь никакой позитивной отдачи от его трудов не было, дела на Ивановской фабрике становились только хуже. Вся эта нервотрепка длилась девять лет. Можно сказать, что суконное производство в эти годы стагнировало. Дело даже дошло до того, что в какой-то момент работа фабрики остановилась.

Вот тут А. С. Цурикова, наконец, решилась на продажу предприятия. Чтобы избавиться от дальнейших хлопот и переживаний 7 октября 1887 г. она продала Ивановскую суконную фабрику М. Е. Попову, исполнив тем самым завещание своего мужа, который велел передать производство только этому родственнику. По воспоминаниям родственников Максим Ефимович заплатил наличными деньгами лишь 250 тысяч рублей, а 500 тысяч векселями (всего было 25 векселей по 20.000 рублей со сроками платежа через каждые три месяца)⁹⁰. А по официальным данным, обнаруженным в архивном деле, сделка между Цуриковой и Поповым обошлась заметно дешевле: *«Анна Сергеевна Цурикова продала я Максиму Ефимовичу Попову собственную мою доставшуюся мне по духовному завещанию Павла Григорьевича Цурикова [...] землю [...] при селце Ивановском на реке Истре, с находящимися на оной земле фабричными строениями приносящими ежегодно дохода [28.762] рубля с устроенную через реку Истру плотину со всеми жилыми и нежилыми строениями, а мерою той земли [...] двенадцать десятин [1192] сажени. [...] А взяла я продавица с него покупщика [...] денег серебром сто пятьдесят тысяч рублей»*⁹¹ (такую сумму записали, наверное, для уменьшения пошлины).

По мнению нескольких родственников, Ивановская фабрика строила заметно больше, чем за нее заплатили. Как написано в воспоминаниях, Анна Сергеевна из-за предложенной низкой цены обиделась на Максима Ефимовича. Но предприятие, однако ж, продала.

Тем самым завершился 70-летний период, когда Ивановская суконная фабрика принадлежала Цуриковым. Сначала 31 год (1817–1848) владельцем был Григорий Михайлович. Следующие 30 лет (1848–1878) фабрика принадлежала его сыну Павлу Григорьевичу (первые семь лет совместно с братом Иваном). И последние 9 лет (1878–1887) официальной хозяйкой считалась вдова Анна Сергеевна.

Работники Ивановской фабрики, династии служащих

Поговорим теперь о людях, которые работали на Ивановской фабрике.

Без сомнения, если не с первых же лет, то через какое время после построения плотины на реке Истре и мельницы, Григорий Михайлович стал использовать наемных работников. Мало того, что труд мельника был достаточно тяжелым, и одному при обмолоте зерна было трудно управиться, так еще сукновальные снасти требовали своих рабочих. Так что силами одних родственников было не обойтись. Увы, имена первых работников остались неизвестны. Можно лишь предположить, что, скорее всего, ими были крестьяне соседней деревни Ивановской.

Как рассказывалось во второй главе, примерно в 1830 г. мельник Григорий Михайлович привлек в компаньоны московского купца Алексея Петровича Сырейщикова. Суконное дело на реке Истре получило ускорение, стали строиться промышленные корпуса, в них устанавливалось новое оборудование. После этого производство можно было назвать фабрикой даже по современным меркам. Требовалось много людей. Во второй главе приводилась цитата из «Исторических сведений», в которой говорилось, что в Ивановское перешли многие рабочие *«с суконной фабрики в Дютькове¹, Звенигородского уезда, прекратившей свое существование»*.

¹ Деревня Дютьково находилась рядом с Саввино-Сторожевским монастырем в 15 верстах (по прямой) от Ивановского. Просмотр в архивах нескольких «мануфактурных» дел не выявил ни одного (!) упоминания о наличии фабрики в указанной деревне. В Звенигородском уезде было несколько суконных фабрик в других местах, например, в с. «Никольском, Урюпино тож» М. Н. Голицына, в с. «Спасском, Неронково тож» Н. С. Шатилова, в с. «Пономарево, Брехово тож» Н. М. Кувшинниковой. Все эти населенные пункты находились довольно далеко от Дютьково. Так что вопрос о местонахождении «загадочной» фабрики в Дютьково остался открытым.

Как ранее уже говорилось, в 1848 г. на фабрике появились первые иностранные специалисты по производству сукна, некоторые имена уже назывались. В том же самом источнике («Исторические сведения») приведен список мастеров, работавших на производстве с 1848 и по 1910 г. Вот выдержки из этого списка, в котором встречаются фамилии иностранных мастеров: «I. Ткацкие мастера. 1. Федор Баскаков (1848 г.). 2. Роберт Мекк (1856 г.) [...] II. Отделочные (ворсовые) мастера. 1. Лев Матвеевич Кнопс (1848 г.) [...] III. Аппарато-прядельные мастера. 1. Филипп Ретман (1849 г.) [...] IV. Красильные мастера. 1. Леонтий Иванович Гехт (1848 г.) [...] VII. Сортировальные мастера. 1. Менак (1851 г.). 2. Густав Баум (1856 г.) [...] VIII. Механики. 1. Никодем. 2. Кнопс»⁹² (полный список мастеров приведен в приложении—11).

Зарплатные ведомости работников фабрики

В архиве ЦГАМ имеется фонд (№ 2332), в котором сохранились дела Ивановской суконной фабрики Поповых. Исторических документов в этом фонде, к сожалению, оказалось немного, в основном это расчетные книги заработной платы работников разных лет. Самая ранняя из сохранившихся книг (расчетных ведомостей) датирована августом 1871 г. Интерес представляет приведенный в конце «*Экстракта*». В нем показано, сколько было выплачено денег за месяц работникам разных профессий. Вот выдержка из этого документа (копейки отброшены): «1). Сортировщикам – 148 р. 2). Мыльщикам – 110 р. 3). Шерстенищам – 141 р. 4). Настилальщикам – 766 р. 5). Самопрядельщ. – 42 р. 6). Мыльщикам – 447 р. 7). Ткачам – 3.076 р. 8). Катущаишник. – 125 р. 9). Чистильщикам – 242 р. 10). Конторщикам – 821 р. 11). Столярам – 93 р. 12). Слесарям – 295 р. 13). Порощикам – 69 р. 14). Кочагарам – 37 р. 15). Разным рабочим – 121 р. 16). Сторошкам – 147 р. 17). Ворсикам – 827 р.»⁹³.

Как видно из цифр – самая большая зарплата была начислена ткачам, потом примерно поровну конторщикам и «Ворсикам». Почему ткачи получили больше всех денег? Ну так, их было больше всего на фабрике. В целом же в зависимости от профессии одни люди получали в месяц от 3 до 10 руб. (эта и последующие суммы округлены), другие от 6 до 20 руб. (ткачи) или от 15 до 25 руб. («Мыльщики»). Наиболее высокооплачиваемыми, как и следовало ожидать, оказались конторщики. Они получали от 10 до 60 руб. Ну а самая высокая зарплата была у Михаила Афанасьевича Бухтеева – 179 руб.

В общей сложности всем работавшим на Ивановской фабрике в августе 1871 г. начислили 9.116 рублей. Из этой суммы были вычтены «*харчи*» (т.е. еда) 3.181 руб., штрафы и прогулы 174 руб. В кассе было выдано денег на руки 3.874 руб. При этом за работниками оставался долг 2.628 руб. Но и фабрика была должна 8.031 руб. Вызывает недоумение: чем вызвана такая большая задолженность предприятия своим работникам? То ли у фабрики наличных денег не хватало, то ли люди сами не стремились получать все заработанные деньги и оставляли их в кассе на сохранение. Последнее более вероятно. По данным отчета 1909 г. на фабрике действовала сберегательная касса, в ней начислялся хороший процент на вклады (8,5%). Возможно, нечто подобное имелось на фабрике и в 1870-е годы.

Еще одно архивное дело, в котором имеются сведения о заработной плате работников Ивановской фабрики, датировано пятью годами позже. В нем приведены данные за весь отчетный год по месяцам – от Пасхи 1876 г. до Пасхи 1877 г.⁹⁴ Суммарных цифр о начисленной зарплате нет, зато имеются сведения о выданных на руки деньгах по месяцам: «*апрель и май – 6.945 р.; июнь – 12.107 р.; июль – 1.170 р.*»⁹⁴ и т.д. Всего же за отчетный год работники получили 81.702 руб.

В приведенных данных по месяцам бросается в глаза довольно сильный разброс в размерах выплат. Почему так? Уже высказывалось предположение, что люди брали в кассе фабрики не все деньги, которые заработали. Делали это, чтобы накопить средства к праздникам. Такими общенародными праздниками в то время были Рождество Христово (в декабре) и Пасха (в марте-апреле). По документам в эти месяцы денег выдавалось больше обычного.

В архиве сохранилось несколько зарплатных ведомостей за другие года. Так в расчетной книге 1880 г. приведены списки работников по профессиям (цехам) с указанием размера их жалования.

⁹⁴ На Ивановской фабрике, по всей видимости, с самого начала все отчеты, включая финансовые, составлялись за время от праздника предыдущей Пасхи до Пасхи текущего года. Это вызвано тем, что Пасха всегда отмечалась весной, когда на реке Истре случалось половодье, из-за которого приходилось разбирать плотину. Фабрика в это время останавливалась, на ней выполнялись плановые ремонтные и профилактические работы. В последующем при установке паровых машин такой зависимости от половодья уже не было. Но традиция остановки производства весной и составления отчетов от Пасхи до Пасхи осталась.

чтобы все на фабрике в свое время гасили огни и ложились спать. Приходилось живущим служащим и рабочим хитрить, спуская на окна частые черные шторы, и засиживались за картами или развлекались винцом [...] Особенно он негодует на то, что кругом идет страшное пьянство, он даже хотел рассчитать ивановских ткачей (письмо <от>1 января 1863 года), а 18 февраля он в письме негодует на “проклятую дешевку” вина как одну из главных причин непробудного пьянства, за что, говорит, “можно похвалить наше умное правительство, что так народ пьет без просыпу”»⁹⁷.

В последней цитате говорится о пьянстве на Ивановской фабрике. Это была острая проблема и в те времена (да и не только в те времена, и не только на фабрике). Павел Григорьевич, как мог, заботился о нравственности своих работников, о здоровой обстановке на предприятии. Своим поведением он подавал людям пример. Вот что было написано о нем в некрологе: «был воздержан и трудолюбив. Никто из нас не видал во всю жизнь его, чтобы он употребил когда-либо хмельные напитки, он был чужд всяким увеселений и раззорительных игр»⁹⁸. Разговор об этом будет продолжен в шестой главе.

Два криминальных случая с угрозами поджога фабрики

Еще одна вечная проблема наравне с пьянством – это криминал. В XIX веке его тоже хватало, П. Г. Цурикову неоднократно приходилось с подобными негативными явлениями сталкиваться. Два криминальных случая оставили «следы» в исторических документах. Они оказались похожими, связаны с угрозами поджечь Ивановскую фабрику.

Первый случай произошел летом 1862 г. В архиве РГИА сохранилось судебное дело, в котором все подробно описано. Далее приводится сокращенный пересказ этого документа.

19 июня того года Павел Григорьевич возвращался из Москвы через станцию Крюково Николаевской железной дороги (ныне эта станция находится в черте города Зеленоград). На станции получил от кассира «письмо с подписью на конверте “весьма нужное”», по дороге на фабрику его прочел. В нем оказалось «*требование положить в Воскресенской часовне за образ 3.000 р. сер., с угрозой в случае неисполнения требования сжечь его Ивановскую фабрику и убить его самого*»⁹⁹.

Цуриков отнесся к угрозе серьезно, подозрений ни на кого не было. Прибыв вечером на свою фабрику, немедленно вызвал полицейского исправника. Тот прибыл в 12-м часу ночи, нашел Павла Григорьевича и Анну Сергеевну «в чрезвычайном страхе и уговаривал не класть денег в часовню, или положить но малую сумму». Исправник уехал в 3 часа ночи, а в 6 утра Цуриковы проснулись от крика, что горит соседняя деревня Ивановская. «Так как причина пожара не была открыта, то это обстоятельство дававши повод подозревать в этом деле поджог, еще более увеличило их страх». Анна Сергеевна стала просить мужа: «дабы он ехал в Воскресенск и положил бы требуемое количество денег». Павел Григорьевич послушался совета и отправился в город.

Прибыв к Елеонской часовне, Цуриков увидел выходящего из нее человека. Он узнал работника фабрики Фомина, который неоднократно обращался к нему с просьбами о выдаче пособия. Павел Григорьевич так же подумал, что почерк письма с угрозами похож на почерк Фомина. Однако он все же оставил в часовне деньги, но не три тысячи, а только 300 рублей. Вернувшись на фабрику, сообщил обо всем исправнику.

Через несколько дней Фомин был арестован в Москве. К тому времени преступник уже успел потратить 200 рублей. В ходе следствия выяснилось, что он опустил даже до того, что у своей бабки украл две серебряные ложки стоимостью 8 рублей. В деле написано, что Ростиславу Фомину менее 21 года, что он из потомственных дворян, но обедневших. Суд приговорил его «лишить всех сословий», сослать на каторгу на 3 года и 4 месяца, а затем отправить в Сибирь на вечное поселение.

Другой похожий случай с П. Г. Цуриковым случился девять лет спустя. Он описан в записках игумении Евгении Озеровой, опубликованных позднее в “Русском архиве”:

«Сего 1871 года в октябре месяце благодетель наш П. Г. Цуриков сильно был встревожен. В течение месяца подкинули ему, кажется, три письма с прещением сжечь фабрику, ежели в назначенные места не положит назначенной суммы денег. Наконец в последнем, четвертом письме назначено место около почти нашей ограды, у балагана, где помещаются каменички-рабочие. Явилась к нам тайная полиция, чтобы схватить злодея; провели двое суток, ничего не развели и никого не поймали, а подозрение и доказательства явно падали на одного из землеников, работавших у нас и на фабрике Цурикова. Розыски оказались не успешны. Павел Григорьевич прибежал к Владычице [Богородице], служил молебен, просил молиться. Я, зная свою лень, не смела думать взять на себя, а сказа-

ла о. духовнику иеросхимонаху Илии, схимнице Анне и одной новопостриженной монахине, что настоят сильная скорбь и смущение, чтобы просили Владычицу развязать узел и раскрыть дело. Что же? Через два дня на самой фабрике злодей был остановлен так тихо, что никто доселе о сем не знает, во всем повинился, просил прощения, клялся, что вперед ничего подобного делать не будет, и добрейшая душа, Павел Григорьевич, все простил и покрыл молчанием. И опять водворилось общее спокойствие. Вот сила молитвы! А за прощение Господь воздаст Своею милостию благодетелю и, вероятно, приведет на покаяние несчастного, покусившегося на преступление»¹⁰⁰.

Коллективный фотоснимок работников Ивановской фабрики

Теперь хотелось поговорить о положительных примерах – о достойных работниках Ивановской суконной фабрики, о которых удалось собрать сведения в исторических документах.

Вначале приведем фотоснимок, сохранившийся в НИОР РГБ. На нем изображены работники Ивановской суконной фабрики, в основном управленцы, конторщики и служащие. Снимок оказался подписан на обороте. Эта информация позволила установить людей, которые сфотографировались (возможно, у домика конторы или дирекции фабрики).

В первом (нижнем) ряду крайний слева сидит аппаратно-прядельный мастер Р. К. Вейс. Рядом с ним акушерка фабричной больницы О. М. Русинова, далее слева направо врач фабричной больницы Д. И. Аптекман и учительница фабричного училища С. А. Обновленская. Мужчина в кепке – это управляющий (заведующий) фабрикой С. И. Топленинов, за ним ткацкий мастер В. Ф. Шмиц и крайний справа мастер по механической части Ф. А. Шенейх.

Во втором (среднем) ряду крайний слева красильный мастер Н. Ф. Филиппов. Правее него стоит конторщик М. М. Баюков (?), далее родственник хозяина фабрики конторщик А. И. Сиротинин. Рядом с ним учитель-заведующий фабричным училищем П. Н. Бенедиктов, служащий и конторщик Н. М. Баюков (?). Мужчина в кепке отделочный (ворсовый) мастер Ю. А. Кенш, затем еще один служащий Баюков (в конторе работало несколько братьев). Крайние правые в ряду С. И. Посконин и А. П. (или С. П.) Беляев.

В третьем (верхнем) ряду на веранде расположились крайний левый стригальный подмастерье И. М. Соколов, рядом с ним конторщик, он же заведующий столовой и чайной Я. Ф. Летунов. Далее еще

Изо 3–34. Служащие и конторские работники Ивановской фабрики¹⁰¹, 1898–1904?

один служащий Беляев (возможно, брат первого). В фуражках секретарь пенсионной кассы М. И. Медведев и рядом с ним конторщик Богачев. Сидит на перилах конторщик В. М. Прохоров (он стал директором фабрики в первые годы советской власти) и крайний справа фельдшер И. В. Горюнов.

На обороте указанного фотоснимка проставлен 1889 год. В ее правильности есть сомнения. Дело в том, что упомянутые на снимке учитель П. Н. Бенедиктов и фельдшер И. В. Горюнов появились на фабрике в 1898 г. И тогда получается, что либо на фото не эти два человека, а какие-то другие люди. Либо датировка неверна, что более вероятно. Учитывая, что в «Исторических сведениях» для мастера Р. К. Вейса указаны годы работы (1866–1904), то датировку снимка можно уточнить: 1898–1904 гг.

Бухтеевы

В том же издании есть такие слова: «Долголетним помощником П. Г. Цурикова по управлению фабрикой был Михаил Афанасьевич Бухтеев, который в течение почти 50 лет¹ состоял главным приказчиком на фабрике (умер в 1880 году)»¹⁰². Напомним, что его имя стояло первым в списке конторских работников в расчетной книге 1871 г.

Что это за человек, который столь долго честно служил (а иначе и быть не могло) сначала Григорию Михайловичу, а потом его сыну Павлу Григорьевичу Цурикову? О нем, о его семье никто и нигде подробно не писал, удалось лишь обнаружить краткие упоминания в разных источниках.

В исповедной ведомости Петропавловской церкви села Лужки за 1837 г. в списке исповедовавшихся и живущих при фабрике помимо купца П. Г. Цурикова указана 65-летняя «московская купчиха» Анна Андреевна Бухтеева¹⁰³ с семейством: 36-летний сын **Николай Петрович Бухтеев** (ок. 1801 – † 1839) с женой Елизаветой Степановной и четырьмя детьми, а также 20-летний внук Михаил Афанасьевич (тот самый, который позднее стал помощником П. Г. Цурикова).

Сведений о происхождении Николая Петровича найти не удалось. В одном из купеческих справочников был обнаружен его брат московский купец Алексей, который оказался «Из Брянск. куп. детей». Так что, возможно, корни наших Бухтеевых из Брянска.

Упомянутый в исповедке Николай оказался совсем неслучайным человеком. В седьмой главе приведена выписка из метрической книги Петропавловской церкви села Лужки о состоявшемся в том же 1837 г. бракосочетании Павла Григорьевича Цурикова и Анны Сергеевны Мингалевой. В ней среди поручителей (свидетелей) со стороны жениха указано имя Николая Петровича Бухтеева. Это значит, что он был хорошим знакомым, а может даже другом Павла Григорьевича. А вот где они познакомились, а потом сблизились – нигде не сообщается.

Николай Петрович после свадьбы Цуриковых прожил недолго. В 1839 г. умер молодым «от удара» (по всей видимости, сердечного) и был похоронен на кладбище в Лужках¹⁰⁴. Если бы не эта внезапная кончина, думается, что его имя еще неоднократно встречалось бы в документах Ивановской суконной фабрики. А так его «эстафету» сотрудничества с Цуриковыми подхватил племянник **Михаил Афанасьевич Бухтеев** (ок. 1818 – † 1880).

Если в исповедке Петропавловской церкви 1837 г. было записано восемь членов семьи Бухтеевых, то три года спустя в аналогичном документе их оказалось только двое – Михаил Афанасьевич и его бабка Анна Андреевна. Надо полагать, что после смерти мужа Елизавета Степановна с детьми куда-то уехала. В исповедке той же церкви за 1846 г. указан уже один Михаил Афанасьевич, причем записан как «Московский купеческий сын». Все последующие годы вплоть до 1865-го М. А. Бухтеев упоминался в исповедных ведомостях среди живущих на Ивановской фабрике, причем все время был в списках один. Его имя также неоднократно встречалось в последующие годы в метрических книгах фабричной Успенской церкви как восприемника рождавшихся детей у разных работников. Но не найдено ни одной записи, где бы М. А. Бухтеев был указан как отец появившегося на свет ребенка. Все это приводит к выводу, что жены и детей у него не было.

Увы, ни одной фотографии Михаила Афанасьевича или кого-нибудь из его родственников Бухтеевых найти не удалось. Так же неизвестно точное расположение дома, в котором проживал главный приказчик. На плане фабрики 1897 г., о котором уже неоднократно говорилось (см. изд. 3–19),

¹ Достоверность слов, что «в течение почти 50 лет состоял главным приказчиком», вызывает сомнение. М. А. Бухтеев прожил 62 года и тогда получается, что он начал трудиться примерно в 12 лет. Это еще можно допустить. Но вот то, что он в таком возрасте стал главным приказчиком крупной фабрики, поверить невозможно. Думается, что на этой должности он оказался много позже, когда повзрослел, набрался опыта.

Изо 3–35. Фасад дома служащих фабрики¹⁰⁵, 1897.

чертеж дома был единственным изображением дома. И вот в ходе работы над текстом настоящей книги была обнаружена ранее неизвестная фотография, на которой виден упомянутый дом. Снимок прислал краевед и художник из Красногорска Д. А. Дроздецкий, причем он не знал, что за здания в кадре, где это снято. При изучении изображения было найдено множество деталей, которые однозначно свидетельствуют, это снимок Ивановской фабрики, точнее Октябрьской (так она стала называться в годы советской власти). В пользу этого говорит и то, что данная фотография была обнаружена в фотоальбоме Александра Спиридоновича Волкова, который, по словам краеведа, какое-то время был директором указанной фабрики.

Очень ценным является то, что снимок сделан с ракурса, с которого прежде не было изображений. Фотограф стоял на противоположном берегу реки Истра около плотины (она внизу кадра) и объектив направил в сторону фабрики. В центре кадра оказался двухэтажный деревянный дом, который на приведенном выше плане помечен № 36.

Вернемся к М. А. Бухтееву. Первое время в документах он указывался купцом. А в конце жизни стал мещанином г. Воскресенска. В ходе сбора информации удалось установить, что у него в этом городе было два владения: «пустопорожняя земля в количестве 700 кв. сажень» (Бухтеев ее купил в 1858 г. «у штабс-ротмистра Варвары Фон-Берг»¹⁰⁶ за 200 рублей) и «дом деревянный двухэтажный, нис [низ] каменный, верх деревянный, с флигелем и усадьбою на 1.817 кв.саж.»¹⁰⁷.

Как уже отмечалось, Михаил Афанасьевич (как и его дядя Николай Петрович) был в хороших отношениях с Павлом Григорьевичем Цуриковым. Причем настолько хороших, что владелец фабрики записал его душеприказчиком в своем завещании наряду с женой Анной Сергеевной и близким

Изо 3–36. Вид на Октябрьскую суконную фабрику от плотины (фрагмент), 1920-е ?, (семейный архив А. С. Волкова).

есть отметка здания № 36, обозначенного как «Деревянное двух-этажное жилое квартира служащих». И хотя нигде не говорится, что в этом доме проживал М. А. Бухтеев (план был составлен намного позднее его кончины), такую возможность исключать нельзя. Все же он был первым лицом на фабрике после ее хозяев и абы в каком помещении не стал бы жить. Находилось же здание № 36 в хорошем месте на острове напротив дома № 37 («квартира хозяина» V), который М. Е. Попов построил для себя. Так что главный приказчик Ивановской фабрики вполне мог жить в одной из квартир указанного дома.

В архиве ЦГАМ обнаружен чертеж фасада здания № 36. До недавнего времени указанный

другом и компаньоном Максимом Ефимовичем Поповым. Сохранилось дело, из которого следует, что все трое душеприказчиков собрались на следующий день после кончины П. Г. Цурикова и написали на имя государя прошение о продолжении работы Ивановской фабрики, чтобы она «не пришла в разстройство». В тексте было указано, что «Торговля его [Цурикова – Авт.] книги находятся в таком порядке, что во всякое время можно вывести из них баланс. Долгов на нем никаких нет»¹⁰⁸.

Подписавшие бумагу также просили, чтобы «Воскресенскому мещанину Михаилу Афанасьевичу Бухтееву» было разрешено продолжать дела на Ивановской фабрике «под надзором душеприказчиков» А. С. Цуриковой и М. Е. Попова.

Михаил Афанасьевич пережил Павла Григорьевича не намного. Два года он работал на суконной фабрике, когда ее владелицей была вдова А. С. Цурикова. Это подтверждают расчетные книжки за апрель-май 1880 г. А 30 июня, как свидетельствует метрическая книга приходской Успенской церкви, М. А. Бухтеев умер. В записи отмечено, что прожил 62 года, болел «чахоткой»¹⁰⁹. Похоронен был в Ивановском «на общем при церкви кладбище».

Умерший оставил завещание, душеприказчиком был выбран М. Е. Попов. Сам текст завещания Михаила Афанасьевича не обнаружен. Однако ясно, что если не все свои накопления, то значительную их часть он завещал православным храмам. Этому есть подтверждения в исторических документах. Так в декабре 1880 г. игуменья Аносина монастыря писала вышестоящему начальству: «От душеприказчика покойного Воскресенского мещанина Михаила Афанасьева Бухтеева Коммерции Советника Максима Ефимовича Попова [получено 9.500] руб., из них три тысячи рублей в пользу обители, шесть тысяч на Странноприимный Дом, находящийся при монастыре и пятьсот рублей в пользу Священно-церковнослужителей, с тем чтобы капитал на вечное время положен в Государственное Кредитное Учреждение, оставаясь неприкосновенным, а проценты с оного употреблялись: с трех тысяч рублей в пользу монастыря, с шести тысяч для поддержания Странноприимной, с пятисот рублей в пользу Священно-церковнослужителей за поминование усопшаго раба Божия Михаила»¹¹⁰.

А в другом архивном деле имеется обращение к священноначалию причта Вознесенской церкви заштатного города Воскресенска во главе с настоятелем о. Сергием Холмогоровым. В нем говорится, что воскресенский мещанин М. А. Бухтеев «отказал» (т.е. завещал) Вознесенской церкви участок «пустопорожней земли»¹¹¹, который находился на Большой Крестовской улице (это та самая земля, которая была куплена за 200 рублей). Священноначалие удовлетворило поданное о. Сергием прошение, соответствующий указ был издан весной 1884 г.

Ну а кому досталось другое городское владение умершего приказчика, на котором находился двухэтажный дом? Согласно архивным данным его хозяйкой стала Любовь Сергеевна Мингалева¹¹².

Кухтины

В отличие от Бухтеевых о следующем семействе работников Ивановской фабрики остались воспоминания: «местный лавочник, огородник и возчик Захар Афанасьевич Кухтин. Он же выполнял и разные другие мелкие поручения Анны Сергеевны. Кухтин держал у себя лошадей, на которых при помощи трех своих сыновей увозил и привозил гостей Цуриковых. Его делом была главным образом доставка в Москву с фабрики цуриковских сукон. Так как фабрика лежала далеко от Москвы и от железной дороги, то [...] везли сукно в Москву прямо по шоссе на расстоянии всех 50 верст. И я ни разу не слышала, чтобы при перевозке что-либо из сукон пропадало»¹¹³.

Это цитата из воспоминаний А. М. Шуберт. Она же писала, что **Захар Афанасьевич Кухтин** (ок. 1843 – † 1914) доставлял из Москвы на фабрику съестные продукты. А вот что написал об этом человеке в своих записках С. А. Попов: «Товар с фабрики до последнего времени возили на лошадях, главный ездок Захар Аф. Кухтин приезжал постоянно два раза в неделю с товаром в Москву, заявлялся утром к Максиму Ефимовичу в кабинет с фактурами на привезенный товар, со счетами и требованиями материалов для фабрики».

Помимо этих цитат фамилия Кухтиных встречается еще несколько раз в книге «Суконщики Поповы». Так С. М. Попов описывал, как в 1888 г. он со своим семейством переезжал из Москвы на Ивановскую фабрику. В этом деле ему помогал один из сыновей Захара Никита Кухтин. В архиве Шуберт сохранилась фотография, на которой видно, как от дома в Петроверигском переулке отъезжает семейство Сергея Максимовича Попова на суконную фабрику. Снимок датирован 1900-м годом, т.е. много позже переезда в Ивановское. Но вполне возможно, что и в этот раз хозяину фабрики помогал кто-то из Кухтиных, может кучер как раз из этого семейства.

На генеалогическом сайте найдена информация о том, что у Захара Кухтина был брат Петр, который родился в Рошинской слободе Калужской губернии. Там же отмечено, что Петр проживал в г. Звенигороде, живы его потомки. По всей видимости, Захар был родом из тех же мест, т.к. в метрических книгах записан как «Боровского уезда Рошинской слободы крестьянин Захар Афанасьев».

Изо 3–37. Отъезд семейства С. М. Попова на фабрику, 1900, (АШ).

Следует отметить, что в документах Ивановской фабрики (в том числе в расчетных книгах) фамилия Кухтиных ни разу не встретилась. Это означает, что они не были штатными работниками и не получали зарплату. Кухтины жили сами по себе, занимались своим делом – организацией перевозок на лошадях различных грузов, в том числе и для суконной фабрики.

Захар Кухтин умер в 1914 г. в возрасте 71 лет, похоронили его на кладбище дер. Ивановской.

По исповедным ведомостям фабричной церкви удалось установить, что Захар Афанасьевич был женат на Екатерине Георгиевне, у них были дети, среди них дожившие до взрослых лет сыновья Василий, Никита и Павел¹¹⁴. Все были записаны мещанами г. Воскресенска, там у Кухтиных был свой дом. Однако семья в основном жила близ Ивано́вской фабрики, где была работа. Для Никиты в одном из документов написано, что он «*Запасной каптенармус¹ 16-го Драгунского Глуховского полка*». У каждого из сыновей Захара были свои семьи, в них рождались дети, крестили их в Успенской церкви. Об этих крещениях, как свидетельствует архивное дело, в 1899 г. даже проводилось разбирательство, суть его в следующем.

Служители Петропавловской церкви подали священноначалию жалобу на соседний причт Успенской церкви при Ивановской фабрике, что тот «*вторгается в чужой приход и поступает незаконно, нанося ущерб доходу причту и церкви села Лужков*»¹¹⁵. В качестве одного из примеров приводилось семейство Кухтиных. Как написано в деле: «*только хозяин [Захар] бывает у них на исповеди, а все остальные члены обращаются со всеми требами: крестинами, браками и др. в соседний приход*». Под соседним имелся ввиду приход фабричной церкви. Кухтины же проживали на территории, которая относилась к Петропавловскому приходу, а не к Успенскому. И обязаны были ходить на службы и исполнять требы в своем приходском храме, который находился в Лужках. Но до него было около трех верст, а фабричная церковь находилась намного ближе (менее одной версты). Естественно в нее Кухтиным было удобнее ходить, что они и делали (за исключением лишь главы семейства Захара Афанасьевича). Это было серьезное нарушение правил того времени, священноначалие старалось подобное не допускать. Вот и на этот раз было велено «*причту Успенской церкви строжайше воспретить*» вторжение в чужой приход без согласования.

По данным архивного дела ЦГАМО в селении Ивановское Лучинской волости Воскресенского уезда в 1929 г. проживали девять человек с фамилией Кухтины¹¹⁶. Это были жена и дети Павла Захаровича. А в населенном пункте под названием «*Хутор Ивановские выселки*» проживали еще шесть человек с такой же фамилией – Василий Захарович Кухтин со своими детьми (напомним, что Павел и Василий дети Захара Афанасьевича). Этот хутор находился на левом берегу реки Истра в паре сотен метров от плотины, там и поныне стоят несколько частных домов. По сведениям местной жительницы Г. П. Михасевой в одном из них еще не так давно жила бабушка Нюра Кухтина.

После революции Кухтиным приходилось трудно. Их происхождение не было рабоче-

¹ «Каптенармус — унтер-офицерский чин в царской армии, ведавший хранением и выдачей продовольствия, обмундирования и оружия» (интернет).

крестьянским, потому они считались врагами советской власти и были поражены в гражданских правах. Так в список лишенных избирательных прав в 1928 г. оказались внесены «бывший торговец»¹¹⁷ Кухтин Василий Захарович и его жена Екатерина Егоровна. По другим родственникам таких данных нет. Но можно предположить, что их также новая власть притесняла. Это подтверждает статья, опубликованная в 1931 г. в местной районной газете «Истринская стройка»:

«В сел. Ивановском, близ колхоза "Обновленный Труд" проживает семья Кухтина бывшего кулака. В 1929 году они укрылись в колхозе "Обновленный Труд". Все их стремление было направлено к разорению колхоза. Незаметно проводимое вредительство Кухтиным, оказалось через чур ярким, особенно по огородничеству. Кухтинский букет, как чуждый и вредный элемент был выгнан из колхоза. Сейчас при попустительстве местных организаций они не плохо пристроились по хорошим местам. Сам Кухтин работает на Октябрьской ф-ке; сын его устроился зав. почтой при Октябрьской ф-ке; жена его помощницей. Все они присосавшись к ф-ке ведут разлагательскую работу среди колхозников. — „На что вам трудодни?... За что вы возитесь в колхозе?. Подохните с голоду!.. В колхозе кроме горба ничего не заработаете!... Вам эту лавочку давно бы надо бросать... и т. д.“ — так агитирует Кухтинская свора. О Кухтине В. З. [Василий Захарович?] ставился вопрос перед заведующим Истринской почтой т. Мартыновым, но Мартынов грубо ответил: „пусть он будет лишенец, кулак, пусть кто бы то он не был, но мы с работы не снимем“. Ведущих подрывную работу против колхозов и проводимых мероприятий советской властью, надо немедленно гнать. Классовые враги и сообщники их не должны и не могут управлять советским аппаратом. Истринской прокуратуре немедленно надлежит принять меры»¹¹⁸.

О том – были ли приняты меры и какие – в газете не сообщалось.

По информации исследователя И. Е. Шторм около двух десятков Кухтиных до революции проживали в заштатном городе Воскресенске. К сожалению, не удалось проследить родственные связи между ивановскими и воскресенскими Кухтиными. Но, скорее всего, какое-то родство было.

Другие исследователи Дмитрий и Надежда Журовы предоставили сведения о том, что советской властью были репрессированы уроженцы г. Истра Евгений Алексеевич и Павел Никитович Кухтины (последний был расстрелян в Бутово в 1937 году). Отчество второго репрессированного вполне допускает, что он мог быть сыном Никиты Захаровича, работавшего на Ивановскую фабрику.

Вопрос о потомстве Кухтиных не изучался, но, скорее всего, этот род продолжается.

Кураевы

Если для Бухтеевых и Кухтиных, к сожалению, никаких фотографий не обнаружено, то для еще одного работника Ивановской фабрики ситуация совсем иная, более радостная. Речь о человеке с редкими именем и отчеством – **Никандр Акимович Кураев** (1852 – † 1898).

Впервые об этом работнике стало известно из надписи на мраморном надгробном памятнике, обнаруженном вблизи места, где когда-то стояла фабричная Успенская церковь. Не сразу и с трудом удалось прочесть полустертый временем текст, выбитый на камне. На одной стороне написано: «Никандр Акимович Кураев. Родил. в октябре 1852, сконч. 24 сентября 1898». А на обратной: «Трудолюбивому и просвещенному служащему благодарная администрация фабрики».

О Никандре Кураеве и его потомках информацию стал собирать краевед и писатель, житель Истринского района С. Ю. Мамаев. Ему удалось найти правнука работника Ивановской фабрики Михаила Николаевича Кураева, у которого в семейном архиве оказались ценные документы. Несколько лет назад С. Ю. Мамаев издал книгу «Поиски вчерашнего дня», в которой довольно много говорится о Кураевых. Далее изложение пойдет в основном по этой книге.

Никандр Акимович оказался родом из села Желохова

Изо 3–38. Памятник Н. А. Кураеву, 2022.

Перемышльского уезда Калужской губернии. Его отец Аким Савельевич¹ был крестьянином помещицы Толстой. Никандру удалось получить хорошее образование, слова на памятнике «просвещенному служащему» об этом говорят. Грамотность потом пригодилось при работе на Ивановской фабрике.

Как известно, в 1861 г. крестьян в Российской империи освободили от крепостной зависимости. Никандр как «временнообязанный крестьянин» смог уехать из родных мест и каким-то образом оказался на Ивановской суконной фабрике в Московской губернии. Случилось это примерно в 1872 г.

Через три года Н. А. Кураев женился, венчание состоялось в фабричной Успенской церкви. Невестой оказалась Варвара Михайловна Медведева, дочь мещанина г. Воскресенска. А уже в декабре 1875 г. в молодой семье появился первенец. Мальчика назвали Николаем. Через два с небольшим года родился другой сын Сергей (интересно, что он появился на свет в тот день 5 января 1878 г., когда умер П. Г. Цуриков). В 1880 г. родился Константин¹²⁰. Третий сын Никандра прожил около года, а два других стали взрослыми. Все дети появились на свет при Ивановской фабрике.

К сожалению, не до конца удалось понять, какой именно работой на суконной фабрике занимался Н. А. Кураев. Потомки считают, что их предок был мастером в каком-то цеху. Однако эта информация не нашла документального подтвержденияⁱⁱ. Обнаружено несколько архивных дел по Ивановской фабрике, в которых упоминается Никандр Акимович. Так в одном из дел РГАЛИ сохранился почтовый конверт, на котором указан получатель – конторщик Ивановской фабрики Н. А. Кураев. Эти сведения (о профессии) подтверждаются в упоминавшейся ранее расчетной книге за 1880 г. В ней Никандр Акимович записан среди конторских работников, указано его жалование – 780 руб. в год¹²¹ (65 руб. в месяц). Это оказалась пятая по размеру заработная плата среди более чем 20 работников конторы фабрики. Данный факт говорит о высокой квалификации Никандра Акимовича и о том, что его труд хозяева фабрики ценили.

В своей книге С. Ю. Мамаев описывает, как он нашел упоминание фамилии Кураева в одном из отчетов о вспомогательных учреждениях Ивановской суконной фабрики¹²²:

«На 22-й странице пункт восьмой: “Продажа земледельческих орудий”. Из статистических сведений стало ясно, что фабрика с весны 1893 года закупала на свои деньги плуги и прочие земледельческие орудия, а затем по сниженным ценам продавала их или давала напрокат своим рабочим, большинство из которых составляло местное население, привязанное к земле. Так, например, в 1897–1898 годах было “продано 45 плугов, 100 пудов семенной ржи, кос, серпов и прочего на 325 рублей. Устроено особое помещение для склада земледельческих орудий и продавцу, заведующему

Изо 3–39. Н. А. Кураев с сыновьями Николаем (стоит) и Сергеем¹¹⁹, нач. 1890-х.

ⁱ Имя Акима Савельевича Кураева упоминается в сделке по покупке имения Борки. Он был доверенным лицом княгини А. А. Голицыной, которая в 1878 г. купила это имение у А. С. Цуриковой (см. седьмую главу). Каким образом А. С. Кураев оказался доверенным лицом у княгини, осталось неизвестно.

ⁱⁱ Как уже отмечалось, в “Исторических сведениях” приведены списки всех мастеров, работавших в Ивановском в XIX веке. Фамилии Кураева в этих списках нет (см. приложение–11).

ими, назначено небольшое вознаграждение». А в самом конце указан и продавец: «Продажею орудий всё время заведовал служащий Н. А. Кураев (скончался осенью 1898 года). Оборотные средства давала контора фабрики»¹²³.

Далее в книге написано: «Понятно, что это лишь ещё одно второстепенное занятие Никандра Акимовича, поскольку эта работа была сезонной». С этим утверждением можно поспорить. Во-первых, судя по количеству продаж (в 1896 г. продано 85 плугов, не считая других товаров; в 1897 – 96; в 1898 – 45) – это совсем немаленький объем работы. Покупателями были крестьяне, каждому нужно объяснить, показать товар. А, во-вторых, продажи сельхозизделий могли происходить круглый год. Назвать все это «второстепенным занятием» не поворачивается язык.

Судя по переписке с Николаем Александровичем Поповым, Никандр Акимович любил читать. Так в письмах, написанных в 1892 г., он благодарил за присылку книг "Первый винокур", "Плоды просвещения", и просил разрешения их у себя оставить¹²⁴.

В «Исторических сведениях» Ивановской фабрики есть такие слова: «Инициаторами устройства спектаклей на фабрике были служащий Н. А. Кураев и врач А. С. Трудницкая. При их участии и состоялся 1-й спектакль на фабрике (в клубе для служащих) в феврале 1890 года (шла «Женитьба» соч. Гоголя)»¹²⁵. Несколько спектаклей на Ивановской фабрике в начале 1890-х годов поставил упоминавшийся Н. А. Попов. В его переписке с Н. А. Кураевым упоминаются фамилии участников спектаклей, работников фабрики: Обновленская, Соколова, Прохоров, Вейс, Неугодов, Козлов, Кент, Богачев, Кенш, Бочкарев, Окунев, Зима, Шмиц. Никандр Акимович как актер принимал участие в спектаклях «Параша Сибирячка», «Не в свои сани не садись».

В театральном музее им. А. А. Бахрушина обнаружена коллективная фотография, озаглавленная «Ивановская труппа» (см. приложение–18, изо Р–51). На ней есть Н. А. Кураев (крайний справа в нижнем ряду). А в архиве РГАЛИ сохранились несколько снимков, сделанных во время театральных представлений на сцене Ивановской фабрики. Возможно, среди актеров есть и Никандр Акимович.

Изо 3–40. Спектакль «Соперники» на Ивановской
суконной фабрике¹²⁶, 1891, (РГАЛИ).

Из приведенных примеров видно, что Никандра Акимовича вполне можно назвать русским интеллигентом, хоть и был он выходцем из крестьянства. Но что интересно, в исповедной ведомости 1890 г. (т.е. спустя два десятилетия проживания в Ивановском), он все еще был записан как «Калужской Губернии села Жегалова крестьянин»¹²⁷ (именно так, а не Желохово указано родное село Кураева). Отметим попутно, что рядом с его именем написано «вдовец» (супруга Варвара Михайловна умерла еще в 1881 г.).

В книге Мамаева приведены материалы исследователя Вячеслава Андреевича Михеева, многие годы изучающего историю Воскресенской

лечебницы (Истринской больницы). Оказывается, в последние годы своей жизни, Никандр Акимович был членом благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице, платил ежегодные взносы по три рубля. Эти сведения подтверждены одним из отчетов указанного общества, в котором написано: «в отчетном году скончались К. В. Сохатский и Н. А. Кураев, бывшие за все время существования Общества действительными членами; последний был членом-учредителем и принимал весьма деятельное участие в делах Общества. Память умерших была почтена вставанием»¹²⁸.

Никандр Акимович проработал на Ивановской фабрике четверть века. Его принял на работу Павел Григорьевич Цуриков, потом он трудился у вдовы Анны Сергеевны, а в последние годы работал у Сергея Максимовича Попова. Скончался Н. А. Кураев в 1898 г. от чахотки, ему было всего 45 лет. Его дети Николай и Сергей стали сиротами. Владелец Ивановской фабрики высоко ценил умершего работника. Поэтому его детям, хоть они уже достигли совершеннолетия, было назначено «денежное вспомоществование в виде пенсии». Еще при жизни родителя оба сына поступили на учебу в Вифанскую семинарию, находившуюся в Сергиевом Посаде. Церковнослужителями они не стали, после окончания семинарии (Николай в 1896 г., а Сергей в 1898) продолжили учебу в светских учебных заведениях.

Сергей Никандрович поступил на юридический факультет университета г. Юрьева (ныне город Тарту в Эстонии). Во время учебы на первом курсе был отчислен за участие в студенческих беспорядках. Вернулся на Ивановскую фабрику, здесь за ним был организован полицейский надзор.

Дальнейшая судьба студента оказалась трагичной. В начале июля 1899 г. Сергей серьезно заболел, как писали: «кашляет кровью из гортани». Проболев целый месяц, и до конца не выздоровев, он все же решил вернуться в Юрьев для восстановления в университете. Там вдаль от родины болезнь стала прогрессировать, и 19 августа он умер. Судя по всему, Сергей Никандрович не успел обзавестись семьей и потомства не оставил.

Более счастливо сложилась жизнь у старшего Николая. Он учился на медицинском факультете сначала в Томске, потом в Харькове. Осенью 1901 г. окончил Харьковский университет «со степенью лекаря». И вскоре, как написано в книге Мамаева, «врач Николай Кураев был направлен в село Ольховатка Фатежского уезда Курской губернии, где, согласно документам, проработал с 1902 по 1908 год». Однако не все эти годы Н. Н. Кураев прожил в одном месте.

В 1904 г. началась война с Японией и Николай Никандрович был призван в армию, стал «полковым врачом 3-го Верхнеудинского казачьего полка». По окончании войны вернулся на прежнее место работы в Курскую губернию. Летом 1906 г. обвенчался «с прусской подданной, католического вероисповедания» Каролиной Вильгельмовной Шмиц (во многих документах отчество Каролины записано как Васильевна). В книге рассказывается, что знакомство Николая с будущей невестой состоялось еще в Ивановском. Там на фабрике отец Каролины Вильгельм Францевич Шмиц работал ткацким мастером. В Ольховатке в семье Кураевых родились первые дети.

Во все той же книге краеведа описан удивительный исторический факт, ранее неизвестный в наших краях. Рассказывается, что в начале XX века сначала в Фатежском уезде, а потом в самом уездном центре работал врач-хирург Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий. Об этом человеке в последние годы

Изо 3—41. Каролина Шмиц и Николай Кураев¹²⁹, 1906.

Изо 3—42. В. Ф. Войно-Ясенецкий, ок. 1910.

немало написано. В годы советской власти он стал священнослужителем, был пострижен в монахи с именем Лука, потом наречен епископом. И при этом оставался врачом, продолжал лечить людей. Уже в наше время Лука Войно-Ясенецкий был прославлен в лике святых. Это все известные факты. А вот то, что при крещении одного из сыновей Войно-Ясенецкого Михаила, родившегося в 1907 г., восприемницей была «жена земского врача Ольховатской земской больницы Николая Никандровича Кураева Каролина Васильевна» – об этом в Истринском районе до выхода книги Мамаева, по видимому, никто не знал. Можно сказать, сенсация, пусть и местного значения.

Далее состоялся переезд Н. Н. Кураева на новое место работы. В 1908–1911 годах он «трудился заведующим уездной больницей в самом городе Фатеж, что в сорока верстах от Курска. Потом Кураевы вернулись на родину главы семейства – в село Ивановское Звенигородского уезда. [...] Николай Никандрович получил должность заведующего новой больницей при суконной фабрике Попова». О самой больнице поговорим в следующей главе. Здесь лишь отметим, что Н. Н. Кураев проработал на родине три года (1911–1914).

Работа Николая Никандровича врачом в больнице при Ивановской суконной фабрике подтверждается справочниками и архивными делами. Так в расчетной книжке за 1913–1914 гг. указана его зарплата – 150 руб. в месяц¹³⁰ (напомним, что его отец в конторе получал 65 руб.)

Летом 1914 г. началась Первая мировая война, Н. Н. Кураев вновь оказался в армии. «Долгих три года ему пришлось спасать раненых в действующей армии на Западном и Северном фронтах». Уже при советской власти семья Кураевых вернулась в г. Фатеж на прежнее место работы в больницу. Там и работал врач до конца своих дней. Как написано в книге: «Николай Никандрович скончался в 1931 году в возрасте 56 лет после продолжительной болезни и неудачной операции. Могила его находится в Туле на Всехсвятском кладбище». А супруга Каролина Васильевна умерла в блокадном Ленинграде.

В семье доктора Н. Н. Кураева родилось много детей, до взрослых лет дожили пятеро. Одного из сыновей звали Николай, у него тоже были дети (в книге краеведа приведено древо рода). Сын Николая Николаевича Михаил оказался тем потомком, которого разыскал С. Ю. Мамаев. Тот прежде не бывал в наших краях, многого не знал о жизни своего предка Никандра Акимовича. В 2013 г.

Изо 3–43. М. Н. Кураев у надгробия прадеда в Ивановском вместе с учениками православной школы «Рождество», фотограф С. Ю. Мамаев, 2016.

состоялась их первая встреча, Сергей Юрьевич отвез гостя в Ивановское. Там писатель¹ Михаил Николаевич впервые увидел надгробие своего прадеда. С той поездки завязалась дружба между М. Н. Кураевым и православной школой “Рождество”, в которой работает С. Ю. Мамаев. Писатель учредил персональную стипендию для лучшего ученика школы, потом еще одну такую же для младших классов.

У Михаила Николаевича Кураева есть сын, у его брата также имеются дети и внуки. Так что род Никандра Акимовича продолжается. И что важно – многие потомки носят фамилию своего предка.

Братья Петровы, их суконная фабрика в Алексине

В 10 верстах на север от Ивановского расположена деревня Алексино. В ней перед революцией была суконная фабрика братьев Петровых. Можно сказать, что она была «дочкой» Ивановской фабрики и уступала ей по всем параметрам: в размере территории, числе корпусов, объеме выпускаемой продукции, количестве работников.

В энциклопедии “Истринская земля” об истории предприятия написано следующее:

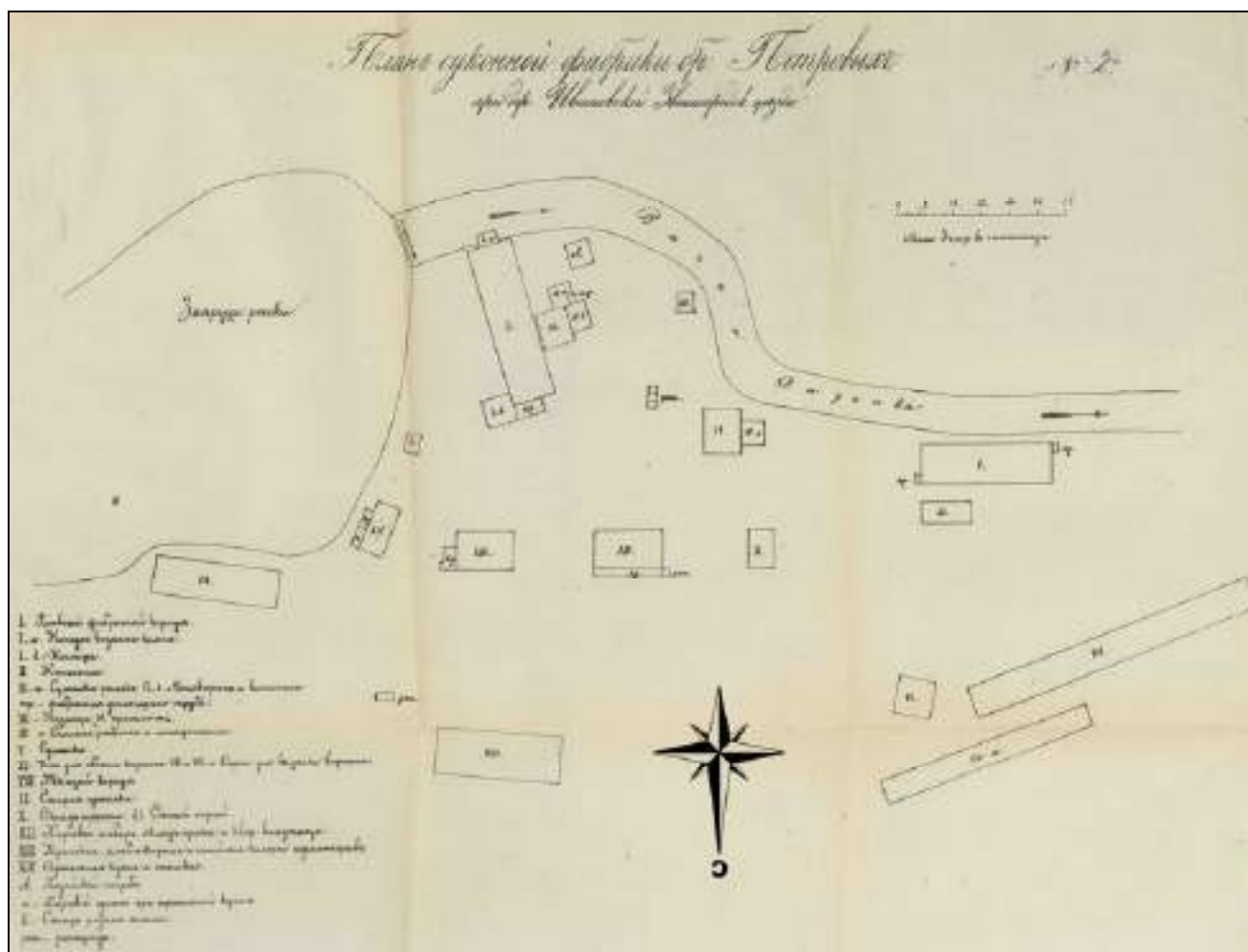
«В Алексине расширялось суконное производство, принадлежавшее крестьянам, а затем — воскре-сенским купцам Петровым. В 1860-х гг. здесь прославилось пять братьев Петровых, мастеров по изготовлению и установке мельничных колес. Их работа была известна по всей округе. Вначале они работали на знаменитой фабрике Цурикова в Ивановском на р. Истре по прямой специальности, а затем на ткацкой фабрике. У энергичных братьев стал расти свой капитал, который сразу находил применение: в Алексине они поставили маслобойку с конным приводом, арендовали общественную мельницу на Доренке, через несколько лет на ней же поставили “волчок” для щипания тряпья, вывезенный от Цурикова, затем установили турбину. Наконец, возвели деревянный корпус и, оборудовав его добытыми в Рузе старыми ручными станками, в 1871 г. открыли прядильно-ткацкую фабрику. Пряжа вырабатывалась из новой шерсти и старого тряпья; специалисты-ткачи переезжали из Рузы и Рязани. В 1880 г. фабрика Степана Петровича Петрова имела годовой оборот до 18 000 руб.»¹³¹.

Материал, приведенный в сборнике Погожева, дополняет сведения о братьях и их фабрике: «Замечательно, что бр. Петровы, владельцы описываемой фабрики, научившись от своего отца столярному мастерству, жили в качестве столяров на различных фабриках и между прочим на Цуриковской суконной мануфактуре; занимаясь установкой приводов, починкой машин и пр., они, по обычной сметливости, которою, по мнению директоров—иностранцев, в такой высокой степени одарены русские рабочие, стали исподволь вникать в сущность фабричного производства, совершившагося на их глазах, познакомились с устройством шерстопрядильных машин, и запасившись главнейшими техническими познаниями, устроили на свой страх небольшую сукновальную мельницу. Затем, когда дела постепенно стали идти лучше, они расширили размеры производства и стали им заниматься без посредничества своего прежнего московского давальца [купца Кудряшева]. Одним словом, данный случай представляет характерный пример постепенного перехода кустаря—крестьянина в настоящего фабриканта»¹³².

В той же книжке приведено описание производства, основанного в 1869 г.: «Сперва на месте фабрики была только мукомольная мельница, купленная бр. Петровыми за 70 руб. с аукциона и перестроенная затем в небольшое шерстопрядильное заведение, работавшее на москов. куп. Кудряшева из его матерьяла; в своем теперешнем виде фабрика существует не более 3-х лет. Производство ведется в настоящее время при самостоятельных заказах и сбыте изделий. [...] Фабрика состоит из 14 зданий, взаимное расположение которых видно на прилагаемом плане».

О дальнейшей истории Алексинской фабрики написано в упомянутой энциклопедии: «В 1906 г. в Алексине значилась суконная фабрика Торгового дома московского купца Гавриила Степановича Петрова и К°. Стоимость фабрики оценивалась в 107 657 руб., а в 1915 г. — уже в 122 498 руб. [...] По сведениям 1916 г., шерсто-прядильная и ткацкая фабрика Г. Петрова и К° в Алексине вырабатывала суровый драп. Здесь трудилось 136 рабочих (в 1890 г. — 400 человек!) Использовался “нефтяной”, то есть внутреннего сгорания, двигатель. [...] К 1924 г. в деревне фабричный заработок составлял практически единственную статью дохода, кустарные промыслы почти вымерли. В августе этого года постановлением суконного отдела (как тогда называли, куста) МСНХ фабрика

¹ «Михаил Николаевич Кураев (род. 18 июня 1939, Ленинград) — русский писатель, сценарист, лауреат Государственной премии России (1997), кавалер ордена Дружбы (2010). Известность ему принесла повесть “Капитан Дикиштейн”. Автор киносценариев: “Сократ” (1991), “Петя по дороге в Царствие Небесное” (2009), “Раскол” (2011), “Красное колесо” (2014) и другие» (интернет).

Изо 3—44. План суконной фабрики братьев Петровых¹³³, 1882.

Изо 3—45. Бывший административный корпус Алексинской фабрики, 2022.

была закрыта. Мотивировалось закрытие тем, что на фабрике слабое оборудование, низкая производительность, и расположена она неудобно. Это решение стало настоящим ударом для крестьян. [...] В 1933 г. здесь на месте фабрики находилась артель “Истринский краснодеревец” объединения “Моспроммебсоюз”. Работал 41 человек, за 1933 г. было выпущено столов, стульев, кресел и диванов на 208 тыс. руб.»¹³⁴.

Из всех зданий Алексинской фабрики одно уцелело, ныне находится в заброшенном состоянии (в энциклопедии оно названо административным корпусом, GPS 55.92989, 36.96324).

* * *

Упомянутые в этой главе работники – это лишь небольшая часть из тех тысяч и тысяч людей, которые работали на Ивановской суконной фабрике. В основном, на производстве трудились местные жители, это подтверждает информация, приведенная в “Исторических сведениях”: «из Ивановского было 112 челов. (м. и ж.), из Павловского – 86, из Санникова – 71, из Вельяминова – 60, из Петровского – 57, из Красновидова – 40»¹³⁵. Люди из отдаленных местностей (Рузский уезд и еще дальше) составляли лишь шестую часть всех работников. Были и целые династии тружеников (Кухтины, Кураевы из их числа). Были и те, кто работал всю свою жизнь. В качестве примера можно привести такие слова из того же издания: «В 1899 году служил при церкви сторожем бывший ткач (Дрега-лин), поступивший на фабрику при ее открытии в 1830 году, (был взят мальчиком в присучальщи-ки). Таким образом на фабрике работает уже 3-е и 4-е поколение».

Подтверждение сказанному нашлось и в советской прессе. В 1939 г. в районной газете “Истринская стройка” была опубликована заметка под заголовком «Старый кадровый рабочий». В нем говорилось о выдвижении в депутаты Ивановского сельсовета работника фабрики Архипа Васильевича Мурашева. В тексте было написано, что он потомственный ткач, что «Все поколение Архиповых работало на фабрике. Дед Архипа Васильевича поступил на фабрику со дня ее основания – в 1830 году, отец т. [товарища] Мурашева также всю жизнь работал на фабрике, сам Архип Васильевич работал на этой же фабрике 41 год, получая в первые годы, у фабриканта, 3 руб. 50 коп. в месяц»¹³⁶. Увы, имя деда, начавшего трудиться в 1830 г., не указано.

На этом рассказ о работниках Ивановской фабрики завершается. Он будет продолжен в следующей главе, в которой пойдет речь о служащих фабричной больницы и училища. А в девятой главе будет рассказано о родственнике владельцев фабрики Александре Ивановиче Сиротинине, работавшем в конторе.

1887–1918: Ивановская фабрика Поповых

После продажи в 1887 г. Ивановской фабрики началась ее новая история, уже без Цуриковых. Материалов об этом отрезке существования предприятия собрано много, но подробный рассказ не входит в планы настоящей книги. И все же было бы неверным вовсе обойти вниманием дальнейшую историю фабрики. Поэтому далее кратко опишем основные происходившие события.

Напомним, что Павел Григорьевич Цуриков завещал свою фабрику супруге Анне Сергеевне. Девять с лишним лет предприятие находилось в ее руках. Никакого развития на фабрике в этот период времени не было. В 1887 г. вдова, наконец, решила на продажу предприятия. Несмотря на то, что М. Е. Попов предложил явно заниженную цену, Анна Сергеевна на все условия согласилась (хотя и обиделась) и подписала купчую крепость. С этого момента и продолжим разговор.

После Григория Михайловича, Павла Григорьевича и Анны Сергеевны **Максим Ефимович стал четвертым по счету владельцем Ивановской фабрики** (если не считать Ивана Цурикова, который никогда не был ее единоличным хозяином). Подробный разговор о купце Максиме Ефимовиче Попове пойдет в девятой главе. Здесь же остановимся на эпизодах, связывающих его с Ивановской фабрикой, когда он стал ее владельцем.

Согласно купчей крепости в собственность Попова перешла как земля (12,5 десятин), так и все фабричные строения (кроме кирпичного завода). Предприятие работа-

Изо 3–46. Четвертый владелец Ивановской фабрики М. Е. Попов, 1880-е, (АШ).

ло на привозной шерсти, которая закупалась в южных регионах страны. Данная деятельность Максиму Ефимовичу была знакома, этим делом (закупкой шерсти) он занимался еще при П. Г. Цурикове, а потом и при его вдове. Сырье, по всей видимости, приобреталось на средства «Товарищества Ивановской суконной фабрики М. Попова с сыновьями».

После покупки фабрики, как написано в воспоминаниях С. А. Попова: *«Максим Ефимович стал жить там по неделям и, несмотря на свой пожилой возраст, стал входить в подробности производства и во внутреннюю жизнь фабрики»*. Тот же внук далее писал: *«Он стал усиленно выписывать новые машины, паровые котлы и обстраивать фабрику. Фабрика все время работала хорошо, но все это его как-то не удовлетворяло, и <как> уже <было> сказано, он впал в какой-то пессимизм и даже высказывал иногда мысль, что следует ликвидировать и московское, и фабричное дело. Служащие торговли его боялись, но вместе с тем и любили, он ведь сам был служащим и понимал их. Он умел их ценить»*. Такой пессимизм хозяина, очевидно, был вызван усталостью. Ведь Максим Ефимович был ровесником суконного предприятия, ему в год совершения сделки исполнилось 70 лет. В таком почтенном возрасте трудно было разрываться между Москвой, через которую проходили все торговые дела, и фабрикой, находившейся на расстоянии 50 верст. Надо полагать именно поэтому Попов доверил дела по управлению производством сукна своему работнику Топленинову.

Управляющий фабрикой Сергей Иванович Топленинов

По данным архивиста Вайнтрауба С. И. Топленинов был уроженцем Смоленской губернии, с юных лет служил в Москве при суконном магазине М. Е. Попова на Ильинке, в центре Москвы. И, похоже, что это действительно было так. Факт давнего их знакомства нашел подтверждение в исповедных ведомостях Девятинской церкви близ Пресни за 1869–1871 гг., в которых Сергей Иванович записан как квартирант, проживающий в доме Попова на Новинском бульваре. Ну а связь с западным краем подтверждается строкой из метрической книги: *«Смоленской губернии, Духовщины купец Сергей Иоаннов Топленинов»*. В одном из документов он записан потомственным почетный гражданином.

Надо полагать, что Максим Ефимович предложил своему работнику, которого давно и хорошо знал, полностью доверял и деловые качества ценил, стать управляющим на Ивановской фабрике. И тот согласился. Причем произошло это еще во времена, когда фабрика принадлежала А. С. Цуриковой. Напомним, что в 1880 г. умер «главный приказчик» М. А. Бухтеев, его место освободилось. Как уже говорилось, вдову не интересовало производство, она полностью полагалась на М. Е. Попова. Тот поставил на место управляющего своего доверенного человека. Это подтверждают сведения, приведенные в справочнике Погожева за 1882 г., в котором написано, что *«фабричная администрация состоит из следующих лиц: воскресенского куп. С. А. Теплянинова, получившего воспитание в частном пансионе и заведующего ныне хозяйственной частью на фабрике»*. Примерно к этому времени относятся слова Сергея

Максимовича Попова: *«на фабрике появился Сергей Иванович Топленинов, как помощник папашки»*.

В следующей главе пойдет разговор о приездах А. П. Чехова в Ивановское. В статье, написанной много лет спустя П. С. Поповым, есть такие слова: *«Бывал Чехов также и у других лиц на фабрике: так, например, у служащего Сергея Ивановича Топленинова. У Топленинова сохранялась визитная карточка Чехова, переданная однажды, когда Чехов не застал Топленинова дома. У Топлениновых же находился велосипед старой конструкции (с большим передним колесом и маленькими задними), на котором Чехов пробовал кататься на фабричном дворе»*¹³⁷.

С. И. Топленинов долгое время жил в Ивановском и работал на суконной фабрике. Выше приводилась фотография служащих предприятия (изо 3–34), там в первом ряду оказался управляющий фабрикой. Здесь приводится отретушированная вырезка из этого снимка.

Судя по расчетной книге 1903–1904 годов, Сергей Иванович получал самую высокую заработную плату среди ра-

Изо 3–47. С. И. Топленинов, 1898–1904?

ботников предприятия: в октябре 750 руб., в ноябре 300, в декабре 850 и т.д.¹³⁸. В 1910 г. он внес пожертвование 25 руб. на библиотеку-читальню имени А. П. Чехова¹³⁹. Согласно отчетам «Товарищества Ивановской суконной фабрики» в 1916–1918 годах Топленинов был одним из трех директоров правления. При этом являлся акционером, владел несколькими паями Товарищества.

Сергей Иванович был женат на немке-лютеранке Вельгельмине Адольфовне. В Ивановском у них родились сыновья: в 1892 г. Владимир¹⁴⁰ и в 1895 г. Сергей¹⁴¹.

На этом планировалось поставить точку в рассказе о С. И. Топленинове, добавив в конце, что судьба управляющего и членов его семьи осталась неизвестна. Однако решено было на всякий случай проверить это утверждение. И поиск в интернете принес неожиданные результаты, которые поначалу озадачили. На нескольких сайтах написано о доме № 9 в Мансуровском переулке Москвы, который перед революцией перешел «к купцу первой гильдии Сергею Владимировичу Топленинову и, по наследству, к его сыновьям Владимиру и Сергею»¹⁴². Там же было сказано, что в этот дом в 1926 г. приходил известный писатель Михаил Афанасьевич Булгаков. Этот факт был бы очень важным для истории нашего края, если бы в нем шла речь о Топлениновых, связанных с Ивановской фабрикой. Но была неувязка: в цитате указано имя и отчество Сергей Владимирович, тогда как управляющего фабрикой звали Сергей Иванович. Получается, это разные люди? Но в цитате приведены имена сыновей Владимир и Сергей. А именно так и звали детей управляющего. Странное совпадение. Возникло подозрение, что, возможно, на сайтах неверно указано отчество купца, купившего дом в Мансуровском переулке. Но это следовало доказать, что и удалось сделать.

В справочниках «Вся Москва» за 1916 и 1917 гг. удалось узнать имена владельцев указанного дома, ими оказались двое: «Топленинова Ел. Адол. ж. п. п. гр. [жена потомственного почетного гражданина] Мансуровский 9. Топленинов Серг. Ив. Мансуровский 9»¹⁴³. После этого стало понятно, что на некоторых сайтах в интернете в отчестве владельца дома действительно допущена ошибка.

На поиск подробной информации в связи с завершением работы над книгой времени не было, но кое-какие сведения удалось найти. Дом № 9 в Мансуровском переулке сохранился, это оказалось небольшое деревянное одноэтажное ничем непримечательное строение. В связи с тем, что данный дом связан со знаменитым писателем, городские власти решили его взять под охрану. В интернете был найден «АКТ государственной историко-культурной экспертизы»¹⁴⁴, составленный 1 июля 2022 г.

В акте отмечено, что дом № 9 в Мансуровском переулке в 1910 г. приобрел «московский купец С.И. Топленинов». Нет сомнения, что это был управляющий Ивановской фабрикой. Зарплата у него была хорошая, и он смог скопить денег на покупку в Москве небольшого дома. Далее в документе написано: «В ходе революции здание было национализировано, но затем наследникам Топленинова Сергею Сергеевичу и Владимиру Сергеевичу удалось оставить здание за собой. По некоторым сведениям, им помог в этом А.В. Луначарский. [...] После революции в доме проживали братья Владимир Сергеевич Топленинов, актер и Сергей Сергеевич Топленинов, театральный художник. С 1926 г. у Топлениновых стал бывать писатель М.А. Булгаков, близко общавшийся с С.С. Топлениновым, который сделал несколько его портретов и иллюстрировал некоторые его произведения».

В московском музее писателя сохранилось несколько фотографий с С. С. Топлениновым и М. А. Булгаковым. Здесь представлена одна из них.

Более подробную информацию о братьях Топлениновых удалось найти в соцсети: «Старший, Владимир Сергеевич, долгое время выступал на разных сценах, был актёром московских, периферийных и разъездных театров, сочинял пьесы под псевдонимом

Изо 3–48. Слева С. С. Топленинов, справа М. А. Булгаков¹⁴⁵, 1926.

Владимир Ветиллов, а в конце жизни работал в Театре транспорта (ныне Московский драматический театр имени Н. В. Гоголя). [...] Младший из братьев, Сергей Сергеевич, был художником-декоратором, макетчиком-исполнителем Малого театра, МХАТа, других театров и работал одно время с такими выдающимися художниками театра, как В. В. Дмитриев и П. С. Вильямс. Старший брат жил с семьёй наверху [в доме № 9], а младший поселился в нижнем полуподвальном этаже. Сюда-то и ходил Булгаков, зачастую тут и ночевал в специально отведённой для него отдельной комнатке с печкой, в правой части, со стороны выходящего в переулочек фасада дома»¹⁴⁶.

Про Сергея Сергеевича написано, что он был «первоклассный художник-макетчик, обаятельный и компанейский человек, на все руки мастер, гитарист и знаток старинных романсов». Летом 1929 г. «С.С. Топленинов был выслан из Москвы в Архангельскую область», но пробыл там недолго и уже в следующем году вернулся в Москву и поселился по старому адресу в доме № 9. Из текста в акте следует, что кто-то из братьев Топлениновых еще проживал в доме в годы войны.

Про сам дом № 9 в Мансуровском переулке удалось узнать, что в 1980-х годах он реставрировался жившим в то время в нем художником В. А. Курским. Комната, в которой работал Михаил Афанасьевич Булгаков, была сохранена как писательский уголок.

Вот что удалось узнать «на скорую руку». К сожалению, о судьбе членов семьи бывшего управляющего фабрикой нигде не говорится. Да и сведения об их семейном положении разрозненные и порой противоречивые. Так на нескольких сайтах написано, что Сергей Сергеевич был женат на дочери архитектора Льва Кекушева Марии. А в акте утверждается, что «Первым браком С.С. Топленинов был женат на Марии Григорьевне Нестеренко». По некоторым данным Владимир женился на Евгении Владимировне Власовой. О наличии детей, продолжении рода Топлениновых сведений пока нет.

Пятый хозяин Ивановской фабрики Сергей Максимович Попов

Спустя год после покупки суконной фабрики на нее переехал сын М. Е. Попова Сергей, чтобы заняться делами производства. Максим Ефимович был рад такому повороту событий, хотя поначалу сыну уготавливалась другая судьба. Вполне возможно, что оба (и отец, и сын) не думали, что пребывание в Ивановском затянется на три десятилетия. Но, может, это было и к лучшему. Как показали дальнейшие события, **Сергей Максимович Попов** (1862 – † 1934) оказался на своем месте, если считать главным то, как много пользы он принес людям. Но обо всем по порядку.

Изо 3—49. Л. В. и С. М. Поповы, 1890-е, (АШ).

Сергей родился в 1862 г., он оказался последним ребенком в семье Поповых. Как писала его племянница А. М. Шуберт: «Сергей Максимович Попов был самым младшим и самым одаренным из всех сыновей его отца Максима Ефимовича Попова. В детстве он был очень кротким, а в дальнейшем — покорным и почтительным сыном». В 1881 г. Сергей успешно окончил шестую гимназию в Москве, как сам писал: «Кончил я гимназию с золотой медалью, и фамилия моя увековечена на золотой доске!». Поступил на юридический факультет Московского университета. Успешно окончил и это учебное заведение (почти по всем экзаменам были отличные оценки), в 1885 г. стал кандидатом прав. Через год Сергей Максимович женился на Любове Васильевне Зубовой, дочери богатого купца, владевшего фабрикой в г. Александров Владимирской губернии.

Сергей с детства бывал в Ивановском, отец брал его с собой в поездки на фабрику. Но впечатления эти были односторонними, С. М. Попов сам потом признал: «Фабрику я почти не знал, так как дядя [П. Г. Цуриков] во время моего пребывания там не позволял мне ходить туда. Теперь [в 1880-е гг.], когда на фабрике появился Сергей Иванович Топленинов, как помощник папашки, мне невольно пришлось побывать в корпусах и на квар-

тирах служащих. Я пришел в ужас от фабричной жизни. Так все показалось мне грязно, непривлекательно, скучно!¹⁴⁷ Подростки бегали по лестницам такие истоптанные и оборванные. Мне и в голову тогда не приходило, что мне придется прожить на фабрике 30 лет. Я покинул тогда фабричные корпуса с тяглым чувством, и только житье-бытье служащих несколько скрасило это впечатление»¹⁴⁷.

Эти воспоминания были записаны в 1920-х годах. Как видим, детские впечатления остались на всю жизнь. И, надо полагать, они во многом определили жизненные приоритеты С. М. Попова – служение людям. Однако это произошло не сразу.

По окончании университета Максим Ефимович определил Сергея в свой московский магазин на Ильинке по продаже сукон. Сергей Максимович проработал там два года и понял, что работа в магазине – не то, к чему он стремился. Ему хотелось живого дела, приносить обществу пользу. Осенью 1887 г. родитель купил Ивановскую фабрику и Сергей подумал, что там его место. Вот как он писал об этом в своих воспоминаниях: «у меня под влиянием чтения рассказов Льва Николаевича Толстого, в которых он признавал нормальной жизнь только деревенскую, явилась счастливая мысль переселиться в Ивановское. Я предложил Любочке просить папашу отпустить нас на фабрику, где я мог бы быть ему более полезным, чем на Ильинке. Идея послужить народу и пожить с ним вместе делала наше намерение очень важным для всей моей последующей жизни. Всякая другая профессия не удовлетворила бы меня в то время: ни школьная, ни музыкальная, ни актерская. Была также цель укрепить здоровье мое в деревне, я все не мог оправиться от гимназических трудов. Москва меня нервировала. Я постоянно прихварывал. Папаше мысль наша очень понравилась».

И далее: «Переезд наш в Ивановское состоялся весной 1888 г. [...] Вскоре жизнь на фабрике немного охладила мое поэтическое настроение: нужно было приняться за беспокойный и важный фабричный обиход. [...] Фабрика захватила меня разнообразием своей жизни. Надо было и привыкать к производству, знакомиться с товаром, потом обдумать всю жизнь рабочих, судьба которых мне была вручена Богом».

Перемены на Ивановской фабрике

После приезда на суконную фабрику Сергей Максимович активно принялся за дела. Отец дал ему «полную доверенность» на управление всеми делами. При этом Максим Ефимович оставался официальным и единственным владельцем предприятия до конца своих дней. Это подтверждает такой факт. Как написано в материале Л. Р. Вайнтрауба, в 1893 г. работа Ивановской фабрики была приостановлена в связи с найденными санитарной комиссией отклонениями от нормы результатов проб воды на производстве. Для возобновления работы фабрики необходимо было получить свидетельство. В прошении, поданном в Московское губернское правление, говорилось о желании Максима Ефимовича Попова, «чтобы свидетельство на производство работ на фабрике было выдано на его имя, а не на Товарищество, так как фабрика принадлежит лично ему». Только после кончины М. Е. Попова в 1896 г. Ивановская фабрика по завещанию перешла его младшему сыну. Тогда Сергей Максимович стал не только фактическим, но и юридическим хозяином предприятия. Но это было потом.

А в 1889 г. (т.е. на следующий год после переезда в Ивановское) было подано прошение о разрешении проведения в некоторых корпусах фабрики строительных работ, касающихся перестройки наружных лестниц и осуществления внутренней перепланировки помещений¹⁴⁸. В деле оказались чертежи нескольких фабричных зданий (некоторые из них приведены в приложении–17).

В 1891 г. было подано прошение о разрешении построить на фабрике одноэтажное каменное здание «для помещения паровых котлов и паровой машины»¹⁴⁹.

При строительстве и ремонте фабричных корпусов использовались кирпичи собственного производства. Они изготавливались на кирпичном заводе, принадлежавшем фабрике (на нем работало 5 человек¹⁵⁰). Причем, по всей видимости, это был не тот завод, который построил еще П. Г. Цуриков и который остался во владении вдовы Анны Сергеевны после продажи фабрики, а другой. В пользу этого свидетельствуют клейма на кирпичах в сохранившихся немногочисленных постройках на территории фабрики. Клеймо «М.П.» расшифровывается как Максим Попов (кирпичи «быков» плотины, находящихся на берегу реки); «С.П.» означает Сергей Попов (кирпичи в остатках стен электростанции и в основании пешеходного мостика).

¹ В оригинальном тексте написано: «скученно».

Изо 3–50. Кирпичи с клеймом «М.П.» и «С.П.», 2022, 2021.

В архивном деле 1895 г. приводятся такие сведения: «Означенная [Ивановская] фабрика помещается в каменных, крытых железом, корпусах, из коих 5 одноэтажных, 4 двух-этажных, 3 трех-этажных. В сих зданиях размещены все машины, снаряды и аппараты, необходимые для производства, паровые машины и 4 паровых котла, а так же и спальни для рабочих. [...] В зданиях имеются как внутренние, так и наружные лестницы из несгораемого материала; здания прочны и опасности в пожарном отношении не представляют, воздуха в помещениях достаточно, вентиляция устроена удовлетворительно. [...] Получаемая от производства отработанные окрашенные воды с фабрики поступают в большой отстойный пруд, из которого, пройдя фильтр, устроенный по системе Германского поданного Бениша [...] поступают в речку Истру в совершенно очищенном виде»¹⁵¹.

Через год в другом архивном деле упомянуты существовавшие на фабрике отделения (цеха): «Прядильное, Ткацкое, Красильное, Отделочное, Шерстомойное, Мыловарное»¹⁵². Имелись две паровые машины в 110 сил, три водяных двигателя в 60 сил и четыре паровых котла. Изготовлено «разного суконного товара: сукна, драпа, кастора, фланели и пр., 13.082 куска».

В архивном деле 1899 г. приведены такие сведения о фабрике: годовой оборот 700 тысяч руб., здания оценены в 383.779 руб., а машины в 274.338 руб.¹⁵³.

К началу XX века все острее становился вопрос с топливом. На фабрике все увеличивалось количество паровых машин, росла их мощность. Становилось все больше построек на фабрике, которые требовалось отапливать. Продукты из нефти тогда еще мало применялись, использовали в основном дрова, потребность в них все возрастала. А где было их взять? Ведь лесные ресурсы Московской губернии все более истощались. И тут вернулись к тому предложению, которое еще полвека назад делалось П. Г. Цурикову – переходить на топливо в виде торфа. Торфяные болота недалеко Ивановской фабрики были. В 1900 г. Товарищество Ивановской фабрики заключило договор об аренде одной десятины торфяного болота с крестьянами деревни Фуниково Звенигородского уезда. Всю заготовку и перевозку торфа фабрика брала на себя. А крестьянам выплачивалось по одному рублю за каждую заготовленную кубическую сажень торфа. Так торф стал основным видом топлива на фабрике и оставался им вплоть до революции, и потом еще какое-то время при советской власти.

В 1902 г. был представлен проект о проведении электрического освещения на фабрике с установкой динамо-машины «системы Эриксона», приводимой в действие 4-сильным керосиновым двигателем¹⁵⁴. В то время рабочее напряжение было 120 В, использовались лампы накаливания 16 свечей (16 Вт).

В 1909–1910 годах был «поставлен паровой котел завода Фитцнер и Гампер, небольшая паровая машина системы Танге и устроена полная вентиляция помещений по системе Эрихсона»¹⁵⁵.

В том же году было заведено дело с названием: «О разрешении устройства полей орошения для очистки сточных вод на фабрике Т-ва Ивановской суконной м-ры [мануфактуры] Попова»¹⁵⁶. К делу приложен план территории фабрики, на котором показано расположение фильтров «полей орошения».

Из всего перечисленного видно, что Ивановская фабрика развивалась. Но не достаточно быстро и не в той мере, в какой требовалось. Постепенно предприятие становилось все менее прибыльным и конкурентоспособным, утратило роль лидера в суконной промышленности. По мнению А. М. Шуберт виной тому было прекращение поступления заказов на изготовление суконной материи для армии. Она указала причину: вероятно, Максим Ефимович, а потом и Сергей Максимович перестали

давать взятки представителям интендантского ведомства. Так ли было на самом деле – сказать трудно. Но после изучения различных документов сложилось впечатление, что главная причина спада производства была иной – хозяина фабрики не очень интересовало усовершенствование суконного производства ради увеличения прибыли. Деньги были для него не главным в жизни.

Как будет показано далее, Сергей Максимович много внимания уделял вопросам совершенствования условий труда и быта работников Ивановской фабрики. Стремление облегчить, улучшить жизнь рабочих шло порой вразрез с коммерческими интересами производства. Тому имеется множество свидетельств. Как написано в воспоминаниях А. М. Шуберт: *«Если культура на фабрике процветала, то производство хирело»*. О хозяине фабрики говорили, что, *«заботясь о культурных нуждах фабрики, пренебрегал обновлением технической стороны производства»*. И это вполне похоже на правду. Вот что писала та же родственница о дяде, когда тот в 1888 г. решился на переезд в Ивановское: *«он уже ехал с определенной целью посвятить себя не производству, а улучшению жизни рабочих и окрестных крестьян»*. Об этом же говорят и собственные слова Сергея Максимовича: *«я думал, что сумею хотя отчасти облегчить жизнь рабочих»*.

Преобразования в жизни рабочих

С первых же дней пребывания на Ивановской фабрике Сергей Максимович стал реализовывать свою мечту – помогать людям. В воспоминаниях он написал: *«Все мои усилия были направлены на то, чтобы облегчить и скрасить положение и жизнь рабочих. Уменьшение рабочих часов, улучшенное питание, образовательная часть, санитарные условия работы, медицинская организованная помощь — все эти вопросы в первую голову требовали моего участия и внимания»*.

В книге “Суконщики Поповы” написано, что по инициативе Сергея Максимовича в 1889 г. были составлены новые правила для рабочих, сразу изменившие в лучшую сторону их положение. Стало больше дней, когда фабрика не работала и люди отдыхали. Выходными стали практически все основные православные праздники (раньше это были только Пасха, Рождество и Масленица).

Было ограничено применение детского труда на производстве. На работу брались подростки только с 12 лет и по предъявлении *«метрических свидетельств»*. Согласно введенным еще при А. С. Цуриковой правилам внутреннего распорядка *«Малолетние рабочие принимаются только в отделение сортировки шерсти и намотки шпуль»*¹⁵⁷. При этом продолжительность рабочей смены у детей была меньше, чем у взрослых.

Много делалось и для улучшения питания. В первый же год своего пребывания на фабрике С. М. Попов устроил столовую для рабочих с недорогими горячими обедами. Фабрика дотировала часть расходов, в 1909 г. порция стоила в среднем 6 копеек. Несмотря на то, что работа столовой была убыточной для фабрики, ее не закрывали, ибо в ней обедали и ужинали до трети работников и более. Одновременно была организована бесплатная раздача чая.

Вскоре после переезда в Ивановское С. М. Попов организовал клуб и при нем библиотеку. Как уже говорилось в материале о Кураевых, в 1890 г. на фабрике состоялся первый народный спектакль (причем втайне от М. Е. Попова). Потом театральные представления стали регулярными: *«С 1890 по 1904 год было поставлено 110 пьес»*. Сергей Максимович также организовал любительские оркестры из рабочих и служащих (духовой и струнный), поддерживал церковный хор фабричного храма. Для всех желающих демонстрировались так называемые *«Туманные картинки»* (что-то типа коллективных сеансов просмотра диафильмов) на различные темы. Они вызывали живой отклик, и первое время зрительный зал даже не мог вместить всех желающих (подробнее об этом поговорим в следующей главе). Когда в начале XX века в русских городах стал появляться синемафотограф (так тогда называлось кино), на фабрику был приобретен за 500 рублей аппарат, на котором крутили взятые на прокат киноленты. Такие сеансы пользовались большой популярностью, людям подобное зрелище было в диковинку.

Прилагались усилия для улучшения условий проживания рабочих в фабричных помещениях (общежитиях). За организацию спален Ивановская фабрика удостоилась на Парижской выставке 1900 г. серебряной медали.

Для престарелых работниц фабрики была устроена богадельня (инвалидный дом). Введена сберегательная касса с выплатой высоких процентов по вкладам, организовано потребительское общество, открыта торговая лавка. В последующие годы стала осуществляться выплата пенсий по старости рабочим и служащим (так называемая *«эмеритальная касса»*). Выдавались ссуды на постройку домов.

В 1909 г. в большинстве отделений фабрики был введен 8-часовой рабочий день. Правда потом от этой затеи отказались и вернулись к 10-часовому рабочему дню.

С тем, чтобы повысить заинтересованность рабочих в производственных делах фабрики, С. М. Попов решил делиться с ними частью прибыли. Был организован фабричный совет из старост, избираемых в каждом отделении. В ведении этого совета было, например, распределение «наградных» денег между рабочими (что-то типа 13-й зарплаты). Фонд этих денег формировался из отчисления определенного процента с оборота фабрики, а также с паев Товарищества. По данным книги «Суконщики Поповы» Сергей Максимович передал часть своих личных паев: в пользу рабочих 20 паев и служащих 10 паев. По некоторым данным эти 30 паев соответствовали 300 тысячам рублей.

В начале XX века за счет фабрики были осуществлены две крупные постройки социального назначения. Это здание больницы и здание «Народного дома» (клуб) с постоянной сценой, костюмерной, помещением для библиотеки. Сюда была переведена чайная, там же стали проводиться киносеансы.

Сергей Максимович много делал хорошего и доброго для простых детей. Примерно в 1900 г. при фабрике был открыт детский приют и ясли (позднее подобные детские ясли были организованы в четырех соседних деревнях). Фабричная школа, построенная П. Г. Цуриковым, была преобразована в 2-классную министерскую, в ней была устроена библиотека. Ученики бесплатно получали горячие завтраки (в то время это было редкостью). Для перевозки в Ивановское ребят, живущих в деревне Петровской (3 версты от школы), во время ненастной погоды и плохой дороги бесплатно предоставлялись подводы. Нуждающимся ученикам приобреталась теплая одежда. Для девочек открыли класс рукоделия, а для мальчиков – ремесленный. В 1910 г. было открыто ремесленное училище со столярным и переплетным отделениями. Был введен ежегодный медицинский осмотр учащихся. На стипендии хозяина фабрики лучшие выпускники школы имели возможность продолжить обучение в семинариях и университетах (обучение в них, как правило, было платным и дорогим).

На Ивановской фабрике был открыт вечерний ликбез (ликвидация безграмотности) для взрослых, ведь многие рабочие не умели читать и писать.

Из перечисленного видно, как много было сделано на Ивановской фабрике для облегчения жизни рабочих. Но надо признать, что условия труда оставались тяжелыми, даже несмотря на проводимые С. М. Поповым преобразования. В книге «Суконщики Поповы» написано, что революционные волнения 1905 г. обошли Ивановскую фабрику стороной, т.к. требования, которые выдвигались бастующими, здесь еще раньше были «почти целиком удовлетворенными». Однако есть другое историческое свидетельство, которое данное утверждение опровергает. В 1937 г. в районной газете была опубликована заметка с воспоминаниями ветерана труда М. А. Макашова, который, судя по 58-летнему стажу, начал работать на фабрике еще при А. С. Цуриковой. Вот что в тексте было написано:

«Семь лет мне было, когда нужда заставила отца отдать меня на фабрику. Меня поставили в стригальную. Работал я, как и все, с 4 часов утра до 9 часов вечера. Спать хочется, а отец будит: — Вставай, сынок, скоро звонок будет... Жили мы в общей спальне. Это была большая комната с четырьмя рядами нар. В ряд друг с другом спали рабочие. Тут же ютились и семейные. Лежишь, а своя голова в чужую упирается. Только заснешь — толкнут, проснешься. А когда кто либо пьяный приходил, вся спальня не спала. А это часто бывало, особенно после получки. Так не спавши и идешь на работу. Нелегко приходилось. За работу от темна до темна платали 3 рубля в месяц на своих харчах. Столовой в то время не было. Ели мы все всухомятку. Картошку сварить и есть ее с хлебом. Это тебе и завтрак, и обед, и ужин. Через год мне рубль в месяц прибавили. По 15 копеек в день стал получать. А работа тяжелая. Измытаришься за день. Помню, со мной такой случай вышел: забрался я в товар отдохнуть немного и заснул. А я маленький был, среди товара меня и не видать. Ищут меня, ищут — нигде найти не могут. Большие суток я так проспал. Вот как измытарился!

Так вот и жили. Горе одно видели. Помню, ткачи забастовали. Было это еще до 1905 года. Три дня ткачи не работали,— прибавки требовали. Толку только не вышло. Другие цеха их не поддерживали. Несознательные мы тогда еще были. Одних ткачей с фабрики прогнали, других голод заставил за работу приняться. И снова все пошло по-старому. Вторая забастовка была в 1905 году. Вся фабрика бастовала. Мы требовали, чтобы рабочий день сократили и прибавку сделали, квартиры предоставили и собрания устраивать разрешили. Попову, хозяину, пришлось пойти на уступки. Но жить было все равно тяжело»¹⁵⁸.

Как видим, мнения насчет забастовок на фабрике разошлись. Где тут правда – судить сложно.

Добрые дела Сергея Максимовича Попова

География добрых дел Сергея Максимовича не ограничивалась Ивановской фабрикой, он помогал многим людям в Звенигородском уезде, в Москве и в других местах.

Ранее уже приводились его слова о стремлении «*послужить народу*». Этим принципом С. М. Попов и руководствовался всю свою сознательную жизнь. Он не гнался за высокими должностями, за почетом, работал там, где мог принести пользу обществу. Как он сам написал в своих воспоминаниях: «*Сначала я был избран только гласным, потом членом училищного совета, почетным мировым судьей, председателем санитарного совета, наконец, губернским гласным московского земства*».

В приобретенном имении Садки Звенигородского уезда С. М. Попов выделил 10 десятин земли для организации трудовой колонии для беспризорных детей. В Воскресенске помог построить «Народный дом» им. А. П. Чехова (здание сохранилось, в советские годы использовалось как кинотеатр, а сейчас в нем размещается драматический театр г. Истры). В том же городе Сергей Максимович немало средств жертвовал благотворительному обществу, организованному при земской лечебнице.

Помимо этого по воспоминаниям А. М. Шуберт: «*В Москве им был построен Дом призрения (инвалидный дом для старых жесенин) имени его матери М.Г. Поповой и на его содержание положен капитал. На Хитровом рынке, бывшем скопищем безработных, жуликов, нищих, он вложил часть своего капитала в строительство благоустроенной ночлежки, чайной и библиотеки. При значительной доле его денежной помощи также в Москве был учрежден Раковый институт (дань памяти любимой матушке, умершей от рака)*»¹⁵⁹.

В книге «Суконщики Поповы» говорится о том, что С. М. Попов помогал действовавшим в Москве Пречистенским курсам для рабочих. На постройку здания для курсов внес 14.565 руб., позже пожертвовал еще 4.565 руб. При его материальной помощи был построен туберкулезный санаторий «Яузлар» близ г. Ялта в Крыму. В нем пять коек содержались на средства Сергея Максимовича, на них размещались заболевшие туберкулезом рабочие Ивановской фабрики. В Рязани была построена богадельня (инвалидный дом) в память родителей. На станции Бологое С. М. Попов пожертвовал крупную сумму «*странноприимному дому для административно высланных, возвращавшихся из ссылки*».

Пожалуй, больше всего внимания Сергей Максимович уделял народному образованию, причем не только на своей фабрике, но и во всем Звенигородском уезде. Как писал в воспоминаниях Павел Попов (сын владельца фабрики), на средства отца в округе было построено 10 начальных школ¹⁶⁰. В тексте не были указаны названия населенных пунктов, их удалось установить из других документов. Оказалось, что помимо самого Ивановского помощь была оказана в сооружении училищ в г. Воскресенске (4-классное) и в селениях: Горки, Давыдовское, Еремеево, Ильинское Городище, Красновиново, Лужки, Лучинское, Наташино, Петровское, Троицкое (как видим, школ оказалось более 10). В некоторых из этих училищ Попов потом стал попечителем, содержал их на его средства.

Вот сколько много успел сделать один человек! Это далеко не полный перечень мест, куда в разное время поступала помощь от владельца фабрики (дополнительный материал приведен в конце девятой главы). Как отмечала Шуберт, он не любил себя афишировать: «*Если деятельность Сергея Максимовича Попова осталась нигде не отмеченной даже в печати того времени другими лицами, то только по причине крайней скромности этого человека, всячески избегавшего широкой огласки своих начинаний*»¹⁶¹. Надо полагать, что именно по причине скромности у С. М. Попова, по всей видимости, не было ни одного ордена, хотя, безусловно, он их заслужил своими добрыми делами.

Изо 3–51. С. М. Попов в мундире почетного мирового судьи. 1900-е, (АШ).

Сам Сергей Максимович в конце своих воспоминаний написал: *«Теперь, через 35 лет, когда жизнь уже почти кончается, я должен сознаться, что едва ли на каком-нибудь бы другом поприще я был бы более полезен, чем в деревне и на фабрике».*

Можно сказать, что в плане благотворительности, масштаба и географии помощи Сергей Максимович был похож на своего старшего родственника Павла Григорьевича Цурикова, о котором разговор еще впереди. Он застал живым дядю, владевшего Ивановской фабрикой. И можно предположить, что на его примере учился делать добрые дела. Но было и отличие. Если Цуриков в основном жертвовал православным храмам и монастырям, то Попов помогал больше народному образованию.

После прочтения этих строк у кого-то могло сложиться впечатление, что С. М. Попов был идеальным человеком, лишенным недостатков. Но это не так. Как известно, людей без грехов не бывает, были они у Сергея Максимовича. В следующей главе будет рассказано, как он уволил из фабричного училища Е. Д. Дубенскую за то, что она, как написано в воспоминаниях Шуберт, что была *«передовым и культурным педагогом»*¹⁶². А *«самостоятельно мыслящих»* людей С. М. Попов, оказывается, избегал. Та же родственница в своих воспоминаниях описала еще один некрасивый случай с увольнением. В доме Поповых много лет служила немка Пуля, которая занималась по хозяйству, много внимания уделяла младшему поколению. Дети ее обожали. А когда они выросли, то Сергей Максимович служанку просто рассчитал, *«отправил на все четыре стороны»*¹⁶³ (правда, назначил небольшую пенсию). А у Пули своей семьи не было, родных тоже, и идти ей было некуда. Как написано в воспоминаниях: раньше в богатых русских домах был обычай оставлять постаревшую прислугу доживать свой век при хозяевах, чтобы они не думали о крове и пропитании. Но Попов поступил иначе. Почему – осталось непонятно. Шуберт так и написала, что он обошелся со своей бывшей служанкой жестоко.

Трагичный конец жизни Сергея Максимовича Попова

После прихода к власти большевиков, Сергей Максимович, по всей видимости, полагал, что с ним поступят не так, как со многими фабрикантами. Он имел полное право на это рассчитывать, учитывая, сколько добра сделал людям, включая работников своей фабрики. Но, увы, его надежды не оправдались. Еще в феврале 1917 г. он оставил пост директора правления фабрики после того как *«один из рабочих публично назвал его эксплуататором»*. А вскоре и вовсе пришлось покинуть Ивановское, произошло это так: *«Сергей Максимович в последний раз ночевал в своем доме при фабрике. В Народном доме шел в это время митинг. Толпы рабочих шли туда мимо окон Сергея Максимовича. Слуга его, Иван Михеевич, сказал ему: “Рабочие что-то очень шумят, вы бы, Сергей Максимович, лучше поехали в Москву”. Дядя Сережа встал и уехал из Ивановского навсегда, бросив все вещи, библиотеку, документы, и вообще все. После этого дом Сергея Максимовича был тоже национализирован»*¹⁶⁴.

Все эти события стали тяжелым ударом для С. М. Попова. Такого неприязненного отношения к себе людей, которым столько много доброго сделал, он не ожидал. Тот самый случай на собрании, когда его публично назвали эксплуататором, очень сильно задел. *«Сергей Максимович был глубоко оскорблен главным образом тем, что никто из присутствовавших рабочих и служащих не посмел за него вступить. Расценки зарплаты на Ивановской фабрике были, правда, ниже, чем в других местах, но ведь он никогда не использовал для себя лично дивиденда с фабрики и отдавал его целиком для нужд рабочих»*¹⁶⁵.

Когда Сергей Максимович позже писал свои воспоминания, то отметил следующее: *«Конечно, фабричная жизнь была для меня тяжелым крестом. Все мои усилия были направлены на то, чтобы облегчить и скрасить положение и жизнь рабочих. Уменьшение рабочих часов, улучшенное питание, образовательная часть, санитарные условия работы, медицинская образовательная помощь – все эти вопросы в первую очередь требовали моего участия и внимания [...] Смело скажу в глаза всем людям, и дам ответ Богу на Страшном суде, что я всегда болел душой за меньшего брата, и если сделал для него не все, что должен, то виной тому были исторические условия моей эпохи и низкий уровень развития русского народа. И без того мне много доставалось упреков и от отца, и от других близких, родных и знакомых за мое идеальничество и снисходительность»*¹⁶⁶.

И вот после стольких лет неустанных забот получить в ответ такое безразличие и даже оскорбление. Как же порой бывают несправедливы люди по отношению к тем, кто столько сделал им добра! И тем обиднее такое отношение, когда Сергей Максимович вел жизнь достаточно скромную, учитывая,

сколько много денег он зарабатывал. Но он не был жадным человеком и не стремился к роскоши: *«Мне и в голову не приходило закабалить себя в деревню ради наживы денег!»* Вот что, к примеру, написано в воспоминаниях племянницы Шуберт про большой дом хозяина фабрики в Ивановском (IV):

«Обставлен крайне просто для богатого фабриканта-миллионера. Так, например, мебель была добротной, но простой. В доме не было ничего, так сказать, лишнего: ни дорогих ковров, ни редких картин, ни ценного хрусталя и др. Самыми ценными в доме были книжная и нотная библиотека. Сергей Максимович держал своих лошадей, но это был скромный выезд, для поездок или прямо в Москву (50 верст) или до станции “Крюково” (25 верст). Одевался Сергей Максимович также в высшей степени просто и даже курьезно: летом в чесучовом пиджаке, кепке и суконной тальме, а зимой — в простой шубе, валенках и маленькой барашиковой шапчонке, поверх которой, в большие морозы, повязывал еще солдатский баишлык. Вид далеко не шикарный. Не помню, чтобы Сергей Максимович сделал когда-нибудь какую-либо большую денежную затрату на свои личные прихоти, если не считать верховой лошади иноходца, на которой разъезжал один по окрестностям фабрики, и велосипедов для себя и детей, а также частых путешествий по Крыму»¹⁶⁷.

Теперь поговорим о последних годах жизни Сергея Максимовича, пришедших на советское время.

Вскоре после революции он переехал из Ивановского в свой дом в Москве на Новинском бульваре. Поначалу работал в одной из музыкальных библиотек. В начале 1920-х годов ему пришлось перенести несколько тяжелых ударов. В 1923 г. скончалась жена Любовь Васильевна, чуть позже дочь Любовь с маленьким сыном Симой. До этого умер зять, сестра и любимый племянник. В 1927 г. семья вынуждена была переехать в тесную коммунальную квартиру. В связи с болезнью (мозговой артериосклероз) Сергей Максимович вынужден был бросить работу. Будучи лишенцем и без права голоса, в паспортизацию 1931 г. был лишен права проживания в Москве, и семья перевезла его в подмосковный Клин. Сергей Максимович стал работать в доме-музее П. И. Чайковского. Там он написал популярную брошюру о композиторе. Однако вскоре директор музея, испугавшись одиозной фигуры бывшего фабриканта-миллионера, запретил Сергею Максимовичу посещать музей.

После этого, по словам А. М. Шуберт, произошло следующее: *«Дальше пошло еще хуже. С<ергею> М<аксимовичу> пришлось в 1931 году переехать, уже совсем одному, в один из подмосковных поселков. Больной старик, становившийся беспризорным, естественно все больше замыкался и озлоблялся. Начал упрямиться из-за мелочей. Перестал менять белье, ходил немытый, неопрятный. При кратких наездах в Москву чувствовал себя как бы лишним. Посещал родных, но эти посещения были лишь краткими визитами, а жить он был осужден один. В один из приездов в Москву у него произошло кровоизлияние в мозг, и 14 июня 1934 года он, не приходя в себя, скончался на 69-м¹ году жизни. Был похоронен на Ваганьковском кладбище»¹⁶⁸.*

В завершение все та же родственница писала: *«Так печально кончилась жизнь русского Роберта Оуэнаⁱⁱ, этого многострадального Иова, неведомого современниками и поэтому забытого в наши дни. [...] судьба С<ергея> М<аксимовича> выделяется своим трагизмом, поскольку ему пришлось видеть гибель всего того, что он создавал».*

Вот таким печальным оказался конец жизненного пути С. М. Попова. О его семье, детях разговор будет продолжен в конце девятой главы.

Очень многое из построенного бывшим владельцем Ивановской фабрики оказалось утрачено. Много, но, к счастью, не все. В Москве в Трехгорном переулке сохранился трехэтажный дом бывшего приюта для бедных, в Истре уцелело здание бывшего “Народного дома”, в пос. Троицком стоит величественный каменный храм. В притворе этого Божьего дома вывешена памятная доска, на которой написано: *«Сей Святый Храм в честь Святой Живоначальной Троицы основан 1904 года в 6-й день месяца июня усердием кандидата прав Директора товарищества Ивановской фабрики Сергея Максимовича Попова и других благотворителей».* Как сообщил нынешний настоятель Троицкой церкви о. Анатолий Игнашов, во время литургии поминается имя храмоздателя. Но многие ли прихожане знают о том, кем был Сергей Максимович?

ⁱ На самом деле С. М. Попов прожил 72 года.

ⁱⁱ «Роберт Оуэн — английский текстильщик, филантроп и социальный реформатор, один из основателей утопического социализма первой половины XIX века. Известен своими усилиями по улучшению условий труда на фабриках для своих рабочих и развитию экспериментальных социалистических общин» (интернет).

На могиле С. М. Попова на Ваганьковском кладбище был установлен обычный железный крест. Этот крест сохранился, а вот надпись на нем от времени почти уже стерлась. Разве достоин этот человек того, чтобы о нем все позабыли, и имя его оказалось стертым из памяти народной? Ответ на этот вопрос имеется в книге С. Ю. Мамаева: «Считать ли жизнь Сергея Максимовича Попова прошедшей бесследно? Те, кто знал его, кто общался с ним, видели, что жить можно не только для наживы, не только ради себя, не только для вкушения “земных радостей”. Да, таких людей немного, но они были и будут во все времена. Бескорыстные, деятельные, участвующие в жизни других, служащие благоустройству земли, на которой они живут, в конце концов, просто трудолюбивые и просвещённые – это и есть соль земли!»¹⁶⁹.

Очень верные слова, добавить к ним нечего, кроме одного: жизнь С. М. Попов прожил не зря.

1918–1941: Ивановская, потом Октябрьская фабрика

Первый год советской власти не принес больших изменений в работу предприятия. Об этом свидетельствует архивное дело ЦГАМ, в котором имеется протокол «обыкновенного собрания гг. пайщиков Т-ва Ивановской суконной фабрики Попова, состоявшегося 20-го сентября 1918 года»¹⁷⁰. Среди обнаруженных документов это архивное дело оказалось последним по времени, когда предприятие принадлежало Поповым.

На собрание прибыло 8 пайщиков, владеющих 618 паями и имеющих 154 голоса. Среди этих восьми человек шестеро принадлежали к семейству Поповых. Помимо них были С. И. Топленинов и С. М. Козлов. На собрании утвердили финансовый отчет о работе фабрики за прошедший год, определили размер выплаты дивидендов. В отчете правления было отмечено, что «Прибыль от продажи товара»¹⁷¹ составила 2.597.272 руб., а «Жалование рабочим и служащим» 1.872.412 руб. Директором Ивановской фабрики на три следующих года был избран Михаил Александрович Попов. Однако ему не суждено было отработать свой срок. В 1919 г. его арестовали в Москве.

Национализация фабрики, ее переименование

К сожалению, нет точных сведений о том, когда была национализирована Ивановская фабрика. Это могло произойти как в конце 1918 г., так и в 1919-м. Увы, также пока не удалось найти документа о переименовании Ивановской фабрики в Октябрьскую, можно лишь говорить о примерном сроке. В архиве ЦГАМО сохранились документы 1921 и 1922 годов, в которых предприятие именовано так:

Изо 3–52. Штамп Октябрьской фабрики, 1924.

«Ивановская суконная фабрика (бывш. Попова)». А вот в другом деле того же архива за 1924 г. приведено уже иное название: «Трест “Моссукно”. Октябрьская Государственная Суконная фабрика»¹⁷². Через несколько лет название чуть изменилось: «Октябрьская суконная фабрика тонких сукон треста “Моссукно”».

Уточнить время переименования предприятия помогла заметка, напечатанная в районной газете “Воскресенские известия” в 1923 г. В ней говорилось: «Не подалеку от Октябрьской ф-ки, всего на расстоянии ¼ версты находится дом бывшего фабриканта¹, в котором проживают семьи рабочих и служащих. Правда, помещение для зимнего жилья не совсем подходящее, но при квартирном кризисе на ф-ке все-таки приличное. Живут там небольшие семьи по 2 по 3 человека, а есть и совсем одинокие, и особенных претензий ф-ке не предъявляют, за исключением двух “барышень”, которым жить там по их мнению невозможно»¹⁷³.

Исходя из всей собранной информации получается, что Ивановскую фабрику переименовали в честь Октябрьской революции в ее пятую годовщину (7 ноября 1922 года).

¹ Скорее всего, речь идет про большой дом Цуриковых-Поповых (IV).

Работа предприятия в довоенные годы

В книге «Истринская земля» написано: «В Гражданскую войну фабрика не останавливалась, без нее существование окрестных деревень было немыслимо. Но в начале 1920-х гг. шли разговоры о нерентабельности производства, о закрытии фабрики... До этого, впрочем, дело не дошло»¹⁷⁴.

Информация о том, что фабрика «не останавливалась» опровергается историческим источником. В одном из архивных дел записано: «Фабрика пущена в ход только с 9 ноября [1921]. Правильного хода работы в ноябре быть не могло, т.к. пришлось после 7 месячн. стоянки фабрики все машины налаживать, станы заправлять вновь, изменять номенклатуру сортов приспособляясь к новой экономике. Главным препятствием правильному ходу работ мешает отсутствие кардолент, [...] приводных ремней. Если таковые материалы и назначают по распределению, то Главтекстиль неотпускает таковые за отсутствием у треста кредита»¹⁷⁵.

Под этими словами стоит подпись директора фабрики В. Прохорова. По воспоминаниям А. М. Шуберт в 1921 г. он сменил на этой должности М. А. Попова. **Василий Михайлович**

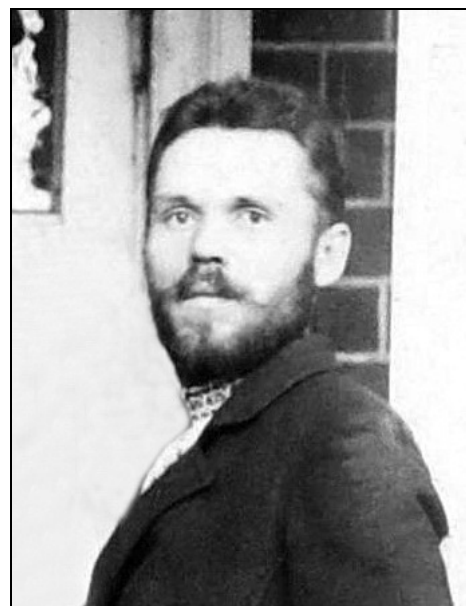
Прохоров был конторским работником еще при Поповых, участвовал в любительских спектаклях. Как написано далее в воспоминаниях, он был любимцем С. М. Попова «за выдающиеся театральные дарования [...] хотя и алкоголик»¹⁷⁶. Однако та же Шуберт в другом месте писала: «к дяде С. М. Попову [...] пришел после венчания в церкви его конторщик В. М. Прохоров с молодой женой. [...] И вот, С. М. так же как когда-то Голохвастов не пустил молодоженов дальше передней, куда и вынес им по рюмке».

В. М. Прохоров есть на коллективных фотографиях работников Ивановской фабрики (приложение—18, изо Р—49, Р—51). Однако он недолго руководил фабрикой, т.к. в другом архивном деле за 1924 г. директором указан А. Г. Тимман. А в 1925 г., сменяя друг друга, директорами записаны Симакин, З. Л. Лейбинецкий (?), А. А. Григорьев¹⁷⁷. Вообще же, анализ документов показывает, что директора Октябрьской фабрики менялись часто. Порой на руководящую должность назначали людей «со стороны», которых местные проблемы похоже не очень волновали.

Хотелось бы еще привести цитату из книги «Истринская земля»: «К 1924 г. при 8-часовом рабочем дне фабрика достигла 75,5% довоенной выработки, ассортимент усложнился: фасонное трико, дамское тонкое сукно, разные виды драпа, одеяла, платки и т. п. На 1 августа 1924 г. на фабрике было занято 711 рабочих (457 мужчин и 254 женщины) и 78 человек служащих»¹⁷⁸.

Изо 3—54. Октябрьская фабрика, 1920-е. (семейный архив А. С. Волкова).

Изо 3—53. В. М. Прохоров, 1898—1904?

В интернете обнаружена фотография, относящаяся примерно к этому времени. Она подписана так: «Фотография из архива бывшего работника фабрики Александра Спиридоновича Волкова, которую прислал Дмитрий Анатольевич Дроздецкий»¹⁷⁹. На переднем плане виден лозунг, характерный для 1920-х годов. Напомним, что ранее приводился другой снимок из того же семейного архива.

В архиве ЦГАМО хранятся несколько дел по заготовке торфа на Баемом болоте для нужд фабрики в 1920-х годах. В

одном из них написано, что в 1925 г. случился «Перерасход топлива [торфа] в связи с прорывом берега реки на плотине Октябрьской суконной фабрики»¹⁸⁰.

В конце 1929 г. обсуждался вопрос о плохом состоянии подъездной дороги от железнодорожной станции Манихино до фабрики, которая «не ремонтировалось еще с дореволюционного времени». Эта дорога пришла «в полную негодность, особенно после перевозки котлов для фабрики». В результате уменьшились количество и скорость доставки грузов, фабрика несла убытки: «При хорошем состоянии шоссе, каждая лошадь может делать три ездки с нагрузкой от 80 до 100 пуд., т.е. в рабочий день перевозит от 240–300 пуд., при настоящем состоянии шоссе, лошадь может сделать 2–2,5 ездки с нагрузкой в 40–50 пудов, что составят 80–125 пуд. на лошадь в рабочий день. При стоимости одного лош.-дня в 9 р. 85 коп. стоимость провоза одного пуда при хорошем шоссе обходится 3,65 коп. а при плохом 9,85 коп.»¹⁸¹. Отметим еще, что в это время предприятие называлось «Октябрьская государственная суконная фабрика № 24 шерстяного треста».

В 1931 г. предприятие за хорошую работу завоевало переходящее Красное знамя. В это время на нем работало около 900 человек. Но фабрика в передовиках находилась недолго. Уже в середине 1930-х гг. постоянно была, как тогда писали, «в прорыве», план не выполнялся. И знамя отобрали.

Далее цитата из энциклопедии «Истринская земля»: «В 1939 г. фабрику неожиданно перевели на выработку военного сукна. Хлеб сразу подорожал с 75 коп. до 1 руб. Вместо пятидневной рабочей недели сделали семидневную. Конторщики раньше работали 6 часов в день, теперь стали работать по 7 часов. Фабрика, выпускавшая тонкую шерстяную ткань, стала производить ткань толстую, шинельную и ткань для командного состава. В день она «одевала» примерно батальон. В 1941 г. пришел приказ: эвакуировать оборудование, на станции Манихино его погрузили. Часть оборудования ушла в Ташкент, часть — в Тбилиси. Для налаживания работы оборудования на новых местах туда выехали наиболее опытные специалисты фабрики и часть рабочих»¹⁸².

Уничтожение Октябрьской фабрики

В ноябре 1941 г. перед самым приходом немцев в Ивановское советские саперы взорвали корпуса фабрики. Но не совсем удачно: «Пятидесятиметровая труба при взрыве покачалась-покачалась и осталась на месте». Также уцелела часть стен. Это хорошо видно на снимке времен войны.

Так суконная фабрика прекратила существование на 125-м году своей истории.

Враг оккупировал нашу землю около двух недель. Когда фашистов прогнали, люди стали возвращаться в родные места. Но фабрику восстанавливать не стали. Около 10 лет простояли остовы

Изо 3–55. Руины Октябрьской фабрики после взрыва, зима 1941–1942?

зданий, об этом писала А. М. Шуберт: «В течение ряда лет, однако, продолжали еще стоять стены фабричных корпусов с пустыми глазницами окон, трубами и несколько случайно уцелевших сараев, башня с часами и фабричные ворота с чугунными урнами». Когда в первой половине 1950-х годов для нужд обороны в Московской области строили так называемую «бетонку» (нынешнее шоссе А–107), остатки зданий разобрали на бут для этой дороги.

В настоящее время мало что говорит о том, что здесь когда-то была крупная суконная фабрика, на территории которой было несколько десятков больших и малых разноэтажных корпусов, построенных из кирпичей. До нашего времени уцелели лишь несколько небольших зданий. Обводной канал оказался почти засыпан, в нем теперь нет речной воды.

Изо 3–56. Уцелевшие здания фабрики, 2012.

Изо 3–57. Остатки обводного канала, 2022

Изо 3–58. Место, где прежде стояла мельница, 2023.

Глава 4. Школа, больница и другие учреждения фабрики

Отчеты вспомогательных учреждений фабрики

В начале XX века стали ежегодно издаваться небольшие книжки, озаглавленные «Отчет Товарищества Ивановской суконной фабрики за [такой-то ...] год». Потом название чуть изменилось: «Отчет вспомогательных учреждений при Ивановской суконной фабрике Т-ва Попова за [...] год». Перечень «вспомогательных учреждений» с каждым годом все расширялся. Вот, например, какие разделы вошли в отчет за 1909–1910: больница, училище, приют для детей, богадельня для старух, библиотека-читальня, столовая, чайная, лавка, хлебная пекарня, сапожная мастерская, пенсионная касса, сберегательная касса, ссудовспомогательная касса, чтения с туманными картинами, лекции и синемаграф, фабричные спектакли¹. Также приведены сведения о капитале Успенской церкви.

Из перечисленного во времена П. Г. Цурикова существовали только больница, школа и церковь. О наличии других учреждений в те годы сведений нет, за исключением разве что бани. Все остальное появилось позже, когда владельцем фабрики стал С. М. Попов. Но и при Цурикове «вспомогательные учреждения» появились не сразу, а лишь во второй половине 1860-х годов, когда Павел Григорьевич стал достаточно богатым фабрикантом. К этому времени у него появилось понимание того, что больница и школа крайне необходимы простым людям. А он имеет возможность эту потребность удовлетворить. Обязательных требований на наличие подобных учреждений со стороны властей в те времена еще не было¹, такие вопросы хозяева предприятий решали на свое усмотрение.

Далее в настоящей главе пойдет разговор о том, когда на Ивановской фабрике появились первые «вспомогательные учреждения», а именно училище и больница, как они впоследствии перестраивались, кто в них работал. Акцент в рассказе будет сделан на времена Цуриковых (до 1887 г.), потом повествование станет более кратким за исключением Успенской церкви, история которой будет подробно изложена в следующей главе вплоть до разрушения в советские годы. Остальные учреждения фабрики будут лишь кратко упомянуты.

Особенности народного образования в конце XIX века

Прежде чем начать рассказ об училище при Ивановской фабрике, хотелось бы немного остановиться на особенностях народного образования сельского населения в Российской империи.

В сельской местности Московской губернии школы стали появляться в массовом порядке в последней четверти XIX века, большая часть открывалась на средства земства. Классы тогда назывались отделениями, обучение, как правило, длилось три года. Было младшее отделение (по нашему 1-й класс), среднее (2-й) и старшее (3-й). Учитель был один, причем его жилище (как тогда писали – «квартира») обычно находилось в том же школьном здании.

В сельском училище была, как правило, одна классная комната, занятия во всех трех отделениях проходили одновременно. Дети первого года обучения рассаживались на партах в одном ряду (или углу), второго года – в другом месте, и третьего – в третьем. Когда учитель одному отделению что-то объяснял, другие ребята в это время самостоятельно выполняли свои задания. Можно представить, как тяжело приходилось одному учителю вести учебный процесс с ребятами трех отделений одновременно. И чем больше было учеников – тем труднее. Дети есть дети.

Число учащихся в типовой сельской школе обычно не превышало 40–50 человек. Но старшее отделение оканчивали немногие – как правило, меньше половины из начавших учебу. Причины отсева были разные. Кто-то переходил в другие школы, кто-то оказывался неспособным к учебе и бросал занятия, а кто-то умирал за это время (детская смертность была высокой). Но было много и таких, кто хотел и мог учиться, но семейные обстоятельства не позволяли. Крестьянские семьи были, как правило, многодетными, в них каждая пара рабочих рук была на счету. Поэтому родители, которые зачастую сами были неграмотными, считали достаточным, если их ребенок хоть как-то научился писать, считать и читать. И забирали его из школы, поручали выполнение домашних дел.

¹ Позднее в Российской империи был издан указ, регламентирующий, чтобы на предприятиях на каждую сотню работников имелась одна больничная койка.

1868–1875: Первое училище (церковно-приходское)

Переходим теперь к суконной фабрике. В середине XIX века ближайшее к деревне Ивановской училище находилось в г. Воскресенске (ок. 10 верст). Потом появилась школа поближе – в селе Лужки. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Была ли школа из Лужков переведена в Ивановское?

В «Исторических сведениях» говорится: *«Школа при фабрике получила свое начало одновременно с церковью, т.е. в 1868 году. Она была переведена из села Лужков, где существовала до того времени в виде приходской»*². Упомянутое село было ближайшим к деревне Ивановской, в нем находилась приходская Петропавловская церковь. Как уже говорилось, после смерти в 1852 г. Григория Михайловича Цурикова, который был церковным старостой этого храма, на указанную должность прихожане избрали его сына Павла. 8 ноября 1861 г. в Лужках было открыто выстроенное П. Г. Цуриковым училище, он стал его содержать на свои средства. Отдельного преподавателя тогда еще не было, детей учили клирики Петропавловской церкви, причем делали это *«безмездно»*, т.е. без оплаты.

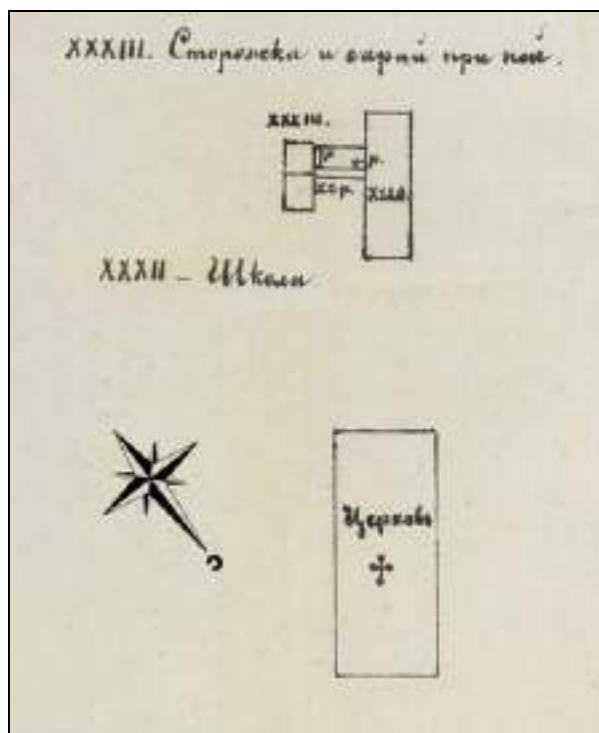
Как написано в архивном деле РГАДА, 16 июля 1865 г. с разрешения *«Его Императорского Величества»* училище в Лужках было разрешено именовать *«Цуриковским»*³. К сожалению, подробностей об этом важном событии найти не удалось. Но примерно зная, как в те времена решались подобные вопросы, можно предположить следующее. П. Г. Цуриков как устроитель и попечитель приходского училища в Лужках вышел с ходатайством о присвоении учебному заведению наименования в память своего отца, бывшего церковного старосты Григория Михайловича (возможно, и в память матери Матрены Анисимовны тоже). Право на такое ходатайство он имел, подобным образом поступали и другие благодетели, построившие за свой счет школы, больницы, богадельни.

Однако вернемся к цитате, в которой про школу написано: *«была переведена из села Лужков»*. В принципе, Павел Григорьевич, наверное, мог добиться разрешения о переводе на фабрику училища, которое было построено в селе на его средства. Но тогда при закрытии школы в Лужках местным детям пришлось бы ходить на учебу в Ивановское за три версты. Таких ребят было немало. По сведениям архивного дела в Лужковской школе в 1862 г. учились 42 мальчика и 18 девочек⁴.

Есть и еще одно немаловажное соображение. После перевода прежнее училище, которому было присвоено имя *«Цуриковское»*, закрылось бы. Пошел бы на это Павел Григорьевич? Сомнительно. Да и исторические документы не подтверждают закрытие училища в селе после открытия школы при фабрике. Согласно архивным делам, училище в Лужках работало в 1870 г., в 1873, и даже в 1877. По документам оно было ликвидировано много позже – в конце 1870-х годов. А в 1890-м вновь открылось как церковно-приходское. Так что приведенные слова о переводе училища на фабрику, скорее всего, ошибочны.

Как будет рассказано в следующей главе в 1862 г. (т.е. год спустя после открытия школы в Лужках) Павел Григорьевич подал прошение о дозволении *«построить вновь каменную трех престольную церковь, с образованием при ней нового причта и училища»*. Через два года он получил разрешения на постройку при своей фабрике зданий церкви и приходского училища⁵. Храм начали строить вскоре после этого. Объем работы предстоял значительный, стройка Божьего дома растянулась на четыре года. По сравнению с каменной церковью возведение небольшого деревянного здания училища не представляло собой таких трудностей, можно было управиться за один теплый сезон. Поэтому строительство школы могли начать позднее.

Так или иначе, к 1868 г. постройка училища при суконной фабрике была завершена. Как написано в «Исторических сведениях»: *«Школа в Ивановском поместилась в одном здании с церковной сторожкой; преподавателем состоял приходский священник от. [отец] Волхонский, которому помогали остальные члены причта»*. Согласно обнаруженным историческим документам училище было одноэтажным, с единственной классной комнатой и несколькими служебными помещениями. Все помещения были под одной крышей. Школьное здание находилось на церковной земле напротив колокольни Успенского храма в 30–40 метрах в юго-западном направлении. Это хорошо видно на плане местности Ивановской суконной фабрики. Данный план датирован 1882 г., когда уже существовало два школьных здания, соединенных коридором (*«кор.»*). Меньшее по размерам здание (левое на рисунке), обозначенное XXXIII, и есть первая школьная постройка. К моменту составления плана старое здание было переоборудовано, в нем уже не было классной комнаты, имелись только *«сторожка и сарай при ней»*.

Изо 4–01. План Ивановской суконной фабрики (фрагмент)⁶, 1882.

составе причта Успенской церкви в то время помимо о. Иакова находились дьякон Димитрий Степанов, дьячек Петр Глебов и пономарь Семен Любимов. Кто-то из этих служителей (а может и все вместе) обучали детей разным предметам. Кому, какие уроки из школьной программы досталось преподавать – осталось тайной. Но известно, что клирики Успенской церкви делали это бесплатно, за свой труд ничего не получали. Так продолжалось несколько лет.

Училище в Ивановском хоть и считалось по документам церковно-приходским, но содержалось не храмом, а целиком за счет П. Г. Цурикова, а точнее его фабрики. В «Исторических сведениях» написано: «Учащихся бывало до 40 человек, из них — до ¼ девочек⁷. В год открытия училища в него поступило 19 мальчиков и 16 девочек⁷. Из них мещанских детей было 12, крестьянских 22. И только один был из «цеховых» (надо полагать, был ребенком рабочего фабрики).

1875–1878: Второе училище (фабричное) – его строительство, первые годы работы

Спустя семь лет после открытия первой школы по распоряжению Павла Григорьевича рядом с существующим зданием было построено новое, более просторное (на приведенном плане оно помечено XXXII). Зачем это было сделано? Ведь школьное здание за такой короткий срок еще не успело обветшать. Проблема была в другом: существующее учебное помещение оказалось недостаточным, в нем не могли поместить все желающие учиться. Ведь количество работников фабрики все время росло, некоторые жили в общежитии вместе с детьми. В результате очень скоро существующее здание школы оказалась тесным. Павел Григорьевич это понял, и свою ошибку быстро исправил.

Открытие новой школы состоялось осенью 1875 г. Об этом важном для работников Ивановской фабрики и жителей окружающих селений событии была напечатана небольшая заметка в епархиальном журнале (она приводится с сокращениями, полный текст см. в приложении–6):

«В настоящее время г. Цуриков, движимый христианской любовью к детям, вновь устроил, на каменном фундаменте и крытое железом, обширное и красивое помещение для училища, в котором с удобностию может поместиться до 80 человек. Это новое училище тем благодетельнее для нашей, скудной средствами образования для крестьян, местности, что оно, при своей обширности, дает возможность обучаться в нем грамоте детям и других ближайших к нам приходов. Для обучения детей, кроме законоучителя приходского священника, г. Цуриковым за приличное вознаграждение приглашен учитель, из окончивших курс Рязанской семинарии, известный Звенигородскому училищному совету. Прежняя же школа, после внутренней переделки, обращена в квартиру для

Первые учителя – клирики Успенской церкви

О первом, построенном в 1868 г. училище при Ивановской фабрике, информации сохранилось совсем немного. Известно, что своего учителя в ней не было. Школа была церковно-приходской, детей учили члены причта Успенской церкви. Об этом написано в приведенной выше цитате, указана фамилия священника Волхонского. При этом имя батюшки не приведено. Однако известно, что его звали Яков Никитич (в церковных документах писали о. Иаков). Это был опытный священник, который более 20 лет прослужил в соседней Петропавловской церкви, являлся благочинным, преподавал в той самой церковно-приходской школе в Лужках, построенной П. Г. Цуриковым. Об этом достойном батюшке подробнее поговорим в четвертой главе, а сейчас лишь отметим следующее. Когда Павел Григорьевич построил при фабрике Успенскую церковь, то пригласил о. Иакова в ней служить. Священноначалие с этим согласилось, и 4 сентября 1868 г. Волхонский был переведен на должность настоятеля новопостроенного храма.

В той же цитате отмечено, что в обучении детей священнику «помогали остальные члены причта». В

учителя и снабжена необходимою и приличною мебелью»⁸.

Сколько стоило строительство нового школьного здания? В приведенной заметке об этом не говорится, ответ нашелся в архивном деле РГИА: П. Г. Цуриков потратил на это доброе дело 5.500 руб.⁹. Совсем немаленькая по тем временам сумма. Обычно, строительство сельских школ стоило одну, полторы, максимум две тысячи рублей. Повышенные затраты говорят о том, что построенное в Ивановском училище не было типовым. Об этом свидетельствует и то, что оно было рассчитано на большее число учеников (80 против обычных 40–50).

После завершения строительства новой школы Павел Григорьевич прожил менее трех лет. Он заранее предусмотрел, на какие средства будет существовать училище в будущем. Для этого в специальный фонд (банк) был положен капитал, на который ежегодно начислялись проценты (обычно от 4% до 5%). В исторических источниках не сообщается, когда был внесен этот целевой капитал. Логично предположить, что он был предусмотрен в завещании П. Г. Цурикова. Эта догадка подтверждается словами одного из некрологов: «Незабыты им, в этом отношении, и два приходския училища в городе Воскресенске и при фабрике, им устроенныя и в которых он был все время попечителем: и оне обезпечены также капиталами (по 10 тысяч каждое) на свое содержание»¹⁰. Правда в «Исторических сведениях» приведена иная сумма – 12.100 руб.¹¹. Это расхождение в цифрах можно объяснить так. Со временем кто-то (скорее всего, хозяин Ивановской фабрики С. М. Попов) мог увеличить школьный капитал. А может проценты с капитала Цурикова не тратились, а накапливались. Ну а текущие расходы на содержание училища фабрика покрывала из своих средств.

С момента постройки в 1875 г. нового здания Ивановское училище перестало быть церковно-приходским, его теперь называли фабричным. Тем самым официально было подтверждено, что все затраты по содержанию училища взяла на себя контора Ивановской фабрики. Так в 1876–1877 учебном году ею было отпущено на школьные нужды 800 рублей.

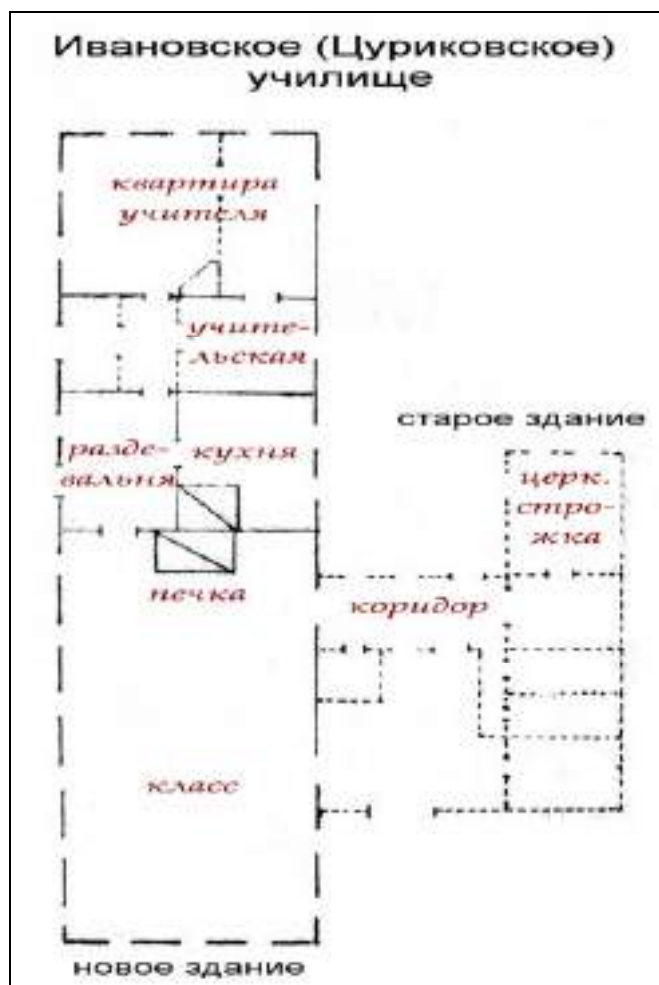
Планы школьных помещений

Сохранилось несколько планов училища. Первый из них – это приведенный фрагмент плана Ивановской фабрики 1882 г. (изо 4–01). Два других – это более детальные чертежи школы с показом внутренних помещений, расположением дверей, окон, печей.

На чертеже 1894 г. приведена планировка только нового здания. На плане в южной части школы показаны две смежные классные комнаты с одной печкой. В противоположной стороне находилась «квартира учителя»¹² из одной комнаты с печкой. Получается, что семья преподавателя жила в том же здании, где проходили учебные занятия. Между квартирой и классом находились прихожая, раздевалка («раздевальня») и кухня.

На плане 1912 г., на котором показаны оба здания (старое и новое) с соединяющим их коридором, видно, что произошла перепланировка помещений в новом здании. Между двумя классами была убрана перегородка и получилась одна большая комната. Печка также была перенесена. А вот комнату учителя напротив разделили на две. Появилась также учительская, она составила половину бывшей прихожей. Здесь приводится в качестве примера школьный план 1912 г., на него нанесены поясняющие надписи.

Хотелось бы обратить внимание на то, что на приведенном плане училище при Ивановской

Изо 4–02. Реконструкция плана помещений фабричной школы, 1912.

фабрике названо «Цуриковским»¹³. А в страховом деле РГИА 1910 г. имеются такие слова: «Ближайшая к церкви постройки: Двухклассное имени Павла Григор. и Анны Сергеевны Цуриковых деревянное, крытое железом, земское училище, – с западной стороны на расстоянии 15 саж.»¹⁴. Когда школе присвоили фамилию бывших попечителей – нигде не сообщается. Вероятнее всего, это произошло после смерти Анны Сергеевны († 1907) и инициатором выступил ее племянник, владелец фабрики С. М. Попов. По его инициативе в разные годы получили название Цуриковских несколько учебных и медицинских учреждений (подробнее об этом разговор пойдет в седьмой главе).

В сборнике Погожева 1882 г. приводится следующее описание учебного заведения при фабрике: «Школа помещается в бревенчатом, одноэтажном, крытом железом здании и состоит только из одного общего класса, дл. 18 ар., шир. 11 ар. и выс. около 4 ар. [18,2 на 7,8 на 2,8 метров]; остальная часть здания занята раздевальной и квартирой учителя. Классная комната достаточно освещается 12 окнами, в 1 $\frac{3}{4}$ кв. арш., отапливается большой голландской печью; для вентиляции в окнах вставлены две больших вертушки, но форточек в зимних рамах не имеется. Ретирад [туалет] для учеников доступен изнутри крытого коридора между зданием школы и помещением для сторожа; ретирад состоит из отделения для мальчиков и девочек; в каждом отделении по 2 досчатых писсуара; столячков не имеется, но выгребная яма просто прикрыта досками с прогалами, шир. в $\frac{1}{2}$ ар., причем следует заметить, что упомянутые прогалы на столько широки, что ребенок нечаянно легко может упасть вниз в яму ретирада. В смежном ретираде для учителя устроен деревянный столячок с крышкой, а над выгребной ямой поставлена деревянная вытяжная труба»¹⁵.

Первые учителя Ивановской школы

Начиная с 1880-х годов о фабричном училище довольно много информации. В это время в каждом уезде Московской губернии стали ежегодно заполняться так называемые «Статистические отчеты по школам», в них была информация по каждому училищу. Указанные отчеты представляли собой отпечатанные в типографии бланки, которые заполняли сами учителя. Это очень ценный источник информации, жаль только, что не за все года удалось найти отчеты.

После изучения статистических отчетов разных лет, а также других исторических источников были установлены фамилии преподавателей, работавших в разные годы в Ивановском училище в дореволюционное время. Собранные сведения представлены в виде таблицы. Для XIX века информация полная, а для следующего столетия ситуация иная – перед самой революцией в Ивановской школе появились учителя, которые не внесены в таблицу (их фамилии приводятся далее в тексте).

Преподаватели Ивановской школы до революции

Учителя	Законоучители (священники)
1868–1875: пришт Успенской церкви	1868–1887: Иаков Никитич Волхонский
1875–1877: Михаил Иванович Сафонов	1887–1900: Николай Николаевич Голубев
1877–1895: Сергей Васильевич Соловьев	1900–1914: Иоанн Иосифович Бобцев
с 1893: Софья Александровна Обновленская	1914–1918: Николай Мефодиевич
1895–1898: Екатерина Дмитриевна Дубенская	Виноградов
с 1898: Павел Николаевич Бенедиктов	

1875–1877: Учитель Михаил Иванович Сафонов

С постройкой второго школьного здания произошло важное изменение в организации учебного процесса: для обучения детей был приглашен специальный учитель. Об этом сказано в тексте заметки, приведенной выше: «г. Цуриковым за приличное вознаграждение приглашен учитель, из окончивших курс Рязанской¹ семинарии». Фамилия не названа. Из других источников стало известно, что его звали Михаил Иванович Сафонов. В одном из архивных дел сообщалось, что после окончания семинарии Михаил поступил на место священника в Бердянский уезд¹⁶. Каким образом он оказался в Ивановском – осталось неизвестно.

Как уже отмечалось, новое школьное здание было рассчитано на 80 учеников. Эти данные подтверждаются документально. Так в первый учебный год (1875–1876) работы преподавателя Сафо-

¹ Интересно, простое ли это совпадение, что компаньон Цурикова М. Е. Попов был родом также с Рязанщины?

нова, по данным “Исторических сведений” в Ивановской школе обучался 71 ученик, включая 7 девочек. В следующем году уже было 70 мальчиков и 9 девочек¹⁷. Михаил Иванович преподавал все предметы, кроме Закона Божия, который остался за настоятелем фабричного храма о. Иаковом.

К сожалению, о первом учителе М. И. Сафонове информация скудная. В воспоминаниях родственников Поповых о нем ни слова. Увы, нет данных о происхождении Михаила Ивановича. Осталось неизвестным, был ли он женат, имел ли детей (вполне вероятно, что во время пребывания в Ивановском оставался холостым).

Удалось лишь найти сведения о зарботке учителя. В предыдущей главе приводилась фотокопия зарплатной ведомости за апрель 1876 г. (изо 3–33), в ней рукой Цурикова написано: *«учителю Михаилу Иванычу – 40 р.»*. Как отмечено далее в том же документе, в другие месяцы Сафонов получил 100, 35, 25, 45, 80 рублей (некоторые из этих сумм были проставлены в ведомости рукой Павла Григорьевича). В еще одном деле указан годовой оклад учителя 400 рублей.

Проработав два года, Михаил Иванович покинул Ивановскую школу. Было непонятно, что явилось причиной ухода. Ответ был найден в архивном деле, в котором про Сафопова написано следующее: *«От места отказался по неприятностям с самим учредителем школы Цуриковым»*¹⁸. Получается, что учитель чем-то не устроил попечителя училища, владельца фабрики. К сожалению, в документе не указано, что именно не понравилось Павлу Григорьевичу. Это тем более странно, т.к. Сафонов получал хорошие отзывы от проверяющих. Так в том же деле про него написано, что он отличается *«как способностями к педагогической деятельности, так и усердием к делу народного образования, что резко отражается в успехах детей»*. А в другом деле сказано: *«Из всех наставников выдаются [...] усердием в преподавании: Ивановской школы учитель Сафонов»*¹⁹.

Дальнейшая судьба первого учителя Ивановской школы осталась неизвестна.

1877–1895: Учитель Сергей Васильевич Соловьев

По данным “Исторических сведений”: *«В 1877-м году место учителя занял С. В. Соловьев, окончивший курс Поливановской семинарии»*. Пришедшего в Ивановское училище преподавателя звали Сергей Васильевич. Вполне возможно, что его пригласил Павел Григорьевич (он умер несколько месяцев спустя после прихода нового учителя). О втором учителе исторических документов обнаружено намного больше, чем о первом. Это объясняется тем, что он проработал в фабричной школе почти два десятилетия.

Была обнаружена *«личная карточка учителя Сергея Васильевича Соловьева»*²⁰. В ней написано, что в 1870 г. получил свидетельство об окончании *«Спасо-Андрониевского училища»* в Москве. Четыре года спустя ему было выдано свидетельство на звание учителя школы от Московского земства. А в 1877 г. получил еще одно подобное свидетельство из Клинского уезда²¹. До поступления в Ивановское Соловьев успел поработать три года учителем в земских школах Бронницкого и Московского уездов. Информации о происхождении в этом документе нет, интересующие сведения предоставил А. Н. Инюкин. По его данным, Сергей родился примерно в 1854 г. в селе Рождествено на Чернишне Серпуховского уезда, отцом был пономарь местной церкви Василий Антонович Соловьев.

С. В. Соловьев прибыл в Ивановское 23-летним молодым человеком. Через четыре года он женился на дочери священника села Каринское Звенигородского уезда Марии Александровне Орловой. Как отмечено в метрической книге Успенской церкви, в 1882 г. в семье родилась девочка, ее назвали Еленой²². Восприемницей при крещении оказалась записана А. С. Цурикова. Потом родились мальчики Александр и Василий, их крестной матерью также была Анна Сергеевна. В 1890-х годах у Соловьевых еще рождались дети. Но их крестили другие люди, т.к. Цурикова в это время уже не жила в Ивановском.

К сказанному следует добавить следующее. При продаже в 1887 г. Анной Сергеевной участка земли в сельце Чаново купцу М. Е. Попову в купчей крепости среди свидетелей сделки указано имя *«сельского учителя Сергея Васильевича Соловьева»*²³. Все эти факты говорят о том, что отношения между учителем и владелицей фабрики были хорошими, а может даже и дружескими.

В первые годы работы в Ивановской школе С. В. Соловьев получал за свой труд 450 рублей в год, платила фабрика. Это были хорошие деньги, обычно преподаватели в сельских школах получали раза в два меньше. Правда и учеников в большинстве школ тоже было значительно меньше, чем в Ивановском. К зарплате Сергея Васильевича иногда добавлялась некая денежная *«награда»*, в 1889

г. она составила 75 рублей²⁴. За что были начислены эти деньги – в документе не поясняется. Логично предположить, это была премия за хорошую работу. Спустя некоторое время размер оклада Сергея Васильевича увеличился, в его личной карточке указана сумма 550 рублей.

Примерно в 1892 г. (а может и ранее) в Ивановской школе для учеников были организованы завтраки, так называемые «приварки». Сначала они были лишь во время православных постов. А в 1895 г. кормить детей начали уже с 17 ноября. Завтраками «пользовались все, за исключением 4-х детей фабричных служащих. Каждый день ученики получали жидкое горячее блюдо, хлеб же приносили свой»²⁵. На оплату питания школьников попечитель С. М. Попов жертвовал 60 рублей в год (порция для одного ученика обходилась в среднем чуть более одной копейки – такие тогда были цены на еду).

Хотелось бы рассказать еще об одном интересном факте, связанным с учителем Сергеем

Изо 4-03. А. П. Чехов²⁶, 1887.

Васильевичем Соловьевым. В энциклопедии «Истринская земля» он был назван приятелем писателя А. П. Чехова. В других книгах упоминалось, что в Ивановское в гости к учителю приезжал Антон Павлович. Для нас, жителей Истринского района, чья история связана со знаменитым русским писателем, это очень важная информация. Увы, ни в одной публикации, где говорилось о знакомстве писателя с учителем, о его приездах на фабрику, не были указаны первоисточники информации. А так хотелось бы убедиться в достоверности этих сведений, узнать какие-нибудь дополнительные подробности.

Поначалу кропотливые поиски в этом направлении не приносили результата. Пока, наконец, не улыбнулась удача. Ответ был найден в сборнике статей, изданном в 1974 г., о котором ныне, как оказалось, чеховеды позабыли (по крайней мере, местные).

Оказывается, потомок мельника Г. М. Цурикова его правнук Павел Сергеевич Попов в 1939 г. написал статью «Прообраз бабьего царства», она была опубликована в указанном сборнике. В приложении–7 имеется полный текст этой статьи, здесь же приведен ее фрагмент, в котором идет речь об учителе Соловьеве и писателе Чехове:

«Антон Павлович не был лично знаком с Цуриковой и не бывал у нее в доме. Но Ивановскую фабрику он хорошо знал — там у него были знакомые, которых он не раз навещал. Это, прежде всего, фабричный учитель Сергей Васильевич Соловьев, живший на фабрике с 1875 г. по 1892 г. [правильно: 1877–1895]. Соловьев был обременен семейством, занятий у него было по горло, потому что он был единственным преподавателем в школе. Обычно Чехов приезжал к нему. Вместе они ходили к фабричному фельдшеру Григорию Петровичу Чеснокову¹. Бывал Чехов также и у других лиц на фабрике: так, например, у служащего Сергея Ивановича Топленинова. У Топленинова сохранялась визитная карточка Чехова, переданная однажды, когда Чехов не застал Топленинова дома. У Топлениновых же находился велосипед старой конструкции (с большим передним колесом и маленькими задними), на котором Чехов пробовал кататься на фабричном дворе»²⁷.

Интересно, что другая правнучка мельника А. М. Шуберт ставила под сомнение приезды писателя на фабрику, приводя такой аргумент: «Об этих наездах Чехова в Ивановское С. М. [Попов] нигде в своих записях не упоминает, хотя и был большим поклонником Антона Павловича»²⁸. Кстати, в тех же воспоминаниях Анны Михайловны есть слова и об учителе: «О Соловьеве С. М. отзывался как о человеке способном, но относившемся к делу формально, что вполне понятно при непомерной школьной нагрузке (85 чел. в классе), при обремененности большой семьей и невозддержанности к алкоголю».

Как к этим сведениям, противоречащим друг другу, относиться? Так бывал или нет писатель на Ивановской фабрике? Свидетельства А. М. Шуберт косвенные, она вообще-то не отрицает возможности приездов Чехова, просто недоумевает, почему об этом С. М. Попов «нигде не упоминает».

¹ «фабричному фельдшеру» – это ошибка. Григорий Петрович Чесноков работал не фельдшером на Ивановской фабрике, а был церковным регентом. О нем пойдет речь в пятой главе.

Напротив, в статье П. С. Попова (сына Сергея Максимовича) все изложено четко и без всяких сомнений. Говорится даже о такой мелочи, как об оставленной писателем визитной карточке. Так что подвергать сомнению факты знакомства Соловьева и Чехова, приезды писателя на Ивановскую фабрику, нет достаточных оснований. Это означает, что классик русской литературы бывал в наших краях не только в Воскресенске, Бабкино, Глебово, но еще и в Ивановском. И тогда получается, что суконную фабрику с полным основанием можно включить в круг чеховских мест.

Возвращаясь к С. В. Соловьеву, следует сказать, что 1895 оказался последним годом его работы в фабричном училище. О причинах ухода нигде не сказано. Правда, в воспоминаниях Шуберт сказано о «невоздержанности к алкоголю», что он страдал запоями. Возможно, поэтому и был уволен. По информации от исследователя А. Н. Инюкина Сергей Васильевич потом преподавал в земском училище села Вяземы Звенигородского уезда.

с 1893: Учительница Софья Александровна Обновленская

Как уже говорилось, нагрузка на учителя в Ивановской школе была очень большой. Давно напрашивалось введение в учебный процесс второго преподавателя. Но это было сделано лишь спустя 18 лет после расширения училища. В сентябре 1893 г. в фабричном училище на должность второго преподавателя была назначена учительница Софья Александровна Обновленская. Она стала первой женщиной, учившей детей в Ивановском. Обновленская стала работать вместе с Соловьевым, который, надо полагать, остался заведующим школой.

Прибывшая на фабрику учительница была достаточно молодая (31 год), но уже опытная. В архиве был найден послужной список С. А. Обновленской, из которого следует, что она родилась в 1862 г.²⁹ По сведениям, предоставленным исследователем А. Н. Инюкиным, отцом Софии был священник Николаевской церкви с. Пятницкое-Берендеево Звенигородского уезда Александр Обновленский. Согласно ПС в 1881 г. она окончила Филаретовское женское училище и была направлена на работу в одно из начальных училищ Вереяского уезда. Проработала там 12 лет и была переведена в Ивановское. Обновленской положили оклад 420 рублей и дали квартиру «в отдельном здании при фабрике» (квартиру в самом училище занимала семья С. В. Соловьева).

С вводом в штат второй учительницы расходы фабрики на школу возросли. В 1894 г. они составили 1404 рубля. Из них 990 руб. ушло на жалование двух учителей (450+420) и законоучителя (120). Остальные траты были такие: «Страхование – 29 [руб.]. Отопление и освещение – 160. На прислугу и поддержку чистоты – 50. На мебель и др. классные принадлежности – 120. На книги и пособия – 55»³⁰.

Если для двух первых учителей Ивановской школы фотографий найти не удалось, то Софья Александровна оказалась сразу на трех коллективных снимках (см. приложение–18, изю Р–49, Р–50, Р–51). Она участвовала в театральных постановках на фабрике и попала на фото «Ивановская труппа». Здесь приводится вырезка из этого снимка (фото отреставрировано).

По данным статистического отчета за 1897–1898 учебный год С. А. Обновленская помимо основных уроков два раза в неделю преподавала 28 девочкам Ивановской школы шитье (3–4 часа), фабрика ей платила за это 50 руб.³¹ Спустя два года по данным другого отчета она преподавала рукоделие «по субботам, после уроков»³² и получала 25 рублей от Л. В. Поповой.

В Ивановском С. А. Обновленская помимо своей основной профессии – обучение детей в школе – много еще чем занималась. В 1894 г., как написано в «Исторических сведениях», она заведовала фабричной библиотекой. Когда в училище были организованы занятия для неграмотных взрослых работников, С. А. Обновленская стала вести занятия в одном из классов: «С ноября 1897 года – 2-й год вечерних классов для взрослых женщин (по вторникам и пятницам, от 8 до 10 час. вечера)»³³.

Чуть позже в Ивановском был организован «приют для детей, живущих на фабричном дворе», им также заведовала Обновленская. Как написано в отчете за 1910 год: «Приют был открыт в течение 315 дней. Посещали его 24 чел. детей в возрасте 2–8 лет: 8 мальчиков и 16 девочек»³⁴. Ин-

Изо 4–04. Учительница
С. А. Обновленская, 1895.

формация об этом приюте встречается в отчетах разных лет. Но нигде не сказано, в каком помещении фабрики он размещался. Это стало понятно благодаря книге “Суконщики Поповы”, в которой напечатана фотография группы маленьких детей перед домом (см. приложение–18, изд. Р–41), в котором когда-то жила молодая семья П. Г. и А. С. Цуриковых (малый дом III). Вероятно, владелец фабрики С. М. Попов решил отдать пустующее помещение для нужного дела.

В конце XIX столетия при Воскресенской земской лечебнице было организовано благотворительное общество. С. А. Обновленская состояла его «Действительным членом» и платила членские взносы ежегодно по три рубля³⁵.

Вот сколько добрых дел успевала делать обыкновенная учительница! Софья Александровна и на основной работе была на хорошем счету. В формулярном списке отмечено, что ей несколько раз объявлялась благодарность от «Звенигородского Уездн. Училищ. Совета». Это еще не все. «За труды по народному образованию ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалована 6 декабря 1909 года золотая нагрудная медаль на Аннинской ленте»³⁶. Это высокая награда, ею редко награждали сельских учителей.

Как уже отмечалось, Софья Александровна принимала участие в театральных постановках, устраиваемых на Ивановской фабрике. В архивах сохранилось несколько афиш любительских спектаклей, в списке действующих лиц можно найти фамилию учительницы. Здесь приводится копия афиши с представлением двух спектаклей, сыгранных на фабрике 27 августа 1900 г. Как видно одну из ролей в спектакле “Свадьба Кречинского” играла С. Обновленская (фамилия ее обведена). В другом спектакле участвовала «Н. Обновленская». Кто это – осталось неизвестно (возможно, сестра, а может просто опечатка, это была Софья Александровна).

Изо 4–05. Афиша спектакля на сцене Ивановской фабрики (фрагмент)³⁷, 1900, (РГАЛИ).

Софья Александровна трудилась в Ивановском училище до революции, продолжила работать в нем и после прихода к власти большевиков. В архиве ЦГАМО был обнаружен редкий документ 1918 г. Оказывается для того, чтобы продолжить работу в советской школе, каждому учителю необходимо было письменно подтвердить свою лояльность новой власти. У Софьи Александровны такой документ был, его выдал *«Фабричный-заводской комитет при Ивановской суконной ф-ке»*. В нем написано, что учительница Ивановского 2-х классного училища С. А. Обновленская *«состоит на должности выше-означенной школы 25 лет с 1893 г. За все это время обязанности исполняла добросовестно и заслужила доверие народа. Кроме того состоит 24 г. с 1894 г. заведующей фабричной народной библиотекой. Вся ее работа вполне согласована с желанием народа»*³⁸.

До которого года трудилась в Ивановской школе Софья Александровна, когда умерла и где была похоронена – такие сведения не удалось найти. Возможно, могила ее в г. Воскресенске, т.к. фамилия Обновленской встретилась в списке домовладельцев этого города в 1912 г. По всей видимости, у учительницы своих детей не было, т.к. в формулярном списке незадолго до революции отмечено, что она *«девица»*, т.е. замуж не выходила (ей в то время было 53 года).

1895–1898: Учительница Екатерина Дмитриевна Дубенская

На смену С. В. Соловьеву в школу была назначена Екатерина Дмитриевна Дубенская. Как написано в одном из дел, она была дворянкой Рязанской губернии и имела 15-летний стаж работы³⁹.

Е. Д. Дубенская проработала в Ивановской школе всего несколько лет. В статистической отчете написано, что в 1898 г. *«24 янв. выбыла Дубенская, перешла в другое училище»*⁴⁰. В какое именно училище – не сообщается. О причине ее ухода стало известно в самый последний момент работы над книгой. Оказалось, она была *«самостоятельно мыслящим»* человеком. А от таких людей, как написано в воспоминаниях А. М. Шуберт, избавлялся С. М. Попов.

Поиск в интернете по фамилии учительницы принес неожиданные результаты. В питерском архиве литературы и искусства есть фонд, озаглавленный *«Дубенская Екатерина Дмитриевна (1850-е – не ранее 1932), участница революционного движения 1870–1880-х гг., учительница, мемуаристка»*, в нем всего шесть дел. А на одном из сайтов интернета найдена такая строчка: *«Детей в семье Черкесовых воспитывала Екатерина Дмитриевна Дубенская, учительница, народоволка, приговорённая к высылке»*. Поначалу были сомнения – а не тезка ли это? Вопросы были сняты, когда в воспоминаниях Шуберт об учительнице Ивановской школы оказались те же самые слова: *«Дубенская Е. Д. – земская учительница, активный участник революционного движения [18]80-х годов»*⁴¹.

с 1898: Заведующий училищем Павел Николаевич Бенедиктов

На место Дубенской в училище при Ивановской фабрике с 1 сентября 1898 г. был назначен потомственный почетный гражданин Павел Николаевич Бенедиктов, происхождением из *«духовного звания»*. Достоверных сведений о корнях учителя нет, но одна догадка имеется. На форуме ярославских краеведов приведена выписка о рождении ребенка, отцом которого записан *«священник церкви Всех святых села Поздеева Евгений Николаев Бенедиктов»*, а восприемником *«учитель Ивановской 2-х классной фабричной школы Павел Николаев Бенедиктов»*⁴². Нет сомнений, что это родные братья. Так что возможно, корни учителя из Ярославской губернии.

Бенедиктов прибыл в Ивановское, когда ему было 33 года. После окончания Новинской учительской семинарии, он 14 лет проработал в разных училищах, последние четыре года в двухклассной министерской школе соседнего села Павловское. Данное село находилось недалеко от Ивановского (10 верст). Павел Николаевич, безусловно, бывал в фабричной школе, знал условия работы в ней. Вполне возможно, что мотивы его перехода были чисто материальными. По имеющимся архивным данным в 1896–1897 учебном году учитель с помощником в Павловской школе получали на двоих 660 руб., а двое учителей в Ивановском – 1.020 руб.⁴³. Разница в окладах почти двукратная.

Спустя год после прихода на фабрику П. Н. Бенедиктов женился. Невестой оказалась 20-летняя лютеранка Елена Робертовна Вейс. В записи о бракосочетании не приведены сведения о родителях невесты. Однако установить отца оказалось несложно. По данным *«Исторических сведений»* на Ивановской фабрике в течение 38 (!) лет работал *«аппаратно-прядельным мастером»* немец Роман Кузьмич Вейс. И хотя отчество у невесты (Робертовна) отличается от имени мастера (Роман), но нет сомнений, что упомянутый немец – это отец невесты. В пользу этого говорит и то, что в одном из документов жена учителя записана как Бенедиктова Елена Романовна, а не Робертовна.

Супруга, как уже отмечалось, была лютеранкой. В 1907 г. она решила принять православную веру. Это стало известно из записи в метрической книге Успенской церкви: *«Жена учителя Ивановского 2-х классного Министерского Училища, из Потомственных Почетных Граждан, Павла Бенедиктова, – Елена Робертовна Бенедиктова, урожденная Вейс, состоявшая в Лютеранском вероисповедании, 28 лет от рождения, вследствие изъявленного ею решительного желания, помазанием Св. Мира присоединена к православной Грекороссийской церкви, с сохранением ее прежнего имени Елены, в память Равноапостольных царей Константина и Елены, празднуемых Церковью 21 мая»*⁴⁴.

Павел Николаевич проработал учителем и заведующим Ивановской школой более 20 лет. Помимо основной работы он занимался на фабрике и другими делами. Так в отчете о *«вспомогательных учреждениях»* за 1909–1910 год есть раздел *«Сберегательная касса Звенигородского Отделения Государствен. Банка»*⁴⁵. Заведующим кассой указан П. Н. Бенедиктов. Им же был составлен отчет *«Чтения с туманными картинами, лекции и синематограф»*.

В архиве обнаружена купчая, согласно которой в 1909 г. Павел Николаевич приобрел у наследников Василия Сергеевича Мингалева владение № 319 по Дворянской улице в г. Воскресенск за две тысячи рублей⁴⁶. Есть его описание: *«Участок земли мерою 165 квадратных сажень [...] Деревянный одноэтажный дом, крытый железом, о шести комнатах, с террасой»*⁴⁷. Вероятнее всего, этот земельный участок ранее принадлежал А. С. Цуриковой или одной из ее сестер Мингалева, которые умерли в начале XX века (подробный разговор об этом пойдет в восьмой главе).

Следует отметить, что Бенедиктов, как и Обновленская, оказался добросовестным преподавателем, был на хорошем счету у начальства. В формулярном списке говорится, что он получил следующие награды: *«1) темно-бронзовую медаль для ношения на груди за труды по 1-й всеобщей переписи, 2) нагрудную серебряную медаль на Александровской ленте с надписью: “за усердие”,*

*3) серебряную шейную медаль на Владимирской ленте за труды по народному образованию»*⁴⁸.

Ранее в третьей главе приводилась коллективная фотография служащих Ивановской фабрики (изо 3–34). Здесь размещена вырезка из этого снимка, в нее попали: слева сидит врач фабричной больницы Д. И. Аптекман, а справа учительница фабричного училища С. А. Обновленская. Слева стоит учитель-заведующий фабричным училищем П. Н. Бенедиктов.

Далее в этой главе размещен фотоснимок более позднего времени, на котором ученики Ивановской школы (изо 4–10). На нем точно есть Обновленская. А вот в отношении мужчины с бородой и светлом картузе есть сомнения. Возможно, это Павел Николаевич.

О судьбе П. Н. Бенедиктова достоверных сведений нет. Правда, в одном из архивных дел 1926 г., касающегося Ивановской школы, упоминается некий *«тов. Бенедиктов»* без инициалов. Может это Павел Николаевич? А может один из его сыновей?

По данным исследователя И. Е. Штурм в семье Бенедиктовых родилось трое сыновей: Владимир (1900), Павел (1901), Николай (1902)⁴⁹. Один из них – Павел Павлович – достиг в СССР достаточно высоких постов. По данным Википедии он во время войны и после нее был директором разных оборонных предприятий Москвы, являлся участником советского атомного проекта, в 1964 г. стал лауреатом Ленинской премии. О других родственниках сведений найти не удалось, кроме упоминания в интернете, что Николай (как и Павел) был участником Великой Отечественной войны.

Изо 4–06. П. Н. Бенедиктов (слева) и другие служащие фабрики, 1898–1904?

1878–1887: Ивановская школа при А. С. Цуриковой

Разговор об учителях окончен и вернемся теперь по времени немного назад в тот период, когда суконная фабрика принадлежала вдове Анне Сергеевне Цуриковой. Все девять лет в школе работал учитель Сергей Васильевич Соловьев, помощника в тот период у него еще не было.

Сначала о финансовой стороне. Как уже говорилось, все затраты на школу, обучение ребят брала на себя Ивановская фабрика. В отчете за 1882–1883 учебный год отмечено, что на жалование преподавателям (учителю и законоучителю) отпущено 700 руб. Относительно остальных трат (на отопление, освещение, уборку помещений, текущий ремонт, зарплату сторожам) в документе написано: *«положительно точных сведений на это не имеется, потому что все сии расходы относятся к общим расходам фабрики; по приблизительному же расчету на эти статьи расходуется не менее 300 р.»*. Таким образом, общие затраты на школу оказались равны примерно одной тысяче рублей. Согласно земским отчетам фабрика потратила на содержание училища в 1884 г. – 710 руб., в 1887 – *«до 1000 р.»*, в 1889 – 891 рубль. Часть расходов (менее половины) покрылась за счет процентов с капитала в 10.000 рублей *«в билетах Восточного займа»*, завещанного П. Г. Цуриковым *«на содержание училища»*⁵⁰.

Сведения о фабричной школе за 1882 год

Сохранились два подробных, дополняющих друг друга источника информации об Ивановской фабрике. Это сборник Погожева (1882), о котором уже неоднократно говорилось, и архивное дело со статистическим отчетом (1882–1883). В них есть сведения и о фабричном училище.

В первом источнике написано: *«В школе, устроенной недалеко от фабрики, около фабричной церкви, и содержимой также, как и церковный причт, на средства самой владелицы [А. С. Цуриковой – Авт.], учатся только дети, не работающие на фабрике. Взрослые в школу не принимаются, хотя мы и можем заметить, что нашлось бы не мало охотников поступить в нее из среды рабочих в возрасте 16 – 18 лет»*⁵¹. Там же далее отмечено, что доля неграмотных работников на фабрике в те годы достигала 69%. При этом люди понимали важность образования и хотели учиться даже во взрослом возрасте. Такая возможность была им предоставлена С. М. Поповым в начале XX века.

Далее в том же сборнике Погожева говорится: *«Фабричная школа принадлежит к разряду одноклассных народных училищ с трехлетним курсом обучения; ученье продолжается с 15-го августа до 1-го июня, причем самые занятия бывают только с 9 до 12 час. утром и от 2 до 4 часов по полудни [всего 5 уроков в день]. Число учащихся равнялось в то время 73 чел. обоего пола, в возрасте 8 – 12 лет, а именно: 49 мальчиков и 24 девочки; почти все ученики принадлежали к числу тех, родителей которые работают на фабрике; сторонних крестьянских детей было ничтожное число, а работающие на фабрике дети в школу вовсе не принимаются»*.

Из статистического отчета к сказанному об училище можно добавить: *«курс трехгодичный, прием учеников ежегодно при начале учебного года (в виде исключения и в середине года бывает прием учеников, если есть свободные места и если принимаемый подходит по своему познанию к какой-нибудь группе). Отказов в приеме бывает и очень много (от 15–20) вследствие неимения мест»*⁵².

В аналогичном отчете за 1885–1886 учебный год отмечено, что *«Отказано было в приеме 18 человек за невозможностью [...] преподавания большего числа учеников на одного учителя»*⁵³.

У Погожева написано, что учебный год начался 15 августа (1881?). Надо сказать, что такое раннее начало занятий было нетипично для того времени. Согласно архивным источникам в большинстве школ в сельской местности Звенигородского уезда учебный год начинался в начале или даже ближе к концу сентября и заканчивались в начале или середине мая. Причем, судя по всему, в каждой школе сами решали о датах начала и окончания занятий. Объяснение простое: основная масса детей была из крестьянских семей. Немало было примеров, когда родители не отпускали своих детей в школу, пока не завершатся основные полевые работы. Следует отметить, что через несколько лет учебный год в фабричной школе стал начинаться как и везде – в начале сентября.

До революции дети летом, как и сейчас, не ходили на занятия. А вот ставших привычными в советское время каникул в течение учебного года не было. Учеба прерывалась на несколько дней на главные церковные праздники. А на Новый год никаких выходных предусмотрено не было (вместо этого отмечали Рождество 25 декабря).

Теперь о посещаемости занятий. Пропуски учениками уроков случались, они назывались *«манкировки»*. В статистическом отчете отмечено, что *«неисправное посещение училища»* зависит от бедно-

сти семей учеников, «от недостатка материальных средств». Любопытно сделанное учителем пояснение к вопросу анкеты: когда чаще всего случаются пропуски занятий? В ответе написано, что это обычно происходит «1–15 сент.; декабрь и январь, вторая половина апреля и май». Объяснение – почему именно это время? – в документе не приводится. Но это и так понятно. Несмотря на то, что крестьянских детей в Ивановской школе было немного, однако у многих работников фабрики были родственники в деревне. Рабочие руки (даже детские) во время полевых работ осенью и весной были очень нужны. А пропуски в морозные зимние дни были вызваны отсутствием у некоторых детей теплой одежды и обуви¹. Ночлежного приюта (который давал бы возможность переночевать далеко живущим ученикам) в училище не было, как и школьных завтраков (они были введены позже С. М. Поповым).

В статистическом отчете приведены названия некоторых учебников: “Азбука” Бунакова, “Родное слово”, “Детский мир”, “Книга для чтения” Водовозова. Библиотеки в то время при Ивановской школе еще не было. Однако фабричная контора выделяла учителю деньги 25 рублей на подписку периодических изданий: “Сын отечества”, “Радуга”, “Нива”.

Из дополнительных предметов сверх школьной программы в Ивановском училище в то время было только пение. Его преподавал регент церковного хора при Ивановской фабрике Григорий Петрович Чесноков (о нем подробный разговор пойдет в пятой главе). В архивном деле также отмечено, что «Пению обучают по цифирной методе с голосу. [...] Дети поют в школе; редко раза три в год поют всем составом в церкви; некоторые из бывших поют в церковн. хору».

Ученики Ивановской школы, нагрузка на одного учителя

Во все том же статистическом отчете за 1882–1883 учебный год приведены довольно редко встречающиеся данные. Это полный список 74 учеников всех трех отделений (старшего, среднего и младшего). Для каждого ученика, помимо его фамилии и имени, указан возраст, из какой он деревни, сколько лет проучился в школе и сколько учебных дней пропустил. В основном это были дети работников фабрики (21 ученик), а также из крестьянских семей соседних селений: сельца Красновидово (11), деревень Ивановской (22), Павловской (6), и других. Как видим, эти сведения опровергают приведенную ранее цитату из книги Погожева: «почти все ученики принадлежали к числу тех, родителей которые работают на фабрике; сторонних крестьянских детей было ничтожное число». В случае разночтений статистическому отчету из архивного дела веры больше, чем справочнику.

В ходе изучения списков учеников было установлено, что возраст ребят колебался от 7 до 12 лет. Все дети были православными за одним исключением. В среднем отделении учился Виктор Вейс «прусский поддан., при отце мастере аппарат., лютеранин». Для него стоит отметка: «перечислен в гимназию» (видимо, московскую). Стоит обратить еще внимание на имена двух братьев Чесноковых из младшего отделения. Это были дети того самого регента П. Г. Чеснокова, который давал уроки пения в школе. Сыновей регента звали Яков (8 лет) и Михаил (7 лет), это был самый малолетний ученик в училище. Для обоих стоит пометка, что были отчислены из училища в связи с поступлением в Чудовский церковный хор в Москве. Понятно, что в этом переходе ребятам поспособствовал их отец-регент.

В качестве примера приводится первый лист списочного состава. Это оказались дети старшего отделения (всего в нем было 14 человек). Стоит обратить внимание, что все ученики «выбыли» из училища, т.к. дальнейшее обучение не было предусмотрено. Однако некоторые не окончили полный курс, прервали учебу по «воле родителей». Стоит обратить внимание, что никто не пошел сразу работать на фабрику.

Указанный статистический отчет заполнял учитель Ивановской школы С. В. Соловьев (он же готовил подобные отчеты и за последующие годы). В графе «В чем наиболее всего нуждается школа для своего преуспеяния» написал: «увеличение учительского персонала и помещений». Да, 70–80 учеников на одного учителя – это слишком большая, можно сказать запредельная нагрузка. Поэтому не стоит удивляться словам в одной из приведенных выше цитат относительно учителя Соловьева, как

¹ Вот случай из истории семьи автора настоящей книги. Дедушка Федос Иванович Барков еще до революции начал ходить в первый класс. Проучившись осенью месяца два, с наступлением морозов перестал ходить в школу, т.к. не было теплой обуви для зимнего времени (семья была из бедных крестьян). На следующий год все повторилось. А третьей попытки и не было. Так и остался всю жизнь Федос малограмотным, едва научившись читать и писать корявым почерком и с ошибками.

На Ивановской фабрике уч. 255

СПИСОКЪ

Ивановская **Землепольная**

с 1882/83 учебного года.

(ПО ОТДЕЛЕНИЯМЪ).

№	Имя и фамилия	Семейное и личное звание.	Полное имя отчества и родное имя.	Возраст.	Лета отъезда отъ родины.	Сколько летъ въ школе.	Сколько классов окончилъ.	По какой специальности обучался.
Старшее отделение								
1	Алексеев Борис	Кр. с. Ивановск. Землепольная	с. Ивановск.	11	3	Введенск. школа	8	Копир.
2	Белов Николай	Кр. с. Петровск. Землепольная	с. Петровск.	11	3 1/2	Введенск. школа	8	Копир.
3	Долгушин Иван	Кр. с. Александр. Землепольная	с. Александр.	11	4	Введенск. школа	10	Копир.
4	Землепольный Николай	Кр. с. Ивановск. Землепольная	с. Ивановск.	10	3	Введенск. школа	11	Копир.
5	Коробов Марк	Мужик. Землепольная	с. Ивановск.	12	2	Введенск. школа	5	Копир.
6	Кривонозов Николай	Кр. с. Ивановск. Землепольная	с. Ивановск.	11	4	Введенск. школа	23	Копир.
7	Лавочкин Николай	Кр. с. Ивановск. Землепольная	с. Ивановск.	12	3	Введенск. школа	11	Копир.
8	Михайлов Николай	Кр. с. Ивановск. Землепольная	с. Ивановск.	12	3	Введенск. школа	8	Копир.
9	Смирнов Иван	Кр. с. Ивановск. Землепольная	с. Ивановск.	12	3 1/2	Введенск. школа	11	Копир.
10	Тихонов Федор	Кр. с. Ивановск. Землепольная	с. Ивановск.	11	3	Введенск. школа	4	Копир.
11	Савинков Алексей	Мужик. Землепольная	с. Ивановск.	11	3	Введенск. школа	2	Копир.
12	Савинков Николай	Кр. с. Ивановск. Землепольная	с. Ивановск.	11	3	Введенск. школа	13	Копир.
13	Шаров Федор	Кр. с. Ивановск. Землепольная	с. Ивановск.	12	4	Введенск. школа	11	Копир.

Изо 4-07. Список учеников старшего отделения Ивановской школы в 1882-1883 учебном году⁵⁴.

относящемуся к своему делу «формально». Напротив, возникает вопрос: как он один справлялся почти с сотней учеников? Вряд ли повышенная зарплата была достойной компенсацией за изнурительный труд на протяжении 9 месяцев учебного года. Да и летом полноценного отдыха у Сергея Васильевича, видимо, не было. Как он сам написал в личной карточке, в период летних каникул никуда из Ивановского не уезжал. Это, в общем-то, понятно, ведь у учителя была многодетная семья, лишних денег не было.

Работа С. В. Соловьева на износ продолжалась на протяжении многих лет. В отчете Звенигородского земства за 1884 г. написано, что в Ивановской школе было 68 учеников, 9 ее успешно окончили⁵⁵. Занятия длились с 22 августа по 31 мая. Три года спустя в таком же отчете приведены сведения, что в училище было 74 ученика⁵⁶. Учебный год продолжался с 3 сентября по 29 мая. А еще через два года (1889) в земстве написали, что училось уже 85 учеников⁵⁷! Это самое большое число учащихся для Ивановской школы, когда в ней был один учитель. В завершение этой темы можно привести информацию из «Исторических сведений». Там написано, что в Ивановской школе за 20 лет (1875–1894) обучались 538 учеников, включая 136 девочек.

1889–1917: Министерское, потом земское училище при С. М. Попове

Всю дореволюционную историю народного образования в Ивановском можно условно разделить на три этапа исходя из того, кто был хозяином суконной фабрики (все они были попечителями училища).

Первый: 1868–1878. Фабрика принадлежала Павлу Григорьевичу Цурикову. Он стал организатором народного образования на Ивановской фабрике и много делал для того, чтобы дети работников и крестьян могли учиться грамоте. При Цурикове успешно развивалась как сама фабрика, так и школа при ней. В 1868 г. было построено первое здание училища, ставшее церковно-приходским. Своих учителей в нем не было, детей учили клирики Успенской церкви. Школа могла вместить одновременно 40–50 учеников. Дети учились три года, параллельных классов не было. В 1875 г. рядом с первым зданием было построено второе, большее по размерам помещение, тоже деревянное. Оно было рассчитано на 80 учеников. Обучение по-прежнему было трехгодичным и без параллельных классов. Детей учил специально приглашенный учитель (сначала Сафонов, потом Соловьев), он преподавал все предметы, кроме Закона Божия, который остался за настоятелем Успенской церкви.

Второй: 1878–1887. В 1878 г. владелицей суконной фабрики стала вдова Анна Сергеевна Цурикова. При ней ничего не менялось как на производстве, так и в школе. Все работало и оставалось в том виде, как было при Павле Григорьевиче. Нельзя сказать, что вдова совсем не занималась училищем, что была равнодушна к народному образованию. Вовсе нет. Контора принадлежащей ей фабрики исправно оплачивала все текущие школьные расходы, выдавала зарплату учителю. Но фактически никакого развития на протяжении девяти лет не было. В училище по-прежнему был один учитель (Соловьев), он вел учебный процесс одновременно во всех трех отделениях.

Третий: 1887–1917. Осенью 1887 г. Ивановскую фабрику купил родственник Максим Ефимович Попов. Спустя год он поручил все дела по управлению фабрикой своему младшему сыну Сергею. Тот переехал вместе с семьей в Ивановское весной 1888 г., ему было 26 лет.

О Сергее Максимовиче Попове подробно рассказывалось в предыдущей главе. Он уделял много внимания фабричному училищу. И уже вскоре в школе (да и не только в ней) стали происходить заметные изменения к лучшему.

О третьем «Поповском» периоде существования школы, как, впрочем, и о самой Ивановской фабрике сохранилось достаточно документов. Как уже говорилось, в начале XX века ежегодно издавались отпечатанные в типографии отчеты «*вспомогательных учреждений*», в них приводились данные и о фабричном училище. Отметим основные события, которые касались народного образования.

Изменения в школьном образовании при Сергее Максимовиче Попове

В 1889–1890 учебном году произошло сразу несколько нововведений. Для детей была, по всей видимости, впервые организована рождественская елка. Проходила она не в канун 1 января, как сейчас, а во время Рождества Христова 25 декабря. Все затраты по организации праздника для детей фабрика взяла на себя. С той поры праздничные елки проходили ежегодно до начала Первой мировой войны. Так в «Исторических сведениях» написано, что в 1893–1894 году «*На рождестве была в школе елка (в 4-й раз) на 100 детей с подарками и увеселениями*».

Предмет	Число уроков в неделю осенью / весной		
	1-й (млад.)	2-й (сред.)	3-й (стар.)
Закон Божий.	1/2	2/2	2/3
Чтение русское.	6/6	2/2	2/2
Грамматика (устная).	—/6	4/3	3/4
Грамматика (письм.).	—/—	—/4	6/1
Диктант.	6/4	4/2	2/5
Изложение (на дом).	—/—	—/—	—/4
Списывание с книги.	—/—	—/2	4/—
Чистописание.	6/4	2/2	1/—
Чтение славянское.	—/2	2/2	2/2
Арифметика (устная).	6/4	6/4	3/5
Арифметика (письм.).	4/—	6/5	3/6
Пение (дополнительно).	2/2	2/2	2/2

Вскоре по прибытию на фабрику С. М. Попов организовал библиотеку при училище «для внеклассного чтения ученикам». В первое время в ней имелось 150 книг. Библиотека, видимо, находилась в самой школе и предназначалась для учеников. В 1891 г. была организована библиотека уже на самой фабрике. Впоследствии, как написано в «Исторических сведениях»: «В 1900-м году библиотека получила официальное утверждение и была переведена в особое помещение при красильне. Оттуда, с устройством Народного Дома, переведена туда (в 1903-м году)». Фабричная библиотека исправно пополнялась новыми изданиями, приобретаемыми за счет фабрики. В 1910 г. в ней насчитывалось уже 5.219 томов книг.

Думается, представляет интерес, какие предметы преподавались детям в школе. Такие данные в виде таблицы обнаружены в отчете за 1893–1894 учебный год для всех трех отделений⁵⁸.

Волшебный фонарь с туманными картинами

Одной из первых в уезде Ивановская фабрика стала проводить так называемые «чтения с туманными картинами». По сути это был коллективный просмотр на большом экране в темноте сменяющих друг друга отдельных картинок (что-то типа слайд-шоу). Людям старшего возраста это хорошо знакомо, в СССР были популярны диафильмы для детей, для просмотра которых использовались небольшие аппараты с источником света. В старину аппараты для просмотра назывались «волшебный фонарь», а в советские годы диапроектор. Источником света прежде была керосиновая лампа, а потом ее заменила электрическая лампа. Ну а сами картины в советские времена были на гибкой целлулоидной пленке, а до революции использовались прозрачные стеклянные пластины с нанесенными на них изображениями. «Волшебный фонарь» и комплекты «туманных картин» приобретались за счет фабрики. Так со временем было куплено 400 комплектов на сумму до 500 руб. При этом сеансы для зрителей были бесплатными.

Первый сеанс состоялся в 1890 г. Вот как об этом написано в «Исторических сведениях»:

«Разрешение г. Губернатора на устройство таких чтений при фабрике было получено в начале 1890 года, а 14 января уже происходило 1-е чтение в школе. Читал свящ. Голубев "О крещении Руси" и учитель Соловьев "Нашествие татар". В промежутке фабричный хор пел светския и духовныя песни. Народу было так много, что фонарь погасал от недостатка кислорода. Чтения затем были переведены в более обширное фабричное помещение»⁵⁹.

А вот как написано в статистическом отчете за тот же год: «Чтения с туман. картинами устраивались для рабочих на фабрике, куда допускались и ученики. Чтения устраивались по воскресным дням вечером (всего было 10 чтений). На чтениях за теснотою присутствовали от 400–450 чел. Чтением занимались законоучитель и учитель. Русская история и описания Св. мест нравились более всего»⁶⁰.

В архивном деле 1894 г. написано, что в течение года чтения с картинами проходили 12 раз (примерно раз в месяц). Тематика была такая: «Зак. Божий, Русск. Ист., География, Естест. История, Литература»⁶¹. Людей на каждый просмотр приходило все больше: «На каждом чтении бывает от 500 до 650 посетителей». Всего же в течение 1890-х годов было проведено 95 сеансов «туманных картин» и всегда на них приходило много народу.

Изо 4–08. Волшебный фонарь на керосиновой лампе.

Как видно из всего сказанного, коллективные просмотры картин через «*Волшебный фонарь*» пользовались огромной популярностью. Тогда ведь еще не было кино, а книги с рисунками и фотографиями (которые к тому же были не цветными) простым людям были мало доступны в силу неграмотности и бедности значительной части сельского населения. Эти «*туманные картины*» были как бы окном во внешний мир. Ведь подавляющее число крестьян в своей жизни никуда далеко за пределы родной деревни не уезжали, в лучшем случае бывали в уездном центре и соседних селениях, хорошо, если иногда выбирались в Москву. На Ивановской фабрике такие представления для народа проводились регулярно на протяжении почти двух десятилетий, пока их в начале XX века не заменили киносеансы, быстро завоевавшие популярность.

Ремонт, перестройка Ивановского училища

Согласно статистическому отчету за 1889–1890 учебный год в Ивановском училище было 76 учеников, из них 11 девочек. При этом в приеме в школу было отказано 30 ребятам «*по недостатку помещения*». Как видим, желающих учиться было больше, чем могла принять Ивановская школа. При этом численность учащихся в ней была близка к предельной. Потребность в обучении детей была большая и с каждым годом только возрастала (не столько из-за роста населения, сколько от того, что все большее число крестьянских семей стремилось дать своим детям образование).

В отчете «*о хозяйственной части*» за 1895–1896 учебный год приведены сведения о произведенных ремонтных работах: «*Школа оштукатурена внутри, обшита тесом окрашена. Увеличены окна. Отделана заново квартира учительницы на средства фабрики и попечителя*»⁶². Там же написано, что при школе два сторожа, на зарплату им фабрика отпускала 60 руб. в год. Среди других расходов отмечено, что попечителем школы (С. М. Поповым) на приобретение учебников было потрачено до 60, на учебные пособия – до 30, на пополнение библиотеки – до 35 руб. (в ней стало 463 книги).

Думается, всем уже понятно, главной проблемой Ивановской школы в то время была теснота помещения, из-за чего приходилось отказывать в приеме многим ребятам. Введение второго учителя, разделение большой классной комнаты на две этой проблемы не решало, т.к. учебная площадь оставалась прежней. Все это хозяин фабрики С. М. Попов хорошо понимал. Поэтому по его указанию в 1898–1899 годах было произведено «*Расширение здания надстройкой 2-го этажа*»⁶³. Строительные работы обошлись фабрике в 1.670 руб. Для чего предназначался второй этаж, какие помещения в нем находились – ни в одном документе не сообщалось.

Преобразование в двухклассное министерское училище

В это же время происходили и другие важные перемены. Изменилось наименование Ивановского училища: из фабричного оно стало «*министерским 2-классным*»⁶⁴, т.е. подчиненным Министерству народного просвещения. Программа «*2-классного училища*» подразумевала обучение в течение пяти лет вместо трех и с двумя учителями в двух классных комнатах. На самом деле второе учебное помещение в Ивановском училище, как уже отмечалось, появилась несколькими годами раньше. По всей видимости, это произошло одновременно с назначением в школу второй учительницы С. А. Обновленской в сентябре 1893 г. В первой (меньшей по размеру) классной комнате занимались 1-е и 3-е отделения. А во второй (большей) – 2-е, 4-е и 5-е отделения. В школе была еще и третья комната (она же учительская), в которой проходили занятия по Закону Божьему⁶⁴.

После расширения Ивановской школы число учащихся в ней увеличилось. Так в статистическом отчете за 1899–1900 года приведены сведения о количестве учеников в разных отделениях. В первом отделении обучалось 23 ученика, во втором 32, в третьем 15, в четвертом 13 и в пятом 10. Итого 93, из них 60 мальчиков и 33 девочки.

Ремесленная мастерская

Через три года в очередном отчете «*вспомогательных учреждений*» говорилось уже о 106 учащихся. Там же приведены сведения: «*Осенью 1902 года была произведена пристройка к школе каменного здания для помещения ремесленной мастерской, общежития для дальних учеников и сторожеского*».

⁶⁴ «Первые 3 года считались 1-м классом и полностью соответствовали курсу начальной школы, 4-й и 5-й год составляли курс 2-го класса: русский язык, арифметика, элементарные сведения по естествознанию, физике, геометрии, истории, черчению; [...] рукоделие, садоводство, огородничество, [...] После революции [...] были преобразованы в школы 1-й и 2-й ступени». (Большая советская энциклопедия).

Вся постройка обошлась 2518 руб. 86 коп.»⁶⁵. О возведении каменной пристройки при Ивановском училище говорится и в докладе Звенигородской уездной земской управы. Она названа «ремесленная мастерская»⁶⁶ и указано, что построена в 1906 г.

Надо сказать, что обучение учеников различным профессиям в Ивановской школе началось еще за несколько лет до описываемых событий. Так с 1897 г. псаломщик Успенской церкви Павел Любимов стал в школе проводить уроки «пения, садоводства и огородничества»⁶⁷. В том же году, как написано в «Исторических сведениях»: «С 13 октября 1897 года были устроены при фабрике уроки по суконному ткачеству и сновке (под руководством ткацкого мастера С. Ф. Навратиль). До 16 марта 1898 года дано было 39 уроков (по понедельникам и четвергам — от 8 ½ час. до 10 час. вечера). Записалось 13 чел. ткачей и сновальщиков; посещали уроки аккуратно 7 человек». Целесообразность проведения таких уроков понятна — фабрике были нужны квалифицированные работники.

В последующие годы в ремесленном отделении учились 8–10 мальчиков, мастер обучал их разным профессиям, в основном работе с деревом. На занятиях ребята изготавливали различную мебель: табуреты, столы, сундуки, шкафы, аналои для церквей. Эти изделия потом продавались, и вырученные деньги делились между мастером и учениками. В год выходило по 10–20 руб. на каждого ученика.

Изображение или чертеж каменной пристройки к училищу не обнаружены. Хотя есть один фотоснимок, который опубликован в книге «Суконщики Поповы» и подписан: «Ремесленная мастерская в Ивановском. 1890-е гг.»⁶⁸. По этой подписи есть вопросы. Оригинал снимка в семейном архиве Шуберт подписан несколько иначе: «Вид церкви и дом причетника, где временно помещались ремесленные мастерские». Таким образом, деревянный дом с мезонином на переднем плане — это никак не та каменная ремесленная мастерская, которая была пристроена к школе. Это дом причетника (псаломщика), который использовался как временное помещение для учебных целей.

На данном фотоснимке есть одна интересная деталь, на которую прежде не обращали внимания. Если присмотреться, то за домиком причетника справа на дальнем плане на фоне деревьев виднеется какое-то двухэтажное здание. От его первого этажа заметна только крыша. А второй этаж по типу мезонина хорошо виден (он выделен кружком). Локация этого снимка хорошо известна. Согласно ей, дом на дальнем плане находится на том самом месте, где размещалась Ивановская школа. Получается, что это она и есть! Это важно, т.к. прежде не было известно ни одного изображения школы (если не считать планировки внутренних помещений — см. изо 4–02).

Теперь насчет датировки этого фотоснимка. В семейном архиве дата не проставлена. А в книге указано «1890-е». Эту датировку можно уточнить. С одной стороны, как уже говорилось, второй этаж на школе появился только в 1898 г. С другой стороны, через несколько лет к школьному зданию было пристроено помещение для ремесленной мастерской. По одним данным это случилось в 1902 г., по другим — в 1906. После этого надобность во временном размещении ремесленной мастерской в доме причетника отпала. Стало быть, указанный снимок сделан где-то в промежутке между 1898 и 1902 (1906) годами.

Передача училища земству, присвоение наименования «Цуриковское»

Многолетняя работа школы в Ивановском приносила свои плоды. По опросу 1904 г. грамотных на фабрике среди мужского населения оказалось 65 % (в 1882 г. таковых было менее 30 %).

В 1907 г. было заслушано предложение «С. М. Попова передать во ведение Звенигородского земства Ивановское фабричное училище Министерства Народного Просвещения. [...] Собрание благодарит С. М. Попова за пожертвование и принимает его предложение»⁶⁹. При этом основные затраты

Изо 4–09. На дальнем плане Ивановское училище, нач. XX в., (АШ).

по содержанию школы фабрика по-прежнему брала на себя. Сергей Максимович выделил специальный капитал, проценты с которого предназначались на содержание училища. Об этом написано в докладе Звенигородской земской управы: «*Капитал в 25.000 [руб], обеспечивающий содержание школы, передан земству С. М. Поповым в 1908 г.*»⁷⁰. Ставка банка на вклад не указана. В то время обычная ставка была 4%, с указанной суммы это приносило бы ежегодно доход 1.000 руб. Осталось только непонятно, почему в более поздних документах школа по-прежнему именовалась министерской, а не земской. Наверное, она все же осталась в подчинении Министерства народного просвещения. А в ведение Звенигородского земства были переданы какие-то отдельные вопросы по училищу.

В это же время Ивановское училище получило наименование «*в память П. Г. и А. С. Цуриковых*».

Ранее говорилось о трех периодах в дореволюционной истории Ивановского училища в зависимости от того, кто был хозяином фабрики. Можно предложить другое деление на временные отрезки в зависимости от подчинения училища. Здесь уже будет четыре периода:

1868–1875: церковно-приходское;

1875–1898: фабричное;

1898–1907: министерское двухклассное;

1907–1917: министерское двухклассное (с участием земства?) имени Цуриковых.

Последние годы работы школы до революции

Теперь хотелось бы привести сведения о количестве учеников в годы, предшествующие революции.

Ивановская школа считалась одной из самых больших в Звенигородском уезде. Напомним, что в 1904 г. в ней учились 106 учеников. В 1908 по какой-то причине число учащихся немного уменьшилось до 98. А затем вновь увеличилось: в 1910 училось 111 ребят, в 1915 – 113. При этом по-прежнему за время обучения происходил большой отсев учеников. Так в 1910 окончили школу всего 14 ребят.

В НИОР РГБ в фонде Павла Сергеевича Попова хранится фотография учеников Ивановской школы. На снимке 14 детей (включая 4 девочек) и четверо взрослых. К сожалению, никаких комментариев к изображению, кроме указания даты «1910-е», нет. Но кое-какие выводы можно сделать, если приглядеться к снимку. В руках некоторых учеников видны корочки документов. Это свидетельства об окончании школы? Если это так, то на фото снят выпускной класс. А взрослые на снимке – это их учителя.

Судя по кресту на груди, крайний справа – это законоучитель. Логично предположить, что это настоятель Успенской церкви. Но кто именно? Забегая вперед, скажем, что в XX веке на этой должности находились два священника – о. Иоанн Бобцов (служил до 1914 года) и о. Николай Виноградов (с 1914).

Первому в 1910 г. было около 55 лет, а второму только 40. Батюшка на фотоснимке не вы глядит пожилым. Отсюда напрашивается предположение, что это, скорее всего, священник Виноградов. А если данное предположение верно, то можно уточнить датировку исторической фотографии. О. Николай был назначен в Ивановское осенью 1914-го, когда во всех школах начался новый учебный год. Стало быть, с выпускниками он мог сфотографироваться весной 1915 г.,

Изо 4–10. Ученики Ивановской школы с учителями и попечителем⁷¹, 1915–1917?

1916-го или 1917-го. Но не позже, т.к. с приходом к власти большевиков практически сразу было отменено преподавание Закона Божия в школах.

Второй слева среди взрослых – это попечитель школы С. М. Попов, его лицо узнаваемо по другим снимкам. Левее него женщина, она тоже узнаваема. Выше приводилась фотография «учительницы в очках С. А. Обновленской (изо 4–04). Нет сомнения, что на данном снимке она. А вот с опознанием четвертого взрослого (того, кто стоит рядом со священником) сложнее. Логично предположить, что это второй учитель школы, он же заведующий П. Н. Бенедиктов. Его изображение в более молодом возрасте есть, он попал на другой коллективный снимок (изо 4–06). Насколько схожи эти два лица – пускай каждый читатель решает сам. Если все же на снимке он, что можно перечислить всех взрослые люди на снимке (слева направо): С. А. Обновленская, С. М. Попов, П. Н. Бенедиктов (возможно), свящ. Н. М. Виноградов. А вот фамилии учеников остались неизвестны.

Незадолго до Первой мировой войны преподавательский состав Ивановской школы расширился. В различных документах упоминаются учителя **Николай Николаевич Чашечников, Любовь Яковлевна Летунова, Иван Сергеевич Сергеев**. По этим людям сведения не собирались.

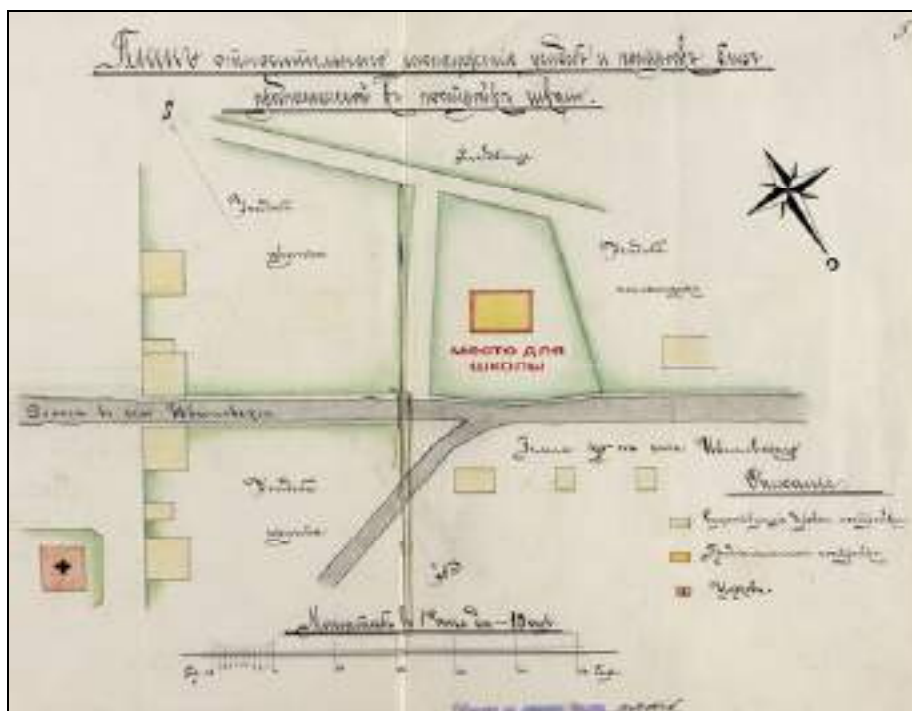
Нереализованные планы постройки нового здания школы

Со временем проверяющие стали обращать внимание на несоблюдение ряда санитарных норм в Ивановской школе. Так, в одном из отчетов отмечено: «Классы низки и освещены неправильно». Учителя, попечитель, земство, все это знали. Они также видели, что помещения училища стали ветхими. Поэтому в 1915 г. было подано прошение о постройке нового школьного здания. Проблема была в земле, где строить. Ни у школы, ни у фабрики свободного удобного участка для строительства не было. Подходящая земля имелась у клириков Успенской церкви. Они готовы были отдать часть своей земли в аренду на 99 лет с платой 60 рублей ежегодно. Обо всем этом говорится в архивном деле, в котором помимо этого есть еще такая информация:

«Школа имени Цуриковых, открытая 47 лет тому назад, от давности времени пришла в ветхость, да кроме сего не стала вообще отвечать некоторым школьным потребностям. Посему попечитель школы Сергей Максимович Попов, на средства которого содержится школа, совместно с земством, пожелал создать некоторые улучшения школы в смысле расширения ее, так как в последнее время, с открытием в ней ремесленного отделения, она стала и слишком тесна. Для этого им решено построить новое здание, для которого место облюбовано не подалеку от нынешней школы – именно: участок на церковной земле, мерою 800 кв. саж.; ничем не занятый, в тоже время неудобный для производства пахотных работ, по причине своего каменистаго грунта, и не имеющий на себе никакой растительности. Старое же здание школы, после капитального ремонта его, предполагается приспособить под квартиры для учителей»⁷³.

В деле имеется план местности, на которой предполагалось построить земскую школу. В центре между «усадебками» причта и псаломщика выделен светлый прямоугольник, обозначающий место новой школы. Как видно, оно совсем рядом с жильем псаломщика – тем самым домиком с мезонином на переднем плане приведенного ранее фотоснимка (изо 4–09).

Получив прошение о постройке школы, священнона-

Изо 4–11. План части церковной земли Успенского храма⁷², 1915.

чание поручило во всем разобраться местному благочинному протоиерею Петру Востокову. Тому не понравился оговоренный в договоре слишком большой срок аренды в 99 лет. Он отозвался об этом сроке так: *«можно сказать вечный»* (справедливое замечание). А еще были замечания по арендной плате – она предполагалась небольшая и фиксированная по величине 60 рублей (тоже разумное замечание: уже тогда в стране была высокая инфляция). Благочинный предложил другие условия: аренда на 36 лет за 120 рублей в год в первое время, с индексацией оплаты через каждые 12 лет. Однако это предложение не было принято. В деле имеется проект договора (*«Предварительное условие»*), датированный сентябрем 1916 г. между причтом Успенской церкви и заведующим Ивановским училищем Бенедиктовым. В нем оговаривалась аренда земли на 99 лет с ежегодной платой 100 рублей. О реакции священноначалия на это предложение в деле сведений нет. Но это уже и не важно. Как известно – училище не было построено. Через год в стране сменилась власть и понятно, что было уже не до строительства нового здания.

1918–1982: Октябрьская школа

С приходом к власти большевиков школа продолжала работать, о перерыве в занятиях ни в каких документах не сообщается. Через несколько лет она стала называться Октябрьской, как и сама фабрика. Для продолжения работы в школе всем учителям, как ранее уже говорилось на примере С. А. Обновленской, необходимо было написать заявления. В них требовалось заявить о своей лояльности новой власти. Также нужно было предоставить отзывы родителей учеников в свою поддержку.

В 1918–1919 годах Ивановская суконная фабрика была национализирована, ее хозяин С. М. Попов лишился основных своих капиталов. Соответственно вопрос о новой школе, которую он собирался построить, отпал сам собой. Но даже если бы предприятие у Сергея Максимовича не отобрали, трудно себе представить, как в условиях Гражданской войны проходило бы строительство школы. Как показали дальнейшие события, вопрос о новом школьном здании оказался замороженным на целых 15 лет.

Вместо этого советская власть пошла по другому пути: для учебных целей решено было использовать большой жилой дом (IV), в котором прежде проживал хозяин фабрики С. М. Попов вместе с семьей. По информации, приведенной в книге *“Суконщики Поповы”*, случилось это в 1920 г. Однако есть сомнение в этой дате. В предыдущей главе приводилась выдержка из газетной публикации 1923 г., согласно которой в это время в доме бывшего фабриканта разместились несколько семей работников фабрики. По всей видимости, речь шла о большом доме Поповых-Цуриковых (напомним, что в нем имелось 7 комнат). И, тогда получается, что школы в то время в большом доме еще не было.

Она там появилась позже, об этом свидетельствует архивное дело ЦГАМО, в котором имеется протокол общего собрания граждан Ивановского от 30 января 1926 г. На этом собрании был заслушан доклад И. П. Любимова, заведующего семилетней школой. В нем про старое здание школы *«на горе»* говорилось, что хорошо бы *«занятия перевести на кабинетное»*⁷⁴. Сообщалось также о необходимости сделать надстройку второго этажа. Там же в докладе упомянута школа, *«которая находится внизу в доме быв. Попова»*. Про нее сказано, что в ней *«не имеется уборных»*. Попутно отмечено, что ввели *«плату за обучение и каждый месяц собирает школа 54 рубля»*.

В справочнике *“По материалам Всесоюзной переписи”* 1926 г. написано, что при Октябрьской суконной фабрике имеется школа семилетка (ее называли еще, школа второй ступени). Как видим, ребята стали учиться на два года дольше.

Строительство нового школьного здания

Использование господского дома для школьных нужд было неудобно не только из-за проблем с туалетами. Ввиду того, что здание стало ветхим (П. Г. Цуриков построил его более полувека назад), потребность в новом помещении для Ивановской школы с каждым годом становилась все острее. Со стройматериалами в СССР всегда было трудно, а уж в первые годы существования страны в условиях разрухи после Гражданской войны и подавно. Поэтому вполне естественно, что местные жители обратили внимание на довольно большую церковь, находившуюся на горе рядом со старой школой.

В следующей главе будет рассказано о том, как власти сначала хотели приспособить Успенский храм под клуб, но потом все же решили, что потребность в школе острее. Но использовать церковное здание для школьных нужд не стали. Решили, что лучше будет его разобрать на кирпичи, чтобы

из них построить новое учебное помещение. Забегая вперед, скажем, что областные власти 9 мая 1930 г. удовлетворили ходатайство «Фабкома Октябрьской ф-ки» о сносе здания закрытой церкви «для использования его, как строительный материал при постройке школы»⁷⁵. При этом, как записано в решении, союз (Текстильщиков?) дополнительно выделил 60.000 руб. на строительство. Ну а здание «нижней школы» (т.е. бывший дом Цуриковых-Поповых) предполагалось переоборудовать под клуб.

Строительство новой школы по каким-то причинам затянулось. Из сведений, приведенных в путеводителе, следует, что на момент его издания (1934) школьное здание еще не было построено. Об этом сказано в следующих строчках: «Налево у входа в главные ворота фабрики затейливый домик с башенками и балкончиками – бывший дом фабриканта – сейчас используется школой. Наверху над фабрикой на крутом обрыве строится школа»⁷⁶.

Прошло еще время и, наконец, в местной районной газете «Истринская стройка» в номере за 15 октября 1936 г. была напечатана маленькая заметка: «Начались занятия во вновь выстроенной школе на Октябрьской фабрике. В новом двухэтажном помещении занимаются около 300 учащихся старших классов средней школы»⁷⁷. По этой заметке остались вопросы. Написано, что в новой школе занимались старшие классы. А младшие классы где проводили свои уроки? Наверное, в каком-то из старых учебных помещений, которые пока не сносили.

Новая школа находилась поблизости от Ивановского училища, построенного еще Цуриковым и расширенным Поповым. При строительстве кирпичного здания был частично использован фундамент Успенской церкви (колокольни и притвора). О том, что школа построена прямо на месте Божьего дома, говорилось в заметке, опубликованной в районной газете в 1937 г.: «В прошлом году рабочие Октябрьской фабрики ликвидировали очаг религиозного дурмана – церковь. Церковь разобрали. На месте, где была церковь, выросло двухэтажное здание средней школы»⁷⁸.

В справочнике за тот же год отмечено, что в Октябрьской школе числилось 617 учеников и 11 учителей⁷⁹. Директором был Иван Павлович Любимов¹.

Во время войны с немцами школьное здание серьезно пострадало. Как написано в акте о нанесенном врагом ущербе: «При отступлении немецко-фашистских орд 11 декабря 1941 были полностью сожжены 3 здания школы, которые обслуживали 740 учащихся, учительские квартиры и от школьного здания остались одни стены. В школе немцы устроили конюшню»⁸⁰. Общий нанесенный врагом ущерб составил 541.476 руб. После войны двухэтажное кирпичное здание школы восстановили, в нем возобновились занятия.

Послевоенная фотография Октябрьской школы опубликована в книге С. Ю. Мамаева. Еще одно изображение оказалось на коллективном фотоснимке учеников 3 класса, сделанном в 1962 г.

В интернете был обнаружен интересный снимок из космоса, сделанный в 1980 г. На нем помимо самой школы (обозначено цифрой “1”) и школьного стадиона (“2”) в южном направлении видны две постройки (“3”), вернее две крыши. Возможно, это остатки прежней школы, построенной С. М. Поповым. А точнее – пристройки с ремесленными мастерскими. По словам местного старожилы Г. П. Михасевой в одной из них жил директор Октябрьской школы Макаревич.

Изо 4–12. Школа в поселке Октябрьской фабрики, 1962, (архив Битюцкой).

¹ В следующей главе будет рассказано о псаломщике Павле Семеновиче Любимове, который прослужил в Успенской церкви при Ивановской фабрике около трех десятилетий. У него было много детей, и среди них был сын Иоанн, который перед революцией учился в Вифанской семинарии в Сергиевом Посаде. Очень может быть, что директор школы Иван Павлович был сыном указанного псаломщика.

Изо 4–13. Снимок Октябрьской школы из космоса⁸¹, 1980.

Судьба здания, построенного из церковного кирпича, оказалась незавидной. В 1982 г. Октябрьская школа была закрыта, учеников и учителей перевели в школу, находившуюся в соседней деревне Павловское. Спустя какое-то время кирпичное здание бывшей школы было разобрано. Таким образом, учебное заведение просуществовало около полувека. Сейчас на месте, где находился храм, дореволюционное училище и советская школа, ничего нет, лишь голая поляна, на которой можно найти обломки старых кирпичей.

Первая фабричная больница (деревянная)

Перейдем теперь к истории другого социального учреждения при Ивановской фабрике, которое в отчетах относили к «вспомогательным учреждениям». Далее речь пойдет о фабричной больнице.

В наше время стало привычным, что не только в крупных населенных пунктах, но и в средних по размерам, и даже в некоторых небольших поселках имеется если не больница, то фельдшерско-акушерский пункт. Но так было далеко не всегда. В первые десятилетия существования Ивановской фабрики никакого медицинского обслуживания ее работников не было. Спустя какое-то время появился фельдшер, он упоминается в «Исторических сведениях»: «До конца [18]60-х годов при фабрике имелся лишь приемный покой с фельдшером»⁸². К сожалению, когда именно этот медицинский работник появился в Ивановском, нигде не говорится.

Далее в том же источнике написано, что больница при фабрике была открыта в 1868 г., первым врачом был Будаевский. Сведения об открытии в указанном году медицинского учреждения при фабрике встречаются еще в нескольких источниках. И лишь один архивный документ свидетельствует, что больница была открыта годом ранее:

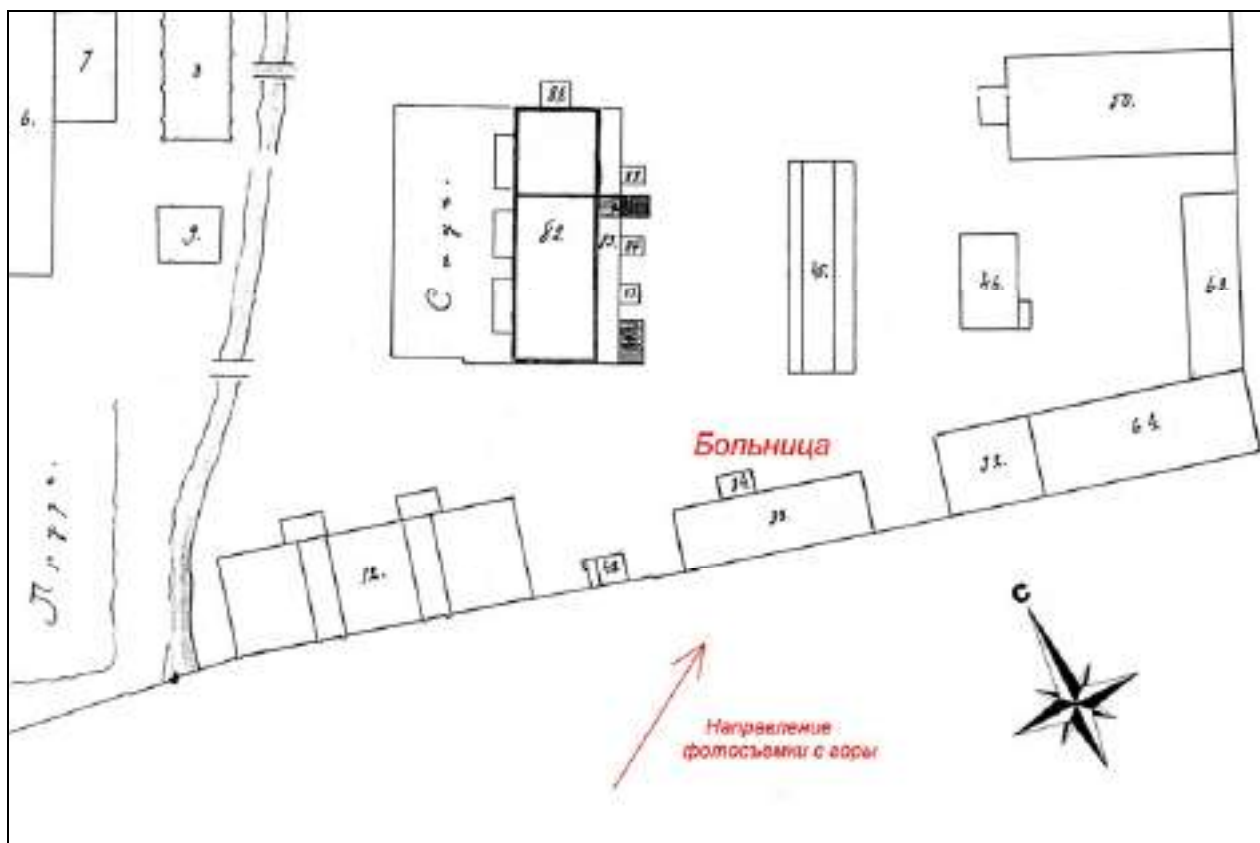
«На фабрике Потомственного Почетного Гражданина 1 гильдии купца Павла Григорьевца Цурикова близ с. Ивановскаго Больница. Устроена для фабричного класса людей на 10 кроватей из коих 6 для мужского пола и 4 для женского пола; помещается в принадлежащем Цурикову деревянном доме. Больница устроена в 1867 году на собственный капитал Цурикова на его же капитал лечатся и содержатся в больнице больные согласно с положением для городских больниц приказа Общественного Призрения. Число призреваемых¹ в этой больнице в течение 1868 года было фабричных больных мужского пола 27 и женского 6, а всего 33 человека. Кроме фабричных посторонних больных ни военного ни других ведомств в больницу не принимаются. Приходящие же из окрестных селений больные пользуются состоящих при фабрике врача и фельдшера медицинскими пособиями и советами бесплатно»⁸³.

Процитированное архивное дело датировано 1869 годом. И потому ему доверия больше, чем документам более позднего времени. После всего сказанного есть все основания считать, что больница при Ивановской фабрике была построена в 1867 г.

¹ В словаре Ушакова дается такое толкование: «призреть — дать кому-нибудь приют и пропитание». К этому можно еще добавить и лечение.

Изображения и планы Ивановской больницы

Где располагалась больница? Этот вопрос оказался несложным. Выяснилось, что ее отметка имеется на нескольких планах Ивановской фабрики. Больница находилась на южной окраине территории фабрики прямо у дороги на Красновидово (выходила фасадом на нее). Так на плане 1897 г. обозначено здание «№ 33. Деревянное одноэтажное жилое строение для больницы, с мезонином – больница и квартира доктора, с деревянной двухэтажной пристройкой для лестницы»⁸⁴.

Изо 4–14. План Ивановской суконной фабрики (фрагмент, обработано), 1897.

Наиболее ранние сведения о медицинском учреждении на фабрике оказались в ведомости «О больницах и богадельнях» за 1868 г. В ней про больницу написано, что «основана на иждивение почетного гражданина Воскресенского 1-й гильдии купца Павла Цурикова. [...] Содержится иждивением упомянутого купца Цурикова»⁸⁵.

В ведомости за 1873–1874 года приведены сведения о затратах на содержание больницы: 2.700 руб.⁸⁶. В 1881 г. на эти цели было израсходовано 3.045 руб.⁸⁷. Через пару лет о больнице было записано: «Содержится на иждивение Действительной статской советницы Анны Сергеевны Цуриковой – 3.025 [руб.]»⁸⁸. В 1888 г. сумма немного выросла – 3.070 руб. В ведомости за 1900 г., когда владельцем фабрики был С. М. Попов, написано, что содержание больницы обошлось в 4.200 руб.⁸⁹. В ней в то время было 5 мужских кроватей и 3 женских. И еще 2 кровати находились в родильном приюте. Таким образом, общее число кроватей осталось прежним – 10.

К сожалению, ни в одном документе не расшифрованы статьи расходов на больницу. Далее будет рассказано, что зарплата врача (Цветаева) составляла 2.000 рублей, а фельдшера от 480 до 550. Получается, что на лекарства и уход за больными оставалось не так много средств. Притом, что лекарства больным отпускались бесплатно.

Если изображений фабричного училища обнаружить не удалось, то с больницей повезло. В семейном архиве Шуберт сохранилась фотография с обзорным видом Ивановской фабрики (изо 3–08). На приведенном плане фабрики обозначено, в каком месте находилась больница (там же показано направление объектива фотокамеры, когда делали обзорную фотографию). Накладывая одно изображение на другое, удалось найти изображение больничного здания. Это оказался одноэтажный домик с мезонином (перед ним видны целые ряды поленниц дров для нужд фабрики).

Дополнительные сведения об Ивановской больнице приведены в санитарном сборнике Погожева

Изо 4–15. Вид с юга на Ивановскую фабрику⁹⁰ (фрагмент), 1890-е, (АШ).

1882 г., который уже неоднократно цитировался в настоящей книге. Вот и на этот раз цитата будет большая, т.к. многие приведенные в сборнике сведения оказались уникальными:

«Больница при фабрике состоит только из двух палат, аптеки и квартиры фельдшера: в верхнем этаже или мезонине над больницей помещаются квартиры регента и приказчика по двору. Собственно для помещения больных служит только одна женская палата, дл. [длина]

10 ар., шир. [ширина] 6 ар., и выс. [высота] 5 ар. с 4 железными койками, на которых имеются тюфяки из тика, набитые ворсом, подушки, байковые одеяла и больничное постельное белье. В другой палате, мужской, длиной по фасаду 7 ар., шир. 14 ар., поставлены 6 коек со всеми постельными принадлежностями, но, видимым образом, больных здесь никогда не бывает, так что она служит, главным образом, хотя, как говорят, и временно, лишь комнатой для приема доктором проходящих больных. Остальная часть больницы занята квартирой фельдшера, маленькой аптекой, дл. и шир. около 5 аришин, ватерклозетом [туалет], ванной и темным корридорчиком, шир. 3 ар., между аптекой и одной из смежных между собою палат.

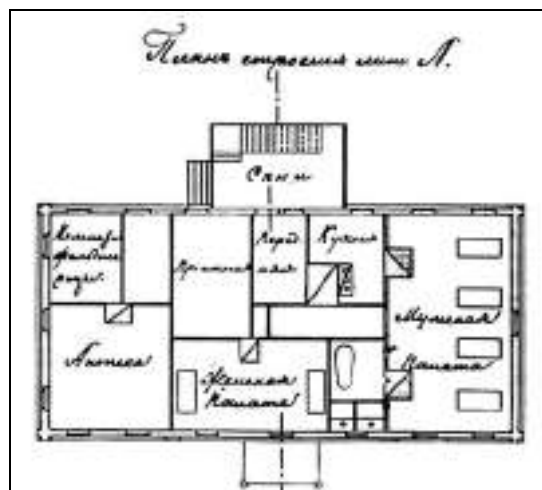
Больница отапливается, главным образом, 2-мя голландскими печами; дневное освещение, вообще говоря удовлетворительно; для вентиляции в окнах устроено по одной откидной фрамуге, а в одной незанятой больными палате в окнах кроме того вделаны две маленьких вертушки. Ватерклозеты (отдельно для мужчин и женщин), а равно и ванная помещаются между обеими палатами, в общей сложности, на пространстве 3 ½ ар. в длину по фасаду и 6 ар. в ширину; ватерклозет содержится чисто; вода накачивается ручной помпой.

Больница по штату устроена на 10 коек, что приблизительно соответствует формальному требованию закона, чтобы на каждых 100 человек, работающих на фабричном заведении приходилась, по расчету, 1 больничная койка. Далее заметим, что больница заведется постоянным врачом, живущим на самой фабрике, втечении уже 7 лет, и получающим от конторы 2000 р. в год жалованья, квартиру, отопление и освещение. Фельдшер, помещающийся в самом здании больницы, получает около 480–550 руб. в год, не считая квартиры, отопления и освещения»⁹¹.

Относительно написанного в данной цитате, хотелось бы дать несколько пояснений.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что на втором этаже (мезонине) помещались квартиры регента и приказчика. А в пояснениях к приведенному ранее плану фабрики 1897 года говорилось, что в мезонине находилась «квартира доктора». Вполне возможно, что оба источника верны. Статистический сборник был издан в 1882 г., в то время в мезонине жил регент. А спустя 15 лет, когда составлялся план фабрики, жилец поменялся. Еще хотелось бы сказать про больничные кровати, «на которых имеются тюфяки из тика, набитые ворсом». Эти тюфяки заменяли матрасы, которых тогда на Руси в широком распространении еще не было.

Далее. В цитате приведено много бытовых подробностей о том, какие комнаты в здании имелись, сколько в них печей, как устроена вентиляция, написано также о сантехнике. В связи с этим хотелось бы привести из другого архивного дела 1889 г. чертежи здания больницы с планировкой внутренних помещений. Обращает на себя внимание то, что коек в палатах нарисовано меньше, чем указано в описании: в женской 2 вместо 4, а в мужской 4 вместо 6. И еще. Сравним изображения больницы можно заметить, что на чертеже в левом и правом крыле по два окна. А на фотоснимке правое крыло здания шире на 4 окна, чем левое. Это означает, что в более позднее время была сделана пристройка.

Изо 4–16. Чертежи Ивановской больницы, 1889.

В “Исторических сведениях” имеется список медицинских работников, трудившихся в разные годы в Ивановской больнице⁹². В переработанном и дополненном виде он здесь представлен.

Медицинский персонал Ивановской больницы

Фабричные врачи	Фельдшеры
1869–1875: Александр Иванович Будаевский.	(?) Яков Павлович Павлов.
1875–1888: Михаил Михайлович Цветаев.	(?) Никон Осипов («наезжал из Павловской слободы до д-ра Будаевского»).
1888: Павел Арсеньевич Архангельский.	1870: Иван Григорьев.
1888–1890: Анна Степановна Трудницкая.	1876: Николай Акимов.
1890–1893: Дора Семеновна Таубер.	до 1888: Григорий Ермолаевич Ермолаев.
1893–1894: Николай Викторович Кирьяков.	1889–1893: Антонина Всеволодовна Серебрякова.
1894–1911: Дора Игнатьевна Аптекман.	1894: Варвара Ильинична Попова.
1911–1914: Николай Никандрович Кураев.	1894–1898: Мария Егоровна Локтева.
	с 1897: акушерка Ольга Михайловна Русинова.
	с 1898: Иван Васильевич Горюнов.

К сожалению, о первом враче Ивановской больницы А. И. Будаевском никаких данных найти не удалось. Его имя упомянуто в “Исторических сведениях”, причем указаны годы 1869–1875. Обращает на себя внимание, что год начала работы врача не стыкуется с датой постройки больницы 1867. Получается, что первые два года в больнице не было своего врача? Видимо так, ибо в тех же “Исторических сведениях” написано, что до доктора Будаевского «наезжал из Павловской слободы» Никон Осипов.

Далее пойдет речь о четырех следующих врачах, работавших в Ивановской больнице в XIX в.

1875–1888: Врач Михаил Михайлович Цветаев

Ранее приводилась цитата из сборника Погожева, в которой упоминался размер зарплаты врача – две тысячи рублей в год. Это было самое высокое жалование среди всех работников фабрики, даже мастера цехов столько денег не получали. А вот фамилия врача в сборнике приведена не была. Ее оказалось несложно установить, это был Михаил Михайлович Цветаев (1835 – † после 1907). По данным “Исторических сведений” он проработал в Ивановском 13 лет. Дольше Цветаева в больнице среди врачей трудилась только Дора Игнатьевна Аптекман – 17 лет. Но она работала большей частью в XX веке уже после Цуриковых. Поэтому в настоящей книге подробного разговора о ней не будет.

М. М. Цветаев оказался человеком с удивительной судьбой. Собранные о нем сведения противоречивые. Но это выяснилось не сразу. Первоначально было лишь известно высказывание брата известного писателя Михаила Павловича Чехова: «Совсем иная обстановка царила в это время в другой ближайшей к Воскресенску больнице – при суконной фабрике А. С. Цуриковой в селе Ивановском. Больница эта была обставлена богато и даже роскошно, но популярностью она не пользовалась. Заведовал ею врач М. М. Цветаев, человек какой-то особой психологии, который на приемах

не подпускал к себе близко больного, боясь, что от него будет неприятно пахнуть. Тем не менее и этот врач не прошел бесследно в литературе»⁹³.

А вот другие слова из той же книги менее известны. Например, то, что «Врач цуриковской больницы М. М. Цветаев вышел в отставку и принял монашество». Там же у М. П. Чехова написано о его авантюрном путешествии в африканскую страну Абиссинию. А когда стало известно, что Цуриков и Цветаев сделали в один из храмов Романова-Борисоглебска ценный вклад – киот с множеством частиц мощей святых угодников – то интерес к личности фабричного врача еще более возрос. Возникло желание как можно больше узнать об этом неординарном человеке, попытаться установить, когда состоялось его знакомство с владельцем Ивановской фабрики Павлом Григорьевичем, что их связывало.

Помощь в сборе информации оказала работник музея Ростовского кремля Т. В. Колбасова. Она поделилась собранными сведениями о М. М. Цветаеве, сообщила о дореволюционных публикациях, прислала выписки из газеты и нескольких дел Государственного архива Ярославской области (ГАЯО). В 2020 г. Татьяна Владимировна опубликовала статью о враче-монахе в одном из научных сборников⁹⁴.

Происхождение Михаила Михайловича Цветаева, его учеба

В 1895 г. в «Ярославских губернских ведомостях» была опубликована заметка по случаю успешного завершения экспедиции в Абиссинию (об этом путешествии еще поговорим). В ней приведены биографические сведения о Михаиле Михайловиче, в то время уже архимандрита:

«Происходил он из дворян и родился в Воронеже, в гимназии, где отец его был директором. Дед его, Л.А. Цветаев, был первым профессором римского права в Московском университете. Кончив полный курс наук в первой московской классической гимназии, будущий архимандрит поступил на медицинский факультет Московского университета, в котором получил диплом доктора в 1859 г. Первые десять лет по окончании курса он жил в Москве, а потом тоже в течение десяти лет, – в Романове-Борисоглебске, где у него была обширная практика и где, по его словам, он много посещал общество, будучи, как говорится его душой. Теперешний архимандрит был некогда очень общительным и светским человеком, без которого не обходилась ни одна свадьба, ни один бал»⁹⁵.

Некоторые приведенные в цитате сведения о Цветаеве оказались не совсем точными, а часть и вовсе ложными. Это стало понятно после обнаружения и изучения нескольких архивных дел ЦГАМ. В одном из дел написано, что отца будущего врача Ивановской больницы звали Михаил Арефьевич Цветаев⁹⁶. А имя деда оказалось Арефа Степанович, он служил священником и был похоронен при Троицкой церкви села Погребовицы Владимирской губернии. Так что дед врача никаким профессором в Московском университете никогда не был. Сын священника (отец врача) Михаил Арефьевич учился во Владимирской семинарии, из которой в 1827 г. «за болезнью» был исключен. Продолжил образование в Московском университете на «нравственно-политическом отделении», которое окончил в 1830 г. и был направлен на работу в Воронежскую гимназию старшим учителем «исторических наук»⁹⁷. В 1843 г. Михаил Арефьевич уволился из гимназии в чине коллежского советника и вскоре переехал в Москву. Уже через год был «причислен к Департаменту Министерства Юстиции»⁹⁸. Эти сведения взяты из формулярного списка М. А. Цветаева, имеющегося в деле причислении его к московскому дворянству в 1847 г. по праву чина коллежского советника (6-го в таблице о рангах). В справочнике жителей Москвы за 1857 г. указана его должность: «Уполномоченный по размежеванию чрезполосных дел»⁹⁹.

У Михаила Арефьевича и его жены Надежды Ивановны было четверо детей: Михаил, Мария, Анна и Николай. Все они от отца получили право на потомственное дворянство.

Т. В. Колбасова прислала сведения из формулярного списка Михаила Михайловича Цветаева. В нем сказано, что родился 8 сентября 1835 г. в Воронеже, учился в 1-й Московской гимназии, которую успешно окончил в 1854 г. Далее Михаил был принят без экзаменов в число студентов Московского императорского университета на медицинский факультет¹⁰⁰. По окончании университета в 1859 г. М. М. Цветаев был утвержден «в степени лекаря и в звании уездного врача», работал в разных учреждениях по медицинской части. В справочнике жителей Москвы за 1861 г. его фамилия оказалась в разделе «Врачи для бедных»¹⁰¹. В следующих годах (1862–1865) Цветаев уже числился в

ⁱ Сведения о Цветаевых, работавших в Московском университете предоставил исследователь Г. Н. Рыженко. По его данным в первой трети XIX века в университете действительно был профессор-юрист Лев Алексеевич Цветаев. У него были сыновья Андрей и Сергей. А Михаила не было. Таким образом, эти люди просто однофамильцы врача. Осталось непонятно, каким образом в газете оказалась напечатана очевидная неправда.

разделе «*Полицейские медицинские чиновники. Сверхкомплектные врачи*». В это же время его несколько раз командировали в Дмитровский и Бронницкий уезды для выполнения разовых поручений (рекрутский набор, борьба с сибирской язвой).

Работа врачом в Ярославской губернии

31 августа 1865 г. М. М. Цветаев был назначен на должность Мологского уездного врача Ярославской губернии (таким образом, после окончания университета он проработал в Москве и Московской губернии не 10 лет, как написано в газете, а только 6). Спустя месяц Михаил подал прошение о переводе его в другой город той же губернии. Об этом свидетельствует заголовок архивного дела ГАЯО: «*Дело о переводе Романов-Борисоглебского врача Архангельского на ту же должность в г. Мышкин, а на его место Мологского уездного врача Цветаева, 1865*»¹⁰² (содержимое дела не изучалось).

Так М. М. Цветаев оказался в городе Романов-Борисоглебск (ныне г. Тутаев Ярославской области). Оклад у него был небольшой – всего 200 руб. 75 коп. в год. В 1866 г. он подал прошение о переводе «*в военно-медицинское ведомство*»¹⁰³, но получил отказ. В том же году изъявил «*желание безвозмездно служить врачом при Уездном и Женском училищах*»¹⁰⁴. В официальном справочном издании по Ярославской губернии за 1872 г. в разделе «*Городовые врачи*» приведена такая информация: «*Романов-Борисоглебский, надв. сов. Михаил Михайлович Цветаев*»¹⁰⁵. В той же книге его фамилия еще раз упомянута в качестве одного из директоров Романово-Борисоглебского тюремного отделения.

Десять лет Цветаев проработал врачом в городе на Волге. Переехать в Московскую губернию он решил по причине заболевания. В сентябре 1875 г. Михаил Михайлович подал заявление на увольнение, в нем говорилось: «*Не имея возможности по домашним обстоятельствам продолжать службу в занимаемой мною должности Романово-Борисоглебского городского врача, всеподданнейше прошу Дабы повелено было уволить меня в отставку с производством в следующий чин, правом носить мундир должности присвоенный и выдачей мне указа об отставке*»¹⁰⁶.

К прошению прилагалось медицинское свидетельство о том, что 37-летний коллежский советник М. М. Цветаев «*находясь в отпуске заболел острым ревматизмом грозящим произвести болезнь сердца*». Прошение властями было удовлетворено. В уважение заслуг (10-летнего служения врачом) было предоставлено право «*носить в отставке принадлежащий должности Городового врача мундир*». 27 сентября Михаил Михайлович «*для поправления здоровья переезжает в Воскресенский посад Московской губ. на фабрику статского советника Цурикова*».

Брат Николай Цветаев, Аносин монастырь

Почему доктор решил переехать в Звенигородский уезд, который расположен совсем не близко от города Романов-Борисоглебск Ярославской губернии? Он был знаком с владельцем фабрики П. Г. Цуриковым? (в 1875 г. тот был еще жив). А может ему кто-то в этом переводе посодействовал? Достоверного ответа, подтвержденного документально, увы, пока нет. Но одна версия имеется.

Поблизости от Ивановской фабрики в нескольких верстах находился Аносин монастырь, которому на протяжении многих лет помогали отец и сын Цуриковы. Монастырские постройки сильно пострадали в советские безбожные годы, мало что уцелело. Но каким-то чудом сохранилась одна чугунная надгробная плита, ныне она находится на территории обители. На плите написано: «*Сдесь покоится тело раба Божия Потомственного Дворянина Николая Михайловича Цветаева. Родился 1842 года апреля 19 дня. Скончался 1881 года июля 29 дня*».

В деле ЦГАМ написано, что тело скончавшегося похоронили «*под входной папертью в храм*»¹⁰⁷ (это означает, что прежде могильная плита находилась не

Изо 4–17. Надгробная плита Н. М. Цветаева в Аносином монастыре, 2015.

там, где сейчас). Дополнительная информация приведена в издании о некрополях. В нем написано, что кроме Николая Михайловича Цветаева в том же Аносином монастыре была похоронена и его мать Надежда Ивановна¹⁰⁸, скончавшаяся 6 марта 1893 г. (ее памятник не обнаружен). Из другого архивного дела стало известно, что после смерти сына Николая мать в 1884 г. приобрела у князя А. М. Голицына за 30 тысяч рублей участок в 246 десятин при селце Екатерининском Звенигородского уезда¹⁰⁹. Через год эта земля была подарена Аносину монастырю. Священноначалие разрешило принять дар, и летом следующего года игуменья Иоанна была «введена во владение» подаренным участком. Так что в Аносином монастыре имели все основания считать Цветаевых крупными благотворителями. И что интересно, та же игуменья Иоанна ходатайствовала в 1882 г. «о награждении вольнопрактикующего врача Михаила Михайловича Цветаева»¹¹⁰ (возможно, он лечил монахинь).

Читатели, наверное, уже догадались, что все эти сведения о похороненных в монастыре Цветаевых приведены здесь неслучайно. Николай Михайлович Цветаев – это младший брат врача Михаила Михайловича. По информации, предоставленной Г. Н. Рыженко, Николай окончил Московский университет, но только не медицинский факультет, как Михаил, а юридический. И через какое-то время был назначен на должность «экстра-ординарного профессора законов» в Демидовский лицей в Ярославле.

Далее. В НИОР РГБ в фонде архимандрита Леонида (Кавелина), бывшего настоятелем Новоиерусалимского монастыря, обнаружены письма братьев Цветаевых. Николай написал свои два послания в 1874 и 1877 гг., а Михаил в 1878. Датировка первого сохранившегося послания 1874 годом (в это время Михаил еще работал в Романове-Борисоглебске) позволяет предположить, что Николай раньше брата оказался в Звенигородском уезде и мог хлопотать за родственника перед П. Г. Цуриковым. Но подчеркнем – это всего лишь одна из возможных версий о том, как могли познакомиться врач и владелец суконной фабрики.

Работа врачом в больнице при Ивановской фабрике

Так или иначе, осенью 1875 г. врач Цветаев оказался в Ивановском и стал работать в фабричной больнице, Павел Григорьевич положил ему годовой оклад 2.000 руб. Эта сумма в 10 (!) раз превышала ту, которую он получал при поступлении на службу врачом в г. Романов-Борисоглебск. Такое большое жалование говорит как о высокой оценке Цуриковым профессионализма доктора, так и о возможном их давнем и добром знакомстве. Из 13 лет, что Михаил Михайлович проработал в Ивановском, 9 лет пришлось на время, когда хозяйкой фабрики была А. С. Цурикова.

В сборнике Погожева (1882) приведено довольно много критического материала как о фабричной больнице, так и о ее враче:

«ни точных цифр, на которые можно было бы положиться, ни толковых диагнозов, ни сведений о травматических повреждениях, ни других каких либо данных, столь необходимых для правильной постановки вопроса об охране жизни и здоровья фабричных рабочих! А между тем на данной фабрике есть и фабричный врач, и больница, хотя и весьма плохая, но все-таки больница: тем не менее организация медицинской помощи и в данном случае крайне неудовлетворительна и ничем не отличается от обычного типа организации фабричной медицины "на показ", ради лишь формального требования закона. [...] Считаем долгом заметить, что мы лично ничего не имеем против своего уважаемого коллеги, отнесагося к нам с полным вниманием и готовностью содействовать задаче нашего исследования, но, очевидно, как фабричный врач, он поставлен в такие условия на фабрике г-жи Цуриковой, что, при всем своем желании, не может ничего сделать и должен лишь "состоять при больнице", как это требуется законом и сознанием нравственного долга со стороны фабриканта. [...] Достойно внимания, что, собственно говоря, на фабрике производится правильный и ежедневный прием больных, но в тоже время он ведется по такой системе, оправдать которую и уяснить себе ее практическое значение мы решительно не в состоянии. [...] Что на данной фабрике больница устроена только для вида и формального выполнения известного закона, видно уже из того, что из двух палат одна служит лишь для приема доктором больных, а равно и из того, что, по официальным отчетам, в больнице в течение целого года, при фабричном населении в 1 ½ тысячи человек, средним числом, бывает не более 14 больных, лечение которых требовало бы правильного больничного содержания»¹¹¹.

Хотелось бы прокомментировать некоторые слова в этой цитате. Характеристика фабричной больницы («весьма плохая») прямо противоположна с приведенным ранее высказыванием М. П. Чехова: «Больница эта была обставлена богато». Странно это. Сведения в сборнике относятся к 1882

г., а Цветаев поступил на работу в Ивановское за семь лет до этого. Не могла же за такой относительно небольшой срок обстановка в больнице настолько сильно ухудшиться. Хотя ... Погожев осматривал больницу, когда хозяйкой была А. С. Цуриковой, которая, в общем-то, не занималась фабрикой, могла и на больницу не обращать внимание. Ну и врач, судя по всему, не проявлял особого рвения в исполнении своих служебных обязанностей.

Цурикова и Цветаев оказались упомянуты в еще одном историческом источнике, который ранее упоминался – в статье П. С. Попова, посвященной рассказу А. П. Чехова “Бабье царство”. В этой статье говорится, что *«К концу ее [Анны Сергеевны – Авт.] пребывания на фабрике почему-то делами командовал местный врач»*¹¹². Врач в то время был один – М. М. Цветаев. Получается, что он фактически управлял делами Ивановской фабрики? А почему не М. Е. Попов или С. И. Топленинов? Трудно судить, насколько можно доверять этим словам в статье П. С. Попова.

Хотелось бы еще сказать о переписке М. М. Цветаева с Леонидом (Кавелиным). Сохранилось письмо, отправленное доктором из Ивановского в конце августа 1878 г., когда архимандрит уже год как был переведен из Новоиерусалимского монастыря наместником в Троице-Сергиеву лавру. На первой странице послания врач подробно описывает диету и как употреблять *«Ессентукские воды»*. На второй странице шла речь о возможном переходе врача в больницу при лавре. Однако решено было отложить этот вопрос *«пока неутвердится проект об отделении дома призрения»*¹¹³. В конце письма написано: *«Мое положение на фабрике вполне меня обеспечивает. Максим Ефимович [Попов] любезно дарит меня своим вниманием»*.

Это письмо было написано спустя полгода после смерти П. Г. Цурикова. Врач, возможно, не был уверен в своем будущем на фабрике. Но волнения оказались напрасны – он еще на 10 лет задержался в Ивановском. Лишь в 1888 г. уволился из местной больницы, когда владельцем фабрики стал М. Е. Попов. Михаил Михайлович ушел ни куда-нибудь, а в Сергиев Посад в лавру к архимандриту Леониду. Ушел с желанием подстричься в монахи, а не работать врачом.

Переезд в Троице-Сергиеву лавру, постриг в монахи

Переход врача (да еще хорошо зарабатывающего) в монастырь был редчайшим явлением того времени. Как написано о Цветаеве в той самой статье в “Ярославских губернских ведомостях”: *«в своем роде единственный человек, променявший врачебную практику, на монашеское служение»*¹. Далее объясняется, почему так произошло. Оказывается, Михаил мечтал о монашеской жизни с детства, *«когда, вместе с нянькой он ходил в воронежский Митрофаниев монастырь. Мальчика все там прельстило: церковное пение, благолепная служба, строгие одежды монахов, которых нянька называла “святыми людьми”*. “И я хочу быть монахом” *твердил он постоянно. Эти впечатления раннего детства никогда и впоследствии не покидали его, даже тогда, когда он изучал естественные науки в университете»*¹¹⁴.

Возникает вопрос: если Михаил Михайлович с юных лет мечтал стать монахом, то что мешало ему исполнить свое желание, когда стал взрослым? Почему после окончания школы он пошел в университет, а не в монастырь? Ответ дан в той же газетной публикации: *«Будучи еще совсем юношей, Цветаев явился однажды к Филарету и выразил ему свое желание быть монахом. Филарет отвечал, что пока пусть он потрудится на другом поприще, где он может принести более пользы, а что “это от него не уйдет”. События доказали, что “это” действительно от него не ушло»*. Вот так с юных лет Цветаев усвоил, что одно из главных в духовной жизни – это послушание. А в реальной, бытовой жизни ему со своей религиозностью пришлось непросто. В университете *«он продолжал посещать все церковные службы»*, несмотря на то, что студенты посмеивались над ним.

То, что предрек Михаилу митрополит Филарет (Дроздов), исполнилось в конце в 1880-х годов. По приезде Цветаева в лавру архимандрит Леонид (Кавелин) *«с радостью и умилением благословил его на новый путь, определил его в Гефсиманский скит послушником для изучения правил монашеской жизни. Здесь, в течение почти года, новый послушник исполнял самую тяжелую черную работу: носил воду, подметал пол, чистил картофель и т.д. Непривычное дело было ему черезчур тяжело; он почувствовал, что не выдержит, и, оставив скит, поступил в 1889 г. в монастырь. Пробыв в монастыре около года, он был определен в Московскую синодальную патриаршую ризницу помощником синодального*

¹ Несколько десятилетий спустя тот же путь повторил хирург Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, который в 1923 г. был пострижен в монахи с именем Лука и вскоре был наречен епископом Барнаульским. О нем уже рассказывалось в предыдущей главе (в материале о Кураевых).

ризничего. В 1892 году повелением Св. Синода он возведен в звание соборного иеромонаха».

Дополнительные, ранее неизвестные сведения о пребывании бывшего врача в обителях Сергиева Посада удалось узнать из архивного дела ЦГАМ. Оказалось, что в августе 1889 г. коллежский советник М. М. Цветаев подал на имя ректора Московской духовной академии прошение, в котором было написано: *«Необходимость возможно лучшей теоретической подготовки к служению Церкви я вполне сознал прожив восемь месяцев послушником в Гефсиманском ските»*¹¹⁵. И далее изъявлено желание быть зачисленным *«в число своекоштных [т.е. с обучением за свой счет] Студентов»*. Это прошение было удовлетворено, с осени Цветаев стал посещать занятия в академии.

Как следует из того же дела, через несколько месяцев в январе Михаил Михайлович подал на имя ректора еще одну бумагу, в которой просил *«осуществить мое давнишнее заветное желание – принять монашество»*. Через несколько дней 28 января 1890 г. был осуществлен постриг студента. Так врач Михаил Михайлович Цветаев стал монахом Ефремом. Через несколько дней новопостриженный монах был рукоположен в сан дьякона.

А в сентябре того же года Цветаев подал на имя ректора уже третье прошение, в котором было написано: *«Лета мои и соединенная с ними слабость здоровья не позволяют мне дальше продолжать образование в Академии, находясь в общих со всеми студентами условиями жизни»*. Неожиданный поворот. То писал про свое *«заветное желание»*, и вот теперь сам же просил об отчислении из академии. В деле приведены подробности. Оказалось, что при переходе на следующий курс *«все студенты, принявшие священный сан, в количестве 7-ми человек были помещены в одной маленькой комнате»*. Цветаев, ссылаясь на свой пожилой возраст (55 лет), писал, что в таких условиях не мог, *«сколько не пытался»*, заниматься науками, не получалось сосредоточиться. В конце написал: *«мое здоровье совсем расстроилось»*. Простение Цветаева было удовлетворено.

По увольнении из академии Ефрема зачислили в *«старшую братию»* Донского монастыря в Москве. О его пребывании в этой обители удалось найти сведения в интернете: *«В 1890 г. Цветаев принял постриг в Покровской церкви Московской духовной академии и был переведен в Донской монастырь. В 1891 г. иеромонах Ефрем по благословению настоятеля был причислен к старшей братии. В качестве послушания ему было поручено заведование монастырской иконно-книжной лавкой»*¹¹⁶.

Но на этом история с учебой в академии не закончилась. Во все том же архивном деле оказалось еще одно (четвертое по счету) прошение, поданное Ефремом в сентябре 1891 г. на имя ректора. В нем просил восстановить его на втором курсе академии. Трудно сказать, что за такой короткий срок изменилось: то ли здоровье свое поправил, то ли условия проживания в общежитии улучшились. О том, было ли удовлетворено это прошение – осталось неизвестно.

Путешествие в Африку

Ну а далее случилось, вероятно, самое интересное приключение в жизни М. М. Цветаева – путешествие в 1894–1895 годах в африканскую страну Абиссинию (ныне Эфиопия). Существуют две версии описания происходивших 128 лет назад событий.

Одна из них описана в уже упоминавшейся книге М. П. Чехова. В ней говорится, как некто Ашинов, которого многие называли авантюристом, решил совершить путешествие в Африку, чтобы основать там русскую колонию. В экспедицию пригласили *«иеромонаха Цветаева как врача и духовного пастыря»*. Далее написано, как *«Авантюристы погрузились на пароход в Одессе и отплыли в обетованные места. Ашинов выгрузил их на берегу Красного моря, заняв французскую колонию Обок и переименовав ее в "Новую Москву". Выкинули русский флаг и расположились лагерем»*¹¹⁷. Французы такой наглости от русских не потерпели и приказали захватчикам сдаться. А после отказа открыли с корабля огонь. *«Было перебито много женщин и детей»*. А Ефрему каким-то образом удалось спастись. Далее он *«через непроходимую Даникильскую пустыню в Африке совершил переезд в Абиссинию, был принят абиссинским негусом Менеликом»*.

Надо сразу сказать, что описанная версия происходивших в конце XIX века событий выглядит маловероятной¹. Более правдоподобной представляется другая версия путешествия, которую изложил сам Михаил Михайлович. По возвращении в Россию он написал книгу под названием «Поездка

¹ Непонятно, зачем этот явно придуманный авантюрный сюжет был описан в книге М. П. Чехова. Может нечто подобное с попыткой основать колонию и происходило в действительности, только иеромонах Ефрем вряд ли имел к этому отношение. Неужели писатель не знал о книге, написанной Ефремом?

в Абиссинию». В ней подробно рассказано, как была организована экспедиция, как она проходила и чем закончилась. В подготовке к путешествию помогали многие люди, среди них и владелец Ивановской фабрики М. Е. Попов. Экспедицию и участие в ней Ефрема благословил Санкт-Петербургский митрополит Палладий, иеромонах получил годичный отпуск. В составе группы были известный путешественник Леонтьев, доктор и антрополог Елисеев и другие. Миссия была отправлена на средства Географического общества и личные сбережения Леонтьева. В книге описано, что местное население приняло русскую экспедицию очень дружелюбно, особые почести почему-то оказывали ему, Ефрему (видимо, потому, что был монахом). Состоялась встреча с негусом (императором Абиссинии) Менеликом, на обложке книги приведен его портрет в профиль. В книге также имеется и фотопортрет самого Ефрема. Оба портрета здесь приведены.

Экспедиция в Абиссинию принесла определенную пользу Российской империи. После этого стали налаживаться отношения с малоизвестной африканской страной. По возвращении на родину в 1895 году иеромонах Ефрем был возведен в сан архимандрита. Что с ним стало дальше?

В книге М. П. Чехова отмечено, что с 1897 г. он находился в Ярославле (где именно – не указано). Эта информация нашла подтверждение на сайте «Форум Ярославского историко-родословного общества», где приведено несколько цитат из журнала «Ярославские епархиальные ведомости». Согласно ним архимандрит Ефрем в 1896 г. находился в Спасском монастыре города Ярославля, в 1898–1899 годах пребывал в местном Архиерейском доме.

О дате и месте кончины архимандрита сведений нет, в книге Чехова написано «после 1907» без комментариев. Был ли М. М. Цветаев женат, имелись ли у него дети – такие данные не встречались. Теоретически семья могла быть у доктора до пострига в монашество. Но это представляется маловероятным. По крайней мере, в исповедной ведомости Успенской церкви при Ивановской фабрике за 1883 г. он был записан одиноким человеком. Так что, скорее всего, потомков у врача-архимандрита не было.

На этом завершается рассказ о необычном человеке, которого судьба на долгие годы связала с

Изо 4–18. Архимандрит Ефрем, он же бывший врач М. М. Цветаев¹¹⁸, 1901.

Изо 4–19. Обложка книги с портретом негуса Менелика, 1901.

Ивановской фабрикой. К сожалению, так и осталось тайной, когда, где и при каких обстоятельствах познакомились Михаил Цветаев и Павел Цуриков. Ранее высказывалось предположение о том, что переводу врача из Романова-Борисоглебска в Ивановское в 1875 г. мог поспособствовать его брат Николай Цветаев. А на самом деле, знакомство доктора и купца могло состояться намного раньше, к этому могли быть причастны общие знакомые: митрополит Филарет (Дроздов), архимандрит Леонид (Кавелин). А учитывая, что владелец фабрики и врач были очень религиозными людьми, что они совместно подарили киот с мощами святых в один из храмов Романова-Борисоглебска, то их знакомство могло состояться, например, во время путешествия на Святую землю. А почему бы и нет? Ведь в 1863–1869 годах начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме был тот самый архимандрит Леонид (Кавелин), их общий знакомый. Если они в одно время оказались в Иерусалиме и там познакомились, то это многое объяснило бы. И теплые чувства обоих к архимандриту Леониду (письма это подтверждают), и добрые отношения между собой (высокая зарплата врача Ивановской фабрики косвенно об этом свидетельствует). Но это пока всего лишь предположение.

Другие врачи, работавшие в Ивановской больнице

1888: Врач Павел Арсеньевич Архангельский

После отъезда Цветаева из Ивановского место врача в больнице некоторое время оставалось свободным. Вот что об этом написано в сборнике трудов 10-го съезда врачей: *«В последнее время (около года) до сентября прошлого года при фабрике не было постоянного врача, жил только фельдшер; с 1-го сентября прошлого 1888 года приглашен был посещать лечебницу местный участковый врач, П. А. Архангельский»*¹¹⁹.

Павел Арсеньевич Архангельский (1852 – † 1913) с 1878 г. работал врачом земской лечебницы в заштатном городе Воскресенске. И нет ничего удивительного в том, что когда в 1888 г. в Ивановской больнице доктора не стало, и возникла пауза на время поисков нового врача, то Архангельский стал приезжать на фабрику. Ведь местные люди нуждались в медицинской помощи.

К сожалению, о работе Павла Арсеньевича в Ивановском очень мало информации. По всей видимости, он не столь длительное время ездил на фабрику, ибо в том же году на работу в больницу вышла врач А. С. Трудниная, его стажерка-практикантка (кстати, сменившая ее Д. С. Таубер также стажировалась у Павла Арсеньевича). Несмотря на отсутствие материала, имеющего непосредственное отношение к работе Архангельского на Ивановской фабрике, о нем стоит рассказать подробно. Этот врач-подвижник заслуживает того, чтобы о нем знали наши современники.

*«Это был один из выдающихся устроителей земской медицины в Московской губернии. Слава его как терапевта была настолько велика, что к нему съезжались на практику и студенты-медики, и молодые врачи. “Милейший человек и прекрасный врач”, — отзывался об Архангельском выдающийся писатель и его друг Антон Павлович Чехов»*¹²⁰.

Это цитата из статьи местного краеведа С. Ю. Мамаева, которая была напечатана в журнале «Истра.РФ». Публикация посвящена 170-летию юбилею со дня рождения врача П. А. Архангельского, оставившего заметный след в истории нашего края. Далее будут использованы материалы из этой статьи.

В архиве ЦГАМ хранится дело, в котором имеется поданное в 1871 г. прошение о приеме воспитанника Тульской духовной семинарии Павла Архангельского *«в число студентов Московского Императорского Университета на медицинский факультет»*. Там же есть копия выписки из метрической книги Троицкой церкви села Серебряные Пруды (в то время это была Тульская губерния) за 1852 г. В ней написано, что *«Четырнадцатого Генваря у Диакона Арсения Афанасьева Архангельского и законной жены его Агрипены Поликарповой, православных, родился сын Павел»*¹²¹.

Из указанного дела следует, что, повзрослев, мальчик поступил в духовное училище, находившееся в уездном городе Венева. В 1866 г. Павел успешно окончил это училище и поступил в Тульскую духовную семинарию на казенное содержание (т.е. денег за обучение не платил). Там учился пять лет *«при способностях весьма хороших, прилежании весьма усердном и поведении отлично хорошем»*. Потом Архангельский был принят на медицинский факультет университета. Учеба в Москве продолжалась также пять лет, и по ее завершении в мае 1876 г. выпускник был удостоен *«степени Лекаря с отличием»*. А чуть позднее по результатам испытаний был *«утвержден в звании Уездного Врача»*. После этого *«поступил врачом в Верейский уезд, сначала в с. Петровское, а затем вскоре перешел в г. Верею»*.

Вскоре началась Русско-турецкая война, с фронтов стали прибывать раненные воины. Для их лечения в заштатном городе Воскресенске на базе бывшей ткацко-бумажной фабрики купца Чикина был устроен временный госпиталь. В 1878 г. война закончилась, и один из корпусов решили переоборудовать в больницу, которой прежде в этом городе не было. 1 декабря она была открыта. Лечебницу местные жители называли Чикинской. В статье Мамаева написано:

«В истории российского здравоохранения Воскресенская лечебница отмечена как первая губернская земская лечебница, её открытие ознаменовало начало деятельности сельских земских лечебных учреждений в Московской губернии. Значительную роль в становлении Воскресенской лечебницы, в совершенствовании организации работы, принадлежала её первому заведующему — Павлу Арсеньевичу Архангельскому. [...] однажды в Воскресенск в качестве практикантки приехала немка Мария Морицевна Эртель, учившаяся в Лейпцигском университете. Она вскоре и стала женой Павла Арсеньевича, взяв себе двойную фамилию. “Это был счастливый союз, основанный на любви и общих интересах. Мария Морицевна была отличным врачом-ассистентом и единомышленником во всех начинаниях своего мужа”. У Архангельских было двое детей —

Изо 4—20. Врач П. А. Архангельский¹²²,
(музей А. П. Чехова “Мелихово”).

Павел (1884) и Мария (1885). [...] К концу 1880-х годов Павел Арсеньевич Архангельский занял ведущее положение среди врачей губернии. Именно ему была поручена корректировка основных положений деятельности земских лечебных заведений. [...] Как и другие земские врачи, Архангельский много занимался статистикой. Он провёл подробнейшее описание санитарного состояния школ Звенигородского уезда».

Павел Арсеньевич оказался не только первым врачом Воскресенской лечебницы, он также стал инициатором создания при ней в 1896 г. благотворительного общества и инициатором открытия в 1911 г. в заштатном городе библиотеки им. А. П. Чехова. В отчете за первый год существования организации написано: *«Благотворительное Общество при Воскресенской земской лечебнице возникло по инициативе бывшего врача этой лечебницы П. А. Архангельского. Двадцатилетний опыт его в качестве земского врача и немногим меньший срок его деятельности, именно, при упомянутой лечебнице убедил его, что далеко еще не все сделано для страдающего человека учреждением лечебницы и даровой раздачей лекарства»*¹²³. Через несколько лет капиталу благотворительного общества было присвоено имя Павла Арсеньевича Архангельского, а его самого вместе с супругой избрали пожизненными почетными членами общества.

«В 1894 году Павел Арсеньевич подал в губернскую земскую управу прошение об отпуске, из которого видно, что он не отдыхал все 15 лет своей службы в Воскресенске. Управа предоставила ему отпуск на 4 месяца, но он не восстановил подорванное здоровье. В 1896 году Архангельский был вынужден уйти с поста заведующего Воскресенской лечебницы по состоянию здоровья. Сказался многолетний непрерывный труд по становлению нового типа провинциального лечебного учреждения и постоянное нервное напряжение. [...] Семья Архангельских с детьми переехала из Воскресенска в Москву».

С каждым годом состояние здоровья бывшего врача все ухудшалось, нефрит прогрессировал. И вот 5 ноября 1913 г., находясь на лечении в Осташевской лечебнице (у своей бывшей практикантки Д. С. Таубер), П. А. Архангельский скончался. В некрологе в его память было напечатано:

«тяжелая неизлечимая болезнь заставила П. А-ча оставить любимое дело задолго до смерти. Мучительный недуг, исключительная, необычайная испытания в личной жизни, гнетущая мысль о невозможности служить тому делу, которому были отданы лучшие годы, — вот что наполняло последние 17 лет жизни П. А-ча. И это при полном сохранении духовных сил и неугасающем инте-

ресе к земской и вообще общественной работе! Похороны П. А. прошли 9 ноября в г. Воскресенске. Он погребен, согласно его воле, на Воскресенском кладбище, рядом с усадьбой устроенной им Воскресенской лечебницы губернского земства. На его могилу было возложено несколько венков, в том числе от Московской губернской земской управы с надписью «незабвенному земскому работнику», от врачебно-санитарной организации губернского земства с надписью «дорогому товарищу» и от земских врачей Московской губернии с надписью «строителю земской медицины»¹²⁴.

В конце статьи краеведа говорится: «К сожалению, могила Павла Арсеньевича Архангельского на Истринском кладбище до наших дней не сохранилась. Этому талантливому медику, самоотверженному труженику, добрейшему человеку были благодарны многие и многие его современники, бесконечно благодарен ему был и великий Чехов. Увы, но нынешнее поколение эту благодарность не разделяет. До сих пор не решён вопрос о присвоении Истринской больницы имени её создателя — замечательного подвижника медицины Павла Арсеньевича Архангельского».

Правильно делает автор публикации Сергей Юрьевич Мамаев, что поднимает вопрос о присвоении Истринской районной больницы имени врача, который стоял у истоков ее создания почти полтора века тому назад. Еще раньше об этом стал говорить энтузиаст Вячеслав Андреевич Михеев, который длительное время собирает материалы по истории Воскресенской (Истринской) лечебницы¹²⁵. Павел Арсеньевич всю свою жизнь отдал служению людям. Пусть хотя бы потомки тех людей, которых он лечил, ответят благодарностью.

Вот такой достойный человек жил на нашей земле и оставил свой след в истории Ивановской фабрики, пусть и непродолжительный по времени.

Как уже говорилось, у П. А. Архангельского были дети: Павел и Мария. О судьбе дочери ничего неизвестно, а вот про сына написано в воспоминаниях А. М. Шуберт, что он был студентом университета, и его в 1905 г. во время студенческой демонстрации убили¹²⁶. Хотелось бы еще сказать, что у Павла Арсеньевича, вероятно, была родственница (сестра?) На такую мысль наводит фотография сидящих на крыльце врачей (она приведена далее из 4–21). В подписи среди лиц указана «Е. А. Архангельская» (инициалы не расшифрованы).

1888–1890: Врач Анна Степановна Трудницкая

Предыдущий материал о докторе Павле Арсеньевиче начинался с цитаты из сборника трудов 10-го съезда врачей, в которой говорилось, что ввиду отсутствия своего врача на фабрике в сентябре 1888 г. на нее приезжал П. А. Архангельский. Продолжение этой цитаты следующее: «а с конца октября приглашена женщина-врач А. С. Трудницкая и в помощь ей вместо фельдшера дана акушерка-фельдшерица. Врачу предоставлено право бесплатно лечить и снабжать медикаментами всех обращающихся крестьян, а также в некоторых случаях принимать и на койки не работающих на фабрике». В цитате имя и отчество врача не расшифрованы. Это была Анна Степановна Трудницкая (1860 – † 1938)¹.

Указанная женщина-врач проработала в фабричной больнице недолго, около двух лет. Материала о ее пребывании в Ивановском собрано совсем немного. Тем ценнее дело, которое было обнаружено в архиве ЦГАМ. В нем несколько страниц посвящено А. С. Трудницкой.

Копии метрического свидетельства в деле не оказалось, т.к. она (копия) «находится у матери ея проживающей в г. Екатеринославле». Зато есть такие слова: «в нравственном и политическом отношении Г. Трудницкая вполне благонадежна». В одном из документов дела сообщается, что Анна Степановна окончила курсы при Николаевском военном госпитале в Петербурге и в 1884 году ей выдано свидетельство на звание врача.

Что делала несколько следующих лет Анна Степановна, где работала (работала ли?) – осталось неизвестно. Можно лишь констатировать, что в конце 1880-х гг. она оказалась на стажировке в Воскресенской лечебнице. И врач П. А. Архангельский, убедившись в ее достаточной квалификации, рекомендовал хозяину фабрики (С. М. Попову) пригласить стажера на работу в фабричную больницу. Это подтверждают следующие слова в указанном деле: «состоящая на службе на фабрике Попова при селе Ивановском женщина врач Анна Степановна Трудницкая [...] исполняет поручения заведующаго фабрикою врача г. Архангельскаго, как по больнице, так и по амбулатории и приглашена конторою суконной фабрики Попова по рекомендации г. Архангельскаго»¹²⁷. Такое решение

¹ Годы жизни приведены для Анны Степановны Вериги (урожд. Трудницкой).

выглядит вполне естественно, т.к. Павлу Арсеньевичу приходилось разрываться между работой в Воскресенской лечебнице и фабричной больницей (между ними около 10 верст). Ему нужен был помощник на фабрике. После выхода на работу Трудницкой Павел Арсеньевич продолжал ездить в Ивановское, но, видимо, реже. В «Исторических сведениях» о П. А. Архангельском написано так: *«лишь навещавший фабрику, где работал ассистент его А. С. Трудницкая»*.

Во все том же архивном деле имеется рапорт Звенигородского уездного исправника, в котором написано следующее: *«обязанности женицины врача Анны Степановой Трудницкой, как уведомил меня Заведующий больницей фабрики Попова врач Г. Архангельский, заключаются в следующем: в ближайшем наблюдении за порядком в больнице, чистотой, одеждой и продовольствием больных, а также в подаче акушерской помощи и в лечении женских и детских болезней; со введением в нынешнем году периодических осмотров рабочих с целью своевременного определения появления между ними заразных болезней она обязана осматривать женицин, и в отсутствии Г. Архангельского подаст пособие и другим больным. А в случае серьезности заболевания, или направляет больных в Воскресенскую лечебницу, если они не принадлежат к числу рабочих на фабрике, или же вызывает Г. Архангельского на фабрику, как врача заведующего фабричной больницей»*.

Из этого рапорта следует, что Анна Степановна была врачом-ассистентом на фабрике. А заведующим фабричной больницей оставался Павел Арсеньевич Архангельский (и, надо полагать, получал какое-то вознаграждение за свой труд).

В 1889 г. поднимался вопрос о благонадежности А. С. Трудницкой. Как следует из архивного дела, в департамент полиции из медицинского департамента был отправлен запрос: *«не встречается ли каких-либо препятствий к разрешению окончившей курс при Николаевском Военном Госпитале женицине-врачу Анне Трудницкой исполнять медицинские обязанности в больнице и амбулатории при фабрике Попова в с. Ивановском под руководством заведующего фабрикой врача Архангельского»*¹²⁸. В одной из бумаг дела вновь упоминается г. Екатеринослав (ныне г. Днепр на Украине). Надо полагать, это было прежнее место жительства Анны и, возможно, ее родина. В конце дела написано, что о враче Трудницкой *«неблагоприятных сведений не имеется»*.

Анна Степановна на Ивановской фабрике занималась не только работой. В предыдущей главе приводилась такая цитата: *«Инициаторами устройства спектаклей на фабрике были служащий Н. А. Кураев и врач А. С. Трудницкая. При их участии и состоялся 1-й спектакль на фабрике (в клубе для служащих) в феврале 1890 года (шла “Женитьба” соч. Гоголя)»*¹²⁹.

Как видим, представление спектакля состоялось в начале 1890 г. А уже через несколько месяцев Анна Степановна уехала с Ивановской фабрики. Почему это произошло, может ее уволили? Поиск ответа ничего не дал. Зато открылись другие интересные подробности.

На нескольких интернет-сайтах обнаружены сведения о женщине с именем Анна Степановна Вериго (урожд. Трудницкая). В них говорится, что она трудилась медиком и физиологом. В Пермском архиве имеется *«личное дело сотрудника Биологического института Вериго Анны Степановны»*. Учитывая полное совпадение ФИО при редкой фамилии и близость профессий, будем считать (несмотря на некоторые оставшиеся сомнения), что в Перми оказалась женщина-врач, когда-то работавшая в Ивановской больнице. Ну а смена фамилии вызвана выходом замуж за Бронислава Фортунатовича Вериго. Когда и где произошло бракосочетание – нигде не сообщается (возможно, это случилось в начале 1890-х годов в Петербурге, где родилась дочь-первенец). Зато была найдена в интернете информация о семье Вериго. Это оказались неординарные люди, имеет смысл о них немного рассказать.

Супруг Анны был известным ученым, совершившим несколько открытий в области электрофизиологии. В Большой советской энциклопедии есть статья, в которой написано, что Б. Ф. Вериго был учеником известных ученых И. М. Сеченова и И. П. Павлова, работал в лаборатории И. И. Мечникова, *«установил (1892) влияние кислорода на способность крови связывать углекислый газ (эффект Вериго)»*¹³⁰. А на сайте Томского университета об ученом и его семье приведены такие данные:

«ВЕРИГО Борис (Бронислав-Валентин) Фортунатович (14 /26/ февраля 1860, Динабург Витебской губернии – 13 июня 1925, Пермь) – ординарный профессор по кафедре физиологии Пермского университета, приват-доцент по кафедре физиологии медицинского факультета Томского государственного университета. Родом из дворянской семьи. Его отец, Фортунат Антонович, преподавал старославянский язык в местной гимназии. Жена, Анна Степановна (в дев. Трудницкая, 1860–1938), будучи помощником прозектора при кафедре физиологии Пермского университета, вместе с

мужем преподавала в Томском университете в годы гражданской войны. Имел 3 детей. Сыновья: Александр (1893–1953), физик по специальности; Сергей (1897–1919), врач. Дочь Магдалина, в замужестве Вериге-Чудновская (1892–1994), поэтесса, художница. Подаренные ею картины хранятся в Томском областном художественном музее»¹³¹.

Как видим, сын Сергей пошел по стопам родителей, избрал профессию медика. Однако прожил недолго, чуть более 20 лет. А другой сын Александр стал ученым, правда, выбрал другую область науки – физику космических лучей и радиоактивных явлений. В Большой биографической энциклопедии о нем написано следующее: «[р. 21 февр. (5 марта) 1893] — сов. физик. [...] участвовал в полярной экспедиции в район Земли Франца Иосифа (1932), а 26 июня 1935 совместно с командиром стратостата К. Я. Зилле и инженером Ю. Г. Прилуцким совершил полет в стратосферу»¹³². За полет на стратостате “СССР–1бис” был награжден орденом Ленина. Имел также два ордена Трудового Красного Знамени. Александр Брониславович Вериге был профессором, доктором физико-математических наук. Скончался 21 ноября 1953 года в Ленинграде.

О дочери Магдалине Вериге-Чудновской еще в советские годы была опубликована статья, в которой написано о ее знакомстве с художником и путешественником Н. К. Рерихом, поэтом А. А. Блоком. В этой публикации об отце Брониславе Фортунатовиче говорится, что в 1914 г. «по политическим мотивам был лишен кафедры в Одессе [...] а осенью 1917 г. принимает кафедру физиологии новооткрытого Пермского университета». Далее приводятся сведения о его дочери: «В ноябре 1917 г. М.Б. [Магдалина Брониславовна] приехала в Пермь со своим женихом молодым литератором Ф.П. Чудновским и обвенчалась с ним. [...] В сентябре 1919 г. умерли муж (год болевший „испанкой“) и брат Сергей (от тифа). [...] За два томских года М.Б. выполнила более 100 живописных работ, выставляла некоторые из них. В конце 1921 г., направляясь в командировку, она взяла работы с собой, но при посадке в поезд они были украдены, [...] В 30-е годы М.Б. писала прозу, в том числе мемуарную, переводила. [...] Ряд ее картин находится в музеях Перми и Томска»¹³³.

Как видим, дети Анны Степановны Вериге (урожд. Трудницкой) – сын Александр и дочь Магдалина – оказались довольно известными людьми, о них есть в интернете интересные сведения. Но нигде не говорится о том, оставили ли они потомство.

1890–1893: Врач Дора Семеновна Таубер

Далее речь пойдет об еще одной женщине, работавшей врачом в Ивановской больнице – Доре Семеновне Таубер (1854 – † 1928). Она была еврейского происхождения, ее имя в разных источниках

Изо 4–21. Врачи на крыльце дома в Воскресенске, 1883–1884.

писали как Дора, так и Дарья, а отчество как Семеновна, так Самойловна или Самуиловна. Фамилия же в некоторых документах записана как Таубе или Трауберг.

Изображение этой женщины (правда, нечеткое) оказалось на фотографии, опубликованной в книге М. П. Чехова. Снимок подписан так: «Чикинская больница. На крыльце квартиры врача сидят в верхнем ряду (слева): врачи М. П. Яковлев и Д. С. Таубер, Е. А. Архангельская, заведующий больницей П. А. Архангельский; в нижнем ряду: врач Бережников и фельдшер Алексей Кузьмич, описанный А. П. Чеховым в рассказе “Хирургия”. Фото 1883–1884 гг.»¹³⁴. Как следует из текста, Дора Семеновна в верхнем ряду, вторая слева в светлом платье.

Захотелось найти оригинал этого изображения. Поиск привел к следующим результатам.

В фондах Государственного музея истории российской литературы (ГМИРЛИ) имени В. И. Даля была обнаружена фотография, подписанная так: «Дом при Воскресенской земской больнице, в котором располагались квартиры врача и мирового судьи. Август 1914»¹³⁵. На снимке оказался деревянный дом с двумя крыльцами, на обоих сидят люди. На левом (ближнем)

Изо 4–22. «Дом при Воскресенской земской больнице»,
(Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля).

крыльце находятся шесть взрослых и один мальчик. А на правом (дальнем) крыльце сидят двое мужчин и еще двое стоят (они еле заметны). После сравнения двух изображений оказалось, что в книге Чехова приведена вырезка из музейного снимка с людьми на левом крыльце. Причем это именно вырезка, а не второй кадр, сделанный с ближнего расстояния. Это видно по позам всех изображенных людей, которые оказались совершенно идентичными.

Хотелось бы еще сказать о датировке снимков, она указана совершенно разная: в книге 1883–1884, а в музее 1914. Вторая дата представляется ошибочной и вот почему. В 1914 г. не могла быть сделана эта фотография, т.к. показанный на снимке П. А. Архангельский умер годом ранее. Более того, как уже говорилось, он уволился из Воскресенской лечебницы в 1896 г. Поэтому будем опираться на датировку, приведенную в книге. Хотя и тут возникли вопросы.

1883 г. – это на 7 лет раньше срока, когда Д. С. Таубер приехала в Ивановское и начала работать в фабричной больнице. Возникает вопрос: каким образом Дора Семеновна оказалась в заштатном городе задолго до этого? Оказывается, в эти годы она проходила практику у врача П. А. Архангельского, работавшего в городской лечебнице. Павел Арсеньевич в воспоминаниях о Чехове писал, что когда в 1881 г. Антон Павлович жил в Воскресенске у своего брата Ивана, то приходил в Чикинскую больницу, там в тот момент была *«студентка Д. С. Таубер – теперь врач Московского губернского земства»*¹³⁶. Причем Дора провела в Воскресенске еще как минимум два года. Это следует из описания **похода в Звенигород**, приведенного во все той же в книге М. П. Чехова:

«В 1883 году практиковавшие в чикинской больнице у Архангельского молодые врачи М. П. Яковлев, В. Н. Сиротинин, Д. С. Таубер и Е. Н. Собонина решили совершить пешеходную прогулку в Саввинский монастырь. К этой компании, кроме еще других лиц, примкнули и мы, Чеховы. Все 26 верст мы прошли настолько бодро, что достигли монастыря еще задолго до захода солнца. Погуляв около монастыря, молодые врачи решили, что недурно было бы навестить своего коллегу, врача Персидского, заведовавшего больницей в Звенигороде. Сказано – сделано. Персидский, конечно, обрадовался дорогим гостям и устроил для них у себя в садике чай. Отдохнули, поговорили, а потом молодежь вспомнила студенческие годы и стала петь хором. Спели "Дубинушку", "Укажи мне такую обитель" и еще что-то, как вдруг является полицейский надзиратель и составляет протокол. Напрасно Персидский доказывал, что эти люди – его гости, что у себя на квартире он может принимать кого угодно и что в домашней обстановке петь хором не запрещается, – не помогло ничто.

Протоколу дан был ход. Тогда Персидский напечатал письмо в редакцию "Русских ведомостей" об этом случае. Но и это успеха не имело. Обладавший большими связями в обеих столицах М. П. Яковлев лично отправился к московскому губернатору, чтобы объяснить, в чем дело, но губернатор ответил: Конечно, мы приняли бы сторону доктора Персидского, если бы он не напечатал своего

письма в "Русских ведомостях", а теперь мы должны стать на сторону звенигородской полиции, чтобы не дать повода думать, что мы испугались "Русских ведомостей" и вообще прислушиваемся к печати. И доктору Персидскому пришлось выехать из Звенигорода»¹³⁷.

О враче Ивановской больницы также написано в книге "У стен Нового Иерусалима":

«Чрезвычайно характерной была судьба еще одной практикантки Чикинской больницы — Доры Семеновны Таубер. Она была одной из первых женщин-врачей Московского земства, которому отдала всю свою жизнь. О первых годах учебы Д.С. Таубер мы узнаем из воспоминаний ее брата, известного ученого А.С. Таубера. Он рассказывал, что их родители, ортодоксальная еврейская семья из Одессы, разрешили дочери закончить только три класса гимназии, а затем заперли ее дома. Однако она при помощи брата вырвалась в Петербург. В течение года, отказывая себе во всем, читая иногда при свете уличного фонаря, девушка сумела подготовиться к экзаменам за гимназический курс, что давало право на звание домашней учительницы. Но Дора Трауберг [Таубер] не могла остановиться на этом. Она поступила на Высшие женские медицинские курсы, где преподавали лучшие профессора Петербурга, прошла на последнем курсе практику у Архангельского и стала земским врачом. До конца XIX века Д.С. Таубер работала в с. Вороново Подольского уезда, участвуя в каждом съезде врачей Московской губернии. Ею была выполнена большая программа по санитарному обследованию школ уезда. Самым значительным делом Д.С. Таубер было налаживание работы Осташевской земской больницы (Можайский уезд, сейчас Волоколамский район)»¹³⁸.

В цитате упоминается брат, которого звали Александр Семенович Таубер (позднее он стал известным русским хирургом и ученым). В его воспоминаниях есть слова о сестре Даше (так Дору звали в семье): «Она была чрезвычайно скромна, проста, почтительна к родителям, трудолюбива и миловидна. От жизни она требовала очень мало и часто довольствовалась самою скромною ролью помощницы хозяйки бедной семьи. [...] По природе Дария не была лишена способностей, но особенно выдающихся дарований она не выказывала. Я вполне ясно сознавал, что только усердным трудом и частым повторением весьма скучных предметов гимназического курса ей удастся перешагнуть предстоящий Рубикон»¹³⁹.

Предыдущий врач Анна Степановна Трудницкая проработала в фабричной больнице только два года, Дора Семеновна трудилась на один год дольше. Уже после отъезда из Звенигородского уезда Таубер стала «действительным членом» благотворительного общества при Воскресенской лечебнице. Правда, не в первый год существования этой организации, а во второй. В отчете за 1898 г. отмечен ее членский взнос в три рубля¹⁴⁰. В дальнейшем она также вносила пожертвования в указанное благотворительное общество, правда делала это не каждый год.

Как уже сообщалось, после Ивановского Д. С. Таубер работала в селе Вороново Подольского уезда, а потом перешла на работу в село **Осташево Можайского уезда**. Это подтверждается данными, приведенными в справочнике за 1899 г.: «Вороновская [больница] — Женщина врач Доротея Семеновна Таубер. [...] На должность врача Осташевской земской больницы, вместо Козлова, переведена из Подольского уезда, женщина врач Доротея Семеновна Таубер»¹⁴¹.

В этом селе Дора Семеновна проработала до конца своих дней – около трех десятилетий. В 1913 г., как уже сообщалось, умер врач П. А. Архангельский, случилось это в Осташево. Нет никаких сомнений, что он лечился у доктора Д. С. Таубер, которая когда-то проходила у него практику.

До недавнего времени на этом исчерпывались сведения об очередном враче Ивановской больницы, здесь предполагалось поставить точку в рассказе о Д. С. Таубер. Но уже в ходе работы над текстом книги в интернете были обнаружены сведения о статье методиста из Осташево Н. А. Степановой, которая была опубликована в краеведческом сборнике в 2015 г. Добрые люди из Волоколамской библиотеки предоставили как копию текста этой публикации, так и координаты ее автора. В статье оказалось много ранее неизвестных фактов о жизни Доры Семеновны, приведены выдержки из воспоминаний местного жителя Василия Рождественского под названием "Записки семинариста" (оригинал хранится в краеведческом музее с. Осташево):

«Нельзя не сказать <...> о враче – энтузиасте своего дела, которого местное население всегда вспоминает с большой признательностью и любовью. Небольшого роста, шарообразная, с седой, всегда опущенной головой, врач Таубер жила исключительно жизнью больницы, в постоянных неутраченных о ней заботах, больницы, которая обслуживала громадный район до 100 селений. В то время, в условиях почти сплошного невежества, непроглядной тьмы, самой жуткой антисанита-

риш, трудно, очень трудно было работать земскому врачу. <...> В любое время дня и ночи, в любую погоду врач Таубер выезжала к тяжело больному, как бы далеко он ни проживал <...>. Никакого различия больных по их имущественному или социальному положению она не делала. <...>

Врач Таубер была в постоянных хлопотах, постоянных заботах о больнице. Она была врач по всем специальностям: и хирург, и терапевт, и ушник, и глазник, и акушер, и фармацевт; она же была и завхоз. Только в часы приёма больных можно было найти её в кабинете. В другое время её было очень трудно отыскать. Дома нет. Говорят: "Ушла в родилку". Там отвечают: "Была. Ушла в хирургическое отделение". Здесь говорят: "Недавно вышла, сердитая сегодня, ругала, почему двум больным не поменяли простыни, пошла в заразную (инфекционный корпус), хотела по пути заглянуть на кухню". И так весь день, в постоянном движении, с постоянными думами и заботами о больнице. И всё это в условиях отсутствия необходимого медицинского оборудования и инвентаря, в то время, когда медицина была ещё несовершенна, когда методы лечения только нащупывались, только изучались <...>. Много было сделано ей для больницы, и Осташиёвская больница в своё время по праву считалась одной из лучших больниц Московского губернского земства»¹⁴².

С усадьбой Осташево оказалась связана царская фамилия. Великий князь Константин Константинович Романов в 1903 г. стал хозяином подмосковной усадьбы и вскоре познакомился с местным врачом. В статье Н. А. Степановой приведены выдержки из дневника князя:

«Осташиёво 1906 год Вторник. 5 января. Последний вечер в дорогом Осташиёве! [...] К обеду пригласили женщину-врача здешней земской больницы Дору Семёновну. По фамилии её никто не называет». В дневниках Великого князя и его сына Олега часто встречается фамилия Доры Семёновны. Целя профессионализм Доры Семёновны, семья Великого князя не раз обращалась к ней за помощью. В 1913 году «необходимость заставила опять взять четырёхмесячный отпуск для основательного лечения. Доктора колебались, посылать ли больного в Осташиёво, или в Швейцарию, но Князь Олег решительно заявил, что за границу он не поедет, одиночества же, угрожающего ему в Осташиёве, не боится. Тогда консилиум докторов во главе с лейб-хирургом Дмитрием Андреевичем Муриновым решил просить женщину-врача Дору Семёновну Таубер, заведовавшую земской Осташиёвской больницей, принять на себя постоянное наблюдение за больным и следить за выполнением им соответствующего режима» [...] Дора Семёновна вспоминала, что они говорили с князем Олегом Константиновичем о невежестве, некультурности и пьянстве наших крестьян, о необходимости отвлечь русский народ от трактиров и дать ему возможность развиваться и получить образование».

Далее в статье рассказывается, что после революции Д. С. Таубер осталась в Осташево. «Дора Семёновна работала до последних дней жизни. Перед смертью она оставила завещание на все свои сбережения. Она хотела, чтобы на эти средства построили хорошее здание на берегу реки Рузы – "Детский диспансер" и в нём "Детскую консультацию". В 1932 году было выстроено очень красивое здание. Перед затоплением [Рузского] водохранилища это здание было разобрано и перенесено на другое место, где стоит и по сей день. Оно используется как жилой дом».

Заканчивается публикация Степановой следующими словами: «"Дора Семёновна", "Дорушка", "наш доктор" – так называли Дору Семёновну жители села Осташиёво. В этих словах сконцентрирована вся любовь и уважение к человеку, всю свою жизнь помогавшему людям. И очень приятно, что в начале 2013 года семьёй Обуховых, неравнодушных к памяти Доры Семёновны, обустроена её могила, поставлен надгробный памятник с фотографией».

Удалось связаться с автором статьи Натальей Александровной Степановой, она сообщила координаты семьи, которая принимала участие в восстановлении памятника над могилой врача. Так удалось познакомиться с уроженкой этих мест М. А. Обуховой. Она нашла фотографию Доры Семеновны, правда, не очень качественную.

Отдельная благодарность Марии Анатольевне за то, что она поделилась материалами, которые ей удалось найти в архиве

Изо 4–23. Врач Д. С. Таубер, 1920-е ?, (архив М. А. Обуховой).

ГАРФ. В результате о враче Д. С. Таубер теперь знаем больше. Так стало известно, что у Доры Семеновны было свидетельство Санкт-Петербургского военного госпиталя от 1883 года, которое подтверждало ее квалификацию врача. В 1888 г. она обратилась за разрешением врачебной практики *«по женским и детским болезням в г. Москве»*, где, по всей видимости, проживала в то время. В архивном деле отмечено, что Таубер *«Служит в лечебнице человеколюбивого общества, 32 лет, еврейского вероисповедания, имеет звание зубного врача»*.

М. А. Обухова в конце 2022 г. выступала на “Константиновских чтениях” в Петербурге с докладом *«Земские врачи с. Осташёво – Дора Семеновна Таубер и Абрам Павлович Штерн»*. В нем говорилось, что еще в годы студенчества в Петербурге Дора Семеновна была весьма увлечена либеральными идеями: *«В тайне от брата ночью, накрывшись одеялом, читала запрещённую литературу – подпольные журналы»*¹⁴³. Вероятно, это увлечение не прошло бесследно, коль скоро много позже уже в годы первой русской революции 1905 г. полиция обратила внимание на Таубер. В полицейском департаменте было заведено дело после того, что в приемном покое Осташевской больницы неизвестным лицом была вывешена листовка с текстом “Выборгского воззвания”. Однако через несколько месяцев дело было закрыто *«за неимением доказательств ее [Таубер] вины»*.

В докладе Обуховой также сообщалось, что в годы Первой мировой войны в Осташево были открыты два военных госпиталя для лечения раненых. В их организации самое непосредственное участие принимала врач: *«Дора Семёновна просила великого князя Константина Константиновича дать разрешение использовать новопостроенное помещение яслей под нужды лазарета. Разрешение от великого князя было незамедлительно получено, и часть раненых была размещена в здании яслей»*.

Вот такой замечательный врач-подвижник жила и работала в первой трети XX века в селе Осташево Можайского уезда, потом Волоколамского района. А ведь начинала она свой трудовой путь в больнице при Ивановской фабрике. Дора Семеновна не имела своей семьи и всю жизнь посвятила медицине и помощи людям. Важно, чтобы о ней знали и помнили местные жители.

* * *

Однако вернемся в наше Ивановское. Остались непонятны причины ухода Д. С. Таубер из фабричной больницы, ведь зарплата была хорошая. На смену ей, как написано в “Исторических сведениях”, в 1893 г. пришел врач **Николай Викторович Кирьяков**. Далее в этой книге отмечено, что в июне им был *«произведен поголовный осмотр всех фабричных по отношению к заразным болезням. При осмотре у 12 человек зарегистрирован сифилис (третичный) в незаразительной форме»*¹⁴⁴. Из того же источника следует, что врач Кирьяков проработал в Ивановской больнице недолго – около года. И вновь причина увольнения осталась неизвестной, как и то, куда он ушел. В интернете попала информация, что в Плавске Тульской области во второй половине XIX – начале XX века работал врач Николай Викторович Кирьяков. Но «наш» ли это человек или полный тезка – осталось неизвестно.

Это все, что удалось узнать об очередном враче Ивановской больницы. Остается лишь добавить, что в 2022 г. на месте утраченного фабричного храма был обнаружен памятник, когда-то стоявший на могиле Юлии Викторовны Кирьяковой. В метрической книге Успенской церкви за 1894 г. обнаружена запись о скончавшейся женщине 7 июня: *«Московская купеческая девица Юлия Викторовна Кирьякова, 65 [лет], от спинной болезни, [похоронена:] на приходском кладбище»*¹⁴⁵. Судя по тому, что в это время в больнице работал Николай Викторович, можно предположить, что это была его родственница (мать, сестра, жена, тетка?). А может и просто однофамилица.

После увольнения Кирьякова в 1894 г. в фабричную больницу пришла на работу женщина с «медицинской» фамилией – **Дора Игнатьевна Аптекман**. Ее фотография приводилась выше (из 4–06). Дора¹ (Доротея) Игнатьевна оказалась долгожителем среди всех врачей, у нее оказался самый длительный стаж работы в Ивановском – 17 лет. Фамилия Аптекман довольно часто встречается в различных документах суконной фабрики. Однако сейчас об этом враче говорить не будем, это тема другой книги. Отметим лишь, что по данным Википедии: *«Дора (Доротея) Исааковна (Игнатьевна) Аптекман (1852 — после 1926) — русская революционерка, народница, земский врач»*.

В 1911 г. вместо Д. И. Аптекман в больнице стал работать **Николай Никандрович Кураев** –

¹ Вот какое совпадение имен у Таубер и Аптекман. Это очень редкое женское имя, а тут два доктора в одной больнице с таким именем, тезки.

сын конторского работника суконной фабрики Никандра Акимовича. Напомним, что о семье Кураевых подробно рассказывалось в предыдущей главе.

Завершая разговор о врачах Ивановской больницы, хотелось бы отметить, какой необычной судьбы оказались эти люди – Цветаев (монах Ефрем), Трудницкая (Вериги), Таубер. Да и работавшие после них Аптекман с Кураевым тоже были достойными людьми.

Развитие медицинского обслуживания на фабрике, вторая больница (кирпичная)

Хотелось бы теперь поговорить о том, какие изменения происходили на Ивановской фабрике в плане медицинского обслуживания после того, как ею стал управлять С. М. Попов.

В 1888 г., как написано в «Исторических сведениях», с уходом врача М. М. Цветаева *«больница преобразована в фабрично-земскую с особым участком из 12 соседних деревень, радиусом до 5 верст, с населением до 4.000 человек»*. По сути это означало, что крестьяне соседних селений могли теперь на законных основаниях обращаться за медицинской помощью в Ивановскую больницу. Далее в том же документе написано, что *«Расход в первое время реорганизации дошел до 3.372 руб. 81 коп. (за 1888/9 год [при враче Трудницкой]). Именно: жалованье 2.120 руб., провизия – 321 руб. 32 коп., медикаменты — 540 руб. 71 коп., отопление и освещение — 135 руб. 28 коп., остальное — мелкие расходы. За 1892-й год [при враче Таубер] расхода было уже до 4.772 руб. 52 коп. жалованье – 2.170 руб., медикаменты – 653 руб. 69 коп., отопление и освещение – 200 руб., ремонт – 392 руб. 34 коп., устройство заразного барака – 250 руб., остальной расход был покрыт прямо из конторы фабрики или натурой»*¹⁴⁶.

По данным того же отчета в 1893–1894 отчетном году (при враче Кирьякове) было зарегистрировано 3.685 больных и 6.825 посещений амбулатории. В среднем *«каждый фабричный на круг болел 3 раза»*. Коечных больных было 127 человек, из них 113 работников фабрики. Умерло в больнице за год пять человек. Эпидемий не было. Расход на медицину за отчетный год составил 4.318 рублей. Год спустя врачом Аптекман было зарегистрировано 5.700 посещений амбулатории, в следующем году 7.271, и т.д.

Как видно из приведенных цифр, Ивановская больница была посещаемой, даже можно сказать, активно посещаемой больными людьми. Это приводило к большой нагрузке на медицинский персонал. В возросшей популярности есть, конечно, и заслуга работавших врачей¹.

По данным «Исторических сведений» в 1897–1898 годах была осуществлена *«постройка родильного приюта (на 3 койки)»*. Его строительство вместе с оснащением обошлось в 2.361 рубль. Надо сказать, что родильные приюты в то время были еще в новинку, особенно в сельской местности. Издревле женщины на Руси рожали обычно дома. И помогали при родах так называемые *«повивальные бабки»*, по сути акушерки, не имевшие медицинского образования. Отсюда была такая высокая смертность при родах, страдали и роженицы. В качестве примера можно напомнить о судьбе Н. П. Шатиловой, которая умерла вскоре после родов в возрасте чуть более 20 лет (об этом рассказывалось в первой главе). В первый год в приюте было зарегистрировано 53 случая *«родовспоможения»*. Через пять лет помощь при родах была оказана уже 85 женщинам.

Вскоре после открытия родильного приюта в консистории было заведено довольно необычное дело. Оно было инициировано по прошению (жалобе) настоятеля соседней Петропавловской церкви села Лужки на служителей фабричного храма (напомним, что в третьей главе рассматривалась другая жалоба того же причта на тех же клириков). Священник о. Николай Скобеев писал, что *«при фабрике Попова 2-й год открыт бесплатный родильный приют. Их прихожане, пользуясь сим учреждением, действительно благотворительным при деревенской бедности и неумении повивальных бабок содействовать выздоровлению женщин после родов, не только рожают детей в приюте, но и крестят их, не выходя из приюта, в соседнем приходе и только в редких случаях и при том с большим опозданием доставляет сведения о рождении и крещении детей, вследствие чего они, члены причта церкви села Лужков, не знают, сколько детей прибыло в их приходе и где они крещены и потому лишены возможности исправно вести исповедные ведомости»*¹⁴⁷. Настоя-

¹ В связи с этим вспоминается ранее приводившаяся цитата о фабричной больнице из книги М. П. Чехова: *«популярностью она не пользовалась»*. Эти слова относились ко времени, когда больницей заведовал прежний врач М. М. Цветаев (напомним, что при нем за весь 1882 год было госпитализировано всего 14 больных).

тель также высказал пожелание, чтобы в приюте крестили только «слабых» детей, которые могут вскоре умереть. А остальных следовало крестить в тех приходах, откуда их матери. Это желание священника понятно, т.к. за каждое крещение причт получал от родителей «вознаграждение». При крещении же «на стороне» они его лишались.

Священноначалие велело благочинному провести «дознание» по этому вопросу и тот выяснил следующее. Что родившихся в Ивановском приюте детей действительно крестит причт фабричной церкви. И записи о крещении «иноприходных» детей вносит в свою метрическую книгу. Справки же о крещении таких детей передавались в родные приходы только в конце года. В результате иногда случалось, что малыши по прошествии нескольких недель или месяцев умирали, а справок о их крещении в приходской церкви нет. Во избежание впредь подобных ситуаций священноначалие обязало Успенский причт, чтобы тот «каждый раз о совершении крещения извещал причт тех приходов, к которым принадлежат младенцы».

Примерно в это же время на фабрике появился и «заразный барак» (на 4 койки). В 1902–1903 годах «в заражном бараке проведена вода, устроена ванна и ватер-клозет, а также приобретена необходимая палатная мебель. Всего израсходовано 242 р. 26 коп.»¹⁴⁸.

Согласно ведомости в 1907 г. в Ивановской больнице было 5 мужских коек, 3 женских, 4 «заразных» и 2 в родильном отделении. «Расходы за год: около 6.000 рублей. Район деятельности: фабрика и 12 ближайших деревень (до 4.500 чел.). Было зафиксировано «11.034 амбулаторных, 232 коечных»¹⁴⁹ обращений.

Примерно в это же время согласно очередному отчету «вспомогательных учреждений» в Ивановское стал приезжать зубной врач, совершил 28 визитов. «Больных принято 150 челов., сделавших 457 посещений [...] Пломб сделано 169 [...] каждый больной обошелся в 2 руб. 03 коп.».

В 1906–1907 годах владелец Ивановской фабрики С. М. Попов организовал «Богадельню для старух, работавших на фабрике». В третий год существования в ней было 7 «призреваемых». На богадельню за год было потрачено 757 руб.

Строительство новой фабричной больницы

В отчете «вспомогательных учреждений» написано: «В июне 1909 года приступили к постройке новой каменной больницы имени “М. Г. Поповой”, по планам и сметам инженера Самойлова. За строительный сезон успели выложить 2-этажное здание с полуподвальным помещением для парового отопления; покрыли его крышей и в таком виде оставили промерзать на зиму. Затрачено на эти работы из особаго капитала 25.711 р. 84 к.»¹⁵⁰.

Подробности о новой больнице удалось узнать из архивного дела ЦГАМ, в котором приведены чертежи предполагаемой постройки. Со времени построения П. Г. Цуриковым больничного корпуса прошло более 40 лет, деревянное здание обветшало. Сама больница из чисто фабричной стала фабрично-земской, начала обслуживать местное население, которое в те годы заметно росло. Стало очевидно, что

Изо 4–24. Фасад новой фабричной больницы в Красновидово¹⁵¹ (отретушированоⁱ), 1909.

ⁱ Чертежи в указанном архивном деле оказались в плохом состоянии, были частично помяты. Их на компьютере восстановил А. Н. Гольцев, за что ему отдельная благодарность.

нужно новое, просторное больничное здание, построенное из прочного материала – кирпичей.

Место для новой больницы было выбрано не на суконной фабрике и не рядом с ней, а немного в стороне – в юго-восточном направлении на расстоянии полуверсты. Это были земли так называемой «дачи сельца Красновидово» (отметка сельца есть на карте изо 1–32). Далее будет рассказано, как в 1860-х годах Цуриковы приобрели имение недалеко от суконной фабрики в окрестностях сельца Красновидово, называемое еще Сокольское. Недвижимость была оформлена на Анну Сергеевну. Потом эта земля стала принадлежать владельцу фабрики С. М. Попову. Тот для новой больницы выбрал «пустопорожнее место, окруженное лесом» на западной окраине Красновидово, ближайшей к фабрике. Там предполагалось построить больницу для рабочих и местных крестьян и присвоить ей имя Матрены Григорьевны Поповой (матери владельца фабрики). Для этого был учрежден особый капитал ее имени, к началу строительства в нем было почти 147 тысяч руб. Эти средства предназначались для сооружения больницы и последующего ее содержания.

Как следует из приведенной цитаты, стройка началась летом 1909 г. За теплый сезон успели выполнить основные строительные работы, подвели здание под крышу. При таких ударных темпах, казалось бы, в следующем сезоне должны были все завершить. Но документы это не подтверждают. В том же архивном деле имеется рапорт уездного исправника, который в марте 1914 г. докладывал, «что постройка здания больницы на фабрике С. М. Попова при селе Ивановском окончена»¹⁵². Получается, что стройка не такого уж большого и не столь дорогостоящего (по меркам фабрики) здания затянулась на четыре с лишним года. Странно. Видимо, была некая причина к задержке строительных работ. Но очевидно не финансовая, денежный капитал был накоплен большой.

Больница и другие социальные учреждения фабрики в годы Первой мировой войны

Так вышло, что построенная на средства С. М. Попова больница не использовалась в полной мере для нужд фабрики и окрестного населения в царское время. Дело в том, что как раз к окончанию ее строительства грянула Первая мировая война. В первый же год войны было призвано в действующую армию 50 работников фабрики. Вскоре с фронтов стали поступать раненные воины, их было много. В стране были задействованы все резервы медицины. Как написано в отчете: «В лечебнице имени М. Г. Поповой в октябре 1914 года был открыт госпиталь для раненых в начавшуюся войну, зарегистрированный в общеземской организации»¹⁵³. Это еще не все: «С 20-го августа 1914 года, по случаю начавшейся войны, здание богадельни было предоставлено под раненых, а старушки были размещены по деревням, с платою за них по 8 руб. в месяц». В результате всех принятых мер в учреждениях при Ивановской фабрике удалось оборудовать 58 коек для лечения раненых воинов. Ну а для обслуживания больного населения и рабочих, надо полагать, по-прежнему использовалась старая больница.

Ранее уже говорилось, что в архиве ЦГАМ сохранилось несколько отчетов «Товарищества Ивановской суконной фабрики» за предреволюционные годы. В них приведены сведения о суммах, потраченных фабрикой на социальные нужды, и о капиталах на благотворительные цели. Так в балансе, составленном 10 апреля 1916 г., в разделе «Капиталы» показано: «Пенсионный – 172.599 [руб.]. Образования детей служащих и рабочих – 32.296. Лечебницы им. М. Г. Поповой – 111.534»¹⁵⁴. В том же отчете в разделе расходов зафиксировано, сколько было потрачено денег за отчетный период (от Пасхи 1915 до Пасхи 1916): «Содержание лечебницы – 7.765 [руб.], училища – 4.138, богадельни – 652, детского приюта – 192, Библиотека читальни – 162. [...] Убыток от столовой рабочих – 2.496 [руб.], чайной – 965». Отдельно отмечено, что на содержание госпиталя при фабрике было потрачено 18.467 руб., «из коих 12.775 р. – поступило пожертвование от пайщицы О. М. Поповой, а остальная сумма 5.692 р. 38 коп. покрыта расходом капитала Лечебницы имени М. Г. Поповой. Выдано семействам рабочих ушедших на войну 3.730 р.».

Примерно такие же суммы приведены в отчете Товарищества за следующий отчетный период (1916–1917), остановимся только на существенных отличиях. В разделе расходов отмечено: «Содержание лечебницы – 10.208 [руб.], училища – 5.002, богадельни – 860». Доктору больницы Аптекман было увеличено жалование на 300 руб. Особый интерес представляет такое заявление: «12 декабря 1916 года в Правление поступили от С. М. Попова 250.000 рублей на увеличение Пенсионного капитала с указанием, чтоб капитал этот был причислен к ранее внесенному им же в сумме 100 тысяч рублей и разделен на два капитала, а именно: на капитал служащих в сумме 125.000

рублей и на капитал рабочих в сумме 225.000 рублей»¹⁵⁵. Далее написано, что фабричный госпиталь для раненых постановили передать «Всероссийскому Земскому Союзу» вместе с остатком «денежных сумм». Особо отмечено, что «В случае отказа Союза постановлено более раненых не принимать и Госпиталь закрыть к 1-му Сентября 1917 года» (было ли это реализовано – в деле не сообщается).

Октябрьская больница в советские годы

Больничное здание, построенное С. М. Поповым, пережило все лихие времена, в советские годы использовалось по назначению, только сменило название. В 1937 г. в районной газете «Истринская стройка» была напечатана статья с заголовком «Октябрьская больница»:

*«История Октябрьской больницы начинается с 1914 года. В год начала империалистической войны при фабрике открывается госпиталь для раненых. Уход за ранеными был отвратительный: не было белья, питались впроголодь. С 1918 года госпиталь реорганизуется в больницу. Здесь уже работают один врач, акушерка, аптекарь, две сестры и три санитарки. С каждым годом больница расширялась, обслуживание больных улучшалось. В 1930 году выстроен жилой дом для врачей, а в 1935 году — для среднего медицинского персонала. Сотрудники были переведены из занимаемых ими больничных помещений во вновь выстроенные дома. Это дало возможность увеличить число коек с 15 до 40. В больнице уже работают четыре врача, четыре акушерки и 10 человек среднего медицинского персонала. Бюджет больницы в 1935 году составлял 143 тысячи рублей, в текущем году увеличен до 212 тысяч рублей. Если в 1933 году на питание одного больного в день отпускалось 55 копеек, то в этом году уже расходуется 4 рубля, имеется три с половиной смены белья. В 1934 году больница была капитально отремонтирована. Были построены прачечная и дезинфекционная камера. Большая заслуга в улучшении работы больницы принадлежит главному врачу тов. Гликину. Он добился того, что больница радиофицирована, приобретена мебель, пополнены медицинские инструменты; организованы зубо-врачебная и небольшая клиническая лаборатории. Установлен рентгеновский кабинет, который на днях начнет работать. В больнице внимательный, заботливый уход за больными»*¹⁵⁶.

В этой заметке не указаны имя и отчество главврача Октябрьской больницы. Его инициалы – Н. И. Гликин – удалось узнать из другой публикации. А вот что напечатано в энциклопедии «Истринская земля»: «До нашего времени сохранилось здание Ивановской больницы (сейчас — детский санаторий, расположен между Ивановским и Красновидовом). Она имела хирургическое отделение и свой родильный дом. Трудились здесь терапевт Максим Владимирович Муратов и хирург Борис Дмитриевич, проводивший самые сложные операции»¹⁵⁷.

Изо 4–25. Бывшая Октябрьская (Ивановская) больница, 2022.

Эти строки написаны в 2004 г. Вскоре после этого детский санаторий в здании бывшей фабричной больницы был закрыт. В дальнейшем помещение не использовалось и в настоящее время здание заброшено. Окна и двери отсутствуют, это хорошо видно на недавно сделанной фотографии. В интернете нетрудно найти фотоотчеты о нынешнем плачевном состоянии бывшей больницы. Дальнейшая ее судьба в тумане. Жалко будет, если историческое здание с еще крепкими стенами снесут.

Другие учреждения Ивановской фабрики

Рассмотренные в настоящей главе училище и больница, как уже отмечалось, относились к «вспомогательным учреждениям». Туда же были причислены богадельня, ясли для малолетних детей, библиотека, чтения с туманными картинами, театральные представления. Далее будут рассмотрены остальные «вспомогательные учреждения», о которых еще речи не было (или почти не было). Изложение будет вестись на примере отчета 1909–1910 годов¹⁵⁸.

Народный дом

В начале XX века при Ивановской фабрике было построено «каменное здание “Народного дома” (клуб) с постоянной сценой, костюмерной, помещением для библиотеки. Сюда была переведена чайная. “Народный дом” являлся по тому времени в такой мере образцовым, что для ознакомления с ним приезжали из Москвы экскурсии учащихся. Там же стали позднее систематически ставиться киносеансы»¹⁵⁹. Эта цитата из книги “Суконщики Поповы”, в ней приведена дата постройки Народного дома – 1909 г. Эта дата оказалась неверной, что стало понятно после изучения архивного дела.

В обнаруженном деле имеется поданное в марте 1903 г. прошение Товарищества Ивановской суконной фабрики о дозволении осуществить на своей земле постройку каменного одноэтажного здания «для театра-чайной при фабрике»¹⁶⁰. После рассмотрения прошения никаких «препятствий» у надзорных организаций не нашлось, и уже в апреле было выдано разрешение на строительство. Надо полагать, что строительные работы начались незамедлительно и велись активно, т.к. в том же деле имеется рапорт архитектора, который в январе следующего 1904 г. докладывал, что им произведен «осмотр вновь возведенного каменного строения на фабрике С. М. Попова», и что оно соответствует чертежам и всем требованиям. Сметы в деле нет, о стоимости строительства стало известно из отчета за тот год – 15.388 руб.¹⁶¹. Таким образом, датой открытия Народного дома (так театр-чайную стали называть после завершения строительства) следует считать 1904, а не 1909 год.

В том же архивном деле имеется план территории Ивановской фабрики с отметкой расположения планируемого к постройке здания. Помещение Народного дома имело сильно вытянутую прямоугольную планировку и располагалось на острове вдоль берега обводного канала. Оно находилось как раз напротив купальни, в которой когда-то принимала водные процедуры А. С. Цурикова.

В семейном архиве Шуберт сохранилась фотоснимок фасада Народного дома (он был опубликован и в книге “Суконщики Поповы”). Следует отметить, что это парадный вид с торца, откуда осуществлялся вход в здание.

На снимке можно разглядеть два объявления с расписанием работы дома: слева «Открыт по будням от 7 до 10 часов [вечера]» и справа «Откры[т] по воскрес[ным] и празднич[ным] дням от 1 час до 8 ч. в[вечера]».

Обращают на себя два белых бюста, симметрично расположенные в темных нишах на втором этаже. Невысокое качество снимка не позволяет достоверно утверждать, каким выдающимся людям эти бюсты посвящены. Можно лишь отметить, что правая фигура напоминает писателя Н. В. Гоголя. К сказанному можно еще добавить, что один из бюстов (левый) удалось разглядеть на приведенном ранее фотоснимке (изо 3–36). Это существенно помогло в идентифика-

Изо 4–26. Здание Народного дома на фабрике, 1910-е ?, (АШ).

ции местности, на которой была сделана та фотография, и в определении ракурса съемки.

Народный дом при Ивановской фабрике, по сути, являлся клубом. В нем был свой буфет (чайная), который работал в часы работы дома. В отчете его заведующего Я. В. Летунова за 1909–1910 отчетный год написано: *«Народный дом с чайной был открыт 307 дней в обычные часы. Посетителей, пивших чай, за год зарегистрировано 14.696 человек (в прошлом году 11.269 человек). На круг в день бывало около 48 человек (в прошлом году — 41 человек). [...] Продано из чайной за год чаю и разных продуктов на 894 руб. 36 коп. Цены были прежние. Пользы [прибыли?], как сказано, получено — 91 руб. 53 коп. В 1-й день Рождества чайная была открыта бесплатно для всех посетителей»*¹⁶². В одном из отчетов чайная в Народном доме названа «чайная Николаевского Общества трезвости».

Как уже говорилось, в Народном доме игрались любительские спектакли. Вообще-то театральные пьесы начали ставить на фабрике намного раньше постройки указанного дома. Об этом уже рассказывалось в третьей главе в материале о Н. А. Кураеве, там же была приведена фотография одного из спектаклей «Соперники» (изо 3–40). Снимок со сценой другого представления «Женитьба» приведен в приложении–18 (изо Р–52). Там же имеется фотография, обнаруженная в театральном музее имени А. А. Бахрушина (изо Р–51). На ней сняты работники фабрики, они же артисты любительских спектаклей. Программа представления «Свадьба Кречинского», сыгранного в 1900 г., приводилась ранее (изо 4–05). Разговор о спектаклях будет продолжен в конце девятой главы, когда речь пойдет о Николае Александровиче Попове, который начинал свою карьеру театрального режиссера как раз на Ивановской фабрике.

В начале этой главы рассказывалось, насколько популярны у народа были «чтения с туманными картинками». Через какое-то время они стали вытесняться демонстраций кинокартин. Как написано в отчете за 1909–1910 отчетный год: *«Синематограф был приобретен системы Гомона (обойшелся в 500 рублей), картины же брались на прокат. В виду большого интереса к сеансам и наплыва народа первые сеансы были платные (взималось 3–5 коп. с человека в пользу фабричной библиотеки). Картины выбирались большей частью образовательного содержания. 1-ый сеанс был 30 ноября [1909], последний — 27 февраля 1910 года»*.

Под «картинками» в цитате имелись в виду кинокартины. А по сути это были, как бы теперь сказали, небольшие ролики или короткометражки минут на 10–15 с несложным для понимания сюжетом. За один сеанс демонстрировалось по 5–7 таких картин.

Столовая

Столовая для работников фабрики была впервые организована в 1889 г. вскоре после прихода С. М. Попова. В отчете 1909–1910 годов написано, что она была *«открыта 277 дней; ежедневно на круг ею пользовались около 256 человек; за год всего обедало 70.848 чел. фабричных»*. Примерно половина из них не только обедали, но и ужинали. Расчет за еду в столовой осуществлялся путем вычетов при начислении зарплаты. В среднем одна обеденная порция обходилась в 6 копеек, столько же стоил ужин. Такие цены не покрывала всех расходов, работа столовой для фабрики была убыточной. В отчетном году все затраты на столовую составили 6.506 рублей (из них 5.578 руб. на продукты). А работники за еду заплатили 3.788 руб. Таким образом, убыток составил 2.717 руб. Эту сумму никак не назовешь маленькой. Но фабрика сознательно шла на такие убытки в стремлении улучшить жизнь рабочих. Помимо этого был еще чай в корпусах фабрик, он был бесплатным (в отличие от чая в Народном доме). За год было израсходовано два с лишним пуда чая.

Интересно было бы привести меню типового обеда или ужина посетителя столовой. Увы, такие данные не попадались. Также не удалось найти хотя бы одно изображение столовой на Ивановской фабрике. Да и вообще ее расположение на территории осталось неизвестным.

Общество потребителей при Ивановской фабрике

К сожалению, не все в работе общества потребителей осталось понятным, т.к. в отчетах, к сожалению, не раскрыт его смысл. При обществе были *«[торговая] лавка, хлебная пекарня и сапожная мастерская»* (при этом никаких подробностей об их работе не приведено). В отчете упоминаются пайщики и паи. Можно еще отметить, что число членов этого общества постоянно росло и в 1910 г. составило 299 человек. Рост популярности говорит о том, что общество потребителей было выгодно людям (возможно, за счет более низкой стоимости товаров или услуг).

Пенсионное обеспечение и различные кассы на фабрике

В работе следующих *«вспомогательных учреждений»* Ивановской фабрики ясности еще меньше. В отчете приводятся лишь цифры.

Для лучшего понимания вопроса отметим, что в далекие времена на Руси никакого пенсионного обеспечения не было. Люди в старости могли рассчитывать лишь на собственные накопления и на помощь своих детей, родственников (иногда и на бывших работодателей). А если таковых не было, то оставалось надеяться на устройство в богадельню (их было совсем немного, в сельской же местности почти не встречались). Или же собирать милостыню, рассчитывая на милость людей и Божию.

В конце XIX века ситуация в Российской империи в этом плане стала меняться. В некоторых слоях общества (например, среди духовенства), стали организовываться пенсионные фонды, или как их тогда называли – *«эмеритальные кассы»*. По сути это было добровольное пенсионное страхование. Люди в пенсионную кассу регулярно вносили определенные взносы. По истечении некоторого числа лет (или досрочно при каком-либо несчастном случае) плательщик начинал получать обратно деньги в виде пенсии. Размер выплат зависел от величины взносов и сколько лет они вносились. Думается, что примерно так было организовано пенсионное обеспечение и на Ивановской фабрике. Вопрос лишь в том – все ли работники фабрики вносили взносы в пенсионную кассу добровольно или это могло происходить принудительно путем вычетов при начислении зарплаты.

В отчете за 1909–1910 год приведены данные о том, что на фабрике получали пенсию 134 рабочих и 8 служащих. Средний ее размер составлял около 50 рублей в год. Это довольно небольшая сумма для начала XX века, трудно на нее было прожить.

Заключительные разделы отчета *«вспомогательных учреждений»* Ивановской фабрики озаглавлены так: *«Сберегательная касса Звенигородского Отделения Государствен. Банка»*, *«Ссудовспомогательная касса»*, *«Ивановское Ссудосберегательное Т-во»*. С ними схожая ситуация: цели и задачи этих организаций в отчете не прописаны, остается лишь догадываться, ориентируясь на название.

Судя по всему, первая из них – *«Сберегательная касса Звенигородского Отделения Государствен. Банка»* – это просто филиал госбанка при фабрике, который принимал деньги на вклады и за это начислял проценты. В отчете сообщается, что число вкладчиков достигало 690 человек, на их счетах было 76.867 руб. (примерно по 111 руб. на каждого). Указана величина процентной ставки 8,5 %. Это очень хороший процент, в банках на долгосрочные вклады обычно давали в два раза меньше. Отсюда понятно, почему в *«Сберегательной кассе»* держали свои деньги большинство работников фабрики. И почему в зарплатных ведомостях почти у всех людей сумма денег к выдаче была меньше начисленной зарплаты. Из-за хорошей процентной ставки люди предпочитали не тратить деньги, а копить их (об этом уже говорилось в предыдущей главе).

Две другие кассы Ивановской фабрики напротив, связаны не с накоплением, а с выдачей денег в виде помощи. Судя по названию – *«Ссудовспомогательная касса»* – это касса взаимопомощи, когда деньги выдавались по заявлению только тем, кто являлся вкладчиком.

Ну а *«Ивановское Ссудосберегательное Т-во»* (товарищество) было рассчитано на выдачу *«пособий членам кассы (на случай постигшего несчастья) и бедным местного участка»*. Ссуды выдавались пайщикам с возвратом под 6% годовых. Бедным же крестьянам выдавались пособия по 2–4 рубля в месяц. Таковых в деревне Ивановской было 4 человека, в Красновидово 9, Санниково 3 и т.д. В совокупности все выплаты составили 1.356 рублей в год. Половину этих расходов принял на себя попечитель (в отчете его фамилия не указана, но почти нет сомнений, это был С. М. Попов).

На этом заканчивается рассказ о *«вспомогательных учреждениях»*. Каждый прочитавший эту главу мог убедиться на исторических документах, как много делалось на Ивановской фабрике для улучшения условий труда, жизни и отдыха работников. Владельцы предприятия Цуриковы и Поповы вовсе не были теми жестокими эксплуататорами-кровососами, о которых много говорилось в советских учебниках при описании жизни в царской России в эпоху капитализма.

Глава 5. Успенская церковь при Ивановской фабрике

Павел Григорьевич Цуриков в своей жизни помогал многим храмам и монастырям, счет идет на десятки (об этом подробно поговорим в следующей главе). В большинстве случаев это была либо помощь существующим Божьим домам, либо строительство новых церквей совместно с кем-то из благотворителей. Но в двух случаях благодетель участвовал в сооружении храмов единолично с самого начала¹. Это Успенская церковь при Ивановской фабрике и Саввинский скит при Саввино-Сторожевском монастыре. О первом из этих Божьих домов и пойдет речь в настоящей главе.

Сохранилось несколько изображений Успенской церкви – это три фотографии и одна литография, все они приведены в настоящей книге и повторены в приложении–18 (изо Р–19, Р–57, Р–58, Р–59). В основном это виды издали и только один снимок посвящен собственно Божьему дому – это фото из книги приходского священника Николая Голубева, изданной в 1893 г. к 25-летию юбилею храма.

Изо 5–01. «Успенская церковь построенная Цуриковым»¹, 1893.

¹ Вообще-то был и третий похожий случай, когда Цуриков построил «с нуля» Филаретовскую церковь в Троице-Сергиевой лавре. Но это был не отдельно стоящий храм, а по сути, придел при Свято-Духовской церкви.

От замысла до освящения храма

В деревне Ивановской никогда прежде не было храма. В первой главе рассказывалось, что большинство местных крестьян были приписаны к Петропавловскому храму в селе Лужки, который располагался в трех верстах. Но были и такие, кто ходил на службы в Ильинскую церковь на Городищах¹, находившуюся в шести верстах. Казалось бы, можно было позавидовать первым, их храм был в два раза ближе. Однако был существенный минус – путь в Петропавловскую церковь преграждала достаточно полноводная и быстрая река Истра. Моста же в те времена не было, люди переезжали на другой берег вброд на лошадях, телегах. Причем перейти Истру можно было не везде, а только в особом месте, называемом Коровьим бродом, где река была относительно неглубокая, дно ровное, песчаное и чистое. Переправа была возможна лишь при обычном уровне воды. В период же половодья оставался единственный вариант – использовать плот или лодку. Ну а зимой, когда лед еще не окреп, или во время ледохода на реке вообще перебраться на другой берег становилось невозможно.

Как возникло «решительное намерение построить» храм при фабрике

Именно это неблагоприятное обстоятельство с трудностью переправы на другой берег реки и сыграло немаловажную роль в появлении храма в деревне Ивановской. Об этом стало широко известно много лет спустя из заметки, опубликованной в память об умершем благотворителе, владельце фабрики П. Г. Цурикове. Автор публикации в своем рассказе ссылаясь на врача фабрики, фамилию его не указав. Это был – Михаил Михайлович Цветаев. Именно он, как рассказывалось в предыдущей главе, работал врачом в фабричной больнице в 1878 г., когда умер Павел Григорьевич Цуриков. Вот отрывок из упомянутой статьи в епархиальном журнале:

«Замечателен случай построения церкви на том месте, где погребен Павел Григорьевич Цуриков. Находящийся при фабрике врач так мне рассказывал. Во время весеннего разлива реки Истры в светлый день Пасхи шел Павел Григорьевич Цуриков по горе, где выстроена церковь, в приходскую церковь, к которой во время весеннего разлива воды с трудом можно было дойти, а в сильнейший разлив вовсе не возможно. Шел далеко по горе, слышит благовест долгий, но дойти до церкви нет возможности от сильного разлива реки. Возвращается назад по горе, горько плача, что не может в такой великий светлый праздник Пасхи быть за службами церковными. Сел на горе против своего дома на камушках и еще сильнее и горче залился слезами и долго сидел в таком плачевном и горестном положении. Сидя вздремнул и ему представилась чудная долина, где невидимо для него поют невыразимо хорошие неземные жители. Один из них спрашивает его: о чем ты так сокрушаешься? О том, что не могу быть ныне в такой великий праздник в храме Божием. Так что ж, построй у себя здесь церковь, тогда не будешь лишен этого душевного удовольствия. Благословите это доброе дело сделать. Начинай с Богом! Проснувшись он успокоился и в том же году стал готовить все нужное для храма. О постройке на сем месте у покойного и прежде сего была мысль, но она осуществилась после видения»².

Когда случилось это видение Цурикову, в публикации не сказано. Судя по происходившим далее событиям, можно предположить, что это произошло весной 1862 г. или ранее.

Продолжение этой истории изложено в книге приходского священника о. Николая Голубева. В ней написано об участии жены благотворителя в этом важном деле: «О своем желании и решительном намерением построить свой храм он [Павел Григорьевич] открывает самому близкому для него человеку – своей супруге Анне Сергеевне, которая вполне сочувствуя его святому желанию, дает ему совет не медлить совершением этого святого дела и он не медлит: в сем же 1864 г. испрашивает разрешение на построение храма близ своей фабрики (на собственные средства) у Епархиального Начальства и немедленно по получении разрешения приступает к построению его. Нужно заметить, что его благочестивая супруга еще раньше в виду неудобного сообщения с приходским храмом, а иногда даже и невозможного, советовала ему построить свой собственный храм»³.

По мнению А. М. Шуберт именно Анна Сергеевна посоветовала место для постройки храма:

¹ Согласно архивным данным по состоянию на 1862 г. в деревне Ивановской было 137 душ мужского пола, из коих 108 были приписаны к приходу села Лужков, а остальные 29 к приходу Ильинской церкви.

Изо 5–02. Лестница от храма к большому дому, 1910-е ?, (АШ).

«на продолжении Ивановской горы как раз над новым домом Цуриковых в 1 версте от деревни. Ее белая колокольня была видна издалика, и звон ее колоколов бывал порою слышен за несколько верст. От церкви спускалась вниз крутая чугунная лестница чуть ли не прямо к крыльцу Цуриковых»⁴. Примерно о том же говорится и в воспоминаниях другого родственника С. А. Попова: «по которой шла широкая лестница до церкви»⁵. Эта лестница (правда не чугунная, а деревянная) хорошо видна на снимке из семейного архива Шуберт. На дальнем плане проглядывает большой дом Цуриковых-Поповых (IV).

Как все начиналось, путаница с датами в литературе

Теперь хотелось бы перейти к истории построения церкви при Ивановской суконной фабрике. К сожалению, в наиболее доступных источниках приводятся неточные сведения о дате ее появления. Так в энциклопедии «Истринская земля» написано, что «Храм был основан 25 июля 1864 г. с благословения митрополита Московского Филарета (Дроздова)»⁶. Ссылка на первоисточник не указана, но он и так известен – это книга священника Голубева об истории Успенской церкви. У кого-то, из прочитавших эти слова, может сложиться впечатление, что слово «основан» означает уже построенный храм. Но это не так. Как написано в той же книге – это дата начала строительства Божьего дома.

Далее. В книге Голубева отмечено, что в том же 1864 г. П. Г. Цуриков «испрашивает разрешение на построение храма». И вновь, это неточные данные. Как будет показано далее, история Божьего дома началась как минимум на пару лет раньше.

Возможно, вся эта путаница, неточности вызваны тем, что до сих пор не найден первоисточник – консисторское дело о построении храма при Ивановской фабрике¹. Однако ситуация оказалась не столь плачевна. В ходе сбора материалов для книги удалось найти несколько исторических документов, в которых затрагивались те или иные эпизоды строительства Успенского храма. Как из отдельных кусочков складывается общая мозаика, так и здесь из отдельных разрозненных фактов удалось восстановить цепочку событий 160-летней давности, понять их логику.

Далее будет рассказано о том, как в 1862 г. П. Г. Цуриков завершил строительство Саввинского скита около Звенигорода. Построенную над пещерой преподобного Саввы Сторожевского церковь 2 сентября освятил митрополит Московский и Коломенский Филарет. С владыкой Павел Григорьевич был знаком и ранее. А после совершения такого благого дела их отношения еще более окрепли (об отношениях благотворителя и митрополита поговорим подробнее в конце следующей главы). После освящения скита Филарет принял приглашение Цурикова и 4 сентября на обратном пути в Москву заехал на Ивановскую фабрику. Очень может быть, что именно тогда Павел Григорьевич поделился мечтой о постройке храма при своей фабрике. И даже показал место, где хотел бы поставить Божий дом. Митрополит рассказал, что и как нужно сделать, чтобы это желание осуществилось.

Необходимо отметить, что все описанное – это лишь предположение, возможная реконструкция давно минувших событий. Но все эти догадки не на пустом месте, они имеют историческую основу. Хронология дальнейших событий подтверждает, что реально «все закрутилось» осенью 1862 г. вскоре после освящения скита и визита владыки на фабрику. Цуриков вплотную занялся вопросом получения разрешения на строительство церкви. И уже 12 октября прошел первый этап – получил согласие местных крестьян на выделение земли под будущий храм. Но обо всем по порядку.

¹ Скорее всего, это дело утрачено. В советские годы в архивах неоднократно производились «чистки» фондов, в результате чего оказались уничтожены многие важные исторические документы.

О том, как в XIX веке выдавались разрешения на постройку церквей

Прежде чем излагать дальнейшие события, хотелось бы рассказать о том, что необходимо было сделать, прежде чем начать строительство церкви или часовни.

Трудно говорить о стародавних временах, но в XIX веке одного желания построить православный храм и наличие необходимых денежных средств было недостаточно, требовалось выполнить несколько обязательных условий, требований. В Российской империи в то время существовал определенный порядок, который следовало соблюдать.

Перед началом строительства нужно было получить разрешение на постройку Божьего дома, так называемую храмозданную грамоту, подписанную владыкой. Для получения храмозданной грамоты ктиторⁱ должен был подать прошение с обоснованием необходимости в новой церкви.

В случае с Ивановским это было естественное препятствие в сообщении с приходским храмом в Лужках в виде реки Истры, которая в половодье становилась труднопреодолимой. Определенные требования выдвигались к месту, на котором предполагалось строительство. Оно должно быть открытым, видным (*«не посреди обывательских строений»*) и принадлежать храму. Не допускалось соседство с питейными заведениями. Если планировалась организация нового прихода, то нужно было получить согласие, как от предполагаемых прихожан будущего храма, так и от причтов соседних церквей, чьи интересы при этом затрагивались (ведь у них прихожан становилось меньше и, стало быть, доходы уменьшались).

Ктитор должен был гарантировать строительство Божьего дома своими силами и средствами (как тогда писали *«на собственный кошт»*) и без временных задержек. Помимо этого надо было обеспечить новый храм всей необходимой церковной утварью, предусмотреть, где будут проживать священнослужители и на какие средства существовать их семьи. Церкви в сельской местности требовалось передать в дар землю, которой пользовались бы ее служители для *«своего пропитания»*.

Как видно – условий было немало и не все зависело от самого ктитора. Священноначалие скрупулезно рассматривало каждое подаваемое прошение, опираясь на положения “Устава духовных консисторий”. Один из его пунктов гласил: *«что бы церкви не были сооружаемы, сверх действительной потребности, дабы после не оставались в опустошении и небрежении, неприличном святости храма»*. Нередко просителям отказывали в постройке новых храмов, причины бывали разные. Но в случае с Цуриковым этого не случилось, и тому есть объяснение.

Как уже говорилось, деревня Ивановская и суконная фабрика относились к приходу Петропавловской церкви села Лужки. Павел Григорьевич был церковным старостой этого храма, был в хороших отношениях с его настоятелем о. Иаковым Волхонским, который к тому же являлся благочиннымⁱⁱ. Забегая вперед, скажем, что когда Успенская церковь была построена, Цуриков пригласил в нее служить о. Иакова и тот согласился. Все логично: ведь это был новый храм, беспокоиться о его ремонте долгое время не нужно было. Да и материальное содержание причта в Ивановском было лучше, чем в Лужках (об этом позаботился храмоздатель). Так что проблем здесь у Цурикова не было. Не должны они были возникнуть и в консистории (с учетом договоренности с митрополитом Филаретом).

Изо 5–03. Митрополит Филарет (Дроздов), 1861.

ⁱ Ктитор – это храмоздатель (по-современному спонсор), на чьи деньги и материалы сооружался храм, производилась оплата строительных работ.

ⁱⁱ «Благочинный – административная должность священника, при назначении на которую он становится одним из помощников епископа в части надзора за порядком в определённом церковном округе в составе епархии, называемом благочинием. Благочинный является своеобразным посредником между приходом и епархиальным управлением по ряду вопросов» (интернет). Звенигородский уезд в конце XIX – начале XX века делился на шесть благочиний по 15–20 церквей в каждом (их состав приведен на сайте УБД). Лужки относились ко второму благочинию вместе с храмами в селах Аносино, Рождествено, Павловское и др. Успенская церковь при Ивановской фабрике попала в это благочиние.

1862: Решение Ивановских крестьян о выделении земли под Божий дом

Как и ныне, так и в прежние времена перед началом строительства нужно было решить земельный вопрос. Как уже отмечалось, храм должен стоять на церковной земле. Проблема же была в том, что у Цурикова не было свободной земли для сооружения церкви. Не всякий участок подошел бы, нужен был близко расположенный к фабрике и деревне Ивановской, чтобы будущие прихожане могли ходить пешком на службы. Та земля (12,5 дес.), которую Павел Григорьевич в 1857 г. выменял у крестьян, была почти вся занята фабричными и жилыми строениями. Поблизости от деревни имелась подходящая свободная земля, но она считалась государственной (казенной) и была записана за Ивановскими крестьянами. Как далее будет рассказано, они были согласны отдать часть своего надела для благого дела. Более того, крестьяне были заинтересованы в появлении Божьего дома в своем селении (тогда не нужно было бы ходить на службы в храм за 3–6 верст). В итоге была достигнута договоренность: крестьяне выделяли из собственной земли¹ необходимый участок, а все постройки на нем, включая Божий дом, дома для причта и училище для детей должен был соорудить владелец фабрики П. Г. Цуриков за свой счет. Одновременно решено было отвести землю под новое кладбище поблизости от возводимого храма.

Однако одного согласия крестьян на отвод участка было мало. Земля, хоть и была закреплена за ними, но считалась казенной. Все достигнутые договоренности следовало утвердить по закону в «Московской палате государственных имуществ» (все аналогично, как было при обмене земли под фабрику). Были обнаружены два архивных дела, в которых описано, как решался вопрос выделения земли под храм.

Первое дело посвящено вопросу о расширении приходского кладбища в начале XX века. В нем приведены интересные подробности о событиях давно минувших дней, о том, с чего все начиналось, как была достигнута договоренность с Ивановскими крестьянами. Местный 84-летний крестьянин Тимофей Дригалин вспоминал: *«лет сорок тому назад [т.е. в начале 1860-х годов] хозяин суконной фабрики Павел Григорьев Цуриков желая построить церковь и дома для причта предложил нам пожертвовать землю в церковь. Собрав мирян наших он повел их по земле и говорил: вот здесь я поставлю церковь, показывая на то место, где теперь церковь, а здесь дескать будут дома для причта, а здесь их огороды, а тут будет кладбище, а в овраге будут косить члены причта [...] и когда миряне пришли на то место, от которого пошли, обойдя землю, то сказали: извольте Павел Григорьев, берите земли, сколько вам нужно»*⁷.

Во втором деле оказался текст так называемого «приговора» (т.е. решения), принятого на общем сходе крестьян деревни Ивановской, состоявшемся 12 октября 1862 г. Текст его начинается со слов:

*«Быв сего числа на сельском сходе, в присутствии Сельского Старосты Дмитрия Ипатова, где выслушали желание и усердие Воскресенского 2 гильдии Купца Павла Григорьева Цурикова относительно постройки на собственный свой капитал Православной Греко-Российской церкви и прошение его Цурикова об отводе для сооружения означенной церкви и постройки домов для священно церковнослужителей, а также и для кладбища достаточного количества земли. Почему, имея ввиду, что для нас эта церковь будет приходскою, от чего [нрзб] в настоящее время неудобности по исправлении духовных треб, будут устранены, ибо приходская наша церковь, к коей мы в настоящее время причислены, состоит в селе Лужсках за судоходною рекою Истрою, так что во время разлитий воды и водополий на оной для исправления разных духовных треб [приходится] обращаться к другим церквям. С общего и непринужденного согласия определили: Греко-Российскую церковь на общественной земле нашему селению принадлежащей выстроить ему Цурикову дозволить, и мы со своей стороны на сие припятствие никакого не имеем. Для постройки же означенной выше церкви, так равно и домов для священно церковнослужителей, назначить без всякаго прикословия неудобную для хлебопашества, но удобную по грунту и качеству и приличную для сего землю, состоящую в четверть версты от нашего селения, смежною с землею означенного Купца Цурикова, количеством семь десятин двести квадратных сажень, и сверх сего особо для кладбища к оной одну десятину»*⁸.

Таким образом, в общей сложности из крестьянского надела отводилось 8 дес. 200 кв.саж. В деле отмечалось, что после отвода участка под храм, дома и кладбище интересы крестьян не страдают, ибо в их пользовании земли оставалось больше, чем полагалось по нормам того времени.

¹ События происходили в 1862 году вскоре после отмены крепостного права. Крестьяне сначала получили землю во временное пользование (аренду). Лишь спустя много лет она перешла уже в их личную собственность.

1862–1864: Получение разрешений в различных инстанциях

После оформления договоренности с крестьянами Цуриков подал священноначалию бумагу, в которой заявил о своем желании построить храм при фабрике. Само прошение ктитора не обнаружено, но зато в одном из внутренних документов (реестре дел) МДК за 1862 г. удалось найти упоминание «о просительном письме Воскресенскаго 2 гильдии купца Павла Григорьевца Цурикова о дозволении на фабрике его Звенигород. уезда при деревне Ивановской, состоящей в приходе села Лужсков, построить вновь каменную трех престольную церковь, с образованием при ней новаго причта и училищ»⁹. На это прошение митрополит Филарет 15 ноября наложил свою резолюцию: «Консистории учинить посему надлежащее рассмотрение».

С получением разрешения на строительство было не все так просто, т.к. Цуриков не мог (по объективным причинам) обеспечить выполнение одного из обязательных требований. Речь идет о наделении причта земель требуемого размера, как тогда говорили, «узаконенной пропорции». Под этим имелось в виду следующее. Издавна (по крайней мере, с конца XVIII века точно) было заведено, что каждому сельскому храму в наших краях предоставлялась земля в размере 33 (иногда 36) десятин. За этим следило священноначалие. Данная земля находилась в распоряжении служителей храма, они могли ее обрабатывать сами, чтобы получать урожай для пропитания своих семей. А могли с разрешения начальства сдавать свою землю в аренду, взамен получая продукты и (или) деньги. Так что земельные наделы играли немалую роль в жизни клириков. Цуриков же не мог наделить Ивановский причт 33 дес. земли, ибо подходящего участка у него не было¹. Он предложил другой вариант – денежную компенсацию причту: «обязался положить в Сохранную казну капитал в 10.000 руб., процентами с котораго будет обезпечиваться содержание Священно-церковно-служителей при новой церкви» (в год на вклад начислялось бы в виде процентов от 400 до 500 руб.).

Помимо капитала П. Г. Цуриков обещал для всех членов причта на отведенной земле вблизи храма построить за свой счет жилье, и не абы какое, а «деревянные дома на каменном фундаменте с надворным строением и накрытием дома железом» (железо в то время было дорогое и далеко не все крыши домов им покрывались). И это еще не все. Указанное жилье «по прошествии 10 лет поступает в собственность священноцерковнослужителей». Такие дары клирикам в то время были редки.

Во исполнение резолюции митрополита в 1863 г. в деревню Ивановская выезжали уполномоченные лица, все на месте осмотрели и вынесли положительное заключение о возможности возведения храма на горе: «местность для означенной постройки весьма прилична и удобна». Далее пошла переписка между ведомствами, согласовывались решения, утверждалось разрешение на строительство храма и отвод земли под кладбище и Божий дом. В те годы (как, впрочем, и сейчас), сильна была бюрократия. Не такие уж сложные вопросы порой рассматривались месяцами, а то и годами. Вот и на сей раз все делалось неспешно.

Обнаружено «Дело об отводе земли для новой церкви и кладбища при Ивановской суконной фабрике», из которого следует, что 7 ноября 1863 г. в «Московской Палате Государственных Имуществ» рассматривался вопрос о постройке церкви при дер. Ивановской. В тексте повторялось все то, о чем уже говорилось. Дополнительно отмечено, что «За отчислением от прихода села Лужсков его фабрики и 108 душ из деревни Ивановской к новому приходу, остается в приходе села Лужсков 620 душ мужеска пола»¹⁰. Из этого следовало, что интересы прежнего прихода не сильно пострадают. Предполагалось, что в новом приходе будет до 300 мужчин (помимо местных крестьян на фабрике жило немало работников, приехавших издалека). В конце документа написано, «что Палата не встречает препятствий на отводе помянутой земли, так как крестьяне, и за отводом ея, будут владеть достаточным количеством земли, и что Начальник губернии одобрил составленные планы на нарезку земли».

9 марта следующего 1864 г. был составлен акт о передаче 8 дес. 200 кв.саж. церковному ведомству¹¹. На этом вопрос с отводом земли был решен окончательно. На него ушло почти полтора года.

¹ На самом деле не совсем так. Как уже рассказывалось в третьей главе, в 1861 г. П. Г. Цуриков приобрел имение «Ламоново, Рыбкино тож» размером почти 110 дес. Конечно, Павел Григорьевич мог бы выделить из него 33 дес. Но проблема была в том, что эта земля находилась в 3 верстах от Ивановского за селом Лужки. Из-за такой отдаленности служителям фабричной церкви было бы неудобно до нее добираться.

1863: Утверждение чертежей; храмы, подобные Успенскому

Изо 5–04. Храм в Вельяминово, фотограф С. Гасников¹², 2010.

Изо 5–05. Храм в Мышенском, фотограф С. Гасников¹³, 2015.

Изо 5–06. Храм в Михнево, 2023.

Одновременно с решением земельного вопроса происходило утверждение чертежей проекта Божьего дома при Ивановской фабрике. Они были направлены в «Московскую Губернскую Строительную и Дорожную Комиссию» еще 24 января 1863 г. Та 13 марта сообщила об утверждении чертежей со стандартной формулировкой: «что постройка эта допущена быть может с тем, чтобы надзор за проведением работ поручен был лицу, имеющему законный аттестат о своих познаниях в Строительном искусстве»¹⁴.

Кто был автором проекта Успенской церкви? Увы, на этот вопрос достоверного, убедительного ответа нет. В одном из архивных дел упоминалась фамилия архитектора Грудзина (о нем уже говорилось в третьей главе, он проектировал некоторые здания на Ивановской фабрике). Но он упоминался не как автор проекта, фраза звучала иначе: чтобы палата «препроводила к Грудзину план на предполагаемую церковь». Такая формулировка не позволяет утверждать, что именно этот архитектор спроектировал храм. Он мог быть всего лишь проверяющим лицом или куратором в данном деле. Так что вопрос об авторе проекта Успенской церкви остался пока открытым.

На этом огорчения не закончились. К сожалению, не удалось найти самих чертежей (планов) храма, построенного при Ивановской суконной фабрике. О них шла речь в нескольких архивных делах (в одном документе отмечалось, что проект церкви был составлен на трех листах; в другом – что чертежи потом хранились в Успенском храме; судьба этих чертежей осталась неизвестна, скорее всего, они были утрачены в безбожные годы).

Зато сохранилось несколько изображений Божьего дома в Ивановском. Глядя на фотографию храма, приведенную в книге Голубева (изо 5–01), один из ведущих специалистов интернет-проекта «Храмы России» А. В. Бокарев сделал вывод, что Успенская церковь была схожа с несколькими храмами Подмоскovie. Это Преображенская церковь в Вельяминово Домодедовского района, Покровская церковь в Мышенском и Преображенская церковь в Михнево (Мясное), обе Ступинского района. Все три храма ранее входили в Серпуховской уезд, начинали строиться во второй половине 1860-х годов (т.е. одновременно с Успенской церковью) и, к счастью, уцелели до наших дней.

Здесь приводятся фотографии указанных храмов, сделанные в недавнее время. Сравнивая современные изображения с историческим видом Успенской церкви, можно отметить значительное архитектурное сходство. Хотя заметны и различия в деталях, например, в завершении колокольни (шпиль фабричной церкви нигде не повторяется). По изображениям сохранившихся Божьих домов, можно представить, как выглядела фабричная церковь, какой красивой она была. И большой. Автор настоящей книги побывал в двух действующих храмах (Вельяминово и Михнево). И может засвидетельствовать, что по внутреннему объему, по вместимости эти церкви превосходят если не все, то большинство действующих храмов Истринского благочиния.

1864–1868: Выдача храмозданной грамоты, строительство Божьего дома

После того, как все обязательные требования были выполнены, все согласовано, 4 мая 1864 г. консистория на своем заседании рассмотрела поданное Цуриковым прошение и вынесла по нему положительное решение. Того же числа был издан указ, в котором говорилось о дозволении построить купцу при своей фабрике новую церковь, и предписывалось выдать храмозданную грамоту¹⁵ (полный текст указа приведен в приложении–13).

Упомянутая в указе храмозданная грамота «Почетному гражданину Воскресенскому 1-й гильдии купцу Павлу Григорьевичу Цурикову» была подписана правящим митрополитом Филаретом 12 мая 1864 г. В ней владыка благословил купца «*построить при деревне Ивановской, Звенигородского уезда новую каменную церковь во имя Успения Пресв. Богородицы с двумя теплыми приделами: одним во имя Святителя Николая, и другим во имя Преподобн. Павла Фивейского, с таковою же при ней колокольнею*»¹⁶.

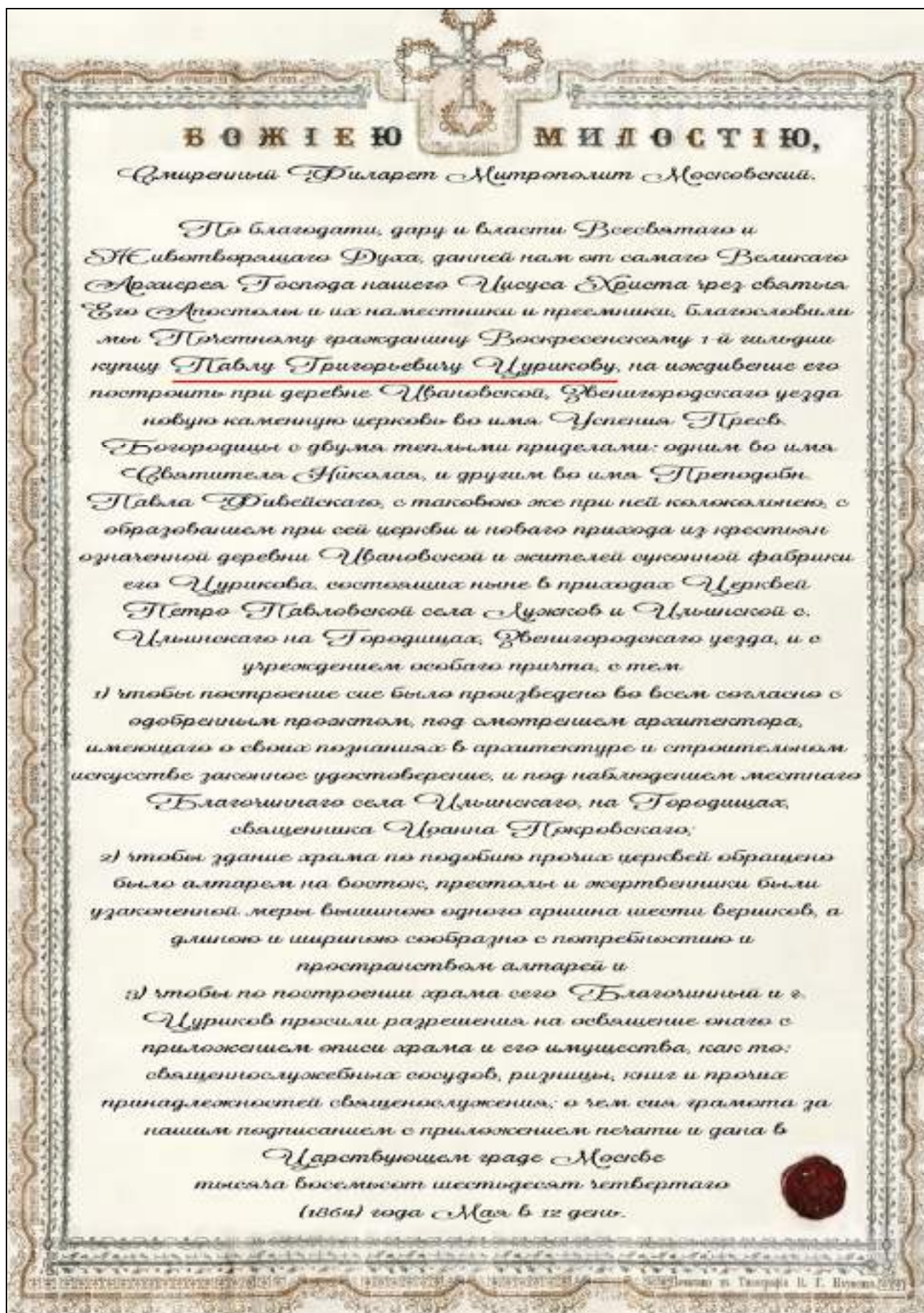
Почему храмоздатель выбрал именно такие посвящения приделов в своем храме (из указа следует, что это было его желание)? С боковыми приделами понятно. Павел Фивейский – небесный покровитель П. Г. Цурикова. А Николай Чудотворец – самый любимый на Руси святой. А вот с посвящением главного придела в честь Успения Божией Матери не все ясно. В следующей главе будет рассказано о чудотворной иконе, появившейся в соседнем Аносином монастыре и о том, какое большое воздействие она оказала на Павла Григорьевича. Это была икона Успения Богоматери. Поэтому напрашивается предположение, что под влиянием этой святыни и было выбрано посвящение главного придела. Но проблема в том, что чудотворная икона появилась в монастыре по имеющимся данным в 1863 г. А прошение о построении храма купец подал осенью 1862 г. Получается, купец выбрал посвящение главного придела промыслительно? Но возможен и другой вариант. В первоначальном прошении Цуриков ничего не написал про приделы или было указано какое-то иное их посвящение. А уже потом после появления чудотворной иконы в Аносино храмоздатель подал еще одну бумагу, в которой просил освятить главный придел в честь Успения Божией Матери. Увы, не имея текста прошения, поданного в 1862 г. священноначалию, можно сколь угодно долго гадать на эту тему. Узнаем ли мы когда-нибудь подлинную историю, как все было?

Храмозданная грамота в последующие годы хранилась в церковной ризнице построенного храма. Судьба ее неизвестна (скорее всего, была утрачена в безбожные годы). Однако текст этого ценного документа сохранился, он был опубликован во все той же книге священника о. Николая Голубева (см. приложение–12). Здесь приводится реконструкция храмозданной грамоты, выданной П. Г. Цурикову (в качестве образца оформления взята форма, найденная в интернете).

Два месяца спустя после получения грамоты приступили к строительству Божьего дома, об этом написано в той же книге священника Голубева: «*В сем же году [1864], июля 25 дня, с благословения Его Высокопреосвященства приступлено было к построению храма. Земля для постройки храма и для домов будущих священноцерковнослужителей в количестве 8 десятин и двухсот сажень, из коей 4 д. 1600 саж. покрыты сосновым лесом, была еще заранее приобретена храмоздателем Цуриковым у крестьян дер. Ивановской, за которую тем же храмоздателем внесен капитал крестьянам дер. Ивановской для обеспечения их от оброков в количестве 26.000 р.*».

В этой цитате есть неточности, на которые хотелось бы обратить внимание. Написано, что «*Земля для постройки храма*» была заранее приобретена Цуриковым. Это неверное утверждение. На собственной земле, которую Павел Григорьевич в 1857 г. выменял у Ивановских крестьян, находилась суконная фабрика. А Успенская церковь, как ранее говорилось, была построена на участке в семь с небольшим десятин, которую местные крестьяне для этой цели выделили из своего надела бесплатно. А с деньгами такая ситуация. За землю под храм Цуриков ничего не платил. Ивановским крестьянам же он передал 10 тысяч в виде «*неприкосновенного капитала*» еще при обмене землями. Как будет показано далее, еще 15 тысяч Павел Григорьевич отписал в их пользу в своем завещании. Таким образом, почти получают почти те самые 26 тысяч (10+15), о которых написал священник.

¹⁵ За время, пока решался вопрос о выдаче разрешения на строительство храма, П. Г. Цуриков перешел из второй гильдии купцов г. Воскресенска в первую (1863).

Изо 5–07. Храмозданная грамота, выданная в 1864 г. П. Г. Цурикову (реконструкция).

Хотелось бы несколько слов сказать о расположении и ориентации Успенского храма.

Как уже отмечалось, Божий дом решено было построить на горе, возвышающейся над фабрикой. В храмозданной грамоте есть такие слова: «чтобы здание храма по подобию прочих церквей обращено было алтарем на восток». Однако оказалось, что это требование строгой ориентации на восток соблюдено не было. Об этом до недавнего времени не было известно, пока один местный житель не вскрыл поверхностный слой земли, под которым оказался фундамент Успенского храма. По сохранившейся кладке кирпичей и камней хорошо видно, как располагался храм. Его алтарь был ориентирован с отклонением примерно в 45 градусов на север. Ориентация храма на северо-восток условно¹ показана белым контуром на прилагаемом снимке из космоса (более полный фрагмент на изо 4–13). Как видно из изображения, часть фундамента храма (там, где была колокольня), заняло здание школы. Но большая часть фундамента осталась неповрежденной. На этом месте позднее был устроен школьный стадион.

Изо 5–08. Условный контур храма на космоснимке, 1980.

Отклонение в 45 градусов – это довольно много. Почему была нарушена православная традиция? Увы, нигде об этом не сообщается. Хотя, несомненно, веские причины должны были быть. В городах такое нередко случалось из-за отсутствия свободного места в условиях плотной городской застройки. Здесь же ничего подобного не было, площадка на горе была свободна от каких-либо строений и, по всей видимости, была более-менее ровная. Не зная точного ответа, остается только предположить, что, возможно, особенности местных грунтов, их способность выдерживать нагрузку не позволили построить большой храм с алтарем, ориентированный строго на восток.

Строительство Успенской церкви продолжалось четыре года (1864–1868). Каких-либо подробностей об этом периоде времени очень мало. В метрике Успенского храма написано: «В трапезной церкви стены расписаны иконописником в 1867 году»¹⁷.

Как и положено, для каждого вновь построенного храма, была составлена опись церковного имущества. Она, к счастью, сохранилась и начинается следующими словами: «Настоящая церковь холодная во имя Успения Божия Матери с приделами в трапезной церкви во имя Святителя Николая и Павла Фивейского, зданием каменная об одной медной позлащенной главе, крест четвероконечный, обложен медью и вызолочен. Настоящая церковь вид имеет осьмиугольный, покрыта белым железом, а трапезная покрыта простым железом и окрашена медянкою. Построена в 1868 году иждивением потомственного почетного гражданина Воскресенского 1-й гильдии купца Павла Григорьевича Цурикова. В связи с трапезною церковью колокольня каменная, покрыта белым железом об двух ярусах, вид имеет четвероугольный, на ней четвероконечный крест, шпиль, яблоко и чаша медные, позлащенные»¹⁸.

В описи подробно описана каждая икона, предмет из церковной утвари и многое другое. Текст довольно большой (в архивном деле занимает 88 листов, некоторые из них, правда, пустые или полупустые). В приложении–13 приведена расшифровка большей части текста этого ценного документа.

Особый интерес представляют колокола храма. Всего их было восемь, в описи указан вес каждого. Большой колокол весил 614 пудов 27 фунтов. Во втором кампане было 156 п. 11 ф. В третьем 48 п. 23 ф. В четвертом 20 п. 17 ф. Вес оставшихся четырех малых колоколов в сумме равнялся 17 п. 17 ф.

¹ Не следует принимать нанесенный на космоснимок контур храма за его реальные размеры. На самом деле Успенская церковь имела более сложную планировку с колокольней, притвором, трапезной. Это хорошо видно как на снимке самого храма (изо 5–01), так на фото церквей-аналогов.

Хотелось бы обратить внимание на вес большого кампана. Это был самый тяжелый колокол из когда-либо отлитых на деньги Цурикова. В современном измерении его вес составляет свыше десяти тонн¹, точнее 10.069 кг. По ценам того времени его отливка стоила около 10 тыс. руб. Думается, что такие гиганты были не в каждом губернском городе, не говоря уж об уездных. А тут фабричный храм, расположенный даже не в городе, а в сельской местности.

Все колокола Успенской церкви были отлиты во время ее строительства. На каком колокольном заводе – поначалу не было известно. И лишь когда было обнаружено рекламное издание колокольного завода Финляндского, в котором имелся список из нескольких сотен отлитых в разное время больших колоколов, то все прояснилось. В этом списке оказалась строчка: «село Ивановское, Звенигородского у.»¹⁹. Выбор этого завода в качестве исполнителя не случаен. Финляндские были родственниками П. Г. Цурикова (о них и их колокольном заводе речь пойдет в девятой главе).

К колокольной теме хотелось бы добавить воспоминания А. М. Шуберт. В них есть строчки про «замечательный церковный колокол, слышимый за несколько верст благодаря чистоте и красоте своего звука. В этом отношении с ним мог равняться лишь колокол Звенигородского Савинского монастыря, сохранный до наших дней как музейная ценность. Такая чистота достигалась наличием в сплаве колокола большого количества серебра. В прежние времена было в обычае, чтобы жертвователи колокола присутствовали при его отливе и бросали в сплав серебряные свои кольца (ложки и др.), что являлось выражением религиозного усердия. Говорили, что Павел Григорьевич Цуриков присутствовал при отливе колокола для церкви и навалил в горн целую уйму серебра»²⁰.

1868: Освящение Успенской церкви

К осени 1868 г. фабричный храм был практически готов, оставалась самая малость – получить освященные антиминсы для трех престолов. Что и было сделано 27 сентября²¹.

Ранее уже говорилось об уважительном отношении, добрых чувствах П. Г. Цурикова к митрополиту Московскому Филарету. Владыка в 1864 г., будучи уже больным, дал благословение на строительство, подписал храмозданную грамоту. Павел Григорьевич мечтал, что Филарет сам придет освящать построенный храм. Но, увы, этому не суждено было случиться, владыка не дожил до праздничного события всего один год. Новопостроенный храм освящал митрополит Иннокентий, ставший во главе Московской епархии после смерти Филарета. Он «останавливался на сутки по поводу освящения храма в с. Ивановском, на фабрике благодетеля нашего П. Г. Цурикова»²²).

Об освящении Божьего дома в книге священника Голубева написано следующее:

«Работы по построению храма, начатые в 1864 г., были окончены в 1868 г. и храм совсем был готов к освящению, которое, с благословения Его Высокопреосвященства Митрополита Иннокентия, и состоялось в 1868 г. 29 Сентября, в воскресный день. Освящение храма было торжественное: накануне освящения храма было совершено всенощное бдение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Леонидом, Епископом Дмитровским. В самый день освящения к литургии изволил прибыть Высокопреосвященнейший Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский, который освящение настоящего храма во имя Успения Божией Матери и совершил лично, в сослужении Преосвященного Леонида, Епископа Дмитровского, Викария Московского и Преосвященного Петра, Члена Московской Синодальной конторы, Настоятеля Ставропигиального Воскресенского монастыря, именуемого Новый Иерусалим. Приделы же сего храма, по благословению Владыки Митрополита Иннокентия, были освящены в тот же день: с южной стороны во имя Святителя Николая Наместником Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря Игуменом Галактионом, который пожертвовал ко дню освящения храма богатое облачение, а с северной стороны во имя Преподобного Павла Фивейского священником сего храма благочинным Иаковом Волхонским. Погода в день освящения храма была прекрасная. Стечение молящихся из окрестных сел и деревень было столь велико, что храм не мог всех вместить, и многим из богомольцев пришлось стоять во время Богослужения на улице. Многие почетные и знатные лица нарочито прибыли из Москвы ко дню освящения»²³.

¹ Интересно было бы узнать, как доставляли такой гигант в Ивановское? Железной дороги поблизости тогда не было. Сдается, что привезли его водным путем: сначала по Москва-реке, потом по р. Истре до фабрики.

Так появился еще один Божий дом на нашей земле. Павел Григорьевич не поскупился на его украшение. Многие из посещавших Успенскую церковь отмечали его красоту, богатство утвари. Например, архимандрит Леонид (Кавелин) в своей книге писал: *«Церковь замечательна своим благолепием, по усердному о ней попечению ктитора»*²⁴. В заметке, напечатанной в епархиальном журнале, есть такие слова: *«Храм сооружен во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения, и по изяществу отделки не имеет себе ничего подобного в провинции и весьма мало в столицах»*²⁵. А в книге Голубева про фабричный храм написано: *«как выдающейся по своей архитектуре и богатству»*. Там же отмечено, что в главном Успенском приделе (холодном) *«весь иконостас сияет золотом с различными цветочными украшениями; все иконы фряжского письма чеканной работы, подсвечники, запрестольный семисвещник и паникадило медные-литые, позлащенные; лампы у икон все серебряные, тоже позлащенные»*. Теплые приделы Святителя Николая (правый) и Преподобного Павла Фивейского (левый) не уступали по великолепию убранства: *«Вообще храм утварью богат, так что долго и очень долго он не будет нуждаться в ней»*.

Как жаль, что такое архитектурное чудо не сохранилось до наших дней. Тем ценнее каждое сохранившееся изображение Успенской церкви. В третьей главе приводилась литография с видом на Ивановскую фабрику (изо 3–11). В правой части изображения хорошо видна церковь, тогда деревьев на склоне горы еще не было и ничто храм не загораживало. Примечательно, что литография сделана в 1868 г., когда строительство Божьего дома было только завершено. А учитывая, что вид на рисунке летний, то, скорее всего, художник рисовал пейзаж, когда храм еще не был освящен (оно состоялось в сентябре). И даже не был еще до конца отделан. Дело в том, что на других известных видах Успенская церковь белая (*«снаружи выбелена известкой»*), здесь же она еще не оштукатурена.

Изо 5–09. Вид на суконную фабрику со стороны дер. Ивановской²⁶, литография (фрагмент), 1868, (ГИМ).

Описания Успенской церкви

Для истории крайне ценными являются любые сведения о фабричной церкви. Одно из подробных описаний приведено в метрике Успенского храма, хранящейся в архиве ИИМК. Этот документ в полном виде размещен в приложении–13, здесь приведем некоторые выдержки из него:

«10). Алтарь с одним полукружием. 11). Церковь в вышину 42 аршина, в длину 60 аршин, а в ширину 21 аршин [29,9 м; 42,7 м; 15 м]. 13). Церковь построена вся из кирпича. 14). Стены церкви выложены все сплошною кладкою. Кирпич обожженный и не более 12 фунтов. [...] 19). Фо-

нарь на своде глухой и без украшений. Предлание вызолоченное. 20). На церкви одна глава, покрыта медными листами, вызолоченная. 21). Крест четырех конечный и вызолоченный на меди. [...] 30). В холодной церкви пол мозаичный, а в теплой из Подольского мрамора»²⁷.

Этот текст был написан в 1887 г. А в 1910 г. было составлено еще одно его описание, которое вошло в страховую ведомость. Вот фрагмент этого документа (полный текст в приложении—13, сохранено подчеркивание слов как в оригинале): «Успенская с приделами Св. Чудотв. Николая и Преп. Павла Фивейского, Церковь, каменная, снаружи и внутри оштукатурена; снаружи выбелена известкой; внутри в теплом храме окрашена масляной краской, в холодном клеевой. [...] На церкви имеются 3 главы: одна малая над алтарем и две больших над главной церковью и над колокольней, верх которой оканчивается 6 арш. вызолоченным шпилем. [...] Иконостас в настоящей длиной 4 саж., вышиною до креста 5 саж. 1 аршин. Оценен в три тысячи руб. — 3.000. В 2-х приделах иконостасы каждый длиной с 3 воротами 4 саж. 2 арш.; вышиною 2 саж. 1 арш. Оценены по тысяче пятисот руб. каждый. — 3.000. Церковь отапливается одной духовой подпольной печью. Колокольня в 3 ½ яруса, общему высотой до верхнего карниза 10 саж.»²⁸.

В новопостроенных Божьих домах святые обычно отсутствуют, да и откуда им взяться в ненамоленном еще месте? Храмоздатель постарался это исправить. В метрике написано: «В церкви есть два креста серебряные с мощами. Оба креста пожертвованы храмоздателем г-ном Цуриковым в 1869 году. В упомянутых крестах находятся части разных Святых».

Вероятно, в датировке дарения допущена ошибка, т.к. в описи Успенской церкви, составленной годом ранее, приведены сведения о шести крестах в храме, в двух из которых оказались мощи святых. По всей видимости, это и есть те самые два серебряных креста, вот их описание:

«5.1. Крест серебряный вызолоченный длиной пять с половиною вершков, на нем чеканное изображение Распятия Господня, вверху Господа Саваофа, по сторонам Божией Матери и Иоанна Богослова. В сем кресте находятся часть древа Креста Господня, часть гроба Господня и [28] частей мощей следующих святых: Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Апостола Иакова, Св. Апостола Иакова брата Господня, Св. царя Константина, Св. Игнатия Епископа Ростовского, Св. Праведного Лазаря, Св. Апостола Тита, Св. Апостола Тимофея, Св. Апостола Филиппа, Св. Исаии Епископа Ростовского, Преподобного Григория Декаполита, Св. Мученика Петра Александрийского, Св. Епифания Епископа Кипрского, Св. Иоанна Милостивого, Св. Мученика Василия, Преподобного Ефрема Новоторжского, Св. Германа Казанского, Св. Нифонта Новгородского, Св. Исаакия Ростовского, Св. Никифора Патриарха, Св. Михаила Клопского, Св. Симеона Суздальского, Св. Мония Архиепископа, Св. Пантелеимона, Св. Мученика Георгия, Св. Мученика Феодора Тирона, Св. Мученика [нрзб], Св. Мученицы Иулиты. С передней стороны сего креста имеется надпись: “Сей крест купца Константина Ильина”. Серебро сего креста без пробы. Вклад храмоздателя купца Цурикова.

6.2. Крест серебряный вызолоченный длиной пять с половиною вершков, на нем в середине на финифте изображение Распятия Господня, вверху в клейме на финифте изображение Спасителя, по сторонам в клеймах на финифте изображены Божия Матерь и Иоанн Богослов. Внизу в клеймах также на финифте Адамова глава. В сем кресте находятся части мощей следующих святых: Св. Мученика Мины, св. Мученика Бонифатия, Св. Мученика Трофима, Св. Мученика Ореста. Вклад храмоздателя купца Цурикова. Серебро сего креста без пробы»²⁹.

Что и говорить — очень ценные реликвии. Интересно бы узнать историю этих святых: их происхождение, как они оказались у Цурикова, что стало с ними в дальнейшем. Увы, достоверных данных на сей счет нет, но кое-что сказать можно. На одном из крестов было написано: «Сей крест купца Константина Ильина». Это позволяет предположить, что данную святую Павел Григорьевич купил. И, возможно, это случилось в России (крест мог продать сам купец Ильин или его потомки). А вот кто, где и когда изготовил кресты, откуда взяли мощи святых — тут за отсутствием каких-либо данных простор для фантазии огромный. Гадать же на пустом месте не хочется.

Ну а что известно о судьбе этих крестов?

В 1922 г. по всей стране производило изъятие церковных ценностей под лозунгом борьбы с голодом. Из храмов изымались предметы, содержащие драгоценные камни и ценные металлы: золото, серебро. Описанные кресты были серебряные, да еще с позолотой. Так что советские органы власти, несомненно, должны были обратить на них внимание. В архиве ЦГАМО обнаружено дело

за указанный год, в котором имеется акт изъятия ценностей из Успенской церкви. В перечне из 18 предметов указаны четыре изъятых креста весом 1 фунт 51 золотников, 1 ф. 16 зол., 72 зол. и 39 зол.³⁰ (полностью документ приведен в приложении—13). Увы, определить, какие именно 4 креста из 6 оказались изъяты, по этим сведениям невозможно (в дореволюционной описи указаны размеры крестов в вершках, а в советском документе обозначен только их вес). Если кресты с мощами попали в список изъятых ценностей, то тогда участь их печальна, все изъятые металлы пошли на переплавку.

Изображения крестов с мощами святых из Успенской церкви не найдены. Зато есть фотография киота с мощами святых, подаренного врачом М. М. Цветаевым и П. Г. Цуриковым в один из храмов г. Романова-Борисоглебска (об этой святыне пойдет речь в следующей главе, там же приведена еще одна фотография мощевика в более крупном масштабе изо 6–83).

Изо 5–10. Мощи святых с крестом, подаренные в храм г. Романов-Борисоглебск, фотограф Ю. Стародубов, 2021.

Пожертвования и финансы

Теперь хотелось бы остановиться на материальной стороне церковной жизни. Финансы были важны в жизни священно и церковнослужителей, большинство из них жили небогато. За учебу сыновей в семинарии и дочерей в Филаретовском училище отцам приходилось платить деньги и очень не малые. Многие прошения членов причта на переход в другой храм зачастую были вызваны материальными причинами.

Вклады в виде ценных бумаг

Как ранее уже говорилось, Цуриков при подаче в 1862 г. прошения о постройке храма близ своей фабрики «обязался положить в Сохранную казну капитал в 10.000 руб., процентами с которого будет обеспечиваться содержание Священно-церковно-служителей при новой церкви». Павел Григорьевич не только не забыл про свое обещание, но даже его перевыполнил. В сентябре 1868 г. сразу после освящения храма в МДК рассматривался вопрос: «О дозволении Почетному Гражданину Цурикову внести 15 т. [15.000 руб.] рентою на содержание причта новоустроенной Успенской церкви, что при деревне Ивановской Звенигородского уезда»³¹.

Весной следующего года, как написано в другом архивном деле, купец пожертвовал «пять банковских билетов первого внутреннего 5% с выигрышами займа» (перечислены номера билетов). Они были предназначены причту Успенской церкви «за поминовение о упокоении душ Григория, Матроны, боярина Сергия и Иоанна¹ в горних обителях»³². На какую сумму были указанные ценные бумаги – в документе не говорится. Однако в клировой ведомости за 1875 г. про эти билеты (указаны те же самые номера) написано, что они на общую сумму 500 руб. и что годовой доход с

¹ Упомянутые имена – это отец Григорий Михайлович († 1852), мать Матрена Анисимовна († 1850), брат Иван († 1855), а также, по всей видимости, тесть Сергей Егорович Мингалев († 1863).

них 25 руб. предназначен причту. Помимо этого в той же ведомости упомянуты еще «15 свидетельств Государственного банка на непрерывный доход по выкупу [...]; а всего на 797 рублей 50 копеек серебром»³³. Об их предназначении в ведомости ничего не сказано. Но можно предположить, что эти 15 свидетельств есть не что иное, как упомянутый ранее вклад Цурикова в размере 15 тысяч рублей «на содержание причта», внесенный в Успенскую церковь после ее освящения. А 797 рублей – начисленные на них проценты.

После же кончины храмоздателя, последовавшей в самом начале 1878 г., по его завещанию «в пользу причта села Ивановскаго, Успенской церкви отказано [т.е. отписано, завещано] в вечное поминовение души его одиннадцать тысяч рублей»³⁴.

Таким образом, общая сумма переданных Цуриковым в разное время денег построенному им храму равнялась 26.500 рублей (первоначальные 15.000 + на поминовение родственников 500 + на поминовение самого храмоздателя 11.000).

В последующие годы в церковную кассу поступали и другие вклады, причем значительные. Так в отчете «вспомогательных учреждений» за 1893–1899 годы написано: «П. Г. Цуриков построил при фабрике прекрасную каменную церковь (освящена 29 сентября 1868 года), обеспечив ей содержание и имеющийся при ней причт суммой до 55 тысяч рублей»³⁵. В аналогичном отчете за 1909–1910 гг. приведены такие сведения: «Успенская церковь при фабрике имела на 1 янв. 1910 г. в % [процентных] бумагах 86.548 руб. 50 коп. капитала. Капиталов собственно церковных было 33.743 руб. 52 коп. (остальные — причта)»³⁶. Ну а в клировой ведомости за 1916 г. стоимость ценных бумаг и церковных капиталов не приведена, отмечено только, какой они принесли доход за год: «С капитала, положенного Храмоздателем Цуриковым, Поповым и другими лицами за их вечный помин получается в год %% 1994 р. 14 коп.»³⁷. Что и сказать – неплохая сумма. Даже с учетом инфляции денег. Успенская церковь и ее причт явно не относились к бедным приходам уезда.

Кружечный и другие сборы денег в храме

В архивном деле за 1873 г. приведены сведения о различных сборах по церквям Звенигородского уезда. Для храма в Ивановском даны такие цифры сборов (значения приведены в рублях, копейки отброшены): «Кружечнаго – 134, Кошельковаго – 250, На призрение [т.е. помощь] беднаго духовенства – 4»³⁸. На другие целевые сборы – «На возобновление православия на Кавказе, На содержание церквей и школ в западных губерниях, На улучшение быта православных поклонников [паломников] в Палестине, На распространение православия между язычниками Империи» – суммы составили около одного рубля или меньше на каждый сбор. Всего в тот год было собрано в Успенской церкви разных пожертвований на 412 руб. Следует отметить, что только первые два сбора (кружечный и кошельковый) оставались в храме. А остальные собранные средства передавались в консисторию для использования их по назначению.

В 1882 г. по данным другого архивного дела сборы в Успенской церкви составили: «Кошельковаго и Кружечнаго сбора – 387, Чистой свечной прибыли – 59, На призрение беднаго духовенства – 7, На распространение Православия между язычниками в Империи – 5, В пользу раненых и больных воинов – 7»³⁹ (остальные сборы были менее рубля каждый). Итоговая сумма в отчете не приведена. Но очевидно, что она была больше, чем в 1873 г.

В 1897 г. по данным еще одного архивного дела сборы были такие: «Кружечнаго и кошельковаго и сбора – 157, Чистой свечной прибыли – 200, Процентом с церковных капиталов – 1248, На призрение беднаго духовенства – 8, [...] На распространение Православия между язычниками в Империи – 4, В пользу раненых и больных воинов – 4, В пользу церковно-приходских школ – 5»⁴⁰. А всего 1.635 руб. Обращает на себя сумма начислений «с церковных капиталов – 1248». Во всем Звенигородском уезде, в котором насчитывалось свыше 80 храмов, большая величина за тот год оказалось только в Вознесенской церкви г. Воскресенска – 1.365 руб. В большинстве же остальных храмов этот раздел доходов исчислялся десятками рублей. А были храмы, как то в Филатово, Глебово, Надовражино и в некоторых других селах, где эта статья дохода вовсе отсутствовала. Это еще раз подчеркивает, что Успенская церковь по доходам в Звенигородском уезде была среди ведущих.

В 1907 г. сборы были такие: «Кружечнаго и кошельковаго и сбора – 99, Чистой свечной прибыли – 117, Процентом с церковных капиталов – 1391, На призрение беднаго духовенства – 8, [...] На распространение Православия между язычниками в Империи – 11, В пользу раненых и больных вои-

нов — 37, В пользу церковно-приходских школ — 7»⁴¹. Всего 1.682 руб.

В отчете «вспомогательных учреждений» приведены сведения о финансовом положении Успенской церкви по состоянию на 1 января 1910 г.: «В году поступило на приход церкви процентов и кружечного сбора 2.178 руб. 94 коп. Расход за год — 1.945 руб. 26 коп. Остаток наличными на 1 янв. 1910 г. — 233 руб. 68 коп. Из статей расхода значатся: на ремонт 633 руб. 87 коп., псаломщику заимообразно — 400 руб., пожертвований — 57 руб. 20 коп. Остальные статьи — хозяйственного характера»⁴².

Обязательное страхование

В XX столетии священноначалие ввело обязательное страхование церковных построек от пожара. По сохранившимся страховым ведомостям, приведенным в них суммам можно примерно судить о богатстве храмов, их текущем состоянии.

В архивах сохранились карточки страхования имущества Успенской церкви при Ивановской суконной фабрике за 1910 г. Отдельные сведения из них уже приводились в начале данной главы, в полном виде документ размещен в приложении—13. Здесь же дадим итоговые суммы страхования церковных построек. Церковь была застрахована на 26.000 руб., часовня при ней на 300, сарай на 300, сторожка на 700 руб.⁴³. Общая сумма страхования равнялась 27.300 рублей. Среди сельских храмов Звенигородского уезда, находившихся на территории нынешнего Истринского района, 26 тысяч были самой высокой страховой оценкой церковного здания. Большинство церквей страховались на сумму от 10 до 15 тысяч. А старые деревянные храмы оценивались еще ниже. Это лишний раз подчеркивает, что по состоянию и благолепию Успенская церковь была среди лучших в уезде.

СТРАХОВАЯ КАРТОЧКА.							
Успенский, при Ивановской суконной фабрике, уезда Звенигородского, Московской губернии, застрахован на страх по страховой оценке, произведенной 24 ноября 1910 г.							
Название строений.	Из какого материала.	Род строения.	Оценочная сумма в рубль.	Страховая сумма в рубль.	Премия с 1000 р.	Полный страховой взнос.	
					р.	к.	р.
Церковь	камень.	успен.	26000	26000	1.	"	26.
Часовня	камень.	успен.	300	300	1.	"	30.
Сарай	дерево.	успен.	300	300	4.	60.	1. 38
Сторожка	дерево.	успен.	700	700	4.	60.	3. 28
			27300	Итого			30. 96

Изо 5—11. Страховая карточка Успенской церкви, 1910.

Приход Успенской церкви

Поговорим теперь о прихожанах фабричного храма.

В клировой ведомости Успенской церкви за 1868 г. (первый год существования) приведены сведения о количестве прихожан и из каких они селений. Так при Ивановской фабрике жили 26 человек: два купца, мужчина и женщина (несомненно, это была семья Цуриковых), один военный, а остальные мещане. В деревне Ивановской числилось 45 дворов. В них проживали крестьяне (138 м.п. и 131 ж.п.), цеховые (1 м.п. и 1 ж.п.) и военные (5 м.п. и 3 ж.п.)⁴⁴. Итого 305 человек (отдельно написано: «раскольников не имеется»). По количеству прихожан Ивановский приход относился в Звенигородском уезде к небольшим. И очевидно, что не будь банковских вкладов Цурикова на поддержку причта, служителям пришлось бы материально трудно из-за малого числа прихожан, и соответственно, малого числа заказываемых ими треб (крещение, венчание, отпевание, различные молебны).

Кого-то, возможно, удивит небольшое число людей, живущих при фабрике (ранее говорилось о числе работников, превышающем тысячу). Этому такое объяснение. Многие рабочие проживали в селениях, расположенных в нескольких верстах от Ивановского, ходили ежедневно на работу пешком из своего дома. Большинство из них были причислены к другим церковным приходам. Меньшая часть имели свои дома в отдаленных местах, некоторые даже были не из Звенигородского уезда. Они не ходили домой, оставались ночевать в фабричных домах (типа общежитий). Это было их

временное жилье. Такие люди хоть и не были приписаны к приходу Успенской церкви, но по воскресным дням могли ходить в нее на службу.

Четыре года спустя в 1872 г. в Ивановском приходе насчитывалось 347 прихожан обоего пола⁴⁵. Что любопытно: число мужчин почти не изменилось, прирост произошел за счет женщин. Прошло еще три года и стало уже 379 прихожан⁴⁶. К сожалению, клировые ведомости последующих лет, за редким исключением, оказались уничтожены (не только для Успенской церкви). И потому проследить динамику изменения численности прихода сложно. Каким-то чудом сохранилась ведомость 1916 г. К этому времени прихожан уже не делили на фабричных людей и крестьян. В селении Ивановском числилось 405 душ м.п. и 437 ж.п. (надо полагать, сюда относились и люди, проживавшие на фабрике). В приход Успенской церкви добавилось еще одно селение – деревня Петровская, находившаяся в трех верстах южнее. В ней числилось 220 м.п. и 263 ж.п. Таким образом, к фабричному храму были приписаны в общей сложности 1325 человек. Такой приход относился уже к крупным.

Деревня Петровская

Присоединение деревни Петровской к приходу Успенской церкви стало знаковым событием, число прихожан разом удвоилось. Об этом населенном пункте хотелось бы рассказать подробнее.

К сожалению, архивное дело о переводе жителей дер. Петровской в новый приход было уничтожено в советские годы, в описи сохранился только его заголовок. Из него следует, что в 1890 г. крестьяне этой деревни подали прошение *«о перечислении их из прихода с. Караулова и Лужки в приход Успенской при Ивановской суконной фабрике церкви»*. Из других документов следует, что прошение было удовлетворено.

Вообще же удивляет не сам переход, а другое – почему он так поздно состоялся? Ведь деревня Петровская (точнее часть ее жителей), как и Ивановская издавна находилась в приходе Петропавловской церкви села Лужки. По клировым ведомостям расстояние от Петровской до Лужков составляло 5 верст (на самом деле все 6). Это в два раза дальше, чем от Ивановской до того же села. И путь в Божий дом петровским крестьянам преграждала все та же река Истра. Как уже говорилось, весенние разливы этой не такой уж маленькой реки привели Цурикова к желанию построить храм вблизи фабрики, чтобы капризы природы не препятствовали посещению церковных служб. И когда решался вопрос о выдаче разрешения на строительство храма, наличие препятствия в виде реки священноначалие приняло как веский аргумент. Почему же про жителей деревни Петровской тогда забыли, ведь им так же приходилось преодолевать ту же водную преграду? Думается, что причина была в причте храма с. Лужки. Петропавловская церковь и так лишилась 270 прихожан из дер. Ивановской, которые перешли в Успенскую церковь. Почти столько же прихожан проживало тогда в дер. Петровской. Если бы и они ушли из прихода – это привело бы к еще большему сокращению церковных доходов лужковских клириков. Так что жителям дер. Петровской пришлось еще более двух десятков лет терпеть неудобства в сообщении со своей приходской церковью. Можно представить, как им было обидно, отправляясь за 6 верст на службу в свой храм в Лужки, проходить на полпути мимо действующего великолепного Успенского храма.

История деревни

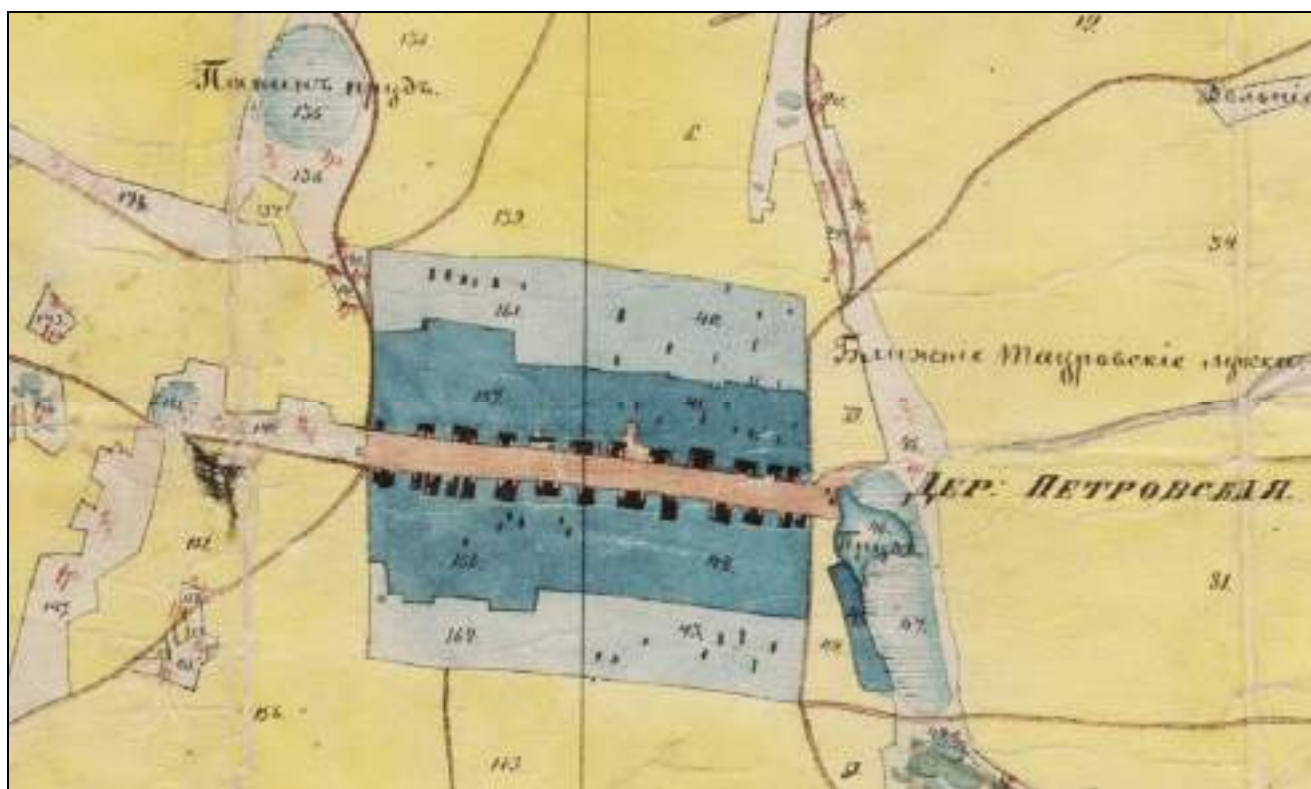
Теперь хотелось немного поговорить об истории дер. Петровской. Сведения на эту тему имеются в энциклопедии “Истринская земля”⁴⁷. Но, как оказалось, в этой книге были допущены серьезные ошибки: к дер. Петровской, которая была в приходе Лужков, были отнесены несколько исторических текстов, не имеющих к ней никакого отношения. Случилось это потому, что не так далеко друг от друга (на расстоянии 24 км по прямой) расположены две деревни, прежде имевшие одинаковые наименования: та, что неподалеку от Ивановской фабрики и та, что ныне находится в Солнечногорском районе. Последняя из них в древности тоже называлась Петровской, а ныне это деревня Соколово. Причем исторические цитаты этих деревень были перепутаны еще давно – церковными историками Холмогоровыми. И авторы энциклопедии, не разобравшись, повторили путаницу в своем издании. Обо всех этих ошибках со ссылками на первичные исторические источники подробно рассказано в сборнике, посвященном Соколовским святым⁴⁸. Останавливаться повторно на всем этом не будем, просто вкратце изложим дореволюционную историю «нашей» деревни Петровской, основываясь на исторических фактах, достоверность которых не вызывает сомнения.

Справка¹. Деревня Петровская. Историю бывшего села, можно проследить с конца XVI века. Название селение получило от находившегося прежде здесь храма святых апостолов Петра и Павла. Самое раннее упоминание села Петровского и церкви в нем по сведениям книги братьев Холмогоровых относится к 1583 г. В то время это были владения «Пафнутьева монастыря»⁴⁹. После Смутного времени село опустело и стало пустошью, храма не стало. По данным Холмогоровых в 1685 г. это по-прежнему была пустошь. А к 1705 г. здесь уже вновь поселились люди, в деревне Петровская насчитывалось 16 дворов. В 1748 г. деревня (иногда название писали Петрова) все еще находилась во владении Пафнутьево-Боровского монастыря. А в 1764 г., когда по всей стране была проведена секуляризация церковных и монастырских земель, д. Петровская отошла государству в «казенное ведомство».

По данным энциклопедии «Истринская земля» в 1784 г. в деревне насчитывалось 20 дворов и 247 крестьян. В середине XIX века деревня имела двойное название Петровская-Голая. В 34 дворах жили 137 мужчин и 188 женщин. В 1899 г. население деревни (132 мужчины, 190 женщин) проживало в 83 избах.

Теперь несколько слов о том, чем занимались жители деревни. Большинство было крестьянами, обрабатывали землю. Однако так поступали далеко не все. Многие ходили работать на Ивановскую фабрику. Были и такие, кто уезжал в Москву, там жил и работал. Рабочих мест в самой деревне почти не было. В справочнике за 1914 г. написано: «Кирпичный завод Ивановской суконной фабрики Т-ва С. М. Попова при дер. Петровской. [Заведует:] Сергей Иванович Топленинов. [Рабочих:] 15. [Существует с:] 1888»⁵⁰. Но что такое полтора десятка рабочих для деревни, в которой в то время числилось почти полтысячи жителей? В третьей главе были приведены фотографии кирпичей (изо 3–50) с клеймами «М.П.» (Максим Попов) и «С.П.» (Сергей Попов). Это была продукция данного завода.

В архиве ЦГАМ обнаружен план, на котором показано расположение дер. Петровской. Как видно, в ней была всего одна улица, идущая с востока на запад. Водоем «Панин пруд» находился за пределами селения. Вообще же с водой в деревне в прежние времена было плохо. В документах нередко встречаются жалобы на качество питьевой воды. Недостаток воды сказывался и на пожарной безопасности. В архивных делах приведены сведения о пожарах, случавшихся здесь в разные годы.

Изо 5–12. План деревни Петровской Звенигородского уезда⁵¹, 1862.

¹ В настоящую книгу включено много справок о различных местах и людях. Следует оговориться, что они не претендуют на всесторонний охват истории. В них обозначены отдельные важные события, но далеко не все. Справки введены для того, чтобы читатель мог составить представление, о каких местах и людях идет речь.

Училище и ясли в деревне

Как видно из приведенных в справке цифр, в дер. Петровской в XIX веке было довольно много жителей и население все время увеличивалось: от 269 крестьян в начале столетия до 322 в его конце. Это была уже довольно большая деревня, далеко не в каждом селе имелось столько жителей. И потому выглядит довольно странным, что в таком крупном населенном пункте долгое время не было своей начальной школы. Думается, причина такого положения в том, что при Ивановской фабрике, находившейся в трех верстах, было открыто училище в 1868 г. В него принимали детей «со стороны», в том числе из дер. Петровской.

Расстояние в три версты считалось для учеников приемлемым, можно было ежедневно ходить пешком на занятия. Конечно, в непогоду, в распутицу или в мороз детям трудно было добираться в школу. И тут администрация Ивановской фабрики приходила детям на помощь. Как написано в отчете за 1909–1910 год: *«Ученики из дер. Петровской, во время плохой дороги и погоды, привозились на подводах, на что истрачено 16 руб. 10 коп.»*. Надо сказать, что это совершенно нетипичный для того времени случай, трудно привести подобный пример в транспортировке детей на учебу для какой-нибудь другой школы Звенигородского уезда. Безусловно, заслуга в этом С. М. Попова.

Свое училище появилось в дер. Петровской незадолго до революции. Документы о строительстве пока найти не удалось. Но факт его существования подтверждается клировой ведомостью Успенской церкви, в которой записано, что дьякон Александр Нежданов *«состоит законоучителем в Петровском земском начальном училище»* с 1913 г.⁵². По всей видимости, в этот год и было открыто училище. А в книге *«Суконщики Поповы»* написано, что школа была построена на средства С. М. Попова.

Ивановская фабрика заботилась и о совсем маленьких детях деревни, которые еще не доросли до школы. В одном из отчетов приводятся сведения о том, что летом 1905 г. в дер. Петровской были организованы ясли для крестьянских детей на капитал, пожертвованный все тем же владельцем Ивановской фабрики С. М. Поповым. Ясли пользовались популярностью, ходило в них 49 детей. Они проработали полтора месяца и были закрыты из-за обнаруженной оспы у детей. Общие затраты на ясли составили 225 руб.⁵³. Подобные ясли организовывались в деревне и в другие годы. Так в 1910 г. на их организацию было потрачено 144 руб., посещало 68 детей⁵⁴. Один день пребывания одного ребенка обходился примерно в 10 коп.

Школа в дер. Петровская действовала, по крайней мере, до войны. Это следует из акта с описанием ущерба, который был нанесен школьному зданию фашистами в 1941 г. В документе написано, что с 24 ноября по 5 декабря помещение было занято немцами, которые выломали двери и окна, уничтожили школьную мебель, учебные пособия, сожгли сарай⁵⁵. О том, когда школа была закрыта, информации нет.

Часовня в дер. Петровская

В дер. Петровская прежде была деревянная часовня. Увы, никаких изображений нет, ее отметка не попала ни на один из планов местности. Да и вообще ни одного упоминания часовни в каком-либо дореволюционном источнике не обнаружено¹. Но, несмотря на все это, сомневаться в том, что она прежде существовала, не приходится. О часовне рассказывали старожилы, которые видели постройку своими глазами. Находилась она в центре деревни примерно там, где ныне установлен памятник погибшим воинам. Вся собранная о часовне информация приведена на сайте УБД⁵⁶.

О часовне в дер. Петровской была напечатана в 1931 г. заметка в районной газете *«Истринская стройка»*. В ней призывалось *«ликвидировать у себя часовню, которая нам не давала никакой пользы, вводила только нас в заблуждение и дурман. Сдать все иконы в утильсырье и полученные деньги использовать на культурные нужды»*⁵⁷. В конце заметки стояла подпись: *«председатель сельсовета Гурьянов»*. Вот об этом человеке далее и поговорим.

¹ Увы, это было довольно типично для того времени. Сведения о существующих часовнях редко когда попадали в официальные документы. Многие настоятели храмов предпочитали о часовнях умалчивать (возможно, не хотели лишних хлопот). Так по данным сайта УБД до революции на территории Истринского района находилось около полусотни часовен. И значительную их часть можно назвать «неофициальными». Сведения о многих прежде существовавших часовнях предоставили старожилы селений.

Герой Советского Союза Михаил Алексеевич Гурьянов

Самый известный местный житель – это Михаил Алексеевич Гурьянов. Он родился в дер. Петровская 1 октября 1903 г. (по метрической книге 27 сентября⁵⁸). Учился в местной деревенской школе. В 17 лет уже начал работать на суконной фабрике в Ивановском. В разные годы был председателем Петровского сельсовета, потом Красновидовского и Дедовского. В 1938 г. был избран председателем исполкома Угodoзаводского райсовета (ныне Жуковский район Калужской области). Когда в 1941 г. пришли немцы, его назначили комиссаром одного из партизанских отрядов. 24 ноября партизаны напали на штаб корпуса противника, разгромили его, захватили важные документы, убили много фашистов. Михаил Алексеевич находился в первых рядах нападавших. Когда партизаны стали отходить, Гурьянов остался в группе прикрытия, был дважды ранен и оказался захвачен в плен. Немцы его допрашивали, пытали, но ничего не добились. Спустя два дня комиссара прилюдно казнили.

Через несколько месяцев М. А. Гурьянову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В честь героя названы улицы в Москве, Дедовске, Жукове, Обнинске. В нескольких городах установлены памятники герою, включая г. Дедовск Истринского района.

Изо 5–13. Памятник М. А. Гурьянову в Дедовске, 2023.

Успенская церковь до революции

Вернемся к храму при Ивановской фабрике. Службы в нем проходили чаще, чем в большинстве других церквей. По желанию храмоздателя они совершались 3–4 раза в неделю. Божий дом строили добросовестно и долгое время в нем, по всей видимости, не было значительных ремонтных работ (об этом говорит отсутствие документов на данную тему в первые годы существования фабричного храма). Но вот прошло два десятилетия со времени постройки, и возникла необходимость кое-что поправить.

В одном из внутренних документов МДК за 1890 г. обнаружена запись о поданном причтом Успенской церкви прошении: «о разрешении им осыпавшуюся местами снаружи храма штукатурку исправить и весь храм с наружной стороны обелить, низ летнего храма внутри оштукатурить цементом и исправить всю уборку храма, косяки дверей и рамы в окнах сделать новые, а также купить для ризницы два шелковых подрезника, веревочные ковры в холодную церковь на пол и шерстяные ковры в придельные алтари, с израсходованием на сей предмет 1000 рублей из церковных сумм»⁵⁹. Консистория дала разрешение на проведение запрашиваемых работ.

В следующем году священноначалию было подано еще одно прошение от причта: «Вследствие ветхости св. антиминса в приделе Святителя Николая, что в Успенской при Ивановской суконной фабрике церкви, я нижеподписавшийся священник означенной церкви всепокорнейше прошу Вас, Ваше Преосвященство, дозволить выдать в означенную церковь новый антиминс для священнодействия в приделе Св. Николая. К сему прошению Священник Успенской, что при Ивановской суконной фабрике Церкви Николай Голубев руку приложил. 1891 г. сентября»⁶⁰. Надо полагать, и это прошение было удовлетворено.

В 1897 г. в Успенский храм было приобретено церковное облачение⁶¹. А спустя два года потребовалось «окрасить белою масляною краскою крыши храма и ремонтировать церковный колодезь с израсходованием на сие 500 руб. из церковных сумм»⁶².

Расширение приходского кладбища

К началу нового XX столетия фабричной церкви было уже 32 года. Как показало будущее – это оказалась середина срока, отпущенного Божьему дому. К этому времени возникла проблема с захоронением умиравших прихожан, т.к. на кладбище при дер. Ивановской почти не осталось свободного места. Этим вопросом пришлось заниматься иерею Иоанну Бобцову, который сменил умершего настоятеля Успенской церкви о. Николая Голубева.

Прежде чем продолжить разговор, стоит напомнить, что когда в начале 1860-х годов решался вопрос о выделении земли под строительство храма при суконной фабрике местные крестьяне согласились выделить из своей земли отдельно одну десятину под устройство кладбища (это помимо земли 7 дес. 200 кв.саж. под церковь и дома причта). Земля для погребения умерших находилась примерно в 150 метрах в западном направлении от храма.

При обустройстве кладбища на его входе была построена красивая белая трехпролетная арка. Ее светлый контур хорошо виден в правой части исторической фотографии, фрагмент которой обсуждался в предыдущей главе (*«Ремесленная мастерская»*, изд. 4–09). Из всех видимых в кадре строений – церковь, дома причта, школа, арка – уцелела до наших дней только последняя. Можно еще отметить, что центральный пролет арки напоминал входные ворота на территорию Успенской церкви (см. изд. 5–31).

Изд. 5–14. Вид с западной стороны на Успенскую церковь и арку на кладбище, 1910-е,
(в историческое изображение врезан современный снимок входа на кладбище)

Дело о расширении Ивановского кладбища было заведено в 1901 г. и завершилось лишь семь лет спустя. Поговорим о нем подробнее.

Вскоре после вступления в должность настоятеля Успенского храма о. Иоанн Бобцов подал на имя епископа Можайского прошение. В нем говорилось, что *«предместник мой»* священник Голубев в прошлом году (1900) обращался с просьбой об отводе нового участка земли для захоронения тел умерших, т.к. *«на теперешнем кладбище свободных мест для погребения уже нет»* (на самом деле немного мест еще оставалось). Вскоре для разбирательства по этому вопросу в Ивановское выезжал благочинный, но решение принято не было. Бобцов просил вынести *«распоряжения по сему делу»*. В своем прошении настоятель храма дополнительно написал, что *«теперешнее кладбище находится в границах церковной земли, между тем как на плане крестьян и на имеющемся в нашей церкви плане кладбища показано для онаго другое место, вблизи настоящего кладбища, отделяющееся от него неглубоким оврагом сажень в 20 ширины, поросшее сосновым лесом и до сего времени ничем не занятое»*⁶³.

Участок, о котором шла речь, на планах был помечен *«надгробными крестиками»*. Глядя на них, священник сделал вывод, что именно тут по первоначальному замыслу должно было находиться приходское кладбище. А почему умерших хоронили в другом месте, он написал, что не знает. В до-

несении благочинного изложена версия, почему так произошло: *«как мне известно, оный участок, при открытии прихода с построением храма г. Цуриковым [...] предназначался собственно для кладбища; почему и нанесен на плане, вместе с церковною землею. Но до сего времени не был занимаем на том основании, что тогда же г. Цуриковым выделена была еще одна десятина из церковной земли для кладбища по малочисленности прихода. А впоследствии [с] припиской к приходу церкви целой деревни – Петровское, население увеличилось на 426 душ и кладбище оказалось в настоящее время совершенно занятым».*

Все бы ничего, но отмеченный на плане участок с крестиками крестьяне считали своею собственностью и не соглашались отдать его под расширение кладбища. Их понять можно. Во-первых, эта земля была им самим нужна, она использовалась для прогона скота на пастбище. Ну, а во-вторых, и это главное, – они много лет назад уже выделяли одну десятину под устройство приходского кладбища. Реально же, как в деле написано, под захоронениями оказалось занято лишь 715,5 квадратных сажень. Это в три с лишним раза меньше того, что было выделено крестьянами (1 дес. = 2.400 кв.саж.). А куда же делась остальная, большая часть (2/3) выделенной земли? Крестьяне считали, что ее незаконно присвоил себе местный причт и потому под расширение кладбища должен быть отведен участок из церковной земли. Чувствуя за собой правоту, местные крестьяне обратились с письмом к губернатору с просьбой во всем разобраться.

Так возникла конфликтная ситуация. Священноначалие распорядилось по этому вопросу провести следствие, его поручили священнику села Павловское Иоанну Никольскому. Тот летом 1903 г. приезжал в Ивановское и допросил около двух десятков местных жителей в возрасте от 50 лет и старше, которые могли припомнить события давно минувших дней. В деле имеются протоколы опросов старожилов. Большинство из них отвечали как под копирку. Люди говорили, что лет 40 назад на общем сходе было решено выделить одну десятину под захоронения умерших. И что ныне существующее кладбище и есть часть той земли. А тот отмеченный крестиками на плане участок земли, который церковнослужители считали отведенным под кладбище, все крестьяне полагали своим. А один из опрошенных прямо заявил, что участок, *«помеченный крестиками – есть наша собственность и никогда в церковь не был жертвован».*

В ответах некоторых людей приведены интересные детали. Оказалось, что крестьяне за ту землю, когда-то пожертвованную церкви, все эти годы платили налог. Отмечалось, что там, где ныне кладбище, прежде находилась пашня. Что земля для кладбища была подготовлена ко времени завершения строительства Успенской церкви и домов причта (т.е. к осени 1868 г.). Что погост согласно санитарным нормам тогда же обрыли кругом канавой. Причем это сделали те же люди, которые рыли котлован под храм. И *«эти же рабочие посадили по канаве, по приказанию Цурикова, сосенки».* Многие из опрошенных заявили, что П. Г. Цуриков дал крестьянам 40 руб., чтобы не рубили лес на участке, который теперь оказался спорным. А потом он же платил ежегодно по 5 руб., чтобы люди оберегали этот лес от порубки. После смерти Павла Григорьевича указанные выплаты продолжала делать вдова Анна Сергеевна. Причем, как заявил один крестьянин, платила по 7 руб. А с 1892 г. выплаты прекратились (напомним, что фабрика тогда уже принадлежала Поповым). Некоторые люди также с благодарностью вспоминали, что Цуриков *«после своей смерти наградил и нас – дал 15.000»* руб. (по завещанию).

Был опрошен также 58-летний псаломщик Петр Глебов, который служил в Успенском храме с момента его построения и освящения. Надо отдать должное причетнику, что он не стал лукавить, а честно ответил, что *«Относительно участка земли, помеченного на плане Кремнева крестиками, я никогда не слышал, чтобы он принадлежал церкви».* Стоит также отметить слова псаломщика о том, что *«лещину»* (т.е. овраг) для заготовки сена окашивали все члены причта с начала построения храма. И еще: *«о межевых знаках этой земли я ничего не знаю, были ли они или нет, покойного Цурикова о границах церковной земли я не мог осмелиться спрашивать, так как маленькое лицо».*

Время шло, а в деле о расширении кладбища ничего не происходило. И вот в мае 1904 г. из Московского губернского правления было отправлено сообщение в консисторию. В нем было написано, что положение с захоронением умерших в Ивановском становится критичным: *«при обыкновенной смертности свободного места на существующем кладбище достаточно не более как на два года».* Также было отмечено, что *«под существующее кладбище ныне переполненное, использовано лишь менее полудесятины, следовательно остальная полудесятина находится в ведении причта».*

И в конце бумаги было написано, что правление просит *«Консисторию сделать зависящее распоряжение об обращении причтом Успенской церкви остальной полудесятины земли по первоначальному назначению, т.е. под кладбище»*. В консистории с такими выводами, предложениями согласились и приняли решение о выделении необходимого участка из церковной земли под расширение кладбища. В 1907 г. благочинный рапортовал, что *«для кладбища участок земли прирезан и канавой обрыт совокупно с прежним кладбищем в кол-ве ¼ десятины»*.

На этом история о расширении кладбища, длившаяся несколько лет, наконец-то завершилась. Пусть не смущают большие сроки рассмотрения, казалось бы, несложного вопроса. Такие сроки в те времена были нередкими. К сожалению, несмотря на солидный объем архивного дела (свыше 60 листов) и довольно подробное изложение, далеко не все понятно в этой истории. Увы, в указанном деле не оказалось карт и потому осталось неизвестным, где находился тот самый спорный участок, отмеченный на планах крестиками (возможно, в южной стороне от существующего кладбища). Не понятно также, почему прирезали только четверть десятины к существующему кладбищу, которое было примерно такого же размера (715 кв.саж.). В сумме получается чуть более половины десятины, тогда как крестьяне выделяли на кладбище целую десятину. Почему на эту разницу никто не обратил внимания? Непонятно.

Последние годы перед революцией

Идем далее. В 1903 г. внутри Успенской церкви производился ремонт. Для получения разрешения на его выполнение причт и церковный староста подали прошение, *«в коем объяснили, что за время 35-летнего существования их церкви в теплом храме, вследствие бывшей сырости, золото на иконостасе двух приделов Святителя Николая Чудотворца и Преподобного Павла Фивейского потрескалось и во многих местах осыпалось, и для благолепия храма является необходимым перезолотить их вновь. Живопись на стенах и иконах также попортилась и местами облупилась и тоже требует ремонта»*⁶⁴.

В этом же деле написано, что по смете на исправление *«попорченного»* имущества потребуется 6.000 руб. Отмечено, что в храме имеется капитал П. Г. Цурикова, к которому добавились другие вклады. В итоге церковных денег оказалось 19 тысяч. Благочинный подтвердил необходимость проведения работ в Успенской церкви. После этого в мае 1903 г. консистория разрешила проведение ремонта. Но как всегда были сделаны оговорки: *«с тем чтобы работы были произведены под руководством опытного мастера, и чтобы священные изображения были воспроизведены соответственно значению храма и согласно Евангелию и историческим событиям, и в возобновляемых иконостасах не было неискусно писанных икон, или написанных противно учению святой православной церкви»*. Для наблюдения за правильным выполнением работ было предписано создать специальную комиссию, *«в которую назначить местных: благочинного, священника, старосту церковного и троих из почетных прихожан по их избранию и согласию»*.

Прошло время и вновь потребовалось проведение ремонта в Успенской церкви. Сохранилось прошение 1916 г., в котором указано, какие работы необходимо выполнить: *«железную крышу, как на настоящей, так и на трапезной с колокольною церкви снова выкрасить; б) все рамы и двери церковные с откосами окрасить; в) наружные стены всей церкви с колокольною оштукатурить цементом и побелить известью; г) церковную ограду с железною решеткою выкрасить масляной краскою*

Изо 5–15. Печать Успенской церкви, 1911.

*и, кроме того, приобрести облачение для священноцерковнослужителей с израсходованием на сей ремонт по приложенной смете 2250 рублей 90 копеек из церковных сумм, не принадлежащих к неприкосновенному капиталу»*⁶⁵. Консистория прошение удовлетворила.

Этим же годом датирована сохранившаяся клировая ведомость Успенской церкви. В ней приведены довольно подробные сведения о храме и его служителях. В приложении–13 имеется расшифровка этого документа, здесь же дадим некоторые выдержки из него:

«Земли при церкви состоит: усадебной вместе с погостом церковным 2 десят. 1800 квадр. саж., [...] под смешанным лесом 5 дес. 800 кв.саж. Всего 8 десят., 200 квадр. саж. Земля изображает песчаный холм, поросший большею частью сосновым лесом. [...] Качество церковной земли: песчаная. Для пахоты [пахоты] и покоса

неудобна. [...] доходу не приносит. Дома для священно и церковно-служителей на церковной усадебной земле деревян. на камен. фундаменте крыты железом [...] и составляют собственность причта. Другия здания, принадлежащая церкви: 1. Каменная Часовня, крыта железом, построена для выноса покойников из фабричной больницы. 2. Деревянная 10 кв. арш. сторожка, на каменном фундаменте, крыта железом, построена в 1910 г. 3. Деревянный с кирпичными столбами сарай 3 саж. [на] 3 саж. 2 арш. Крыт железом. [...] В церковной библиотеке находятся книги для чтения предназначенных 350 томов. [...]

III. Ведомость о приходе. В селе Ивановском 110 домов, 405 муж. душ, 437 жен. душ, при церкви. В деревне Петровской 85 домов, 220 муж. душ и 263 жен. душ. В 3 верстах. Препятствий в сообщении нет. Итого в приходе: 195, 625, 700 [домов, муж. душ, жен. душ]. В том числе духовных 5, 14, 16; дворян 1, 6, 6; мещан 15, 64, 68; крестьян 174, 541, 620. Кроме того в пределах прихода имеют жительство – иноверцы 1 муж. душа, 5 жен. душ. [...] Итого: 195 домов, 626 муж. душ, 705 жен. душ»⁶⁶.

Это последний документ, относящийся к царскому периоду истории Успенской церкви. С захватом большевиками власти началась совсем другая жизнь. Об этом поговорим в конце настоящей главы.

Приписные часовни

В прежние времена (да и сейчас, впрочем, тоже) далеко не каждый православный храм имел приписанные к нему часовни. В этом плане редчайшим исключением является Благовещенская церковь, находившаяся в Павловской Слободе Звенигородского уезда: по данным клировой ведомости 1916 г. к ней было приписано 11 (!) часовен. В большинстве же случаев храмы либо вовсе не имели своих часовен, либо была одна или реже две часовни. К последним относилась Успенская церковь при Ивановской суконной фабрике.

Прежде чем перейти к рассказу о часовнях, следует отметить, что обе были построены по инициативе Сергея Максимовича Попова, который в то время владел Ивановской фабрикой. К сожалению, для обеих часовен не удалось узнать посвящение, они так и остались в истории безымянными¹.

1893: Часовня «для выноса покойников»

О постройке первой часовни при Ивановской фабрике сохранилось несколько архивных дел. Первое дело из фонда МДК, в нем имеется прошение, поданное священноначалию от «Церковнаго старосты Успенской, что при Ивановской суконной фабрике церкви, Звенигородскаго уезда, Сергея Максимовича Попова». В нем было написано: «Сим честь имею просить Ваше Преосвященство о разрешении построить при означенной Церкви на изживание конторы фабрики каменную часовню для выноса усопших прихожан, так как на случай надобности при фабрике не имеется приспособленного к тому места. План предполагаемой часовни и расположение местности при сем препровождаются»⁶⁷. В конце стоит дата 1 августа 1893 г. и подпись С. М. Попова.

В деле имеется акт об итогах проведенного 26 августа благочинным Кудриным и священником села Лужки Скобеевым дознания. В нем написано: «постройка часовни необходима при означенной церкви вследствие скученности живущих на фабрике и особенно на случай какой либо болезни эпидемической. Священноцерковно-служители, на построение часовни на означенной в плане местности (который с натурой верный), изъявили согласие. Содержание самой часовни согласна принять на себя Контора фабрики».

В рассматриваемом деле говорится о чертежах часовни и плане местности. Однако их там не оказалось, данные документы нашлись в другом архивном деле Строительного отделения. Как выяснилось, 6 сентября МДК перенаправила прошение С. М. Попова вместе с чертежами в эту организацию с просьбой рассмотреть проект и «уведомить, можно ли по означенным планам разрешить предполагаемая работы». Однако нужное разрешение с первого раза получить не удалось, в одной из бумаг было напи-

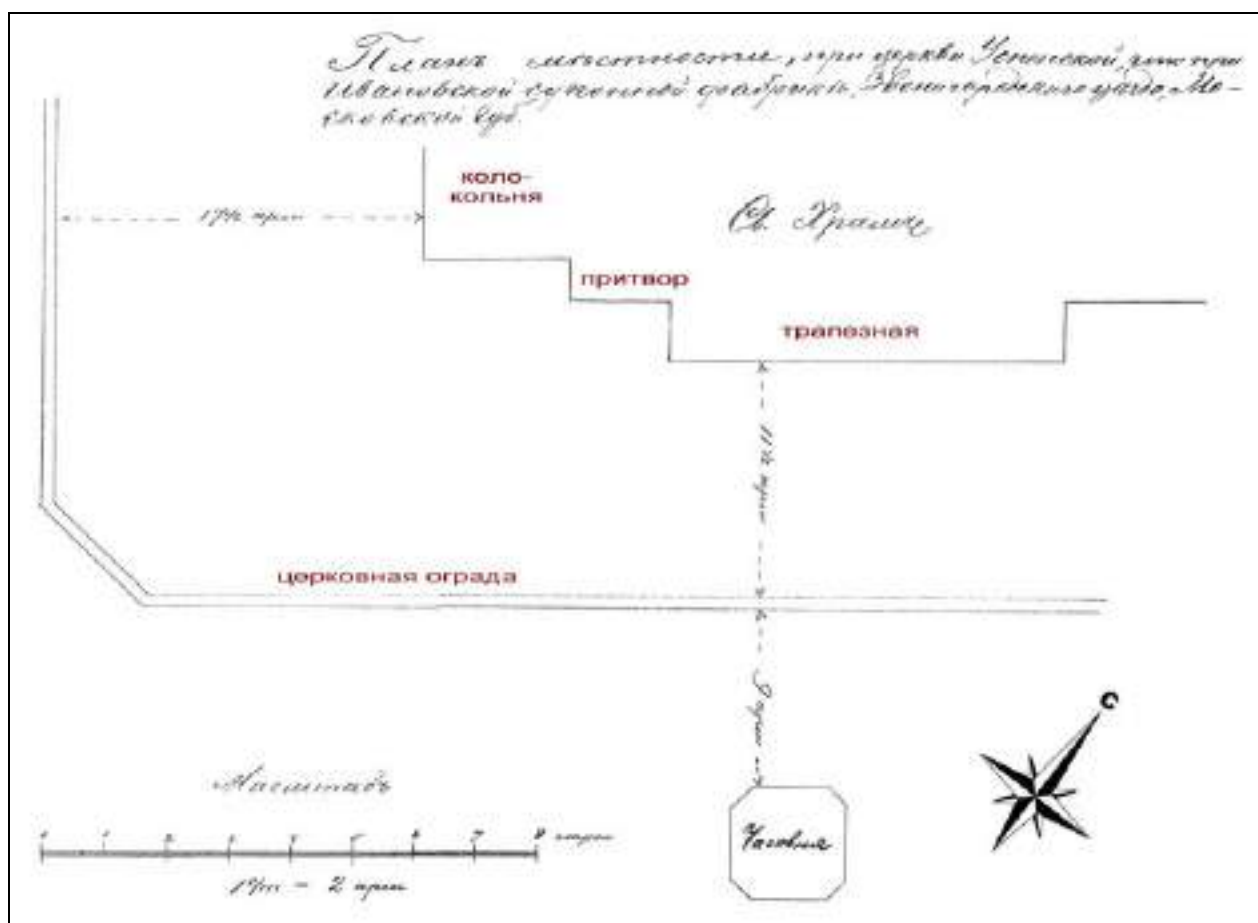
¹ В современной традиции каждую новую часовню освящают в честь какого-нибудь св. угодника, св. иконы или религиозного праздника. До революции, похоже, это не было обязательным. В исторических документах крайне редко встречается информация о посвящениях часовен. Это приводит к мысли, что многие из них оставались безымянными. Хотя в народе они могли иметь свое название. Бытует мнение, что посвящение часовни можно узнать по главной иконе, которая в ней находилась. Вопрос только в том: как узнать, какая главная икона была в часовне, которой давно уже нет?

сано: «Строительное Отделение нашло его [проект] составленным неудовлетворительно, а потому и поручило Архитектору Тропаревскому пересоставить оный и представить в Отделение»⁶⁸. Последней бумагой в деле являлся протокол, в котором написано, что новый проект составлен правильно, и работы по строительству могут быть разрешены. Судя по датам, проставленным на бумагах, на рассмотрение дела о постройке часовни с переделкой проекта ушло всего 5 (пять!) дней. Удивительный, нетипичный случай быстрого прохождения и утверждения документов в инстанциях в царское время.

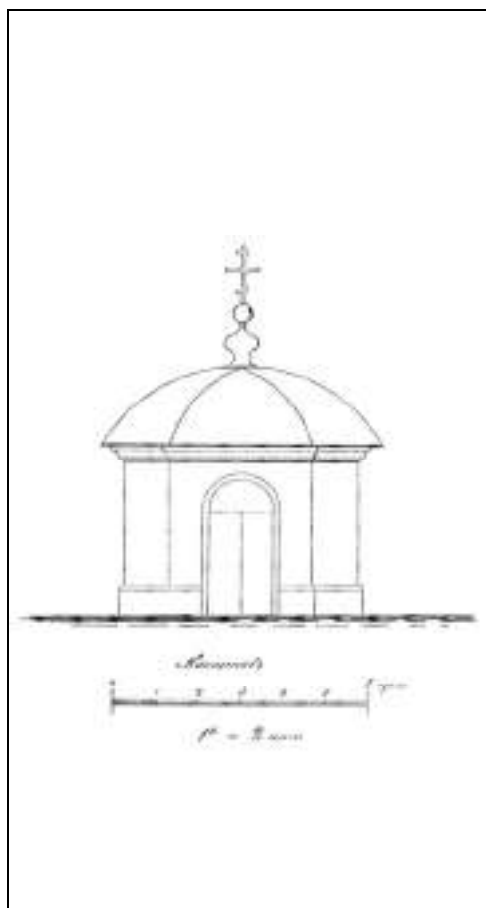
В указанном деле имеется план местности с отметкой о расположении часовни на расстоянии в 20,5 аршин (15 метров) сбоку от храма. К сожалению, румб с обозначением сторон света на плане не был проставлен (он был нанесен на план в ходе подготовки настоящей книги). Вначале казалось, что левый край храма – это алтарь. И тогда выходило, что часовня должна была находиться с северной стороны. Но когда появились новые данные (космоснимок 1980 г., вскрытие фундамента храма), то стало понятно, что все с точности до наоборот. Что левый край на плане – это западный край колокольни. Что выступы на плане – это притвор и трапезная (данные выступы хорошо видны на фотоснимке церкви в книге Голубева, изд. 5–01). И тогда получается, что часовня находилась с южной, а точнее с юго-восточной стороны от трапезной храма. Это подтверждают и слова о часовне в страхово-вой ведомости: «находится от церкви на восточной стороне».

В указанном архивном деле оказались чертежи двух часовен: с полукруглой и шатровой крышами. Под обоими чертежами стояла подпись архитектора. Под первым чертежом подпись неразборчива, а под вторым угадывается фамилия Тропаревского. По всей видимости, события развивались следующим образом. 6 сентября в Строительное отделение поступил чертеж часовни с полукруглой крышей (ее автор, увы, остался неизвестен). Этот проект не устроил комиссию, как «составленный неудовлетворительно». И было поручено архитектору Тропаревскому «пересоставить» проект часовни. Тот, вероятнее всего, взял готовый чертеж какой-то часовни (за несколько дней невозможно было разработать совершенно новый проект). Он то и был утвержден Строительным отделением.

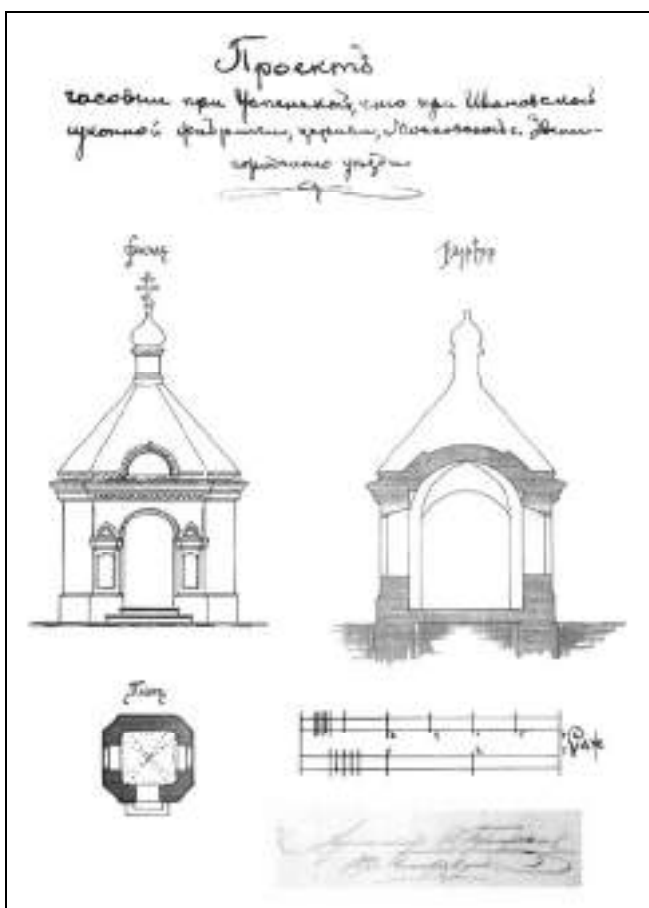
В архиве ЦГАМ оказалось еще одно дело на ту же тему. Из него следует, что после получения из Строительного отделения утвержденного проекта 27 сентября 1893 г. состоялось заседание

Изо 5–16. План местности с храмом и часовней, 1893.

Изо 5-17. Фасад первой часовни (отклонен), 1893.

Изо 5-18. Проект второй часовни (утвержден), 1893.

консистории. Т.к. ни от кого возражений не последовало, было вынесено положительное решение с выдачей разрешения на строительство: «разрешить старосте названной церкви *Сергею Максиму Попову* на иждивение конторы фабрики построить каменную часовню для выноса усопших с тем, чтобы работы были произведены во всем согласно с утвержденным Строительным Отделением проектом, с соблюдением надлежащих правил, под надзором техника, имеющего на то законное право, и наблюдением местных: благочинного, причта и старосты церковного Успенской церкви. Часовню сию показывать по клировым ведомостям при названной церкви, причту и старосте коей на основании указа Святейшаго Синода, от 13 июня 1836 года, не дозволять при оной ставить кружки для сбора добровольных пожертвований»⁶⁹.

4 октября был послан соответствующий указ местному благочинному. Таким образом, вся процедура получения разрешения на строительство часовни заняла чуть более двух месяцев. Как развивались события дальше? К сожалению, не найдено ни одного документа, в котором бы говорилось о том, когда и в какие сроки были осуществлены строительные работы. С одной стороны, сооружение такого небольшого здания из кирпича не должно было занять много времени. Но, с другой стороны, разрешение было получено ближе к середине осени, и вряд ли под зиму начали бы стройку. Никакого резона спешить не было. Так что, скорее всего, строительство было осуществлено в следующем 1894 г.

Архитектор Сергей Константинович Тропаревский

Хотелось бы немного рассказать об архитекторе Тропаревском, чья подпись стоит под проектом часовни. В архивном деле указана лишь одна фамилия без имени и отчества. В результате поиска в интернете был обнаружен материал, после прочтения которого практически нет сомнений, что именно этот человек был причастен к появлению часовни в Ивановском.

В наших краях в с. Александрово служил священник Александр Александрович Тропаревский. Исследователь А. Н. Инюкин предоставил такую информацию: «Архитектор Сергей Константинович Тропаревский и отец указанного священника Александра Александровича Тропаревского

двоюродные братья. А дед Александра Александровича Тропаревского – Николай Васильевич Тропаревский начинал свою карьеру в селе Никулино Звенигородского уезда».

Тот же исследователь подсказал о публикации в епархиальном журнале 1892 г., в которой рассказано об истории появления нового храма в дер. Соснино Подольского уезда. Оказалось, что за несколько лет до этого в местную Успенскую церковь был назначен священник Ипполит Тропаревский. Существовавшая в деревне деревянная церковь была ветхой, прихожане решили построить новый каменный храм. Брат священника С. К. Тропаревский *«безвозмездно составил»* проект нового Божьего дома. Архитектор также заявил, что и *«всю постройку он будет вести безвозмездно»*⁷⁰, т.е. бесплатно. А когда у прихода закончились деньги на строительство, то Сергей Константинович нашел благотворителей, согласившихся помочь в сооружении храма в Соснино. Кроме того, он пожертвовал часть своих денег на благое дело. В итоге новая трехпрестольная церковь была построена. Вот каким достойный человеком оказался архитектор.

Справка. Сергей Константинович Тропаревский *«родился в 1856 году в Москве в семье потомственного священника. Поскольку в роду Тропаревских было множество выпускников Вифанской Духовной семинарии, служивших впоследствии в храмах Московской губернии, то родные ожидали, что и Сергей пойдет по духовной стезе. Но он выбрал путь архитектора, поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. В 1879 году блестяще его закончил со званием неклассного художественного архитектора и был определен в строительное отделение Московского губернского управления. Через год женился. Это был очень удачный брак во всех отношениях. Анна Андреевна Самгина была не только умна и хороша собой, но и происходила из очень богатой и влиятельной семьи. Ее отец Андрей Дмитриевич Самгин был владельцем знаменитого на всю Россию колокольно-литейного завода и почетным гражданином Москвы. Благодаря семейным связям и несомненному таланту, архитектурная карьера Тропаревского складывалась удачно. [...] В основном он проектировал и строил церкви, часовни, колокольни, трапезные. За свои работы в области церковной архитектуры Тропаревский был даже удостоен награды от Московской Духовной Консистории. Так что церковное дело рода он все-таки продолжил, правда, в несколько иной плоскости»*⁷¹.

О работах С. К. Тропаревского есть такие сведения в интернете: *«По проекту Сергея Тропаревского в Москве были построены доходные дома по улице Макаренко, дом 4 (1904 год) и дом 6 (1894 год), произведена перестройка часовни Берлюковской пустыни у Каменного моста (1890 год, не сохранилась). Работы Тропаревского в Подольском уезде Московской губернии: расширение Воздвиженской церкви в Фроло-Лаврской общине село Лукино (1882 год), придел церкви Сергия село Хотминки (1886 год), церковь в селе Соснино (1886 год), колокольня и расширение церкви в селе Сергиевское-Берёзки (1893 год); в Московском уезде-колокольня и расширение трапезной церкви села Стребукова (1893 год)»*⁷².

В публикациях о С. К. Тропаревском написано, что о его судьбе ничего неизвестно, где и когда скончался, данных нет. Так и не удалось найти фото архитектора¹.

Судьба первой часовни

О часовне для отпевания покойников писали в дореволюционных документах. В клировой ведомости Успенского храма за 1916 г. написано: *«Каменная часовня, крыта железом, построена для выноса покойников из фабричной больницы»*⁷³. А в страховой ведомости информации такая: *«Близ церкви находится каменная оштукатуренная снаружи и внутри часовня, восьмигранная; длиною и шириною 2 с. и ¼ ари., вышиною 1 ½ саж., находится от церкви на восточной стороне в 7 сажень. Оценена в 300 руб. (триста руб.)»*⁷⁴.

В архиве ЦГАМО обнаружены два дела советского периода времени, в которых упоминается часовня.

В первом деле имеется протокол заседания комитета *«Крестьянской взаимопомощи»* Ивановского сельсовета, датированный 12 декабря 1927 г. Обсуждался вопрос: где хранить собранный урожай? Постановили: пусть *«овес убирают в часовню или в пожарный сарай»*⁷⁵.

Как отмечено во втором деле, 27 декабря 1929 г. президиум Воскресенского райсовета рассматривал *«Ходатайство Ивано-Октябрьского сельсовета о сносе деревянной часовни в селении»*. В резолютивной части записано: *«Имея ввиду, что в селении Ивановском церковь согласно постановления*

¹ Поиски портрета С. К. Тропаревского, как и фотографии другого архитектора В. О. Грудзина, оказались безуспешными. Обращение в архитектурные музеи не принесло результата. Обидно. Хотелось читателям показать портреты людей, которые творили на Ивановской фабрике.

Президиума Окрисполкома закрыта и что находящаяся в селении часовня ни какой исторической ценности не представляет, разрешить сельсовету часовню снести и материал использовать для пристройки к красной чайни и читальни»⁷⁶.

Что на это сказать? Во-первых, никакой «деревянной часовни» в деревне Ивановской никогда не было, обе часовенные постройки были кирпичные. Ну, а во-вторых, несмотря на вынесенное решение, часовню (в отличие от Успенской церкви) не стали разбирать. Она простояла еще несколько десятилетий и служила людям, пусть и не по назначению.

На приведенном в предыдущей главе космоснимке 1980 г., на котором видно здание Октябрьской школы и стадион (изо 4–13), можно заметить какое-то светлое пятно в том месте, где примерно должна была находиться часовня. Такой светлый отблеск в яркий солнечный день могла дать железная крыша или куполок на ней. А темное пятно левее и выше – это, возможно, тень от самой часовни.

Изо 5–19. Снимок Октябрьской школы из космоса, 1980.

Десять лет назад, когда начинался сбор информации об утраченных храмах и часовнях, состоялась встреча в Ивановском со старожилами, некоторые из них учились в Октябрьской школе. Людей спрашивали и о часовне (тексты бесед выложены на сайте УБД⁷⁷). Вот что люди рассказали (некоторых рассказчиков уже нет в живых).

Зоя Сергеевна Наумова (1930 года рождения) запомнила круглую кирпичную часовню у школы. Сказала, что разрушили ее примерно тогда же, когда и школу. Старожил из дер. Петровская Анна Федоровна Субботина (урожд. Минаева, 1917 г.р.) рассказала, что училась в школе в Ивановском и помнит часовню у школы. Это место все называли «*паперка*». Часовню припомнил и Владимир Сергеевич Масин. Бывший учитель математики Евгения Ивановна Сергеева переехала в Ивановское в 1966 г. и преподавала в Октябрьской школе до ее закрытия. По ее описаниям часовня была шестигранная.

Бывший учитель и директор школы в Манихино Александр Павлович Сметанкин рассказал, что часовня находилась рядом со зданием школы метрах в 3–4 от него. Ветеран вспомнил, что в ней иногда проводились школьные занятия. А во время войны и после нее в часовне жила техничка-уборщица школы Тамара Федоровна. Сметанкину запомнились небольшие закругленные окна с решетками. А на крыше был, как он сказал, «*купол*». И добавил, что вход в часовню был напротив входа в школу, почти что дверь в дверь.

В одном из сохранившихся кирпичных зданий фабрики (в бывшем доме Сырейщиковых-Кручинных, II) живет Галина Павловна Михасева (1947 г.р.), некоторые ее воспоминания уже приводились в третьей главе. Рассказала старожил и о часовне. Оказывается, что она вместе со своей мамой жила в этой часовне, пока не окончила школу в 1964 г. А до них там жила многодетная семья. По словам Галины Павловны, часовня была в основании в виде шестигранника с остроконечной железной крышей, от нее до стены школы было около двух метров.

На интернет-сайте «Одноклассники» откликнулись несколько бывших учеников Октябрьской школы. Наталья Мазова (Стебулянина) из дер. Павловская рассказала, что окончила школу в 1970 г. По ее словам часовню возле школы снесли в 1968–1969 годах, так как она начала разрушаться. А до этого в ней хранили школьный сельхозинвентарь. К середине 1960-х годов на наружных стенах бывшей часовни еще сохранялось подобие декора, отдельные кирпичи как бы повторяли некий орнамент. Углы многогранника тоже имели небольшие выступы. Кое-где на стенах были видны следы новой кладки (возможно, заделывали дыры). Дверь в часовне была одинарная (не двухстворчатая). Стены снаружи оштукатурены и окрашены в бледно-голубой цвет, но местами виднелись красные кирпичи. Внутри был земляной пол (или засыпано землей другое покрытие пола).

Хотелось бы подвести итог приведенным рассказам старожилов. Кто-то мог заметить расхождение в деталях. Например, у одного указано расстояние от часовни до школы 2 метра, у другого 3–4.

Нет единого мнения и о дате разрушения здания часовни: то ли в конце 1960-х годов, то ли когда разбирали школу, т.е. в 1980-х (приведенный космоснимок скорее подтверждает вторую дату). Одна женщина сказала, что часовня была круглая, два других человека описали ее как шестигранную, тогда как по проекту она должна была иметь восемь граней.

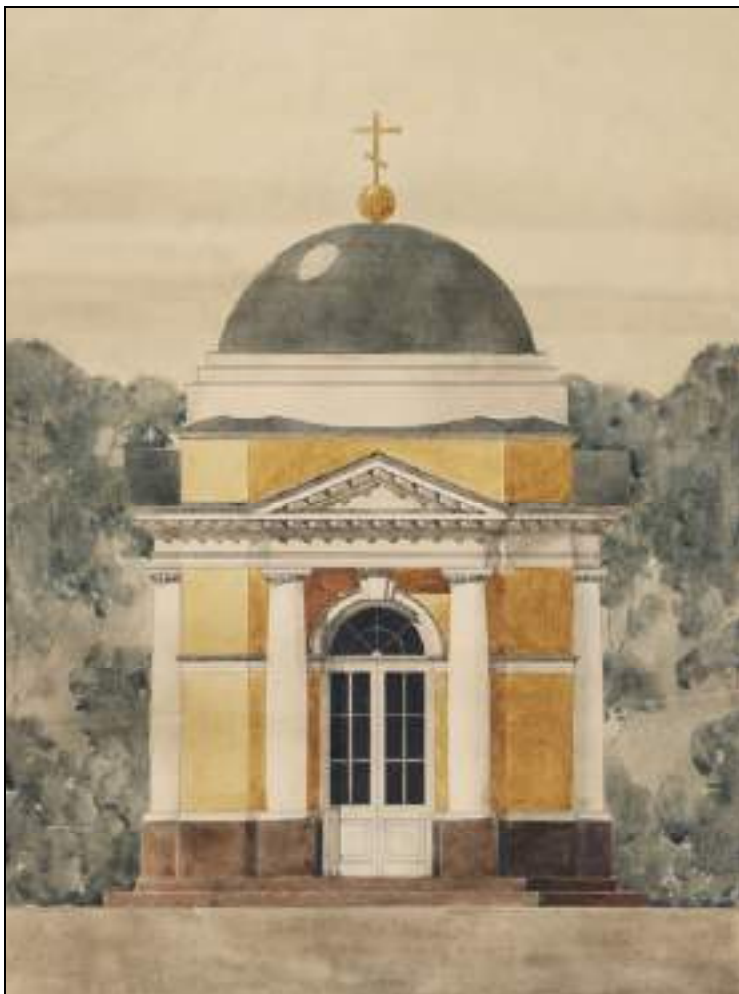
Что на это все сказать? Человеческая память, увы, не надежна, детали событий со временем забываются. Однако главное в памяти остается. Все опрошенные люди подтвердили, что часовенное здание было, и находилось рядом со школой. Что бывшую часовню приспособили для бытовых целей. В послевоенные годы в стране было туго с жильем, и потому в ней жили люди. Судя по чертежу, внешние габариты часовни превышали 2 сажени (более 4 метров). А внутренний размер каждой стены можно считать примерно от 3 до 3,5 метров. Получается помещение от 10 до 12 квадратных метров. Тесновато конечно. Но несколько человек жить вполне могли.

Хотелось бы еще добавить, что, вероятнее всего, часовня была все же восьмигранной, как показано на проекте. Ну а старожилы спустя десятилетия могли уже подзабыть точное число граней: 6 или 8. Все сомнения мог бы снять фотоснимок часовни. Но, увы, несмотря на предпринятые усилия, такой обнаружить не удалось.

Специалист по церковной архитектуре А. В. Бокарев, глядя на проект, подписанный Тропаревским, сказал, что в Московской области сохранились несколько часовен похожей архитектуры (шатровых восьмиугольных со срезанными углами). И указал места, где они находятся: Загорье Истринского района, Красное Орехово-Зуевского района, Дракино Серпуховского района, Крюково Чеховского района. Из них наиболее похожей по архитектуре оказалась часовня в д. Крюково⁷⁸. И год ее постройки оказался близкий – 1892.

1917: Юбилейная часовня

1917 году исполнился ровно век, как была построена на реке Истре плотина и мельница с

Изо 5–20. Проект фасада юбилейной часовни на Ивановской фабрике⁷⁹, 1916, (ГНИМА).

сукновальным амбаром. В воспоминаниях А. М. Шуберт написано, как решили отметить юбилей: «Осенью 1917 г. исполнилось 100-летие со дня основания Ивановской фабрики Григорием Михайловичем Цуриковым — дедом Сергея Максимовича. В память этого Сергей Максимович воздвиг на дворе фабрики часовню по чертежу архитектора Веснина. Но никакого празднования этого события на фабрике уже не получилось. Уже надвигалась революция. В октябре 1918 г. эта часовня была рабочими поспешно разрушена»⁸⁰.

К сожалению, в архивах не удалось найти дело о построении юбилейной часовни на фабрике. Да и вообще информации о ней очень мало. В воспоминаниях Шуберт упоминается лишь фамилия автора проекта часовни (Веснин), а инициалы архитектора не указаны. Нет этой информации и в других источниках. Как известно, было три брата-архитектора с одной фамилией Веснин: Леонид, Виктор и Александр. В музее архитектуры им. А. В. Щусева (ГНИМА) оказался рисунок этой часовни, в аннотации к которому написано: «В. Веснин». Это позволило определить автора проекта часовни – Виктор Александрович Веснин.

Архитектор Виктор Александрович Веснин

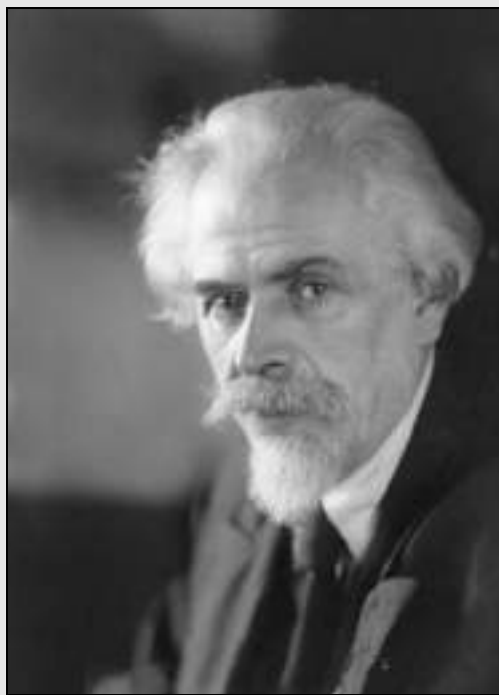
Хотелось бы немного рассказать об авторе проекта часовни В. А. Веснине. Наряду со своими братьями он был известным архитектором, о нем вышло довольно много публикаций.

Справка. Виктор Александрович Веснин родился 28 марта 1882 года в небольшом волжском городке Юрьево. Он был средним из трех братьев (старшего звали Леонидом, младшего Александром). С раннего возраста родители поощряли интерес сыновей к изобразительному искусству, который перерос позднее в увлечение архитектурой. Во время Первой мировой войны братьев Леонида и Александра призвали в действующую армию, а Виктор остался в тылу – он имел бронь в виду строительства оборонного завода. Получается, что мог спроектировать юбилейную часовню, а у братьев такой возможности не было.

В справочном издании приведен такой материал о работе В. А. Веснина в советские годы:

«Работая в 1923—1932 годах в тесном творческом контакте со своими братьями, В. А. Веснин выполняет в этот период и ряд самостоятельных проектов. Среди них наиболее интересны осуществленные сооружения — Институт минерального сырья в Москве (1925—1928), Сельско-хозяйственный банк в Иваново-Вознесенске (1926—1927), Днепрогэс (1929—1930, соавторы Н. Я. Колли, Г. М. Орлов и С. Г. Андриевский). [...] В 1930—1940-е годы В. А. Веснин играл крупнейшую роль в создании Союза советских архитекторов и в развитии архитектурной науки. В этот период в полной мере проявился его талант как крупного общественного и государственного деятеля. Он был председателем Оргкомитета (с 1932 г.), а затем ответственным секретарем Союза советских архитекторов (1937—1949). В качестве организатора и первого президента (1939—1949) Всесоюзной Академии архитектуры он последовательно и настойчиво стремился к повышению значения архитектурной науки и связи ее с практикой»⁸¹.

В 1915 году Виктор Веснин женился на актрисе Наталье Михайловне Багриновской. Архитектор скончался 17 сентября 1950 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Изо 5–21. В. А. Веснин.

Теперь поговорим о том месте на Ивановской фабрике, где стояла памятная часовня. К сожалению, фотографии этой часовни нет. Более того, ни один из опрошенных старожилов в деревне Ивановской не то что не смог ответить на вопрос о ее расположении, но даже и не знал, что такая постройка когда-то существовала на фабрике. И все же кое-какие соображения на сей счет имеются.

Для начала следует привести цитату из книги, посвященной архитекторам братьям Весниным: «1916 год [...] Мемориальная часовня в память столетия Поповской мануфактуры в с. Красновидово под Москвой. Построена»⁸². Почему указана не Ивановская фабрика, а село Красновидово, находившееся в одной версте, осталось непонятно. Да, там была усадьба, как бы теперь сказали, дача владельца фабрики С. М. Попова. Неужели где-то на территории усадьбы была поставлена часовня? Это представляется маловероятным, противоречило бы самой идее ее установки – в память векового юбилея суконной фабрики.

На самом деле подсказка имеется в приведенной цитате Шуберт: «Сергей Максимович воздвиг на дворе фабрики часовню». На фабричной территории имелось несколько дворов. Но парадным, пожалуй, можно было назвать только один – тот, который был расположен напротив въезда на территорию, где был расположен фонтан, где находился трехэтажный аппаратный корпус с гербом на фронте (изо 3–16). Примерно такой вид печатался на обложке ежегодных отчетов о «вспомогательных учреждениях» Ивановской фабрики (изо 2–06). Поэтому было бы логично, что где-то на этом дворе и была поставлена юбилейная часовня. Свободное место было, в центре двора она очень неплохо смотрелась бы.

Как почти нет сведений о постройке юбилейной часовни, так и об ее уничтожении информации тоже нет. В воспоминаниях А. М. Шуберт написано, что она была разрушена в 1918 г. Но, возможно, это случилось немного позже, после того как суконная фабрика была национализирована.

Церковный хор и композитор Павел Григорьевич Чесноков

Павел Григорьевич Цуриков любил церковное пение. И не просто любил, но и стремился к тому, чтобы пение во время богослужений было красивым, стройным. Вскоре после освящения в 1868 г. Успенской церкви при Ивановской фабрике в ней был организован хор, приглашен регент П. Г. Чесноков для управления им. Ему довольно быстро удалось добиться настолько хорошего пения, что хор фабричной церкви стал даже по особым случаям выезжать на службы в другие храмы. Это нашло свое отражение в нескольких публикациях в епархиальном журнале.

Хор Успенской церкви

В 1870 г. была напечатана заметка по случаю торжественного освящения двух приделов в храме с. Аксиньино Звенигородского уезда, постройке которых помогал П. Г. Цуриков: *«новосооруженный храм огласился стройным пением отлично организованного, собственно г. Цурикова, хора певчих, прибывших из села Ивановскаго, места жительства г. Цурикова»*⁸³.

В следующем году в том же епархиальном журнале вышла еще одна статья, на сей раз по случаю крестного хода и богослужения в селе Павловское (Павловская Слобода) Звенигородского уезда: *«Литургия была совершена местным благочинным, священником с. Ивановскаго И. Н. Волхонским, в сослужении Саввинскаго иеромонаха и семи священников. Редко бывавший собор священников, отчетливый и полновзвучный речитатив диакона, тоже из с. Ивановскаго, и обязательно отпущенный по просьбе Павловцев, коммерции советником П. Г. Цуриковым, хор собственных его певчих, сделали богослужение особенно благолепным»*⁸⁴.

Естественно, что отпевание в 1878 г. П. Г. Цурикова в Ивановском произошло при участии местного хора: *«Певчие пели из фабричных и пели очень хорошо и безошибочно»*⁸⁵.

Церковный хор в Успенской церкви существовал и в последующие годы, когда Ивановская фабрика принадлежала Анне Сергеевне Цуриковой, потом Сергею Максимовичу Попову. Об этом написано в книге священника Голубева: *«Заведенный порядок г. Цуриковым благодаря гг. Поповым, родственникам покойнаго храмоздателя Цурикова, кои владеют, в настоящее время фабрикой, соблюдается и до сих пор. Хор для пения в Храме Божиим, устроенный Цуриковым, существует и до сих пор, благодаря гг. Поповым, кои ежегодно уделяют из своих средств значительное количество на поддержание церковнаго благолепия. А до гг. Поповых после смерти храмоздателя П. Г. Цурикова заведенный порядок им поддерживала его благочестивая супруга Анна Сергеевна»*⁸⁶. Эти слова подтверждают воспоминания А. М. Шуберт, в которых написано, что С. М. Попов поддерживал в фабричном храме его хор, *«хорошо исполнявший сложные концертные номера»*⁸⁷.

Хор упомянут и в книге другого родственника П. С. Попова: *«К хозяевам Ивановской фабрики и в [18]80-х годах, и впоследствии на праздники приходили многочисленные визитеры: с утра — местное духовенство, после — причт Лужецкой и Троицкой церквей, затем являлся фабричный церковный хор, а потом приходили поздравлять все мастера фабрики»*⁸⁸.

Церковный хор при Успенской церкви просуществовал 46 лет, немного не дотянув до полувекового юбилея. По каким-то причинам еще до революции, а именно в 1914–1915 годах, как написано в отчете *«вспомогательных учреждений»*, он был *«уничтожен»*⁸⁹.

Известные люди, связанные с Ивановской фабрикой

С деревней Ивановской и ее суконной фабрикой оказались связаны судьбы нескольких известных людей. Их было немного, но они были. Если говорить о Московской губернии, то в ее границах в середине XIX столетия, среди самых известных личностей без сомнения был Павел Григорьевич Цуриков. Другого хозяина фабрики Сергея Максимовича Попова также многие знали, может и не так широко. По части известности (как бы теперь сказали – популярности), с этими людьми мог бы поспорить церковный композитор Павел Григорьевич Чесноков. Думается, не будет преувеличением сказать, что его имя еще при жизни знал каждый любитель церковного пения в России. П. Г. Чесноков написал основополагающий труд, ставший учебником для последующих поколений – книгу *«Хор и управление им»*. Еще одна известная фамилия в России – Финляндских – также оказалась связана с Ивановской фабрикой (о них пойдет речь в последней главе).

Слава, известность – вещи очень переменчивые. Сегодня человека все знают. А пройдут годы, десятилетия после его кончины, и о нем мало кто будет вспоминать. Такова жизнь, так происходит со многими людьми. Увы, нечто подобное произошло и с благотворителями П. Г. Цуриковым и С. М.

Поповым. Сегодня о них, увы, знают очень немногие жители Истринского района, а за пределами Московской области о таких и вовсе говорить не приходится. А вот ситуация с П. Г. Чесноковым, к счастью, совершенно иная. Музыкальные произведения этого композитора регулярно переиздаются, исполняются в наши дни в концертных залах и храмах. О нем пишут современники, библиография насчитывает ни один десяток публикаций (правда, монографии еще не написано). Но практически во всех опубликованных материалах говорится только о профессиональной деятельности и творчестве композитора, его музыкальных произведениях. А вот о происхождении Павла Григорьевича Чеснокова (1877 – † 1944), его родственниках и семье информация крайне скудная. В связи с этим особая благодарность музыковеду Алексею Александровичу Наумову, который написал несколько статей о П. Г. Чеснокове и поделился некоторыми прежде не публиковавшимися сведениями о его личной жизни.

1887: Рождение Павла

Будущий композитор родился на Ивановской суконной фабрике в семье регента церковного хора Григория Петровича Чеснокова. В метрической книге Успенской церкви за 1877 г. обнаружена запись о рождении Павла 12 октября и его крещении 14-го. В графе родителей записано: «Серпуховского уезда Семеновской волости села Талижи государственныйⁱ крестьянин Григорий Петров и законная жена его Марфа Феодорова, оба православного исповедания»⁹⁰.

Это цитата из так называемого «храмового» экземпляра метрической книги. А в «консistorском» экземпляре почему-то проставлен прочерк в графе рождения, а в графе крещения указано 12-е числоⁱⁱ. Правильной следует считать дату рождения будущего композитора 12 октября 1877 г. (24 октября по новому стилю) – так написано в официальных изданиях, энциклопедиях.

Восприемниками при крещении были записаны врач Ивановской фабрики Михаил Михайлович Цветаев и старшая сестра новорожденного Пелагея. Каким образом доктор оказался крестным отцом мальчика? Объяснение простое. В предыдущей главе приводилась цитата, в которой говорилось, что в мезонине больничного здания находилась «квартира регента». Стало быть, они (П. Г. Чесноков и М. М. Цветаев) часто виделись и, надо полагать, дружили.

Изо 5–22. Запись в метрической книге о рождении Павла Чеснокова⁹¹, 1877.

ⁱ Это не совсем правильная запись, т.к. на год рождения мальчика крестьяне в России не были уже ни государственными, ни господскими, ибо крепостное право было отменено еще в 1861 г.

ⁱⁱ Схожая путаница с датами рождения в 1812 г. в разных экземплярах метрических книг возникла также и у П. Г. Цурикова (см. в шестой главе изо 6–02, 6–03).

1868–1888?: Регент Успенской церкви Григорий Петрович Чесноков

О происхождении отца композитора Григория Петровича Чеснокова (? – † 1896) ни в одной публикации ничего не говорится за исключением упоминания, что он был государственным крестьянином из Серпуховского уезда Московской губернии. Оставалось загадкой: каким образом крестьянин оказался во главе церковного хора, где он научился музыкальному мастерству? Ответ нашелся в одном из архивных дел, в котором написано, что Г. П. Чесноков образование получил «в синодальном хору»⁹². Можно предположить, что у него был хороший голос и слух, коль скоро он оказался в таком престижном музыкальном коллективе. Кстати, в том же хоре потом пел и его сын Павел.

Имя супруги Григория Петровича упомянуто в записи о рождении сына Павла – Марфа Федоровна. Больше о ней никаких данных нет. Где и когда поженились Чесноковы – осталось тайной. Надо полагать, это случилось еще до переезда в Ивановское. Первые дети в семье появились на свет в 1866 г. (дочь Пелагея) и в 1867 (сын Алексей), место их рождения неизвестно.

На суконной фабрике Г. П. Чесноков оказался, надо полагать, в конце 1868 г. – с момента освящения фабричного храма, или вскоре после этого. В пользу такого предположения свидетельствует запись в метрической книге Успенской церкви. Согласно ей в августе 1869 г. у регента родился сын Александр (по всей видимости, этот мальчик прожил недолго). В других церковных книгах того же храма были найдены записи о рождении и крещении детей в Ивановском в последующие годы: Николая (1872), Михаила (1875), еще одного Александра (1880), Владимира (1882), Анны (1887). У Чесноковых рождались и другие дети. О потомстве регента поговорим позднее.

Григорий Петрович своих детей с младенческих лет привлекал к пению в церковном хоре, развивал их голос и музыкальные способности. Интересно отметить, что в одном из архивных дел⁹³, датированном 1882–1883 годами, написано, что Михаил и Яков Чесноковы (дети регента) отучились в фабричной школе всего один год, а потом поступили в Чудовский¹ хор в Москве.

Сведений о работе регента Г. П. Чеснокова в Ивановском немного. В одном из архивных дел сообщается о его годовой зарплате в 1880 г.: 680 руб.⁹⁴. Неплохие деньги по тем временам.

В 1876 г. владелец фабрики П. Г. Цуриков ввел в фабричном училище дополнительные уроки пения для всех учеников, занятия за отдельную плату проводил регент церковного хора. Как написано в отчете за 1882–1883 учебный год: «*Пению обучают по цифирной методе с голосу. [...] Дети поют в школе; редко раза три в год поют всем составом в церкви; некоторые из бывших поют в церковн. хору*»⁹⁵. Фамилия преподавателя пения в документе не указана, им был Г. П. Чесноков. По договоренности с попечителем училища регент каждую неделю для школьников проводил по два двухчасовых урока, за каждый из них получал по одному рублю⁹⁶. За год выходило примерно 80 руб. Дополнительный заработок Григорию Петровичу был очень кстати, ведь его семья была многодетной.

Судя по записям о рождении детей в метрических книгах Успенской церкви, Григорий Петрович проработал на Ивановской фабрике около двух десятков лет. По информации А. А. Наумова в конце 1880-х годов регент с семьей переехал в Клинский уезд Московской губернии на станцию Подсолнечная Николаевской железной дороги (ныне город Солнечногорск). Там Григорий Петрович стал работать в конторе бумаготкацкой фабрики Товарищества мануфактур К. Прохорова. В это время Павел уже жил в Москве в общежитии и занимался в училище при Синодальном хоре вместе с братом Александром. Ребята находились полностью на казенном содержании.

Далее разговор пойдет в основном о Павле. Но прежде хотелось бы поговорить о хоре Успенской церкви. После ухода Г. П. Чеснокова место регента стало вакантным, кто его занял – нигде не сказано. Однако музыкальная жизнь в Ивановском от этого не остановилась. Как написано в книге «Суконщики Поповы»: «*С 1898 г. на фабрике имелись любительские оркестры рабочих, сначала духовой, а затем струнный, под руководством фэготиста Большого театра И.Р. Порубиновского. Последний также руководил хором местной церкви на праздничных богослужениях*»⁹⁷.

Но это в праздники, а как обстояло дело в будни? По документам выходит, что церковным хором стали управлять клирики Успенского храма. В конце 1890-х годов и в 1910 этим делом занимался псаломщик Павел Любимов. В 1902–1907 годах «*руководителем местного церковного хо-*

¹ В Москве было два детских хора для способных к пению ребят: «*Архиерейский хор кафедрального Чудова монастыря*» и «*Синодальный хор*». Обучение в них было бесплатное. Поэтому бедные родители старались определить туда своих детей, если у них был хороший голос и слух.

ра»⁹⁸ был местный дьякон Александр Александрович Малышев. Можно сказать, что указанные служители исполняли обязанности регента хора по совместительству. А отдельного регента, каким был Г. П. Чесноков, после его ухода в Успенской церкви больше не было.

Учеба Павла в Синодальном училище, консерватории

В 1886 г. сын регента Павел поступил в Синодальный хор и училище при нем. На много лет его жизнь оказалась связана с этим музыкальным учебным коллективом. Здесь он учился, потом стал работать. Об этом хоре и училище есть интересные сведения в статье Л. Л. Кравца:

«1 сентября было началом учебного года и одновременно началом церковного года. В это утро в большом зале училища служился молебен, на котором присутствовал весь педагогический состав, а также прокурор Синодальной канцелярии. С этого дня начиналась обычная жизнь “синодалов”, в которой учеба неразрывно переплеталась со службами в Успенском соборе [в Московском Кремле]. В распорядке училища были ежедневные утренние и вечерние молитвы, молитвы перед началом и после каждого урока, а также — в столовой. [...] Исповедовались и причащались “синодалы” на первой и последней неделе Великого Поста в кремлевском храме Николы Гостунского, что в колокольне Ивана Великого. В дни причастия литургию служили специально для “синодалов”, и пел за ней ученический хор без взрослых певчих.

День в училище начинался в 7 часов утра. Молитва, завтрак, полчаса игры на рояле, полчаса на скрипке, подготовка уроков. В 10 часов спевка Синодального хора, которая оканчивалась полпервого, и в час дня подавался обед. После обеда до двух отдых, потом уроки по научным предметам, отдых и занятия музыкой по расписанию. С полседьмого до восьми подготовка к завтрашним научным урокам по курсу средней школы с изучением латыни и греческого. Полдевятого ужин, вечерняя молитва и сон. Некоторым старшим разрешалось бодрствовать и после молитвы, но не позже десяти часов»⁹⁹.

В той же статье написано, что Синодальный хор и училище бедствовали. *«Средства, отпускавшиеся Синодом на содержание малолетних певчих, были просто нищенскими. Хор дополнял их, нанимаясь петь по Московским церквам на целые годы, равно на отдельные службы».* В 1889 г. в Синодальное училище был назначен новый директор Степан Васильевич Смоленский. С его появлением в старейшем учебном заведении начались перемены к лучшему. А до этого даже лучшие ученики не знали таблицу умножения.

Девять лет будущий композитор учился в Синодальном училище. *«Из программ известно, что Павел Чесноков постоянно (каждый месяц по два раза) выступал, исполняя соло и дуэтом произведения на фортепиано и скрипке. Александр и Павел Чесноковы имели большой успех в этих ученических концертах. Более того, Павел считался первым скрипачом в Синодальном училище».*

В 1895 г. П. Г. Чесноков блестяще окончил училище с занесением своей фамилии на “Золотую доску”, что было эквивалентно получению золотой медали. Еще учась в Синодальном училище, Павел пробовал сочинять музыку. С. В. Смоленский разглядел юный талант, всячески старался его поддерживать. Директор ставил Павла выше других своих подопечных. И в тоже время опытный наставник критиковал ученика за его ошибки.

Вскоре фамилия Чеснокова стала известна любителям музыки. 20 декабря 1897 г. в “Московском листке” была напечатана заметка, которая, по мнению современных авторов, была первым отзывом о концертном исполнении сочинений двадцатилетнего Павла: *«В четверг состоялся в Синодальном училище церковного пения духовный концерт. [...] Синодальный хор исполнил “Херувимскую” в полным совершенстве. Из остальных номеров программы отметим сочинения гг. Чеснокова и Кастальского. Г. Чесноков – талантливый юноша, блестяще окончивший курс в Синодальном училище. Обе его вещи: “Херувимская песнь” и “Достойно есть” – обнаруживают и композиторские способности, и знание, и желательное национальное направление»¹⁰⁰.*

С. В. Смоленский пригласил талантливого выпускника работать в Синодальное училище после его окончания. Тот принял приглашение и переехал из «скудной» Подсолнечной в Москву. В той же статье Л. Л. Кравца приведены воспоминания самого П. Г. Чеснокова: *«Поселился я в здании родного училища, рядом с первым моим другом Степаном Васильевичем [Смоленским]. <...> И стал я ходить в школы, и стал я заниматься с мальчуганами. Интересное занятие. 2-е Суцевское, 4-е Рогожское и свое (Синодальное училище) и еще частный урок теории, мои занятия по части преподавания: скрипка, история церковного пения».* В родном училище Павел стал преподавать сольфеджио, потом церковное

Изо 5–23. П. Г. Чесноков¹⁰¹, 1917.

ваю около 500 и светских около 100»¹⁰³ (большая их часть пришлась на дореволюционные годы). Как подсчитали современные специалисты, Чеснокову принадлежат: «7 Литургий, 4 Всенощных, 2 Панихиды и Песнопения отпевания мирян, а также многочисленные гармонизации различных роспевов (знаменного, опус 18, киевского, опус 17, греческого, опус 3 и другие), множество Херувимских, воскресных тропарей, прокимнов, богородичных, задостойников, причастных и др. Таким образом, композиторское творчество Чеснокова охватывает почти весь круг церковного богослужения».

Известно несколько фотографий П. Г. Чеснокова. Выбран снимок, когда он уже в зрелом возрасте (40 лет) и написал большинство своих самых известных произведений.

Работа Павла Григорьевича Чеснокова при советской власти

С приходом к власти большевиков композитор не стал эмигрировать из страны, остался жить в Москве: «с 1917 по 1922 год Чесноков руководил Государственным хором, 1922 по 1928 год – Московской государственной академической капеллой. В 1931 – 1933 годах он работал хормейстером Большого театра, в 1932 и 1933 годах возглавлял капеллу Московской государственной филармонии»¹⁰⁴. С осени 1920 г. Чесноков вошел в состав преподавателей Московской консерватории и оставался в этом коллективе до конца своих дней.

В первые годы советской власти развилась практика духовных концертов, которые обычно проходили в приходских храмах в свободное от служб время. В таких концертах можно было увидеть многих выдающихся «синодалов», в том числе и Чеснокова. По мнению многих он был гениальным хоровым дирижером. П. Г. Чесноков продолжал регентовать в разных московских храмах вплоть до конца 1920-х годов. Борьба в СССР с «церковщиной» набирала обороты, композиторов обязывали не распространять свои культовые сочинения, регентская деятельность стала считаться несовместимой со званием советского профессора. Но даже в эти годы музыка Чеснокова постоянно звучала на богослужениях.

В интернете найдено интересное высказывание о композиторе: «Это была незаурядная личность. Он был последним регентом Храма Христа Спасителя, бывшего Московского кафедрального Собора, взорванного в сталинское время. Когда храм был разрушен, Павел Чесноков был настолько потрясён этим, что перестал писать музыку. Он дал своеобразный обет молчания. Как композитор он умер вместе с Храмом Христа Спасителя. Великолепнейший музыкант, Павел Чесноков очень тонко чувствовал каждое слово, каждый стих, каждую молитву. И всё это отражал в музыке»¹⁰⁵.

пение. В 1902 г. стал помощником при регенте Синодального хора В. С. Орлове.

В статье А. А. Наумова о Павле Чеснокове написано: «С 1902 по 1914 год он руководил хором любителей при церкви Троицы на Грязях. Поставив серьезные задачи развития и обучения этого коллектива, Чесноков добился значительных результатов. Хор привлекал внимание стройным, чистым пением, исполнением сочинений композиторов нового направления в русской церковной музыке. Затем, в 1915/16 и 1916/17 годах Чесноков стоял во главе Русского хорового общества, приглашался в крупные города России для участия в концертах и на летние регентско-учительские курсы в Петербурге (1911–1916). [...] В 1913 году, будучи уже зрелым дирижером и композитором, Чесноков поступает в Московскую консерваторию (1913–1917), где занимается в классе свободного сочинения С. Василенко»¹⁰².

В 1917 г. П. Г. Чесноков успешно окончил курс консерватории с серебряной медалью. К этому времени он достиг пика славы: его музыкальное творчество находилось в самом расцвете. Как позже писал сам композитор: «Написал очень много хоровых сочинений и особенно духовных. Духовных я насчитываю

Главный труд жизни – книга «Хор и управление им»

Можно понять душевное состояние П. Г. Чеснокова в эти годы. Последние духовные произведения были им написаны в 1926 г. В дальнейшем он сосредоточил свое внимание, усилия на завершении главного труда своей жизни – книги о хоре, в которой делился личным профессиональным опытом. Работу над книгой начал вскоре после окончания консерватории. Причину – почему стал это делать? – Павел объяснил в письме брату Александру: *«Я сел за писание большой книги потому, что, проработав двадцать лет в области своего любимого хорового дела, понял, что в нашем искусстве нет науки, и задался смелой мыслью – создать если не науку, то хотя бы верный и прочный фундамент для нее»*. И еще слова Чеснокова: *«Бог вложил мне мысль, что я должен написать книгу»*.

Тринадцать лет в общей сложности трудился композитор над книгой, в 1930 г. работа была завершена. Чесноков представил свой труд «Хор и управление им» в издательство «Музгиз». Но получил отказ, как он сам написал: *«книга отвергнута, напечатать ее у нас в СССР мне нельзя. Причина? Аполитичность»*. Вскоре обратился в издательство вторично – и снова отказ. Никаких надежд на улучшение ситуации не было. Композитор стал уже подумывать издать труд за границей, где его фамилия была известна, исполнялись написанные им произведения.

1930-е годы были особенно трудными в жизни П. Г. Чеснокова. Один раз он даже морально подготовился к возможному аресту. Его он ожидал после того, как на Лубянке отказался от предложения написать антирелигиозные частушки. Но к счастью, ареста не случилось. А вскоре советская власть смиростивилась и разрешила напечатать книгу. В 1940 г. вышел тираж в три тысячи экземпляров¹⁰⁶. Десять лет прошло с тех пор, как был написан текст книги.

Книга «Хор и управление им» потом неоднократно переиздавалась и была переведена на иностранные языки. Как теперь пишут: *«Эта книга Чеснокова по праву стала первым базовым трудом, на основании которого выстроено здание не только современного хороведения, но и всего отечественного профессионального дирижерско-хорового образования в целом. По первоначальному замыслу книга создавалась автором как пособие для молодых малоопытных регентов и только впоследствии, при подготовке к изданию, адресат книги существенно изменился. Она была уже обращена к руководителям хора вообще. Со своей стороны подчеркнем, что книга «Хор и управление им» имеет большое значение и для труждающихся на ниве церковного пения, так как в этом труде обобщен многолетний опыт выдающегося регента — представителя школы Московского Синодального училища»*¹⁰⁷.

Изо 5–24. Обложка книги
П. Г. Чеснокова, 1940.

Последние годы жизни, кончина

После выхода книги П. Г. Чесноков прожил четыре года, это было трудное время. О том, что тогда происходило, написано в одной из статей: *«Во время Великой Отечественной войны немцы рвались к Москве, Консерватория была эвакуирована в Нальчик. Но Павел Григорьевич и на этот раз не покинул родной город. В эти тяжелые дни он старался чаще бывать в церкви и нередко управлял хором храма Апостола Филиппа на Арбате. Война, недостаток питания, холод не могли не повлиять на здоровье Павла Григорьевича, и в конце февраля 1944 года он заболел воспалением легких. Врачи решили проводить интенсивное лечение, но сердце не выдержало обилия лекарств и у Чеснокова случился инфаркт, не замеченный на фоне общего недомогания. Павел Григорьевич Чесноков отошел ко Господу 14 марта 1944 года. Отпевание проходило в храме Воскресения Словущего в Брюсовском переулке. После отпевания друзья Чеснокова – А. Александров, И. Козловский, протоиерей М. Михайлов и другие – несли гроб на своих плечах до самого здания Консерватории, в Малом зале которой состоялась гражданская панихида. Хор под управлением А. Свешикова исполнил*

Изю 5–25. Памятник Чесноковым на Ваганьковском кладбище, 2021.

любимые произведения Павла Григорьевича»¹⁰⁸.

В дополнение к сказанному можно привести информацию из интернета: «Чесноков умер в больничной палате № 5 Института Склифосовского, это неоднократно подтверждал его внук, Павел Сергеевич Новожилов, даже дубликат свидетельства о смерти публиковался»¹⁰⁹.

В цитате упомянут внук композитора П. С. Новожилов. Как сообщил А. А. Наумов, у Павла Григорьевича не было своих детей. Еще до революции (примерно в 1908 г.) он познакомился с начинающей артисткой Юлией Владиславовной Карнатовской. Та уже была без мужа с дочерью на руках, которую звали Галина. По рассказам этой женщины ее с мамой привез Павел Чесноков из Ташкента. А поженились они примерно в 1925 г. Галина Павловна вышла замуж за педагога, любителя хорового пения Сергея Новожилова. Через год у них родился сын Павел. Отец ребенка погиб в 1942 г., Галина Павловна после окончания войны вышла второй раз замуж за В. Гурьева, сына московского протоиерея. Остается еще добавить, что род Новожиловых продолжается и поныне.

Композитор П. Г. Чесноков был похоронен на Ваганьковском кладбище рядом с могилой протоиерея Виктора Гурьева. Позднее там была похоронена жена Юлия († 1962). Захоронение Чесноковых сохранилось (GPS 55.76623, 37.55071).

В завершение рассказа о композиторе хотелось бы несколько слов сказать о том, каким он был человеком. Еще в юные годы С. В. Смоленский о нем писал: «Павел Григорьевич Чесноков, мой ученик, очень даровит, но мало учился, пройдя курс Синодального училища и занимаясь потом с Ипполитовым-Ивановым. Отлично знает хор, умен, скромн, но совершенно невоспитан, почему, несмотря на всю свою добрую душу, все-таки груб и самомннен по молодости своих лет. Некоторые его хоровые вещи написаны очень живо и умно».

А вот слова, относящиеся к взрослому композитору: «Павел Григорьевич Чесноков был человеком глубокой порядочности, сохранившим до преклонных лет наивную простоту и непосредственность своей поэтической и тонко чувствующей души. Он имел настойчивый и упорный характер, неохотно отказывался от составленных ранее мнений, в суждении и высказываниях был прям; внутренне сосредоточен; в проявлении чувств сдержан и немногословен, лишь изредка обнаруживая значительную внутреннюю силу натуры; склонен к тонкому и умному юмору; во всех своих действиях всегда нетороплив, пунктуален; в обращении с людьми, как правило внимателен, корректен и сдержанно ласков, исполнен большого человеческого обаяния, верен своим дружественным чувствам. [...]

Основным принципом взаимоотношений с хором, которому он следовал всю свою жизнь, были глубокая человечность и взаимное уважение певцов и дирижера. Указания на это мы находим и в его книге «Хор и управление им». Производственная дисциплина, по его мнению, должна основываться на уважении руководителя к коллективу. Случаи резкости в обращении Чеснокова с певцами были очень редки и вызывались только серьезными, по его мнению, нарушениями творческой дисциплины. Дисциплина как внешняя, так и внутренняя на его занятиях была отличная. [...] Следует заметить, что Чесноков не требовал установления жесткой дисциплины и напряженного темпа в репетиционной работе. Умея работать не только спокойно, но и экономно, он считал репетиционной нормой хора два часа занятий в день, то есть «пение в свое удовольствие»»¹¹⁰.

Потомки регента Успенской церкви

Если у композитора Павла Григорьевича Чеснокова своих детей не было, то, как удалось установить в ходе работы над книгой, потомки по линии некоторых его братьев живы и сегодня.

В семье регента Григория Петровича Чеснокова родилось 11 детей. По данным А. А. Наумова старшая сестра Пелагея вышла замуж и стала Яникова. В статье Л. Л. Кравца приведены сведения о братьях композитора. Сергей, Николай, Михаил, Яков, Александр и Лев, как и Павел, учились в Синодальном училище и пели в хоре. По окончании обучения Николай занял место надзирателя в Мещанском учи-

лице. Михаил служил регентом в Ташкенте, там заболел туберкулезом и скончался осенью 1895 г.

Из всех братьев, помимо Павла, известность получил младший Александр, который также выбрал сочинительство музыки. По мнению С. В. Смоленского он был даже более талантлив, чем Павел. Таким образом, в семье регента выросло два композитора. Но творчество Александра в нашей стране менее известно, чем его брата Павла. Об Александре Григорьевиче Чеснокове написано несколько небольших статей. На сайте Санкт-Петербургской консерватории размещен такой материал:

«С отличием окончил Синодальное училище (1898). Окончил Консерваторию по кл. композиции у Н. А. Римского-Корсакова (1900–1905, диплом 1906). В Консерватории: преподаватель (1912), старший преподаватель (1915), профессор кл. обязательной теории (1919–1925). Был педагогом и регентом Императорской Придворной певческой капеллы. Эмигрировал в Прагу (1923), где руководил Общественным русским хором имени А. А. Архангельского. Переехал в Париж, где преподавал в Русской консерватории и читал лекции по церковному пению в Свято-Сергиевском богословском институте. Автор ряда духовно-хоровых произведений, оратории для хора, солистов и оркестра, Реквиема “Таинство смерти” (1-е исполнение в Москве во второй половине 1990-х) и ряда светских произведений»¹¹¹.

К сказанному можно еще добавить информацию из интернета о том, что Александр Григорьевич, уехав в эмиграцию, оставил в СССР жену с двумя дочерьми. Умер в 1941 г. и был похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Уже в ходе работы над текстом о регенте Чеснокове удалось выйти на его прямого потомка (пра-пра-правнучку) Елену Михайловну Солдатову. Она собирает информацию о своем роде уже четверть века, рассказала много интересного. Так ей из сохранившихся писем родственников удалось установить год смерти регента Успенской церкви – 1896. Скончался Григорий Петрович от водянки. К рассказу об Александре Григорьевиче Е. М. Солдатова добавила, что за границей он вновь женился. Во втором браке был сын, который трагически погиб.

У Елены Михайловны сохранилась фотография семьи Чесноковых, которой она любезно поделилась. На ней все выжившие дети регента. Павел второй справа, в центре сидит мать детей Марфа Федоровна. А вот насчет стоящего за ее спиной мужчины с бородой есть расхождения. Е. М. Солдатова считает, что это глава семейства. Однако А. А. Наумов полагает, что это свекор старшей дочери Пелагеи. По его мнению, Григория Петровича на фото нет, т.к. ко времени съемки его уже не было в живых.

О себе Е. М. Солдатова сообщила, что она потомок регента хора по линии его сына Сергея. Сергей Григорьевич также пошел по музыкальной стезе, стал капельмейстером (руководителем военного

Изо 5–26. Семейство Чесноковых, конец 1890-х ?,
(отретушировано, семейный архив Е. М. Солдатовой).

оркестра). В 1899 г. женился на лютеранке Эмилии Карловне Келин. Через год у них родился первенец Анатолий, потом еще два мальчика. В 1912 г. С. Г. Чесноков, проходя воинскую службу на Кавказе, трагически погиб. Вдове пришлось одной воспитывать троих сыновей.

По рассказу Елены Михайловны в советские годы Эмилия Карловна вместе с сыном Анатолием (ее прадедом) оказалась в наших краях. Анатолий Сергеевич Чесноков учился на артиллериста, в 1928 г. получил направление на 38-й артсклад, находившийся в Павловской Слободе Истринского района на территории бывшей суконной фабрики. Здесь Эмилия Карловна стала работать акушеркой в местной больнице. Об этом подробно рассказывается в недавно изданной книге краеведа А. Н. Гольцева¹¹².

Судьба артиллериста А. С. Чеснокова оказалась трагичной: в 1937 г. он был арестован по ложному доносу, обвинен в шпионском заговоре в пользу Польши и симпатиях к маршалу М. Н. Тухачевскому. По приговору был расстрелян.

Анатолий Сергеевич был женат на Анне Гавриловне, в семье родились сын Сергей, дочери Нина и Юлия. Внучкой последней и является Елена Михайловна.

Е. М. Солдатова рассказала, что род регента Успенской церкви Григория Петровича Чеснокова продолжается по линии сыновей Сергея и Алексея. Правда, среди них нет людей с фамилией предка.

* * *

Завершая рассказ о композиторе, хотелось бы несколько слов сказать о судьбах двух самых известных людей, связанных с Ивановской фабрикой – Цурикова и Чеснокова. Прежде всего, следует отметить, что годы их жизни почти не пересекались: благотворитель умер спустя несколько месяцев после рождения мальчика Паши. Но видеть новорожденного сына регента он вполне мог, исключать этого нельзя. Все-таки, отношение Цурикова к церковному хору было особенное. Вообще же в их судьбах обнаруживается немало схожего. Во-первых, это полное совпадение имени и отчества – Павел Григорьевич. Во-вторых, в метрических книгах («храмовом» и «консистерском» экземплярах) оказались разночтения с датами рождения. В-третьих, оба прожили на свете 66 лет (Чесноков на несколько месяцев больше). В-четвертых, оба были женаты, но своих детей не имели. И, наконец, в-пятых, оба еще при жизни стали известными и уважаемыми в обществе людьми. Не слишком ли много совпадений?

Церковные старосты Успенской церкви

В течение первых 47 лет (до 1915 г.) в истории фабричной церкви было всего три церковных старосты: П. Г. Цуриков, М. Е. Попов и С. М. Попов. Все они были родственниками.

Изо 5–27. Староста П. Г. Цуриков.

Изо 5–28. Староста М. Е. Попов.

Изо 5–29. Староста С. М. Попов.

1868–1878: Церковный староста Павел Григорьевич Цуриков

В 1868 г. спустя неделю после освящения Успенской церкви ее храмоздатель, владелец Ивановской фабрики Павел Григорьевич Цуриков был избран на должность церковного старосты (следует отметить, что при этом он остался старостой храма села Лужки). Вот какой «приговор» был составлен на общем сходе прихожан: *«1868-го года октября 6-го дня, Мы нижеподписавшиеся Московской Губернии Звенигородскаго Уезда Успенской, что в селе Ивановском церкви Священник Иаков Волхонский с причтом и приходскими людьми, учинили сей приговор в том что на следующее трех летие, первое в нашей Успенской показанной Церкви в Старосту церковнаго избрали оной Церкви прихожанина Храмоздателя потомственного почетнаго гражданина Воскресенскаго 1-й гильдии купца Павла Григорьева Цурикова, который совести доброй и поведения истиннаго, в чем и подписуемся»*¹¹³.

Храмоздатель согласился с решением прихожан, об этом свидетельствуют слова в конце приговора, написанные его рукой: *«Старостою быть желаю потомственный гражданин Павел Григорьев Цуриков»*. Указ об утверждении церковным старостой вышел 17 октября 1868 года¹¹⁴.

Что делал П. Г. Цуриков на этой должности? Самое главное – он построил сам Успенский храм, снабдил его всем необходимым (правда, это случилось еще до избрания на должность старосты). Храмоздатель добился того, чтобы службы в фабричной церкви происходили не только по воскресным и праздничным дням, как в подавляющем большинстве приходских храмов, но и в обычные дни: *«он исходайствовал пред Его Высок. Преосв. Митрополит. Иннокентием разрешение под дни воскресные и праздничные совершать всенощное бдение с торжественным звоном для фабричнаго населения, кроме того сам поставил за правило, чтобы в его храме 4 раза или по крайней мере 3 раза на буднях в неделю совершалась литургия»*¹¹⁵. И надо при этом отметить, что Павел Григорьевич старался не пропускать богослужения в своем храме.

Каждые последующие три года прихожане переизбирали П. Г. Цурикова вновь церковным старостой Успенского храма. На этой должности он оставался до конца своих дней.

Не забыл Павел Григорьевич про построенный храм в своем завещании. По его последней воле на нужды причта был «отписан» неприкосновенный капитал в 11.000 руб.

1878–1890?: Церковный староста Максим Ефимович Попов

Кто стал церковным старостой в Успенском храме после кончины владельца Ивановской фабрики П. Г. Цурикова, последовавшей в 1878 г.? Прямого ответа в документах не найдено¹. Но догадаться несложно. Как известно, фабрика перешла по наследству вдове Анне Сергеевне, но всеми производственными делами заведовал близкий родственник, московский купец Максим Ефимович Попов. Поэтому самое логичное предположить, что именно он стал старостой в Успенской храме (женщин в то время на эту должность не избирали). Тем более, что Максим Ефимович был старостой московского храма, ему эта должность была знакома. Догадка эта нашла подтверждение в одном из служебных документов МДК, в котором написано, что в 1884 г. старостой Успенской церкви избрали *«Максима Попова»*¹¹⁶. Думается, что не будет ошибочным предположение, что и до этого он занимал указанную должность.

О том, что конкретно делал М. Е. Попов на посту старосты Успенской церкви помимо исполнения обычных обязанностей (например, учет денег в церковной кассе) – такие сведения нигде не попадались. Можно лишь предположить, что Ивановская фабрика, как и при П. Г. Цурикове, часть текущих расходов брала на себя, например, оплачивала содержание церковного хора. Вполне вероятно, что и обеспечивала дровами тоже.

1891?–1915: Церковный староста Сергей Максимович Попов

Как уже говорилось, в 1888 г. на Ивановскую фабрику переехал сын Максима Ефимовича Сергей Максимович Попов. В его воспоминаниях есть такая строчка: *«Потом я посещал наш прекрасный храм, где я был избран старостой вместо папашки»*¹¹⁷. О времени избрания нового хозяина Ивановской фабрики церковным старостой прямых свидетельств нет. Но есть документ, который позволяет ответить на этот вопрос. В архивном деле 1912 г. написано о назначении на должность церковного старосты Успенской церкви *«кандидата прав Сергея Максимовича Попова на 8-е трехлетие»*¹¹⁸. Отсюда простым арифметическим действием получается, что на первое трехлетие С. М. Попов был избран

¹ Следует отметить, что в церковных документах нечасто писали о старостах храмов. Поэтому сведения об этих служителях отрывочные, с большими лакунами (провалами) во времени.

в 1891 г. По другим подсчетам, срок полномочий его отца на указанной должности истекал в 1890 г.

В одной из описей фонда МДК оказалось дело с заголовком: «О награждении церковного старосты Попова при Ивановской суконной фабрики, 1904–1906». Увы, само дело в советские годы было утрачено. Поэтому так и не удалось узнать, за какие заслуги был представлен Сергей Максимович к награде и какой именно, состоялось ли вообще награждение. А было бы любопытно об этом узнать, т.к. это противоречит воспоминаниям родственников, в которых неоднократно подчеркивалось, что С. М. Попов мало жертвовал храмам. Так что, возможно, они просто не знали о некоторых эпизодах жизни владельца фабрики. Ведь многими отмечалась такая черта характера Сергея Максимовича, как скромность, не желание афишировать свои добрые дела.

С. М. Попов оставался старостой фабричного храма 24 года (дольше всех на этом посту). А потом во время очередных перевыборов в 1915 г. на эту должность избрали другого человека. Почему? Достоверного ответа нет. В принципе прихожане могли разочароваться в своем старосте и решили избрать нового. Однако более правдоподобным представляется вариант, что Сергей Максимович сам отказался от занимаемой должности. Если вспомнить, что в это время в Успенский храм пришел новый настоятель о. Николай Виноградов, что был «уничтожен» церковный хор, то вся эта цепочка событий представляется не случайной. Что-то, видимо, произошло, что повлияло на отношение Сергея Максимовича к своему фабричному храму.

Другие церковные старосты

Согласно сведениям из клировой ведомости в 1915 г. на должность церковного старосты был избран крестьянин села Ивановского **Алексей Иванович Балакин**. Избрали его как обычно на три года. Но он, увы, не доработал свой срок до конца. Исследователь М. Б. Морозов сообщил об архивном деле, в котором говорится об избрании нового старосты Успенской церкви. В этом деле оказалось поданное в августе 1917 г. донесение благочинного, в котором написано, что церковный староста «*Алексей Иванов Балакин вследствие своей болезни (паралич ног)*»¹¹⁹ не может исполнять свои обязанности. Вследствие этого прихожане на сходе единогласно избрали нового старосту «*гражданина сего же села Ивановскаго*» **Андрея Ивановича Евграфова**.

Вот так сложилась история Успенской церкви. За первые почти полвека ее церковными старостами были всего три человека: П. Г. Цуриков (10 лет), М. Е. Попов (12), С. М. Попов (25). А за два года, предшествующие революции, на этой должности побывали еще два человека: А. И. Балакин и А. И. Евграфов. К сожалению, о двух последних старостах никакой информации нет. Так же непонятно, как долго после прихода советской власти исполнял свои обязанности Евграфов.

В двух документах 1924, 1926 годов, в которых приведены списки лишенных избирательных прав, имеется такая строчка: «*Захарова Мавра, 37 [лет], Ив. [из дер. Ивановской], крестьянка, церковная староста*»¹²⁰. Это первый случай в истории Успенской церкви, когда на указанной должности оказалась женщина. Увы, когда она была избрана и как долго оставалась на этом посту – осталось неизвестно. Но в любом случае можно сказать, что срок этот был недолгим, т.к. в 1929 году Успенская церковь была закрыта, а через несколько лет и вовсе снесена.

Служители Успенской церкви до революции

Поговорим теперь о членах церковного причта. Полный список служителей приведен в приложении–14. Но прежде чем начать рассказ о них, остановимся сначала на штатном расписании причта фабричного храма.

Штатное расписание причта

П. Г. Цуриков хотел, чтобы церковь при его фабрике была приходской со своим причтом и приходом. Когда в 1864 г. вышел указ о построении церкви в Ивановском, в нем были такие слова: «*определить к оной одного священника и двух причетников*». Однако сразу после освящения, как свидетельствует клировая ведомость, в Успенской церкви оказались четыре служителя: к трем упомянутым добавился дьякон. Наверняка это была личная инициатива Павла Григорьевича, т.к. по общему мнению службы с дьяконом проходят более торжественно. Каким образом ему удалось договориться со священноначалием о четвертом члене причта – осталось неизвестно. Но, возможно, именно из-за того, что число служителей увеличилось на одного, храмоздатель положил на счет церкви не 10.000 руб., как первоначально заявлял в прошении о постройке храма, а 15.000.

Следует отметить, что практически все годы до революции в Успенской церкви было четыре служителя, как тогда писали: «*четырёхчленный*» причт. Это подтверждает множество документов, кроме одного. В конце XIX столетия планировался повсеместный пересмотр штатного расписания храмов, в основном в сторону сокращения. В архивном деле отмечено, что в приходе Успенской церкви 65 дворов, 272 лиц мужского пола, земли 8 десятин. По существующим в то время нормам этого было недостаточно для четырехчленного причта. Но должность дьякона решили все же не сокращать, а поступить следующим образом: «*В виду особых средств содержания в нем сохраняется диаконская вакансия с упразднением излишней вакансии второго псаломщика*»¹²¹. Т.е. причт стал бы трехчленным, состоящим из священника и двух причетников. Причем на одной из низших должностей находился бы дьякон (соответственно, с доходами как у псаломщика).

Однако эти планы остались лишь на бумаге. По неизвестным причинам сокращение причта в Успенской церкви не произошло, и в ней до самой революции служили по-прежнему четыре клирика. Исключение составляли те периоды времени, когда одно из мест в составе причта становилось вакантным по причине смерти, «*выхода за штат*» или перевода клирика в другой храм. Но, надо сказать, что такие периоды длились недолго, т.к. место в Успенской церкви считалось хорошим (с материальной стороны) и быстро находились желающие его занять. Причем, как правило, претендентов было несколько и священноначалию приходилось выбирать наиболее достойного из них.

1868–1887: Священник Иаков Никитич Волхонский

По собранным материалам за всю дореволюционную историю Успенской церкви (49 лет) в ней было всего четыре настоятеля. О каждом из них далее пойдет отдельный разговор. Для начала отметим, что каждый из священников служил в Ивановском не менее десяти лет. Наибольший же стаж служения оказался у самого первого иерея Иакова (Якова) Никитича Волхонского (1815 – † 1887) – 19 лет. С него началась история батюшек Успенской церкви, с него и начнем рассказ.

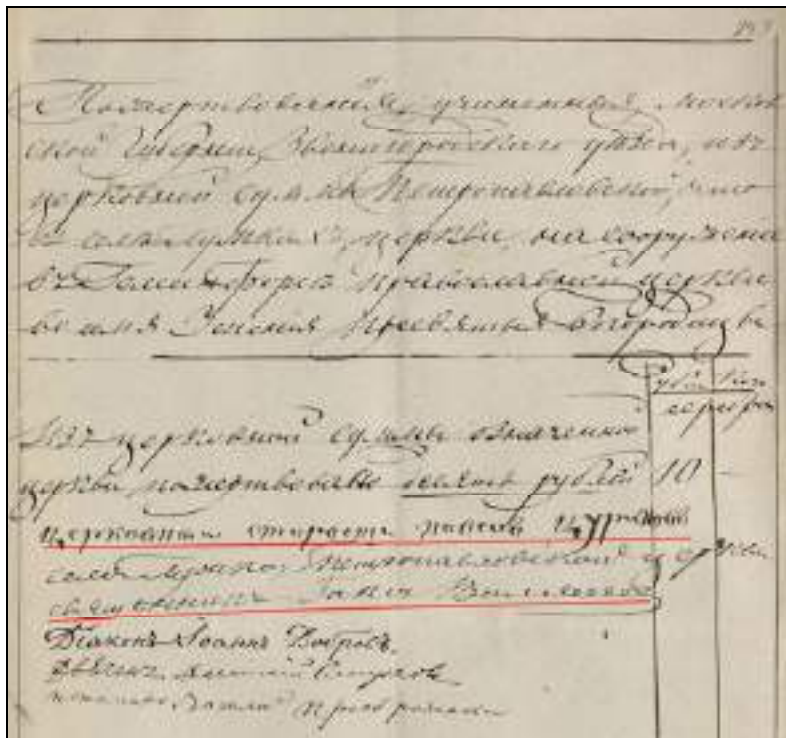
О. Иакова перевели из с. Лужки в Успенскую церковь при Ивановской фабрике в 1868 г., когда он был уже опытным наставником. В то время ему было 53 года, общий стаж служения у престола Божьего составлял 29 лет. Причем последние 11 лет Волхонский находился на должности благочинного одного из округов Звенигородского уезда.

Сведений о точной дате и месте рождения Якова до недавнего времени не было. Их удалось найти в документах Борисоглебской церкви на погосте Подольского уезда. В метрической книге за 1815 г. написано, что «*у дьячка Никиты Игнатового сего ноября 20-го дня родился сын Иаков*»¹²². Как видим, будущий настоятель Успенского храма и храмоздатель оказались почти ровесниками. Имя матери удалось установить по исповедной ведомости – Мавра Ивановна¹²³. В этом же документе указано, что в семье дьячка были и другие дети – Дарья и Борис. Яков был младшим среди детей.

Мальчик поступил в Московскую духовную семинарию в 1832 г. Он рано лишился отца и потому как сирота находился «*На полном казенном содержании*» (т.е. за учебу не платил). В документе о его способностях к учебе писали как «*Хороших*», прилежания «*усердного*», поведения «*очень честного*»¹²⁴. В 1838 г. Яков окончил семинарию «*с аттестатом 2 разряда*». Спустя год его рукоположили в сан священника, после чего его следовало называть уже Иаков. Волхонский получил свое первое назначение на должность настоятеля Воскресенской церкви в с. Родинки Богородского уезда. А уже через пять лет «*исправлял должность благочинного*». Это означает, что молодой настоятель показал себя перед священноначалием и прихожанами с наилучшей стороны.

В 1847 г. Волхонский получил назначение в Петропавловский храм с. Лужки Звенигородского уезда, и потом оставался на должности настоятеля 21 год. В наши края о. Иаков прибыл с женой Анастасией Николаевной, с сыном Федором и дочерью Александрой. Здесь в Лужках батюшка познакомился с владельцами Ивановской суконной фабрики отцом и сыном Цуриковыми, которые были прихожанами его храма. Надо полагать, что настоятелю часто приходилось сталкиваться по различным делам с церковным старостой Григорием Михайловичем. А когда тот умер в 1852 г., и старостой в Лужках стал его сын Павел, сотрудничество продолжилось. Сохранилось немало исторических документов, под которыми стоят подписи настоятеля и старосты.

Об отношениях Волхонского с Цуриковыми прямых исторических документов или воспоминаний нет. Но зато осталось множество косвенных свидетельств, которые позволяют говорить о добрых, взаимно уважительных отношениях между этими людьми. Одно то, что П. Г. Цуриков в 1868 г.

Изо 5–30. Подписи настоятеля храма с. Лужки Волхонского и церковного старосты П. Цурикова¹²⁵, 1856.

вел Григорьевич построил в Лужках школу. Наверняка, это был совместный проект с настоятелем храма, оба думали, как дать образование крестьянским детям. Церковный староста взял на себя материальную сторону: *«устроил на свой счет приходское училище для поселянских детей»*¹²⁷. А приходской священник стал учить ребят, причем делал это *«безмездно»*, т.е. бесплатно (отдельного учителя в школе в то время еще не было). Так продолжалось несколько лет. Как батюшка успевал учить несколько десятков детей и при этом служить в храме, исполнять приходские требы – осталось непонятно.

С переходом о. Иакова на должность настоятеля Успенской церкви при Ивановской фабрике его преподавательская деятельность продолжилась, только уже на новом месте. В фабричной школе, как и в Лужках, штатного учителя не было, занятия с детьми проводили служители. Об этом сказано в «Исторических сведениях»: *«Школа в Ивановском поместилась в одном здании с церковной сторожкой; преподавателем состоял приходский священник от. [отец] Волхонский, которому помогли остальные члены причта»*¹²⁸. В первые годы клирики вознаграждения за свой труд не получали.

Как уже говорилось в предыдущей главе, спустя семь лет после открытия фабричной школы рядом со старым зданием было построено более просторное помещение для занятий. В заметке, напечатанной в епархиальном журнале, было рассказано о состоявшемся 7 сентября 1875 г. торжественном открытии нового училища с крестным ходом и колокольным звоном. О. Иаков во время литургии в Успенской церкви произнес речь *«о пользе грамотности»*. В ней говорилось о большом значении этого события для местного населения, отмечены заслуги старосты П. Г. Цурикова: *«Так он не щадит своего достояния для христианского обучения детей, зная, что воспитание в духе православной веры служит верным залогом семейного счастья и общественного благосостояния. Посему сей день благотворения невольно возбуждает уважение и благодарность самую искреннюю к основателю сей школы, которым она и будет содержаться. Не одна сотня детей, отцев и матерей будет благословлять имя благотворителя»*¹²⁹.

В новую школу был приглашен профессиональный учитель Михаил Сафонов. Он стал препода-

пригласил¹ в построенный им около фабрики храм в качестве настоятеля о. Иакова, говорит о многом.

В доказательство хорошего отношения священника к церковному старосте можно привести заметку, напечатанную в епархиальном журнале в январе 1879 г. В речи, произнесенной о. Иаковым в Успенской церкви по случаю годовщины смерти П. Г. Цурикова, имеется немало проникновенных слов о бывшем старосте и, в частности: *«Да, много делал он добра для вспомоществования телесным потребностям ближнего своего, которого он видел во всяком, стесненном какою-либо нуждою или бедствием»*¹²⁶ (полный текст речи приведен в приложении–6).

Волхонский и Цуриков были знакомы свыше трех десятилетий, начиная с назначения батюшки в Петропавловскую церковь и до смерти благотворителя. В 1861 г., будучи старостой, Па-

¹ Документального подтверждения факта приглашения П. Г. Цуриковым о. Иакова нет. Но это предположение не на пустом месте. Если был документально подтвержденный случай, когда Павел Григорьевич высказывал свое мнение о претендентах на должность настоятеля Новоиерусалимского монастыря, то уж в «свой» фабричный храм он явно хотел бы получить понравившегося ему настоятеля.

вать детям все предметы, кроме Закона Божия, который остался за настоятелем храма Волхонским. Учитель получал зарплату, а батюшка по-прежнему учил детей бесплатно. Лишь спустя несколько лет его труд стал материально оплачиваться. Так в 1882 г. за исполнение обязанностей законоучителя о. Иаков получил 120 руб. Он вел с детьми уроки *«три раза в неделю по 2 часа урок. Занятия со всеми тремя группами одновременно»*¹³⁰. Так продолжалось вплоть до кончины настоятеля.

48 лет прослужил о. Иаков у престола Божия. И за все годы его служения в разных храмах не обнаружено ни одного персонального дела, заведенного в отношении него. Это был дисциплинированный пастырь. Начальство это видело и поощряло добросовестное служение различными наградами. Согласно записи в послужном списке, Волхонский получил бронзовый крест в память Крымской войны 1853–1856 гг. В 1857 г. иерей был назначен на должность благочинного (напомним, что в это время он являлся настоятелем Петропавловского храма в Лужках). Здесь батюшка также трудился добросовестно, это было отмечено. По данным все того же документа *«За честное поведение во священстве и исправное прохождение Благочиннической должности»*¹³¹ епархиальное начальство дважды награждало о. Иакова: набедренником в 1864 г. и скуфьею в 1865. Надо сказать, что в отличие от нынешних времен священноначалие нечасто награждало такими наградами служителей, далеко не у каждого священника они были.

После назначения настоятелем Успенской церкви при Ивановской суконной фабрике Волхонский остался на должности благочинного, благо, что новый храм находился в том же благочинии. В 1870 г. о. Иаков был награжден *«бархатною фиолетовою камилавкою»*. А год спустя получил уже светскую награду. Вот как об этом было написано в епархиальном журнале: *«Государь Император по всеподданнейшему докладу Кавалерской Думы св. Анны в 3 день Февраля сего года, Всемолоствейше соизволил, согласно удостоению Святейшаго Синода, пожаловать сей орден 3 степени следующим лицам: за 12-летнее прохождение должности благочинного: [...] Звенигородскаго уезда, села Ивановскаго, священнику Иакову Волхонскому»*¹³². Очень немногие священно и церковнослужители в то время награждались орденом. Этот факт подчеркивает особые качества о. Иакова, показывает, что он был достойным служителем у престола Божия.

Орден оказался не последней наградой батюшки. В 1883 г. Волхонский был удостоен *«Благословением Святейшаго Синода с выдачей грамот»*¹³³. Год спустя батюшка вновь был отмечен тем же знаком отличия. К этому времени о. Иакову было уже около 70 лет, его одолевали болезни, совмещать обязанности настоятеля храма и благочинного становилось все труднее. Наконец, пришло время, и он обратился к священноначалию со следующим прошением: *«14-го числа сего мая [1884], настала мне необходимость отправиться за 18 верст, ведомства моего, в село Уборы, для произведения описи имения, оставшагося после покойнаго тамошняго причетника Стефана Багряцова. На пути в село и обратно оттуда, при весьма дурной и почти непроездной дороге, застал меня с бурей, весьма сильный дождь, который всего промочил. От чего, по возвращении домой, приключилась лихорадочная болезнь, от которой доселе я еще не освободился»*¹³⁴.

Настоятель в своем заявлении также написал, что после случившего приступа болезни у него заболели ноги и потому попросил освободить от должности благочинного. Прощение Волхонского было удовлетворено, на эту должность был назначен другой священник.

После этого о. Иаков прослужил в Успенском храме еще три года. В 1887 г. батюшке стало совсем плохо, и он уволился за штат. А 18 октября того же года бывший настоятель умер. В метрической книге была сделана запись о кончине: *«Села Ивановскаго, Успенской церкви Священник Иаков Никитин Волхонский, 72 [лет]»*¹³⁵. В графе о причине смерти указано: *«от старости»*. Там же отмечено, что настоятель погребен *«при церкви»*. Могила первого настоятеля не сохранилась, как впрочем, и всех похороненных позднее служителей. По сообщению в епархиальном журнале вдове священника Анастасии Волхонской была назначена пенсия.

Теперь хотелось бы рассказать о членах причта, с которыми служил о. Иаков в Ивановском.

В первой клировой ведомости Успенской церкви за 1868 г. приведены сведения о ее служителях. Помимо настоятеля Волхонского в составе причта были *«Диакон Димитрий Стефанов Степанов 47 лет [...] Дьячек Петр Михайлов Глебов 25 лет [...] Пономарь Семен Иванов Любимов 22 лет»*¹³⁶. В том же документе приведены послужные списки и сведения о семейном положении упомянутых клириков. Начнем рассказ с пономаря.

1868–1889: Пономарь Семен Иванович Любимов

Родился будущий причетник Успенской церкви в семье священника. Учился в Вифанской семинарии, однако в 1867 г. был исключен *«из низшаго отделения»*. После этого Семен не мог претендовать на высокие церковные должности, а вот стать служителем без посвящения в сан вполне мог. В Успенскую церковь поступил в возрасте 22 лет на должность пономаря. Как написано в клировой ведомости, он был племянником¹ настоятеля храма Волхонского. В том же документе дана такая характеристика способностям Семена: *«читает очень хорошо, поет хорошо, катехизис знает порядочно»*. Написано еще, что *«вел себя хорошо»*.

К 1872 г. в семье пономаря было уже двое сыновей и дочь. В 1886 г. в связи с реформой штатного расписания Семен оказался на должности псаломщика. После этого прослужил еще три года и затем *«Уволился за штат по собственному желанию»*¹³⁷. Таким образом, общий стаж служения С. И. Любимова в Ивановском оказался 21 год. На освободившееся место псаломщика в штат Успенской церкви поступил его младший сын Павел Любимов (о нем поговорим позднее). А старший сын Михаил Любимов в это время работал учителем в земском училище г. Клина.

Выйдя за штат, Семен Иванович уезжать из Ивановского не стал. Надо полагать, что жилой дом с хозяйственными постройками, построенный П. Г. Цуриковым, остался за семьей Любимовых. Это подтверждает исповедная ведомость Успенской церкви за 1900 г. В ней отмечено, что при Ивановской фабрике проживали *«заштатный псаломщик Симеон Иоаннов Любимов – 53 [лет]; жена его Елена Борисова – 49; сын их Михаил – 31»*¹³⁸. В клировой ведомости 1916 г. С. И. Любимов по-прежнему числился среди проживавших на Ивановской фабрике, получал *«пособие от попечительства 42 р.»*. Сведений о дате кончины и месте погребения бывшего псаломщика нет.

1868–1905: Дьячек Петр Михайлович Глебов

Перейдем к следующему клирику. Дьячек (с 1886 г. псаломщик) Петр Михайлович Глебов дольше всех служил в Успенской церкви за всю ее историю. Он появился в храме с момента открытия и пробыл в нем до своей кончины в 1905 г., все время оставаясь на должности причетника. Таким образом, общий стаж его служения в фабричном храме составил почти 37 (!) лет. В отличие от других служителей Глебов оказался родом не из наших краев. В клировой ведомости 1868 г. написано, что он сын священника Рязанской губернии. По исключении из Скопинского духовного училища в 1862 г. был определен послушником в Николо-Радовицкий монастырь Рязанской епархии. Пробыл там недолго, спустя год был переведен в Саввино-Сторожевский монастырь. Там находился 5 лет до определения в Ивановское. Возможно, переводу Петра в состав причта Успенского храма поспособствовал владелец суконной фабрики. Дело в том, что П. Г. Цуриков был тесно связан со Звенигородской общиной: построил при ней Саввинский скит (об этом подробнее поговорим в следующей главе).

В характеристике Глебова за первый год служения в Успенском храме написано: *«читает и поет хорошо, катехизис знает порядочно. Поведения хорошаго»*. Вскоре после поступления в Ивановское Петр женился на Анне Васильевне Соловьевой (ее брат Сергей через несколько лет стал работать учителем в фабричной школе). В 1875 г. в семье Глебовых было уже четверо детей.

Умер Петр Глебов 27 августа 1905 г., находясь в составе причта на должности псаломщика. Запись о его кончине обнаружена в метрической книге Успенской церкви. В ней указана причина смерти – *«от хронического воспаления почек»*¹³⁹. Написано, что погребен *«в ограде близ храма»*.

Надо сказать, что о причетниках Глебове и Любимове помимо кратких сведений из послужных списков другой информации нет. Удивляться этому не приходится, такова была практика тех лет. Если члены причта служили честно и исправно, в дурных поступках замечены не были, то и особых дел о них в консистории не заводилось. Такие дисциплинированные клирики (а таких было большинство) уходили из жизни, не оставив в документах почти никаких следов. И, напротив, для служителей из числа разгильдяев заводились персональные дела, в которых подробно описывались не красящие их проступки. В результате о недисциплинированных клириках архивных данных, как правило, больше. Вот такая историческая несправедливость. Как оказалось, «горе-служителей» в Успенской церкви не было (за одним исключением). Вот потому и архивных дел о людях, служивших в Ивановском, крайне мало. К сожалению. А хотелось бы о достойных клириках рассказать больше.

¹ Как уточнил исследователь А. Н. Инюкин, племянницей о. Иакова Волхонского была жена пономаря Елена Борисовна Любимова, а не он сам.

1868–1872: Дьякон Дмитрий Степанович Степанов

Последним из тех, кто начинал служение в Успенской церкви с момента ее открытия, был дьякон Дмитрий Степанович Степанов. Он меньше всех из первоначального состава причта прослужил в Ивановском. Как написано в первой клировой ведомости Дмитрий после окончания Московской духовной семинарии в 1842 г. поступил в Синодальный хор (видимо, у него был хороший голос). Пробыл там десять лет и в 1852 г. был определен дьяконом в Петропавловский храм села Ясенево (в то время это был Московский уезд). Здесь Степанов прослужил 16 лет, пока не получил назначение в Ивановское на аналогичную должность.

В составе причта Успенской церкви Дмитрий находился четыре года. Его хороший голос и пение отмечены в епархиальном журнале. В заметке, напечатанной в 1871 г., сообщалось о соборной службе в с. Павловском, на которой был слышан *«отчетливый и полнозвучный речитатив диакона, тоже из села Ивановскаго»*¹⁴⁰. Имя или фамилия служителя не указаны. Но, учитывая год опубликования заметки, нет сомнения, что это был Дмитрий Степанов. Определенно можно сказать, что не зря он в детстве пел в Синодальном хоре.

Служитель умер 27 сентября 1872 г. *«от разрыва сердца»*¹⁴¹, находясь на своей должности. Было ему всего 50 лет. В клировой ведомости за этот год в графе *«Сиротствующие»* была внесена запись: *«умершаго тутошняго Диакона Дмитрия Стефанова Степанова жена Параскева Васильева 51 года»*¹⁴². Там же указаны дочери Варвара (21 год) и Серафима (19), а также сын Сергей (14), который обучался *«во 2-м классе Московскаго Заиконоспаскаго училища на казенном содержании»*. Вдова Прасковья Васильевна умерла в 1888 г., была похоронена на Ивановском кладбище.

1873–1884: Дьякон Дмитрий Федорович Смирнов

На освободившееся место в состав причта Успенской церкви был назначен дьякон Дмитрий Федорович Смирнов. Осталось не совсем понятно, когда именно он появился в Ивановском. Согласно клировой ведомости Смирнов был зачислен в штат 4 февраля 1873 г.¹⁴³. А по записям в метрической книге он еще за два месяца до этого уже исполнял требы в Успенской церкви. Как следует из той же клировой ведомости, Дмитрий был сыном дьячка, учился в Перервинском училище. В 1868 г. был назначен на должность дьячка в один из храмов Серпуховского уезда. Но пробыл там всего месяц, был переведен в Москву в хор певчих Чудова монастыря. Спустя несколько лет Смирнова рукоположили в сан дьякона и определили на освободившуюся должность в причт фабричной церкви. Было ему в ту пору около 22 лет.

По информации, полученной от исследователя А. Н. Инюкина, новоназначенный клирик был зятем дьякона Д. С. Степанова и занял его должность в составе причта Успенской церкви. Можно предположить, что женитьба на дочери скончавшегося дьякона Варваре была условием его назначения на освободившееся место в причте (такова была в то время практика, чтобы поддержать семьи, оставшиеся без кормильца).

Смирнов оказался тем самым единственным исключением среди клириков Успенской церкви, о котором остался негативный след в истории (правда, не очень яркий). Суть его дисциплинарного проступка описана в архивном деле.

3 декабря 1878 г. на имя благочинного Волхонского поступило заявление от *«Доктора, Коллежскаго Советника Михаила Михайловича Цветаева»* (напомним, что об этом враче подробный разговор шел в предыдущей главе). В заявлении говорилось *«о крайне возмутительных и безнравственных выходках Вашего Диакона Дмитрия Смирнова»*¹⁴⁴. Далее было изложено, как после службы *«внеошной»* в фабричном храме дьякон явился к своему другу *«конторщику»* фабрики Федоту Макарову, квартира которого располагалась над жилищем доктора. И там стал *«весело отдыхать»*. Цветаев подробно описал некоторые выходки Смирнова: *«в присядку, отчего дрожал потолок в моей квартире и тряслись стены, при этом делал безобразия, неподобающия диаконскому сану»*. Хохот, крики, топот продолжались далеко за полночь. После этого врач обратился к владелице фабрики А. С. Цуриковой с просьбой *«удалить расходившагося Диакона»*. Позвали сторожа, но это не помогло утихомирить Смирнова. Более того, спустя какое-то время дьякон стал ломиться в квартиру доктора, обзывал его *«скотина»*, *«свинья»*, *при этом к каждому слову прибавлял матерныя слова»*. В конце своего заявления Цветаев попросил благочинного принять *«надлежащия меры»*.

Данное дисциплинарное дело не получило своего продолжения. Через пять дней врач Михаил

Михайлович написал благочинному еще одно заявление. В нем говорилось, что дьякон попросил у него прощение и кроме того дал подписку впредь *«вести себя благопристойно»*. Поэтому Цветаев просил, чтобы его первое заявление было оставлено *«без последствий»*.

Д. Ф. Смирнов прожил недолго – всего 30 лет. Смерть наступила 25 августа 1884 г. Как написана в метрической книге, болел *«чахоткою»*¹⁴⁵. Были ли у дьякона дети – осталось неизвестно.

1884–1902: Дьякон Павел Петрович Богословский

На освободившееся место осенью того же года в причт Успенской церкви был назначен дьякон Павел Петрович Богословский. К сожалению, его послужной список не обнаружен и потому о происхождении и образовании сказать нечего. А вот о прежнем месте службе удалось узнать: до Ивановского Богословский служил дьяконом в Христорождественской церкви села Ильинское Дмитровского уезда с 1867 по 1884 годы¹⁴⁶. В исповедной ведомости Успенской церкви за 1890 г. указан возраст Павла Петровича – 45 лет. Там же приведены имена жены и детей с указанием их возраста: Елизавета Андреевна (39), Петр (22) и Анна (16)¹⁴⁷.

Дьякон Павел был дисциплинированным служителем и потому информации о нем мало. Умер он в Ивановском 4 июля 1902 г. *«от рака печени»* в возрасте 57 лет. Похоронили служителя *«в ограде по правую сторону церкви»*¹⁴⁸.

Вскоре после кончины мужа Елизавета Андреевна Богословская подала прошение о назначении ей пенсии. Просьба была удовлетворена. В клировой ведомости Успенской церкви за 1916 г. о вдове даны такие сведения: возраст 64 года, *«получает половину пенсии 100 рублей»*¹⁴⁹ (почему лишь половина – осталось непонятно). Там же приведены сведения о детях: *«Анна, 35 л., состоит учительницей земской школы. Петр, 46 л. священник с. Домодедова Подольского у.»*.

1887–1900: Священник Николай Николаевич Голубев

Вернемся вновь к настоятелям Успенской церкви.

Напомним, что первый священник о. Иаков Волхонский скончался в октябре 1887 г. В консистории был объявлен конкурс на замещение вакантной должности настоятеля Успенской церкви. Пока шел поиск кандидата, в Ивановском временно исполняли требы священники соседних сел: Бобцов из Аносина и Нечаев из Павловской Слободы. По решению МДК 1 декабря в причт на должность настоятеля был назначен молодой священник Николай Николаевич Голубев (1865 – † 1900). Спустя несколько месяцев он был утвержден законоучителем при фабричном училище.

Этот батюшка занимает особое место в истории Успенской церкви. Дело в том, что под его авторством в 1893 г. была издана книга к 25-летию юбилею фабричного храма. Никто другой из светских лиц или священнослужителей об Успенской церкви отдельно не писал. Это хоть и небольшая, но вполне достойная книжка, в ней масса ценного материала, как об истории Божьего дома, так и о его храмоздателя П. Г. Цурикове. В настоящем издании уже неоднократно приводились цитаты из публикации Голубева, и далее еще будут использоваться, в приложении–12 приведен ее текст. В книге настоятеля приведена фотография Успенской церкви, она была размещена в начале настоящей главы (изо 5–01). Как уже отмечалось, это единственное детальное изображение Божьего дома при Ивановской фабрике, на других изображениях храм на дальнем плане.

Изо 5–31. Настоятель (?) рядом с Успенским храмом, 1893.

Если приглядеться, то на этой фотографии внизу можно заметить одинокую фигуру человека в длиннополой одежде и шляпе. Так в конце XIX века и начале XX-го частенько одевались священники. Сравнивая это изображение с приводимым далее снимком настоятеля Голубева (изо 5–32), можно отметить схожесть фигур, одежды. Отсюда напрашивается предположение, что на указанном снимке о. Николай. В конце концов, он автор указанной книги и вполне мог сфо-

тографироваться на фоне своего храма. А кому бы еще быть в кадре на этом месте?

Для Голубева, как и для некоторых других служителей Успенской церкви, не удалось найти послужного списка. Информацию о батюшке пришлось собирать из разных источников. В справочнике выпускников семинарии обнаружены сведения о том, что Николай родился 6 апреля 1865 г. в семье дьякона Архангельской церкви села Михайловское Звенигородского уезда Николая Голубева¹⁵⁰. Мальчик учился в Звенигородском духовном училище до 1880 г. Потом поступил в Вифанскую духовную семинарию и успешно ее окончил в 1886 г.

Как уже отмечалось, Голубев был назначен в Ивановское в конце 1887 г. Чем же он занимался более года после окончания семинарии? Оказалось, работал «надзирателем» в том самом Звенигородском духовном училище, в котором ранее учился¹⁵¹. По всей видимости, где-то в это время Николай женился на Клавдии Федоровне и был рукоположен в сан священника.

В Ивановское Голубев прибыл в возрасте 22 лет. Здесь у него родились дети. По документам удалось установить имена сыновей Владимира, Павла, Константина и дочерей Александры, Анны. Восприемниками при их крещении записаны родственники. Это священник села Еремеева Петр Николаевич Голубев (брат Николая), учитель Каринской школы Семен Николаевич Голубев (еще один брат), «села Михайловскаго умершаго диакона жена Варвара Ильина Голубева» (мать). Дополнительные сведения предоставил исследователь М. Б. Морозов. В 1892 г. в селе Троицком на Москве-реке проживала вдова В. И. Голубева¹⁵², она числилась просвирней (т.е. выпекала просфоры для богослужений). В том же документе перечислены дети Варвары Ильиничны. Помимо упоминавшихся Николая, Петра и Семена указан еще Василий, служивший псаломщиком в Можайском уезде.

В 1890 г. в журнале напечатали заметку, посвященную открытию на Ивановской фабрике «внебогослужебных религиозно-нравственных чтений, которые производятся по воскресным и праздничным дням в вечернее время». В этом принимал участие и о. Николай: «Это святое и доброе дело совершилось благодаря хозяину местной суконной фабрики кандидату прав Сергею Максимовичу Попову, с усердием относящемуся как к устройению сельских школ, так и к возвышению нравственности простого народа; все необходимое для чтений (волишебный фонарь, брошюры) он приобретает на собственные средства, а для участия в чтениях он пригласил местного священника о. Голубева и учителя местного сельского училища г. Соловьева, которые с охотою откликнулись на его призыв»¹⁵³.

В приведенной цитате упомянут С. М. Попов, он в то время управлял суконной фабрикой. Голубев не застал времена, когда предприятие принадлежало Цуриковым (о. Николай был назначен в Успенскую церковь спустя пару месяцев после ее продажи М. Е. Попову). Однако, как свидетельствует сохранившаяся фотография, он был знаком с вдовой Анной Сергеевной. На приводимом снимке о. Николай крайний слева, а вторая справа А. С. Цурикова (остальные лица — родственники Анны Сергеевны). Фотографировались в Воскресенске, надо полагать, в усадьбе Анны Сергеевны. Когда это было — нигде не отмечено. Но, учитывая, что указанный ба-

Изо 5–32. Николай Голубев с А. С. Цуриковой и ее родственниками¹⁵⁴, 1890-е ?

тюшка поступил в Ивановское в 1887 г., а умер в 1900-м, то фотография, скорее всего, сделана в 1890-х.

О знакомстве Цуриковой с Голубевым и их добрых отношениях свидетельствуют и другие источники. В метрической книге Успенской церкви за 1888 г. имеется запись о том, что при крещении родившейся в семье священника девочки Анны восприемницей была ее тезка Анна Сергеевна¹⁵⁵ (к сожалению, малышка прожила всего полгода). Надо полагать, что и книга в память юбилея храма наверняка была написана при активном и непосредственном участии А. С. Цуриковойⁱ.

В 1893 г. помимо издания книги произошло еще одно значимое событие в истории Успенской церкви. Как уже говорилось, вблизи нее было осуществлено строительство часовни «для выноса покойников». В этом деле, несомненно, участвовал о. Николай как настоятель храма.

Батюшка оказался достойным служителем у престола Божия. Он, правда, не был благочинным, как предыдущий настоятель о. Иаков и не получил столько знаков отличия. Но однажды священноначалие отметило и о. Николая: в 1893 г. ему было «Преподано Архипастырское благословение»¹⁵⁶.

Возможно, наград было бы больше, если бы не рано наступившая смерть. Батюшка умер 30 марта 1900 г. в возрасте всего 35 лет. В метрической книге Успенской церкви написано, что скончался о. Николай «от чахотки» и был «положен у храма»¹⁵⁷. Батюшка, как видно из записей в церковных книгах, до последних дней был на ногах, исполнял свой пастырский долгⁱⁱ.

После кончины настоятеля осталась вдова Клавдия Федоровна с малолетними детьми. Ей пришлось тяжело. Матушка несколько раз в последующие годы обращалась к священноначалию за материальной помощью, так было в 1901 и 1906 годах. В итоге ей была назначена выплата 70 руб. В документе 1910 г. приведены сведения о детях Голубевых: дочь Александра работала учительницей в Зеньковской земской школе, Владимир был студентом Варшавского университета, Павел обучался в духовной семинарии, а младший Константин пребывал в духовном училище¹⁵⁸.

В это же время в Ивановском произошло сразу несколько экстраординарных случаев. Это стало известно из архивного дела, в котором **сообщается о пожарах, случившихся осенью 1910 года**. Звенигородский уездный исправник рапортовал начальству, что 9 ноября сгорел дом с мезонином бывшего дьякона Малышева. Отмечено, что при этом «Обгорели стены у дома вдовы священника Клавдии Голубевой». Хозяйка дома не пострадала, т.е. в то время отсутствовала. Через несколько дней тот же исправник подал еще один рапорт, в котором написано, что «Вечером 14 Ноября в Ивановском погосте произошел пожар. Сгорел дом с амбаром вдовы священника Клавдии Федоровны Голубевой. Убытку причинено на 1000 руб.; сгоревшие строения застрахованы в 2000 руб.». Это еще не все, был и третий рапорт. В нем сообщалось: «Утром 17 Ноября в с. Ивановском, Лучинской волости, загорелся дом вдовы священника Клавдии Федоровны Голубевой, застрахованный в Земстве в 2000 р. Огонь был скоро замечен и прекращен»¹⁵⁹. Таким образом, в течение 8 дней трижды (!) горели деревянные постройки вдовы. Это явно было неслучайно. О причине пожаров в рапортах написано, что это был поджог, «совершенный неизвестно кем». Увы, в деле нет результатов расследования преступления, и осталось неизвестно, кто совершал эти злодеяния, был ли он наказан.

Как свидетельствует документ, Голубева и после пожаров продолжала проживать в Ивановском. И не просто жила, а занималась полезным делом. По данным отчета «вспомогательных учреждений» Ивановской фабрики за 1909–1910 годы она была смотрительницей «Богдельни для старух, работавших на фабрике»¹⁶⁰. Те же самые сведения приведены в отчете пять лет спустя.

В клировой ведомости Успенской церкви 1916 г. написано, что вдова Клавдия Федоровна проживает в деревянном доме, крытом железом. О ее детях сообщается, что Павел и Владимир «на Ратной Службе»¹⁶¹ (напомним, что в это время шла Первая мировая война), Константин обучался в Вифанской семинарии (окончил ее через год). О дальнейшей судьбе потомков сведений нет.

ⁱ Об участии А. С. Цуриковой в подготовке книги об Успенской церкви нигде не сказано. Но это предположение не на пустом месте. В книге приведено много подробностей о Павле Григорьевиче, которого о. Николай вряд ли знал лично. Кто ему рассказал о жизни храмоздателя? Наверняка это была Анна Сергеевна.

ⁱⁱ Следует обратить внимание, что первые два священника (Волхонский и Голубев) и первые три дьякона (Степанов, Смирнов и Богословский) умерли, будучи штатными клириками Успенской церкви (иначе говоря – скончались, можно сказать, на работе). Это говорит о том, что они дорожили своим местом, не стремились куда-то перейти и служили до последнего, пока позволяли силы. В XX веке ситуация изменилась, место в причте фабричной церкви перестало быть столь заманчивым и некоторые служители сами уходили из него.

1900–1914: Священник Иоанн Иосифович Бобцов, он же епископ Иннокентий

По кончине о. Николая был объявлен конкурс на замещение ставшей вакантной должности настоятеля Успенского храма. Он длился довольно долго. Приходские требы в это время (в течение четырех месяцев) исполнял священник из Лужков Скобеев. К сожалению, архивное дело о конкурсе не сохранилось, но зато известен его победитель. Им оказался священник о. Иоанн Бобцов (иногда в документах писали Бобцев¹), служивший в расположенной неподалеку Троицкой церкви Аносина монастыря. Это был тот самый священник, который исповедовал и причащал о. Николая Голубева перед смертью.

Об Иване Иосифовиче Бобцове (1854 – † ?) по сравнению с другими служителями Успенской церкви оказалось заметно больше информации. Это объясняется как тем, что он прожил довольно долгую жизнь и служил в более позднее время, так и тем, что впоследствии стал архимандритом, а затем и епископом (правда, потом уклонился в обновленческий раскол).

Несмотря на солидный объем сведений о Бобцове (в Википедии о нем есть даже статья), в его жизни (особенно, в первые и последние годы) до недавнего времени оставалось немало “белых пятен”. В результате проделанной исследовательской работы в архивах часть вопросов удалось снять, в частности, о происхождении служителя.

В установлении родословной помощь оказал исследователь А. Н. Инюкин. Он сообщил, что *«корни Иоанна из Дмитровского уезда, известен его дед и прадед»*. Оказалось, что дед Иван Иванович служил пономарем в храмах Клинского и Дмитровского уездов (последнее место службы было в с. Пересветово), прадед Иван Спиридонович служил там же дьячком.

В архиве ЦГАМ удалось найти первичный документ со сведениями о дате и месте рождения будущего настоятеля Успенской церкви. В метрической книге Скорбященской церкви села Федоровское Волоколамского уезда была обнаружена запись о появлении на свет мальчика Иоанна 24 марта 1854 г. Его родителями были: *«Диакон Иосиф Иоаннов Бобцов и законная жена его Анна Григорьевна»*¹⁶².

В клировой ведомости Троицкой церкви Аносина монастыря за 1864 г. обнаружены сведения о службе **родителя Иосифа Ивановича Бобцова**. Его послужной список начинался с записи о том, что в 1835 г. он стал послушником Высоко-Петровского монастыря. Любопытна фраза, объясняющая, как спустя четыре года он стал священнослужителем: *«В награду за честное поведение и за понесенные им труды при стройке перемещенного Московского Алексеевского девичьяго монастыря произведен, Волоколамского уезда, к Скорбященской, что села Феодоровского церкви во Дякона»*¹⁶³. Перед рукоположением в сан Иосиф женился на Анне, которая была на шесть лет его младше.

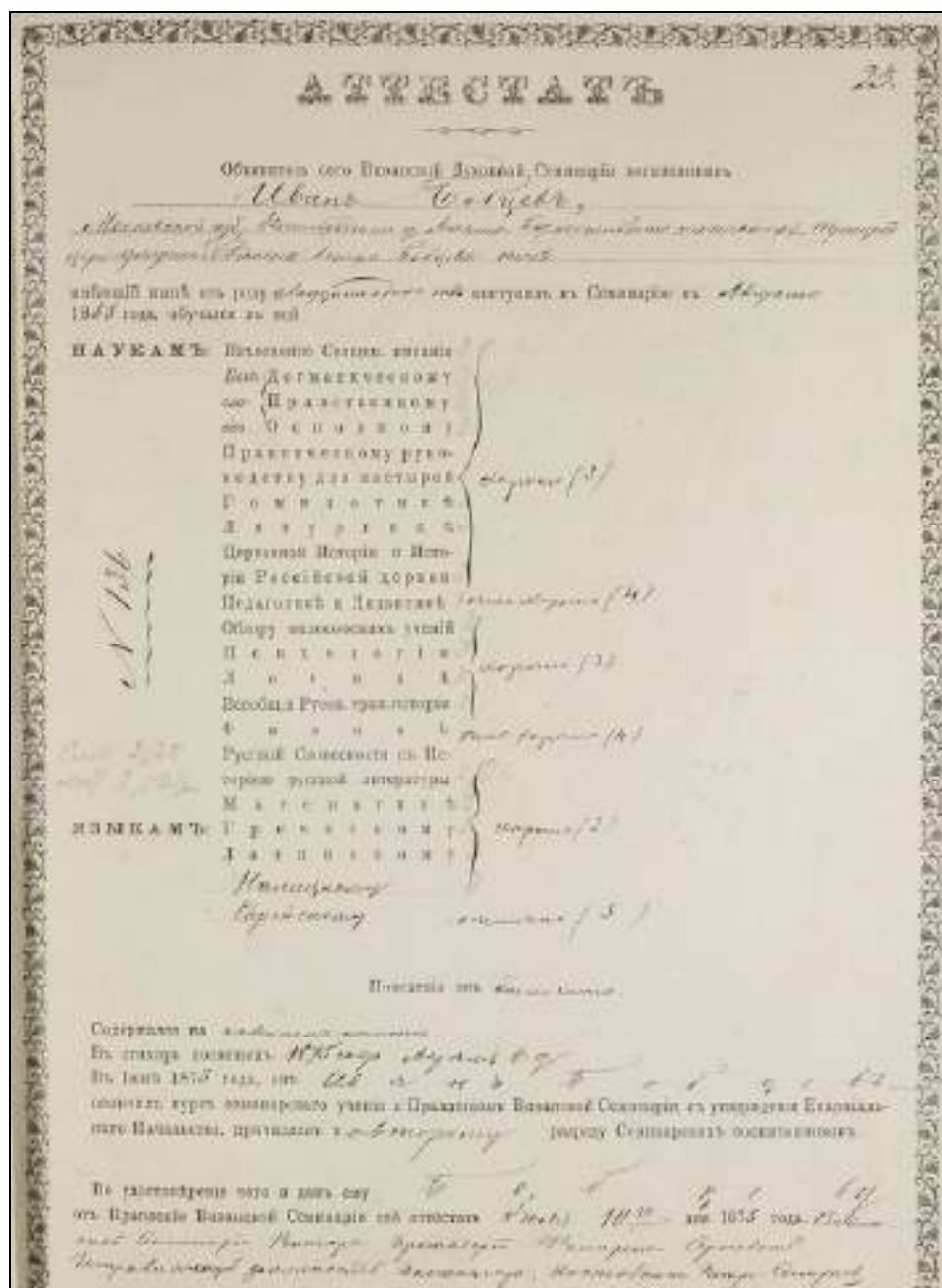
В храме села Федоровское дьякон служил почти четверть века. Здесь у него помимо сына Иоанна родилось еще шестеро детей: Николай, Михаил, Надежда, Анна, Мария, Зиновия. Приход Скорбященской церкви был бедным, клирикам жилось трудно. Поэтому, когда появилась возможность, Иосиф перевелся на более доходное место, пусть даже с понижением в должности: *«во диакона на пономарскую вакансию»*.

Новое место оказалось в причте Троицкой церкви Аносина монастыря, перевод туда был неслучайным. Исследователь Инюкин объяснил, как это могло произойти: *«дело в том, что в Федоровском Иосиф служил вместе со священником Боголеповым, а в 1848 году дочка этого священника Боголепова была выдана замуж за Дмитрия Сергеевича Левитского, который в 1858 станет священником в Аносине. В 1861 туда переведется и Иосиф Бобцов»*. Получается, что сыграли свою роль знакомства и родственные связи.

Так Иосиф Иванович Бобцов оказался в Аносином монастыре, прослужил там пять лет. В сентябре 1866 г. он умер. Консистория завела дело об опеке его малолетних детей.

Его сын Иван после окончания Звенигородского училища в 1868 г. поступил в Вифанскую семинарию. Так как родителя уже не было в живых, то мальчик учился *«на казенном содержании»*. В Сергиевом Посаде в стенах духовного заведения Бобцов находился семь лет. В архивном деле сохранилась копия аттестата об окончании семинарии в 1875 г. По большинству предметов оценки 3 (*«хорошо»*) и 4 (*«очень хорошо»*)¹⁶⁴. Т.к. в целом успехи оказались средние, то Иван был *«причислен к второму разряду Семинарских воспитанников»*. Поэтому он не сразу стал священнослужителем, а вначале был

¹ Сам о. Иоанн писал свою фамилию как Бобцев. Но в документах почему-то чаще встречается Бобцов. Такого варианта написания фамилии и будем придерживаться.

Изо 5–33. Аттестат И. Бобцова¹⁶⁵, 1875.

сифе Бобцове, в семье которого был Иван. Он в то время учился в Звенигородском училище. На летние каникулы Иван приезжал к родителям в Аносино. Там виделся с Александрой, своей будущей женой.

18 сентября 1883 г. скончался настоятель Троицкого храма о. Димитрий Левитский. Исповедовал и причащал умирающего, а потом и отпевал его священник соседней Успенской церкви о. Иаков Волхонский. На место умершего священноначалие приняло решение определить его родственника зятя Ивана Иосифовича Бобцова. Однако сразу назначить настоятелем церкви не могли, т.к. тот был всего лишь псаломщиком. Молодого человека оперативно рукоположили в священнический сан, после чего его стали звать Иоанном. И уже 2 октября (т.е. спустя всего две недели после кончины тестя) **Иоанн Бобцов был определен в Аносин монастырь**. Так начался новый этап в его жизни.

17 лет прослужил о. Иоанн в Троицком храме Аносина монастыря. Батюшка не ограничивался проведением богослужений, много делал добра для людей. Подтверждением этого являются записи в его послужном списке: «при Аносине монастыре открыл церковно-приходскую школу в 1886 г. [...] состоял в оной 15 лет бесплатным Законоучителем и заведующим»¹⁶⁸. С 1897 г. «вел духовно-нравственные чтения для народа». И с этого же года состоял членом «Совета Звенигородского от-

«определен на должность учителя Перхушковской начальной школы»¹⁶⁶.

Но учительствовал Бобцов недолго. Весной 1877 г. был назначен псаломщиком в московскую Введенскую церковь на Лубянке. А через несколько месяцев Иван женился. Бракосочетание состоялось в Аносин монастыре, супругой оказалась дочь местного священника Димитрия Левитского, которую звали Александра¹⁶⁷. Венчание производил родственник, священник Богородицерождественской церкви села Савельево Рузского уезда Михаил Бобцов (брат жениха). Следует отметить, что будущие жених и невеста были знакомы с детства, их родители в первой половине 1860-х годов служили в одном храме. Это показывает клировая ведомость Троицкой церкви Аносина монастыря за 1864 г., где в семье настоятеля показано 6 детей, из них самая старшая была Александра. А на другом листе приведены сведения о дьяконе Ио-

деления Кирилло Мефодиевского Братства». О. Иоанн оказался достойным, трудолюбивым и бескорыстным служителем.

Эти труды не прошли мимо внимания священноначалия, Бобцов неоднократно отмечался и поощрялся: «Отношением Совета Кирилло-Мефодиевского братства за № 198 получил искреннюю благодарность за отличное ведение школьного дела – 1887. [...] Награжден за службу по духовному ведомству набедренником – 1887. Награжден бархатной фиолетовой скуфьей – 1893». Помимо этого священник был отмечен тремя государственными медалями: «имеет серебрянную медаль за служение во время царствования в Бозе почившаго Императора Александра III – 1896. Пожалован темно-бронзовой медалью [...] за труды по первой всеобщей переписи населения – 1897. Имеет серебрянную медаль на двойной Владимирской и Александровской ленте».

В одной из цитат было написано о церковно-приходской школе, которую открыл Иоанн Бобцов. Говорилось, что она «при Аносине монастыре». Но на самом деле училище территориально находилось в Падиково (эта деревня была в приходе другой церкви в с. Павловское). В газете «Московский листок» в 1889 г. была напечатана статья про Аносин монастырь и школу при нем: «В версте от монастыря, за околицей деревни Падиково, мы заметили весьма приличное здание с вывеской "Церковно-приходская школа Аносина монастыря". [...] Оказалось, что замеченная нами школа — плод кропотливых трудов, забот и огорчений одного из священников Аносина монастыря о. Иоанна Бобцева, еще молодого человека. История этой школы имеет чисто вопиющий характер, но мы ограничимся и краткими красноречивыми особенностями ея. Достаточно сказать, что школа создана личными хлопотами о. Бобцева, при содействии одного крестьянина, некоего Пряхина, против желаний падиковцев. Что будет дальше со школой — Богу известно, но пока о. Бобцев, в пример многим и многим из духовенства, побеждает»¹⁶⁹.

Далее в статье написано, что «содержание школы доходит до 450 р.». А батюшке удалось собрать из разных источников только 345 руб. Ну так он из своих средств (!) добавил 105 руб, чтобы дети могли учиться. Не так просто найти среди священнослужителей того времени подобные примеры самопожертвования.

В отчете о церковно-приходских школах за 1896–1897 учебный год отмечено, что в Падиковском училище преподавала Зиновия Бобцова, родная сестра о. Иоанна. Причем работала она там с основания школы в 1886 г.

В семье Иоанна Иосифовича и Александры Дмитриевны Бобцовых рождались дети. Появлялись малыши в то время, когда Иван служил псаломщиком в Москве – сведений нет. А вот в Аносино это точно случалось. А. Н. Инюкин изучил метрические книги Троицкой церкви разных лет и нашел записи о рождении детей в семье священника Бобцова. Первые двое малышей, которых звали Иосиф и Ольга, прожили недолго, умерли младенцами. В 1889 г. появилась на свет Анна, в 1890 г. родилась Анастасия. Обе дожили до взрослых лет.

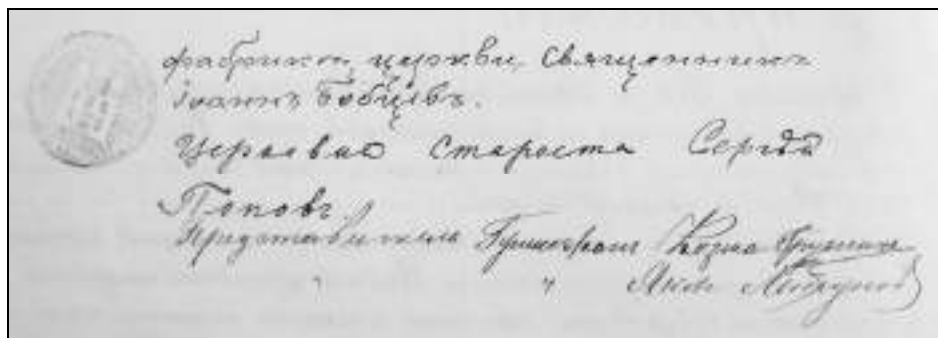
Идем дальше. Напомним, что весной 1900 г. умер священник фабричной церкви Николай Голубев. По всей видимости, освободившееся место настоятеля считалось лучше, чем такое же в Аносино. Иначе трудно объяснить, почему Бобцов оставил свою должность в монастыре, которую занимал много лет. 17 июня состоялся его перевод **в Успенскую церковь при Ивановской суконной фабрике**. В этот же год священноначалие наградило его камилавкой.

О. Иоанну, как уже говорилось ранее, с самого начала появления в Ивановском пришлось заняться внутренним ремонтом Успенской церкви и вопросом расширения приходского кладбища. Как и в Аносино, Бобцов не замыкался только на выполнении своих прямых обязанностей настоятеля храма. Батюшка активно включился в общественную работу. Уже следующий 1901 год показывает, за сколько новых дел он взялся:

Во-первых, был избран членом «Ревизионной Комиссии Братства Преподобного Саввы при Звенигородском Духовном Училище». В последующие годы его вновь переизбирали в эту комиссию.

Во-вторых, стал духовником 2-го благочинного округа Звенигородского уезда (ему исповедовались все священники округа) и потом 12 лет находился на этой должности.

В-третьих, подал священноначалию прошение, в котором написано: «Сознавая нужду в открытии при нашей Успенской церкви общества трезвости и припадая к стопам Вашего Преосвященства, покорнейше прошу разрешить открыть оное. 1901 г., 31 июля»¹⁷⁰. Начальство удовлетворило прошение, оговорив, «что бы деятельность общества не распространялась за пределы прихода и что бы

Изо 5–34. Подписи настоятеля Бобцева и старосты Попова с печатью храма¹⁷¹, 1911.

на членов общества не было налагаемо каких-либо штрафов»¹⁷². Но похоже Бобцов не внял призыву не выходить «за пределы прихода». Спустя несколько лет в обществе трезвости состояло «более 3000 человек»¹. Это в разы больше, чем числилось прихожан в Успенской церкви.

Священник Иоанн Бобцов был активным и достойным пастырем. Его послужные списки, в которых отмечены перемещения по службе, заминаемые должности, различные выполненные работы, а также поощрения и награды, в несколько раз объемнее, чем у большинства других служителей. Но как оказалось – в этих документах указано не все, чем занимался батюшка. Так в справочном издании по Московской губернии за 1904 г. отмечено, что в «Звенигородское Отделение Московского Епархиального Училищного Совета» от уезда были избраны три священника и среди них оказался «Села Ивановского И. Борцов»¹⁷³ (в написании фамилии была допущена опечатка). В последующих изданиях справочника за 1909 и 1912 гг. печаталась та же информация (ошибка в фамилии была исправлена).

Священноначалие в 1905 г. поощрило труды настоятеля Успенского храма очередным знаком отличия: наперсным крестом «от Синода».

К этому времени возраст батюшки перевалил уже за полтинник. Возраст, при котором начинают сказываться болезни. Как написано в ПС, Бобцов «В 1906 г. был на излечении в Яузской больнице в течении 9 недель». На время болезни о. Иоанна служить в Успенской церкви поручили «не очередному» священнику Аносина монастыря. При этом оговаривалось, что фабрика должна предоставить ему «квартиру, стол, прислугу и плату за совершения Богослужения»¹⁷⁴. А исполнение треб прихожан было возложено на настоятеля Петропавловской церкви с. Лужки о. Николая Скобеева.

В архиве ЦГАМ сохранилось довольно необычное дело. Оказывается, летом 1908 г. хозяин Ивановской суконной фабрики Сергей Максимович Попов обратился «о разрешении ему поставить в помещении станции «Манихино» Виндавской железной дороги икону Спасителя в дубовом киоте за стеклом»¹⁷⁵. После изучения вопроса в консистории было вынесено положительное решение: «Из донесения местного благочинного видно, что место для постановки иконы, в правом углу при входе в зал 3 класса, вполне приличное и удобное. Следует только внушить жертвователю, чтобы он сделал железную решетку или барьер для охранения иконы от прикосновения посторонними посетителями и на некотором расстоянии, дабы мог поместиться подсвечник или лампада, на каковое дело жертвователь по его мнению будет согласен».

Тут необходимо сделать небольшое пояснение. Путь через станцию Манихино Московско-Виндавской железной дороги после ее открытия стал самым удобным маршрутом из Ивановской фабрики в Москву и обратно. В дореволюционном справочнике приведена фотография пассажирского павильона на этой станции (здание давно утрачено). Где-то в помещении этого вокзала и была установлена икона с киотом, пожертвованная С. М. Поповым.

В 1909 г. благочинный М. Кудрин обратился к священноначалию о возведении о. Иоанна в сан протоиерея. В прошении было отмечено: «Духовный отец моего ведомства Священник Успенской, при Ивановской суконной ф. церкви Иоанн Бобцов (вдовый) отличается честным и трезвенным поведением, жизнь вдовца с 1892 г. ведет чистую и непорочную, священнослужение совершает нелепно и с подобающим благоговением, духовные требы исправляет с христианскою любовью и неопустительно, в беседах с духовными детьми и прихожанами общается ласково, тихо и назидательно. Вообще к пастырским обязанностям относится тщательно и по чистой совести. Кроме того законоучительствует с 1900 г. во 2-х классном Министерском Училище при фабрике и в школах

¹ Почему-то в ПС Бобцова написано, что общество трезвости было открыто не в 1901, а в 1906 г. Вряд ли речь идет о другом обществе. Возможно, пять лет ушло на решение различных организационных вопросов.

великовозрастныхⁱ рабочих фабрики мужчин [мужчин] и женщин [...] ходатайствую о награждении нашего духовного Отца Священника Иоанна Бобцова саном протоиерея»¹⁷⁷.

О решении священноначалия в указанном деле не сообщается. Судя по тому, как в последующие годы Бобцова в документах писали как священника (иерея), становится понятно, что прошение благочинного по каким-то причинам было отклонено.

В мае следующего 1910 г. Бобцов был отмечен очередным знаком отличия. Это была государственная награда: к трем ранее полученным медалям добавился орден. Настоятель за «двенадцатилетнюю службу членом Совета Звенигородского отделения Кирилло Мефодиевского Братства награжден Орденом Анны 3-й степени»¹⁷⁸. А осенью с разрешения митрополита Владимира «прихожанами поднесен золотой Наперсный Крест» настоятелю храма.

Во все том же году священноначалие рассматривало кандидатуру о. Иоанна на освободившуюся должность благочинного, было отмечено его поведение как «отменно-хорошее». Однако в МДК на это место был утвержден другой кандидат. Спустя два года Бобцов был назначен помощником благочинного. Причем вновь на должность был конкурент. Но на сей раз о. Иоанн оказался более достойным¹⁷⁹.

К этой информации еще можно добавить данные о доходах настоятеля Успенского храма. В его ПС отмечено: «получал % с капитала положенного храмоздателем Цуриковым, Поповым и другими лицами – 1008 р. 57 к. и от прихода 561 рубль» (сведения за 1914 г.). Таким доходам многие священнослужители позавидовали бы. А с учетом того, что батюшка жил один (в 1892 г. овдовел), обе его дочери вели самостоятельную жизнь и жили отдельно, то можно сказать, что Бобцов был вполне материально обеспечен. Вот только, по всей видимости, все эти блага мало интересовали о. Иоанна, его душа стремилась к другой жизни.

1914 г. оказался переломным в жизни священника, которому было уже 60 лет. По сведениям из ПС, 26 мая он стал протоиереем. Это была высокая награда, в те времена немногие служители ею удостоивались. А в начале осени буквально в течение нескольких дней Бобцов был **назначен наместником Саввино-Сторожевского монастыря** (2 сентября), как вдовец был **пострижен в монахи с именем Иннокентий** (6 сентября) и возведен в сан **архимандрита**ⁱⁱ (14 сентября).

Однако недолго Бобцов управлял обителью под Звенигородом. Уже в 1915 г. его перевели в другой мужской подмосковный монастырь – **Иосифо-Волоцкий** под Волоколамском. О причинах перевода стало известно из архивного дела. Оказывается, в этом монастыре освободилась должность настоятеля. Когда он об этом узнал, то подал прошение: «Известившись, что в Иосифо-Волоколамском монастыре, Московской губернии, по соседству с моей родиной, Настоятель Архимандрит Нифонт скончался. Я, тяготея к родине, хотел-бы вместо него почившаго послужить Преподобному Иосифу и Его святой обители»¹⁸⁰. Прощение архимандрита Иннокентия было удовлетворено.

Четыре года Бобцов был наместником древнего монастыря. О его дальнейшей судьбе написано в справочном издании В. Лавринова: «27 марта 1919 г. арестован за сопротивление властям при попытке закрытия монастыря [Иосифо-Волоцкого – Авт.]. 17 декабря 1919 г. освобожден по амнистии. 5 декабря 1920 г. **хиротонисан во епископа Можайского**, викария Московской епархии. Кафедра располагалась в Николаевском соборе г. Можайска»¹⁸¹. Так бывший настоятель Успенской церкви при Ивановской фабрике стал епископом РПЦ, которую в то время возглавлял патриарх Тихон.

Изо 5–35. «Пассажирское здание на разъезде Манихино»¹⁷⁶, 1909.

ⁱ Позднее в советское время они стали называться вечерними школами для взрослых.

ⁱⁱ Это был уже второй человек, связанный с Ивановской фабрикой, который стал архимандритом. Напомним, что первым был врач М. М. Цветаев, после пострижения получивший имя Ефрем. Однако Бобцов пошел еще дальше, его в советские годы нарекли епископом Можайским. Забегая вперед, скажем, что в 1923–1925 гг. в фабричной церкви служил иеромонах Антоний (Волчков), позднее ставший архимандритом.

В архиве ЦГАМО сохранился документ под названием: «Уголовное дело по обвинению священника Некрасова К.Н.¹ и епископа Бобцова И. в неподчинении распоряжениям советской власти, 1922». Дело это было заведено по случаю организованного 12 сентября 1921 г. «церковного хода из г. Можайска в Глазовскую волость [...] с благословения епископа Иннокентия Бобцова без всякого на то разрешения Ордена управления»¹⁸². Следователь написал, что «Бобцов увильнул от допроса пользуясь удостоверением врача Климова о том, что не может выходить из дома». В недавно изданной книге В. М. Голикова сообщается, что суд приговорил Бобцова и Некрасова «к шести месяцам лишения свободы каждого с содержанием под стражей»¹⁸³. Но вскоре по амнистии оба были освобождены.

Далее в той же книге говорится, что осенью 1922 г. значительная часть духовенства Можайского уезда решила примкнуть к «живой церкви», т.е. к обновленцам. Среди них оказался и епископ Иннокентий. В справочнике В. Лавринова написано, что Бобцов был «14 ноября 1923 г. патриархом Тихоном уволен на покой по возрасту и болезни. 11 января 1924 г. постановлением Всероссийского обновленческого Синода подтвержден епископом Можайским, викарием Московской епархии. В июне 1924 г. участник Всероссийского предсоборного совещания. С 1924 г. викариатством не управлял».

Эта информация об уклонении Иннокентия в обновленческий раскол повторяется в других публикациях и в интернете. Но есть и другая точка зрения с продолжением этой истории. В упомянутой книге Голикова сообщается, что в 1924 г. «после всенародного покаяния, вернулось [в лоно РПЦ – Авт.] всё Можайское духовенство во главе с епископом Иннокентием (Бобцовым)». Там же приведена ссылка на первоисточник информации – архивное дело ЦГАМ. Однако при проверке этих сведений выяснилось, что в деле, на которое указывает ссылка, нет ни слова об отказе Иннокентия от обновленчества. Автор В. М. Голиков при личном к нему обращении не предоставил правильной ссылки на источник информации. Поэтому о том, было ли покаяние епископа об уклонении в раскол, судить трудно.

Сведений о дате кончины и месте погребения бывшего настоятеля Успенской церкви нет. В справочнике Лавринова указано, что «Скончался после 1926 г.».

О судьбе дочерей Бобцова известно следующее. В одном из его ПС отмечено, что Анна окончила Мариинское епархиальное училище, потом работала в различных школах г. Москвы¹⁸⁴. Про вторую дочь Анастасию имеются сведения, что она обучалась в том же епархиальном училище, а затем поступила на медицинское отделение Высших женских курсов. Другой информации нет.

Исследователь А. Н. Инюкин предоставил сведения о братьях и сестрах Иоанна Иосифовича Бобцова. По его данным братья Николай и Михаил стали священниками, причем второй из них некоторое время служил в Богородицерождественской церкви села Савельева Рузского уезда (ныне это Истринский район). Сестра Мария стала учительницей. По данным Красносельского синодика умерла в 1917 г. Такую же профессию избрала сестра Зиновия. В середине 1880-х годов она работала сначала в Брыковской школе Звенигородского уезда, а потом, как уже говорилось, перешла на работу в Падиковское училище. Сестра Надежда вышла замуж за Михаила Сергеевича Соловьева, который в причте Троицкой церкви Аносина монастыря стал служить дьяконом.

1914–1924?: Священник Николай Мефодиевич Виноградов (начало)

После увольнения о. Иоанна с должности настоятеля Успенской церкви на его место в 1914 г. был назначен 45-летний священник Николай Мефодиевич Виноградов (1869 – †?).

Николай родился 1 ноября 1869 г. в семье дьякона Мефодия Виноградова, который служил в Спасской церкви села Торбеево Дмитровского уезда. В 16-летнем возрасте он поступил в Вифанскую семинарию, в которой обучался семь лет. В свидетельстве об окончании «по второму разряду» приведены итоги обучения по разным предметам, в основном это оценки 3 (хорошо) и 4 (очень хорошо). Оценки 5 (отлично) Николай получил по церковному пению и чтению, а также по поведению. В документе также отмечено, что «в случае не поступления его на службу по духовному ведомству или на учебную службу в начальных народных школах обязан возвратить в семинарское Правление сумму, употребленную на его содержание в семинарии в размере 680 р.»¹⁸⁵.

Однако возвращать деньги за учебу не пришлось, в 1892 г. Виноградов был определен учителем в церковно-приходскую школу по месту службы отца в село Торбеево. Там проработал три года. А

¹ Священник Константин Никитич Некрасов с 1895 по 1902 гг. был настоятелем Знаменской церкви с. Холмы (ныне Истринский район). Затем служил в храмах Можайского уезда. Неоднократно арестовывался органами советской власти. 15 декабря 1937 г. расстрелян на полигоне в Бутово. В 2000 г. причислен к лику святых РПЦ.

потом его рукоположили в сан священника и направили на служение в Троицкую церковь с. Ершово Звенигородского уезда. Согласно ПС в 1908 г. о. Николай был переведен в Богородский уезд, а уже оттуда 29 августа 1914 г. его назначили на должность настоятеля храма при Ивановской фабрике.

В местах своего служения о. Николай одновременно исполнял обязанности законоучителя в сельских школах, учил детей Закону Божию. Поэтому вполне заслуженным выглядит награждение его серебряной медалью «В память 25-летия церковной школы»¹⁸⁶. А бронзовую медаль он получил за помощь в проведении народной переписи населения. Были и поощрения от священноначалия: в 1902 г. набедренник, в 1908 скуфья. А в 1916 г. (в Ивановском) ему была вручена очередная награда – камилавка «за заслуги и особые труды, а также пожертвования на военные нужды»¹⁸⁷.

Виноградов также занимался общественной работой. С 1908 г. состоял членом Археологического отдела при уездном духовном правлении. А до этого в 1901–1908 годах был «членом Ревизионной Комиссии при Звенигородском отделении Кирилло-Методиевского Бр-ва». Интересно, что в том же Братстве, как говорилось ранее, трудился о. Иоанн Бобцов. Это означает, что еще до назначения о. Николая в Ивановское иереи были знакомы, причем давно. И возможно, что именно Бобцов подсказал, а может и посодействовал переводу Виноградова на место, которое освободилось после его ухода из причта Успенской церкви.

В клировой ведомости 1916 г. приведены сведения о семейном положении настоятеля Виноградова. Он был женат на Екатерине Ивановне. У них в семье были дети, которые к тому времени достигли совершеннолетия. Сын Иоанн состоял на военной службе. Дочь Надежда обучалась на курсах рукоделия. Дочь София работала учительницей в г. Воскресенске. Еще один сын Николай учился в Вифанской семинарии. В том же документе указан доход настоятеля Успенского храма – 997 рублей в виде процентов с капитала и 515 рублей от прихода.

В предыдущей главе приводилась фотография учеников Ивановской школы вместе с попечителем, учительницей и законоучителем (изо 4–10). Высказывалось соображение, почему на снимке, скорее всего, настоятель Николай Виноградов. Здесь приводится вырезка из этого снимка.

Напомним, что в 1915–1917 гг. батюшке пришлось заниматься вопросом о выделении земли под строительство нового здания училища при Ивановской суконной фабрике.

О. Николай встретил революцию, находясь на должности настоятеля Успенской церкви. О его дальнейшем служении будет рассказано далее, когда речь пойдет о годах советской власти.

Теперь настала пора поговорить о других клириках, служивших в фабричном храме в последние годы царской власти. Начнем с псаломщиков.

1889–1918?: Псаломщик Павел Семенович Любимов

Как уже рассказывалось, в первом составе причта Успенской церкви находился пономарь Семен Иванович Любимов. Прослужив в храме 21 год он, будучи уже на должности псаломщика, решил выйти за штат. На освободившееся место в составе причта в 1889 г. был определен его сын Павел.

В клировой ведомости (1916) приведен послужной список псаломщика Павла Семеновича Любимова, указан возраст 46 лет. Отмечено, что он обучался в Вифанской семинарии «по 1 классу»¹⁸⁸ и был уволен по собственному желанию в 1889 г. За неимением данных трудно судить о причине увольнения. Это могла быть как неуспеваемость в учебе, так и невозможность отца оплачивать обучение сына. После отчисления из семинарии в том же году Павел сначала был зачислен на должность псалом-

Изо 5–36. Законоучитель с ученицами
Ивановской школы, 1915–1917?

щика в село Каринское Звенигородского уезда. Но прослужил там всего несколько месяцев и был переведен в Ивановское на место в составе причта, которое освободил его отец Семен Иванович.

Таким образом, Павел Любимов оказался в составе причта Успенской церкви. В той же клировой ведомости написано о его доходах, что получает проценты с капитала 249 руб. и от прихода 128 руб. Итого 377 руб. В ПС отмечено, что в 1897–1898 учебном году *«состоял учителем пения в ц-приходской школе села Дарны Звенигород. у.»*. Делал это хорошо: *«За успешное обучение пению от Звенигородск. Отд. Кирилло-Мефодиевскаго Б-ва награжден 20 р.»*. С 1897 г. Павел стал *«учителем пения, садоводства и огородничества»* при фабричном училище. Занимался этим делом по 1913 г.

Приведенная информация о преподавании псаломщиком уроков *«садоводства и огородничества»* нашла подтверждения в других источниках. В отчете по школам Звенигородского уезда за 1903–1904 учебный год написано, что П. Любимов в Ивановской школе преподает *«садов. и огор. [...] во всех отделениях [классах]»* и получает за это *«40 р. в год»*¹⁸⁹. Помимо этого псаломщик преподавал пение в школе за такое же вознаграждение. Прямо скажем, 80 рублей – не такие уж большие деньги. Но для беднейших членов причта, каковыми были псаломщики, это была существенная прибавка к их доходам.

В другом архивном деле эта информация повторяется мимоходом. Данный документ посвящен совсем иному вопросу, его название такое: *«Дело о замещении диаконской вакансии при Успенской, при Ивановской суконной фабрике, церкви, Звенигородскаго уезда»*. В нем сказано, в какой тяжелой ситуации находился псаломщик Павел Семенович Любимов. Указанное дело было заведено в консистории по случаю ухода в 1910 г. из Успенской церкви дьякона Малышева (об этом служителе поговорим позднее). Был объявлен конкурс на замещение вакантной должности. Псаломщик хотел занять освободившуюся должность дьякона как более доходную.

Чтобы была лучше понятна сложившаяся ситуация, надо пояснить, что до революции (по крайней мере, в XIX и в начале XX века) в трехчленном причте (священник, дьякон, псаломщик) **доходы делились в пропорции 3:2:1** в соответствии с занимаемой должностью. Это означало, что все доходы клириков (как деньги, так и натуроплата в виде продуктов) сперва складывались, как бы теперь сказали, «в общий котел». А потом делились на 6 частей. Далее каждый получал в соответствии со своей должностью. Так священник получал три части из шести (т.е. половину всех доходов). Дьякон получал две части (т.е. треть). А псаломщику (дьячку, пономарю) оставалась одна шестая часть. В Успенской церкви было два причетника, поэтому доходы делились в пропорции 3:2:1:1. Это означало, что Павел Любимов получал только седьмую часть всех поступлений в храм. Если бы он занял должность дьякона, то его доходы разом бы удвоились. Дело оставалось только за малым: убедить священноначалие, чтобы его рукоположили в сан дьякона и назначили в причт Успенской церкви. А вот с этим то и возникли проблемы, т.к. были и другие желающие занять освободившееся место.

Следует отметить, что указанное архивное дело интересно бытовыми подробностями из жизни сельского духовенства. Подробностями, которые, увы, так редко встречаются в архивных документах. Поэтому имеет смысл остановиться на этом деле подробнее.

Итак, в июле 1910 г. псаломщик Павел Семенович Любимов подал на имя митрополита Московского и Коломенского Владимира прошение, в котором было написано:

*«Состоя псаломщиком 22-й год с 8 февраля 1889-го года, я кроме псаломнических обязанностей с 1897 года прохожу должность учителя пения, садоводства и огородничества в местном 2-х классном Министерском училище, состоял бесплатным учителем пения в Церковно-приходском училище села Дарны в 7 верстах от нас, где имел счастье петь с детьми обедню при освящении Вашим Высокопреосвященством храма того села. В 1898 году за успешное обучение пению от Звенигородскаго отделения Кирилло-Мефодиевскаго Братства был награжден. При своем же храме имею под своим управлением любительский хор. Такова моя охота к Церковному пению и к посильным занятиям в школе, занимая много времени лишаю меня возможности каким либо другим трудом достать средства к поддержанию большого моего семейства, состоящего из меня, жены, 8-х детей из коих 5 обучаются и 3 малолетних и безприютной слепой старушки няни. Кроме их у меня есть еще неприспособленные родители, которые пока в силах стараются поддержать кое-как сами себя, но по престарелости своей в скором времени должны совсем поступить на мое попечение»*¹⁹⁰.

В указанном деле имеются прошения и других кандидатов, которые пожелали занять освободившееся место дьякона в высокодоходном приходе. Таких желающих набралось около десятка человек. Интересно, среди кандидатов оказался и другой псаломщик Успенской церкви Петр Хруста-

лев. В своих заявлениях практически все соискатели жаловались на трудное материальное положение и просили удовлетворить их прошение. Сложно пришлось священноначалию в выборе претендента на дьяконское место. Ведь вакантное место было одно. И всем другим, кроме единственного счастливчика, пришлось бы отказать. В итоге выбор был сделан не в пользу псаломщиков Успенской церкви. Дяконом стал учитель Александр Сергеевич Нежданов (о нем еще поговорим).

В приведенной выше цитате сказано о 8 детях в семье псаломщика. Их имена стали известны из ПС, в котором приведены сведения о семейном положении П. С. Любимова по состоянию на 1916 г. Жену звали Клавдия Петровна. Сын Валериан (1890 г.р.) находился на военной службе, дочь Мария (1892) работала учительницей. Другия сыновья учились: Павел (1894) в Юрьевском университете, Иоаннⁱ (1896) и Борис (1898) в Вифанской семинарии (на казенном содержании). Также учились дочери Анна (1906) и Елена (1904) – в Филаретовском училище в Москве. А младший Алексей (1906) находился при отце, ходил в школу при Ивановской фабрике.

Павел Семенович оказался одним из долгожителей Успенской церкви. Последний документ, в котором встречается его фамилия – это архивное дело 1917 г.¹⁹¹. К тому времени стаж служения в Ивановском причте составил 28 лет. В конце данной главы будет рассказано о том, что в первые годы советской власти один из псаломщиков Успенской церкви отрекся от своей должности. И хоть фамилия его нигде не указана, по всей видимости, это был П. С. Любимов.

Как уже говорилось, в составе Успенского причта, который все время оставался четырехчленным, два места были причетническими. Вначале это были дьячек и пономарь. А после церковной реформы 1886 г. они стали называться псаломщиками. Интересно, что одно из этих двух мест в Успенской церкви всегда оставалось за семейством Любимовых. Сначала его занимал Семен Иванович. А в 1889 г. его сменил родной сын Павел Семенович, который оставался на этой должности как минимум до 1917 г.

1905–1907: Псаломщик Сергей Петрович Ильинский

Напомним, что на второй причетнической должности в причте Успенской церкви находился дьячек, потом псаломщик Петр Михайлович Глебов. Служил честно в общей сложности 37 лет. После его смерти на освободившееся место в составе причта 2 октября 1905 г. был назначен псаломщик из Москвы Сергей Петрович Ильинский.

Информацией о происхождении этого служителя поделился исследователь А. Н. Инюкин: *«отец его Петр Семенович Ильинский родом из Можайского уезда, сын дьячка. После окончания семинарии женился на дочери умершего священника села Подмошье [Дмитровского уезда] Марии Михайловне Соколовой. Т.е. женился “на месте”, получив на пропитание тещу и семь человек еще не пристроенных детей в возрасте от 6 до 20 лет»*. Петр Ильинский прослужил 40 лет священником в указанном селе Подмошье. Его сын Сергей (будущий псаломщик в Ивановском) появился на свет 14 июля 1877 г. Учился в Вифанской семинарии. По ее окончании в 1898 г. был *«определен в учителя начальной школы в с. Буйгород, Волоколамского уезда»*.

Эти сведения приведены в ПС Сергея Петровича Ильинского. Там же написано, что он с 1899 г. *«В продолжении трех лет слушал лекции в Императорском Юрьевском Университетеⁱⁱ по естественному отделению физико-математического факультета, из коего Университета вышел по болезни отца»*¹⁹². В 1902 г. Сергей был определен псаломщиком в Тихвинскую церковь в Малых Лужниках в Москве. Через три года по прошению был переведен в церковь при Ивановской суконной фабрике. Псаломщику в это время было 28 лет. На новом месте находился недолго, менее полутора лет. Помимо прямых обязанностей по службе в Успенском храме Сергей Петрович *«занимался со взрослыми рабочими по Закону Божию и по всем прочим предметам начальной школы»*.

Это вся информация, касающаяся пребывания Ильинского в Ивановском. Удалось найти сведе-

ⁱ В предыдущей главе рассказывалось, что в 1937 году директором Октябрьской школы был Иван Павлович Любимов. Возможно, это был тот самый Иоанн, который в 1916 г. учился в Вифанской семинарии.

ⁱⁱ В настоящей книге университет в г. Юрьеве упоминается уже не в первый раз. Напомним, что в третьей главе говорилось об учебе в нем Сергея Кураева. В начале этой главы говорилось об учебе сына псаломщика Павла Любимова, которого также звали Павлом. И вот еще один псаломщик Сергей Ильинский. Почему университет на окраине империи оказался таким популярным? Возможно, ответ кроется в том, что все три упомянутых студента не были из состоятельных семей. Наверное, им была не по карману учеба в университете Петербурга или Москвы.

ния о его дальнейшей судьбе. В начале января 1907 г. из причта Успенской церкви Сергей Петрович *«был перемещен в Псаломщика к Московской Троицкой, что в Троицкой, на Самотеке, церкви»*. В 1910 г. его рукоположили в сан священника и определили в Богородицержественскую церковь села Крылатское Московского уезда (ныне это Москва). На новом месте Сергей Петрович стал законоучителем в двух земских школах. Его наградили набедренником (1914) и двумя медалями Российской империи. Имел семью: жену Нину Ивановну, сыновей Николая и Ора, дочь Валентину.

В Крылатском Ильинский служил одиннадцать лет и в ноябре 1921 г. был переведен во Владимирский храм села Большие Мытищи Московского уезда. Здесь батюшка прослужил восемь лет, пока его в 1929 г. не арестовали органы ОГПУ. Священника и еще 8 человек обвинили по 58-й статье ч.10 Уголовного кодекса (УК) РСФСР в том, что они *«противились планам по закрытию их церкви»* (в архиве ФСБ хранится следственное дело). Несмотря на то, что о. Сергей свою вину не признал, он был осужден на пять лет с отбыванием срока в исправительном трудовом лагере на Соловках. Ильинский погиб 31 июля 1930 г. *«при неизвестных обстоятельствах. Место его погребения неизвестно»*. В 1993 г. был реабилитирован.

Через интернет удалось найти дальнего (по боковой ветви рода) потомка С. П. Ильинского, им оказался Дмитрий Игоревич Ткаченко. Он сообщил сведения о судьбе потомков: *«дети Ильинского, наверное, до [19]60-х годов жили в доме при церкви в Мытищах. Домашние их имена: Колик, Валик и Орик. [...] У Николая своих детей, насколько я знаю, не было. У Ора и Валентины дети были. [...] Думаю, прямые потомки отца Сергея живы, возможно, продолжают жить в Мытищах»*.

1907: Псаломщик Сергей Михайлович Никитский

Продолжим рассказ о причетниках Успенской церкви при Ивановской суконной фабрике.

На место ушедшего из причта Сергея Ильинского уже в феврале 1907 г. прибыл его тезка учитель **Сергей Михайлович Никитский**. В справочнике написано, что Сергей родился 11 октября 1885 г. в семье псаломщика Михаила Владимировича¹⁹³. По окончании в 1900 г. Законоспасского училища поступил в Московскую духовную семинарию. Согласно ПС по окончании семинарии в 1906 г. получил направление в церковно-приходскую школу при хоре Лаврова в Москве¹⁹⁴. Проработал там менее года и был определен к Успенской церкви в Ивановское на должность псаломщика. Никитский заменил Ильинского не только в составе причта храма, но и на месте преподавателя в школе для взрослых. Помимо этого он работал законоучителем в министерском училище при Ивановской фабрике.

Из всех служителей Успенской церкви, чьи имена удалось установить, самый короткий срок нахождения в составе ее причта оказался у Сергея Никитского: менее одного года. Возник естественный вопрос: почему так мало прослужил, зачем вообще приходил в Ивановское? Ответ стал очевиден, когда стало известно, куда псаломщик перевелся и главное – на какую должность. Он стал священником и был определен 1 сентября 1907 г. на свободное место настоятеля Богоявленской церкви в село Семеновское Бронницкого уезда, стал там законоучителем в местной школе.

На новом месте Никитский помимо служения в храме занимался общественной деятельностью. Был членом ревизионной комиссии училищного совета, участвовал в открытии общества трезвости и певческого общества. В 1913 г. Сергей Михайлович был переведен в Князь-Владимирский женский монастырь в Подмоскovie. Здесь также был законоучителем. Священник был женат на Марии Васильевне. Семья была многодетной: четыре сына и дочь.

В архиве РГИА обнаружен еще один послужной список Никитского, более поздний. Из него стало известно, что в 1913 г. о. Сергей был награжден набедренником, в 1916 скуфьей. В 1918 *«Святейшим Патриархом Тихоном лично награжден камилавкой»*¹⁹⁵. А в 1920 по указу патриарха ему был вручен золотой наперсный крест. В том же документе отмечено, что в 1919 г. Никитский был перемещен к Владимирской церкви села Красково Московской области.

О дальнейшей жизни Сергея Михайловича при советской власти стало известно из недавно опубликованной статьи. Ее автор исследователь В. В. Никонов подробно изучил три сохранившихся в ГАРФ архивных дела об арестах священника. Оказывается, *«в период с 1919 по 1932 г., он [Сергей Никитский] арестовывался четыре раза, и еще одно, пятое, дело арестом не закончилось»*¹⁹⁶. Первые священник был осужден в апреле 1920 г. на один год тюремного заключения по обвинению в *«неподчинении Декрету об отделении Церкви от государства и в контрреволюционной агитации»*.

В следующий раз о. Сергию вменили в вину то, что продавал книги религиозного содержания,

вел «антисоветскую пропаганду среди населения, путем распространения священной литературы». Прихожане Владимирского храма на это действие властей отреагировали так: «написали прошение в ЧК с просьбой отпустить священника “на поруки”».

Очередное следственное дело в отношении Никитского было прекращено по амнистии, последовавшей в связи с годовщиной революции. «В 1924 г. он вновь привлекался к уголовной ответственности — за самовольную порубку леса». Здесь ситуация понятная: а чем было отапливать помещения зимой, когда священнику, как «вражескому элементу», власть дрова не отпускала?

В 1932 г. о. Сергия вновь арестовали. На сей раз обвинения были уже более серьезными по 58-й статье УК РСФСР. Ему вменялись в вину монархические и антисоветские настроения, проведение крестных ходов. Была даже попытка предъявить обвинение в изнасиловании. На заседании «тройки» был вынесен обычный в те годы приговор: три года лагерей. Никитский был направлен на север на строительство Беломорско-Балтийского канала. Через год священнику заменили лагерь на поселение в с. Послово Орловской области. В публикации Никонова приводится текст заявления, поданного Никитским: «Прошу разрешить мне выехать на свидание с семьей и престарелой /75 лет/ матерью. В настоящее время сильно больной, проживающей в с. Красково Ухтомского района Московской обл.». Однако в просьбе увидеть больную мать власти отказали.

В интернете удалось найти дополнительные сведения о священнике Никитском. На сайте Владимирской церкви села Красково написано, что о. Сергей служил в храме в 1919–1932 гг. Здесь стал протоиереем¹⁹⁷ (эта информация документами не подтверждается). Приведена фотография креста на могиле настоятеля. Из текста на табличке стало понятно, что Сергей Михайлович умер в 1937 г. Там же приведено имя матушки Марии Васильевны, умершей в 1969 г. На сайте Владимирского храма есть информация о том, что жива правнучка о. Сергия – Мария Колядина.

Хотелось бы высказаться о двух причетниках Успенской церкви, двух Сергеях – Ильинском и Никитском. В их судьбах оказалось довольно много общего. Оба приехали на фабрику молодыми, были назначены в Успенский храм на должность псаломщика. Обучали взрослых рабочих грамоте. Оба были женаты и имели по несколько детей. Срок пребывания в Ивановском обоих оказался коротким. Для фабричной церкви это нетипично, т.к. места в ее причте считались хорошими и было много желающих их занять. Но оба причетника здесь не задержались, т.к. хотели стать священниками. И, в конце концов, стали ими. Надо отдать должное, что после прихода советской власти оба не отреклись от своего сана, хотя подвергались со стороны советской власти гонениям за веру. Вот такие оказались совпадения в судьбах двух служителей Успенской церкви при Ивановской фабрике.

1908–1917?: Псаломщик Петр Дмитриевич Хрусталеv

В феврале 1908 г. в причт на место Никитского пришел новый псаломщик Петр Дмитриевич Хрусталеv. По сравнению со своими предшественниками он оказался еще моложе – 19 лет (родился в 1889). Обучался в Московской духовной семинарии, но из третьего класса по собственному желанию уволился. Спустя год оказался в Ивановском. В 1909 г. был посвящен в стихарь. В клировой ведомости 1916 г. отмечено, что проживает в деревянном крытом железом доме. Там же написано, что имеет доход 249 руб. в виде процентов с капитала церкви и еще 128 руб. от прихода (цифры в точности такие, как у другого псаломщика Павла Любимова). Указаны имена супруги Серафима

Изо 5–37. Захоронение Никитских, 2021.

Сергеевна и двух детей Лариса и Валентина. Поведения «отлично-хорошаго»¹⁹⁸.

Об этом слуге информации также немного. Его имя упоминалось в деле 1910 г., в котором шла речь о замещении вакантной должности дьякона в причте Успенской церкви. Как уже говорилось, не только псаломщик Павел Любимов подал прошение, то же самое сделал и его коллега Петр Хрусталева. В бумаге на имя митрополита Владимира он написал: *«Я сын беднейшаго сельского псаломщика. Отец мой умер 1-го марта сего года, оставив больную мать и двух малолетних сестер на мое попечение; а у меня начинает быть свое семейство. Кроме того, когда я поступил на настоящее место, то купил дом у своего предместника [видимо, Никитского – Авт.], для чего занял денег в церкви, которая теперь и приходится выплачивать, так что на пропитание мне с двойною семьей остается [денег] очень мало, а условия жизни нашего прихода городские. В виду изложенного бедственного положения я еще раз припадаю к стопам Вашего Высокопреосвященства Милостивейшаго Отца и Архипастыря и убедительнейше прошу сжалиться над моей больною матерью с сиротами и не оставить моей просьбы без Вашего Архипастырского внимания и предоставить мне сие место»*¹⁹⁹.

Увы, такое жалостливое прошение Хрусталева (как, впрочем, и Любимова тоже) не возымело на священноначалие действие. Как уже говорилось, в МДК выбрали другого претендента.

По информации от А. Н. Инюкина Петр Дмитриевич с конца 1917 г. служил дьяконом в Николаевской церкви при дер. Малышево Бронницкого уезда. Информацию о служении в Малышево подтверждает документ 1926 г.²⁰⁰. О дальнейшей судьбе слуге данных нет.

1902–1910: Дьякон Александр Александрович Малышев

Поговорим теперь о дьяконах Успенской церкви. Напомним, что летом 1902 г. скончался занимавший эту должность Павел Петрович Богословский. По итогам конкурса на замещение вакантного места был выбран Александр Александрович Малышев. В справочнике говорится, что родился он 7 апреля 1875 г. в семье мещанина г. Бронницы Александра Николаевича Малышева²⁰¹. Получается, что Александр был не из семьи церковнослужителей. Довольно редкое в то время явление.

После окончания Звенигородского духовного училища в 1893 г. А. А. Малышев поступил в Московскую духовную семинарию, которую через пять лет окончил с аттестатом второго разряда. Согласно клировой ведомости (сведения из нее предоставлены исследователем М. Б. Морозовым), Александр был в 1898 г. направлен учителем в одну из церковно-приходских школ Богородского уезда. В апреле 1901 г. его определили *«в псаломщика к Московской Знаменской, на Знаменке, церкви»*²⁰². Там находился недолго и уже осенью следующего года был произведен в дьякона и получил назначение в Успенский храм при Ивановской фабрике. В это время Александру было 27 лет. Здесь он сразу стал *«руководителем местного церковного хора»* (занимался этим по 1907 год). Помимо этого был учителем в местной *«школе великовозрастных рабочих фабрики»* (по 1905). И был помощником законоучителя в двухклассной школе в Ивановском.

Как и в отношении большинства других слуге Успенской церкви о Малышеве особых дел в консистории не заводилось. Точнее было одно, но оно оказалось уничтожено, известен только его заголовок: *«Прошение диакона Успенской на Ивановской фабрике церкви Малышева о побуждении вдовы предшественника к продаже ему дома, 1903»*.

Хотелось бы дать пояснения к этому делу, хоть оно и утрачено. Прибывшему в Ивановское новому слуге (А. А. Малышеву) необходимо было где-то жить. У Александра Александровича и его жены Марии Васильевны был как минимум один ребенок. Дом же, который предназначался Малышеву по должности, занимала вдова скончавшегося дьякона Богословского. Судя по заголовку несохранившегося дела, она не хотела продавать свой дом новому клирику. Понятно, что вдова тоже должна была где-то жить, не выгонять же ее на улицу. Как разрешилась эта коллизия – осталось непонятно, в других источниках об этом деле не сообщается.

В 1910 г. Малышев, надо полагать по собственному желанию, перевелся в Сергиевскую церковь в Рогожской слободе в качестве *«диакона на вакансии псаломщика»*. Можно сказать, что пошел на понижение. Правда это была Москва, где доходы клириков обычно выше. Это подтверждают и данные о том, сколько он получил в 1916 г. на новом месте: *«кружечного дохода – 555 р., % денег 233 р., арендатор – 202 р.»* (последнее, видимо, означало получение платы от сдаваемого жилья в наем). А еще Малышев был законоучителем в школе, за что тоже получал зарплату. Так что в деньгах он не прога-

дал (можно сравнить с доходами заменившего его в причте Успенской церкви дьякона Нежданова за тот же год – они меньше). Но стал ли жить лучше – сказать трудно. Ведь жизнь в Москве была дороже.

О конкурсе, объявленном в 1910 г. на замещение освободившегося дьяконского места в составе причта Успенской церкви, уже не раз говорилось. Оба местных псаломщика Любимов и Хрусталеv подавали прошение, которые в итоге были отклонены. Думается, что священноначалие при выборе кандидата на должность в первую очередь смотрело на его образование. Так Любимов отучился только один класс в семинарии, Хрусталеv три класса. Тогда как победивший в конкурсе Нежданов ушел из пятого класса Вифанской семинарии. Надо полагать, поэтому и победил в конкурсе.

На этом примере хотелось бы отметить, что в церковной среде (по крайней мере, в XIX веке) от полученного образования напрямую зависело, какую должность занимал служитель и, соответственно, какие доходы получал. Лучшее образование давало возможность стать диаконом, священником. А более высокое положение в причте давало больше средств (напомним о пропорции дележа доходов служителей 3:2:1). Поэтому понятно стремление в семьях дать детям хорошее образование. А это было совсем непросто, т.к. обучение в духовных училищах и семинариях было платным и довольно дорогим. Можно сказать, что многие родители, что называется, «из кожи лезли», чтобы дать возможность своим детям учиться. Только в исключительных случаях с учеников (сирот и детей особо бедных клириков) не брали денег за учебу.

1910–1918?: Дьякон Александр Сергеевич Нежданов

Итак, дьяконское место в составе причта Успенской церкви в 1910 г. занял Александр Сергеевич Нежданов. О нем известно, что в 1907 г. он уволился из семинарии *«по семейным обстоятельствам»*. И вскоре был *«назначен учителем ц-приходской школы при фабрике Чернышевых Московского у.»*²⁰³. Это сведения из ПС, который приведен в клировой ведомости 1916 г. Там же написано, что 26 августа 1910 г. А. С. Нежданов был направлен в Успенскую церковь при Ивановской фабрике. Сразу по приходу стал *«учителем в школе великовозрастных рабочих фабрики мужчин и женщин»*. В следующем году уже был законоучителем в 2-классном училище. Находился в этой должности два года, а с 1913 г. перешел на аналогичную же должность в Петровское начальное земское училище. Помимо этого Нежданов состоял *«бесплатным учителем церковного пения»* в Аносином монастыре. А в 1916 г. стал учителем пения в 2-классном училище при Ивановской фабрике.

Теперь о беде, которая случилась с дьяконом вскоре по прибытии в Ивановское. Ранее уже рассказывалось о трех пожарах, случившихся осенью 1910 г., от которых пострадали жилые дома клириков Успенской церкви. В первом пожаре, произошедшем 9 ноября, сгорел дом дьякона вместе с двором. Ущерб оценивался в 1.700 руб., тогда как постройки были застрахованы только на 1.200 руб.²⁰⁴. Сгоревшее имущество А. С. Нежданова было оценено в 150 руб. Положение усугубляло еще и то, что деньги по страховке Александр Сергеевич получить не мог. Причина этого объяснена в другом архивном деле, в котором имеется прошение, поданное Неждановым в консисторию:

*«В ноябре месяце 1910 года меня постигло тяжелое несчастье: сгорел дом, в котором я жил. Страховой премии мне не пришлось получить, потому что сгоревший дом принадлежал моему предшественнику диакону, у которого я и хотел купить его с разсрочкой платежа. В настоящее время я живу на квартире. Нужда же в помещении и недостаточность собственных средств заставили меня обратиться за помощью к церкви. Причт и церковный староста, войдя в мое положение, согласны ссудить мне заимообразно из церковных сумм 1000 рублей на постройку дома [...] обязуюсь [их] выплатить в 5 лет, уплачивая ежегодно по 200 рублей»*²⁰⁵.

Указанное прошение завизировано подписями настоятеля храма И. Бобцова и церковного старосты С. М. Попова, которые подтвердили возможность выдачи дьякону просимой им суммы. Интересно, что это было уже второе прошение Нежданова о выдаче займа. В первой бумаге, написанной сразу после пожара, он просил выдать ему 1.500 руб. И получил на это разрешение от причта. Но почему-то потом дьякон стал просить меньшую сумму. Видимо, решил, что хватит и этих денег.

В указанном деле имеется донесение благочинного, в котором приведена справка о капиталах Успенской церкви. Написано, что в Успенской церкви имеется 33.743 руб., что препятствий к выдаче займа Нежданову нет, т.к. храм потребности *«в капитальных ремонтах не имеет»*. Еще отмечено, что с банковского капитала 52.804 руб. на долю дьякона приходится в виде процентов 502 руб. в год.

В клировой ведомости Успенской церкви 1916 г. сведений о займе Нежданова нет. Надо пола-

гать, что свой долг он к тому времени погасил. В документе приведены данные о том, что дьякон получает «с капитала 498 р. 51 коп. и от прихода 257 р. 50 к.». Там же говорится о его семейном положении. Жену звали Ольга Петровна, были две малолетние дочери Лида и Зина.

В документах советского периода фамилия служителя Нежданова не встречается. Можно предположить, что он ушел из причта спустя некоторое время после прихода к власти большевиков. Сведений о судьбе последнего дьякона Успенской церкви и его семьи нет.

Дома причта

Ранее уже неоднократно упоминались жилые дома клириков Успенской церкви. Теперь настала пора поговорить об этом подробнее.

Еще при постройке храма П. Г. Цуриков позаботился о жилье для его служителей. Напомним, что в своем прошении он обещал построить дома для проживания будущих клириков и их семей. И свое обещание выполнил. Были построены четыре деревянных дома с хозяйственными постройками на земле, выделенной Ивановскими крестьянами. Как потом говорил псаломщик Петр Глебов: «Дома и надворные строения вполне были приготовлены Павлом Григорьевичем Цуриковым к нашему приезду» (т.е. к осени 1868 г.). По свидетельству очевидцев: «Дома церковнослужителей прекрасные».

В страховой ведомости 1910 г. написано, что жилище клириков располагалось близи Успенского храма на расстоянии от 13 до 33 саженей (от 28 до 75 метров) в северном направлении (на самом деле ближе к западному). Расположение домов показано на карте местности в деле о планируемой постройке нового здания фабричного училища в 1915 г. (об этом подробно рассказывалось в предыдущей главе). Отметим, что показанная на плане (изо 4–11) «Дорога в село Ивановское» в советские годы была названа Школьной улицей. В левой части изображения хорошо видны расположенные в один ряд четыре квадрата – это обозначения четырех жилых изб клириков Успенской церкви. К сожалению – где чей дом? – нигде не помечено. Но в одном из дел говорится, что дом священника находился в 14 саженях от кладбища и в 35 саженях от министерской школы²⁰⁶. Это означает, что жилье настоятеля, по всей видимости, было самым дальним от храма. Напомним также, что в рассмотренных делах о пожарах говорилось, что дома дьякона и вдовы священника стояли рядом.

Постройки клириков попали на фотографическую карточку, сделанную в зимнее время. На дальнем плане Успенская церковь, а на переднем – постройки хозяйственного двора кого-то из членов местного причта.

В семейном архиве Шуберт сохранился снимок, сделанный с того же ракурса, но в летнее время. Он уже приводился ранее – см. изо 5–14. На изображении перед церковью видны те же хозяйственные постройки. А на ближнем плане расположен дом с мезонином (на упомянутом плане местности

Изо 5–38. Фотокарточка с видом Успенской церкви в Ивановском (фрагмент).

1915 г. он показан в стороне от других домов причта). Как ранее уже говорилось, это бывший дом псаломщика, в котором какое-то время располагалась ремесленная мастерская. Можно предположить, что подобные симпатичные домики с мезонинами были и у других клириков. По крайней мере, дьякон точно жил в доме с мезонином (об этом говорилось в деле о пожаре).

П. Г. Цуриков выполнил свое обещание о передаче жилых домов в собственность клирикам. Только, судя по книге Голубева, это случилось не через 10 лет после постройки храма, а на два года позже в 1880 г.²⁰⁷. Кому достались дома – в книге не сказано. Однако состав причта Успенской церкви на этот год известен: священник Волхонский, дьякон Смирнов, дьячек Глебов и пономарь Любимов. Трое из них служили в храме с самого его освящения (т.е. 12 лет). А дьякон находился в причте 7 лет.

Так что есть все основания полагать, что именно этим служителям и перешли в собственность дома, в которых они жили с семьями. Спустя какое-то время был построен пятый дом для псаломщика – тот самый, который попал в кадр как ремесленная мастерская (изо 5–14).

Остался не выясненным вопрос: а где жили служители, которые получали назначение в причт Успенской церкви? Судя по клировой ведомости, в Ивановском в 1916 г. помимо семей четырех штатных клириков проживали: вышедший за штат псаломщик Глебов, вдова священника Голубева и вдова дьякона Богословская. Вряд ли их выгоняли из своих домов прибывавшие на службу клирики. Тогда где они жили со своими семьями? Об этом нигде не говорится.

Служители Успенской церкви в годы советской власти

Уже приходилось говорить об историческом парадоксе: первые годы советской власти ближе к нам по времени, чем XIX столетие, а тем более XVIII. Но исторических документов 150–, 200–летней давности зачастую больше, чем 80–, 100–летней давности. Это, в общем-то, понятно и объяснимо. После революции Церковь была отделена от государства, спустя какое-то время начались гонения на служителей, происходили закрытия и уничтожения храмов вместе с церковными архивами. Церковный документооборот резко сократился. А те документы, которые велись в советское время, до наших дней сохранились плохо, многие оказались утрачены. Отсюда так много лакун, провалов в истории храмов и их служителей в XX веке.

Некоторую информацию можно почерпнуть из местной прессы и документов советского периода времени. Но надо иметь в виду, что в этих источниках много пропаганды, злобных выпадов в адрес Церкви. Служители изображались только в негативном свете, статьи в газетах и журналах зачастую сопровождалась большой долей вранья. Священники назывались не иначе, как насмешливыми словами «*батя*» или «*поп*». Отношение к ним у авторов публикаций было уничижительно-карикатурное и нередко оскорбительно-издевательское. Вот пример такой заметки с заголовком «*Церковная лавочка*», опубликованной в районной газете «Воскресенские известия» в 1923 г.: «*Гражданка д. Петровской Луч. вол. Кованцева принесла в Ивановскую церковь хоронить своего родственника. Только было поп хотел начать отпевание – крестьянка его спрашивает: – Сколько-же вам батюшка за труды? – Четыреста – прохрипел поп. – Да у меня, батюшка, и денег-то только 150 мил.ⁱ ... Где-же я больше-то возьму?... Расвирипел поп ... Такой крик поднял в церкви, что хоть всех святых вон выноси. Однако кое-как успокоился и взял с крестьянки расписку в том, что через 3 дня она принесет все деньги, отпел покойника. Вот что действительно – с хорошей коммерческой смекалкой Ивановский поп. Интересно бы узнать – пени он взимает за просроченный срок уплаты? Комсомолец²⁰⁸*».

Задачей таких публикаций было очернить Церковь, заставить людей разувериться в ней, чтобы они отвернулись от Бога. Поэтому к материалам советского периода следует относиться соответствующим образом, взвешено, не принимать, безусловно, на веру все, что написано. Хотя, как известно, дыма без огня не бывает. Поэтому игнорировать вовсе такие враждебные публикации все же не стоит, зачастую это единственный источник информации о храмах, людях, живших в то время. И потом они отображают дух того времени, показывают в каких трудных условиях (во всех смыслах – материальном и моральном) жили церковнослужители и их семьи.

После свержения царя и прихода к власти большевиков жизнь в стране, особенно в глубинке, не сразу стала меняться. Какое-то время все шло своим чередом. Богослужения в Успенской церкви проходили как и прежде, правда, возможно, пореже. В храме продолжал служить священник Николай Виноградов (по всей видимости, один), его имя неоднократно упоминалось в документах среди жителей Ивановского в первой половине 1920-х гг. (думается, что это о нем шла речь в приведенной газетной заметке 1923 г. об отпевании покойника в церкви). А вот фамилии других членов причта ни в каких документах советского периода времени или в воспоминаниях ни разу не встретились. Надо полагать, что они вскоре после революции ушли из Успенской церквиⁱⁱ.

Причины ухода служителей из храма могли быть разные. Кто-то мог умереть или перейти в другой храм. Кто-то мог под давлением советской власти просто перестать служить, а то и вовсе от-

ⁱ «150 мил.» – это 150 миллионов рублей. В советской России в то время была гиперинфляция денег.

ⁱⁱ В приложении–14 у «исчезнувших» служителей Успенской церкви условно проставлен 1918 год со знаком вопроса (?) как дата возможного ухода из причта.

речься от святой Церкви и своего сана. Судя по всему, один такой «отказник» оказался среди клириков Успенской церкви. Об этом свидетельствуют воспоминания А. М. Шуберт: «Так, например, в Ивановском в 1918 году в первую же партийную [местную ячейку коммунистической партии – Авт.] поспешил вступить пономарь Ивановской церкви». Фамилия служителя не указана. Кто бы это мог быть? Перед революцией в составе причта Успенской церкви находились два псаломщика (по старому – пономаря). Ранее говорилось, что Петр Дмитриевич Хрусталева в конце 1917 г. перешел в храм Бронницкого уезда, а на его место, учитывая обстановку того времени, могли никого и не назначить. В причте оставался другой псаломщик – Павел Семенович Любимов. Получается, что его Шуберт имела в виду? Возможно. Особенно, если принять во внимание, что в 1937 г. директором Октябрьской школы был Иван Павлович Любимов, а у псаломщика как раз был сын Иоанн. И все же, полной уверенности, что отрекшимся служителем был П. С. Любимов, нет.

1914–1924?: Священник Николай Мефодиевич Виноградов (окончание)

В архиве ЦГАМ обнаружен «Протокол собрания священно-церковнослужителей церквей благочиния 2-го округа Звенигородского уезда от 19 июля 1922 г.»²⁰⁹. Из села Ивановского на нем присутствовал только «свщ. Николай Мефодиев Виноградов». На собрании обсуждались «принципы жизни церкви», иначе говоря, идеи обновленческого движения. Некоторые из служителей потом примкнули к раскольникам-обновленцам. Виноградов не был в их числе, он остался приверженным традиционной Церкви. Доказательством этого служит «Список должностных лиц Московского Епарх. Управления и лиц, особо послуживших делу восстановления нормального порядка церковного управления и церковной жизни с июня 1923 года, кои признаются заслуживающими награждения ко дню шестой годовщины возведения на Патриарший престол Его Святейшества Святейшего Патриарха Тихона»²¹⁰. Среди множества служителей, представленных к награждению наперсным крестом, была указана фамилия священника Николая Виноградова. Правда в списке она оказалась почему-то зачеркнутой. Надо полагать, что награждение священника не состоялось. В пользу это говорит и то, что согласно другому документу в 1924 г. он вновь был представлен к той же награде²¹¹.

Советская власть всячески притесняла служителей Церкви, ущемляла их гражданские права. Среди одной из широко практикуемых мер было введение запрета на участие в выборах в государственные органы власти и права быть в них избранным. Таких лиц в народе называли «лишенцами». Фамилия священника Виноградова из Ивановского встречается в списке лишенных избирательных прав по Лучинской волости за 1923 год²¹².

В последний раз имя батюшки встретилось еще в одной критической заметке, опубликованной в районной газете в 1924 г.: «На „Пасхе“ в д. Петровской Луч. вол. должны были прийти [именно так напечатано!] служить молебен попы Ивановской церкви – „отец“ Антонин и Николай. На организованных началах „святые отцы“ взяли и сделали „бунт“, т.-е. отказались идти пешком до д. Петровской. Для переговоров они прислали церковного сторожа „Вовочку“. Но толку из переговоров получилось мало – крестьяне ехать за попами не согласились: „если им деньги нужны, дойдут пешком“, – заявили некоторые крестьяне. И действительно, на другой день поп Антонин, чем [чуть] свет прибежал пешком служить молебен. Хорошо сделали крестьяне, что не дали попу подводу, но надо было-бы и совсем не пускать его в деревню. Пусть привыкает работать, а не на глупости людской деньги наживать. Селькор»²¹³.

По всей видимости, 1924-й был последним годом служения Виноградова в Успенской церкви. О причине его исчезновения из Ивановского, и о дальнейшей судьбе никаких данных нет.

1923?–1925?: Иеромонах Антоний (Волчков)

В газетной заметке помимо о. Николая упомянут «поп Ивановской церкви Антонин». Надо полагать, что это второй священник. Это был единственный случай в истории Успенской церкви, когда в причте находились два иерея. Имя «Антонин» с пометкой «Сл. Рел. Кул.» (служитель религиозного культа) имеется в списке лишенцев. Он также упоминается в аналогичных списках для селения Ивановского за 1924 и 1925 годы (фамилии Виноградова там нет). Причем интересно, что в первом документе записан как «Волчков Антония»²¹⁴, а во втором как «Волчков Антон, 45 [лет], манах, священник»²¹⁵.

После анализа всех обнаруженных данных получается следующее. Не позже 1923 г. в причте Успенской церкви появился иеромонах Антоний (Волчков). Он пробыл в Ивановском около двух лет. Первое время служил в храме вместе с о. Николаем Виноградовым, а потом один. После 1925 г. его имя в документах Успенской церкви не встречается.

СПИСОК

лиц не имеющих права избирать и быть избранными в Совет, согласно конституции Р. С. Ф. С. Р.
Лучинской вол., Воскресенского уезда.

№	Фамилия, имя и отчество.	Место жительства.	Причины отстранения от выбора.	№	Фамилия, имя и отчество.	Место жительства.	Причины отстранения от выбора.
1	Романов, Петр Павл.	Бужарово.	Был. торг.	45	Шанин, Евстафий А.	Ибедино.	Был. торгов.
2	Зосимов, Николай.	"	"	46	Лихоман, Степан.	Никудино.	"
3	Малов, Илья Карп.	Борисово.	"	47	Каменицкий, Егор.	Дергайское.	"
4	Голосастиков, Александр.	Васильевское.	Торгов.	48	Богородский, Евстафий.	Давыдовское.	"
5	Фидеев, Иван.	Борисово.	"	49	Комнов, Филия.	Бужарово.	"
6	Степанов, Иван.	"	"	50	Романов, Петр Павлович.	"	"
7	Сироткин, Дмитрий.	Дубровское.	"	51	Зайцев, Николай.	"	"
8	Шанин, Федор Иванович.	"	"	52	Миронов, Евдимию Иванович.	д. Сичеево.	Судился.
9	Голосов, Данил.	"	"	53	Шадеев, Герасим.	д. Вильямин.	"
10	Голосов, Василий.	Юфимово.	"	54	Юсупов, Александр Иван.	с. Петровск.	"
11	Копейкин, Герасим.	Земляно.	Был. торг.	55	Савинов, Михаил.	д. Крюково.	"
12	Кузьмин, Михаил.	"	"	56	Мещанинов, А. Ф.	д. Ивановск.	"
13	Мещанинов, Ефим М.	Нильское.	"	57	Земсков, Мих. Андр.	"	Б. торгов.
14	Евстратов, Степан.	Лушино.	"	58	Сергеев, Б.	д. Кострово.	"
15	Иванов П.	Ст. Н.-Иерус.	Торгов.	59	Антоний.	д. Ильяшино.	Сл. Ряз. Куд.
16	Паршин, Павел.	Луговское.	"	60	Страшнов, Тимофей Мих.	д. Бужарово.	Исповедник.
17	Будзин, Евстафий.	Михайлово.	"	61	Скрябин, Тимофей Иван.	д. Сидорово.	"
18	Голосов, Андрей.	"	"	62	Кузьмин, Федор Алекс.	д. Вильямин.	Торгов.
19	Вольнов, Алексей.	"	"	63	Ирегалов, Дмитрий Карп.	д. Ивановск.	"
20	Павлов, Борис П.	"	"	64	Ирегалов, Агрия Григ.	"	"
21	Болдин, Иван Алексеев.	Никудино.	Свищевик.	65	Телишев, Михаил Иванович.	д. Железняк.	Исповедник.
22	Орлов, Петр Петров.	Бужарово.	"	66	Кухтин, Евстафий Егор.	д. Ивановск.	Торгов.
23	Савилов, Алексей.	Фалатово.	"	67	Кухтин, Василий Захаров.	"	"
24	Велицкий, Василий.	Бужарово.	"	68	Голосастиков, Григор. Пав.	Ст. Н.-Иерус.	"
25	Тропаревский, Алекс.	Александрово.	"	69	Голосастиков, Алекс. Григ.	"	"
26	Орлов, Сергей Пав.	Павлов.-Руб.	"	70	Голосастиков, Алекс. Пав.	"	"
27	Орлов, Иван Иванович.	Нильское.	"	71	Смолов, Дмитрий Петров.	д. Ивановск.	"
28	Васильев, Николай.	Нильское.	"	72	Смолов, Евстафий Иван.	"	"
29	Лавин, Иван Яков.	Павлов.	Служ. волн.	73	Осипов, Евстафий Андреев.	д. Сичеево.	"
30	Ефимов, Павел М.	Телишино.	"	74	Чуровкин, Николай Андр.	д. Ефимово.	"
31	Миронов, Николай.	Петровское.	"	75	Кузьмин, Василий Тимоф.	д. Сичеево.	"
32	Лавров, Семен.	"	"	76	Вильямин, Мирон Никол.	Васильевское.	"
33	Сергеев, Николай П.	Телишино.	"	77	Фидеев, Александр Никол.	д. Лушино.	"
34	Тарасов, Тимофей А.	Фалатово.	"	78	Евстинов, Николай Тимоф.	"	"
35	Иванов, Василий П.	Холмоново.	"	79	Тихоняцкий, Дмитр. Иван.	Васильевское.	"
36	Морозов, Андрей.	"	"	80	Румянцева, Евстафий Пав.	Савиновское.	"
37	Павлов, Василий.	Бужарово.	"	81	Корнеев, Никол. Иван.	Савиновское.	Удостовер.
38	Павлов, Прохор.	"	"	82	Кухтин, Иван Иванович.	д. Лушино.	"
39	Чуровкин, Иван Тимоф.	"	"	83	Корнеев, Мария Никандр.	Петровское.	Торгов.
40	Матвеев, Иван А.	"	был. торг.	84	Чумачев, Сергей Василь.	Лушино.	"
41	Васильев, Андрей.	Бужарово.	"	85	Кукуев, Семен Михайлов.	Петровское.	"
42	Страшнов, Тимофей.	"	"	86	Труфанов, Иван Васильев.	Бужарово.	Предприним.
43	Гудачев, Иван Алекс.	Железняк.	"				
44	Гудачев, Николай П.	"	"				

Председатель Избирательной Комиссии Я. Воронков.

Председатель Избирательной Комиссии Я. Воронков.

Изо 5Л-39. Список лиц, лишенных избирательных прав по Лучинской волости, 1923.

Кто был этот монах Антоний, откуда он прибыл в Ивановское и что с ним потом стало, куда ушел? Исторического документа с ответами на эти вопросы нет, однако предположение имеется.

На сайте Свято-Троицкого Сканова монастыря Пензенской области на страничке братии упоминается архимандрит Антоний (Волчков). Приведены сведения из его ПС: «Родился 15 октября 1865 года в с. Усть-Каремии Нижнеломовского района. В 1879 – 1895 гг. жил и воспитывался в монастыре. 20 декабря 1895 года он был определен послушником Наровчатского Троицкого Сканова мужского монастыря. В 1896 г. о. Антоний был пострижен в монашество, 8 ноября 1896 г. – рукоположен во иеродиакона, а 12 ноября 1897 г. – во иеромонаха»²¹⁶. Далее отмечается, что «О. Антоний – человек ласковый и заботливый, любим населением. [...] 22 мая 1916 г. Стяжнинская община была преобразована в монастырь, а настоятель иеромонах Антоний возведен в сан игумена, затем – в сан архимандрита».

Следующая информация на сайте относится уже к 1930 г., когда Антоний был арестован: «был осужден на 3 года ссылки в Северный край, которые отбывал в г. Усть-Усольске, Республика Ко-

ми». Далее написано, что в 1933 г. монах вернулся в Стяжкино, через год вновь был арестован, но вскоре был отпущен. И, наконец, в 1936 г. после очередного ареста был «*приговорен к ссылке в Казахстан на 5 лет. Скончался в ссылке в 1937 г. на бахчевых работах*».

Что на все это сказать? Обращает на себя внимание, что в публикации на сайте монастыря ничего не сказано о том, где был, чем занимался Антоний с 1916 по 1930 годы. Вероятнее всего, у составителя текста об этом периоде жизни служителя сведений не было. Можно предположить, что монах каким-то образом оказался в Московской области, служил в бывшем фабричном храме два года и потом куда-то уехал. А в 1930 г. объявился на прежнем месте в Стяжкино. Что ж, возможно, все так и было. По крайней мере, противоречий в датах нет. И все же для полной убедительности хотелось бы получить документальное подтверждение о том, что архимандрит Антоний (Волчков) и иеромонах, служивший в Успенском храме, не полные тезки, а один и тот же человек.

Следует также отметить, что в списках лишенцев 1924 г. среди лиц, проживавших в Ивановском, помимо священника Волčkова указаны крестьянки Захарова Мавра 37 лет и Сысоева Анна Сысоевна 70 лет²¹⁷. Первая помечена как церковная староста, а вторая как ее заместитель.

1926–1929?: Священник Алексей Владимирович Вяжлинский

После ухода о. Антония, возможно, несколько месяцев (или даже год) в Успенской церкви своего священника не было. Следующим (и последним) настоятелем стал Алексей Владимирович Вяжлинский (1903 – † 1937). Его фамилия первый раз встретилась в архивном деле ЦГАМО в одном из протоколов Ивановского райсовета за 1926 г. При этом ни имя-отчество, ни даже инициалы указаны не были. А вот в списке лишенцев по Ивановскому сельсовету за 1928 г. приведен даже состав семьи: «*Вяжлинский А.В., 1903 [год рождения], священник, Вяжлинская Е.П., 1865, мать священ., Вяжлинская М.В., 1897, сестра священ.*»²¹⁸.

Из других источников стало известно, что священник «*уроженец г. Лебедадьн Тамбовской губернии*». Обращение за справкой в архив Липецкой области позволило уточнить точную дату рождения Вяжлинского и установить имя его отца. Согласно копии выписки из метрической книги Старособорной Казанской церкви г. Лебедадьн Тамбовской губернии Алексей родился 31 мая 1903 г. Родителями записаны: «*Коллежский Секретарь Владимир Константинов Вяжлинский и законная жена его Конкордия Павлова, оба православные*»²¹⁹.

Оказалось, что эта фамилия известна краеведам г. Липецк. В интернете можно найти материалы о Вяжлинских: начальнице Липецкой женской гимназии Марии Константиновне, ее брате аптекаре Владимире Константиновиче (видимо, это отец Алексея), уроженце Тамбовщины докторе медицины Николае Константиновиче. Учитывая совпадение фамилий и отчеств, это вполне могли быть члены одной семьи.

В архивных делах информации о последнем настоятеле Успенской церкви крайне мало. Зато был найден материал о нем в одном из номеров районной газеты. В нем было написано, что против священника Алексея Вяжлинского заведено уголовное дело²²⁰. По этому поводу был отправлен запрос в архив ФСБ. Через какое-то время пришел ответ, в котором говорилось, что уголовного дела за 1931 г. в отношении А. В. Вяжлинского у них нет, но зато сохранилось дело 1934 г. Из архива ФСБ любезно прислали копии нескольких листов следственного дела вместе с фотографией. Изучение присланных материалов показало следующее.

Да, действительно, священник, ранее служивший в Успенской церкви, был осужден в 1931 г. Нарсудом Истринского района на три года²²¹, причем свою вину А. В. Вяжлинский признал. После отбывтия наказания он недолго находился на свободе. Его вновь арестовали, теперь уже по политическим мотивам.

В постановлении на арест от 20 декабря 1934 г. были записаны стандартные в ту пору обвинения: «*Вяжлинский, Алексей Владимирович точно изобличается в том, что будучи связан с церковниками, в беседах с ними высказывал контр-революционные взгляды*». В деле указано место жительства: Москва, Предтеченский пер., д. 2. А мать и сестра в это время проживали в дер. Ивановской или в дер. Крюково (в деле приведены разные адреса). В анкете подсудимого указано, что он служащий, книговед. А в протоколе допроса записано: без определенного рода занятий. Это означает, что Вяжлинский уже не являлся священником РПЦ. Либо его лишили сана, либо сам отрекся.

17 марта 1935 г. «*Особое Совещание при НКВД*» приговорило А. В. Вяжлинского по статье 58–10 УК РСФСР к ссылке в Казахстан на 3 года. Это еще не все. В ответе, полученном из ФСБ, написано: «*Одновременно информируем, что в электронной базе данных “Жертвы политического террора в СССР”,*

Изо 5–40. Фото А. В. Вяжлинского из следственного дела, 1934, (ФСБ).

издательство “Звенья”, Москва, 2007 г., имеются следующие сведения¹: “Вяжлинский Алексей Владимирович, родился в 1903 г., в Рязанской области, г. Лебядень.; русский; образование начальное. Проживал: Восточно-Казахстанская область, г. Семипалатинск. Арестован 23 ноября 1937 г. ОГПУ. Приговорен: тройка ОГПУ 4 декабря 1937 г., обв.: 58–10 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Реабилитирован 20 апреля 1989 г.”.

Подведем итоги. А. В. Вяжлинский был осужден три раза: в 1931, 1934, 1937 годах. Последний раз был приговорен к высшей мере наказания (ВМН) – расстрелу. Были ли у него жена, дети – ни в одном источнике не сообщается.

Последние годы существования Успенской церкви

Теперь хотелось бы поговорить о судьбе храма, построенного П. Г. Цуриковым, что с ним происходило в годы советской власти.

К сожалению, информации крайне мало. Судя по сведениям, приведенным в клировой ведомости 1916 г., сумма церковных капиталов приближалась к ста тысячам рублей, многие приходы такой сумме позавидовали бы. Увы, все эти сбережения большевики отобрали вскоре после прихода к власти. После этого, даже, если возникала потребность в каком-нибудь ремонте церковного здания, то средства взять было неоткуда.

В 1918 г. исполнилось 50 лет со дня постройки Успенской церкви. Нет сомнения, что случись это хотя бы на пару лет раньше, это нерядовое событие торжественно отметили бы как в храме, так и на Ивановской фабрике. Но с приходом к власти большевиков уже было не до юбилеев. Мысли у людей были другие – выжить бы.

Весной 1922 г. в Поволжье и других регионах советской России из-за неурожая случился сильный голод, умирало много людей. Власти под этим предлогом стали изымать из церквей драгоценную утварь, содержащую золото и серебро, чтобы на них купить за границей продовольствиеⁱⁱ. Не избежал этой участи и Успенский храм. В архиве ЦГАМО сохранилась «Общая опись ценностей», которые изъяли представители властей из фабричной церкви. В списке указаны дарохранительница, лампада, копие, «обложка от иконы»²²², несколько крестов и сосудов (полностью документ приведен в приложении–13). Всего 18 предметов общим весом свыше одного пуда и пяти фунтов (18,5 кг). Указанную опись подписал «Свящ. Н. Виноградов» как представитель верующих.

В 1924 г. в районной газете была напечатана статья, в ней говорилось, что «граждане с. Ивановское Лучинской вол. задумали хорошее дело — провести у себя в дер. электричество»²²³. Но денег у людей на это не было. «Пораскинули хорошенько умом — где бы им найти необходимую сумму и, наконец, выход был найден. На одном из общих собраний было постановлено снять колокол с церкви (весом более 600 пуд.) и продать его, полученные деньги употребить на электрификацию деревни». Упомянутый в статье колокол – это тот самый большой кампан, который был отлит на средства храмоздателя П. Г. Цурикова. Был ли он снят с колокольной в том же году или это случилось позже – нигде не сказано. В любом случае судьба колокольного гиганта весом свыше 10 тонн была предreshена – он отправился на переплавку.

Ранее уже говорилось, что в 1927 г. представители местной власти использовали часовню (ту, что вблизи храма) в качестве хранилища для собранного урожая зерна. В том же архивном деле на собрании местного сельсовета рассматривалось ходатайство «Ивановской пожарной дружины» о

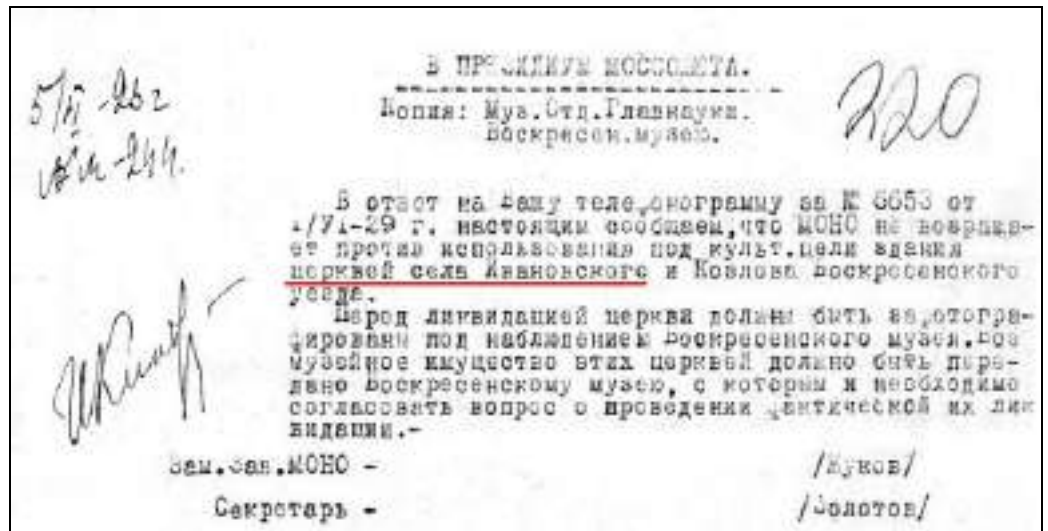
ⁱ В указанной базе сведения о Вяжлинском найти не удалось. Видимо, какая-то ошибка в ссылке на источник.

ⁱⁱ По современным исследованиям неурожай в стране и последовавший голод были просто предлогом для властей, изъятые из храмов ценности почти не использовались для закупки продовольствия. Большевикам нужны были драгоценные металлы для укрепления финансового положения страны.

выделении им «колокольчика»²²⁴. Было принято решение: «просить у церковного совета» (как видим, в то время в некоторых вопросах еще была демократия: власти просили, а не принудительно изымали). Чем все закончилось – в документе не сказано. Можно лишь сказать, что в указанном году на колокольне какие-то колокола еще были (напомним, что всего в Успенской церкви было 8 campanов, включая самый большой). В архиве ЦГАМО сохранился протокол заседания Ивановского сельсовета за 1928 г., на котором рассматривался вопрос «о постановлении водопр. бака для селения Ивановского, на колокольне»²²⁵. Предложение было утверждено. Однако вряд ли этот план осуществился, потому как церковь через несколько лет была снесена.

1929: Решение о закрытии храма

Успенский храм был официально закрыт властями в 1929 г., об этом говорится в нескольких исторических документах. Обычная практика подобных дел по закрытию «культовых учреждений» была такая. Коллективы людей (труженики колхоза, работники предприятия или жители деревни) на общем собрании

Изо 5–41. Ответ МОНО в поддержку закрытия Успенской церкви, 1929.

принимали решение о закрытии близлежащего храма с предложением об использовании его здания в дальнейшем под какие-либо нужды или с разборкой для получения стройматериала. Это решение местные органы власти (сельсовет) передавали на утверждение районным властям (Истринский райисполком). Там на заседании рассматривалось поступившее предложение. Обычно его поддерживали, и все документы пересылались в область (Московский областной исполнительный комитет или Мособлсовет). И уже этот орган принимал окончательное решение. Справедливости ради надо сказать, что инициативу снизу вышестоящие власти не всегда поддерживали. Но это случалось довольно редко, в Ивановском такого не произошло.

К сожалению, первичных документов ни сельсовета, ни фабкома, ни райсовета о закрытии Успенской церкви не найдено (несомненно, они были). Обнаружены лишь финальные документы на областном уровне. В архиве ЦГАМО сохранились два дела, имеющие отношение к закрытию Успенской церкви. В первом документе за подписью «Зам. Зав. МОНО» (заместителя заведующего Московским отделом народного образования) написано, «что МОНО не возражает против использования под культ.цели здания церквей села Ивановского и Козлова Воскресенского уезда. Перед ликвидацией церкви должны быть зафотографированы под наблюдением Воскресенского музея»²²⁶.

Во втором деле имеется «Протокол № 68 объединенного заседания Президиума Московского Совета Р. К. и К. Д. [рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов] и Президиума организационного комитета Московской области от 17 сентября 1929 г.». В нем записано следующее:

«Слушали: О закрытии церкви в с. Ивановском, Воскресенского района Московск. округа.

Постановили: 1) Учитывая ходатайства рабочих Ивано-Октябрьской фабрики, наказы избирателей и постановления крестьян дер. Петровской и с. Ивановского Воскресенского района Московского округа о закрытии церкви с. Ивановского и использовании ее здания для культурно-просветительских целей и, принимая во внимание пригодность этого здания для испрашиваемых нужд и по сведениям Моск. Губ. Отдела Профсоюза Текстильщиков СССР наличие средств для его переоборудования в сумме 16.000 руб. а также наличие близости (2–2 ½ километра) других действующих церквей, руководствуясь постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8.04.29 г. «О религи-

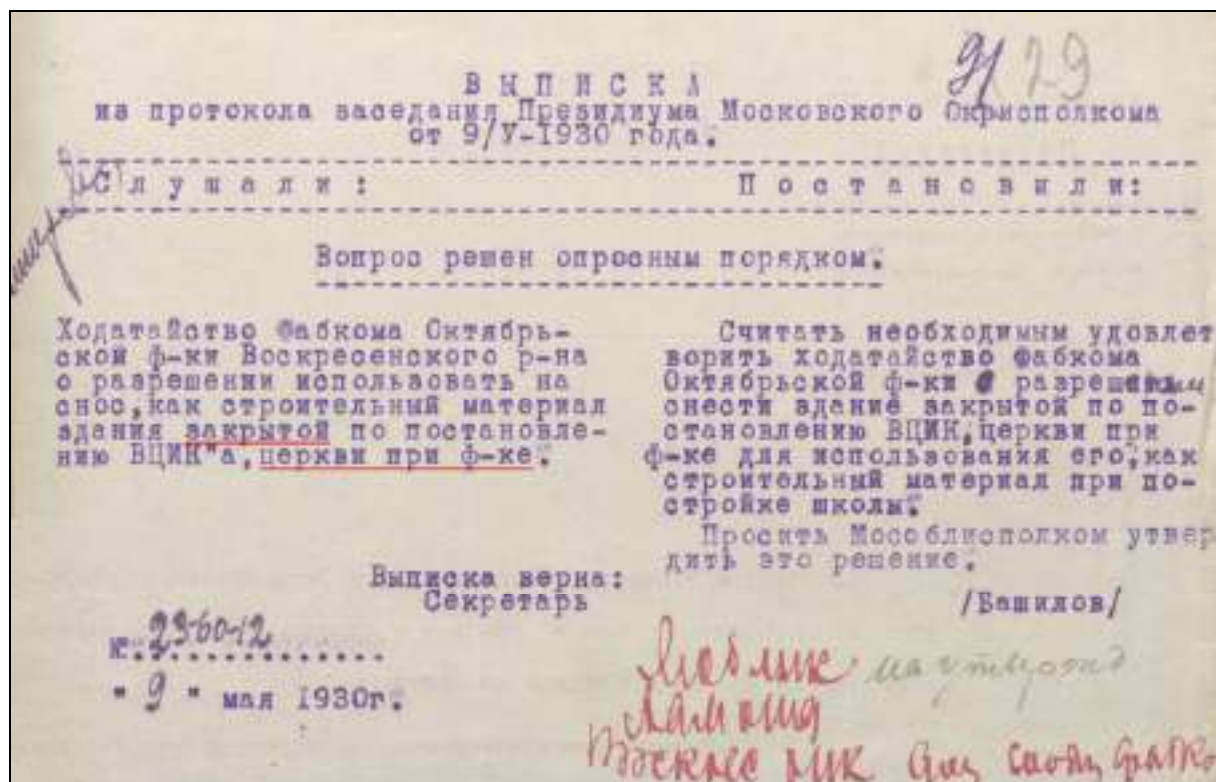
озных объединениях" [...] указанную церковь закрыть и здание ее после сфотографирования под наблюдением Воскресенского музея и сдачи последнему церковного имущества музейного значения, передать под клуб рабочих названной фабрики. С культовым имуществом поступить согласно ст. 40 того же постановления от 8.04.1929 года. 2) В случае жалобы верующих во ВЦИК (в 2-х недельный срок со дня объявления настоящего постановления) ликвидация церкви может быть произведена не ранее рассмотрения жалобы ВЦИК'ом»²²⁷.

Итак, 17 сентября 1929 г. было принято окончательное решение о закрытии Успенской церкви. О жалобе верующих нигде не сообщалось, ее, видимо, не было. Можно сказать, что в данном случае у властей никаких сложностей с ликвидацией храма не возникло, все проходило по накатанному сценарию.

Храм в Ивановском был закрыт одним из первых в Истринском районе. Причин этому, думается несколько. Во-первых, рядом находилась фабрика с большим количеством рабочих¹, которые были опорой советской власти. В этой среде традиционно были сильны антирелигиозные настроения. А вот местная община верующих, по-видимому, была не очень крепкая, чтобы противостоять напору рабочих. Безусловно, сказалось и то, какой настоятель в это время был в храме (о моральном облике иерея Вяжлинского говорилось ранее). Во-вторых, церковное здание было построено в середине XIX века и с точки зрения музейных работников и ученых исторического интереса не представляло. В-третьих, не так далеко находился Петропавловский храм в Лужках, и верующие из Ивановского могли ходить в него (в то время власти еще следили за тем, чтобы поблизости оставалась действующая церковь).

Обращает на себя внимание то, что в обоих архивных делах говорится об обязательном фотографировании храма и о передаче его имущества в Воскресенский музей, находившийся на территории закрытого Новоиерусалимского монастыря. Вероятно, все это было выполнено. Вот только ничего из переданного и сфотографированного, увы, не сохранилось. Во время войны с немцами Новоиерусалимский монастырь и находившиеся на его территории музейные фонды сильно пострадали, значительная часть экспонатов и архивных документов были утрачены.

Что происходило с Успенской церковью в дальнейшем? В официальном документе говорилось о приспособлении церковного здания «для культурно-просветительских целей», даже сообщалось о выделении на эти цели 16 тысяч рублей. Однако позднее от этих планов фабрика отказалась, здание

Изо 5-42. Решение о разборке Успенской церкви²²⁸, 1930.

¹ В Истринском районе больше рабочих было только на Дедовской ткацкой фабрике.

решили снести и строительный материал использовать для строительства новой школы. Почему так поступили? Объяснения этому в документах не нашлось, однако логика такого решения понятна.

В рассмотренном архивном деле 1929 г. помимо закрытия Успенской церкви обсуждалось множество других вопросов, и среди них говорилось о введении в стране обязательного всеобщего начального образования. А с этим в Ивановском дела обстояли неважно. Построенные П. Г. Цуриковым и С. М. Поповым школьные здания мало того, что не были рассчитаны на большое число учеников, так еще за прошедшие десятилетия сильно обветшали. В предыдущей главе рассказывалось, как местные власти пытались приспособить большой господский дом под школу. Ничего путного из этой затеи не вышло. Здание церкви тоже мало годилась для школьных нужд. Поэтому вполне естественным выглядит решение построить новое учебное здание с просторными классными комнатами. Но для этого нужно было много кирпичей. А где их взять? Во время происходившей в те годы индустриализации страны остро не хватало стройматериалов. Поэтому местные власти и решили разобрать здание закрытой церкви, чтобы из ее кирпичей построить школу. Построить учебное помещение решили здесь же на горе вблизи храма (тем самым отпадала необходимость в транспортировке стройматериалов). Церковное здание было большим и с толстыми стенами. И даже с учетом неизбежного боя при разборке стен, кирпичей должно было хватить.

Все вышеописанное нашло подтверждение в исторических документах. В архивном деле обнаружено решение Президиума Московского Окрисполкома от 9 мая 1930 г. об удовлетворении ходатайства Октябрьского фабричного комитета о разборке «на снос» закрытого церковного здания (Успенского храма) для заготовки стройматериала под строительство школы.

А вот другое ходатайство, поданное Ивано-Октябрьским сельсоветом в том же году «о передаче церковной ограды закрытой церкви в ведение колхоза», президиумом Воскресенского райсовета было отклонено. Мотивировка была такая: «Ввиду того, что церковная ограда закрытой Ивановской церкви является государственным имуществом, в ходатайстве сельсовету о передаче бесплатно ограды отказать»²²⁹.

Скорее всего, Успенский храм начали разбирать в 1930 г. Учитывая большие размеры церковного здания, эта работа могла растянуться на несколько лет. О ходе строительства новой школы рассказывалось в предыдущей главе, она открылась осенью 1936 г. Но судьба учебного здания, построенного из церковного кирпича, оказалась незавидной. В 1982 г. Октябрьскую школу закрыли, а через несколько лет она была снесена.

На этом завершается рассказ об Успенском храме. Его история оказалась недолгой: как действующего храма 71 год, как здания на несколько лет больше. От Божьего дома, построенного П. Г. Цуриковым на горе вблизи деревни Ивановской, как предполагалось на века, на земле не осталось и следа.

Даже его точное место до недавнего времени оставалось неизвестным.

Местоположение Успенской церкви стало известно после того, как был открыт ее фундамент (GPS: 55.85792, 36.92468). Выезжавший на место специалист-археолог подтвердил, что здесь стояло церковное здание. Как оказалось, фундамент школы частично перекрывал фундамент храма, точнее его западную часть (это показано на изо 5–08). На раскопе были найдены артефакты, которые явно когда-то принадлежали Успенской церкви (см. изо Р–62, Р–63, Р–64 в приложении–18).

Изо 5–43. Деталь Успенского храма, найденная в раскопе, 2022.

Глава 6. Жизнь и хроника добрых дел Павла Григорьевича

В настоящей главе пойдет разговор о жизни благотворителя П. Г. Цурикова, его общественных должностях и добрых делах, о полученных наградах. Короче обо всем, кроме производственной деятельности, связанной с Ивановской суконной фабрикой – об этом говорилось в третьей главе. Также во избежание повторов почти не будем касаться материалов четвертой и пятой глав, в которых рассказывалось о постройках, возведенных с помощью Павла Григорьевича на Ивановской фабрике: школе, больнице и церкви. Изложение будет вестись в хронологическом порядке.

Изо 6–01. П. Г. Цуриков, 1871–1876, (РГАЛИ).

1812–1852: Юные годы, начало добрых дел: вольная грамота, купец 3-й и 2-й гильдий, женитьба на дворянке

Об отце благотворителя Григории Михайловиче Цурикове подробно рассказывалось во второй главе. Напомним, что он был дворовым человеком помещиков Голохвастовых, владевших имением Покровское-Рубцово, строил плотины и мельницы. В 1802 г. мельник Григорий женился на Матрене Анисимовне. Через два года у них родился первенец – девочка Александра. Она выжила, вышла замуж за И. Я. Кручинина и прожила долгую жизнь. А вот две следующие дочери, появившиеся на свет в 1807 (Анна) и 1809 (Ксения) умерли в детстве.

Четвертым ребенком в семье и первым мальчиком оказался Павел, он родился в январе (как писали раньше – в «*генваре*») 1812 года. Его называли в честь жившего когда-то в Египте святого Павла Фивейского, память которого отмечается 15 января (по старому стилю). В последующие годы в семье мельника Григория Михайловича рождались другие дети (о них будет рассказано в конце настоящей книги).

Первые 40 лет жизни Павла прошли, когда был жив родитель.

Рассмотрим подробнее, как происходило становление личности благотворителя. Главный упор будет делаться на его добрые дела.

Фотографии Павла Григорьевича Цурикова

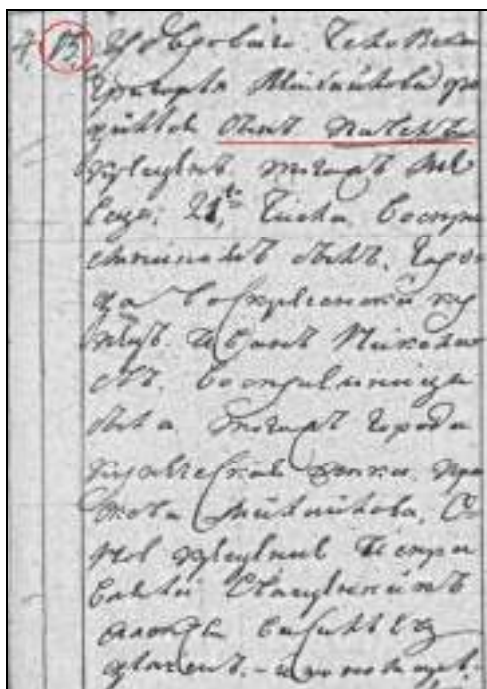
До недавнего времени были известны три изображения П. Г. Цурикова, где он снят вполоборота сидящим в кресле, на груди в петлице виднеется орден. Это снимок в овале из книги священника Голубева и два снимка в кресле, сделанные в разных фотоателье: Дьяговченко на Кузнецком мосту и Сокольникова на Большой Лубянке (см. изд. Р-65, Р-66, Р-67 в приложении-19). Если присмотреться, то можно заметить, что все три изображения по сути одна фотография с разным фоном. Проведенное исследование позволяет предположить, что, скорее всего, Павел Григорьевич сфотографировался не позже 1876 г.¹ Но и не ранее 1871 г., как далее будет показано (исходя из ордена в петлице). О еще одной фотографии благотворителя, недавно обнаруженной в архиве РГАЛИ, пойдет разговор в конце настоящей главы.

1812: Рождение

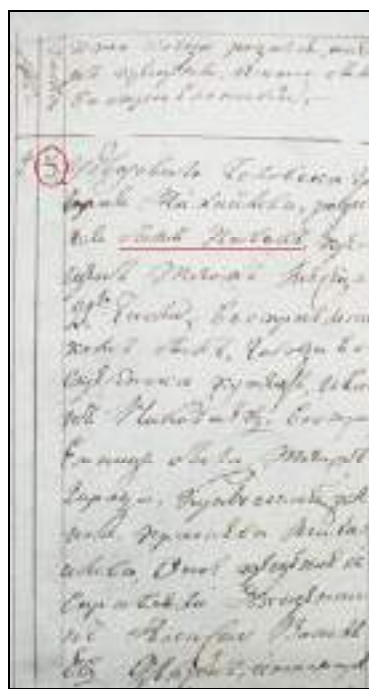
С датой появления на свет Павла остались некоторые вопросы. Сохранились два экземпляра метрической книги одного и того же Покровского храма села Рубцово за 1812 год. Первый экземпляр, так называемый «храмовый», все время оставался в церкви. Это был первичный, рабочий документ, можно даже сказать, черновик. В него по мере совершения актов крещения, венчания и отпевания местный священник вносил соответствующие записи. А второй экземпляр исследователи называют «консistorским». Он заполнялся по истечении года, в него из храмового экземпляра переписывались начисто все записи. Этот второй экземпляр передавался в консисторию и считался официальным.

Ну так вот. В обоих экземплярах метрической книги Покровской церкви под № 4 имеется такая запись: «У двороваго человека Григория Михайлова родился сын Павел [подчеркнуто Авт.], крещен того ж месяца 21-го числа. Восприемником были города Воскресенска купец Иван Николаев. Восприемница была того же города купеческая женка Праскева Михайлова. Оное крещение исправили священник Алексей Васильев, дьячек и пономарь»¹. А вот даты рождения мальчика почему-то указаны разные. В консисторском экземпляре записано 13 «*генваря*», а в храмовом представлено 3-е число (см. копии листов, даты обведены кружками). Правильной будем считать дату рождения 3 января 1812 г., она указана в других документах.

¹ На сайте www.photographer.ru приведен материал, озаглавленный «Фотограф Иван Григорьевич Дьяговченко». Этот фотограф считался одним из лучших в Москве, он открыл фотоателье «8 апреля 1867 года на Лубянке в доме князя Голицына под № 55/62. [...] В апреле 1876 года Дьяговченко свое ателье на Лубянке продал поэту и переводчику [...] Г.А. Хрущову-Сокольникову, причем были проданы и негативы». Получается, что не позже 1876 г. Цуриков сфотографировался у Дьяговченко, когда тот работал еще на Лубянке. Снимок же почему-то был напечатан позже (1881), когда ателье мастера переехало на Кузнецкий мост. Причем на фотоснимке Дьяговченко явно видно, что фигура Цурикова наложена на другой фон. Оригинал же снимка Павла Григорьевича – это отпечаток, сделанный Сокольниковым, которому были проданы негативы.

Изо 6—02. Запись о рождении Павла в
консistorской метрической книге, 1812.

Изо 6—03. Запись о рождении Павла
в храмовой метрической книге, 1812.

1820-е: Детство

Детство Паши прошло в Рубцово. В школу он не ходил, ее в те годы в ближайшей округе не было (даже в соседнем городе Воскресенске училище появилось намного позже). Крепостные люди в большинстве своем оставались на всю жизнь неграмотными. Но были и исключения. Отец мальчика Григорий Михайлович где-то научился читать, писать и считать. Он на своем опыте хорошо понимал важность образования. И постарался, чтобы его сыновья также были грамотными. Учил ли он грамоте своих детей сам или привлекал для этого другого грамотного человека, осталось неизвестным (чаще всего в качестве частного учителя нанимался кто-нибудь из членов церковного причта).

В послужном списке Павла Григорьевича написано, что получил «домашнее образование». Однако, это громко сказано. Да, худо-бедно он овладел начальной грамотой. Но, по всему видно, что в детстве явно недоучился, почерк на всю жизнь остался корявым. В сохранившихся текстах, написанных рукой П. Г. Цурикова, столько много орфографических ошибок, что иногда даже трудно понять, какие слова он хотел написать (читатели могут в этом убедиться, если прочитают тексты, написанные благотворителем — см. приложение—4). А вообще-то к малограмотности Павла Григорьевича следует относительно снисходительно. Этот недостаток с лихвой перекрывают его добрые дела.

Ранее рассказывалось, что Григорий Михайлович, скорее всего, научился профессиям плотника и мельника у отца Михаила Ивановича. В свою очередь потом он передал навыки этого ремесла сыну Павлу, отдавал его в обучение другим мастерам. В воспоминаниях родственника С. А. Попова имеется такая фраза: «Павел, учившийся мукомольному делу на мельнице близ Саввина монастыря»². Увы, никаких подробностей этого обучения найти не удалось¹.

1830: Вольная грамота

Во второй главе подробно рассказывалось, как в 1817 г. дворовый человек Григорий Михайлович завел свое дело, построил плотину и мельницу на реке Истре близ деревни Ивановской. Дело оказалось прибыльным, причем настолько, что денег хватило не только на развитие производства, но и на выкуп своих детей на волю. «Книга для записи отпускных на лиц, освобожденных от крепостной зависимости» содержит тексты вольных грамот детей мельника Павла, Натальи, Матрены и

¹ Григорий Михайлович за свою жизнь построил несколько плотин и мельниц. А вот делал ли это его сын — осталось неизвестно. Думается, что необходимыми навыками Павел Григорьевич владел. Но строить плотины и мельницы ему самому было не нужно. Когда он достиг совершеннолетия, начинала активно развиваться Ивановская фабрика, там было дел «по горло».

Ивана. Вот фрагмент текста грамоты старшего сына:

«1830 года сентября 8-го дня я нижеподписавшийся надворный советник и кавалер¹ Дмитрий Павлов сын Голохвастов отпустил крепостного своего дворового человека Павла Григорьева Цурикова холостого вечно на волю, доставшегося мне по наследству после покойного родителя моего Действительного Статского советника Павла Ивановича Голохвастова по разделу с родительницею моею Елизаветою Алексеевною, братом Николаем и сестрою Натальею Павловыми детьми Голохвастовыми, написанной за нами по последней 7 ревизии Московской губернии Звенигородского уезда при селе Покровском, Рубцово тож, и вольно ему с сею данною от меня отпускною, где он пожелает жить или в какой род жизни записаться, впредь мне и наследникам моим дела нет»³.

Таким образом, 8 сентября 1830 годаⁱⁱ Павел вместе с братом и сестрами обрел свободу. Все они стали, как тогда говорили, «вольнотпущенными» людьми. Этот же год в ряде документов считается временем основания суконной фабрики. Как ранее уже говорилось, в 1830 году Григорий Михайлович решил расширить свое дело, привлекая для этого московского купца Алексея Петровича Сырейщикова.

1833: Звенигородский купец 3-й гильдии

После получения вольной грамоты Павел мог записаться мещанином или купцом. Но почему-то не спешил этого делать. Так в исповедках Покровской церкви с. Рубцова в 1831 и 1833 годах он по-прежнему был записан сыном дворового человека Григория Михайлова, как и его сестры, брат.

В конце 1833 году Павел Григорьевич впервые стал купцом 3-й гильдии, об этом свидетельствует сохранившийся архивный документ. В нем имеется поданное на имя государя прошение, которое начинается со слов: *«Просит вновь причисленный в Звенигородское 3-й гильдии купечество из вольноотпущенных Павел Григорьев Цуриков»*. Далее в бумаге написано: *«в прошлом 1833 году поданным в Звенигородскую Градскую Думу прошением просил меня и вышепротисанных родных моих брата и сестер причислить в Звенигородское 3-й гильдии купечество в семейство»*⁴.

Как видим, П. Г. Цуриков хотел, чтобы в купеческое сословие вместе с ним были зачислены и его ближайшие родственники. Однако власти в этой просьбе отказали, сославшись на закон, и посоветовали каждому подавать заявление по отдельности. Однако Павел с этим не согласился, написав, что его брату Ивану идет только шестой год, и он *«не токмо не может иметь никакой собственности но даже и возможности к приобретению чего либо, ни платеж Государственных повинностей [исполнить]»*.

В документе не написано, чем указанное дело завершилось. Но, судя по ревизской сказке, Павел Григорьевич своего все же добился. В этом документе имеется такая запись: «14. Павел Григорьев Цырюков, причислен в Звенигородское купечество в 1833 на 1834 год, 23 [лет]»⁵. Здесь же рядом под тем же номером записаны брат Иван и в графе «*купчихи*» сестры Наталья и Матрена. Таким образом, младший брат и две сестры оказались приписаны к старшему брату. Стоит еще обратить внимание на то, как записана фамилия купца – **Цырюков**.

Согласно существовавшим тогда правилам для причисления к купеческому сословию требовалось ежегодно это подтверждать и оплачивать соответствующие купеческие сборы. В конце каждого года

[illegible]

Изо 6—04. Ревизская сказка о купце Павле Григорьевиче Цырюкове и его родственниках, 1834.

ⁱ «человек, награждённый государственной наградой считается кавалером» (интернет).

ⁱⁱ Почему-то в ревизской сказке про П. Г. Цурикова написано: «*отпущен на волю в 1829 году*» (ЦГАМ. Ф.51. Оп.8. Д.228. Л.669об). Думается, однако, что правильной следует считать дату заполнения грамоты 8.09.1830 или, в крайнем случае, 28.10.1830, когда документ был зарегистрирован в книге записи отпускных грамот.

Павел Григорьевич подавал новое прошение о причислении в купечество. В одном из них написано: «Желаю я на будущий 1835 год быть по городу Звенигороду купцом 3-й гильдии, почему представляю при сем с объявленного мною капитала 8000 рублей четверть процентных на городския и земския повинности, [...] сорок рублей. [...] Семейный список Павел Григорьев Цуриков, 24 [лет]: Его сестры Наталья – 15, Матрена Григорьевы – 10»⁶ (почему-то брата Ивана нет). И далее подпись: «К именному списку звенигороцкий 3-й гильдий купец Павел Григорьев Цыреков руку приложил». Как видим, использован еще один вариант написания фамилии – **Цыреков**.

Как следует из сохранившихся документов, с 1839 г. для записи в 3-ю купеческую гильдию требовалось «по совести» подтвердить не 8.000, а только 2.400 руб. своего капитала. Необходимо отметить еще такую деталь. В одном из архивных документов написано, что объявленный Цуриковым капитал наследственный (т.е. от отца) и утвержден как «благоприобретенный».

1837: Женитьба на дворянке Мингалева

16 мая 1837 г. в жизни Павла Григорьевича произошло важное событие – он женился на дворянке Анне Сергеевне Мингалева, проживавшей неподалеку в заштатном г. Воскресенске. История знакомства молодых людей описана в воспоминаниях родственницы А. М. Шуберт, об этом пойдет разговор в седьмой главе. Там же приведена выписка из метрической книги о бракосочетании Цуриковых, состоявшемся в Петропавловском храме с. Лужки.

После свадьбы молодые супруги поселились в новом доме, построенном рядом с Ивановской фабрикой. Вот как об этом написала А. М. Шуберт: «К этому сроку [к свадьбе] отец Павла Григорьевича построил для сына и своей "невестки-барыни" отдельный домик [подчеркнуто в оригинале] напротив своих изб»⁷.

В третьей главе подробно рассказывалось об этом малом хозяйском доме, который был назван третьим жилым местом (на плане из 3–19 место обозначено цифрой III). Удалось найти четыре изображения малого дома, все они приведены в приложении–18. В этом доме чета Цуриковых прожила несколько лет, пока рядом не был построен большой дом (IV).

К сказанному хотелось бы еще добавить слова из воспоминаний внучатого племянника С. А. Попова: «Григорий Михайлович, будучи от природы наделен недюжинным умом, сразу оценил свою невестку, и первый подарок, который был привезен <из> Москвы, было фортепиано. Этим и всем следующим Григорий Михайлович ясно доказывал, что он далеко не раскисался, что принял в свою семью дворянку. Анна Сергеевна, как умный и интеллигентный человек, сумела внести в обстановку простой рабочей семьи атмосферу некоторой культурности, которая впоследствии делала их дом почти первым в уезде по уюту и хлебосольству»⁸.

Об отношениях в семье молодоженов поговорим в седьмой главе. Сейчас лишь отметим, что, супруги Цуриковы любили друг друга, это подтверждают сведения из различных источников.

Изо 6–05. А. С. Цурикова
(урожд. Мингалева) в молодые годы⁹.

Изо 6–06. «Дом выстроенный для невестки-барыни», (АШ).

1843: Порождение с купцом Поповым

В 1843 г. Григорий Михайлович выдал свою младшую дочь Матрену (сестру Павла) замуж за купца Максима Ефимовича Попова, занимавшегося торговлей сукном в Москве. О нем уже говорилось во второй главе, поговорим еще и в конце настоящей книги. Сейчас лишь отметим, что вскоре после свадьбы через М. Е. Попова стали вестись все торговые дела по продаже вырабатываемого на Ивановской фабрике сукна. Между Павлом Григорьевичем и Максимом Ефимовичем установились не только тесные деловые контакты, но и крепкие дружеские отношения. Трудно сказать, были ли у компаньонов крупные размолвки, в документах это не зафиксировано. Несмотря на то, что семья Поповых жила в Москве, а семья Цуриковых в Ивановском, они довольно часто виделись.

В московском доме Поповых у Цуриковых была своя комната, домашние называли ее «дядюшкина комната». По воспоминаниям С. А. Попова Павел Григорьевич *«Приезжал в Москву два раза в месяц, большей частью на лошадях, изредка лишь ездил по Николаевской ж. д. через станцию Крюково, отстоящей от фабрики верстах в 20–22. По приезде в Москву утром отправлялся в “город” по делам, угощал лиц, с которыми вел дела, в Троицком или Патрикеевском трактире, вечером возвращался домой к Максиму Ефимовичу, беседовал с ним о делах. [...] помимо торговли Максим Ефимович был и его главный советник и без него он не мог обойтись при разрешении серьезных вопросов и, вероятно, Максим Ефимович был его, пожалуй, главным руководителем во всем. У него бывали и губернатор, и предводитель дворянства, и исправник, и архиерей, словом, весь уезд, не говоря о многочисленных соседях и родных, и он всегда старался заполучить Максима Ефимовича, человека умного и развитого, который лучше хозяина сумел бы занять гостя»*¹⁰.

Для полного счастья супругам Цуриковых не хватало, лишь одного – своих детей. Поэтому оба супруга свои нереализованные родительские чувства перенесли на родных племянников Поповых. И вообще на всех детей. Этим, наверное, можно объяснить то, как много они помогали развитию народного образования. Цуриковы любили своих племянников, баловали их, когда они были еще детьми. И те отвечали взаимностью. Павел Григорьевич и Анна Сергеевна опекали своих родственников, старались устроить их судьбу, хотя порой делали это черезчур навязчиво. Так, например, П. Г. Цуриков даже специально ездил в Петербург, подыскивал жениха для старшей племянницы Ольги Максимовны Поповой (правда, из этого ничего путного не вышло).

Новый господский дом

Как написано в воспоминаниях родственников, не менее шести–семи лет после свадьбы молодая семья Цуриковых прожила в малом доме, построенном Григорием Михайловичем. Потом, по

Изо 6–07. Большой дом Цуриковых¹¹, 1880-е, (ГИМ).

словам С. А. Попова, «начали строить комфортабельный дом перед воротами фабрики». Этот дом (IV) был значительно больше предыдущего. Как писала А. М. Шуберт: «В новом доме имелось 7 больших комнат с высокими потолками и окнами, по типу солидных помещичьих домов». В нем Павел Григорьевич с супругой Анной Сергеевной прожил до конца своих дней, потом в доме жила одна вдова. А после того, как она продала Ивановскую фабрику, через некоторое время в доме стал жить племянник Сергей Максимович Попов со своей семьей. Дом Цуриковых-Поповых с башенкой наверху попал на несколько фотоснимков (см. приложение—18). Здесь приводится один из видов.

Очевидно, что на строительство такого комфортабельного дома нужны были средства, и немалые. У Цуриковых они были, Ивановская фабрика развивалась и приносила хозяевам хорошую прибыль.

1847, 1851: Член попечительного комитета о тюрьмах, директор

В первые годы после женитьбы Павел Григорьевич целиком сосредоточился на работе. Но прошло какое-то время, и он начал заниматься общественными и благотворительными делами. Случилось это еще при жизни отца. Почему произошел такой поворот? Безусловно, в первую очередь, по морально-нравственным принципам. Павел с малых лет воспитывался в религиозной среде, он, безусловно, искренне верил в Господа Бога. По библейским заповедям следовало делиться своим богатством с нуждающимися людьми. И когда появилась такая возможность, Павел Григорьевич стал это делать. С каждым годом размеры его помощи людям и храмам все возрастали. Такому росту помощи могла быть и другая причина. П. Г. Цурикову не было чуждо тщеславие. Он родился крепостным и, наверное, мечтал достичь больших высот в обществе, хотел получить награды от государства, добиться уважения и почета в церковных кругах, заслужить любовь народа. Достичь всего этого можно было через обширную благотворительную деятельность.

Долгий 30-летний путь добрых дел начался с поступления в члены «Звенигородского попечительного о тюрьмах комитета». Это была общественная благотворительная организация, ее члены платили членские взносы. Задачей ставилось улучшение быта заключенных под стражу людей (снабжение их едой, одеждой) и повышение их нравственности. Организация имела множество отделений (комитетов) в различных городах Российской империи. Было такое отделение и в Звенигороде, оно было открыто в 1841 г. К сожалению, само заявление Цурикова о желании вступить в члены комитета не найдено. Обнаружен лишь протокол заседания тюремного комитета от 3 апреля 1847 г., на котором рассматривался вопрос о приеме нового члена: «*Слушали: 1. Объявление Звенигородского 3-й гильдии купца Павла Григорьевича Цурикова, коим изъявил желание быть членом сего комитета с пожертвованием ежегодно по Семи рублей Серебром, просит сделать распоряжение о утверждении его в звании члена сего Комитета. Определено: представить о сем Московскому Губернскому Попечительному о тюрьмах комитету рапортом, и покорнейше просить о исходатайствовании Высочайшего утверждения Звенигородскому Купцу Цурикову звания члена сего Комитета*»¹². 13 июня того же года поданное прошение было удовлетворено.

В 1851 г. в тюремном комитете освободилась должность казначея, ее предложили занять Павлу Григорьевичу. В архивном деле имеется заявление («Объявление»), написанное 29 мая от имени «*Директора Онаго Отделения Звенигородского 2-й гильдии купца Павла Григорьева Цурикова*». Обращает на себя внимание слово «директор» (в комитете было несколько директоров). По всей видимости, Цуриков стал им в указанном году. И оставался директором попечительного комитета до конца своих дней (в послужном списке в 1874 г. указан в этой должности).

В упомянутом заявлении Павел Григорьевич написал: «*я согласен [...] принять на себя звание или должность Казначея Звенигородского уездного Попечительного Общества о тюрьмах, тем более считаю для себя весьма лесным принять на себя эту обязанность, что на основании § 11 Высочайшего Устава избранный в звание Казначея считается в службе по выборам Общества*»¹³. В другой бумаге из того же дела написано, что Цуриков «словесно» объявил, что «*по принятии должности казначея с предоставлением права службы готов жертвовать ежегодно по сту руб. серебром*». И далее спрашивал: будет ли он иметь право ношения мундира?

Звенигородское отделение утвердило Павла Григорьевича Цурикова в должности казначея. Затем это решение было отправлено в Москву на согласование. А вот что дальше произошло – осталось непонятно. Ни в одном из документов тюремного комитета последующих лет П. Г. Цуриков не значился казначеем, а фигурировал лишь как директор или член комитета. И вносимые им взносы в

Изо 6–08. Служащие Звенигородской уездной тюрьмы.

кассу Звенигородского отделения были намного меньше обещанных в заявлении 100 руб. В годовых отчетах за 1848–1853 гг. указана сумма членского взноса 7 руб., а в отчетах за 1862, 1869 гг. – 10 руб.¹. Странно. Все это приводит к предположению, что казначеем тюремного комитета Цуриков не стал: то ли его кандидатуру в Москве не утвердили, то ли сам отказался, если новая должность не предоставляла «права службы» (что под этим подразумевалось – осталось непонятно).

Нет сомнения, что Павел Григорьевич как

член, а потом как директор комитета посещал тюрьму в Звенигороде. Фотографий самого тюремного здания найти не удалось. Но зато на просторах интернета был обнаружен редкий снимок служащих Звенигородской уездной тюрьмы (ЗУТ). На фирменной пряжке одного из них хорошо различимы буквы ЗУТ – аббревиатура названия тюрьмы (см. крупно в правом нижнем углу). По всей видимости, указанный снимок сделан после кончины Цурикова. Но в кадре есть люди в зрелом возрасте, возможно, кто-то из них служил при Павле Григорьевиче.

1840-е – 1851: Помощь храму в Лужках

Таким образом, началом добрых дел П. Г. Цурикова стало вступление в 1847 г. в члены Звенигородского попечительного тюремного комитета. Это если говорить о личном участии купца (хотя не исключено, что до этого были и другие благотворения, которые не оставили следов в исторических документах). Однако творить добро людям Павел начал еще раньше и делал это совместно с отцом.

Григорий Михайлович Цуриков много лет был церковным старостой **Петропавловского храма села Лужки**. О его благотворительных делах на этой должности рассказывалось во второй главе, кратко напомним, о чем там шла речь.

В 1837 г. прихожане задумали расширить трапезную часть храма. Однако вначале дела шли туго, средств не хватало. Когда через пару лет старостой церкви был избран владелец Ивановской фабрики Г. М. Цуриков, стройка пошла быстрее. В 1840 г. трапезная была вчерне готова. Через год в ней освятили Никольский придел. В 1842 г. завершилось сооружение новой колокольни.

Несмотря на отсутствие документального подтверждения, несомненно, в строительных работах в Лужках Павел помогал своему отцу, ведь он тоже был прихожанином Петропавловской церкви. А вот когда в 1849 г. вновь проводились работы в том же храме в его главном приделе, то личный вклад П. Г. Цурикова нашел отражение в нескольких документах. Вот что написано в деле о пожертвованиях в указанном году: *«Когда, с устройством нового престола в настоящей нашей холодной церкви был возобновлен и иконостас оной, то он Цуриков [Павел Григорьевич – Авт.] не только имел постоянный присмотр за работами, но по причине преклонных лет родителя своего старосты церковного, но и пожертвовал на украшении церкви собственной суммы [1.400] рублей серебром, освящение храма принял на свое иждивение»*¹⁴. Тогда же П. Г. Цуриковым был подарен

¹ Отдельная благодарность молодому исследователю Роману Чикину, который изучил много архивных дел фонда № 1066 ЦГАМ «Звенигородское уездное отделение комитета попечительного о тюрьмах общества» и выявил документы, в которых упоминается П. Г. Цуриков.

«седмисвечник медный высеребрянный» весом «без железа два пуда с половиною»¹⁵ и был устроен новый престол в алтаре. Эти сведения приведены в описи Петропавловской церкви, составленной несколькими годами позднее. Там же написано, что *«Иконостас устроен преимущественно иждивением покойного старосты церковного, г. Голохвастова дворового человека Григория Михайлова Цурикова и сына его Воскресенского 2-й гильдии купца Павла Цурикова»*.

Лужковский причт докладывал митрополиту Филарету о добрых делах П. Г. Цурикова: *«С Архипастырского Благословения Вашего Высоко-Препосвященства в сем 1849 году отлил и повесил к нашей церкви на свое иждивение новый колокол, весом в [356] пудов и [23] фунта, и с сим вместе новый другой колокол, весом в 10 пуд. Каковыя пожертвования купца Цурикова, простирающиеся на сумму в 7000 рублей серебром»*¹⁶. Таким образом, общие затраты в тот год составили 8.400 руб.

Найдены сведения о колоколах Петропавловской церкви. На большем из них имелась надпись, согласно которой он был отлит на заводе Самгина в 1849 г., в нем было *«356 пуд 23 фун.»*¹⁷. Этот колокол оказался вторым по весу, из когда-либо отлитых на деньги Цуриковых – почти шесть тонн в современном измерении (см. таблицу в конце настоящей главы). Увы, этот гигант не уцелел.

Два года спустя после обновления главного иконостаса дошла очередь и до приделов. В деле о пожертвованиях за 1851 г. обнаружена следующая запись, относящаяся к Петропавловской церкви села Лужки: *«на свое иждивение возобновили иконостасы в двух приделах теплой нашей церкви, украсили оную стенным писанием, равно и холодная церковь росписана преимущественно их усердием и иждивением; каковыя пожертвования нашего Старосты Церковного и Купца [П. Г.] Цурикова простираются на сумму в тысячу рублей серебром»*¹⁸.

Следует обратить внимание на слова в одной из цитат, где написано, что Павел Григорьевич имел *«постоянный присмотр за работами»*. Эта черта – самому следить за качеством выполняемых работ – прослеживается у Цурикова на протяжении всей его жизни. Купец не ограничивался простой передачей денег в дар, искренне переживал и добивался того, чтобы все было сделано хорошо.

1848–1855: Владение Ивановской фабрикой совместно с братом Иваном

Основатель фабрики Григорий Михайлович с возрастом все больше отходил от дел. Как рассказывалось во второй главе, в 1848 г. он передал суконное предприятие двум своим сыновьям. Иван лишь незадолго до этого стал совершеннолетним, Павел был почти в два раза старше. Естественно, что всеми делами на фабрике заведовал старший брат. А после того, как в 1855 г. Иван скоропостижно скончался, Павел стал единоличным владельцем фабрики.

1849: Звенигородский купец 2-й гильдии

Доходы Ивановской фабрики росли, и П. Г. Цуриков перешел из 3-й купеческой гильдии во 2-ю, об этом написано в ревизской сказке¹⁹. Это повысило его статус¹, вес в коммерческих кругах.

Напомним, что в 1849 г. Павел Григорьевич изъявил желание представить изделия Ивановской фабрики **на всероссийской выставке мануфактурных изделий в Санкт-Петербурге**. Представленная продукция получила одобрение, владелец был *«награжден похвальной серебряною малю медалью»*. Это была награда фабрике, но, несомненно, основная заслуга в этом была ее хозяина, который много труда положил, чтобы организовать эффективное производство качественного и недорогого сукна. И хотя это была лишь *«малая медаль»*, но, думается, что она была особенно дорога купцу. С нее все началось, за ней последовали и другие награды.

1850, 1852: Смерть матери и отца

Вскоре в жизни П. Г. Цурикова произошли два печальных события. 28 февраля 1850 г. умерла мать Матрена Анисимовна. А через два года 10 марта 1852 г. скончался отец Григорий Михайлович. Обоих похоронили *«на общем»* (приходском) кладбище в Лужках. Сын каждому из них поставил хорошее каменное надгробие. Камень с могилы матери сохранился (изо 2–05), а памятник отцу утрачен.

¹ «Основная идея разделения купечества на гильдии, заключалась в том, что различным гильдиям давались разные привилегии, как материального, так и символического характера. Чем выше гильдия, тем большее привилегий и возможностей, что стимулировало купцов не скрывать размер своего капитала “по совести”. Принадлежность к более высокой гильдии, давала возможность осуществлять новые виды торговли и ремесленной, промышленной деятельности» (интернет).

* * *

На этом условно заканчивается первый период жизни Павла Григорьевича. Вряд ли Григорий Михайлович ограничивал сына в его добрых делах. Но так сложилось, так показывают исторические документы, что после смерти родителя его благотворительная помощь нарастала с каждым годом. Некоторые из пожертвований были сделаны в храмы и монастыри для поминовения душ умерших родственников (как, например, случилось со строительством Саввинского скита).

Можно сказать, что Павел Григорьевич перенял эстафету добрых дел от своего родителя Григория Михайловича. Сын с малых лет видел, как много отец жертвовал на благоустройство приходского храма в Лужках, как от всей души помогал Аносиной обители, причем делал это скрытно, ничего не прося взамен. Как написано в книге священника Голубева про Павла Григорьевича: *«Он начинает жертвовать из своих средств, так же как и его родитель Григорий Михайлович, на украшение соседних храмов и обителей»*²⁰.

Примерно об том же говорилось и в некрологе: *«Родившись и выросши среди простаго русского народа в скромной и благотворительной семье своих родителей (крепостных людей господина Голохвастова), П. Гр. не мог получить тогда научнаго образования, но за то честию унаследовал он от своих родителей, а большею частию сам усвоил себе одну прекрасную черту характера из жизни этого народа – именно его искреннюю любовь – привязанность к храму Божию и благолепию церковному, и сохранял ее до конца своей жизни»*²¹.

Сказанные слова – *«привязанность к храму Божию и благолепию церковному»* – объясняют, почему так много П. Г. Цуриков помогал православным храмам и монастырям.

1852–1857: Становление: церковный староста в Лужках, первые крупные пожертвования в храмы и монастыри

В следующие пять лет Павел Григорьевич стал больше уделять внимания благотворительным делам, несмотря на то, что работы на Ивановской фабрике прибавилось: в годы Крымской войны (1853–1856) ее обороты заметно выросли. Суконное предприятие благодаря заботе и усилиям П. Г. Цурикова успешно работало и развивалось, приносило все больше доходов. Тем самым появилась возможность оказывать помощь большему числу людей, церковным приходам. Довольно скоро Павел Григорьевич намного обогнал своего родителя по масштабу оказываемой благотворительной помощи. Причем с годами помощь становилась все более разнообразной: *«Нельзя сказать, чтобы благотворительность покойного была направлена исключительно на одну какую-нибудь излюбленную сторону местных потребностей и нужд, – она была неограниченна как неограниченны роды и виды благотворений и как безгранична самая потребность в благотворении»*²².

Одновременно стала расширяться география мест, куда приходили пожертвования от купца. Об этом хорошо сказано в одном из некрологов: *«Как скоро нашлись у него достаточныя материальныя средства, то тотчас принялся за возобновление и благоустройство ближайших к нему сельских приходских храмов, которые в большинстве очень бедные, как по своим средствам, так и по украшению»*²³.

1852: Церковный староста села Лужки, первая помощь другим храмам и монастырям

Уже через два с половиной месяца после кончины отца Павел Григорьевич заменил его на должности **церковного старосты приходского Петропавловского храма в селе Лужки Звенигородского уезда**. 25 мая 1852 г. прихожане собрались на сход и *«учинили сей приговор в том, что на следующее первое трех летие к нашей показанной Петропавловской церкви в старосту церковнаго избрали оной церкви прихожанина Звенигородскаго 2-й гильдии купца Павла Григорьева Цурикова, который совести доброй, поведения честнаго, в штрафах и под судом никогда не был»*²⁴. Под *«приговором»* проставлены имена многих людей.

Напомним, что должность старосты была выборная, выборы проходили каждые три года. Павла Григорьевича неоднократно потом переизбирали на эту должность. Как долго он оставался на этом посту – в документах не сообщается. Самое позднее по времени упоминание относится к журнальной заметке 1874 года. Так что, возможно, он оставался церковным старостой Петропавловской церкви до самой своей смерти (это притом, что, как будет показано далее, в 1868 г. был избран на аналогичную должность в Успенской церкви при Ивановской фабрике).

Справка. Лужки. История поселения на берегу реки Истра прослеживается с XV столетия. После непродолжительного пребывания в частном владении село Лужки оказалось у Чудова монастыря. О деревянной церкви Николая Чудотворца говорится в писцовых книгах Московского уезда 1584–1586 годов. В 1730 г. вдова стольника Василия Алексеевича Ладыгина, Аграфена Феоктистовна, обратилась в Синодальный казенный приказ за разрешением построить «*вновь церковь каменную во имя святых Верховных Апостол Петра и Павла*»²⁵. В том же году был дан указ о строении каменной церкви. Ее строительство было окончено в 1734 г. В приход храма входило свыше десятка деревень, среди них Ивановская (часть деревни).

20 лет при советской власти храм продолжал оставаться действующим. Последним священником стал протоиерей Василия Яковлевич Семенов. В 1937 г. он был арестован и расстрелян в Бутово. После этого храм закрыли, в нем устроили скотный двор.

В 1996 г. в церкви возобновились богослужения.

Современный адрес: МО, г.о. Истра, дер. Лужки.

(GPS: 55.85127, 36.96791).

Изо 6–09. Петропавловская церковь
в с. Лужки, нач. XX в. ?, (АШ).

Павел Григорьевич, заменил умершего отца и в качестве благодетеля **Аносина женского монастыря**. Во второй главе рассказывалось, что Григорий Михайлович сестрам обители «*позволял в своей мельнице даром молоть хлеб*». Помимо этого по его указанию в дар монастырю ежегодно привозились продукты питания.

По примеру родителя Павел Григорьевич продолжил оказывать помощь Аносину монастырю, причем по свидетельству П. А. Мухановой, пожертвования с каждым годом увеличивались. Регулярно два раза в год в обитель доставлялись продукты питания: «*гречных круп, пшена и солода*». Помимо этого сестрам к Пасхе дарилась черная материя. По словам схимонахини Анны: «*Из нее-то и шили подрясники, рясы, мантии, апостольники, ватники (полупальто особого монастырского покроя) и даже наметку на камилавку. [...] От них же [Цуриковых] были пожертвованы в собор половики, тканые из толстых льняных веревок толщиной в два–три сантиметра, которые позволяли сестрам во время длинных служб, на кафизмах, садиться прямо на эти дорожки, не сходя с места*»²⁶. В итоге, как потом вспоминал архимандрит Пимен: «*Эта обитель в настоящее время начала процветать, благодаря деятельному участию и щедротам Цурикова*»²⁷.

Справка. Аносино. Первое упоминание о деревне «Аносино» относится к 1558–1560 годам. В 1799 г. княгиня Евдокия Николаевна Мещерская купила сельцо Аносино Звенигородского уезда. На ее деньги в 1810 г. был заложен Троицкий храм. Через 10 лет княгиня в память покойного мужа устроила богадельню на 12 женщин. 4 мая 1822 г. архиепископ Московский и Коломенский Филарет освятил главный Троицкий придел храма. В тот же день официально было открыто Борисоглебское женское общежитие, его попечительницей стала княгиня Евгения Мещерская. Через год 18 сентября общежитие было преобразовано в женский Борисоглебский Аносин монастырь.

Помимо Троицкой церкви в монастыре было еще два храма. При святых вратах в 1824 г. была построена церковь святителя Димитрия Ростовского «*для исправления мирских треб*». А в 1829 г. при больничных кельях была сооружена церковь великомученицы Анастасии Узорешительницы.

Женская община в Аносино была небольшой и бедной, у нее было мало благотворителей.

В советские годы обитель была закрыта. Ее территорию использовал местный колхоз, по-варварски относясь к бывшим монастырским строениям. В 1990-х годах то, что осталось, вернули верующим. Сначала здесь было организовано патриаршее подворье, а в 1999 г. открылся женский монастырь.

Современный адрес: МО, г.о. Истра, дер. Аносино, ул. Троицкая, д. 37. (GPS: 55.83873, 37.00825).

Позднее Павел Григорьевич вместо продуктов питания стал отправлять в обитель деньги. Вот как об этом писала в 1871 г. настоятельница монастыря игуменья Евгения (Озерова): «*Благодетель же наш постоянный П. Г. Цуриков уже многие годы постоянно к 1 мая и к 1 ноября дает обители на содержание странников по 500 рублей серебром*». Она же припомнила один

случай, когда помощь благотворителя задержалась: «Ныне же и 1 мая и до конца мая нет обычной от него милостыни. Меня стало тревожить его забвение. Спросила у Саввинского наместника, получил ли он обычную милостыню? Тому выдано было в известный срок. Тогда мне пришла мысль, не я ли сама причиной замедления и не отдам ли за то ответа перед Богом, и первому пришедшему за мукой велела выдать просимое и давать безпрепятственно по обычаю. Что же? На другой день приезжает П. Г. Цуриков и просит извинения, что за разными хлопотами забыл привезти обычную милостыню обители, и передает теперь 500 рублей серебром»²⁸.

Это были пожертвования на регулярной основе. Но если требовалось, П. Г. Цуриков оказывал Аносину монастырю и целевую помощь. Так на его средства (5.000 руб.) в Троицком соборе был устроен иконостас. Это подтверждает «*Опись церковного имущества Звенигородского уезда Борисо-Глебского Аносина девичьего монастыря*», согласно которой в соборе «*Иконостас устроен в 1852 году изданием почетного гражданина Павла Григорьевича Цурикова*»²⁹.

Помощь храму в Лужках и монастырю в Аносино – это было только начало добрых дел Павла Григорьевича. О нем, как о благотворителе, стали узнавать люди, приходили к нему за помощью. И он старался не отказывать просителям, помогал по мере возможностей. Так постепенно стала расширяться география мест, в которых благотворитель совершал добрые дела.

В том же 1852 г. Цуриков помог соседней с фабрикой церкви – **Троицкой**. К этому времени старинный деревянный храм в значительной мере обветшал и требовал проведения ремонтных работ. Денег на это у небольшого прихода не было. На помощь пришел владелец Ивановской фабрики.

Дело о проведение работ в Троицкой церкви на средства Цурикова не обнаружено и потому сумма потраченных средств осталась неизвестной. Но «следы» этого ремонта нашлись в другом документе. В метрике Троицкого храма записано: «*В пятидесятых годах XIX стол. к церкви с западной ее стороны пристроена деревянная колокольня, на каменном фундаменте, вместо обветшавшей древней, устроенной на самой церкви. [...] Колокольня построена [...] квадратной формы, изданием почетного гражданина г. Воскресенска П. Цуриковым, деревянная на каменном фундаменте*»³⁰.

Более точная датировка произведенных на средства благотворителя работ приведена в клировой ведомости: «*с разрешения Его Высокопреосвященства [...], последовавшего в 1851-м году, октября 11 дня, в прошлом 1852-м году вновь выстроена [колокольня]*»³¹.

Справка. Троицкий погост. История данного места прослеживается с XVI столетия, тогда это была дер. Бобырево. В 1675 г. царский стольник Роман Боборыкин построил в своей вотчине церковь во имя Живоначальной Троицы. После этого деревня стала называться селом Троицким (иногда добавляли слова «*на реке Истре*»). Но чаще использовали слово погост, т.к. рядом с храмом располагались только дома причта, а крестьяне не жили.

В 1904 г. по соседству с деревянным храмом было начато строительство кирпичного храма также во имя Живоначальной Троицы. На его постройку деньги пожертвовал владелец Ивановской фабрики С. М. Попов. В 1913 г. состоялось освящение. После этого службы стали проходить в новом здании. Так на погосте оказались два одноименных храма: деревянный и каменный.

Новый Троицкий храм, как и Покровский в Рубцово, в советские годы не закрывался. Во время войны с немцами, несмотря на жестокие бои в округе, оба храма на погосте чудесным образом уцелели.

Современный адрес: МО, г.о. Истра, пос. Троицкий, ул. Центральная. (GPS: 55.88309, 36.90168).

Изо 6–10. Троицкая церковь в Троицком на Истре³², 1916.

Как следует из записей в архивном деле РГАДА, в это же время П. Г. Цуриков начал помогать **Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю**, находившемуся в десяти верстах от фабрики.

Необходимость проведения ремонтных работ в этом монастыре назрела давно. Прошло сто лет,

с момента предыдущей капитальной перестройки. Многие церковные здания обветшали. Для исправления ветхостей требовались большие суммы, каких у монастыря не было. Вот что писали в епархиальных ведомостях про главный Воскресенский собор: *«величественный храм сей требовал во многих частях новой реставрации, для которой недостаточны средства монастыря»*. Трудно сказать, как бы развивались события далее (скорее всего, по негативному сценарию), если бы не пришел на помощь владелец Ивановской суконной фабрики. И хотя он в это время не был еще настолько богат, как в конце жизни, но уже в первый год его пожертвования были значительными. Вот как об этом было написано позднее в архивном деле, в котором шла речь о представлении благодетеля к награде: *«в 1852 году на устройство иконостаса в Христорождественской церкви, с окраскою и украшением живописью стен, на устройство пяти печей, на покупку паникадила, местных подсвечников и 4-х серебрян. лампад, на устройство железной решетки, отделяющей солею от храма, употреблено собственных денег около 10 т. руб. сер.»*³³.

На тот период это было самое крупное пожертвование П. Г. Цурикова. Десять тысяч – очень солидные по тем временам деньги, на них можно было построить и украсить сельскую церковь, а то и две небольших деревянных. Но это был старинный кирпичный храм знаменитой обители, работы в нем стоили дороже. Есть правда сомнение, что работы в Христорождественской церкви осуществлялись в 1852 г. Как будет показано далее, скорее всего, они были выполнены тремя годами позже.

1853: Помощь Саввино-Сторожевскому монастырю

В следующем году Цуриков начал помогать и третьему монастырю на нашей земле: Саввино-Сторожевскому в Звенигороде. На средства благотворителя в 1853 г. было сделано и приобретено: *«8 серебрян. лампад для масла, медная высеребрянная решетка к раке Можей Препод. Саввы и таковой же седмисвечник за престол, на сумму 850 руб.; возобновлена стенная живопись и написаны в три иконостаса иконы, на что употреблено 2380 руб.; сделана медная вызолоченная глава на Соборную церковь, что стоит 4000 руб.»*³⁴. Общая сумма пожертвований в обитель составила 7.230 руб.

Помимо этого П. Г. Цуриков оказывал помощь монастырю и на регулярной основе. Это следует из приведенной ранее цитаты из воспоминаний игуменьи Аносина монастыря, в которых есть такие слова: *«Спросила у Саввинского наместника, получил ли он обычную милостыню? Тому выдано было в известный срок»*. Сестрам обители Павел Григорьевич дважды в год передавал по 500 руб. Возможно, что и братии монастыря оказывалась такая же помощь.

Справка. Саввино-Сторожевский монастырь основан в 1398 г. монахом Саввой, учеником преподобного Сергия Радонежского. Примерно в 1405 г. был построен каменный Богородицерождественский собор.

В середине XVII столетия вокруг собора был возведен ныне сохранившийся архитектурный ансамбль монастыря, включающий в себя надвратный храм во имя преп. Сергия Радонежского, Преображенскую церковь, звонницу, Трапезную палату, Царский дворец и Царицыны палаты, Братский и Келейный корпуса и другие сооружения.

Во время Отечественной войны 1812 г. монастырь был занят французами, но разграблен не был: по преданию, преп. Савва явился к французскому полководцу Евгению Богарне и велел не трогать обитель.

В середине 1919 г. монастырь был закрыт. В советское время в обители размещались различные учреждения: воинская часть, санаторий, музей. В 1941 г. немцы не дошли до обители, и она от боев пострадала несильно. После войны в монастыре находился музей.

С 1995 г. начала возрождаться монашеская жизнь. Современный адрес: МО, Одинцовский г. о., Звенигород, Ратехинское шоссе, 1. (GPS: 55.72803, 36.81613).

Изо 6–11. Богородицерождественский собор, фотограф И. Ф. Барщевский, 1885.

1854: Помощь Новоиерусалимскому монастырю

По сведениям архивного дела РГАДА в Новоиерусалимском монастыре на средства П. Г. Цурикова была «устроена новая риза на икону Божией Матери Троеручицы серебряная вызолоченная, в ней весу 29 фунтов [11,9 кг], венец украшен камнями»³⁶. Стоило это тысячу рублей.

Изо 6–12. Икона Троеручица в Воскресенском соборе монастыря, фотограф М. И. Грибов³⁵, 1907.

В альбоме фотографа М. И. Грибова, изданном в 1907 г. и посвященному Новоиерусалимскому монастырю оказалась фотография киота с иконой Троеручица. И хотя снимок был сделан в храме полвека спустя, велика вероятность, что риза на иконе та самая, подаренная Цуриковым.

По данным из того же архивного дела, начиная с 1854 г. Цуриков ежегодно жертвовал в обитель «масла деревянного для освящения храма и свечей восковых» на сумму 250 руб.

Тогда же было подано ходатайство о награждении Павла Григорьевича. Об этом свидетельствует заголовок дела ЦГАМ: «Исходатайствование награды купцу Цурикову старосте церкви Лужков, 1854». Было бы интересно ознакомиться с этим документом. Но это невозможно, т.к. дело, увы, не сохранилось. По всей видимости, ходатайство прихожан было отклонено, ибо никакой награды Цурикову в этот год не было. Лишь спустя четыре года он получил свою первую медаль за благотворительность.

1855: Смерть брата, помощь Новоиерусалимскому монастырю

1855-й год начался с горя в роду Цуриковых: 14 января на 26-м году жизни скоропостижно скончался Иван, младший брат Павла. После потери матери и отца это был еще один тяжелый удар для благотворителя. Иван Григорьевич был похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище на некрополе Поповых. Это печальное событие никак не отразилось на намерении П. Г. Цурикова оказывать помощь храмам и монастырям. Напротив, он делал вклады в Божьи дома на поминание своих умерших родственников, включая брата Ивана.

Не забывал благотворитель про **Аносин монастырь**. В 1855 г. на его средства был построен «странноприимный дом» (ныне бы сказали гостиница) для приема паломников, 1 октября обители подарен колокол весом 89 пудов и «Живописное изображение на полотне – Снятие Тела Господня со креста выш. 4 ар.»³⁷.

Ранее рассказывалось, что в 1852 г. начались работы в Христорожественской церкви **Новоиерусалимского монастыря**, на них Цуриковым было потрачено 10 тысяч рублей. Эти данные были приведены в архивном деле РГАДА, в котором сообщалось, что на эти деньги был обновлен иконостас в указанном храме, произведена в нем роспись стен, устроены печи и закуплена церковная утварь. В другом деле того же архива написано, что в 1855 г. в Христорожественской церкви монастыря проводились работы. Отмечено, что эта церковь была «возобновлена во всех частях», в ней устроен «иконостас новой столярной работы с резьбою вызолоченною лучшим червонным золотом, иконы сделаны вновь хорошей живописи, стены росписаны»³⁸. И приведена потраченная Цуриковым сумма – 12.000 руб.

Что же получается? С разницей в три года в одном и том же монастырском храме проводились масштабные работы, причем одни и те же – обновление иконостаса, роспись стен. И потраченные суммы оказались примерно одинаковые (10 и 12 тысяч). Маловероятным такое представляется. Логичнее предположить, что речь идет об одних и тех же работах, только датировка где-то указана неверно. Это вполне возможно, т.к. оба архивных дела составлялись много лет спустя (первое дело датировано 1869 г., второе 1870). Так какая же дата верная? Предпочтительнее выглядит 1855 г., т.к. в это время шла Крымская война, Ивановская

фабрика выполняла заказы для армии и приносила хорошие доходы. Ее хозяину было проще найти необходимую сумму на проведение дорогостоящих работ в монастыре.

В том же альбоме М. И. Грибова нашлась фотография, сделанная внутри Христорождественской церкви. На потолке заметны фрагменты росписи. Наверняка, что-то из того (а может и все), что видно на изображении, было выполнено на пожертвование Павла Григорьевича.

Изо 6–13. Христорождественская церковь в Новоиерусалимском монастыре, фотограф М. И. Грибов³⁹, 1907.

1856: Помощь Троицкой церкви на погосте

Спустя четыре года Павел Григорьевич вновь оказал помощь церкви на Троицком погосте: «*в 1856 году в селе Троицком при Троицкой церкви устроил новый иконостас и пожертвовал новую утварь, повесил колокол в 50 пудов, употребив на все сие собственных денег 1700 рублей*»⁴⁰.

В том же 1856 году П. Г. Цуриков затеял дело с крестьянами дер. Ивановской по обмену земли. Об этом подробно рассказывалось в третьей главе. Напомним, что взамен 12,5 десятин крестьянской земли в Ивановском купцу пришлось отдать 25 десятин в пустоши Маринки. И сверх того Цуриков положил в финансовое учреждение на счет местных крестьян капитал в 10 тысяч рублей. Это дело по обмену земли было завершено лишь год спустя.

В Новоиерусалимском монастыре «*В 1856-м году вызолочены червонным золотом на мардане две главы: на колокольне и на Христорождественской церкви – 3.000 руб.*»⁴¹ (по другим данным траты составили 2.500 руб.).

1857: Воскресенский купец 2-й гильдии

В следующем году, в соборе Новоиерусалимского монастыря на средства Павла Григорьевича (2.000 руб.) был «*устроен медный, по местам золоченный балдахин, над камнем повития*»⁴².

В это же время Цуриков перешел из Звенигородских купцов в Воскресенские, оставшись при этом во 2-й гильдии (однако в некоторых документах его по-прежнему писали как Звенигородского купца, так продолжалось несколько лет).

1858–1868: Расцвет благотворительности: строительство Саввинского скита, храмов в Ивановском и Троице-Сергиевой лавре, три ордена, потомственный почетный гражданин

Ивановская фабрика продолжала развиваться. Цуриков старался не отставать от технического прогресса, устанавливал новые паровые машины, которые приобретались за рубежом. Но он не замыкался на производственных вопросах, откликался на нужды людей, приходивших к нему за помощью.

Если в первые годы Павел Григорьевич в основном помогал близлежащим к Ивановской фабрике селениям, то скоро к нему стали обращаться люди уже со всего Звенигородского уезда и даже издалека. Вот как было написано в епархиальном журнале еще при жизни Цурикова: «*Да едва ли есть во всем уезде хоть одно селение, или хоть одна приходская община, жители из которых не обращались бы к этому благотворителю с своими разнообразными нуждами, и обратившись ушли бы от него, не получивши или нужного совета, или возможного содействия, или посильной помощи для себя лично, или для своей приходской церкви*»⁴³.

А вот слова из другой статьи, опубликованной в газете «Московские ведомости»: «*По окружности верст на тридцать нигде не делалось поправок или возобновления храмов Божиих без того чтобы Цуриков не принимал в этом участия. Придут, бывало, к нему из какого нибудь села и просят приехать посмотреть церковь, которую собираются поправлять. — "Хорошо, приеду, посмотрю скажет он, — приедет, осмотрит все внимательно и начнет делать поправки по своему*

плану, тратя и деньги, и свое время. В деле сооружения церквей и их возобновления Цуриков, говорят, приобрел значительную опытность»⁴⁴.

Все вышесказанное наглядно показано на карте Звенигородского уезда, приведенной в конце настоящей главы. На ней отмечено, в какие населенные пункты приходила помощь от П. Г. Цурикова. Больше всего таких мест оказалось в окрестностях города Воскресенска, вблизи которого находилась Ивановская фабрика. Но были селения на севере уезда и на юге.

1858: Первая личная награда – золотая медаль на Станиславской ленте

Этот год стал первым, когда благотворительная помощь Цурикова пришла сразу в шесть различных мест. Если прежде Павел Григорьевич помогал в течение года одному, двум, иногда трем храмам или монастырям, то потом финансируемые им работы проводились одновременно в четырех-шести местах и даже больше. Причем это не был простой «откуп» (т.е. передача денег). Благотворитель, набравшись опыта, во все вникал сам, старался сделать как можно лучше. Как было написано в некрологе: *«Деятельность его по устройству и украшению храмов, за последние годы жизни, приняла весьма обширные размеры, вышла далеко за пределы Звенигородского уезда и продолжалась безостановочно в одно и тоже время в нескольких местах; так напр. в одном месте покойный благотворитель начинал то или другое дело по устройству какого-нибудь храма, в другом – продолжал прежде начатое, в третьем – оканчивал, в четвертом – упрочивал или исправлял прежде сделанное, в пятом – готовил новые средства для какого-нибудь предположенного им дела»*⁴⁵.

В 1858 г. пожертвования были сделаны как по прежним адресам, которым уже помогал П. Г. Цуриков (Новоиерусалимский и Аносин монастыри, Лужки), так и по новым адресам (Ильинское Городище, Рубцово, Соколово).

Самые крупные пожертвования были сделаны в **Новоиерусалимский монастырь**: *«В 1858, 1859 и 1860 годах в Соборном храме Воскресения Христова и ротонде стены окрашены кобальтом, орнаменты французским мелом, работы продолжались три лета, материал, леса и работы стоят приблизительно 10.000 [руб.]»*⁴⁶. В 3.000 рублей обошлась *«Бронзовая сень над камнем Помазания, на четырех металлических колоннах высеребрена, и местами вызолочена, сверху сей сени из медной проволоки сетка вызолоченная»*. Помимо этого *«Пред входом в Воскресенский храм устроена икона Сошествия во ад Господа нашего Иисуса Христа, в киоте резном, на мардане высеребренном, над нею железная сень червонным золотом вызолоченная, 500 [руб.]»*.

Ранее рассказывалось, как в 1854 г. в Воскресенском соборе монастыря на средства Цурикова была устроена *«новая риза на икону Божией Матери Троеручицы»*. И вот теперь на ту же икону с ризой был сооружен киот *«новой столярной работы с искуснейшей резьбою, весь золочен»*. Стоило это 1.500 руб.

Во все том же альбоме Грибова оказалась фотография Камня Помазания с устроенной над ним металлической сенью. Практически нет сомнения, что эта та самая сень, подаренная Цуриковым.

В отчете о пожертвованиях, сделанных в 1858 г. в церкви и монастыри Московской епархии,

фамилия владельца Ивановской фабрики упомянута неоднократно. Так в **Аносинном монастыре** *«Звенигородский купец Павел Григорьевич Цуриков возобновил стенную живопись в храме Св. Живоначальныя Троицы»*⁴⁸. Потраченная сумма указана в другом деле – 2.000 руб.⁴⁹ (там правда отмечено, что работа выполнялась в 1860 г.).

В том же году вновь была оказана помощь храму села **Лужки**. Вот как об этом написано в донесении причта: *«староста церковный нашей Петропавловской церкви Воскресенский 2-й гильдии купец Павел Григорьев Цуриков в сем 1858 году в пользу нашей церкви сделал следующие пожертвования: в двух приделах теплой церкви на собственное изживание возобновил иконостасы,*

Изо 6–14. Камень помазания в Воскресенском соборе Новоиерусалимского монастыря, М. И. Грибов⁴⁷, 1907.

во всей теплой церкви, кроме св. алтарей, исправил каменный пол, каковыя пожертвования купца Цурикова составляют ценность [2000] рублей серебром»⁵⁰.

В самом конце указанного года труды Павла Григорьевича на должности церковного старосты в Лужках, наконец, были замечены и отмечены священноначалием. Как написано в ПС, 30 декабря ему была «Всемилоостивейше пожалована Золотая медаль на Станиславской ленте для ношения на шее, за службу в должности церковного старосты за пожертвования в пользу церкви Звенигородского уезда села Лужков, каковую получил при Свидетельстве Московской Духовной Консистории»⁵¹. Это была первая государственная награда, полученная Цуриковым. К сожалению, отдельного архивного дела об этом награждении обнаружить не удалось.

В этом же году Павел Григорьевич впервые оказал помощь родному Покровскому храму в селе **Рубцово**, в котором его крестили, и куда он потом ходил на службы. В первой главе рассказывалось, что в 1852 г. в церкви появился второй Никольский придел. Его освятили, хотя он еще не был расписан. Прошло шесть лет. В 1858 г. приходской священник Василий Скворцов докладывал своему начальству, что «Воскресенский 2 гильдии купец Павел Григорьев Цуриков изъявил желание украсить живописью Николаевский придел при церкви села Рубцова на свое иждивение»⁵². О том, сколько было на роспись потрачено денег, в этом документе не говорится, интересующие сведения обнаружены в другом деле: «Покровская церковь, как холодная, так и теплая украшена по приличию стенною живописью, с употреблением собственной суммы 1000 рублей»⁵³. Получается, что на средства Цурикова были расписаны живописью стены не только в теплом Никольском приделе трапезной части, но и в главном Покровском. В последующие годы Павел Григорьевич еще четырежды помогал родной церкви.

Впервые была оказана помощь церкви, находящейся вблизи фабрики — на **Ильинском Городище**.

Изо 6–15. Золотая медаль на Станиславской ленте «За усердие».

Справка. Ильинское Городище одно из древнейших мест Истринского района. Издавна рядом с городищем существовал погост, его иногда называли селом «*Ильинское на Городищах*». Здесь была деревянная Ильинская церковь, первое упоминание о которой относится к 1584 г. В начале XIX века был построен каменный храм.

В ноябре 1934 г. церковь была закрыта и по сведениям местных жителей взорвана через четыре года. Спустя несколько лет на святом месте был построен дом отдыха «Правда». В конце XX века там находился пансионат «Березка». В настоящее время церковное место находится в частном владении и никак не обозначено. Подробнее об истории Ильинского храма можно прочитать в сборнике статей⁵⁵ и на сайте УБД.

Современный адрес: МО, г.о. Истра, дер. Котерево (территория бывш. панс. «Березка»).

(GPS: 55.88586, 36.85051, церковь не сохранилась, координаты примерные).

Изо 6–16. Ильинская церковь на Городищах⁵⁴, 1909.

Когда в 1811 г. на Городище сгорела деревянная Ильинская церковь, прихожане решили строить новый Божий дом из кирпича. За два года смогли возвести трапезную часть храма. А дальше средства закончились и стройка остановилась. Чтобы можно было проводить богослужения, к трапезной пристроили временный алтарь. Так потом и служили в трапезной три с лишним десятилетия. Сам же храм оставался недостроенным. И лишь когда на помощь пришел П. Г. Цуриков, все работы были завершены за два года (1858–1859). На них было потрачено около семи тысяч рублей⁵⁶. Настоятель Ильинского храма священник Иоанн Покровский предоставил подробные сведения о том, какие работы были выполнены на средства благотворителя и что было им пожертвовано:

«1), сделано 13 железных решеток и две железные двери; 2), отдано каменщикам за всю работу начиная со вторых окон и до окончание каменной кладки; при чем 3), часть известки и железо для связей куплены им же [П. Г. Цуриковым]; 4), покрыта церковь железом, выкрашена медянкою на масле, глава обита медным железом; под крестом яблоко медное вызолочено и крест обит медью же и вызолочен; 5), сделано 17 деревянных рам со стеклами и стеклянные двери в арке, ведущей из трапезы в настоящую [церковь]; 6) церковь внутри оштукатурена и выкрашена красками на масле, а в алтаре и пред алтарии выкрашен и пол; 7), устроен предалтарный иконостас и в него написаны сорок одна икона, в том числе и запрестольные крест и Богоматерь. Чего стоят означенные пожертвования, в точности не известно. Сверх того в последнее время пожертвованы: ковчег серебряный вызолоченный, весом в 2 фунта и 10 зол. в деревянном вызолоченном на полименте футляре со стеклами и замком; Евангелие напрестольное, хоругви; паникадило медное вызолоченное; 7 медных высеребранных подсвечников; одна лампада для спуска; на престол и жертвенник одежды; к царским вратам завеса; одно медное кадило и два ковра; ценою всего более 500 рублей серебром»⁵⁷.

Отметим фразу: «Чего стоят означенные пожертвования, в точности не известно». Подобные слова в донесениях о благодеяниях Цурикова попадаются довольно часто. Павел Григорьевич не любил афишировать свои добрые дела. О потраченной на Ильинский храм сумме 7.000 рублей стало известно из другого архивного дела, находящегося в РГАДА.

В том же 1858 г. П. Г. Цуриков впервые оказал помощь церкви, находившейся довольно далеко от фабрики – за 20 с лишним верст. Речь идет о Христорождественском храме в с. **Соколово**.

В 1849 г. существовавший деревянный храм Рождества Христова в с. Соколово сгорел. Для проведения служб прихожане соорудили временную деревянную церковь и начали собирать деньги на новый каменный Божий дом. Его строительство затянулось, т.к. приход был небольшой и бедный, денег поступало мало. Прихожанам удалось собрать менее полутора тысяч рублей. Их хватило, чтобы в 1855 г. обустроить в трапезной части строящегося храма Ильинский придел⁵⁸, в нем и начали служить. Сколько еще времени продолжалась бы достройка церкви – сказать трудно. Но на помощь пришел главный благодетель Звенигородского уезда и ситуация изменилась в лучшую сторону. В архивном деле о пожертвованиях для храма в Соколово приведена такая информация: «В 1858 году от Воскресенскаго купца Павла Григорьева Цурикова [пожертвован] иконостас со всеми находящимися в оном, иконами, подсвечниками, одеждами на Святый Престол и жертвенник, Евангелием и занавесою к Царским вратам примерною ценностью почти в [2.000] рублей серебром и в настоящем 1859 году от того же купца Цурикова на отделку теплаго придельнаго храма деньгами [375] рублей серебром»⁵⁹.

Справка. Село Соколово в прежние времена называлось Рождествено, еще раньше Петровское, а народ его именовал Тихон-Никон по имени обитавших здесь святых. В местном Христорождественском храме и часовнях в XIX веке имелись старинные иконы этим святым. Но потом о них забыли, и почитание осталось только у местных жителей (об этой интересной истории подробно рассказано в книге автора⁶⁰).

В 1700 г. была освящена построенная в селе деревянная церковь. По одним сведениям Христорождественский храм был закрыт в середине 1930-х годов и разобран на кирпич в 1937. По другим сведениям (воспоминаниям старожила) церковное здание разобрали в начале 1950-х годов. В наше время в Соколово местные жители построили часовню недалеко от места утраченного Божьего дома.

Современный адрес: МО, г.о. Солнечногорск, территориальное управление Соколовское.
(GPS: 56.04084, 36.92423, церковь не сохранилась, координаты примерные).

Изо 6–17. Христорождественская церковь в с. Соколово, (семейный архив Г. Г. Ельцовой).

1859: Начало строительства Саввинского скита

В следующем году на средства Цурикова были завершены работы, ранее начатые в храмах села Соколово и Ильинского Городища, и продолжились работы в Новоиерусалимском монастыре.

Но главное дело, которое было начато в 1859 г. – это строительство **Саввинского скита** на месте подвигов преп. Саввы Сторожевского вблизи одноименного монастыря под Звенигородом.

Справка. Саввинский скит. Ученик Сергия Радонежского Савва, придя в Звенигород, основал здесь мужскую обитель (ныне она называется Саввино-Сторожевский монастырь). Для своих уединенных молитв подвижник выкопал в полутора верстах от монастырского храма небольшую пещерку. По преданию, последние годы жизни преп. Савва почти постоянно проводил в пещере и скончался в ней.

Небольшая церковь над пещерой Саввы и несколько келий для монахов на средства П. Г. Цурикова были построены в 1859–1862 годах. Потом скит им же был расширен, была устроена вторая домовая церковь. Архитектурный ансамбль окончательно сложился к началу XX века.

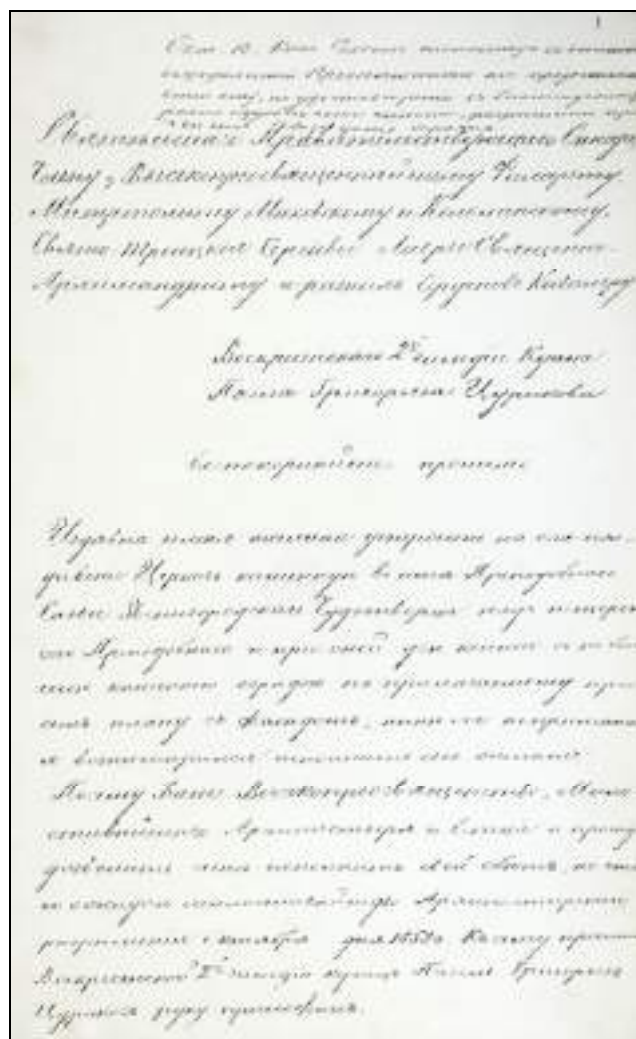
Саввинский скит сильно пострадал в советское время, многие здания были разрушены. После войны здесь жили семьи служащих военного санатория.

В наше время все сохранившиеся постройки скита и его территория были возвращены Саввино-Сторожевскому монастырю. Ныне скит действующий.

Современный адрес: МО, Одинцовский г. о., Звенигород, Ратехинское ш., 13. (GPS: 55.73669, 36.8135).

Напомним, что в 1852 г. умер отец благотворителя (еще раньше умерла мать). Как истинный христианин Павел Григорьевич беспокоился об упокоении их душ. Вот что рассказала игуменья Аносина монастыря Евгения (Озерова) об истории появления скита: *«Общий благодетель всего околотка, а в особенности Саввина и нашего монастыря П. Г. Цуриков, в память своего покойного родителя Григория Михайловича, вознамерился устроить часовню для чтения неугасаемой псалтыри над пещерой, вырытой самим преподобным Саввою, в которую сей угодник Божий удалялся для молитвы, и выстроить около часовни сторожку с комнатой для помещения по очереди читающим псалтырь. Но Господу угодно было прославить сие уединенное место, освященное трудом и молитвою преп. Саввы. Мысль о часовни перешла к пещерной церкви, потом явилась в размере общежительного скита, обеспеченного на 16 человек»*⁶¹.

Желание Павла Григорьевича почтить память преп. Саввы строительством Божьего дома получило живой отклик у настоятеля монастыря епископа Леонида (Краснопевкова). Тот незадолго до этого был хиротонисан в епископа Дмитровского с предоставлением в управление Саввино-Сторожевским монастырем. По всей видимости, у владыки сложились хорошие отношения с владельцем суконной фабрики. И именно он, скорее всего, убедил благодетеля строить не часовню, а православный храм, в котором могла бы совершаться Божественная литургия. Осенью 1859 г. Цуриков подал прошение на имя митрополита Московского Филарета, в котором говорилось следующее: *«Издавна имея желание устроить на свое иждивение Церковь каменную во имя Преподобного Саввы Звенигородскаго Чудотворца над пещерою сего Преподобного и при оной две келии с небольшою каменною оградю [...] ныне же не-*

Изо 6–18. Копия прошения Цурикова, 1859.

пременно я вознамерился исполнить свое желание»⁶².

Получив от священноначалия желаемое разрешение, благотворитель немедленно приступил к воплощению своей мечты. Основные строительные работы начались в следующем году.

В 1859 г. география помощи П. Г. Цурикова впервые вышла за пределы Звенигородского уезда. Пожертвование было сделано в **Никольскую церковь с. Никульское-Карамышево** Московского уезда.

Справка. Село Никульское-Карамышево.

По данным Холмогоровых село «до построения в нем деревянной церкви во имя Св. Николая, было “пустошью”. Когда и кем первоначально была построена церковь – не известно. В 7093 (1585) году село находилось за боярином князем Федором Михайловичем Троекуровым, а в селе церковь Св. Николая стоит без пения. [...] В дозорных книгах Патр. Казенного Приказа 7188 (1680) г. написано: “церковь Николая чудотворца с приделом в вотчине Ивана Карамышева, в селе Никульском”»⁶⁴.

В материалах историка Скворцова написано, что в 1774 г. Синодальная контора дозволила починить ветхую «деревянную церковь Николая Чудотворца с приделом благоверных князей Феодора и чад его Давида и Константина, Смоленских и Ярославских чудотворцев»⁶⁵.

По информации сайта “Храмы России” Никольская церковь была сломана в 1930-х гг. при строительстве водного канала Москва-Волга. Русло канала оказалось рядом, церковное место не было затоплено.

Современный адрес: МО, Мытищинский район.

(GPS: 56.03143, 37.67612, церковь не сохранилась, координаты примерные).

Изо 6–19. Никольская церковь в с. Никульское-Карамышево⁶³, 1922–1933.

Так же как в Соколово и Ильинском Городище, в селе Карамышево деревянная церковь сгорела, случилось это в 1858 г. Денег на строительство нового храма не было. Прихожане узнали, что в соседнем селе Бусиново после строительства новой кирпичной церкви остался деревянный храм. Он хоть и был ветхим, но его можно было починить. Строитель кирпичной церкви в Бусиново подарил погорельцам старое деревянное здание. Оставалось лишь его разобрать («фаскатать») по бревнам, перевезти в Карамышево и там заново собрать. При этом необходимо было подгнившие бревна заменить новыми. Однако даже на такую малость (замену бревен) у прихожан денег не было. И тут пришел на помощь П. Г. Цуриков (осталось тайной, каким образом прихожанам удалось узнать о благодетеле и потом договориться с ним – ведь Ивановская фабрика находилась за несколько десятков верст от Карамышево). Павел Григорьевич оказался не единственным жертвователем, погорельцам также помог московский купец Иван Королев. Как написано в деле, датированном 1859 г., помощь благодетелей пошла «на исправление ветхостей и постановление церкви»⁶⁶ на новом месте.

Цуриков в последующие годы еще дважды помогал далекому храму в Никульском-Карамышево.

1860: Первая помощь образованию детей

Добрые дела Цурикова с каждым годом все ширились. В 1860 г. оказалось сразу три новых места благотворительной помощи: Звенигород, Воскресенск и Дарна.

В уездном городе Звенигороде в середине XIX века было несколько училищ. Первое – духовное училище, в нем готовили служителей церквей. Второе училище было для детей жителей города, в нем давали светское образование. Потом его разделили на два училища – для мальчиков и для девочек. Всем им в разное время помогал П. Г. Цуриков. Но началось все с духовного училища.

Для помощи ученикам небогатых родителей и сиротам собирались пожертвования. В 1860 г. П. Г. Цуриковⁱ передал на эти цели 200 руб.⁶⁷. Сумма, прямо скажем, не слишком большая. Но с нее началась поддержка Павлом Григорьевичем народного образования. В последующие годы он ежегодно, как написано в одном документе, «движимый христианской любовью к детям», жертвовал деньги на поддержку некоторых училищ, а иногда даже строил отдельные школьные здания.

ⁱ Информацию об этом пожертвовании представил исследователь А. В. Шатохин.

Справка. Звенигородское духовное училище было основано в 1775 г. на территории Саввино-Сторожевского монастыря сначала как семинария. В 1806 г. училище переехало в здание Трапезной палаты, которое было перестроено: растесаны окна, интерьеры перепланированы под нужды учебного заведения. Внизу находились спальни, столовая, кухня;верху — классы и комнаты для внеклассных занятий.

В училище обучались дети священно и церковнослужителей. Им давалось начальное духовное образование, основной упор делался на религиозные предметы. Ученики, успешно прошедшие обучение, принимались без экзаменов в семинарии.

Звенигородское духовное училище существовало до закрытия монастыря в 1919 г.

Здание бывшего училища сохранилось, сейчас оно используется Саввино-Сторожевским монастырем для своих нужд: нижний этаж занимает трапезная, верхний соединен с Преображенской церковью. Современный адрес: МО, Одинцовский г. о., Звенигород, Ратехинское шоссе, 1. (GPS: 55.72885, 36.81587).

Изо 6–20. Духовное училище в Саввино-Сторожевском монастыре⁶⁸, 1900–1910.

В 1860 г. П. Г. Цуриков впервые оказал помощь **Вознесенской церкви заштатного города Воскресенска**. Наверное, это как-то связано с тем, что за три года до этого он стал Воскресенским купцом 2-й гильдии. Павел Григорьевич пожертвовал в городскую храм 5.150 руб. на отливку «*полюлейнаго*» колокола⁶⁹. По одним данным его вес был 318 пудов (дело РГАДА), по другим 313 пудов (метрика церкви в ИИМК). В любом случае это был большой колокол, его вес в современном измерении превышал пять тонн (великан, к сожалению, не сохранился).

Справка. Вознесенская церковь г. Воскресенска. Первая деревянная церковь была построена в 1636 г. В 1677 г. была поставлена другая церковь. Она была освящена во имя Вознесения Господня. В 1781 г. по указу Екатерины II село Вознесенское преобразовали в город Воскресенск, который первое время был центром одноименного уезда, а спустя несколько лет после очередной административной реформы стал заштатным.

В конце XVIII века рядом с деревянным храмом начали строить каменную церковь. В 1792 г. был освящен Ильинский придел в трапезной, а в 1805 вся церковь. В начале XX века была осуществлена капитальная перестройка Вознесенской церкви, расширена трапезная часть. Вместо одной главы на крыше было установлено пять.

Храм закрыли в 1934 г. Сначала здание использовалось как клуб, но уже через два года в нем разместилась мебельная артель. Здание сильно пострадало во время боев 1941 г., после войны оно уже не восстанавливалось. В середине 1950-х годов остатки стен разобрали, на их месте построили корпуса опытного завода «Углемаш».

Подробнее об истории Вознесенского храма можно прочитать в сборнике УБД⁷¹.

Современный адрес: МО, г. Истра, пл. Революции, 6. (GPS: 55.91574, 36.85729, церковь не сохранилась).

Изо 6–21. Вознесенская церковь г. Воскресенска⁷⁰, до 1908, (ГНИМА).

Еще один новый объект благотворительной помощи Цурикова оказался неподалеку от Ивановской фабрики. Это была **Петропавловская церковь в селе Дарна**.

О помощи П. Г. Цурикова храму в Дарне написано в двух архивных делах. В одном деле в материале о благотворителе написано: «в 1860 г. в селе Дорнах при Петропавловской церкви

устроил на свой счет новый иконостас, пожертвовал новую утварь, и привел всю церковь в благоустройство с пожертвованием на все сие 1500 р.»⁷². В другом архивном деле настоятель о. Яков Ключарев сообщал, что «По случаю пожертвования в прошлом 1860 году в означенную Петропавловскую церковь купцом Цуриковым нового иконостаса, перестановки старого в трапезу и многих других его пожертвований, он [священник] вынужден был описать Петропавловской церкви составить вновь»⁷³. К сожалению, ни в одном из документов не сообщается, почему возникла необходимость в новом иконостасе, а также не раскрываются детали «многих других его пожертвований», в чем они состояли.

Справка. Село Дарна (в документах часто писали «Дорна») известно с XV века. В 1658 г. эти земли выкупил патриарх Никон, они были переданы Воскресенскому монастырю, позднее названному Новым Иерусалимом. В замыслах «Русской Палестины» селению отводилось место по аналогии с Крестным монастырем на Святой земле. Уже после смерти Никона в «1686 г., была построена деревянная церковь во имя Воздвижения честного Креста Господня»⁷⁵.

В середине XVIII века на ее месте появилась другая церковь, тоже деревянная. Как потом писали в клировых ведомостях: «Перевезена в 1757-м году Московского Уезда из села Петровского Экономического Ведомства, попечением приходских людей»⁷⁶. В 1776 г. изменилось посвящение Божьего дома: вместо Крестовоздвиженского он стал Петропавловским⁷⁷. С таким посвящением храм простоял более века.

В ночь с 25 на 26 марта 1893 г. деревянная церковь в Дарне сгорела. Чтобы прихожане не остались без богослужений на время строительства нового храма, к существующему в селе зданию церковно-приходской школы на средства вдовы А. С. Цуриковой была пристроена временная церковь. Строительство кирпичного здания по проекту арх. С. В. Шервуда было завершено в 1898 г. В 1900 г. церковь была освящена в честь праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня.

Перед войной с немцами храм был закрыт, во время боевых действий частично пострадал.

В 1991 г. церковное здание было возвращено верующим. Храм ныне восстановлен.

Современный адрес: МО, г.о. Истра, село Дарна. (GPS: 55.93133, 36.9300).

Изо 6–22. Чертеж фасада деревянной Петропавловской церкви в с. Дарна⁷⁴, 1880.

В Новоиерусалимском монастыре П. Г. Цуриков в этот год выкрасил «всю внутренность Соборного Воскресенского храма кроме двух куполов, на что употреблено более 2.500 рублей»⁷⁸.

1861: Помощь в строительстве собора в Финляндии

В следующем году продолжились ремонтно-восстановительные работы в Новом Иерусалиме, причем сразу в двух монастырских храмах. В мае настоятель обители архимандрит Дионисий подал донесение, в котором говорилось: «Воскресенский 2-й гильдии купец Павел Григорьев Цуриков изъявил свое согласие на свой счет по подобию, как им были выкрашены прошедшим летом некоторыя места в Главном Соборе, выкрасить остальныя части в Соборе кобальтом [синий цвет?] и французскими белилами, а именно: всю галерею и колонны на 1-х хорах, всю галерею и колонны около Гроба Господня, а также всю галерею, колонны и все приделы за главным алтарем Собора»⁷⁹.

А в Христорождественской церкви монастыря на средства благотворителя были «окрашены им стены, исправлена стенная живопись, поправлен и прочищен иконостас, устроены две печи, два клироса с двумя за ними киотами с подмостками и при них с железными решетками, два больших высеребренных подсвечника и одна серебряная лампада, что стоит 3500 руб.»⁸⁰.

Павел Григорьевич продолжил оказывать помощь храму в селе **Никольское-Карамышево** Московского уезда: «на устройство новой деревянной вместо сгоревшей церкви, на новыя колокола к сей церкви пожертвовал 2000 руб.»⁸¹.

В 1861 г. состоялось первое пожертвование Цурикова в далекие края – в столицу Финляндии **Гельсингфорс** (иногда писали Гельсинфорс, город теперь называется Хельсинки).

Справка. Гельсингфорс. В начале XIX века Финляндия была присоединена к Российской империи. Местное население в основном было лютеранами. На самом высоком уровне было принято решение строить в Гельсингфорсе большой православный собор. В 1860 г. был утвержден проект архитектора А. М. Горностаева. Император Александр II снес на строительство собора 20 тыс. руб., от Синода поступило 15 тысяч. Начался сбор средств по всей Российской империи. В 1862 г. состоялась торжественная закладка нового храма в Гельсингфорсе.

Через шесть лет строительство было завершено. 25 октября 1868 г. состоялось освящение храма.

Успенский храм ныне является кафедральным собором Хельсинкской митрополии Финляндской архиепископии Константинопольского патриархата.

Современный адрес: Финляндия, г. Хельсинки, Порместаринринне, 1. (GPS: 60.16848, 24.96000).

Изо 6–23. Успенский собор в Гельсингфорсе⁸², 1890–е.

В сборе средств на строительство кафедрального собора в Гельсингфорсе приняли участие и жители Звенигородского уезда. Согласно ведомости 1865–1867 годов прихожанами Петропавловской церкви села Лужки на сооружение указанного храма было внесено десять рублей серебром⁸³ (для сравнения, соседние небедные храмы в Павловской Слободе и Рождествено собрали только по одному рублю). Под донесением о пожертвовании стоит подпись церковного старосты Павла Цурикова. Несомненно, во внесенном вкладе есть и его доля (возможно, большая часть или даже вся сумма).

Этой скромной суммой не ограничилась помощь Павла Григорьевича в строительстве храма в Финляндии. Как написано в справочнике Санкт-Петербургской епархии *«Недостающая сумма была собираема от разных жертвователей в Петербурге в Москве, напр. от г-д Утина, Цурикова и Четверикова»*⁸⁴. Размер внесенных Павлом Григорьевичем денег в документе не указан. Однако в нескольких источниках сообщается, что московское купечество пожертвовало на сооружение собора 20 тысяч рублей. То, что в этой сумме были деньги, внесенные Павлом Григорьевичем, подтверждается воспоминаниями архимандрита Леонида (Краснопевкова). Тот писал, как в феврале 1861 г. *«20000 рублей серебром на построение православного храма в Гельсингфорсе владыка [митрополит Филарет] силою своего авторитета собрал тотчас, пригласив к этому чрез Четверикова троих купцов»*⁸⁵. Фамилии купцов в тексте не указаны, кроме Четверикова. А эта фамилия упоминалась в приведенной ранее цитате вместе с фамилиями Утина и Цурикова. Это позволяет утверждать, что в числе *«троих купцов»*, внесших 20 тысяч по зову владыки был Павел Григорьевич. Вполне естественным выглядит его решение откликнуться на обращение высокоуважаемого им митрополита Филарета о сборе средств на сооружение собора (об отношениях купца и владыке речь пойдет в конце настоящей главы).

Забегая вперед, скажем, что в год освящения Успенского собора власти решили отметить людей, помогавших его сооружению. В 1868 г. Павел Григорьевич получил *«орден Св. Анны 2-й степени с Императорской Коронай»* за пожертвование *«в пользу новой церкви в Гельсингфорсе»*.

Продолжалось строительство **Саввинского скита** под Звенигородом: *«Работы производятся самым солидным образом»*. Об истории появлении скита О. Н. Яшина написала книгу с приведением цитат из множества исторических документов. В ней написано, что летом 1861 г. пещерку Саввы посетил император Александр II с императрицей Марией Александровной⁸⁶. В это время в кельях близ недостроенного храма уже жили иноки. Высокопоставленные гости оставили пожертвование тысячу рублей.

Помимо Православной церкви, Цуриков продолжил оказывать поддержку народному образованию. Вновь, как и в прошлом году, он передал деньги **Звенигородскому духовному училищу** *«в пользу казеннокоштных учеников»*. На сей раз это были 100 руб.

Намного больше (1.500 руб.) было потрачено благотворителем на сооружение в **Лужках здания церковно-приходского училища** при Петропавловском храме, в котором он был старостой. Павел

Изо 6–24. Священник Василий Семенов на колокольне храма в с. Лужки. Внизу река Истра и здание училища, 1935–1937.

участок земли⁸⁸. Возможно, это был тот самый участок, на котором позднее был построен дом Анны Сергеевны, в котором она прожила остаток своей жизни. А в декабре того же 1861 г. Цуриков купил у А. А. Свистуновой имение «*Ламоново, Рыбкино тож*». За почти 110 десятин земли заплатил 10.500 рублей⁸⁹.

В это время Павел Григорьевич по-прежнему оставался Воскресенским купцом 2-й гильдии. В архивном деле указан «*объявленный им капитал*» в 6.000 рублей на 1861 г. На этот капитал было начислено «*гильдейских повинностей 277 р. 20 к.*»⁹⁰.

1862: Освящение Саввинского скита

В следующем году произошло важное событие в жизни благотворителя – было завершено строительство **Саввинского скита**, которое длилось три года. Как написано в деле, с благословения владыки Филарета был построен «*в 1862 г. Почетным Гражданином Павлом Григорьевичем Цуриковым каменный храм, над пещерою молитвенных подвигов Преподобного Саввы во имя Его. Внутри онаго, устроен вновь иконостас с написанием вновь икон и расписаны живописью стены. При этом для помещения четырех человек братии выстроен каменный корпус под железною крышею и такую же крышею каменная ограда с тремя башнями на протяжении 29-ти саж. Все это устройство стоит ему Г. Цурикову 35000 р.*»⁹².

Архитектурный ансамбль скита получился удачным. «*Почти все паломники, посетившие скит, отмечали изящество Саввинской церкви. Видимо, на архитектурном облике храма сказались вкусы и епископа Леониды, дворянина по происхождению, и опытного в делах строительства П. Г. Цурикова, и императрицы Марии Александровны, покровительницы скита*»⁹³.

Когда еще не все работы были завершены, в мае в скит приехали

Григорьевич стал попечителем построенной им школы, обеспечивал ее всем необходимым. Как позднее было написано в архивном деле: «*в сем училище обучается 60 учеников обоего пола на содержание и обезпечение его Цурикова*»⁸⁷.

Школьное здание в Лужках попало на фотоснимок¹ середины 1930-х годов, когда в Петропавловской церкви служил священник Василий Семенов (он на фото). Правда, на снимке, скорее всего, не то школьное здание, которое было сооружено на средства Цурикова. В 1890 г. в Лужках было построено новое церковно-приходское училище.

В г. **Воскресенске** Павел Григорьевич приобрел у титулярного советника Василия Михайловича Белорастова

Изо 6–25. «Скит Преп. Саввы Звенигородского»⁹¹, 1904.

¹ Фотография была передана К. Б. Косенковым, к которому она попала из ПСТГУ (Православный Свято-Тихоновский православный гуманитарный университет).

члены императорской фамилии. Царскими особами скиту была «пожалована казенная земля в Рузском уезде в размере 115 десятин».

К осени все было готово к освящению. Освящать построенную над пещерой Саввинскую церковь приехал правящий митрополит Московский и Коломенский Филарет. В воспоминаниях епископа Дмитровского Леонида (Краснопевкова) написано: «2-го сентября 1862 г. владыка Филарет освятил ее и благословил в келлиях поселить монахов на правилах общежительства»⁹⁴. Через несколько дней митрополит отправился в обратный путь в Москву, заехав по приглашению благодетеля на Ивановскую фабрику, а оттуда в Аносин монастырь.

Эта история имела свое продолжение. В воспоминаниях игуменьи **Аносина монастыря** Евгении (Озеровой) описан эпизод, касающийся пожертвования Цуриковым 500 руб. Случилось это в Москве вскоре после освящения скита:

«Вздумалось мне в течение дня заехать к Саввинскому игумену на архиерейское подворье, которое на Тверской улице; не помню, зачем он мне был нужен. Нахожу там Павла Григорьевича, который объявляет мне, что искал меня по всему городу. “Вот вам пакет от его Высокопреосвященства; в нем 500 рублей серебром, отправляйтесь и благодарите Святителя”. — “Что это значит? Я не понимаю”, — сказала я. — “Вот что: когда я явился благодарить Владыку за освящение скита, то подал ему пакет, прося принять милостиво изъявление моей признательности”. — “Ни за что”, — сказал Владыка. — “Это для бедных ваших, извольте им раздать”. — “У вас свои есть бедные, сами своих и одевайте”. — “Владыко святой, сделайте милость, примите”. — “Никак”.

“Я в смущении, — продолжал П. Г., — видя безвыходное свое положение и неудовольствие Митрополита, сказал: “Дозвольте эту сумму передать в Аносин монастырь”. Сам Бог внушил мне эту мысль. Лицо Святителя прояснилось. “Хорошо, — сказал он, — пусть будет от нас обоих, передайте так и игуменни”. Узнав о такой архипастырской милости и поблагодарив усердно и благодетеля, отправилась я с таковою благодарностью ко Владыке, который рассказал мне свой разговор с Цуриковыми и отпустил меня с миром восвояси».

В храм с. **Лужки** Цуриков также сделал пожертвование, об этом написано в архивном деле РГАДА: «в 1862 году в помянутую Петропавловскую церковь пожертвовал серебро-позлащ. дарохранительницу, возобновил на свой счет купол в холодной церкви и всю церковь как снаружи, так и внутри окрасил по приличию колером, на что им употреблено 850 рублей»⁹⁵.

Как уже стало традиционным, были и новые места, куда благотворитель впервые оказал помощь. По сведениям все того же архивного дела Цуриков в 1862 г. «на устройство каменной ограды пожертвовал 1000 р.»⁹⁶. Речь идет об **Иоанно-Предтеченской церкви села Садки**. Построенная на деньги благотворителя ограда видна на историческом снимке храма.

Справка. Село Садки (иногда писали «Сатки, Ивановское тож») известно с XVII века. В 1699 г. княгиня Аграфена Степановна Урусова «в сельце Садках, по обещанию своему, построила она церковь Божию во имя Рождества Иоанна Предтеча, а преж сего в том сельце Садках церкви Божий не бывало»⁹⁸.

В 1741 г. при владельце села Ф. А. Лопухине деревянный храм заменили на каменный. «Вначале и алтарь, и притвор завершались небольшою квадратной башиней, увенчанной главой с крестом. Сохранилась восточная, глухая башия. Западная, служившая звонницей, в 1830 г. заменена колокольней в стиле ампир со шпилем»⁹⁹.

В 1929 г. местные органы советской власти возбудили ходатайство о закрытии храма в Садках. В следующем году церковь была закрыта.

В Великую Отечественную войну храм оказался крайним местом, куда дошел враг по Волоколамскому шоссе. Божий дом в Садках сильно не пострадал.

В 1991 г. Предтеченский храм стал возрождаться.

Современный адрес: МО, г.о. Истра, дер. Садки. (GPS: 55.87998, 37.08014).

Изо 6–26. Предтеченская церковь в Садках в годы Первой мировой войны⁹⁷, 1915.

Изо 6–27. Воскресенский (справа) и Никольский храмы Волоколамска.

соорудило новый кивот [киот] для **Волоколамского собора** и возобновило ризу на иконе св. Николая чудотворца, а воскресенский купец **Павел Цуриков** пожертвовал для иконы лампаду ценою в 200 руб. сер. [...] Высочайше повелено благодарить Волоколамское общество, купца Цурикова и небратских крестьян. Царское Село. 5 октября 1862»¹⁰⁰.

В цитате не уточнено, в какой именно городской храм купцом была пожертвована лампада, говорится про «**Волоколамский собор**». В г. Волоколамске на соборной горе находятся две церкви, которые называли соборами. Скорее всего, пожертвование было сделано в Воскресенский храм как более древний и действующий, ибо Никольский собор в указанный год (1862) еще только достраивался.

1863: Чудотворная икона Успения, первый орден, купец 1-й гильдии

Выше говорилось, как в 1858–1859 гг. на средства Павла Григорьевича достраивалась церковь на **Ильинском городище**. Работы по храму тогда были выполнены не все, через четыре года к ним вернулись. Как написано в дореволюционном путеводителе: «в 1863 году им же [Цуриковым] вновь перестроена теплая трапезная с каменною колокольнею и оградой с деревянными решетками»¹⁰¹. В том же издании приведен фотоснимок, на нем хорошо видна ограда вокруг храма (см. изо 6–16). В трапезной части церкви на Городище были устроены два придела. Судя по датам выдачи антиминсов, осенью 1863 г. освятили Сергиевский (правый) придел¹⁰², а через год – Никольский (левый).

Годом ранее при освящении **Саввинского скита** митрополит Филарет благословил, чтобы монахи жили в нем по общежительному уставу (скит так и называли «*общежительным отделением*» Саввино-Сторожевского монастыря). С тем, чтобы жизнь монахов не зависела от случайных факторов (нерегулярности пожертвований), Павел Григорьевич решил подарить обители дом в Москве, который приносил бы постоянный доход. Для этого он в 1863 г. на свои деньги приобрел у почетных граждан Лепешкиных в 4-м квартале Якиманской части Москвы каменный двухэтажный дом «с находящимися при нем лавками и постоялым двором» и участком земли в 448 квадратных саженей. Недвижимость городские власти оценивали в 12 тысяч рублей, а сам Цуриков в 15 тысяч (по другим данным 16.000). Помещения в доме можно было сдавать в аренду и получать доход около полутора тысяч рублей в год. В дарственной Цуриков оговорил, чтобы деньги, получаемые от аренды, тратились на пищу и одежду монахов, на поддержание в исправности монастырских зданий, на содержание церкви в скиту, «в которой должно совершаться каждодневное Богослужение и поминовением моих родителей и сродников о здравии и упокоении по данному мною помяннику»¹⁰³. Упомянутый дом был передан монастырю по дарственному акту в следующем году.

Расчет благодетеля насчет доходов от аренды дома оправдался, даже с лихвой. В одном из архивных дел написано, что в 1880 г. дом в Москве приносил Саввино-Сторожевскому монастырю «чистого дохода 3400 руб.». У обители были и другие источники дохода (пожертвования богомольцев). Финансовых средств стало поступать столько, что появлялась возможность оказывать помощь бедным людям. Как написано в одной из книг: «Такая широкая благотворительность русских мо-

В предыдущем 1861 г. произошло великое событие в Российской империи: было отменено крепостное право. На радостных чувствах люди в разных местах стремились это отметить. В одной из книг написано: «*Волоколамское городское общество, движимое чувством признательности к государю императору за благодеяния и в память события 19 февраля 1861 г., на пожертвования, собранные по добровольной подписке,*

настырей православному обществу была возможна благодаря помощи людей, подобных Павлу Григорьевичу Цурикову»¹⁰⁴.

В Аносинском монастыре произошло событие, которое оказало очень сильное воздействие на Павла Григорьевича.

По сведениям архивного дела в 1864 г. в обитель были подарены: «Запрестольная икона Воскресения Христова, писания иконного мерою 4 ари. пожертвована купцем Цуриковым [...] Киот на икону Успения Божией Матери деревянный белой с позолотою»¹⁰⁵. Но есть основания полагать, что эти дары могли быть сделаны раньше, а именно 21 ноября 1863 г. И вот почему.

Летом указанного года в Аносин монастырь была принесена в дар икона Успения из Иерусалима. Ее подарила монахиня из бывших дворян Мария (Любарская). Об этом подробно написано в книге «Женская Оптина», а также в архивном деле ЦГАМ. Вот краткое изложение этой занятной истории.

«Саратовская помещица Любарская была во время Крымской войны [1853–1856] в числе сестер милосердия и потом поселилась в Св. Граде Иерусалиме, где во время ея двух летняго пребывания пострижена в монашество. [...] наречена при пострижении Марией»¹⁰⁶. При отъезде Любарской обратно в Россию наместник Иерусалимского патриарха митрополит Мелетий подарил ей «Гефсиманскую икону Божией Матери Пречестнаго Ее успения, которая лежала несколько времени на Гробе Господнем». Эта икона представляла собой малую деревянную Плащаницу греческого письма, на которой была изображена Богоматерь. Монахиня поблагодарила владыку и сказала ему, что дар будет пребывать в Саратовской обители. На что митрополит ответил: «Будет в обители, но не в вашей; где пребудет сия икона, пребудет и благословение Владычицы и стечение народа»¹⁰⁷.

По возвращении в Россию Мария стала монахиней Крестовоздвиженского монастыря в Саратове. Икона четыре года находилась в келье Любарской. А потом ей был «вещающий глас: “Отвези и поставь в Аносинскую пустынь”». Спустя какое-то время Мария так и сделала, отвезла Плащаницу в подмосковный монастырь, преподнесла ее игуменье Евгении (Озеровой) в подарок. Та показала дар митрополиту Филарету. Владыка распорядился отдать икону в один из московских храмов, чтобы там Плащаницу врезали в доску и дописали «Спасителя, приемлющего душу Богоматери и одр». Когда все сделали, готовую икону привезли в Аносин монастырь и поместили в Троицком соборе. Местный народ узнал о святине, стал приходить к ней и «многие получали исцеление».

Это еще не все, есть продолжение. Как написано в той же книге «Женская Оптина»: «Наш благодетель [Цуриков] был тронут и поражен сим особенным Божиим промыслом и пожелал устроить два киота: один великолепный в холодный храм, а другой, попроще, в теплый». Митрополит Филарет благословил изготовить лишь один киот, причем «попроще». Павел Григорьевич с этим согласился, и сделал тот самый киот «деревянный белой с позолотою», о котором говорилось выше. Помимо этого благодетель «изъявил желание, чтобы по причине скопления народа на зиму не переходить в больничную церковь (в которой обычно была зимою служба), а отопить приделы в соборе». Желание Цурикова было понятно: он хотел, чтобы к чудотворной иконе могло приходить как можно больше людей. Однако, когда стали отапливать Троицкий храм, то в его стене появилась большая трещина. Из-за опасности обрушения собор закрыли. Требовались большие деньги на его ремонт. А где их

Изо 6–28. Список с «Аносинской-Гефсиманской» иконы Успения Богоматери, 2021, (музей Аносина монастыря).

взять у бедной обители? И случилось то, что игуменья Евгения посчитала чудом:

«киот был готов только к 21 ноября [1863]. Наш попечитель и благодетель [П. Г. Цуриков] сам приехал в этот день, чтобы все устроить, и после закуски, когда все разошлись, объявил мне, что на первый случай для устройства храма жертвует 10000 рублей серебром, а там, что Бог даст, и прибавил: “Отправляйтесь ко Владыке, донесите ему и начинайте готовить кирпич; скажите, что своды не будут прочны на старых стенах, а что надо с основания вывести стены; я не отступлюсь от своего слова и надеюсь устроить храм”. — Я слушала и едва понимала его слова. Он, который сначала не брал на себя поправки, теперь берется выстроить всю церковь, да еще расширить стены на две сажени в ширину против старой! Истинное это было видимое чудо покровительства Владычицы!»¹⁰⁸.

Примерно то же самое можно прочесть и в воспоминаниях П. А. Мухановой, в которых говорилось, что икона Успения «явила нам нового благодетеля». При этом имелся в виду П. Г. Цуриков. Говоря объективно, купец не был новым жертвователем, он и раньше помогал обители. Но то, что после появления иконы Успения он стал больше помогать Аносину монастырю – это факт. Думается, не будет ошибочным предположение, что чудотворная икона Успения Богоматери произвела на благодетеля столь сильное впечатление, что он, не планируя этого заранее, решил выделить монастырю необходимые и немалые деньги на восстановление и расширение Троицкого храма.

Изю 6–29. Орден св. Станислава 3-й ст. в петлице.

Судьба чудотворной иконы неизвестна, она в безбожные годы исчезла. Однако еще в 1905 г. в Аносином монастыре был сделан с нее список. Этот образ чудесным образом вернулся в обитель в 2021 г. и ныне к нему могут приложиться все желающие.

В 1863 г. случились сразу два события, повысившие статус П. Г. Цурикова. Во-первых, он стал Воскресенским купцом 1-й гильдии (до этого состоял во 2-й). Во-вторых, был награжден орденом за сделанное благодеяние: *«Государь Император, в следствие представления Министра Внутренних Дел и согласно Положению Комитета Господ Министров, Всемилостивейшие соизволил в 24 день мая 1863 года пожаловать орден Св. Станислава 3-й степени, для ношения в петлице, за примерное усердие и пожертвование на устройство Православных Церквей Литовской епархии, каковой получил при грамоте 3-го июля 1863 года»¹⁰⁹*. К сожалению, никаких подробностей в деле не приводится, возможно, помощь западному краю была совершена до 1863 г.

Это оказался первый орден Цурикова, потом были еще четыре.

1864: Потомственный почетный гражданин

После получения разрешения на перестройку Троицкого собора в Аносином монастыре уже следующей весной начались строительные работы. Они продолжались три года.

Как уже говорилось, в 1864 г. состоялась передача приобретенного в Москве доходного дома **Саввино-Сторожевскому монастырю** на обеспечение общежительного скита. За это пожертвование Павел Григорьевич получил *«благословение Св. Синода»*.

В это же время **Новоиерусалимскому монастырю** были подарены свечи общим весом свыше 2 пудов, *«деревянное»* (оливковое) масло 12 пудов, икона Троеручица на общую сумму 220 рублей¹¹⁰.

В родном Покровском храме с. **Рубцово** было потрачено 1.500 руб. на устройство иконостаса¹¹¹. К этому же времени относится сообщение, что Цуриков арендовал у причта этой церкви 6 десятин земли в пустоши, за что платил священнику 12 руб.¹¹², а дьячку и пономарю по 4 руб.

В Звенигородском уезде потребовалась помощь прихожанам **Преображенской церкви в селе Никулино**. Их храм хоть и был деревянным, в документах писался как холодный. На его утепление необходимы были значительные средства. На выручку пришел благодетель П. Г. Цуриков. Как написано в архивном деле, в 1864 г. он передал *«в Преображенскую [церковь] в селе Никулине на устройство придела 1150 руб.»¹¹³*. В архиве ИИМК обнаружены исторические фотографии, и среди них оказался снимок теплого Казанского придела, устроенного в трапезной части церкви с. Никулино на деньги Павла Григорьевича.

Справка. Никулино впервые упоминается в 1512 г. в «Сотной книге» как Микулино. А первое упоминание Казанского храма в селе датировано 1622 г. В 1657 г. патриарх Никон купил село, храм был переосвящен как Преображенский. В 1781 г. деревянная церковь сгорела, через два года была построена новая, также из дерева. В храме был единственный престол в честь Преображения Господня.

После прихода к власти большевиков богослужения в храме продолжались до тех пор, пока он не сгорел. Недавно обнаруженный документ позволил уточнить дату, когда случился пожар – летом 1928 года¹¹⁵. Церковь была застрахована и приходской общине полагалась выплата по страховке 5.530 руб. Однако местные жители вышли с предложением эти деньги изъять и использовать их на нужды электрификации.

На месте сгоревшей церкви позднее был построен сельский клуб. Он просуществовал до 1994 г.

В 2009 г. вблизи старого церковного места была осуществлена закладка нового храма, на сей раз кирпичного. Главный придел был освящен в честь святителя Николая.

Подробнее об истории села Никулино и его храмах можно прочитать в книге автора¹¹⁶.

Современный адрес: МО, г.о. Истра, дер. Никулино, д. 33Б.

(GPS: 55.93433, 36.8477, церковь не сохранилась).

Изо 6–30. Казанский придел в трапезной храма с. Никулино¹¹⁴, 1915.

Как уже рассказывалось в предыдущей главе, 12 мая 1864 г. П. Г. Цуриков получил храмозданную грамоту на возведение **Успенской церкви при Ивановской суконной фабрике**. Сразу же началось строительство Божьего дома, оно продолжалось четыре года. В том же году Цуриковы купили имение Красновидово в нескольких верстах от Ивановской фабрики. Недвижимость (208 дес. земли вместе с усадьбой) была записана на супругу Анну Сергеевну. Но нет никаких сомнений, что это были деньги мужа. Подробнее об этом имении поговорим в седьмой главе.

Примерно в это же время Павел Григорьевич купил в г. **Воскресенске** у местного мещанина П. М. Колпинского земельный участок на Большой Крестовской улице (надо полагать, именно на этой земле спустя несколько лет было построено городское училище). Это был уже второй приобретенный участок в городе (напомним, что первый был куплен в 1861 г.). Для обоих участков в документах размеры не указаны, эти данные были обнаружены в другом деле. В нем за П. Г. Цуриковым оказались записаны два участка «пустопорожной земли» в Воскресенске площадью 624 и 666 кв.саж. на Садовой и Крестовской улицах¹¹⁷.

По данным ПС 5 февраля 1864 г. Цуриков возведен в **потомственное почетное гражданство**¹.

1865: Первое пожертвование в Москве

В следующем году на средства Павла Григорьевича работы проводились, как это уже стало традиционным, сразу в нескольких местах.

В 1865 г. в Покровский храм села **Рубцово** было передано пожертвование деньгами 1.800 руб. Помимо этого благотворитель подарил родной церкви паникадило, семисвечник, несколько подсвечников и другие церковные принадлежности, стоившие 600 руб.¹¹⁸

В **Новоиерусалимский монастырь** помимо традиционных ежегодных даров в виде масла и свеч были переданы 200 рублей «На исправление ветхостей»¹¹⁹.

Возобновились работы в **Саввинском скиту** близ Звенигорода. Когда в конце 1850-х годов Павел Григорьевич еще только собирался строить церковь над пещерой преп. Саввы, он просил о разрешении поставить в скиту две кельи для четырех монахов. Что и было сделано. Но при освящении в 1862 г. построенного Саввинского храма митрополит Филарет благословил проживание в скиту «8

¹ По сведениям из интернета: «По месту в сословной структуре Российской империи почетные граждане представляли собой своеобразную прослойку между низшими, непривилегированными сословиями и дворянством». Потомственное гражданство было личным и потомственным, передаваемым по наследству. Это звание освобождало от рекрутской повинности, подушного оклада и телесного наказания.

монахов на правилах общежития». Со временем желающих уединиться в молитве становилось все больше, им требовались новые помещения. Цуриков принял решение расширить скит и получил на это разрешение. «В 1865 г. устроены Почетным Потомством Гражданином Павлом Григор. Цуриковым при пещерной церкви для помещения братии пять деревянных домиков на каменных фундаментах под железную крышею и шестой особый для братской трапезы, кухни [...] и вокруг оных на пространстве 200 сажень обнесены деревянный забором с таковыми же столбах, все это устройство стоит ему Г. Цурикову 5.750 р.»¹²⁰.

Благотворитель продолжал содержать построенное им **училище в Лужках**, за год уходило примерно 160 руб. Начальство эту заботу о крестьянских детях оценило. 16 июля 1865 г. от «Его Императорского Величества» было получено разрешение именовать указанное училище «**Цуриковским**». А спустя несколько дней Павлу Григорьевичу была «**объявлена признательность Его Высокопревосходительства Господина Министра Государственных Имуществ за содействие к распространению образования между государственными крестьянами**»¹²¹.

В том же году было впервые сделано пожертвование в Москве. Это был храм **Девяти Кизических Мучеников на Пресне**: «В октябре месяце текущего 1865 года на возобновление и украшение Девятинской церкви поступило в оную следующие пожертвования: от старосты Девятинской церкви почетного гражданина Максима Ефимова Попова – 12.000 рублей, Воскресенского 1-й гильдии купца Павла Григорьева Цурикова – 7.000 рублей»¹²².

Справка. Церковь Девяти Кизических Мучеников была построена в 1698 г. недалеко от патриаршего Новинского монастыря. В 1730-х годах рядом с деревянной церковью был возведен каменный храм. В 1736 г. был освящен придел во имя Архангела Михаила, а в 1738 г. – главный престол во имя Девяти Кизических мучеников. В том же году была возведена трапезная с приделом великомученицы Варвары. Колокольня построена в 1844 г.

В 1890-х годах в Девятинской церкви проводились работы по обновлению. По их завершению 26 сентября 1893 г. Божий дом был заново освящен.

В 1929 г. храм был закрыт. Через некоторое время его передали ЧК ОГПУ и определили как место приведения в исполнение приговоров к высшей мере наказания – расстрелов, отчего в народе он назывался «Расстрельным храмом». Позднее в храме находились склады, различные учреждения.

В 1976–1979 годах проведена внешняя реставрация, вновь поставлены кресты.

Храм возвращен верующим в 1992 г.

Современный адрес: Москва, Большой Девятинский пер., д. 15, стр. 1. (GPS: 55.75457, 37.57995).

Изо 6–31. Церковь Девяти Кизических Мучеников на Пресне¹²³, 1883.

1860-е ? : Путешествие на Святую землю

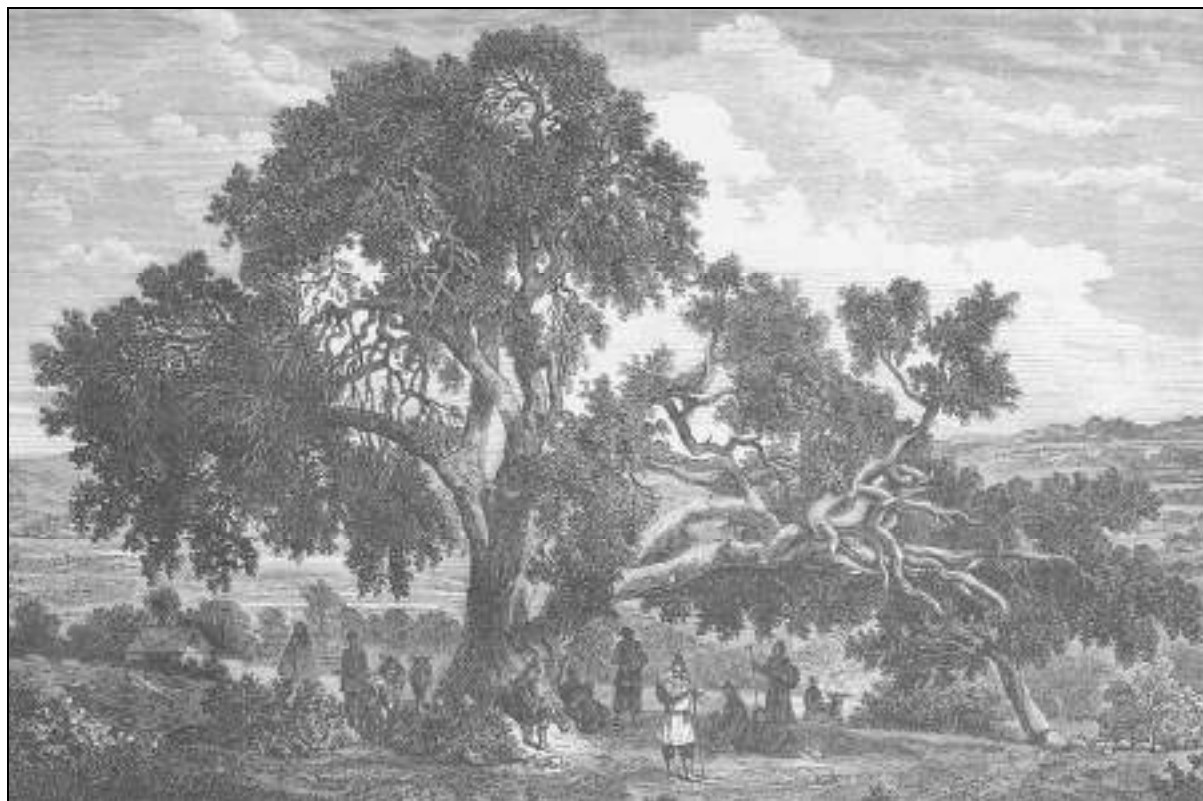
Павел Григорьевич Цуриков совершил паломничество на Святую землю (Палестину), которая тогда находилась на территории, принадлежавшей Османской империи. Это путешествие благотворителя упоминается в нескольких источниках. И везде говорится о библейском дубе. Так А. М. Шуберт писала: «П. Г. Цуриков в поездке по святым местам Палестины приобрел частицу Мамврийского дуба и затем пожертвовал ее Церкви»¹²⁴. Другой родственник С. А. Попов утверждал еще больше: «он дошел до того, что купил¹ в Палестине близ <Хеврона> дуб Маврийский, под которым, по преданию, Авраам принимал трех странников, обнес оградой и при входе велел прикрепить металлическую доску с надписью “Павел Григорьевич Цуриков”»¹²⁵. А в газете “Московские ведомости” в заметке, посвященной памяти благодетеля было напечатано: «В Старом Иерусалиме, Цуриков купил землю, по преданию то самое место где находился Мамврийский дуб, и устроил часовню с богадельней и гостиницей для богомольцев»¹²⁶.

¹ Утверждение «купил [...] дуб Маврийский» не следует понимать буквально. Речь идет о том, что Цуриков пожертвовал некую сумму, вероятнее всего, начальнику русской духовной миссии архимандриту Антонину (Капустину). А уже тот, через подставное лицо купил в Хевроне участок земли вместе с библейским дубом.

Справка. Святая земля. В 1847 г. было открыто представительство РПЦ в Палестине. Среди задач ставилось содействие укреплению православия на Святой земле, поддержка прибывающих из России паломников. В 1857–1860 годах в Иерусалиме (ныне территория Израиля) у стен Старого города было приобретено несколько земельных участков. В первую очередь было начато строительство соборного храма во имя Святой Троицы. В 1857 г. были устроены прямые рейсы пароходов от Одессы до Яффы и обратно. Строительство железных дорог в южном направлении сокращало время в пути. Все это способствовало тому, что во второй половине XIX века число русских паломников на Святую землю постоянно росло.

Одна из святынь в Палестине – Мамврийский дуб. Под этим деревом согласно библейскому преданию прародитель Авраам принимал Бога. Дерево обнаружил начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин). С большими сложностями он приобрел участок земли, на котором произрастал дуб. В начале XX века поблизости был выстроен храм Святой Троицы.

Мамврийский дуб, которому, как полагают, около 5000 лет, в конце XX века стал засыхать. В 1996 г. его признали мертвым. Правда, позже были обнаружены живые ростки от корней. В 2019 г. старый ствол под собственной тяжестью рухнул. По преданию это означает приближение конца света.

Изо 6–32. Мамврийский дуб в Палестине, 1862.

К сожалению, ни в одном источнике не сообщается, когда П. Г. Цуриков посещал Святую землю (возможно, это случилось не единожды). Остается лишь строить предположения.

Один из вариантов, что путешествие могло состояться в 1863–1865 годах. Почему? Потому, что в эти годы начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме был архимандрит Леонид (Кавелин), который позже (в 1869) стал наместником Новоиерусалимского монастыря. А, как известно, Павел Григорьевич был с ним в очень теплых отношениях (об этой подробнее поговорим в конце настоящей главы). Вполне возможно, что их знакомство состоялось еще на Святой земле.

Другой вариант – Цуриков мог ездить в Палестину несколькими годами позднее. Для такого предположения есть свои основания. Как известно архимандрита Леонида на посту начальника Русской духовной миссии в 1865 г. сменил архимандрит Антонин (Капустин). Он дольше всех оставался на этой должности, почти три десятилетия. Одной из основных заслуг архимандрита многие считают то, что именно он в 1868–1869 годах приобрел в Хевроне участок земли с великой святыней – Мамврийским дубом. Трудностей при совершении этой сделки было много, одна из них финансовая: нужно было найти средства на приобретение земли. И хотя о. Антонин нигде не пишет прямо, что деньги на покупку участка дал Павел Григорьевич, но практически нет сомнений, что тот в этом

добром деле поучаствовал. Об этом говорят приведенные выше цитаты из трех источников.

Попытаемся реконструировать исторические события полуторавековой давности. Если поездка Цурикова на Святую землю состоялась в 1866–1868 годах, то он там наверняка познакомился с новым начальником Русской духовной миссии архимандритом Антонином. Тот рассказал купцу о своей мечте купить землю с великой святыней – Мамврийским дубом. Павел Григорьевич, что было для него совершенно естественным, проникся этой благой идеей и оказал финансовую поддержку.

Помощь Русской духовной миссии подтверждает сохранившаяся переписка архимандрита Антонина. Недавно была издана книга, в которой приводятся результаты исследования эпистолярного наследия начальника Русской духовной миссии и делается такой вывод: «*П. Г. Цуриков был крупнейшим спонсором строительных проектов Антонина. В специальном списке благотворителей, составленном Антонином за период с 1865 по 1875 г. его имя стоит первым в соответствии с размером пожертвованной им суммы — 6 000 руб.*»¹²⁷ (в списке жертвователей более сотни фамилий).

Помощь Павла Григорьевича Русской духовной миссии не была разовой, пожертвования осуществлялись и в последующие годы (о подаренном колоколе поговорим отдельно). Об этом же говорят слова в воспоминаниях Шуберт о путешествии Цурикова на Святую землю: он «сделал там много пожертвований в пользу православной церкви».

В упомянутой книге приводятся высказывание архимандрита Антонина о благотворителе: «Главный жертвователь московский¹ фабрикант П. Г. Цуриков давно уже не откликается на мой, конечно уже немало надоевший, зазыв к его баснословной щедрости. Виною сему — отличный ловец по этой части, наш общий знакомый о. Леонид [Кавелин – Авт.], изобретивший у себя в лесах и снегах “тоже Иерусалим”. Если бы я не был приятель его, я бы ему дал себя знать за это тоже. Здешний Иерусалим его милость не иначе называет как “старым”. Даже книгу недавно издал под этим заглавием. После всех поправок и перестроек в своем “новом” Иерусалиме, стоявших Цурикову чуть ли не 300 тысяч рублей, теперь заставляя его еще золотить свою “тоже” Кувуклию. Я уже писал обойденному боголюбцу, что его заставят вызолотить и самый пол в российском Иерусалиме... Но едва ли слово мое действует на него. Знаю, что, пиша все это, я доставляю Вашему Высокопревосходительству случай вспомнить про пословицу “нашла коса на камень”, и видеть в нас с о. Леонидом только простых аферистов-конкурентов... Тем не менее “тоже-Иерусалим” явно взял верх над Иерусалимом, и мне предстоит необходимость плыть со своим кораблем по другому какому-нибудь направлению»¹²⁹.

Как видим, архимандрит Антонин (Капустин) корит Цурикова за то, что тот больше «не откликается» на его призывы о помощи (это было написано в 1870-х). Вину правда больше возлагает не на благотворителя, а на «конкурента» архимандрита Леонида (Кавелина), настоятеля Новоиерусалимского монастыря. Увы, финансовые возможности благодетеля были не безграничны (в то время шли крупномасштабные работы в подмосковном монастыре). А иначе нет сомнений, что Павел Григорьевич со всей душой помогал бы и Новому Иерусалиму, и старому.

Хотелось бы еще сказать о том, что в подмосковном монастыре до революции рос молодой дуб, названный Мамврийским. Можно предположить, что это либо был саженец из Хеврона, либо он вырос из желудя знаменитого дуба. Вполне возможно, что саженец (желудь) привез со Святой земли Цуриков или ему его подарили. Фото дуба, росшего в Новом Иерусалиме, оказалось в альбоме Грибова.

Изо 6–33. Мамврийский дуб в Новом Иерусалиме, М. И. Грибов¹²⁸, 1907.

¹ В ряде источников П. Г. Цурикова называли московским фабрикантом, купцом. Не стоит придавать этим словам значения, они неточны. Павел Григорьевич никогда не относился к московскому купечеству. В разные периоды своей жизни он был Звенигородским и Воскресенским купцом и никаким другим.

О подмосковном дубе удалось найти такие сведения: «Время насаждения Мамврийского дуба в Новом Иерусалиме неизвестно, сохранились только сведения о том, что в 1889 году, накануне праздника Воздвижения Креста Господня, он был сломан бурей. Осталась его отрасль, превратившаяся со временем в раскидистое дерево. В послереволюционные годы комсомольцы спилили дуб, однако паломничество к святыне, от которой остался только мощный пенёк, продолжалось. Тогда выкорчевали пенёк и уничтожили всю корневую систему дерева. Осенью 1984 года садовники музея “Новый Иерусалим” Алексей Борисович Филатов и Вера Павловна Брянцева посадили близ Силоамского источника дубовый саженец высотой около 150 см, выкопанный на восточном склоне Ново-Иерусалимской горы Фавор. Место посадки, по изысканиям архитектора Г. В. Алферовой, соответствовало тому, где стоял старый Мамврийский дуб»¹³⁰.

1866: Второй орден за пожертвования

География помощи П. Г. Цурикова продолжала расширяться.

Впервые было внесено пожертвование в **Златоустовский храм села Козино** Звенигородского уезда: «За ветхостию в 1866 году она [церковь] разобрана и уничтожена и вместо ея в том же 1866 году тицанием прихожан и усердием 1-й гильдии купца Павла Григорьевича Цурикова построена новая, каменная, с таковою же колокольнею, однопрестольная, теплая, обнесена каменною, с железными решетками оградю»¹³¹. О размере понесенных благотворителем затрат в деле не говорится.

Справка. Село Козино. На сайте местного храма написано о его истории:

«В 1584 году здесь уже существовала деревянная клетская церковь с редким престолом во имя святителя Иоанна Златоуста. В тяжелое Смутное время польско-литовской интервенции, когда большинство деревянных храмов подверглись уничтожению и осквернению, деревянный храм в Козино уцелел. [...] Новая, но тоже деревянная, церковь взамен обветшавшей была возведена в 1644 году. Во второй половине XVIII века построен новый деревянный храм [...]

Церковь святителя Иоанна Златоуста в селе Козино была закрыта одной из первых. Основная церковная утварь (в основном, серебряные изделия) была реквизирована в сельсовет, который сгорел на следующий год. Колокола были увезены в Москву и сданы как цветной металлический лом, а деревянный иконостас уничтожили. В 1933 году на заседании Козинского сельсовета было принято решение о более “рациональном способе” использования бывшего храма, для чего его основные помещения были поделены на два этажа. На первом открыли клуб, а на втором разместилась столярная мастерская»¹³².

Златоустовский храм был разрушен в 1958 г.

В 2003 г. в Козино возведена временная деревянная церковь во имя святителя Иоанна Златоуста. В 2008 г. рядом начали строить кирпичный храм. В настоящее время строительство приостановлено.

Современный адрес: МО, г.о. Красногорск, дер. Козино, ул. Школьная, д. 3В.

(GPS: 55.89422, 37.1828, церковь не сохранилась, координаты примерные).

Остальная помощь в 1866 г. оказывалась по старым адресам. Продолжались работы в **Аносином монастыре** по перестройке трапезной части Троицкого храма. На **Ивановской фабрике** строилась новая Успенская церковь.

Никольской церкви в **селе Никульское-Карамышево** Московского уезда Павел Григорьевич уже дважды ранее помогал. И вот вновь этому Божьему дому потребовалась помощь. Благотворитель не отказал в помощи. Вот что об этом написал в 1866 г. бывший настоятель храма о. Сергей Леонардов: «В бытность мою священником тогоже Московскаго уезда, при Николаевской в селе Никульском церкви, Воскресенский 1-й гильдии купец и почетный гражданин Павел Григорьевич Цуриков, постоянный жертвователь Николаевской в селе Никульском церкви объявил мне свое благочестивое намерение в Николаевской в селе Никульском церкви устроить иконостас на свой счет, и снабдить означенную церковь потребными церковными и ризничными вещами, для чего и вызывал меня к себе пред переходом в село Федоскино. Посему представляя при сем рисунок иконостаса, покорнейше прошу Ваше Высокопреосвященство дозволить устроить по оному новый иконостас. При сем честь имею присовокупить, что новопроизведенный в село Никульское священник Михаил Михеев в означенное село еще не приезжал и имущества церковнаго еще не принимал, между тем как Павел Григорьевич Цуриков порядил [подрядил] уже и мастеров на устройство иконостаса»¹³³.

Сумма пожертвования в документе указана не была. В который уже раз повторилась подобная ситуация. Как уже говорилось (и это наглядно видно на приведенных примерах), благотворитель

часто помогал храмам, не афишируя размер своих вкладов. Ему важно было делать доброе дело людям и не трубить об этом на всех углах. Это подтверждают слова, напечатанные в епархиальном журнале в годовщину памяти со дня смерти П. Г. Цурикова: «Многия благодеяния он, по совету евангельскому, любил прикрывать тайною, так что шуйца не ведала, что творит милующая и благотворящая десница его. Только смерть его разрешила нам эту тайну и показала еще более, как много было в нем любви к страждущему человечеству»¹³⁴.

В архиве РГАДА хранится «Дело относительно представления к награде Почетного Гражданина Цурикова за пожертвования в пользу Духовного ведомства свыше 116.000 рублей, 2–8 ноября

Изо 6–34. Орден св. Станислава
2-й ст. с Императорской короной.

1865 г.». В нем перечислены многие (но не все) добрые дела, совершенные Павлом Григорьевичем к указанному году (цитаты из этого документа неоднократно приводились ранее). Дело рассматривалось в Святейшем синоде: «Принимая все сие в уважение и имея ввиду, что Цуриков по ходатайству Конторы Св. Синода от 30 марта 1862 г. о награждении его за пожертвования в Воскресенский монастырь никакого вознаграждения не получал»¹³⁵, а также в силу «значительности» сделанных им пожертвований, ставился вопрос о награждении орденом св. Анны 2-й степени, минуя 3-ю. Рассмотрение этого вопроса в высших инстанциях затянулось, и награждение Цурикова состоялось только в следующем году. По непонятным причинам ему был вручен орден не св. Анны, а св. Станислава.

Это был уже **второй орден**, полученный Павлом Григорьевичем за добрые дела. В ПС благотворителя о нем написано так: «Государь Император по засвидетельствованию Святейшаго Синода о примерном усердии и пожертвованиях в пользу церкви, согласно удостоверению Комитета Господ Министров всемилостивейше соизволил в 14-й день октября 1866 года пожаловать орден Святаго Станислава 2-й степени с Императорской короной»¹³⁶.

1867: Строительство Филаретовской церкви

В следующем году Воскресенскому собору Новоиерусалимского монастыря Цуриков «пожертвовал на исправление иконостаса в Голгофском приделе 500 руб»¹³⁷.

Летом того же 1867 г. были завершены основные работы в Троицкой церкви **Аносина монастыря**. В теплой трапезной части храма на средства Павла Григорьевича были устроены два придела, установлены новые иконостасы. Левый придел в трапезной остался прежнего посвящения во имя св. Благоверных князей Бориса и Глеба. А правый вместо Тихвинской иконы было решено освятить во имя Успения Богородицы (несомненно, на такое решение повлияло появление в обители несколькими годами ранее чудотворного образа). 23 июля епископ Дмитровский Леонид (Краснопевков) произвел освящение обновленного Троицкого храма.

В дореволюционном путеводителе приводятся сведения о Борисоглебском Аносином монастыре, говорится о том, что его «храмы были реставрированы и богато украшены художественными дубовыми резными иконостасами на средства соседа, известного храмоздателя, покойного П. Г. Цурикова; он же подарил и самый большой колокол на общинную колокольню»¹³⁸. По всей видимости, край именно этого кампана виден на фотографии колокольни Троицкой церкви, сделанной уже в советское время (до закрытия обители).

Вес большого колокола указан в описи церковного имущества Аносина монастыря, составленной несколько лет спустя – 155 пудов 20 фунтов¹³⁹. По указанной описи можно проследить, как много утвари пожертвовал в обитель Цуриков. Это несколько паникадил, множество лампад и подсвечников разных размеров. Кстати, одно паникадило после ремонта оказалось плохо подвешено. Через два года во время уборки храма крепление неожиданно оборвалось, и паникадило упало на пол. К счастью, никто не пострадал. Как написано в воспоминаниях Евгении (Озеровой), после этого паникадило было «поновлено и опять устроено всегдашним попечителем и благодетелем П. Г. Цуриковым»¹⁴⁰.

Та же игуменья, как свидетельствует заголовок архивного дела, вышла с ходатайством «о

награждении Почетного гражданина П. Цурикова за устройство двух приделов». Увы, этот важный документ не сохранился. Поэтому осталось непонятно, получил ли Цуриков какую-либо награду (в ПС о ней сведений нет).

В том же году на средства благотворителя в **Троице-Сергиевой лавре** было начато строительство храма во имя св. Филарета Милостивого. История его появления подробно описана в статье автора¹⁴¹. Вкратце дело обстояло так.

В июле 1867 г. исполнялось 50 лет со дня архиерейской хиротонии митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова). Владыка одновременно был и священноархимандритом Троице-Сергиевой лавры. 5 августа на заседании «Учрежденного Собора Лавры» решено было «в память 50ти-летнего служения в Сане Святительском Его Высокопреосвященства устроить при сошественской церкви в Лавре с южной стороны придел во имя праведнаго Филарета»¹⁴². Строительство новой церкви взял на себя Павел Григорьевич, работы шли максимально быстро. Здоровье митрополита с каждым днем ухудшалось и все понимали, что дни его сочтены. Сооружаемый храм предполагалось сделать усыпальницей владыки.

Филарет скончался 19 ноября 1867 г. Храм к этому времени не был еще окончательно готов. Но это не помешало 28 ноября захоронить в нем тело митрополита. В последующие годы была осуществлена роспись внутренних стен храма, а на наружных стенах в клеймах были установлены иконы. Как видно из литографии, к 1876 г. все работы, включая роспись внутренних стен, были завершены. Делалось все на средства П. Г. Цурикова, сумма понесенных им затрат осталась неизвестной.

Изо 6–35. Троицкая церковь Борисоглебского монастыря, 1920-е, (музей Аносина монастыря).

Изо 6–36. Внутри Филаретовского придела, справа гробница святителя¹⁴³, 1876.

1868: Освящение Успенской церкви в Ивановском, третий орден

Думается, не будет ошибочным утверждение, что главным событием 1868 года для благотворителя было завершение строительства и освящение **Успенской церкви при Ивановской фабрике**.

Об этом давно мечтали супруги Цуриковы. Павел Григорьевич очень хотел, чтобы построенный Божий дом освящал митрополит Филарет. Но, увы, этому не суждено было случиться, владыка умер за год до этого. Успенский храм освятил 29 сентября заменивший Филарета на московской кафедре митрополит Иннокентий. В епархиальном журнале об этом событии написали так: *«венец всех храмовых построек в Звенигородском уезде, это храм в с. Ивановском, имени г. Цурикова, освященный в 1868 году Высокопреосвященнейшим Иннокентием¹ Митрополитом Московским, в сослужении с преосвященнейшим Леонидом и преосвященнейшим Петром. Храм сооружен во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения, и по изяществу отделки не имеет себе подобного в провинции и весьма мало в столицах»¹⁴⁵*.

История Успенского храма подробно описана в пятой главе настоящей книги. Не повторяя всего ранее сказанного, лишь отметим, что этот Божий дом оказался самым большим из сооруженных на деньги благотворителя (имеются в виду храмы, в которых он был единственным ктиторм). На его украшение Цуриков не жалел средств, старался все сделать как можно лучше и красивее. На колокольне были подвешены 8 новых колоколов, причт был снабжен всем необходимым для богослужений. К сожалению, стоимость понесенных затрат осталась неизвестной. Можно лишь догадываться, что счет шел на десятки тысяч рублей. Так один лишь большой колокол весом в 614 пудов мог стоить по ценам того времени около 10.000 рублей.

Помимо Божьего дома в Ивановском были построены **четыре деревянных дома** для проживания семей клириков. Кроме этого Цуриков положил в финансовое учреждение *«неприкосновенный капитал»* в 15.000 руб., проценты с которого шли на содержание церковного причта.

Изо 6–38. Орден св. Анны 2-й ст. с Императорской короной.

Изо 6–37. Успенская церковь (фрагмент литографии¹⁴⁴), 1868, (ГИМ).

Сразу после освящения Павел Григорьевич был избран **церковным старостой Успенского храма** (при этом он остался на такой же должности в Петропавловской церкви села Лужки).

Рядом с церковью в том же году было построено **училище** для обучения детей работников фабрики, Цуриков был утвержден его попечителем. А чуть вдали на территории фабрики годом ранее была открыта новая **больница**. Все затраты по содержанию училища и больницы взял на себя П. Г. Цуриков, а точнее его суконная фабрика. Как было написано в отчете земства: *«приходящие же из окрестных селений больные пользуются от состоящих при фабрике Врача и фельдшера медицинскими пособиями и советами бесплатно»¹⁴⁶*.

В том же году П. Г. Цуриков получил свой третий орден: *«Государь Император во внимание к полезной деятельности и пожертвованиях в пользу новой церкви в Гельсингфорсе Всемилостивейше соизволил в 5-й день июня 1868 года пожаловать **орден Святой Анны 2-й степени с Императорскою короною**»¹⁴⁷*.

¹ Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий в октябре 1977 г. был прославлен в лике святых РПЦ.

При Десятинской церкви на Пресне в 1866 г. было основано «братство свят. Николая в память цесаревича Николая Александровича для пособия беднейшим ученикам духовных училищ». Это братство оказывало помощь бедным ученикам, в том числе и Звенигородского духовного училища (напомним, что в 1860 и 1861 гг. Павел Григорьевич жертвовал деньги на эти цели непосредственно в училище). Братство издавало отчеты о своей деятельности. Начиная с 1868 г.¹⁴⁸ и вплоть до 1878, в отчетах ежегодно среди членов братства указывалась фамилия Цурикова (размер взноса нигде указан не был).

В 1868 г. были и новые места оказания помощи. Так Цуриков начал помогать в строительстве **Никольской церкви в селе Аксиньино** Звенигородского уезда (и оказывал помощь на протяжении еще шести лет). Заложили новый Божий дом в селе в 1865 г., спустя два года началось активное строительство. Но собранных прихожанами денег (2.700 руб.) хватило ненадолго. Как потом писали в епархиальном журнале: «Уже в первый год стройки церковная сумма истощилась, и будущее грозило остановкою работ на неопределенное время, но Бог не оставил без своей помощи доброго дела. Усердной просьбе местнаго священника, а более совершенно беспомощному положению строящейся церкви, внял потомственный почетный гражданин Павел Григорьевич Цуриков, и решился взять на свое иждивение окончательное достроение начатаго святого храма»¹⁴⁹.

Справка. Аксиньино известно с давних времен: с конца XIV – нач. XV века. После польско-литовского разорения русских земель в начале XVII века в селе Оксиньинском поставили деревянную церковь во имя святителя Николая Чудотворца¹⁵¹.

К середине следующего столетия храм обветшал, и к 1763 г. было построено новое церковное здание, тоже из дерева. Прошло 100 лет, и вновь потребовалась замена церкви. Помимо ветхости были и другие причины. В селе увеличилось число дворов, и старый Божий дом стал тесен. А главное – грозило обрушение берега Москва-реки, на котором располагался деревянный храм. На сей раз решили строить каменную церковь в другом месте села вдали от высокого берега реки, по проекту архитектора В. О. Грудзина (о нем рассказывалось в третьей главе).

Никольская церковь была закрыта в 1937 г., от времени здание сильно пострадало.

Храм вновь был открыт для богослужений в 1990 г., ныне отреставрирован. Современный адрес: МО, Одинцовский г. о., с. Аксиньино, Береговая ул., д. 20Б. (GPS: 55.7375, 36.9775).

Изо 6–39. Никольская церковь в Аксиньино¹⁵⁰, 1940.

1869–1877: Последние годы жизни: пожертвования в Новоиерусалимский монастырь, два ордена, действительный статский советник, дворянин

В последние годы жизни Павла Григорьевича его известность, уважение и почет в обществе достигли максимальных вершин. О нем, о его добрых делах знал каждый житель Звенигородского уезда. Знал и относился с большим уважением к благотворителю. Вот что было написано в епархиальном журнале в годовщину его смерти: Цуриков «пользовался неллицемерною любовию, почтением и уважением, которыми воздавали ему за его благодеяния. Не часто можно видеть такую любовь присных и знаемых к сроднику или другу, и такую искреннюю скорбь об его утрате, какую видим мы во всех скорбящих об его кончине. Особенно для жителей окрестных селений память его незабвенна. И действительно, почти у каждого из них имя его внесено в помянники наравне с их сродниками, и многие с благодарным воспоминанием его благодеяний, входя в сей храм, с благоговением повергаются пред распятием Спасителя, осеняющим место его упокоения, и возжигают свечи с молитвою за упокой души его. Эти в простоте творимыя молитвы, эти трудовыя свечи ярче звезд горят пред Господом, как свидетельство искренней, неллицемерной любви и благодарности к почившему за его благодеяния»¹⁵².

Эти годы жизни Павла Григорьевича характеризуются еще тем, что он выделил средства для проведения масштабных работ по восстановлению былого благолепия нескольких храмов Новоиеру-

салимского монастыря, главным образом, величественного Воскресенского собора. Выделенные средства были огромными (измерялись шестизначным числом). Для того времени это были беспрецедентные пожертвования, по крайней мере, в Звенигородском уезде подобные примеры найти трудно.

Такие грандиозные пожертвования стали возможны, т.к. Ивановская фабрика под управлением П. Г. Цурикова давала хорошую прибыль. Производство продолжало развиваться, устанавливались новые механизмы, станки, паровые машины.

После награждения в 1871 г. орденом св. кн. Владимира Павел Григорьевич получил право на дворянство. И он воспользовался этим правом.

1869: Помощь храмам и школам

Вновь возобновились работы в **Саввинском скиту**. В 1869 г. было сделано следующее: «*деревянный забор на протяжении 200 саж. заменен Павлом Гр. Цуриковым каменной оградой с пятью башнями из старого кирпича, приобретенного на сей предмет старых каменных фабричных корпусов, что при с-це Дютькове, [...] ограда и башня покрыты железом и окрашены масляною краскою, все это стоит ему [...] 13.500 р.*»¹⁵³.

В Москве при **Мещанском училище** решили построить церковь или часовню, организовали сбор средств. В журнале собрания Московского купечества за 1869 г. записаны имена жертвователей и внесенные ими суммы: «*Почетным Гражданином Павлом Григорьевичем Цуриковым 500 руб.*»¹⁵⁴. Построенный храм освятили 28 декабря 1872 г. во имя апостолов Петра и Павла.

Справка. Мещанское училище. В Москве в начале XIX века существовали воспитательные заведения преимущественно для привилегированных сословий. Для бедного мещанского населения были доступны только приходские и уездные училища. В 1832 г. Московское купеческое общество приобрело участок земли на Калужской улице. Через три года на нем были открыты богадельня и училище для детей мещан. Первоначально учебное заведение было рассчитано на 50 мальчиков. В 1840 г. было открыто женское отделение на 25 девочек. Училище было благотворительным, денег за обучение не брали. В 1839 г. в главном здании Мещанского училища была устроена домовая церковь во имя св. Александра Невского. Второй храм (Петропавловский) был построен в училищном саду в начале 1870-х годов.

Изо 6–40. Петропавловская церковь при Мещанском училище¹⁵⁵, нач. XX в.

Оба училищных храма были закрыты в 1920-х годах. Здание Петропавловской церкви долгое время использовалось институтом под хозяйственные нужды, в 1970-х оно было снесено.

Сейчас территорию бывшего Мещанского училища занимают корпуса Московского института стали и сплавов и Горного института. Современный адрес: Москва, Ленинский просп., д. 6, стр. 21.

(GPS: 55.72743, 37.60642, церковь не сохранилась, координаты примерные).

В **Успенскую церковь при Ивановской фабрике** Павел Григорьевич подарил два креста с мощами святых (о них подробно рассказывалось в пятой главе). В тот же храм, а также в Петропавловскую церковь села **Лужки** в мае были переданы по 500 рублей в виде билетов 5% займа «с выигрышами». Это были пожертвования в память умерших сродников: на «*поминовение о упокоении душ Григория, Матроны, боярина Сергия и Иоанна в горних обителях*»¹⁵⁶ (отец, мать, тесть и брат). В августе 1869 г. скончалась теща благотворителя Анастасия Борисовна Мингалева. На вечное поминовение ее души было передано 100 рублей в **Троице-Сергиеву лавру**¹⁵⁷.

В марте того же года благочинный, он же настоятель Успенской церкви при Ивановской фабрике Волхонский обращался к священноначалию с ходатайством о награждении П. Г. Цурикова. Это стало известно из служебных документов МДК. К сожалению, само дело не обнаружено. Но можно предположить, что батюшка обращался с прошением о награждении ктитора за построенный им великолепный храм при суконной фабрике. Однако ему было отказано с такой формулировкой: «*чтобы он о награждении церковного старосты Цурикова вошел представлением по истечении 2-х лет со времени*

получения им *Цуриковым последней награды*»¹⁵⁸. Видимо, таковы были правила в то время. И действительно, прошло лишь 9 месяцев, как Павел Григорьевич получил орден св. Анны 2-й степени. Забегая вперед, можно отметить, что следующий орден был вручен Цурикову в 1871 г. Был ли к этому награждению причастен настоятель фабричного храма – осталось неизвестно.

В 1869 г. в **Воскресенске** случился опустошительный пожар (о нем подробнее еще поговорим), пострадала и городская Вознесенская церковь. Из заметки, появившейся позднее в газете, стало известно: *«Есть слух, что г. Цуриков принял наружные поправки храма на свой счет»*¹⁵⁹. Справедливости ради надо сказать, что архивными документами эта информация не подтверждается. Но, как мы уже знаем, Павел Григорьевич часто приходил на помощь, минуя официальные каналы.

Впервые было сделано пожертвование в город **Можайск** Московской губернии. Местное духовное правление в ведомости о пожертвованиях за 1869 г. сообщило: *«в Можайский Никольский Собор сделаны следующие пожертвования [...] Московским купцом Павлом Григорьевым Цуриковым к Чудотворному образу Св. Николая пожертвована серебрянная 84 пробы и вылащенная лампадка весом 1 фун. 46 ¼ золотников, стоящая 100 руб. и серебрянная вылащенная риза на киот к тому же образу весом 10 фун. и 44 золотника, стоящая 500 руб.»*¹⁶⁰.

Справка. Никольский собор в Можайске – одно из первых каменных зданий на территории Можайского кремля (позднее собор получил название Старо-Никольский). В конце XV века неизвестным автором была выполнена из дерева статуя Николы Можайского, ставшая святыней.

В 1802 г. была начата разборка Можайского кремля, было решено перестроить старый надвратный собор. Война 1812 г. нанесла большой ущерб недостроенному собору. Французы сожгли иконостасы, от пожара упали и повредились колокола. Однако икона Николы Можайского и богатая утварь, спрятанная в подвалах, уцелела. К 1814 г. была достроена колокольня, наверху были устроены часы с боем.

В 1933 г. Никольский собор был закрыт, а резная икона Николы увезена в Третьяковскую галерею, где и хранится по сей день.

Во время немецкой оккупации в 1941 г. на территории кремля был организован лагерь для военнопленных.

В 1960-е на двух этажах Никольского собора разместились трикотажная фабрика. В 1980-х гг. фабрику закрыли, собор и другие здания Можайского кремля передали государственному Бородинскому музею. В 1994 г. собор Николая Чудотворца вернули верующим.

Современный адрес: МО, г. Можайск, ул. Бородинская д. 8.
(GPS: 55.509111, 36.0106).

Изо 6–41. Икона Николы Можайского в Третьяковке.

Еще одним учреждением, куда прежде П. Г. Цуриков не делал пожертвований, оказалось **училище для мальчиков в г. Звенигороде**. Как написано в документах уездного собрания, это училище было открыто в 1869 г. и содержалось на средства городской думы (100 руб.) и Цурикова (75 руб.)¹⁶¹. Пожертвование поступали от Павла Григорьевича ежегодно, по крайней мере, до 1875 г. Об истории этого учебного заведения сведений найти не удалось¹. Местный краевед С. Евтушенко сообщила, что училище для мальчиков находилось на ул. Крестьянская (ныне ул. Ленина). Двухэтажное здание до недавнего времени еще сохранялось, но пребывало в руинированном состоянии.

Павел Григорьевич занимался также **строительством дорог**. Хорошие дороги были нужны как самой суконной фабрике (для доставки сырья и отправки продукции), так и простым людям. После открытия в 1851 г. Николаевской железной дороги многие местные жители стали ездить в Москву через станцию Крюково. Но до нее еще нужно было добраться – от г. Воскресенска до станции было 20 верст, а от Ивановской фабрики все 25. Ездили на лошадях. Дорога эта была грунтовая, дожди ее размывали. Поэтому дорожное покрытие находилось обычно в плохом состоянии, об этом неоднократно писали современники. Когда губернское земство обсуждало вопрос о прокладке *«Воскресенского тракта»* (шоссе), то Цуриков внес предложение вести его не на станцию Крюково, а в село Павшино. И готов был выделить 500 руб. на проектные работы¹⁶². Эта затея оказалась безрезультат-

¹ В уездном городе Звенигороде до революции существовало несколько учебных заведений. Об их истории данных мало, они разрозненные. Похоже, что историей народного образования в этом городе никто не занимался.

ной, как и желание Цурикова построить ветку железной дороги до станции Крюково¹⁶³.

Планы по сооружению региональных дорог Цурикову, увы, реализовать не удалось¹. А вот две местные дороги, также важные для населения, он построил. Сохранилось заявление Цурикова 1869 г., в котором он сообщал «Звенигородской Уездной Земской Управе» о своем желании: «Сим имею честь сообщить Звенигородской уездной земской управе, что я желаю провести шоссированную дорогу от принадлежащей мне фабрики до Волоколамско-Московской дороги. Протяжение шоссированной дороги, по произведенному обмеру, будет равняться 4 ½ версты и шириною 3 сажени. Проектируемая

Изо 6—42. Дорога из Саввина монастыря в Звенигород, 1910-е.

мною дорога пройдет землею крестьян Государственных имуществ: с Ивановскаго и до Павловской по прямой линии близ сельской дороги, которая [...] всегда находится в дурном состоянии. К оному честь имею присовокупить, что вышеуказанное шоссированную дорогу, я желаю устроить на собственный свой счет»¹⁶⁴. Трасса эта была построена, она показана на карте губернии 1911 г. Ныне указанная дорога существует лишь фрагментарно.

Помимо этого Павел Григорьевич сделал дорогу «от Саввина монастыря до Звенигорода»¹⁶⁵. Она показана на почтовой открытке.

1870: Мануфактур-советник

Как уже говорилось, несколько лет назад в селе **Аксиньино** начали строить новую каменную церковь. С подключением Павла Григорьевича к этому благому делу стройка пошла быстрее. В августе 1870 г. в построенном храме собрались освящать два придела – Покровский и Никольский. На торжестве пригласили благотворителя с супругой. Прибыл также церковный хор Успенского храма, который славился стройным пением. К освящению Божьего дома Павел Григорьевич подарил новый колокол. Позже в епархиальном журнале появилась заметка местного священника о состоявшемся торжестве:

*«По окончании литургии, счастливые и благодарные прихожане, при многочисленном стечении народа, поднесли г. Цурикову икону св. Николая, при чем местным священником была произнесена речь, выразившая и важность жертвы г. Цурикова, и признательность за оную прихожан, признательность, которую они заповедуют своим потомкам. Торжество заключилось предложенным г. Цуриковым, в доме священника, прекрасно сервированным обедом, на который кроме духовенства были приглашены почетнейшие из посетителей. В продолжение обеда были произнесены многолетия Царствующему дому, Святейшему Синоду, Высокопреосвященнейшему Иннокентию Митрополиту Московскому, и преосвященнейшему Леониду, епископу Дмитровскому, и строителям церкви потомственному почетному гражданину и кавалеру Павлу Григорьевичу и супруге его Анне Сергеевне Цуриковым. Так окончился достопамятный и торжественный для села Аксиньино день 23 августа»*¹⁶⁶.

Колокол Цурикова, как и многие другие его подобные подарки, не сохранился. По воспоминаниям старожилов он был отправлен на переплавку, когда по всей стране советская власть изымала колокола из церквей.

Вновь была оказана помощь **Аносину монастырю**. Как писала игуменья Евгения (Озерова): «1870 года в начале августа, решились сделать заем для устройства ограды, которая падает»¹⁶⁷. Но в долги залезать не пришлось, поскольку «постройку взял на себя благодетель обители П. Г. Цуриков».

В епархиальном журнале в 1870 г. была напечатана заметка о том, как отмечали праздник Крестовоздвижения в **Новом Иерусалиме**. Как обычно в этот день в монастырь пришло большое число

¹ Только после Великой отечественной войны была реализована идея Цурикова – была построена железная дорога от ст. Поварово (что недалеко от Крюково) до ст. Кубинки. Полотно проложено вблизи бывшей Ивановской фабрики. Ныне это западная часть Большого кольца Московской железной дороги.

богомольцев, где им по давней традиции раздали крестики, освященные на Голгофе. «Всех крестиков от известного благотворителя (П. Г. Ц-а) прислано было 3.500, а роздано 3.400»¹⁶⁸.

Аналогичная заметка была напечатана в том же епархиальном журнале четыре года спустя: «Крестиков было прислано от благотворителя П. Г. Цурикова 4000 и все они были розданы»¹⁶⁹. Можно предположить, что на средства Павла Григорьевича и в другие годы закупались крестики для раздачи богомольцам, приходившим на праздник в знаменитый монастырь.

В Сергиевом Посаде П. Г. Цуриков оказывал помощь, как по старому адресу, так и по новому. В **Троице-Сергиевой лавре** на его средства производилась роспись внутренних стен Филаретовского храма, сооруженного годом ранее. А вот в **Гефсиманский скит**, приписанный к лавре, пожертвованный Павла Григорьевича прежде не было.

Справка. Гефсиманский скит находится в Сергиевом Посаде в 3 верстах от Троице-Сергиевой лавры. Скит был основан в 1844 г. митрополитом Филаретом и наместником лавры архимандритом Антонием (Медведевым). Практически сразу с основанием скита стали приходить монахи, искавшие уединение для молитвы. Поблизости от скита они стали устраивать в земле кельи наподобие пещер Киево-Печерской лавры. Со временем образовалось пещерное отделение Гефсиманского скита, называемое еще Черниговским скитом. Во второй половине 1880-х годов над пещерами возвели большой собор из красного кирпича в честь Черниговской иконы Пресвятой Богородицы.

В 1928 г. был закрыт последний храм скита – Успенский. В 1950 гг. строения Гефсиманского скита отдали военному ведомству, потом они были взорваны. Военные находятся на территории бывшего скита и по сие время.

А вот территорию Черниговского скита в 1990 г. передали лавре, там возродилась иноческая жизнь.

Современный адрес: МО, Сергиев Посад, улица Гефсиманские пруды, д. 1.

(GPS: 56.30696, 38.1787, здание колокольни не сохранилось).

Изо 6–43. Колокольня Черниговского скита¹⁷⁰,
1893–1900.

Митрополит Московский Филарет любил Гефсиманский скит, приезжал туда, чтобы помолиться и отдохнуть. Об этом говорится в воспоминаниях игуменьи Аносина монастыря Евгении, где она пишет, как вместе с Цуриковым ездила к митрополиту: «мы с благодетелем отправились в Лавру к Владыке за благословением к освящению. Застали его в Гефсиманском скиту». Филарет мечтал быть похороненным в скиту. Но этому не суждено было сбыться (как уже говорилось, он был погребен на территории лавры в Филаретовской церкви, построенной Цуриковым).

Павел Григорьевич сделал пожертвование в Гефсиманский скит при следующих обстоятельствах. В 1870 г. начальник скита иеромонах Анатолий докладывал, что от неизвестного благодетеля был подарен колокол в 116 пудов. Такой вес старая деревянная колокольня не выдержала бы, она и так уже «покривилась набок». Начальник скита обратился к начальству с прошением о дозволении выстроить новую колокольню. При этом писал, что «есть усердный благодетель Почетный Гражданин Павел Григорьевич Цуриков, жертвующий [2000] рублей на постройку каменной колокольни над воротами»¹⁷¹.

Поначалу не было ясно: в сооружении какой именно колокольни оказал помощь Цуриков? Дело в том, что на обеих скитских территориях (Гефсиманской и Черниговской) в конце XIX века возводились каменные колокольни. Представляется, что речь идет о той, что была построена в 1874 г. в ограде Черниговского скита и потом была разобрана в 1903 г. после сооружения новой, более высокой колокольни. В пользу такого предположения говорит и то, что она была «над воротами» (а именно так написано в архивном деле). А вот про колокольню Гефсиманского скита этого не скажешь, она находилась на самой территории.

Также впервые была оказана помощь **Казанской церкви села Малинки** Звенигородского уезда.

Справка. Поселок Полевшина имеет древнюю историю, отчет ведется с 1568 г. Прежде это было село (сельцо) **Малинки**, иногда его именовали Никольским. В 1672 г., как написано у Холмогоровых: «в сельце Малинках построена церковь в честь Казанския Пресвятыя Богородицы с приделами». Вскоре был сооружен красивый каменный пятиглавый храм в стиле московской архитектуры 3-й четверти XVII века с шатровой колокольней. В нем имелось два этажа и два придела. В верхнем этаже находился Казанский придел (освящен в 1704 г.). С северной стороны была сделана пристройка с приделом св. Николая Чудотворца (1694).

В 1839 г. бурей снесло среднюю главу на крыше. По причине малочисленности и бедности прихода священноначалие приписало церковь в Малинках к Преображенскому храму, находившемуся в селе Бужарово. Богослужения в Казанской церкви проводились редко. Свой причт вновь появился в храме лишь в 1908 году.

В 1938 г. в бывшем храме устроили столярную мастерскую. Потом здание использовали как гончарную мастерскую, зернохранилище и склад школы.

В 1996 г. в Казанскую церковь был назначен священник, храм восстанавливается.

Современный адрес: МО, г.о. Истра, поселок Полевшина. (GPS: 55.96481, 36.85828).

Изо 6—44. Казанская церковь в селе Малинки¹⁷².

В 1870 г. в Казанской церкви на средства Цурикова были произведены работы по утеплению Никольского придела. Как написано в епархиальном журнале, в храме был заменен пол на деревянный, сделан новый иконостас¹⁷³. Возможно, в это время на средства благотворителя была произведена и перестройка храма: вместо пятиглавого он стал одноглавым (4 боковых главы были разобраны), была заменена наружная каменная лестница, ведущая на верхний этаж.

После смерти Павла Григорьевича Казанскому приходу стала помогать вдова А. С. Цурикова.

В том же году П. Г. Цуриков стал попечителем **городского училища в г. Воскресенске**. Как написано в епархиальном журнале: «В августе месяце 1870 года г. Цуриков добровольно и с радующим принял на себя попечение над Воскресенским училищем по просьбе жителей г. Воскресенска, которые по небогатому состоянию, вследствие отказа прежняго попечителя г. Чикина, едва ли могли бы поддерживать училище в прежнем порядке»¹⁷⁴.

Справка. Школа в заштатном г. Воскресенске впервые была открыта в 1848 г. на средства московского купца 3-й гильдии Ивана Дмитриевича Чикина (до этого в городе учебного заведения не было¹). Он купил в Воскресенске дом и спустя некоторое время оборудовал в нем училище на 70 учеников. В архивном деле написано, что купец «содержит в оном учителя, Законоучителя, прислугу, снабжая его [училище] учебными пособиями, одевал учащихся, и по окончании курса устраивал их будущее положение, так что приискивал им места в Москве по торговле и отдавал в мастерство»¹⁷⁵. За первые десять лет Чикин истратил на содержание школы 11.000 рублей. В 1862 г. Ивана Дмитриевича утвердили в должности почетного блюстителя учрежденного им училища.

В 1868 г. купец отказался от должности попечителя по старости. Город оказался в затруднительном положении, в казне не было денег на содержание училища. Если бы не нашелся новый щедрый попечитель, неизвестно, смогли бы городские дети продолжить учебу.

Расположение первого городского училища осталось неизвестно.

¹ Обнаружено архивное дело (РГИА. Ф.733. Оп.30. Д.36), в котором говорится, что дворянин Дмитрий Шелапутин в 1831 г. подал прошение об открытии на личные средства училища в заштатном г. Воскресенске. О том, было ли реализовано это желание дворянина – в деле не сообщается. В каких-либо источниках сведений об этом тоже не имеется. Судя по тому, что в одном из дел говорится, что до Чикина в городе прежде «не существовало никакого Училища для обучения детей», желание Шелапутина реализовано не было.

Воскресенское училище стало третьим (после Лужковского и Ивановского), в котором Павел Григорьевич стал попечителем. Поэтому вполне естественным выглядит, что в 1870 г. он был «утвержден Членом Звенигородского Уездного училищного совета».

7 ноября 1870 г. Цурикову было присвоено почетное звание **мануфактур-советника**. Данное звание он получил по итогам мануфактурной выставки в Санкт-Петербурге, на которой была представлена продукция Ивановской суконной фабрики. Павел Григорьевич сам побывал на этой выставке, причем ездил в столицу даже два раза и «все обошлось хорошо». В его ПС потом была сделана такая запись: «Государь Император по всеподданнейшему докладу Министра Финансов, о полезной деятельности на поприще отечественной промышленности, засвидетельствованной Комитетом Экспертов Мануфактурной выставки 1870 года, Всемилостивейше соизволил пожаловать званием мануфактур-советника»¹⁷⁶. В представлении на звание, подписанном министром финансов, говорилось: «Благодаря личному наблюдению Цурикова, пользующагося между торговцами вполне заслуженною почетною известностию, фабрика его, существующая с 1833 года и производящая в Московской губернии ежегодно разнаго рода сукон высокаго качества на сумму 700 т. руб., принадлежит к числу наилучшие устроенных подобнаго рода заведений»¹⁷⁷.

1871: Строительство училища в Воскресенске, четвертый орден с правом на дворянство

В следующем году вновь было уделено много внимания народному образованию.

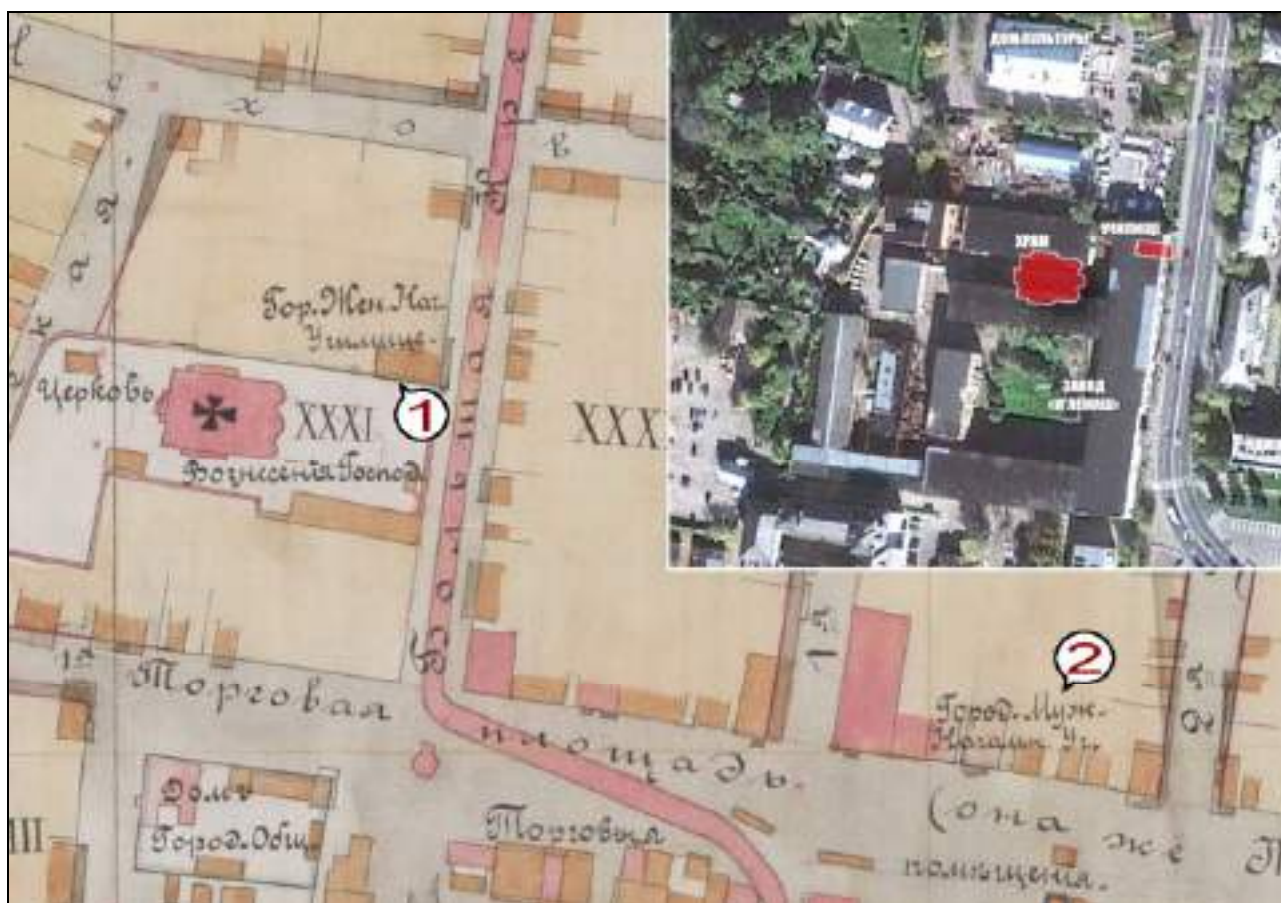
Так сложилось, что здание приходского **училища в Воскресенске**, основанного купцом Чикиным, при новом попечителе Цурикове просуществовало всего полгода. А потом сгорело (о причине пожара не сообщалось). Об этой беде и о последующих событиях было написано в епархиальном журнале: «В феврале месяце прошедшаго 1871 года училищный дом вместе со всем училищным имуществом подвергся пожару¹. Попечитель училища [Цуриков] немедленно под училище нанял дом, в котором дети обучались по-прежнему до 26 ноября 1871 года»¹⁷⁸. Сумма понесенных затрат на наем помещения не сообщалась, она указана в архивном деле – 900 руб.¹⁷⁹. В это же время Павел Григорьевич начал строить здание нового училища, об этом написано в той же заметке в журнале: «В течение этого времени его иждивением и на его земле устроен дом с отличным помещением для класса и для учителя, и прекрасно меблирован. По прочности материала и красоте отделки он может справедливо быть назван лучшим домом в Воскресенске».

Новое училище было построено на участке, находившемся в центре Воскресенска на Крестовской улице (по всей видимости, это была та земля, которую Цуриков купил в 1864 году). Школьное здание имело размеры 10 на 5 сажений. По соседству (с юго-западной стороны) находилась Вознесенская церковь. Училище на плане 1912 г. обозначено «Гор. Жен. Нач. Училище» (к тому времени оно стало женским) и помечено цифрой «1». Как видно здание торцом выходило на Большую Крестовскую улицу (ныне ул. Первомайская). В правом углу плана показан современный снимок той же местности, сделанный из космоса (на нем контурами отмечены несохранившиеся здания училища и храма).

По сведениям из архивного дела Павел Григорьевич потратил на строительство нового училища 1.436 руб.¹⁸⁰. За сгоревшее здание полагалась страховка. Благотель не стал забирать эти деньги себе, а заявил следующее: «полученные мною из страхового общества за сгоревший училищный дом и за проданную училищную землю (около 2000 [рублей]) я жертвую в пользу училища и желаю их обратить в билет, с тем чтобы он хранился в думе и процентами с него пользовался законоучитель в виде жалования».

Цуриков до конца своих дней состоял попечителем Воскресенского училища, построенного им

¹ В одном из архивных дел (ЦГАМ. Ф.17. Оп.48. Д.92. Л.41) приводятся сведения о том, что Цуриков стал попечителем городского училища в 1868 г., а в следующем году оно сгорело. Данное утверждение представляется ошибочным, другие документы этого не подтверждают. Указанное дело было заведено в 1876 г., т.е. спустя несколько лет после описываемых событий. Его составители могли перепутать два пожара, случившихся в Воскресенске с разницей в полтора года. Первый произошел в городе днем 14 июля 1869 г. Тогда пострадала Вознесенская церковь и много домов жителей. Второй пожар случился в ночь с 13 на 14 февраля 1871 г. Сведений о пострадавших на этот раз городских постройках, кроме училища, нет.

Изо 6—45. Фрагмент плана города Воскресенск¹⁸¹, 1912, с наложением снимка из космоса.

для детей города. В отдельные годы в нем обучалось до 75 мальчиков и девочек, которые, как написано в другой журнальной статье: «получают от своего попечителя все учебные принадлежности, летнюю одежду и щедрыя денежные награды»¹⁸². За обучение с детей плата не бралась. Все затраты по училищу Павел Григорьевич оплачивал из своих средств, включая зарплату учителя 240 руб. и законоучителя 120 руб. в год. Фиксированной сметы расходов не было. Так в 1876 г. Цуриковым было потрачено на училище 1.000 руб.¹⁸³. А год спустя 520 руб.¹⁸⁴.

Цуриков предусмотрел неприкосновенный капитал на содержание учебного заведения: «Обеспечил существование училища вкладом в 10.000 руб. из 5 % годовых»¹⁸⁵. Это сведения из архивного дела 1882—1883 гг. Напрямую в деле не сказано, когда был положен указанный капитал. Из других источников следует, что, скорее всего, он был предусмотрен в завещании Цурикова. После смерти благотворителя доброе дело поддержки народного образования продолжила вдова А. С. Цурикова, ставшая попечительницей Воскресенского училища (подробнее об этом поговорим в следующей главе).

Здание училища было построено из дерева, имело один этаж с мезонином. Сохранилось несколько его фотографий (см. изо 7—25, 7—27, 7—29). Здесь приводится ранее не публиковавшийся фотоснимок из музея имени В. И. Даля. На снимке перед входом в училище среди детей можно разглядеть фигуру высокого худого мужчины в шляпе. Это, скорее всего, учитель Воскресенского училища. Но кто именно? В датировке снимка указано: «1880-е». Как показывают архивные документы, в это десятилетие в Воскресенском училище работало всего два преподавателя: в 1879—1883 гг. Иван Павлович Чехов, а в последующие годы учила детей Мария Николаевна Смирнова. Получается, что на приводимом снимке И. П. Чехов, брат знаменитого писателя? Что ж, это вполне возможно. По крайней мере, фигура у него была точно такая же (см. изо 7—26). А если это так, то датировку снимка можно уточнить: «начало 1880-х».

В 1871 г. в уездном городе было открыто **Звенигородское училище для девочек**. Когда год спустя императрица Мария Александровна и ее дети пожертвовали на это училище личные средства 650 руб., городские власти решили ходатайствовать о присвоении ему наименования «*Маринское*». Это прошение в 1873 г. было удовлетворено.

Изо 6—46. Воскресенск. «Приходское училище. Главный (северный) фасад»¹⁸⁶, 1880-е,
(Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля).

К сожалению, архивного дела о постройке женского училища в Звенигороде обнаружить не удалось, а сведения из исторических источников отрывочны и полной картины не дают. Так в воспоминаниях С. А. Попова есть слова о том, что П. Г. Цуриков построил прекрасную народную школу «в Звенигороде (купив для нее место)». А в одном из некрологов в память благотворителя написано: «в Звенигороде основал Мариинскую земскую школу»¹⁸⁷. Получается, что Павел Григорьевич купил в уездном городе землю и построил на ней здание школы? Т.е. все произошло как в Воскресенске?

Подтверждение удалось получить уже в ходе работы над текстом данной книгой, когда было найдено в архиве дело, посвященное открытию «Звенигородского очередного уездного земского собрания в 1876 году». В нем есть такие слова: «Звенигородское женское училище переведено из не вполне удобного наемного дома в свой собственный вновь построенный дом на средства благотворителя Павла Григорьевича Цурикова». И хотя ничего не говорится о том, на чьей земле было сооружено школьное здание и сколько это стоило, на главный вопрос ответ был получен: П. Г. Цуриков построил еще одно училище для детей. После Лужковского, Ивановского, Воскресенского оно стало четвертым. В том же деле написано, что с 1876 г. благотворитель увеличил свое ежегодное пожертвование на содержание училища с 300 руб. до 500. На содержание Мариинского училища поступали средства и от других жертвователей. Но вклад Цурикова был самым крупным.

В том же архивном деле говорится об общих затратах Павла Григорьевича на нужды народного образования в уезде: «Цифра его благотворительности ежегодно простирается до 2.500 руб.». Из приведенных примеров видно, что Цуриков со всей серьезностью относился к поддержке народного образования, старался сделать его как можно доступнее и не ограничивался только денежными пожертвованиями. Он стремился улучшить организацию учебного процесса. И эти усилия приносили свои результаты. В отчете Училищного совета Звенигородского уезда за 1877 г. отмечено:

«В училищах содержащихся попечителями и особенно Ивановском и Воскресенском, в которых попечителем г. Цуриков, обучение идет несравненно успешнее, нежели во всех прочих. Понятно, что такое явление есть с одной стороны плод щедрости попечителя, поощряющего на-

ставников к успешной деятельности или возвышением жалования, или приличными подарками, которых не лишает и детей, с другой – следствие постоянного непосредственного попечительского наблюдения за правильным ходом обучения. Такое внимание гг. попечителей и особенно Цурикова обязывает нас к искренней благодарности, так как на их щедрыя средства обучается более трети всех детей, обучающихся в школах»¹⁸⁸.

Самое крупное единовременное пожертвование на нужды народного образования Павел Григорьевич сделал в столице Российской империи. Это было Ивановское девичье училище, поддерживаемое на средства «Императорского Человеколюбиваго Общества».

Справка. Ивановское девичье училище в Санкт-Петербурге свое название получило по имени благотворителя «отставного поручика Степана Григорьевича Иванова, завещавшего в 1831 на воспитание 25 бедных девочек 5 тыс. руб. [...] В 1867 школу преобразовали в училище с пансионом, где в начале XX века занималось 200 учениц из довольно обеспеченных семей, которых готовили к работе в качестве гувернанток и учительниц»¹⁸⁹. В 1871 г. учебное заведение переехало в здание бывшей больницы. Был построен флигель, в котором устроили домовую церковь во имя св. Марии Магдалины.

Храм при училище был закрыт в 1918 г., его убранство не сохранилось. А вот здания, в которых прежде находилось девичье училище, уцелели. В советские годы в них вплоть до середины 1960-х годов размещалась одна из школ Ленинграда. В настоящее время здесь находится фабрика ортопедической обуви.

Современный адрес: Санкт-Петербург, улица Союза Печатников (Торговая), 14.

(GPS: 59.92323, 30.29068, церковь не сохранилась, координаты примерные).

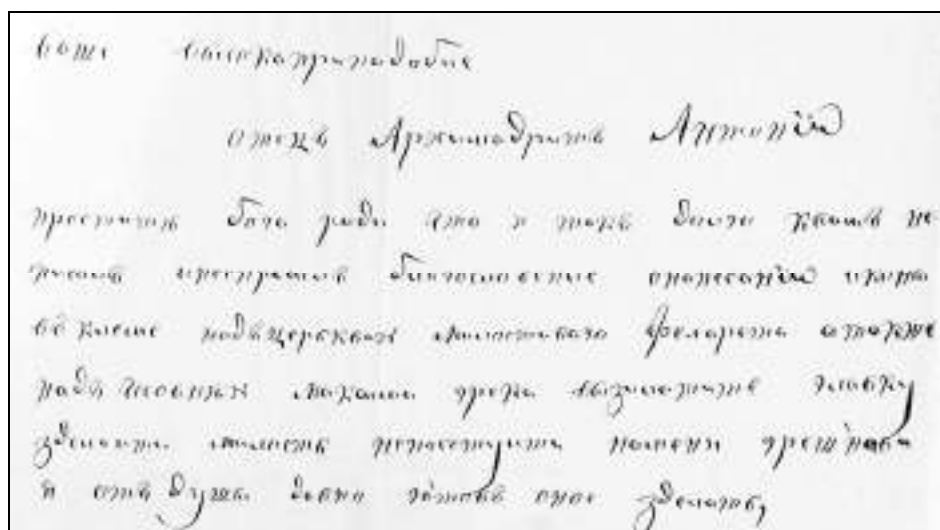
Деньги на обустройство домовой церкви «дал пот. поч. гражд. Павел Григорьевич Цуриков. Эти расходы составили 16 тыс. руб.». Освящение церкви во имя св. Марии Магдалины при **Ивановском девичьем училище** 9 декабря 1871 г. совершил председатель указанного «Императорского Человеколюбиваго Общества» митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский Исидор в присутствии членов царской семьи. Спустя два года за это пожертвование Павел Григорьевич был награжден очередным орденом.

Других сведений о благодеяниях Цурикова в столице найти не удалось. Хотя, по всей видимости, такие случаи были. Родственник С. А. Попов писал о его «пожертвованиях на церкви в Петербурге», к сожалению, без конкретики. Получается, что помощь была оказана не единственному храму.

В Сергиевом Посаде в **Троице-Сергиевой лавре** продолжалась внутренняя отделка церкви, сооруженной на средства П. Г. Цурикова четыре года назад для упокоения митрополита Филарета. В архиве РГАДА было найдено письмо, написанное благотворителем наместнику лавры. В нем Павел Григорьевич спрашивает архимандрита Антония, как идет отделка Филаретовского храма (а заодно и соседней с ним часовни Максима Грека), сколько нужно еще на это выделить средств. Здесь приводится фотокопия начала письма, полная расшифровка дана в приложении–4.

В Сергиевом Посаде помимо Троице-Сергиевской лавры и Гефсиманского скита, которым Павел Григорьевич уже оказывал помощь, находился еще **Спасо-Вифанский монастырь**. Дошла и до

него очередь добрых дел. В феврале 1871 г. казначей этого монастыря Илларион докладывал «Учрежденному собору лавры», что доставлен отлитый «по усердию к памяти Святителя Платона»¹⁹¹ колокол весом в 325 пудов 38 фунтов. Перечислены были жертвователи. Больше всего денег пожертвовал Цуриков – три тысячи рублей (другие люди внесли от 300 до 1000). Через четыре года Павел Григорьевич помог обители с постройкой колокольни.

Изо 6–47. Начало письма Цурикова архимандриту Антонию¹⁹⁰, 1871.

Справка. Спасо-Вифанский монастырь отсчитывает свою историю с 1783 г., когда архиепископ Платон решил основать пустынь «для успокоения своей старости» и кладбище «для погребения усопшей о Господе братии *Сергиевы Лавры*»¹⁹³. Через два года был построен Спасо-Преображенский собор. По указу императора Павла I в мае 1797 г. Вифанская пустынь была преобразована в монастырь второго класса. В это же время при обители была учреждена одноименная семинария, в которой обучались многие служители Звенигородского уезда и их дети.

В 1860 г. на территории монастыря началось возведение пятиглавого Тихвинского собора. В 1874–1875 гг. была построена новая колокольня высотой в 16 саженей.

Летом 1918 г. Спасо-Вифанский монастырь был преобразован в сельхозартель. В августе 1925 г. здания, угодья и все имущество Вифании были реквизированы. В 1932 г. здания упраздненной Вифанской обители перешли в ведение нового учреждения – Всесоюзного НИИ птицеводства. В том же году по решению районных властей, была разобрана монастырская колокольня.

В 1998 г. начался процесс возвращения Троице-Сергиевой лавре зданий упраздненной Вифании. Восстановлена колокольня по образцу прежней постройки.

Современный адрес: МО, Сергиев Посад, ул. Маслиева, 25 (GPS: 56.28765, 38.17718).

Изо 6–48. Колокольня Вифанского монастыря¹⁹², нач. XX в.

В 1871 г. была еще одна обитель, которой Цуриков впервые оказал помощь – это **Николо-Радовицкий монастырь в Рязанской губернии** (ныне Егорьевский район Московской области). Павел Григорьевич совместно с другими жертвователями помог в перестройке Богородицерождественской церкви обители. В 1885 г. в епархиальном журнале была напечатана статья, в которой приведена информация о вкладах благотворителей: *«Января 12 1867 года коломенскою купчихою Анною Иосиф Тупицыною пожертвовано на перестройку храма Рождества пресвятыя Богородицы десять тысяч руб. Декабря 6 1870 г. с.-петербургский 1-й гильдии купец, Платон Сергеевич Копылов, пожертвовал на нужды обители три тысячи рублей серебр. Мая 1 1881 г. звенигородский почетный гражданин Павел Григ. Цуриков на тот же предмет пожертвовал 500 р. Мая 25 1875 г. зарайский купец Иван Космич Цыпулин пожертвовал 1000 р.»*¹⁹⁴.

В цитате для вклада Цурикова указан год 1881. Это очевидная опечатка: в это время Павла Григорьевича уже не было в живых. Сопоставляя даты, приведенные в цитате для других жертвователей (1867, 1870, ... 1875), можно предположить, что Цуриков оказал помощь, видимо, в 1871 г.

Справка. Николю-Радовицкий монастырь был основан в первой половине XV века греческим старцем Пахоимом, пришедшим в Москву с митрополитом Киевским и всея Руси Фотием. Монах поселился на острове, названном Святым. «К началу XVII века количество монашествующих сильно увеличилось. Обитель уже не могла вмещать всех желающих, и поэтому было решено перенести монастырь с острова Святого озера на берег. [...] В 1650 году в Николю-Радовицком монастыре на месте деревянного храма в честь Рождества Богородицы был построен каменный, пятиглавый. [...] архиепископ Рязанский и Зарайский Иринарх (Попов) в 1867 году благословил проект архитектора Н. М. Чистосердова по расширению храма. [...] 26 августа 1870 года храм после перестройки был освящен в честь Рождества Богородицы с северным приделом в честь святого Иоанна Крестителя архиепископом Рязанским и Зарайским Алексием (Ржаницыным). [...]»

В 1923 году монахов выгнали из келий. [...] С 1944 года с. Радовицы входило в состав Шатурского района. В монастырских помещениях во время Великой отечественной войны сначала находился временный госпиталь, а потом некоторое время в уцелевших строениях размещали военнопленных. [...]

В 1994 году по благословению митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия при храме Рождества Богородицы в Радовицах была зарегистрирована православная община»¹⁹⁵.

Современный адрес: МО, Егорьевский р-н, с. Радовицы, ул. Щукина, д. 1А. (GPS: 55.09924, 39.54554).

Изо 6–49. Николо-Радовицкий монастырь¹⁹⁶, 1870-е ?

По какой причине Павел Григорьевич решил оказать помощь монастырю в другой губернии – осталось тайной. Точно также нет никаких данных о том, почему он пожертвовал деньги в еще одно место, находившееся за пределами Московской губернии. Речь идет о храме в **Городище Лопасня Каширского уезда Тульской губ.**

Справка. Древнерусский город Лопасня упоминался в летописи 1176 г. Он находился в 20 верстах от Каширы вниз по течению реки Оки на ее правом берегу у впадения речки Лопасня. Спустя несколько столетий города уже не было. Люди называли это место Городищем «Четырех церквей», прежде здесь существовавших. Два храма были перенесены в соседние селения, а два других остались на Городище. В до-революционном справочнике о них написано следующее: «деревянный храм, во имя св. Николая Чудотворца, построен в 1752 г. на средства генерал-лейтенанта Иродиона Михайловича Кошелева; а в 1838 г. капитально возобновлен средствами жены генерал-майора Евдокии Андреевны Муравьевой. [...] Что касается древнейшей Параскиевской церкви, ныне кладбищенской, то известий о бывших в ней капитальных исправлениях и, быть может, перестройки заново до половины настоящего столетия приблизительно не сохранилось»¹⁹⁸.

В советское время храмы на Городище были утрачены (координаты их неизвестны).
Современный адрес: Тульская обл., Ясногорский район.

Изо 6–50. Пятницкая церковь в
Городище Лопасня¹⁹⁷, 1899.

Информации об этом вкладе очень мало, осталось непонятно, какому именно храму – Николая Чудотворца и Параскевы Пятницы – оказал помощь Цуриков. Об этом пожертвовании говорится в единственном источнике – в переписке двух частных лиц (А. В. Назарова и М. П. Погодина):

«Милостивый Государь, Михаил Петрович. Имею честь препроводить при сем сто пятьдесят рубл. серебром [подчеркнуто в оригинале], пожертвованные Почетным Гражданином Павлом Григорьевичем Цуриковым в пользу церкви села Городищи (древний город Лопасня), прося покорнейше Ваше Превосходительство в получении денег выдать посланному расписку на имя его г. Цурикова. Не худо бы для поощрения других к пожертвованию напечатать об этом в газете и внушить причту или священнику той церкви, чтобы он написал Павлу Григорьевичу Цурикову благодарственное письмо по адресу: П. Г. Цурикову, на Ильинке в суконный магазин Попова. [...] А. Назаров, 15 апреля 1871»¹⁹⁹.

О поездке (поездках?) в Палестину Цурикова уже рассказывалось, говорилось о помощи в приобретении земельного участка с Мамврийским дубом. Но это далеко не все добрые дела, которые совершил Павел Григорьевич на Святой земле. В 1872 г. состоялось освящение построенного на подворье Русской духовной миссии **Троицкого собора в Иерусалиме** (ныне столица Израиля, GPS: 31.78157, 35.22301). На его колокольню был повешен колокол, отлитый годом ранее на деньги семьи Цуриковых и других благотворителей.

Про данный колокол начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) писал в воспоминаниях: «Слава и вечная благодарность блаженной памяти Павлу Григорьевичу Цурикову, который по ходатайству другого христолюбца, тоже уже покойного, Ивана Федоровича Макеева из Коломны, подарил Снятому Граду такое несравненное духовное утешение. Колокол не огромен, всего в 156 ½ пудов весом, но отлично вылит на заводе г. Финляндского, органист, как у нас отзываются о подобных предметах, и басит, как 300-пудовый. Покойный великий благотворитель хотел выстроить в Иерусалиме для своего царь-колокола и своего “Ивана Великого”, который был бы виден с Средиземного моря, но преждевременная и оплакиваемая кончина человека Божия остановила дело»²⁰⁰.

Этот колокол, скорее всего, единственный сохранившийся среди десятков других, которые были отлиты на деньги Павла Григорьевича. Руководитель Московской школы церковных звонарей И. М. Дроздыхин прислал ценную фотографию, которую он сделал в Иерусалиме на колокольне Троицкого собора. Расшифровка текста на тулове кампана воспроизводится по книге А. А. Глушецкого²⁰¹:

Верхняя надпись: “ВЪ ВЕЧЕРЬ ЗА УТРА ПОЛУДНЕ ПОВЕМЪ И ВОЗВЕЩУ И УСЛЫШАТЬ ГЛАС МОИ”. Иконы: 1. Святая Троица. 2. Воскресение Христово. 3. Усекновение Главы Иоанна Предтечи. Между иконами размещено по 2 ангела.

Средняя надпись, первая строка: “ВЪ ЛЕТО 1871 ОКТЯБ: 15 Д: [день] ВЫЛИТЬ СЕЙ КОЛОКОЛЬ ВЪ ТРОИЦКУЮ ЦЕРКОВЬ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ ВЪ ИЕРУСАЛИМЪ УСЕРДИЕМЪ ХРИСТОЛЮБИВ”.

Вторая строка: “ГРАЖДАНЪ ГОРОДА МОСКВЫ И КОЛОМНЫ РАБОВЪ БОЖИИХЪ ПАВЛА АННЫ ЦУРИКОВЫХЪ, СТЕПАНА СИМЕНА МИХАИЛА ИОАННА А. И. МАКЕЕВЫХЪ”.

Нижняя надпись: “АННЫ КОНСТАНТИНА ЕЛИЗАВЕТЫ СЕРГИЯ А: ТУПИЦЫНЫХ¹ И ПРОДЧ: ДОБРОХОТН: ДАТЕЛЕИ Г: КОЛОМНЫ ПРИ АРХИМАНДРИТЕ МИССИИ АНТОНИНЕ ЗАВОДА ФИНЛЯНДСКОГО ВЪ МОСКВЕ ВЕСУ 156 ПУ 20” [фунтов].

В нижней надписи имеются также изображения трех медалей, полученных колокольным заводом на выставках 1865, 1867 и 1870 годов.

Изо 6–51. Текст на тулове: «ПАВЛА АННЫ ЦУРИКОВЫХЪ», фотограф И. М. Дроздыхин, 2013.

¹ «Тупицына помнят в Коломне как одного из щедрых храмоустроителей» (интернет).

Изо 6–52. Орден св.
кн. Владимира 4-й ст.

Летом вышел указ о награждении П. Г. Цурикова **четвертым орденом**: «Государь Император по засвидетельствованию Святейшего Синода, о примерном усердии и пожертвованиях в пользу Церкви, Всемилостивейше пожаловал в 16 день Августа 1871 года Орден Св. равноапостольного Князя Владимира 4-й Степени, с правом Потомственного Дворянина; каковой получен при грамоте от 27 августа 1871 г. за № 6349»²⁰².

Павел Григорьевич Цуриков решил воспользоваться предоставленным правом на причисление в дворянское сословие. После 1871 г. в некоторых документах он уже стал именоваться дворянином, причем потомственным. Однако оформление официальных документов затянулось на несколько лет. То ли Павел Григорьевич с этим вопросом не спешил, то ли бюрократическая машина работала так медленно (как показывает другой документ, имело место и то, и другое). Ну а дворянский герб Цуриковых (см. изо 6–62) и вовсе был утвержден уже после кончины благодетеля (в 1880 г.).

1872: Новые пожертвования в Саввино-Сторожевский монастырь и скит

В следующем году география помощи П. Г. Цурикова была традиционно широка, правда, особо крупных пожертвований на этот раз не было. Была оказана помощь, как старым адресатам, так и новым.

Впервые **Саввино-Сторожевскому монастырю** под Звенигородом П. Г. Цуриков помог два десятилетия назад. Тогда на его деньги (свыше семи тысяч рублей) в Богородицерождественском соборе были проведены восстановительные работы, приобретена новая церковная утварь. И вот вновь понадобилась помощь тому же храму.

На пожертвование благотворителя (размер его остался неизвестным) был капитально отремонтирован главный собор монастыря: «*внутренние росписи обновлены, иконостас поправлен, приведена в порядок ризница*»²⁰³. Как потом написали в епархиальном журнале: Богородицерождественский собор был приведен: «*в первобытный [т.е. изначальный] вид на пожертвования Павла Григорьевича Цурикова*». А еще в одной публикации отмечено: «*восстановление главного храма "вышло удачно и так хорошо, что на собор, как внутри, так и снаружи, кажется, все глядел бы и не нагляделся"*», — писал побывавший тогда в обители по приглашению епископа Леонид архимандрит Пимен»²⁰⁴. После выполненных работ монастырский собор был заново освящен. По неподтвержденным данным на средства Цурикова был также отремонтирован Царский дворец на территории обители.

Не обошел своим вниманием благотворитель и расположенный по соседству **Саввинский скит**. «В 1872 г., в десятую годовщину возникновения скита, опять же на пожертвования Павла Григорьевича, обновили здания и выстроили еще несколько келий для братии, в том числе каменный двухэтажный корпус с церковью Святителя Николая»²⁰⁵.

Там же в Звенигороде Цуриков впервые оказал помощь медицинскому учреждению. Об этом потом в некрологе напечатали: «*Звенигородская больница лет шесть тому назад была перестроена на его деньги*»²⁰⁶. Получается, что это произошло примерно в 1872 г.

В этом же году вновь была оказана помощь Троице-Сергиевой лавре. Только на сей раз средства пошли на подворье, расположенное в Москве. В журнале «Учрежденнаго Собора Лавры» имеется «донесение эконома **Троицкого Сухаревского подворья**, соборнаго иеромонаха Арсения», в котором говорится о замене «*серебряного оклада с иконы пр. Сергия, [...] серебряною ризою по усердию г. Цурикова*»²⁰⁷.

Не забывал Павел Григорьевич и про храмы родного Звенигородского уезда. В 1872 г. в епархиальном журнале в одной из заметок были напечатаны такие слова: «*Почти одновременно сооружаются новые каменные храмы в селах: Аксиньине, Засекине, Локотне, вместо ветхих деревянных, и все это или прямо на счет Павла Григорьевича, или с значительным пособием от него, пособием, без котораго достроение храмов было бы невозможно*»²⁰⁸.

Об участии Цурикова в строительстве **Никольского храма в селе Аксиньино** уже рассказывалось ранее (в 1870 г. состоялось освящение двух приделов в трапезной). А вот подробностей о по-

мощи Павла Григорьевича в сооружение двух других Покровских церквей в **Засекино и Локотне**, увы, найти не удалось. Лишь в еще одной заметке, опубликованной в том же епархиальном журнале в 1872 г., говорится, что стройка Покровского храма в Засекино «*вчера*» завершена и подготовлен к освящению Никольский придел. Там же написано, что иконостас в этот придел «*пожертвовал один из великих благотворителей Звенигородского уезда, на которого и призываем благословение Божие*»²⁰⁹. Имя его в публикации не названо. Но и так всем было понятно, что речь шла о Цурикове. Других «*великих благотворителей*» в Звенигородском уезде просто не было.

В 1872 г. было пожертвование и в далекие края.

В XVIII веке и в начале XIX века Российская империя приросла на западе новыми территориями (Эстляндская, Лифляндская, Курляндская, Витебская и другие губернии). На этих землях были сильны позиции католической церкви и униатов. Для распространения среди местного населения православной веры строились церкви. С этой целью по всей империи собирались добровольные пожертвования «*на помощь Православию в западных губерниях*». Как ранее уже говорилось, в начале 1860-х годов Цуриков уже помогал Литовской епархии, за что потом получил свой первый орден. И вот вновь он оказал помощь западному краю. Это подтверждают слова из воспоминаний Харьковского епископа Саввы: «*В первых числах апреля 1872 г. препроводил я к преосвященному Леониду благословенную грамоту св. синода, для вручения московскому купцу П. Г. Цурикову за пожертвование им 800 руб. на устройство иконостаса в **Вербилловском монастыре** полоцкой епархии*»²¹⁰.

Справка. Вербилловский Покровский монастырь был основан примерно в 1600 г. Мстиславским воеводой Иосифом Корсаком. После изгнания польской шляхты бывший Вербилловский католический монастырь был преобразован в православную обитель. В конце XVIII столетия в обители построили храм в честь Покрова Божией Матери. Это была небольшая, многоглавая деревянная церковь с высокой трехъярусной колокольной и деревянными кельями. Начиная с 1844 г., Вербилловский мужской монастырь стал заштатным. Позднее он был преобразован в женский.

«*В октябре 1918 года Покровский Вербилловский женский монастырь был закрыт. [...] В 1945 году на территории Вербилловского монастыря был открыт детский дом. Покровская церковь была разобрана в 1948 году. [...] В 1964 году на базе детского дома была открыта областная психоневрологическая больница, а в 1985 году наркологический диспансер. Последней помещением монастыря занимала больница социальной помощи, открытая в 1993 году*»²¹².

В настоящее время Вербилловский монастырь возрождается.

Современный адрес: Псковская область, Пустошкинский район, дер. Вербиллово.

(GPS: 56.4508, 29.08602, церковь не сохранилась, координаты примерные).

Изо 6–53. Покровская церковь²¹¹, реконструкция Д. А. Дроздецкого, 2015.

Обнаружен один исторический источник, который задает больше вопросов, чем дает ответов. В архивных документах Воскресенской городской думы говорилось, что летом 1872 г. в Городскую управу было подано заявление «*Гласнаго Думы Потомственного Дворянина Павла Григорьевича Цурикова [...] об исключении его самого г. Цурикова из числа Гласных по не имению им времени участвовать в собраниях*»²¹³. Из этих слов следует, что П. Г. Цуриков в указанном году был **гласным** (т.е. депутатом) **Воскресенской городской думы**. Это была выборная должность, от которой благодетель решил отказаться ввиду своей крайней занятости другими делами. Увы, несмотря на предпринятые усилия, не удалось установить¹, когда именно Цуриков был избран на эту почетную должность. И избирался ли потом еще.

¹ Как уже говорилось, очень много дел было уничтожено в архиве ЦГАМ в советские годы во время «чисток» (в ряде описей сохранилось всего от 1 до 10% первичных документов). Поэтому, к сожалению, не всегда можно узнать подробности о вкладах Цурикова в храмы, о его участии в работе общественных организаций.

1873: Пятый орден (последний)

Спустя два десятилетия знаменитой Воскресенской обители вновь понадобилась помощь благотворителя, причем в значительно более крупных масштабах. Работы начались с **Христорождественской церкви Новоиерусалимского монастыря**. Настоятель обители архимандрит Леонид (Кавелин) писал:

«В 1873 году П. Г. Цуриков ознаменовал свое внимание к Воскресенской обители устройством в иконостасе, его же иждивением обновленного, теплого Христорождественского собора местных икон (13 с дверными) по золотому цированному полю, работы известного Московского иконописца А. Ф. Рогожкина, ценою на 1,500 руб. сер.; тогда же возобновлено росписание настоящей церкви и алтаря местным живописцем Строевым. В том же году его усердием вызолочены, на мардан, главы над церквями: входа в Иерусалим, что над святыми вратами, и над Рождественским собором, на сумму 1,600 руб. А всего в 1873 году издержано на украшение теплого Христорождественского собора и на позолоту двух глав до 3,500 рублей»²¹⁴.

В 1873 г. отмечалось 50-летие основания **Аносина монастыря**. На подготовку к празднованию юбилея благотворитель «дал на издержки»²¹⁵ 350 руб. серебром.

В том же году на средства Павла Григорьевича были отлиты два колокола для сельских храмов Звенигородского уезда. К сожалению, сколько было на это потрачено денег и каков вес отлитых campanов — установить не удалось. Можно лишь говорить, что в обоих случаях колокола отливались на собранные прихожанами средства, среди которых были деньги Цурикова.

Первый колокол был отлит для **Покровской церкви села Акулово** Звенигородского уезда на пожертвование Павла Григорьевича и местного помещика Ивана Семеновича Перлова (его имение находилось вблизи села). На тулове campana была сделана надпись: «в село Акулово, ко храму Пресвятой Богородицы при священнике Василии Орлове и при церковном старосте Тимофее Иванове усердием прихожан И. С. Перлова и П. Г. Цурикова 1873 года апреля 5 дня»²¹⁶.

Судьба подаренного П. Г. Цуриковым колокола доподлинно неизвестна. Скорее всего, он был отправлен на переплавку в 1920-е гг., когда по всей стране советская власть изымала колокола из церквей.

Справка. Село Акулово (иногда писали Окулово) находилось на Смоленской дороге, ныне это окраина г. Одинцово. В 1676 г. в селе было завершено строительство деревянной церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

«в 1807 г. “тищанием” Варвары Петровны Разумовской в Акулове была сооружена каменная церковь с двумя приделами — Казанской Божией Матери и Святителя Николая, сохранившаяся до наших дней. На месте старого храма поставили часовню с колодцем. Позже часовня была разрушена, а хранившийся в ней резной деревянный крест перенесли в храм, где он находится и поныне»²¹⁸.

Во время войны с французами 1812 г. храм был разграблен. Через несколько лет старанием храмоздательницы восстановлен. В 1857 г. был впервые распи-сан «иконописным письмом».

Покровский храм никогда не закрывался.

Современный адрес: МО, Одинцовский г. о., село Акулово, ул. Школьная, д. 88Г. (GPS: 55.66587, 37.24059).

Изо 6–54. Покровская церковь в Акулово, фотограф И. Нагайцев²¹⁷, 1983.

Второй колокол был отлит на том же московском колоколотейном заводе Финляндского для **Вознесенской церкви села Еремеево** Звенигородского уезда. Как свидетельствует текст надписи на тулове campana, помимо Цурикова жертвователями были простые люди: «Вылит сей колокол [...] в село Еремеево [...] от усердия всех прихожан онаго храма и благотворительности потомственного почетного гражданина и кавалера Павла Григорьевича Цурикова»²¹⁹. В том же документе сообщается, что колокол был отлит в 1873 г. А вот вес указан не был. Однако в рекламном издании завода Финляндских campan села Еремеево был включен в раздел изготовленной продукции весом от 100 до 1000 пудов²²⁰. Это означает, что его вес в современном измерении был не менее 1,6 тонн. Еремеевский колокол в советские годы также был утрачен.

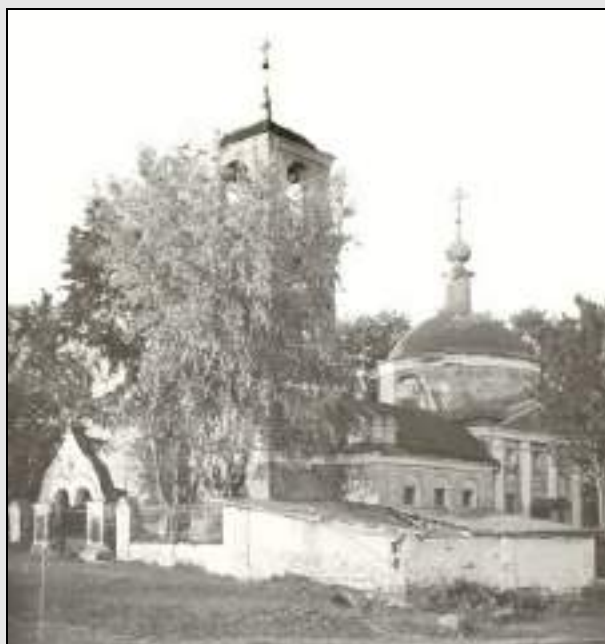
Справка. Село Еремеево в XV-XVI веках принадлежало Вознесенскому женскому монастырю Москвы. По материалам Холмогоровых в 1584 г. здесь «находилась деревянная клетушки церковь во имя Николая Чудотворца»²²². В том же источнике написано, что она была уничтожена в начале XVII в. После этого почти столетие храма в Еремеево не было.

В 1698 г. по ходатайству игуменьи Вознесенского монастыря вместо церкви в с. Алексино был построен деревянный Вознесенский храм в соседнем с. Еремеево. В начале XIX века церковь стала ветхой. В октябре 1810 г. была выдана храмозданная грамота на сооружение двухпрестольной каменной церкви²²³. В мае 1815 г. новая церковь была заложена. Через три года был освящен Никольский придел. А 20 марта 1821 г. состоялось освящение главного Вознесенского придела. В 1880-х годах производилась перестройка церковного здания: был устроен бетонный свод в трапезной и надстроен верхний ярус колокольни.

В 1938 г. Вознесенскую церковь закрыли.

В 2003 г. храм вернули верующим. В настоящее время продолжается его восстановление.

Современный адрес: МО, г.о. Истра, дер. Еремеево. (GPS: 55.94607, 37.02234).

Изо 6–55. Вознесенская церковь в Еремеево после закрытия²²¹, 1940 ?

В 1872 г. Звенигородский училищный совет ввиду больших заслуг Павла Григорьевича перед народным образованием ходатайствовал о присвоении **Воскресенскому училищу** наименования «*Цуриковское*»²²⁴. Тогда это предложение не было утверждено уездным земским собранием. И вот год спустя совет вновь вышел с тем же предложением, добавив, что пожертвования благотворителя «не оскудевают». Было ли на сей раз принято нужное решение – в деле не сообщается. Но из других документов известно, что в 1880-х годах училище в заштатном г. Воскресенске именовалось «*Цуриковским*».

Как уже сообщалось, в 1871 г. Цуриков пожертвовал крупную сумму денег на устройство домового храма Марии Магдалины в женском училище Санкт-Петербурга. И вот спустя два года его за этот вклад наградили: «*Государь Император по засвидетельствованию председателя Императорского Человеколюбиваго общества, Исидора Митрополита Новгородскаго и С. Петербурскаго об особенном усердии на пользу Ивановскаго Девичьяго училища Императорскаго человеколюбиваго Общества в С. Петербурге, и состоящей при этом заведении Церкви, Всемилостивейше пожаловал в 29-й день Ноября 1873 года Орден Св. Равноапостольнаго Князя Владимира 3-й степени*»²²⁵.

Это был последний орден, врученный Цурикову, он оказался самым высоким по своему статусу. Практически нет сомнений, что проживи благотворитель подольше, – он бы совершил еще добрые дела и у него были бы другие награды.

Изо 6–56. Орден св. кн. Владимира 3-й ст.

1874: Работы в Новоерусалимском монастыре, статский советник

В начале этой главы говорилось, что до недавнего времени были известны три варианта одной фотографии Павла Григорьевича. Там же высказывалось предположение, что фотографировался он не позже 1876 г. Эту датировку можно уточнить. Если приглядеться к награде, которая в петлице костюма П. Г. Цурикова на снимке (изо 6–01), то это какой-то из орденов св. кн. Владимира 3-й или 4-й степени (они очень похожи друг на друга). Об этом же свидетельствует и орденская лента со светлой полосой посередине. Учитывая, когда этими орденами был награжден благотворитель,

Изо 6–57. П. Г. Цуриков с орденом св. Владимира на груди²²⁶, 1893.

получается, что Павел Григорьевич фотографировался не ранее 1871 года. Ну а приводимый здесь вариант фотографии был напечатан в книге Голубева, вышедшей в 1893 г.

После завершения работ в Христорождественской церкви начались еще более крупномасштабные работы в **Воскресенском соборе Новоиерусалимского монастыря**. Один лишь документ с перечислением того, что сделано благоворителем в этом храме за 1874 г., занимает более двух страниц рукописного текста:

«Ведомость о пожертвованиях, сделанных Статским Советником Павлом Григорьевичем Цуриковым по обновлению и украшению Соборного Храма Воскресения Христова в Воскресенском Новом Иерусалиме именуемом Монастыре.

I. В 1874 году. А). Крупные работы.

1. Позолота (под кремь) большой главы на Храме Воскресения Христова, шара, креста, цепей – 20.000.

2. Позолота (на мардане) большого 12-ярусного Иконостаса, сплошь, со всеми деталями и исправлениями поврежденной от времени резьбы – 15.000 [руб.].

3. Реставрация всех Икон большого Иконостаса, трех Библейских картин в Алтаре и изображения Господа Саваофа в полукуполе над Горним Местом – 5.000.

4. Серебропозлащенные предметы: оклады на две местные Иконы – Сошествия Спасителя во ад и Божией Матери “Ангелов Радости” с эмалью и венцами, две лампы перед оными Иконами, семь

венцов к Иконам на Царских Дверях, четыре – на северных и южных и над оными, и три на Распятии с предстоящими над Иконостасом, а всего – 27.000.

5. Бронзовые позолоченные вещи: паникадила – большое в 29 и малое в 3 ¾ пуда, два больших подставных подсвечника к местным Иконам и 4 выносных; узорчатая решетка, ограждающая солею (в 48 пуд.) и ограждение для клиросов и две рамы – 8.000.

Всего крупных работ и пожертвований в 1874 году на сумму 75.000.

Б). Мелкие работы и пожертвования.

6. Реставрация 75 картин в шатре Ротонды Св. Гроба и травчатого пояса под сводами алтарного полукружия – 1.700.

7. Позолота 70 деревянных рёпьев в шатре Ротонды – 400.

8. Позолота 3-х ярусов хор в Ротонде и 4-го в большой главе – 3.000.

9. Устройство лесов – 550.

10. Плотничные работы – 100.

11. Одежды на престол и жертвенник золотого глазега – 1.000.

12. Ковры по Алтарю и солее – 700.

13. Для обивки стен Алтаря и Горняго места красного сукна с работой – 300.

14. Решетка медная у сени над Св. Мощами Св. Муч. Татианы – 250.

Итого мелких работ и пожертвований в 1874 году на сумму – 8.000.

Всех же пожертвований в 1874 году на [83.000] руб. серебром»²²⁷.

При этом в качестве примечания к списку записано: «Суммы выставлены примерно, по сведениям, собранным частным путем от мастеров и подрядчиков, и при том в круглых цифрах».

Хотелось бы обратить внимание на приведенную в цитате итоговую сумму – 83 тысячи рублей. Это оказалось самое крупное пожертвование за год в одно место за всю жизнь Павла Григорьевича. Правда, возможно, не все деньги были лично его. В воспоминаниях А. М. Шуберт есть такие слова: «При каждой расправе удерживал с рабочих [Ивановской фабрики] по 50 копеек на золочение купола собора Ново-Иерусалимского монастыря»²²⁸.

После завершения работ в Воскресенском соборе состоялось его малое освящение. Это произошло на праздник Крестовоздвижения. В обитель прибыло много богомольцев. Им, по сложившейся традиции «было прислано от благотворителя П. Г. Цурикова 4000 [крестиков] и все они были розданы».

Служба 14 сентября в монастыре была особо торжественной, ее проводили митрополит Московский Иннокентий и епископ Дмитровский Леонид. Из Москвы пожаловали высокие гости: к началу литургии прибыл московский генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков. Было «произнесено многолетие Царствующему дому, Синоду и благотворителю — П. Гр. Цурикову, которому чрез митрополита поднесена икона Сошествия Спасителя во ад — копия (в уменьшенном виде) с местной древней иконы в иконостасе»²³⁰.

Как написано в том же номере епархиального журнала: «После литургии все знатные гости были приглашены к обеденному столу в царский дворец; за обедом произнесены тосты, в числе коих и за благоукротителя храма П. Г. Цурикова». А потом высокопоставленные персоны отправились в гости к благотворителю: «В тот же день генерал-губернатор посетил П. Г. Цурикова на образцовой его Ивановской фабрике, находящейся в 7 верстах от Нового Иерусалима. К нему же последовали 16 числа и оба владыки»²³¹.

На следующий день 15 сентября мероприятия в монастыре продолжились: «совершилось церковное торжество — освящение соборного храма в честь Воскресения Христова, обновленного в нынешнем году на сделанное с этою целью пожертвование одним из ревнителей церковного благолепия. Главный купол над храмом покрыт вновь позолоченными листами; на иконы в главном иконостасе сделаны ризы, в которых до 5 пудов в каждой чистаго серебра; весь храм вновь росписан по прежним рисункам»²³².

В главной «церковной и ризничей описи» Новоиерусалимского монастыря фамилия Цурикова, как дарителя различной церковной утвари упомянута свыше двух десятков раз. Там же приведены сведения о памятной «медной золоченной» доске, установленной на левой стороне Воскресенского собора. На ней среди прочего было написано, что «устройство новаго паникадила, седмисвечника, двух подсвечников и двух лампад к местным иконам и росписание олтаря и ротонды Гроба Господня. Все сие совершено усердием и изданием Потомственного Дворянина Мануфактур Советника и разных орденов Кавалера П. Г. Цурикова в настоятельство Архимандрита Леонида Кавелина в 1874 году и освящен малым освящением того же года Сентября 15-го дня»²³³.

Помимо Нового Иерусалима благодетель продолжал помогать и другим прежним адресатам.

Гефсиманскому скиту, находившемуся в Сергиевом Посаде, Павел Григорьевич уже оказывал финансовую помощь в 1870 г. при проведении строительных работ. На сей раз был пожертвован большой колокол. Об этом написано в путеводителе по скиту, изданном еще до революции: «В 1874

Видеюность		1877 г.	Вручено	С
1. Пожертвование на крышу обветшавшей главы на Храме Воскресения Христова, тара, краски и утварь				
		20,000		
2. Пожертвование на крышу обветшавшей 18-й церкви Иерусалимской, тара, краски, со свинцом позолоты и употреблением погребов и др. материалов				
		15,000		
3. Реставрация ветхой иконы Иоанна Крестителя в иконостасе, тара, масляные краски в Литографии и изображение Гроба Господня в погребовом храме Архимандрита				
		5,000		

Изо 6–58. Начало ведомости о пожертвованиях П. Г. Цурикова²²⁹, 1877.

году тицанием известного благотворителя обителей П.Г. Цурикова построена при пещерах новая высокая каменная колокольня, и им же пожертвован для сей колокольни колокол в 260 пудов»²³⁴ (к сожалению, сколько ушло на это денег, не сказано).

В том же году в епархиальном журнале была напечатана еще одна статья, в которой вновь упоминалась фамилия благотворителя. Она была посвящена завершению строительства и освящению храма в **селе Аксиньино** Звенигородского уезда. Ранее уже говорилось, как остановившаяся было стройка Божьего дома, возобновилась, когда на помощь бедному приходу в 1868 г. пришел П. Г. Цуриков. Когда в 1870 г. благотворителем был подарен колокол, состоялось освящение двух теплых приделов – Покровского и Никольского. И вот спустя четыре года все работы в храме были завершены. На сей раз известен размер оказанной Цуриковым помощи: «деньгами и строительными материалами на сумму 7.469 рублей»²³⁵. 30 июня состоялось освящение холодного Троицкого придела, на торжество приехал Павел Григорьевич. Вновь, как и в прошлый раз, он привез с собой хор певчих фабричного Успенского храма для торжественного богослужения. Как написано в журнале: «По окончании литургии прихожане предложили г. Цурикову св. икону, как видимое выражение благодарных чувств приходского населения благотворителю»²³⁶.

Так во многом благодаря Павлу Григорьевичу появился еще один Божий дом на Звенигородской земле. Но благодетель не собирался почивать на лаврах. Один храм завершен, а другой только начинали строить. И вновь ситуация в точности повторилась, как в Аксиньино.

В 1872 г. в **Саввинской Подмонастырской Слободе** Звенигородского уезда рядом с деревянной Никольской церковью началось строительство каменного **Тихвинского храма**.

Справка. Саввинская Подмонастырская Слобода находится на берегу Москва-реки, в ней издавна был храм. «Время постройки первого храма в Саввинской Слободе неизвестно, но еще в 1624 году здесь значится деревянная церковь во имя Николая Чудотворца. [...] В 1677 году уже не на берегу реки была построена новая деревянная церковь святителя Николая Чудотворца. К середине 18 века она сильно обветшала, поэтому около 1752 года началось строительство нового храма»²³⁷.

В 1871 г. было подано прошение о разрешении построить новый каменный храм рядом с деревянной Никольской церковью. Разрешение было дано и спустя год началось строительство Тихвинского храма.

Эта церковь просуществовала до конца 1930-х годов, когда ее стали разбирать на кирпич для строительства школы. Никольский храм просуществовал дольше. В советские годы он был обезглавлен, в нем был склад. В 1980-е годы здание пытались приспособить под музей. «Нарушение крыши привело к необратимым последствиям, и под предлогом опасности для жизни посетителей остатки храма снесли».

В 2000 г. в селе началось строительство новой Никольской церкви из дерева, через год ее уже освятили. Современный адрес: МО, Одинцовский г. о., село Саввинская Слобода, ул. Московская, д. 1А. (GPS: 55.7219, 36.80393, церковь не сохранилась, координаты примерные).

Для сооружения каменного храма прихожане собрали явно недостаточную сумму, «В первый же год постройки церковная сумма вся уже истощилась и новый храм доведенный до сводов, должен был оставаться недоконченным на долгое время»²³⁸. На помощь пришел П. Г. Цуриков, «который, вняв усердной просьбе местного священника и совершенно беспомощному положению строящейся церкви решился взять на свое иждивение окончательную постройку храма; это было в 1874 году». Как написано в интернете: «Строительство обошлось в 10 тысяч рублей, из которых у прихожан на момент закладки было 2067 рублей 28 копеек. Остальная сумма была внесена потомственным дворянином, [...] Павлом Григорьевичем Цуриковым»²³⁹ (на самом деле благотворитель из-за своей кончины не успел достроить храм, доброе дело завершили его душеприказчики).

Помимо Саввинской Слободы было еще одно место, куда прежде Цуриков не жертвовал. Речь идет про **Успенский собор Московского Кремля**. Из всех десятков объектов помощи благотворителя – это, пожалуй, самый известный и, если так можно сказать, статусный храм. Он был кафедральным собором РПЦ вплоть до 1917 г.

В 1874 г. Цуриков оказал помощь кремлевскому собору на сумму 2.400 руб. Конкретно она состояла в следующем: «1). К десяти местным иконам главного иконостаса десять серебряных вызолоченных лампадок с цепями и иорданками изящной работы, все весом 28 фунтов 35 золотников, всего на 1800 [руб.] 2). Десять серебряных вызолоченных лампадок меньшего размера с цепями и иорданами к иконам вне главного иконостаса, все весом 10 фунтов 38 золотн. – 600»²⁴⁰.

Справка. Успенский собор в Московском Кремле был заложен в 1326 г. князем Иваном Калитой. Через полтора века назрела необходимость в сооружении нового, большего по размерам храма. В 1475 г. был заложен фундамент и уже через четыре года новый собор из белого камня торжественно освятили. Этот собор и стоит в настоящее время в Кремле.

В Успенском соборе в XIV–XVII веках хоронили глав РПЦ – митрополитов и патриархов, в нем проходила коронация всех российских царей. К коронации императора Александра III Успенский храм отремонтировали, на работы было потрачено 200 тысяч рублей. В очередной раз собор реставрировали в 1896 г. перед венчанием на царство Николая II.

В 1922 г. из собора «в фонд помощи голодающим» Гохран изъяс свыше 67 пудов серебра.

Летом 1955 г. Успенский собор Кремля открыли для посещений как музей, а в феврале 1960 г. его передали в ведение Министерства культуры СССР. С 1990 г. в храме изредка проводятся богослужения.

Современный адрес: Москва, Кремлёвская наб., д. 1, стр. 12. (GPS: 55.75095, 37.61714).

Изо 6–59. Успенский собор Кремля²⁴¹, 1883.

Возникает вопрос: а как П. Г. Цуриков оказался благотворителем главного собора Москвы? Ответ такой. В 1873 г. церковным старостой Успенского собора стал родственник и компаньон в торговых делах М. Е. Попов. Павел Григорьевич и Максим Ефимович помогали друг другу, делали, если так можно сказать, «перекрестные пожертвования». Как уже говорилось, Попов жертвовал в Петропавловский храм с. Лужки, в котором Цуриков был церковным старостой. В свою очередь, Павел Григорьевич вносил пожертвование в Девятинскую церковь, в которой старостой был Максим Ефимович. А когда тот стал старостой Кремлевского собора, то Цуриков пожертвовал и туда тоже.

Многочисленные добрые дела Цурикова не прошли незамеченными в высших инстанциях. На сей раз благотворителя решено было отметить не вручением очередного ордена, а присвоением высокого чина. В 1874 г. император во внимание «о примерном усердии в церкви и значительных в пользу оной пожертвованиях дворянина Павла Цурикова, в 9 день августа, Всемилостивейше соизволил наградить его, Цурикова, **чином статского советника**». Это пятый классный чин в табели о рангах, равный воинскому званию бригадира в армии. Далеко не каждый чиновник добирался до таких высот в своей карьере. А тут статским советником стал не государственный чиновник, а купец, простой выходец из народа, прежде не имевший гражданских чинов по службе. Довольно редкий случай¹.

В архивном деле ЦГАМ, в котором собраны постановления Воскресенской городской думы за 1874 г., имеется журнал, в котором оказались следующие строчки: «вследствие предложения г.

Губернатора от 7 июля за № 5454 избран в **Члены Училищного Совета** Статский Советник Павел Григорьевич Цуриков, который поданным заявлением в Управу 24-го Октября, объяснил, что он, обязанности Члена Училищного Совета принять на себя не может по домашним обстоятельствам, вследствие чего Городской Думе предлагается о избрании на место г. Цурикова, кого-либо из граждан»²⁴³.

Высочайшая награда.

Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 18 сентября 1874 года № 2570, дано знать, что Государь Императоръ, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 29 мая и 31 іюля сего года, о примерномъ усердіи къ церкви и значительнымъ въ пользу оной пожертвованіяхъ дворянина Павла Цурикова, въ 9 день августа, Всемилостивѣйше соизволилъ наградить его, Цурикова, чиномъ статскаго совѣтника.

Изо 6–60. Объявление в епархиальном журнале о присвоении чина П. Г. Цурикову²⁴², 1874.

¹ Редкий случай, но не исключительный. По стопам Цурикова потом пошел его родственник купец М. Е. Попов. В конце своей жизни Максим Ефимович тоже стал действительным статским советником. Этот чин был пожалован ему за многочисленные общественные должности и пожертвования.

В том же году Павла Григорьевича избрали **гласным Звенигородского уездного земского собрания**. Он отказался от этой должности. Как видим, в точности повторилась ситуация двухлетней давности, когда его избрали гласным Воскресенской городской думы. Он тогда написал заявление об отказе ввиду своей загруженности. Это еще не все. В следующем году в одном из отчетов собраний Звенигородского земства написано об избрании П. Г. Цурикова *«Почетным мировым судьей по Звенигородскому уезду»*²⁴⁴. Впечатляют итоги голосования по кандидатуре благотворителя: 18 избирателей высказались за избрание и ни одного не было против. Довольно редкое единодушие для того времени.

Все эти примеры наглядно показывают, каким громадным авторитетом в обществе пользовался Павел Григорьевич. Люди ему доверяли и избирали в различные органы.

1875: Перестройка Вознесенской церкви г. Воскресенска, дворянский герб

Как уже говорилось, в Воскресенске П. Г. Цуриков в прежние годы купил несколько земельных участков. На одном из них он собирался строить дом, даже успел заготовить кирпич. Но все сложилось иначе. В городе имелась приходская **Вознесенская церковь**, построенная еще в начале XIX века. В прежние времена **Воскресенск** был небольшим городком (по сути это была слобода при монастыре), число жителей не превышало тысячу. За прошедшие десятилетия население увеличилось в полтора раза, и единственный городской храм стал тесным. Особенно остро это ощущалось в зимнее время, ибо Вознесенский храм был теплым лишь частично: трапезная обогревалась двумя голландскими печами, а в настоящей церкви тепла не было. По этой причине некоторые прихожане не ходили на службу. Встал вопрос о расширении церковного здания. Как написано в епархиальном журнале: *«все находили настоятельно нужным увеличить помещение в храме, и для этого не находили ничего лучше, как только, везде почти принятого в подобных случаях, распространения существующей трапезы»*²⁴⁵.

В церковной кассе имелось около пяти тысяч рублей, прихожане собрали еще тысячу. Но этих денег было явно мало для планируемых работ. По смете архитектора на перестройку храма требовалась сумма в семь раз большая. Рассчитывать было не на кого, кроме как на известного benefactor края Цурикова. К нему люди и пришли за помощью. Павел Григорьевич хоть и был богатым фабрикантом, но его возможности были безграничны. Он в это время занимался восстановлением благолепия Новоиерусалимского монастыря, на что ежегодно уходили десятки тысяч рублей. Но даже в такой непростой ситуации Цуриков не отказал людям, выразил готовность оказать посильную помощь. Он, как человек опытный, построивший и восстановивший не один Божий дом, посоветовал прихожанам взглянуть иначе на проблему тесноты в храме в холодное время. Предложил не затевать дорогостоящую и длительную перестройку трапезной, а утеплить всю существующую церковь. Денег на это требовалось намного меньше. Люди с таким предложением согласились. И дело пошло. Как написано в том же епархиальном журнале:

«прежде всего им [Цуриковым – Авт.] пожертвовано было две тысячи рублей на устройство духовой печи в храме; при его участии был найден и подряжен за сходную цену опытный печной мастер; потом, когда потребовался кирпич на устройство камеры для духовой печи под трапезною, которого заранее не было заготовлено при церкви и которого за сходную цену нельзя было приобрести нигде вблизи города Воскресенска, он же уступил безвозмездно на это дело сорок тысяч собственного кирпича, заготовленного им на постройку своего дома в Воскресенске. И все время производства этих работ в храме, не было недели, чтобы он по крайней мере одного раза в течение ее не побывал на этих работах, содействуя своею опытностью и личным наблюдением правильному, прочному и скорому окончанию их».

К осени в Вознесенской церкви была оборудована духовая печь, установлены в окна двойные рамы, в трапезной уложен новый пол из подольского плитняка. Работы в храме были продолжены в следующем году.

Не забывал Павел Григорьевич и про свой родной Покровский храм в **селе Рубцово**. На колокольне три малых колокола общим весом 12 пудов оказались разбиты. Цуриков решил взамен негодных подарить церкви два новых кампана. Один из них оказался весом 204 пуда (3.342 кг), другой 10 пудов. На большом кампане была сделана надпись со следующими словами: *«усердием статскаго советника Павла Григорьева Цурикова в память его рождения при селе Покровском и крещении в сей церкви»*²⁴⁶.

В том же 1875 г., как ранее подробно рассказывалось в четвертой главе, на своей **Ивановской суконной фабрике** Цуриков построил новое здание **училища**. На это было потрачено 5.500 руб. На его содержание потом уходило около 800 руб. в год. Еще дороже обходилось содержание больницы.

Павел Григорьевич был попечителем трех училищ: в Воскресенске, в Ивановском и в Лужках. Он относился к этому делу неформально, делал что мог, чтобы обучение детей проходило успешно. Его труды приносили результаты, это отмечали люди. Ранее уже приводилась цитата, в которой говорилось: *«В училищах содержащихся Попечителями и особенно Ивановском и Воскресенском, в которых Попечителем г. Цуриков, обучение идет несравненно успешнее, нежели во всех прочих»*²⁴⁷.

В указанном году был и новый адресат благотворительной помощи, он оказался за тысячи верст от родного дома. Российская империя прирастала новыми землями не только на западе, но и на востоке в Сибири. Ввиду того, что местное население в массе своей было языческим, правительством были разработаны программы по укреплению Православия на присоединенных территориях. Так во всех храмах в отдельную кружку собирались пожертвования *«На распространение православия между язычниками Империи»* (следует отметить, что собираемые суммы были весьма скромными).

В отчете Алтайской духовной миссии за 1875 год¹ говорилось о завершении строительства деревянного **Спасского храма в с. Улала** (ныне это г. Горно-Алтайск), были приведены такие слова: *«За неготовностью постоянного иконостаса поставлен временный: он составлен из икон, пожертвованных раньше частью известным Московским благотворителем г. Цуриковым, частью полученных начальником миссии от настоятельницы московского Страстного Монастыря»*²⁴⁸.

Справка. Село Улала в 1820-х годах основали первые русские поселенцы на Алтае. С 1834 г. алтайская земля стала относиться к Томской епархии. *«в 1838 году, в Улале был построен небольшой храм в честь Всемилостивого Спаса. Храм был перестроен и расширен в 1863 году, но оставался мал и не вмещал всех верующих. После пожара 1873 года в центре села был заложен новый храм, ставший доминантой дореволюционной панорамы Горно-Алтайска. Храм Всемилостивого Спаса действовал до середины 1920-х годов. [...] 8 августа 1932 года было принято решение о сносе Спасского храма»*²⁴⁹.

Изо 6–61. Спасская церковь и училище
в с. Улала на Алтае, 1890-е.

В 1988–1991 гг. в Горно-Алтайске построили новый Спасо-Преображенский храм, по своей архитектуре напоминающий утраченную церковь.

В 2016 г. *«В ходе визита на Алтай, патриарх Кирилл заложил в Горно-Алтайске в среду 31 августа кафедральный собор в честь Всемилостивого Спаса. Главный собор города будет возведен на месте разрушенного в 1946 году одноименного храма»*. В настоящее время строительство заморожено.

Наряду со Святой землей Алтай оказался самым дальним местом, куда дошли добрые дела Павла Григорьевича. В одном из некрологов, напечатанных в память благотворителя, есть такие слова: *«Имя П. Г. Цурикова давно известно, не только в Москве и Петербурге, но даже на дальнем Востоке»*²⁵⁰. Что скрыто за последними словами – в материале не конкретизировано. Возможно, это Алтай, а может какое-то другое, неизвестное нам место, куда так же дошла помощь Цурикова.

В 1875 г. было сделано новое пожертвование в **Успенский собор Кремля**: *«На устроение для Собора новых больших 24 бронзовых вызолоченных лампад с принадлежностями и 4 серебряных 84-й пробы весом в 141 ф. 14 золот., с употреблением серебра бывшего в прежних лампадах – 8.249 [руб.]»*²⁵¹.

¹ Информацию и фото Спасского храма предоставил священник Георгий Крейдун с Алтая.

Продолжилась помощь обителям в Сергиевом Посаде. В 1870 г. Павел Григорьевич помог в сооружении колокольни в Гефсиманском скиту. Пять лет спустя подобные работы выполнялись в **Спасо-Вифанском монастыре**. В этой обители была построена на пожертвования новая колокольня высотой в 16 саженей. В списке жертвователей отмечен вклад, сделанный «*манофактур Советником Павлом Григорьевичем Цуриковым 1500 рублей*»²⁵². Ну а **Троице-Сергиевой лавре** он подарил отпечатанный на свои деньги тираж в две тысячи экземпляров книги о почившем митрополите Филарете, а также его портреты.

Продолжались работы в **Новоиерусалимском монастыре**. По некоторым данным «*Цуриков развернул строительство еще одной гостиницы для богомольцев*».

Напомним, что в 1871 г. Павел Григорьевич был награжден орденом св. Владимира 4-й степени, который давал право на дворянство. И вот четыре года спустя, как свидетельствует дело РГИА, он подал прошение о выдаче ему диплома «*на дворянское достоинство*» – документа, подтверждающего, что это право получено на законном основании. В деле оказались две оплаченные квитанции о сборах в 500 и 190 руб. Помимо этого был представлен проект дворянского герба.

В приложении–3 приведены копии листов этого дела. На одном из них имеется словесное

описание герба дворянина Павла Григорьевича Цурикова: «*Щит серебряный, разделен червлёным крестом. В противогорностаевой главе щита три червлённых пламени. Щит украшен дворянским коронованным шлемом. На шлеме червлёное пламя, между двумя павлиньими перьями. Намет червлёный с серебром. Девиз: “Бог моя надежда”, червлёными буквами на серебряной ленте*»²⁵³.

В другом деле приведено объяснение элементов герба: «*Крест помещенный в гербе указывает на приобретение дворянства по ордену Св. Владимира 4 степени. Три пламени указывают на усиленные пожертвования в пользу Церквей. Девиз: “Бог моя надежда” этими словами выражает благоприобретенное свое состояние*»²⁵⁴.

В документе приведено заключение, что «*Герб признан правильным*». И, несмотря на все это, лишь спустя пять (!) лет герб был официально утвержден. Случилось это в начале 1880 г., когда Павла Григорьевича уже не было в живых.

Изо 6–62. Дворянский герб Цурикова, 1880.

1876: Завершение работ в Новоиерусалимском монастыре

Так получилось, что в следующем году Цуриков оказывал помощь только по старым адресам. Вполне возможно, что новые места были, но они остались неизвестны.

В **Троице-Сергиеву лавру** в 1876 г. Павел Григорьевич подарил еще два тиража отпечатанных книг о митрополите Филарете (1.800 и 4.000 экз.)²⁵⁵.

После того, как в прошлом году **Вознесенский храм в Воскресенске** утеплили, в нем продолжились внутренние работы: были промыты стены и поновлена стенная живопись. Помимо этого, как написано в епархиальном журнале, было выполнено:

«*возобновление иконостасов и золоченой резьбы на них; промывка и поновление икон, каковыя работы производились почти всю зиму до самой весны нынешняго года. И в этом деле внутренняго украшения храма щедрый благотворитель [Цуриков – Авт.] принял опять искреннее участие, именно: больше шести сот [600] рублей пожертвовал наличными деньгами и, сверх того, принял на себя еще вновь позолоту царских дверей настоящей церкви, позолоту двух больших риз на местных иконах, принесши от себя в дар этой храмовой святыне две серебропозлащенные 84 пробы большие лампадки; и этим, впрочем, все-таки не ограничилось его усердие к обновляемому храму; как скоро заметил, что паникадило, находящееся в трапезной церкви слишком мало, бедно и не может служить украшением возобновленного храма, пожертвовал, вместо его, другое новое,*

вызолоченое, красивой формы»²⁵⁶.

Общие затраты на материалы и работы за два года составили 7 тысяч рублей.

К концу Великого поста 1876 г. все работы в Вознесенской церкви были завершены. Это важное событие в жизни прихода было отмечено соборным богослужением, на которое прибыл и «главный виновник этого торжества» П. Г. Цуриков. Вот как об этом дне было написано в той же статье:

«Таким образом день праздника торжественного входа Господня в Иерусалим был днем торжества обновления храма, настоящий другой Светлый праздник для целого прихода. Щедрый благодетель хотя и почтил этот праздник своим присутствием, но, по свойственной ему скромности, прибыл на него, не как главный виновник этого торжества, а скорее как простой усердный посетитель, или лучше, как дорогой желанный гость, чтобы принять участие в празднике прихожан храма, разделить духовную радость с своими согражданами, в деле которых, по их же просьбе, Бог привел ему принять лишь маленькое участие. Божественная литургия в этот день совершена была соборно при участии двух соседних, священников и при пении хора певчих, которых тот же благодетель давно уже содержит от себя при этом храме и так много украшает прекрасным пением праздничное богослужение для своих сограждан; при конце литургии было сказано, в обычное время, приходским священником приличное случаю слово. По окончании молебна поднесена была виновнику торжества в благословение и залог милостей Отца Небесного св. икона; городской голова с согражданами много благодарил щедрого благодетеля за все его искреннее участие, за все труды и пожертвования на возобновление их приходского храма. Принимая от них хлеб-соль, любвеобильный благодетель с своей стороны, поздравлял их всех с обновлением их приходского храма, благодарил Бога, что Он привел ему сделать еще хоть одно маленькое доброе дело для своих сограждан и пожелал еще большего благолепия обновленному их приходскому храму. По выходе из храма, он не отказался разделить в доме священника вместе с своими согражданами скромную праздничную хлеб-соль; всех здесь нашел своим ласковым словом, всех утешил своею сердечною любовью и отправился, напутствуемый молитвами и благожеланиями всех – всего благодетельствованного им прихода».

Павел Григорьевич пожертвовал в обновленный Вознесенский храм немало церковной утвари. В описи церковного имущества неоднократно встречается его имя как дарителя разных лампад, риз (одежды служителей), например: «Серебряно-вызолоченная лампадка к местному образу Вознесения Господня, на трех таких же цепочках 84 пробы; весу в ней 78 золотн. Цена [23] руб. [40] копеек. Пожертвована Действит. Статск. Советником Павлом Григорьевичем Цуриковым»²⁵⁷.

В том же году были завершены продолжавшиеся несколько лет крупномасштабные работы в **Новоиерусалимском монастыре**. В отчете о проделанных в **Воскресенском соборе** монастыря работах подробно расписано, что было сделано в 1875–1876 гг. и сколько это стоило благодетелю:

«А). Крупные работы.

1. Позолота главы и яблока на колокольне гальваническим способом, креста и цепей с устройством лесов – 10.000 [руб.].

2. Позолота главы и яблока на Ротонде Св. Гроба под кремень, креста и цепей с устройством лесов – 20.000.

3. Бронзовые позолоченные вещи: решетка вокруг Гроба Господня, три массивных рамы для Икон во Св. Гроб, четыре подсвечника, малое паникадило и тройная лампада в преддверии, 11 больших лампад вокруг Св. Гроба – 7.000.

4. Позолота (на мардане) Св. Кувуклии, внутренних стен и свода в преддверии, реставрирование Икон вокруг Св. Гроба (числом 12) и во Гробе (3) – 21.000.

5. Мраморные работы: обложение внутренней двери преддверия на 2 ¼ ари. высоты, массивный камень Ангела, два столбика для кружек, (все сие из белого с темноватыми жилками Итальянского мрамора) и ступень вокруг всего Гроба под решеткой (из Подольского мрамора) – 2.000.

Итого крупных работ и пожертвований в 1875–1876 годах на сумму 60.000.

Б). Мелкие работы и пожертвования.

6. Позолота и серебрение сени над камнем Повития – 500.

7. Медный золоченный подзор вокруг первых хор – 650.

8. Живописные работы: надпись под сводами вокруг храма, 36 изображений Святых Писнописцев по парапету нижних хор; клейма при оных, росписание большого купола и шейки, реставрация 6 кар-

тин в Ротонде, Св. изображения в преддверии Св. Гроба, 2 новых картины в Царской арке – 3.300.

9. Позолота крестов и яблоков под ними на 8 куполах и цепей – 1.200.

10. Починка лепных украшений в храме – 100.

11. Веревочных половиков для храма – 350.

12. Устройство лесов для живописных работ и малярных работы – 900.

Итого мелких работ в 1875–1876 годах на 7.000 рублей серебром.

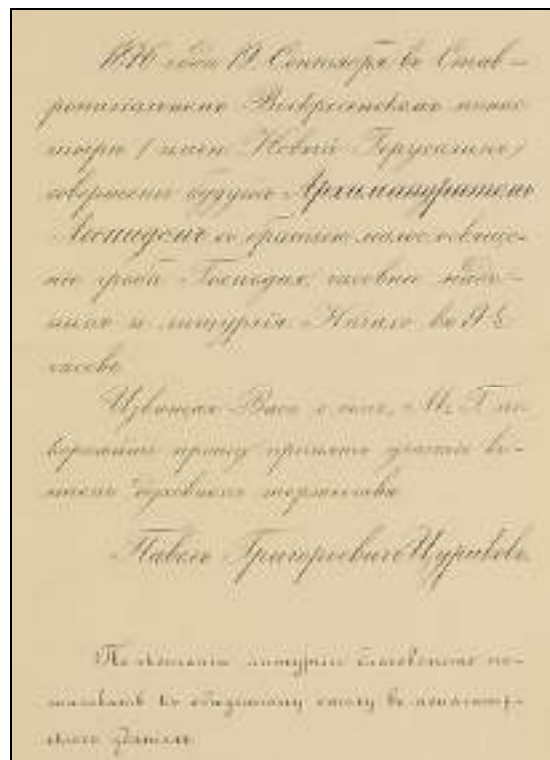
Всего пожертвовано в 1875–1876 годах на [67.000] руб. серебром»²⁵⁸.

В конце отчета приведена итоговая сумма всех пожертвований, сделанных Цуриковым в Новоиерусалимский монастырь за последние три года: 150 тысяч руб. (за этот вклад он был в следующем году награжден чином действительного статского советника). Можно точно сказать, что это были самые крупные благотворения в жизни Павла Григорьевича в одном месте. Ну а если считать дары, сделанные в обитель, начиная с 1852 г., то итоговая сумма приблизится к 200 тысячам руб.¹ Следует принять во внимание, что приведенные суммы примерные, т.к. благотворитель не представлял финансовые отчеты, он ни перед кем не отчитывался. Это потом люди провели оценочные подсчеты, сколько могло все стоить. И потом в ПС Цурикова отмечено не все, что он делал для Воскресенского монастыря. Так, например, есть сведения, что Павел Григорьевич содержал странноприимный дом при монастыре²⁵⁹. Поэтому затраты благотворителя могли быть еще больше и намного. Так ранее уже приводились слова архимандрита Антонина (Капустина): «После всех поправок и перестроек в своем “новом” Иерусалиме, стоявших Цурикову чуть ли не 300 тысяч рублей».

19 сентября 1876 г. состоялось малое освящение Кувуклии. В архивном деле было обнаружено приглашение, которое настоятель обители архимандрит Леонид (Кавелин) отправил благотворителю. Надо полагать, Павел Григорьевич с благодарностью его принял. Ведь в восстановлении благолепия Кувуклии так же был его вклад.

Изо 6–63. «Вид Храма Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого Монастыря, с Юго-Западной стороны»²⁶⁰
(фрагмент), фотограф монах Диодор, 1886.

Изо 6–64. Приглашение на малое освящение Кувуклии²⁶¹, 1876.

¹ Трудно сказать, был ли за всю историю Звенигородского уезда другой благотворитель подобной щедрости. По крайней мере, среди современников равного Цурикову точно не было, об этом прямо сказано в одном из некрологов: «Как деятель и благотворитель, Павел Григорьевич был вообще первым лицом в уезде». Таких людей и во всей Московской губернии в середине XIX столетия надо еще поискать.

В 1876 г. благотворитель обратился в Воскресенскую думу с прошением передать ему в аренду участок городской земли, а точнее *«общественного переулка, находящегося между домами купца Барсукова и графа Чернышева-Кругликова, сроком на 12 лет с платою по 12 руб. в год»*²⁶² (речь шла об участках на Садовой улице). В журнале думы записано, что *«он Цуриков на собственной земле рядом с домом купца Барсукова будет строить дом и переулок этот послужит ему проездом на задней двор и для склада разных принадлежностей и строительных материалов»*. Там же записано решение думы: отдать переулок в пользование Цурикову *«на 12 лет безвозмездно»*, но с условием: *«без стеснения жителей города для проезда и прогона скота»*. То, почему с Павла Григорьевича не стали брать деньги, хотя он готов был заплатить за аренду, объясняется просто. Городские власти приняли во внимание, как много доброго он сделал для города, причем бескорыстно.

Как уже рассказывалось в третьей главе, в 1876 г. П. Г. Цуриков приобрел два участка земли недалеко от фабрики: 58 дес. земли при селце Борки и 82 дес. при селце Обухово и деревне Борисково²⁶³. А уже в следующем году Павел Григорьевич готов был продать имение Борки. Об этом написано в его письме Д. Д. Голохвастову (см. приложение–4).

1877: Госпиталь в Воскресенске, действительный статский советник

Вряд ли Павел Григорьевич предполагал, что следующий год окажется в его жизни последним. Иначе бы, наверное, постарался бы сделать больше добрых дел. Однако и без того адресатов благодеяний оказалось немало.

По-прежнему оказывалась помощь на постоянной основе: в **храм, больницу и школу в Ивановском**, в **училища в Звенигороде и Воскресенске**. С участием благотворителя продолжалось строительство нового Божьего дома в **Саввинской Слободе**: *«В 1877 году внутренность церкви оштукатурена, в окна поставлены колоды и сделаны рамы»*²⁶⁴. Были и три новых места.

Первое оказалось в Тульской губернии. В селе **Новоникольское** (иногда писали Никольское) Каширского уезда взамен старой деревянной церкви решили строить каменную. В справочнике Тульской епархии говорится, что *«Храм построен на средства покойного Исидора, Митрополита С.-Петербургскаго, при участии Московскаго купца Павла Григор. Цурикова»*²⁶⁵. К сожалению, информации о данной церкви мало, в советские годы она была снесена. Удалось найти всего одно изображение, да и то низкого качества. Снимок предоставил местный житель Роман Комиссаров. Оно оказалось из семейного архива бывшего церковного старосты С. Н. Андреева.

Справка. В селе Новоникольском в 1840–1841 годах была сооружена деревянная Космодемьянская церковь на средства помещицы Е. А. Гречаниной. В 1877 г. рядом с ней был построен новый каменный храм. В нем имелось три престола: главный во имя Покрова Богородицы, в приделах во имя святых бессребреников Космы и Дамиана и святителя Николая Чудотворца. Уроженец этих мест митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор освятил построенный храм. Он снабдил новую церковь ценной утварью и старинными иконами, подаренными ему в бытность экзархом Грузии в 1844–1845 годах.

В интернете найдены сведения о том, что в 1931 г. Покровская церковь была закрыта. В *«1957 г. в ней хранили колхозное зерно. В 1958 г. здесь устроили колхозный радиоузел, а в 1959-м храм превратили в руины»*. Недавно местные жители исследовали церковное место, и нашли сохранившиеся подвалы храма, выложенные из кирпича. Неподалеку были обнаружены также несколько старых надгробий, *«фрагменты кованой церковной ограда и крест»*.

Современный адрес: МО, Серпуховской р-н, г. Пущино, СНТ Восход.

(GPS: 54.81523 37.65389, церковь не сохранилась, координаты примерные).

Изо 6–65. Покровская церковь.

По поводу Покровского храма не возникает вопроса, почему Павел Григорьевич решил помогать его строительству. Село Никольское было родиной митрополита Новгородского Исидора. С владыкой Цуриков был знаком, причем давно, достаточно вспомнить о строительстве и освящении в 1871 г. в Петербурге церкви Марии Магдалины при Ивановском девичьем училище. Это училище находилось при *«Императорском Человеколюбивом Обществе»*, председателем которого являлся владыка Исидор. Митрополит поддержал ходатайство (а, возможно, сам был его инициатором) о награждении Цурикова орденом св. Владимира 3-й степени.

Об отношениях благотворителя и владыки поговорим в конце настоящей главы. А сейчас лишь

хотелось бы привести слова Исидора, адресованные Павлу Григорьевичу: «Священник Николай Семенович Боголепов довел до сведения моего, что Ваше Превосходительство, в честь и славу Царицы Небесной, изъявили желание росписать купол и стены Покровской церкви в селе Никольском. Не нахожу слов, чтобы выразить вам мою сердечную признательность за такое теплое усердие к храму Пречистой Матери Божией, столь дорогому для меня по местным воспоминаниям»²⁶⁶.

Митрополит приглашал благодетеля приехать в начале августа 1877 г. в Новоникольское на освящение построенного храма, которое собирался проводить сам. Нет данных, откликнулся ли Павел Григорьевич на это приглашение (все же родина Исидора находилась довольно далеко от Ивановской фабрики – карта показывает расстояние в 125 км по прямой). Но то, что Цуриков бывал на месте строительства храма – в этом почти нет сомнений. В одной из дореволюционных статей написано, что Исидор просил Цурикова контролировать ход строительства. И тот «наблюдал и, конечно, делал жертвы»²⁶⁷. Само слово «наблюдал» предполагает, что Павел Григорьевич выезжал на место строительства храма, и, скорее всего, ни один раз.

Второе место, куда впервые пришла помощь благотворителя, оказалось в Московском уезде – это село Спас-Тушино (ныне западная окраина Москвы). Здесь местные жители решили строить новую кирпичную церковь. Как это нередко случалось в те годы, всю необходимую для строительства сумму прихожане собрать не смогли, однако в 1875 г. строительство было начато. Когда деньги закончились, на помощь пришли благотворители. Среди них был и Павел Григорьевич. К сожалению, не удалось установить размера его помощи, да и когда он ее оказал – точных данных нет. Однако сам факт пожертвования на сооружение Преображенского храма не подлежит сомнению, об этом писали в епархиальном журнале²⁶⁸. Причем его фамилия указано в перечне лиц, названных «Главными жертвователями». Увы, Цуриков не дожил до радостного дня, когда завершилось строительство Божьего дома и освящались престолы. Однако имя жертвователя благодарные прихожане не забыли.

Справка. Села Спасское и Тушино на речке Вхотне известны с XIV века. Поблизости на берегу реки Москвы некогда находился Спасо-Преображенский монастырь. В Смутное время в этих местах стоял лагерь Лжедмитрия второго, его войско разорило обитель. Как написано у Холмогоровых: «Из монастырских зданий оставалась только каменная церковь во имя Андрея Стратилата, впоследствии обращенная в приходскую церковь, и другая разоренная каменная церковь во имя Преображения Господня»²⁷⁰.

Во второй половине XIX века храм в Тушино находится уже в ветхом состоянии, и из-за сползания берега реки Сходни оказался на краю обрыва. Поэтому в 1870 г. было принято решение о строительстве новой каменной церкви в селе Спасском – в стороне от первого храма и вдали от опасного обрыва берега реки. Автором проекта новой церкви стал архитектор Владислав Осипович Грудзин.

В 1935 г. Преображенский храм был закрыт, а его служители были расстреляны.

В 1990 г. храм села Тушино был возвращен Церкви.

Современный адрес: Москва, Волоколамское шоссе, д. 128. (GPS: 55.83176, 37.40204).

Изо 6–66. Спасо-Преображенская церковь в селе Тушино²⁶⁹, 1905.

Третье новое место помощи оказалось в г. Воскресенске. В 1877 г. началась Русско-турецкая война, по всей стране разворачивались госпитали для лечения прибывавших с фронтов раненых воинов. В заштатном городе прежде не было не то, что госпиталя, но даже и больницы для лечения местных жителей. На окраине города находились здания бывшей ткацкой фабрики купца И. Чикина. В ее пустующих корпусах местные власти решили организовать **Воскресенский госпиталь для лечения раненых воинов**. Этим вопросом занимался земской деятель Дмитрий Дмитриевич Голохвастов (о нем подробно рассказывалось в первой главе). Денег на организацию госпиталя у властей не хватало, был организован сбор добровольных пожертвований в виде вещей и денег.

В архиве РГАДА были найдены сразу несколько документов, в которых говорится о помощи

Цурикова в этом благом деле. В одном из документов приведена информация о средствах, поступивших на организацию госпиталя в Воскресенске: «От разных лиц» 2.622 рубля²⁷¹. Это оказалось меньше, чем внес денег один только Павел Григорьевич – 3.000 руб. В том же деле есть и другие упоминания фамилии благодетеля. В одной из строчек написано: «Арапову от Цурикова в счет работы – 500 р.». В другой строчке написано тоже самое, только сумма проставлена иная – 249 рублей.

В приложении–4 приведены тексты двух писем благотворителя, отправленных в 1877 г. Д. Д. Голохвастову. В одном из них Павел Григорьевич спрашивал, куда можно доставить собранные «от крестьян для раненых как холста платков чулок тряпки». В другом письме он извинялся, что не может прибыть на открытие госпиталя. При этом приложил обещанные деньги 250 руб., которые просил употребить на пищу и чай для раненых. И далее пообещал: «И мною будут завсегда каждой месяц [передаваться] по двести петидисити [250] рублей пока будут раненыя в вашей больнице»²⁷².

Увы, после отправки этого письма П. Г. Цуриков прожил всего несколько месяцев. В одном из некрологов в его память было напечатано: «Так, за последнее время, покойный был весьма значительным, хотя и неизвестным вкладчиком на нужды минувшей отечественной войны, на больных и раненых воинов; своим щедрым пожертвованием он много содействовал устройству и открытию при г. Воскресенске больницы для раненых и больных воинов, на содержание которых сверх того ежемесячно отпускал значительную сумму; а при выходе из больницы выздоровевших воинов, снабжал их от себя и деньгами на дорогу и теплой одеждою»²⁷³.

Госпиталь для раненных существовал около двух лет, пока шла Русско-турецкая война. Позднее на его базе в Воскресенске была открыта земская больница, получившая в народе название «Чикинская». Сохранилась фотография этой больницы, сделанная в более позднее время. На дальнем плане слева видно двухэтажное здание. Это был главный больничный корпус. Скорее всего, именно в нем располагался госпиталь для раненых воинов. Другая фотография дома, в котором жили врачи, приводилась ранее (изо 4–22).

В архиве музея «Новый Иерусалим» хранится дело с заголовком: «Подписной лист на пожертвование с благотворительной целью в пользу раненных славянских племен, как-то: сербов, болгар и черногорцев, а равно и их семейств». На одном из листов написано: «Статский Советник и Кавалер, Мануфактур Советник, временно Воскресенский первой гильдии купец Павел Григорьевич Цуриков – 150 руб.»²⁷⁴. К сожалению, дата нигде не проставлена и потому осталось непонятно, имел ли этот документ отношение к Воскресенскому госпиталю (думается, что нет). Но в любом случае, очевидно, что и здесь Павел Григорьевич «не прошел мимо», когда людям понадобилось помочь.

В 1877 г. вышел указ императора о награждении Цурикова чином действительного статского советника, в котором было написано: «слушали предложение господина Синодального Обер Прокурора от 27 марта с.г., в котором изъяснено, что г. Император по докладу Его Сиятельства согласно определения Св. Синода от 17 февраля о примерном усердии к церкви и значительных в пользу оной пожертвованиях потомственного дворянина Статского Советника Павла Цурикова Всемилостивейше соизволил в 27-й день марта с. г. наградить чином Действительного Статского Советника»²⁷⁵. Увы, менее года благотворитель прожил с этим чином¹.

Изо 6–67. Чикинская больница²⁷⁵, нач. XX в.

¹ После кончины Павла Григорьевича его жена Анна Сергеевна в документах, как правило, подписывалась: «вдова действительного статского советника А. С. Цурикова».

Пожертвование киота с мощами святых и крестом в г. Романов

В ходе сбора информации о благотворителе стало известно еще об одном его даре, который, увы, не удалось соотнести с какой-либо конкретной датой. Не исключено даже, что пожертвование могло случиться уже после смерти Павла Григорьевича. Но факт самого дарения не вызывает сомнений. Речь идет о **киоте с мощами святых и крестом**, ныне находящемся в одном из храмов в г. Тутаеве Ярославской области (прежде этот город на Волге назывался **Романов-Борисоглебск**).

В дореволюционном справочном издании в перечне святынь Воскресенской церкви г. Романов было записано: «Киот, где хранятся мощи – дар бывшего прихожанина этой церкви – доктора М. М. Цветаева, а впоследствии известного Архимандрита Ефрема, путешественника в Абиссинию, самый же крест пожертвован в церковь Московским гражданином Цуриковым. Всех мощей 96»²⁷⁷. И далее в примечании указано, мощи каких святых угодников находятся в киоте:

«Перечисляю те, над которыми имеются надписи: 1) Василия Великого, 2) Григория Богослова, 4) Тарасия, 5) Прокопия, 6) Кирилла, 7) Иоанна Милостивого, 8) Филарета Милост., 9) Стефана Пермского, 10) Петра Моск., 11) Алексия Митр., 12) Апост. Петра, 13) Апост. Фомы, 14) Апост. Варнавы, Апост. Варфоломея, 16) Ионы Митр. Моск., 17) Филиппа Митр. Моск., 18) Исаии Рост., 19) Иакова Рост., 20) Апост. Иакова, 21) Апостола Филиппа, 22) Гурия Казан., 23) Варсонофия, 24) Антипы. 25) Ефрема Сирина, 26) Апост. Симеона, 27) Св. Григория, 28) Лаврентия диакона, 29) Арх. Стефана, 30) Пахомия Великого, 31) Онуфрия Великого, 32) Преп. Арипия, 33) Преп. Паисия, 34) Варлаама Хутын., 35) Преп. Иллариона, 36) Апост. Иоанна, 37) Сысоя

Великого, 38) Муч. Пантелеймона, 39) Св. Димитрия, 40) Феодора муч., 41) Феодора Тирона, 42) Дионисия Глушицкого, 43) Максима Исповедника, 44) Стефана Пермского, 45) Иоанна Кушника, 46) Св. Василия, 47) Муч. Меркурия, 48) Симеона Пермского, 49) Муч. Севастьяна, 50) Великомуч. Варвары, 51) Макария Унженского, 52) Пр. Зосимы, 53) Пр. Савватия, 54) Муч. Гурия, 55) Савелия, 56) Феодора, 57) Севастьяна, 58) Герасима, 59) Василия Парийского, 60) Иосифа Песноп., 61) Симеона Преп., 62) Царя Константина, 63) Князя Владимира, 64) Андрея Стратилата, 65) Феодора Печерского, 66) Алимпия Столпн., 67) Преп. Харитония, 68) Муч. Никиты, 69) Св. Кн. Константина, [70 отсутствует] 71) Муч. Анисии, 72) Св. Никиты, 73) Кирилла Новгород., 74) Никиты Переяслав., 75) Кирилла Новоезерского, 76) Максима Исповедника, 77) Преп. Паисия, 78) Мины, 79) Андрея Критского, 80) Св. Кн. Давида, 81) Муч. Мамонты, 82) Преп. Тимофея, 83) Григория Декополита, 84) Преп. Пелагеи. Остальные части неизвестных святых».

В цитате упомянуты инициалы доктора «М. М. Цветаева». Это Михаил Михайлович Цветаев, который в 1875–1888 годах работал врачом на Ивановской суконной фабрике, его туда пригласил Павел Григорьевич (подробнее об этом рассказывалось в четвертой главе). Когда и при каких обстоятельствах фабрикант и доктор подарили киот с мощами и крестом – увы, не удалось установить. Все эти огорчения с лихвой перекрываются радостью от того, что указанную святыню в безбожные годы сберегли верующие люди. Мощевик сохранился и находится ныне в

Изо 6–68. Киот-мощевик, подаренный архимандритом Ефремом и П. Г. Цуриковым, фотограф Ю. Стародубов, 2021.

Покровской церкви г. Тутаева (GPS 57.8871, 39.5295). Отдельная благодарность исследователю Юрию Валерьевичу Стародубову, который несколько лет назад сообщил об этом бесценном даре, неизвестном в наших краях. Спасибо ему также и за присланные фотографии киота (см. также изд. 5–10).

На этом исчерпываются сведения об известных случаях благотворительной помощи Павла Григорьевича храмам, монастырям и различным учреждениям, совершенных им при жизни. Это явно неполный рассказ о добрых делах Цурикова, т.к. он отличался скромностью и *«Многия благодеяния он, по совету евангельскому, любил прикрывать тайною»*.

Помощь при стихийных бедствиях, помощь простым людям

Павел Григорьевич помогал не только Православной церкви, народному образованию и медицинским учреждениям. Благотворитель не обходил вниманием и нужды простых людей. Надо сказать, что эта часть его добрых дел менее известна. Об этом хорошо написано в одном из некрологов, посвященном памяти благотворителя:

«И при жизни покойного П. Гр. немало было известно о нем, как о весьма замечательном щедром благотворителе всех бедных и несчастных и ревностном ктиторе св. храмов и обителей: но это известны были тогда только некоторые, отдельные, так сказать, выдающиеся случаи его благотворительной деятельности, касавшиеся преимущественно благоустройства св. храмов и обителей; но ими далеко еще не ограничивается вся область его благодеяний и не исчерпывается вся любовь его к этому св. делу. Служить и помогать ближнему, по возможности, во всех нуждах и бедствиях, благотворить всем и каждому, обращавшимся к нему с разных сторон ежедневно, благотворить просто, скромно, с любовью – было постоянным и, можно сказать, самым близким, сродным душе его занятием. Вот в чем проходила вся его жизнь! И вот большая часть такого рода благодеяний его, как прежде оставались, теперь остаются, так, конечно, и навсегда останутся вполне известными все только Отцу Небесному и тем лицам, кому они, в свое время, были сделаны»²⁷⁸.

Во все времена среди самых больших бед для населения были стихийные бедствия, опустошительные **пожары**. Этому способствовало то, что в середине XIX века и, тем более раньше, редко на крыше какого здания в сельской местности можно было увидеть железную крышу. Даже на многих храмах, не говоря уже о хозяйственных постройках, крыши были сделаны из дерева (теса). А крестьянские избы, как и дома многих горожан из небогатых мещан в прежние времена покрывали соломой. Отсюда становилось понятно, какую большую опасность представляли пожары. Нередко случалось, особенно в сухую и ветреную погоду, что огонь быстро распространялся на соседние постройки. И спасения от беды почти не было, мало у кого имелись *«пожарные трубы»* (т.е. пожарные насосы) и *«огнегасительные снаряды»*. В случаях пожаров приходилось лишь рассчитывать на милость Божию, да на помощь соседей и добрых людей. Ну а если беда все же случалась, то погорельцам потом помогали всем миром.

Не обходили стороной пожары и селения Звенигородского уезда. В летописи, изданной в 1884 г. настоятелем Борисоглебской церкви села Куритникова о. Иаковым Копьевым написано следующее: *«Домы у крестьян деревянные, крытые по большей части соломой. Около 20 лет назад [т.е. примерно в середине 1860-х годов] в с. Карцове и деревне Якунине были опустошительные пожары, при каковых несчастиях много помогли крестьянам и деньгами, и строительными материалами покойные купцы Павел Григорьевич Цуриков и Гавриил Григорьевич Берендеевский, проживающие – первый в сельце Ивановском, близ зашт. г. Воскресенска, а второй в селе Пятнице-Берендееве»²⁷⁹.*

О количестве пострадавших в Карцево и Якунино и о размере оказанной помощи в тексте не сообщалось. Такие сведения имеются для другого, более разрушительного **пожара, случившегося несколько лет спустя в заштатном городе Воскресенске** (город иногда именовали *«Воскресенским Посадом»*). В газете *«Московские ведомости»* в 1869 г. была опубликована заметка¹ за подписью *«очевидец»*:

«В понедельник 14-го июля, в полдень, необычные, частые удары колокола разнесли печальную, всем знакомую весть, а густой, столбом поднявшийся дым дал понять что пожар не далеко. Действительно огонь первоначально показался в примыкающей к городу деревне [Макруша, Сычевки? – Авт.], откуда, благодаря сильному, порывистому ветру, быстро распространился на смежные городские строения, и в какие-нибудь полтора часа 60 домов были объаты пламенем. Казалось, будто

¹ Информацию об этой ранее неизвестной газетной публикации предоставил А. Ю. Лошаков.

огненная река разлилась на полуверстном пространстве, истребляя в своем стремительном течении до основания все что ей не попадалось. С одной стороны, знойная погода, сильный ветер, масса дерева и соломы, с другой – неимение исправных огнеспасительных снарядов и общественных колодезев, при отдаленности реки, давали простор пламени. Единственная в городе церковь [Вознесенская], хотя и каменная, но окруженная со всех сторон пожаром и оставленная прихожанами без всякой защиты, близка была также к разрушению. Уже не слышно было потрясающих душу ударов колокола, на колокольне и над крышей трапезного храма во многих местах стал показываться огонь. Настоятель церкви, дом которого также был в пламени, совершив в храме последнюю молитву, в виду неотвратимой опасности, оставил его. В эту критическую минуту явился на защиту храма со своими трубами живущий в восьми верстах от Воскресенска почетный гражданин П. Г. Цуриков. Не взирая на явную для себя опасность, он с христианским самоотвержением, после неоднократной попытки, нашел возможность пробраться к церкви и отчасти своим примером, а более обещанием значительного вознаграждения расположил к содействию и других. Храм был спасен. [...] Большая часть сгоревших домов не была застрахована. [...] Есть слух, что г. Цуриков принял наружные поправки храма на свой счет, а погорельцам выдал на первый раз больше тысячи рублей»²⁸⁰.

Московский губернатор позже докладывал министру внутренних дел, что «пожертвованый поступило 1550 руб; [...] означенная сумма пожертвована двумя тамошними временными купцами Почетными гражданами Цуриковым 1200 рублей и Чикиным 350 рублей. [...] Обиций убыток от пожара изчислен 67173 руб.»²⁸¹. А приходской священник Сергей Холмогоров в своем донесении написал: «Во время пожара, бывшего в Воскресенске 14 июля сего года, от близкого соседства с обывательскими домами значительно пострадала наружность приходской Вознесенской церкви и, если бы не живое участие в спасении погибавшего храма нашего, Почетного Гражданина П. Г. Цурикова, остались бы от него одни обгорелые стены. В это же время совсем сгорела деревянная трапеза прежней церкви вокруг которой находилось приходское кладбище до 1848 года»²⁸².

Городские власти позднее попытались извлечь из случившейся беды уроки. Так в качестве противопожарной меры в Воскресенске вменили в обязанность горожанам в течение 5 лет заметить на своих домах соломенные крыши на тесовые²⁸³.

Еще один сильный **пожар случился в Лужках** пять лет спустя. И тут, не приди вовремя на помощь Цуриков с инструментами для пожаротушения и людьми, не миновать бы большой беды.

Дело было так. 4 июля 1874 г. в три часа дня от ударившей молнии в селе загорелся один из крестьянских домов. Огонь стремительно распространялся по соломенным крышам соседних деревянных построек. Через 10 минут пламенем были объаты уже 13 изб. Дальнейшие события описаны в заметке, опубликованной в епархиальном журнале:

«Огонь стремительно истреблял сухое деревянное строение, крытое соломой, и некому было что-либо предпринять к сохранению остальных домов. Домохозяева, крестьяне, почти все уехали на покос, а когда прибежали, то иные нашли свои дома уже кругом в огне, а те, которых дома были еще целы, бросились сохранять свое имущество. Гибель всего села была неизбежна. С минуты на минуту ожидали, вот еще загорится один дом, и пламя обоймет стоящие за ним остальные 10 домов. Начал загораться церковный сарай в ограде, с годичным запасом дров для церкви, и храму во имя святых апостолов Петра и Павла, стоящему посредине села, приближалось время подвергнуться пламени. Минута была критическая. Но в это время приехал наш достопочтеннейший церковный староста, усерднейший попечитель и украситель сего, и многих других храмов, Павел Григорьевич Цуриков, а за ним две пожарные трубы, и прибежало несколько сот народу с его фабрики (около 3 верст отстоящей от села Лужков). Начали под его распоряжением усердно действовать везде, где что нужно и можно было сделать. Кто заливал сарай церковный, кто с водою лез на колокольню, кто отстаивал следующие дома, близ огня стоящие, от сохранения которых зависело сохранение и всех остальных, кто сидел на крыше и тушил летевающие соломенные клоки с огнем, кто поливал из труб, кто возил, кто носил воду во всевозможных сосудах, попавшихся под руку»²⁸⁴.

В конце заметки написано, что только «при помощи Божией, благодаря энергической деятельности Павла Григорьевича Цурикова, пламя было остановлено, пожар потушен».

Но не только погорельцам помогал благотворитель. Простые люди обращались к нему по разным вопросам. Об этом подробно написано в одном из некрологов в его память:

«Вышедши из среды простаго народа, П. Гр. всегда близко стоял к нему, не смотря на свое вы-

сокое, в последнее время, положение в обществе; искренно любил этот народ и, близко зная все его нужды, считал всегда своею св. обязанностью, по возможности, во всем помогать и умел помогать ему. **Сотни лиц престарелых, безприютных, слепых, увечных**, из разных селений, которые не в силах были бы сами кормиться и милостынею и, таким образом, были бы в тягость не только своим семьям, но и себе самим, **получая от него ежемесячное содержание**, спокойно доживали остаток дней своих и в случае своей смерти опять получали от него же и гроб, и деньги для могилы; больные, обращавшиеся к нему со всех сторон, всегда пользовались у него тоже бесплатно и советом врача, и медикаментами, а иногда и помещением в больнице при фабрике; потерпевшие от пожара, неурожая, семейных неурядиц и других житейских невзгод — все спешили к покойному за помощью, как к своему родному отцу и всегда уходили обратно от него, утешенные посильною помощью и искренним участием, с благодарною молитвою за своего благодетеля. [...]

Так детям окрестных селений и многих других не богатых людей он давал средства для воспитания и образования способностей к полезной и благополучной жизни в обществе. Многим удрученным старостию или болезнью и беспомощным вдовцам и сиротам он обеспечивал призрение [уход] и покой, и **не было отказа у него в помощи никому** из прибегавших к нему, угнетенных разными лишениями и скорбями житейскими»²⁸⁵.

В статье упоминается помощь людям в похоронах близких родственников. Об этом так же говорилось и в архивном деле: «Затем была заведена **бесплатная выдача гробов** для умерших рабочих и окрестных крестьян. Для этой последней потребности за воротами ф-ки имелся большой сарай с готовыми гробами. Бесплатная выдача гробов, за счет хозяев ф-ки, продолжала существовать вплоть до 1918 г.»²⁸⁶.

Помощь оказывалась не только работникам Ивановской фабрики и крестьянам близлежащих деревень, но и горожанам: «что касается бедных и престарелых Воскресенских жителей, то все они получают от своего благодетеля немного что не ежемесячное пособие»²⁸⁷.

О доброте Цурикова свидетельствует и такой факт, приведенный в воспоминаниях С. А. Попова: «Из писем Павла Григорьевича за 1873 год видно, что вдове Сырейщикова он платил ежемесячное пособие в 15 рублей». Стоит напомнить, что Сырейщиконы не были родственниками, с купцом Алексеем Петровичем в свое время вел дела на суконной фабрике отец Григорий Михайлович Цуриков, и было это в начале 1830-х годов (см. вторую главу). С тех пор прошло 40 лет. Но Павел Григорьевич оказывал помощь вдове бывшего компаньона, хотя и не обязан был это делать, мог и вовсе забыть о ней.

О еще одном случае, когда П. Г. Цуриков заступился за постороннего человека, стало известно из его письма к предводителю дворянства Звенигородского уезда А. М. Голицыну, написанному в августе 1877 г. (полный текст см. в приложении—4). В нем Павел Григорьевич хлопотал за «**купеческого сына**» Николая Алексеевича Хропова, который был поставщиком «**разной провизии для моей фабрики**»²⁸⁸. Этого молодого человека призвали «в ратники», т.е. в армию. И как написано далее: Хропов «должен разориться положительно». В конце письма Цуриков обратился к Голицыну с просьбой: «не откажитесь сделать самое доброе дело для сего незаснаго человека». Чем в итоге завершилась просьба благодетеля, в деле не сообщается.

Так сложилось, что П. Г. Цуриков был самым состоятельным среди родственников (позднее М. Е. Попов стал еще более богатым). Вполне естественно, что он помогал близким людям. Такие случаи не афишировались, информации о них мало. И все же пара эпизодов стала известна.

Так своей племяннице Александре Ивановне Соболевой (урожд. Кручининой) в 1853 г. при выдаче ее замуж Павел Григорьевич дал солидное приданое. Точный размер его неизвестен, но из архивного дела следует, что оно было не менее 3.750 руб. Именно столько денег после свадьбы Александра передала своему мужу для ведения дела. В одной из бумаг дела так и написано, что эти деньги были ее приданым, его она получила от дяди. Стало также известно, что упомянутой родственнице и ее детям Павел Григорьевич помогал еще не раз. Так из его письма стало известно, что для семьи Соболевых он построил на свои деньги дом в Москве. Мало того, когда дети племянницы стали сиротами, то пришлось их срочно спасать, т.к. дом оказался заложен и был назначен к продаже, чего П. Г. Цуриков никак допустить не мог.

Как будет рассказано в последней главе, у благотворителя были и другие племянники и внучатые племянники, которых никак не отнесешь к богатым людям. Им тоже оказывалась помощь.

1878–1879: Кончина П. Г. Цурикова, завершение начатых дел, завещание

1878: Неожиданная кончина и похороны

Изо 6–69. Запись в метрической книге о кончине П. Г. Цурикова²⁸⁹, 1878.

Павел Григорьевич умер не старым, прожил 66 лет и 2 дня. Смерть наступила 5 января 1878 года в 5 часов утра. О каких-либо серьезных хронических заболеваниях благотворителя неизвестно. В метрической книге указана причина смерти: «от простуды».

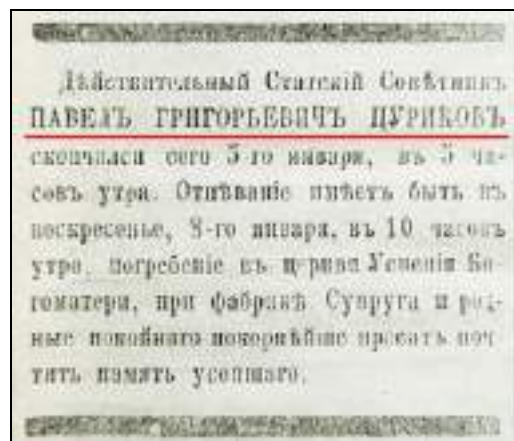
Кончина такого известного и любимого всеми человека стала трагичным событием не только для Звенигородского уезда, но затронула Москву и губернию. Все основные печатные издания, как светские, так и церковные – “Московские ведомости”, “Русские ведомости”, “Современные известия”, “Московские епархиальные ведомости” – напечатали объявления о кончине П. Г. Цурикова. Вот, например, одно из них: «в воскресенье, 8 января, в 10 часов утра, погребение в церкви Успения Богоматери, при фабрике». В некоторых изданиях позднее появились некрологи о благотворителе, заметки о состоявшихся на Ивановской фабрике похоронах (см. приложение–6). В воспоминаниях родственников это горестное событие также нашло свое отражение. Все эти материалы дают достаточно полную картину происходивших в то время событий.

Племянник почившего С. М. Попов вспоминал: «В Николин день (6 декабря) он был еще в церкви, а потом слег, несмотря на пособия докторов, скончался 5 января утром, в сочельник»²⁹⁰.

О последнем посещении Успенской церкви написано в одном из некрологов: «В последний раз он пришел в церковь Божию, в день храмова праздника, великаго угодника Божия Николая чудотворца. Изнемогая от болезни, и не будучи в состоянии стоять, он склонился на колена, и в слезном сознании пред Богом грехов своих вольных и невольных, отдавался любви Божией, в воздыхании душевнаго Богохваления, в сладком забытии всего земнаго, в полноте умиления сердца, молился весь погруженный в помышления и ощущения небесныя. Выходя из храма, по обыкновению, он своими руками роздал милостыню нищим. С тех пор усиливающаяся болезнь не позволила ему уже быть в храме Господнем»²⁹¹.

Спустя месяц после последнего посещения храма его создатель умер. Горестная весть о смерти благотворителя моментально разлетелась по всей округе. Если верить публикациям (а оснований не верить нет), то горе было всенародное. Как было написано в одном из некрологов: «Нет деревни во всем уезде где бы ни раздавался теперь самый искренний, самый раздирающий душу плач. Четыре дня стояло тело до погребения, и во все эти четыре дня раздавалась в скромном домике покойнаго одна немолчная панихида. Жители не только окрестных, но и отдаленных сел, с причитами во главе, являлись помолиться у гроба мирно почившаго благодетеля. Панихида следовала за панихидою не прерываясь. Этот плач, это истинное глубокое неподдельное горе – лучшая похвала покойному»²⁹².

О большом числе пожелавших лично проститься с благодетелем говорится и в других источниках: «Из местных монастырей и приходских церквей с утра и до вечера, без перерыва, архимандриты и священники стекались служить панихиды»²⁹⁴. Или вот еще: «Всеобщая нелицемерная любовь, почтение и уважение к почившему особенно наглядно выразилось по его кончине. Не одни ближние, но и дальние и повсюду православные стекались на погребение его. С самого раннего утра, в день погребения, народ спешил к сему храму, весь путь шествия за гробом, от дома до храма, в полном смысле, был занят народом; каждый желал еще раз взглянуть на него, и проститься с ним»²⁹⁵.

Изо 6–70. Объявление в газете
"Русские ведомости"²⁹³, 1878.

Павел Григорьевич еще при жизни заявил, что хотел быть погребенным в Успенской церкви при своей фабрике: «в последнее лето своей жизни, как бы в тайном предчувствии близкой своей кончины, заявил желание почтить вечным успокоением в сем св. храме. Благоразсудное желание!». Что ж, это было законное желание быть похороненным в храме, который он сам задумал и который был построен на его деньги и при его активнейшем участии. Воля храмоздателя была исполнена.

В воспоминаниях родственника С. М. Попова написано: «Мы все поехали, конечно, в Ивановское на похороны. Был сильный мороз. Народу набралось из Москвы очень много, так как Павел Григорьевич Цуриков был весьма значительное лицо в торговом мире. Ночевали целыми партиями и в конторе и в доме немцев-служащих, только что переделанных. [...] В день погребения я с Пашей Финляндским и обоими Сиротиниными нес на подушках ордена Павла Григорьевича. Похоронили дядюшку в фабричной церкви, им выстроенной и обеспеченной»²⁹⁶.

Похороны состоялись в Ивановском 8 января 1878 г. На отпевание Цурикова съехалось большое количество духовенства. Должен был прибыть и митрополит Московский Иннокентий, но «по нездоровью и в виду предстоявшей поездки в Санкт-Петербург, не мог этого исполнить. На погребении, по поручению владыки присутствовал преосвященный Игнатий, епископ Дмитровский, викарий Московский, привезший св. икону Божией Матери от владыки-митрополита в благословение вдове почившего Анне Сергеевне, которую она приняла с чувством благоговения и глубокой благодарности. Преосвященный Игнатий совершил богослужение с архимандритами: Ново-Иерусалимским Вениамином, наместником Саввино-Сторожевского монастыря Галактионом и проживающим в Сергиевской Лавре Феофилом, с двумя иеромонахами, местным священником-благочинным и двумя священниками. Кроме того, при отпевании участвовали еще несколько священников из окрестных сел»²⁹⁷.

Большое стечение народа на похоронах было отмечено в нескольких публикациях: «Без преувеличения можно сказать что весь Звенигородский уезд собрался в этот день вокруг гроба того кто в продолжении стольких лет был благотворителем всего края». Людей пришло столько, что Успенский храм, несмотря на большие размеры, не смог вместить всех пожелавших проститься с благодетелем. Однако «все были допущены, и каждый теснился в последний раз приложиться к иконе и поцеловать благодаявшую руку почившего скромного труженика». В «Московских ведомостях» сообщалось: «Почетные лица и многие из Москвичей, друзей его, явились также отдать последний долг доброду, честному, редкому труженику для блага ближнего, каков был усопший. Умилительно было видеть массу фабричных из окрестных деревень запрудивших все пространство от дома где умер Цуриков вплоть до самой церкви, эту толпу прибывшаго издалека простонародья, считавшаго своею обязанностью отдать последний долг усопшему благодетелю»²⁹⁸.

Храмоздателя похоронили в Никольском приделе «у южной стены» построенной им церкви: «Гроб был опущен преосвященным Игнатием во склеп правого придела храма при общей молитве тысяч народа». По свидетельству родственницы А. М. Шуберт позднее над могилой благотворителя было воздвигнуто мраморное надгробие. В метрике храма записано: «В трапезной церкви в правом приделе устроен памятник из итальянского белого мрамора над могилою храмоздателя Действительного статского советника Павла Григорьевича Цурикова»²⁹⁹. Увы, фотография надгробия не обнаружена.

13 февраля 1878 г. в Успенском храме была «совершена литургия и панихида о упокоении ревностного благотворителя церквей и монастырей действительного статского советника Павла Гри-

горьевича Цурикова в 40-й день по смерти. В служении были архимандриты: наместник Сергиевой лавры Леонид, Новоиерусалимского Воскресенского монастыря Вениамин, Высокопетровского монастыря Григорий, Даниловского монастыря Амфилохий и Саввинского Сторожевского монастыря наместник Галактион. Церковь наполнена была молящимися с преизбытком. На панихиде в облачении были 16 священников»³⁰⁰.

4 января 1879 г. люди вновь собрались в Успенской церкви «по случаю годовичного поминовения его, — искренняя любовь и душевная признательность к покойному снова привлекли на его могилу очень многих почитателей памяти его, — и приходский храм покойного, при Ивановской фабрике, снова наполнился молящимися об нем»³⁰¹.

Выдержки из некрологов

Так нередко случается, что только с уходом человека из жизни люди начинают осознавать, кого они потеряли. Конечно, все местные жители знали Цурикова как щедрого благотворителя. Но никто (кроме, возможно, жены) не имел представления, насколько была широка география его пожертвований. О многих добрых делах узнали только после кончины благодетеля: «Об этом известно стало преимущественно теперь после его смерти (сам покойный об этом не любил распространяться с лицами сторонними), когда на могилу, его собрались многие из тех лиц и местностей, где покойный так или иначе участвовал своими благотворениями»³⁰².

Как уже отмечалось, в нескольких газетах, издававшихся в Москве, были напечатаны некрологи в память неординарного благотворителя. В них написано много теплых слов. После прочтения текстов становится понятно, каким великим был человеком Павел Григорьевич Цуриков, как много он успел сделать доброго для людей. Эти тексты были написаны современниками, жившими в одно время с благотворителем и знавшими его лично. Тем ценнее эти свидетельства. В приложении—6 приведены тексты некрологов, здесь приведем отдельные выдержки из них:

1) “Московские Епархиальные ведомости”, 1878, № 3, с.28–30: «Покойный принадлежал к очень редким и крупным благотворителям человечества и пользовался громадной популярностью, которую доставили ему и неисчислимая сумма его благотворений, и его обширный светлый ум, и благородное теплое сердце. Как деятель и благотворитель, Павел Григорьевич был вообще первым лицом в уезде, поэтому утрата его почувствуется во всех сферах провинциальной деятельности уезда, где ни одно крупное и доброе дело не обходилось или без его совета, участия, направления или материальной помощи. Ни одна постройка церкви в уезде не обходилась без его практических советов и обильной материальной помощи. Несколько сельских школ обязаны ему своим существованием и вещественным и духовным процветанием».

2) “Московские ведомости”, 1878, № 16, с.4: «Все его знали не только как одного из значительнейших русских фабрикантов, но и как горячего ревнителя православия, любителя церковного благоустройства, щедрого дателя, всегда готового помочь благу делу. Не одно благотворительное заведение было им основано и обеспечено, не один храм им украшен. Но об этой столичной и дальней благотворительности, в свое время печаталось и говорилось. Менее известно то что покойным сделано в Звенигородском уезде. Надо быть жителем края чтобы вполне понять чего лишился уезд с кончиною П. Г. Цурикова».

3) “Московские Епархиальные ведомости”, 1879, № 7, с.52–55: «Русское православное общество, в лице покойного Павла Григорьевича потеряло одного из самых светлых, крупных, выдающихся представителей христианской благотворительности, — а с тем вместе — и в высшей степени скромного и честного, опытного и заслуженного деятеля в торговом мире».

Далее будут приведены и другие выдержки из некрологов в память Цурикова.

Духовное завещание

Павел Григорьевич оставил завещание, душеприказчиками по нему назвал свою жену Анну Сергеевну, родственника и компаньона Максима Ефимовича Попова и своего помощника по делам фабрики приказчика Михаила Афанасьевича Бухтеева. Как ранее уже рассказывалось, все трое, еще до похорон написали на имя государя прошение. В нем излагалась просьба, чтобы во избежание остановки суконного производства и убытков было разрешено приказчику выполнять текущее управление фабричными делами, включая отправку товара на склад в Москву, как это происходило ранее. В итоге необходимое свидетельство М. А. Бухтееву для ведения дел было выдано. Фабрика не останавливала свою работу, пока происходило переоформление документов на ее владение.

Теперь хотелось бы рассказать о самом духовном завещании, оставленном П. Г. Цуриковым. О нем говорится во многих документах, упоминаются конкретные суммы отдельным лицам, коллективам, храмам, школам. Однако, к сожалению, несмотря на предпринятые усилия, полный текст завещания Павла Григорьевича в архивах обнаружить не удалось (заведенное по этому случаю дело МДК было уничтожено в советское время). Пришлось информацию собирать из разных документов. И нет никакой уверенности, что удалось в итоге собрать полную картину. Напротив, по имеющимся данным можно судить, что некоторые важные пункты завещания так и остались неизвестными.

Детей в семье Цуриковых не было. И потому подавляющую часть своего наследства благотворитель, включая Ивановскую фабрику, завещал своей супруге. В воспоминаниях С. А. Попова говорится: «Свое большое состояние, фабрику и имения Цуриков завещал жене своей Анне Сергеевне, назначив душеприказчиком М.Е. Попова, коему поручил выдачи в учреждения и родным до 300 000 рублей. В завещании предлагалось Анне Сергеевне продать фабрику не кому иному, как М.Е. Попову»³⁰³. О том, какие суммы были завещаны сестрам, племянникам, внучатым племянникам, сведений нет.

Вдове перешли ценные бумаги и часть наличных денег, права на владения земельными участками в г. Воскресенске и в Звенигородском уезде (Ламоново, Рыбкино, Обухово, Борисково, Борки). Достоверных сведений о стоимости этих активов нет. Но в музее имени А. П. Чехова в Мелихово хранится машинописный документ (три машинописных листа) с заголовком «Сведения о семьях Цуриковых и Мингалевых по записям родственников: Максима Ефимовича Попова (1817–1896), сына его Сергея Максимовича Попова (1862–1934) и ныне здравствующей внучки М.Е. Попова, Анны Михайловны Шуберт». В нем написано, что «После смерти Павла Григорьевича Анны Сергеевны унаследовала от него капитал в [1.090.000] рублей кроме недвижимости фабрики»³⁰⁴.

Значительные пожертвования «на помин души» были завещаны некоторым храмам и монастырям. По желанию завещателя это были не наличные деньги, а «доходные вклады» в финансовых учреждениях (обычно под 4%–5% годовых). Идея была в том, что завещанная сумма не могла быть израсходована (т.е. капитал оставался «неприкосновенным»), а приносила бы на протяжении многих лет ежегодный гарантированный доход, обычно в несколько сотен рублей. Этими процентами монастыри и храмы (их служители) могли распоряжаться по своему усмотрению.

В различных документах упоминались такие суммы:

- 1) Успенская церковь при Ивановской фабрике – 11.000 руб. (причту).
- 2) Приходское училище при Ивановской фабрике – 10.000 руб.ⁱ
- 3) Общество крестьян дер. Ивановской – 15.000 руб.³⁰⁵
- 4) Петропавловская церковь в Лужках – 4.400 руб. (причту).
- 5) Покровская церковь в Рубцово – 8.000 руб. (5.000 церкви, 3.000 причту).
- 6) Вознесенская церковь в Воскресенске – 8.000 руб. (5.000 церкви, 3.000 причту).
- 7) Приходское училище в Воскресенске – 10.000 руб.ⁱⁱ
- 8) Саввинский скит в Звенигороде – 15.000 руб.
- 9) Монастыри и скит в Сергиевом Посаде – 10.000 руб.

Если все просуммировать, то получается более 80 тысяч рублей. А в напечатанной на годовщину памяти благотворителя заметке говорится о сумме намного большей: «По духовному завещанию, оставшемуся после него, очень многие св. храмы с причтами, а равно также и св. обители, им воздвигнутые или украшенные и возобновленные, получили весьма значительные капиталы на свое содержание. Так что общая сумма всех благотворительных капиталов на этот предмет простирается свыше двух сот тысяч руб. сер.»³⁰⁶. Такая же сумма приведена в другой газетной статье: «По духовному завещанию, говорят, П. Г. Цуриков оставил около двухсот тысяч рублей на украшение и поддержание Божиих храмов»³⁰⁷. Кому были завещаны остальные 120 тысяч рублей – увы, осталось неизвестно.

Хотелось подробнее остановиться на завещании Цурикова обителям Сергиева Посада, т.к. здесь обнаружены интересные подробности. В июне 1878 г. в «Учрежденный Свято-Троицкой Сергиевы Лавры Собор» поступил документ следующего содержания:

«Прокурор Московского Окружного суда [...] об утверждении к исполнению духовного завещания Действительного Статского Советника Павла Григорьевича Цурикова, коим он, между про-

ⁱ В одном из более поздних документов указана сумма 12.100 руб. (возможно, это с учетом процентов).

ⁱⁱ В другом более позднем документе указана сумма 11.700 руб. (возможно, это с учетом процентов).

чим, сделал следующее распоряжение: в Троице-Сергиеву Лавру Дмитровского уезда [4000] рублей с тем, чтобы капитал остался неприкосновенным, а проценты с онаго шли на содержание и украшение Филаретовского храма в вечный помин души моей»³⁰⁸. С такими же условиями упомянуты Гефсиманский скит и Спасо-Вифанский монастырь, каждой обители было завещано по 3.000 руб.

Вскоре священноначалие лавры отправило письмо М. Е. Попову, в котором спрашивало: к кому следует обратиться по вопросу получения завещанных Цуриковым денег? Душеприказчик ответил, что обращаться не надо, т.к. «в духовном завещании на выдачу завещанных сумм назначен 15-месячный срок». И добавил, что при личном свидании передаст письмо из лавры вдове Анне Сергеевне. Попросил также заранее подготовить квитанции-расписки о получении денег. За этим дело не стало, из лавры скоро сообщили, что квитанции готовы и пригласили Попова приехать в лавру. И уже 18 июля 1878 г. эти квитанции оказались у Максима Ефимовича в обмен на деньги (как видим, вдова не стала выдерживать оговоренный в завещании многомесячный срок). По распоряжению священноначалия на эти деньги были приобретены пятипроцентные облигации Восточного займа.

1879: Завершение начатых добрых дел

Павел Григорьевич не успел завершить ряд дел, которые начал. Его внезапная кончина при-
шлась на время, когда продолжалось строительство двух храмов, которым он помогал. Первый – это Преображенская церковь села Спас-Тушино Московского уезда. Здесь помимо Цурикова были другие жертвователи, сооружение храма шло активными темпами и, по всей видимости, смерть одного из благотворителей не привела к остановке работ – в 1880 г. были освящены два теплых придела.

Совсем иная ситуация сложилась в селе **Саввинская Слобода** Звенигородского уезда. Тут участие благодетеля в строительстве было более весомым, без его денег прихожанам пришлось трудно. Довершить доброе дело помогли душеприказчики, об этом было написано в епархиальном журнале: «Незабвенный Павел Григорьевич Цуриков пожертвовал обильно все средства какие были нужны, и хотя скончался во время стройки храма, но завещал окончание своим преемникам. Супруга покойного Анна Сергеевна Цурикова и Максим Ефимович Попов dokonчили завещанное».³⁰⁹

В 1879 г. вдова А. С. Цурикова подарила Тихвинскому храму колокол весом 79 пудов 30 фунтов. На его тулово был нанесен текст из 54-го псалма: «вечер заутра и полудне повем и возведу, и услышит глас мой». Далее было написано: «вылит сей колокол в память Павла Григорьевича Цурикова 1879 года сентября 25 дня»³¹⁰. Помимо этого на колоколе были изображены иконы Иисуса Христа, Иоанна Крестителя, Павла Фивейского.

30 сентября того же года состоялось торжественное освящение построенного храма. Вдова по причине болезни приехать в Саввинскую Слободу не смогла. Так спустя несколько дней делегация прихожан отправилась на Ивановскую фабрику с благодарностью (об этом поговорим еще в седьмой главе).

Изо 6–71. Тихвинская церковь в Саввинской Слободе, (из семейного архива В. С. Ерофеевой).

Примерная оценка размеров благотворительности

Благотворительная деятельность Павла Григорьевича продолжалась примерно четверть века. Интересно было бы оценить общий размер пожертвований, сделанных за это время. Данный вопрос оказался сложным, ибо, как написано в одном из некрологов о Цурикове: *«Многия благотворения он, по совету евангельскому, любил прикрывать тайною»*. А для тех его добрых дел, о которых известно, далеко не всегда указано количество потраченных денег. Вся собранная информация о благодеяниях представлена в конце главы в виде сводных таблиц. После суммирования отдельных пожертвований получились такие результаты (цифры приблизительные):

- помощь Новоиерусалимскому монастырю – около 200 тыс. руб.
- строительство и расширение Саввинского скита – 71 тыс. руб.
- помощь разным храмам и монастырям, школам и больницам – около 200 тыс. руб.
- по духовному завещанию разным храмам, монастырям, школам – более 80 тыс. руб.

Если все сложить, то итоговая сумма превысит полмиллиона рублей. Гигантский капитал. На самом деле количество потраченных на добрые дела денег было существенно больше (на сотню тысяч рублей как минимум). Ибо остались неизвестны затраты на строительство Успенской церкви при фабрике (минимум 40–50 тыс.) и Филаретовской церкви в лавре. Кроме того, не учтены средства, уходившие на содержание школ и больниц (по несколько тысяч ежегодно), на строительство дорог в Звенигороде и в Ивановском. Так что даже непонятно, как, имея единственный источник дохода (суконную фабрику), Цуриков мог находить такие большие деньги на благотворительность.

Но это нам, светским людям непонятно, когда не сходится «дебет с кредитом». Ответ же на этот вопрос дан в одном из некрологов: *«Жертвы его на это святое дело были так велики, что многие из сторонних с недоумением вопрошали: откуда он берет такое обилие средств, особенно в последнее для многих и без того трудное время?! Между тем тайна сего изобилия объясняется почивавшим на делах рук его благословением Божиим, за честность в труде его, и за чистоту в намерении и цели приобретения. Поэтому рука дающего не оскудевала, несмотря на то, что всегда давала, где нужно, неоскудно и щедро; потому что давала на дела святых и богоугодных»*³¹¹.

Интересно наблюдение современницы дворянки П. А. Мухановой, когда она пишет, *«что эта [благотворительная] помощь нисколько не была в ущерб ему самому [П. Г. Цурикову] и напротив по мере расширения его благодеяний нам и многим другим обителям, дела и доходы его все увеличивались, он все более и более расширяет круг его благотворений»*³¹².

Получается, что сам Господь помогал благодетелю творить как можно больше добрых дел.

О чертах характера Павла Григорьевича, каким человеком он был

Теперь хотелось бы рассказать о том, каким человеком был П. Г. Цуриков.

Ни сам Павел Григорьевич, ни его супруга Анна Сергеевна, насколько известно, не написали своих воспоминаний. Некоторые сведения о чертах характера благотворителя приведены в некрологах. Есть свидетельства дальних родственников (племянников, внучатых племянников). Эти воспоминания в основном относятся к последним годам жизни владельца Ивановской фабрики. Следует отметить, что в большинстве своем это хорошие, добрые высказывания, за единственным исключением.

В воспоминаниях А. М. Шуберт есть язвительные слова о П. Г. Цурикове: *«рыгал за столом»*ⁱ. Да, сын мельника никакого «приличного» воспитания (как вести себя в обществе) не получил. Какое оно могло быть, если его отец был дворовым человеком у помещика? Да и грамоте Павел едва обучился, всю жизнь потом писал с множеством ошибок. На самом деле в объективности некоторых высказываний Анны Михайловны есть основания сомневаться. Дело в том, что у нее могли быть личные счеты, т.к. против выхода замуж ее матери Анны Максимовны за Михаила Шуберта выступали как М. Е. Попов, так и П. Г. Цуриков: *«Павлу Григорьевичу было далеко не по душе и то, что мать нашего отца [Александра Шуберт – Авт.] была актриса. В итоге наши родители получили разрешение обвенчаться лишь через несколько лет после их помолвки, а именно после смерти Павла Григорьевича в 1878 г.»*³¹³. Так что основания затаить обиду у Анны Михайловны были. В противовес же ее заявлению можно сказать, что Павел Григорьевич в последние годы своей жизни много

ⁱ Следует отметить, что эти слова встречаются несколько раз в воспоминаниях А.М. Шуберт. И везде, кроме одного случая, данные слова зачеркнуты. Видимо, Анна Михайловна сама понимала, что «перегнула палку».

общался с высокопоставленными светскими лицами и иерархами Православной церкви. Ему доводилось даже сидеть за одним столом с членами царской семьи. Так что он, безусловно, имел представление о правилах этикета и поведения в обществе.

Справедливости ради надо сказать, что большая часть воспоминаний А. М. Шуберт выглядят достоверной. Вот как она описала **внешность владельца Ивановской фабрики**:

«Ко времени их помолвки [с Анной Сергеевной] Павел Григорьевич уже значительно изменил свой внешний облик. Если его отец [Григорий Михайлович], судя по сохранившемуся портрету, продолжал ходить в крестьянской одежде и носить длинную бороду по пояс, то сын уже брил лицо и только сохранял деревенскую шевелюру: свои длинные волосы он расчесывал спереди прямым пробором и подстригал их только сзади под самую кромку глиняного горшка, который с этой целью предварительно надевал на голову: так было принято поступать в деревнях при стрижке волос. Он носил пиджаки, сюртуки и длинные брюки на выпуск. А на голову надевал, когда ехал в Москву, даже цилиндр, который хранил в большом футляре»³¹⁴.

А вот воспоминания другого родственника, племянника Сергея Максимовича Попова: *«роста был среднего, сложения плотного, довольно полный. Бороду и усы брил, волосы причесывал на прямой пробор — по-русски, причем на висках они немного кудрявились, и он их немного подкрашивал. По костюму он производил впечатление разбогатевшего буржуа, одевался в сюртук английского сукна с бархатными отворотами и обшлагами на рукавах, носил бархатные жилеты разных цветов и рисунков с массивной золотой цепочкой на шее. Манишку¹ повязывал черной лентой без банта, манжет не носил. В деревне ходил в картузе, но, приезжая в Москву, носил всегда цилиндр, который хранился под особым широким диваном в его комнате в доме Максима Ефимовича»³¹⁵.*

Как уже говорилось, до недавнего времени были известны три варианта одной и той же фотографии владельца Ивановской фабрики (см. приложение—19 из Р-65, Р-66, Р-67). В ходе поисков в архиве РГАЛИ удалось обнаружить еще один фотоснимок благодетеля, ранее неизвестный. Здесь Павел Григорьевич также сидит в кресле, прическа у него «на прямой пробор», видны кудри на висках. Но в этот раз он сфотографировался в более простой (повседневной?) одежде, без ордена, но с цилиндром. Дата на фотоснимке не проставлена. Возможно, Павел Григорьевич сфотографировался в 1868 г. Такое предположение напрашивается потому, что в том же архивном альбоме помимо указанного снимка есть еще фотография Анны Сергеевны, сделанная в том же стиле и так же выглядевшая (из 7-02). На ее обороте проставлена дата 1868.

Павел Григорьевич был купцом, причем преуспевающим. Как и отец Григорий Михайлович, он всего добился в жизни сам (про таких сейчас говорят: «self-made man»). **Об уме, сметливости** современники писали так: *«советы раз данные П. Г. никогда не были ошибочны, тут замечательный природный ум покойного умел торжествовать над всем, что так охотно и любовно предлагалось на его разрешение»³¹⁷.* И еще: *«был воздержан и трудолюбив».*

Хотя у П. Г. Цурикова были помощники на фабрике, он предпочитал сам управлять производством сукна, следил за всем, что делалось на его предпри-

Изо 6-72. П. Г. Цуриков³¹⁶, 1868?, (РГАЛИ).

¹ «Манишка — нагрудная вставка с воротничком в мужской и женской одежде, которая видна в вырезе жилета, фрака или дамского платья и имитирует сорочку» (интернет).

ятии. Может даже порой и перебарщивал с желанием все контролировать. Вот что, например, отмечал С. А. Попов: «Во время работы Павел Григорьевич несколько раз в день обходил все отделения фабрики, присматривал сам за работой, как бы ободрял рабочих, постоянно покрикивая: “Смотриай”, “Смотриай”»³¹⁸. Об этом же написано в одном из некрологов: «Постоянно живши при своей фабрике, покойный сам постоянно наблюдал за нею во всех частях, поставил и содержал ее как нельзя лучше и в нравственном и хозяйственном отношениях».

Замечание о **стремлении к нравственности** очень важно для понимания личности Павла Григорьевича. Как написано в книге священника Голубева: «Павел Григорьевич Цуриков родился в 1812 г. 3 Января в крестьянской семье не богатой по своим средствам, но богатой по своей нравственности. Воспитанный с юности в духе св. православной веры и правилах строгой нравственности, он остался таким же и в то время, когда стал обладать своими средствами, более или менее, значительными, когда он уже стал иметь свою собственную суконную фабрику, близ коей построен, им храм»³¹⁹.

У Цурикова, несомненно, была деловая хватка, благодаря которой суконное производство успешно развивалось. Но при этом он отнюдь не был жадным человеком. По всей видимости, для него деньги, получение прибыли было не самым главным на свете. Он всегда оставался порядочным человеком, не делал гадостей другим, не «топил» конкурентов. В некрологах писали о его деловых качествах так: *Как фабрикант, в коммерческом мире П. Гр. пользовался всегда репутацией опытного, самого благонамеренного, благонадежного и заслуженного деятеля, с которым каждый из коммерсантов с удовольствием готов был иметь дело*³²⁰. О порядочности написано во многих источниках, вот, например, слова из некролога: «в среде торговой Павел Григорьевич как коммерсант был известен как в высшей степени честный и безукоризненный деятель».

Надо сказать, что честность хозяина Ивановской фабрики иногда мешала его коммерческим интересам. К примеру, некоторые фабриканты ради завоевания наград отправляли на мануфактурные выставки «наилучшую продукцию, изготовленную из специально отобранных материалов». Павел Григорьевич так нечестно поступать не мог, вот что он писал в одном из своих писем: «Я нарочно оный для выставки не делал, а только отобрал из ходового товара и послал, а прочая наша братия нарочно для выставки работает и к тому же из хороших шерстей, но я не могу делать недобросовестно и обманывать людей, а суди, что видишь и что есть, без всякого обмана»³²¹.

По всем признакам Павел Григорьевич не был злопамятным человеком, **умел прощать людей**, как то повелевает делать христианская заповедь. Это подтверждают слова из некролога: «Он великодушно прощал ошибки в ближнем. Все знали его добрый характер; стоило только сознать свою ошибку пред ним, и всякий им был прощаем. Он сам был не спокоен душою, когда за вину лишил кого-либо работы на своем заведении: не было примера, чтобы рано или поздно не прощал виновных, зная, что от ошибки виновных, без работы страдают их семейства». Тут будет уместно напомнить об эпизоде с вымогательством денег и угрозой сжечь фабрику, о котором рассказывалось в третьей главе. Когда злодей был пойман, то «во всем повинился, просил прощения, клялся, что вперед ничего подобного делать не будет, и добрейшая душа, Павел Григорьевич, все простил и покрыл молчанием».

С. А. Попов писал о П. Г. Цурикове, что он «очень любил, когда его величали “вашим превосходительством”». Выглядит это как некая критика. На это можно ответить следующее. После получения чина действительного статского советника (4-го в табели о рангах) Павел Григорьевич обрел право на обращение к нему со словами «Ваше превосходительство». Таковы были в то время правила этикета в России. Только, как уже говорилось, прожил он с этим чином менее года, и потому недолго люди к нему обращались подобным образом. Да и потом, надо учитывать происхождение Павла: его детство и юность прошли если не в нищете, то изобилия точно не было. Так что можно ему простить эту маленькую человеческую слабость.

Вообще же, надо признать, что иногда в некоторых проступках П. Г. Цурикова проглядывало тщеславие, которое каким-то образом в нем уживалось со скромностью. Но **скромность**, безусловно, доминировала. О скромности благотворителя уже неоднократно говорилось в настоящей главе. Повторять все это не будем, приведем лишь слова настоятеля Николо-Угрешского монастыря архимандрита Пимена: «Нельзя не сказать к чести его, что он благодетельствует и благотворит не напоказ, не трубит пред собою и не домогается наград и почестей, которые сами на него сыпятся»³²². Если бы не природная скромность Павла Григорьевича, то без сомнения о его добрых делах было бы известно намного больше, и настоящая глава была бы полнее.

Любил ли читать Цуриков? В отличие от супруги Анны Сергеевны, которая интересовалась новинками художественной литературы, о нем нигде такого не написано. Это и неудивительно, если учесть малограмотность благотворителя. Хотя конечно, переписку он вел и, судя по всему, обширную.

Думается, что врожденной нравственностью можно объяснить то, что П. Г. Цуриков, как написано в нескольких источниках, *«был чужд всяких увеселений и раззорительных игр»*, не терпел «картежной игры; лично наблюдал по вечерам, чтобы все на фабрике в свое время гасили огни и ложились спать». Но рабочие фабрики хитрили, обманывали хозяина: вешали на окнах шторы «и засиживались за картами или развлекались винцом».

О Павле Григорьевиче довольно много писал в своих воспоминаниях его внучатый племянник Сергей Александрович Попов. От него стало известно, что П. Г. Цуриков не любил лицедейство:

«В театр он вообще не ходил, считал это удовольствие за грех, так как был страшно религиозен с самой молодости. В одном из своих писем (8 ноября 1862 г.) он пишет Максиму Ефимовичу: “В воскресенье к 7 часу в половине я буду в Москве в трактире Малый театр посмотреть царскую фамилию: полагаю они будут; и не угодно ли запасть билетом и на мою долю тоже”. Вот цель посещения театра!! Раз попал он с семьей Максима Ефимовича в итальянскую оперу, блиставшую в то время корифеями вокального искусства. Шла опера “Моисей” Россини, и когда был слышен голос ангела, как ему объяснили бывшие с ним в ложе (Поповы всегда имели абонируемую ложу в Большом театре на спектакли итальянской оперы), он сбежал из театра»³²³.

Писавший эти строки С. А. Попов удивился: *«посмотреть царскую фамилию [...] Вот цель посещения театра!!»*. А для Цурикова ничего необычного в этом не было, к императору и всей его семье он относился с огромным уважением и любовью. Тот же родственник писал:

«Он был горячий патриот, особенно чтил и любил русского царя и ко всей царской фамилии относился с особым почтением и преданностью. Перед Александром II он преклонялся и за счастье считал лишним раз увидеть. Ведь даже, как мы видели, поступался ради этого ненавистью к театру. Из писем 1867 года видно, например, как он хлопотал и просил Попова купить хороший “хлеб” и прислать его хотя ночью (это за 60 верст), дабы суметь поднести в Саввином скиту “хлеб-соль” императрице Марии Александровне и поцеловать руку».

Эпизод о встрече в скиту с членами царской семьи также описан в воспоминаниях епископа Леонида (Краснопевкова), правда, тот отнес его к 1866 г.: *«У выхода из собора [монастыря] я представил их высочествам Павла Григ. Цурикова, как благотворителя монастырей, церквей и бедных здешней стороны. “Окажите ему милость, – сказал я Вел. Князю, – дайте ему руку”. Великий князь подал ему руку, которую тот поцеловал, также и Великая Княжна. [...] За завтраком сидели между их Высочествами я, Димитрий Сергеевич, графиня, учитель Великого Князя, наместник и Цуриков»³²⁴.*

Далее. *«Внешней политикой Павел Григорьевич, кажется, мало интересовался. Вот только интересно его письмо от 27 августа 1871 года во время франко-прусской войны. Он говорит: “Да, мой друг, жаль несколько и Наполеона III, что он ошибся, что его войска бьют, как на бойне, но жаль много, что Пруссия берет большой верх; надо будет России много опасаться пруссаков и надо России приготовиться, пока есть время”. [...] Как он относился к внутренней политике русского правительства, сказать трудно; думаю, задевало его только то, что касалось фабрики и его личной жизни».*

П. Г. Цуриков в целом отрицательно относился к спиртным напиткам. *«Сам в противоположность отцу вина и водки в рот не брал, иногда за обедом позволял себе только выпить рюмочку сладкого “бишофа” (настойка на померанцах), а всегда пил сладкую фруктовую воду известного в то время завода Ланина. Примесь извести в этой воде, говорят, неблагоприятно отражалась на его здоровье, будто бы от этого и руки у него постоянно были какие-то шершавые. [...] Особенно он негодует на то, что кругом идет страшное пьянство, он даже хотел рассчитать ивановских ткачей (письмо <от>1 января 1863 года), а 18 февраля он в письме негодует на “проклятую дешевку” вина как одну из главных причин непробудного пьянства, за что, говорит, “можно похвалить наше умное правительство, что так народ пьет без просыпу”»³²⁵.*

Павел Григорьевич, как мог, боролся с этой общенародной бедой. И надо сказать, кое-что ему удавалось в этом плане. Вот что написано в одном из некрологов: *«Фабричные местности вообще редко и мало где пользуются хорошею репутацией; пьянство, разгулы, ссоры, драки, воровство и т. под. – вот печальные и едва ли не повсеместные явления в таких местностях, особенно по праздникам. Ивановская суконная фабрика г. Цурикова в этом отношении всегда со-*

ставляла и доселе составляет весьма редкое и резкое отпадное исключение; здесь, подобного рода безобразий не происходило и быть не могло, потому что ни при фабрике, ни вокруг ей питейных домов нигде не было ближе 8 верст от нея. С отменой откупной системы, когда вольная продажа вина стала распространяться, как зараза, по всем селениям, покойный благотворитель народа настоял на том, чтобы все ближайшия к фабрике селения не позволяли открывать у себя эти заведения; а чтобы не лишить через это обывателей каких-либо материальных выгод, сам стал вносить им ежегодно не меньшую сумму, чем какую они могли бы получать с этих заведений, и обывателей из этих селений, преимущественно пред другими, стал принимать к себе на фабрику для работ»³²⁶.

В конце жизни известность Павла Григорьевича, любовь и признание народа достигли наивысших высот. **Его избирали на различные общественные должности.** Как писал С. А. Попов: «Он был земским гласным Звенигородского уезда и почетным мировым судьей. Конечно, он тяготился, если у него отнимали время от того, что составляло его главный интерес, то есть фабрики, — духовенство и церковные заботы в счет не идут. Из его писем от 23 февраля и 2 марта 1870 года видно, как его тяготило, что чуть ли не на 15 дней пришлось ехать в Звенигород как присяжному заседателю в суд, но ведь “нечего делать, надо повиноваться властям”, говорит он и сознается, что ему “тяжелее всех в этом деле; все останавливаются на моем мнении, потому что все мужички и все меня спрашивают, что я скажу”»³²⁷.

В связи с этим напомним ранее сказанное о том, что П. Г. Цурикова избирали также в члены уездного училищного совета, а также гласным Воскресенской городской думы. Из-за нехватки времени приходилось отказываться от почетных должностей. Так в материалах архивного дела 1874 г. имеется копия заявления Павла Григорьевича, в котором написано: «18 сего июля я имел честь получить письмо, от 16 июля, Сельского избирательного Съезда, извещающее меня, что я избран Съездом четырех волостей в гласные Уездного Земского Собрания. С чувством истинной признательности благодарю г. избирателей за такое лестное для меня их внимание и доверенность, оказываемая мне их избранием, но при всем своем желании служить во благо общества и удовлетворить желанием моих почтейнейших избирателей, я, по моим собственным делам, не могу, а потому сердечно сожалею, что не в состоянии оправдать их доверенности на деле. Подлинное подписал: Потомственный Дворянин Павел Цуриков»³²⁸.

Хотелось бы отдельно остановиться на главной черте благодетеля – его православной вере. Как сказал о нем один из родственников: «**был страшно религиозен с самой молодости**». Все, что ранее говорилось о доброте и благотворительности, о многочисленных фактах помощи людям, о скромности, порядочности, нравственности, честности, об отрицательном отношении Павла Григорьевича к пьянству, азартным играм и лицедейству, все это можно объяснить одним – искренней верой в Господа Бога. Об этом же свидетельствует и то, как много он помогал храмам и монастырям, с каким почтением относился к иерархам РПЦ и обычным служителям церквей.

Об уважительном отношении ко всем священнослужителям наглядно свидетельствуют слова настоятеля Успенской церкви о. Иакова Волхонского, который хорошо знал благотворителя: «Замечательна и достойна подражания была еще одна черта характера из жизни этого боголюбца в отношении к лицам духовным, — именно священникам, которые всегда во множестве посещали его, кто по своим нуждам, а кто по делам и нуждам церковным; как при встрече с ними, так равно и при прощании, покойный всегда считал своей неременной обязанностью принимать и всегда просил и принимал у каждого из священников, кто бы они ни были сколько бы их у него ни было, благословение именем Господним, и принимал его всегда с искренним желанием и любовью, как знак милости к себе и благодати Отца Небесного»³²⁹. Немного было в то время дворян, купцов, которые поступали бы также. Но Цуриков был не из их числа. Он был выходцем из простого народа и уважал всех служителей у Престола Божия, даже из самых дальних и бедных храмов.

Когда в 1852 г. умер Григорий Михайлович, его сын Павел заменил умершего родителя на посту церковного старосты в Петропавловском храме села Лужки. Прихожане при утверждении П. Г. Цурикова на эту должность отмечали такие его черты: «**совести доброй и поведения истинного**». И потом каждые три года переизбирали его на этом посту. Таким образом, он оставался на указанной должности долгие годы (по крайней мере, в публикации 1874 г. все еще назван старостой этой церкви). После построения Успенской церкви при суконной фабрике Павел Григорьевич стал старостой

и этого храма. И оставался на данной должности до конца своих дней. Таким образом, получается, что Цуриков был старостой сразу двух храмов. Редкий случай для того времени.

В Успенском храме при Ивановской фабрике, который был построен на деньги Цурикова, по его прошению богослужения помимо воскресных и праздничных дней проводились еще 3–4 раза в будние дни, что было совсем не типично для сельских храмов. Такие частые службы были нужны самому благотворителю. Вот что написал очевидец, тот же священник Иаков Волхонский:

«Любя украшать храм Божий, П. Гр. не меньше того любил и посещать их в праздничные дни, при Богослужении. А когда Бог привел ему устроить свой приходский храм при фабрике, он постоянно любил приходить и неопустительно приходил в него молиться; несмотря на свои разнообразные занятия иногда и на свое нездоровье, трудно и едва ли возможно было его, в этом случае, уговорить остаться дома, ограничиться одною домашнею молитвою; а потому редкий день проходил без того, чтобы он не был в храме Божиим за службою; и надо было видеть с каким усердием и любовью он спешил в него, с каким смирением и любовью всегда молился в нем; точно как будто бы здесь он отдыхал, душой своей среди молитвы, точно как бы почерпал себе здесь новые силы, новые побуждения на дела благотворительности!».

Любой, прочитавший настоящую главу, мог убедиться на исторических фактах, цитатах, что благотворительность П. Г. Цурикова была разнообразной, он помогал как различным организациям, так и многим простым людям. И все же у него был, как бы теперь сказали, свой конек – это, конечно же, помощь храмам и монастырям. *«В то время, как другие расточают свое имение на мнимые чувственные удовольствия, он искал одних духовных наслаждений, любил украшать и посещать храмы Божии, искал Бога».* В другом некрологе о нем написано так: *«Всем было известно ревностное твое попечение о святых храмах Божиих. Редко почти проходил день, в который бы кто-нибудь из иноков и настоятелей церквей не являлся к тебе за помощью на нужды церкви. Для всякаго из них двери дома твоего были отворены, всякой из нуждающихся был любезно и ласково тобою принимаем и получал удовлетворение в своей просьбе. Не даром имя твое сделалось известным по всей России».*

В одном из текстов приведены слова, которые раскрывают причины такой любви к домам Божиим: *«Глубоко убежденный, что святой храм есть жилище сааго Господа, в котором обитает Он. [...] Потому усердие его не щадило никаких издержек и никаких жертв, чтобы только сделать храм Божий достойным жилищем Вседержителя»*³³⁰. Вот оказывается почему столько времени и средств П. Г. Цуриков тратил на строительство и благоустройство церквей и монастырей. Он просто не мог спокойно видеть, когда православный храм – «жилище сааго Господа» – пребывает в бедности и «в пренебрежении». И потому старался по мере своих сил это исправлять.

Вера в Бога привилась Павлу от родителей, в первую очередь, от Григория Михайловича, который был православным человеком. Об этом написано в одном из некрологов: *«Родившись и выросши среди простаго русскаго народа в скромной и благотворительной семье своих родителей (крепостных людей господина Голохвастова), П. Гр. не мог получить тогда научнаго образования, но за то честию унаследовал он от своих родителей, а большею частию сам усвоил себе одну прекрасную черту характера из жизни этого народа – именно его искреннюю любовь – привязанность к храму Божию и благолепию церковному, и сохранял ее до конца своей жизни».*

Как истинный христианин Павел Григорьевич не забывал благодарить Господа за то, что тот давал

Изо 6–73. Фрагмент дворянского герба
П. Г. Цурикова³³¹, 1880.

ему возможность оказывать помощь храмам и людям. Ранее уже приводились его слова по случаю окончания работ в Вознесенском храме г. Воскресенска: *«благодарил Бога, что Он привел ему сделать еще хоть одно маленькое доброе дело для своих сограждан».*

После всего сказанного становится понятно, почему на дворянском гербе благотворителя начертаны слова: *«Бог моя надежда»*¹.

Теперь перейдем к вопросу об отношении благотворителя с иерархами Православной церкви.

¹ Ранее приводилось описание герба Цурикова, в котором говорилось, что этот девиз «выражает благоприобретенное свое состояние». На самом деле, думается, что это был основной девиз в жизни благотворителя.

Отношения с иерархами Русской Православной Церкви

Павел Григорьевич был знаком со многими иерархами РПЦ. В воспоминаниях С. А. Попова есть такие слова: «*Зато посетить владыку митрополита (особенно Филарета) или какого-нибудь архиерея он считал своим приятным долгом. Все духовные лица хорошо знали Цурикова, и он много жертвовал на церкви и монастыри. [...] В доме у себя на фабрике он любил принимать духовенство, особенно архиереев. На приемы он денег не жалел. [...] Принимая архиереев и настоятелей монастырей, он за продуктами всегда специально посылал в Москву. За все это они и отплачивали ему уважением и встречали его приезды в монастыри колокольным звоном и другими знаками уважения*»³³².

Обнаружены исторические документы, свидетельствующие о хороших отношениях благодетеля с митрополитами Исидором (Никольским) и Иннокентием (Вениаминовым), с архиепископом Леонидом (Краснопевковым) в период, когда тот был еще архимандритом и являлся настоятелем Саввино-Сторожевского монастыря. Особенности, дружеские взаимоотношения сложились у Цурикова с архимандритом Леонидом (Кавелиным), настоятелем Новоиерусалимского монастыря, позже — Троице-Сергиевой лавры.

И все же отношения с одним иерархом стоят особняком — с митрополитом Филаретом (Дроздовым). П. Г. Цуриков, с огромной симпатией, уважением¹ и с большой любовью относился к владыке, который был его старше на 30 лет (а иначе трудно объяснить, почему он столько своих средств выделял на почитание Филарета уже после его смерти).

С отношений с этим человеком и начнем разговор. Следует сказать, что теме отношений Филарета и Цурикова автор уже уделял достаточно внимания, написал статью, которая была опубликована несколько лет назад в епархиальном журнале³³³. Далее будут изложены основные положения этой статьи.

Отношения с митрополитом Филаретом (Дроздовым)

Как, когда, при каких обстоятельствах познакомились митрополит Московский и Коломенский Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов, 1782 — † 1867) и Павел Григорьевич? Никакой информации об этом нет. Первый раз Цуриков мог увидеть его во время какой-нибудь церковной службы. Известно, что Павел Григорьевич старался не пропускать богослужения. Филарет же по церковным делам неоднократно приезжал в Звенигородский уезд в мужской Саввино-Сторожевский и в женский Аносин монастыри, которые находились недалеко от Ивановской фабрики, где проживала семья Цуриковых. Очень может быть, что их пути впервые пересеклись в женской обители.

В пользу такого предположения свидетельствует тот факт, что Борисоглебский монастырь в селе Аносино был организован в 1820-х годах при самом непосредственном участии Филарета (тогда еще архиепископа Московского). Известно, например, что в 1822 и 1824 годах владыка приезжал в эту обитель освящать новопостроенные храмы³³⁵. Учитывая, какой большой интерес всегда вызывал у простых людей

Изо 6—74. Лист из книги о митрополите Филарете³³⁴, 1875.

¹ Кстати, компаньон, родственник и друг Максим Ефимович Попов, по свидетельству потомков, также очень уважал и почитал митрополита Филарета.

каждый приезд архипастыря в сельский храм (что случалось отнюдь не часто), то можно предположить, сколько народу собиралось со всей округи. Среди этих людей вполне мог оказаться и дворовый мальчик Павел, которому в ту пору было 10–12 лет. Ведь его отец Григорий Михайлович к тому времени уже построил плотину и мельницу вместе с жилыми домами вблизи деревни Ивановской, от которой до монастыря было всего несколько верст. Позднее на протяжении десятилетий Филарет постоянно опекал организованный им монастырь, в трудные времена всячески помогал насельникам (иногда и материально). С другой стороны, как уже рассказывалось ранее, мельник Г. М. Цуриков регулярно оказывал помощь сестрам Аносиной обители, инкогнито доставляя им съестные припасы.

Оба – благотворитель и митрополит – упоминаются в воспоминаниях игумены Евгении (Озеровой): «*Это было Великим постом. После Пасхи [1857] отправилась я с св. артосом к Владыке, передала ему случившееся; он с отеческою любовью выслушал и даже рассказал о сем Павлу Григорьевичу Цурикову, которого всегда желал расположить в нашу пользу и поддержать в добром к нам расположении. Святитель знал, что с начала моего вступления в настоятельскую должность [1854] г. Цуриков с недоверием всматривался в мои действия, хотя и продолжал давать запас в трапезу; на вопросы же Владыки о порядках монастырских всегда давал положительный ответ*»³³⁶.

Самым первым документом, подтверждающим, что митрополит Филарет знал (хотя бы заочно) фамилию Цуриковых, является его реакция на поданное по церковным инстанциям прошение о награждении: «*Резолюция от 3 февраля 1842 г. на репорт благочинного Звенигородского уезда, Спасской, села Иславского, церкви священника Василия Георгиева о том, что священники церквей с причтами и прихожанами села Дмитровского и села Лужков репортами донесли ему об отличных заслугах церковных старост — Московского купца Михаила Зельина и крестьянина Григория Цуриковского*»³³⁷.

После смерти родителя Павел Григорьевич сам стал помогать Аносину монастырю. Возможно, что именно тогда (в начале 1850-х гг.) и состоялось более близкое знакомство Павла Григорьевича с митрополитом Филаретом: ведь все прошения о строительстве и ремонте церковных зданий, о поступающих пожертвованиях подавались священноначалию. Правящий архиерей ставил свои резолюции на выносимые консисторией решения. Так что Филарет вполне мог обратить внимание на часто встречающуюся в официальных документах фамилию звенигородского купца-благотворителя, тем более, что активные и крупные жертвователи встречались совсем не часто.

Однако есть основания полагать, что личное знакомство митрополита и купца могло состояться и раньше. Как выше уже говорилось, в 1847 г. П. Г. Цуриков был избран в члены «*Звенигородского уездного о тюрьмах комитета*», а через четыре года стал одним из его директоров. В то же время известно, что в 1840-х годах Филарет был вице-президентом «*Московского попечительного о тюрьмах Комитета*»³³⁸. Так что по делам этой благотворительной организации купец и владыка вполне могли контактировать¹ (Звенигородский комитет был отделением центрального Московского комитета). Так или иначе, случаев для пересечения этих людей в жизни было немало, и с годами их становилось все больше. И потому можно с большой долей уверенности предполагать, что период знакомства Филарета и Цурикова насчитывал десятилетия.

Одним из наиболее крупных благотворительных дел в жизни Павла Григорьевича было строительство скита в уездном городе Звенигороде недалеко от Саввино-Сторожевского монастыря. Напомним, что первоначально планы у владельца фабрики были скромные: в память почившего родителя он собирался построить небольшую часовню над пещерой преп. Саввы Сторожевского. Однако под влиянием вновь назначенного настоятеля монастыря епископа Леониды (Краснопевкова) и при поддержке правящего митрополита Филарета все в итоге вылилось в небольшой скит с церковью и несколькими кельями. Как видим и тут, в окрестностях города Звенигорода пересеклись пути благотворителя и владыки.

В конце лета все работы по обустройству скита были завершены и готовились к его освящению. Освящение каменной церкви, построенной на средства Цурикова над пещерою Саввы, митрополит Филарет решил совершить сам. Павел Григорьевич, как устроитель скита, особо беспокоился, чтобы все было организовано как можно лучше: «*в письме 19 августа 1862 года он пишет в Нижегородскую ярмарку М.Е. Попову: “Наш Высокопреосвященный (митрополит Филарет) назначил 2 сентября освящение Саввинского скита и обещается сам приехать, если только будет хорошая погода... прошу мой друг*

¹ Можно предположить – это, правда, пока никак документально не подтверждается – что войти в члены тюремного комитета Павлу Григорьевичу посоветовал, а может даже и посодействовал сам митрополит.

спроси Никиту Егорова (содержатель известного трактира в Нижегородской ярмарке) может ли он к тому времени выслать свежих стерлядей и осетров или судаков; пожалуйста, подробно узнай»³³⁹.

2 сентября 1862 г. состоялось торжественное освящение Саввинского храма. После этого владыка пробыл в монастыре еще пару дней. А затем «Утром, 4-го, он поехал (в сопровождении преосвященного Леонида) к П. Г. Цурикову и, пробыв у него краткое время, заехал в Аносино (в 4 верстах от Цурикова на пути к Москве), и отсюда, в то же утро, поехал далее в Москву»³⁴⁰. Это пока единственное документально подтвержденное свидетельство о приезде митрополита Филарета в гости к Цуриковым в их большой дом на Ивановской фабрике.

Об этих радостных днях, когда владыка приезжал в Аносин монастырь, пишет в своих воспоминаниях игуменья Евгения (Озерова): «Преосвященный Леонид поправил мою неловкость. “Ваше Высокопреосвященство, – сказал он, – мать игуменья озаботилась приготовить вам келлию для отдохновения; а нас благословите возвратиться пировать у соорудителя Пещерной церкви” [т.е. на Ивановскую фабрику]. – “Бог вас благословит”. Когда Павел Григорьевич подошел принять благословение и, поклонясь до земли, благодарил Святителя за оказанную ему милость приездом своим, Владыка склонился к нему, довольно долго говорил, но тихо, а тот от слез не мог сказать ни слова»³⁴¹.

Как много говорят последние слова цитаты, сколько в них любви, уважения Цурикова к владыке! Та же настоятельница монастыря говорила про благотворителя, что «тот никогда и ни в чем не пререкал воле Святителя [Филарета]».

Эта история имела продолжение, об этом подробно рассказывалось выше. Напомним, что игуменья Аносина монастыря Евгения (Озерова) получила в Москве от П. Г. Цурикова пакет с деньгами 500 рублей. Тот ей объяснил, что первоначально хотел эту сумму отдать митрополиту Филарету в благодарность за освящение Саввинского скита. Но владыка категорически от подарка отказался, уговоры принять дар ни к чему не привели. И только когда Павел Григорьевич предложил передать пожертвование в Аносин монастырь, Филарет с радостью согласился.

Спустя некоторое время благотворитель решил взять на себя перестройку трапезной части Троицкого храма в Аносином монастыре, обещал выделить на это 10.000 руб. Игуменья Евгения вспоминала, как она с этой радостной вестью отправилась к митрополиту за разрешением на проведение работ: «Надо было видеть утешение Святителя, что об его убогой пустыньке пекутся! Конечно, постройку разрешил и, кажется, с сего времени еще усугубил свое расположение и внимание к П. Г. Цурикову»³⁴³.

Все эти описанные эпизоды говорят о теплых, взаимно уважительных отношениях благотворителя и владыки, с годами только укреплявшихся.

В 1864 г. митрополит Филарет выдал П. Г. Цурикову храмозданную грамоту на строительство Успенской церкви при Ивановской фабрике. Павел Григорьевич очень хотел, чтобы владыка сам освятил Божий дом. Однако этому не суждено было случиться. Строительство фабричного храма затянулось на несколько лет, здоровье же митрополита становилось все хуже.

В первой половине 1867 г. произошло резкое ухудшение самочувствия митрополита. Именно к этому периоду последних месяцев жизни Филарета относится еще один эпизод из воспоминаний игуменьи Евгении (Озеровой), датированный летом того года: «Наконец храм (Троицкий в Аносином монастыре – Авт.) довершен, и мы с благодетелем отправились в Лавру к Владыке за благословением к освящению. Застали его в Гефсиманском скиту. Сперва П. Г. вошел, потом и меня позвали. Влады-

Изо 6–75. Свято-Духовская церковь с пристроенным справа Филаретовским приделом³⁴², нач. XX в.

ка высказал свою благодарность, и на нашу робкую просьбу, не можно ли надеяться, что сам Святитель освятит храм, Владыка сказал: «Нет, Преосвященный викарий Леонид за меня сие исполнит, я и здесь едва двигаюсь. Видите, как у меня здесь хорошо, окно прямо в церковь; я слушаю службу, часто сижу, никого не соблазняя. Силы упадают». Потом приготовленную у него на столе иконою Живоначальной Троицы он благословил Павла Григорьевича, и мы отправились к преподобному Сергию, отслушали молебен и тем же днем в Москву, а оттуда, не мешкая, к себе в обитель»³⁴⁴. Скорее всего, это было последнее «прижизненное» свидание Филарета и Павла Григорьевича.

За несколько месяцев до смерти митрополита, в Троице-Сергиевой лавре проходили торжества по случаю полувекового юбилея его архиерейства. Было это 5 августа 1867 г. А спустя четыре дня «Учрежденным Собором Лавры» было принято решение о возведении рядом со Свято-Духовским храмом особой церкви (точнее придела) во имя Филарета Милостивого. Возведение Божьего дома взял на себя П. Г. Цуриков. Работали очень быстро. Но все равно все сделать не успели. 19 ноября митрополит Филарет умер. 30-го числа состоялось погребение тела в недостроенной Филаретовской церкви.

Отделка храма продолжалась в течение нескольких последующих лет. В архиве РГАДА оказалось письмо, написанное благотворителем в 1871 г. наместнику лавры. В нем он спрашивал, как идет отделка Филаретовского храма, как осуществляется украшение иконами в клеймах. Интересовался, сколько нужно еще на это выделить средств: «Смею спросить ваше высоко приподобие, что скоро ли у милостиваго Феларета распишется церковь и украшена расписанием, и к какому числу будет готово прошу приказать уведомить. А также и сколько еще нужно выдать живописцу за работы тоже уведомить»³⁴⁵ (полный текст послания приведен в приложении—4).

Павел Григорьевич не забывал о любимом владыке вплоть до своей кончины. Известны как минимум три случая, когда в течение 1875–1876 годов благодетель на свои средства заказывал печать книг о владыке («Особенно замечательные случаи действия благодати Божией чрез святителя Филарета, Митрополита Московскаго, бывшие при жизни его», «Памяти Филарета, Митрополита Московскаго») тиражом в 2.000, 1.800 и 4.000 экз. А также оплачивал печать портретов владыки (изо 6–74). Отпечатанные тиражи книг Цуриков потом жертвовал в лавру с просьбой продавать их как можно дешевле – «по самой умеренной цене» – чтобы они были доступны простым паломникам.

Отношения с митрополитом Исидором (Никольским)

Павел Григорьевич был в хороших отношениях еще с одним иерархом РПЦ митрополитом

Изо 6–76. Митрополит Исидор, фотограф П. Ф. Борель³⁴⁶, 1860.

Исидором (в миру Яков Сергеевич Никольский, 1799 – † 1892). Тот в церковной иерархии занимал даже более высокий пост митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского и Финляндского, чем митрополит Филарет. Исидор был «первенствующий член Святейшего правительствующего синода», в 1881 г. возглавил отпевание императора Александра II и в 1883 г. коронование императора Александра III.

Когда и при каких обстоятельствах Цуриков познакомился с владыкой – осталось неизвестно. Возможностей для этого было не так много, ведь Исидор был правящим митрополитом на Петербургской кафедре, а Цуриков проживал в Московской губернии. Логично предположить, что личное знакомство состоялось, когда решался вопрос о строительстве в Санкт-Петербурге домового храма при Ивановском девичьем училище «Императорскаго Человеколюбиваго общества». Председателем этого общества как раз и был митрополит Исидор. Домовый храм во имя св. Марии Магдалины в боковом флигеле училища на втором этаже построил П. Г. Цуриков, потратив на это 16.000 рублей. 9 декабря 1871 г. митрополит Исидор освятил новоустроенный храм (об этом уже рассказывалось ранее). Владыка настолько высоко оценил заслуги благотворителя, что поддержал ходатайство перед императором о его поощрении. Через два года вышел указ о награждении Павла Григорьевича

орденом св. Владимира 3-й степени. Надо полагать, что этот факт еще больше укрепил хорошие отношения владыки и благотворителя.

В фондах НИОР РГБ хранятся два письма митрополита Исидора, в которых упоминается фамилия Цурикова. Первое послание было написано в октябре 1876 г. и адресовано архимандриту Леониду (Кавелину). Владыка благодарил архимандрита за присланную им книжку об истории Воскресенского монастыря. А также написал: *«Дай Бог здоровье Павлу Григорьевичу, совершившему обновление Нового Иерусалима, — такое дело, за которое мог взяться только избранник Божий, вспомоществуемый силою Божиею и любовью к Богу!»*³⁴⁷.

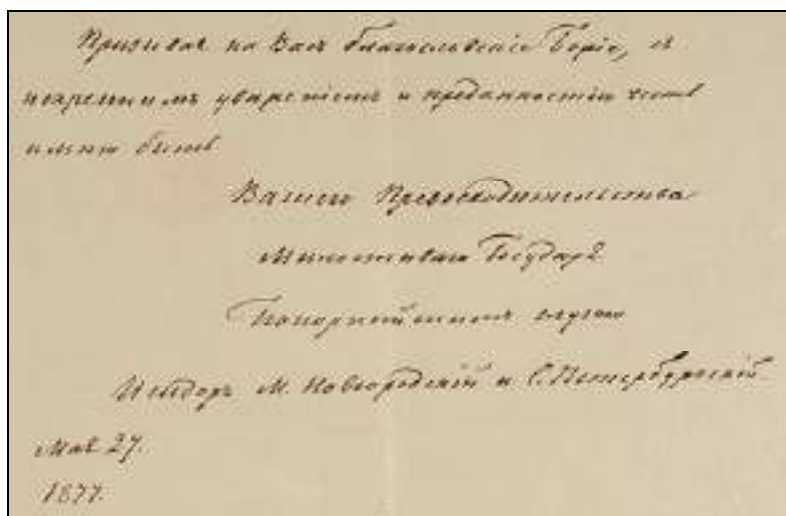
Второе послание было отправлено в мае 1877 г. и было адресовано лично П. Г. Цурикову. В нем обсуждался перевод архимандрита Леонида в Троице-Сергиеву лавру. Далее владыка написал, что узнал о желании благотворителя расписать купол и стены Покровской церкви в селе Никольском (Новоникольском) Каширского уезда. На это известие иерарх отреагировал так: *«Не нахожу слов, чтобы выразить вам мою сердечную признательность за такое теплое усердие к храму Пречистой Матери Божией, столь дорогому для меня по местным воспоминаниям. Да будет покров и милость Ея над вами во все дни жизни вашей»*³⁴⁸. В конце послания владыка призывает Божье благословение на Павла Григорьевича (полный текст послания приведен в приложении—4).

Такая, прямо скажем, необычная для церковного иерарха эмоциональная реакция на участие Цурикова в отделке Божьего дома вызвана тем, что храм в селе Никольском для владыки был родным. В далеком 1799 г. у дьякона местной церкви родился сын Яков. Он оказался способным учеником, окончил духовное училище и семинарию в Туле, потом академию в Петербурге. В 1825 г. постригся в монахи с именем Исидор. Через несколько лет был возведен в сан архимандрита, а потом и епископа. В последующие годы сменил несколько кафедр в Белоруссии, Грузии, Украине. 1 июля 1860 г. преосвященный Исидор был назначен митрополитом Новгородским, Санкт-Петербургским и Финляндским. На этой должности оставался до конца своих дней. Умер владыка 9 сентября 1892 г., похоронен в Александро-Невской лавре Петербурга.

На всю свою жизнь Исидор сохранил теплые чувства к родному краю, мечтал когда-нибудь в Никольском вместо деревянного храма возвести каменный. Павел Григорьевич помог осуществить эту мечту. Можно понять чувство благодарности, охватившее после этого владыку. Цуриков же оказал помощь строящемуся храму, не думая ни о какой награде. Он просто хотел доставить радость митрополиту Исидору, которого уважал.

К лету 1877 г. строительство Божьего дома в Никольском было завершено. В августе митрополит сам поехал в Тульскую губернию, чтобы освятить построенный храм. Владыка снабдил новую церковь ценной утварью и древними иконами, подаренными ему в бытность экзархом Грузии.

Бывал ли когда-либо митрополит Исидор в гостях у Павла Григорьевича — осталось неизвестно. Вполне логичным выглядел вариант, когда владыка, отправившись на освящение храма, по пути из Петербурга в родное село заехал бы в Ивановское. Но этого, по всей видимости, не случилось, Павел Григорьевич об этом написал в письме архимандриту Леониду (Кавелину): *«Я недавно получил письмо от владыки Исидора в котором он меня приглашает к себе на родину 6-го августа на освящение нового храма. Едет он сам освещать прямо на родину не заезжая некуда и неостанавливаясь в Москве»*³⁴⁹. Откликнулся ли П. Г. Цуриков на приглашение митрополита поехать с ним в Никольское — нигде не сообщается. В принципе, не видно особых причин, почему бы благотворителю было не съездить вместе с владыкой на его родину. Но случилось это или нет — увы, осталось тайной.

Изо 6–77. Конец письма митрополита Исидора Цурикову, 1877.

Отношения с архимандритом Леонидом (Кавелиным)

Изо 6–78. Архимандрит Леонид (Кавелин).

Как и в случае с митрополитами, о начале знакомства Цурикова с архимандритом Леонидом (в миру Лев Александрович Кавелин, 1822 – † 1891) ничего не известно. Зная биографию служителя (в 1863–1865 гг. он находился на Святой земле во главе Русской духовной миссии), можно сделать предположение, что там вдали от Родины и состоялось их первое знакомство. Будь это так, это бы объяснило их многолетние теплые отношения. Пребывание архимандрита в Палестине не было долгим, т.к. у него не сложились отношения с Иерусалимским патриархом и с представителями правительства Российской империи на Святой земле. Как написано в Википедии, архимандрита взял под свою защиту митрополит Московский Филарет.

В 1869 г. архимандрита Леонида определили на должность настоятеля Новоиерусалимского монастыря. Если он прежде не знал Павла Григорьевича, то здесь в Воскресенске и состоялось их знакомство.

Как ранее уже рассказывалось, в 1870 г. в Новоиерусалимском монастыре на праздник Крестовоздвижения состоялась раздача богомольцам нескольких тысяч освященных на Голгофе крестиков, закупленных на средства Цурикова. Думается, что близость дат (назначения в монастырь и раздачи крестиков) не случайна. Как и то, что спустя несколько лет Павел Григорьевич решился на дорогостоящие работы по восстановлению бывшего благолепия храмов знаменитой обители. Очевидно, что все это могло произойти только при хороших отношениях Кавелина и Цурикова.

В архиве РГАДА сохранилось донесение, поданное осенью 1873 г. «В Московскую Святейшаго Синода контору» от настоятеля монастыря архимандрита Леонида. В нем говорилось: «Известный любитель благолепия Св. Божиих храмов и щедролубивый благотворитель вверенной мне Обители Потомственный дворянин Павел Григорьевич Цуриков, благоговей к памяти ея основателя Святейшаго Патриарха Никона, независимо от предпринятого им обновления позолоты глав Соборного храма Воскресения Господня, заявил мне о своем намерении поусердствовать в пользу внутреннего благолепия»³⁵⁰.

Как ранее уже рассказывалось, работы в Новоиерусалимском монастыре длились три года. Только по официальным данным они обошлись владельцу фабрики в 150.000 руб. (на самом деле еще больше). Архимандрит Леонид издал книгу об истории Воскресенского монастыря. В ней на нескольких страницах подробно расписано, какие работы на средства благодетеля были выполнены в разных монастырских храмах, какая закуплена церковная утварь³⁵¹.

Хотелось бы рассказать еще об одной истории, в которой упоминаются архимандрит и благотворитель. В недавно изданном сборнике, посвященному 200-летию со дня рождения Леонида (Кавелина), имеется статья, в которой упомянут земельный спор:

«Дело о захвате монастырской земли тянулось с конца 1850-х гг., когда Воскресенская городская дума выставила на торги спорный участок напротив странноприимного дома для богомольцев. Руководство Московской Синодальной конторы неоднократно предпринимало попытки оспорить в звенигородском уездном суде законность действий органов местного самоуправления. В этой связи архим. Леониду предлагалось изложить свое мнение “о возобновлении межевых признаков земель Воскресенского Новоиерусалимского монастыря [...]”.

Между тем, при всем своем рачительном подходе к управлению, настоятель монастыря не спешил оспаривать решение уездного суда. Как выяснилось, спорный земельный участок выкупил на торгах владелец местной суконой фабрики П.Г. Цуриков, получивший известность благодаря огромным пожертвованиям монастырям Звенигородского уезда. По мнению исследовательницы С.М. Дорошенко, отец Леонид предпочел проигнорировать предписание Синодальной конторы во избежание конфликта с новым владельцем. Скорее всего, настоятель посчитал недопустимым требовать по суду денежную компенсацию от благодетеля, тем более что в 1875 г. на спорном участке земли Цуриков развернул строительство еще одной гостиницы для богомольцев»³⁵².

Что на это сказать? О претензиях Новоиерусалимского монастыря к властям и жителям г. Воскресенска по вопросу самозахвата земель имеется множество архивных документов. Выносились несколько судебных решений, они потом опротестовывались. История эта длилась десятилетиями. То, что архимандрит Леонид не хотел чем-то навредить Павлу Григорьевичу, который столько много доброго сделал для его обители, — это понятно и вполне можно допустить. А вот то, что Цуриков мог нарушить какие-то законы или поступить нечестно при покупке земельного участка в городе — вот в это поверить практически невозможно, зная, каким порядочным он был человеком. Также вызывает вопрос слова в цитате о том, что в 1875 г. *«Цуриков развернул строительство еще одной гостиницы для богомольцев»*. Ссылка на первоисточник не приведена, подтверждений в исторических документах не найдено.

Архимандрит Леонид управлял Воскресенским монастырем 8 лет (1869–1877). Все эти годы он тесно общался с владельцем Ивановской фабрики, на деньги которого проводились масштабные работы в обители. Зная Цурикова, можно предположить, что он регулярно приезжал в обитель для контроля проводимых работ.

В мае 1877 г. умер наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Антоний. Встал вопрос о кандидате на вакантное место. Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий склонялся к выбору на эту должность архимандрита Леонида (Кавелина). Однако тот не хотел покидать Новый Иерусалим. И Павел Григорьевич этого тоже очень не хотел. Он даже решил задействовать свои связи в РПЦ, обратился за содействием к митрополиту Исидору. Вскоре владыка Цурикову письменно ответил: *«Получил письмо ваше, в котором вы сообщили мне о нежелании Архимандрита Леонида принять на себя должность наместника Сергиевой Лавры, и о затруднениях, какие он опасается встретить при исполнении таковой должности. Я доводил до сведения Святейшаго Синода, что Архимандрит Леонид не изъявлял согласия на принятие должности Наместника и желает продолжить службу в Воскресенском монастыре. Но Св. Синод, приняв во внимание представление Московскаго Митрополита, в котором он объясняет, что не имеет в виду другого кандидата для должности Наместника кроме Архимандрита Леонида [...]»*³⁵³.

Этот факт поразителен. Он показывает, насколько большой вес в высших церковных кругах имел голос благодетеля, на который счел нужным отреагировать первый из иерархов митрополит Исидор. И хотя в итоге обоюдное желание Павла Григорьевича и архимандрита Леонида не было исполнено, сам факт обсуждения просьбы Цурикова о кадровом назначении говорит о многом.

Но это еще не все — дальше еще круче. В НИОР РГБ обнаружено письмо, отправленное Цуриковым архимандриту Леониду 3 июня 1877 г. Из текста понятно, что к этому времени решение о его переводе в лавру принято окончательно. И встал вопрос о том, кого назначить на освободившееся место настоятеля Новоиерусалимского монастыря. В письме Павла Григорьевича есть такие удивительные слова: *«ко мне приехал отец економ с Троицкаго подворья. Прислан от владыки Иннокентия нарочно спросить меня — ково бы я желал чтобы владыка представил на ваше место»*. И далее: *«непожелаю ли я прежде бывшее в ерусалиме [Иерусалиме] архимандрита Феодосия»*³⁵⁴.

Во как! Правящий митрополит Иннокентий спрашивал у Цурикова, кого бы он пожелал видеть на должности настоятеля монастыря! А Павел Григорьевич был в растерянности, у него не было своей кандидатуры. Вот он и обратился к архимандриту Леониду за советом, чтобы потом за предложенного кандидата «хлопотать» перед начальством. И добавил в конце письма: *«Мне очень желательно, чтобы в новом ерусалиме иметь хорошева настоятеля»*.

Это письмо еще одно подтверждение того, какой большой (наверное, даже слишком большой

Изо 6–79. Паникадило (вклад Цурикова) в Воскресенском соборе монастыря, нач. XX в.

для светского человека) авторитет приобрел П. Г. Цуриков в высших церковных кругах.

Сохранилось любопытное, трогательное историческое свидетельство о прощании двух хороших знакомых (так и хочется написать — друзей): настоятеля и благотворителя. В епархиальном журнале была опубликована заметка об отъезде архимандрита из Новоиерусалимского монастыря:

«23 Июня [1877] в 6 часов Воскресенская ставропигиальная обитель в полном составе [...] прощалась в св. вратах монастыря с своим достоуважаемым настоятелем, отцем архимандритом Леонидом (Кавелиным) [...] особенно трогательно было прощание отца архимандрита с щедрым благотворителем и великим блюстителем благолепия Воскресенской святыни, так много сделавшим для Нового Иерусалима, местным землевладельцем и фабрикантом, действительным статским советником Павлом Григорьевичем Цуриковым; оба в крепких объятиях рыдали и отец архимандрит при этом высказал много теплых слов»³⁵⁵.

Что еще может быть ярче сказано в доказательство теплых отношений этих двух людей? После прощания с Леонидом Павел Григорьевич прожил менее года. Правда, он еще успел навестить архимандрита в Сергиевом Посаде на его новой должности в лавре. В свою очередь Кавелин приезжал потом в Ивановское. Случилось это на 40-й день памяти П. Г. Цурикова, архимандрит служил вместе с духовенством в Успенском храме.

Отношения с епископом Леонидом (Краснопевковым)

Изо 6–80. Епископ Леонид (Краснопевков), фотоателье А. Сигсона в Рыбинске, 1876.

Об отношениях Цурикова с другим владыкой — епископом Леонидом (1817 — † 1876) — информации совсем немного. Можно лишь сказать, что они достаточно часто виделись и, судя по всему, у них были хорошие отношения. В 1859 г. архимандрит Леонид (в миру Лев Васильевич Краснопевков) был рукоположен в епископа Дмитровского с предоставлением в управление Саввино-Сторожевским монастырем. В это время Цуриков как раз мечтал построить часовню над пещерой преп. Саввы близ обители. Но епископ предложил вместо этого основать небольшой скит с храмом. Павел Григорьевич с предложением владыки согласился, и скит за три года усилиями благодетеля был построен.

Как же говорилось, 2 сентября 1862 г. митрополит Филарет в сослужении с епископом Леонидом освятил Саввинский скит. Через два дня на обратном пути в Москву они заехали на Ивановскую фабрику, приняв приглашение Павла Григорьевича. В гостях владыки пробыли недолго и вскоре отправились в близлежащую Аносину пустынь. Там митрополит остался на отдых. А более молодой служитель (Леонид был младше Филарета на 35 лет) захотел продолжить застолье у Цурикова. Ранее уже приводились слова из воспоминаний игуменьи Евгении (Озеровой), в которых епископ спрашивал митрополита: *«благословите возвратиться пировать у соорудителя Пещерной церкви»*.

Благословение было получено и Леонид вернулся вместе с Цуриковым в Ивановское к застолью.

Сохранились воспоминания епископа Леонида (Краснопевков). В них описан такой эпизод: *«Ровно чрез год (в 1863 г.), в то же самое время, был и я, как выше было написано, в саввинском монастыре, праздновал в новооткрытом общежитии годовщину, в присутствии устроителя онаго П. Г. Цурикова, затем посетил его дом и был, по пути к Москве, в Аносинском монастыре»³⁵⁶*. Владыка заезжал в монастырь и в 1867 г., когда в Аносино освящал Троицкий храм, расширенный тщанием благодетеля.

На 50-летие указанного монастыря (1873) епископ Леонид произнес речь, которую такими словами: *«Приветствую и тебя боголюбивый муж, боярин Павел! Ты от отца твоего приял завет служить нуждам обители и простираешь свою благодать и попечительность далеко за пределы, на которых мог бы успокоить совесть перед родителем»³⁵⁷*.

В приложении—14 приведен список владык, которые посещали Успенскую церковь при Ивановской суконной фабрике. Глядя на него можно заметить, что среди наиболее часто встречающихся

имен епископ Дмитровский Леонид (Краснопевков). Он служил в фабричном храме ежегодно (иногда и по два раза), начиная с освящения храма в 1868 г. При этом, несомненно, после службы посещал гостеприимный дом хозяина фабрики. Заезжал в гости к Цурикову порой и просто так. В воспоминаниях игуменьи Евгении (Озеровой) описан такой эпизод, относящийся к 1873 г.: «22 июля, к вечеру, мы встречали нашего возлюбленного Владыку Преосвященного Леонида. Возвращаясь из Саввина монастыря и отобедав 22-го у П. Г. Цурикова, он прибыл в нашу пустыню»³⁵⁸. Далее написано, что 19 сентября того же года владыка вновь «был на обеде у Цурикова».

В мае 1876 г. владыка был возведен в сан архиепископа и назначен управлять Ярославской и Ростовской епархией. Но пробыл на этом посту недолго, в конце года скончался.

Отношения с архимандритом Антонином (Капустиным)

Для следующего служителя информации об отношениях с благотворителем, пожалуй, меньше всего. Пока даже нет документального подтверждения, был ли лично Цуриков знаком с архимандритом Антонином (в миру Андрей Иванович Капустин, 1817 – † 1894). Дело в том, что начиная с 1850 г., Антонин служил за границей. Единственно, где могло состояться их знакомство – это на Святой земле, когда в 1865 г. архимандрита назначили на должность руководителя Русской духовной миссии. Если в указанном году или позже Цуриков ездил в Палестину, то там они и могли увидеться. Но даже если лично знакомы не были, то архимандрит, несомненно, знал заочно Павла Григорьевича и очень его ценил. Как уже говорилось, в списке жертвователей на Святой земле фамилия Цурикова стоит на первом месте, как внесшем наибольший вклад 6.000 руб. По всей видимости, часть этих денег была использована для приобретения земельного участка в Хевроне со знаменитой библейской святыней Мамврийским дубом. Помимо этого на Троицкое подворье в Иерусалиме Цуриков вместе с другими жертвователями подарил колокол весом 156,5 пудов. Он был подвешен на колокольне при архимандрите Антонине.

Изо 6–81. Архимандрит Антонин (Капустин).

Сохранилась переписка Антонина (Капустина) с графом Н. П. Игнатьевым, в ней можно найти упоминание фамилии Цурикова. Ранее уже приводилась большая цитата из этого письма, где архимандрит сетовал на то, что благотворитель со временем охладел к Святой земле. При этом Антонин считал, что здесь ему «перешел дорогу» другой архимандрит Леонид (Кавелин), которого он сменил на посту руководителя Русской духовной миссии.

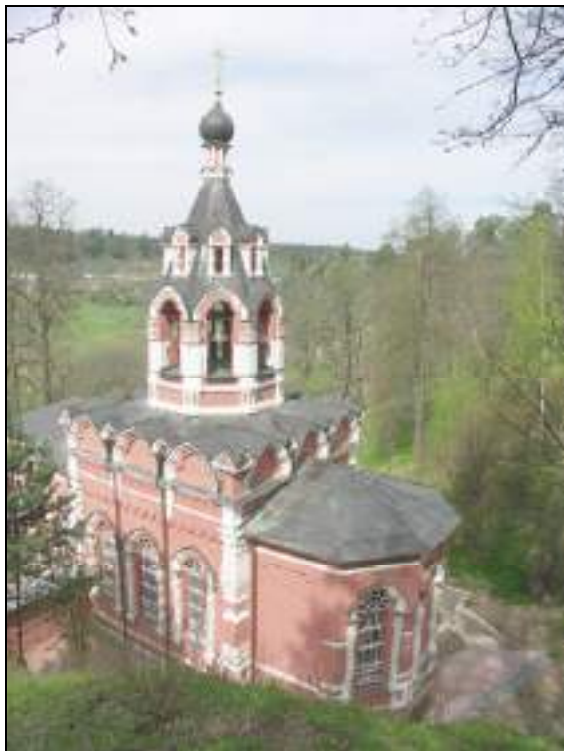
* * *

Помимо пяти перечисленных владык и архимандритов Павел Григорьевич был знаком и общался с другими служителями РПЦ. В упоминавшемся списке владык, которые проводили службы в Успенской церкви при Ивановской фабрике, помимо указанных лиц есть епископ Дмитровский Никодим (приезжал в 1876), а также митрополит Московский Иннокентий (1868, 1872, 1874). Сохранилась журнальная заметка о служении митрополита в 1874 г. в Новоиерусалимском монастыре, после чего он «отправился к П. Г. Цурикову, а оттуда в Москву». Все эти многочисленные примеры говорят о том, что круг общения Павла Григорьевича с иерархами РПЦ был достаточно широк, «Гостеприимству Цуриковых не было пределов».

В подтверждение гостеприимства дома Цуриковых можно привести цитату из книги «Сукопники Поповы»: «У него бывали и губернатор, и предводитель дворянства, и исправник, и архиерей, словом, весь уезд, не говоря о многочисленных соседях и родных».

Владыки помнили и почитали память благодетеля и после его смерти. 28 июня 1881 г. митрополит Московский и Коломенский Макарий «посетил на пути Аносинскую пустынь и семью известного строителя храмов покойного П. Г. Цурикова»³⁵⁹.

Что осталось

Изо 6–82. Церковь пред. Саввы Сторожевского, 2008.

Завершая рассказ о жизни и делах П. Г. Цурикова, хотелось бы поговорить о его наследии. Какие предметы, вещи, которые когда-то принадлежали благотворителю, сохранились до наших дней? Какие здания, построенные на его пожертвования, уцелели?

Увы, большая часть материального наследия П. Г. Цурикова утрачена. Главное его детище – Ивановская суконная фабрика (ставшая в советские годы Октябрьской) – была взорвана в годы войны. От нее осталось лишь несколько второстепенных небольших фабричных зданий, перестроенных в послевоенное время. Да еще сохранилось несколько фотографий в различных музеях и чертежи фабричных строений в архиве ЦГАМ (до которых ныне добраться очень сложно). Точно также были стерты с лица земли фабричная школа и Успенская церковь. Как и построенная благотворителем Филаретовская церковь в Троице-Сергиевой лавре. К счастью, сохранился скит с Саввинской церковью в окрестностях Звенигорода. Уцелели также монастыри, которым помогал Цуриков: Ново-иерусалимский, Саввино-Сторожевский и Аносин. Дошли до нашего времени и некоторые храмы: в Лужках, Троицком, Рубцово, Аксиньино, Тушино и в других местах. Но многие церкви не пережили лихие безбожные годы.

К сожалению, пропали или были уничтожены многие вещи, предметы, с которыми соприкасался Павел Григорьевич. Многие, но не все. К счастью, уцелел, по крайней мере, один колокол, отлитый по заказу Цурикова. Этот campan находится ныне на колокольне Троицкого собора на подворье Русской духовной миссии в Иерусалиме (изо 6–51). Сохранился он потому, что оказался за пределами России. Все остальные колокола, отлитые на деньги благотворителя (а их было не менее 25), по всей видимости, были отправлены на переплавку еще в первые годы советской власти.

Очень здорово, что уцелела товарная пломба Ивановской фабрики с текстом «П. Цуриков» (изо 3–09). Ныне она хранится в Звенигородском музее.

Уцелели некоторые документы, написанные рукой П. Г. Цурикова. Это его письма (см. приложение–4), а также бумаги, с которыми он обращался в различные инстанции или на которых он ставил свою подпись. Все это наследие теперь в архивах ЦГАМ, РГАДА, НИОР РГБ.

Сохранились фотографии Павла Григорьевича. Оригиналы хранятся в архиве РГАЛИ, музее ГМИРЛИ и у потомков Шуберт. Еще один фотоснимок напечатан в книге священника Голубева.

Каким-то чудесным образом уцелел киот с мощами святых, ныне находящийся в Покровской церкви г. Тутаев Ярославской области (изо 5–10, 6–68). Это был подарок архимандрита Ефрема (доктора М. М. Цветаева) и П. Г. Цурикова. По документам крест в киоте принадлежал Павлу Григорьевичу.

К счастью сохранились (и были явлены) две небольшие иконы, подаренные П. Г. Цурикову. Они были принесены уже в наше время в храмы Истринского района людьми, сберегшими эти святыни. Об их принадлежности благотворителю свидетельствуют надписи на обороте икон.

На одной иконе святитель Василий, епископ Рязанский. На обратной стороне доски начертано: «На благословение: Павлу Григорьевичу господину Цурикову. 1875 года, 25 октября». Кем и по какому случаю сия икона была подарена Цурикову – осталось неизвестно. Но учитывая, что на Рязанской земле Цуриков оказал помощь Радовицкому монастырю, то дар мог быть из данной обители.

На другой иконе изображена Святая Троица. На ее обороте написано: «Благословение обители Святыя Живоначальныя Троицы, Благотворителю Лавры Преподобнаго Сергия, Рабу Божию Павлу Григорьевичу г. Цурикову, 1876 года генваря 15 дня» (год записан кириллицей). Учитывая год дарения, можно предположить, что сия икона была преподнесена в знак благодарности за пожертвованные Павлом Григорьевичем тиражи книг о митрополите Филарете (Дроздове).

Изо 6–83. Крест в мощевике, подаренный Цуриковым, фотограф Ю. Стародубов, 2021.

Изо 6–84. Икона святителя Василия Рязанского, подаренная Цурикову, 2015.

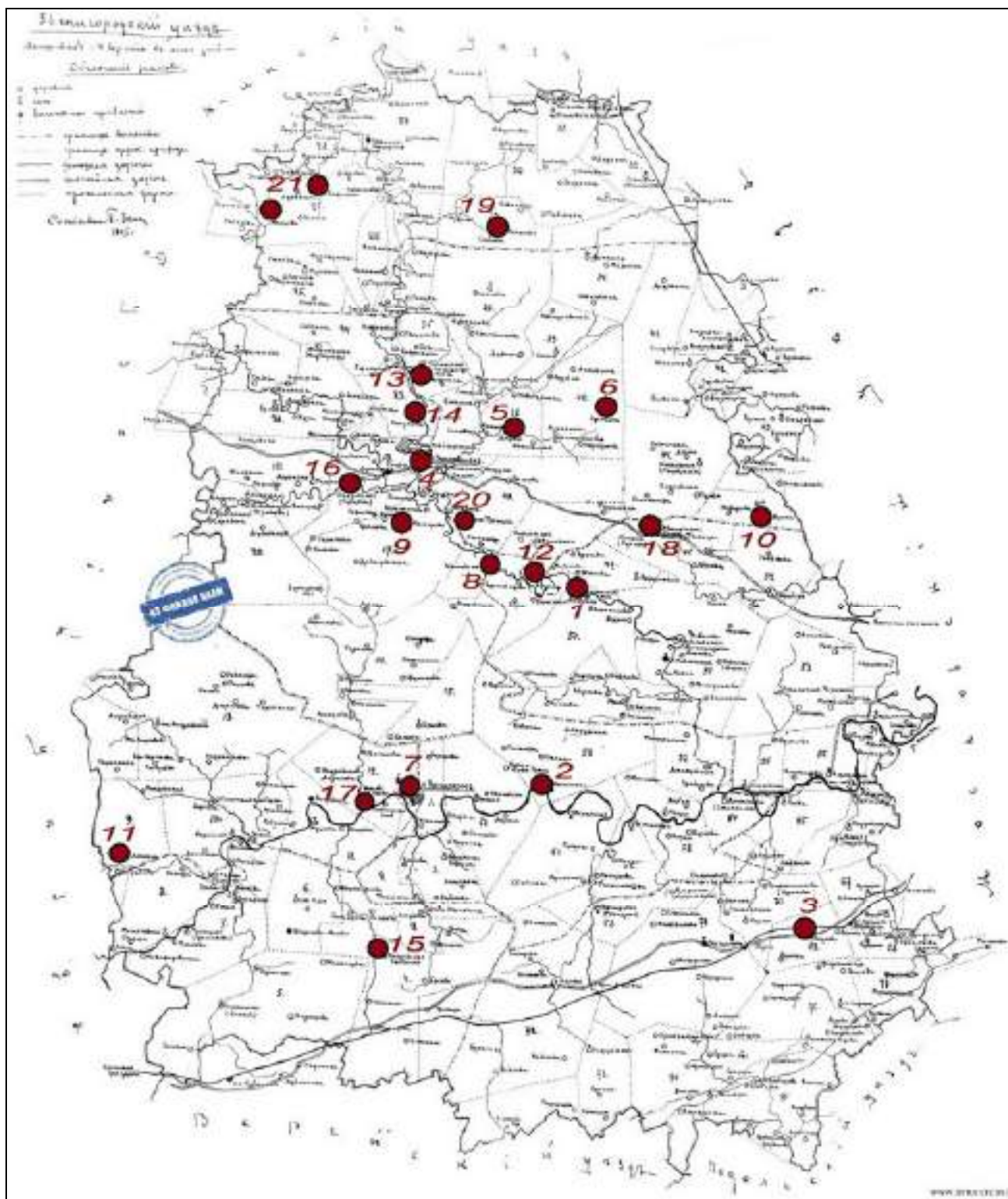

Изо 6–85. Лицевая и оборотная сторона иконы св. Троицы, подаренной Цурикову, 2021.

Хотелось бы верить, что уцелели и другие вещи, принадлежавшие благотворителю П. Г. Цурикову. Возможно, мы когда-нибудь о них еще узнаем.

В завершение этой главы хотелось бы привести справочные материалы, собранные в ходе работы над данной книгой. Это сведения о колоколах, отлитых на деньги Цуриковых и подаренных ими в различные храмы и монастыри. А также география пожертвований Павла Григорьевича за все годы его жизни с указанием конкретных вкладов, времени и мест, куда были совершены дары. Следует отметить, что в таблицах приведены не полные данные. Так, например, не учтена регулярная помощь жителям г. Воскресенска, бесплатная раздача гробов семьям умерших, строительство дорог и кое-что другое.

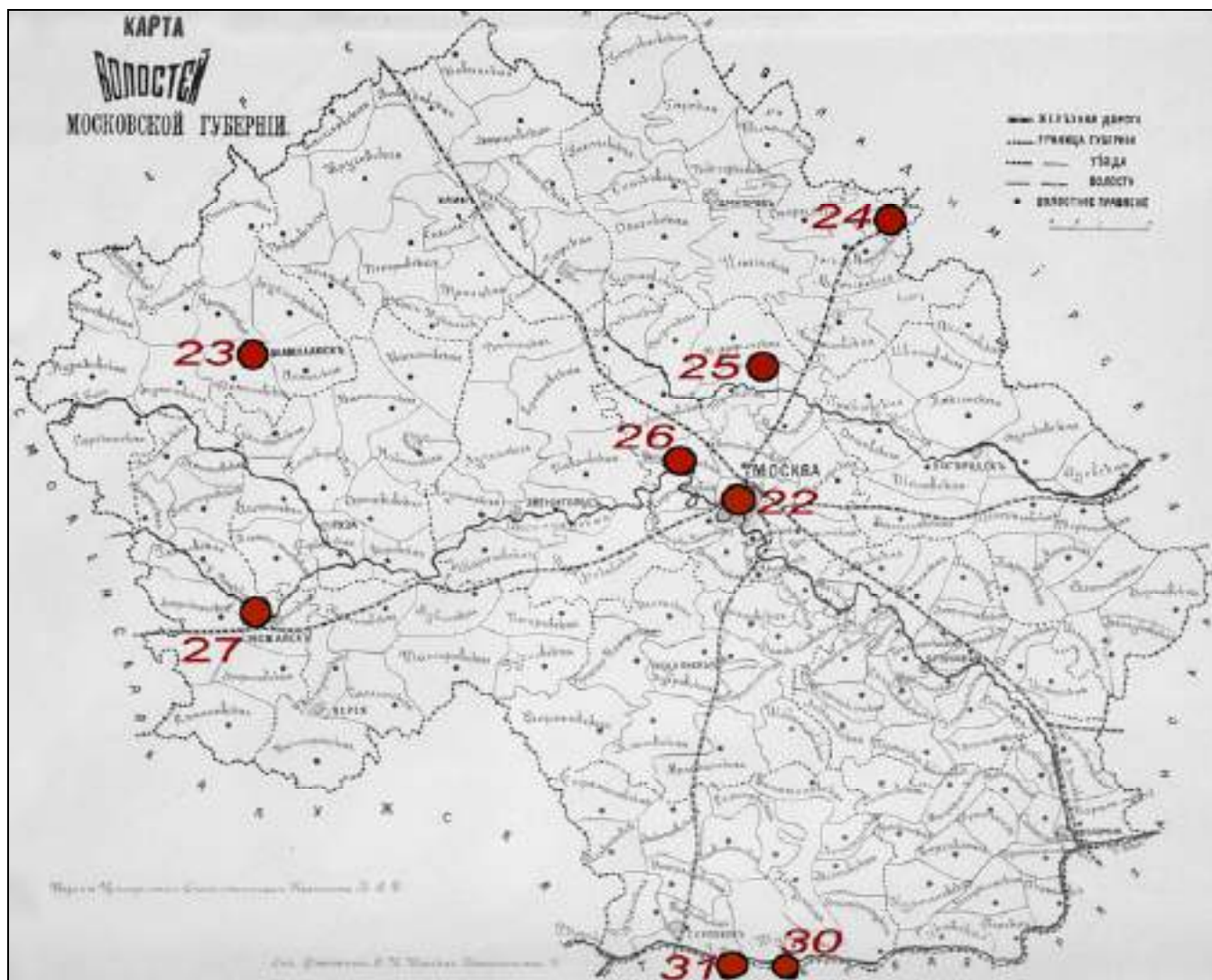
География пожертвований П. Г. Цурикова

Изо 6–86. План Звенигородского уезда – “А”.

1	Аносино, Борисоглебский монастырь.	5	Дарна, Крестовоздвиженская церковь.
2	Аксиньино, Никольская церковь.	6	Еремеево, Вознесенская церковь.
3	Акулово, Покровская церковь.	7	Звенигород, Саввино-Сторожевский монастырь и скит, уездная тюрьма, три училища.
4	Воскресенск, Новоиерусалимский монастырь, Вознесенская церковь, училище, госпиталь.	8	Ивановское, Успенская церковь, училище, больница.

9	Ильинское городище, Ильинская церковь.	16	Рубцово, Покровская церковь.
10	Козино, Златоустовская церковь.	17	Саввинская Подмонастырская Слобода, Тихвинская церковь.
11	Локотня, Покровская церковь.		
12	Лужки, Петропавловская церковь.	18	Садки, Иоанно—Предтеченская церковь.
13	Малинки, Казанская церковь.	19	Соколово, Христорождественская церковь.
14	Никулино, Преображенская церковь.	20	Троицкое, Троицкая церковь.
15	Покровское-Засекино, Покровская церковь.	21	Якунино и Карцево, погорельцы.

Изо 6–87. План Московской губернии — “Б”.

22	Успенский собор в Кремле, церковь Девяти Кизических мучеников на Пресне, Петропавловская церковь при Мещанском училище в Москве.	26	Спас-Тушино Московского уезда, Преображенская церковь.
23	Волоколамск, Воскресенский или Никольский собор.	27	Можайск, Никольский собор.
24	Сергиев Посад Дмитровского уезда, Троице-Сергиева лавра, Спасо-Вифанский монастырь, Гефсиманский скит.	30	Городище Лопасня Каширского уезда Тульской губ., Пятницкая или Никольская церковь.
25	Никульское-Карамышево Московского уезда, Никольская церковь.	31	Новоникольское Каширского уезда Тульской губ., Покровская церковь.

Изо 6–88. Карта европейской части Российской империи – “В”.

28	Петербург.	33	Романов-Борисоглебск Ярославской губ.
29	Вербилowo Себежского уезда Витебской губ.	34	Улала Бийского уезда Томской губ.
30	Городище Лопасня Каширского у. Тульской губ.	35	Гельсингфорс Великого княжества Финляндского.
31	Новоникольское Каширского у. Тульской губ.		
32	Радовицы Егорьевского уезда Рязанской губ.	36	Иерусалим и Хеврон на Святой земле.

Добрые дела Павла Григорьевича Цурикова

Годы	Какая оказана помощь	Рубли	
ЗВЕНИГОРОДСКИЙ УЕЗД – “А”			
1. Аносино, Борисоглебский монастырь.			
с 1850-х	Ежегодное пожертвование продуктов питания, черной материи, заготовка сена для скота. Позднее ежегодное пожертвование деньгами.	1.000	
1852–1853	Устройство иконостаса в Троицком храме, покупка утвари.	5.000	
1854–1855	Строительство странноприимного дома, отливка колокола.	н/д	
1858 (1860?)	Роспись стен в Троицком храме.	2.000	
1862	Пожертвование на монастырь (через митрополита Филарета).	500	
1863	Пожертвование иконы Воскресения Христова и киота на икону Успения.	н/д	
1864–1867	Перестройка трапезной части Троицкого храма, покупка утвари.	10.000	
1867	Отливка колокола.	н/д	
1870	Постройка новой монастырской ограды.	н/д	
1873	Пожертвование к 50-летию обители.	350	
2. Аксиньино, Никольская церковь.			
1868–1874	Пожертвование на сооружение храма.	7.469	
1870	Отливка колокола.	н/д	
3. Акулово, Покровская церковь.			
1873	Отливка колокола совместно с И. С. Перловым.	н/д	
4. Воскресенск, городское училище.			
1870–1878	Ежегодное содержание училища.	500–1000	
1871	Наем после пожара временного помещения для обучения детей.	900	
1871	Построение нового училища.	1.436	
1871	Передача в дар денег по страховке за сгоревшее училище.	2.000	
1878	Духовное завещание.	10.000	
4. Воскресенск, Вознесенская церковь.			
1860	Отливка «полиелейнаго» колокола.	5.150	
1869	Помощь храму в восстановлении после пожара.	1.000	
1869	Помощь погорельцам города.	1.200	
1875–1876	Передача в дар 40.000 кирпичей для устройства печи. Ремонт и обновление храма.	7.000	
?	Ежегодное пожертвование на содержание хора певчих храма.	н/д	
1878	Духовное завещание.	8.000	
4. Воскресенск, Новоиерусалимский монастырь (В.С. – Воскресенский собор, Х.Р. – Христорождественская церковь, В.И. – Входаиерусалимская церковь, Кув. – Кувуклия).			
1854	В.С.	Устройство ризы на икону Божией Матери Троеручица.	1.000
1854–1869?		Покупка свечей, «масло деревянное» (оливковое).	250
1855 (1852?)	Х.Р.	Устройство иконостаса, установка печей, покупка утвари, роспись храма.	12.000
1856	Х.Р.	Золочение двух глав.	3.000
1857	В.С.	Устроен «золоченный балдахин над Камнем Повития».	2.000
1858–1860	В.С.	Окрашены стены собора, пожертвован «Киот на икону Божией матери Троеручицы», устроена «Бронзовая сень над камнем Помазания».	15.000
1860	В.С.	Окраска двух куполов, внутренние работы в соборе.	2.500
1861	Х.Р.	Окраска стен, устройство двух печей и клиросов, покупка утвари.	3.500
1861	В.С.	Окраска галереи.	н/д
1863–1865		Пожертвования на разные нужды.	852
1867	В.С.	«исправление иконостаса в Голгофском приделе».	500
1870, 1874		Раздача богомольцам освященных крестиков по 3.500–4000 шт.	н/д
1873	Х.Р., В.И.	Пожертвование на 13 икон, роспись церкви, золочение глав двух храмов.	3.500

1874	В.С.	Золочение главы собора, реставрация иконостаса, покупка утвари.	83.000
1875–1876	В.С. Кув.	Золочение глав, крестов на колокольне, ротонде и куполах; золочение Кувуклии, «сени над Камнем Повития»; работы по мрамору; живопись.	67.000
1875?		Строительство и содержание странноприимного дома при монастыре.	н/д
4. Воскресенск, госпиталь для раненых.			
1877		Пожертвование на содержание раненых и больных воинов.	3.000
5. Дарна, Крестовоздвиженская церковь.			
1860		Устройство иконостаса, покупка утвари.	1.500
6. Еремеево, Вознесенская церковь.			
1873		Отливка колокола совместно с прихожанами.	н/д
7. Звенигород, уездная тюрьма.			
1847–1874?		Ежегодный взнос члена, потом директора попечительного комитета.	7–10
7. Звенигород, три училища и больница.			
1860, 1861		Помощь бедным ученикам Звенигородского духовного училища.	200, 100
1869–1875		Ежегодные пожертвования на приходское училище для мальчиков.	75
1875		Строительство здания для Мариинского училища для девочек.	н/д
1871–1878?		Ежегодные пожертвования на Мариинское училище для девочек.	300–500
1872?		Помощь в перестроении Звенигородской больницы.	н/д
7. Звенигород, Саввино-Сторожевский монастырь.			
1853		Устройство вызолоченной главы на Богородицкорождественском соборе, роспись стен, написание икон для иконостаса, покупка утвари.	7.230
?		Ежегодное пожертвование.	н/д
1872		Роспись стен в Богородицкорождественском соборе.	н/д
7. Звенигород, Саввинский скит.			
1859–1862		Строительство храма над пещерой Саввы, келий, ограды.	35.000
1863–1864		Покупка дома в Москве с лавками и постоялым двором, передача его в дар.	15.000
1865		Строительство 5 домиков и кухни, обнесение территории забором.	5.750
1869		Строительство каменной ограды с башнями.	13.500
1872		Строительство келий для братии, корпуса с церковью Святителя Николая.	н/д
1878		Духовное завещание.	15.000
8. Успенская церковь при Ивановской фабрике.			
1864–1868		Строительство Успенской церкви, домов для причта.	н/д
1868		Пожертвование неприкосновенного капитала на содержание причта.	15.000
1868–1878		Содержание Успенской церкви и церковного хора.	н/д
1869		Пожертвование двух крестов с мощами святых.	н/д
1869		Пожертвование на поминание душ умерших родственников.	500
1878		Духовное завещание.	11.000
8. Больница при Ивановской фабрике.			
с 1850-х ?		Помощь при погребении скончавшихся работников фабрики и крестьян.	н/д
с 1860-х ?		Содержание приемного покоя с фельдшером.	н/д
1867		Строительство больницы.	н/д
1867–1878		Ежегодное содержание больницы.	н/д
1867–1878		Зарплата врача и фельдшера.	2.450
1878		Духовное завещание в пользу общества крестьян деревни Ивановской.	15.000
8. Училище при Ивановской фабрике.			
1868		Строительство первого училища.	н/д
1868–1878		Ежегодное содержание училища.	800
1875		Строительство второго училища.	5.500
1878		Духовное завещание.	10.000

9. Ильинское городище, Ильинская церковь.		
1858–1859	Достройка церкви, устройство иконостаса, золочение купола.	7.000
1859	Покупка утвари.	500
1863	Перестройка колокольни и трапезной, сооружение ограды.	н/д
10. Козино, Златоустовская церковь.		
1866	Пожертвование на построение храма и ограды.	н/д
11. Локотня, Покровская церковь.		
1872	Пожертвование на построение храма.	н/д
12. Лужки, Петропавловская церковь.		
1840–1844	Расширение трапезной, построение колокольни (вместе с отцом).	н/д
1849	Возобновление иконостаса, отливка двух колоколов (вместе с отцом).	8.400
1851	Возобновление иконостасов 2 приделов, роспись стен (вместе с отцом).	1.000
1858	Возобновление иконостасов, исправление каменного пола.	2.000
1861	Построение приходского училища.	1.500
1862–1870-е ?	Ежегодное содержание училища.	160?
1862	Покраска храма, ремонт купола, покупка утвари.	850
1869	Пожертвование на поминовение душ умерших родственников.	500
1878	Духовное завещание.	4.400
13. Малинки, Казанская церковь.		
1870	Устройство иконостаса в Никольском приделе, замена престола и пола.	н/д
14. Никулино, Преображенская церковь.		
1864	Устройство Казанского придела.	1.150
15. Покровское-Засекино, Покровская церковь.		
1872	Устройство иконостаса.	н/д
16. Рубцово, Покровская церковь.		
1858	Роспись Никольского придела.	1.000
1864	Устройство иконостаса.	1.500
1865	Покупка утвари, пожертвование деньгами.	2.400
1875	Отливка двух колоколов.	3.500
1878	Духовное завещание.	8.000
17. Саввинская Подмонастырская Слобода, Тихвинская церковь.		
1874–1878	Помощь в строительстве храма.	8.000
1879	Отливка колокола.	н/д
18. Садки, Иоанно-Предтеченская церковь.		
1862	Пожертвование «на устройство каменной ограды».	1.000
19. Соколово, Христорождественская церковь.		
1858	Устройство иконостаса, покупка утвари.	2.000
1859	Отделка придела.	375
20. Троицкое, Троицкая церковь.		
1852	Пристройка деревянной колокольни.	н/д
1856	Устройство нового иконостаса, покупка утвари, отливка колокола.	1.700
21. Якунино и Карцево, погорельцы.		
1865?	Помощь погорельцам в деревнях Якунино и Карцево.	н/д
МОСКВА И МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ – “Б”		
22. Москва, Успенский собор в Кремле.		
1874	Покупка утвари.	2.400
1875	Покупка утвари.	8.249
22. Москва, церковь Девяти Кизических мучеников на Пресне.		
1865	Пожертвование «на возобновление и украшение Девятинской церкви».	7.000
1868–1878	Помощь беднейшим ученикам духовных училищ через братство св. Николая.	н/д

22. Москва, Петропавловская церковь при Мещанском училище.		
1869	Пожертвование на устройство храма.	500
23. Волоколамск, Воскресенский или Никольский собор.		
1862	Пожертвование лампы для иконы Николая Чудотворца.	200
24. Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра.		
1867–...	Строительство и отделка храма Филарета Милостивого.	н/д
1870–1871	Роспись Филаретовского храма, золочение главки часовни Максима Грека.	н/д
1872	Пожертвование ризы на икону в Троицкое Сухаревское подворье в Москве.	н/д
1875, 1876	Печать книг о митрополите Филарете и его портретов (2.000, 1.800, 4.000 экз.).	432
1878	Духовное завещание.	4000
24. Сергиев Посад, Спасо-Вифанский монастырь.		
1871	Отливка колокола (совместно с другими жертвователями).	3.000
1875	Пожертвование на постройку колокольни.	1.500
1878	Духовное завещание.	3000
24. Сергиев Посад, Гефсиманский скит.		
1870	Пожертвование на постройку колокольни.	2.000
1874	Отливка колокола.	н/д
1878	Духовное завещание.	3000
25. Никульское-Карамышево Московского у., Никольская церковь.		
1859	Помощь в исправлении ветхостей деревянной церкви и ее сборке.	н/д
1861	Пожертвование «на устройство новой церкви» и отливку колоколов.	2.000
1866	Устройство нового иконостаса, покупка утвари.	н/д
26. Спас-Тушино Московского у., Преображенская церковь.		
1877?	Пожертвование на строительство нового храма.	н/д
27. Можайск, Никольский собор.		
1869	Пожертвование лампы и ризы к чудотворному образу св. Николая.	600
РОССИЯ И ЗАГРАНИЦА – “В”		
28. Петербург, церковь Марии Магдалины при Ивановском девичьем училище.		
1871	Устройство церкви при училище.	16.000
29. Вербиллово Себежского у. Витебской губ., Покровский монастырь.		
1872	Устройство иконостаса в Вербилловском монастыре.	800
30. Городище Лопасня Каширского у. Тульской губ., Пятницкий или Никольский храмы.		
1871	Пожертвование «в пользу церкви села Городищи».	150
31. Новоникольское Каширского у. Тульской губ., Покровская церковь.		
1877	Пожертвование на роспись стен и купола храма.	н/д
32. Радовицы Егорьевского у. Рязанской губ., Никольский монастырь.		
1871	Пожертвование на обитель.	500
33. Романов-Борисоглебск Ярославской губ., Воскресенская церковь.		
?	Пожертвование креста к мощевнику святых.	н/д
34. Улала Бийского у. Томской губ., Спасская церковь.		
1875	Пожертвование икон для иконостаса.	н/д
35. Гельсингфорс Великого княжества Финляндского, Успенский собор.		
1861	Пожертвование на сооружение храма.	6.667 ?
36. Иерусалим и Хеврон на Святой земле.		
1865–1875	Пожертвование на покупку земли с Мамврийским дубом и другие цели.	6.000
1871	Отливка колокола для Троицкого собора (совместно с другими жертвователями).	н/д
1863	«пожертвование на устройство Православных Церквей Литовской епархии».	н/д

Колокола Цуриковых

Колокола, отлитые на деньги Цуриковых и переданные в разные Божьи дома

Село, церковь	Год	Шт	Пуды, фунты	Кг	Примечание (завод)
Лужки, Петропавловская церковь.	1849	2	356 п. 23 ф.	5.831	з-д Самгина, см. пояснение–1
			10 п.	164	
Троицкое, Троицкая церковь.	1856	1	50 п. 4 ф.	821	з-д Самгина
Аносино, Троицкая церковь.	1855	1	89 п. 39 ф.	1.474	н/д
	до 1869	1	155 п. 20 ф.	2.547	
Воскресенск, Вознесенская церковь.	1860	1	313 п.	5.127	полиелейный
Никульское-Карамышево, Никольская церковь.	1861	2?	н/д		см. пояснение–2
Ивановское, Успенская церковь.	до 1868	8	614 п. 27 ф.	10.069	з-д Финляндского
			156 п. 11 ф.	2.560	
			48 п. 23 ф.	794	
			20 п. 17 ф.	334	
			17 п. 17 ф. в 4-х кампанах	285	
Аксиньино, Никольская церковь.	1870	1	н/д		н/д
Сергиев Посад, Вифанский монастырь.	1871	1	325 п. 38 ф.	5.339	см. пояснение–3
Иерусалим, Троицкий собор.	1871	1	156 п. 20 ф.	2.563	з-д Финляндского см. пояснение–4
Акулово, Покровская церковь.	1873	1	н/д		з-д Финляндского см. пояснение–5
Еремеево, Вознесенская церковь.	1873	1	Более 100 п.	Более 1.638	з-д Финляндского см. пояснение–6
Сергиев Посад, Гефсиманский скит.	1874	1	260 п.	4.259	н/д
Рубцово, Покровская церковь.	1875	2	204 п. 1 ф.	3.342	з-д Финляндского см. пояснение–7
			10 п.	164	з-д Финляндского см. пояснение–8
Саввинская Слобода, Тихвинская церковь.	1879	1	79 п. 30 ф.	1.307	з-д Финляндского см. пояснение–9
Всего		25		46.980	

Общий вес 25 колоколов составляет без малого 47 тонн (это явно заниженное число, т.к. для четырех кампанов вес нет данных – н/д). В среднем получается почти по две тонны на колокол!

Пояснение–1. Лужки, Петропавловская церковь.

«большой колокол вылит 1849 года Ноября 1 дня во славу Св. Единосущныя Животворящия и нераздельныя Троицы; Отца и Сына и Св. Духа Москов. губер. Звенигор. уезда в Петропавловскую [церковь] по благословению Высокопреосвященнейшаго Митрополита Филарета в Москве на заводе почетнаго гражданина собственным изданием сына его 2 гильдии купца Павла Григорьевича Цурикова – Димитрия Николаевича Самгина, весу 356 пуд 23 фунта»³⁶⁰.

Пояснение–2. Никульское-Карамышево, Никольская церковь.

Выше в соответствующем материале приводилась цитата, в которой написано, что Цуриков пожертвовал деньги «на новыя колокола к сей церкви». Количество и вес указаны не были. Слово «колокола» во множественном числе предполагает, что их было не менее двух.

Пояснение–3. Сергиев Посад, Вифанский монастырь.

«Московской губернии заштатнаго города Воскресенска 1-й гильдии Купец, Потомственный

Гражданин и Мануфактур Советник Павел Григорыч Цуриков, по усердию к памяти Святителя Платона, в устроенную им Спасо Вифанскую Обитель пожертвовал на устройство колокола в 325 пуд. 38 ф. три тысячи рублей»³⁶¹.

Пояснение—4. Иерусалим, Троицкий собор.

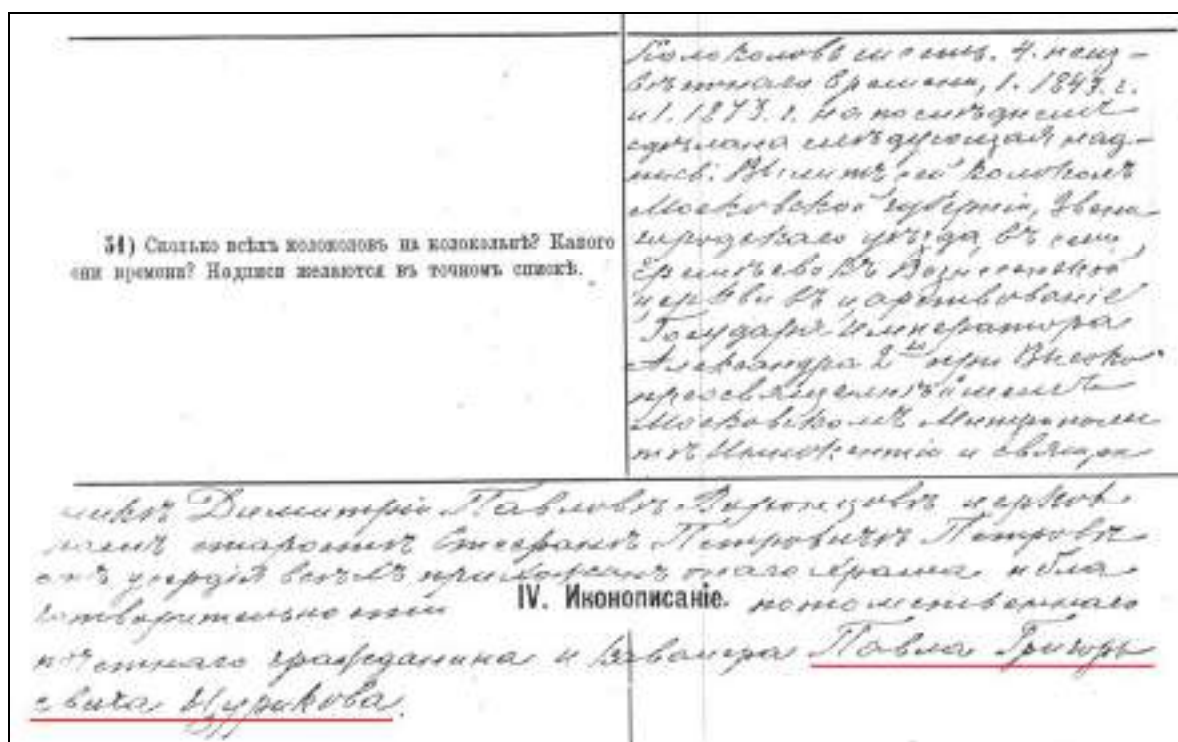
«ГРАЖДАНЪ ГОРОДА МОСКВЫ И КОЛОМНЫ РАБОВЪ БОЖИИХЪ ПАВЛА АННЫ ЦУРИКОВЫХЪ, СТЕПАНА СИМЕНА МИХАИЛА ИОАННА А. И. МАКЕЕВЫХЪ. [...] ЗАВОДА ФИНЛЯНДСКОГО ВЪ МОСКВЕ ВЕСУ 156 ПУ 20 [фунтов]» (полный текст приведен в этой главе).

Пояснение-5. Акулово, Покровская церковь.

«в село Акулово, ко храму Пресвятой Богородицы при священнике Василии Орлове и при церковном старосте Тимофее Иванове и усердием прихожан И. С. Перлова и П. Г. Дурикова 1873 года апреля 5 дня»³⁶².

Пояснение—6. Еремеево, Вознесенская церковь.

«от усердия всех прихожан онаго храма и благотворительности потомственного почетнаго гражданина и кавалера Павла Григорьевича Цурикова»³⁶³.

Изо 6–89. Фрагмент метрики Вознесенской церкви села Еремеево, 1887.

Пояснение—7. Рубцово, Покровская церковь.

«Сей колокол лета 1875 года Сентября 20 д. [дня] в царствование императора Александра II-го при Митрополите Инокентии, церковном старосте помещике Дмитрие Голохвастове, священнике Василии Скворцове, усердием статского советника Павла Григорьевца Цурикова в память его рождения при селе Покровском и крещении в сей церкви. Лит в заводе Московскаго купца М. Д. Финляндскаго в Москве. Весу 204 пуда один фунт»³⁶⁴.

Пояснение—8. Рубцово, Покровская церковь.

«Лета 1875 года Сент. 20 д. в село Покровское пожертвован усердием статского советника Павла Григорьевича Цурикова. Лит в заводе М. Д. Финляндского в Москве. Весу 10 пудов». Для обоих колоколов правильно: «Н. Д. Финляндского», т.к. заводчика звали Николай Дмитриевич.

Пояснение—9. Саввинская Слобода, Тихвинская церковь.

«вылит сей колокол в память Павла Григорьевича Цурикова в 1879 году сентября 25 дн. (Герб). Внизу надпись: “Лит в первопрестольном граде Москве, в заводе потомственного почетного гражданина Николая Дмитриевича Финляндского. Весу 79 п. 30 ф. (4 медали)”»³⁶⁵.

Глава 7. Анна Сергеевна Цурикова

Женой купца и благотворителя Павла Григорьевича Цурикова была **Анна Сергеевна** (урожд. **Мингалева**, 1818 – † 1907), которая была на шесть с половиной лет младше мужа. Самая ранняя ее фотография опубликована в книге “Суконщики Поповы”, изображение позаимствовано из архива Шуберт. В подписи указано время съемки – 1860-е годы. Но в справедливости этого утверждения есть сомнения. Если эта дата верна, то тогда Цуриковой было бы от 43 до 52 лет. А на приводимом изображении женщина, кажется, выглядит моложе. Рядом приводится ранее не публиковавшаяся фотография из архива РГАЛИ, на которой Анне Сергеевне 50 лет. Здесь она выглядит явно старше.

Изо 7–01. А. С. Цурикова в молодые годы, (АШ).

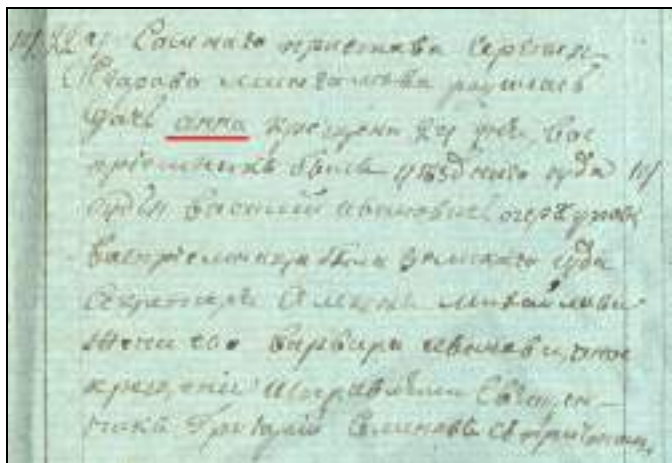
Изо 7–02. А. С. Цурикова¹, фотограф Тулинов, 1868, (РГАЛИ).

В некоторых современных изданиях написано, что Анна Сергеевна происходила из дворянского рода Мингалевых. Это не совсем точное утверждение. Дело вот в чем. Отец Анны Сергей Егорович Мингалева не был рожден дворянином, получил право на дворянство по чину коллежского асессора только в 1828 г., т.е. спустя 10 лет после рождения Анны. И этим правом воспользовался, записав в дворянское сословие не только себя и жену, но и пятерых имевшихся к тому времени своих детей. Таким образом, С. Е. Мингалева относился к довольно многочисленному, так называемому, «служивому дворянству». Обо всем этом подробный разговор пойдет в следующей главе, а сейчас остановимся на старшей дочери Сергея Егоровича.

Когда Анна Сергеевна вышла замуж за Звенигородского купца 3-й гильдии П. Г. Цурикова, в документах ее стали именовать «женой купца». Со временем Павел Григорьевич получал звания, они как бы переходили и его жене. Когда ему в 1871 г. был вручен орден св. Владимира 4-й степени, дававший право на причисление к дворянскому сословию, Анна Сергеевна, как супруга кавалера этого ордена, снова стала именоваться в документах дворянкой. Таким образом, жизнь А. С. Цуриковой можно разделить на периоды:

- с рождения и до 10 лет (1818–1828) – дочь служащего;
- с 10 до 19 лет (1828–1837) – дочь дворянина;
- с 19 до 53 лет (1837–1871) – жена купца, потом почетного гражданина, мануфактур-советника;
- с 53 до 89 лет (1871–1907) – дворянка, с 1878 г. «вдова действительного статского советника».

1818–1837: Происхождение и детство Анны

Изо 7–03. Запись о рождении Анны, 1818.

Анна Сергеевна родилась в уездном городе Звенигороде. В метрической книге городской Вознесенской церкви за 1818 г. обнаружена запись о ее рождении: «Июль, 22. У Соленого пристава¹ Сергея Егорова Мингалева родилась дочь Анна крещена 24 дня»². Отец Анны был переведен в Звенигород еще в 1798 г. За время жительства в этом городе сменил несколько мест работы. В 1820 г. Сергея Егоровича перевели на новое место службы в город Богородск Московской губернии. Там семья прожила до 1828 г., когда С. Е. Мингалева вышел в отставку и решил переехать в Воскресенск, откуда родом была его супруга Анастасия Борисовна. Так Анна оказалась в заштатном городе. Было ей в ту пору 10 лет.

В то время Воскресенск был небольшой и тихий городок без каких-либо фабрик и заводов. Основной доход жителям приносило обслуживание богомольцев, приходящих в расположенный на окраине города Новоиерусалимский монастырь (обеспечение проезда, питания и ночлега гостей). В приходе единственной городской Вознесенской церкви числился 71 двор, включая 7 дворянских. Прихожан насчитывалось 222 мужчины и 265 женщин³ (данные на 1832 г.). Какого-либо учебного заведения или школы в то время в Воскресенске еще не было (училище было открыто только в 1848 г.). Для обучения детей состоятельные родители нанимали частных учителей, занятия проводились на дому.

Именно так обстояло дело и с Анной, в одном из документов в графе «образование» отмечено: «домашнее»⁴. А. М. Шуберт писала: «В отличие от своего жениха Анна Сергеевна была благовоспитанной светской барышней, получившей хорошее домашнее образование, причем владела французским языком. [...] Очень большое культурное влияние стала она оказывать на всю семью Цуриковых»⁵.

1837–1878: Замужество, жизнь с супругом на Ивановской фабрике

Знакомство с будущим мужем

В воспоминаниях той же родственницы описана история знакомства дворянки Анны с молодым купцом: «Как-то, еще до своего замужества, она проезжая на богомолье в Аносино мимо изб Цуриковых, постучала к ним и попросила дать напиться воды. И вот к ней вышел сын Цурикова П. Г. и подал ей ковшик с водой. Это была первая встреча Цуриковых с Мингалевыми. П. Г., пленившись красотой и изяществом Анны Сергеевны, влюбился в нее и тогда же затаил желание жениться на ней, когда он будет владельцем ф-ки, но никому об этом заранее не рассказывал».

Желание сына поддержал отец мельник: «После того как Григорий Михайлович стал единоличным владельцем Ивановской фабрики, он сделал своего сына Павла ее совладельцем; и последний сделался богатым женихом. Тогда Григорий Михайлович стал склоняться к тому, чтобы приблизить его к местному дворянству. Он присватал его к дочери воскресенского домовладельца отставного коллежского асессора Сергея Егоровича Мингалева, проживавшего с пятью человеками детей в этом маленьком заштатном городе рядом с Новоиерусалимским монастырем»⁶.

Надо сказать, что Мингалевы и Цуриковы были довольно далеки друг от друга по происхождению и воспитанию. Родитель невесты Сергей Егорович, хоть и не происходил из знатного благородного рода, а стал дворянином лишь за несколько лет до породнения с Цуриковыми, думается, никогда не работал на «черных работах». Как следует из документов, он долгие годы был служащим различных государственных организаций и имел возможность дать своим детям неплохое образование.

А отец жениха Григорий Михайлович, напротив, с рождения был дворовым человеком, принадлежал помещикам Голохвастовым, и оставался крепостным до самой своей смерти. Он завел собст-

¹ «Соляной пристав являлся хранителем казенных запасов соли и контролировал производство соли. Должность соляного пристава соответствовала 8-му классу (коллежский асессор)» (интернет).

венную мельницу и сукновальню вблизи деревни Ивановской уже в зрелом возрасте. А разбогател и вовсе под старость, дети к тому времени выросли. Так что дать им хорошее образование мельник не мог. Старший сын у кого-то обучился основам грамоты, но не более того. Так и остался на всю жизнь малограмотным. Однако это не мешало ему осваивать хитрости различных профессий и ведения коммерческих дел. За несколько лет до женитьбы Павел стал купцом 3-й гильдии по г. Звенигороду.

Таким образом, возникла типичная ситуация того времени с неравным браком (так называемый **мезальянс**): у семьи жениха были деньги, но не доставало образования и воспитания, а у родственников невесты все было наоборот. Надо сказать, что для Мингалевых в этом не было ничего необычного, ибо брак Сергея Егоровича также был неравным. Он, будучи рядовым служащим Звенигородского уездного суда, взял в жены дочь купца Анастасию Борисовну Пителевскую.

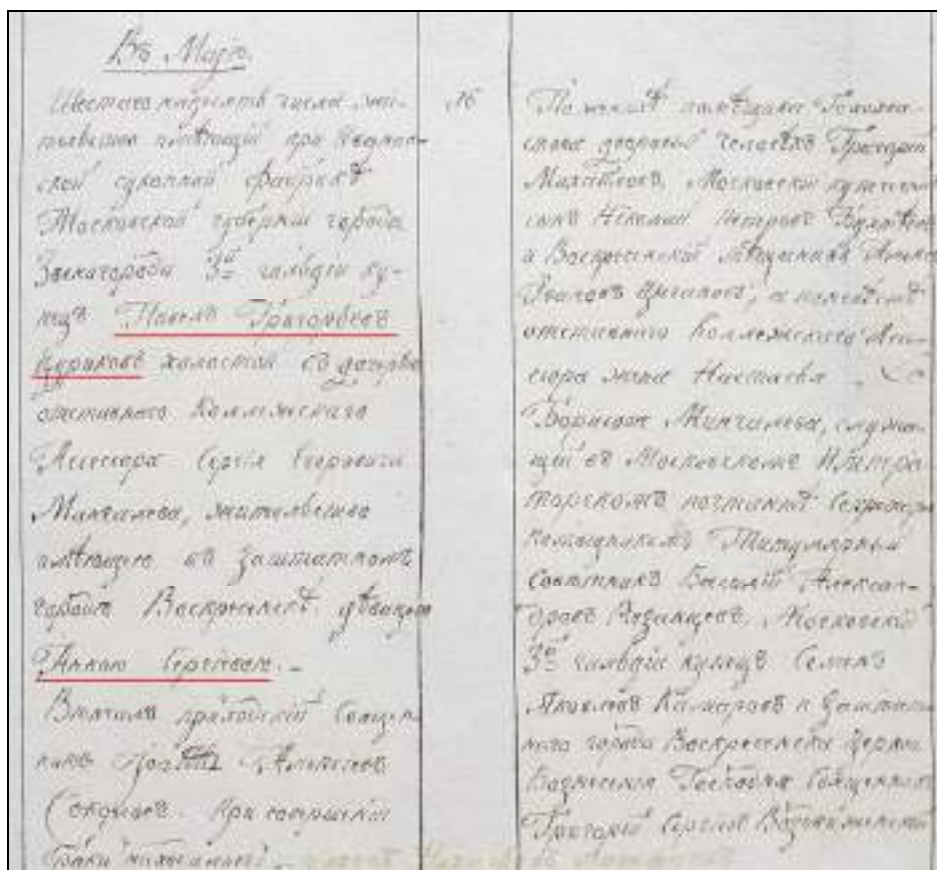
А. М. Шуберт свидетельствовала: «Выход замуж Анны Сергеевны за богатого человека явилось истинным благодеянием для ее семьи». Если к этому добавить другие слова той же родственницы, что «Вероятно финансовое положение этой семьи Мингалевых было тогда тяжелым, если она не уклонилась от сватовства ее дочери с Ивановским мужичком», то может сложиться впечатление, что невеста принесла себя в жертву ради благополучного будущего своих братьев и сестер. Это не совсем так. Да, близкие родственники в результате такого брака получили возможность получить образование. Но Анна отнюдь не была пострадавшей стороной. Об этом говорят слова племянника С. М. Попова о своей тете: «нисколько не разыгрывая из себя жертвы, напротив — уважала и любила мужа»⁷.

Все та же А. М. Шуберт писала: «В период своей помолвки с молодым Цуриковым она посылала ему очень сентиментальные письма, с изъяснением там, как она его любит, как без него скучает. Всего вероятнее, что она писала их под чью-то диктовку»⁸. Трудно сказать, почему сделан вывод, что письма писались под диктовку. Напротив, есть основания считать, что молодые люди друг другу понравились. Их желание обвенчаться было обоюдным и без принуждения.

Бракосочетание

Венчание состоялось в Петропавловской церкви села Лужки. Жениху было 25 лет, а невесте не исполнилось еще и 19. В метрической книге за 1837 г. была сделана следующая запись:

«В Мае. Шестаго на десять [16] числа жителство имеющий при Ивановской суконной фабрике Московской губернии города Звенигорода 3-й гильдии купец Павел Григорьев Цуриков холостой [сочетался браком — Авт.] с дочерью отставного Коллежскаго Ассессора Сергея Егоровича Мингалева, жителство имеющего в заштатном городе Воскресенске, девицею Анной Сергеевою». В колонке поручителей (свидетелей) записаны следующие имена: «По женихе помещика Голохватова дворовый человек Григорий Михайлов [отец жениха], Московский купеческий сын Николай Петров Бухтеев и Воскресенский мещанин Алексей

Изо 7–04. Запись о бракосочетании Цуриковых в метрической книге, 1837.

Иванов Цыганов [дядя жениха]; а по невесте отставного Коллежского Ассессора жена Настасья Борисова Мингалева [мать невесты], служащий в Московском почтамте секретарем помощника Титулярный Советник Василий Александров Рязанцев, Московский 3-й гильдии купец Семен Яковлев Камаров и заштатного города Воскресенска церкви Вознесения Господня священник Григорий Сергиев Воздвиженский»⁹.

Сразу же после венчания случилось первое испытание для невесты. Как писала А. М. Шуберт: «После свадьбы П. Г. счел своим долгом нанести вместе с молодой женой визит барину своего отца – П. И. [правильно: Д. П. – Авт.] Голохвастову. Они поехали к нему в имение Покровское-Рубцово и отвезли ему в подарок большую корзину каких-то очень хороших фруктов. Однако Голохвастов не счел возможным допустить своего бывшего крепостного в свои внутренние покои и принял молодых в передней, хотя до этого Анна Сергеевна бывала принята в его доме и танцевала у него на балах».

Отношения в семье Цуриковых

Об отношениях в семье Цуриковых свидетельств немного. Ранее уже говорилось, что еще до свадьбы молодые люди понравились друг другу, писали «сентиментальные» письма. Увы, письма эти не сохранились, так же как не найдены послания друг другу уже в зрелом возрасте (несомненно, такие послания были, т.к. Павел Григорьевич иногда уезжал довольно далеко и надолго). Поэтому остается довольствоваться свидетельствами людей, знавших супругов Цуриковых.

В воспоминаниях А. М. Шуберт есть такие слова: «Личные отношения между столь разными по своему образованию и привычкам людьми, как Павел Григорьевич и Анна Сергеевна, сложились после свадьбы более благополучно, чем это можно было ожидать. Павел Григорьевич относился к своей молодой жене с неизменным уважением и мягкостью, ласково называл ее “Аннатутенькой”. Анна Сергеевна со своей стороны со свойственным ей тактом никогда не давала своему тестю и другим своим новым родственникам почувствовать свое культурное превосходство над ними. При встречах и прощаниях муж и жена всегда целовали друг другу руки»¹⁰.

Священник Николай Голубев в своей книге писал: «О своем желании и решительном намерении построить свой храм он [Павел Григорьевич] открывает самому близкому для него человеку – своей супруге Анне Сергеевне»¹¹. В одной из статей, посвященной освящению храма в Саввинской Слободе, были напечатаны такие слова: «Но супруга покойного Анна Сергеевна не желала оставить недоконченным доброе дело своего любимого супруга»¹². А в послании архимандриту Леониду (Кавелину) вдова А. С. Цурикова пишет: «Помня ваши добрые отношения к покойному Павлу Григорьевичу, покорнейше прошу Вас благосклонно принять в дар означенное письмо, которое напомнит Вам бывшее для меня столь щастливое время»¹³. И еще можно напомнить слова С. М. Попова о своей тете: «уважала и любила мужа».

Ни одного свидетельства о скандалах, размолвках или супружеских изменах Цуриковых не обнаружено. Все это в совокупности позволяет говорить о том, что вплоть до самой кончины супруга в семье сохранялись добрые, хорошие отношения. И даже больше. Выделенные слова в цитатах, высказанных разными людьми, однозначно свидетельствует, что Павел Григорьевич и Анна Сергеевна любили друг друга, были счастливы в семейной жизни. Это подтверждает и то, что почти все свои активы благотворитель завещал своей жене.

Жизнь с мужем на его фабрике

По свидетельству С. А. Попова: «Григорий Михайлович, будучи от природы наделен недюжинным умом, сразу оценил свою невестку, и первый подарок, который был привезен <из> Москвы, было фортепиано. Этим и всем следующим Григорий Михайлович ясно доказывал, что он далеко не раскаивался, что принял в свою семью дворянку. Анна Сергеевна, как умный и интеллигентный человек, сумела внести в обстановку простой рабочей семьи атмосферу некоторой культурности, которая впоследствии делала их дом почти первым в уезде по уюту и хлебосольству»¹⁴.

После свадьбы молодая семья Цуриковых поселилась рядом с Ивановской фабрикой. Как уже говорилось: «К этому сроку отец Павла Григорьевича построил для сына и своей “невестки-барыни” отдельный домик [подчеркнуто в оригинале] напротив своих изб [...] Как видно, Григорий Михайлович считал недостойным для Анны Сергеевны поселить ее в одной из своих изб среди кучи своих детей»¹⁵. Об этом доме шел подробный разговор в третьей главе (он там был обозначен третьим жилым местом на фабрике, малым домом хозяев – III). Обнаружено несколько фотографий этого дома. Все они собраны

Изо 7–05. Малый дом семьи Цуриковых¹⁶, 1891, (РГАЛИ).

в приложении–18 (изо Р–38, Р–39, Р–40, Р–41), здесь приводится одна из них.

В воспоминаниях Шуберт написано: *«Выйдя за Цурикова замуж, она сохранила прежние привычки и сумела завести в их доме барские порядки. Теперь она стала важной и тонкой дамой»*. Приведенные в цитате слова о важной даме не следует понимать как то, что Анна Сергеевна была высокомерной и сторонилась простого народа. В ходе работы над данной книгой в архивах было просмотрено большое количество метрических книг нескольких храмов (в Лужках, Ивановском, Воскресенске, в Москве) за разные годы. И довольно часто (счет идет на десятки случаев) в записях о рождении малышей встречалось имя А. С. Цуриковой как восприемника при крещении. Причем это были не только близкие родственники, но и дети служащих фабрики, горожан, духовенства. Все это говорит об отсутствии у Анны Сергеевны какого-либо высокомерия к простолюдинам, которое имелось у некоторых представителей дворянства. Это подтверждают и слова племянника С. М. Попова о своей тете: *«ко всем вообще относились ласково и гостеприимно»*.

В семье Цуриковых между супругами установилось полное взаимопонимание и в других делах. Суконная фабрика в Ивановском активно развивалась, наращивала выпуск продукции. Анна Сергеевна в производственные дела мужа не вмешивалась, она больше заботилась об окружающей красоте: *«ее тонкий вкус и изобретательность сказались тем более при постройке молодыми Цуриковыми их нового хозяйского дома перед воротами фабрики, где она была уже почти полной хозяйкой. [...] нижний сад оказался на берегу прокопанного канала с водой более чистой чем сама Истра. На этом канале была устроена купальня, [...] К ней вел из сада мостик. В общем и целом все окружение дома получилось очень красивым. В этой купальне Анна Сергеевна купалась, [...] при своем купании изгоняла оттуда некоторых своих любимых дворовых собак, так как она не позволяла себе [...] купаться, если это были кобели»*¹⁷.

Ранее были приведены фотографии главного (большого) хозяйского дома, названного четвертым жилым местом на фабрике (изо 3–27, 3–28, 6–07). Здесь размещено еще одно изображение «нижнего» сада при доме Цуриковых-Поповых. В левой части снимка видно белое круглое строение со шпилем – это купальня на обводном канале, о которой шла речь в цитате. А в центре изображения грот. Справа за деревьями проглядывает большой барский дом (IV).

Вот что еще вспоминала А. М. Шуберт: *«Когда дом Павла Григорьевича и Анны Сергеевны был готов и обставлен, Анна Сергеевна стала принимать к себе окрестную знать. У Цуриковых в их богатом и хлебосольном доме стали бывать, среди окрестных помещиков, даже сыновья бывшего барина Григория Михайловича Цурикова – братья П. и М. [правильно: Павел и Дмитрий] Голохвастовы»*¹⁸.

Изо 7–06. Нижний сад при большом доме на Ивановской суконной фабрике¹⁹, 1892.

Примерно о том же писал и С. М. Попов: *«Гостеприимству Цуриковых не было пределов. Дядя мой [Павел Григорьевич] любил особенно духовенство, а Анна Сергеевна всех высокопоставленных, хотя и ко всем вообще относились ласково и гостеприимно. Так как отец мой был единственным производителем в своих магазинах цуриковских товаров, то сношения наши с Цуриковыми были самые близкие и сердечные: наша семья постоянно гостила на фабрике. Как все было красиво и богато в Ивановском! Дом, и комнаты, и сад. И как там умели угостить! Сама хозяйка была образцом всего изящного и красивого. Как умела она одеться именно барыней, и как все на ней казалось хорошо и достойно этого симпатичного человека. Я никогда не видал Анны Сергеевны небрежно одетой»*²⁰.

1878–1887: Хозяйка суконной фабрики

Как уже говорилось, Павел Григорьевич Цуриков скончался в начале января 1878 г. Анне Сергеевне было почти 60 лет. После этого она еще 29 лет прожила вдовой, замуж больше не выходила.

О завещании благотворителя рассказывалось в предыдущей главе. Вся недвижимость, включая в первую очередь Ивановская фабрика, отошла супруге. Большая часть капиталов (по некоторым данным 1.090.000 руб.) также досталась ей. Таким образом, вдова стала очень богатым человеком. Как показывает ее дальнейшая жизнь, она не проматывала полученное наследство, много жертвовала на благотворительные дела, в первую очередь, на поддержку народного образования.

Итак, вопреки своей воле в 1878 г. Анна Сергеевна оказалась во главе довольно большого предприятия (по крайней мере, в Звенигородском уезде более крупной фабрики или завода в то время не было). Она мало что понимала в технике: *«Оставшись одной, она вероятно растерялась, так как была совершенно не знакома с суконным производством»*. И поэтому управление делами фабрики поручила родственнику по линии мужа, его компаньону купцу Максиму Ефимовичу Попову.

Ранее в третьей главе рассказывалось о том времени, когда хозяйкой суконного предприятия была А. С. Цурикова. Как Анна Сергеевна противилась нововведениям, как фабрика фактически стагнировала, а потом производство и вовсе остановилось. Там же упоминалась почти забытая ныне статья П. С. Попова *«Прообраз рассказа А. П. Чехова “Бабье царство”*», опубликованная в 1974 г. (текст был написан еще до войны). Автор статьи (родственник Анны Сергеевны) предположил, что знаменитый писатель написал рассказ “Бабье царство” под впечатлением своих посещений суконной фабрики А. С. Цуриковой, когда жил в наших местах. Имеет смысл на этом остановиться подробнее, т.к. о визитах писателя в Ивановское мало кто знает, даже среди чеховедов. Не пересказывая всего содержания статьи (ее полный текст приведен в приложении–7),

остановимся на отдельных моментах.

Рассказ Антона Павловича “Бабье царство” посвящен купчихе Анне Акимовне, которая оказалась никудышной хозяйкой своей фабрики. Несмотря на то, героине чеховского рассказа было всего 26 лет, а Цурикова стала владелицей Ивановской фабрики в 60 лет, автор статьи Павел Сергеевич Попов считал, что писатель основной сюжет и характер главной героини позаимствовал под впечатлениями от посещений Ивановского: *«Цуриковская фабрика то же пришла в упадок вследствие неумелого хозяйничания Анны Сергеевны; как раз в последний год пребывания Чехова в Бабкине фабрика стала. Тогда же Цурикова переехала в город, продавши все свое дело, которым она не в состоянии была руководить»*²¹.

Теперь относительно того, были ли знакомы А. П. Чехов и А. С. Цурикова. Тут мнения людей, знавших владелицу фабрики, расходятся. А. М. Шуберт в своих воспоминаниях писала, что в гостях у Анны Сергеевны *«Был раз Антон Павлович Чехов (брат его учительствовал в Воскресенске), но они друг другу не понравились»*²². А вот другой родственник П. С. Попов придерживался иного мнения. В своей статье он написал так: хотя *«Антон Павлович не был лично знаком с Цуриковой и не бывал у нее в доме»*, но он *«имел полную возможность наблюдать за жизнью богатой фабрикантши Анны Сергеевны Цуриковой»*. А в рабочих материалах к этой статье есть такие строки: *«Сама Анна Сергеевна, не будучи знакома с А. П. Чеховым, разумеется, слышала о нем, как о писателе, но, если и читала что-нибудь из его произведений, то лишь случайно. По стилю ее жизни и интересов такая литература не была в ее кругозоре»*²³.

П. С. Попов пишет, что **Чехов неоднократно приезжал на Ивановскую суконную фабрику** к своим знакомым — учителю С. В. Соловьеву и служащему С. И. Топленинову (у того даже хранилась визитная карточка будущего писателя, оставленная после очередного визита в Ивановское). По словам автора статьи от этих людей, живших на фабрике, Антон Павлович многое узнал о производстве, ее владелице и жизни рабочих и потом это использовал в своем рассказе.

К словам о визитах Чехова в Ивановское следует отнестись с полным доверием, ибо автор упомянутой публикации Павел Сергеевич с самого раннего детства бывал на суконной фабрике, которая принадлежала его отцу Сергею Максимовичу Попову. И хотя он родился в 1892 г. и не мог быть непосредственным свидетелем событий, о которых пишет в своей статье, но, безусловно, другие люди могли рассказывать о писателе, ставшим еще при жизни широко известным. Вряд ли это был Соловьев (учитель уехал из Ивановского, когда Павлу было всего три года). А вот Топленинов, который долгие годы работал управляющим фабрики, мог поделиться своими воспоминаниями.

В завершение этой темы хотелось бы отметить следующее. Главный посыл статьи, утверждение автора о том, что Антон Павлович описал в своем рассказе Ивановскую фабрику и ее неумелую хозяйку Цурикову, представляется спорным утверждением. Каждый с этим может согласиться или не согласиться, прочитав рассказ Чехова и статью Попова. Но не это главное, важно другое.

Первое. Теперь стал известен первоисточник информации о визитах знаменитого писателя на Ивановскую фабрику¹. И этот источник внушает доверие. Можно с полной уверенностью говорить о том, что Ивановская фабрика — это еще одно место в Истринском районе, связанное с именем А. П. Чехова.

Второе. П. С. Попов пишет об А. С. Цуриковой, которую лично знал (он был ее внучатым племянником). Некоторые из приведенных в статье бытовых деталей в воспоминаниях других родственников не встречаются, тем они особенно интересны. Например: *«Анна Сергеевна жила в новом доме, построенном рядом со старым флигелем (впоследствии оба здания были соединены коридором). [...] При Анне Сергеевне находилась ее доверенная прислуга Феклянька, прежняя крепостная Мингалевых. [...] Вокруг дома был разбит сад с разнообразными клумбочками, фонтанами, беседками, гротом, перекидным мостиком на островок и т. п. Ничего не понимая в фабричном деле, она все же играла роль хозяйки. Обыкновенно через наушниц — жен фабричных мастеров поступали разные сплетни, и под влиянием этих бабьих разговоров Анна Сергеевна давала те или иные распоряжения. К концу ее пребывания на фабрике почему-то делами командовал местный врач»*.

¹ Нельзя сказать, что о приездах А. П. Чехова на Ивановскую фабрику никто в наше время не знал. Так в энциклопедии “Истринская земля” было написано, что в школе при суконной фабрике работал учитель Соловьев, *«приятель А. П. Чехова»* (с.404). Но никакой конкретики нигде не приводилось, ссылки на первоисточник информации не было. Теперь этот источник известен.

Девять с лишним лет А. С. Цурикова являлась хозяйкой Ивановской фабрики. Чувствуется, что она этой ролью тяготилась, и изрядно измучила родственника М. Е. Попова, который вынужден был разрываться между своей торговлей в Москве и делами фабрики в Ивановском. И вот, наконец, 7 октября 1887 г. вдова решилась на продажу суконной фабрики. Она исполнила завещание мужа, который велел продать фабрику только компаньону М. Е. Попову. Максим Ефимович согласился купить предприятие, однако почему-то предложил явно заниженную цену. По воспоминаниям родственницы он заплатил 750.000 руб.²⁴, из них полмиллиона векселями¹. А по официальным документам сделка была в пять раз дешевле – 150.000 руб.²⁵.

Такой низкой предложенной ценой за фабрику Анна Сергеевна «была поражена и оскорблена, на все согласилась и уехала из Ивановского навсегда, чтобы уже никогда туда не возвращаться». Утверждение об отъезде «навсегда» является преувеличением. На самой фабрике она может действительно больше не была (а что там ей было делать?) А вот в Успенскую церковь в Ивановском, как свидетельствуют метрические книги, приезжала на крещение родившихся детей у местного священника Голубева (в 1888) и у внучатого племянника А. И. Сиротинина (1895).

1887–1907: Жизнь в Воскресенске

После продажи суконной фабрики вдова переехала на постоянное место жительства в город Воскресенск, где и провела остаток своих дней. Как написано в воспоминаниях Шуберт: «Она переехала в г. Воскресенск, где ею (а может быть, и раньше Павлом Григорьевичем) были построены три дома между монастырем и городом: один — самый большой для нее самой, другой поменьше для ее сестры Любви Сергеевны, бывшей начальницы Екатерининского института, вышедшей в отставку, и третий небольшой (родительский был перестроен) для их сестры — Софьи Сергеевны»²⁶.

Таким образом, вдова вновь стала жить в заштатном городе. Первый раз это случилось еще до замужества, срок проживания тогда составил 8 лет (1829–1837). Второй срок оказался дольше – 20 лет (1887–1907). Таким образом, 28 лет из 88, прожитых на свете, Анна Сергеевна провела в Воскресенске.

Дом в Воскресенске

Где в городе располагался дом, в котором жила А. С. Цурикова? В различных справочниках, архивных данных говорится, что вдова проживала в своей **усадьбе на Дворянской улице**. Но где именно – не уточнялось. Местоположение стало понятным по материалам архивного дела об организации «Дома призрения» (подробнее об этом поговорим в конце главы), а также по воспоминаниям старожилов. Земельный участок вдовы находился на Дворянской улице (ныне ул. Советская) вблизи ее пересечения с Малой Крестовской (ныне ул. Володарского).

На нескольких планах города Воскресенска можно найти усадьбу Цуриковой. Так, например, в архивном деле 1908 г., посвященном постройке городского училища, имеется план, на котором

Изо 7–07, 7–08. Фрагменты планов Воскресенска, 1900 г.²⁷ и 1908 г.²⁸.

¹ Нет сомнения, что Максим Ефимович со временем рассчитался по своим векселям. Сохранилось свидетельство, что часть своих капиталов (по всей видимости, большую часть) Анна Сергеевна держала в виде ценных бумаг и банковских вкладов (РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.815. Л.28об, 78, 80, 83об, 98).

схематично обозначен дом Анны Сергеевны. Чтобы его проще было отыскать, он помечен цифрой “1”. Другими цифрами отмечены известные ориентиры в городе: “2” – здание четырехклассного училища, “3” – часовня Новоиерусалимского монастыря больше известная как Елеонская. По всей видимости, усадебный дом Цуриковой находился на том самом участке городской земли, который еще в 1861 г. Павел Григорьевич приобрел у титулярного советника В. М. Белорастова³¹.

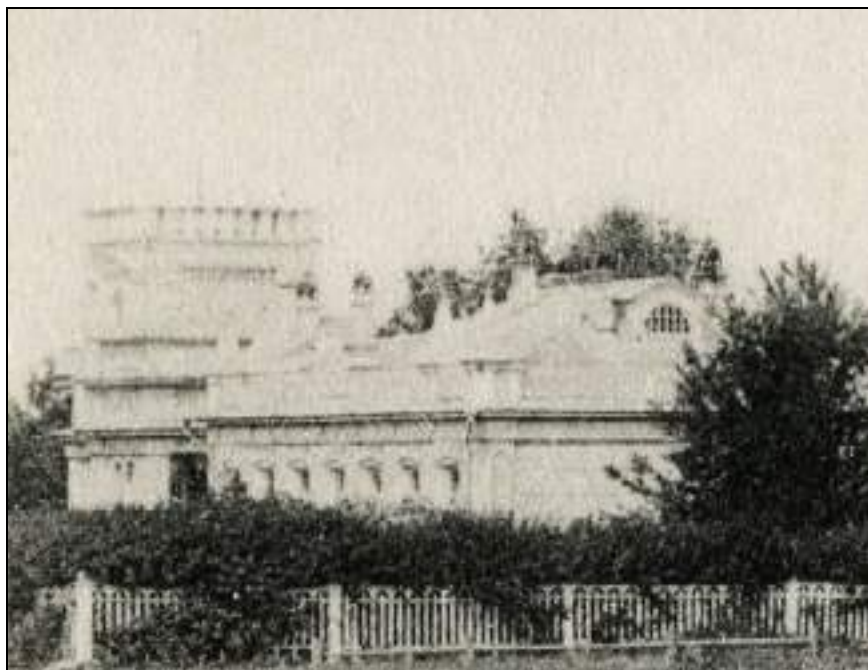
Изображение дома попало на фотографическую открытку г. Воскресенска, напечатанную незадолго до революции. На переднем плане городское четырехклассное училище (ныне школа им. А. П. Чехова), а левее дальше виднеется белое двухэтажное здание (отдельно показано на вырезке из фото). Это и есть главный усадебный дом Цуриковой. Только надо иметь в виду, что Анна Сергеевна умерла за год с лишним до построения училища. И в момент фотосъемки в ее доме размещался “Дом призрения имени А. С. Цуриковой”.

Угол усадебного дома (верхние этажи башни) виднеется на еще одной открытке, на которой показан вид с Дворянской улицы на Новоиерусалимский монастырь.

Описание дома Анны Сергеевны есть в воспоминаниях старожила г. Истры Марии Ивановны Майоровой. И хотя она видела здания уже в советское время, все равно сведения очень ценные: «Усадьба Цуриковых располагалась в начале улицы по левой стороне за монастырской прачечной и начиналась с фруктово-

Изо 7–09. Открытка «г. Воскресенск. Городское училище»²⁹, 1910-е.

Изо 7–10. Дом А. С. Цуриковой (фрагмент открытки), 1910-е.

Изо 7–11. Открытка «г. Воскресенск. Дворянская улица»³⁰, 1910-е.

го сада (а вдоль изгороди — сирень). Усадебный дом — один из самых красивых домов в Воскресенске. Это было большое двухэтажное деревянное здание, покрашенное белой краской. Здание с архитектурными украшениями, с резными наличниками. Под стать и интерьеры: рассказывали, — внутри прекрасные залы, мрамор, зеркальный камин... С северной стороны дома — большая веранда»³².

«Перейдем к следующему дому. Весной и летом он буквально утопал в зелени, а рядом фруктовый сад... Это был еще один дом, принадлежавший Анне Сергеевне Цуриковой. Небольшое двухэтажное деревянное здание с террасой выглядело более скромным в сравнении с усадебным домом Цуриковых, расположенным на этой же стороне улицы. Но здесь было необыкновенно уютно»³³.

Воспоминания еще одного старожила Ф. Канашевой относятся к более позднему времени, когда в доме Цуриковой учились дети: «Школа №2 в Истре мне понравилась. Двухэтажное кирпичное здание белого цвета с большими продолговатыми окнами, находилось напротив теперешнего горсуда по другую сторону Волоколамского шоссе. Когда-то оно принадлежало известным благотворителям Цуриковым. На втором этаже огромный зал, в углу которого стоял темный рояль. В этом зале проводились уроки физкультуры и пения, разные школьные собрания, праздники, линейки. Здание школы было обнесено забором и большими кудрявыми деревьями. Создавался красивый уголок с большой площадкой. В теплую погоду здесь проводились уроки физкультуры, всевозможные спортивные соревнования, игры. Теперь, к сожалению, этого здания нет. Оно было разрушено во время войны»³⁴.

Это все воспоминания людей, которые своими глазами видели владения А. С. Цуриковой. Они подтверждают, насколько красивыми и необычными для небольшого города Воскресенска (потом Истры) были строения на участке Анны Сергеевны. И, кстати, на это же обращал внимание современник вдовы. В газетной заметке, опубликованной в 1894 г., написано: «В Воскресенске остались его [Павла Григорьевича] дома, близь монастыря, невольно обращающие на себя внимание своею архитектурой и устройством, совсем не обычными для уездного захолустья»³⁵.

Слова в последней цитате подразумевают, что усадебный дом в Воскресенске построил П. Г. Цуриков. Однако А. М. Шуберт не берется об этом однозначно утверждать: «Она [Анна Сергеевна] переехала в г. Воскресенск, где ею (а может быть, и раньше Павлом Григорьевичем) были построены три дома между монастырем и городом». Так, когда же и кем был построен дом, в котором вдова провела остаток своей жизни? Увы, «прямых» документов на сей счет не найдено, есть лишь косвенные свидетельства, по которым можно строить предположения.

В шестой главе приводилась цитата, относящаяся к 1875 г., когда в Воскресенске затевались работы по утеплению приходской Вознесенской церкви. В ней есть слова о подарке, сделанном П. Г. Цуриковым этому храму: «он же уступил безвозмездно на это дело сорок тысяч собственного кирпича, заготовленного им на постройку своего дома в Воскресенске». Из этих слов следует, что Павел Григорьевич собирался строить в городе жилье и даже подготовил для этого необходимые кирпичи. Но, очевидно, стройка дома в указанный год так и не была начата, ибо стройматериал был передан для работ в церкви. Нужно было вновь заготавливать кирпичи, а на это требовалось время.

Как видно из другого архивного дела, о котором говорилось в той же главе, на следующий год Цуриков вновь вернулся к вопросу о строительстве своего дома. Он подал прошение городским властям о передаче ему в аренду участка земли (переулк). Вот как об этом написано в документе: «он Цуриков на собственной земле рядом с домом купца Барсукова будет строить дом и переулок этот послужит ему проездом на задней двор и для склада разных принадлежностей и строительных материалов» (речь, по всей видимости, шла о переулке, который ныне называется Училищным). Власти удовлетворили прошение благотворителя. Но много ли он успел сделать? Жить ему оставалось чуть более года...

Таким образом, если строительство дома на Дворянской улице и было начато при жизни Павла Григорьевича, то вряд ли он успел завершить его до конца. Дом был большой, за один сезон такой не построить. Получается, что этим делом пришлось заниматься вдове. По всей видимости, работы велись не спеша, ибо к моменту переезда Анны Сергеевны в город (1887) стройка еще не была закончена.

Такое предположение напрашивается из архивного дела 1889 г., в котором описаны владения А. С. Цуриковой на участке площадью 624 кв. сажени (это примерно 28,5 соток). О местоположении участка в документе написано: «по Крестовской ул.» (напомним, что усадьба вдовы находилась вблизи пересечения улиц Дворянской и Малой Крестовской). В указанном деле перечислены находящиеся на участке Цуриковой постройки. Первым указан большой «2-этаж. дом, низ каменный, а

верх дерев., крыт желез.»³⁷. Приведены его размеры (в аршинах): длина 34, ширина 20 и высота 13 (в современном измерении это 24, 14 и 9 метров). Отдельно стоит пометка: «Еще строится». Эти слова и позволяют говорить, что к моменту переезда вдовы в город не все было готово. В деле приведены сведения о двух других домах на участке, также двухэтажных. Они были поменьше: первый дом имел размеры 10, 6 и 13 аршин, второй 15, 19 и 13 аршин. И что интересно – все три здания находились под одной крышей. После всего сказанного становится понятным, почему на открытках главный дом А. С. Цуриковой выглядит таким огромным. Помимо этого на участке находился еще каменный одноэтажный дом, две деревянные избы и баня.

Изо 7–12. А. С. Цурикова в своем доме в Воскресенске³⁶, 1890-е ?

Несмотря на то, что жилье в наем или аренду вдовой не сдавалось, уездные власти оценили доходность городской недвижимости вдовы в 225 руб.³⁸ в год (эта сумма была нужна для расчета сборов).

Сохранилось несколько фотографий, сделанных во владениях А. С. Цуриковой, на которых есть она сама (копии снимков приведены в приложении–19, изо Р–70, Р–75, Р–76). Внутренняя обстановка дома запечатлена на первом из этих снимков. На стенах развешаны портреты, наверняка это родственники, возможно, родители Мингалева. Очень хотелось бы узнать, что это за люди. Но, увы, качество изображения не позволяет разглядеть лица. Можно еще отметить высокие потолки в комнате (в одном из источников указано, что они были четырехметровые).

Теперь о датировке этого снимка. Оригинал изображения хранится в деле НИОР РГБ, на нем дата не указана. Но в том же деле есть другой фотоснимок, на котором Анна Сергеевна в саду с родственниками и священником Голубевым (изо 5–32). В пятой главе приводились доводы, почему указанный снимок сделан, скорее всего, в 1890-е гг. Можно предположить, что и снимок в комнате тоже сделан это время (по крайней мере, на обеих фотографиях А. С. Цурикова выглядит примерно одинаково).

Гостеприимство вдовы, любовь к детям

Поговорим теперь о жизни Анны Сергеевны в Воскресенске. Об этом писали в своих воспоминаниях ее внучатые племянники А. М. Шуберт и П. С. Попов, которые все видели своими глазами, когда были детьми.

В воспоминаниях Анны Михайловны написано: «Из Ивановского нас иногда возили на поклон в Воскресенск к высоко чтимой тетушке Анне Сергеевне Цуриковой (Мингалева), где она жила безвыездно. [...] Анна Сергеевна была в высшей степени гостеприимна и хлебосольна. Божье сохрани прийти гулять в Воскресенск и не зайти к ней. Все были преисполнены по отношению к ней величайшего уважения, и мы с ранних лет подходили к ней “к ручке”»³⁹.

О гостеприимстве говорил и Павел Сергеевич в своей статье: «Впоследствии, когда она жила

Изо 7–13. Гости в доме А. С. Цуриковой⁴⁰.

уже в самом Воскресенске, даже завелся такой порядок: всякий новый приезжий обычно являлся с визитом к Анне Сергеевне, хотя бы он был вовсе не знаком с ней. По вечерам за ужин садилось не менее 10–15 посетителей. Анна Сергеевна даже выражала неудовольствие, если кто-нибудь приезжал в город и не заходил в ней, хотя никаких дел у нее с ним не было. И всякому посетителю ей хотелось что-нибудь подарить. [...] В округе Воскресенска ходило множество рассказов и сплетен о богатой барыне-чудачке»⁴¹.

В музее писателя А. П. Чехова в Мелихово оказался фотоснимок, который, кажется, еще не публиковался. На фото много гостей. На обороте снимка написано: «Сидят слева направо: 1) Анна Сергеевна Цурикова (ур. Мингалева). 2) ее племянник П.В. Мингалева. 3–4) Ее

сестры Любовь и Софья Сергеевны Мингалева. Снято в доме А.С. Цуриковой в Воскресенске».

Увы, Господь не даровал семье Цуриковых своих детей. Возможно, во многом поэтому Павел Григорьевич и Анна Сергеевна так любили чужих детей, особенно своих родственников, в первую очередь, Поповых и Сиротининых. Практически все потомки говорили о безмерной любви к ним тетушки (так они называли Анну Сергеевну). Вот что, например, писал племянник С. М. Попов: «Она и ее муж очень любили своих племянников, тем более, что сами остались бездетными»⁴². А вот что вспоминала А. М. Шуберт: «Каждые полтора-два года у Поповых появлялись новые дети, и у Анны Сергеевны ее неизжитое материнское чувство получало новые объекты для ее забот и ласки». И далее в ее воспоминаниях есть такие слова: «Уезжали мы от нее всегда перегруженные сластями, которые она выписывала из Москвы пудами. Благоговение перед Анной Сергеевной приняло раз со стороны Шуры невольню такую форму. Подойдя после обеда к ней с благодарностью, он перекрестился на нее, как на икону»⁴³.

Стоит привести высказывание архимандрита Пимена на эту же тему: «Эта благочестивая чета, пользуясь всеми временными благами, имеет в жизни только один недостаток: Господь не благословил их чадородием, но их благотворительность восполнила для них отсутствие естественных чад, соделав их родителями сирот и меньшей братии, которых они избрали себе в наследники своего тленного имущества»⁴⁴. Любовь А. С. Цуриковой к детям ярко проявлялась и в ее многолетней поддержке народного образования, в том, сколько она уделяла внимания и тратила своих средств на содержание училищ (об этом поговорим далее). Тем самым она продолжила традицию добрых дел своего супруга.

Черты характера Анны Сергеевны

Вот что писала А. М. Шуберт: «Шутя, Анну Сергеевну в городе звали «губернаторшей». У нее бывали все окрестные помещики и все духовенство. [...] Строй дома у Анны Сергеевны был старомодный, обстановка старая, помещичья, пахло мускусом и кипарисом. Прислуга жила без жалования, но зато со своими семьями на полном пансионе. Анна Сергеевна, как дворянка, жившая с

крепостной эпохи, никак не соглашалась с тем, чтобы оплачивать своих “дворовых” жалованьем. Горничные носили у нее одинаковые платья с пелеринками, гостей и нас целовали в плечико. Вечно гостила там масса гостей. Анна Сергеевна носила широчайшие юбки на кринолинах, затягивалась в корсет и пудрилась до 80 лет. Она не имела спальни и после смерти мужа всегда спала попеременно в одной из гостиных. Дом освещался свечами. Первая же керосиновая лампа, которую ей привез в подарок дядя Сережа, почему-то взорвалась. В салонах ее очень боялись всякого вольного духа»⁴⁵.

В статье П. С. Попова об А. С. Цуриковой написано: «Манерная и изысканная, она любила создавать праздничную обстановку вокруг себя. Так, например, ей казалось, что постели говорят о чем-то будничном и слишком житейском, поэтому спален в ее доме не было. Весь дом состоял из ряда гостиных. Приезжавшие гости спали на диванах, и сама она спала у себя в комнате на диване. Так было до конца ее жизни, а умерла она 89 лет. Желая видеть вокруг себя постоянный праздник, она не признавала черных платьев, обижалась, когда к ней приезжали в темном туалете, и сама бывала одета в светлые платья до конца жизни. Мужчины в доме у нее не жили, и мужской прислуги она не держала. Это казалось ей “неприличным”. Даже собак для приличия у нее кастрировали. О смерти в ее присутствии говорить не полагалось»⁴⁶.

По словам Шуберт: «У Анны Сергеевны был до известной степени культурный центр города, потому что у нее можно было видеть много газет и журналов, которые ею выписывались, но самую, кажется, не читались». Думается, что в этом предположении родственница ошиблась. Да, на многочисленные добрые дела, на угощение любимых племянников и просто детей Цурикова средства не жалела. Но чтобы вот так попусту тратить деньги на выписку газет и не читать их (пресса тогда была дорогой) – это не было похоже на Анну Сергеевну, она не была расточительной. Ну а что касается любви или не любви к чтению, то можно привести слова из ее писем к знакомому помещику Д. Д. Голохвастову, в котором вдова пишет следующее (полные тексты посланий приведены в приложении-4):

«1884, май 7. Милостивый Государь Дмитрий Дмитриевич! К сожалению я не могу исполнить вашего желания, я еще не получила Апрельскую книгу, но как только получу, тотчас ее вам пришлю [...]

1884, май 15. [...] Благодарю вас за присланную мне брошюру, – я не читала письма г. Энгельгардта, но с удовольствием прочту ваш разбор о них. Хотела вам послать роман Валуева: Лорин, но может быть вы уже знакомы с ним и потом не знаю будет ли это вас интересовать. – Если же вам угодно, то могу его вам очень скоро переслать. При желании вам благополучия и здоровья, истинно вам преданная А. Цурикова»⁴⁷.

Очень многие люди говорили о доброте Анны Сергеевны. Перечисленные далее случаи помощи разным организациям и простым людям лучше всяких слов говорят об этом. Как вспоминал архимандрит Пимен: «Анна Сергеевна, женщина высокой добродетели, достойная служить примером для многих по своей кротости и Евангельской любви к ближнему».

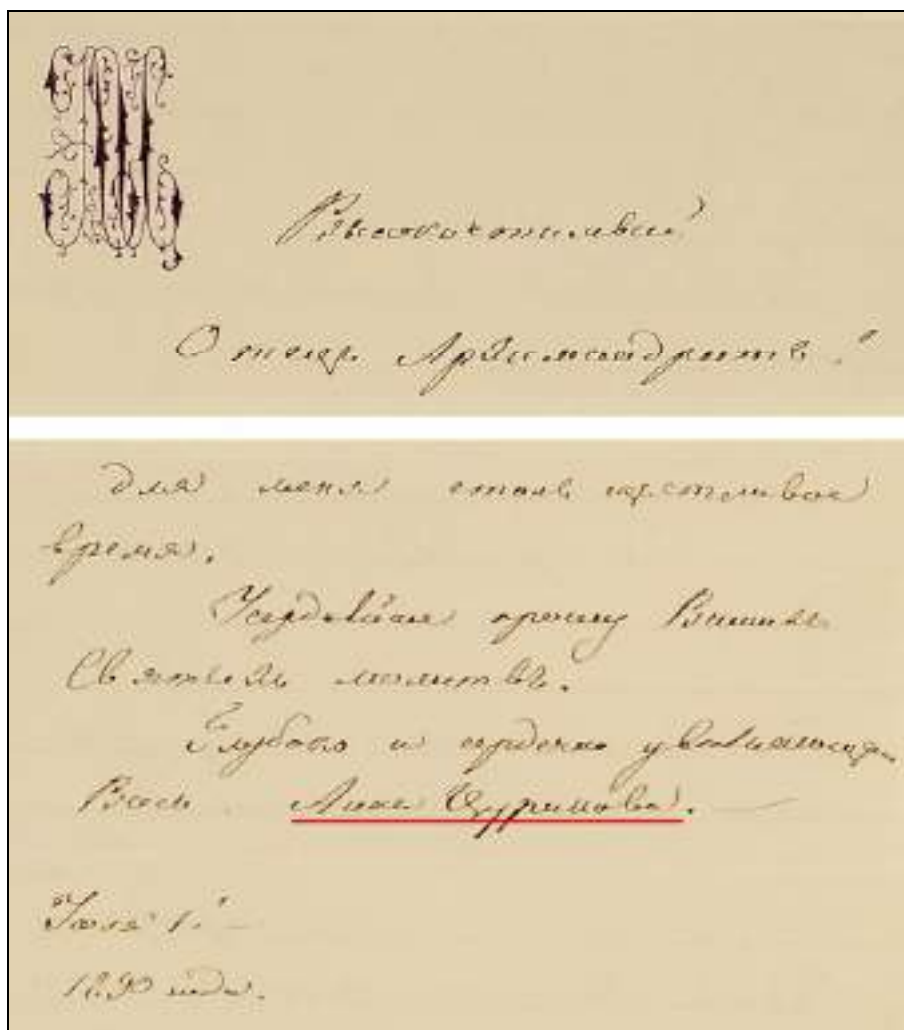
Также совершенно очевидно, что вдова была глубоко верующим человеком. Тому свидетельство ее помощь храмам и монастырям.

Отношения с Новоиерусалимским монастырем

Почему-то кажется, что у Анны Сергеевны не было врагов. Хотя споры и конфликты, конечно, случались. Далее будет описан известный эпизод с учителем Иваном Чеховым (братом писателя), которого Цурикова уволила за проступок, показавшийся ей неподобающим педагогу. Другой случай связан с Новоиерусалимским монастырем.

Вообще-то с настоятелем этой обители архимандритом Леонидом (Кавелиным) у Анны Сергеевны были давние, хорошие отношения, которые были еще заложены при муже, много помогавшем восстановлению монастыря. Переехав на постоянное жительство в Воскресенск, вдова стала ходить на службы не в городскую Вознесенскую церковь, а в монастырский собор Нового Иерусалима. Как написано у Шуберт: «Анна Сергеевна держала лошадей, но выезжала на них лишь к обедне в Ново-Иерусалимский монастырь, буквально только переезжая через дорогу». Вдова жертвовала обители. И вовсе не случайно она потом была похоронена на территории Воскресенского монастыря, причем на самом видном месте.

Подтверждением добрых отношений являются два сохранившихся письма Анны Сергеевны к

Изо 7–14. Фрагменты письма к архимандриту Леониду (Кавелину), 1890.

Леониду (Кавелину). Первое послание написано в июле 1877 г., когда архимандрита из Новоиерусалимского монастыря только что перевели на должность наместника Троице-Сергиевой лавры. В нем имеются такие слова: «Мы встретим вас у себя как отца и друга и будем в теплой радости видеть вас в Ивановском». Второе письмо с вензелем «АЦ» (Анна Цурикова) было отправлено 13 лет спустя, вот его текст: «Высокочитимый Отец Архимандрит! В бумагах покойного мужа моего, Павла Григорьевича Цурикова, оказалось письмо на его имя Митрополита С. Петербургского Исидора, относительно назначения Вашего наместником Троицко-Сергиевой Лавры. — Помня ваши добрые отношения к покойному Павлу Григорьевичу, покорнейше прошу Вас благосклонно принять в дар означенное письмо, которое напомнит Вам

былое для меня столь щастливое время. Усерднейше прошу Ваших Святых молитв. Глубоко и сердечно уважающая Вас Анна Цурикова»⁴⁸.

В 1891 г. монастырские власти задумали осуществить перестройку одного из зданий за территорией обители. Речь шла о странноприимном доме, в котором размещались приезжавшие на богомолье паломники. Его планировали перенести в г. Воскресенск, построив для этого новое здание. А старое здание монастырское начальство хотело приспособить под школу. Однако горожане были недовольны тем, что рядом с их домами окажется дом для приема многочисленных паломников. Среди них была и вдова А. С. Цурикова. Через своего родственника Н. Д. Финляндского она обратилась к Великому князю Сергею Александровичу с просьбой о переносе места строительства подальше от домов горожан, чтобы «в мире и тишине провести остаток дней наших».

Указанное прошение было рассмотрено Святейшим синодом. И было предложено такое решение: сообщить Цуриковой, что ее просьба может быть выполнена, если она на себя возьмет затраты по возведению новой школы. Анна Сергеевна отказалась от предложенного варианта, написав: «Что же касается постройки Училища, то я не могу взять на себя такое обязательство, тем более что у меня здесь в городе на моем содержании два Училища, одно для мальчиков, другое для девочек, третье Училище в Звенигороде тоже поддерживается моей помощью и потому для меня будет трудно взять на себя обязательство на четвертое Училище»⁴⁹.

В итоге, по всей видимости, Анне Сергеевне удалось договориться с монастырским начальством. В пользу этого свидетельствует такой факт. Как известно из документа 1894 г., вдова жертвовала деньги на содержание паломников⁵⁰. И это не было разовое пожертвование: «на содержание странноприимного дома ежегодно поступали 1200 рублей от вдовы Анны Сергеевны Цуриковой»⁵¹.

Владения Анны Сергеевны

Деньги в семье Цуриковых, как это было принято в прежние времена, зарабатывал Павел Григорьевич, он владел суконной фабрикой. Анна Сергеевна собственных доходов при жизни мужа не имела. Солидного приданого тоже не было, она происходила из небогатой дворянской семьи Мингалевых.

Прибыль Ивановская фабрика приносила хорошую, хватало денег на все: на сытую жизнь, на развитие производства, на благотворительные дела и на покупку недвижимости. Как ранее уже говорилось, Павел Григорьевич приобрел несколько земельных участков в г. Воскресенске.

На одном из них (на Большой Крестовской улице) было построено здание училища, которое Цуриков вместе с землей передал в дар городу. На другом участке (на Дворянской улице) позднее был сооружен дом, в котором вдова стала жить после переезда в Воскресенск.

Павел Григорьевич покупал недвижимость и в окрестностях Ивановской фабрики. В предыдущей главе упоминались приобретенные в разные годы земельные участки около населенных пунктов Ламоново, Рыбкино, Обухово, Борисково, Борки. Вся эта недвижимость после смерти Павла Григорьевича по завещанию перешла вдове. Скупка земли с произраставшим на ней лесом производилась, очевидно, с целью заготовки дров для фабрики. Это был также способ вложения капитала. Одно приобретенное имение (Красновидово-Сокольское) сразу было оформлено на Анну Сергеевну. Возможно, это был дар супруге. Но не исключено, что это была лишь предосторожность на какой-либо неблагоприятный случай в коммерческих делах (так было принято страховаться у купцов).

На приводимом фрагменте карты Московской губернии можно увидеть перечисленные владения Цуриковых (добавлены деревни Борки и Обухово, которых почему-то на историческом плане нет). Хорошо видно, что все имения находились компактно на расстоянии нескольких верст в восточном и юго-восточном направлении от Ивановской фабрики (она на плане помечена «сук.»).

Поговорим теперь о том, какой недвижимостью владела Анна Сергеевна. Начнем с города, в котором она провела остаток своей жизни.

Владения в Воскресенске

Об усадьбе на Дворянской улице и о постройках, которые там находились, подробно уже рассказывалось. Здесь А. С. Цурикова жила, тут был ее дом. Но это было не единственное ее владение в Воскресенске. Документы показывают, что в разные годы вдова приобретала, продавала и брала в аренду другую недвижимость в заштатном городе.

Первый документ – это архивное дело с купчей крепостью на куплю-продажу дома, осуществленную в августе 1870 г. через доверенных лиц⁵². В указанном деле имеется бумага, из которой следует, что Анна Сергеевна получила по завещанию от скончавшейся матери Анастасии Борисовны деревянный дом с земельным участком, который был приобретен Мингалевыми еще в 1836 г. Ну так вот, Цурикова решила продать этот дом трем своим сестрам Марии, Любове и Софии. И получила за это 2.000 руб. серебром. Довольно странной выглядит эта сделка между близкими родственниками, особенно с учетом того, что продавец (Анна) в отличие от покупательниц и так была богата (точнее богат был ее муж). Интуиция подсказывает, что здесь что-то не так. По собранной из разных источников информации можно судить, что отношения среди Мингалевых не были такими меркантильными, как выглядит из этой сделки. Возможно, указанная купля-продажа была по сути фиктивной, но ее нужно было по каким-то причинам провести по документам. Хотелось бы разобраться во всем этом. Однако это сложно сделать, т.к. не удалось найти завещание матери сестер Мингалевых Анастасии Борисовны.

Остался вопрос: а где находился упомянутый в купчей крепости дом? Улица в тексте не указана,

Изо 7–15. Военно-топографическая карта Московской губернии
Ф. Ф. Шуберта (фрагмент), 1860.

но есть слова: «В межах оный дом состоит: по правую сторону с домом мещанина Карелина, а по левую сторону переулок впереди улица, а сзади Золотушка». В Истре сохранился двухэтажный кирпичный дом купца Карелина (он находится напротив школы им. А. П. Чехова). С помощью местного жителя В. А. Рачкова удалось установить, где раньше в Воскресенске протекала речка Золотушка (до наших дней она не сохранилась, русло засыпали). Оказывается, эта речка впадала в реку Истру под обрывом, на вершине которого в городском парке ныне стоит памятник с самолетом Ил-2. И тогда получается, что родительский дом Мингалевых находился на участке, на котором не так давно была построена гостиница «Ливадия». Это означает, что дом Мингалевых находился через Дворянскую улицу прямо напротив дома А. С. Цуриковой! Хотя и нет прямых доказательств, но получается, что так.

Второй документ – это дело из того же архива ЦГАМ за 1883 г. В нем написано, что Анна Сергеевна обратилась к городским властям с просьбой разрешить: «*взять в арендное содержание часть пустопорожней земли принадлежащей Воскресенскому монастырю, находящейся в Восточном угле монастырского владения, и премыкающей к Кривому пруду с Северо-восточной стороны, в количестве одной десятины*»⁵³. Условия аренды предусматривали срок 12 лет с ежегодной оплатой 50 рублей и с правом возводить на земле хозяйственные постройки. Судя по имеющимся в указанном деле бумагам, прошение вдовы было удовлетворено. Зачем вдове понадобилось арендовать этот участок – осталось непонятно.

Третий документ – архивное дело 1892 г. 24 июня указанного года А. С. Цурикова обратилась в Воскресенскую городскую думу с просьбой продать ей «*участок городской земли*», выходящий на Дворянскую улицу и граничащий с владениями Барсуковых и графа Чернышева-Кругликова. Власти пошли навстречу вдове, которая столько много доброго сделала для города. Участок в 370 кв.саж. решено было «*отдать в вечное и потомственное владение вдове Действительного Статского Советника Анне Сергеевне Цуриковой ценою за пятьдесят рублей*»⁵⁴. Прямо скажем, очень низкая цена.

Четвертый документ – еще одно архивное дело за тот же 1892 г. В нем отмечено, что 28 августа Анна Сергеевна купила за три тысячи рублей дом у потомков Барсуковых вместе с землей 165 кв.саж.⁵⁵. Что интересно – этот участок, по всей видимости, примыкал к участку, который был городом продан вдове двумя месяцами ранее. Надо полагать, что оба эти участка были потом объединены в один. По всей видимости, это та самая земля на Советской улице, на которой стоит кирпичный одноэтажный дом, называемый в народе «*флигелек Цуриковых*». По мнению старожилов в нем жила прислуга Анны Сергеевны. В советские годы в этом здании разместились мастерские школы им. А. П. Чехова (фото здания приведено в конце данной главы – из 7–40).

В «Памятной книжке Московской губернии на 1899 год» приведены сведения о владениях, находившихся на Дворянской улице в г. Воскресенске и принадлежащих вдове Анне Сергеевне Цуриковой. Первое владение было оценено в 6.100 рублей⁵⁶, а второе в 500. Судя по такой большой разнице в оценке стоимости, можно предположить, что первая сумма относилось к усадьбе с большим домом, а вторая – к бывшему участку Барсуковых. Фактически та же самая сумма повторена в газете за 1906 год (за год до кончины Анны Сергеевны). Написано, что во владении Цуриковой находится 6 домов (строений) и земля, их общая стоимость 6.800 рублей⁵⁷ (надо полагать это суммарная оценка всех участков с находящимися на них постройками).

Кирпичный завод при деревне Ивановской

По завещанию Павла Григорьевича помимо суконной фабрики Анне Сергеевне достался небольшой кирпичный завод, работавший на местной глине.

В третьей главе рассказывалось, что П. Г. Цуриков в 1873 г. просил выдать свидетельство на кирпичный завод при селце Ивановском, устроенный на земле местных крестьян на расстоянии двух верст от жилья. Разрешение было выдано, предприятие стало работать. В следующем году на завод уже был начислен налоговый сбор в 3 руб., который исчислялся из предполагаемой доходности 45 руб. Судя по приведенному в деле описанию, этот завод представлял собой два сарая и избу, на нем работало всего 5 человек.

По всей видимости, этот кирпичный завод не был продан М. Е. Попову вместе с Ивановской фабрикой в 1887 г. Надо полагать потому, что он был нужен самой Анне Сергеевне, т.к. строительство ее усадебного дома в Воскресенске продолжалось. В деле 1894 г. по сбору налогов с дворян среди имущества вдовы упомянут все тот же кирпичный завод с той же доходностью в 45 руб. в год⁵⁸.

Красновидово

Справка. Деревня Красновидово известна с XVII в. Как написано в энциклопедии «Истринская земля»: «В 1852 г. с-цом Сокольским, Красновидово тож, владела княгиня Мария Валериановна Мецкерская, а также Мария Васильевна Левашова (урожд. Зиновьева), которой имение досталось после смерти мужа полковника гвардии Александра Александровича Левашова. [...] От М. В. Левашовой усадьба в Красновидове перешла к ее брату статскому советнику Павлу Васильевичу Зиновьеву и к сестре, Вере Васильевне Железновой, жене действительного статского советника. [...] Престольным праздником в Красновидове был Никола Зимний (6/19 декабря), отмечался он очень весело, гуляли по несколько дней. В 1913 г. с-цо Красновидово входило в Павловскую волость Звенигородского уезда; в нем стояло 75 дворов, имелось земское училище (основано в 1908 г.)»⁵⁹.

Изо 7–16. Усадебный дом в имении Красновидово, (АШ).

Попечителем упомянутого училища был С. М. Попов. На окраине сельца, ближайшей к суконной фабрике, находилась фабричная больница, построенная в начале XX века.

Современный адрес: МО, г. о. Истра, дер. Красновидово, д. 30А.

(GPS: 55.84949, 36.94836, усадебный дом не сохранился, координаты примерные).

С каждого владения власти брали налоги, вот что написано в архивном деле: «Раскладка земских сборов за 1870 год. Цурикова Анна Сергеевна, Почетная Гражданка – сел. Красновидово. [Облагаемых земель:] 208 дес. 109 саж. [Доход:] 278 руб. [Уездный сбор:] 19 руб. 49 коп.»⁶⁰. Как видим, имение было оформлено на Анну Сергеевну, хотя нет никаких сомнений, что деньги при его покупке платил Павел Григорьевич. Это было единственное владение жены при жизни мужа.

К сожалению, пока не удалось найти купчую о покупке имения, которое по документам именовалось «Красновидово, Сокольское тож» (или наоборот). Как написано в книге «Истринская земля», имение Павел Григорьевич приобрел у наследников Марии Васильевны Левашовой – П. В. Зиновьева и В. В. Железновой. Напомним, что М. В. Левашова та самая помещица, у которой П. Г. Цуриков купил в 1856 г. 25 десятин в пустоши Маринки, чтобы потом их отдать в обмен на землю под Ивановской фабрикой. В той же книге говорится, что сделка по покупке Красновидово состоялась в 1867 г.

Изо 7–17. План усадьбы Красновидово⁶¹, 1864.

Как выяснилось, это неточные сведения, имение было приобретено на несколько лет раньше.

Поначалу казалось, что покупка состоялась в 1866 г. Это следовало из архивного документа с названием «Статистика поземельного владения Звенигородского уезда 1866», в котором имела строчка: «Цурикова Анна Сергеевна при с. Сокольском и п. Витиловой»⁶² с указанием состава земли. Усадебной земли (на которой находился господский дом, хозяйские постройки, сад и т.д.) было почти 14 десятин. Помимо этого имелись пашня 34 дес., луга заливные 24, луга «суходольные» 22, лесные сенокосы 9, лес строевой (т.е. пригодный для строительства) почти 10, лес дровяной 30 (цифры округлены). Всего удобной земли насчитывалось 208 дес. 109 кв.саж. и еще было неудобной земли почти 10 дес. (речки, дороги и т.п.).

Но позднее в архиве был обнаружен план местности с заголовком «Геометрический специальный план земли Московской губернии Звенигородского уезда Никольской волости сельца Сокольского

Красновидово тож, оставшейся за наделом крестьян в непосредственном владении Действительного Статского Советника Павла Васильевича Зиновьева, и жены Действительного Статского Советника Веры Васильевны Железновой, ныне проданной ими Воскресенскому 1-й гильдии купцу Павлу Григорьевичу Цурикову». И далее проставлена дата: август 1864 г. Стало быть, покупка состоялась не позже этой даты. Указанный план интересен тем, что на нем проглядывается регулярная планировка дорожек парка усадьбы с отметкой господского дома.

Следует обратить внимание на слова в конце цитаты, что имение было продано купцу П. Г. Цурикову. Это подтверждение того, что деньги платил хозяин фабрики. И, видимо, сразу подарил это имение своей жене, т.к. нигде более ни в каком другом документе он не записан хозяином Красновидово. Напротив, по всем документам, Анна Сергеевна владела данным имением до самой смерти. Об этом свидетельствует дело, посвященное выборам гласных в Звенигородское уездное земское собрание в 1906 г. В списке лиц, имеющих право голоса, оказалась А. С. Цурикова как владелица Красновидово⁶³. Но вот вопрос: а бывала ли она в своем имении после продажи фабрики и переезда в Воскресенск? В источниках об этом не говорится. Если и посещала имение, то, наверное, редко.

Перед революцией усадьба Красновидово принадлежала уже С. М. Попову. Возможно, Анна Сергеевна завещала имение своему племяннику. Но, скорее всего, это владение (как и другие) после смерти вдовы сначала оказалось у ее брата Василия. В пользу такой версии свидетельствует документ, в котором говорится, что В. С. Мингалев «получил львиную долю ее [сестры] наследства, которое стал тут же спешно ликвидировать, продавая ее недвижимость: вскоре и он скончался, ему наследовал его сын, Петр Васильевич, который и закончил эту ликвидацию»⁶⁴. Получается, что покупателем одного из владений вдовы стал племянник, в то время владевший Ивановской фабрикой.

В книге «Истринская земля» есть еще такие слова о Красновидово: «На восточном конце деревни, там, где ныне дом Серовых, располагалось имение Сергея Максимовича Попова, владельца Ивановской суконной фабрики. Дочь С. М. Попова, художница-авангардистка Людмила [правильно: Любовь – Авт.] Попова запечатлела усадьбу в своих работах. Это был скромный, но очень красивый дом¹, с прекрасным парком. В нем фабрикант жил только летом, а зимой — на своей фабрике»⁶⁵.

В приложении–18 приведены фотографии усадебного дома как снаружи, так и внутри (изо Р–46, Р–47, Р–48). По ним видно, что дом был в три этажа, красивый (в одном из архивных дел указаны размеры жилого строения, видимо, господского дома: 36 на 18 аршин, т.е. 25 на 13 метров). Здесь приведен

Изо 7–18. Одна из комнат дома в имении Красновидово. (АШ).

снимок внутреннего убранства одной из комнат усадебного дома. Можно разглядеть висящий на стене портрет П. Г. Цурикова. Это не живописный портрет, а большая фотография. В приложении–19 есть подобные фотоснимки сидящего в кресле благотворителя (изо Р–65, Р–66).

Данная усадьба неоднократно упоминалась в воспоминаниях А. М. Шуберт: «Часто ходили мы гулять в соседнее имение “Красновидово”, принадлежащее

¹ Вызывают недоумение слова цитаты: «Это был скромный, но очень красивый дом». Красивый – спору нет. А вот скромным трехэтажный особняк в усадьбе никак не назовешь. Увы, картины художницы Л. С. Поповой с видами усадьбы Красновидово разыскать не удалось.

глубокоуважаемой “тетушке” Анне Сергеевне Мингалевой (Цуриковой), безвыездно проживающей в городе Воскресенске. Большой трехэтажный дом сохранялся там в полной неприкосновенности со всею обстановкой. Кругом был большой лес, а при доме старый липовый парк. Там мы порой даже пили с нашими дядьями чай»⁶⁶. И вот еще: «Помню в Ивановском наши катанья с ними [детьми Поповых] на поньке. На фабрике жил на покое, благодаря сердобольности Поповых, старый пони. [...] Так вот для нас его запрягали в кабриолет. Мы садились вчетвером и ехали в соседнее имение “Красновидово”, правя “сами”. Это значит, что рядом шел конюх, тащил за узды и погонял его хворостинкой. Зато обратно, чужой дом, пони бежал исправно, и мы были в восторге, когда конюх не мог нас нагнать. Мы так жаждали самостоятельности!»

К сожалению, нет данных о том, когда был построен трехэтажный дом в имении. Но очевидно, что при Анне Сергеевне он уже был. Тайну появления этого дома, похоже, так и не удастся разгадать, ибо уже в первые годы советской власти усадьба Красновидово было разграблена и сожжена.

Борки

Среди владений, перешедших вдове по наследству от умершего мужа, была земля при деревне Борки Звенигородского уезда размером 57 дес. 2325 кв.саж. Эта деревня находилась юго-западнее Красновидово, до Ивановской фабрики по прямой было около двух верст.

Как ранее уже говорилось, данное имение Павел Григорьевич купил в мае 1876 г., оно тогда оценивалось в две тысячи рублей. Буквально через несколько месяцев после вступления в права наследства Анна Сергеевна продала это имение. Было найдено архивное дело, в котором оказалась купчая на продажу имения Борки. Сделка была оформлена 22 июня 1878 г., покупательницей стала княгиня А. А. Голицына, она заплатила шесть тысяч рублей⁶⁷. Следует отметить, что продавец и покупатель не присутствовали при сделке, все формальности оформили их доверенные лица. Со стороны Цуриковой это был Максим Ефимович Попов, а со стороны Голицыной Аким Савельевич Кураев. Знакомые все фамилии, они неоднократно упоминались в настоящей книге.

Обухово, Борисково

Еще одно имение, перешедшее Анне Сергеевне по завещанию мужа, находилось при селце Обухово и деревне Борисково. Размером оно было почти в два раза больше предыдущего: в нем насчитывалось 82 дес. 20 кв.саж. земли.

По всей видимости, имение Обухово-Борисково оставалось во владении вдовы пожизненно, т.к. имеется много документов 1880-х годов и более поздних, в которых его владелицей указана А. С. Цурикова. Как использовалась эта земля (если вообще использовалась) – сведений нет. Можно предположить, что здесь могли пилить дрова на зиму для домов в Воскресенске как для А. С. Цуриковой, так и для ее сестер. Также могли заготавливать и сено. Но это все под вопросом. Дело в том, что у Анны Сергеевны было владение, расположенное в два раза ближе к ее дому – это имение Максимовка. Оттуда было проще и дешевле доставлять дрова и сено в Воскресенск.

Было бы естественным, если бы земли (лес, пашня, луга) в имении Обухово-Борисково сдавались в аренду, так в те времена многие хозяева недвижимости поступали. Однако подобные сведения про данное владение вдовы (как и про другие тоже) в документах не попадались. Принимая во внимание, какой никудышной хозяйкой суконной фабрики оказалась Анна Сергеевна (ну не было у нее коммерческой

Изо 7–19. Квитанция на оплату налога с имений А. С. Цуриковой⁶⁸, 1894.

жилки), можно предположить, что она и не заботилась об эффективном использовании своих земель. А зачем ей были нужны эти хлопоты? Можно было ничего не делать и спокойно жить на проценты с вкладов в банках и на доходы от ценных бумаг. От мужа перешли такие большие капиталы, что хватало на все: на безбедную жизнь в городе, на щедрое угощение детей и многочисленных гостей, на содержание прислуги и лошадей. Оставались деньги и на благотворительность. И на оплату различных налогов, включая земельный, дворянский и другие. Обнаружена квитанция «дворянского сбора» за 1894 г. с имени А. С. Цуриковой в Обухово, Красновидово, Аннинском и Ивановском на сумму 16 руб. 94 коп.

У кого оказалось имение Обухово-Борисково после смерти Анны Сергеевны? Догадаться нетрудно. По документам 1914–1916 годов оно находилось во владении С. М. Попова⁶⁹.

Ламоново, Рыбкино

Третье имение Павла Григорьевича в селениях Рыбкино и Ламоново Звенигородского уезда после его смерти также перешло вдове. И также перед революцией числилось за владельцем Ивановской фабрики С. М. Поповым.

Как рассказывалось в предыдущей главе, указанную недвижимость П. Г. Цуриков приобрел еще в 1861 г. у А. А. Свистуновой. Земля находилась вдоль реки Истра: 103 дес. 60 кв.саж. на правом берегу (Ламоново) и 6 дес. 2300 кв.саж. на левом берегу (Рыбкино). А всего без малого 110 десятин земли⁷⁰ (в третьей главе приводился фрагмент плана окрестностей села Лужки, на котором обозначена часть этого земельного владения Цурикова – из 3–10).

Судя по картам, деревня Рыбкино позднее была переименована в Ламоново. А на месте, где прежде находилось Ламоново, давно уже никто не живет. Сейчас бывшие земли Цуриковых находятся в частном владении.

Максимовка, Анненское

Как свидетельствуют собранные материалы, Анна Сергеевна после кончины супруга стала сама покупать недвижимость. Так, первая покупка была совершена вскоре после оформления наследства Павла Григорьевича. Об этой сделке сохранилось несколько архивных дел, информация в них во многом повторяется.

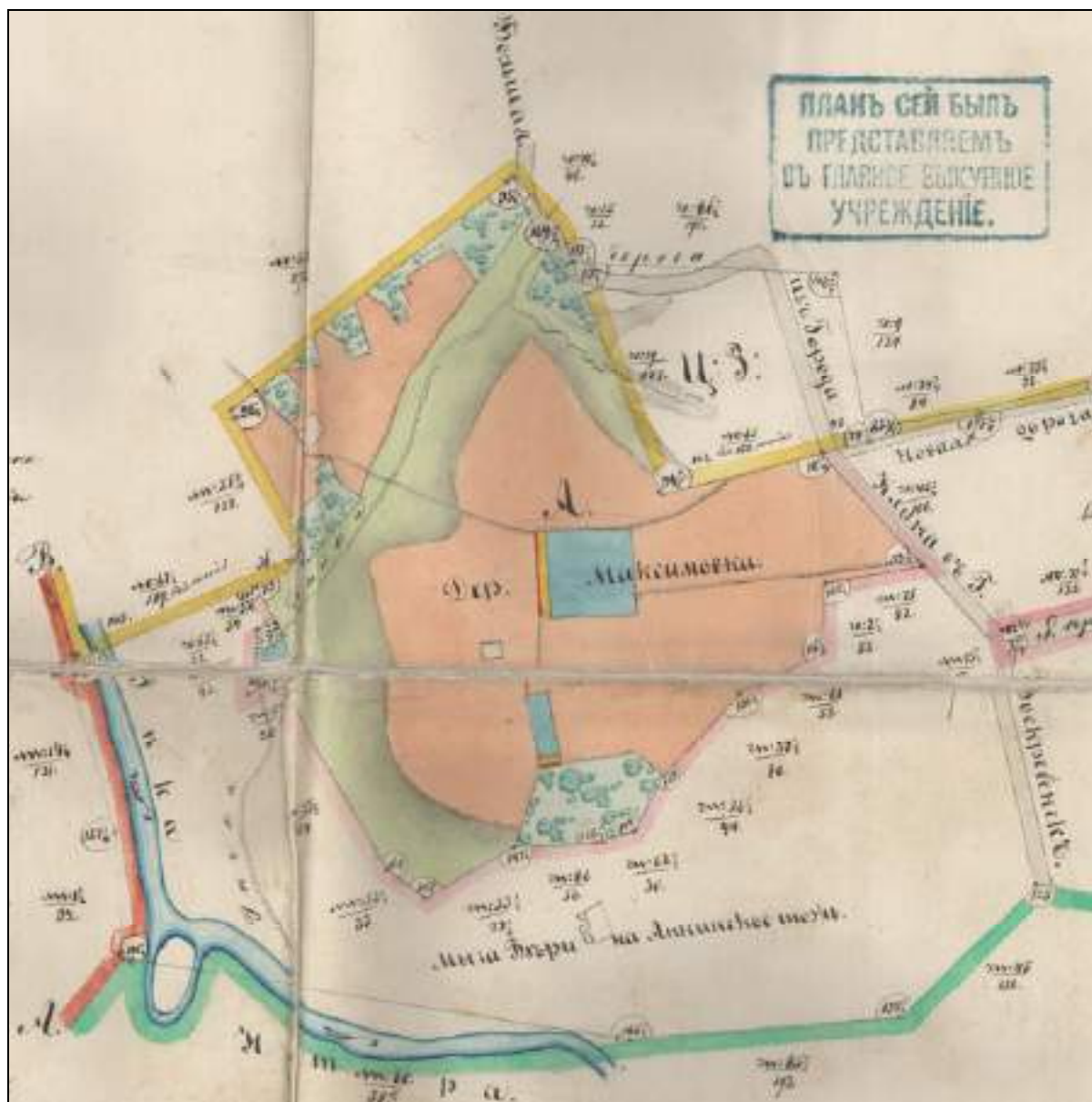
Оформить сделку о покупке недвижимости на свое имя Анна Сергеевна попросила племянника Александра Максимовича Попова. Она дала ему доверенность, и тот 11 сентября 1879 г. оформил у нотариуса купчую по приобретению у губернского секретаря, дворянина Д. В. Пенского за 49.000 руб. имения в окрестностях деревни Максимовка и сельца Анненское (иногда писали Аннинское). 5 июня следующего года был утвержден официальный ввод вдовы во владение имением.

В архивном деле РГИА указан размер приобретенной земли 310 дес.⁷¹. Но на самом деле А. С. Цурикова могла распоряжаться только 201,5 десятинами, т.к. остальные почти 109 дес. находились во владении 44 местных крестьян (выделение крестьянских наделов произошло по реформе 1861 г. еще при прежнем владельце имения). Эту землю крестьяне обрабатывали сами, весь урожай оставался у них. Однако на то время указанные 109 десятин продолжали числиться помещичьей собственностью, и за пользование землею каждый крестьянин платил оброк 8 рублей 4 копейки, а на всех выходило 353 рубля 89 копеек в год.

В 1883 г. было заведено дело о выкупе крестьянами земли, которой они пользовались, в свою собственность. Так происходило повсеместно по всей России, подробно этот вопрос рассматривался в другой книге автора об истории села Филатово⁷². С крестьянами Максимовки и Анненского все происходило аналогично. Во все том же деле РГИА приведен «бухгалтерский расчет», согласно которому выкупная ссуда составила 4.718 руб. 53 коп. Там же написано: «На погашение сей ссуды надлежит взимать ежегодно в течении 49 лет по 6%, 283 руб. 12 коп».

В архиве ЦГАМ в деле о выкупе крестьянами Максимовки и Анненского своего земельного надела имеется план местности, фрагмент которого здесь прилагается. Основа этой карты была нарисована еще в 1845 г. В 1868 г. на ней были выделены земли, которые отводились крестьянам. Слева на плане показана река Истра. В правой части изображения сверху вниз проходит дорога «из города Клина в г. Воскресенск». К ней примыкает «Новая дорога для проезда Императора в село Бородино проложенная».

В архивном деле также отмечается, что местные «крестьяне занимаются горшечным промыслом,

Изо 7–20. План «деревни Максимовки, Анненское тож»⁷³ (фрагмент), 1868.

имеют сбыт в Москве». По одной из версий именно в этой деревне были куплены глиняные горшки, на которых потом во дворе Воскресенской школы музицировал учитель Иван Павлович Чехов и за это потом пострадал (об этом эпизоде еще подробно поговорим).

О горшечном промысле крестьян написано в книге «Истринская земля»:

«Деревня Максимовка известна как центр гончарного промысла Истринского края. Промысел охватывал и соседние д. Скориково, Сафонтьево и Савкино. Ассортимент изготавливаемых изделий состоял, по крайней мере, из 13 видов (кринка, кувшин, рукомойник, кружка, миска, лоток, пирожная банка, корчага — для пива и белья, цветочный горшок, поддонник, кадильница, детские песочники). Сырьем для производства служила глина, добываемая в лесу в 3 км от Максимовки по направлению на Степаньково. На год горшечнику в среднем требовалось около 3,5 тонны глины. Работал он в мастерской, отапливаемой "по-черному". По рассказам горшечников, около 90 лет тому назад все они трудились в жилых избах, а так как для обжига требовалась печь без трубы, то избы были курными. Постройка белой избы связывалась с отделением мастерской от жилья, причем обычно мастерской становился старый дом, перенесенный вглубь усадьбы.

Оборудование мастерской состояло из печи, "полатей", то есть досок, настеленных с промежутками под потолком для просушки посуды, лавок вдоль стен, гончарного круга и, иногда, стола. Максимовские горшечники, по их воспоминаниям, употребляли всегда, исстари, ножной круг, который

Изо 7–21. Деревня Максимовка. Рис. С. М. Чехов⁷⁴, 1959.

делали столяры д. Никольское-Размыслово. Наемный труд в Максимовке никогда не применялся. В ученье шли свои сыновья или дети односельчан, обучение считалось очень сложным, и выучиться можно было только с большим старанием»⁷⁵.

В той же книге говорится, что в Максимовке летом 1885 г. некоторое время снимал жилье художник Исаак Ильич Левитан. Сохранился рисунок деревни, сделанный другим художником Сергеем Михайловичем Чеховым, племянником знаменитого писателя.

В воспоминаниях А. М. Шуберт, есть слова о том, что Анна Сергеевна выезжала на своих лошадях *«раз в год в день именин — 25 июля — в свое имение Анненское, версты за три от Воскресенска»*. Таким образом, в это имение вдова изредка навещалась. А ведь Мария Сергеевна Мингалева говорила, что ее сестра Анна *«со смертью мужа никуда не выезжает»*⁷⁶. Получается, что не так.

В цитате упомянут день именин — 25 июля (по старому стилю). Это день памяти праведной Анны, матери Богородицы. Анна Сергеевна родилась 22 июля и была названа в честь этой святой. И отмечала она ежегодно день праведной Анны, а не день своего появления на свет (так тогда было принято). Это нашло подтверждение в воспоминаниях игуменьи Евгении (Озеровой). В них написано, как 25 июля 1873 г. в Аносином монастыре служил епископ Дмитровский Леонид *«по случаю двух именинниц, Анны Сергеевны Цуриковой и сестры своей Олимпиады Васильевны»*.

Выше приводились сведения, что у каждого крестьянина д. Максимовки было по 2 дес. 800 кв.саж. земли, тогда как нормой в Московской губернии считался надел 3 дес. 1200 кв.саж. (т.е. 3,5 дес.). Из-за сниженного размера земельного надела крестьяне платили меньше оброк: не 10 руб., а 8 руб. 4 коп. По данным архивного дела крестьяне желали увеличить свои наделы. По этому вопросу они вели переговоры уже после вдовы с наследником ее недвижимости В. С. Мингалевым. Крестьяне хотели купить целиком имение Анненское, но Василий Сергеевич был согласен уступить лишь 13 дес. по 150 руб. за каждую десятину (речь шла о полях по дороге на Клин). В ходе переговоров 6 ноября 1907 г. была достигнута договоренность о цене 80 рублей за одну десятину⁷⁷. Однако вскоре после этого В. С. Мингалев взял, да и продал имение Анненское некоему И. А. Петыгину. Пришлось крестьянам вести переговоры с новым хозяином. А тот назначил цену в 95 рублей за десятину ввиду того, что расчет производился не наличными деньгами, а через облигации Крестьянского банка. Чем все в итоге закончилось — в деле не сообщается. Но судя по тому, что крестьяне вызывали землемера для отмежевания земли, им, видимо, удалось договориться с продавцом.

Холм, Ново-Никольское, Ново-Георгиевская

Почти всеми перечисленными ранее имениями (кроме Борков) Анна Сергеевна владела по много лет вплоть до своей кончины. Но была еще недвижимость, которая находилась в ее руках короткое время. Об этом владении в книгах не писали, информация была найдена в архивном деле.

В феврале 1884 г. А. С. Цурикова приобрела 186 дес. земли при селе Знаменское-Холм, сельце Ново-Никольском и деревне Ново-Георгиевской¹, заплатив за это 11.500 руб.⁷⁸. Интересно, что продавцом земли оказался хозяин кожевенной фабрики московский купец Генрих Осипович Тиль, у которого в 1876 г. Павел Григорьевич купил имение Обухово и Борисково. И вот он вновь продал не-

¹ Отметок деревень Ново-Никольская и Ново-Георгиевская на старых картах и планах найти не удалось. Правда, деревня Новоникольское есть в справочнике селений Московской губернии за 1862 год. А вот топоним Новогеоргиевская нигде не встречается. Но зато поблизости от Холмов имеется деревня Новосергиевская. Так что, возможно, в документе просто перепутано название деревни.

движимость Цуриковым, на сей раз вдове.

Анна Сергеевна владела этими землями три с половиной года. 7 октября 1887 г. она продала имение за 12.500 руб. (т.е. на тысячу дороже, чем купила). Покупателем оказался М. Е. Попов.

Чаново

Все владения А. С. Цуриковой, о которых говорилось ранее, находились в Звенигородском уезде Московской губернии. Но, оказывается, у нее была также недвижимость и в соседнем Рузском уезде. Правда владела она ею совсем недолго – менее года. Речь идет о землях в окрестностях сельца Чаново на самой границе со Звенигородским уездом.

Согласно одному из архивных дел, в феврале 1887 г. Цурикова купила у К. К. Шапошникова пустоши (Шутову и Тетюковскую) при сельце Чаново общим размером 251 дес. за 6.500 руб.⁷⁹. В том же деле написано, что в октябре того же года Анна Сергеевна продала эту недвижимость уже за 12.500 руб. Каким образом один и тот же участок земли за несколько месяцев мог подорожать почти в 2 раза? Ответ думается, кроется в том, что покупателем оказался племянник вдовы Александр Максимович Попов. И что еще любопытно – купчая была совершена 7 октября.

Напомним, что в этот же день были оформлены сделки на покупку Поповыми у А. С. Цуриковой Ивановской фабрики и отдельно земли под ней, а также имения Холм. Четыре сделки между одними и теми же людьми в один день! Явно не случайное совпадение. Учитывая, что вдова продала земли при Холмах и Чаново вместе с фабрикой, то, вероятно, эти имения были придатком фабрики. Логично предположить, что там произрастал лес, необходимый для топки котлов. Также, думается, неслучайно увеличение стоимости имения Чаново в два раза всего за восемь месяцев. Здесь скрыта какая-то тайна. Если вспомнить эпизод о покупке Ивановской фабрики по низкой цене, когда Александр Максимович Попов по его же словам *«сгорел от стыда, предъявляя такие условия Анне Сергеевне»* – то может здесь ключ к разгадке? Может племянник хотел за счет переплаты по имени Чаново частично компенсировать тете часть денег, недоданных за фабрику? Кто знает ...

* * *

На этом исчерпываются собранные сведения о владениях А. С. Цуриковой.

В справочнике «Памятная книжка Московской губернии на 1899 год» в разделе *«Павловская волость»* приведены такие данные: *«Цурикова Анна Сергеевна, вдов. д.с.с. 628 ½, 20.112 ½»*⁸⁰. Эту запись надо понимать так: суммарный размер всей недвижимости вдовы равен 628,5 дес., их стоимость оценена в 20.112,5 руб. Владения Анны Сергеевны были среди самых крупных в Звенигородском уезде (в некоторых документах вместо 628 дес. писали 623, но это сути не меняет).

Добрые дела

Павел Григорьевич Цуриков прославился в народе и обществе своими многочисленными благодеяниями, пожертвованиями. Он прожил не так долго и скоропостижно скончался, не успев завершить некоторые дела. Наверняка у него были обширные планы на будущее. Но, увы.

Эстафету добрых дел продолжила вдова благотворителя. Надо сразу отметить, что масштаб благотворительности Анны Сергеевны был заметно меньше, как по величине оказываемой финансовой помощи, так и по географии охватываемых мест. Это и понятно, ведь деньги приносила суконная фабрика. А после ее продажи в 1887 г. этот источник поступления финансов у вдовы иссяк. Теперь она могла рассчитывать лишь на проценты по вкладам и ценным бумагам, полученным от мужа по завещанию и от продажи фабрики.

Ни в одном из многочисленных просмотренных документов не обнаружено сведений о приобретении Анной Сергеевной дорогостоящих вещей, предметов роскоши, о каких-то крупных тратах (кроме единичных случаев покупки недвижимости). Да, она была богатой дворянкой и жила в большом доме в своей городской усадьбе. Но, думается, жила достаточно скромно, не проматывала огромное состояние (это видно по тому наследству, которое осталось после ее смерти). Ей были чужды пороки, свойственные некоторым представителям дворянства. Трудно представить иную ее жизнь, зная, что А. С. Цурикова была по-настоящему верующим человеком, помогала монастырям, храмам, школам, больницам, да и просто отдельным людям. Как справедливо отмечено в одной из книг: *«Забота о нуждающихся, опека над немущими стали главным делом ее жизни»*⁸¹. Как писал П. С. Попов: *«Анна Сергеевна Цурикова любила благотворительствовать»*.

Перейдем теперь к описанию добрых дел Анны Сергеевны, сведения о которых удалось обнаружить в ходе просмотра десятков архивных дел и других источников. Сначала поговорим о храмах, которым она помогала, а потом о школах.

Помощь храмам и монастырям Звенигородского уезда

О том, что А. С. Цурикова помогала некоторым церквям, известно давно, об этом писали в наше время. Но все эти случаи относились ко времени, когда она уже стала вдовой. Однако в исторических документах удалось найти достоверные свидетельства того, что она занималась благотворительностью еще при жизни мужа. Это представляется важным для портрета Анны Сергеевны.

Вот что докладывал в январе 1869 г. управляющий Воскресенским **Новоиерусалимским монастырем** епископ Петр: *«Жена Почетнаго Гражданина фабриканта Цурикова Анна Сергеевна пожертвовала в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь 56 аршин шелкового рипса с серебряною тканью, с позументами и подкладкою для облачения на 500 рублей серебром. Донося о сем Конторе Святейшаго Синода прошу исходатайствовать у Святейшаго Синода благословение жертвователнице»*⁸². 27 января такое благословение дарительнице было преподано.

О ежегодной помощи Анны Сергеевны Новоиерусалимскому монастырю в размере 1.200 рублей на прием паломников, прибывавших на богомолье, уже рассказывалось ранее. К этому можно добавить слова из книги И. Ф. Токмакова: *«Кресты металлические разных величин, форм и украшений*

Изо 7–22. Вид на гостиницы Воскресенского Новоиерусалимского монастыря⁸³, 1907.

*приобретались на счет известного благотворителя покойнаго Павла Григорьевича Цурикова, а теперь покупаются его супругой Анной Сергеевной Цуриковой»*⁸⁴.

Переходим к следующему Божьему дому. В опись церковного имущества **Вознесенской церкви г. Воскресенска** включены сведения о следующих дарах: *«Риза, белой серебряной парчи, цветами, обложена серебряным галуном, на белом демикутоне. При ней, из такой же парчи: епитрахиль, пояс, набедренный и поручи; звезда и кресты серебряные шитые по карте. Пожертвованы Действительною Статскою Советницею Анною Сергеевою Цуриковою, из покрова бывшего на гробе ее сестры Марии Сергеевой Мингалевой»*⁸⁵. Сестра Мария умерла в 1876 г., Павел Григорьевич в то время еще был жив.

А. С. Цурикова помогала городскому храму и в последующие годы, когда уже стала вдовой. Вот как об этом написано в той же книге Токмакова: *«В 1904 году на устройство иконы Св. Феодосия Угличскаго поступило пожертвований 1600 руб., собранных среди прихожан. Главною жертвователницею была Анна Сергеевна Цурикова, которая содержит хор певчих при храме, издерживая ежегодно до 400 рублей»*⁸⁶.

В 1907 г. в Воскресенске происходил сбор средств на расширение Вознесенской церкви. Анна Сергеевна не дожидаясь этого события несколько месяцев, но помощь от нее поступила. В следующей главе будет рассказано, как в декабре того года «в кассу Городскаго Управления» г. Воскресенска поступило пожертвование 7.520 руб. от В. С. Мингалева на «возобновлении новаго храма вместо

существующей пришедшей в ветхость Вознесенской церкви». Это были деньги из наследства А. С. Цуриковой. Там же в деле написано, что на собрании «городских уполномоченных» решено было «Память почившей Анны Сергеевны Цуриковой почтить вставанием».

Идем далее. Павел Григорьевич в своем завещании указал, в какие храмы и монастыри должны быть переданы денежные средства на помин его души и сколько именно. Эта воля почившего была исполнена. От себя лично вдова пожертвовала ценную святыню в **Успенскую церковь при Ивановской фабрике**, которую построил ее супруг. Вот что написал в октябре 1878 г. в донесении священноначалию благочинный Звенигородского уезда, настоятель Успенской церкви о. Иаков Волхонский: «Умершаго храмоздателя нашего, действительного статского советника Павла Григорьевича Цурикова супруга вдова Анна Сергеевна, после кончины его, пожертвовала в нашу Успенскую церковь части св. мощей: а) Преподобного отца нашего Авраамия Смоленского, б) св. Священномученика Феодора в перги, в) св. Великомученицы Варвары. Части св. угодников Авраамия и Феодора помещены в медном, посеребренном складне, в виде звезды, украшенной вокруг стразами»⁸⁸.

Как ранее уже говорилось, Павел Григорьевич в конце своей жизни оказывал помощь в строительстве нового Тихвинского храма в **Саввинской Слободе** (изо 6–71). Во многом на его средства за четыре года была выстроена кирпичная церковь, оштукатурена внутри. Осталось сделать немного. Уже после кончины благотворителя в епархиальном журнале была напечатана статья (полный текст приведен в приложении–6):

«Но 5 января 1878 года Господу угодно было отозвать в вечность нашего доброго благотворителя. Такая потеря грозила прихожанам остановкою работ по построении церкви на неопределенное время. Но супруга покойного Анна Сергеевна не желала оставить недоконченным доброе дело своего любимого супруга. Она взяла на свое попечение окончательную постройку нового храма. При распорядительности родственника почившаго, Максима Ефимовича Попова с мая месяца 1878 года работы пошли быстро, насланы полы, обнесена кругом церкви каменная ограда, устроены три величественных иконостаса, [...] и в сентябре месяце сего [1879] года все уже было готово к освящению храма. 29 сентября в 6 часов вечера первый звон пожертвованного Анною Сергеевною колокола возвестил о начале всенощного бдения [...] В 9 часов прибыл о. архимандрит Галактион и им пред поздней литургией совершено освящение среднего престола во имя Тихвинския Божия Матери. По прочтении часов отслужена была панихида по храмоздателе болярине Павле; за панихидою всем предстоящим розданы были свечи и все молились с таким умилением, что у многих заметны были слезы. [...] Торжество заключилось предложенным от щедрот Анны Сергеевны хорошо сервированным обедом во вновь отстроенном прихожанами училище близ церкви. Все скорбели, что не имели утешения видеть во время освещения добрую Анну Сергеевну, которая по своей болезни не могла прибыть к освящению. Почему 3-го октября все прихожане с местным священником отправились на Ивановскую суконную фабрику. Явились в устроенный Павлом Григорьевичем храм, где отслужили панихиду по боярине Павле. После чего поднесли Анне Сергеевне икону от своего усердия, вместе с благодарственным адресом»⁸⁹.

В 1880-х годах А. С. Цурикова несколько раз помогла **Казанской церкви в селе Малинки** (размер пожертвования остался неизвестным). Особое внимание вдовы к данному храму понятно: имение Максимовка-Анненское находилось в его приходе. Проблема была в том, что еще в 1830-е годы Казанский храм фактически закрыли по причине малочисленности прихожан и приписали его к Преображенской церкви села Бужарово. Службы в Малинках проводились редко. Так продолжалось десятилетиями, Казанская церковь за это время обветшала. А. С. Цурикова пришла на помощь

Изо 7–23. Вознесенская церковь в г. Воскресенске⁸⁷, 1910-е ?

бедному приходу. Вот как об этом написано в метрике Казанской церкви: «А нижний этаж к северной стороне занят приделом во имя Святителя Николая Чудотворца, исправленного и приспособленного для зимней службы пособием известной благотворительницы Анны Сергеевны Цуриковой. [...] Крылья возобновлены и вновь покрашены в 1886 году изданием госпожи владелицы дачи в сем приходе вдовы Действительной Статской Советницы Анны Сергеевны Цуриковой. [...] Форма вершук Царских врат полукруглая. В 1886 году возобновлены изданием госпожи Анны Сергеевны Цуриковой. [...] Стены покрашены недавно: именно в 1886 году изданием той же Благотворительницы госпожи А. С. Цуриковой. [...] также в 1886 году поставлена каменная ограда изданием госпожи Анны Сергеевны Цуриковой»⁹⁰.

В 1888 г. вдова обратилась с прошением к священноначалию, чтобы в Казанской церкви «Богослужение совершалось неопустительно каждую неделю по одному разу»⁹¹. Т.к. священник из Бужарово не мог часто служить в Малинках, Цурикова просила разрешить отправлять литургии священнику Троицкой церкви села Мушкино. Эта просьба была удовлетворена. Из архивного дела 1891 г. следует, что в Казанской церкви (см. изд. 6–44) еженедельно служил священник Александр Постников из села Мушкино.

Уже после смерти Анны Сергеевны храму в Малинках финансовую помощь оказал ее родной брат Василий. Он пожертвовал часть средств, полученных по завещанию почившей сестры (об этом подробнее поговорим в следующей главе).

В 1893 г. сгорела деревянная **Петропавловская церковь в селе Дарна** (см. изд. 6–22). Приход решил строить новый храм из кирпича. Стройка грозила затянуться на длительный срок, все это время прихожанам пришлось бы ходить на службу в соседнюю церковь за несколько верст. Неудобство могло возникнуть и при исполнении приходских треб. На выручку пришла Анна Сергеевна. В селе имелось здание училища, в нем учились дети. К этому деревянному зданию решено было пристроить временный храм. Все работы выполнили в том же году. Позднее писали об этой церкви в Дарне: «построена в 1893 году тицанием прихожан при содействии Ея Превосходительства Анны Сергеевны Цуриковой (храм временный на место сгоревшаго в сем же 1893 году). Зданием деревянная с таковою же при ней звонницею – крыта железом и все наружные стены окрашены под кирпичный колер; престол в ней один во имя Апостолов Петра и Павла; утварию достаточна»⁹². После постройки каменной церкви временную постройку разобрали.

В 1896 г. служители **Богородицерождественской церкви в селе Александрово** задумали произвести ремонт церковного здания: покрасить крышу, исправить наружную штукатурку и заново окрасить стены. В кассе имелось 200 рублей, к ним Анна Сергеевна добавила 50 рублей⁹³.

В 1902–1905 годах в селе **Ламишино** проходило строительство новой **Казанской церкви**. В книге «Суконщики Поповы» написано, что А. С. Цурикова пожертвовала 25 рублей на сооружение кирпичного храма. И дана ссылка на известную дореволюционную книгу приходского священника

Изо 7–24. Чертеж временной церкви в с. Дарна⁹⁴, 1893.

В. Смоленского. Однако при проверке ссылки выяснилось, что она неверна. Самостоятельные же поиски фамилии Цуриковой в этой книге к успеху не привели. Никаких других исторических данных о пожертвовании Анны Сергеевны в этот храм нет. Так что утверждение о помощи вдовы Казанской церкви в Ламишино остается под вопросом.

На этом завершается рассказ о помощи А. С. Цуриковой православным храмам и монастырям. Нетрудно заметить, что все они находились в Звенигородском уезде. Переходим теперь к поддержке народного образования. Все школы, которым вдова оказывала помощь, находились в том же уезде.

1878?–1889: Помощь смешанному училищу в Воскресенске

Если Павел Григорьевич «специализировался» на помощи православным храмам и монастырям, то его супруга Анна Сергеевна больше денег жертвовала на поддержку народного образования. Активно этим она стала заниматься уже после кончины супруга.

Около трех десятилетий вдова на регулярной основе помогала нескольким школам Звенигородского уезда, которые начал поддерживать еще ее супруг. Можно совершенно определенно говорить, что если б не благотворительные пожертвования супругов Цуриковых, то народное образование в Воскресенске и Звенигороде испытывало бы серьезные трудности, особенно в первом городе. Конечно, училище для детей в заштатном городе существовало бы, таково было веяние времени. Но, учитывая скромный бюджет Воскресенска (город был небольшой, и предприятий в нем не было), то, скорее всего, число учеников было бы меньше и качество образования хуже.

В четвертой главе говорилось о том, что в феврале 1871 г. в Воскресенске сгорело единственное в то время здание училища, детям стало негде учиться. На помощь в беде тогда пришел попечитель П. Г. Цуриков. Он отстроил на свои средства и на своем участке новое красивое здание приходской школы. Павел Григорьевич обеспечивал училище всем необходимым, дети учились бесплатно. Школа была смешанной, т.е. в ней учились мальчики и девочки. Еще при жизни попечителя училище стало именоваться *«Цуриковским»*. Здесь приводится самая ранняя известная фотография училища (в книге имеются другие изображения снимки учебного здания – см. изд. 6–46, 7–27, 7–29). На стене здания сверху имеется вывеска, на ней можно прочитать слова: *«Воскресенское приходское училище»*.

Изд. 7–25. Цуриковское смешанное училище в г. Воскресенске⁹⁵, 1880-е ?

Об училище в Воскресенске в наше время неоднократно писали, в частности, в 2016 г. вышла статья соратника по проекту УБД С. Ю. Мамаева⁹⁶. Однако в этой и других публикациях история народного образования в заштатном городе изложена не полностью, есть и ошибки. В различных архивах были найдены прежде не публиковавшиеся материалы, которые уточняют ранее известные данные.

П. Г. Цуриков пожертвовал Воскресенскому училищу неприкосновенный капитал (10.000 руб.), который в документах именовался по его фамилии. После кончины благотворителя доброе дело поддержки училища продолжила его супруга Анна Сергеевна. Как написано в одном из отчетов, она стала попечительницей городского училища *«после смерти мужа»*, отмечено, что избрана *«обществом [Воскресенского] посада»*. Остался вопрос: когда именно А. С. Цурикова стала помогать городскому училищу? В одних источниках написано, что Анна Сергеевна стала попечительницей училища в 1878 г.⁹⁷, т.е. сразу после кончины супруга. Из других документов следует, что это случилось на несколько лет позже. Так в отчете уездного земства за 1880 г. имя Анны Сергеевны не указано, запись об училище выглядит так: *«Цуриковское приходское в Воскресенске» [содержится] на средства оставленные г. Цуриковым и на пособие от думы»*⁹⁸.

Так или иначе, в 1882 г. А. С. Цурикова уже точно была попечительницей, *«Статистический*

отчет о Воскресенском училище» за указанный год это подтверждает. В этом документе содержатся такие данные: «Все учебные пособия приобретаются на средства попечительницы училища А. С. Цуриковой. [...] Дает полное содерж. училищу. В училище в последн. годы не бывала¹. Училищные нужды удовлетворяются без замедления»⁹⁹. Там же приведены сведения об общих затратах на школу за учебный год, они составили 1.297 рублей (включая зарплату учителям и сторожу, ремонт, страховка, учебные пособия и др.) Эта сумма более чем в два раза превышала процентные начисления на Цуриковский капитал. Анна Сергеевна напрямую оказывала помощь городскому училищу. Она не могла оставить доброе дело, которое начал ее супруг. Поэтому и взяла на себя компенсацию тех средств, которых не хватало для полноценного функционирования училища. Напомним, что дети обучались бесплатно: «Плата с учеников не взимается».

Преподавательский состав в то время был такой: законоучитель, учитель и учитель пения. Законоучителем был настоятель городской Вознесенской церкви о. Сергей Холмогоров (в этой должности состоял с 1875 г.). Батюшка преподавал детям Закон Божий и получал за свои труды 120 руб. в год. Учителя пения звали Николай Александрович Беляев (в школе с 1871 г.). Он был псаломщиком той же церкви и получал 102 руб. Остальные учебные предметы преподавал учитель **Иван Павлович Чехов**.

О нем написано, что он из Таганрога из «рода купцов». В Воскресенск был назначен в 1879 г. Получал вначале 400 руб., потом стало 420. Для того времени это была высокая зарплата учителя, многие его коллеги в уезде получали в два раза меньше. Но надо сказать, что и нагрузка у И. П. Чехова была намного больше, чем в других школах (за исключением Ивановской). Если в сельских школах редко где встречалось более 50 учеников, то в Воскресенском училище обучалось почти в два раза больше детей. Так в 1882–1883 учебном году было 89 школьников! Обучение длилось три года, уроки проходили сразу во всех отделениях: учитель «Занимается со всеми тремя группами одновременно»¹⁰¹. Непонятно, как с такой огромной нагрузкой справлялся один учитель.

Упомянутый Иван Павлович Чехов – это родной брат Антона Павловича, который в те годы еще не был писателем, учился в Московском университете на медицинском факультете. Сохранились несколько фотографий учителя Чехова. Одна из них, как следует из надписи, сделана во время его работы в Воскресенске. Хотелось бы отметить, что написанная на снимке чернилами дата «1884 г.», скорее всего, ошибочна. Как будет показано далее, годом ранее Иван Павлович покинул Воскресенск.

Семья Чеховых была многодетной, проживала в Москве, и испытывала материальные трудности. Вот что писал в своих воспоминаниях Михаил Павлович Чехов: «мой средний брат, Иван Павлович, выдержал в декабре 1879 года экзамен на учителя и был назначен в заштатный городок Воскресенск. [...] Воскресенск был тогда еще очень маленьким городком, и в нем было всего только одно училище – приходское; им-то и заведовал мой брат. Попечитель этого училища – известный суконный фабрикант Цуриков не пожалел денег на его благоустройство, и у Ивана Павловича оказалась вдруг просторная, хорошо об-

Изо 7–26. И. П. Чехов¹⁰⁰, 1884?, (музей А. П. Чехова "Мелихово").

¹ Не стоит удивляться фразе «В училище в последн. годы не бывала». До 1887 г. А. С. Цурикова проживала на Ивановской фабрике и в г. Воскресенске, по всей видимости, появлялась нечасто. Но это не сказывалось негативно на поддержке училища: «Училищные нужды удовлетворяются без замедления».

ставленная квартира, рассчитанная не на одного холостого учителя, а на целую семью»¹⁰² (следует уточнить, что в 1879 году Павла Григорьевича уже не было в живых).

Принято считать, что квартира учителя находилась в самом здании Воскресенского училища. Однако местный краевед Е. В. Штейдле с этим не согласилась: «Трудно представить, что, кроме классов, в этом относительно небольшом здании находилась и “просторная... на целую семью” квартира! Выскажу свое предположение. На улице Вознесенской (сейчас это улица Коммуны), совсем недалеко от школы, стоял дом, в котором жили учителя – несколько семей. Место красивое, внизу река, здесь любили купаться, рыбачить. До революции это была дача дворян Мингалевых. Вот в этом доме попечительница училища А.С. Цурикова, урожденная Мингалева, и предоставила Ивану Павловичу Чехову и его семье квартиру, которая была большим подспорьем для Чеховых в летние месяцы. Хотя, без сомнения, Чеховы, в том числе, конечно, и Антон Павлович, бывали в школе на Крестовской. Бывали, но не жили»¹⁰³.

Думается, что уважаемый краевед в своем предположении ошиблась. «Статистический отчет о Воскресенском училище» за 1887–1888 учебный год содержит такую строчку: «Квартира учит. в доме школы»¹⁰⁴. Все четко написано, других толкований быть не может. Если присмотреться на приведенную в предыдущей главе фотографию училища (изо 6–46), то можно заметить довольно большой мезонин с окном, как у жилой комнаты. А если вспомнить о чем говорилось в четвертой главе (что в мезонине больничного здания на фабрике находилась квартира регента), то напрашивается очевидное предположение, что квартира учителя располагалась на втором этаже в мезонине училищного здания. Так, по крайней мере, было в конце XIX века.

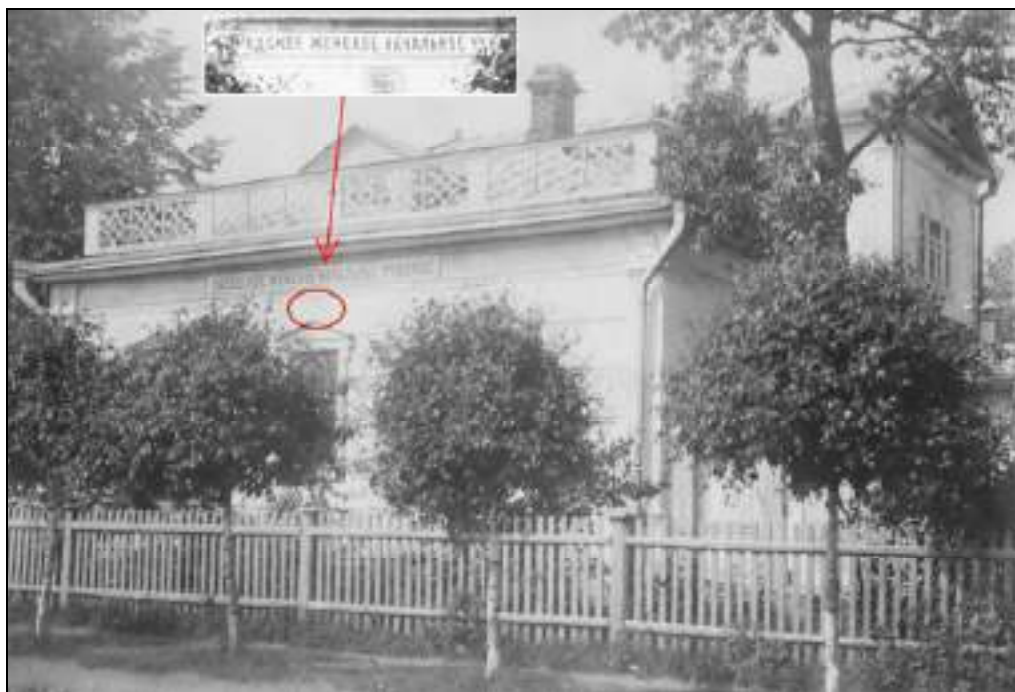
Что еще можно сказать о И. П. Чехове во время его пребывания в Воскресенске, когда он работал в городском училище? По сведениям архивного дела в 1881–1882 учебном году обучалось 80 учеников, 66 детей были из Воскресенска, остальные из соседних к городу селений. А в следующем году, как уже говорилось, было 89 учеников.

Учительская карьера И. П. Чехова в Воскресенске оборвалась неожиданно. Вот как все произошло описала А. М. Шуберт: «В Воскресенске учил учитель третий брат Чехова. Накупил на базаре [по другим сведениям – в деревне Максимовке] глиняных горшков разного размера, развесил на веревке по школьному двору и устроил на них малиновый трезвон, одновременно с перезвоном в Ново-Иерусалимском монастыре. Уважаемой тетушке об этом немедленно донесли и судьба Чеховых была решена»¹⁰⁵. Анна Сергеевна, как попечительница, решила уволить Ивана Чехова с должности учителя. В воспоминаниях Шуберт не указана дата, когда это случилось. Но из других документов известно, что с осени 1883 г. в Воскресенском училище был уже новый учитель.

Современному читателю, наверное, сложно понять, почему столь суровым оказалось наказание за, в общем-то, невинный проступок, шутку. Надо учесть, что А. С. Цуриковой в то время было «за 60» и взглядов она была консервативных («В салонах ее очень боялись всякого вольного духа»). И к тому же она была глубоко верующим человеком. А Иван Чехов напротив, по всей видимости, был не слишком религиозен. Учитель, который должен подавать всем детям пример, устроил сомнительную забаву во дворе школы. Скорее всего, описанный эпизод был не единственным, не понравившимся попечительнице, просто игра с горшками «переполнила чашу терпения». В статье П. С. Попова написано, как попечительница относилась к учителю: «Преподавателя Воскресенской школы – Ивана Павловича Чехова – она, конечно, знала лично, но относилась к нему с холодком и во всяком случае очень сдержанно. Она боялась всяких “новых веяний” и не любила “интеллигентов”»¹⁰⁶.

О судьбе И. П. Чехова есть сведения в интернете. После Воскресенска он работал учителем в различных учебных заведениях в Москве. Как написано в Википедии: «За 25-летние труды по народному образованию И. П. Чехов получил грамоту на звание потомственного почетного гражданина. [...] К нему постоянно направляли зарубежных и отечественных педагогов за опытом образовательной постановки учебного процесса». Учитель женился, родился сын Владимир. Иван Павлович умер в 1922 г., похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Приезды А. П. Чехова в Воскресенск к брату имели огромное значение для наших мест. Еще при жизни писатель стал широко известным. В 1910 г. во всей стране повсеместно отмечалось 50-летие со дня рождения Антона Павловича, которого к тому времени уже не было в живых. В Воскресенске по ходатайству благотворительного общества решено было учредить библиотеку-читальню имени А. П. Чехова. Один из городских переулков был назван Чеховским. Наверное, в это же время на стене

Изо 7–27. Воскресенск. Женское училище.
Вид с Большой Крестовской улицы¹⁰⁷, 1915–1916, (ГМИРЛИ).

городского училища была вывешена памятная табличка с текстом: «В этом дом жил летом 1883 и 1884 писатель Антон Павлович Чехов»¹. Еле заметный контур указанной таблички (он выделен овалом) можно разглядеть на ранее не публиковавшейся фотографии восточной стены школьного здания (выходившей на Большую Крестовскую улицу). Табличка находилась прямо под вывеской с названием училища: «Воскре-

сенское женское начальное училище» (в приводимое изображение врезан фрагмент из другого исторического снимка, где вывеска и табличка лучше видны).

На смену уволенному учителю Чехову в Воскресенское училище в августе 1883 г. была назначена Мария Николаевна Смирнова¹⁰⁸. По собранным сведениям она дочь священника, «не замужняя», за год до поступления в Воскресенск окончила «епархиальное Филаретовское училище».

Сведения о городском училище 1880-х годов можно найти в различных отчетах земства как губернского, так и уездного. Так в отчете за 1884–1885 учебный год написано, что «попечительницей [А. С. Цуриковой – Авт.] подарено детям ситцу на 85 рублей»¹⁰⁹. В таком же отчете три года спустя приведена схожая информация: ученикам был подарен ситец на 77 рублей¹¹⁰. Об этих подарках долго потом помнили жители города. К 100-летию Истринской школы имени А. П. Чехова в 2008 г. в районной газете была напечатана статья, подготовленная по воспоминаниям бывших школьников. В ней говорилось: «Она [Цурикова] была доброй, глубоко верующей женщиной и материально помогала особо нуждающимся ученикам. В дни именин мальчики неизменно получали от нее угощение, а девочки – отрез на платье. Вспоминают, что тем учащимся, кто не мог позволить себе услуги портного, и платье шили за ее счет»¹¹¹.

В отчете уездного земства написано, что в 1888–1889 учебном году (он длился с 1 сентября по 22 мая) в школе обучалось 48 мальчиков и 25 девочек (всего 73 ученика). На содержание «смешанного» училища попечительница Цурикова израсходовала 940 руб., и еще 100 руб. добавил город¹¹². Оклад у учительницы Смирновой был 300 руб. Как видим, это намного меньше, чем было у И. П. Чехова. Вероятно, потому, что она была начинающим педагогом.

В другом архивном деле за тот же год приведено краткое описание «Воскресенской приходской школы». В тексте говорится, что школьный участок занимает 624 кв. сажени. Учебное здание деревянное на каменном фундаменте, крыто железом, имеет размеры в длину 15 аршин, ширину 29 арш., высоту 7 арш. и занимает площадь 46 кв.саж. (т.е. 209 кв.м.). Написано также, что строение новое, в нем «приход. училище и квартира учителя»¹¹³. Отмечено, что проживают три человека (вероятно, это была семья учительницы Смирновой).

Указанный 1888–1889 учебный год оказался последним, когда в Воскресенске мальчики и девочки учились вместе.

¹ Даты указаны неверно. В 1884 г. в Воскресенском училище И. П. Чехов уже не работал, он трудился в нем с декабря 1879 по лето 1883. Антон Павлович мог приезжать к брату в 1880, 1881, 1882 и 1883 годах.

1889–1907: Помощь Воскресенским училищам для девочек и для мальчиков

В архивном документе 1889 г. упомянуты уже два учебных заведения в городе: «Воскресенское приходское училище мужское» и «Воскресенское приходское училище женское»¹¹⁴. Почему вдруг стало два отдельных учебных заведения? Ответ очевиден: заштатный город Воскресенск рос. И все больше его жителей понимало, что детям надо давать образование. Поэтому число желающих учиться все время прибавлялось. По идее, можно было бы добавить второго учителя и ввести параллельное обучение. Но имеющееся здание, построенное П. Г. Цуриковым 18 лет назад, не могло вместить всех, кто хотел учиться. Поэтому решено было для школьных нужд приспособить еще одно помещение. Девочек оставили учиться в прежнем здании, а мальчиков, которых было больше, «отселили» (раздельное обучение детей в то время было нередким явлением, особенно в городах). Для мальчиков открыли отдельную школу. Помещение училища было наемным, арендная плата составляла 300 руб. в год, средства вносила А. С. Цурикова.

Удалось установить фамилию владельца (точнее владелицы), которая предоставила помещение. Как написано в отчете: «Нанимается у Воскресенской купчихи Марьи Егоровны Карелиной за 300 р. в год без отопления и сторожа. Платит за помещение попечительница училища. Здание деревянное на каменном фундаменте, крыша железная. Здание одноэтажное с подвальным помещением для сторожа»¹¹⁵. Где, на какой улице города находился дом купчихи М. Е. Карелиной, который она сдала под школу – об этом ни в одном документе не сказано. Но зато в том же деле оказался план арендуемого помещения. Из него видно, что было две классных комнаты, три (!) комнаты для учителя (одна из них, наверное, была учительской в школе) и три печи. В другом деле приведена такая характеристика комнат: «Помещение училища вообще удовлетворительно, квартира учителя просторна и удобна, но классные комнаты тесны и низки. Площадь пола 1-й классной комнаты 6 x 8 = 48 кв. аршин [24.3 кв.м], 2-й – 6 x 14 = 84 [42.3 кв.м]»¹¹⁶.

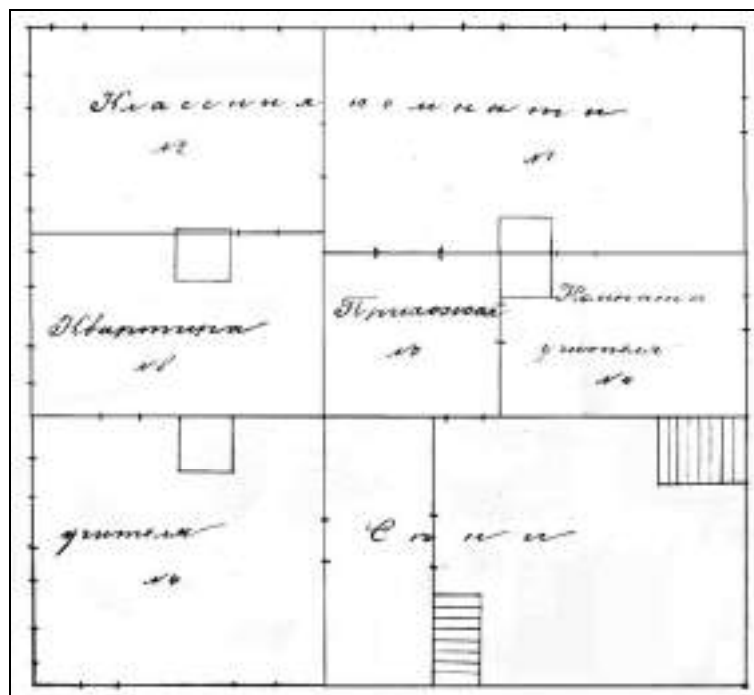
Законоучителем в обеих городских школах был все тот же священник Вознесенской церкви Сергей Холмогоров. И учитель пения остался прежним – псаломщик Николай Беляев. Под его руководством «Девочки вместе с мальчиками поют молитвы в церкви». А вот учитель был другой.

В мужскую школу пригласили молодого (24-летнего) холостого учителя Сергея¹ Ильича Соловьева¹¹⁷. А в женской школе преподавала все та же М. Н. Смирнова. Оклады у них были такие:

учитель получал 360 руб., учительница 300. Зарплата, возможно, различалась потому, что число учащихся было разное: в первой школе обучалось 60 мальчиков, а во второй 50 девочек.

Попечительницей мужского училища, как и женского была А. С. Цурикова. Как следует все из того же дела, расходы на образование резко выросли. Так в течение 1889–1890 учебного года (первый год разделенного обучения) попечительницей было потрачено на содержание мужской школы 2.230 руб., женской «более 1.000 р.». Помощь от города тоже была, но намного скромнее: для мужской школы выделено 60 руб., для женской «до 140 р.» (это были затраты на дрова для отопления).

Городские власти понимали, что затраты Анны Сергеевны на поддержку народного образования значительно увеличились и намного превышают

Изо 7–28. План внутренних помещений мужского училища в Воскресенске, 1889.

¹ Интересно, что в Ивановском фабричном училище в это же время учителем работал тезка Сергей Соловьев, правда, отчество у него было другое – Васильевич. Он был постарше и уже имел детей.

ежегодно начисляемые проценты на капитал П. Г. Цурикова (534 руб.). Поэтому на собрании уполномоченных г. Воскресенска было принято решение процентные начисления с этого капитала передавать непосредственно попечительнице. Это было справедливо. Ведь вдова тратила намного больше на поддержку народного образования в городе. Надо еще сказать, что в 1906 г. *«Капитал имени Действ. Статского Советника П.Г. Цурикова»* составил 13.950 руб.¹¹⁸. Однако выплата по процентам почему-то осталась прежней.

При обеих школах были организованы библиотеки, книги закупались на средства попечительницы.

В архиве РГИА хранится интересное дело 1894 г. с анкетами о школах, которые заполняли сами учителя. Сведения о мужском училище предоставил учитель С. Соловьев. Он написал, что затраты (кроме заготовки дров) приняла на себя А. С. Цурикова. Было израсходовано 120 руб. *«на прислугу и поддержку чистоты»*¹¹⁹. На зарплату законоучителя, учителя и учителя пения ушло 582 руб., на нужды библиотеки 16 руб. Особо отмечено, что библиотекой пользуются не только ученики, но *«частью и местное население»*. Общие траты попечительницы на училище для мальчиков составили 1069 руб. (включая наем помещения 300 руб.). На средства города (60 руб.) были заготовлены дрова на зиму.

На 1-е января 1895 г. в мужской школе числилось 56 учеников (из них один мальчик был из семьи раскольников, т.е. старообрядцев), возраст ребят колебался от 8 до 12 лет. Полный цикл обучения составлял три года. Дополнительно сверх программы преподавалось пение, а также было организовано проведение *«народных чтений»* по истории и географии (на средства попечительницы). Особо отмечено, что в последние пару лет отказов в приеме мальчиков в школу не было, *«что объясняется устроением мужского церковно-приходского училища при Ново-Иерусалимском монастыре»*.

Аналогичная анкета была заполнена и учительницей женского училища, которой в то время была Е. М. Сурикова (о ней подробно еще поговорим). В начале года учились 58 девочек (две из семьи раскольников) в возрасте от 7 до 13 лет. Некоторые ученицы приходили на занятия из деревень Макруша и Полево (расстояние 2 версты). Отмечено, что было отказано в приеме в школу 15 девочкам *«по недостатку свободных мест»*.

Общие затраты на содержание женского училища составили 962 руб. При этом помощи от города не было, все деньги поступили от А. С. Цуриковой. На зарплату учителей ушло 420 руб. На библиотеку потрачено 50 руб. Сверх программы в училище преподавалось пение, рукоделие и вязание.

В архиве ЦГАМ обнаружено еще одно дело на ту же тему, оно называется: *«Сведения о хозяйственной части училищ по Звенигородскому уезду за 1895–1896 учебный год»*. В нем приведены как известные данные, так и новые сведения, остановимся на последних.

В деле описано, как происходила заготовка дров на зиму для *«Воскресенского гор. нач. муж. училища»*¹²⁰. Город из своей земли выделял лесной участок, на котором рубились деревья, затем их пилили и перевозили в школу. Лес выделялся бесплатно, а работы по заготовке дров оплачивала А. С. Цурикова, в отчетном году затраты составили 19,5 руб. На освещение (свечи) было потрачено 12 руб. 47 коп. Для охраны помещения был нанят сторож с годовым жалованием 120 руб. и с предоставлением жилья при училище. Помимо основной обязанности (сторожить) ему было велено 1–2 раза в месяц мыть полы в помещениях школы.

Подобные сведения приведены и для *«Воскресенского женского училища»*. Дрова заготовил город на сумму 85 руб. А освещение оплачивала попечительница, ее затраты составили 10 руб. 60 коп. Сторожу платили 108 руб., на поддержание чистоты в школе ушло 11 руб. 20 коп. На средства попечительницы были закуплены учебные пособия (24 руб. 45 коп.). В списке хозяйственных затрат (38 руб. 62 коп.) перечислены: исправление колодца, набивка погреба льдом (летом он использовался как холодильник).

Отдельной строкой прописаны вывешенные в помещении портреты *«Госуд. Им. Ал. II-го [Александр II] – 1 экз., 25 руб.; Госуд. Им. Ал. III-го – 1 экз., 50 р.; Митрополита Филарета – 1 экз.»*. Надо сказать, что в описаниях других училищ Звенигородского уезда портреты вовсе не упоминаются. Возможно, их и не вывешивали в школах (посмотрите на цены – довольно дорого они стоили для того времени). Наличие же портретов государей и митрополита в училище г. Воскресенска можно объяснить так. Учебное здание построил Павел Григорьевич. А он, как рассказывалось ранее, с огромным уважением относился к императорской фамилии и к митрополиту Филарету.

На очередном собрании *«уполномоченных»* города Воскресенска в 1898 г. рассматривался вопрос о преобразовании мужского училища города в *«двухклассное»*. Все понимали, что это потребу-

ет повышенных затрат и рассчитывали, что их возьмет на себя попечительница. По этому случаю было принято особое решение:

«Принимая во внимание, что Воскресенское городское начальное мужское училище, как всем уполномоченным известно обязано своим существованием единственно покойному жертвователю Его Превосходительству, Павлу Григорьевичу Цурикову, который пожертвовал городу для сей цели специальный капитал в размере 13.950 рублей, после смерти которого супруга Его Анна Сергеевна Цурикова, будучи Попечительницей в течение более Десяти лет неустанно заботясь о благоденствии и образцовом приличии как самих училищ, так и учащихся в нем, не щадя никаких материальных для сего собственных средств не останавливаясь ни перед какими расходами – Поручить городскому старосте [...] поднести [...] благодарственный адрес собрания за ея труды, заботы и любовь к учащимся детям и попечении об училищах и просить не оставить своим попечением Училища и на будущее время»¹²¹.

В 1901 г. Училище для девочек стало церковно-приходским. Об этом написано в отчете «Звенигородского Саввинского Братства» за тот же год: «Воскресенская женская школа имени Цуриковых, состоящая в ведении звенигородского училища. Совет в следствие ходатайства попечительницы означенной школы А. С. Цуриковой журнальным определением Совета Кирилло-Методиевского Братства от 17 апреля, утвержденным Его Преосвященством от 10 мая за № 1515 переименована в церковно-приходскую и принята в ведение Совета Саввинского Братства»¹²². В том же издании приведен список почетных членов братства, в нем есть строчка: «Ея превосходительство Анна Сергеевна Цурикова».

Хотелось бы понять: а чем было вызвано такое переподчинение училища для девочек? В документе написано: «в следствие ходатайства попечительницы означенной школы А. С. Цуриковой». Чем руководствовалась Анна Сергеевна, принимая такое решение – нигде не сказано. Возможно, от Саввинского братства она ожидала больше помощи, чем от города. Но это лишь предположение.

На начало XX века оказалось довольно много материалов по школам г. Воскресенска. Вот только новой информации в них мало. Попечительницей обеих городских школ оставалась А. С. Цурикова. Она по-прежнему оплачивала все текущие расходы на зарплату учителей, покупку инвентаря и учебников, освещение, уборку, охрану и ремонт помещений. Законоучителем все эти годы оставался настоятель Вознесенской церкви о. Сергей Холмогоров, в то время уже протоиерей.

За почти три десятилетия, что А. С. Цурикова оказывала поддержку народному образованию в Воскресенске, неоднократно происходили изменения в училищах, менялось их подчинение. Можно и запутаться. Чтобы проще во всем этом разобраться, сведения представлены в виде таблицы.

Училища в заштатном городе Воскресенске в разные годы

Годы	Статус	Попечитель	Примечание
1848–1868	Приходское, смешанное.	И. Д. Чикин.	Местонахождение неизвестно, в феврале 1871 г. школьное здание сгорело.
Училище смешанное, потом училище для девочек (на Большой Крестовской улице)			
1870–1878	Приходское, смешанное.	П. Г. Цуриков.	К осени 1871 г. попечитель построил новое здание. Выделил 10.000 р. на содержание училища.
1878–1889	Приходское, смешанное.	А. С. Цурикова.	Содержание за счет Цуриковского капитала с добавлением средств попечительницы.
1889–1901	Земское для девочек.	А. С. Цурикова.	Содержание за счет Цуриковского капитала с добавлением средств попечительницы.
1901–1907	Церковно-приходское для девочек.	А. С. Цурикова.	Содержание за счет Цуриковского капитала с добавлением средств попечительницы.
1907–1917	Земское для девочек.	Нет попечителя.	Содержание за счет Цуриковского капитала с добавлением денег города.
Училище для мальчиков (наемное помещение)			
1889–1907	Земское для мальчиков.	А. С. Цурикова.	Содержание за счет попечительницы.

Учителя в Воскресенске, Сурикова или Цурикова?

В справочном издании по Московской губернии за 1899 г. приведены фамилии преподавателей для мужского училища: *«Учитель – Величкин. Учитель пения – псал. Беляев»*. По результатам инспекций в 1905–1906 учебном году в отчете о мужском училище написано следующее: *«Весьма благоприятное впечатление. По успехам школа – хороша. Отлично поставлено пение»*¹²³. Новому учителю, судя по всему, удалось организовать нормальный учебный процесс. Отдельно в отчете отмечено: *«В школе в 1905 году был произведен полный ремонт, на счет попечительницы А. С. Цуриковой»* (сумма не указана).

В том же справочнике 1899 г. приведены сведения для женского училища: *«Учительница – Цурикова»*¹²⁴. К сожалению, имя-отчество или хотя бы инициалы не указаны. Трудно представить, что учить детей стала сама Анна Сергеевна. Ей в то время было 80 лет и никогда прежде она, насколько известно, преподавательским трудом не занималась. Учитывая, что фамилия редкая, резонно предположить, что это родственница. Но кто именно? В воспоминаниях местного старожила М. И. Майоровой утверждается, что в Воскресенской школе в советское время преподавала племянница А. С. Цуриковой. Воспоминания эти были опубликованы в районной газете в 2005 г.:

*«Другой класс вела Екатерина Михайловна Цурикова. Причем проживала она в этом же здании: одна из классных комнат была разделена на 2 части, в одной установлены парты, а в другой части жила Екатерина Михайловна. Е.М. Цурикова – племянница Анны Сергеевны Цуриковой. Сама же А.С. Цурикова, как известно, – жена Павла Григорьевича Цурикова – крупного воскресенского предпринимателя и благотворителя. Екатерине Михайловне было лет 50. Строгая, спокойная, с достоинством, она не только никогда не кричала на учеников, но даже не повышала тона. Облик ее был запоминающимся: длинное черное платье с белым кружевным воротничком, седые волосы красиво уложены, часы на цепочке. Типичная дореволюционная классная дама... К сожалению, судьба Е.М. Цуриковой сложилась трагически. В 1925 г. в школе случился пожар. Роковую роль, можно сказать, сыграло длинное платье Екатерины Михайловны: при сильной тяге подол платья был зажат в печку и загорелся... От полученных ожогов Екатерина Михайловна скончалась»*¹²⁵.

В последней главе настоящей книги пойдет речь о дальних родственниках Цуриковых, приводится обширное древо рода. Никакой племянницы с таким именем в нем нет.

Далее. В архивном деле, в котором имеется статистический отчет по школам за 1899–1900 учебный год (т.е. фактически в то время, когда был издан упомянутый справочник), для женского училища г. Воскресенска указан только один преподаватель. И это не Цурикова, а *«Учительница Екатерина Михайловна Сурикова [...] Курс окончила в Александровском училище в Москве»*¹²⁶. Отмечено, что в настоящей школе преподает с 28 сентября 1893 г., указано происхождение – *«крестьянка»*. Это еще не все. В справочном издании по Московской губернии за 1904 г. приведено такое же имя учительницы в женском училище г. Воскресенска: *«Екатерина Михайловна Сурикова»*. Интересно, что в следующих справочниках 1909 и 1914 гг. также есть ее имя, только еще добавлена вторая учительница Матрена Сергеевна Макарова. А теперь стоит напомнить сведения из рассмотренного ранее архивного дела РГИА 1895 года. Там тоже была упомянута все та же Е. М. Сурикова! Получается, что все это время (1893–1914) она была преподавателем в женской школе Воскресенска, причем работала долгое время одна и без перерыва. А загадочная учительница Цурикова – это получается ошибка, обычная опечатка. Ведь ни в каком другом источнике по училищам г. Воскресенска эта фамилия больше не встречается (именно как учительницы, а не попечительницы). Напрашивается очевидный вывод, что кто-то ошибся в написании фамилии, перепутал главную букву.

Сведения о гибели учительницы от пожара подтвердились. В книге *«Акты записей смертей г. Воскресенск»* была обнаружена такая запись: *«Сурикова Екатерина Михайловна. [Время рождения:] 1872, от роду минуло 54 лет»*. Указана дата смерти 6 декабря 1926 г. и причина: *«от ожога III степени»*¹²⁷. Стоят еще отметки, что учительница, в браке не состояла и умерла в больнице.

Подведем итоги. По сведениям из многих источников в Воскресенской школе с 1893 по 1926 (т.е. 33 года) работала учительница Екатерина Михайловна Сурикова. И лишь в двух случаях указана другая фамилия – Цурикова, – причем один раз с теми же именем и отчеством. Если указание этой фамилии в справочнике можно объяснить обычной опечаткой, то с воспоминаниями старожила сложнее. Все-таки многие люди помнят своих первых учителей. Правда, М. И. Майорова, как она сама написала, училась у другой учительницы (Карелиной), а Цурикова вела другой класс. И что

важно – старожил указала тоже имя и отчество Екатерина Михайловна, что и у Суриковой. Получается, что она тоже перепутала первую букву фамилии? Но почему тогда сказала: «Е.М. Цурикова – племянница Анны Сергеевны Цуриковой»? Если это не придумано (а зачем старожилу это было нужно?), то как тогда можно объяснить все эти нестыковки?

Самое простое объяснение: учительница поменяла фамилию в результате замужества. Т.е. Екатерина Михайловна родилась Цуриковой, а после замужества стала Суриковой. Однако согласно записи о смерти в браке учительница не состояла. Но может брак был недолгим и еще до революции распался? (Не всегда документам первых советских лет можно доверять, в них порой встречаются неверные данные). Эту версию следовало проверить. Проверить – были ли в роду Цуриковых Михаилы, у которых имелась дочь Екатерина, родившаяся примерно в 1872 году?

Родословное древо Цуриковых очень обширное. Забегая вперед, скажем, что в роду были Михаилы Цуриковы, таких оказалось три человека. Однако все они скончались в конце XVIII века или в начале XIX, будущая учительница никак не могла родиться от них. После всего сказанного напрашивается очевидный вывод: старожил М. И. Майорова что-то напутала в своих воспоминаниях¹. Это немудрено, ведь они были опубликованы спустя 70 лет после гибели учительницы. Но не будем спешить с таким заключением. Что-то тут не то. А что если фразу старожилы «племянница Анны Сергеевны Цуриковой» трактовать шире? Т.е. Е. М. Сурикова могла быть не кровной племянницей попечительницы, а, например, вышла замуж за ее племянника (или внучатого племянника), носившего фамилию Цуриков, но фамилию оставила свою. Теоретически такое возможно было, дальнейшие родственники с фамилией Цуриковы у Анны Сергеевны были. ... Удастся ли когда-нибудь окончательно во всей этой истории разобраться?

Народное образование после кончины попечительницы

В начале 1907 г. А. С. Цурикова скончалась. Смерть попечительницы сразу негативно сказалась на опекаемых ею училищах, т.к. она похоже «забыла» о них в своем завещании. У городской власти сразу встал вопрос о средствах на содержание школ. Судя по историческим документам, примерно в это время женское училище в Воскресенске перестало быть церковно-приходским и стало земским. Это могло означать, что Саввинское братство не нашло средств на содержание этой школы, и городским властям пришлось принять училище для девочек под свою опеку. Попечителя в эту школу так и не нашлось.

Городу Воскресенску пришлось туго, т.к. процентов (534 руб.), начисляемых на Цуриковский капитал, явно не хватало на содержание двух училищ на том уровне, как это делала Анна Сергеевна.

Изо 7–29. Здание приходского училища, акварель, рис. А. А. Чумаков¹²⁸, 1933.

¹ Самое правильное было бы найти и расспросить обо всем Марию Ивановну Майорову. Но вряд ли старожил жива (сколько ей было бы сейчас лет, учитывая, что в 1920-х годах она училась в школе).

В результате одну из городских школ (мужскую) пришлось даже закрыть. Таким образом, школа для мальчиков, просуществовав 18 лет (с 1889 по 1907), была закрыта. Стоит отметить, что все эти годы она не имела собственного здания, ребята учились в наемном помещении. Решение городские власти нашли такое: «за кончиной Анны Сергеевны Цуриковой, закрылась содержавшаяся ею мужская школа в г. Воскресенске, почему в настоящее время действительно необходимо открыть начальное училище в слободе Мокруше, что представляется вполне возможным, вследствие нахождения там пустующего помещения в заставном доме Губернского Земства, о бесплатном предоставлении которого под помещение школы уже окончены переговоры с Губернской Управой»¹²⁹.

Школа в слободе Макруша, которая находилась рядом с городом Воскресенском, была открыта. Ее попечителем стал дворянин Сергей Иннокентьевич Дараган. В нее стали ходить некоторые дети горожан. А в самом г. Воскресенске начальное училище для мальчиков вновь открылось лишь несколько лет спустя. Оно находилось на 1-й Торговой площади (его отметка “2” есть на плане города 1912 г. – см. изд. 6–45). Кроме того, в 1908 г. в городе было открыто 4-классное училище (ныне это школа им. А. П. Чехова). И была еще церковно-приходская школа при Новоиерусалимском монастыре. Так что мальчикам было где учиться в Воскресенске.

Хотелось рассказать о судьбе школьного здания, построенного П. Г. Цуриковым. Несмотря на то, что оно было сооружено из дерева, ему была уготована долгая жизнь – 70 лет (1871–1941). До

Изю 7–30. «Истра. Домик А. П. Чехова. Руины»,
рис. К. С. Митурич¹³⁰, 1943.

революции в нем, как и при А. С. Цуриковой продолжали учиться девочки. После прихода к власти большевиков здание какое-то время использовалось по назначению, в нем находилась советская школа первой ступени (т.е. начальная). С 1930 г. здесь разместился детский сад, ясли швейной фабрики, там они и находились до войны. На рисунке художника А. А. Чумакова изображено здание этого периода времени.

В начале декабря 1941 г., во время оккупации города Истры немецко-фашистскими захватчиками историческое здание было сожжено, уцелели лишь 4 пилон (столба) от входных ворот (GPS: 55.91600, 36.85797). В архиве музея “Новый Иерусалим” сохранился рисунок К. С. Митурич, сделанный вскоре после ухода немцев. На левом пилоне видна табличка с фамилией А. П. Чехов (подробнее об истории этих пилонов можно прочитать в статье на сайте УБД¹³¹.)

Помощь другим учебным заведениям

Анна Сергеевна не ограничивалась поддержкой народного образования только в Воскресенске. Как ранее в шестой главе рассказывалось, в начале 1870-х годов в Звенигороде было открыто уездное училище для девочек, через несколько лет ему было присвоено наименование «*Мариинское*». В его открытии и содержании принимал участие Павел Григорьевич Цуриков. В последние годы своей жизни он ежегодно жертвовал в эту школу по 500 руб. После смерти благотворителя его супруга продолжила поддерживать **Мариинское женское училище в г. Звенигороде**. При этом А. С. Цурикова не была попечительницей данной школы, помогала по доброй воле.

По отчетам разных лет (1882–1883, 1893–1894 и др.) Анна Сергеевна ежегодно жертвовала Мариинскому училищу по 500 руб.¹³² так же, как это до нее делал Павел Григорьевич. Когда же вдова скончалась, то средства перестали поступать и местные власти оказались в сложном положении. Ситуация в Звенигороде оказалась в точности такой же, как в Воскресенске¹. Городу срочно при-

¹ Хотя завещание А. С. Цуриковой не обнаружено, но по всем другим документам получается, что она не стала оговаривать продолжение оказания помощи трем училищам, которые опекала на протяжении многих лет. Трудно понять, почему так поступила. Ведь капиталы у нее были и большие (они потом достались родственникам).

шлось изыскивать средства, чтобы Мариинское училище не закрылось.

Хотелось бы кратко рассказать о последующей истории женского училища в Звенигороде. Увы, сведения тут отрывочные. В интернете удалось лишь обнаружить информацию о том, что в городе в 1911 г. было построено каменное двухэтажное здание женской прогимназии взамен обветшавшего деревянного здания училища для девочек. Историческое здание прогимназии сохранилось, оно находится на углу улиц Некрасова и Почтовой. Ныне в нем располагается «Дом детского творчества» г. Звенигород.

Судя по документам, Анна Сергеевна поддерживала и другие учебные заведения в уездном городе. Так в отчете о работе уездного земского собрания за 1880 г. указано, что **приходское мужское училище в г. Звенигороде** содержится «на средства Звенигородской Думы и на ежегодное пожертвование г. Цуриковой»¹³³, сумма не указана. Напомним, что этому училищу помогал в свое время Павел Григорьевич, в шестой главе говорилось о его ежегодных взносах 75 рублей. Слова «ежегодное пожертвование» говорят о том, что вдова продолжила оказывать училищу регулярную помощь. Как долго это продолжалось – сказать трудно, документы о последующих дарах не попадались.

В 1894 г. в Звенигороде было открыто отделение **Кирилло-Мефодиевского братства**, получившее название «Саввинского Звенигородского братства». Задачей организации ставилась поддержка церковно-приходских школ. В этом братстве состояла и А. С. Цурикова, ее фамилию можно найти в отчетах за 1899–1900 год и более поздних в списке «Почетные члены Братства». Попадание в этот список означает, что вдова делала пожертвования в указанную организацию. Так в 1904 г. ею было внесено на нужды братства 50 рублей¹³⁴. Еще стоит напомнить о том, что в 1901 г. училище для девочек в Воскресенске стало церковно-приходским и находилось под управлением Саввинского братства с финансовой поддержкой А. С. Цуриковой.

Далее. Как ранее говорилось, в 1868 г. П. Г. Цуриков при своей **Ивановской суконной фабрике построил училище для детей рабочих**. Обучение в нем было бесплатным. Средства на содержание училища ежегодно отпускались из средств фабрики. Ничего не изменилось, когда хозяйкой предприятия стала вдова. О поддержке фабричного училища написано в отчете за 1882–1883 учебный год: «после его [Павла Григорьевича] смерти училище содержит его жена Анна Сергеевна Цурикова. Живет постоянно при фабрике. Навещает училище во время экзаменов и в учеб. время заходит. До того, чтобы школа терпела в чем то нужду не допускает»¹³⁵.

В том же документе написано, что «На жалование преподавателям» было израсходовано 700 руб. И еще не менее 300 руб. ушло на различные нужды. Тут следует напомнить о капитале Павла Григорьевича в 10.000 руб., который предназначался как раз на эти цели. Однако ежегодно начисляемых процентов (примерно 450 руб.) не хватало на покрытие всех расходов. Недостающие деньги вносила Анна Сергеевна, а точнее контора Ивановской фабрики, которой давались соответствующие указания.

Учителем фабричного училища в те годы, когда Ивановской фабрикой владела А. С. Цурикова, был Сергей Васильевич Соловьев. О нем уже рассказывалось в четвертой главе и в начале этой (когда шел разговор о визитах А. П. Чехова на фабрику). По всей видимости, у хозяйки фабрики с преподавателем сложились хорошие отношения: при крещении трех родившихся у учителя детей восприемницей была записана А. С. Цурикова. А если верить тексту купчей крепости о продаже Цуриковой суконной фабрики в 1887 г., то С. В. Соловьев присутствовал при этой сделке.

В отчете за 1887–1888 учебный год написано: «школа в текущем году попечителя не имела, бывшая же попечительница Анна Сер. Цурикова, продавши фабрику, переехала на другое жительство и от школы отказалась»¹³⁶. Когда в Ивановское переехал С. М. Попов, он стал попечителем фабричного училища.

Помимо перечисленных учебных заведений А. С. Цурикова помогала также **Московскому Екатерининскому институту благородных девиц**. Однако здесь, в отличие от школ, помощь носила разовый характер. По всей видимости, еще в 1880 г. вдова внесла солидный капитал на выплату стипендий. Первоначальный его размер остался неизвестным, но к 1903 г. он уже составлял 12.874 руб.¹³⁷. Несомненно, такое крупное пожертвование Анна Сергеевна сделала потому, что начальницей Екатерининского института в то время была ее сестра Любовь.

Вот скольким учебным заведениям в разное время помогала Цурикова! В плане поддержки народного образования она, пожалуй, не уступала своему мужу (разве что школьные здания не строила).

Помощь разным организациям и отдельным людям

*Утверждена Крестовоздвиженской
Вотча 24 февраля 1893 года.*

Список

*Действительный, Исповед и Гимназия жертвова-
вательница Приходского Благотворительного Еписко-
пальского Комитета при Вознесенской в
гор. Воскресенской церкви*

№	Имя, имя, отчество и фамилия	Сумма	Всего в руб.
1	Вдова Действительная в. Святица <u>Анна Сергеевна Цурикова</u> Доури Комитетского Аксера.	100	
2	Любовь Сергеевна Мингалевы	5	
3	София Сергеевна Мингалевы	5	

Изо 7–31. Список жертвователей Елизаветинского комитета, 1893.

Не забывала Анна Сергеевна и о медицинских учреждениях. Когда она была хозяйкой суконной фабрикой, то поддерживала **фабричную больницу в Ивановском**. В одном из отчетов написано, что в 1881 г. на ее содержание «Получается [...] от Действ. Стат. Совет. Цуриковой 3.045 [руб.]»¹³⁸.

В архиве РГАДА сохранилось письмо 1884 г., написанное А. С. Цуриковой владельцу имения Покровское-Рубцово Д. Д. Голохвастову. В нем вдова писала: «Я очень рада, что могу исполнить ваше желание и с большим усердием и удовольствием спешу вас успокоить, прилагая в этом письме 1.500 р.»¹³⁹

(полный текст послания в приложении–4). К сожалению, в письме не сказано, на какие цели предназначались эти деньги. Но если вспомнить, что упомянутый Дмитрий Дмитриевич работал в земских учреждениях, что ему ранее П. Г. Цуриков отсылал деньги на открывавшуюся больницу в Воскресенске, то напрашивается предположение, что и эти средства вдова направила Голохвастову на какие-то добрые дела, возможно, на ту же городскую лечебницу.

В 1893 г. в заштатном городе состоялось открытие «**Елисаветинского Комитета при Вознесенской гор. Воскресенской церкви**». Целью данного комитета было оказание помощи бедному населению (например, оплачивалось содержание крестьянских детей в летних яслях в селе Никулино). Анна Сергеевна ежегодно вносила по 100 руб. (для сравнения, многие вкладчики ограничивались взносами по 5 руб., в их числе были сестры Любовь и София Мингалевы)¹⁴⁰.

В 1896 г. было учреждено «**Благотворительное общество при Воскресенской земской лечебнице**». Вдова участвовала в выработке устава этой организации. И тут ее ежегодный вклад намного превышал пожертвования других благотворителей. Сохранился отчет указанного общества за первый год работы, в нем показаны взносы членов, и среди них: А. С. Цурикова 50 руб., сестры С. С. и Л. С. Мингалевы по 3 руб. Там же написано, что на общем собрании было принято постановление: «Избрать единогласно почетными членами Общества [...] за оказание нравственного и материального содействия Обществу А. С. Цурикову, Л. В. Попову и С. М. Попова»¹⁴¹.

В местной районной газете уже в наше время была напечатана статья с воспоминаниями старожила г. Истры Л. И. Каралюнец, которая начиналась так: «Я родилась в 1914 году в Воскресенске в семье ремесленника. Мой отец – Иванов Иван Павлович, и мать (девичья фамилия Бутылина) были портными. Моя мама была дочерью поляка, по профессии повара, которого взяла на работу помещица Анна Сергеевна Цурикова. В девичестве мама была отдана на работу в Москву, к некой француженке. Но в Москве мама проработала недолго – А. С. Цурикова "отыграла" ее и вернула к себе в поместье. Здесь Анна Сергеевна выдала маму замуж за Ивана Павловича (родом из Рязани), щедро наградив приданным – голландским полотном, постельным бельем»¹⁴².

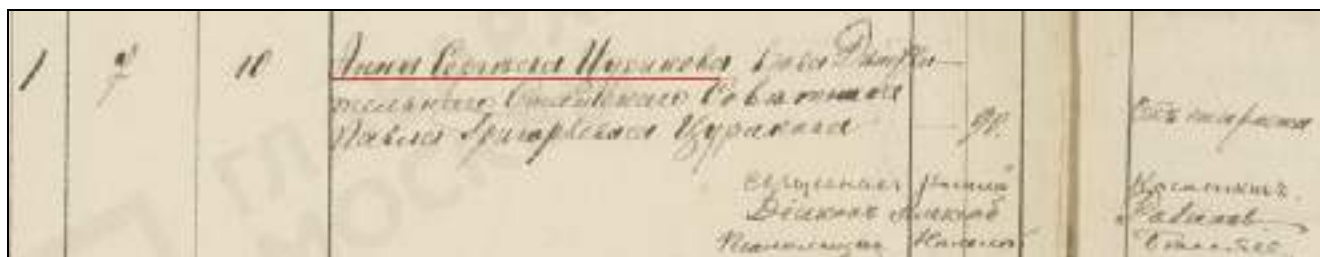
Примерно об этом же написано в материале, подготовленном по воспоминаниям местных жителей: «Она [А. С. Цурикова] отправляла в Москву для обучения швейному делу местных девушек из бедных семей, оплачивала их проживание и учебу, а по возвращении в Воскресенск подыскивала им богатых клиенток. Потомки одной из этих девушек, Татьяна Рыцаревой, и сегодня живут в Истре. В их семье хранятся гранатовые бусы, которые благодарная клиентка подарила их прабабушке»¹⁴³.

К сказанному можно еще добавить слова внучатого племянника вдовы П. С. Попова: «Чаще же всего Анна Сергеевна благотворительствовала, вручая тем или иным просителям или посетителям отдельные суммы, “подарки”»¹⁴⁴.

И еще один факт. Как уже говорилось, при просмотре метрических книг разных церквей не менее десяти раз встретились записи о рождении детей, у которых восприемницей при крещении была записана А. С. Цурикова. Причем родители этих детей не были родственниками вдовы, напротив, они были из разных сословий: духовного, мещанского, крестьянского.

Все эти факты показывают, насколько Анна Сергеевна по-доброму, по-человечески относилась к простым людям. Без всякого снобизма и заносчивости, порой свойственным “господам”. И люди отвечали ей любовью.

1907: Кончина Анны Сергеевны, завещание

Изо 7–32. Запись о кончине А. С. Цуриковой в метрической книге, 1907.

Умерла Анна Сергеевна Цурикова 7 января 1907 года¹. В метрической книге Вознесенской церкви Воскресенска в записи о ее кончине написано: «Отпевание и погребение совершено преосвященным Серафимом, епископом Орловским и Севским»¹⁴⁵. Там же указаны возраст почившей и причина смерти: «90 [лет], от старости». Следует сказать, что информация о возрасте не точна. Исходя из даты рождения (22.07.1818) получается, что Анна Сергеевна прожила 88 лет и 4 месяца. Так или иначе, она жила дольше всех близких родственников.

Похороны состоялись 10 января. А. С. Цурикову похоронили не в ограде городской Вознесенской церкви, как ее родственников Мингалева, а на территории Новоиерусалимского монастыря, причем на самом видном месте. Это сделано, думается, в знак уважения многочисленных благодеяний Анны Сергеевны и ее супруга Павла Григорьевича. Одна из жительниц г. Истра Г. П. Супрун поделилась воспоминаниями своей прабабушки Марии Ивановны Соколовой. По ее словам: «когда умерла Цурикова, то на ее поминки на городскую площадь выкатили бочку вина».

Через некоторое время на месте захоронения вдовы появился изящный памятник. Вот что написано о нем в одном из материалов: «На могиле Анны Сергеевны совместным попечением Софьи Сергеевны и Сергея Максимовича Попова был установлен памятник с иконой богородицы, скопированной с иконы Васнецова. Мозаика была выполнена в Петербургской мастерской Маркова»¹⁴⁶. Это надгробие сохранилось до наших дней. Его видят все входящие на территорию обители.

В книге научного сотрудника Новоиерусалимского

Изо 7–33. Памятник А. С. Цуриковой в Новоиерусалимском монастыре, 2020.

¹ Стоит отметить, что Павел Григорьевич умер почти в тот же день 29 лет назад: 5 января 1868 года.

музея Г. М. Зеленской приведено описание памятника благотворительнице: «Под мозаичной иконой Пресвятой Богородицы надпись крупными резаными вглубь печатными позолоченными буквами: Анна Сергеевна ЦУРИКОВА Род. 25 [правильно: 22] июля 1818 г. Сконч. 7 января 1907 г. На оборотной (западной) стороне вертикально стоящего памятника помещена цитата из Евангелия славянским шрифтом: Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Матфея гл. 5 ст. 8. Сбоку на постаменте, у самого основания, мелким шрифтом вырезаны данные об изготовителе памятника: КАБАНОВ. Москва. Мясницкая»¹⁴⁷.

Исследователь С. В. Худяков, подсказал, что художник В. М. Васнецов младенца Иисуса на иконе рисовал со своего маленького сына Михаила, родившегося в 1884 г. В это время художнику было предложено расписывать стены строящегося в Киеве Владимирского собора. На Виктора Михайловича легла основная часть работы: роспись центрального нефа, купола, главный иконостас. Центральный образ на стене алтаря – Богоматерь с младенцем, который позже стали называть «Васнецовским». Этот образ Богоматери настолько полюбился верующим людям, что он в разных вариантах был десятки раз повторен в многочисленных храмах и часовнях по всей стране. Пишут такие иконы и в наше время. Дополнительные сведения об иконе и семье Васнецовых приведены в приложении–8.

Увековечивание памяти А. С. Цуриковой, добрые дела после ее смерти

Кончина благотворительницы вызвала широкий отклик в обществе. В одном из журналов заседания Звенигородского уездного собрания за 1907 г. написано: «По предложению Г. Председателя, почтена вставанием память покойной жертвовательницы А.С. Цуриковой»¹⁴⁸. А в отчете Саввинского отделения Кирилло-Мефодиевского братства были напечатаны такие слова: «Имена лиц, внесенных в братский синодик на вечное поминовение. [...] Болярыни Анны (Цуриковой)»¹⁴⁹.

Вдова составила духовное завещание. К сожалению, его текст не удалось найти. Но по упоминаниям в других документах можно судить, что наследство Анны Сергеевны было большим, если не сказать огромным. Денежные средства перешли по завещанию родным сестрам и брату: Любви, Софии и Василию (о дележе наследства вдовы подробнее поговорим в следующей главе).

В архиве музея “Новый Иерусалим” оказалась фотография сестер Мингалевых, которая прежде не публиковалась и до недавнего времени считалась неопознанной. Снимок не был подписан, и поэтому определение лиц в кадре пришлось проводить самостоятельно.

Статная женщина слева в темном платье с полосками хорошо узнаваема – это Анна Сергеевна. По другим снимкам, приведенным далее (из 8–10, 8–11), можно узнать Любовь Мингалеву, она сидит напротив сестры Анны. И тогда получается, что женщина в белом, сидящая между Анной и Любовью, – это сестра София. Ну а три остальные молодые женщины и мальчик, остались неизвестны. Возможно, кто-то из них родственница (например, племянница Анны Сергеевны), а кто-то, вероятно, прислуга.

А. С. Цурикова по завещанию направила часть своих капиталов на благотворительность. Какие-то из добрых дел, возможно, решили сделать в ее память сами родственники.

Начать стоит с богадельного дома, который получил название **Цуриковский “Дом призрения”**. Предыстория его появления подробно описана в книге “У стен Нового Иерусалима”¹⁵⁰, а первоисточник – это дело ЦГАМ. По сведениям из указанной книги, в г. Воскресенске на протяжении всего XIX века не было богадельни¹, хотя нужда в ней была. Городские власти не могли своими силами собрать необходимый капитал для открытия богоугодного заведения. Видя это, Анна Сергеевна решила помочь городу, в котором прожила многие годы. Решила после смерти отдать свою усадьбу на Дворянской улице со всеми строениями и землей под устройство богадельни. Планы об этом вдова вынашивала давно. Еще в 1883 г., когда представилась возможность, на свои средства (50 руб.) приобрела у города небольшой земельный участок, смежный с ее усадьбой. Вероятно, это было сделано для расширения участка под будущую богадельню. Реализовывать задуманное Анна Сергеевна завещала родственникам – племяннику Сергею Максимовичу Попову и сестре Софье Сергеевне Мингалевой.

¹ По всей видимости, это неверное утверждение. В исповедке Вознесенской церкви г. Воскресенска за 1793 г. отдельным пунктом записана «*Богадельня*», в которой находились 13 человек, в основном лица женского пола (ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.661. Л.431об).

Изо 7–34. Анна Цурикова (слева) с сестрами Софией и Любовью Мингалевыми¹⁵¹, после 1887? (Государственный историко-художественный музей "Новый Иерусалим").

В библиотеке РГБ хранятся изданные в типографии сборники заседаний Звенигородского уездного земского собрания. В журнале от 29 октября 1909 г. написано, что «*Заявление С. М. Попова о желании устроить богадельню и приют в память П. Г. и А. С. Цуриковых* принято, при чем постановлено: выразить С. М. Попову по телеграфу глубокую благодарность»¹⁵².

Как следует из архивного дела, 7 декабря 1910 г. на заседании уездного земского собрания рассматривалось заявление «Кандидата Прав Сергея Максимовича Попова о желании передать Звенигородскому Уездному Земству принадлежащее ему владение, заключающееся в домах с строениями и землею при них, состоящее в г. Воскресенске Московской губернии на Дворянской улице, под № 44, под устройство в этом владении "Дома Призрения" и обезпечивающий на его содержание капитала в размере 300.000 рублей»¹⁵³ (по данным А. М. Шуберт пожертвование составило 325.000 руб.). В первом пункте решения собрания было записано: «Выразить С. М. Попову глубокую благодарность за столь ценный дар». А в четвертом: «Исходатайствовать учреждение представленного С. М. Поповым при заявлении Устава "Дома Призрения" и разрешение на присвоение ему имени Действительного Статского Советника Павла Григорьевича Цурикова и его супруги Анны Сергеевны и на постановку их портретов в этом учреждении».

Из слов цитаты – «принадлежащее ему владение» – может показаться, что жертвователем был С. М. Попов. Однако он всего лишь исполнил волю родственников о передаче капитала на доброе дело. Это стало понятным из другой бумаги того же дела, в которой обсуждался вопрос о постановке в "Доме Призрения" портрета «*Софьи Сергеевны Мингалевой*¹, которая была жертвовательницей на учреждение этого Дома капитала в 300.000 р.»

Как видим, к благотворительному капиталу оказались причастны несколько лиц: С. М. Попов, С. С. Мингалева и А. С. Цурикова. Вообще-то изначально это были деньги П. Г. Цурикова, которые перешли супруге по завещанию. А уже после смерти Анны Сергеевны часть средств

¹ Возникает вопрос: а какое отношение к пожертвованному капиталу имеет Анна Сергеевна, если в бумаге указана ее сестра София? Как станет понятно из дальнейшего изложения, это были деньги А. С. Цуриковой, таких больших денег у ее сестры не было.

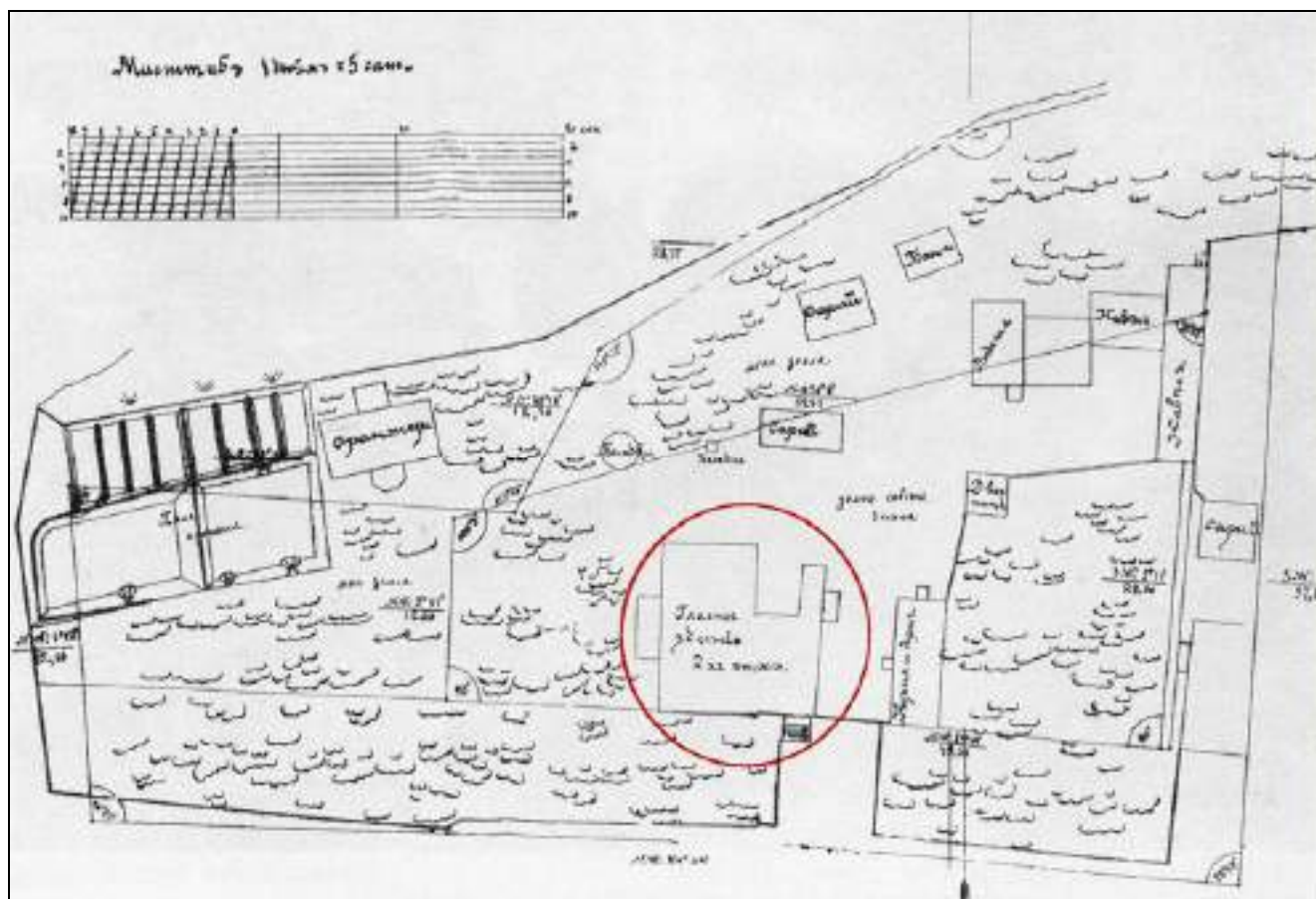
досталась ее сестре Софье.

В указанном деле также имеется отпечатанный в типографии устав богадельни. Его полный текст имеется в приложении–9, здесь же приведем краткую выдержку.

Согласно уставу предполагалось разместить “Дома призрения им. Цуриковых” в двухэтажном особняке, в котором проживала Анна Сергеевна. При этом: *«Нижний этаж дома отводится для призрения неимущих женщин, нетрудоспособных вследствие старческой дряхлости, в количестве до 30 человек. Верхний этаж назначается как для больных детей обоего пола, немо-
гущих вследствие продолжительной болезни пользоваться обыкновенными больницами, так и для детей сирот и нуждающихся полусирот (мальчиков до 15 лет, девочек до 17 лет) также в количестве до 30 человек»*¹⁵⁴.

Почетной попечительницей была назначена сестра почившей благотворительницы Софья Сергеевна Мингалева. К сожалению, она недолго находилась в этой должности, умерла вскоре после открытия богадельни.

В архивах РГАДА и ЦГАМ обнаружены два дела 1913 г., имеющие отношение к «Дому призрения». В них написано, что усадьба А. С. Цуриковой оказалась мала «для призрения» 30 женщин и 30 детей. В связи с этим для расширения площади Звенигородская уездная земская управа арендовала два смежных участка у Воскресенского монастыря. При богадельне хотели организовать «*ремесленные классы*» для обучения детей. Но в управе резонно рассудили, что аренда – это ненадежно. Потому обратились в Воскресенский монастырь с просьбой «*об уступке*» в собственность (т.е. продать) «*двух участков усадебной земли*» размером чуть более десятины «*по соседству с владением Дома Призрения Цуриковых*»¹⁵⁵. Однако монастырское начальство в просьбе отказало, мотивировка была такая: это единственный городской участок, который остался в их владении, и он нужен для переноса монастырского училища. Существующее училище стало тесным и «*представляет весьма большое неудобство для обители и богомольцев, по причине обычного детского шума у самих монастырских ворот, различных игр и развлечений детей*».

Изо 7–35. Земельный участок “Дома призрения” имени Цуриковых¹⁵⁶, 1913.

К делу РГАДА оказался приложен подробный (в масштабе 1 дюйм = 5 саж., или 1 см = 4,2 м) план бывшей усадьбы Цуриковой, который, увы, оказался поврежденным. Здесь приводится его отредактированная копия. Кружком выделен дом, в котором жила А. С. Цурикова – «Главное здание».

Племянник Сергей Максимович Попов немало приложил усилий и средств по увековечиванию памяти Цуриковых и Мингалевых. Так на Ивановской фабрике (надо полагать, по его желанию) было переименовано основанное еще Павлом Григорьевичем училище в *«двухклассное земское училище имени П. Г. и А. С. Цуриковых»*. Когда это произошло – точные сведения не попадались. Логично предположить, что это случилось после смерти Анны Сергеевны. По крайней мере, в нескольких документах 1910 г. министерское фабричное училище именовалось уже по фамилии благодетелей.

С именем вдовы связано еще одно благотворительное медицинское учреждение в нашем городе – **“Приют для хроников” при Воскресенской лечебнице имени Анны Сергеевны Цуриковой**. Сохранился документ, в котором написано: *«Софья Сергеевна, получившая все же в наследство от сестры значительный капитал, решила увековечить память обоих супругов Цуриковых, и Анны Сергеевны и Павла Григорьевича. [...] 50000 руб., она внесла в Земство для устройства "приюта для хроников имени Анны Сергеевны Цуриковой" при Чикинской больнице»*¹⁵⁷. Но С. С. Мингалева не суждено было довести это доброе дело до конца. Это сделал С. М. Попов.

Историю появления “Приюта для хроников” можно проследить по выпускам журнала “Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губернии”ⁱ (далее просто “Сведения о заразных болезнях”), а также по архивному делу ЦГАМ.

В указанном деле имеется обращение, отправленное 21 сентября 1910 г. С. М. Поповым в Московскую губернскую земскую управу. В нем сообщается о желании передать 46.500 руб.ⁱⁱ в виде ценных 5% бумаг Российского государственного займа на устройство приюта для больных хроническими болезнями. При этом Сергей Максимович оговорил, чтобы из передаваемых средств 40 тысяч *«оставались не прикосновенным капиталом»* в ценных бумагах, и на ежегодно начисляемые проценты могли содержаться десять хронических больных в приюте. А оставшиеся деньги (6.500 руб.) Попов предлагал использовать на строительство нового помещения для больных, так называемого *«барака»*ⁱⁱⁱ. Он также высказал пожелание о присвоении заведению имени Анны Сергеевны Цуриковой и чтобы *«ея портрет должен быть помещен в приюте»*¹⁵⁸.

Сооружение медицинского помещения началось не сразу. В журнале «Сведения о заразных болезнях» за 1912 г. было написано следующее: *«1). Одобрить постройку нового каменного здания на 7 коек для хронических больных при Воскресенской лечебнице и разрешить управе приступить к постройке его в 1912 г. с таким расчетом, чтобы здание могло быть закончено к осени 1913 года. 2). Ходатайствовать перед правительством о разрешении присвоить приюту при Воскресенской лечебнице, устраиваемому на переданный С. М. Поповым капитал, наименование: “Приют для хроников имени вдовы действительного статского советника Анны Сергеевны Цуриковой”»*¹⁵⁹.

Строительство приюта было завершено к началу лета 1914 г. Так на территории Воскресенской лечебницы появилось новое каменное здание для размещения хронических больных, по одним данным на 8 коек, по другим на 7. В упомянутом архивном деле имеется черновик приглашения Сергею и Ольге Поповым прибыть в Воскресенск: *«Москов. Губерн. Зем. Управа имеет честь покорнейше просить Вас пожаловать в четверг 26 сего июня месяца в 1 ½ дня, на имеющее быть освящение приюта для хроников имени вдовы действительного статского советника Анны Сергеевны Цуриковой, построенному на ее средства по воле жертвовательницы при Воскр. леч.»*¹⁶⁰. Откликнулись ли на приглашение брат и сестра Поповы – неизвестно.

28 июня 1914 года в газете “Московские ведомости” была опубликована заметка: *«Новый приют. Вчера в гор. Воскресенске при лечебнице губернского земства состоялось открытие*

ⁱ Хочется выразить признательность исследователю В. А. Михееву за проделанную им большую работу по просмотру подшивок упомянутого журнала и сбору информации о становлении медицины в Воскресенске.

ⁱⁱ Понятно, что это были деньги, доставшиеся Софье Мингалева по завещанию от сестры Анны Сергеевны. Непонятно лишь, почему в деле говорится о 46.500 руб., тогда как в другом документе написано 50.000.

ⁱⁱⁱ Пусть слово «барак» не смущает тех читателей, у которых могут возникнуть ассоциации с Великой Отечественной войной или с лагерной жизнью времен Гулага. До революции так часто именовали корпуса больниц, госпиталей.

Изо 7-36. Газета "Московские ведомости", 1914.

В одном из архивных дел обнаружена информация о том, что в 1912 г. в училище г. Воскресенска решено было повесить портрет Анны Сергеевны, которая долгие годы его содержала (имелась в виду **школа для девочек**, построенная еще Павлом Григорьевичем). Об этом написано в решении собрания уполномоченных г. Воскресенска: *«Городской Староста, признал весьма желательным увековечить память почившей Попечительницы и благотворительницы А. С. Цуриковой, посредством повешения в помещении женскаго начальнаго училища портрета г. Цуриковой»*¹⁶². Сведений об исполнении решения в деле нет. Однако, думается, что оно было выполнено.

Это еще не все. Оказывается, был еще один случай увековечивания памяти Цуриковых в Воскресенске. В 1908 г. Василий Сергеевич Мингалева из тех денег, которые ему перешли по наследству от умершей сестры Анны, пожертвовал значительную сумму строящемуся в городе **четырёхклассному училищу** (ныне школа им. А. П. Чехова). После этого городское «Собрание уполномоченных» признало *«желательным увековечить память почивших благотворителей Павла Григорьевича и Анны Сергеевны Цуриковых и Василия Сергеевича Мингалева посредством повешения портретов гг. Цуриковым и Мингалева в помещении вышеупомянутого училища»*¹⁶³.

Тот же В. С. Мингалева в том же 1908 году оказал помощь **Казанской церкви в селе Малинки** (ныне п. Полевшина) примерно на 23.500 руб. А годом ранее он внес 7.520 руб. на расширение **Вознесенской церкви в г. Воскресенске**. Как будет показано в следующей главе, это были деньги из наследства А. С. Цуриковой. Так что пожертвования, сделанные Василием Сергеевичем, можно с полным основанием отнести к добрым делам его сестры Анны Сергеевны.

Если просуммировать все сказанное, то получается, что перед революцией двум учреждениям города Воскресенска («Дому призрения» и «Приюту для хроников»), а также двухклассной министерской школе при Ивановской фабрике были присвоены имена супругов П. Г. и А. С. Цуриковых. А если вспомнить, что училище в Лужках и приходское училище в Воскресенске еще при жизни Павла Григорьевича получили право именоваться Цуриковскими, то получается уже **пять образовательных и медицинских учреждений носили фамилию благотворителей Цуриковых!** Если не во всех, то во многих из них висели портреты супругов Павла Григорьевича и Анны Сергеевны. Где они теперь эти изображения, какова их судьба? ...

В связи с этим хотелось бы отметить, что следы одного из портретов зафиксированы в каталоге утрат, понесенных Новоиерусалимским монастырем в годы Великой Отечественной войны. В одном из томов этого издания имеется такая строчка: *«Неизвестный художник Портрет Цурикова П. Г. Россия. XIX в. Холст, масло. Инв. № X-120»*¹⁶⁴.

Все установленные по историческим источникам факты добрых дел А. С. Цуриковой отображены в виде таблицы. Она наглядно показывает масштаб и регулярность пожертвований (благотворения через Ивановскую фабрику не учитывались).

приюта для хроников на 8 кроватей. Приюту присвоено имя А. С. Цуриковой; устроен он на средства, пожертвованные губернскому земству С. М. Поповым»¹⁶¹. На самом деле деньги принадлежали Анне Сергеевне, об этом говорят слова, приведенные в предыдущей цитате: *«построенному на ея средства»*. Сергей Максимович лишь исполнял волю его умершей тети.

Построенное здание использовалось по назначению совсем недолго. Буквально через месяц началась Первая мировая война и потребовались помещения для лечения поступавших с фронта раненных воинов. Для этого в построенном бараке были добавлены койки, всего их стало 12.

Добрые дела Анны Сергеевны Цуриковой

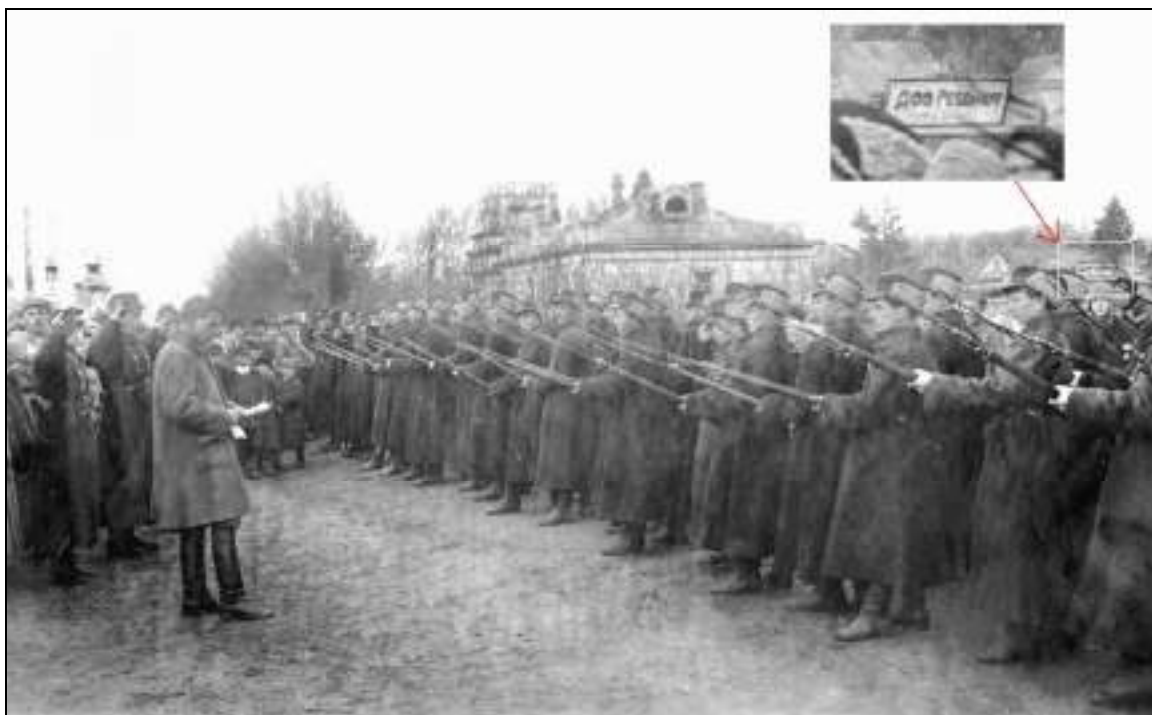
Благотворения при жизни			
Годы	Место	Куда (кому)	Пожертвование (рубли)
Регулярные (ежегодные) пожертвования.			
1878?–1907	Звенигород.	Мариинское женское училище.	500
1880	Звенигород.	Приходское училище для мальчиков.	75? ежегодно?
1880 ...	Москва.	Екатерининское училище (стипендия).	проценты с капитала А. С. Цуриковой.
1882?–1889	Воскресенск.	Приходское городское училище (смешанное), попечительница его.	проценты с капитала П. Г. Цурикова + свои средства.
1889–1907	Воскресенск.	Городское училище для девочек, попечительница его.	проценты с капитала П. Г. Цурикова + свои средства.
	Воскресенск.	Подарки ученикам ситца и др.	около 80
1889–1907	Воскресенск.	Городское училище для мальчиков – попечительница его.	свыше 1000
с 1893	Воскресенск.	Елисаветинское общество.	100 ежегодно?
с 1896	Воскресенск.	Благотворительное общество при Воскресенской земской лечебнице.	50 ежегодно?
... 1894 ...	Воскресенск.	Содержание странноприимного дома при Новоиерусалимском монастыре.	1200
... 1904 ...	Воскресенск.	Содержание хора певчих при Вознесенской церкви.	до 400
... 1904 ...	Звенигород.	Саввинское Звенигородское братство.	50 ежегодно?
Разовые пожертвования.			
1869	Воскресенск.	Пожертвование шелковой ткани в Новоиерусалимский монастырь.	500
1878	Ивановское.	Пожертвование св. мощей в Успенскую церковь при фабрике.	н/д
1879	Саввинская Слобода.	Помощь в окончании строительства Тихвинского храма.	н/д
1884		Пожертвование через Д. Д. Голохвастова.	1500
1886	Малинки (Полевшина).	Ремонт Казанской церкви: кровля, окраска стен, устройство ограды.	н/д
1893	Дарна.	Устройство временного храма.	н/д
1896	Александрово.	Пожертвование на ремонт Богородицерождественской церкви.	50
1904	Воскресенск.	Пожертвование на икону св. Феодосия Угличского в Вознесенскую церковь.	н/д
Благотворения после смерти (на наследство вдовы)			
Место	Куда (кому)	Рубли	Через кого
Воскресенск.	“Дом призрения” (в усадьбе, в которой жила Анна Сергеевна).	300.000 (325.000?)	С. М. Попов, сестра С. С. Мингалева.
Воскресенск.	“Приют для хроников” при Воскресенской лечебнице.	46.500	племянник С. М. Попов.
Воскресенск.	Строительство четырехклассного городского училища.	ок. 20.000	брат В. С. Мингалева.
Воскресенск.	На расширение Вознесенской церкви.	7.520	брат В. С. Мингалева.
Малинки (Полевшина).	На восстановление Казанской церкви и определение в нее своего причта.	23.500	брат В. С. Мингалева.

Что осталось

Перенесемся теперь в первые годы советской власти в г. Воскресенск, который в 1930 г. был переименован в г. Истра. О бывшей усадьбе Цуриковой говорится в воспоминаниях старожила М. И. Майоровой: *«После революции в здании [главного усадебного дома – Авт.] разместился детский дом для сирот. Внутренние помещения были полностью перестроены, тут уж не до зеркального камина. [...] с 1927 года это усадебное здание предоставили школе им. Тимирязева (позже – им. А.П. Чехова). В народе ее называли – “белая школа”, в отличие от “красной” – тимирязевской, что из красного кирпича. [...] Занимались мы на втором этаже [белой школы]. Тут разместилось 5 классов. Парты в 3 ряда, причем кроме обычных двухместных парт, были даже трехместные парты. А комнаты небольшие, поэтому тесно, конечно, было. На первом этаже – 3 класса, учительская и библиотека. Раздевалка и на первом, и на втором этаже. [...] В 1933 году [...] в бывшем усадебном доме разместилась уже другая школа – семилетняя школа №2. В 1934 годуⁱ ей присвоили имя всеобщего любимца героя-летчика Водопьянова – одного из спасателей челюскинцевⁱⁱ»¹⁶⁵.*

В других воспоминаниях того же старожила говорится о яслях: *«Перейдем к следующему дому. Весной и летом он буквально утопал в зелени, а рядом фруктовый сад... Это был еще один дом, принадлежавший Анне Сергеевне Цуриковой. Небольшое двухэтажное деревянное здание с террасой выглядело более скромным в сравнении с усадебным домом Цуриковых, расположенным на этой же стороне улицы. Но здесь было необыкновенно уютно. С этим домом у меня связаны личные воспоминания: именно сюда почти каждое утро я спешила с моим маленьким сыном. Причина проста – здесь после революции разместились детские ясли им. Клары Цеткин»¹⁶⁶.*

Старожил упомянула детские ясли им. Клары Цеткин (немецкой революционерки), которые до войны находились на территории усадьбы Цуриковой. Сотрудник Новоисерусалимского музея Н. В. Молодцова на одной из фотографий первых лет советской власти разглядела в центре на дальнем плане бывший главный дом Анны Сергеевны. А справа от него виднеется крыша домика с еле заметной вывеской «Дом ребенка Клары Цеткин» (для нее сделана укрупненная вырезка).

Изо 7–37. «6-я годовщина милиции в г.Воскресенске»¹⁶⁷, 1923–1924.

ⁱ По воспоминаниям другого старожила Ф. А. Канашевой фамилия летчика Водопьянова была присвоена Истринской школе № 2 в 1940 г. Эти сведения подтверждаются материалами газеты “Истринская стройка”.

ⁱⁱ В августе 1933 г. теплоход “Челюскин” отправился из Мурманска во Владивосток по трассе Северного морского пути. В сентябре корабль оказался зажат льдами в Чукотском море. В феврале следующего года судно затонуло, на льду оказалось 104 человека. Их спасли летчики, которые за свой подвиг получили звание Героев Советского Союза. Среди них был летчик Михаил Васильевич Водопьянов.

В 1908 г. в Воскресенске было открыто «4-классное мужское училище по положению 1872 года¹». Учебное здание было построено рядом с усадьбой Анны Сергеевны (ее к тому времени уже не было в живых). Как уже отмечалось, на строительство этого училища В. С. Мингалева пожертвовал средства, доставшиеся от умершей сестры Анны. В советские годы школа носила имя академика, ученого естествоиспытателя К. А. Тимязева. В войну здание сильно пострадало, но было восстановлено. В последующие годы был надстроен третий этаж, школе присвоили имя писателя А. П. Чехова.

Изо 7–38. Школа им. К. А. Тимязева в Истре¹⁶⁸, 1930-е.

Ранее приводилась фотография училища, сделанная вскоре после окончания его постройки (изо 7–09). Сохранилась еще одна историческая фотография, сделанная десятилетия спустя примерно с того же ракурса. На изображении так же видны слева вдали некоторые постройки на территории бывшей усадьбы, а именно яслей им. Клары Цеткин.

Какова судьба строений, которые принадлежали Анне Сергеевне? Все постройки ее усадьбы (на основной территории) во время войны были уничтожены. Как написано в воспоминаниях М. И. Майоровой: «Дом Цуриковой, как и усадьба, не сохранился. В страшные для Истры дни оккупации 1941 года здания были разрушены. В настоящее время на месте дома школьный стадион, красивейшая сирень».

В архиве музея «Новый Иерусалим» имеются два снимка с подписью: «Истра. Сожженное

фашистами здание детского сада или яслей (около средней школы)». Обе фотографии сделаны в зимнее время после освобождения города от немцев, возможно, в начале 1942 г. На них видны несколько больших печных труб, на глаз где-то метров в 7–10 высотой. Это позволяет предположить, что, наверное, они находились в двухэтажном здании. На левой трубе сверху остался необычный трехчастный дымник. Если приглядеться к приводимым ранее изображениям (изо 7–10, 7–37), то на крайней трубе большого дома А. С. Цуриковой виднеется примерно такая же конструкция. Это позволяет утверждать, что на фото пепелище

Изо 7–39. Руины бывшей усадьбы А. С. Цуриковой¹⁶⁹, 1930-е.

¹ По сведениям из интернета, положение об училищах 1872 г. предусматривало обучение в течение шести лет (в некоторых классах учились по два года). Так ли было в Воскресенске – сказать трудно, данные на сей счет не попадались.

Изо 7–40. Флигель Цуриковой, 1960-е – 1970-е,
(фотография из Истринской районной библиотеки).

бывшей усадьбы вдовы. Причем это не остатки «здания детского сада или яслей», и не «Дом ребенка Клары Цеткин», т.к. то строение было одноэтажным, а остатки находившегося рядом двухэтажного дома А. С. Цуриковой, в котором перед войной размещалась «белая» школа.

От владений А. С. Цуриковой в городе Истре сохранилось только одно каменное одноэтажное здание.

Оно находилось на том участке, который вдова купила в 1892 г. Вот что написано в воспоминаниях того же старожила М. И. Майоровой: «В каменном флигеле располагалась школьная столовая и тир. Тир пользовался большой популярностью, особенно у мальчишек, а вот столовая... В “меню” ничего, кроме чечевичной каши... И даже без хлеба. Не было средств у школы, чтобы “разнообразить меню”. Да и конец 20-х годов – время для всех голодное, хлеб по карточкам... Но все равно ведь – детские радости, детские игры. Дети оставались детьми, хоть и полуголодными»¹⁷⁰.

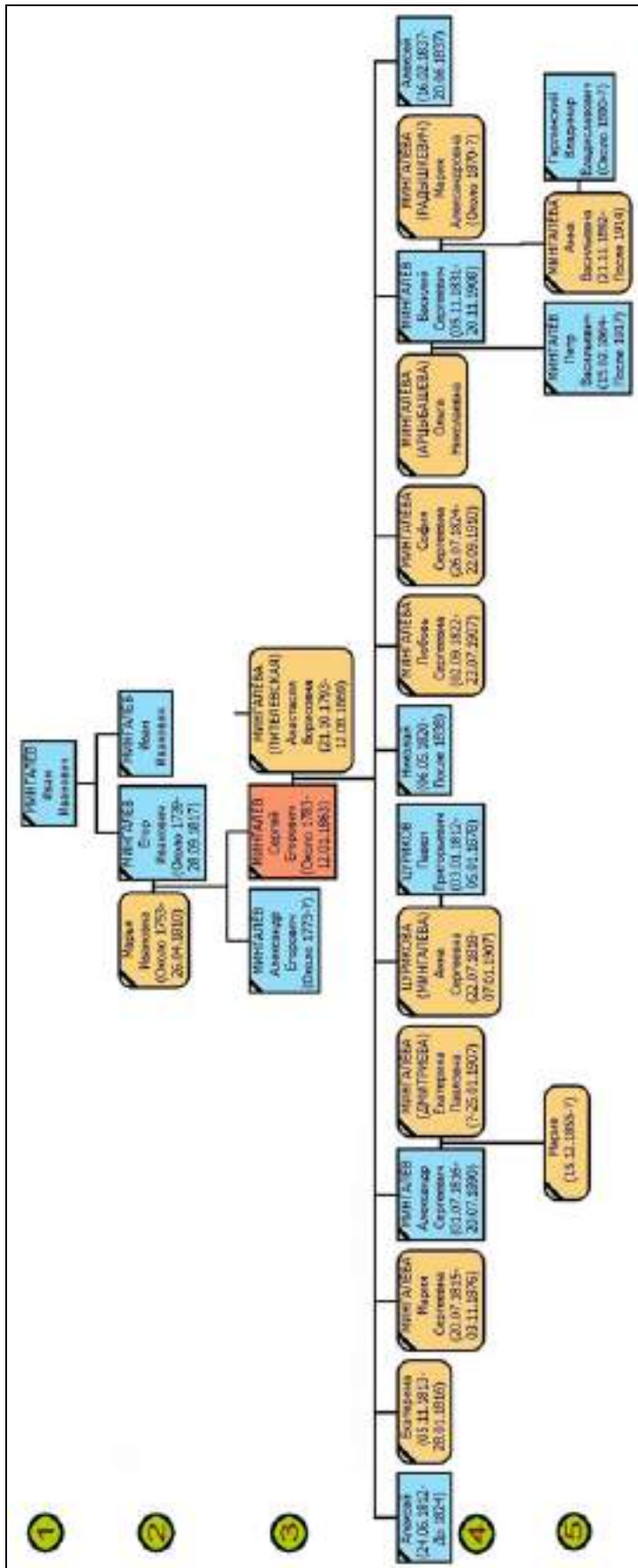
Воспоминания М. И. Майоровой относятся к 1920-м годам. А про 1930-е годы вспоминал другой ветеран Анатолий Мартынов: «Рядом со школой в одноэтажном кирпичном доме – бывшем усадебном флигеле (сейчас здесь расположены мастерские школы им А.П. Чехова) был буфет для школьников, куда мы в перемену бегали за горячими пирожками с повидлом. Очень были вкусные пирожки! Тогда казалось лучшее из лакомств! А стоил пирожок 5 копеек»¹⁷¹.

Как выяснилось, в этом доме до войны какое-то время жили люди. Вот что об этом написано в одной из книг: «А в [19]39-м в Истре их [семью Гиляровых – Авт.] поселили в приземистом кирпичном доме неподалеку от школы, бывшем доме купчихи Цуриковой, поделенном на несколько квартир. Дом оказался такой прочный, что чуть ли не единственный уцелел в войну, когда от Истры осталось только груда развалин. [...] Теперь в этом доме – мастерские школы им. А.П. Чехова»¹⁷².

На этом завершается рассказ об Анне Сергеевне Цуриковой, которая после смерти супруга Павла Григорьевича продолжила его добрые дела, сама стала благотворительницей. Люди, знавшие вдову, долгое время сохраняли о ней память: «Старожилы города Истры до сих пор вспоминают доброту этой женщины и ее материнскую заботу о работницах Ивановской фабрики, где производилось сукно “лучше английского”. Попечением Анны Сергеевны всем девушкам, если они или их родители трудились на фабрике, выдавалось при замужестве приданое»¹⁷³.

На надгробии А. С. Цуриковой в Новоиерусалимском монастыре выбиты слова: «Блаженны чистые сердцем». Данная цитата из Евангелия (Мф. 5:8) появилась на памятнике благотворительнице не случайно. Как представляется, всю жизнь Анны Сергеевны можно охарактеризовать этими тремя словами. Если у читателя после прочтения данной главы сложилось такое же представление об этом человеке, то можно считать, что цель автора достигнута.

Глава 8. Род Мингалевых

Изо 8–01. Древо рода Мингалевых.

У Анны Сергеевны Цуриковой были братья Александр, Владимир и сестры Мария, Любовь, София, все Мингалевы. О них и пойдет речь в настоящей главе, а также об их родителях, дедушках и бабушках.

О представителях рода Мингалевых до недавнего времени мало что было известно. В наше время были изданы две книги, в которых упоминалась эта фамилия. В энциклопедии «Истринская земля» о семье сказано совсем немного и упоминания разбросаны по всему тексту. Чуть больше информации в книге «У стен Нового Иерусалима», в ней имеется даже материал, озаглавленный «Воскресенские меценаты. Цуриковы и Мингалевы»¹. Но если отбросить иллюстративный материал и рассказ о П. Г. Цурикове, а также пересказ дореволюционной книжки о бывшем директоре Екатерининского института Любви Сергеевне Мингалевой, то остается всего несколько строчек, в которых очень кратко изложена информация об остальных представителях этого рода. Причем, как выяснилось, в этих кратких строчках имеются существенные ошибки.

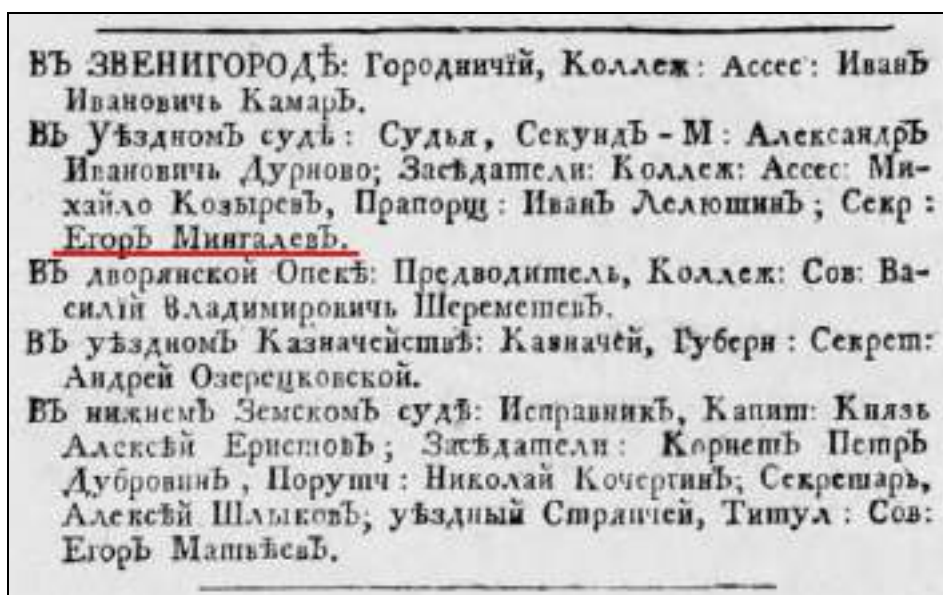
Несколько лет назад автором был сделан доклад на вторых Воскресенских чтениях на тему «Анна Сергеевна Цурикова и дворянский род Мингалевых»², который потом был опубликован в сборнике статей. Предлагаемый далее материал в основном основан на этой статье, он был переработан и дополнен новыми архивными сведениями, а также изобразительными материалами.

В ходе сбора информации о роде Мингалевых были просмотрены десятки метрических книг и исповедных ведомостей нескольких храмов. В результате установлено, что в семье родилось десять детей, шестеро из них дожили до зрелого возраста. О рано умерших детях, которых звали Алеша, Катя, Коля и еще один Алеша, прежде не было известно. Так же были установлены имена всех дедушек и бабушек. Здесь приводится древо, в котором представлены родственники по мужской линии Мингалевых (о родне по женской линии Пителевских речь пойдет отдельно).

Дедушка Егор Иванович

Рассказ начнем с дедушки Анны Сергеевны Цуриковой по отцовской линии, которого звали **Егор Иванович Мингалев** (ок. 1739 – † 1817). До недавнего времени самое раннее упоминания о нем было в архивном деле 1789 г., в котором говорилось об обмене местами служения двух секретарей Московской губернии. Документ, к сожалению, очень краткий, в нем лишь сообщалось, что «*желают быть перемещены по собственному их намерению первой коллежской протоколист Егор Мингалев в Звенигород, а второй провинциальной секретарь Петр Кудрявцев на его место в Волоколамск. [...] октября 15 дня 1789 года*»³.

Обмен местами служения состоялся, только, видимо, чуть позже. Это подтверждается сведениями из официального справочника «Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве» соответствующих годов издания. Так в выпусках справочника за 1789 и 1790 гг. писалось: «в Волоколамске [...] В Уездном суде: [...] Секретарь Егор Мингалев»⁴ (в более ранних книгах его фамилия не обнаружена). А в изданиях «Месяцеслова» с 1791 по 1796 гг. фамилия Мингалева была внесена уже в списки жителей другого города: «в Звенигороде: [...] В Уездном суде: [...] Секр: Егор Мингалев»⁵.

Изо 8–02, 8–03. Обложка справочника и фрагмент одной из его страниц, 1791.

Получается, что начиная с 1791 г. Егор Иванович жил и служил в Звенигороде. Было установлено, что к этому времени он был уже женат, имел детей. А вот переехал ли на новое место жительства сразу с семьей или родные прибыли позже – об этом узнать не удалось. Вариант с задержкой переезда не исключен, ибо в исповедной ведомости (росписи) Вознесенской церкви города Звенигорода за 1792 г. записан только он один, указан возраст 53 года⁶. Спустя два года в аналогичной ведомости после его имени следом идет жена **Марья Ивановна** (ок. 1753 – † 1810) – это бабушка Анны Сергеевны. К сожалению, о ней никаких данных нет. Неизвестна ее девичья фамилия, нет также данных о том, когда и где состоялось бракосочетание Мингалевых.

В исповедной ведомости той же церкви за 1798 г. в составе семьи записан уже сын Сергей (отец Анны): «Уездного суда секретарь Егор Иванов Мингалев – 59 [лет]. Жена его Марья Иванова – 45. Сын их Сергей – 15»⁷. И отдельно указано имя прислуги: «девка их Федосья – 39».

Тот же состав семьи указан и в исповедной ведомости Вознесенской церкви города Звенигорода за 1805 г., только там Егор Иванович записан уже как «Отставной секретарь»⁸. Видимо, вышел в отставку, т.к. было ему в то время уже 66 лет. Согласно записям, обнаруженным в метрической книге той же церкви, умер Егор Иванович 28 сентября 1817 г. в возрасте 78 лет, а его жена Марья Ивановна скончалась раньше – 26 апреля 1810 г.⁹. Оба были похоронены в Звенигороде на приходском кладбище (ни погост, ни сам Вознесенский храм до наших дней не сохранились, на историческом месте в наше время построена новая церковь).

На этом до недавнего времени исчерпывались сведения о дедушке и бабушке Анны Сергеевны. В отличие от дат и мест их смерти, такие же данные об их рождении пока не обнаружены. Попытки

отыскать сведения о семье Мингалевых в исповедных росписях Волоколамска не увенчались успехом: их имен нет ни в одной из церквей города. Это могло означать, что Егор Иванович не был местным жителем, его перевели в Волоколамск по службе. Но откуда? Где он прежде жил и служил?

Когда уже завершалась работа над данной книгой, с помощью Яндекс-поиска по архивам удалось найти новые интересные данные. В исповедной ведомости московской «*церкви Софии Премудрости Божией что у Пушечного двора*» за 1783 г. была обнаружена запись: «*Коллегии Экономии регистратор Егор Иванов сын Мингалев – 47 [лет]*»¹⁰. Следом записана жена Марья Иванова и 10-летний сын Александр. А сына Сергея в семейном списке нет, он появился в исповедке той же церкви за 1894 г. в возрасте 10 лет. Отец в этом документе записан как «*Звенигородского уездного суда секретарь*»¹¹. В обоих документах Мингалевы отмечены как проживающие в своем доме.

После анализа всех собранных данных получилось, что Егор работал в Москве регистратором (это самый низший чин в табеле о рангах). Примерно в 1788 г. перешел на место секретаря в Волоколамский уездный суд. Наверное, это было повышение по службе, коль скоро он согласился на переезд. Но т.к. Волоколамск был довольно далеко от Москвы, то семья с ним не поехала. Через год Егору Ивановичу каким-то образом удалось договориться об обмене местами службы, и он оказался в Звенигороде, который намного ближе к Москве. Спустя какое-то время к нему переехали жена и сын Сергей.

Теперь несколько слов о том, что удалось узнать о корнях рода Мингалевых. В архиве ЦГАМ обнаружено дело 1794 г. с названием «*Наведение справок о губернском секретаре Мингалеве И.И., обвиняемом по делу о подложной продаже в рекруты*». Дело это оказалось довольно запутанное, да еще написано трудно различимым почерком. Удалось лишь понять, что претензии были предъявлены к Ивану Мингалеву, записанному как «*сын бывшего соляной Конторы канцеляриста Ивана Иванова сына Мингалева*»¹². Обвиняемый по делу губернский секретарь Иван, по мнению исследователя О. В. Ткаченко, – брат Егора. А его отец Иван Иванович Мингалев был родом из далекого русского севера. Тот же исследователь обнаружила новые сведения в книге «Промышленность Коми края в XVIII веке». В ней говорилось, что Мингалев занимался транспортировкой добываемой соли на плотах по рекам Ухте, Ижме на север до Пустозерска. Там же написано: «*В 1760 г. владельцем нефтепромысла стал коми крестьянин Иван Мингалев*»¹³. К сожалению, пока нет документальных доказательств, что «*коми крестьянин*» был отцом Егора (прадедушкой Анны Сергеевны). А так, в принципе все похоже на правду.

Отец Сергей Егорович и мать Анастасия Борисовна

Как оказалось, в семье Егора Ивановича было два сына – Александр и Сергей. О первом никаких данных нет, кроме того, что он был старше брата на 10 лет. Далее пойдет разговор о младшем сыне – **Сергее Егоровиче Мингалеве** (ок. 1783 – † 1863). Информация о точной дате и месте его рождения пока не найдена. Но исходя из возраста, указанного в исповедных ведомостях, наиболее вероятный год рождения 1783-й.

Недавно сразу в двух архивных делах была обнаружена копия аттестата о службе С. Е. Мингалева, по сути, это его формулярный (послужной) список. Из него следует, что работать Сергей начал с 15 лет в том самом уездном суде г. Звенигорода, где служил его отец Егор Иванович. Родственники несколько лет проработали вместе. Как следует из ФС, Сергей Егорович прослужил в Звенигороде на разных должностях более двух десятков лет, с годами получая очередные классные чины: «*Мингалев в службу вступил в Звенигородский Уездный Суд подканцеляристом 1798 г. ноября 9-го, Губернским Регистратором 1800 г. мая 16-го, Коллежским Регистратором 1803-го декабря 31-го, Губернским Секретарем 1807-го декабря 31-го, Коллежским Секретарем 1810-го того ж числа. Перемещен в г. Звенигороде Соляным Приставом 1811-го декабря 22-го, Титулярным Советником 1814-го декабря 31-го. Определен Звенигородским винным приставом 1818-го декабря 18-го*»¹⁴. Как видим следующие классные чины С. Е. Мингалев получал каждые 3–4 года. Это означает, что замечаний по его службе у начальства не было.

1 сентября 1811 г. молодой служащий женился. В метрической книге обнаружена такая запись: «*женился Звенигородской Вознесенской церкви прихожанин уездного суда повытчик¹ Сергей Егоров сын Мингалев первым браком и понял за себя [взял в жены] города Воскресенска купца Бориса Ми-*

¹ «Повытчик – служитель канцелярии, должностное лицо, ведавшее делопроизводством в суде Русского государства» (интернет).

хайлова дочь ево девицу Настасию Борисову, о коих обыск с поручительством чинен был»¹⁵. Получается, что брак был неравный (мезальянс¹): жених-чиновник женился на дочери купца (правда, насколько богатым было приданое невесты – осталось неизвестным).

О происхождении **Анастасии Борисовны Мингалева** (урожд. Пителевской, 1793 – † 1869) поговорим чуть позднее, а сейчас остановимся на детях, которых она родила.

Первые дети в семье Мингалевых родились в Звенигороде, таких оказалось шестеро (сведения собраны как из ФС, так и из метрических книг). Первым на свет в 1812 г. появился сын Алексей. Он упоминался в исповедных росписях 1818 и 1820 годов, а потом его имя нигде не встречалось, видимо, умер в детстве. Екатерина родилась в 1813 г. и прожила чуть более двух лет. Следующими на свет появились Мария и Александр. Оба прожили долгую жизнь, о них подробный разговор впереди. Далее родилась Анна (после замужества ставшая Цуриковой), о ней рассказывалось в предыдущей главе.

23 марта 1820 г., как следует из записи в аттестате, Сергей Егорович был «*перемещен в город Богородск помощником надзирателя Питейнаго сбора*»¹⁶. Чем было вызвано перемещение – не сообщалось. Можно лишь констатировать, что это не было повышением по службе. На новом месте Сергей Егорович оказался в той же должности винного пристава. Вероятнее всего, в Богородск (ныне г. Ногинск) он поехал вначале один и проживал там некоторое время без семьи. Это следует из того, что сын Николай, родился в мае 1820 г. (т.е. после отъезда отца) и был крещен в той же приходской церкви г. Звенигорода, что и прежние дети. Согласно данным одного из архивных дел, Коля дожил как минимум до 18-летнего возраста¹⁷. Потом следы теряются. Судя по тому, что его имя более нигде не встречается, то, скорее всего, умер молодым.

В Богородске в семье родились две дочери – Любовь и София. Обе дожили до преклонных лет. Никакой особой информации о пребывании Сергея Егоровича в этом городе нет. Найдена лишь исповедка за 1824 г., согласно которой семья причащалась в Богоявленской церкви (соборе) города. В этом документе помимо родителей записаны их дети: «*Марья – 9 [лет]. Александр – 6. Анна – 5. Любовь – 2*»¹⁸.

Трудно сказать, сколь долго жил бы Сергей Егорович в Богородске, как бы в дальнейшем сложилась его судьба, если б не упразднили «*Богородское правление питейнаго сбора*», в котором он служил. В ФС Мингалева была сделана запись: был «*уволен из Ведомства Московской Казенной Палаты 30-го сентября сего 1827-го года*». Сергею Егоровичу в это время было всего 44 года, он был в чине титулярного советника и, наверное, мог бы продолжить службу в каком-нибудь другом месте. Но он решил выйти в отставку, возможно, расчет был такой. При увольнении С. Е. Мингалева мог претендовать на присвоение следующего классного чина, коим был чин коллежского асессора. А по существующему

Изо 8–04. Богоявленский собор г. Богородска Московской губ., нач. XX в. ?, (из фотоколлекции М. В. Золотарева).

в то время порядку этот чин давал право на получение дворянства, причем не только для себя лично, но и для потомства тоже. Он решил такой возможностью воспользоваться. Несколько месяцев ушло на сбор и оформление необходимых документов. В итоге 18 апреля 1828 г. Сергей Егорович Мингалева вместе с женой Анастасией Борисовной и детьми Александром, Марией, Анной, Любовью и Софией были включены в «*Алфавитный список дворянским родам, занесенным в Родословную книгу Московской губернии по 3-й части*»¹⁹. С этого времени Мингалевы стали дворянами. А вот фамильный герб,

¹ Напомним, что о мезальянсе в семье Мингалевых говорилось в предыдущей главе, когда в 1837 г. Анна, дочь Сергея Егоровича, будучи дворянкой, вышла замуж за купца Павла Григорьевича Цурикова.

Сергей Егорович, похоже, не стал заводить. Причина, скорее всего, была финансовая: создание и утверждение герба стоили довольно дорого.

Став весной 1828 г. дворянином, Сергей Егорович получил все права этого сословия, в том числе на покупку крепостных. И этим правом он буквально через несколько месяцев воспользовался. 13 июля купил двух крепостных у дворянки Прокудиной-Горской: за 500 руб. ассигнациями «*дворова-го человека Петра Елисеева*» и за 250 руб. «*дворовую девку Марью Елисееву*»²⁰.

Примерно в это же время семья перебралась на новое место проживания в г. Воскресенск (по крайней мере, все Мингалевы в 1828 г. были записаны в исповедной ведомости городской Вознесенской церкви²¹). Почему Сергей Егорович выбрал именно этот заштатный город для дальнейшего проживания? Об этом прямо нигде не говорится. Но это и так очевидно — отсюда родом была жена Анастасия Борисовна, здесь проживал ее отец Борис Михайлович Пителевский. И хотя он к тому времени уже не был купцом, но наверняка помог родственникам с обустройством на новом месте жительства¹.

Воскресенск оказался городом, в котором семейство Мингалевых обрело постоянное место жительства. Здесь у них был свой дом, о нем есть сведения в «*Книге окладных сборов с недвижимых имуществ жителей г. Воскресенска*» за 1869 г.: «*Дом деревянный с мезонином на каменном фундаменте и усадьбою 1937 кв.саж. Коллежской Ассесорши Настасьи Борисовны Мингалевой*»²². После смерти родителей дом был записан на старшую дочь Марию.

Но это случилось много позже. А до этого в Воскресенске в семье Сергея Егоровича появились еще два сына. Василий, родившийся в 1831 г., дожил до преклонных лет. А вот Алеша, появившийся на свет шесть лет спустя, прожил всего несколько месяцев. Это был последний, 10-й ребенок в семье Мингалевых.

О дальнейшей жизни Сергея Егоровича сведений немного. В первой половине 1830-х годов его имени нет среди членов семьи, которые исповедовались в Вознесенской церкви г. Воскресенска (в одной из исповедок о нем так и написано: «*не живет здесь*»). А в справочнике Российской империи за 1841 г. имеются такие данные: «*В Звенигороде [...] В уездном суде: [...] Засед.: [...] К. Асс. [коллежский ассессор] Сергей Егор. Мингалев*»²³ (тоже самое написано в аналогичных изданиях за 1842 и 1844 года). Получается, что спустя три десятилетия Сергей Егорович вернулся на прежнее место службы, стал служить (и, видимо, жить) в Звенигороде. А семья осталась в Воскресенске.

Возникает вопрос: а зачем С. Е. Мингалев вновь вышел на работу, будучи совсем немолодым (60 лет)? Прямо об этом в документах не говорится, но ответ очевиден. Если учесть, что в одном из архивных дел про Сергея Егоровича сказано: «*недвижимаго имения за ним не состоит*»²⁴ (сведения на 1835 г.), и принять во

внимание, что два года спустя он выдал замуж свою дочь Анну за купца Павла Цурикова, то напрашивается вывод о недостатке средств. Ведь в семье Мингалевых росли дети, которым нужно было дать образование. Поэтому главе семейства приходилось искать возможности заработка. В небольшом заштатном городе Воскресенске трудно было найти работу, вот и пришлось переехать в Звенигород.

Супруги Мингалевы прожили долгую жизнь, более 70 лет каждый (в сере-

Мингалева Анастасія Борисовна, † 12 августа 1869, 76 л. Съ мужемъ С. Е. Мингалевымъ (Зашт. г. Воскресенскъ Моск. губ., при Вознесенской церкви).
Мингалева Любовь Сергѣевна, дѣвица, бывшая начальница Москов. Екатерининскаго Института, † 23 июля 1907, 85 л. (Зашт. г. Воскресенскъ Моск. губ.).
Мингалева Марія Сергѣевна, дѣвица, дочь коллежскаго ассессора, † 3 ноября 1876, 61 г. Съ отцомъ С. Е. Мингалевымъ (Зашт. г. Воскресенскъ Моск. губ., при Вознесенской церкви).
Мингалевъ Александръ Сергѣевичъ, дѣйстви. статскій совѣтникъ, † 20 июля 1890, 73 л. (Зашт. г. Воскресенскъ Моск. губ., при Вознесенской церкви).
Мингалевъ Василій Сергѣевичъ, дѣйстви. статскій совѣтникъ, † 20 ноября 1908, 77 л. (Зашт. г. Воскресенскъ Моск. губ., при Вознесенской церкви).
Мингалевъ Сергій Егоровичъ, коллежскій ассессоръ, † 12 января 1863, 72 л. Съ женою А. Б. Мингалевой (Зашт. г. Воскресенскъ Моск. губ., при Вознесенской церкви).

Изо 8—05. Страница из книги «Русский провинциальный некрополь», 1914.

¹ В исповедной ведомости Вознесенской церкви г. Воскресенска за 1829 г. в составе членов семьи С. Е. Мингалева есть строчка: «*Тестъ его Борис Михайлов, 64*» (ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1143. Л.43об).

дине XIX века такое случалось нечасто). В дореволюционном справочном издании по некрополям приведены такие сведения: «Мингалева Сергей Егорович, коллежский ассессор, † 12 января 1863, 72 л, [похоронен] с женою А. Б. Мингалевою (Захит. г. Воскресенск Моск. губ., при Вознесенской церкви)»²⁵. На той же странице написано и про супругу: «Мингалева Анастасия Борисовна, † 12 августа 1869, 76 л. С мужем С. Е. Мингалевым».

К этому можно еще добавить информацию из метрической книги 1869 г., согласно которой Анастасия Борисовна умерла «от грыжи»²⁶. В современном издании написано: «По старой традиции прихожане часто отдавали на священнические ризы покровы, бывшие на гробе при отпевании их родственников. Такие облачения были сшиты из покровов с гроба Настасьи Борисовны и Сергея Егоровича Мингалева и их дочери Марии Сергеевны Мингалевой»²⁷.

Напомним также сказанное ранее, что П. Г. Цуриков на помин души «рабы Божией Анастасии» (своей тещи) пожертвовал 100 руб. в Троице-Сергиеву лавру. В «Журнал заседания Учрежденного Собора» 27 сентября 1869 г. была внесена запись: «предписать внести на вечное поминовение имя Болярыни Анастасии в синодики Сошественской и Филарета Милостиваго храмов»²⁸.

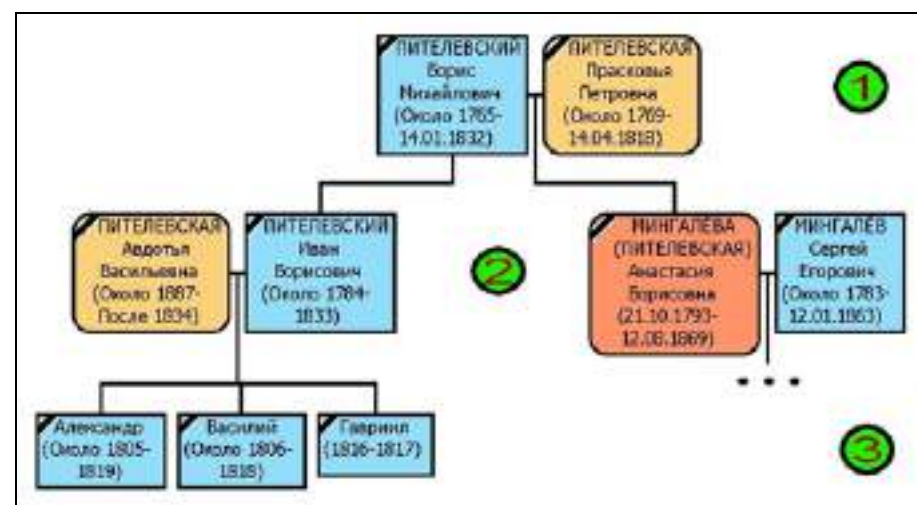
Родня по материнской линии Пителевские

Теперь хотелось бы поговорить о происхождении супруги Сергея Егоровича Мингалева Анастасии Борисовны, из какого она рода.

В метрической записи о венчании Анастасии, которое, напомним, состоялось в 1811 г., было указано имя и отчество ее отца: «города Воскресенска купца Бориса Михайлова». Другие подробности не приводились, даже фамилия родителя указана не была. Впервые фамилия купца была обнаружена в документе 1817 г. – **Борис Михайлович Пителевский** (ок. 1765 – † 1832). Следует отметить, что в документах встречается разное написание фамилии как через букву “и”, так и через букву “е” – Петелевский. За исключением цитат будем придерживаться первого варианта, потому что такое написание использовано в официальном документе – ревизской сказке.

Вообще же, в истории семьи Пителевских оказалось несколько не совсем типичных ситуаций, а то и вовсе загадочных историй.

Первая. Родилась Настя (будущая супруга Сергея Егоровича) 21 октября 1793 г. в городе Воскресенске, о ее крещении сделана запись в метрической книге Вознесенской церкви. В той же книге приведены сведения и о бракосочетании ее родителей¹: «города Воскресенска купец Борис Михайлов по учинении обыска женился первым браком, понял в городе Воскресенске в доме лейб гвардии Преображскаго полку прапорщика Алексея Иванова Фонмендена [фон Мендена?] дворовую девицу Праксеву Петрову»²⁹. Как видим, купец в жены взял «дворовую девицу» (вновь мезальянс). Но это еще ладно. Венчание состоялось 3 июня. А дочь Настя родилась через пять с половиной месяцев. Достаточно редкий для того времени случай. Так и напрашивается какая-то романтическая история.

Изо 8–06. Древо рода Пителевских.

Вторая. В исповедной ведомости Вознесенской церкви 1794 г. (т.е. спустя год после свадьбы) были указаны имена причастившихся: «господина Фонмендина управитель Борис Михайлов – 29 [лет]. Жена его Елена Иванова – 25. Сын их Иван Борисов – 9»³⁰. Как видим, указана другая супруга, Борис Михайлов уже не купец, а «управитель» и еще упомянут 9-летний сын Иван. Пять лет спустя в исповедке той же церкви записано: «Борис Михайлов – 34. Жена его

¹ Эти данные предоставила исследователь И. Е. Шторм.

Праскева Петрова – 30. Дети их Иван – 15. Настасья – 6»³¹. Такой же состав семьи приведен в исповедках 1801, 1807 и более поздних лет.

Чепуха какая-то: в течение нескольких лет в разных документах в качестве жен купца записаны Прасковья Петровна (1793), Елена Ивановна (1794), а затем вновь Прасковья Петровна (1799). Попробуем во всем этом разобраться.

Версию о том, что речь идет о разных семьях, полных тезках следует считать маловероятной. Уже больно много совпадений у купца и управителя: довольное редкое имя Борис, возраст примерно одинаковый. Ну и фамилия Фонмендена упоминается в записях как у того, так и у другого. Так что очевидно речь идет об одном человеке, который сначала был управителем, а потом стал купцом. Поэтому напрашивается другое объяснение – писавший в 1794 г. исповедку священник ошибся и записал неправильное имя жены. В пользу этого говорит то, что имя жены «Елена Иванова» встречается в документах только один раз, во всех других записана «Праскева Петрова». Но это еще не все загадки.

Третья. Как уже говорилось, Настя родилась вскоре после свадьбы Бориса и Прасковьи. Но почему-то в нескольких исповедках начала XIX века в семейном списке помимо нее записан еще Иван, который был на 9 лет старше. Чей это сын? Прасковьи? Но она в записи о бракосочетании указана «девицей», т.е. замужем прежде не была. Получается Бориса? В пользу этого говорит отчество у мальчика, записанное в исповедке 1794 г. – «Борисов». А против свидетельствует то, что в записи о бракосочетании указано, что Борис «женился первым браком», т.е. у него тоже прежде другой семьи не было, по крайней мере, официальной. Получается, это внебрачный сын Бориса? Или он усыновил чужого ребенка? Кто его знает... А вот насчет дочери Насти никаких вопросов не возникает. Это именно та Анастасия, которая, повзрослев, вышла замуж за Сергея Егоровича Мингалева.

О жизни Б. М. Пителевского известно совсем немного. О его происхождении, точной дате и месте рождения сведений нет. Самые ранние документы, где он упоминается, датированы 1793 г. Это метрическая книга с записью о его бракосочетании и исповедка за тот же год, в которой написано: «Господина Фонмейдина приказчик Борис Михайлов – 28 [лет]; того ж господина дворовые люди Иван Борисов – 8»³². Интересно, что в тексте не сказано, что Иван сын Бориса, хотя отчество соответствующее. В более ранних ведомостях имя Бориса Михайловича среди исповедовавшихся прихожан Вознесенской церкви не встречается. Получается, что он не местный и приехал в город откуда-то.

В исповедках начала XIX века, а также в ревизской сказке 1816 г. Пителевский записан купцом 3-й гильдии г. Воскресенска. Но не всю жизнь оставался в этом сословии: «За необъявлением капитала выбыл в мещане в 1818 году»³³. Причина такого социального понижения осталась неизвестной. Возможно, Борис Михайлович разорился. Умер бывший купец 14 января 1832 г. в Воскресенске. Еще раньше в 1818 г. скончалась его жена Прасковья.

Поговорим теперь немного об Иване Борисовиче, брате Анастасии. Он тоже был воскресенским купцом, женат был на Авдотье Васильевне. Эти люди оставили свой след в исторических документах.

В архиве ЦГАМ хранятся «Дела уголовныя» за 1823 г. На одном из листов этого дела написано, что княгиня Н. П. Львова пожаловалась на то, что «по приезде ея в Воскресенск для Богомолия сделалась она больна и жила в доме купчихи Петелевской куда вломились с великим шумом Ратман Занегин с несколькими мещанами (отыскивавшие купца Петелевского) и причинили ей сильный испуг»³⁴. Хотя имя купчихи в документе не указано, очевидно, что это была Авдотья Васильевна, т.к. Анастасия к тому времени уже была замужем и фамилия ее была Мингалева.

Другое архивное дело 1829 г. посвящено разбирательству по поводу «крестьянской девки Агафьи Николаевой», которая «более двенадцати лет находилась во владении означенного купца [Ивана] Петелевского»³⁵. Как написано в деле – это было нарушением закона Российской империи, гласящего: «воспрещено разночинцам иметь в услужении дворовых людей и крестьян». Крепостные могли быть только у дворян. Иван Борисович утверждал, что подарил эту девку своей сестре дворянке Настасье. Однако жители г. Воскресенска при опросе показали, что это неправда. За нарушение закона на купца И. Б. Пителевского был наложен штраф. Однако его не могли найти, был объявлен розыск. Оказалось, что Иван Борисович умер в 1833 году в г. Сычевка Смоленской губернии, а жена его Авдотья Васильевна проживала в Волоколамске «в самом бедном состоянии».

Вот такой непутевый брат оказался у Анастасии, неудачливый в делах и не ладивший с законом. По документам в семье Ивана Борисовича было три сына (см. древо). Но вот какое несчастье: все трое умерли в младенческом или детском возрасте. Получается, что эта ветвь рода Пителевских прервалась.

Братья и сестры Мингалевы

Немногие жители современного города Истры что-либо знают о Мингалевых. Но среди людей старшего поколения могут найтись те, кто слышал о живших когда-то трех старых девах, сестрах. Эта информация связана с именем А. П. Чехова, который бывал в городе Воскресенске во времена, когда здесь жили Мингалевы. Вот что об этом написано в недавно изданной книге «У стен Нового Иерусалима»: «В Истре и по сей день можно услышать, что сестры Мингалевы были прототипом трех сестер Прозоровых из пьесы А.П. Чехова «Три сестры». Это не более чем легенда: дамы почтенного возраста, какими были Мингалевы в 1880-х годах, не очень-то похожи на юных героинь пьесы»³⁶.

Три сестры Мингалевы – это Анна, Любовь и Софияⁱ. Они жили в Воскресенске, у каждой была своя усадьба с домом. Сестры были уважаемыми людьми, их все знали. Каждая дожила до глубокой старости.

До недавнего времени была известна всего одна фотография сестер Мингалевых, она была приведена в пятой главе (изо 5–32). Снимок этот ранее был опубликован в той же книге со следующей подписью: «Анна Сергеевна Цурикова в Воскресенске. Рядом стоят (слева направо): священник церкви села Ивановского Н.Н. Голубев, врач-практикант А.И. Сироткинⁱⁱ, А.С. Цурикова, Л.С. Мингалева. Фото конца XIX века»³⁷. Оригинал этого фотоснимка хранится в НИОР РГБ³⁸, на его обороте написано, что крайняя справа женщина Любовь Сергеевна.

В ходе сбора материалов были обнаружены еще три ранее не публиковавшиеся фотографии, на которых изображены сестры Мингалевы. Часть из них уже приводилась в настоящей книге, все они продублированы в приложении–19 (изо Р–73, Р–74, Р–75, Р–76). На фотоснимке из музея в Мелихово,

Изо 8–07. Сестры Анна Цурикова, Любовь и София Мингалевы³⁹ (слева направо), после 1887? (Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник А. П. Чехова "Мелихово").

ⁱ У кого-то может возникнуть вопрос: почему в списке сестер не упомянута Мария? Потому, что она умерла задолго до появления Чехова в нашем городе.

ⁱⁱ Священник Николай Голубев – настоятель Успенской церкви при Ивановской фабрике, которую построил П. Г. Цуриков. О нем рассказывалось в пятой главе. «А. И. Сироткин», а точнее Сиротинин – это дальний родственник Анны Сергеевны, о нем пойдет речь в следующей главе. Врачом–практикантом он не был.

который еще не публиковался, сестры в центре кадра, по краям три неизвестные молодые женщины и мальчик. На обороте написано: «*Софья Сергеевна и Любовь Сергеевна в Воскресенске*». В предыдущей главе был приведен снимок трех сестер (изо 7–34). Судя по одинаковой одежде на людях, оба снимка сделаны в один день и в одном фотоателье. Только фотографировались на разном фоне.

Надо сказать, что некоторые члены семьи Мингалевых были известны далеко за пределами заштатного города, они занимали высокие посты. Так, например, в официальном издании справочника «Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве» за 1868 г. можно найти трех представителей этого семейства: на стр. 34 напечатано «С.С. [статский советник] *Алдр. [Александр] Серг. Мингалев*» (служил в Петербурге), стр. 585 – «д. КА. [дочь Коллежского асессора] *Любовь Серг. Мингалева*» (работала в Москве), стр. 522 – «Шт.-Кап. [штабс-капитан] *Вас. Серг. Мингалев*»⁴⁰ (служил во Владимирской губернии).

Перейдем теперь к изложению сведений, которые удалось собрать о сестрах и братьях Анны Сергеевны. Изложение будет вестись по старшинству рождения.

Сестра Мария

Мария Сергеевна Мингалева (1815 – † 1876) была не первым ребенком в семье Мингалевых, до нее родились Алексей и Екатерина. Оба они прожили недолго, умерли в детстве. Так Мария оказалась самой старшей из тех детей, которые выжили.

Сведения о ее рождении и крещении обнаружены в метрической книге «*церкви Вознесения Господня, что на Нижнем Посаде г. Звенигорода*» за 1815 г. В ней написано, что «у соленаго пристава *Сергея Егоров Мингалев*» 20 июля родилась дочь Мария, «восприемник был уездного суда судья *Василий Иванов Перхуров*, восприемница была девица из дворян *Любовь Юрьевна Соймонова*»⁴¹.

Имя Марии регулярно писалось вместе с другими детьми Мингалевых в исповедных ведомостях указанной церкви последующих лет. В 1820 г. (последнем году проживания в Звенигороде) запись выглядела так: «*титულлярный Советник Сергей Егоров Мингалев* – 37 [лет]. *Жена Его Настасья Борисова* – 26. *Дети их Алексей* – 8. *Марья* – 5. *Александр* – 4. *Анна* – 2»⁴². Потом отца семейства перевели по службе в г. Богородск, куда, спустя какое-то время, перебралось все семейство. В этом уездном городе Мария прожила вместе с другими членами семьи 8 лет. Надо полагать, что здесь она получила образование, которое, скорее всего, было домашним. В 1827 г. отец Сергей Егорович уволился со службы и получил право на дворянство. К дворянскому сословию были причислены не только он с женой, но и все его дети, включая Марию (ей было 13 лет).

Вскоре Мингалевы перебрались в заштатный город Воскресенск, на родину матери Анастасии Борисовны. Там у деда Марии бывшего купца Б. М. Пителевского был свой дом, в нем все и поселились. Надо полагать, что участок с домом находился на Дворянской улице недалеко от Елеонской часовни и напротив того места, где позднее построила свой дом сестра Марии Анна Сергеевна Цурикова.

Мария Сергеевна жила в Воскресенске как минимум до 20-летнего возраста. А потом ее имя исчезло из исповедных ведомостей приходской Вознесенской церкви. Можно предположить, что куда-то уехала от родителей, но куда? Уже когда завершалась работа над настоящей книгой, была обнаружена исповедка Никольской церкви на Поварской улице за 1848 г., в которой оказалась записана 26-летняя «*Дочь Солянаго пристава Марья Сергеева Мингалева*»⁴³. Записана она была среди жильцов дома вдовы Екатерины Дмитриевны Мухановой. Это была родная сестра графа Василия Дмитриевича Олсуфьева. В третьей графе рассказывалось, как при обмене земли с Ивановскими крестьянами П. Г. Цурикову пришлось обращаться к графу, и с его помощью дело было удачно завершено. Как оказалось, к земельному вопросу была подключена и Е. Д. Муханова.

Как долго проживала Мария Сергеевна в Москве в доме Екатерины Дмитриевны, установить не удалось. И чем там занималась – тоже достоверных сведений нет. Вообще же из всех взрослых братьев и сестер Мингалевых о старшей сестре информации меньше всего. Наверное, потому, что ничем примечательным Мария Сергеевна не занималась. Единственное, что осталось – это ее письма, которые хранятся в архиве ГАРФ. Одно послание было отправлено Дарье Васильевне Моро (урожд. Олсуфьевой), а остальные Александре Андреевне (урожд. Миклашевской), жене Алексея Васильевича Олсуфьева (Дарья и Алексей были детьми графа). Как видим, Марию Сергеевну связывали с несколькими членами семейства Олсуфьевых многолетние дружеские отношения.

Письма Марии Сергеевны написаны в конце 1860-х – начале 1870-х годов. В них ничего особо

интересного нет. Так в одном из посланий она пишет А. А. Олсуфьевой, что *«Когда вздумаете послать деньги, то на имя сестры Любовь Сергеевны, у нее каждый [день] ездят на почту и все делается исправно»*⁴⁴. В другом письме благодарит ее, сообщает, что 10 рублей получили и раздали *«пособие разным старушкам»*. В третьем письме тому же адресату сообщает, что *«Сестра Софья в восторге от Вас и Ваших детушек»*. Мария просит принять в подарок *«платок моей слепой работы»* (надо полагать, он был вручную связан на спицах). Вот такие обыкновенные новости в письмах. Когда Марии не стало, ее сестра Любовь в одном из писем А. А. Олсуфьевой написала: *«она ведь вас всех так искренне любила»*.

Тексты посланий Марии Сергеевны предполагают, что они были написаны в Воскресенске – уж больно много там мелких бытовых подробностей городской жизни ее сестер. Но, возможно, все обстояло не так. Дело в том, что М. С. Мингалева скончалась в 1876 г., как свидетельствует запись в метрической книге, *«В доме Мухановой [...] девица, от рака»*⁴⁵. Получается, с 1848 года она все это время проживала в Москве? Трудно сказать. Можно лишь говорить, что Мария умерла раньше своих братьев и сестер. Слово *«девица»* свидетельствует о том, что замуж не выходила, и детей не было.

Говоря о старшей из сестер Мингалевых, можно еще напомнить ранее сказанное о том, что облачение с ее гроба было передано в Вознесенскую церковь г. Воскресенска *«на священнические ризы»*. Этот дар нашел свое отражение в описи церковного имущества: *«епитрахиль, пояс, набедренник и поручи»*, сшитые *«из покрова бывшего на гробе ее сестры Марии Сергеевой Мингалевой»*.

Изо 8–08. Вознесенская церковь
в г. Воскресенск⁴⁶, 1909.

М. С. Мингалева была похоронена, как написано в справочнике о некрополях (изо 8–05), при Вознесенской церкви рядом с отцом и матерью, конкретное место не указано. В одном из дореволюционных путеводителей приведена фотография храма заштатного города Воскресенска с западной стороны. На переднем плане видны могилы (снимок не очень четкий и надписи на памятниках разглядеть невозможно). Книга эта вышла в 1909 г., к тому времени почти все Мингалевы уже умерли. Правда есть сомнения, что на снимок могла попасть какая-нибудь могила членов этой семьи. Дело в том, что по воспоминаниям старожила М. И. Майоровой: *«С восточной стороны церкви были расположены могилы знатных людей города с оградой из желтых акаций. С западной стороны — общее кладбище»*. Мингалевы, безусловно, относились к знатым лицам города. И получается, что их должны были похоронить вблизи алтаря Вознесенской церкви (т.е. с противоположной стороны, откуда сделан этот снимок).

Увы, ни одна могила, находившаяся около Вознесенской церкви, не сохранилась. В середине 1930-х годов кладбище, а потом и сам храм были уничтожены.

Брат Александр

На год позже Марии родился **Александр Сергеевич Мингалева** (1816 – † 1890). Его родиной стал г. Звенигород, приемником у него был тот же судья В. И. Перхуров⁴⁷. Понятное дело, что у Саши было такое же детство, как у старшей сестры. В исповедных ведомостях Вознесенской церкви г. Воскресенска его имя встречалось вместе с другими детьми Мингалевыми. Так продолжалось до 1837 г. года, когда в очередной исповедке уже не оказалось старшей Марии (возможно, уехала в Москву) и Анны (вышла замуж)⁴⁸. Четверо оставшихся детей Мингалевых писались в исповедных ведомостях в Воскресенске вплоть до 1843 г. А в следующем году родители остались уже одни.

Следует отметить, что среди всех детей Мингалевых Александр наряду с сестрой Любовью достиг наибольших высот по карьерной лестнице – его служба была напрямую связана с императорским двором. В архиве РГИА обнаружено дело с формулярным списком А. С. Мингалева. В нем написано, что

Александр в 1836 г. окончил 1-ю Московскую губернскую гимназию⁴⁹. Было ему в ту пору 20 лет.

Чем он занимался несколько лет после окончания школы – непонятно. В воспоминаниях А. М. Шуберт написано, что оба брата Анны Цуриковой «Александр и Василий Сергеевичи окончили московский Университет по юридическому факультету». По всей видимости, это ошибка, т.к. данное утверждение не нашло документального подтверждения (причем, в отношении обоих братьев).

Следующая запись в ФС датирована 1 февраля 1840 г., в ней записано, что Александр поступил на службу «во 2-й Департамент Гражданской Палаты». А 4 декабря 1842 г. был назначен помощником старшего бухгалтера «Придворной Конторы» (полное название: «Его Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Александровны Контора»). Находилось это учреждение в Петербурге, там жил и работал А. С. Мингалева.

Дальнейшая карьера шла по нарастающей. Александр Сергеевич получал следующие по выслуге лет классные чины, продвигался по служебной лестнице. В конце 1850 г. он уже стал старшим бухгалтером в конторе императрицы. А 10 июня 1855 г. был переведен «в штат собственной Государыни Императрицы Марии Александровны Конторы прежним званием Старшим бухгалтером».

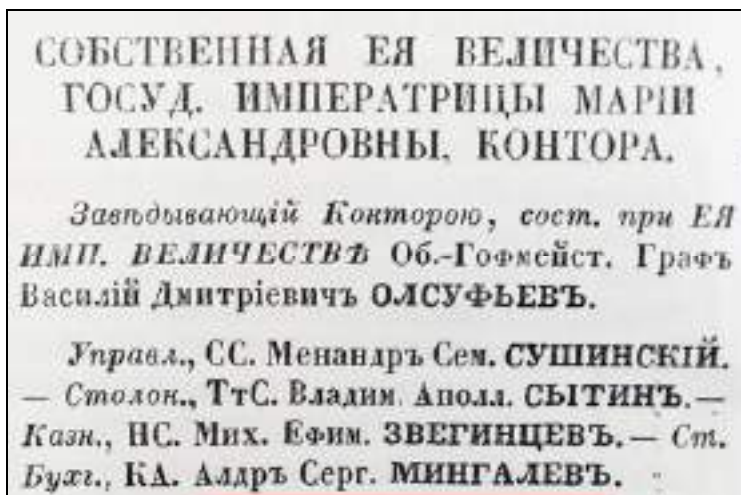
В том же году у Александра Сергеевича родилась дочь Мария. В документе указано и имя супруги: Екатерина Павловна, дочь «обер-берггаутмана 6 класса Дмитриева». Вот только не говорится, где и когда они поженились. Упомянутый ФС датирован 1856 годом и осталось неизвестно: были ли еще дети в семье А. С. Мингалева?

В том же документе приведены сведения о денежном довольствии, которое получал по службе Александр Сергеевич: жалование по штату 428 р., «добавочное жалование» 150 р., «стол» 142 р., «квартирные» 439 р., «Пенсия Главного Казначейства» 428 р., «Жалование из собственных средств Августейших детей их Величеств» 375 р. Всего 1964 руб. в год. Очень неплохие деньги. Но и жизнь в столице была дорогая, приходилось снимать жилье.

Напомним, что в это же время П. Г. Цуриков занимался обменом землей с Ивановскими крестьянами. В воспоминаниях С. А. Попова об этом деле написано так: «Помощь в этом деле оказывал брат А.С. Цуриковой Александр Сергеевич Мингалева, занимавший служебный пост в Петербурге в министерстве и имевший связи. В мае 1856 года он писал Цурикову и одновременно Попову, которого Павел Григорьевич просил вести переписку по этому делу, следующее: “Человек предполагает, а Бог располагает. На этих днях я надеялся известить Вас об окончании дела, а вместо этого приходится опять обратиться к началу. Вышло как нельзя лучше, и вдруг в самом конце, когда оставалось поднести доклад, изготовленный в Вашу пользу, на Высочайшее утверждение, Министр решительно отказал входить в представление на отступление от одного из коренных постановлений Министерства Гос. Имуществ, опасаясь может быть, чтобы подобное обстоятельство не возродило впоследствии новых требований в таком роде”»⁵⁰. Подробнее обо всем этом можно прочитать в третьей главе. Здесь же отметим, что земельный вопрос решился благополучно в пользу Цурикова. Надо полагать, немалую роль в успехе сыграл А. С. Мингалева.

Согласно заголовку одного из архивных дел РГИА, в 1859 г. Александр Сергеевич был награжден орденом св. Станислава 3-й степени (само дело не изучалось). В дальнейшем его должность сменилась, об этом свидетельствует запись, обнаруженная в справочнике 1868 г. Там говорится: «Придворный штат. [...] Собственная Ея Императорского Величества Канцелярия [...] Чинов. Канцел: СС [статский советник], Адр. Серг. Мингалева»⁵². Примерно в это же время он хлопотал о своей пенсии, что следует из заголовка еще одного дела РГИА. В 1873 г. Александр Сергеевич получил чин действительного статского советника.

Где провел остаток своей жизни А. С. Мингалева – напрямую об этом нигде не сказано. Вероятнее всего, что и после вы-

Изо 8—09. Фрагмент страницы из "Адрес-Календаря"⁵¹, 1857.

хода на пенсию он остался жить в столице. По крайней мере, скончался точно там, об этом сказано в метрической книге: «Отпевание совершено в С.Петербурге в церкви Ивановского девичьего училищаⁱ ведомства Императорского человеколюбивого общества»⁵³. Из той же записи следует, что погребение было совершено спустя 5 дней после смерти. Такая задержка была вызвана перевозкой тела умершего. Похоронен был там же, где погребены его отец, мать и сестра Мария. Это подтверждает запись в книге о некрополях: «Мингалева Александр Сергеевич, действ. статский советник, † 20 июля 1890, 73 л. (Защит. г. Воскресенск Моск. губ., при Вознесенской церкви)»⁵⁴ (изо 8–05).

В интернете обнаружены сведения, что супруга Екатерина Павловна скончалась в 1907 г. А сведений о судьбе дочери Марии Александровны Мингалевой никаких нет. Так же не удалось найти портрета кого-либо из членов этой семьи.

Сестра Любовь

В отличие от старшей сестры Марии о **Любови Сергеевне Мингалевой** (1822 – † 1907) собрано значительно больше сведений. Даже были найдены несколько ее фотографий – как индивидуальные, так и групповые с сестрами. Почти на всех снимках Л. С. Мингалева уже в солидном возрасте. И лишь на одной недавно обнаруженной в архиве РГАЛИ фотографии она выглядит достаточно молодо (если датировка снимка верна, то в момент съемки ей было 46 лет).

Люба стала первым ребенком в семье Мингальных, родившимся в Богородске. В метрической книге местной Богоявленской церкви в 1822 г. была сделана следующая запись: «в Сентябре [...], 2. В Богородске, [у] Титулярного советника Сергея Егорова сына Менгалева родилась дочь Любовь крещена тогож Сентября 7-го дня. Восприемники были Тайной Советник и Кавалер Владимир Юрьевич Соймовов и Действительного Статского Советника Юрия Михайловича Соймововаⁱⁱ дочь Девица Любовь Юрьевна дочь Соймовова»⁵⁶.

В отличие от своих сестер Марии и Софии, Любовь была достаточно известна за пределами Воскресенска. Все благодаря тому, что она более полутора десятков лет была начальницей престижного Екатерининского института в Москве. Это было одно из первых и наиболее крупных женских учебных заведений в России. Его именовали по-разному: “Московское училище ордена св. Екатерины”, “Институт благородных девиц”. В него Люба поступила в 1834 г. и успешно окончила через шесть лет. В 1842 г. Любовь Сергеевна оказалась «в должности наставницы в семействе обер-гофмаршала графа В. Д. Олсуфьева»⁵⁷, занималась воспитанием детей этого знатного вельможи в Петербурге.

Фамилия Олсуфьевых уже несколько раз упоминалась в настоящей книге, когда шла речь об обмене земли с Ивановскими крестьянами, когда рассказывалось о Марии и Александре (сестре и брате Любви). Выше был приведен фрагмент страницы из “Адрес-Календаря” за 1857 г. (изо 8–09), из которого видно, что А. С. Мингалева служил в придворной конторе, которой заведовал граф Василий Дмитриевич Олсуфьев. Таким образом, двое Мингальных оказались связаны с семьей высоко-

Изо 8–10. Л. С. Мингалева⁵⁵, 1868, (РГАЛИ).

ⁱ Напомним (об этом говорилось в шестой главе), что в 1871 г. П. Г. Цуриков построил при Ивановском девичьем училище в Петербурге домовую церковь во имя св. Марии Магдалины. Надо полагать, что в этом храме и состоялось отпевание шурина храмоздателя.

ⁱⁱ Фамилия Соймоновых встречается трижды в записях о крещении родившихся малышей в семье Мингальных (Екатерины, Марии и Любви). Это явно не простое совпадение. Представители этого рода владели имением Теплое в Рузском уезде. По всей видимости, были какие-то родственные связи между Мингальвыми и Соймоновыми. Увы, документов на эту тему пока найти не удалось.

поставленного вельможи: Александр работал под началом графа, а Любовь воспитывала его детей. Такое совпадение не случайно, к таким знатым людям не попадали, что называется, «с улицы». Кто – брат или сестра? – познакомился раньше с графом и посодействовал другому с трудоустройством на хорошее место? Ответа пока нет ...

А вообще-то, знакомство Мингалевых с Олсуфьевым могло произойти намного раньше. У Василия Дмитриевича было родовое поместье в с. Ершово, которое находилось не так далеко от г. Воскресенска. С 1828 по 1836 годы он избирался уездным предводителем дворянства в Звенигороде. Как раз в это время Сергей Егорович Мингалева получил право на дворянство и, безусловно, контактировал с предводителем. Тогда и могли познакомиться, если только их знакомство не состоялось еще раньше. А вообще-то удивительна такая многолетняя дружба Мингалевых и Олсуфьевых. Все-таки по статусу, титулам и положению в обществе слишком большая была разница. С. Е. Мингалева относился к «служивому дворянству», к которому у многих представителей «высшего света» было снисходительное отношение. Но В. Д. Олсуфьев, видимо, не был из числа таких вельмож, хотя и происходил из известного дворянского рода, корни которого уходят в XVI век. В 1856 г. Василию Дмитриевичу за заслуги перед отечеством был присвоен графский титул. После этого формально дистанция с Мингалевыми стала еще больше. Но это обстоятельство не помешало продолжению дружеских отношений между семьями.

Любовь Сергеевна не менее десяти лет прожила в столице Российской империи: по одним данным в 1852 г., по другим в 1857-м вернулась в Москву в родной Екатерининский институт. Какое-то время «она состояла пепиньеркой, классной дамой, инспектрисой», пока 24 августа 1867 г. не была назначена на высокую должность начальницы Екатерининского института, на которой оставалась до 9 мая 1883 г. В общей сложности 31 год Любовь Сергеевна была связана со ставшим ей родным учебным заведением. К 100-летию юбилею Екатерининского института, отмечавшемуся в 1913 г., был издан «Исторический очерк». В нем помещены фотографии начальниц, включая и фото Любви Сергеевны.

Как ранее уже рассказывалось, в 1880 г. А. С. Цурикова внесла в Екатерининский институт солидный капитал (в 1903 г. он составлял 12.874 руб.). Проценты с этого неприкосновенного капитала шли на выплату стипендии одной из воспитанниц. Несомненно, такое крупное пожертвование Анна Сергеевна сделала потому, что начальницей института была ее сестра Любовь.

Л. С. Мингалева была на хорошем счету у начальства, ее работой в институте были довольны. Об этом свидетельствуют заголовки архивных дел РГИА, в которых говорится о ее награждении подарками в 1880, 1882 и 1883 годах.

Сохранился живой, интересный рассказ одной из воспитанниц Екатерининского института Анны Клименко, озаглавленный «Воспоминания институтки». Небольшая книжка была выпущена к 100-летию училища, на ее обложке написано: «Посвящается Любови Сергеевне Мингалевой». На нескольких страницах выпускница с большой теплотой рассказывает о педагогическом таланте и душевных качествах любимой наставницы. Полный текст издания имеется в приложении–10, здесь же приведены отдельные цитаты: «не строгостью и страхом, а любовью и безконечной добротой она сумела овладеть сердцами вверенных ей попечению детей и действовала на нас обаятельно. [...] В маленьких классах Любовь Сергеевну по-институтски „обожали“, с годами это обожание переходило в крепкую, прочную привязанность и безграничное уважение. [...] От других девочек я потом узнала, что все пережили то, что переживала я: каждая „новенькая“ испытала на себе привет и чарующую ласку Любови Сергеевны. Великое, великое ей за это спасибо!»⁵⁹.

Воспитанница Клименко описывает, как в 1902 г. она приехала в Воскресенск в гости к бывшей наставнице:

«Когда я вышла из экипажа и шла по двору, меня

Изо 8–11. Начальница Екатерининского института Л. С. Мингалева⁵⁸, 1903.

поразили какие-то тихие, мелодичные звуки; сначала я подумала, что это игра возбужденных нервов и мне просто чудится, но чем ближе я подходила к дому, тем яснее слышалась эта невидимая музыка и нежные звуки ея то замирали, то трепетали в воздухе...

— Что это! — с изумлением и почти с испугом спросила я лакея. — Эолова арфа на башне у Любовь Сергеевны, — ответил он.

Дверь была отперта, — я не звонила, поднялась по лестнице и остановилась...

Передо мной была анфилада комнат, ярко освещенных не лампами, а свечами, и в первой — у стола, лицом ко мне, сидела Любовь Сергеевна; она не слышала, как я вошла. [...] обе сестры ея [Анна и София – прим. Авт.], которые тоже живут в Новом Иерусалиме, и такие же чудесные, привлекательные старушки, как она сама. Любовь Сергеевна, окруженная родными и друзьями, пользуется общим уважением и любовью».

Прошло много лет с момента их расставания, приводятся слова о том, как выглядела бывшая наставница при новой встрече: «Любовь Сергеевна все такая же милая, приняла меня как родную; к ней постоянно приезжают бывшие воспитанницы, ведь ее так все любили! Поезжайте к ней непременно, вы увидите, как она будет рада! [...] Любовь Сергеевне теперь 80 лет, конечно, она старушка, но именно изящная, привлекательная старушка! Долгая трудовая жизнь сказалась, к сожалению, на ея здоровье. Любовь Сергеевна слаба и стала часто прихварывать, но память ея прекрасно сохранилась, — она много читает и живо всем интересуется». Говорится также о том, как Мингалеву посещали и другие воспитанницы Екатерининского института, порой они приезжали в гости большими семьями. Любовь Сергеевна с улыбкой вспоминала: «сама не понимаю как я ухитрилась поместить у себя девять человек, было немножко тесно, но за то весело. Бог милостив ко мне, я не могу жаловаться на одиночество, — меня не забывают друзья!».

Л. С. Мингалева ушла из Екатерининского института, когда ей шел 61-й год. Основная причина увольнения, видимо, была связана с неважным здоровьем. Об этом она еще писала годом ранее в письме А. А. Олсуфьевой. Из Москвы Любовь Сергеевна переехала в Воскресенск, здесь провела оставшуюся жизнь (24 года). В городе у нее были владения: то ли купленные ею самой, то ли с приобретением недвижимости помогли Цуриковы. Так, по крайней мере, написано в воспоминаниях А. М. Шуберт: «Она [Анна Сергеевна] переехала в г. Воскресенск, где ею (а может быть, и раньше Павлом Григорьевичем) были построены три дома между монастырем и городом: один — самый большой для нее самой, другой поменьше для ее сестры Любви Сергеевны, бывшей начальницы Екатерининского института, вышедшей в отставку, и третий небольшой (родительский был перестроен) для их сестры — Софьи Сергеевны»⁶⁰. Точный адрес в цитате не указан. Но слова «между монастырем и городом» однозначно указывают на Дворянскую улицу.

В справочнике по Московской губернии за 1899 г. говорится о двух владениях в Воскресенске: «Мингалевои Любви Сергеевне, пот. двор., Большая Крестовая ул., 3500 [...] Дворянская ул., 4000»⁶¹ (приводимые числа — это оценка строений в рублях). Суммарная оценка недвижимости Любви была даже больше, чем у А. С. Цуриковой (у той было два владения в 6.100 и 500 рублей).

Возникает вопрос: а откуда у Л. С. Мингалевои оказались такие дорогие владения? Допустим, первый дом подарили Цуриковы, а второй как появился? Недвижимость Любовь Сергеевна могла купить на свои заработанные деньги. Ведь она много лет была директором одного из самых крупных учебных заведений в Москве и надо полагать, оклад у нее был хороший (его величина нигде не указана). При экономной жизни (а семьи у нее не было) вполне могла скопить капитал.

В архивном деле, датированном 1889 г., в документе с названием «Оценочная ведомость» приведено более детальное описание владений. Среди многочисленных правок¹ удалось разобрать текст для первого участка: «владение Любовь Сергеевны Мингалевои, состоящее в Воскресен. посаде по Крестов. ул. При нем земли 1787 кв.саж. [...] Описание строений: 2-этажный дом, низ камен., а верх дерев., обшит тесом и крыт железом. Длина 21 [аршин] Ширина 15. Высота 9. [...] Состояние строения среднее. Продажная цена 4500 р. Примечание: Живет 7 чел., живут на капит.»⁶².

¹ К сожалению, обнаружен лишь черновик этого документа, составленный небрежно, карандашом и с многочисленными исправлениями, в котором удалось далеко не все разобрать.

И второй участок¹: «в Воскресен. посаде по Крест. ул. При нем земли 1317 кв.саж. Земля принадлежит владельцу. Употребление незастроенной земли: под садом и огород. Описание строений: 2-этажный дом, низ камен., а верх деревян., обшит тесом дом, Длина 20 [аршин] Ширина 12. Высота 9. [...] Состояние строения среднее. Назначение: отдает. внаймы. Доход 300 р. Страховая оценка 7800 р. Деревянный дом, крытый тесом, [...] Состояние новое. Назначение: отдает. внаймы. Доход по 15 р. в месяц. [...] В № 1 живет в доме: 7 чел. взросл. и 3 дет. Живет судебный следоват.».

Еще удалось разобрать, что у обоих участков прежде были другие владельцы: у первого «дочери гвар. Поручика Дарьи Алек. Татищевой», у второго «купца Михаила Афан. Бухтеева».

Указанные сведения дополняются материалами, приведенными в книге «У стен Нового Иерусалима»:

«Самой богатой владелицей земли и домов на этой улице [Крестовской] была дворянка Любовь Сергеевна Мингалева, родная сестра А. С. Цуриковой. Ей принадлежали три участка земли общей площадью 2,3 га (два на Крестовской и один на Дворянской улицах). Она владела четырьмя домами (три из них двухэтажные, с каменным низом, стоимостью от 2000 до 4500 рублей), причем один из домов – с эоловой арфой. Хозяйка с членами семьи и прислугой (всего семь человек) жила в двухэтажном доме площадью 188,6 м². Два других двухэтажных дома (266 и 198 м²) сдавались в аренду. Одноэтажный дом (90 м²) снимала семья судебного исполнителя из трех человек, а всего в съемных домах жило 20 человек. Месячная стоимость аренды составляла 15–20 рублей. На участке была большая благоустроенная баня. Мингалева платила в казну города второй по величине налог (21 рубль 55 копеек)»⁶³.

Как видим, сведения о владениях Л. С. Мингалевой приведены в нескольких источниках. К сожалению, ни в одном из них не указаны точные адреса, лишь упомянуты названия улиц, где находились дома – Дворянская и Крестовская (Большая или Малая – осталось непонятно). В воспоминаниях старожила М. И. Майоровой, опубликованных в районной газете, приведена историческая фотография, в подписи к которой указано, что справа усадьба Цуриковых. Местность хорошо опознаваема – это часть Дворянской улицы, примыкающей к Новоиерусалимскому монастырю. В правой части снимка виден двухэтажный дом (он помечен цифрой “4”). Однако это не тот дом Анны Сергеевны, в котором она жила. Ее усадьба находилась дальше от монастыря, она в кадр не попала. А указанный дом на снимке мог быть домом Л. С. Мингалевой. По крайней мере, он двухэтажный, а как раз такие дома находились во владении Любви Сергеевны. Справедливости ради надо сказать, что это мог быть и чужой дом, например, графа Чернышева-Кругликова – у него тоже было владение на Дворянской улице (по справочнику 1899 г. оно оценивалось в 2.000 рублей).

Указанный дом попал на дореволюционную фотографию, сделанную с колокольни Новоиерусалимского монастыря в сторону Дворянской улицы: он отмечен той же цифрой “4” (к сожалению, часть дома закрыта куполом надвратной Входаиерусалимской церкви). Справа вдали видна крыша усадебного дома А. С. Цуриковой (“1”) и здание четырехклассного училища (“2”).

Любовь Сергеевна Мингалева прожила долгую жизнь, немного не дотянув до своего 85-летия.

Изо 8–12. Дворянская улица⁶⁴, 1880-е ?

Изо 8–13. Вид с колокольни монастыря (фрагмент открытки), 1910-е.

¹ Почему-то оба участка в архивном деле отмечены на «Крестов. ул.». Думается, что это ошибка, т.к. в справочнике про один из участков сказано, что находился на Дворянской улице.

Она умерла 23 июля 1907 г. (через полгода после сестры Анны), в метрической книге приходской Вознесенской церкви была сделана запись: «*Любовь Сергеевна Мингалева девица дочь Коллежского Ассесора, от старости*»⁶⁵. Похоронили ее, надо полагать, недалеко от могил родственников (родителей, сестры). Слово «*девица*» означает, что Любовь замуж не выходила и детей у нее не было. Кто-то после прочтения этих слов может ей посочувствовать. Однако в конце жизни она о себе так говорила: «*Да, это не даром прожитая жизнь!*». Думается, что это были искренние слова.

Что стало с бывшими владениями Л. С. Мингалевой в Воскресенске? О завещании ничего неизвестно. Ее имущество могло перейти сестре Софии и брату Василию, более близких родственников в живых не было. По сведениям архивного дела ГАРФ два владения «*бывшей дворянки Мингалевой Л. С.*» на улице Советской (бывшей Дворянской) были «*муниципализированы*» в апреле 1923 г. Первое «*смешанное 2-этажное здание с каменным низом и деревянными надворными надстройками по типу особняка*» заняли «*Детские ясли Здраводела*». Второе «*смешанный 2-этажный дом низ каменный с надворными постройками, водопровод и канализация*» занял «*Детский дом им. Карла Маркса*»⁶⁶.

Сестра София

Самую младшую из сестер звали **София Сергеевна Мингалева** (1824 – † 1910). Она, как и Любовь родилась в Богородске, произошло это 26 июля 1824 г. В записи о крещении на сей раз лиц «со стороны» нет, восприимниками указаны ее 9-летняя сестра Мария и 8-летний Александр⁶⁷ (осознавали ли малолетние дети таинство, в котором участвовали?). Отдельного снимка Софии Сергеевны нет, но она есть на нескольких коллективных фотографиях, здесь приводится вырезка одной из них (изо 7–34).

А. М. Шуберт вспоминала: «*Любовь и София [Мингалевы], поступили и затем окончили Институт Св. Екатерины для благородных девиц в Москве*»⁶⁸. Если насчет первой все верно, то учеба второй сестры в институте вызывает большие сомнения, никакой другой источник ее обучение в указанном учебном заведении не подтверждает¹.

В тех же воспоминаниях написано, что «*Софья Сергеевна, повидимому всю жизнь прожила в Воскресенске*». И это тоже спорное утверждение. Как ранее уже говорилось, в исповедных ведомостях городской Вознесенской церкви, начиная с 1844 г. имен детей Мингалевых (включая Софию) нет. Став совершеннолетними, они разъехались, кто куда.

Если об Анне, Любви, Марии, Александре и Василии достоверно известно, где они в последующие годы находились, то о младшей сестре таких данных нет. В принципе, София могла отправиться в Петербург с сестрой Любовью, чтобы вместе воспитывать детей В. Д. Олсуфьева. Могла вместе с Марией проживать в Москве в доме Е. Д. Мухановой. А могла и вовсе пойти по своему жизненному пути.

Когда в 1863 г. отец Сергей Егорович Мингалев умер, то, как свидетельствуют исповедки, вместе с матерью Анастасией Борисовной в Воскресенске стала жить ее младшая дочь София. Она осталась в доме и после того, как в 1869-м умерла родительница.

Хотелось бы остановиться на том, как София Сергеевна стала владелицей родительского дома. Логично предположить, что дом ей достался по завещанию матери. К сожалению, завещание Анастасии Борисовны Мингалевой не обнаружено, а другой документ свидетельствует, что не все было так просто и очевидно. Ранее рассказывалось о совершенной в 1870 г. купчей, согласно которой Анна Сергеевна Цурикова продала за две тысячи рублей трем своим сестрам Марии, Любви и Софии

Изо 8–14. С. С. Мингалева, после 1887.

¹ В справочном издании, посвященном 100-летию Екатерининского института, приведены списки выпускниц разных лет. Софии Мингалевой в этих списках нет, там есть только Любовь. Правда, не исключен вариант, что она могла поступить в училище. Но по каким-то причинам не доучилась до конца и потому в официальные списки не попала.

«свободный от всякого залога и запрещения, деревянный дом со всеми принадлежностями и землею [...] в заштатном городе Воскресенске, доставшийся ей г. Цуриковой от матери ея вдовы Коллежского Ассесора Анастасии Борисовны Мингалевой, по духовному завещанию»⁶⁹. В той же седьмой главе было сделано предположение о том, что указанная купля-продажа, скорее всего, была фиктивной (т.е. без передачи денег), однако ее нужно было по каким-то причинам провести по документам. И все же факт остается фактом: завещание матери, как следует из цитаты, было составлено в пользу дочери и без того богатой. Трудно поверить в то, что Анастасия Борисовна Мингалева плохо относилась к остальным своим дочерям. Тут что-то другое. Но что – пока тайна.

Выше в тексте приводились сведения из «Оценочной ведомости» 1889 г. о владениях сестры Любови в Воскресенске. В том же архивном деле имеются данные и о владении Софии: «по Крестов. улице. Описание строений: 2-этаж. дом низ камен., а верх дерев., обшит тесом [...] Длина 19 [арш.] Ширина 12. Высота 10. Состояние строения: средне хорошее. Занимает владел. Продажная цена 2000 [руб.]. [...] 7 челов. живут в т.ч. прислуга [...] живет на капитал»⁷⁰.

В указанном деле следует обратить внимание на такую деталь. В первой строке описания недвижимости, где указано имя владельца, первоначально было записано: «дочерей Колл. Ассесор. Любви и Софии Сергеев. Мингалевых». Однако первое имя «Любви» оказалось потом зачеркнуто. По всей видимости, это означало отказ одной из сестер от своей доли в родительском доме в пользу другой (в то время Л. С. Мингалева была начальницей Екатерининского института, жила в Москве). Ну а отсутствие имени сестры Марии в списке владельцев объясняется тем, что ее к тому времени уже не было в живых. Так в итоге София оказалась единственной владелицей родительского дома. В 1876 г. она уплатила налог на свою недвижимость в Воскресенске – 9 руб. 20 коп.⁷¹

Следует еще добавить, что в справочнике Московской губернии за 1899 г. приведены сведения о владении «Мингалевой Софье Сергеевне, пот. двор., Дворянская ул., 2350 [руб.]»⁷². В сравнении с недвижимостью сестер Любови и Анны, у Софии было самое скромное владение. Как было сказано в одной из приводившихся ранее цитат: «третий небольшой (родительский был перестроен) для их сестры Софии Сергеевны».

В завершении этой темы хотелось бы еще сказать о местоположении этого дома. К сожалению, ни на одной карте г. Воскресенска он не обозначен (как, впрочем, и дом Любови). Но кое-какие соображения о его местоположении имеются. В предыдущей главе сообщалось, что родительский дом Мингалевых находился на Дворянской улице напротив владения Анны Сергеевны. Эта же улица упомянута в приведенной цитате из справочника 1899 г. Кто-то мог обратить внимание, что в «Оценочной ведомости» 1889 г. указана Крестовская улица. Думается, что речь идет об одном и том же участке, находившемся вблизи пересечения двух улиц. Его могли приписать как к Дворянской улице, так и к Крестовской.

В архиве РГИА обнаружено дело с неожиданными данными. Речь в нем шла о выкупе крестьянами земельного надела в имении С. С. Мингалевой, о наличии которого даже нельзя было подозревать. Если бы речь шла о Звенигородском или каком-то другом уезде Московской губернии, то это еще куда ни шло. Но в документе упоминается село Муравельник Карачевского уезда Орловской губернии! Из архивного дела следует, что имение это было куплено Софией Сергеевной «с акционного торгова в Орловском Губернском Правлении и проданное за долг прежняго владельца Поручика Николая Александровича Толстаго [...] 1863 года октября 7 дня»⁷³. В этом имении числилось 267 ревизских душ.

Покупка указанного имения обошлась в 40.328 рублей. В связи с этим возникают вопросы: откуда у С. С. Мингалевой оказались такие большие деньги? Зачем была приобретена недвижимость так далеко от родных мест? Прямых ответов в деле нет. Даже появилась мысль: а может это другой человек, полная тезка Софии, проживавшей в Воскресенске? Но обращает на себя внимание дата покупки – 7 октября 1863 г. Напомним, что в начале этого года умер отец Сергей Егорович. Неужели он оставил дочерям большой капитал? В свете ранее сказанного о бедности Мингалевых это представляется маловероятным. Замуж София не выходила ... А может деньги одолжил богатый родственник Павел Григорьевич Цуриков? Трудно сказать. Но вот насчет того, что купленная земля была заложена в банке – в этом сомнений нет. Об этом написано в указанном деле: на 1 августа 1879 г. за С. С. Мингалевой числился долг (под залог имения): 14.834 руб.

К сожалению, ни в одном документе не сказано, чем на протяжении своей жизни занималась София Сергеевна. Как было написано в одной из цитат – жила «на капитал». Что за капитал – загадка. Скорее всего, это были деньги либо сестры Анны, ставшей богатой после смерти мужа и поделившийся некото-

рой частью доставшегося ей наследства со своими сестрами, либо Павел Григорьевич Цуриков сам упомянул Софию в своем завещании. Но это лишь предположения. Но вот о чем можно говорить точно, так это о том, что уже в зрелом возрасте София Сергеевна вместе с сестрами занималась благотворительными делами. Тому есть несколько документально подтвержденных свидетельств.

Так, в деле об открытии *«Елисаветинского Комитета при Вознесенской в г. Воскресенске церкви»* приведены сведения о членских взносах за 1893 г.: «2). Любовь Сергеевна Мингалева – 5 [руб.] 3). София Сергеевна Мингалева – 5»⁷⁴. Три года спустя, как уже говорилось, **при Воскресенской земской лечебнице** было открыто **благотворительное общество**, в выработку его устава приняли участие сестры Мингалевы⁷⁵. В 1908 г. было учреждено *«Воскресенское Городское Добровольное Пожарное Общество»*. В архивном деле приведен *«Список лиц приславших за почетные билеты на спектакли, данные обществом в 1910 г.»*⁷⁶. Второй в списке идет *«Мингалева, София Сергеевна»*, она пожертвовала на благотворительный спектакль 10 рублей.

В недавно изданной книге, посвященной новомученику Михаилу Строеву, который был активным членом пожарной дружины г. Воскресенска, рассказывается о случае, произошедшем в 1908 г. Речь идет о том, что *«24 ноября члены организаторы ходили к Мингалевой с просьбой пожертвовать Обществу оставшийся после Цуриковой пожарный инвентарь, на что она дала свое согласие, и в пользу общества отошла одна очень хорошая машина пожарного образца и две машины небольшие»*⁷⁷. Правда в книге говорится о Любви Мингалевой, что к ней ходили с просьбой о пожертвовании инвентаря. Это ошибка, т.к. в 1908 г., когда все происходило, Любви уже не было в живых, из трех сестер оставалась лишь София. Очевидно, что именно к ней обращались просители, и она дала согласие.

Из приведенных примеров видно, что сестры Мингалевы регулярно оказывали помощь различным организациям. Правда, можно заметить такую деталь: долгое время пожертвования были незначительными. А после 1907 г. они резко выросли. Объяснение простое: в указанном году умерла Анна Сергеевна, после которой остался большой капитал. Кому он достался – до недавнего времени можно было только догадываться, пока в музее им. А. П. Чехова «Мелихово» не был обнаружен ранее неизвестный документ¹ (о нем уже рассказывалось в шестой главе). Из этого источника уже приводились цитаты о пожертвованиях С. С. Мингалевой **на устройство богадельни** («Дома призрения») 325.000 руб. и **«Приюта для хроников»** 50.000 руб. Вот еще одна цитата оттуда же:

*«Когда Анна Сергеевна оказалась при смерти, ее сестра Софья Сергеевна попыталась присвоить себе все ее наследство, уговорив сестру написать завещание в ее пользу. Повидимому при этом не были соблюдены некоторые формальности, потому что после смерти Анны Сергеевны ее брат [Василий] судом добился аннулирования его и в результате получил львиную долю ее наследства, которое стал тут же спешно ликвидировать, продавая ее недвижимость: вскоре и он скончался, ему наследовал его сын, Петр Васильевич, который и закончил эту ликвидацию»*⁷⁸.

Трудно сказать, насколько правдивы слова *«попыталась присвоить себе все ее наследство»*. Другие документы не подтверждают, что среди родственников были нелады, трения. По всем данным, сестры Мингалевы жили дружно. Их дома находились недалеко друг от друга, они часто ходили друг к другу в гости. А вот про отношения сестер с братом Василием сказать нечего за отсутствием данных. Поэтому не следует исключать возникновение конфликтной ситуации по дележу наследства. Однако, видимо, не вся недвижимость умершей Анны Сергеевны досталась брату Василию. В документе 1910 г. в списке владений Софии Сергеевны указаны три дома и флигель, которые находились на трех участках в Воскресенске⁷⁹ (напомним, что ранее у нее был один участок с домом).

После пожертвования огромной суммы на организацию «Дома призрения» в имении сестры А. С. Цуриковой София Сергеевна была избрана его почетной попечительницей. Только недолго она в этой должности находилась.

В 1910 (последний год жизни С. С. Мингалевой) было совершено еще одно пожертвование – **на детскую колонию в Садках**. Причем, возможно, этот дар был сделан после смерти жертвовательницы. Такое предположение напрашивается из цитаты, в которой говорится, что *«Пожертвование [совершено] через С. М. Попова из средств С. С. Мингалевой 650 р.»*⁸⁰.

До недавнего времени не была известна точная дата кончины Софии Сергеевны. Она единственная из братьев и сестер Мингалевых, которая не попала в известный справочник о некрополях. В

¹ Большое спасибо сотруднику музея Ксении Абрамовне Чайковской за предоставленную копию документа.

связи с этим даже возникло предположение, что она была погребена не рядом с родственниками. Но это оказалось не так. В метрической книге Вознесенской церкви за 1910 г. обнаружена следующая запись о кончине: «22 [сентября], *София Сергеевна Мингалева девица дочь Коллежского Ассесора, 86 лет.* [Причина смерти:] *от старости.* [Где похоронена:] *на кладбище при церкви*»⁸². Эти слова снимают все вопросы не только по дате, но и по месту погребения: София Сергеевна была похоронена рядом с приходским храмом там, где и близкие ей люди. Около церкви был семейный некрополь Мингалевых.

Изо 8–15. Детская колония в Садках⁸¹, 1910.

София умерла последней из детей Сергея Егоровича. В марте 1911 г. органами дворянской опеки было заведено дело «*По опекунству над имуществом Мингалевой Софьи Сергеевны*». В деле описано имущество, которое состояло «*из земельного участка в г. Воскресенске, [...] с жилым домом и другими постройками [...] с денежным капиталом в процентных бумагах на сумму свыше 250.000 рублей*»⁸³. Очевидно, что такая большая сумма – это наследство от ее умершей бездетной сестры Анны и, возможно, от сестры Любви.

Далее в том же деле сообщается, что Московский окружной суд признал наследство «*безхозным за неутверждением им оставленного Мингалевой духовного капитала в той его части, которая относится к сему имени вследствие судебного спора*». Речь шла о споре между П. В. Мингалевым (племянником умершей) и вдовой подполковника А. И. Введенской, унаследовавшей по завещанию все остальное движимое и недвижимое имущество. Спорившие стороны расходились во мнении – кому платить издержки по содержанию дома умершей С. С. Мингалевой.

Указанное архивное дело далеко не все проясняет. Почему в деле фигурирует Павел Васильевич Мингалев и его несовершеннолетняя дочь Анна – это понятно, к моменту кончины Софии Сергеевны других кровных наследников просто не было в живых. А вот почему большую часть имущества унаследовала некая Александра Ивановна Введенская, которая потом стала жить в доме умершей, в деле не объясняется (к сожалению, текста самого завещания среди бумаг не оказалось). В деле приведен отчет этой женщины, в котором говорится, что ее текущие расходы по дому в 1911 г. составили 450 руб., и что «*имущество в аренду не сдается и никакого дохода не приносит*» (аналогичные бумаги имеются и за последующие годы). Возникает вопрос: если этой женщине досталась значительная часть богатого наследства С. С. Мингалевой, то ради чего она затевала какой-то мелочный спор об оплате текущих расходов по дому?

Кончина Софии Сергеевны оставила еще один след в архивных документах. В марте 1912 г. владелец Ивановской фабрики родственник С. М. Попов изъявил желание «*пожертвовать г. Воскресенску 2000 р. для улучшения водоснабжения в городе в память покойной Софии Сергеевны Мингалевой*»⁸⁴. Собрание «*городских уполномоченных*» рассмотрело внесенное предложение и приняло такое решение: «*сообщение Сергея Максимовича Попова принять к сведению, за сделанное пожертвование выразить ему г-ну Попову искреннюю благодарность Собрания; память же почившей Софии Сергеевны Мингалевой почтить вставанием*». Жертвователю особо оговорил, что если отпускаемых денег не хватит на устройство артезианской скважины, то тогда в городе следует устроить несколько «*простых колодезей*». Так в итоге и вышло: решено было на отпущенные деньги соорудить два колодца: «*один на площади, против пожарного сарая, а другой на 2 Клинской улице*».

По сведениям архивного дела ГАРФ владение «*бывшей дворянки Мингалевой С. С.*» на улице Советской (бывшей Дворянской) было «*муниципализировано*» в апреле 1923 г. Это было «*смешанное здание с мизанином, надворными постройками, построенное по типу особняка*», его стали занимать «*Служащие зоотдела*»⁸⁵. Постройки Софии Сергеевны не сохранились, были утрачены в годы войны.

Брат Василий

Изо 8–16. В. С. Мингалев⁸⁶, (РГАЛИ).

Переходим к последнему из братьев-сестер Анны Сергеевны. самого младшего ребенка в семье звали **Василий Сергеевич Мингалев** (1831 – † 1908). После него родился Алексей, но этот мальчик прожил всего несколько месяцев, умер «от колотья»⁸⁷. Про Василия еще недавно писали, что «сведений о нем почти нет». К счастью, эту ситуацию удалось выправить и теперь можно рассказать об этом человеке.

Василий родился уже после переезда семьи Мингалевых в г. Воскресенск. В метрической книге городской Вознесенской церкви за 1831 г. записано, что «В ноябре [...] пятого числа у Коллежского Ассессора Сергея Егоровича Мингалева и законной жены его Натасъи Борисовой родился сын Василий»⁸⁸. Восприемниками были: «Двора Его Императорского Величества Камер Гер Василий Дмитриевич Алсуфьев и сестра его родная Екатерина Дмитриевна Муханова». Знакомые все лица.

Василий родился, когда его отец Сергей Егорович вместе с другими детьми уже были причислены к дворянскому сословию. Чтобы новорожденный тоже стал дворянином, мать в 1835 г. подала прошение о включении его в дворянскую родословную книгу по Московской губернии⁸⁹. После уплаты пошлины 5 руб. необходимая запись была совершена.

Сведения о биографии В. С. Мингалева удалось получить из архивного дела РГИА, в котором оказался его послужной список. В нем написано, что «Выпущен из Кадет 1-го Московского Кадетского корпуса Прапорщиком [...] с 26 Мая 1849 года»⁹⁰ и направлен в Задунайский гренадерский полк. Через три года был переведен в Бородинский пехотный полк. Вскоре произведен в подпоручики, а спустя несколько месяцев в поручики.

В 1856 г. Василий Сергеевич подал прошение о записи его в дворянскую родословную книгу по Владимирской губернии¹. Из дела РГИА становится понятна причина такого решения – женитьба на местной дворянке. «По состоящему за женою моею Ольгою Николаевою в Меленковском уезде имению, в числе 76 душ, я на основании [...] статьи закона] желаю быть записанным в означенную женою моею в родословную книгу Владимирского Дворянства». В том же деле приводится также копия брачного свидетельства, в котором написано, что 25 января 1854 г. поручик 17-й пехотной дивизии запасного батальона Бородинского егерского полка Василий Мингалев женился на Ольге, дочери коллежского асессора Николая Сергеевича Арцыбашева. Через 10 лет у них родился сын Петр.

В 1857 г. Василий Сергеевич уволился из армии в чине штабс-капитана и вскоре оказался на гражданской службе. Через четыре года он был назначен «Мировым Посредником по Меленковскому уезду». Это тот самый уезд во Владимирской губернии, где находилось имение жены. В 1866 г. он стал членом Меленковской уездной земской управы. В следующем году его избрали на должность председателя уездной земской управы и «почетного Мирового Судьи». В «Адрес-календаре» за 1868 г. приводятся сведения по Меленковскому уезду Владимирской губернии: «Участк: 4-го, Шт.-Кап. [штабс-капитан] Вас. Серг. Мингалев (он же Предс. съезда)»⁹¹.

Как следует из ПС, Василий Сергеевич неоднократно переизбирался на указанных должностях. В 1872 г. он стал «Уездным Предводителем Дворянства». Через год удостоился «Звания Почетного Гражданина г. Меленок». В 1875 г. «Всемилоостивейше награжден орденом Св. Стани-

¹ По правилам того времени для получения всех прав своего сословия дворяне должны были записываться в родословную книгу той губернии, в которой постоянно проживали. При смене места жительства необходимо было подавать новое прошение в Дворянское собрание соответствующей губернии.

слава 2-й степени [...] за труды по выполнению первого призыва на основании нового устава о воинской повинности». Помимо ордена Мингалева имел «бронзовую медаль в память войны 1853–1856 годов и знак отличия за введение в действие Положений 19 февраля 1861 года» (по отмене крепостного права). Все перечисленные факты и награды свидетельствуют, что Василий Сергеевич пользовался доверием, его в обществе уважали. Это нашло подтверждение в одной из публикаций местных краеведов: «В Меленковском уезде большим влиянием в [18]70-х годах пользовался гласный из дворян В.С. Мингалева»⁹².

В архиве ЦГАМ обнаружено дело 1867 г. с жалобой чиновника Доспелова на приговор Меленковского мирового судьи В. С. Мингалева. Оказывается, Василий Сергеевич по делу о мошенничестве вынес приговор не в пользу этого чиновника и тем самым ввел его в разорение. Тот подал кассационную жалобу, считая действия судьи неправомерными, и требовал возместить нанесенный ущерб. Московская судебная палата после рассмотрения жалобы признала, что судья превысил свои полномочия. И было вынесено решение: «Мировому Судье Мингалеву за такое неосмотрительное нарушение пределов предоставленной ему власти сделать [...] предостережение»⁹³. О возмещении ущерба ничего не сказано.

Как минимум два десятилетия В. С. Мингалева жил и служил во Владимирской губернии. В 1876 г. в его жизни произошли перемены: приказом по Министерству юстиции он был «назначен Мировым Судьей города Тыкоцина» с годовым жалованием 2.500 руб. Это был небольшой городок на северо-востоке Польши, которая тогда входила в состав Российской империи. Непонятно, почему Мингалева переехал так далеко за много сотен верст от своего дома во Владимирской губернии. Действительно ли в этом переезде была служебная необходимость (и он не мог отказаться), или же имелась какая-то иная причина – сказать трудно. Ведь в Меленковском уезде помимо имени жены находилось «Благоприобретенное имение» самого Василия Сергеевича 250 десятин¹ (по всей видимости, он эту землю купил).

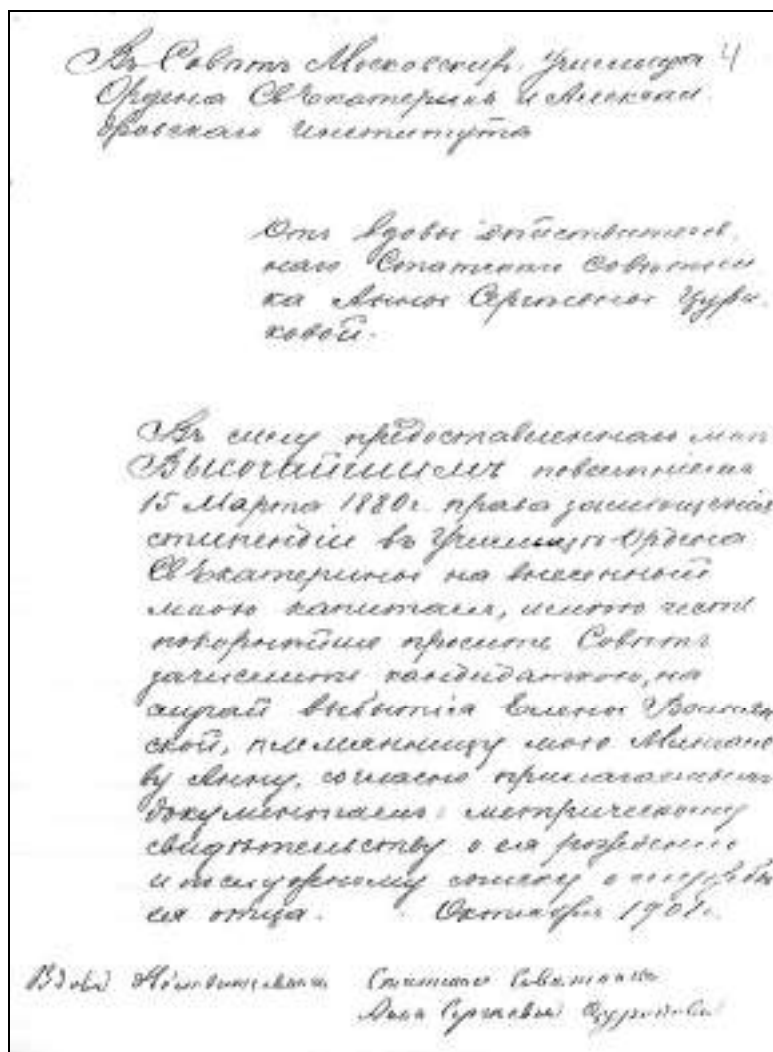
В Польше В. С. Мингалева задержался надолго (до конца XIX столетия точно). Об этом периоде его жизни информации мало, сведения отрывочные. В одном из архивных дел обнаружен «Акт о рождении» в 1892 г. дочери у мирового судьи г. Томашова В. С. Мингалева. В этом документе написано: «[21] ноября сего года, в три часа утра, от законной жены Марии Александровны, урожденной Радышкевич, [22] лет от роду. Младенцу этому при Святом Крещении и Миропомазании [...] дано имя Анна»⁹⁴. Обращает на себя внимание, что в качестве жены указана не упомянутая ранее Ольга Николаевна, а другая женщина (что стало с первой супругой – нигде не объясняется). Также следует сказать, что к моменту рождения дочери Мингалева жил и работал в другом городе Польши – Томашеве. А вот работа осталась прежней – мировой судья.

О работе Василия Сергеевича в Польше остался еще один след в истории, на сей раз негативный. В одном из дел РГИА говорилось о неприличном поведении судьи Мингалева, которого «вывели из офицерского собрания пограничной стражи в г. Томашеве»⁹⁵. Подробности приведены не были.

По сведениям из интернета Василий Сергеевич вышел в отставку в 1902 г. Где он дальше проживал – осталось непонятно. Т.к. вскоре ходатайствовал о зачислении дочери Анны в Московский Екатерининский институт, то напрашивается предположение, что он вернулся в родные края. Однако среди жителей Воскресенска и Москвы его фамилии не оказалось. Может проживал в своем имении в Меленковском уезде (если к тому времени его не продал)?

Сведения об учебе Анны Мингалевой обнаружены в архивном деле, в нем приведены интересные подробности. Василий Сергеевич в феврале 1904 г. подал прошение о зачислении своей 11-летней дочери в Екатерининский институт – тот самый, в котором училась, а потом много лет работала его сестра Любовь. При этом написал, что будет платить за обучение дочери, и даже внес «залог и пансионерную плату за полгода вперед»⁹⁶ 400 руб. А спустя несколько недель В. С. Мингалева написал новое заявление, в котором просил перевести свою дочь «на стипендию родной сестры моей вдовы А.С. Цуриковой». Но было препятствие – эту стипендию еще с 1897 г. получала другая ученица Волнянская, которая, однако, не блистала в учебе и подлежала переэкзаменовке.

¹ О местонахождении имения в документах не говорится. В интернете есть упоминание об остатках парка в бывшем имении Названова-Мингалева на берегу р. Унжа, упоминается село Приклон. Это рядом с г. Меленки.

Изо 8–17. Прошение А.С. Цуриковой (ею подписанное), 1901.

что трое представителей родов Мингалевых и Цуриковых достигли таких высот в своей карьере.

Как ранее уже говорилось, после смерти Анны Сергеевны возник спор о дележе ее наследства между родственниками – Софией и Василием. В. С. Мингалев добился «аннулирования» последнего завещания почившей, которое было составлено в пользу сестры Софии, и «в результате получил львиную долю ее наследства». Насчет отмены судом завещания А. С. Цуриковой сказать трудно, в исторических источниках подтверждение этому не найдено. А вот то, что В. С. Мингалев получил от сестры огромное наследство – это верно. Когда он сам менее чем через два года скончался, то оставил наследство «движимое и недвижимое имущество на сумму свыше 500.000 рублей», включая четыре земельных участка с домами в Воскресенске. Да, что-то из этого могло оказаться его личным имуществом. Но это представляется маловероятным, т.к. он не жил в городе. Практически нет сомнения, что подавляющая часть капитала – это наследство Цуриковых. То же самое касается и земельных участков. Хотя к ним могли добавиться владения других умерших сестер Мингалевых.

Подтверждением того, что наследство было огромным, свидетельствует сумма начисленного на него налога – «наследственные пошлины 47.405 руб.»⁹⁷. В другом архивном деле сообщается, что на В. С. Мингалева был наложен штраф (пеня) в размере 2.370 руб. за «несвоевременную подачу заявления о составе и ценности открывшагося наследства»⁹⁸. Он это решение опротестовал и выиграл дело в суде. Однако на все эти разбирательства ушло много времени, почти год. Окончательное решение по утверждению в правах наследства было принято только 27 октября 1907 г.

Таким образом, Василий Сергеевич Мингалев под конец своей жизни стал очень богатым. Однако

В деле имеется заявление¹ Анны Сергеевны, в котором сказано: «В силу предоставленного мне Высочайшим повелением 15 марта 1880 г. права замещения стипендии в Училище Ордена Св. Екатерины на внесенный мною капитал, имею честь просить Совет зачислить кандидаткою на случай выбытия Елены Волнянской, племянницу мою Мингалеву Анну». Стипендиантка Волнянская не явилась на переэкзаменовку, и ее отчислили из института. На освободившуюся «вакансию» перевели Анну Васильевну Мингалеву. Ее отец ходатайствовал о возвращении заранее внесенной полугодовой платы за обучение дочери в 200 руб., но в этом ему было отказано.

Необходимо отметить, что в бумагах данного дела В. С. Мингалев везде записан как «Действительный Статский Советник». По сведениям из интернета, данный чин был получен им в 1894 г. Это был высокий гражданский чин в Российской империи, соответствующий воинскому званию генерала. В связи с этим стоит напомнить, что в этом же чине был и его родной брат Александр Сергеевич. А если еще вспомнить, что сестра Анна была вдовой действительного статского советника П. Г. Цурикова, то получается,

¹ Интересно, что под прошением Цуриковой стоит дата 1901 г., т.е. ходатайство было составлено за три года до того, как в Екатерининский институт была зачислена Анна, племянница Анны Сергеевны.

он был уже в солидном возрасте, серьезно болелⁱ и, надо полагать, догадывался, что жить ему осталось недолго. Как оказалось, после получения наследства Господь отвел ему чуть более 12 месяцев. Но сколько добрых дел за это время он успел совершить! Остановимся на этом подробнее.

В начале XX века в г. Воскресенске, население которого после завершения строительства Московско-Виндавской железной дороги стало быстро расти, остро встала проблема тесноты приходской **Вознесенской церкви**. В связи с этим активно обсуждался вопрос о строительстве нового городского храма. Но для этого требовалась большая сумма денег, которые неоткуда было взять. Поэтому власти для экономии средств решили ограничиться расширением существующей церкви. Но и для выполнения этих работ требовались немалые деньги, их тоже нужно было где-то найти. И тут пришел на помощь В. С. Мингалева. В архивном деле был обнаружен «Журнал Очередного Собрания городских уполномоченных г. Воскресенска» за 20 декабря 1907 г., в котором записано:

«Городской староста докладывает Собранию г.г. городских Уполномоченных, что Действительным Статским Советником Василием Сергеевичем Мингалевым, из присужденного ему наследства после умершей вдовы Действительного Статского Советника Анны Сергеевны Цуриковой, 7 сего Декабря [1907 г.] внесено в кассу Городского Управления пожертвование его, г. Мингалева, в помощь г. Воскресенску при возобновлении нового храма вместо существующей приходской в ветхость Вознесенской церкви, – 7520 рублей, которые и записаны на приход под квитанцию Управления под № 431. Постановили: Действительному Статскому Советнику Василию Сергеевичу Мингалеву выразить от Собрания уполномоченных за сделанное им пожертвование искреннюю благодарность; память почившей Анны Сергеевны Цуриковой почтить вставанием»⁹⁹.

Этот дар пришелся очень вовремя, в следующем году начались строительные работы в церкви.

В это же время (1908) в Воскресенске происходило строительство нового каменного здания **четырёхклассного училища** для мальчиков. К сожалению, дело, в котором указан конкретный вклад Мингалева в сооружение училища, пока не найдено. Но то, что материальная помощь от него поступила – сомнений нет. Об этом сказано в другом деле 1910 г., в котором написано следующее: «пожертвованный умершим Действительным Статским Советником Василием Сергеевичем Мингалевым капитал в размере около половины всего произведенного на постройку училища расходаⁱⁱ и принимая во внимание, что упомянутый капитал, внесенный г. Мингалевым, перешел к г. Мингалеву от умерших благотворителей по начальному образованию в гор. Воскресенске супругов [...] Цуриковых по праву наследства, предлагает Собранию [...] увековечить память почивших благотворителей Павла Григорьевича и Анны Сергеевны Цуриковых и Василия Сергеевича Мингалева, посредством повешения портретов г.г. Цуриковым и Мингалева в помещении вышеупомянутого училища»¹⁰⁰. Собрание уполномоченных поддержало ходатайство и, надо полагать, портреты благотворителей были вывешены в училище.

В 1908 г. Василий Сергеевич сделал еще одно крупное пожертвование для другого православного храма, находящегося поблизости от родного города Воскресенска. Речь идет о **Казанской церкви в селе Малинки** (ныне пос. Полевшина). Храм в течение долгих 70 лет не имел своего причта по причине бедности прихода, и местные жители мечтали о возобновлении в нем регулярных богослужений (об этом рассказывалось в седьмой главе). В феврале В. С. Мингалева внес в банк 20 тысяч рублей как «неприкосновенный капитал» с тем, чтобы назначенный в Казанский храм причт мог использовать ежегодно начисляемые процентыⁱⁱⁱ для своих нужд. Кроме того отдельно он пожертвовал 3.500 руб. «на постройку домов для причта»¹⁰¹.

Как это часто бывает, несколько месяцев ушло на бюрократическую волокиту, решение различных вопросов. И только 30 сентября 1908 г. вышел указ о возобновлении самостоятельного причта в Малинках. Присутствовал ли Василий Сергеевич на радостном событии для прихожан – совершении первой после долгого перерыва литургии своим причтом – сказать трудно, может быть, болезнь

ⁱ Как следует из записи в метрической книге о кончине, у него были проблемы с сердцем.

ⁱⁱ В указанном деле, к сожалению, не сообщается о пожертвованной благотворителем сумме. В книге «Устен Нового Иерусалима» говорится, что общая смета постройки 4-классного училища составила около 40 тысяч рублей. Половина этого будет 20.000 руб. Примерно таким, думается, и был вклад В. С. Мингалева.

ⁱⁱⁱ О величине процентной ставки банка в деле не говорится. Зато в клировой ведомости Казанской церкви за 1916 г. сказано, что начисление с капитала 20.000 руб. составило 872 руб. (т.е. чуть более 4%).

помешала. Жить ему оставалось менее двух месяцев ...

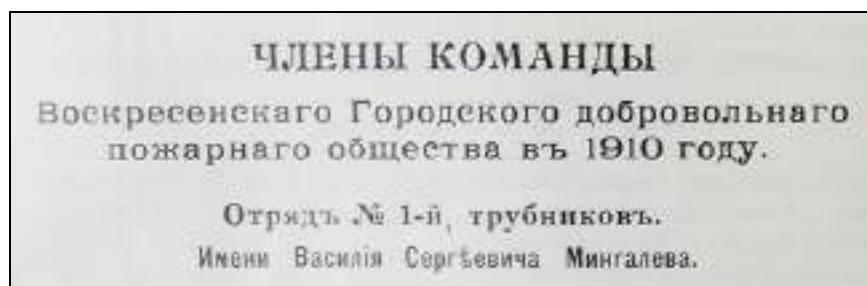
Но и это еще не все! 5 ноября, т.е. буквально за пару недель до своей кончины, Василий Сергеевич Мингалев успел совершить еще одно доброе дело. Он вновь обратился во все то же городское собрание уполномоченных и сообщил о своем желании *«передать городу Воскресенску, в виде дара, перешедший к нему по праву наследства от умершей его сестры вдовы Действительного Статского Советника Анны Сергеевны Цуриковой, приобретенный последнюю у города Воскресенска ценою за 50 рублей, – **участок городской земли, находящийся в городе Воскресенске на Дворянской улице, мерою всего 370 кв.саж.**»*¹⁰². Но вышло так, что город по формальным причинам не мог принять этот дар, ибо этот участок *«по закону должно почитаться родовым и дару посторонним лицам не подлежащим»*. И потому решено было выкупить эту землю за символическую плату в 100 руб. Признавая этот участок для города *«весьма ценным»*, собрание городских уполномоченных постановило выразить В. С. Мингалеву *«глубокую искреннюю благодарность»*.

Вот сколько замечательных дел сумел успеть совершить один человек за 12 месяцев! По этому показателю с ним мог сравниться только П. Г. Цуриков. Какой яркий пример для остальных.

В последний год жизни Василий Сергеевич занимался и продажей недвижимости, доставшейся ему по наследству (как было сказано в одной из цитат: *«стал тут же спешно ликвидировать [...] недвижимость»*). Всех купчих крепостей обнаружить не удалось, но два документа все же были найдены. В первом сообщается, что крестьяне соседней с городом дер. Сычевки просили Мингалева продать им 36 дес. земли, которую они несколько десятков лет брали в аренду (видимо, у Анны Сергеевны). Сошлись на цене в 6.500 руб. наличными¹⁰³. У крестьян была только часть этих денег (2.893 руб., которые были получены за отчужденную под железную дорогу землю). На помощь пришел владелец Ивановской фабрики С. М. Попов, который согласился дать крестьянам недостающую сумму.

Во втором документе говорится о желании крестьян деревни Максимовки купить землю около Анненского. Как рассказывалось в предыдущей главе, В. С. Мингалев согласился продать 13 дес. по 150 руб. за каждую. А потом цену снизил до 80 руб. В итоге же он почему-то нарушил обязательство и продал эту землю некоему Петыгину с обязательством, что тот потом ее уступит крестьянам.

20 ноября 1908 г. Василий Сергеевич в возрасте 77 лет умер *«от паралича сердца»*¹⁰⁴. В это время умерших прихожан хоронили на приходском кладбище на окраине города вблизи Чикинской больницы. Но благотворителя ввиду его особых заслуг перед приходом погребли *«на кладбище при церкви»* (надо полагать рядом с его родственниками Мингалевыми).

Изо 8–18. Фрагмент отчета Воскресенского добровольного пожарного общества¹⁰⁵, 1910.

О почившем горожане вспоминали добрым словом. 8 марта 1909 г. Воскресенское городское добровольное пожарное общество постановило *«образовать отряды: № 1 трубников имени В. С. Мингалева»*¹⁰⁶. Это было сделано в знак благодарности за ранее сделанный дар: *«2 наливных машины и 3 колеса из под машины, пожертвованной г. Мингалевым»*.

Потомки Мингалевых

Поговорим теперь о продолжении рода Мингалевых, живы ли потомки.

У Сергея Егоровича было четыре дочери и два сына, которые дожили до взрослых лет, можно даже сказать преклонных. Так сложилось, что ни у одной из дочерей детей не было. Более того, только Анна вышла замуж, а трое других остались девами. Иная ситуация с сыновьями, у обоих были семьи.

По имеющимся сведениям у Александра Сергеевича была дочь **Мария**, родившаяся в 1855 г. О ее судьбе никаких данных нет, также как нет сведений и о том, были ли другие дети у А. С. Мингалева.

У Василия Сергеевича были дети от двух браков. В первом браке с Арцыбашевой в 1864 г. родился сын Петр. А 28 лет спустя во втором браке с Радышкевич появилась на свет Анна. Оба упомянуты в завещании В. С. Мингалева, составленном 14 сентября 1908 г. В нем было записано: *«жене моей по второму браку Марии Александровне Мингалевой, урожденной Радышкевич – [30.000] руб-*

лей. Сыну моему от первого брака Статскому Советнику Петру Васильевичу Мингалеву – [70.000] рублей. Дочери моей от второго брака Анне Васильевне Мингалевой – [170.000] рублей»¹⁰⁷. Итого 270 тысяч. Как видим, нет только имени первой жены Ольги Николаевны, которая, видимо, не дожила до этого времени. Так как Анна на момент составления завещания еще не достигла совершеннолетия, то отец завещал своему сыну Петру быть ее опекуном.

Наследство Василий Сергеевич оставил большое. Как уже говорилось, в основном это была недвижимость и капиталы А. С. Цуриковой: деньги 438.000 руб., процентные бумаги на 37.300, закладная на 20.000. И еще четыре участка с домами в Воскресенске. Стоимость всех активов превышала полмиллиона рублей. Как видим, это примерно в два раза больше, чем было завещано жене и детям. Где же остальные капиталы, как ими распорядился В. С. Мингалев? Об этом нигде не сказано. Но, как мы знаем, Василий Сергеевич в последний год жизни успел потратить много денег на благотворительность.

В архивном деле о наследстве имеются две описи движимого и недвижимого имущества. В первую опись включена мебель (диваны, шкафы, зеркала, люстры, рояль и т.п.), а также 7 саней, карета, фаэтон, «две вороных лошади, четыре коровы». Во второй описи приведено подробное описание четырех земельных участков в Воскресенске (все на Дворянской улице):

«I. 1) Участок земли мерою 1000 квадратных сажень [...] На этом участке находятся следующие строения: 2) двухэтажный дом, низ коего каменный, а верх деревянный, крытый железом, о 20 комнатах, с террасой и тремя балконами. 3) Кухня и прачечная каменная, крытая железом. 4) Каретный сарай, деревянный, крытый железом. [...] 12) Три беседки.

II. 13) Участок земли мерою 165 квадратных сажень [...] 14) Деревянный одноэтажный дом, крытый железом, о шести комнатах, с террасой.

III. 15) Участок земли мерою 810 квадратных сажень [...] 16) Деревянный одноэтажный дом, крытый железом, о четырех комнатах. [...]

III. 18) Участок земли мерою 484 квадратных сажень [...] 19) На этом участке находится двухэтажный дом, низ коего каменный, а верх деревянный, крытый железом, о девяти комнатах, с террасой»¹⁰⁸.

Хотелось бы написать, каким родственникам прежде эти участки и дома принадлежали. Но, увы, это оказалось сложной задачей (приведенные в цитате размеры земельных участков не совпали с известными размерами участков сестер Анны и Любови). Можно лишь сказать, что среди перечисленных владений не было усадьбы, в которой проживала А. С. Цурикова, т.к. в 1907 г. по завещанию она была передана для организации «Дома призрения».

В следующей бумаге дела говорится, что «постоянный доход приносит лишь один дом. Другой дом весьма ветхий может быть отдан в наймы лишь на летние месяцы. Третий дом за совершенной ветхостью уже много лет никакого дохода не приносит. Наконец, четвертый дом остается бездоходный, так как оставлен нами – совладельцами имущества, – для совместного в нем проживания».

Последние слова в цитате «для совместного в нем проживания» предполагают, что в четвертом доме жили наследники В. С. Мингалев, его дети Петр и Анна. Но в этом есть сомнения. Как указано в одном из документов, постоянное место жительства Петра Васильевича было в Петербурге, в доме № 6 на Пироговской улице. А его единокровная сестра Анна проживала с матерью в Москве. Это и понятно – ведь девушка училась в Екатерининском институте (вспомним историю о ее стипендии).

Летом 1909 г. Анна, став совершеннолетней, начала распоряжаться имуществом, полученным по наследству. Во-первых, по ее указанию была перевезена на московскую квартиру (ул. Волхонка, дом Голофтьева, кв.16) часть «квартирной обстановки» из Воскресенска, на перевоз потрачена тысяча руб. Во-вторых, совместно с братом Петром были проданы все земельные участки с домами на Дворянской улице в г. Воскресенске. Так в ноябре и декабре были зарегистрированы купчие крепости:

1) владения № 47 и 48 (по берегу р. Золотушки) всего 1.394 кв.саж. были проданы мещанам Козлову и Филиппову (служащим Поповых) за 6.000 руб.;

2) владение № 44 размером 1.014 кв.саж. продано фабриканту С. М. Попову за 25.000 руб.;

3) владение № 319 размером 165 кв.саж. продано учителю Ивановской школы П. Н. Бенедиктову за 2.000 руб.¹⁰⁹ (об этом рассказывалось в четвертой главе).

О судьбе детей Василия Сергеевича Мингалев удалось собрать такие сведения.

Петр Васильевич Мингалев родился в 1864 г. в г. Меленки Владимирской губернии. Образование получал в Москве: два года учился «в лицее Цесаревича Николая», потом в Первой московской

гимназии. В 1883 г. поступил на юридический факультет Московского университета, где проучился семь лет. По сведениям ФС в 1890 г. был определен на службу в Министерство юстиции¹¹⁰. Через три года П. В. Мингалев стал помощником обер-прокурора. В 1900 г. был избран почетным членом «Меленковского уездного попечительства детских приютов». Вскоре был переведен на работу в Министерство внутренних дел, здесь получал жалование 4.000 руб.

Петр Васильевич находился на государственной службе 16 лет. Был награжден несколькими медалями и двумя орденами: св. Станислава 3-й степени (1899) и св. Анны 3-й степени (1902). В 1907 г. подал прошение об увольнении со службы по причине расстроенного здоровья, жаловался на внезапные головные боли, головокружение при ходьбе, забывчивость. Хлопотал о годовой пенсии в 1.600 руб., но министерство посчитало «справедливой пенсию» в 1.000 руб. За П. В. Мингалевым числилось имение в 250 дес. в Меленковском уезде (надо полагать, оно ему досталось от отца по наследству). На момент выхода в отставку Петр Васильевич был холостым. Последние данные о П. В. Мингалеве датированы 1917 годом, когда он проживал в Петербурге. На приводившейся ранее семейной фотографии с А. С. Цуриковой (изо 7–13), если верить подписи, оказался «ее племянник П.В. Мингалев».

В архиве ЦГАМ обнаружено несколько дел о Сергее Петровиче Мингалеве, который был воскресенским мещанином, но проживал в Звенигороде. Он был дважды женат, жен звали Анна Елпидифоровна и Прасковья Ивановна, имелись дети. Учитывая отчество и фамилию, напрашивалось предположение, что это сын Петра Васильевича. Но это предположение оказалось ошибочно, т.к. указанный мещанин родился раньше, чем Петр Васильевич (1847 против 1864). А каких-либо других мужчин с именем Петр, которые могли бы претендовать на роль отца данного Сергея, по имеющимся данным в роду Мингалевых не было. Так что этот мещанин оказался просто однофамильцем. Его родство с «нашими» Мингалевыми, если и было, то очень дальнее и его не удалось проследить.

Теперь о единокровной сестре Петра **Анне Васильевне Мингалевой**. Ранее приводилась выписка о ее рождении в 1892 г. в польском городе Томашеве, рассказывалось о зачислении в Екатерининский институт, хлопотах о стипендии, о вступлении в права наследования имуществом отца.

Дополнительную информацию предоставила журналист И. Лисова. Ей удалось найти в архиве метрическую запись о состоявшемся в Санкт-Петербурге в 1912 г. бракосочетании Анны Васильевны Мингалевой. Женихом оказался бедный студент из дворян Владимир Владиславович Гарлинский, который учился в политехническом институте на экономическом отделении и увлекался воздухоплаванием¹¹¹. Однако уже через два года молодые решили развестись по причине «прелюбодеяния». Лисова считает, что, возможно, этот брак был фиктивным. Правда, в чем тогда состоял его смысл – осталось непонятно. Никаких сведений о дальнейшей судьбе А. В. Мингалевой нет.

Подведем итоги. По имеющимся сведениям у шестерых братьев и сестер Мингалевых родилось три ребенка. Были ли у них свои дети – достоверных сведений нет. Так что, возможно, этот род прервался.

Наследие

Остается вопрос: а что осталось «вещественного» от представителей рода Мингалевых?

В первую очередь следует сказать о сохранившемся памятнике Анне Сергеевне Цуриковой на территории Новоиерусалимского монастыря (см. изо 7–33, дополнительный материал приведен в приложении–8). А вот все захоронения семейного некрополя Мингалевых в Воскресенске оказались утрачены, как и сам Вознесенский храм. Теперь на этом месте стоят корпуса бывшего завода «Углемаш», ныне уже несуществующего предприятия. Сестры Мингалевы имели свое жилье в Воскресенске. Это были лучшие в городе особняки, двухэтажные (как правило, низ каменный, верх деревянный). Однако все эти здания не пережили войну, за исключением одноэтажного служебного флигеля А. С. Цуриковой (см. изо 7–40). Возможно, у старожилов г. Истры сохранились какие-то бытовые вещи, которые когда-то принадлежали Мингалевым. Но это, что называется, под вопросом. А вот о чем можно сказать с уверенностью, так это о том, что в нескольких архивах имеются документы, составленные лично или подписанные отдельными представителями этого дворянского рода (копии некоторых бумаг были приведены в тексте настоящей книги).

Глава 9. Предки и родственники Павла Григорьевича

Ранее рассказывалось о мельнике и основателе Ивановской фабрики Григории Михайловиче Цурикове (вторая глава). Подробно говорилось о жизни его старшего сына благотворителе Павле Григорьевиче (шестая глава). Отдельные главы были посвящены супруге благотворителя Анне Сергеевне (седьмая) и роду Мингалевых, из которого она происходила (восьмая).

Теперь настала пора перейти к остальным представителям рода Цуриковых. Настоящая глава посвящена как предкам Павла Григорьевича (его дедам и бабкам), так и родственникам по боковым нисходящим линиям (его дядям и тетям, братьям и сестрам, а также их потомкам). Рассказ начнем с корней рода, т.е. с предков.

Прадедущка Иван Никитич и прабабушка Дарья Ивановна

Информацию о родне Цуриковых удалось найти в архиве ЦГАМ, благо, что многие метрические книги и исповедные ведомости сохранились (но, к сожалению, не все). Были просмотрены десятки архивных дел, также использовались данные исследователя И. Е. Штурм.

Немного расскажем о том, как производился поиск родословной Цуриковых, от каких данных приходилось отталкиваться (подробнее об этом написано в отдельной статье автора¹).

С самого начала было известно имя отца благотворителя, мельника Григория Михайловича. Он был дворовым человеком помещиков Голохвастовых, которым принадлежало село Рубцово. В этом селе находилась приходская Покровская церковь. С изучения сохранившихся документов этого храма и начался поиск.

Год рождения Григория Михайловича указан в нескольких источниках – 1782. Это нашло подтверждение в метрической книге Покровской церкви за указанный год, была найдена запись о появлении на свет мальчика Гриши (об этом говорилось в начале второй главы). В ней указано имя родителя – Михаил Иванович. Это дедушка Павла Григорьевича. Как оказалось, среди дворовых людей в Рубцово в то время был только один Михаил Иванович подходящего возраста. Это существенно упростило поиск о нем информации. В исповедной ведомости Покровской церкви указано имя супруги Михаила Ивановича – Пелагея Родионовна (иногда писали «*Иродионова*»). Это бабушка Павла Григорьевича по мужской линии.

По исповедкам этого храма разных лет удалось проследить, как менялся состав семьи Михаила Ивановича, были установлены имена появлявшихся на свет детей (некоторые умирали в младенческом возрасте). Важным является то, что в исповедных ведомостях для каждого указывался возраст, что позволило установить примерные¹ года рождения родственников.

Следует отметить, что в то время (XVIII в.) у крестьян и дворовых людей фамилии не писали (их просто еще не было), указывали имена и отчества, причем без привычных нам окончаний на «-вич» и «-овна». Так что «*Григорий Михайлов*» – это на самом деле Григорий Михайлович. Несмотря на отсутствие в документах фамилий будем считать, что предки мельника по мужской линии были Цуриковыми.

В результате просмотра свыше десятка исповедных ведомостей Покровской церкви удалось установить следующее. В документах Михаил Иванович на протяжении долгого времени записывался вместе со своей женой, отцом и матерью. Это означало, что проживали все вместе. Самое раннее упоминание родственников найдено в исповедке за 1777 г. В этом документе среди дворовых людей, проживавших в селе Рубцово, оказались следующие имена с указанием возраста: «*Иван Никитин – 62 [года]. Жена его Дарья Иванова – 60. Дети их Михайла – 24. Гаврила – 20. У Михайлы жена Пелагея Родионова – 22. Дочь их Наталья – 4*»².

Приведенная цитата несет в себе много важной информации. В ней перечислены члены семьи Цуриковых (три поколения), указаны их родственные отношения («жена», «дети») и возраст. Как видно из текста, на момент составления документа «*Михайла*» (Михаил Иванович) был уже женат

¹ Примерные года потому, что возраст в ведомостях записывался приблизительный со слов исповедовавшихся. Никто за достоверностью этих сведений не следил (так, для одной из родственниц в роде Цуриковых, год рождения, рассчитанный по разным исповедкам, различался на девять лет!)

на Пелагее. Указаны имена его родителей – **Иван Никитич** (ок. 1715 – † 1790) и **Дарья Ивановна** (ок. 1717 – † 1786). Это прадедушка и прабабушка нашего благотворителя.

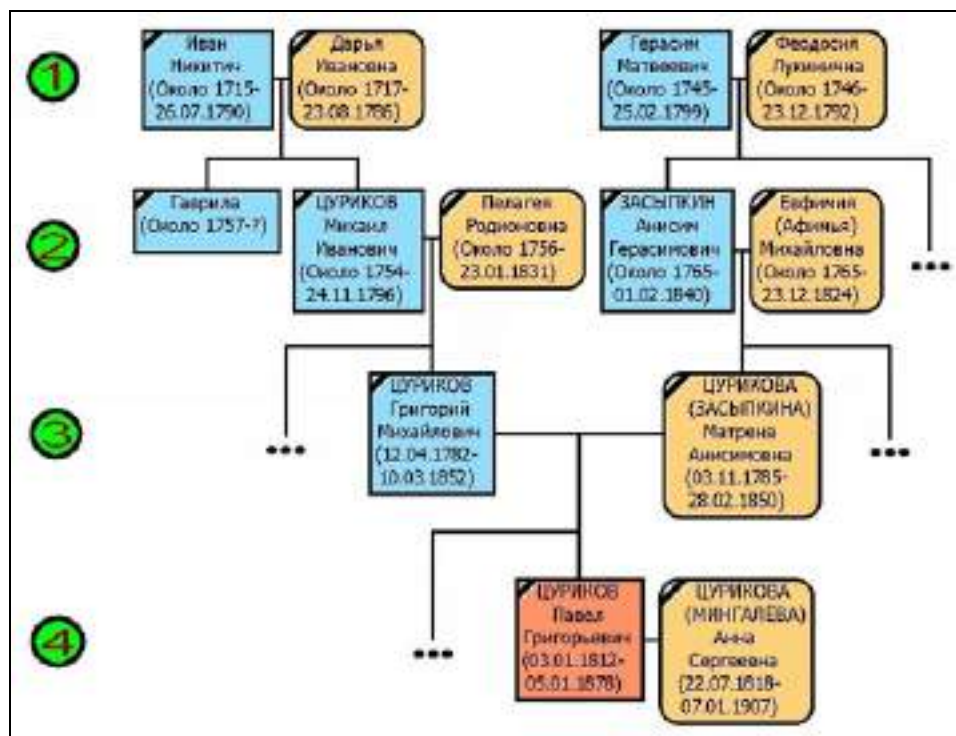
В таком составе родственники писались в исповедках вплоть до 1783 г. А через четыре года Дарья Ивановны в семейном списке уже не было. Учитывая возраст, это означало, что, скорее всего, она умерла. И действительно, метрическая книга Покровской церкви за 1786 г. это подтвердила, в ней была найдена запись о кончине Дарьи 23 августа³. Точно также была установлена дата смерти прадедушки Ивана Никитича – 26 июля 1790 года⁴. Получается, что прадедушка прожил примерно 75 лет (по другим данным 80), а прабабушка 69 лет.

Увы, осталось непонятно, чем занимался дворовый человек Иван Никитич. Если его сын Михаил был механиком, а внук Григорий мельником и плотинщиком, то владел ли этими профессиями сам Иван? – осталось непонятно.

Изучение исповедных ведомостей Покровской церкви села Рубцово привело к еще одному результату, довольно неожиданному. Как уже отмечалось, Иван Никитич и Дарья Ивановна впервые были обнаружены в документе 1777 года. В архиве ЦГАМ хранятся и более древние исповедки, начиная с 1741 г. Однако имен этой семейной пары в ранних документах не оказалось. Почему? Видимо, потому, что они проживали где-то в ином месте и исповедовались в другом храме. Это неудивительно, ведь Иван и Дарья, как и их дети, были крепостными помещика, т.е. подневольными людьми. В упомянутом 1777 г. хозяином имения Покровское-Рубцово был прапорщик Николай Михайлович Нащокин (через несколько лет новым владельцем стал Павел Иванович Голохвастов – см. первую главу). Помещик мог перевезти дворового человека Ивана Никитича с семьей из какого-то другого своего имения (у Нащокина были владения в разных губерниях). Или же купил семью крепостных у другого помещика.

Таким образом, Цуриковы могли быть родом не из наших мест, а откуда-то издалека. Это заодно объяснило бы наличие у них волжского говора («оканье»). Следует подчеркнуть, что это лишь предположение, никаких данных о конкретном месте рождения Ивана Никитича нет. Но говорить о его заграничных корнях (из швейцарского города Цюрих) не приходится, историческими документами эта версия не подтверждается (все это обсуждалось во второй главе). Интересно: узнаем ли мы когда-либо истинные корни предков Павла Григорьевича?

Вся собранная за много лет информация из десятков исповедок и метрических книг внесена в

Изо 9–01. Фрагмент древа рода Цуриковых: предки Павла Григорьевича.

родословное древо. На момент написания настоящей книги в нем оказалось 289 лиц из восьми поколений, одних только единокровных родственников Цуриковых 202 (это притом, что не все дальние родственники вносились в древо). Такое большое древо не представляется возможным показать разом, поэтому оно приводится далее частями по отдельным ветвям и поколениям. Начнем показ древа рода с его верхней части, касающейся предков Павла Григорьевича (многоточиями обозначено, что были и другие дети).

Дедушка Михаил Иванович и бабушка Пелагея Родионовна

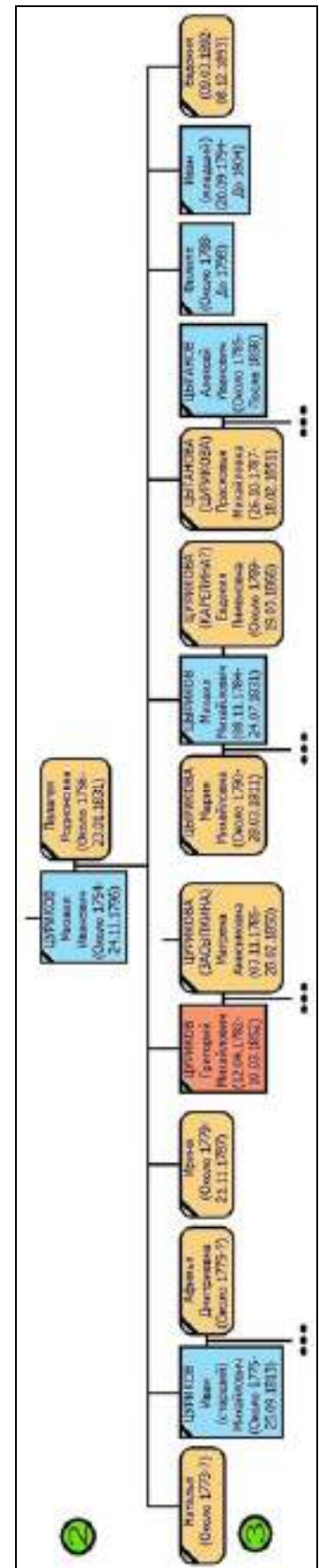
После того, как в 1777 г. в исповедной ведомости Покровской церкви оказались Иван Никитич и его сын Михаил, их имена потом встречались в аналогичных документах последующих лет. Это означало, что семья Цуриковых жила в Рубцово, ее члены были дворовыми людьми местного помещика. К сожалению, в архиве ЦГАМ не оказалось метрических книг Покровской церкви ранее 1779 г. Это не дало возможности узнать, когда Иван и его сын Михаил обзавелись своими семьями, не позволило установить девичьи фамилии их жен (прабабушки и бабушки Павла). Поэтому корни рода по женским линиям найти не удалось. Но практически нет сомнений, что супруги были также из семей крепостных.

Кое-какие сведения о представителях мужской ветви рода Цуриковых удалось собрать, но, к сожалению, очень немного. Были установлены лишь годы рождения и смерти родственников, а также имена рождавшихся детей. Такая скудость информации объясняется довольно просто. Все представители рода были не господами, а крепостными людьми. А о таких людях в документах писали мало и довольно редко. Надо еще иметь в виду, что речь идет о XVIII веке: архивы этого периода времени пострадали во время нашествия армии Наполеона на Россию, многие архивные документы сгорели.

Как уже говорилось, дедушку Павла Григорьевича звали **Михаил Иванович** (ок. 1754 – † 1796). Во второй главе рассказывалось, что был он дворовым человеком, профессия была механик. Правда осталась непонятной его специализация: мастером по каким механизмам был? Высказывалось предположение, что мог быть специалистом по устройству плотин и мельниц. Тогда бы стало понятно, каким образом его сын Григорий овладел навыками этого сложного ремесла.

Михаил Иванович прожил мало – чуть более сорока лет. А вот его супруга (бабушка благотворителя) **Пелагея Родионовна** (ок. 1756 – † 1831) жила почти в два раза дольше. Согласно записям в исповедных ведомостях Покровской церкви, Пелагея все время оставалась крепостной (дворовой) местных помещиков. После того как овдовела, жила в семье своего сына Григория Михайловича Цурикова. Умерла в Рубцово в 1831 г., была похоронена на приходском кладбище. В метрической книге Покровской церкви в записи о ее смерти написано, какой болезнью страдала: «ломотою»⁵ (по всей видимости, это была болезнь суставов).

В исповедной ведомости 1790 г. приведен такой состав семьи Цуриковых: «*Иоанн Никитин, вдов – 80 [лет]. Сын его Михаил – 36. Жена его Пелагея Родионова – 34. Дети их Наталия – 17. Иоанн – 15. Григорий – 9. Михаил – 6. Филип – 1. Прасковья – 3*»⁶. Как видим, в указанном году еще был жив отец механика Иван Никитич (он умер буквально через несколько месяцев после заполнения исповедки). В списке детей Михаила Ивановича оказалось записано шесть мальчиков и девочек (всего родилось девять ребятшек). Нет дочери Ирины, которая не дожила до этого времени. И нет двух еще не родившихся детей: Ивана и Евдокии (оба прожили недолго). Типичная многодетная семья того времени.

Изо 9–02. Фрагмент древа рода Цуриковых: семья деда Михаила Ивановича.

Родственники по линии матери Матрены Анисимовны Засыпкиной

Во второй главе рассказывалось, как было установлено имя жены основателя Ивановской фабрики – Матрены Анисимовны. Там же были изложены те немногие сведения, которые удалось о ней собрать. Приводилась цитата из исповедки 1800 г., в которой перечислены члены семьи (до замужества Матрены)⁷. Так стали известны имя отца **Анисим Герасимович** (ок. 1765 – † 1840), имена матери и братьев.

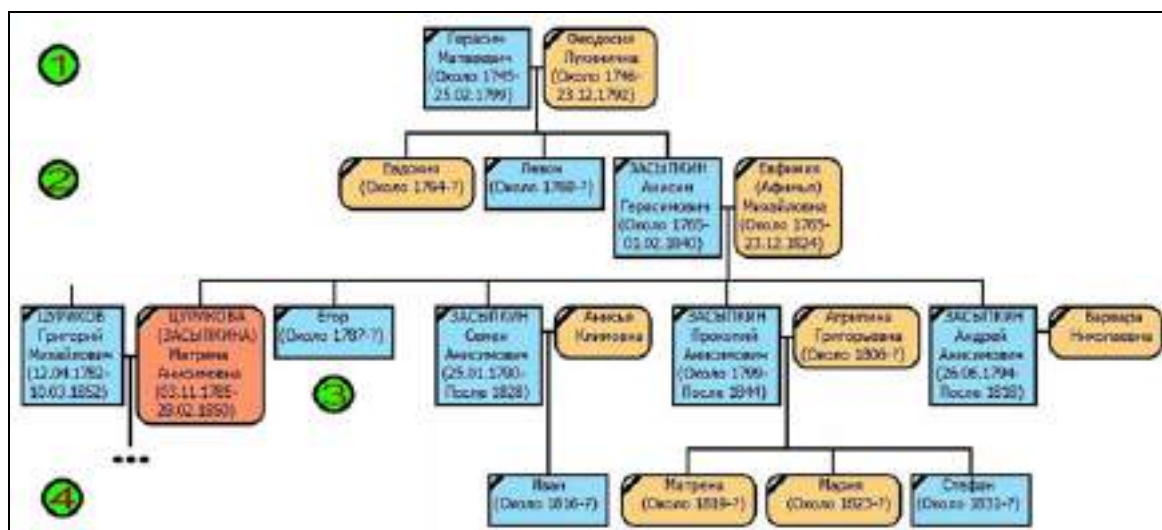
Теперь хотелось бы поговорить о фамилии предков по материнской линии. В книге “Женская Оптина” написано: «*Григорий Михайлович Цуриков, [...] женат на крестьянке Зарыпкиной из деревни Ивановское*»⁸. А вот что говорится в воспоминаниях правнучки Матрены Анисимовны А. М. Шуберт: «*Мать Павла Григорьевича (р. 1785) происходила из семьи крестьян Ивановской деревни Засыпкиных. Как известно, крестьяне в дореволюционное время не имели “фамилий” [...] Фамилия жены Цурикова могла произойти от прозвища, если напр. члены семьи в чем-то помогали в работах Цурикову и что-то “засыпали” при постройке их плотины и мельницы*»⁹.

Что на это сказать? Прежде всего, бросается в глаза некоторое различие в написании фамилии (разница в одной букве): Засыпкины и Зарыпкины. Какое из них верное? К сожалению, в книге “Женская Оптина”, изданной в наше время, не указан первоисточник. И потому больше доверия воспоминаниям родственницы. Но не все так просто. Как оказалось, ни в одном архивном деле фамилия Засыпкины не приводится ни для Матрены, ни для ее братьев или родителей. Так откуда же тогда такие сведения у правнучки? Вряд ли она что-то придумала, ее воспоминания выглядят правдоподобно. Тут приходит на ум такое возможное объяснение.

А. М. Шуберт свои воспоминания писала много позже, уже в советское время, когда фамилии были практически у всех людей. Как видно из древа, у Анисима Герасимовича были сыновья, и кто-то из них позднее мог получить фамилию Засыпкин. Вот Анна Михайловна и посчитала, что та же фамилия была у предков. Но надо подчеркнуть, что это всего лишь версия, подтвержденных данных нет.

Подобно тому, как производился поиск предков по мужской линии, был осуществлен поиск и по женской линии (об этом подробно написано в одной из статей на сайте УБД¹⁰). Изучение исповедок Покровской церкви показало, что семья Анисима Герасимовича появилась среди дворовых людей в с. Рубцово в 1790 г. В то время Анисим был уже женат на **Евфимии (Афимьи) Михайловне** (ок. 1765 – † 1824), у них имелось двое детей, причем Матрена была старшей, ей было 6 лет. И что важно – записаны родители Анисима, их звали **Герасим Матвеевич** (ок. 1745 – † 1799) и **Феодосия Лукинична** (ок. 1746 – † 1792). Это дедушка и бабушка Матрены, соответственно «пра-» для ее сына Павла Григорьевича. А вот в ведомости 1787 г. и более ранних никого из членов этой семьи в числе прихожан Покровской церкви нет. За одним исключением. В исповедке 1777 г. были обнаружены искомые имена: «*Герасим Матвеев – 32 [лет]. Жена ево Федосия Лукьянова – 31. Дети их Евдокея – 13. Анисим – 12. Левон – 9*»¹¹. Это оказался самый ранний документ, в котором фигурируют имена предков Засыпкиных. Собранные сведения внесены в древо рода.

Что же в итоге получается? Семья Герасима Матвеевича (основателя рода Засыпкиных) появилась в

Изо 9—03. Фрагмент древа рода Цуриковых: предки по женской линии Засыпкины.

Рубцово не позднее 1777 г., как и семья Ивана Никитича (основателя рода Цуриковых). Возможно, это произошло несколькими годами раньше, т.к. исповедки за близкие года не сохранились, поэтому проверить невозможно. Однако в исповедке 1771 г. обе семьи в селе отсутствовали. А вот в 1778 г., согласно ведомости, в Рубцово жила семья Ивана Никитича, а Герасима Матвеевича с родней не было. Семейство последнего вновь объявилось в селе только в 1790 г. И потом они жили в Рубцово долгие годы.

Как все эти появления–исчезновения людей в исповедках можно объяснить? Прямо об этом нигде не говорится. Представить себе, что многочисленное семейство проживало в Рубцово, и никто не являлся на исповедь, которая в те года была обязательной для всех православных людей, практически невозможно. Отсутствие в ведомости почти автоматически означало, что люди жили где-то в другом месте и исповедовались в местном храме. Как уже говорилось, помещик был вправе перевозить своих крепостных людей на новое место по своему усмотрению. Владельцы села Рубцова были богатыми людьми, у них имелись несколько поместий в разных местах Московской, Костромской, Ярославской и других губерний. По каким-то нуждам вполне могли переселить семью Герасима Матвеевича в другую свою вотчину, а потом вернуть обратно. Где-то там на чужбине, видимо, и родилась Матрена, мать Павла Григорьевича (дата ее рождения 3.11.1785 взята из надписи на памятнике).

Матрена Анисимовна прожила почти 65 лет и была похоронена в Лужках. Надгробный памятник сохранился, его фото приводилось ранее (изо 2–05). А вот надгробные знаки предков Матрены, которые были похоронены в Рубцово, утрачены. Отец Анисим Герасимович, как записано в метрической книге, умер в возрасте 86 лет¹² (по данным исповедок прожил намного меньше). Мать Евфимия Михайловна прожила около 60 лет. А бабушка с дедушкой и того меньше – примерно по 50 лет.

Несколько слов о потомках рода Засыпкиных. По метрическим и исповедным книгам Покровской церкви села Рубцово удалось установить, что у Матрены было четыре брата (их имена и годы жизни приведены в древе). По крайней мере, трое из них дожили до взрослых лет и обзавелись семьями, имели детей. К ним имеет отношение одно дело, которое было обнаружено в архиве. Но прежде чем о нем рассказывать, необходимо сделать небольшое отступление, кое-что напомнить.

Как говорилось в первой главе, в начале XIX столетия умер владелец имения Рубцово П. И. Голохвастов, потом скончались еще несколько его родственников, оставшихся бездетными. На наследство претендовали дети помещика Дмитрий, Николай и Наталья. Но они были еще несовершеннолетними, и потому была установлена опека. Когда дети выросли, в 1822 г. был оформлен раздел наследства. Оно оказалось большое: было несколько имений в разных губерниях и сотни крепостных людей, в них проживавших. Каждый земельный участок имел свою цену в зависимости от места, качества земли, и от того, что на ней произрастало. Крепостные люди тоже имели свою стоимость. Все это учитывалось при дележе. Наследники старались договориться *«полюбовно»*. Но не всегда удавалось разделить недвижимость так, чтобы получаемые доли были равными по стоимости (землю имений старались не дробить). Для уравнивания долей использовались наличные деньги, либо в качестве доплаты передавали крепостных людей. Так и случилось в 1822 г. при дележе наследства Голохвастовых.

В архивном деле, о котором идет речь, написано, что имение Рубцово досталось Дмитрию Павловичу Голохвастову. При этом для уравнивания долей его брату Николаю переходили некоторые дворовые люди, проживавшие в Рубцово. В деле приведен список этих людей. В нем оказались имена Анисима Герасимовича с женой и с тремя взрослыми сыновьями Семеном, Андреем и Прокопием¹³. Причем первые два сына были уже женаты, в список передаваемых душ были включены и их жены. Вот такая была доля у крепостных людей. Правда, надо заметить, что согласно исповедной ведомости в следующем году в Рубцово по-прежнему продолжали числиться все перечисленные лица за исключением Семена и его жены. Как это понимать? Ведь после раздела наследства согласно договоренности в селе никто из Засыпкиных не должен был остаться. Может помещик Николай Голохвастов решил забрать только Семена Засыпкина с его семьей? А может помещик Д. П. Голохвастов решил не отдавать своих дворовых людей и что-то предложил брату взамен? Трудно сказать. Но через три года из Рубцово куда-то исчез и Андрей Засыпкин с женой.

В 1840 г. умер Анисим Герасимович. Судя по исповедкам, в последующие несколько лет в Рубцово проживал Прокопий с женой и своими детьми. Дальнейшая судьба сыновей Анисима Герасимовича не изучалась. Можно только отметить, что в воспоминаниях А. М. Шуберт упоминаются *«дальние родственники, потомки нашего прадеда мельника Цурикова по женской линии»* (имена не назывались). В какое время это происходило – не сказано, но понятно, что до революции.

Если о продолжении рода по линии братьев Засыпкиных за неимением данных говорить не приходится, то о потомстве их сестры Матрены, как далее будет показано, можно судить определенно (по крайней мере, по ветви Поповых точно).

* * *

На данный момент это вся информация о происхождении П. Г. Цурикова, его предках. В результате поисков удалось узнать имена и годы жизни многих его старших родственников. Были установлены имена всех дедушек и бабушек (Михаил Иванович, Пелагея Родионовна, Анисим Герасимович, Евфимия Михайловна) и имена половины прадедушек и прабабушек (Иван Никитич, Дарья Ивановна, Герасим Матвеевич, Феодосия Лукинична). Если б в архиве ЦГАМ сохранились архивные дела более ранних лет, то, возможно, удалось бы продвинуться еще дальше в установлении корней рода Цуриковых.

Теперь же пора перейти к рассказу о родственниках Павла Григорьевича, как близких (братья и сестры), так и дальних (дяди и тети). Начнем с последних.

Как уже говорилось, у Михаила Ивановича (деда благотворителя) родилось девять детей (см. изо. 9–02). Все они с рождения были дворовыми людьми. Четверо умерли в младенческом или детском возрасте. О старшей Наталье после ее совершеннолетия никаких сведений нет. Последний раз она упомянута в исповедке 1792 г., когда ей было 19 лет. Потом, скорее всего, вышла замуж и уехала от родителей. Четверо оставшихся детей дожили до взрослых лет, обзавелись семьями. Это Григорий Михайлович (отец благотворителя), его братья Иван и Михаил, а также сестра Прасковья. Об этих родственниках и поговорим далее по старшинству рождения.

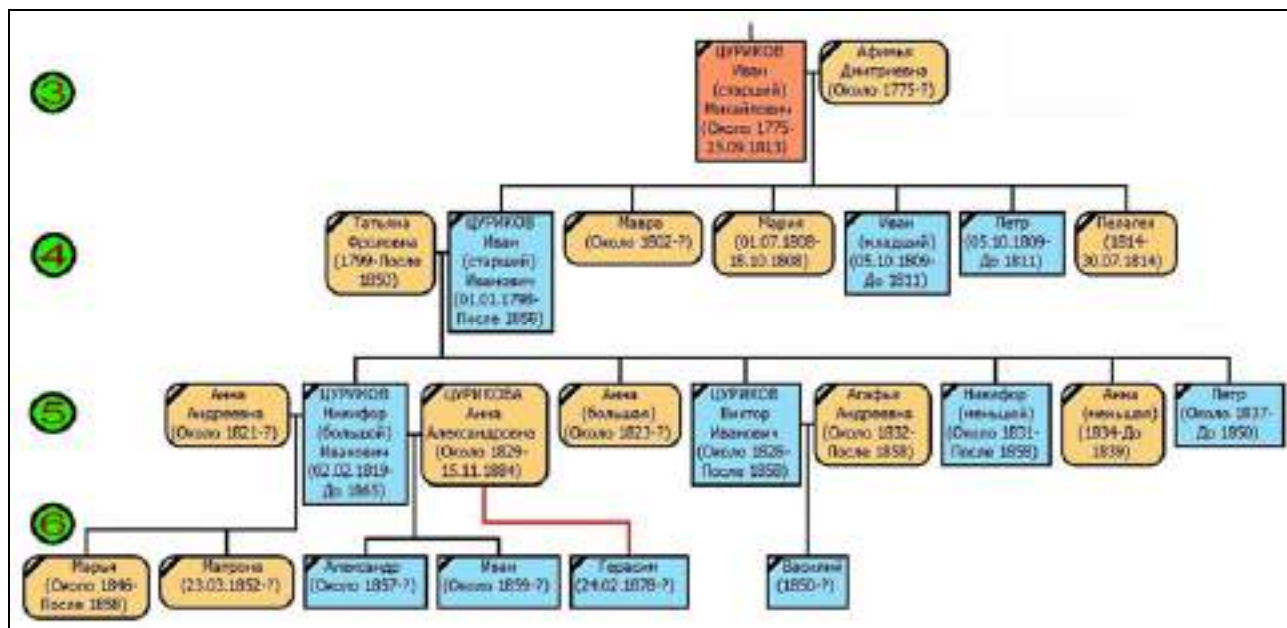
Род дяди Ивана Михайловича Цурикова

Старшего дядю Павла Григорьевича звали **Иван Михайлович Цуриков** (ок. 1775 – † 1813). К сожалению, запись о рождении найти не удалось, можно лишь говорить о том, что он был примерно на семь лет старше Григория (отца Павла). Этого Ивана будем именовать старшим, т.к. в семье Михаила Ивановича спустя десятилетие родился еще один мальчик, которого также называли Ваней (прожил он, правда, недолго).

Информацию о старшем Иване Михайловиче, его потомках удалось собрать по метрическим книгам и исповедным ведомостям Покровской церкви, благо он сам и его потомки проживали в Рубцово.

Женился старший Иван в 1794 г. на Афимье (Евфимии), дочери звенигородского мещанина Дмитрия Ивановича. Это выглядит довольно необычно. Ведь невеста, как дочь мещанина, была свободной. А выйдя замуж за дворового человека, становилась крепостной, добровольно себя закабалит. Явно это неспроста, была какая-то веская причина, чтобы пойти на такой шаг.

После свадьбы семья стала жить в Рубцово. Из ревизской сказки известно, что во время войны с

Изо 9–04. Фрагмент древа Цуриковых: родня по линии дяди Ивана Михайловича.

Наполеоном Иван Михайлович находился в ополчении¹⁴. А вскоре умер, случилось это в 1813 г., когда ему не было и 40 лет. В записи о смерти отмечен как «дворовый воин»¹⁵ (возможно, такая ранняя смерть наступила от ран, полученных в боях с французами).

В семье старшего Ивана Цурикова родилось шестеро детей, включая троих сыновей, среди них вновь было два мальчика Вани (старший и младший). По исповедным ведомостям Покровской церкви удалось установить, что четверо ребятишек умерли младенцами в возрасте до двух лет. О судьбе девочки Мавры информации нет (она в последний раз упомянута в ревизской сказке 1816 г.). А вот тот Ваня, который родился первым, дожил до зрелого возраста. О нем удалось собрать кое-какие сведения.

Старший Иван Иванович Цуриков родился 1 января 1798 г. Женился в возрасте 21 года на Татьяне. Та была из дворовых людей рубцовского помещика, ее отца звали Фрол Семенович. В их семье родилось также шестеро детей: четыре мальчика и две девочки. И вновь оказались ребята с одинаковыми именами, на сей раз, два Никифора (по документам они именовались «большой» и «меньшой»).

По ревизским сказкам села Рубцова удалось установить, что трое сыновей Ивана Ивановича дожили до взрослых лет и, по крайней мере, двое из них – Виктор и Никифор большой – обзавелись семьями¹⁶. У Виктора Ивановича родился сын Василий. А Никифор Иванович женился два раза, причем обеих жен звали Анна (у первой отчество было Андреевна, у второй – Александровна). От первой жены были дочери Мария и Матрона. Во втором браке родились мальчики Александр и Иван.

О дате кончины Никифора Ивановича Цурикова сведений нет, известно лишь, что он умер до 1865 г., т.е. намного раньше второй супруги. Став вдовой, Анна Александровна Цурикова последние годы жила в заштатном городе Воскресенске, числилась в мещанском сословии. Там же и скончалась «от паралича»¹⁷, была похоронена на городском кладбище в 1884 г.

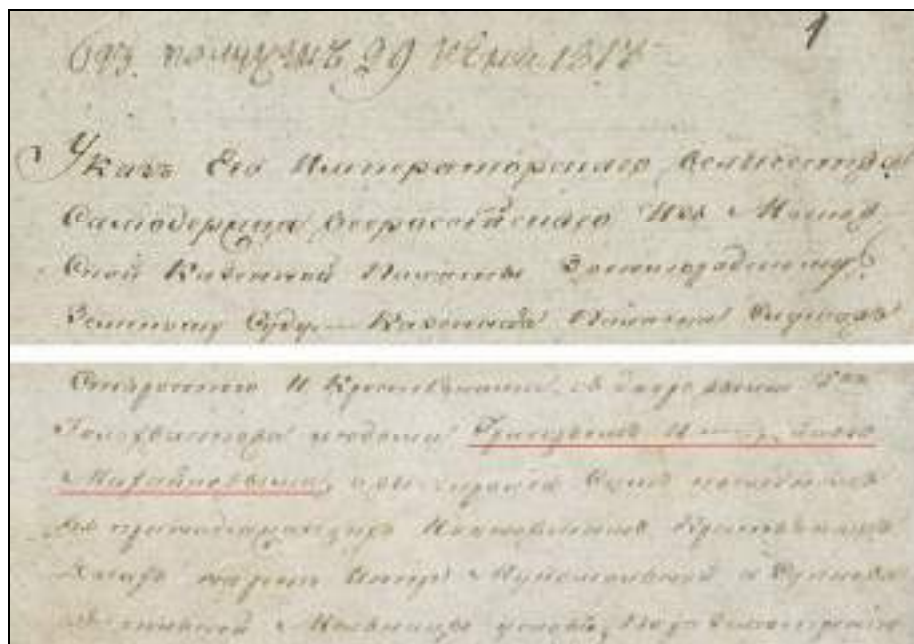
Как удалось установить, у второй жены Анны Александровны, помимо двух сыновей от Никифора, был еще как минимум один ребенок, внебрачный. В метрической книге 1878 г. обнаружена запись о незаконнорожденном Герасиме. Отец мальчика не указан, а мать записана так: «Воскресенская мещанская вдова Анна Александровна Цурикова»¹⁸. Отметим, что матери на момент рождения ребенка было почти 50 лет. Есть некоторые не до конца проверенные данные о том, что род по линии Герасима продолжается и поныне. Однако здесь надо иметь в виду следующее. Учитывая факт внебрачного рождения, потомки Герасима не имеют кровного родства с Цуриковыми.

Ну а как обстояли дела с продолжением рода Ивана Михайловича (дяди Павла Григорьевича) по линии других единокровных потомков? Как уже было сказано, у двух его внуков Никифора и Виктора родилось как минимум пятеро детей. Было ли у них потомство? Увы, этот вопрос оказался сложно решаемым. После отмены в середине 1860-х годов обязательного ежегодного заполнения исповедных ведомостей, стало трудно отслеживать изменение состава семей. В это время также перестали заполняться ревизские сказки. А после освобождения крестьян и дворовых от крепостной зависимости в 1861 г., люди стали свободными и могли (с некоторыми трудностями) выбирать себе место жительства. По этим причинам сведений о продолжении рода Ивана Михайловича Цурикова найти не удалось. Но, учитывая, что правнуков и правнучек у него было пятеро, можно надеяться на продолжение этой ветви рода. Более того, если принять во внимание, что трое из них были с фамилией Цуриковы, то среди потомков могут оказаться носители этой фамилии.

Род дяди Михаила Михайловича Цырикова

Другого дядю благотворителя звали **Михаил Михайлович Цыриков** (1784 – † 1831). Он был на два года младше брата Григория, также был дворовым человеком рубцовских помещиков. В документах его фамилия писалась через букву “ы”, так и будем писать Цыриков.

Как удалось установить, Михаил владел тем же ремеслом мельника, что и его брат Григорий. Во второй главе рассказывалось, что история суконной фабрики на р. Истра началась в 1817 г. с устройства плотины и мельницы вблизи деревни Ивановской. Во всех источниках утверждалось, что это заслуга Григория Михайловича Цурикова, другие имена не назывались. И вот совсем недавно, в ходе работы над книгой, удалось получить доступ к архивному делу, которое ранее не выдавалось по причине ветхости. Когда же оно после реставрации стало доступно, то в нем оказались неожиданные сведения. После изучения этого исторического документа стало понятно, что лавры основателя суконного производства принадлежат не только Григорию, но также и его младшему брату Михаилу.

Изо 9–05. Фрагменты указа о разрешении постройки мельницы Григорию и Михаилу Михайловым, 1817.

лом, свидетельствует еще один документ, точнее его заголовок, т.к. само архивное дело оказалось уничтоженным: «О понуждении содержателя монастырской мельницы дворового человека Михаила Цурикова ко взносу в Саввино-Сторожевский монастырь оброчных по контракту денег и о преведении им в ветхость всего мельничного строения. 24 марта 1826 – 14 марта 1827». Интересно, что та же мельница упоминается в воспоминаниях С. А. Попова в связи с тем, что примерно в это же время на ней учился «мукомольному делу» Павел Григорьевич. Возможно, что монастырская мельница как-то была связана с суконной фабрикой в дер. Дютьково, которая упоминалась в третьей главе (там говорилось, что ее бывшие работники перешли потом на Ивановскую фабрику). На такое предположение наталкивает территориальная близость указанного селения и Саввино–Сторожевского монастыря, около которого протекает речка Сторожка.

Михаил Михайлович Цуриков был дважды женат. Согласно записи в метрической книге Покровского храма села Рубцово первый раз обвенчался в 1808 г. с дочерью «умершаго дьячка» Марией Михайловной. Как и в случае с браком старшего брата Ивана, этот союз также выглядит странным (Мария после замужества стала «дворовой»). Через год после свадьбы родилась девочка Аня и уже через месяц умерла. На следующий год родилась Маша, о ее судьбе данных нет. Мать девочек прожила совсем недолго, уже через три года после свадьбы скончалась. Был ей всего 21 год.

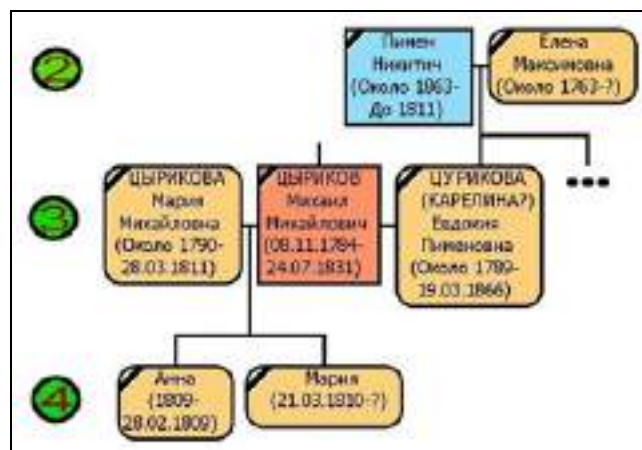
Спустя несколько месяцев после смерти супруги, в том же 1811 г., Михаил Михайлович снова женился. Вторую жену звали **Евдокия Пименовна Цурикова** (ок. 1789 – † 1866), имя иногда писали

«Авдотья». Она была дочерью умершего воскресенского купца Пимена Никитича. Фамилия купца ни в одном документе не отмечена. Однако на сайте И. Е. Шторм показано, что у этого купца было много детей, и среди них был сын Андрей с фамилией Карелин²⁰. Можно предположить, что такая же фамилия была у его отца Пимена Никитича и у сестры Евдокии до ее замужества. Следует еще сказать, что Карелины – это довольно известная фамилия в истории г. Воскресенска. В архивных документах XIX и XX веков неоднократно упомянуты купцы и мещане с такой фамилией. Среди немногих сохранившихся до наших дней исторических зданий города – двухэтажных каменный дом купца Прохора Федоровича Карелина

Об этом прямо сказано в указе Московской казенной палаты от 13 июня 1817 года: «дворовыми г-на Голохвастова людьми Григорьем и Михайлою Михайловыми о выстройке сим последним в принадлежащих Ивановским крестьянам дачах на реке Истре Мукомольной и Сукновальной Мельницы»¹⁹.

Почему же об этом существенном факте в других документах не сообщается? Наверное, все же главным в устройстве плотины и мельницы был Григорий, а Михаил ему помогал.

О том, что младший брат занимался мельничным де-

Изо 9–06. Фрагмент древа Цуриковых: родня по линии дяди Михаила Михайловича.

(здание находится на Советской улице г. Истры напротив школы им. А. П. Чехова).

Умер Михаил Михайлович в 1831 г. нестарым, в метрической книге Покровской церкви записан его возраст 48 лет. Там же указана фамилия «Цыриков»²¹ и причина смерти – страдал «чахоткою».

Спустя несколько лет после смерти мужа, как следует из исповедных ведомостей, Евдокия Пименовна оказалась в приходе села Лужки, числилась живущей при Ивановской фабрике. Нет сомнения, что ее приютил родной брат умершего мужа (деверь) Григорий Михайлович Цуриков. А когда тот умер, заботу о родственнице принял на себя его сын, племянник вдовы Павел.

Скончалась Евдокия Пименовна в 1866 г., похороны состоялись на кладбище в Лужках. Памятник сохранился, ныне он находится за алтарем Петропавловского храма (интересно, что на нем написана фамилия Цурикова, а не Цырикова, как у мужа). Это надгробие в свое время доставило немало загадок, когда проект УБД только начинался, и о роде Цуриковых было мало сведений. Не сразу удалось понять, что памятник поставлен тете Павла Григорьевича.

У этого надгробного камня оказалась непростая судьба (и не только у него одного). Уже в наше время (примерно в 1990 г.) один неместный предприниматель купил землю в селе Лужки Истринского района рядом с Петропавловским храмом. На приобретенном участке прежде находилось приходское кладбище. Новый хозяин решил избавиться от ненужных ему надгробных камней. По его указанию бульдозерист сгреб все памятники и сбросил их с крутого обрыва прямо в реку Истра (это кощунство не прошло даром – в течение года предприниматель скоропостижно умер). А когда несколько лет спустя в полуразрушенный Петропавловский храм назначили священника Василия Дыгаева, то батюшка поначалу не мог решить, за что сперва браться – так много было кругом работы. Местный житель Виталий Николаевич Джулай посоветовал поднять со дна реки могильные плиты. Их оказалось 11, среди них были два надгробия Цуриковых: Евдокии Пименовны и Матрены Анисимовны – невестки и жены Григория Михайловича, тети и матери Павла Григорьевича Цурикова. Надгробия подняли и перенесли ближе к храму, установили на территории Петропавловской церкви.

О потомках по линии рода Михаила Михайловича Цурикова сказать особо нечего. Его второй брак с Евдокией Пименовной оказался бездетным, а от первого осталась дочь Мария, следы которой по достижении 16-летнего возраста теряются. Если она вышла замуж, то сменила фамилию. Это означает, что потомки Михаила Михайловича (если они есть) не носят фамилию Цуриковых.

Изо 9–07. Памятник Е. П. Цуриковой в Лужках, 2013.

Род тети Прасковьи Михайловны Цыгановой

Осталось поговорить о последнем ребенке Михаила Ивановича Цурикова, о его дочери.

В записи о рождении в 1812 г. у Григория Михайловича сына Павла (будущего благотворителя) восприемницей записана «купеческая женка Прасковья Михайлова». Это **Прасковья Михайловна Цыганова** (урожд. **Цурикова**, 1787 – † 1851) – родная сестра Григория, тетя благотворителя. Удалось найти запись о ее рождении и крещении в метрической книге Покровской церкви с. Рубцово²². Новорожденную девочку называли в честь святой Параскевы Пятницы. После выхода замуж за проживавшего в Воскресенске купеческого сына Алексея Ивановича Цыганова она сменила фамилию.

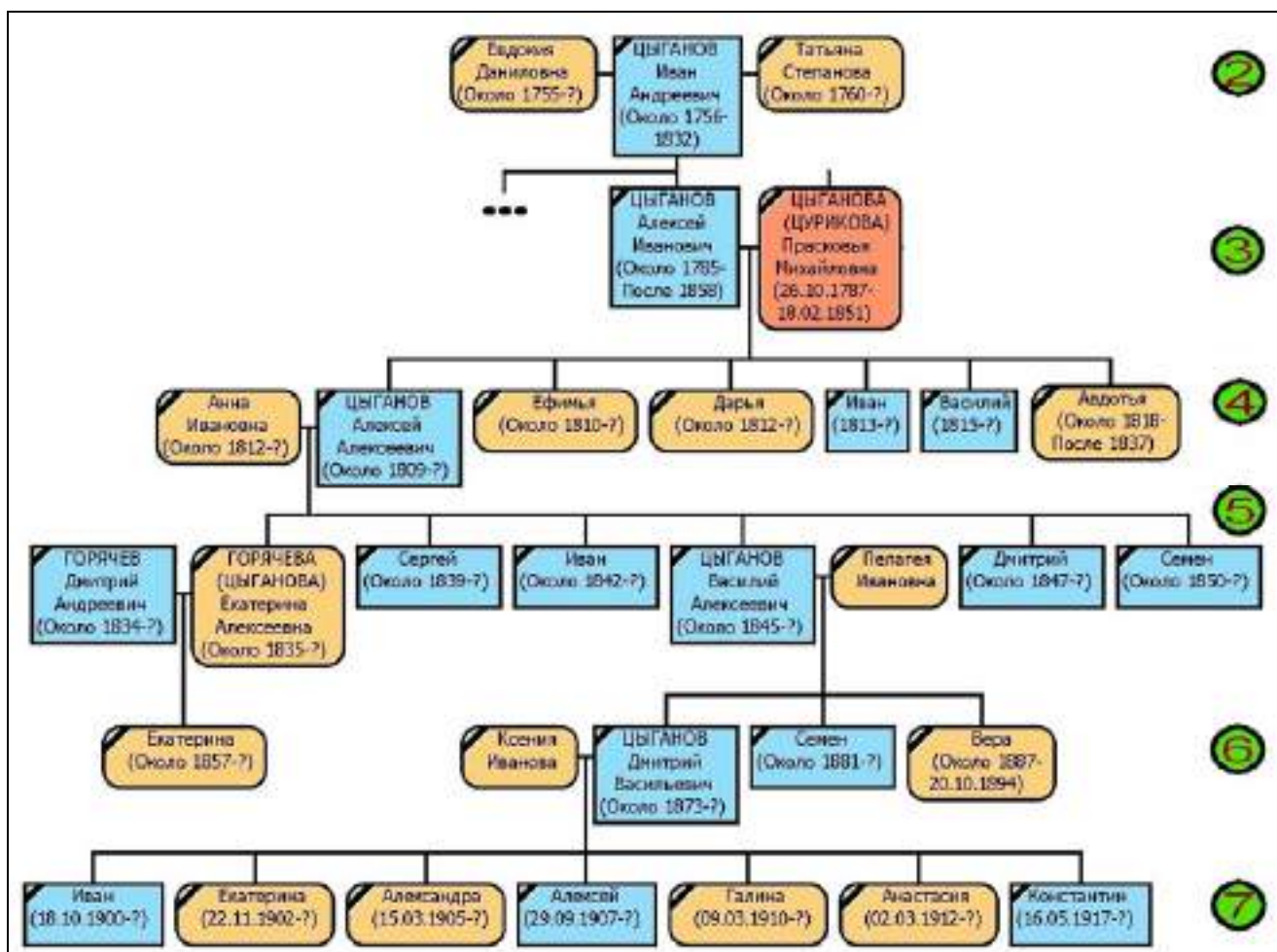
Прослеживается интересная закономерность почти у всех детей Михаила Ивановича Цурикова, которые обзавелись своими семьями. Кроме Григория (у него жена была из дворовых) у всех ос-

тальных в спутники жизни были выбраны люди, находившиеся выше по социальному статусу и свободные от крепостной зависимости. Если мотив дворовой девки Прасковьи выйти замуж за купца понятен, то с невестами ее братьев Ивана и Михаила все в точности до наоборот. Обе девицы не были крепостными, но, выйдя замуж за дворового человека, становились такими же невольными людьми. Все это неспроста, была какая-то веская причина, по которой люди соглашались на неравный брак. В документах об этом не говорится. Но догадаться в принципе несложно. Все дело в профессии, которой владели братья Цуриковы: механика, плотинщика, мельника. Мастера с такими навыками могли зарабатывать деньги, которые многим простым людям, крестьянам были недоступны.

Прасковье, которая по рождению была дворовой девкой, прежде чем выйти замуж за купца, следовало освободиться от крепостной зависимости. А это зависело от помещика, которому она принадлежала: согласится ли он и на каких условиях отпустить на волю? Судя по тому, что свадьба состоялась, помещик (им был П. И. Голохвастов) согласился. А вот какой выкуп отец Михаил Иванович заплатил за свободу Прасковьи – осталось тайной. Ну а почему сын купца Алексей согласился на брак с бывшей дворовой девкой? Наверное, за невестой дали хорошее приданое, вот и согласился.

О происхождении жениха удалось узнать следующее.

В начале XIX века в г. Воскресенске жил купец Иван Андреевич Цыганов. Это был коренной житель, его родители Андрей Никитич и Фекла Игнатовна (в древе они не показаны) издавна проживали в нашем городе. Купец был дважды женат, у него было много детей. По данным ревизской сказки 1816 г. (7-й ревизии) его сыновья Николай и Алексей имели свои семьи, а другие сыновья Петр и Прохор «уволены в московское мещанство 1811 года»²³ (в древе они не показаны). Сам Иван Андреевич отмечен как вдовец. Через какое-то время все Цыгановы перешли из купеческого сословия в мещанское. В ревизской сказке 1834 г. среди мещан г. Воскресенска были записаны семьи Николая и Алексея Цыгановых²⁴. А вот их отца Ивана Андреевича к тому времени уже не было в живых, он умер двумя годами ранее.

Изо 9–08. Фрагмент древа Цуриковых: родня по линии тети Прасковьи Михайловны Цыгановой.

В архиве ЦГАМ обнаружено завещание Ивана Андреевича Цыганова, которое было составлено за несколько лет до кончины. В нем оказалось записано: «*предоставить в непосредственное распоряжение собственно мною приобретенное имение [...] моей невестке Прасковьи Михайловой в награждение за ее ко мне оказанное во всем повиновение и почтение*»²⁵. Конкретно был завещан «*собственный мой дом выстроенный на [земле] отведенной мне в 1790-м году бывшим воскресенским городовым магистратом обще с горожанами в Заштатном городе Воскресенске*». При этом завещатель поставил условие, чтобы мог находиться в собственном доме, пока жив. А родным сыновьям ничего не было «отписано», о них в тексте сказано так: «*дети мои Николай Петр и Прохор Ивановы Цыгановы от меня отделены. [...] Николай жительство имеет в собственном [...] доме, а последние Петр и Прохор Ивановы уволены для записки в Московской цех*». Вот как! Свою недвижимость Иван Андреевич завещал не родным сыновьям, а невестке. Видимо, в очень хороших родственных отношениях они были.

О жизни Прасковьи Михайловны особых данных нет. По всей видимости, всю жизнь прожила в г. Воскресенске, там и умерла в 1851 г. Скончалась, как записано в метрической книге: «*от старости*»²⁶, хотя ей было всего 63 года. Похоронили на приходском кладбище Вознесенской церкви.

Цыгановы и Цуриковы были в хороших отношениях. Помимо Павла, Прасковья Михайловна была крестной матерью еще у нескольких племянников – детей своего брата Григория Михайловича. А когда Павел вырос и решил жениться, то среди поручителей со стороны жениха был записан муж Прасковьи, Алексей Иванович Цыганов.

Теперь хотелось бы поговорить о потомках этой ветви рода. В архивных делах разных лет в составе семьи Алексея Ивановича Цыганова встречаются имена шестерых детей (см. древо). Похоже, что только двое из них – Алексей и Авдотья – дожили до взрослых лет, а остальные умерли в детстве.

Об Авдотье сведений нет, а об ее брате удалось собрать такие данные. Алексей Алексеевич женился на Анне Ивановне, у них родилось также шестеро детей. Потом в их семье случились какие-то нелады, об этом свидетельствует запись в ревизской сказке 1850 г.: «*семейство разделено по Указу Московской казенной палаты 14 апреля 1842 года*»²⁷. Почему так произошло – в документе не сообщается. Но есть основания полагать, что причина была в главе семейства. А. А. Цыганов, судя по всему, не отличался дисциплинированностью, не ладил с законом. Так в исповедной ведомости 1843 г. отмечено, что он не был на исповеди и причастии «*за нерадением*». А в последней ревизской сказке напротив его имени стоит пометка: «*отдан по суду в арестанския роты с 1851 года на 8 лет*»²⁸ (за что последовало такое суровое наказание – не написано).

Какова оказалась судьба детей осужденного? Можно говорить о том, что, по крайней мере, двое из них обзавелись семьями. Это Василий и Екатерина, которая после замужества стала Горячевой, у нее родилась дочь Екатерина. Сведения эти обнаружены на сайте И. Е. Шторм²⁹. По данным этого исследователя, у Василия Алексеевича была дочь Вера и сын Семен. По всей видимости, были и другие дети. Так в метрической книге Вознесенской церкви г. Воскресенска обнаружена запись о бракосочетании в 1899 г. Дмитрия Васильевича Цыганова³⁰ (вероятно, это сын Василия Алексеевича). По данным того же сайта, у него потом родилось семеро детей, последний из них появился на свет перед самой революцией (см. древо). Об их дальнейшей судьбе информации нет. Учитывая количество потомков, есть вероятность, что род Цыгановых продолжается и поныне. В г. Истра живут люди с фамилией Цыгановы, возможно, это продолжатели рода.

* * *

На этом разговор о дальних родственниках Павла Григорьевича Цурикова завершен.

Подводя итог исследованию родословной по детям Михаила Ивановича, можно уверенно говорить о том, что имелись потомки, носившие фамилию предков. Это дети и внуки старшего Ивана Ивановича Цурикова. По степени родства они были для благотворителя даже не двоюродными братьями, а более дальними. У них имелся общий предок – Михаил Иванович Цуриков. Для Павла Григорьевича это был дедушка, а для упомянутых родственников – прадедушка и прапрадедушка. Есть ли по этим линиям рода ныне живущие единокровные потомки благотворителя – сказать трудно.

Как уже говорилось в начале второй главы, в некоторых исторических документах Москвы и Московской губернии XIX и начала XX веков, встречаются люди с фамилией Цуриковы. Это, скорее всего, однофамильцы благотворителя. Данная фамилия была довольно редкой, но отнюдь не уникальной.

Далее пойдет разговор о родных братьях и сестрах благотворителя и их потомках.

Братья и сестры Павла Григорьевича

Во второй главе рассказывалось, что в семье мельника Григория Михайловича и его жены Матрены Анисимовны родилось девять детей, из них было два Ивана. Четверо детей умерли рано. Так Миша прожил менее года, старший Ваня два года, Ксюша пять лет, а Аня скончалась восьмилетней.

Пятеро, включая Павла, выжили. Правда, самый младший Иван прожил недолго, умер на 26-м году жизни, не успев жениться и завести детей. А вот у четверых остальных семьи были. Сестры, выйдя замуж, сменили фамилии: Александра стала Кручининой, Наталья – Финляндской, а Матрена – Поповой. У всех сестер были дети, и даже внуки. Обо всех них пойдет далее речь. Надо отметить, что объем собранной информации для разных родственников оказался далеко неодинаковым. Больше всего сведений (помимо самого Павла) удалось найти о семьях сестер Матрены и Натальи. Материала оказалось столь много, что при изложении пришлось его даже сокращать.

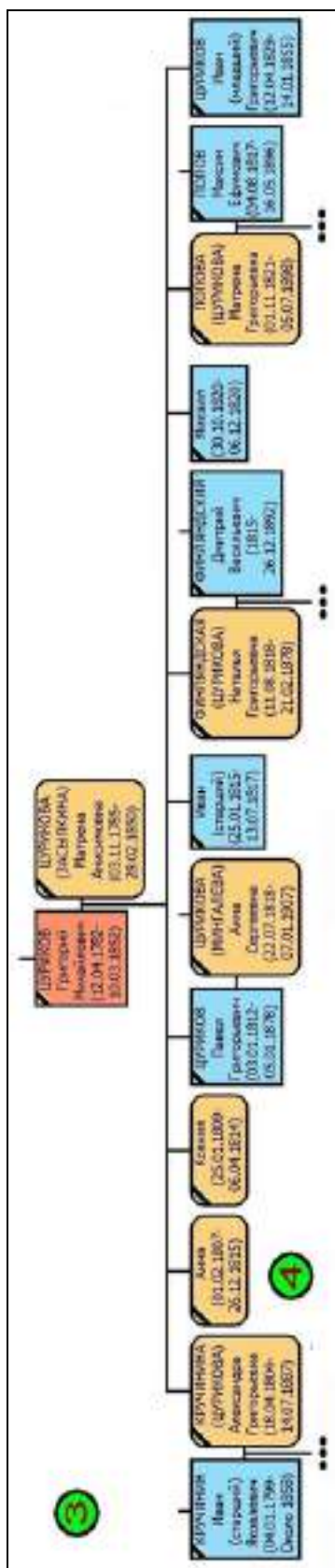
Следует еще отметить, что для всей большой семьи Григория Михайловича изображения были найдены только для двух его детей: Павла и Матрены (также имеются фотографии потомков по линии Поповых).

Род сестры Александры Григорьевны Кручининой

Напомним, что Григорий Михайлович Цуриков и Матрена Анисимовна Засыпкина поженились в 1802 г. Спустя два года на свет появилась девочка-первенец, которую родители называли Александрой. Крестной матерью стала Прасковья Михайловна Цыганова, тетя новорожденной. О детстве девочки данных найти не удалось, можно лишь сказать, что она жила вместе с родителями в Рубцово, была, как тогда писали, «дворовой девкой» помещика П. И. Голохвастова. В отличие от своих младших братьев и сестер, Саша нигде не училась и осталась на всю жизнь неграмотной. Так в ревизской сказке за нее расписался другой человек с пометкой: «По безграмотности ея».

В 18 лет Александра Григорьевна вышла замуж, мужа звали **Иван Яковлевич Кручинин** (1799 – † ок. 1864). Запись об их бракосочетании обнаружена в метрической книге Христорождественской церкви г. Звенигорода за 1822 г.: «В феврале 5. Женился верхняго посада купеческой сын Иван Яковлев 1-м браком, понял за себя Звенигородской округи села Рубцова вечно на волю отпущенную дворовую девицу Александру Григорьеву. О коих обыск¹ с поручителями чинен ныне был»³¹.

Для приведенной цитаты хотелось сделать два пояснения. Первое. Как видно из текста, Александра к моменту бракосочетания уже не была крепостной, а свободным человеком, отпущенной «вечно на волю». Второе. Вновь обращает на себя внимание явно неравный брак: сын купца женился на бывшей крепостной девице. Думается, что здесь ситуация была такая же, как с детьми Михаила Ивановича Цурикова. Отец невесты Григорий Михайлович к моменту свадьбы уже пять лет, как был владельцем мельницы и сукновальни в деревне Ивановской. И видимо успел подзаработать достаточно денег, чтобы выкупить у помещика на волю свою дочь, собрать для нее приличное приданое и

Изо 9–09. Фрагмент древа
Цуриковых: семья
Григория Михайловича.

¹ «Брачный обыск — письменный акт, содержащий определённые сведения о людях, собирающихся венчаться в церкви, и устанавливающий отсутствие препятствий (например, отсутствие плотского и духовного родства) к совершению их брака» (интернет).

найти жениха не из крестьян или дворовых, а какого хотел.

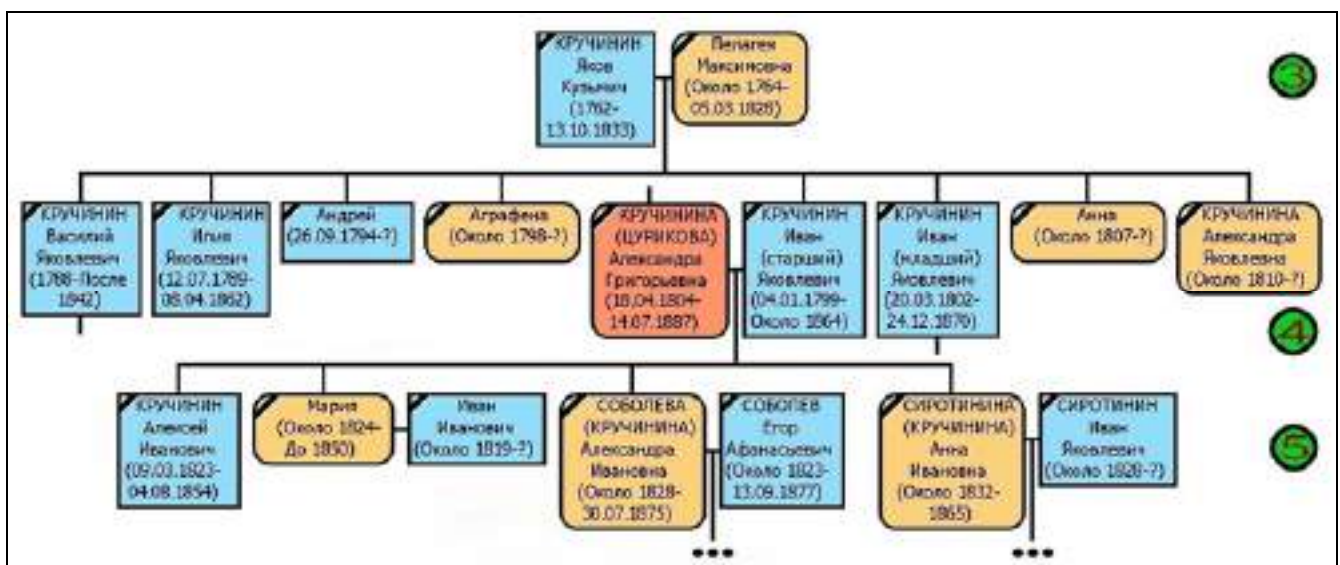
Обнаружена исповедная ведомость Христорождественской церкви на Верхнем посаде города Звенигорода за 1826 г., в которой напротив имен супругов Кручининых отмечено, что оба не были два года на исповеди³². Это довольно редкая запись в таких документах. Почему они не исповедовались, как подавляющее число прихожан? Сказать трудно, возможно, жили в другом месте.

О происхождении Ивана Яковлевича Кручинина удалось собрать такие сведения. В исповедной ведомости Христорождественской церкви, «что на Верхнем посаде» г. Звенигорода за 1779 г., обнаружена семья Козьмы Дмитриевича и жены его Татьяны Петровны³³. Это дед и бабка Ивана Яковлевича (в древе они не показаны). У них были дети, которых звали Яков, Тимофей, Иван и Праскева (Прасковья). В аналогичном документе за 1795 г. Яков записан уже женатым на Пелагее Максимовне, в их семье имелись сыновья Василий и Илья³⁴. Как видим, Ивана здесь нет, он родился позже.

В ревизской сказке 1816 г. Яков Кузьмич Кручинин записан звенигородским купцом (попутно отметим, что в ревизской сказке за 1834 г. он уже числился мещанином г. Звенигорода). Приведен состав семьи: дочери Аграфена (Агрипина), Анна и Александра, и сыновья Василий, Илья, Андрей и два Ивана, назовем их старший и младший³⁵. По данным исследователя В. Н. Веремеевой, у Василия Яковлевича была своя семья, он уехал жить в Москву.

Вообще надо сказать, что два Ивана в одной семье внесли некую путаницу, не сразу удалось разобраться, который из них взял в жены Александру Цурикову. После проведенного исследования выяснилось, что это был старший из них, который родился в 1799 году³⁶. А младший Иван тоже женился, причем даже два раза. И по данным ревизской сказки 1850 г., у него были дети, как от первого брака, так и от второго (жены и дети в древе не показаны). Но нас интересует семья старшего брата.

Около 10 лет супруги Иван Яковлевич и Александра Григорьевна Кручининые жили в Звенигороде, здесь у них родилось четверо детей: Алексей, Мария, Александра и Анна. А потом отца семейства забрали в солдаты: «отдан в рекруты в 1833»³⁷. Сколько он прослужил в армии – нигде не сообщалось. Но если принять во внимание, что на протяжении двух последующих десятилетий в исповедках его жена Александра Григорьевна записывалась одна с детьми, то срок службы был большим. Точно также нет сведений о том, где и когда Иван Яковлевич умер. Можно предположить, это произошло между 1863 и 1865 годами, т.к. в первом случае в исповедке Александра была записана как «солдатка¹», а во втором – она уже «солдатка вдова». Таким образом, получается, что И. Я. Кручинин отсутствовал три десятилетия (хотя по данным интернета в то время солдаты служили 20 лет). Не исключен вариант, что он мог и не вернуться из армии. Вообще же следует сказать, что после 1833 г. имя старшего Ивана Яковлевича ни разу не встретилось в документах (среди тех архивных дел, которые были просмотрены).

Изо 9–10. Фрагмент древа Цуриковых: Кручининые.

¹ Солдатками называли женщин, чьи мужья служили в армии солдатами.

Об **Александре Григорьевне Кручининой** (урожд. **Цуриковой**, 1804 – † 1887) удалось собрать больше сведений, чем о супруге. Согласно ревизской сказке 1834 г., она проживала в г. Звенигороде (напомним, что незадолго до этого мужа забрали в армию). Примерно через год Александра жила уже в Ивановском. Причина переезда понятна и, скорее всего, чисто житейская: ее отец Григорий Михайлович и брат Павел развивали Ивановскую суконную фабрику. Александра со своими детьми переехала к родственникам, надо полагать, ей не приходилось думать о пропитании. Проживание на новом месте подтверждают исповедки Петропавловской церкви села Лужки, к приходу которой в тот период относились жители деревни Ивановской и суконной фабрики. Например, в ведомости 1835 г. в разделе живущих при фабрике после членов семьи Цуриковых записаны: *«Звенигородская солдатка Александра Григорьева – 31 [год]. Дети ея Алексей – 12. Мария – 11. Александра – 10. Анна – 3»*³⁸.

Напомним, что в первой половине 1830-х годов компаньоном Цуриковых был московский купец А. П. Сырейщиков. Тот рядом с фабрикой выстроил для себя небольшой каменный домик из четырех комнат (в третьей главе он обозначен II как «второе жилое место на фабрике»). Это был довольно комфортабельный дом по меркам того времени. Через несколько лет Сырейщиков вместе с семьей уехал из Ивановского. Помещение недолго пустовало. Как написано в воспоминаниях Шуберт, Григорий Михайлович *«переселил в их опустевший особняк свою старшую дочь Александру Григорьевну, которой был тогда 31 год, с ее семьей. [...] Строя себе новый дом, Павел Григорьевич и Анна Сергеевна не стали беспокоить старшую сестру Павла Григорьевича Александру Григорьевну Кручинину, и та продолжала спокойно жить в каменном особняке при фабрике, называемом флигелем: сначала жила одна, а потом со своей дочерью Анной Ивановной»*³⁹. Фото дома Сырейщиковых-Кручининных приведено в приложении—18 (изо Р–36, Р–37).

Ранее уже приводились цитаты из статьи дальнего родственника П. С. Попова, опубликованной в советские годы. В ней есть слова и об А. Г. Кручининой: *«Анна Сергеевна [Цурикова] жила в новом доме, построенном рядом со старым флигелем (впоследствии оба здания были соединены коридором). Во флигеле проживала сестра покойного мужа Анны Сергеевны, Александра Григорьевна, простая деревенская женщина, принимавшая запросто у себя посетителей и жившая старой «отцовской жизнью». [...] Так, Анна Сергеевна бывала очень смущена тем, что при печении блинов Александра Григорьевна пользуется посудой, которая употребляется совсем для иной цели»*⁴⁰.

40 лет А. Г. Кручинина прожила в доме Сырейщиковых на Ивановской фабрике. Это подтверждают исповедки приходских храмов в Лужках и на Ивановской фабрике. В них имя Александры Григорьевны можно найти среди исповедовавшихся прихожан на протяжении всех лет ее жизни на фабрике. По документам (ревизским сказкам) она числилась звенигородской мещанкой.

А. Г. Кручинина пережила большинство своих детей, умерла 14 июля 1887 г. В метрической книге Успенской церкви записана причина ее кончины: *«от преклонных лет»*⁴¹. Там же указан возраст почившей 87 лет (на самом же деле скончалась на 84-году жизни). Исповедал перед смертью и потом отпевал приходской священник Яков Волхонский (несколько месяцев спустя батюшка сам умер). Похоронили Александру Григорьевну не на приходском кладбище, как обычных прихожан, а *«при церкви»*. Как написано в воспоминаниях Шуберт, могила старшей дочери Григория Михайловича была утрачена еще до войны. А вот дом (флигель), в котором она жила на фабрике, сохранился (см. изо 3–25).

Теперь поговорим о детях Александры Григорьевны. Начнем со старшего **Алексея Ивановича Кручинина** (1823 – † 1854).

Для начала хотелось бы обратить внимание на один неясный момент. В воспоминаниях Шуберт почему-то написано, что Алексей – *«пасынок старшей сестры Александры Григорьевны и Ивана Алексеевича Кручининных»*. Однако документально этот факт не подтверждается. Выше приводилась цитата о бракосочетании супругов Кручининных, из которой следовало, что у обоих это был первый брак. Более того, в ревизской сказке за 1834 г. написано, что мать Алексея зовут *«Александра Григорьева»*. Так что, скорее всего, А. М. Шуберт ошиблась в своем утверждении насчет пасынка.

Информации о сыне Александры немного. Сохранилось архивное дело, в котором имеется запись о выдаче паспорта сроком на год *«Алексею Кручинину, 24 лет, р. [рост] средний, волосы русые, глаза серые, нос умеренный, лицо чисто»*⁴². В метрической книге о бракосочетании М. Е. Попова с М. Г. Цуриковой он записан поручителем со стороны невесты. А вот чем занимался в жизни – прямо нигде не сказано. Правда, имеются свидетельства о том, что Алексей жил в Москве у своего дяди Максима Ефимовича Попова и, видимо, работал в его конторе или в торговой лавке по продаже сукон.

Изо 9–11. Памятник А. И. Кручинину на Ваганьковском кладбище, 2021.

Увы, единственный сын Александры Григорьевны прожил недолго, умер молодым. Запись о его смерти обнаружена в метрической книге *«Вознесенской церкви близ Сретенки»* за 1854 г. В ней написано, что скончался живущий *«В доме купца Попова Звенигор. мещанин Алексей Иванов Кручинин»*⁴³. Указана причина смерти: *«от холеры»*.

В воспоминаниях Шуберт про А. И. Кручинина написано так: *«жил в Москве, и поэтому его похоронили на Ваганьковском кладбище, где к этому времени Цуриковы и Поповы приобрели большое место, где и стали хоронить всех своих родных. Над могилой Алексея Ивановича воздвигли огромный гранитный памятник, который там стоит и до сих пор»*. Этот памятник сохранился (GPS 55.76729, 37.55336), на нем можно прочитать слова: *«Алексей Иванович Кручинин. Родился в 1823 году Марта 9 числа, скончался в 1854 году Августа 4 числа в 6 часу по полудни, жития его было 31 год 5 месяцев»*.

В семье Александры Григорьевны, помимо сына Алексея, было еще три дочери. Они были записаны звенигородскими мещанками.

Со старшей **Марией** ситуация такая. Уже когда завершалась работа над данной книгой, Яндекс-поиск по архивам выдал ссылку на метрическую книгу церкви с. Лужки за 1848 г., в которой оказалась запись о бракосочетании 29-летнего сына купца г. Спасска Рязанской губернии Ивана Ивановича и 21-летней звенигородской мещанки Марии Ивановны⁴⁴. Фамилия мещанки не указана, но имена поручителей все вопросы снимают. Это была дочь Александры Кручининой, потому, что со стороны невесты поручителями были записаны Григорий Михайлович и его сын Павел. А со стороны жениха поручителем оказался московский купец Максим Ефимович. Без сомнения, М. Е. Попов, который сам был с Рязанщины, и устроил этот брак, свел жениха и невесту. Он еще в 1843 г. породнился с Цуриковыми, взяв в жены Матрену – дочь Григория Михайловича. Очевидно, что после свадьбы молодая пара куда-то уехала, следы Марии теряются.

Перейдем к обзору собранных материалов о двух других дочерях, начнем с Анны.

Род Кручининых: ветвь Сиротинины

Анна Ивановна Сиротинина (урожд. **Кручинина**, ок. 1832 – † 1865) вышла замуж за Ивана Яковлевича Сиротинина. О супруге в воспоминаниях Шуберт приведены такие сведения: *«был до женитьбы на А. Ив. [Анне Ивановне] служащим московского магазина Поповых. Такими же служащими стали и их дети – правнуки Григория Михайловича Цурикова. Анна Ивановна Сироткинаⁱ скончалась от туберкулеза в 1865 году [в возрасте] 24 летⁱⁱ и похоронена на кладбище в с. Лужках»*⁴⁵ (памятник не сохранился). Собственно об А. И. Сиротининой больше никакой информации нет, но есть сведения о ее муже и детях.

Пока не удалось установить, когда и в каком храме состоялось венчание Сиротининых. Но почти нет сомнений, что, как и в случае с Марией, жениха привел Максим Ефимович Попов. И. Я. Сиротинин, согласно исповедкам 1850-х гг., жил в Москве в доме М. Е. Попова и переезжал вместе с ним, когда тот менял адрес проживания. Это говорит о близком и давнем знакомстве. Попов же часто приезжал на Ивановскую фабрику, видел невесту на выданье. Вот и мог сыграть роль свата.

Хотелось бы рассказать о происхождении Ивана Яковлевича, из какого он рода, из каких мест. Увы, найденная информация скудная и противоречивая. В архиве музея «Новый Иерусалим» обнаружен документ, в котором написано, что И. Я. Сиротинин по происхождению *«из ярославских мещан»*⁴⁶. Там же сказано, что в 1859 г. он был зачислен в купцы 3-й гильдии города Воскресенска,

ⁱ Почему-то А. М. Шуберт в своих воспоминаниях в нескольких местах искажила фамилию дальних родственников, написав: *«Сироткина»*, *«Сиротиных»*. В других местах писала правильно – Сиротинины.

ⁱⁱ По другим данным Анна Ивановна Сиротинина прожила около 33 лет.

Изо 9–12. И. Я. Сиротинин с братьями Поповыми, 1850-е, (АШ).

Яковлевича, а потом и его детей) с семейством Поповых свидетельствует множество документов. Самым убедительным доказательством дружеских отношений является, пожалуй, уникальный фотоснимок, обнаруженный в архиве потомков Анны Михайловны Шуберт (родственницы Поповых и Сиротининых). Он подписан следующим образом: *«Старшие братья мамы (стоят справа налево): Сашенька (р. 1844) и Пашенька (р. 1846) в годы их учения в С. П. Б. [Санкт-Петербург] – сидит дальний родственник И. Я. Сиротинин»* (упомянутые Александр и Павел – это дети Матрены Григорьевны Поповой и родственники Ивана Яковлевича). В воспоминаниях Шуберт говорится: *«По моим данным эти оба мальчика учились в те годы в средней немецкой школе при петербургской лютеранской церкви. Вероятно Иван Яковлевич посещал их там по поручению их родителей, а может быть он возил их туда»*.

Дети Александры Григорьевны Кручининой – Сиротинины

В семье Сиротининых родились и выросли два сына **Александры Григорьевны** (у. Старшего звали **Иван Иванович Сиротинин** (ок. 1859 – † 1887), а младшего Александр. Детей наверняка было бы больше, если бы Анна Ивановна не умерла рано. Вот что о ребятах вспоминала А. М. Шуберт: *«У Анны Ивановны и Ивана Яковлевича Сиротинных [Сиротининых] было два сына, Иван и Александр Ивановичи (остальные 2 умерли еще в раннем возрасте). В раннем детстве оба они подолгу жили в Ивановском у своей бабушки Александры Григорьевны и оба – крестники Анны Сергеевны (часто по ее желанию бывали привезены к ней и гостили у нее подолгу)»*⁴⁷.

В воспоминаниях С. М. Попова, который в конце XIX века стал хозяином суконной фабрики в Ивановском, есть несколько строчек о родственниках¹ и ровесниках Иване и Александре Сиротининых. Братьев называл *«порядочными баловниками»*, писал о них: *«осиротевшие в начале*

«сумма объявленного капитала» 2.400 рублей. А вот в исповедных ведомостях «Вознесенской близ Сретенки церкви» примерно тех же лет написано, что Иван Яковлевич «Малоярославецкий мещанин». А это же совсем другая губерния – Калужская. Так откуда же он на самом деле приехал? Учитывая, что второй вариант в документах встречается чаще, будем его считать достоверным. А вот сведений о родителях Ивана Яковлевича найти не удалось. Также нет сведений о том, когда он умер и где похоронен.

Хотелось бы знать: а каким образом И. Я. Сиротинин оказался купцом заштатного города Воскресенска, если работал в Москве? Объяснение напрашивается такое. Как уже говорилось, Иван Яковлевич был служащим в конторе (магазине?) купца М. Е. Попова и жил в его доме. В 1858 г. Максим Ефимович был избран на три года городским главой Воскресенска. Примерно в это же время, судя по всему, И. Я. Сиротинин женился на А. И. Кручининой. Надо полагать, Попов и посоветовал своему работнику записаться в купеческое сословие заштатного города. Подати (налоги) здесь были меньше, чем в Москве. Ну а переезжать в Воскресенск было вовсе не обязательно.

О тесной связи Сиротининых (Ивана

¹ Сергей Максимович Попов был двоюродным дядей для братьев Сиротининых. Но они были практически ровесниками: Сергей был младше Ивана на три года и младше Александра на один год.

<18>70-х годов и проводившие у нас праздники». Также припомнил, как в 1878 г. «В день погребения [П. Г. Цурикова] я с Пашей Финляндским и обоими Сиротиниными нес на подушках ордена Павла Григорьевича»⁴⁸. Ребята общались и позже, когда повзрослели. Сергей Попов вспоминал, как ставили домашние спектакли, в которых принимал участие Иван Сиротинин, как тот был шафером (т.е. распорядителем) на его свадьбе. Тот же Иван был поручителем (свидетелем) на свадьбе другого друга детства и родственника – Павла Финляндского.

В архиве ЦГАМ обнаружено «Дело Канцелярии Петропавловского училища По прошению об определении Александра и Ивана Сиротининых в число учеников реального училища»⁴⁹. Почему-то в самом деле все бумаги относятся к младшему брату Александру, а про старшего, кроме как упоминания имени в заголовке, ничего нет. Поэтому осталось непонятно, обучался ли Иван в этом училище или нет.

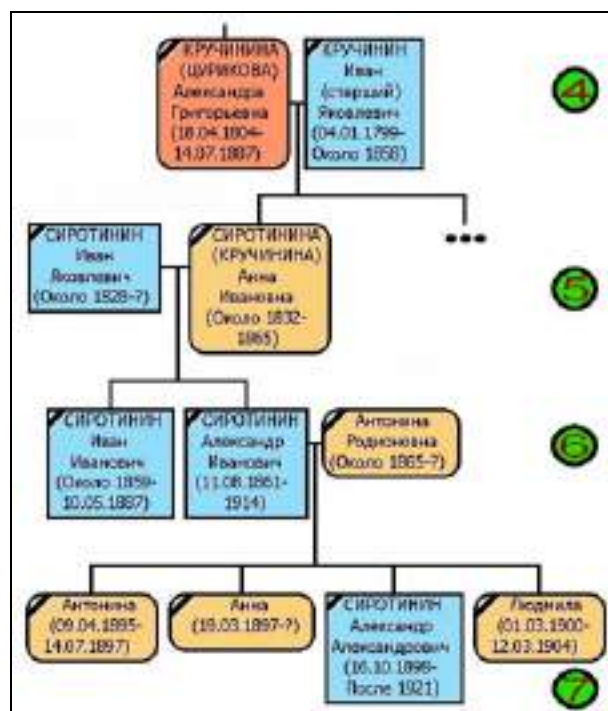
О судьбе И. И. Сиротинина написано в воспоминаниях Шуберт: «Старший из них – Иван Иванович долго болел в Крыму туберкулезом, от которого затем и умер». Долгое время не удавалось установить точную дату смерти и место его погребения. Эти сведения недавно были обнаружены в “Красносельском синодике” Алексеевского монастыря Москвы. В нем говорится, что 27-летний воскресенский мещанин Иван Иванович Сиротинин скончался 10 мая 1887 г.⁵⁰ По всей видимости, он не успел жениться, и умер бездетным. На этом исчерпываются сведения о старшем из братьев.

О жизни младшего **Александра Ивановича Сиротинина** (1861 – † 1914) информации удалось собрать больше. Он намного пережил своего брата, хотя и умер от той же болезни.

О юных годах Александра есть только один документ – то самое дело ЦГАМ об учебе в реальном училище. В нем всего несколько листов. В одном из них говорится, что Александр был сыном воскресенского мещанина, в 1881 г. обучался в шестом классе реального училища. Ему в это время было 20 лет и, как отмечено на другом листке, был приписан к воинскому призывному участку Воскресенска.

Петропавловское училище для мальчиков при евангелическо-лютеранской церкви Петра и Павла в Москве давало хорошее образование, его выпускники свободно владели иностранными языками. Как сказано об этом учебном заведении на сайте Википедии: «ученики обязаны были говорить между собой один день по-немецки, а другой — по-французски». Само училище находилось на Маросейке в Петроверигском переулке. А как раз в этом переулке в 1873 г. Максим Ефимович Попов приобрел особняк, который находился напротив училища. Поэтому вполне естественным выглядит то, что Александр на время учебы жил у родственников Поповых. В биографии фабриканта Сергея Максимова, составленной А. М. Шуберт, написано следующее: «в это время в антресолях [в доме на Маросейке], рядом с Сережей был поселен его сверстник – двоюродный племянник по матери – сирота А. И. Сиротинин – ученик немецкой школы при соседней лютеранской церкви Петра и Павла»⁵¹.

Позднее А. И. Сиротинин по примеру своего отца перешел на работу к Поповым, у которых и проработал долгие годы. Но, возможно, это произошло не сразу. Такое предположение вытекает из архивного дела о получении загранпаспорта. Об этом интересном документе подробно поговорим далее, а сейчас лишь отметим, что согласно приведенным в нем данным Александр в 1886 г. проживал в Москве на Домниковской улице в доме № 12. Это не случайный адрес. Забегая немного вперед, скажем, что это был доходный дом других родственников Финляндских, которые владели расположенным неподалеку колокольным заводом. Так что какое-то время Александр Иванович мог работать на предприятии по производству колоколов. Но есть и другая версия, она на-

Изо 9–13. Фрагмент древа
Цуриковых-Кручининых: Сиротинины.

прашивается после изучения переписки М. Е. Попова со своим сыном Александром. В одном из писем 1888 г. есть такие слова: «под рукой у меня Сиротинин». Через год было написано: «Для склада надо иметь подходящего и способного человека, взамен Сиротинина»⁵². Это означает, что в эти годы Александр Иванович работал в Москве на складе Товарищества Поповых (при этом проживал, возможно, в доходном доме на Домниковской улице).

В 1889 г. А. И. Сиротинин переехал на суконную фабрику (его бабушка Александра Григорьевна Кручинина, постоянно проживавшая в Ивановском, к этому времени уже умерла). Причина переезда очевидна – годом ранее фабрикой стал управлять Сергей Попов. Он и пригласил А. И. Сиротинина, хорошо знавшего немецкий язык, работать в конторе предприятия, пообещав ему заграничные командировки. Так и хотелось написать, что хозяин фабрики пригласил друга детства. Но, как оказалось, не все так просто. Как писала А. М. Шуберт, Сергей Максимович «не сошелся» с Александром Ивановичем. Анна Михайловна причину объясняет так: «Явно недолголюбил С.М. и своего двоюродного племянника [...] – А.И. Сиротинина – человека с независимыми взглядами и довольно резкого в своих высказываниях. [...] Чем вызывалась эта неприязнь – мне до сих пор не совсем понятно»⁵³. Но, с другой стороны, когда А. И. Сиротинин умер, то, как будет показано далее, С. М. Попов уступил для его захоронения свое место на Ваганьковском кладбище. Да и потом, Сергей Максимович был крестником родившихся детей Александра Ивановича. Все это явно не соответствует заявлению Шуберт о неприязни между родственниками. Что-то тут не так.

На Ивановской фабрике Александр Иванович трудился «конторщиком». В третьей главе была приведена коллективная фотография сотрудников Ивановской фабрики (изо 3–34). Снимок оказался подписан, в списке фамилий есть А. И. Сиротинин. Здесь приводится вырезка из этого фото (изображение отретушировано А. Н. Гольцевым).

Изо 9–14. А. И. Сиротинин,
(отретушировано), 1898–1904?

По книгам выплат жалования работникам Ивановской суконной фабрики можно проследить, какую заработную плату Александр Иванович получал в 1903 г.: «июнь – 125 [руб.], июль – 60, август – 75, сентябрь – 150 [и т.д.]»⁵⁴ (для сравнения отметим, что месячный заработок рядовых рабочих был на порядок меньше). Через десять лет А. И. Сиротинин, судя по выплатной ведомости, получал уже твердый оклад 100 рублей в месяц⁵⁵.

Получаемая зарплата была достаточной, чтобы вести хоть и небогатую, но вполне обеспеченную жизнь. Средств хватало и на поездки за границу. С. М. Попов не выполнил своего обещания о командировках, пришлось ездить за свои деньги. О заграничных поездках стало известно из архивного дела, в котором имеются прошения А. И. Сиротинина о получении паспорта для поездок за рубеж. Как оказалось, Александр Иванович четыре раза обращался с подобными заявлениями на протяжении 1886–1908 годов. И каждый раз его просьбы удовлетворялись. В деле сохранился один из выданных Сиротинину паспортов (следует отметить, что в то время в них еще не вклеивали фотографии). Как следует из проставленных в нем штампов: «Пошлин взыскано десять рублей. В пользу Российского Общества Красного Креста взыскано пять рублей»⁵⁶ (как видим, разрешения на выезд выдавались за деньги).

Относительно маршрутов заграничных поездок в деле, к сожалению, ничего не говорится. Но по проставленным в паспорте штампам кое-что можно понять. Так, например, в 1890 г. выезд из страны состоялся 14 апреля из г. Одессы, а возвращение произошло 16 июня (т.е. спустя два месяца).

Далее. 20 ноября 1900 г. Сиротинин выехал через железнодорожную станцию Вержболово¹, а вернулся обратно 25 марта следующего года (спустя четыре месяца). С какими целями А. И. Сиротинин выезжал за рубеж? Об этом можно только догадываться. Так через порт Одессы пролегал популярный пароходный маршрут паломников на Святую землю в Палестину. Ну а по железной дороге люди в то время часто отправлялись в Европу, например, на лечение. У Александра Ивановича была серьезная болезнь – туберкулез.

В 1896 г. А. И. Сиротинин стал одним из учредителей благотворительного общества при земской лечебнице в городе Воскресенске. Согласно отчетам этой организации первые три года он вносил взносы от 3 до 5 рублей⁵⁷. А потом почему-то перестал это делать, и его имя исчезло из списков «действительных членов общества».

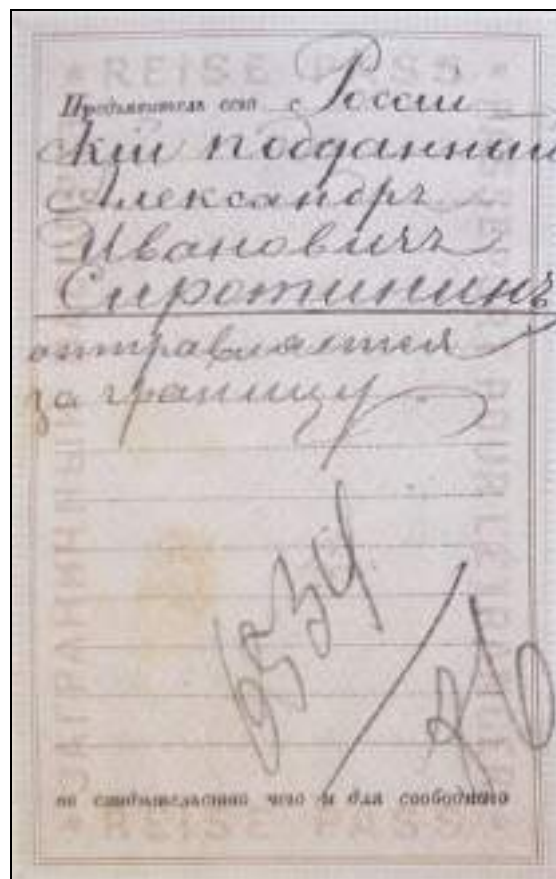
К этому можно добавить еще такой любопытный факт. В одном из писем служащего Ивановской фабрики Н. А. Кураева к Н. А. Попову речь идет о книгах (в том числе и по астрономии) и в связи с этим упоминается фамилия А. И. Сиротинина. Это свидетельствует о разносторонних интересах служащего фабрики.

В ноябре 1913 г., как следует из расчетной книжки, Александр был «переведен в Московскую контору»⁵⁸ Ивановской фабрики. Но недолго там проработал. В воспоминаниях С. М. Попова написано, что А. И. Сиротинин умер в 1914 г. от туберкулеза (как и его брат Иван).

Сергей Максимович решил похоронить родственника на Ваганьковском кладбище «на своем месте», которое предназначалось ему. Некрополь Поповых на кладбище сохранился. Однако надгробия А. И. Сиротинина на нем не оказалось. По-видимому, его просто не успели сделать. Это и понятно, ведь в тот год началась Первая мировая война, а через несколько лет в стране сменилась власть.

А. М. Шуберт писала, что А. И. Сиротинин был женат и имел сына. Однако ни имя жены, ни имя наследника в воспоминаниях не приведены. Узнать их имена удалось через интернет. На интернет-страничке И. Е. Шторм имеются сведения о четверых детях, родившихся в конце 1890-х годов в семье Александра Ивановича и его супруги Антонины Родионовны⁵⁹. Их звали Антонина, Анна, Александр и Людмила. О том, что это не какие-то однофамильцы, свидетельствуют имена крестных в записях о крещении детей. Это родственники – Анна Сергеевна Цурикова, Сергей Максимович и Любовь Сергеевна Поповы.

К сожалению, пока не удалось установить время и место бракосочетания Александра Ивановича, не удалось узнать девичью фамилию невесты Антонины Родионовны, из какого она рода. А вот записи о рождении их детей были

Изо 9–15, 9–16. Страницы паспорта
А. И. Сиротинина, 1900.

¹ Как написано в интернете, станция Вержболово, располагавшаяся на железнодорожной линии Петербург-Кенигсберг-Берлин, начиная с 1860-х годов была главными сухопутными воротами из России в Европу.

Изо 9–17. А. И. Сиротинин и
А. С. Цурикова (справа), 1890-е ?

найлены в метрических книгах в архиве ЦГАМ. Оказалось, что все появлявшиеся на свет малыши были крещены в Успенской церкви при Ивановской суконной фабрике. Получается, что семья Сиротининых проживала в Ивановском (жилые домики для работников имелись при фабрике). Но при этом Александр Иванович все это время числился Воскресенским мещанином. Более того, в документе 1908 г. (в деле о получении загранпаспорта) город Воскресенск указан как его место жительства.

Как все это понимать, где на самом деле проживала семья Сиротининых? Прямого ответа в документах нет, можно лишь строить предположения. На самом деле, запись в мещанское сословие Воскресенска вовсе не означала, что Александр Иванович обязательно в этом городе проживалⁱ. Ну а если текст в паспорте означал фактический адрес проживания, то где в городе он с семьей мог житьⁱⁱ? В архивных данных в списках владельцев недвижимости в Воскресенске фамилия Сиротинина ни разу не встретилась. И все же думается, что семья Александра Ивановича могла при необходимости найти кров в нашем городе, причем на длительное время. Достаточно вспомнить, что в Воскресенске постоянно проживала родственница и крестная мать Александра Ивановича А. С. Цурикова. Анна Сергеевна была богата, имела в собственности несколько домов в городе. При этом отличалась гостеприимством, любила

родственников и их детей. Так что вполне естественно, что вдова могла приютить близких ей людей. В подтверждение сказанного можно привести вырезку из приведенной ранее фотографии (изо 5–32), сделанной в Воскресенске. На ней Анна Сергеевна (справа) и ее крестник, внучатый племянник Александр Иванович.

Внуки Александры Григорьевны Кручининой – Сиротинины

Теперь хотелось бы поговорить о детях Александра Ивановича Сиротинина. Как уже говорилось, их было четверо. Две девочки (Антонина и Людмила) прожили всего несколько лет. О судьбе третьей дочери Анны никаких данных нет. Зато о сыне **Александре Александровиче Сиротинине** (1898 – † ?) удалось найти несколько архивных дел.

Родился Саша в 1898 г., его крещение состоялось в Успенской церкви при фабрике, восприемниками были Сергей и Любовь Поповы⁶⁰. Сохранились два архивных дела, посвященных поступлению Александра в «*частное реальное училище Товарищества Педагогов*» и учебе в нем. Любопытно, что адрес указан такой: «г. Воскресенск, Моск. губ., фабрика Попова». Отмечено, что Александр получил домашнее образование (это довольно странно, т.к. при фабрике было министерское училище).

В одном из дел оказался аттестат Александра Александровича, из которого следует, что он «*поступил [в реальное училище] августа 16 дня 1912 года, обучался при отличном поведении, по мая первого дня 1915 года и окончил полный курс*»⁶¹. Приведены оценки по различным предметам, в основном «*хорошие*» и «*удовлетворительные*». Как написано в деле, с августа 1915 по май 1916 А. А.

ⁱ Это сродни тому, как в наше время у многих людей не совпадает адрес регистрации (прописки) с местом фактического проживания.

ⁱⁱ У кого-то может возникнуть вопрос: а как же быть с тем, что А. И. Сиротинин работал на Ивановской фабрике? Думается, что это не было большой проблемой, расстояние от фабрики до города всего 7 верст (по прямой). Вполне можно было если не ежедневно, то в выходной день приезжать на лошади в Воскресенск к своей семье и потом обратно возвращаться на работу.

Сиротинин обучался в дополнительном классе того же училища. Надо полагать, что это было нужно для получения рекомендации к поступлению «в высшие учебные заведения».

Осенью 1916 г. Александр Александрович поступил в «Императорское Московское техническое училище» (ныне МВТУ). Об этом написано в третьем архивном деле, оно несколько иное, чем первые два. Во-первых, в нем была приложена фотография студента. Во-вторых, в деле оказалось довольно много информации о воинской обязанности. В одной из бумаг написано, что студент Сиротинин «признан во все негодным к военной службе»⁶², стоит дата 14 июня 1917 г.

Александр продолжил учебу и после революции. Это подтверждает документ, выданный в сентябре 1920 г. В нем написано, что Сиротинин «освобождается от служебных обязанностей при Гараже Автоотдела Центросоюза для продолжения учебных занятий». В 1921 г. Александр по-прежнему являлся студентом МВТУ.

О дальнейшей судьбе А. А. Сиротинина можно сказать следующее. Был ли он женат, имелись ли дети – на все эти вопросы в документах ответов нет. Однако А. М. Шуберт в своих воспоминаниях писала, что сын Александр заразился туберкулезом от своего отца и скончался, «после смерти которого и исчезли потомки Григория Михайловича Цурикова по линии Сиротининых». Когда это случилось – не сказано.

Изо 9–18. А. А. Сиротинин, 1916?

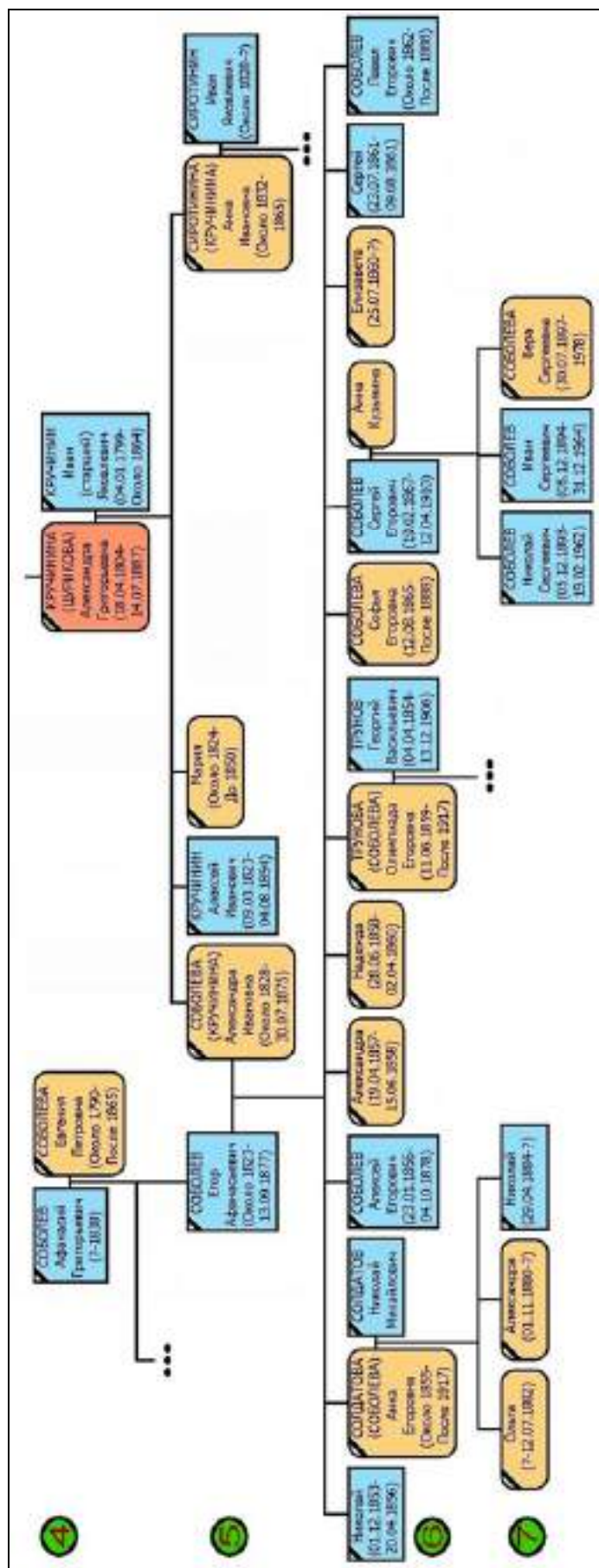
Род Кручининых: ветвь Соболевы

Переходим теперь к рассказу о последней дочери Александры Григорьевны – **Александре Ивановне Соболевой** (урожд. **Кручининой**, ок. 1828 – † 1875).

В нескольких источниках удалось обнаружить сведения о ней и ее семье, которая была довольно многочисленной. В метрической книге Петропавловской церкви села Лужки найдена запись о бракосочетании, состоявшемся 18 января 1853 г. Женихом был «Московский 3-й гильдии купец Бронной слободы Георгий Афонасьев Соболев, православного исповедания, первым браком», а невестой «Звенигородская мещанка девица Александра Иванова Кручинина, православного исповедания»⁶³. Поручителями (свидетелями) со стороны невесты были записаны ее родственники: «Звенигородский 3-й гильдии купец Максим Ефимов Попов, Московский 3-й гильдии купец Дмитрий Васильев Финляндский, Московский 3-й гильдии купеческий сын Иван Иванов Бахмачевский».

Из каких мест был жених? В книге «Суконщики Поповы» фамилия Соболев встречается неоднократно. В Москве, вблизи Кремля, находилась гостиница «Лоскутная», которая в конце XIX столетия принадлежала М. Е. Попову. Ее управляющим был «Михаил Иванович Соболев, почтенный, солидный господин. [...] Соболев был, вероятно, обеспеченный человек, имел какую-то землю около Сочи»⁶⁴. Была ли родственная связь между упомянутыми Соболевыми: управляющим Михаилом Ивановичем и купцом Егором (Георгием) Афанасьевичем? Ответа на этот вопрос, увы, найти не удалось. Вероятно, это просто были однофамильцы, ведь фамилию Соболевых не отнесешь к редкой. И все же исключать наличие дальнего родства нельзя.

В поиске родословной супруга Егора Афанасьевича помогли дореволюционные справочники Найденова об истории Московского купечества. В материалах 9-й ревизии (1850) были обнаружены сведения о Соболевых. Отцом Егора оказался Серпуховской купец (в конце жизни ставший мещанином) Афанасий Григорьевич Соболев⁶⁵. Он был женат на Евгении Петровне, в их семье были сыновья Николай, Егор и Павел (первые двое купцы, третий мещанин). О сыне Егоре приведены сведения в другом справочнике Найденова за 10-ю ревизию (1858). В нем говорится о семье московского купца 3-й гильдии Бронной слободы Егора Афанасьевича Соболева: жена «Александра Иванова – 24 [года], дочери – Анна 3, Александра – 1»⁶⁶.

Изо 9–19. Фрагмент древа Цуриковых-Кручининых: Соболевы, Солдатовы.

Оказалось, что это далеко не все дети. По собранным из разных источников данным в семье Соболевых было не менее 11 детей. Их имена и даты жизни (которые удалось установить) приведены в древе. Традиционно для того времени не все дожили до взрослых лет, некоторые скончались в детстве. Тому есть наглядное свидетельство. На Ваганьковском кладбище (участок 15), где находится некрополь Поповых, оказался памятник с надписью «младенец Николай Соболев». Судя по выбитым на камне датам, малыш прожил всего два с половиной года. В воспоминаниях Шуберт о нем написано: «В том же 1856 г. на этом семейном месте был похоронен первый правнук Григория Михайловича Цурикова – трехлетний Коля Соболев [...] Ему был поставлен также белый мраморный памятник»⁶⁷ (памятник сохранился, правда, он оказался из темного камня). Та же родственница в другой раз вспоминала: «Я лично бывала в детстве в [18]80-х годах на елке у Соболевых, детей Алдры Ивановны (ур. Кручининой) и Егора Афанасьевича Соболевых. Это были люди среднего достатка, едва ли получившие законченное хотя бы среднее образование. Помню их старшего брата Сергея Егоровича и его сестер (Олимпиаду, Анну и Софию)».

Важные сведения оказались в одном из писем, обнаруженном в архиве РГАДА. Письмо было написано П. Г. Цуриковым рубцовскому помещику Д. Д. Голохвастову (орфография оригинала сохранена):

«Милостивый Государь Дмитрий Дмитриевич с сим уведомляю вас что я вчерашнего дня получил из Москвы от моего зятя господина Попова [Максима Ефимовича – Авт.] письмо в котором меня уведомляет чтобы я немедленно ехал в Москву для приведения дел только недавно умершаго моего племянника Собалева и паси [жены] ево. Осталось 6 человек круглых сирот и дом у них назначен в продажу которой мною им был выстроен для содержания етова семейства. Они успели оной дать заложить тому год наза и вот прииол срок и назначен в продажу и для онаго нужно непременно быть севодня мне в Москве. [...] остаюсь с истинным уважением и такою же преданностью вам милостивый государь покорный слуга П. Цуриков. 22-го сентября 1877 года»⁶⁸.

В этом послании хотелось бы обратить внимание на следующие детали. Павел Григорьевич пишет о доме, который когда-то выстроил на личные средства для семьи своей племянницы. Теперь родне вновь понадобилась помощь после того, как Егора Афанасьевича и Александры Ивановны Соболевых не стало, и их дети остались круглыми сиротами. А дом в Москве, в котором они жили, за долги был назначен к продаже. И хотя в документах не говорится о том, как разрешилась возникшая проблема, однако не возникает сомнений, что Павел Григорьевич и на этот раз помог родственникам. Подтверждением этого служат сведения из исторических источников о том, что дети Соболевых проживали в указанном доме и после 1877 г.

Удалось установить адрес дома, о котором шла речь в письме Цурикова. По городской документации это было владение № 204/198 в Якиманской части Москвы.

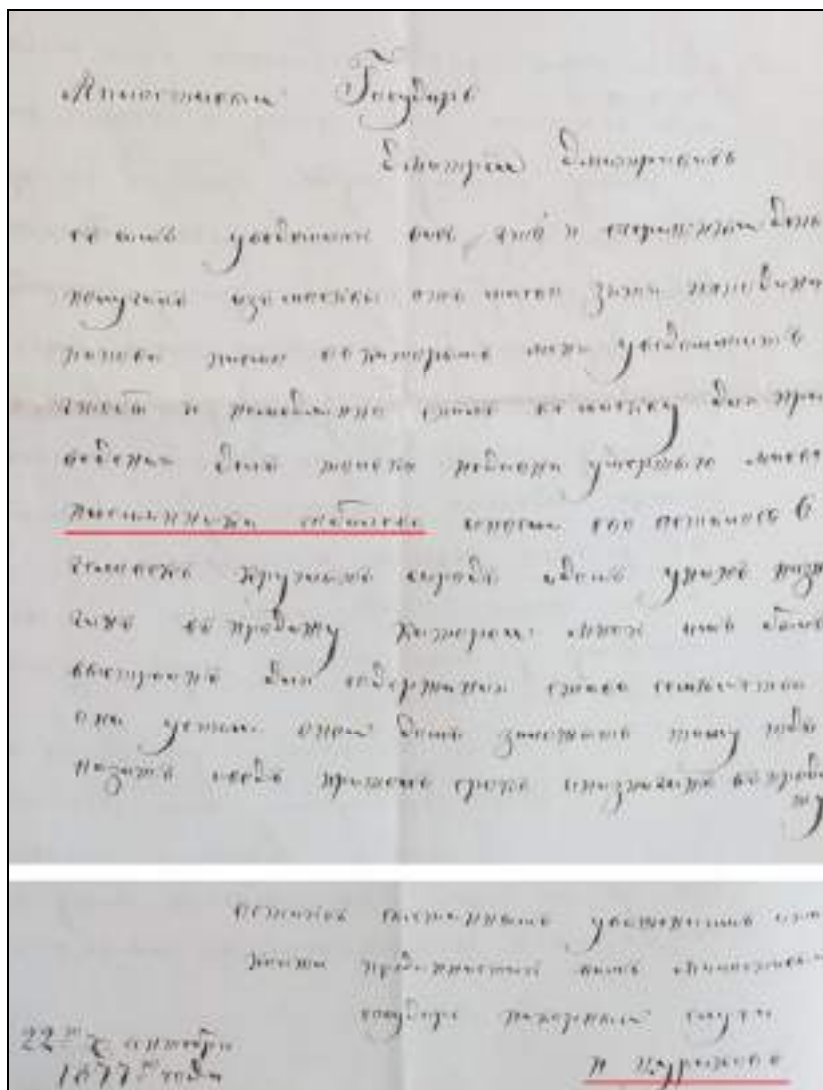
Информация об истории указанного городского участка была найдена в архиве НТДМ. В 1834 г. двор с постройками принадлежал купцу Петру Александровичу Оконишникову⁶⁹. В деле приведен рисунок фасада строения и план территории.

В том же архивном деле имеется информация о том, что в 1846 г. хозяйкой указанного участка с постройками в Малом Толмачевском переулке была Евгения Петровна Соболева (ее мужа серпуховского купца Афанасия Григорьевича к тому времени уже не было в живых). Поблизости находилась приходская церковь Святителя Николая «в Толмачах» (храм этот сохранился, ныне он является домовым при Третьяковской галерее). По исповедкам данного храма видно, что, начиная с 1845 г. Евгения Петровна вместе со своими сыновьями Павлом, Николаем и Георгием (Егором) ежегодно причащались.

Так продолжалось более десятилетия. Как выше уже говорилось, в 1853 г. сын владелицы дома Егор Афанасьевич женился на Александре Ивановне Кручининой. Молодая жена переехала к мужу. Здесь в Малом Толмачевском переулке родились их первые дети. В метрической книге Никольской церкви за 1856 г. обнаружены записи: 23-го января зарегистрировано рождение у Егора Афанасьевича сына Алексея (восприемницей была «Звенигородского 2 гильдии купца Павла Григорьева Цурикова жена Анна Сергеева»⁷⁰), а 19-го апреля – смерть сына Николая (это тот самый мальчик, чей памятник сохранился на Ваганьковском кладбище).

Вскоре Соболевы сменили место жительства. Они переехали к родственникам Поповым, стали жить в их доме на Новинском бульваре. В местной приходской «Девятинской» церкви было проведено крещение появившихся на свет детей: Александры (1857), Надежды (1858), Елизаветы (1860)⁷¹.

Муж Александры Ивановны, купец Егор Афанасьевич Соболев торговал шелковой материей, у него была своя лавка в торговых рядах. Поначалу дела шли хорошо, а потом он обанкротился. В январе 1864 г. купец был объявлен несостоятельным должником. Об этой истории сохранилось четыре архивных дела, в них довольно много интересной информации. Вот что написано о причине банкротства:

Изо 9–20. Фрагменты письма П. Г. Цурикова Д. Д. Голохвастову. 1877.

«Должник Соболев в отобранном от него показании объяснил: торговлю шелковым товаром начал в 1846 году на капитал накопленный от жалования прикащика в количестве 6000 рублей ассиг. постоянно при помощи кредита разширяя круг торговли. Причины же торгового упадка заключаются между прочим в том, что оставшийся непроданным вышедший из моды товар, вынужден был продавать ниже цены по которой сам приобретал оный. Кроме того товар цветов нежных и при том дорогой который необходимо иметь при торговле, находясь в каменной лавке, в сырое время [нрзб] от чего теряют свою цветность и был по необходимости продаваем по цене меньшей, противу той, по которой был покупаем, что составляло значительный убыток. Сверх сего главная причина упадка есть та, что часто для оправдания векселей, он вынужденным находился продавать товар по той цене, по которой сам покупал лишь бы иметь возможность оправдывать векселя. Между тем по содержанию лавки и семейства требовались расходы. Все это взятое вместе с возвышением цен на шелк а следовательно и на материи, от чего самая продажа материи уменьшилась, привело в упадок его торговлю, и лишило возможности оправдывать своевременно векселя, почему и был объявлен несостоятельным. Книги по торговле вел вексельную и писанную карандашом продажную, положенных торговых книг не вел, потому что сам по своему малому образованию, вести не мог, а нанимать при своей розничной торговле Бухгалтера не имел средств. От чего не мог делать ежегодно инвентариума [инвентаризацию] товарам»⁷².

Когда Егор Афанасьевич не смог вовремя расплатиться по векселям, то к нему стали с претензиями обращаться кредиторы. Было заведено дело о несостоятельности купца, назначено «Конкурсное управление». Были подсчитаны все претензии кредиторов, их оказалось на 42.567 рублей (среди них был долг в 3.600 руб. родственнику Д. В. Финляндскому). Соболев все эти долги признал. Составили полную опись имущества должника. В торговой лавке оказалось непроданного товара (различных кусков шелковой материи) примерно на 15.000 руб. Когда пришли в дом купца, то «кроме мебели и домашней утвари, никакого другого имущества не оказалось»⁷³. При этом право на домашнее имущество было оспорено женою купца, а также владелицей дома М. Г. Поповой.

Помимо этого, Александра Ивановна Соболева заявила, что передала мужу из своего приданого 3.750 руб., которое ей подарил дядя, владелец Ивановской фабрики. В деле имеется подтверждение дарителя, что эти деньги: «есть доверительницы ею приданное, которое она получила от меня, Цурикова при выходе ея за Егора Соболева в замужество. Я, Цуриков, наградил ее капиталом, из числа котораго, как потом стало мне известно, три тысячи семь сот пятьдесят рублей серебром мужем ея Егором Соболевым употреблены на торговлю, о чем и мы Попов и Бахмачевский знаем, и потому показание Соболевой удостоверяем. Сентября 1865»⁷⁴.

Вся эта история с процедурой банкротства длилась более года. Александра Иванова подала заявление в конкурсную комиссию: «я при постоянно болезненном моем состоянии и с четырьмя малолетними детьми, лишена средств к существованию и содержанию моего семейства». Конкретную сумму необходимой помощи не называла, один из кредиторов посчитал, что будет достаточно 10 рублей в месяц. Однако большинство других кредиторов определили сумму в 75 рублей. Суд же утвердил размер выплат на семью 20 рублей в месяц.

Из материалов архивных дел о банкротстве следует, что Е. А. Соболев не только был должником, но и ему были должны разные люди. Суммарно выходило чуть более двух тысяч рублей. Только эти долги не были оформлены как положено. И Егор Афанасьевич просил разрешения отправиться на Нижегородскую ярмарку, чтобы там лично с должников потребовать вернуть свои деньги. Но на это не все кредиторы были согласны. Напротив, были и такие, кто требовал заключения купца во временную тюрьму. Но практика в то время была такова, что содержание под стражей необходимо было оплачиваться. Нашелся один из кредиторов, согласный на такие траты. Но остальные кредиторы были против отправки должника в тюрьму, и Егор Афанасьевич остался на свободе.

После продажи оставшегося в лавке Соболева товара (а за него удалось выручить только половину цены – 7.438 руб.), после сбора денег с должников (тут денег было собрано еще меньше: из двух тысяч вернули только 340 руб.) оказалось, что на каждый рубль долга кредиторы могут рассчитывать получить только шесть копеек.

Конкурсное управление вынесло такое решение: «в деле Соболева, никаких обстоятельств не находится, которые изобличали бы его в умысле или в подлоге, нельзя не только признать но и подозревать его в умышленном банкротстве, а потому по определению 24 сентября сего года поло-

жило: несостоятельность Соболева как произошедшую от собственной вины его в том, что он не имел собственных средств входил в кредит, которого оправдывать не мог»⁷⁵. В итоге «несостоятельность» Егора Афанасьевича была признана «неосторожной», т.е. произошедшая без злого умысла. Кредиторы простили Соболеву оставшуюся сумму долга. На такое их решение повлияло и то, что купец Иван Иванович Бахмачевский добровольно предложил остальным кредиторам из своих средств выплатить по 3 копейки на каждый рубль долга. Почему Бахмачевский так поступил – осталось непонятно. Возможно, банкрот был для него не посторонним человеком¹.

Хотелось бы подвести краткий итог истории о банкротстве Е. А. Соболева. Как видим, он не был мошенником, не отрицал своих долгов и не бегал от кредиторов. Просто оказался не таким удачливым купцом, как П. Г. Цуриков или М. Е. Попов. Можно сказать, что благополучно выпутался из сложившейся трудной ситуации. Его не стали сажать в тюрьму. И даже домашнее имущество отобрано не было. После завершения этой истории Егор Афанасьевич прожил еще более десяти лет, но уже как мещанин, а не купец.

В доме Поповых на Новинском бульваре Соболевы проживали как минимум до 1865 г. Через какое-то время Егор Афанасьевич с семьей переехал в Малый Толмачевский пер., где был родительский дом. Когда это случилось – в документах не сообщается. Как следует из архивного дела НТДМ, в 1872 г. Е. А. Соболев подал прошение о разрешении построить в своем владении двухэтажное деревянное строение для жилья. В деле не говорится, на чьи средства должно осуществляться строительство. Но и так понятно, что это были деньги родственника П. Г. Цурикова (об этом сказано в том самом его письме Голохвастову, приведенном ранее).

Во все том же деле НТДМ имеется описание существовавших на момент подачи прошения строений на участке в Малом Толмачевском переулке: «Под № 1 деревянное одноэтажное с антресолями и с подвальным нежилым этажами; № 2 низ каменный, а верх деревянный, с подвальным жилым этажом; № 3 двухэтажные сени с № 4 ход в подвальный этаж; № 5 деревянная одноэтажная беседка; № 6 деревянное одноэтажное холостое предполагаемое к ломке»⁷⁶. Как видим, достаточно скромным оказался участок, все находившиеся на нем постройки были деревянными и небольшими. По справочнику оценка годового дохода владения составляла 826 руб.⁷⁷.

В 1874 г. хозяйкой владения в Малом Толмачевском переулке была уже Александра Ивановна Соболева. Это притом, что ее муж был жив. Возможно, на смене хозяина участка настоял давший деньги на строительство дома П. Г. Цуриков из-за опасения, что Е. А. Соболев вновь влезет в долги (так в итоге и случилось).

Но кто ж мог предвидеть, что уже через год, в 1875-м, скончается Александра Ивановна, а менее чем через два года умрет и муж Егор Афанасьевич. Оба были не старыми, прожили около 50 лет. Супруги были похоронены на Ваганьковском кладбище (их могилы оказались на участке 15 по соседству с некрополем Поповых). Памятник сохранился (GPS 55.76709, 37.55345), правда, без креста наверху.

Изо 9–21. Памятник супругам Соболевым на Ваганьковском кладбище, 2022.

¹ Фамилия купца Бахмачевского неоднократно встречалась в различных делах, в которых шла речь о Цуриковых, Поповых и других людях. Он был свидетелем на свадьбе Е. А. Соболева, а потом стал крестным его детей. В исповедной ведомости Вознесенской близ Сретенки церкви за 1850 г. после имен членов семьи М. Е. Попова и Ивана Цурикова идет «Рязанской губернии, города Спасска купеческий сын Иван Иванов Бахмачевский» (ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1591. Л.186об). Если вспомнить, что М. Е. Попов пришел в Москву из той же Рязанской губернии, то можно предположить, что это давний его знакомый, возможно, даже родственник.

Внуки Александры Григорьевны Кручининой – Соболевы

Поговорим теперь о потомках Соболевых. В письме П. Г. Цурикова говорилось о шести детях, которые остались сиротами после смерти племянницы Александры Ивановны и ее мужа. Им грозило выселение из дома и нищета, благодетелю пришлось срочно спешить на помощь.

О детях Соболевых удалось собрать такие сведения. Сын Алексей прожил 22 года и умер вскоре после кончины родителей (его имя выбито на памятнике на Ваганьковском кладбище). Пятеро остальных прожили дольше: Анна, Олимпиада, Софья, Сергей, Павел. Об Анне, после замужества ставшей Солдатовой, и об Олимпиаде, ставшей Труновой, поговорим позже. А сейчас остановимся на трех других детях.

По данным справочника жителей Москвы 1886 г. хозяева дома № 3 в Малом Толмачевском пер. были: «Соболевы Сергей, Софья и Павел Егоровичи, мещ.»⁷⁸. Такая же запись оказалась в аналогичном издании и за 1890 г. После этого имя **Софии Егоровны Соболевой** ни в одном документе не встречается. Видимо, вышла замуж, сменила фамилию и уехала из дома. Далее ее следы теряются.

Согласно одному из архивных дел середины 1880-х годов **Павел Егорович Соболев** проживал в Москве в гостинице “Лоскутная”. Эта гостиница принадлежала богатым родственникам купцам Поповым и есть основания полагать, что Павел работал на них. Других сведений о нем нет.

Художник Сергей Егорович Соболев

О брате Павла **Сергее Егоровиче Соболеве** (1867 – † 1910) информации намного больше. В справочнике Москвы за 1892 г. он записан единственным владельцем дома в Малом Толмачевском пер. Потом Сергей почему-то сменил адрес жительства, и в 1901 г. он уже владелец другого дома, который находился по адресу: «*Олений Малый проспект*»⁷⁹, строение № 1698. Это владение оставалось у него и в 1905 г. А потом имя Сергея Егоровича из подобных изданий исчезло.

Сведения о С. Е. Соболеве были найдены в архивном деле о мещанах Бронной слободы Москвы. Из него стало известно, что он женился на Анне Кузьминой (Кузьминичне?) У них родились сыновья Николай, Иван и дочь Вера, указаны годы рождения⁸⁰ (даты приведены в древе).

В воспоминаниях А. М. Шуберт имеются такие слова: «*Что касается Соболевых, то их потомки здравствуют и поныне: несколько лет назад мне передали привет от некоего моего якобы родственника художника Соболева*». К сожалению, как звали художника, Анна Михайловна не написала, высказывала только предположение: «*Вероятно, он был сын Сергея Егоровича*» (текст датирован 1960 г.).

Поиск в интернете выдал одно подходящее имя – это московский художник **Иван Сергеевич Соболев** (1894 – † 1964). В Госкаталоге оказались две его картины, которые хранятся в сибирском музее “Шушенское”, здесь приводится фотокопия одной из работ.

Для получения дополнительной информации о художнике был отправлен запрос в РГАЛИ.

Изо 9–22. Утро в декабре в Аджарии⁸¹, худ. И. С. Соболев, 1955.

Работник этого архива К. В. Яковлева провела поисковую работу в различных фондах и описах, было просмотрено более десятка архивных дел. В итоге получилась довольно обширная справка о творческой биографии И. С. Соболева со ссылками на первоисточники (шифрами архивных дел). Полученный из архива текст (с некоторыми сокращениями) приведен в приложении–15, здесь же остановимся на основных моментах биографии художника.

Яковлевой по архивным данным РГАЛИ удалось установить дату и место рождения Ивана Сергеевича Соболева – Москва, 5

декабря 1894 г. Это важные сведения. Дело в том, что оставались некоторые сомнения – а не полный ли это тезка? Все же фамилия распространенная. Но нет. Приведенная дата рождения в точности совпадает с той, что указана в упоминавшемся архивном деле о мещанах Бронной слободы Москвы. И хотя имена родителей Сергея в ответе из архива не указаны, теперь уже нет сомнений, что собранная информация о художнике Иване Сергеевиче относится к сыну, родившемуся в семье Сергея Егоровича.

Продолжим цитирование ответа, полученного из РГАЛИ. В 1915 г. И. С. Соболев «поступил вольным посетителем в Училище живописи, ваяния и зодчества». После революции училище было переименовано в Высшие государственные художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС), в нем он продолжил учебу. В ответе был указан адрес проживания художника: «Малый Толмачевский пер., д. 3, к. 4». Адрес знакомый. Как уже отмечалось, в доме по указанному адресу жило несколько поколений Соболевых. Это еще одно доказательство того, что художник принадлежал к потомкам Цуриковых и Кручининых.

В ответе из архива приведен список художественных работ Ивана Сергеевича, перечислены выставки, в которых он участвовал. Также говорилось, что «И.С. Соболев по крайней мере с середины 1930-х годов работал преимущественно в области монументальной живописи в технике фрески и сграффито». Как оказалось, он расписал множество кинотеатров и дворцов пионеров (перечислено более десятка объектов в разных городах СССР, включая лоджию фасада здания посольства Чехословакии в Москве). Помимо этого отмечено, что И. С. Соболев «В 1942–1945 гг. находился в рядах Красной армии».

Эти данные нашли подтверждение на сайте «Память народа», где была обнаружена информация о Соболеве Иване Сергеевиче⁸². К сожалению, на его страничке нет данных о прохождении воинской службы, нет сведений об участии в боевых действиях и наградах. Зато приведен адрес жительства перед войной (Москва, ул. Володарского, д. 12, кв. 42).

В конце ответа, полученного из РГАЛИ, написано, что И. С. Соболев «10 февраля 1958 г. был вынужден уйти на пенсию по состоянию здоровья. [...] Умер в 1964 г., похоронен на 7-м участке Ваганьковского кладбища в Москве».

Захоронение художника сохранилось, правда, его удалось отыскать далеко не сразу. Могила Ивана Сергеевича оказалась не рядом с захоронениями родственников Соболевыми и Поповыми (уч. 15), и не «на 7-м участке», как написано в ответе, а в другой части Ваганьковского кладбища (уч. 6). Памятник И. С. Соболеву оказался небольшим и скромным (GPS 55.77072, 37.55250). На нем указана дата рождения 25.12.1893, которая почти на год отличается от архивных данных. Очень здорово, что на могильной плите была прикреплена изготовленная на керамике фотография. Это пока единственное изображение художника, которое удалось обнаружить. Рядом с его могилой оказались захоронения людей с фамилиями Богдецкая¹ и Толоконниковы, некоторые из них скончались в начале XXI века. По ухоженному виду могил и памятников видно, что сюда приходят люди. Это дает надежду на то, что потомки художника живы и линия рода Цуриковых–Кручининых–Соболевых продолжается. Жаль только, что никто из потомков художника не откликнулся на предложение выйти на личный контакт.

Далее. На другом участке Ваганьковского кладбища (уч. 15), рядом с захоронением Егора Афанасьевича и его супруги Александры Ивановны Соболевых (дедушки и бабушки художника) оказался отдельно стоящий памятник, на котором выбиты слова: «Соболевы Николай Сергеевич ск. 19.2.1962. Елена Петровна ск. 5.11.1995». Это брат художника и, надо полагать, его жена. В основании памятника Егора Афанасьевича внизу написано имя: «Соболева В. С. 1897–1978». Видимо, это Вера, третий ребенок Сергея Егоровича.

Изо 9–23. И. С. Соболев, 2021.

¹ Сразу за скромным памятником И. С. Соболева стоит большой надгробный камень, на котором выбито: «Лидия Михайловна Богдецкая скончалась 16/29 мая 1919 г. 23 лет». Учитывая сам факт совместного захоронения, и что эта женщина была на два года моложе художника, напрашивается предположение, что она могла быть его женой.

Род Кручининых: ветвь Солдатовы

Переходим к следующим внукам Александры Григорьевны Кручининой. Речь далее пойдет о другой дочери Александры Ивановны Соболевой, которая после замужества стала **Анна Егоровна Солдатова** (урожд. **Соболева**, ок. 1855 – † ?).

В воспоминаниях А. М. Шуберт о ней всего несколько слов: «*На елке мы бывали у детей Анны Егоровны, по мужу Солдатовой*». К сожалению, не сказано, как звали супруга, нет имен детей. Кое-что удалось узнать с помощью исследователя Н. П. Машковой. Она помогла установить имя мужа – им оказался Николай Михайлович Солдатов. А из записи в метрической книге о рождении в 1880 г. у Анны Егоровны дочери Александры стало известно, что отец девочки ранее был «*Владимирской Губернии Юрьевский мещанин*»⁸³ (позже стал купцом в Москве). В той же записи говорится о крестном – «*Переславский 2 гильдии купец Михаил Михайлов Солдатов*» (наверное, это брат отца ребенка). Увы, годы жизни Николая Михайловича остались неизвестными, как и место его захоронения.

Супруги Солдатовы жили в том самом доме № 3 в Малом Толмачевском пер., где прежде проживали Соболевы. Через какое-то время это владение стало принадлежать Анне Егоровне. Впервые ее имя в качестве владелицы дома было найдено в издании «Адрес-календарь Москвы» за 1893 г.⁸⁴. И с тех пор до самой революции А. Е. Солдатова оставалась хозяйкой дома № 3. По тому же адресу был записан ее супруг Николай Михайлович. В аналогичных справочниках других лет указывалось, что он занимался «*чаем, сахаром и растительным маслом*» (видимо, их продавал). В издании 1900 г. помимо этого написано: «*Серпух. Попеч-во о Бедн.*»⁸⁵. Это означает, что Н. М. Солдатов был членом Серпуховского отделения попечительного комитета о бедных, находящегося в Москве (видимо, недолго им был, т.к. в изданиях последующих лет этой информации нет).

Ранее в материале о Соболевых упоминалось дело НТДМ с информацией о доме № 3 в Малом Толмачевском пер. В указанном деле сохранилось прошение Анны Егоровны Солдатовой 1902 г., в котором она запрашивала разрешение на постройку одноэтажного нежилого здания «*для отхожего места и прачечной*», был приложен рисунок фасада и план строения⁸⁶. Разрешение от властей было получено.

Обнаружены два дела 1914 г. с описанием владений, хозяйкой которых была жена купца А. Е. Солдатова. В то время ей уже принадлежал не только дом № 3 по Малому Толмачевскому пер., но и соседний дом № 5, купленный в 1906 г. В обоих зданиях имелся водопровод и канализация.

Размер первого владения указан 198 кв.саж., на нем находилось три дома. Первый двухэтажный деревянный дом сдавался для проживания, на его этажах было по одной квартире в шесть «*светлых комнат*». Каждая квартира по оценке приносила по 600 руб. дохода в год, итого 1.200. Помимо этого, на участке имелся одноэтажный дом с шестью комнатами для проживания домовладелицы с доходностью в 900 руб. Третье строение было каменным в два этажа. На втором этаже проживала прислуга. В документе приведены сведения о расходах по владению (суммы округлены до рублей): «*На содержание ночных сторожей – 39. На застрахование строений – 71. На водоснабжение – 68. На освещение*

домовых фонарей – 6. На содержание тротуаров – 11»⁸⁷. Отдельно прописан «*расход на очистку и вывозку нечистот – 56*». После вычета расходов получился чистый доход 1.123 руб. Схожие цифры приведены и для второго владения (дом № 5). В нем было два жилых и одно нежилое строение. Имелись также конюшня и даже коровник (это в Москве то!) Чистый доход равнялся 838 руб.

О том, когда скончалась, и где похоронена Анна Егоровна Солдатова, информации нет. Похоже, что она дожила до революции.

Какова судьба строений по Малому Толмачевскому переулку? В упомянутом деле НТДМ есть чертежи 1925 г., на которых отображены планируемые перестройки внутри зданий, разграничение помещений на отдельные квартиры с одновременным проведением ремонта (замена полов, установка дополни-

Изо 9–24. Чертеж новой прачечной в Малом Толмачевском переулке, 1902.

тельных печей). Указан и владелец участка «управление ГЖД¹». Были ли выполнены планируемые работы – сказать трудно, об этом в деле не сказано. Но вот о чем можно говорить совершенно точно, так это о том, что исторический дом № 3, в котором жили потомки Цуриковых–Кручининых Соболевы и Солдатовы, не сохранился. Ныне эта территория принадлежит Третьяковской галерее, на том месте недавно было построено большое административное здание.

В семье Солдатовых были дети (они показаны в приведенном древе Соболевых). К сожалению, сведения о них отрывочные. Выше уже говорилось о рождении у Анны Егоровны дочери Александры. Ее рождение и крещение зарегистрированы в метрической книге Никольской церкви в Толмачах. Причем в записи стоит пометка о проживании семьи в доме Соболевых. Там же четыре года спустя родился сын Николай⁸⁸. А о еще одном ребенке стало известно после посещения Ваганьковского кладбища. На семейном некрополе Соболевых рядом с захоронением Егора Афанасьевича и его супруги Александры Ивановны оказался небольшой скромный памятник с надписью «*младенец Ольга Солдатова сконч. 12 июля 1882 года*». Очевидно, что это был рано умерший ребенок.

На данный момент нет сведений о том, есть ли живые потомки Солдатовых.

Род Кручининых: ветвь Труновы

Теперь поговорим о второй дочери Александры Ивановны Соболевой, которая имела редкое имя Олимпиада. В воспоминаниях А. М. Шуберт о ней есть несколько строчек: «*Олимпиада Егоровна была замужем за известным в Москве фотографом Труновым, державшим свое, может быть первое в Москве, фотоателье на Кузнецком мосту. (Оно было открыто при материальном содействии бабушки нашей, Матрены Григорьевны; дано Олимпиаде Егоровне, как приданое)*».

На этом до недавнего времени исчерпывались сведения, которые были известны об этой дочери А. И. Соболевой и ее семье. В результате кропотливой поисковой работы были обнаружены интересные данные, к изложению которых и переходим.

Надо признаться, что о самой **Олимпиаде Егоровне Труновой** (урожд. **Соболевой**, 1859 – † ?), в отличие от ее мужа, сведений удалось собрать не так много. Запись о рождении была найдена в метрической книге Девятинской церкви на Пресне⁸⁹, восприемницей при крещении записана А. С. Цурикова. А вот сколько Олимпиада Егоровна прожила – данных нет, можно лишь говорить о том, что в 1917 г. была еще жива. По данным архивного дела о мещанах Гостиной слободы в этот год О. Е. Трунова проживала в Петроверигском пер.⁹⁰, в доме № 6. Это адрес дома родственницы Матрены Григорьевны Поповой – той самой, которая дала деньги на приданое к свадьбе (кстати, родилась Олимпиада также в доме купцов Поповых, только было это на Новинском бульваре).

До переезда в Петроверигский пер. Олимпиада Егоровна проживала в Толмачевском пер. в доме № 3 у своей сестры Анны Солдатовой, занимала квартиру на первом этаже двухэтажного дома⁹¹. Правда, на момент составления документа (1901) фамилия Труновой оказалась зачеркнута, поверх нее вписана другая фамилия. Это означает, что она к этому времени освободила помещение.

С поиском информации о супруге Олимпиады сначала возникали трудности, ибо было непонятно: кого и где искать? Ведь имя и отчество фотографа в цитате Шуберт указаны не были, только фамилия Трунов. Полное ФИО удалось найти в деле, которое можно назвать скандальным – оно посвящено жалобе супруги на измены мужа (об этом подробнее поговорим позже). Из него стало известно полное имя фотографа – **Георгий Васильевич Трунов** (1854 – † 1906).

По результатам проведенных исследований можно уверенно говорить, что фотограф Трунов действительно был широко известен в Москве, по крайней мере, при его жизни. Это был подлинный специалист своего дела, чье мастерство признавалось не только в обществе, но и на высшем государст-

Изо 9–25. Г. В. Трунов (?), 1896?

¹ Расшифровка аббревиатуры «ГЖД» нигде не приводится, возможно, это оно связано с железной дорогой.

венном уровне, причем как в нашей стране, так и за рубежом.

Надо сказать, что Георгий Васильевич Трунов в настоящее время не забыт, его имя известно среди специалистов, интересующихся историей фотографического искусства в нашей стране. В последние годы были изданы два солидных справочника о дореволюционных фотографах Москвы и России – это книги Т. Н. Шиповой⁹² и А. П. Попова⁹³. В этих изданиях приведены сведения как о Г. В. Трунове, так и о его работах. В первой книге имеется изображение самого фотографа. Но на самом деле, нет полной уверенности, что на снимке Георгий Васильевич. Дело в том, что автор издания Т. Н. Шипова не указала источник этого изображения. И не смогла его сообщить при личном обращении. Других изображений фотографа Трунова не найдено. Поэтому и сравнивать не с чем. Остается только доверять автору книги, что ошибки здесь нет¹.

В обоих справочниках творчеству Г. В. Трунова посвящено немало материала, приведено множество копий фотографических карточек, изготовленных в его мастерской. А вот о личной жизни мастера совсем мало данных. Причем некоторые приводимые в справочниках сведения оказались и вовсе ошибочны (это стало понятно после изучения обнаруженных архивных дел).

К сожалению, несмотря на предпринятые усилия, почти ничего не удалось узнать о происхождении Георгия Васильевича, кроме общеизвестного факта, что он приехал в Москву из южного города Ростова-на-Дону. Об этом сказано в обоих справочниках. Удалось найти первоисточник данной информации – архивное дело ЦГАМ. В нем имеется прошение, поданное на имя генерал-губернатора Москвы. В бумаге написано следующее: «*Ростовскаго, что на Дону мещанина Георгия Васильева Трунова прошение. Желая открыть в Москве, Тверской [части] 2 кв., в доме Арманд, фотографическое заведение имею честь покорнейше просить разрешение на то Вашего Сиятельства*»⁹⁴. Заявление датировано августом 1880 г., это самый ранний документ с фамилией фотографа.

Фотограф Георгий Васильевич Трунов

Поданное прошение власти удовлетворили. И в том же году было открыто фотоателье, оно находилась в доме Арманд на углу Воздвиженки и Арбатской площади.

В газетах того времени Г. В. Трунов печатал рекламные объявления, регулярно это делал в «Московском листке». Вот пример одного из них: «*Большая Московская фотография Трунова [...] Снимки производятся каждодневно. Группы-портреты всех размеров, кабинетные и карточки. С детей снимаю МОМЕНТАЛЬНО. Фотография открыта от 9 до 5 часов вечера*»⁹⁵. Фотографирование производилось «новым усовершенствованным эмульсионным способом (моментально)».

За годы своего существования мастерская Георгия Васильевича неоднократно переезжала (иногда одновременно было два адреса в Москве). Например, как написано в справочнике А. П. Попова: «*В ноябре 1884 г. на ул. Петровка, в д. Соколова, над магазином Вандраг Т. [Трунов] открыл ещё одно фотоателье*». По указанному адресу заведение находилось десять лет. В 1904 г. состоялся переезд на Тверскую улицу в дом Лямина рядом с домом московского генерал-губернатора. В качестве примера

приводится газетное объявление⁹⁶ о переезде фотоателье.

В первые годы проживания в Москве Георгий Васильевич продолжал числиться ростовским мещанином. В 1889 г. он перешел в московские мещане. Далее, как следует из собранных документов, он был подольским купцом (временно), а в 1905-м (т.е. за год до смерти) стал воскресенским купцом второй гильдии⁹⁷.

Теперь перейдем к творчеству фотографа, его работам.

В архиве ЦГАМ хранятся несколько

Изо 9–26. Объявление в газете “Московский листок”⁹⁶, 1885.

¹ На самом деле ошибки в книге Т. Н. Шиповой есть. Так один из приведенных снимков А. П. Чехова, который подписан за авторством Г. В. Трунова (с. 346), как оказалось, был сделан другим фотографом.

⁹² Информацию об этой и других публикациях из газеты “Московский листок” предоставила сотрудник РГБ Е. А. Чибисова, за что ей большая благодарность.

дел, в которых имеется переписка городских властей по поводу выдачи Г. В. Трунову разрешений на проведение в Москве фотографических съемок (как бы теперь сказали – фотосессий). Так, в одном из архивных дел 1889 г. приводится текст обращения из канцелярии московского генерал-губернатора в канцелярию Московского обер-полицмейстера, в котором говорится о поданном прошении фотографа Трунова: «о дозволении произвести несколько снимков с процессии во время приезда в Москву Его Высочества Персид. шаха»⁹⁸. Это обращение за разрешением фотографирования вполне объяснимо – все-таки речь идет о важной иностранной персоне. Но вот зачем понадобилось запрашивать дозволение на съемку «фотографических видов с фасадов домов, в которых помещаются детские приюты»⁹⁹ или на право «произвести фотографические снимки видов Москвы» для издания «Московской Иллюстрированной газетки»¹⁰⁰ – это современному человеку понять сложно. Строгие полицейские порядки существовали в прежнее время, сильна была бюрократия. Однако, справедливости ради, надо отметить, что городские власти Трунову не запрещали работать (в ответах на прошения писали: «препятствий не встречается») и необходимые разрешения на фотосъемку выдавали.

Помимо Персидского шаха Георгий Васильевич неоднократно фотографировал и других высокопоставленных иностранных гостей, которые приезжали в Россию с официальными и частными визитами. В газете «Московский листок» за 1892 г. была помещена такая информация:

«Пребывание принца Шведского в Москве. Вчера, 24 января, его королевское высочество наследный принц шведско-норвежский Оскар-Густав-Адольф начал второй день своего пребывания в Москве приемами представителей шведской колонии в Москве. [...] Затем был принят придворный фотограф Г. В. Трунов и имел честь поднести высокому гостю Москвы альбом внутренних видов Большого Кремлевского дворца. При этом его королевское высочество кронпринц, с которого сняты были уже фотографии в России во время пребывания в Петербурге, изъявил согласие снять фотографию и в Москве. Его королевское высочество прошел в зимний сад, соединяющий апартаменты Государя Наследника Цесаревича, занимаемые его высочеством, с главным зданием дворца и здесь г. Труновым было сделано несколько фото-

Изо 9–27. Торжества коронования императора Николая II в Москве¹⁰¹, фотограф Г. В. Трунов, 1896.

Изо 9–28. Фотография А. П. Чехова и ее оборотная сторона¹⁰², фотограф Г. В. Трунов, 1884.

графических снимков с его королевского высочества»¹⁰³.

В мае 1896 г. состоялась коронация нового российского императора Николая II. В Москве прошли торжественные мероприятия, было приглашено много гостей. Среди удостоившихся права фотографировать государя, его свиту и приглашенных гостей был Г. В. Трунов. Это подтверждают опубликованные фотографии, здесь приводится одна из них.

Многие из прибывших на торжества официальных гостей захотели сфотографироваться в мастерской Георгия Васильевича. Вот как это было описано в той же газете:

«Из фотографов, как русских, так и иностранных, съехавшихся на торжества Св. Коронования Их Императорских Величеств, счастливее всех оказался московский фотограф Г. В. Трунов. Почти ежедневно около его фотографии, на Петровке, публика стояла толпой. Народ собирался для того, чтобы поближе рассмотреть Царских гостей. Из высочайших особ иностранных дворов снимались в его фотографии со свитами: его королевское высочество принц Людвиг Баварский; его королевское высочество наследный великий герцог Фридрих Баденский; князь Болгарский Фердинанд; их королевския высочества герцог и герцогиня Копнаутские; их королевския высочества великие герцог и герцогиня Гессенские; его королевское высочество наследный принц Датский; его королевское высочество принц Неаполитанский Виктор Эммануил; чрезвычайный посол, вице-король китайский Ли-Хун-Чанг; чрезвычайный посол Персия, принц Абасс-Мирза-Миль-Карра; его королевское высочество наследный великий герцог Вильгельм Саксен-Веймарский; его королевское высочество принц Георгий, герцог Саксонский; его светлость хан Хивинский Сенд-Мухамед-Рахим-Богадур с наследником; [...] из посольств: Греция, Корея, Мекленбург-Стрелиц, Мексика, Нидерланды, Персия, Португалия, Рим, Сербия, Швеция, Норвегия, Турция и Япония»¹⁰⁴.

Вот какой обширный получился список высокопоставленных персон из разных стран! И всех их фотографировали в ателье Георгия Васильевича, скорее всего, он делал это сам.

У Трунова снимались многие знаменитости, некоторые фотоснимки можно увидеть на сайте «Госкаталог». Так в 1884 г. сфотографировался писатель А. Н. Островский, в 1899 – певец Ф. И. Шаляпин, в 1890 – композитор П. И. Чайковский, в 1902 – писатель Л. Н. Толстой и в неуставленный год – писатель И. А. Бунин¹. Такое созвездие самых известных деятелей культуры как нельзя лучше свидетельствует о высочайшем профессионализме Георгия Васильевича и его мастерской. Как и многие фотографы Москвы, Трунов запечатлевал театральные спектакли. У него любили фотографироваться актеры, писатели. Довольно часто он снимал группы студентов-выпускников.

В качестве примера, хотелось бы привести фотографию молодого Антона Павловича Чехова, только что

¹ Указанные фотографии можно найти на сайте <https://goskatalog.ru> поиском по шифрам хранения: ГЦТМ КП 197807/173, ГЦТМ КП 132690, ГЦММК КП–9583/48, ГМТ КП–5668/5, ОГЛМТ ОФ–744.

окончившего Московский университет. Известна коллективная фотография всего выпуска студентов медицинского факультета¹⁰⁵, ее сделали в ателье Г. В. Трунова. Там же изготовили и увеличенный отдельный отпечаток будущего знаменитого писателя.

В справочнике Т. Н. Шиповой написано: «С 1880 г. Г.В. Трунов — фотограф Общества спасения на водах Московского округа, о чем он и сообщал в рекламных текстах фотографических бланков. С 1881 г. в “послужном списке” мастера значилось, что он находится “под высочайшим покровительством Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны” — супруги Александра III. Царская семья проявляла постоянный интерес к делам фотографии, нередко оценивая работы фотомастеров самой высокой наградой — правом изображать на снимках государственный герб. [...] В 1883 г. Трунов был удостоен благодарности “Его Императорского Величества за фотографию” и отмечен “подарком Его Высочества Павла Александровича за фотографию”, о чем и было сообщено на оборотах фотографических бланков».

Как уже отмечалось, работы фотографа высоко оценивались в обществе, его неоднократно награждали, причем иностранных наград было больше. Сохранились два архивных дела с ходатайствами о награждении Г. В. Трунова. В обоих случаях инициатором выступал «Московский Совет Детских Приютов», ходатайства подписывала «Председательница Совета вдова Сенатора, Генерала от Инфантерии В. Чертова».

В первом деле, датированным 1890 г., в бумаге, поданной в управление московского генерал-губернатора написано: «ходатайствовать о Высочайшей награде Почетному Старишине Маринского детского приюта Ростовскому на Дону мещанину Георгию Васильевичу Трунову»¹⁰⁶. В конце текста было обращение с просьбой ответить на вопрос: «не встречается ли [...] каких-либо препятствий к награждению к вышеуказанному ходатайству»? В указанном деле сохранилась переписка между ведомствами, в ней есть такие слова: «мещанин Георгий Васильев Трунов в июле 1889 года перечислен из Ростовского на Дону мещанина в общество мещан г. Москвы. Проживая постоянно в Москве, Трунов лично в г. Ростове неизвестен». Чиновник, писавший ответ, также отметил, что нет сведений о том, что привлекался ли когда-либо Трунов к суду. Таким образом, никаких препятствий к награждению фотографа у властей не нашлось.

В 1896 г. все та же благотворительная организация вновь вышла с ходатайством о награждении «Почетного Старишины» Г. В. Трунова. В одной из бумаг второго дела написано, что Георгий Васильевич «Имеет ВЫСОЧАЙШУЮ награду — серебряную медаль, для ношения на шее — на Станиславской ленте, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалованную в 1-й день июля 1892 года»¹⁰⁷. Надо полагать, что эта награда была вручена в ответ на первое ходатайство о награде. Второе прошение Совета по приютам тоже, похоже, было удовлетворено. Об этом говорят такие слова в деле: «к запрещенным сектам не принадлежит, под судом не состоял», к награждению «препятствий не встречается».

Помимо этого в указанном деле перечислены имевшиеся к тому времени у Трунова награды: «имеет медали: темно-бронзовую в память Священного Коронования ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, шейную серебряную, полученную в 1893 по представлению Совета Детских Приютов и серебряную медаль в память Священного Коронования ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II и иностранные ордена: Персидский Льва и Солнца 3 степени полученный в 1890 г., Черногорский Данила 4 степени, Болгарский Александра 4 степени, Турецкий Меджидие 4 ст., Сербский Такова 4 степени, Римский Св. Сильверста 4 степени, Бухарский — звезду 3 степени. Последние шесть орденов получены в текущем [1896] году». (На приведенном ранее портрете фотографа на груди видны три больших звездообразных ордена — возможно, это какие-то из перечисленных иностранных наград).

К сказанному можно еще добавить цитату из справочника А. П. Попова: «придворный фотограф Г. В. Трунов получил ещё несколько дипломов на право именоваться придворным поставщиком, а именно: от японского принца Саданару Фусими, от Его Высочества Князя Фердинанда Болгарского, от королевы Нидерландов и от Его Величества короля Сиамского».

Думается, что немногие граждане Российской Империи, за исключением может членов царской семьи и отдельных послов, имели такой богатый набор иностранных орденов¹. За что конкретно Георгий Васильевич их получил? В архивных делах об этом не говорится. Но догадаться несложно,

¹ О статусе иностранных наград судить сложно. Но учитывая, что многие из них назывались орденами, вероятно, уровень наград был достаточно высокий.

если вспомнить приведенную ранее цитату о паломничестве иностранных гостей в фотомастерскую Трунова во время коронации императора Николая II в 1896 г., и сопоставить это с тем, что в том же году Георгий Васильевич получил шесть орденов. После этого практически не остается сомнений в том, что все эти награды были благодарностью высокопоставленных персон за мастерски сделанные фотографии. Ну а как быть с ходатайствами к награждению от Совета детских приютов, какие были заслуги у «*Почетного Старишины*» Георгия Васильевича перед этой организацией? Возможный ответ кроется в словах, приведенных в деле: «*пожертвовал в Мариинский детский приют фотографии попечителей и других лиц*». О каких-либо других отличительных поступках фотографа не сказано. Более того, в одной из бумаг написано: «*построек городских, общественных и церковных не производил*». Надо полагать, подаренных фотографий оказалось достаточно для ходатайства к награждению.

До недавнего времени не было достоверной информации о том, когда умер Г. В. Трунов и где похоронен. Ни в одном из известных источников (как дореволюционном, так и современном) документально подтвержденные сведения о дате кончины фотографа не приводились. В справочнике А. П. Попова был указан год смерти 1907, но стоял под вопросом.

Эту загадку удалось разрешить. Опуская подробности поиска, сразу отметим, что запись о кончине Георгия Васильевича была найдена в метрической книге Спасской церкви на Песках в Каретном ряду. В ней указана дата смерти 13 декабря 1906 г. и написано, что Трунов похоронен на Ваганьковском кладбище (могилу, к сожалению, найти не удалось, и нет сведений о том, сохранилась ли она вообще). Таким образом, Георгий Васильевич прожил всего 52 года. По современным меркам совсем немного. Столь ранний уход становится понятен из записи в метрической книге, в которой указана причина смерти: «*от рака поджелудочной железы*»¹⁰⁸.

Теперь хотелось бы поговорить о личной жизни фотографа, его потомках.

Поженились Трунов и Соболева в 1882 г., бракосочетание состоялось в церкви св. Бориса и Глеба у Арбатских ворот¹⁰⁹. Поручителем по жениху оказался Н. Д. Финляндский (это наводит на мысль, что через него могло произойти сватовство), а поручителем по невесте был ее дедушка Николай Михайлович Солдатов.

О детях фотографа информация такая. В обоих упомянутых ранее справочных изданиях написано, что Георгий Васильевич имел сына, которого также звали Георгий, он продолжил дело отца. В 1907 г. сын вступил «*в действительные члены*»¹¹⁰ «Русского фотографического общества в Москве», в котором прежде состоял его отец. По данным справочника «*Вся Москва*» фотоателье Трунова до 1910 г. находилось на Тверской улице в доме Лямина. Очевидно, что оно принадлежало **Георгию Георгиевичу Трунову** (1888 – † 1915). А год спустя адрес был уже другой: Столешников переулок, дом № 8 Васильева. Здесь ателье и находилось до революции (в 1924 г. в этом доме размещалась фотография ВЦИК). К этому можно еще добавить, что в 1915 г. Георгий Георгиевич стал соучредителем «*Первого Всероссийского общества фотографов-профессионалов*».

Вот собственно и все, что было известно современным исследователям о потомках Г. В. Трунова. Как оказалось, это далеко не полная информация, а кое в чем и не совсем точная.

О сыне фотографа удалось найти дело в архиве РГАЛИ, оно имеет такой заголовок: «*О помещении в число учеников Строгановского училища Трунова Георгия*»¹¹¹. Дело это небольшое, в нем всего несколько листов. Из них следует, что в 1902 г. Георгий Георгиевич был зачислен в училище «*любителем рисования*». Учился юноша с перерывами (через год после поступления прервал учебу, но спустя несколько месяцев вновь вернулся). Успехи оказались средние: оценки по разным предметам от 3 до 4 баллов. Необычным представляется удостоверение Г. Г. Трунова. В нем написано, что выдано вследствие просьбы для представления в Московскую городскую управу на предмет получения билета на право езды по г. Москве на велосипеде. Любопытный для истории документ.

Но самой неожиданной в деле оказалась не эта информация, а другая. Прощение о зачислении Георгия Георгиевича в Строгановское училище подписала его мать, которую звали не Олимпиада Егоровна, как следовало ожидать, а дворянка Елена Дмитриевна Лебедева. О ней в документе больше не говорится, а вот для ее сына указана дата рождения – 21 мая 1888 г. Правда копии метрики о рождении Георгия в деле не оказалось, т.к. он в 1905–1906 учебном году прервал обучение и документы забрал при отчислении (позднее была найдена запись о его рождении и крещении в

московской церкви Иоанна Предтечи в Казенной¹¹²). Причина досрочного окончания обучения понятна, если вспомнить, что в это время его отец Георгий Васильевич был смертельно болен и вскоре скончался.

Можно сказать, что указанное архивное дело породило больше вопросов, чем дало ответов. Возникло даже подозрение, что студент училища мог и не быть сыном фотографа Г. В. Трунова, а являлся лишь его однофамильцем. Чтобы разобраться в этом, потребовалось проведение дополнительных исследований в архивах. И эта работа принесла результат.

Ранее уже упоминалось дело о мещанах Гостиной слободы Москвы. На одном из его листов упомянута дочь Олимпиады Егоровны Труновой. Ее звали Вера, она родилась в 1884 г.¹¹³ (о ней авторы современных справочников, судя по всему, не знали). В другом архивном деле была обнаружена запись о сыне фотографа: *«Георгий по кр. [крестному] отцу Георгиев Трунов, род. 21 мая 1888 г.»*¹¹⁴. А далее был ответ на загадку о рождении этого мальчика. И хоть почерк в деле оказался трудно различимым, все же удалось понять, что указанный Георгий был незаконнорожденным ребенком, т.е. появился на свет вне официального брака. И что интересно – он был не один такой, рядом написано имя дочери Елизаветы, родившейся в 1898 г. Для обоих приведено имя матери – той самой Е. Д. Лебедевой, *«дочери коллежского секретаря»*. И еще одно важное дополнение: с 1897 г. мальчику Георгию было разрешено носить фамилию Трунов. Это означало, что Георгий Васильевич признал своего внебрачного сына.

Но это еще не все. В том же архиве ЦГАМ было обнаружено еще одно дело, можно сказать скандальное. Оно было заведено в 1886 г. особым *«Секретным отделением»* и имело следующие название: *«По прошению жены Ростовского мещанина Олимпиады Егоровой Труновой об отдельном виде и об обязанности мужа выдавать ей [деньги] на содержание»*. В деле оказалось всего несколько листов, в них кратко описана трагедия семьи Труновых. История, в общем-то, банальная – измена супруга. Она показывает *«кавалера разных орденов»* Георгия Васильевича совсем с другой, неприглядной стороны. Для соблюдения исторической правды об известном фотографе необходимо об этой стороне его жизни тоже рассказать. Чтобы ничего не исказить, далее приводится длинная цитата из обращения Олимпиады Егоровны, поданного московскому генерал-губернатору. Оно начинается следующими словами:

*«В 1882 году я вышла замуж за Ростовского мещанина Георгия Васильевича Трунова, имеющего ныне фотографию на Петровке в доме Соколова. При выходе замуж и в течении первых лет моей супружеской жизни, я передала ему, в разное время из состояния моего 8.000 р. – 5.600 р. Спустя год после свадьбы, родился у нас сын, который вскоре волею Божьею, умер¹. Затем 22 Сентября 1884 г. Бог дал нам дочь [Веру – Авт.]. Будучи с материальной стороны обезпечеными, жизнь наша была бы вполне счастливою, если бы муж мой платил бы мне тем же чувством любви, которым я всецело жила. Но к сожалению в Марте 1884 г. поступила в фотографию в качестве конторщицы дворянка Елена Дмитриевна Лебедева, с которой, как оказалось в последствии, вскоре после поступления ея, муж мой вступил в интимные отношения»*¹¹⁵.

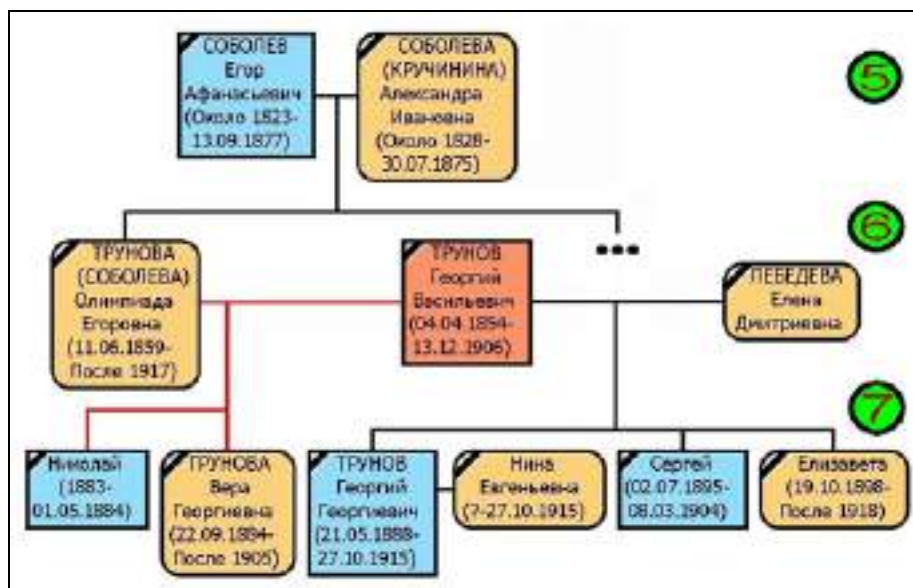
Далее обманутая жена пишет, как муж ее оскорблял и даже иногда бил. Потом он перестал и вовсе скрывать свою внебрачную связь. Два года это Олимпиада Егоровна терпела и вот перед Пасхой *«решилась объявить мужу, что жить с ним пока связь его с госпожою Лебедевой продолжается, я не могу и чтобы он вследствие этого выдал мне определенный вид на жительство и на содержание мое и ребенка нашего, которого оставить у него я не в силах, по 80 р. в месяц»*.

Георгий Васильевич в целом согласился на это предложение, только денежное содержание жены и дочери хотел уменьшить до 50 руб. Но это Олимпиаду Егоровну не устроило, и конфликтующие стороны сошлись на ежемесячных выплатах 75 руб. О том – последовал ли в дальнейшем развод Труновых – данных нет. Однако учитывая, что в последующих ежегодных изданиях справочника *«Вся Москва»* Олимпиада Егоровна продолжала именоваться женой купца (*«ж. куп.»*), а в упоминавшемся деле о причислении Трунова в купцы Воскресенска (1905) она записана вместе с ним и дочерью Верой (никто другой в составе семьи не указан), то это означает, что официально супруги не разводились.

¹ Мальчика звали Николай, была найдена запись о кончине 1 мая 1884 г. *«От воспаления легкаго»*, было ему всего 11 месяцев (ЦГАМ. Ф.203. Оп.771. Д.64. Л.582об, 583).

Правнуки Александры Григорьевны Кручининой – Труновы

Что известно о судьбе потомков по линии Труновых? О **Вере** (дочери Олимпиады Егоровны) особых данных нет, кроме единственного упоминания в справочнике “Вся Москва” за 1905 г. В нем приведены данные, что мать и дочь Труновы проживали вместе в Малом Толмачевском переулке в доме Протопопова (он был по соседству с родительским домом № 3, в котором жила сестра Олимпиады А. Е. Солдатовой). Далее следы Веры теряются: могла умереть, могла выйти замуж и сменить фамилию.

Изо 9–29. Фрагмент древа

Цуриковых-Кручининых-Соболевых: Труновы.

Теперь поговорим о внебрачных детях фотографа, матерью которых была Е. Д. Лебедева. Их было, как минимум, трое.

У сына **Георгия**, по данным архивного дела, была жена Нина Евгеньевна. Она прожила недолго и 27 октября 1915 г умерла. И, что интересно, в метрической книге обнаружена запись о кончине ее мужа в тот же день. Сразу напрашивается версия о какой-то трагедии, в результате которой одновременно ушли из жизни оба супруга. Но как тогда объяснить причину смерти Георгия Георгиевича, указанную в метрической книге: «на почве злокачественного новообразования брюшной полости»¹¹⁶? Загадка, которую пока не удалось разгадать (если конечно в архивных данных нет ошибки). Заметим лишь, что отец и сын умерли от рака. Сведения о детях в этой семье отсутствуют.

Ранее говорилось, что у фотографа была еще внебрачная дочь **Елизавета**. Ей было разрешено взять фамилию Трунова в 1907 г., в 1918 она получила паспорт и уехала в с. Саки под Евпаторию. Других данных нет.

Когда работа над книгой уже завершалась, с помощью Яндекс-поиска по архивам были найдены сведения о рождении и смерти третьего внебрачного ребенка Е. Д. Лебедевой. Его звали **Сергей**, он прожил всего 8 лет, умер в 1914 г. «от белокровия» и был похоронен на Ваганьковском кладбище. Хотелось бы отметить, что в записи о его рождении и крещении восприемником указан фотограф Г. В. Трунов (в записях двух других незаконнорожденных детей – Георгия и Елизаветы – Георгий Васильевич также был записан восприемником).

К сказанному остается лишь добавить, что в выпусках справочника “Вся Москва” 1913 и 1917 годов встречается «Трунов Ром. Георг.». Причем, что интересно, по тому же адресу, где он проживал (Теплый пер., дом № 5/8) был записан также «Георг. Георг.». Получается, что это еще один родственник (брат?), о котором не было известно? Но это лишь предположение, других данных о Романе не имеется. Точно также на данный момент нет никакой информации о том, жив ли кто-то из потомков Труновых.

На этом завершается рассказ о роде Александры Григорьевны Кручининой, ее детях, внуках и правнуках Сиротининых, Соболевых, Солдатовых, Труновых. Если глянуть на приведенные ранее ветви родословного древа (изо 9–10, 9–13, 9–19, 9–29), то видно, насколько оно обширное. При таком числе потомков наверняка род Кручининых (а, стало быть, и Цуриковых) продолжается. Правда, на сегодняшний день, достоверных данных об этом нет. Даже в отношении художника И. С. Соболева, умершего в 1964 г., нет твердой уверенности о наличии у него кровных потомков.

Род сестры Натальи Григорьевны Финляндской

Переходим к рассказу о следующей сестре благотворителя – **Наталье Григорьевне Финляндской** (урожд. **Цуриковой**, 1818 – † 1878).

Родилась Наташа в семье мельника Григория Михайловича в селе Рубцово¹¹⁷, детство провела там же. Грамоте, как и ее старшая сестра Александра, не обучалась. На одном из листов дела НТДМ так и написано: «и за неумением ее грамоте и писать расписался муж ее Московский купец Дмитрий Васильев Финляндский». До 12 лет она была «дворовой девкой» помещика Д. П. Голохвастова. На волю была отпущена вместе с сестрой Матреной, братьями Павлом и Иваном в 1830 г.

Наталья вышла замуж на 22-м году жизни, бракосочетание состоялось 28 января 1840 г. в приходском Петропавловском храме села Лужки (там же, где за три года до этого обвенчался Павел Григорьевич). Женихом оказался «*Московский мещанин Напрудной слободы Димитрий Василеев Финлянскийⁱ, Православнаго Вероисповедания, первым браком, 23 [лет]*»¹¹⁸. Поручителями во время совершения брака со стороны Натальи были ее родственники: «отец ее родный г-на Голохвастова дворовый человек Григорий Михайлов Цуриков и брат ее родный Звенигородский 3-й гильдии купец Павел Григорьев Цуриковский» (именно так в тексте написаны фамилии).

По мнению родственницы А. М. Шуберт: «Этот брак явился некоторой социальной деградацией в семье Цуриковых, поскольку жених был не купец, как брат невесты Павел Григорьевич, а мещанин «Напрудной Слободы» Дмитрий Васильевич Финляндский»¹¹⁹. Здесь требуется пояснение.

В прежние времена в России браки часто совершались по расчету. Какой расчет был у Григория Михайловича в выдаче замуж своей дочери за **Дмитрия Васильевича Финляндского** (1815ⁱⁱ – † 1892)? Попробуем разобраться.

Совсем недавно открылись ранее неизвестные факты биографии жениха. В ревизской сказке мещан Напрудной слободы Москвы о нем написано так: «29 генваря 1834 за № 3051 из отпущенных от князя Оболенскаго»¹²⁰. Вот как! Получается, что не только невеста, но и жених раньше был крепостным. К сожалению, о родителях Дмитрия никаких данных найти не удалось.

Далее. В воспоминаниях С. А. Попова есть такие слова: «Дочь Наталью Григорий Михайлович выдал замуж в Москве за суконного торговца Дм. Вас. Финляндского». Получается, что за шесть лет после обретения свободы (с 1834 по 1840), Дмитрий Васильевич сумел встать на ноги и смог завести свое дело, начал торговать сукном. Правда, другая родственница Шуберт писала, что торговцем он стал уже после свадьбы: «муж Натальи Григорьевны открыл (вероятно при содействии ее отца) суконную торговлю». Где тут правда – сказать трудно, первичных документов нет, только воспоминания. Представляется, что версия Попова более правдоподобна. Тогда становится понятно, как мог познакомиться будущий жених с отцом невесты. Если Финляндский торговал сукном, то наверняка товар брал с Ивановской фабрики. Кстати, схожим образом, три года спустя была выдана замуж другая дочь мельника, Матрена, за торговца сукном М. Е. Попова. Тот, правда, к моменту свадьбы был купцом, а Финляндский всего лишь мещанином. На самом деле, это не такая уж большая разница. Люди легко переходили из мещанского сословия в купеческое и обратно. Так что слова Шуберт о «социальной деградации» в отношении свадьбы Натальи выглядят некоторым преувеличением.

Как дальше складывалась жизнь семейной пары? В воспоминаниях той же родственницы написано: «После свадьбы молодые Финляндские уехали жить в Москву». Где именно в большом городе семья обосновалась – осталось неизвестно. Через три года Дмитрий Васильевич стал московским купцом Напрудной слободы¹²¹. Впрочем, был им недолго. По данным справочного издания Московской купеческой управы в 1845 г. Д. В. Финляндский перешел в купцы г. Воскресенска¹²². Однако по-прежнему остался жить в Москве. С 1851 г. вновь числился в московском купечестве. В разных справочниках был записан купцом то третьей гильдии, то второй.

В издании 1846 г. приведены такие сведения: «Финляндской, Дмитрий Васил., куп. 3 гил., Мещ. ч. у Троицы в Троицкой Д. Глебовой»¹²³. Указанный адрес оказался съемным жильем. Годом ранее

ⁱ В некоторых ранних документах фамилия писалась без буквы "д" – «Финлянский». Позднее написание стало привычным: «Финляндский».

ⁱⁱ Метрическая запись о рождении Дмитрия, в отличие от его жены Натальи, не обнаружена. Его возраст в разных документах сильно разнится. Так в некрологе он показан 84-летним, что означает год рождения 1808. А согласно ревизской сказке он родился в 1815. Это официальный документ, ему и следует верить.

Финляндские приобрели собственный дом в Мещанской части Москвы «по переулку Протопоповскому», владение № 565. Об этом свидетельствует обнаруженное в архиве НТДМ дело, в котором есть план участка и фасад предполагаемого к постройке жилого здания «Московской Купчихи Натальи Григорьевой Финляндской»¹²⁴, и стоит дата 30 апреля 1845 г. В указателе к известному плану Москвы 1852 г. (план Хотеева) приведены такие сведения для владения в Мещанской части: «565b. Финляндского, Дмитр. Вас., Моск. куп., в пер. Протопоповском»¹²⁵.

Дом с участком в Протопоповском переулке находился во владении Финляндских более 30 лет, при этом он был записан на Наталью Григорьевну. В 1876 г. она продала владение № 565 мещанину Петрову¹²⁶. Однако еще раньше Финляндские переехали в другое свое владение, расположенное не подалеку в «Коптельском пер.» (иногда название переулкa писали через букву “а”). Здесь находился колокольный завод. Об этом подробнее поговорим чуть позже.

Чем Дмитрий Васильевич занимался до женитьбы сына, как зарабатывал деньги? Как уже говорилось, он торговал сукном. Однако длилось это не так долго. Как написала Шуберт, через некоторое время после свадьбы он торговлю «ликвидировал». Почему прекратил торговать? Дело в том, что спустя три года после бракосочетания Натальи Григорьевны была выдана замуж ее младшая сестра Матрена, муж которой М. Е. Попов оказался более успешным в торговых делах. Цуриковы это быстро поняли и стали направлять свой товар (сукно) с фабрики младшему зятю. Вот как об этом написано в воспоминаниях С. А. Попова: «Цуриков приметил разносторонние способности Максима Ефимовича и, минуя старшего зятя Финляндского, не отличавшегося такими способностями, как Максим Ефимович, вступил с Поповым в деловой контакт, сделал его проводником товара своей фабрики в Москве»¹²⁷. Надо полагать, это и послужило причиной того, что Дмитрий Васильевич свернул свою торговлю.

По всей видимости, этот эпизод не стал поводом для разрыва отношений с родственниками. Доказательством служит то, что позже Дмитрий Васильевич был поручителем на свадьбах М. Е. Попова с М. Г. Цуриковой и Е. А. Соболева с А. И. Кручининой, был восприемником при крещении первенца в семье Поповых.

Д. В. Финляндский не стал отчаиваться, что не сложились дела с продажей товара Ивановской фабрики, и решил сам заняться производством сукна. При этом не стал строить новое производство, а взял в аренду действующее предприятие. Это оказалась суконная фабрика купца Алексея Ивановича Курдюкова в селе Измайлово Московского уезда (ныне в черте Москвы). Данный факт биографии Д. В. Финляндского прежде не был известен, о нем удалось узнать из дела ЦГАМ.

В архивном документе написано, что суконная фабрика в Измайлово построена в 1817 г. А в 1851-м ее владелец А. И. Курдюков решил сдать в аренду два двухэтажных корпуса «для производства сукон и прочих шерстяных изделий» со всем имеющимся оборудованием московскому купцу Д. В. Финляндскому. В деле имеется текст договора, в котором прописаны условия аренды на четыре года с оплатой «по девяносто рублей серебром, платежи производить за каждые четыре месяца вперед»¹²⁸. В деле не говорится, как развивались события в дальнейшем, как долго Финляндский арендовал фабрику. Но можно предположить, что ничего путного из этой затеи у Дмитрия Васильевича не вышло. А иначе бы его фабрика «засветилась» в каких-либо документах последующих лет. Однако подобные сведения не обнаружены. Напротив, в справочнике 1870 г. о Д. В. Финляндском написано: «торг. дровами, на станции Троицкой железной дороги. На городской службе не состоял»¹²⁹.

По другим данным Дмитрий Васильевич стал заниматься производством колоколов вместе с сыном Николаем после того как тот в 1860 г. женился на дочери владелицы колокольного завода. Так или иначе – деньги у Д. В. Финляндского имелись. А иначе как объяснить то, что он дал в долг 3.600 рублей своему родственнику Е. А. Соболеву? (об этом рассказывалось ранее).

О самой Наталье Григорьевне Финляндской, ее жизни особых данных нет. Племянник С. М. Попов вспоминал, что когда был маленьким, они вместе с тетей Наташей (которая была его крестной матерью), ходили пешком на богомолье в Троице-Сергиеву лавру.

Сестра благотворителя умерла в феврале 1878 г. (спустя полтора месяца после кончины самого Павла Григорьевича). Она немного не дожила до своего 60-летия. После ее кончины близкие опубликовали объявление о похоронах в газете: «Дмитрий Васильевич Финляндский, с сыном и невесткой, с прискорбием извещая о кончине: первый – любезнейшей супруги, а последние – матери своей Наталии Григорьевны Финляндской, последовавшей после продолжительной и тяжелой болезни, сего февраля 21-го дня [1878], покорнейше просят родных и знакомых почтить память усопшей.

Вынос и отпевание имеют быть 25 сего февраля, в 9 ½ часов утра, в приходской церкви Трех Святителей, что у Красных ворот, а погребение в Алексеевском девичьем монастыре. Панихиды совершаются в 11 часов утра и в 7 часов вечера»¹³⁰.

Д. В. Финляндский пережил жену на 14 лет. О его кончине были напечатаны объявления в нескольких газетах. В качестве примера приведено одно из таких объявлений.

Изо 9–30. Объявление о кончине Д. М. Финляндского в газете "Московский листок"¹³¹, 1892.

А на следующий день после похорон в газете "Московский листок" появилась такая заметка: «Вчера, 29 декабря, [1892] в храме Преображения Господня, что на Сретенке, было совершено отпевание одного из старейших представителей московскаго купечества, Дмитрия Васильевича Финляндскаго, скончавшагося на 85 году жизни. Покойный был известный торговец сукнами, а около сорока лет тому назад, вместе с своим сыном, Николаем, Дмитриевичем, занялся колокольным делом и приобрел почетную известность своими изделиями. В начале втораго окончилось отпевание; гроб был поставлен на траурныя носилки и отнесен рабочими с колокольнаго завода г. Финляндскаго на кладбище Алексеевскаго монастыря, в сопровождении духовенства, певчих и массы провожатых»¹³².

Как следует из газетных объявлений, обоим супругам похоронили в Москве на кладбище Алексеевскаго монастыря (могилы не сохранились). О потомках Натальи Григорьевны поговорим далее, а сначала остановимся на истории предприятия, которым владели Финляндские.

Колокольный завод, его владельцы Богдановы и Финляндские

Каждая ветвь рода Цуриковых по-своему интересна. Но Финляндские стоят особняком. Начиная с последней трети XIX столетия, когда они стали хозяевами колокольного завода в Москве, который после этого начали именовать по их фамилии. Через какое-то время предприятие заняло лидирующие позиции в своей отрасли как по объему производства, так и по качеству продукции. Как написано в одной из книг: «Это был самый титулованный колокольный завод Российской Империи». Фамилия владельцев завода Финляндских стала широко известной на всю страну. Отливаемые на заводе колокола отправлялись в православные храмы по всей России, а также за границу. Примечателен адрес, который указывался для приема корреспонденции на завод: «Москва, Финляндскому». Улицу указывать было не нужно, все москвичи знали, где находится колокольный завод. Так что если говорить о славе, то в этом отношении Финляндские в масштабах страны были, пожалуй, более известны, чем П. Г. Цуриков или П. Г. Чесноков, о которых уже рассказывалось.

О московском колокольном заводе Финляндских выходили публикации, как до революции, так и в настоящее время. Стоит отметить современные книги авторов И. А. Духина, В. А. Горохова и А. А. Глушецкого¹. В этих изданиях (особенно в последнем) довольно подробно описана история предприятия, приведены сведения о самых знаменитых кампанах. Книги эти полезные, читаются с интересом. Но как оказалось, в них сведения о самом заводе и его владельцах довольно скудные, а порой и ошибочные. Нигде (ни в книгах, ни в интернете) не удалось обнаружить изображений кого-

¹ Отдельная благодарность Андрею Анатольевичу Глушецкому за предоставление фотографий из своей книги.

Изо 9–31. В центре рекламного листка изображение колокольного завода Финляндских¹³³, нач. 1890-х.

либо из членов семьи Финляндских. Только в книге Глушецкого приведена низкокачественная копия фотоснимка якобы Николая Дмитриевича Финляндского, взятая из неизвестного источника в интернете. Не удалось найти изображений и самого колокольного завода, за исключением одного небольшого, стилизованного под гравюру, рисунка на рекламном листке. А планы территории предприятия и вовсе не публиковались. Эти пробелы в истории завода Финляндских частично удалось устранить в ходе работы над настоящей книгой.

Так каким же образом один из двух московских колокольных заводов оказался во владении Финляндских? (Второй завод принадлежал Самгиным). История эта интересная и малоизвестная.

В 1860 г. женился Николай, единственный сын Д. В. и Н. Г. Финляндских. В метрической книге Преображенской церкви на Спасской ул. г. Москвы была сделана запись о состоявшемся 17 января бракосочетании молодых прихожан: «[Жених:] Московский 3-й гильдии купеческий сын Николай Дмитриев Финляндский, православнаго исповедания, первым браком, жительствоует в доме родителя своего прихожанина оной церкви, 19 [лет]. [Невеста:] Московская 3-й гильдии купеческая дочь девица Александра Павлова Богданова, православнаго исповедания, жительствоует в доме родительницы своей – прихожанки оной церкви, 16 [лет]»¹³⁴ (на самом деле невесте было столько же лет, сколько и жениху). Одним из поручителей со стороны жениха стал его дядя М. Е. Попов.

Необходимо несколько слов сказать о невесте Александре Павловне. Она происходила из рода московских купцов Богдановых. По исповедным ведомостям упомянутой Преображенской церкви установлено, что Михаил Гаврилович и Екатерина Филипповна Богдановы (дедушка и бабушка невесты) имели четверых детей, среди них был сын Павел¹³⁵. У того в браке с Ольгой Ивановной 1 октября 1841 г. родилась дочь Саша¹³⁶, будущая супруга Н. Д. Финляндского.

Женитьба Николая на Александре стало знаковым событием для семьи Финляндских на многие годы вперед и вот почему. Семье Богдановых принадлежал колокольный завод, расположенный в Мещанской части Москвы неподалеку от упомянутого Преображенского храма. На исторических планах города этот завод найти непросто, т.к. он отдельно не обозначался. Проще поиск производить по находившемуся по соседству пруду Балкан, пока его не закопали (случилось это в конце

Изо 9–32. План Мещанской части Москвы (фрагмент), автор Хотеев, 1852.

Изо 9–33. План территории колокольного завода, 1863.

1880-х годов). Так на известном плане Москвы 1852 г. Хотеева указанный пруд имеется. Слева от него находился колокольный завод, он обозначен цифрой “1”. Другими цифрами помечены объекты, о которых уже говорилось или пойдет речь далее: “2” – дом Н. Г. Финляндской в Протопоповском пер.; “3” – доходный дом Н. Д. Финляндского на углу Спасского пер. и Сухаревской (Садовой) ул.; “4” – Преображенская церковь на Спасской улице.

История данного колокольного завода древняя, она неоднократно описывалась в литературе. В некоторых книгах говорится, что корни завода Богдановых идут от Моториных, отливших в 1730-х годах знаменитый Царь-колокол. Однако последние владельцы Финляндские считали, что история их производства началась в 1774 г., когда московский купец Константин Михайлович Слизов перенес колокольное предприятие Моториных из центра Москвы на ее окраину – на свободное место за Сухаревской башней рядом с прудом Балкан.

Еще при жизни Михаила Гавриловича Богданова владелицей завода стала его супруга Екатерина Филипповна. При этом управлял делами на заводе ее сын Павел Михайлович. Когда тот в 1858 г. скончался, колокольный завод перешел к его жене Ольге Ивановне (к тому времени Екатерины Филипповны уже не было в живых). Однако вдова быстро поняла, что изготовление колоколов не женское дело и решила передать это сложное производство в мужские руки. Проблема же была в том, что сыновей у Ольги Ивановны не было, имелась единственная дочь Александра. Но зато она находилась в том возрасте, когда можно выходить замуж. Уж кто и как выбирал жениха – история умалчивает. Известно лишь, что им оказался «прихожанин оной церкви» (Спасо-Преображенского храма на Спасской улице) Николай Дмитриевич Финляндский.

Как показывают исповедные ведомости, члены семьи Богдановых более трех десятилетий были прихожанами Спасского храма. А вот Дмитрий Васильевич и Наталья Григорьевна Финляндские вместе с сыном оказались в приходе намного позднее. Когда именно – сказать трудно. Но в 1847 г.

они уже исповедовались и причащались в Преображенской церкви (Николаю тогда было около шести лет). Вполне логично предположить, что будущие жених и невеста были знакомы с детства.

Почти полвека колокольный завод носил фамилию Богдановых. В 1860 г. Александра, после выхода замуж за купца Николая Финляндского, как это было принято, взяла фамилию супруга. Завод, который был ей передан матерью в качестве приданого, через какое-то время стал именоваться Финляндским (и оставался таковым до самой революции). Но по документам владелицей завода и земли еще долгие годы числилась Александра Павловна.

В архиве НТДМ обнаружено дело, в котором оказались ранее неизвестные планы колокольного завода и чертежи (фасады) некоторых зданий, находившихся на его территории. Среди них был план местности, выданный в 1863 г. «*жене Московскаго купческаго сына Александре Павловой Финляндской во владение, состоящее в Москве Мещанской части 2 квартала*»¹³⁷ (см. изд. 9–33). Приведено описание строений на плане: «*Под № 1 двухэтажное каменное жилое с деревянным мезанином. Под № 2 одноэтажная каменная кузница. Под № 3 каменное двухэтажное нежилое. Под № 4 одноэтажное в каменных столбах нежилое. Под № 5 в каменных столбах сарай. Под № 6 и 7 одноэтажные крыльца деревянные. Под № 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19 и 20 деревянные одноэтажные нежилые*». К сказанному можно еще добавить, что отливка колоколов производилась в строении № 4 (цех).

Заводчик Николай Дмитриевич Финляндский

К сожалению, несмотря на предпринятый поиск, не удалось найти формулярный список **Николая Дмитриевича Финляндского** (ок. 1841 – † 1914). Поэтому в его биографии осталось немало белых пятен. Так не установлена точная дата его рождения (примерный год появления на свет рассчитан по исповедным ведомостям). Неизвестно также, где будущий заводчик получал образование – то ли оно было домашним, то ли учился в какой-то московской гимназии (а может было и то, и другое). Да и о личности Николая Дмитриевича никаких данных нет, кроме единственного упоминания, что был «*любителем лошадей*». Все это выглядит довольно странным, т.к. Н. Д. Финляндский был известным купцом в Москве, владельцем крупного колокольного завода. Трудно поверить, что о нем, о его жизни никто никогда не писал. Но, увы, такая публикация (или рукопись) пока не обнаружена. В архивах удалось найти лишь несколько не слишком подробных дел, в которых упоминается его имя. Да еще сохранились краткие

Изд. 9–34, 9–35. Н. Д. Финляндский¹³⁸, (РГАЛИ).

строчки в воспоминаниях родственников Поповых. И как некое утешение – в архиве РГАЛИ удалось обнаружить две ранее не публиковавшиеся фотографии Николая Дмитриевича (обе приводятся здесь).

Н. Д. Финляндский был московским купцом, информация о нем регулярно печаталась в различных справочных изданиях. Так в справочнике 1869 г. о нем написано следующее: «27 л. [лет], в куп. сост. с 1866 г. Жит. Мещан. ч. 2 кв., в прих. ц. Спаса во Спасском, в д. [доме] жены. Имеет колокольный завод. На городской службе не состоял; в семействе его состоит сын Павел 8 л.»¹³⁹. С небольшими изменениями эти данные потом повторялись в последующих изданиях. Были у Н. Д. Финляндского личные награды, в их числе: «большая золотая кабинетная медаль и малая золотая медаль для ношения в петлице на Александровской ленте в память об окончании строительства и освящения храма Христа Спасителя в Москве в 1883 г.»¹⁴⁰.

Как ранее рассказывалось в шестой главе, одним из наиболее значительных направлений благотворительной деятельности П. Г. Цурикова было дарение новых колоколов храмам и монастырям. Удалось установить, что большая часть из них (как минимум 14) были отлиты на заводе Финляндского. В отдельных случаях благотворитель сам присутствовал при отливке кампанов. Вот цитата в подтверждение сказанного: «Замечательный звон Ивановской церкви определялся тем, что при отливке колоколов на заводе Финляндских Павел Григорьевич Цуриков и Максим Ефимович Попов со всем религиозным усердием навалили в котел огромную массу серебра¹ в монетах и драгоценностях»¹⁴¹.

Случаи многочисленных отливок колоколов на заводе Финляндского по заказу Цуриковых подтверждают, что у р были хорошие отношения. Об этом же свидетельствует архивное дело РГАДА, на одном из листов которого написано, что интересы вдовы А. С. Цуриковой в деле о недвижимости в 1895 г. представлял Н. Д. Финляндский.

Поговорим теперь о продукции колокольного завода, самых известных кампанов.

Для начала приведем цитату из книги Глушецкого: «В 1877–1879 гг. были отлиты колокола для храма Христа Спасителя в Москве. Звон из 14 колоколов общим весом 4008 пуд. 39 фунт. Колокола отливал мастер завода Н.Д. Финляндского Ксенофонт Веревкин, что было отражено в надписи на самом большом, торжественном колоколе»¹⁴². Там же приведена фотография главного кампана. Еще говорится, что изготовление звона для самого большого храма в стране «сыграло существенную роль в развитии колокольного завода Финляндских и позволило ему привлечь значительное количество заказов». И если до 1879 г. объемы реализации другого московского колокольного завода Самгиных превосходили продукцию завода Богдановых-Финляндских, то потом их позиции поменялись. Мастера изготавливали колокола разных размеров, но специализировались на отливке самых больших. Как писали в объявлениях: «Завод отливает колокола, первые по величине и отделке в России».

В 1896 г. было выпущено рекламное издание под названием «Колокольно-литейный завод Павла Николаевича Финляндского в Москве». В нем перечислены самые значительные выполненные в разные годы заказы. Помимо Храма Христа Спасителя в Москве это был Смольный монастырь в Петербурге, храм св. Князя Владимира в Киеве, Николо-Пешношский и Николо-Угрешский монастыри в Подмоскowie. Колокола также отправлялись и за границу: в Париж, Канн, Сан-Франциско, Токио, Константинополь, на Афон, Святую землю (напомним про колокол, подаренный Цуриковым в Троицкий собор Иерусалима – изо 6–51).

Такое широкое распространение продукции бы-

Изо 9–36. Главный колокол храма Христа Спасителя.

¹ Довольно распространено мнение о том, что серебро улучшает качество звучания колокола. По мнению ряда специалистов, это всего лишь легенда. Реально серебро в сплав при отливке колоколов не добавляли.

ло бы невозможно, если б изготавливаемые колокола не соответствовали самым жестким требованиям, не издавали прекрасный звон. О хорошем качестве продукции завода Финляндских свидетельствуют как многочисленные награды (гербы и медали), так и высокий спрос потребителей продукции со стороны храмов и монастырей. Безусловно, в этом большая заслуга, как управляющего Николая Дмитриевича, так и мастеров, трудившихся на предприятии. Фамилия одного из мастеров известна. Выше приводилась цитата, в которой говорилось, под чьим руководством производилась отливка колокола для Храма Христа Спасителя в Москве: «Казанский мещанин Ксенофонт Павлов Веревкин». Это имя также упомянуто в архивном деле, к рассмотрению которого и перейдем.

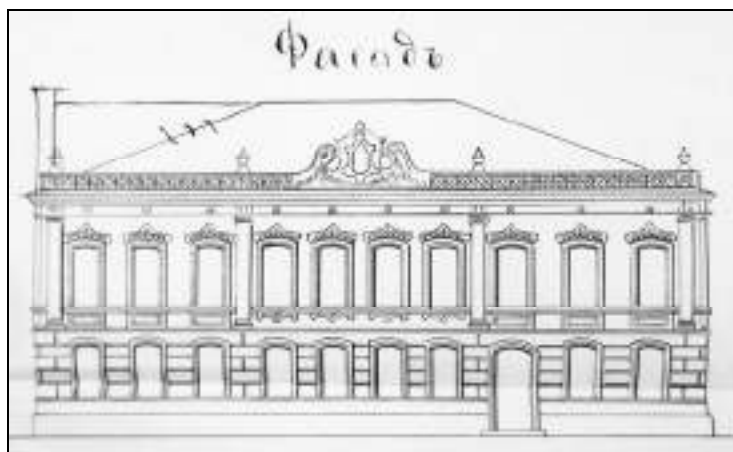
Как написано в деле, 30 января 1865 г. «В здании колокольного завода Московской купчихи Александры Павловой Финляндской [...] в 3 часу по полуночи произошел пожар, начавшийся в яме, где просушивалась форма для 700 пудового колокола»¹⁴³. Возгорание заметил сторож «отставной рядовой Кондратий» во время ночного обхода территории, он же поднял тревогу. Как написано далее: «прибывшими пожарными командами пожар был прекращен». О причине возгорания написано так: «Как полагают заведующий заводом купеческий сын [Николай Дмитриевич] Финляндский и старший рабочий по заводу мещанин Веревкин, от вылетевших из под формы искр» загорелись канаты. Большого ущерба пожар не принес, убыток был оценен в 500 руб. «Виновных в умышленном поджоге не открыто». Предприятие продолжило работу.

В рекламном издании была напечатана такая информация для заказчиков: «Колокола на заказ изготавливаются в двухмесячный срок, считая со дня получения задатка в размере 3 рублей на пуд колокола. На колоколах по заказу отливаются изображения св. икон и надписи по желанию заказчиков [...] на всех готовых колоколах, кроме заводской литой надписи, по желанию покупателей, делаются надписи чеканные бесплатно. При заказе завод обязуется отлить колокол чисто, с хорошим орнаментом и благозвучным, соответственно весу, голосом, в противном случае колокол переливается за счет завода. Для подъема колоколов весом свыше 100 пудов посылается мастер и снасти бесплатно, с отнесением лишь расходов по провозу снастей и проезду мастера в оба пути на счет покупателя или заказчика; при подъеме же колоколов весом менее 100 пуд. полагается за мастера посуточно по 3 р. в сутки. Доставка колоколов и снастей до железной дороги в Москве и приемка старых колоколов с ж. д. производится на счет завода; провоз же колоколов по железным дорогам, водою или гужем до места их назначения относится на счет покупателя или заказчика. Готовые колокола имеются постоянно для выбора в заводе весом в 250, 220, 200, [...] 3, 2, 1 ½, 1 пуд и в 30 и 20 фунтов»¹⁴⁴. Отлитый на заводе колокол обходился заказчику от 15 до 20 рублей за каждый пуд веса, т.е. примерно по одному рублю за килограмм готовой продукции.

Адрес колокольного завода указывался по-разному: то Спасский переулочек, то 1-й Коптельский переулочек (по сути это одно и то же). Там же на территории предприятия находился и дом, в котором проживала семья владельца завода и некоторые работники. В архивном деле НТДМ имеется несколько планов жилых и нежилых зданий, предполагавшихся к постройке на территории завода. Так в 1878 г. владелица предприятия А. П. Финляндская испрашивала у властей дозволение о надстройке второго этажа над существующим жилым домом. А через два года она же ходатайствовала о

постройке нового жилого двухэтажного дома в другом месте на территории завода.

Указанные постройки и перестройки зданий стали возможными в силу того, что дела на колокольном заводе шли успешно, его хозяева становились богаче, могли развивать предприятие. Помимо этого оставались деньги и на покупку недвижимости. В воспоминаниях родственника С. А. Попова говорится, что Н. Д. Финляндский владел «большим домом в одном из переулков Сретенки и большим домом с гостиницей “Москва” на углу Садовой и Домниковской улиц». Этот же адрес приведен в справочнике 1899 г. как место проживания купца:

Изо 9–37. Фасад жилого дома на территории колокольного завода¹⁴⁵, 1878.

«угол Домниковск. и Садов. ул.». В архиве ЦГАМ удалось найти дело об указанном владении. Оказалось, что Николай Дмитриевич в 1874 г. приобрел на углу Домниковской и Садово-Спасской улиц (это недалеко от колокольного завода) участок № 28/12 размером в 515 кв.саж. за 30.000 руб. На момент покупки там находился двухэтажный дом с «каменным трехэтажным флигелем»¹⁴⁶ (напомним, что в 1886 г. в доме № 12 на Домниковской улице проживал родственник Александр Иванович Сиротинин).

В 1900 г. Н. Д. Финляндский заложил свою недвижимость, чтобы получить деньги. В это время на участке было уже три доходных дома. В них находились «меблированные» квартиры, которые сдавались жильцам за плату на длительные сроки. В некоторых источниках сообщается, что здесь находилась «дешевая гостиница “Москва”». В интернете удалось найти дореволюционную открытку с видом на Садовую улицу, на которой виден доходный дом Финляндского. Это большой 4-этажный дом слева с пирамидкой наверху. Указанный дом (как и другие соседние здания, принадлежавшие Николаю Дмитриевичу) не сохранился.

Изо 9–38. Садово-Спасская улица в Москве¹⁴⁷, открытка, 1905–1913.

Помимо домов на Домниковской улице у Н. Д. Финляндского была и другая недвижимость. Одно из владений находилось на Митьковской улице. В то время это была окраина Москвы (ныне район Сокольников). На приобретенном участке Николай Дмитриевич снес старые строения и в начале XX века построил два деревянных дома, в одном из которых и жил до своей кончины.

Три десятилетия Н. Д. Финляндский управлял колокольным производством. В конце XIX века он уже отошел от дел, дела на заводе вел его сын Павел. В справочнике 1899 г. о Николае Дмитриевиче написано: «56 л., потом. почетн. гражд. и кавалер, [...] Жит. Мещан. ч., 1 уч., угол Домниковск. и Садов. ул., в д. св. [доме своем] Содержит меблированные комнаты там же. Состоял гласн. Московск. Городск. Думы с 1877 г. по 1881 г. и с 1885 г. по 1893 г. Ныне состоит почетн. старшиною Маринского детского приюта с 4 февраля 1885 г.»¹⁴⁸.

Бывший владделец колокольного завода умер 13 ноября 1914 г. На следующий день в газете «Русские ведомости» напечатали объявление: «Николай Дмитриевич Финляндский волею Божию после продолжительной и тяжелой болезни тихо скончался 13-го сего ноября, в 10 час. 25 мин. утра. Панихиды – в 12 ч. дня и в 7 ч. веч. (Сокольники, Митьковская ул., соб. д. № 16). Отпевание – в церкви Воскресения Христова, что у Сокольничьей заставы, 15-го ноября. Начало литургии – в 9 ½ час. утра. Погребение в Алексеевском монастыре. Согласно воле почившаго просят венков не возлагать»¹⁴⁹.

После похорон в другой газете «Московский листок» было опубликовано такое сообщение: «Вчера в Воскресенской церкви, что у Сокольничьей заставы, отпевали известного владельца колокольного завода Н. Д. Финляндского, скончавшегося на 77 году жизни. Покойный значительно развил дело, начатое его отцом и дедом, и благодаря его энергии, завод приобрел известность не только по всей России, но и за-границей. После отпевания погребальная процессия направилась в Алексеевский монастырь, где гроб с прахом усопшего был опущен в семейный склеп после литии»¹⁵⁰. Надо полагать, что могила Николая Дмитриевича была рядом с захоронением родителей Дмитрия Васильевича и Натальи Григорьевны. Там же через пять лет похоронили и его супругу Александру Павловну.

Заводчик Павел Николаевич Финляндский

Переходим теперь к рассказу о последнем владельце колокольного завода.

Как уже говорилось, в семье Дмитрия Васильевича и Натальи Григорьевны Финляндских был единственный сын Николай. Так вышло, что у Николая Дмитриевича и Александры Павловны тоже был только один сын, которого называли Павлом. **Павел Николаевич Финляндский** (1860 – † ?) – это внук Натальи Григорьевны Финляндской, правнук мельника Григория Михайловича и внучатый племянник (двоюродный внук) Павла Григорьевича Цурикова.

В метрической книге Преображенской церкви на Спасской улице найдена запись о его рождении в 1860 г. Восприемниками при крещении записаны дедушка и бабушка: *«Московский купец Дмитрий Васильев Финляндский и Московская купчиха вдова Ольга Иванова Богданова»*¹⁵¹. Мальчик ни в каком учебном заведении не учился, об этом написано в его ФС: *«Воспитание получил в доме родителей»*.

Сохранились воспоминания его друга детства, двоюродного дяди и ровесника Сергея Максимовича Попова. Родственник вспоминал, как когда-то вместе озорничали: *«В гостиной на упомянутом ковре нами была устроена глупая шутка. Маменька [Матрена Григорьевна] повела знакомую старушку Варвару Дмитриевну Носову посмотреть в сумерках на луну из окна. Паша Финляндский и я легли поперек на ковре, и Варвара Дмитриевна через нас упала»*¹⁵². Стоит также напомнить приводившиеся ранее слова о том, что на похоронах Павла Григорьевича Цурикова в Ивановском его ордена на подушечках несли ребята, друзья Сережа Попов, Паша Финляндский, братья Сиротинины Ваня и Саша.

В воспоминаниях еще одного родственника С. А. Попова приводится интересный рассказ о том, как женился Павел Финляндский:

*«Не могу обойти молчаньем свадьбу (около 1880 г.) дальних родственников. Двоюродный брат моего отца Н.Д. Финляндский женился своего сына, юношу лет 18 [Павла]. Н.Д. был известный колокольный заводчик. Завод находился недалеко от Сухаревой башни, владел он большим домом в одном из переулков Сретенки и большим домом с гостиницей “Москва” на углу Садовой и Домниковской улиц. Одним словом, в известном районе, особенно среди торговцев Сретенки, он был “персона”. Был любителем лошадей и решил, что для свадьбы сына нужно сделать что-нибудь особенное, чтобы не ударить лицом в грязь. У каретника долго подбирали лошадей для золотой кареты, была заказана особая сбруя, какие-то грандиозные банты для лошадей. Невеста же жила на фабрике у родителей в Лихоборах, за несколько верст от Москвы. Уедет карета за невестой и никто не увидит?! Тогда нашли выход из положения: карета два дня ездила по Сретенским переулкам, и, конечно, через “кумушек” все узнали, что это за карета. [...] Очевидно, красавец папаша Финляндский, не чувствуя этой поразительной пошлости, был в восторге, показав что-то невиданное в Москве»*¹⁵³.

На самом деле упомянутое бракосочетание состоялось в ноябре 1881 г. Это подтверждает запись, обнаруженная в метрической книге Преображенской церкви. В ней приведены такие сведения о невесте: *«Умершаго Потомственного Почетного Гражданина Феодора Николаевича Кузнецова дочь девица Мария Феодоровна Кузнецова, православного исповедания, жительствовавшая до ныне Московского уезда в селении Лихоборки в доме братьев своих Кузнецовых»*¹⁵⁴. В качестве поручителей со стороны жениха указаны его отец и мать, а также друг детства Иван Иванович Сиротинин.

Об отце невесты Ф. Н. Кузнецове удалось узнать, что ему принадлежало *«Механическо-ткацкое, красильное и набивное заведение Московский уезд, 2 стан, в селении Лихоборки»*, что он *«Член Совета Московской Практической Академии Коммерческих [наук]. Член приготовительной 2-Суцёвского отделения Попечительство о бедных в Москве»*¹⁵⁵.

П. Н. Финляндский стал числиться управляющим колокольным заводом примерно с 1890 г. Во многих бумагах, публикациях он именовался хозяином колокольного предприятия, как до этого назывался его отец. Но вообще-то по официальным документам завод и земля под ним оставались во владении его матери Александры Павловны Финляндской (урожд. Богдановой). Предприятие при Павле Николаевиче продолжало развиваться, строились новые производственные помещения и жилые дома. В деле НТДМ сохранилось несколько подробных планов территории завода с описанием имеющихся и планируемых к постройке зданий. В качестве примера приведена планировка помещений на втором этаже жилого дома хозяев завода.

Среди особо значимых заказов, выполненных заводом под руководством П. Н. Финляндского, можно выделить следующие: колокола для кремлевских церквей (Двенадцати апостолов, собора Василия Блаженного, Вознесенского девичьего монастыря); набор из 12 колоколов для Свято-

Софийского кафедрального собора в Гродно общим весом 1.097 п. и стоимостью 12 тыс. руб. (1897); колокол весом 1.636 п. для Киево-Печерской лавры (1898); звон из 14 колоколов для собора Спас на Крови в Петербурге общим весом 1.607 п. (1899).

Завод неоднократно выполнял заказы царской семьи. Так по желанию императора Николая II, были отлиты 12 колоколов для храма Рождества Христова в Болгарии. Как написано в книге И. Духина: *«Для отливки этих колоколов с Высочайшего соизволения из Московского окружного артиллерийского склада было отпущено 2500 пудов стреляных латунных гильз. Стоимость их покрыла расходы на отливку»*¹⁵⁶.

Но не только колокольные гиганты изготавливали на заводе Финляндского. В рекламном издании перечислены многие церкви и монастыри по всей России, для которых были отлиты колокола весом от 100 до 1000 пудов – всего около тысячи заказов (данные на 1896 г.). Среди них оказались храмы и нашей земли, Звенигородского и Рузского уездов: Еремеево, Ильинское Городище, Ивановская фабрика, Рубцово, Савельево и Петрово¹⁵⁷. К этому списку надо еще добавить Ламишино (1904)¹⁵⁸.

Колокольный завод при Павле Николаевиче продолжал получать награды, всего их оказалось свыше десятка. Стоит выделить такую награду: в 1896 г. «на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде» было получено право изображать на колоколах третий герб Российской империи (права на первые два герба были выданы еще при Николае Дмитриевиче). В свете всего сказанного становятся очевидными слова, написанные в книге: *«В начале XX века колокольнолитейный завод Финляндского – лучшая торговая марка. То, что он шел правильным путем на протяжении всех лет своего существования, свидетельствуют чудные звоны сохранившихся колоколов»*¹⁵⁹.

... «чудные звоны сохранившихся колоколов». А много ли их осталось, этих звонов? Сколько уцелело колоколов из тех, что были отлиты мастерами на заводе Финляндских? Точной статистики нет, в книге Глушецкого приведены сведения о нескольких десятках сохранившихся экземпляров. Это составляет один, может быть несколько процентов от общего количества изготовленной на заводе продукции¹.

Не менее грустным оказался конец и у самого предприятия по производству колоколов. Он очевиден, ведь советской власти ни колокола, ни церкви, ни их служители были не нужны. Ни одно из зданий колокольного завода Богдановых-Финляндских (даже в перестроенном виде), до наших дней не сохранилось. На прежнем месте завода теперь стоят большие жилые дома, построенные в недавнее время.

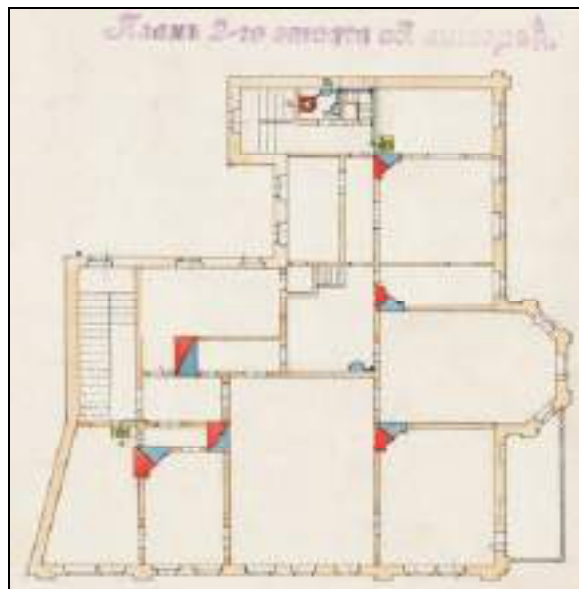
Но не хотелось бы завершать рассказ о колокольном деле на печальной ноте. Времена, когда владельцем завода был Н. Д. Финляндский, описаны в рассказе известного в свое время писателя-журналиста В. А. Гиляровского, опубликованном в его знаменитой книге «Москва и москвичи»:

«Время от времени около этих рогож появляется владелец колокольного завода, обходит всех и отбирает обломки лучшей бронзы, которые тут же отсылает домой, на свой завод. Сам же направляется в палатки антикваров и тоже отбирает лом серебра и бронзы.

– Что покупаете? – спрашиваю как-то его. – Серебряный звон!

Для Сухаревки это развлечение.

Колокол льют! Шушукуются по Сухаревке – и тотчас же по всему рынку, а потом и по городу разнесутся нелепые рассказы и вранье. И мало того, что чужие повторяют, а каждый сам старается похлеще соврать, и обязательно действующее лицо, время и место действия точно обозначит.

Изо 9–39. План 2-го этажа жилого дома
хозяев завода, 1907.

¹ На территории современного Истринского района до революции было свыше 40 храмов и два монастыря. На каждой приходской церкви имелся звон из нескольких кампанов, иногда по 5, 6 и больше. Таким образом, общий счет колоколов шел на сотни. Думается, что пальцев одной руки хватит, чтобы пересчитать сохранившиеся экземпляры. И не факт, что среди них окажутся кампаны, отлитые на заводе Финляндского.

– Слышали, утром-то сегодня? Под Каменным мостом кит на мель сел... Народищу там!

– В беговой беседке у швейцара жена родила тройню – и все с жеребьячьими головами.

– Сейчас Спасская башня провалилась. Вся! И с часами! Только верхушку видать.

Новичок и в самом деле поверит, а настоящий москвич выслушает и виду не подает, что вранье, не улыбается, а сам еще чище что-нибудь прибавит. Такой обычай: – Колокол льют!

Сотни лет ходило поверье, что чем больше небылиц разойдется, тем звонче колокол отольется.

А потом встречаются:

– Чего ты назвал, что башня провалилась? Бегал – на месте стоит, как стояла!

– У Финляндского на заводе большой колокол льют! Ха-ха-ха!

С восьмидесятых годов, когда в Москве начали выходить газеты и запестрели объявлениями колокольных заводов, Сухаревка перестала пускать небылицы, которые в те времена служили рекламой. А колоколозаводчик неукоснительно появлялся на Сухаревке и скупал "серебряный звон". За ним очень ухаживали старьевщики, так как он был не из типов, искавших "на грош пятаков".

Это был покупатель со строго определенной целью – купить "серебряный звон", а не "на грош пятаков"¹⁶⁰.

Теперь расскажем о том, какую информацию удалось собрать о Павле Николаевиче Финляндском.

Как отец и оба деда, он был купцом (по документам зачислен в купеческое сословие в 1893 г.). В архиве ЦГАМ обнаружен ценный документ – «Формулярный список о службе Потомственного почетного гражданина Московского 2 гильдии купца Павла Николаевича Финляндского», составленный в 1909 г. «для представления в Александровское отделение Владимирского Епархиального Училищного Совета». В нем приведено подробное описание заслуг купца второй гильдии П. Н. Финляндского. Отмечено, какие должности занимает и с какого времени: «Состоит попечителем церковно-приходской школы в селе Хомякове Александровского уезда Владимирской губернии» (с 1893); «Состоит Заведующим 19-м военно-конским участком гор. Москвы» (1897); «Состоит попечителем церковно-приходской Никито-Романовской женской школы при Никитском женском монастыре в Москве» (1908); «Состоит выборным Московского купеческого сословия» (1907).

Далее перечислены награды и знаки отличия, которыми купец был отмечен в разные годы:

«Имеет Высочайше установленный 13 марта 1879 г. знак Красного Креста. В Потомственное почетное гражданство возведен в 1879. За отличное усердие на должности агента Пресненского отделения попечительства о бедных в Москве Всемиловейшие пожалован золотой медалью для ношения на шее на Станиславской ленте – 1883, мая 15. [...] Государь Император по докладу Министра Внутренних Дел об особом усердии и трудах за участие в сооружении Храма Христа Спасителя в Москве Всемиловейшие соизволил пожаловать золотую медаль с надписью “за усердие” для ношения на шее на Аннинской ленте – 1883, мая 27. [...] На основании Высочайшего повеления 3 ноября 1883 года получил Высочайше учрежденную в память Священного Коронования Государя Императора Александра III темно-бронзовую медаль для ношения в петлице на Александровской ленте. За отличное исполнение обязанностей по заведованию военно-конским участком гор. Москвы, Всемиловейшие пожалован золотой медалью “за усердие” для ношения на шее на Владимирской ленте – 1901, декабрь 6. [...] пожалован Кавалером Ордена Св. Анны третьей степени – 1904, февраля 3»¹⁶¹.

Дополнительные сведения приведены в справочниках о московских купцах. В ежегодно выходивших изданиях писали, что П. Н. Финляндский состоял гласным Московской городской думы, начиная с 1905 г. К этому следует добавить сведения из отчета «Звенигородского-Саввинского отделения Кирилло-Мефодиевского братства», которое занималось церковно-приходскими школами. Павел Николаевич входил в «Пожизненные члены Братства»¹⁶². В книге Глушецкого написано, что П. Н. Финляндский «почетный член общества “Городское попечительство о бедных”, [...] вице-президент Московского кружка любителей Орловского рысака».

Как много должностей и добрых дел оказалось для одного человека! Из перечисленного видно, каким разносторонним и достойным членом общества был П. Н. Финляндский, как много он занимался общественной деятельностью. К сожалению, его фотографию найти не удалось.

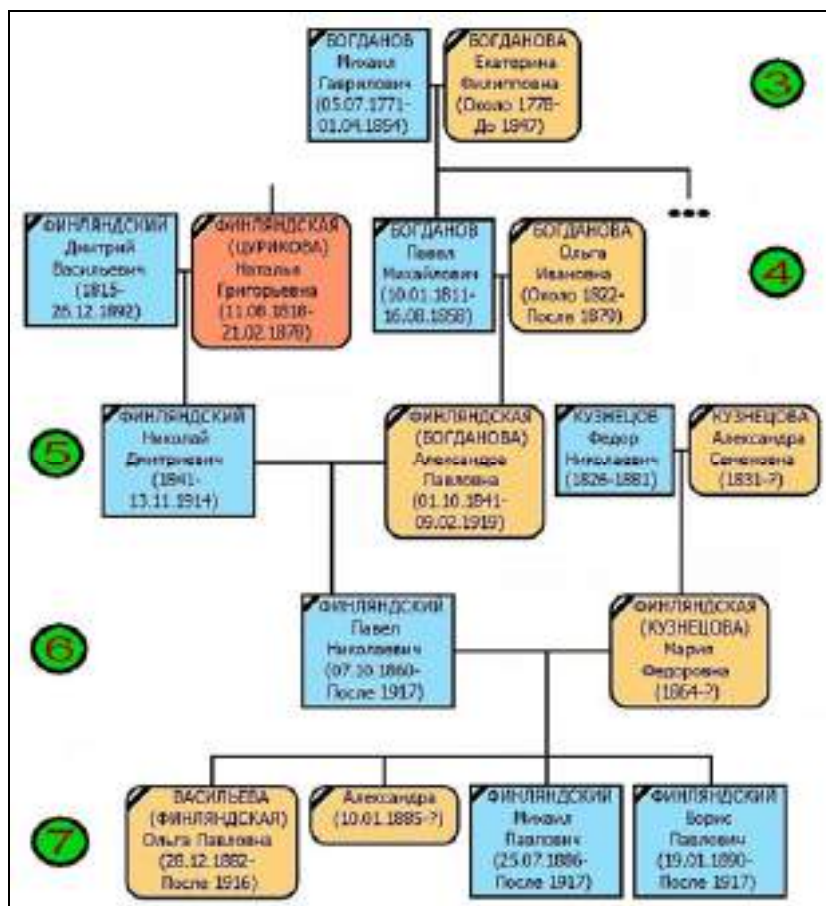
Добрые начинания Павла Николаевича поддерживала его супруга Мария Федоровна (урожд. Кузнецова). Как написано в справочнике “Вся Москва” за 1896 г., она состояла членом «Общества Воспитательниц и Учительниц».

Правнуки Натальи Григорьевны Финляндской

Поговорим теперь о детях в семье последнего хозяина завода.

В формулярном списке Павла Николаевича говорится о двух сыновьях – Михаиле и Борисе. Но, как оказалось, это не все его дети. В одном из архивных дел (о нем пойдет речь далее), сообщается, что были еще две дочери – Ольга и Александра (даты рождения детей приведены в древе). Все они, как и их отец, и дед были потомственными почетными гражданами.

Из четырех детей Финляндских о двух почти нет данных. Для дочери **Александры** найдена лишь запись о рождении в 1885 г.¹⁶³. А для сына **Михаила** обнаружены сведения о его учебе в Москве в «частном реальном училище Воскресенского», например: «Финляндский Михаил сделал ошибку в вычитании и допустил неряшливость обозначений»¹⁶⁴. К счастью, о двух других детях в семье Павла Николаевича информации обнаружено больше. К ним и перейдем.

Изо 9–40. Фрагмент древа Цуриковых: Финляндские.

Начнем с **Ольги Павловны Финляндской** (1882 – † ?). Ее имя упомянуто в двух архивных делах.

Первое – это метрическая книга, в которой оказалась запись о рождении и крещении в приходской Преображенской церкви на Спасской. Восприемниками были записаны «*Николай Дмитриевич Финляндский*» (дед новорожденной по отцовской линии) и «*вдова Александра Семеновна Кузнецова*»¹⁶⁵ (бабушка по материнской линии).

Второе дело довольно объемное и посвящено обучению Ольги Павловны. В своем заявлении девушка написала, что «*Кончила курс в 1899 году в 1-й Московской женской гимназии*»¹⁶⁶, и просила принять ее «*в число слушательниц Высших Женских Курсов на учебный 1901/2 год на историко-философский Факультет*». Бумага эта датирована апрелем 1901 г. Ольга была зачислена на курсы. Но уже в августе того же года она попросила: «*перевести меня с Историко-философского отделения Курсов, на которые я принята Вами в мае сего года, на Естественное отделение на 1901/2 учебный год*». В деле также имеется заявление от отца Павла Николаевича со словами: «*Сим имею честь заявить, что я разрешаю дочери моей, Ольге Павловне Финляндской, поступить на Высшие Женские Курсы*».

В указанном деле имеется также свидетельство, в котором написано, что Ольга Павловна получила право на звание домашней учительницы с правом преподавать русский, французский, немецкий языки и другие предметы (осталось непонятно – воспользовалась ли она потом этим правом).

Из бумаг дела следует, что О. П. Финляндская успешно закончила в 1907 г. Московские Высшие женские курсы (МВЖК). А вот чем занималась в последующие годы – в деле напрямую не говорится. Это стало понятно из другой бумаги, датированной летом 1912 г. Это оказалось новое прошение Ольги Павловны о зачислении на обучение в МВЖК, но уже на медицинский факультет. Но более неожиданным оказалось другое – ее фамилия. Ольга Павловна подписалась как **Васильева** и указала адрес жительства «*с. Яковлевское Костромской губ.*». Все объяснила еще одна бумага, в которой инженер-технолог Васильев (имя и отчество не указаны) написал: «*не имею препятствий для поступления жены моей Ольги Павловны Васильевой на Московские Высшие*

Женские курсы». Так стала понятно, откуда появилась другая фамилия. После окончания первых курсов Ольга вышла замуж и, видимо, уехала на место жительства мужа. Еще один любопытный документ в деле – это свидетельство, подписанное в 1912 г. губернатором Костромы. В нем написано, что «*Васильева поведения и нравственных качеств хороших и неблагоприятных в политическом отношении сведений о ней не имеется*».

В деле есть несколько бумаг об обучении Ольги на МВЖК, приложена зачетная книжка (в ней, в основном, отличные оценки). Есть также выданное на курсах свидетельство, согласно которому слушательница имела право на свободное проживание в пределах 50 верст от Москвы, по разным направлениям, включая до «*Виндавской ст. Новоиерусалимская*». Ольга Павловна училась на медицинском отделении четыре года и в итоге получила диплом, в котором написано: «*28 мая 1916 года удостоена степени лекаря с отличием*».

Что происходило с О. П. Васильевой в дальнейшем – в деле не сообщается. Практически нет сомнений, что она нашла применение своим знаниям – ведь в это время шла Первая мировая война. Очень ценными являются две фотографии Ольги Павловны, здесь приводится одна из них.

Изо 9–41. О. П. Васильева
(урожд. Финляндская), 1916?

Переходим теперь к последнему, младшему ребенку в семье Павла Николаевича. Для **Бориса Павловича Финляндского** (1890 – † ?) в метрической книге найдена запись о рождении¹⁶⁷. Помимо этого обнаружены два архивных дела, посвященных обучению в Московском университете. Одно – о поступлении в университет, второе – о его окончании.

В первом деле имеется прошение Бориса Финляндского, поданное в 1907 г. на имя ректора. В нем излагается просьба «*о зачислении меня студентом юридического факультета, или же за исключением места на таковом, о зачислении меня студентом естественного отделения физико-математического факультета*»¹⁶⁹. Указан адрес местожительства: «*по Каптельскому пер., дом П. Н. Финляндского*». В деле имеется копия аттестата обучения в 1900–1906 годах в «*частном реальном училище Воскресенского*», приведены итоговые оценки 4 и 5, лишь одна оценка 3 балла по арифметике (напомним, что там же ранее учился старший брат Михаил). Как следует из дела, по окончании училища юноша обучался в нем еще один год для подготовки к поступлению в университет.

В одном из последующих документов написано, что Борис был зачислен на юридический факультет Московского университета. Среди бумаг дела имеется экзаменационная книжка с оценками, справка об отсрочке от воинской повинности. Также приложена копия выданного 1 июня 1912 г. диплома второй степени об успешном окончании обучения в университете и сдаче экзаменов. Проставлены оценки «*уд.*» (удовлетворительно), и «*весьма уд.*». В конце стоит пометка: «*Подлинный диплом получил 27 мая 1914 года*». К делу приложена фотокарточка студента.

Изо 9–42. Б. П. Финляндский¹⁶⁸, 1912.

Следующее дело 1912 г. целиком посвящено сдаче выпуск-

ных экзаменов в университете для получения диплома. Оно интересно тем, что в нем имеется еще один снимок Бориса, на сей раз выпускника.

В завершении хотелось бы рассказать о потомках рода Финляндских. А говорить особо нечего. Для четырех детей Финляндских известны даты рождения. А вот сведений о времени кончины ни для кого нет. Лишь в воспоминаниях А. М. Шуберт написано несколько слов: *«Последняя весть о них я имею в [19]40-х годах нашего века и знаю, что тогда умер последний бездетный Финляндский. Так иссякли последние потомки Г.М. Цурикова и по этой линии»*. Кого именно имела в виду Анна Михайловна, на чем основывалась, когда писала эти строчки – сказать трудно, об этом в воспоминаниях не сказано. Наверное, сведения получены от каких-то других родственников.

И вот, когда шла работа над текстом настоящей книги, появилась новая, ранее неизвестная информация. В интернете была найдена статья С. Г. Галагановой, в которой автор рассказывала о своем детстве, как жила в доме на Митьковской улице, построенном до революции Н. Д. Финляндским. Она застала в живых соседку по дому А. Н. Кальнинг, которая *«хорошо знала всю семью Финляндских, проживавших в соседнем доме, дружила с сыновьями Павла Николаевича, Борисом и Михаилом, вплоть до их отъезда в эмиграцию в 1917 году»*¹⁷⁰. Получается, что Финляндские эмигрировали? Но куда? Уехали все члены семьи или нет? И каким образом Шуберт, живя в СССР, узнала о судьбе далеких родственников? Вопросов много, а ответов на них нет.

Родственник и друг Максим Ефимович Попов

Следующим по очереди старшинства рождения родственников должен следовать рассказ о младшей сестре Павла Григорьевича, Матрене Цуриковой, которая после замужества стала Поповой. Ее мужем стал купец **Максим Ефимович Попов** (1817 – † 1896). В третьей главе была приведена одна из фотографий этого купца (изо 3–46), много говорилось о его сыне Сергее, ставшим последним владельцем Ивановской фабрики. Но отдельного разговора о Максиме Ефимовиче еще не было. А он заслуживает этого, достойный был человек.

М. Е. Попов занимает особое место в истории Ивановской суконной фабрики и не только потому, что в конце своей жизни стал хозяином данного предприятия. Еще задолго до этого он занимался продажей производимого на фабрике сукна. А после того как женился на дочери Григория Михайловича, Матрене, его связь с Цуриковыми стала еще теснее. Можно с полной уверенностью говорить, что Максим Ефимович был самым близким другом и товарищем Павла Григорьевича.

Разница в возрасте у них была небольшая – Попов был младше Цурикова на пять лет. В судьбах их оказалось много общего. Оба вышли из самых низов русского народа, хотя Максим в отличие от Павла не был крепостным, по всей видимости, с детства был мещанином. Всего в жизни они добились сами и в итоге получили широкое признание в обществе. Про таких ныне говорят: самородок или человек, сделавший себя сам («self-made man»), т.е. самостоятельно пробившийся наверх из самых низов. Причем Попова это касается даже в большей степени, ибо Павел Григорьевич получил от отца действующую фабрику (которую потом успешно развивал). А Максиму Ефимовичу никто не помогал. Придя в Москву, по семейному преданию, с пятиалтынным (15 копеек) в кармане, он в конце жизни стал миллионером, владел суконной фабрикой в Ивановском, магазинами и гостиницей в Москве, вел торговлю в Харькове.

И Цуриков, и Попов в результате упорного труда стали купцами первой гильдии с безупречной деловой репутацией. Оба были по-настоящему верующими прихожанами, на протяжении многих лет избирались церковными старостами нескольких храмов. Максим Ефимович, как и Павел Григорьевич, немало жертвовал на церкви, больницы и школы, хотя масштаб и география его благотворительной деятельности были заметно скромнее. За свои добрые дела оба неоднократно награждались орденами Российской империи, в конце жизни получили чин действительного статского советника, дававший право на потомственное дворянство.

Конечно, были и различия. Максим Ефимович после получения высокого чина, в отличие от Павла Григорьевича, не стал хлопотать о причислении к дворянскому сословию, считал это ненужным делом. В семье Поповых почитались другие ценности: *«Подчеркивалось, что благородное происхождение — штука пустая. При этом указывали на старую убогую портниху, жившую в доме*

дедушки [Максима Ефимовича], Анну Васильевну, которая была дворянкой: “Ну, что толку от ее дворянства?” Когда заходил разговор о дворянах, бабушка [Матрена Григорьевна] любила говорить “мы люди простые”»¹⁷¹. В доме Поповых порой звучала поговорка: «Дрянъ — из дворян».

Ну и еще небольшой штрих, показывающий, что это были разные люди: Максим Ефимович в молодости любил театр (потом, правда, охладел к нему), а Павел Григорьевич отрицательно относился к лицедейству.

Но главным различием в судьбах этих двух купеческих семей оказалось другое: у Цуриковых не было детей, а у Поповых их оказалось много. Нереализованные родительские чувства Цуриковы с радостью отдавали племянникам Поповым, осыпая их подарками и своей любовью.

Происхождение Максима Ефимовича Попова, жизнь до свадьбы

Последний владелец Ивановской фабрики С. М. Попов писал, что его отец Максим Ефимович был рязанским мещанином, а дед — мелким торговцем. О бабушке высказался так: «Мария Ивановна Попова, урожд. Рюмина, была также из Рязани (ее я немножко помню; когда был мальчиком в Рязани, у нее был завязан глаз; скончалась она в 1869 году [по другим сведениям 16.04.1867] и похоронена в Рязанском женском монастыре). Дальше свою родословную я не знаю, так как отец мой не любил распространяться об ней»¹⁷².

Больше подробностей оказалось в воспоминаниях внука Сергея Александровича Попова:

«Дед мой, Максим Ефимович Попов, родился 4 августа 1817 года или в самой Рязани, или в Спасском уезде Рязанской губернии (там в память 50-летия его деятельности <в> 1840–1890 <годы> в селе Урже была устроена школа его почитателями). М.Е. был сыном мещанина г. Рязани Ефима Алексеевича Попова, получившего свою фамилию, вероятно, по происхождению из духовного звания, хотя документальных данных по этому пункту нет. Родился Ефим Алексеевич в 1791 году и был женат на рязанской мещанке Марии Ивановне Рюминой. Занимался он, по видимому, торговлей, между прочим, будто бы водкой, и в последние годы своей недолгой жизни держал небольшую лавочку в местечке Бобрики Епифанского уезда Тульской губернии, где находилось имение, принадлежавшее гр. Бобринским; там он и скончался от холеры, но в молодых годах (43 лет), как значится в книгах Бобриковской церкви 10 сентября 1834 года. Сын [Максим Ефимович] поставил ему хороший памятник с трогательной надписью: “Болезному родителю от почтительного сына” [...]

После смерти отца 17 лет от роду он задумал отправиться в Москву попытать счастья. Мать он оставил в семье ее сестры, Наталии Ивановны. В Москву из Рязани Максим Ефимович пришел пешком; долго в его семье хранился картуз с большим козырьком — часть его дорожного костюма и всего его состояния. Максим Ефимович был податного сословия и, очень боясь 25-летней николаевской военной службы, решил во что бы то ни стало избежать ее. Имея пристрастие к торговле, особенно суконной, он мечтал открыть лавочку, но средств не было»¹⁷³.

В книге “Суконщики Поповы” приведены дополнительные сведения о юных годах Максима:

«В Москве ему удалось устроиться в ремесленную школу при бумаготкацкой Трехгорной мануфактуре, принадлежавшей купцу Прохорову. Здесь Попов попал под своеобразную и несколько патриархальную опеку своего хозяина. Жил с другими учениками при доме Прохорова, который собственнически водил их в праздники в церковь, а накануне сам ходил с ними в баню. Строгая опека Прохорова оказалась не по нутру своевольному ученику, который через пару лет резко порвал с хозяином и ушел на службу к другому купцу-суконщику. В то время, при малой, сравнительно, торговой конкуренции, дешевой рабочей силе и дешевом сырье, а также при большом спросе на фабрикаты, люди быстро богатели. Не удивительно, что умному, энергичному, исключительно работоспособному Максиму Ефимовичу удалось начать собственное дело, разросшееся впоследствии в крупное торговое предприятие»¹⁷⁴.

А вот как описал начало трудовой биографии отца Сергей Максимович:

«Он начал торговать молодым человеком <в> 23 года, пройдя до этого суровую школу жизни. Приехав из Рязани в Москву, он сначала был служащим при фабрике Прохорова (за Трехгорной заставой), где учился в фабричной школе одновременно с известным деятелем Рязановым; потом служил приказчиком в суконном магазине Н.И. Сафонова. Первая лавочка отца (холодная) была в городских рядах. Потом он нанял теплое помещение на Тверской, в доме Лебедева, позднее <нрзб>

близ Иверской часовни и позднее на Ильинке, в доме Варгина. С сердечной болью рассказывал папаша, каких невероятных трудов стоило ему выбраться на самостоятельную дорогу. Сколько унижений он вынес из времени своей юности! Недаром его характер был суров (хотя в молодости он был весельчак и большой любитель театра)»¹⁷⁵.

Итак, в 1840 г. М. Е. Попов стал хозяином лавки, в которой торговал сукном. Где-то в это время и состоялось его знакомство с Цуриковыми, производившими на своей фабрике суконную материю. Как позже написал один из потомков: «Он наезжал на Ивановскую фабрику для покупки сукна и скоро завоевал симпатии отца и сына Цуриковых». Надо полагать, что они понравились друг другу и захотели установить более крепкие связи. В итоге через три года Максим Ефимович породнился с Цуриковыми. Вот как это произошло.

Женитьба на Матрене, совместные дела с Цуриковыми

У Григория Михайловича была младшая дочь Матрена на выданье. К ней и посватался «московский мещанин Казенной слободы, Петербургский временный купец» Попов. Как ранее уже рассказывалось, роль сватов сыграла семья Сырейщиковых. Вот как много позже описал события тех дней внук С. А. Попов: «Все, кто знал Максима Ефимовича в его последующие зрелые годы, не могли себе представить, что в молодости он был весельчак и балагур. Наблюдая его характер и веселый нрав, Григорий Михайлович сомневался, будет ли из него толк. Особенно весельчак Попов удивил мирных ивановских обитателей, когда, уезжая с фабрики после помолвки, он, переехав реку, выстрелил два раза из револьвера. Свадьба состоялась в Ивановском 31 мая 1843 года».

Венчание проходило в Петропавловской церкви с. Лужки, в приходе которой находилась невеста (обычно бракосочетание совершалось по месту жительства жениха). Поручителями со стороны М. Е. Попова были записаны: «Титулярный советник Димитрий Егоров [нрзб], Московский мещанин Иоанн Иоаннов и Московской 2-й гильдии купеческий сын Алексей Петров Сырейщиков»¹⁷⁶. Как писала внучка А. М. Шуберт: «Празднование свадьбы было устроено в домике Павла Григорьевича и Анны Сергеевны против изб Григория Михайловича. [...] После свадьбы молодые Поповы уехали в Москву».

В архиве РГАЛИ обнаружены фотографии супругов Поповых (снимки, правда, сделаны значительно позже их свадьбы). Максима Ефимовича сфотографировал дальний родственник, фотограф Г. В. Трунов (муж внучатой племянницы).

Изо 9—43. М. Е. Попов¹⁷⁷,
фотограф Г. В. Трунов, (РГАЛИ).

Изо 9—44. М. Г. Попова¹⁷⁸, (РГАЛИ).

В последующие годы Максим Ефимович не забыл о храме, в котором обвенчался. Спустя восемь лет сделал пожертвование в Петропавловскую церковь: «ковчег для хранения Святых Даров серебрянный вызолоченный, его иждивением сделаны две позлащенные рамы для двух икон, им же поставлен медный посеребрянный семисвечник в Святом Олтаре пред Распятием, каковыя пожертвования купца Попова составляют сумму примерно 350 рублей серебром»¹⁷⁹.

После женитьбы на дочери владельца Ивановской фабрики, молодой купец получил исключительные права на продажу производимого сукна: «С того времени началась тесная и постоянная связь коммерческих дел Цурикова и Попова, и ни один кусок товара фабрики не был продан помимо склада Попова»¹⁸⁰. Это подтвердил много лет спустя сам Максим Ефимович: «выработанный на фабрике [...] Павла Григорьевича Цурикова суконный товар, в продолжении более 30 лет, поступал на комиссию для продажи ко мне Попову в магазины мои, состоящие в Москве Городской и Тверской частях и в главный склад на Маросейке в собственном доме»¹⁸¹.

Надо сказать, что не все родственники были рады такому развитию событий. Как ранее уже говорилось, за три года до породнения с Максимом Поповым, мельник выдал другую свою дочь, Наталью, за Дмитрия Финляндского, также торговавшего сукном. Однако тот оказался не таким хватким и деловым, как выходец из Рязанской губернии. И потому, нарушая семейные традиции, Григорий Михайлович, ради общего успеха, предпочел иметь торговые дела с младшим зятем.

О тесных деловых связях Цуриковых и Попова говорится в воспоминаниях внука:

«Максим Ефимович принимал большое участие в делах фабрики Цурикова. Он ездил на юг России закупать шерсть для нее; в своих письмах Павел Григорьевич иногда просит <его> беречь здоровье <и самому> не ездить, а поручить Алексеевым. Павел Григорьевич доверяется только Максиму Ефимовичу, его же делает душеприказчиком и в благодарность за труды оставляет ему по завещанию 50 000 рублей. Товар с фабрики до последнего времени возили на лошадях, главный ездок Захар Аф. Кухтин приезжал постоянно два раза в неделю с товаром в Москву, заявлялся утром к Максиму Ефимовичу в кабинет с фактурами на привезенный товар, со счетами и требованиями материалов для фабрики. Максим Ефимович делал соответствующие распоряжения. Максим Ефимович, конечно, был заинтересован в процветании Ивановской фабрики — ведь товар с конца 40-х годов шел только через него, и он получал, вероятно, частью и за свои труды по ведению фабричного дела, кроме товара, еще 6% комиссии»¹⁸².

За время полувекового проживания в Москве, Поповы неоднократно меняли места своего жительства. Последним адресом оказался особняк на Маросейке в Петроверигском пер., дом № 6. С этим домом у А. М. Шуберт связаны такие детские воспоминания: «На Маросейке в старом дворянском особняке утвердился несколько патриархальный купеческий быт, хотя и совсем не похожий на быт

купцов, как его описывал Островский. Во главе — умный, суровый, властный, а по мнению некоторых, жестокий и скупой, глава дома — Максим Ефимович Попов, перед которым все трепетали, начиная от приказчиков, живших, как полагалось, тут же во дворе во флигеле, и кончая членами семьи. Его сыновья, будучи уже зрелыми людьми, с сединами на головах, вставали со своих мест тотчас же, как в комнате появлялся их отец, и так оставались стоять, пока он оставался в комнате»¹⁸⁴.

В архиве РГАЛИ сохранилась фотография столовой в доме Поповых в Петроверигском переулке.

Изо 9—45. «Столовая в доме деда»¹⁸³, (РГАЛИ).

Каким человеком был Максим Ефимович Попов

Интересно описание внешности, которое сделали родственники. Вот что написал С. А. Попов: *«Внешне дед совершенно не походил на московского купца. Выше среднего роста, худой, с пробором на голове, брит, иногда только носил бороду как финны: только под подбородком и на шее. Иначе я не представляю его себе, как в наглухо застегнутом сюртуке или визитке, с белым батистовым галстуком и в цилиндре, а когда холодно, в каком-то ватном картузе. Дома в старости ходил всегда в шелковом халате на беличьем меху и с таким же воротником. Курил он довольно много и только сигары»*¹⁸⁵.

А вот описание А. М. Шуберт: *«Носил он сюртук, на голове картуз. Лицо имел худое, бритое, был похож на Победоносцева, брился редко и потому страшно колелся, когда нас целовал. К нам, внучатам, он относился при встречах ласково. Но так как он был неразговорчив и большую часть времени проводил в магазине или у себя в кабинете, то мы сталкивались с ним редко и трепетали перед ним вместе со взрослыми»*.

Многие родственники писали о религиозности М. Е. Попова (в этом он был похож на П. Г. Цурикова). Вот слова его внуки: *«Дедушка был очень богобоязнен и был начитан в духовных книгах. [...] Детей своих дед и бабушка воспитали в страхе Божьем. Они должны были поститься все семь недель Великого поста. Хаживали всем домом пешком на богомолье к Троице. Ходила с ними пешком даже мама пятилетней девочкой (правда сзади шла телега, в которую она могла присаживаться). [...] На Маросейке свято чтились все церковные праздники, посты и старые обычаи»*.

В разное время Максим Ефимович был церковным старостой трех храмов. По сведениям внука С. А. Попова: *«Двадцать лет был старостой церкви Девяти мучеников — приход его дома на Новинском бульваре»*. Конкретные годы нигде не указаны, скорее всего, это длилось с 1856 г. и до середины 1870-х. В 1874–1891 гг. М. Е. Попов был старостой другого московского храма – Успенского кафедрального собора в Кремле. В шестой главе рассказывалось, как в указанный собор в 1870-х годах делал пожертвования П. Г. Цуриков. Не меньшие вклады были сделаны и М. Е. Поповым. Но не все были довольны его работой на посту церковного старосты. Как писала А. М. Шуберт, находясь на этой должности он *«к ужасу всех археологов, расширил прежние окна и испортил тем самым старинные фрески»*.

После кончины П. Г. Цурикова, М. Е. Попов заменил его на посту церковного старосты Успенского храма при Ивановской фабрике. По имеющимся данным он находился на этой должности в 1878–1890 годах. Как видим, довольно длительное время Максим Ефимович был старостой сразу в двух храмах – московском и фабричном. Потом в Успенской церкви при Ивановской фабрике старостой стал его сын Сергей Максимович.

В конце жизни капитал М. Е. Попова достигал уже нескольких миллионов рублей. У него были в Москве свои дома, два магазина по продаже сукон, оптовый склад в Харькове. Максим Ефимович был также владельцем нескольких земельных участков с лесом. В 1880 г. он купил у братьев Мамонтовых гостиницу “Лоскутная”, которая находилась на Тверской улице недалеко от Кремля (здание не сохранилось). Гостиница приносила хорошую прибыль и в конце XIX века оценивалась в 800.000 руб.

Успеха в торговых делах М. Е. Попов добивался благодаря большой трудоспособности и целеустремленности. Как писал внук: *«Трудолюбия Максим Ефимович был необыкновенного. Привыкнув с молодых лет полагаться только на себя, он до последних дней своей жизни, будучи уже больным и старым, не прерывал своих трудов и вел свои торговые дела самостоятельно, не полагаясь <на> помощь других. Зимой и летом, в будни и праздники он не оставлял своих занятий. Вставал он в 7 часов утра и пил чай большей частью один, так как домашние еще не вставали»*.

Есть и другое мнение о том, как М. Е. Попов разбогател. Его внук С. А. Попов писал: *«Его ценили как делового человека, но все очень не любили. Дедушка не терпел никакой конкуренции и, будучи директором Купеческого банка, содействовал утоплению каждого, кто становился конкурентом. Так, затеяв собственное чайное дело, он пытался разорить большую чайную фирму Перловых, но это ему не удалось. В силу этого многие из купечества деда не любили и его сторонились»*¹⁸⁶. А вот что написано в книге “Суконщики Поповы”: *«Злые языки говорили впрочем, что росту капитала Максима Ефимовича [Попова] нередко приносились в жертву интересы его конкурентов и даже родственников (так, говорят, разорился суконщик Сырейщиков, купец Кузнецов и некоторые другие)»*¹⁸⁷.

Хотелось бы прокомментировать эти слова. Приведенный во второй главе материал об А. П. Сырейщикове опровергает слова, написанные о нем в последней цитате. Да, в середине 1830-х годов этот купец разорился, когда вел дела с Ивановской фабрикой. Но в 1843 г., согласно записи в метрической книге, он

был поручителем на свадьбе Максима Ефимовича. А когда в конце жизни Алексея Петровича вновь постигла неудача в коммерческих делах, он стал работать приказчиком у Максима Ефимовича. Все это говорит о том, что у них были хорошие отношения, если не сказать дружеские (абы кого в поручители на свадьбу не берут). Трудно представить такие отношения в случае причастности Попова к неудачам Сырейшикова. Так что написанное в цитате о разорении этого купца следует считать неправдой. А вот о правдивости остальных слов судить сложно. Понятно, что конкуренты никому не нравятся. Но чтобы разорять, «топить» их – в это трудно поверить. Можно уверенно говорить о том, что если бы Максим Ефимович был непорядочным человеком, то у него не было бы таких близких, доверительных отношений с Цуриковым. Думается, что Павел Григорьевич не стал бы с ним дружить. И не завещал бы ему 50.000 руб.

Занимаемые должности, награды

В завершении рассказа о М. Е. Попове хотелось бы привести выдержки из его ФС (отметим, что приведенный там перечень занимаемых должностей далеко не полный).

В середине 1850-х годов Максим Ефимович числился Звенигородским купцом 3-й гильдии (в это время Павел Григорьевич был купцом 2-й гильдии в том же городе). С 1858 г. в течение трех лет Попов служил городским головою в Воскресенскеⁱ. В 1866–1883 гг. «Находился выборным Московского купеческого сословия»¹⁸⁸ и одновременно состоял гласным Московской городской думы. С 1866 по 1870 член Московского Коммерческого суда. В 1867–1876 был «Биржевым Старишиною при Московской бирже». В 1863 Максим Ефимович «Возведен в Потомственное Почетное Гражданство». В 1870 ему пожаловано звание «Коммерции советника». В 1884 утвержден членом Московского отделения Совета торговли и мануфактуры. В 1887 «пожалован чином Действительного Статского Советника».

За различные заслуги, многочисленные пожертвования М. Е. Попов неоднократно награждался орденами: св. Станислава 3-й ст. (1862) и 2-й (1876), св. Анны 3-й степени (1871) и 2-й (1881), св. Владимира 4-й ст. (1893). В 1881 г. «За пожертвование и постоянную заботливость о благолепии Успенского Собора, преподано ему благословение Святейшаго Правительствующаго Синода».

Как видно, по числу и достоинству орденов Максим Ефимович почти не уступал Павлу Григорьевичу. А по перечню занимаемых общественных должностей даже и превосходил. Отчасти потому, что жил в Москве и его жизненный путь оказался на 12 с лишним лет дольше, чем у Цурикова.

Умер М. Е. Попов на 79-м году жизни. В метрической книге «Космодамианской на Покровке церкви» за 1896 г. указана причина смерти: «от хронического воспаления легких»¹⁸⁹. В объявлении о кончине, напечатанном в газете «Московские ведомости», сообщалось, что «Максим Ефимович Попов волею Божию скончался 16 сего мая, в 10 часов вечера [...] Вынос тела, литургия и отпевание в приходской церкви Св. Космы и Дамиана, на Моросейке»¹⁹⁰. Похороны состоялись в Москве в Алексеевском монастыре на заранее приобретенном участкеⁱⁱ, где уже находилась могила старшего сына Александра.

Это далеко не полный рассказ о М. Е. Попове. Так почти ничего не было сказано о добрых делах, которые он совершал на протяжении своей жизни. А они были. О некоторых благодеяниях Максима Ефимовича рассказано в книге «Суконщики Поповы».

Род сестры Матрены Григорьевны Поповой

Теперь поговорим о жене Максима Ефимовича **Матрене Григорьевне Поповой** (урожд. **Цуриковой**, 1821 – † 1898). Надо сказать, что у старшего брата и младшей сестры были очень теплые отношения. Когда Павел умер, то по воспоминаниям близких, Матрена «все плакала и молилась». Как кто-то написал, она *очень считалась с мнением братца*», который был ее старше почти на 10 лет.

Из всех братьев и сестер Цуриковых (если не считать самого Павла) о Матрене сохранилось больше всего сведений. В ходе сбора информации были обнаружены две ранее неизвестные фотографии. Один из снимков уже приводился (из 9–44), другое изображение размещено здесь.

ⁱ К сожалению, не удалось установить, где в это время Попов жил в городе. И вообще трудно понять, как ему удавалось совмещать свои торговые дела в Москве с исполнением обязанностей главы в Воскресенске.

ⁱⁱ На кладбище Алексеевского монастыря М. Е. Поповым был выкуплен участок, на котором позже был похоронен он сам и некоторые члены его семьи. Напомним, что там же был похоронен И. И. Сиротинин, на том же кладбище погребали членов семьи Финляндских. Это все были родственники. Монастырское кладбище было уничтожено в советские годы.

Какой была Матрена Григорьевна

Все, кто писали о М. Г. Поповой (а таких высказываний набралось немало), с большой теплотой о ней вспоминали. У каждого нашлись добрые слова о своей матери, бабушке, которая всех любила.

Внук Сергей Александрович Попов вспоминал: *«Нас, ребят, посылали в первый день праздников Рождества и Пасхи поздравлять с праздником дедушку и бабушку (между прочим, бабушка нас всех крестила и терпеть не могла, чтобы мы звали <ее> бабушкой, а обязательно “мамашей крестной”). Мы с удовольствием отправлялись на это паломничество, так как бабушка всегда нас дарила деньгами, сумма по возрасту начиналась, кажется, с 5 рублей, а в студенческие годы чуть ли не до 100 рублей (может быть, я преувеличиваю, не помню)»*¹⁹².

А вот высказывания внучки Анны Михайловны Шуберт: *«Бабушка была так добра, так любила нас, внучат, так забавлялась нашим весельем, [...] что позволяла нам все без всякого отказа [...] Наконец мы получали от бабушки громадное количество сладостей и были уже вполне счастливы. [...] Располагая большими деньгами и имея при себе всегда достаточный запас новых хрустящих кредиток, бабушка часто и очень щедро раздавала их направо и налево»*¹⁹³. И еще: *«очень добрая, мягкая, ласковая, полуграмотная старушка, старавшаяся каждого защитить от гнева мужа»*.

Сын Сергей Максимович Попов написал следующее: *«Я был младшим в семье и особенным любимцем матери — Матрены Григорьевны, урожденной Цуриковой, зато и любил же я ее, впрочем, как и все остальные дети, — это была сама доброта и приветливость»*¹⁹⁴. Можно привести и другие его воспоминания: *«Вообще мать меня никогда не наказывала. Я помню только ее любовь и ласку и заступничество за нас перед отцом. Родилась и выросла она на Ивановской фабрике, училась немного, но была чудесным русским человеком — простым и гостеприимным. Мы, все дети, ее боготворили, и самым большим несчастьем казалось нам — покинуть семейный очаг. [...] В Ивановском я бывал с самого раннего детства и всегда с мамашей — одного меня она там не оставляла гостить, хотя братья и сестры гостили там подолгу с няней»*¹⁹⁵. После всего сказанного совершенно естественными выглядят такие слова сына: *«Дороже ее не было для меня человека на свете, и решительно скажу, день ее кончины [...] был самым ужасным в моей жизни: такая необыкновенная боль сжимала мое сердце»*.

В архиве Шуберт сохранилась фотография, на которой М. Г. Попова с родственниками, слева Сергей Максимович с дочерью Любой.

Теперь хотелось бы привести некоторые биографические сведения, рассказать о жизни младшей сестры Павла Григорьевича. Начнем традиционно с ее рождения.

В метрической книге Покровской церкви с. Рубцово¹ за 1821 г. найдена такая запись: *«В ноябре 1. У дворового человека Григория Михайлова родилась дочь Матрона, крещена того же месяца 3-го числа»*¹⁹⁶. Детство девочки, как и старших ее сестер Александры и Натальи, прошло в селе Рубцово. Матрена была крепостной девять лет, пока в 1830 г. отец не выкупил ее на волю вместе с другими детьми.

Среди сестер Цуриковых Матрена оказалась единственной, кто обучался грамоте. Случилось это довольно поздно, когда ей было уже 15 лет: *«И вот к ней был приглашен какой-то учитель в Покровском-Рубцове — вероятно из церковного причта в Рубцове»*. Семья в это время проживала в Ивановском, и девочке приходилось каким-то образом добираться на уроки в село. В книге “Суконщики” приведены любопытные подробности:

«Сохранилось письмо от 21 апреля 1836 года: “Милостивому Государю” Григорию Михайловичу

Изо 9—46. М. Г. Попова¹⁹¹, (РГАЛИ).

¹ Как видим, С. М. Попов ошибался, когда писал о матери, что она родилась на Ивановской фабрике.

Изо 9—47. М. Г. Попова (в центре) с родственниками, кон. XIX в., (АШ).

от «его покорнейшего слуги и учителя дочки Кирика Анисимова сына Васильчикова¹». В нем он между прочим пишет: «Вы изволили в воскресенье быть у нас селе Покровском и говорили моей маменьке, чтобы она сказала мне, чтоб я Вам прислал письмо и уведомил бы Вас, что стоит за ученье грамоте Вашу дочку Матрену Григорьевну, ибо она у меня не совсем окончила курс своего ученья грамоте, чтения и писания, а когда она окончит курс своего ученья и тогда, что Вы изволите пожаловать за мои хлопоты, за то что я ее учил, то я и возьму. Ваша дочка Матрена Григорьевна уже не приходила ко мне учиться грамоте с Михайлова дня, то есть с ноября месяца 8 числа, то я и не знаю, совсем ли она выучилась или нет: она у меня выучила 4 кафизмы псалтыря и выписала все буквы заглавные и строчные и стала на аспидной доске писать слоги то есть склады. Если она училась дома у Вас, я и не знаю, совсем ли она выучилась или еще станет учиться; по получении сего письма уведомьте об этом меня, что она придет ко мне учиться грамоте или нет, ибо мне отдают прочие люди учить грамоте своих детей, тоже и с ними не уговариваюсь, а беру то, что мне дадут»¹⁹⁷.

Надо сказать, что ничего путного из этих уроков не вышло. По воспоминаниям А. М. Шуберт: «Матрена Григорьевна оставалась едва грамотной, ничего не читала, и подписывалась до конца жизни Попова». Помимо этого, «Анна Сергеевна [Цурикова] пыталась также научить свою золовку игре на рояле, но из этого ничего не вышло».

Жизнь дочери мельника круто переменилась на 22-м году жизни. Уже рассказывалось о купце Максиме Ефимовиче Попове, как он ездил на фабрику за товаром, посватался к Матрене и с какой радостью воспринял согласие на брак. Приводилась цитата, как «уезжая с фабрики после помолвки, он, переехав реку, выстрелил два раза из револьвера». А вот как те же события описала А. М. Шуберт: «Предложение его было принято отцом и молодыми Цуриковыми, Павлом Григорьевичем и Анной Сергеевной. Эта двойная удача (получение представительства на Цуриковские сукна и согласие на брак с младшей дочерью Григория Михайловича) привела его в такой восторг, что, возвращаясь в Москву и переезжая через Истру по броду ниже плотины выстрелил в воздух из ружья»¹⁹⁸. Как видим, детали в воспоминаниях разных людей несколько отличаются: то Попов стрелял из револьвера, а то из ружья; то он выстрелил два раза, а то один. Это не так важно. В любом случае понятны радостные чувства Максима Ефимовича, коль скоро он устроил такую стрельбу.

Напомним, что бракосочетание и свадьбу справляли по месту жительства невесты. В 1843 г. в

¹ К сожалению, об этом человеке не удалось ничего узнать, его имя не встретилось ни в одном документе.

Изо 9—48. «последний снимок»
М. Г. Поповой, 1890-е, (АШ).

метрическую книгу Петропавловской церкви с. Лужки была внесена запись о состоявшемся 31 мая венчании. Женихом и невестой были записаны: «Московский мещанин Казенной Слободы, Санкт-Петербургский временный купец Максим Евфимиев сын Попов, православного Вероисповедания, первым браком, 24 [года]. Звенигородская 3-й гильдии купеческая сестра девица Матрона Григорьевна Цурикова, православного Вероисповедания, 21»¹⁹⁹. Поручителями со стороны невесты были близкие и дальние родственники: «брат ея родной Звенигородский 3-й гильдии купец Павел Григорьев Цуриков, Московский 3-й гильдии купец Дмитрий Васильев Финляндский и Звенигородский мещанин Алексей Иванов Кручинин».

Теперь хотелось бы поговорить о чертах характера М. Г. Поповой. Она была бережливой, порой чрезмерно. Даже когда состояние Поповых достигло миллионов, это не изменило ее стремление к экономии средств. Как писала А. М. Шуберт, «Матрена Григорьевна ездила сама до конца жизни на базар за глиняными горшками, торгуясь из-за копеечки». Но при этом, как уже говорилось ранее, любящая бабушка ничего не жалела для своих внуков.

Доброту, особое гостеприимство ко всем родственникам и просто к гостям отмечали все, кто знал Матрену Григорьевну. Отношение к родне было «в высшей степени ласковое. Ни капли чванства». А. М. Шуберт вспоминала, что в гостях постоянно были «какие-то дальние родственники, потомки нашего прадеда мельника Цурикова по женской линии. [...] Находились они в доме деда на положении как бы бедных родственников и приходили главным образом для того, чтобы поиграть с бабушкой в карты. Они все были гостями одной только бабушки, жизнь которой протекала как-то обособленно от жизни деда». Та же внучка еще отмечала у бабушки «Тонкие черты лица, маленькие ручки», что «сама от природы живая и общительная». А еще М. Г. Попова любила животных. Как вспоминали потомки, в доме «пребывало немало убогих кошек и собак, которых всюду подбирала сердобольная Матрена Григорьевна и которые издавали свой специфический запах».

Места жительства в Москве, недвижимость

Всю свою совместную жизнь супруги Поповы прожили в Москве (более полувека). При этом неоднократно меняли адреса жительства. Вначале жилье было съемным. Внук С. А. Попов писал: «Первую квартиру молодые наняли на Ильинке (дом 12), где у них и родился первенец (мой отец) Александр 28 июля 1844 года. В этом же доме был Максимом Ефимовичем открыт второй магазин, существовавший там до сломки дома в начале XX столетия»²⁰⁰.

Когда появилась возможность покупки своего жилья, Максим Ефимович в 1846 г. приобрел двухэтажный особняк с садом в Варсонофьевском переулке неподалеку от Рождественского монастыря. Здесь семейство Поповых прожило десять лет. Позднее на этом участке был построен трехэтажный каменный дом. Это был, как тогда говорили, доходный дом с «меблированными комнатами», которые сдавались в долгосрочную аренду и приносили доход. Данный дом сохранился, на карте достопримечательностей Москвы так и называется «доходный дом М. Г. Поповой». Его современный адрес: Варсонофьевский пер., д. 3, стр. 1 (GPS 55.76358, 37.62458).

Изо 9—49. Бывшее владение М. Г. Поповой
в Варсонофьевском переулке, 2022.

В 1856 г. на имя М. Г. Поповой было приобретено еще одно обширное владение в другом районе Москвы. Оно находилось на Новинском бульваре на углу Кудринского переулочка и одноименной площади (постройки не сохранились). При этом дом в Варсонофьевском переулочке не продали, в нем стала жить семья старшего сына Александра. С покупкой нового дома на Новинском бульваре у Цуриковых появилась, как написано в воспоминаниях, «опорная база» при своих поездках в Москву. Гостеприимные хозяева выделили им особую комнату, «в которой постоянно хранился в огромном футляре цилиндр Павла Григорьевича, а вся эта комната стала называться комнатой дядюшки».

В 1873 г. Поповы приобрели еще один, третий по счету, участок с домом и садом в Мясницкой части Москвы (владение № 330). Это была бывшая усадьба, старинный барский особняк графов фон Нирод в Петроверигском переулочке на Маросейке. Во дворе были устроены склад-амбар для хранения сукна и московская контора Ивановской фабрики. Здесь же находились квартиры приказчиков, конюшни и сарай.

В архиве НТДМ обнаружен чертеж фасада усадебного дома во владении № 330, датированный 1834 годом и принадлежавший тогда И. И. Арапетову. На изображении солидный двухэтажный каменный особняк. Надо полагать, примерно в таком виде М. Е. Попов и купил этот дом. Переезд на новое место жительства состоялся пару лет спустя после покупки здания и проведения в нем ремонта.

Вот как о новом доме отзывался внук С. А. Попов: «В 1873 году дед купил владение на Маросейке в Петроверигском переулочке рядом с Петропавловской гимназией и отделал там себе очень хороший особняк — белая мраморная лестница, зал, две гостиные, чудная столовая, кабинет; наверху — спальня, четыре комнаты дочерей, внизу — рабочий кабинет при конторе и роскошная биллиардная».

А вот какие воспоминания оставила внучка А. М. Шуберт: «Это было очень красивое владение с широким видом на Заязье. Был небольшой сад. Дом был устроен так, как это было в старину. Грандиозные парадные комнаты и жилые клетушки, отчасти в антресолях, таких низких, что выросший в них дядя Сережа, живя там, касался головой потолка [...] По контрасту с нашей сравнительно скромной квартирой особняк дедушки из 20 комнат поражал нас своим великолепием: лепными и мраморными стенами и лестницами, гигантскими зеркалами, хрустальными люстрами, бронзовыми часами, атласной мебелью и другим. [...] Гладко натертый прекрасный разноцветный паркет являлся для нас как бы катком, по которому мы носились и скользили как полоумные, радуясь непривычному простору. Особенно поднимала наше настроение та неограниченная свобода, которую мы обретали, переступив порог маросейского дома»²⁰¹.

У Поповых была и другая недвижимость. Всего по данным справочника за 1875 г. оказалось четыре участка в разных местах Москвы, причем все они были записаны на Матрену²⁰³. Так в целях предосторожности (в коммерческих делах всякое могло случиться¹) поступали многие купцы. Сам

Изо 9–50. Владение И. И. Арапетова на Маросейке²⁰², 1834.

Максим Ефимович, как написано в справочнике, проживал «в д. жены»! При этом Матрена, как и ее сестры, да и подавляющее число женщин ее круга в то время нигде не работала. Как бы теперь сказали: была домохозяйкой, занималась воспитанием детей. А по официальным документам выходило, что М. Г. Попова была богатой домовладелицей.

Большое состояние несколько не испортило характер младшей сестры Павла Григорьевича, ее отношение к людям. Как написала А. М. Шуберт: «Это была простая, скромная женщина [...] родилась крепостной, была отцом выкуплена из неволи и всегда горди-

¹ Как отмечено в книге «Суконщики Поповы»: «В купеческом мире было принято недвижимость оформлять на имя супруги, дабы обеспечить ее и потомство средствами к существованию в случае неудачи в предпринимательской деятельности».

лась своим происхождением из низов».

Дом в Петроверигском переулке оказался последним местом жительства супругов Максима Ефимовича и Матрены Григорьевны Поповых, здесь закончился их жизненный путь. Позднее в доме жили их дети, последней была дочь Ольга. Историческое здание особняка не сохранилось, было снесено в советские годы. Сейчас на его месте стоят корпуса Министерства здравоохранения.

Матрена Григорьевна умерла в 1898 г., на два года пережив своего супруга. В метрической книге «Космодамианской на Покровке церкви» указана причина смерти: «от ракового поражения почек и кишек»²⁰⁴. Ее и похоронили там же, где и Максима Ефимовича. Как написала А. М. Шуберт: «Тогда на Алексеевском кладбище появилась 5-я могила с мраморным памятником. [...] Сергей Максимович законсервировал теперь их участок при Алексеевском кладбище [...] он воздвиг над могилами братьев и родителей массивную стальную часовню с окнами, а внутри установил большую мозаичную икону – копию с иконы Нестерова “Воскресенье Христова”»²⁰⁵. В 1930-е годы Алексеевский монастырь был упразднен, кладбище ликвидировали. Сергей Максимович успел перевезти икону Нестерова на Ваганьковское кладбище на некрополь Поповых. Позднее эта икона куда-то пропала.

Благотворительность Матрены Григорьевны

Теперь хотелось бы поговорить о добрых делах М. Г. Поповой.

Как уже отмечалось, в 1896 г. в Воскресенске при земской лечебнице было организовано благотворительное общество. Сохранились отчеты этой общественной организации. По ним видно, что члены семьи Поповых активно помогали этому доброму делу своими взносами. Так в первый год Матрена Григорьевна и ее дочь Ольга внесли в кассу общества денег больше других жертвователей – каждая по 125 руб.²⁰⁶. И в последующие годы их взносы были среди самых крупных – от 25 до 50 руб. В отчете этой организации за 1899 г. есть такие слова:

«П. А. Архангельский¹ доложил о новой утрате, понесенной Обществом: 5 июля скончалась Матрена Григорьевна Попова, состоявшая с первых дней существования Общества его членом. Из отчетов за истекшие 2 года можно видеть, какое участие покойная принимала в делах Общества вообще и при устройстве приюта-яслей, в особенности. Важно ее материальное пожертвование на устройство яслей, но еще важнее для Общества была ее нравственная поддержка, ее сочувствие заботам Общества поддержать здоровье больных матерей и подрастающего поколения. Совет Общества, ценя содействие М. Г. Поповой, постановил ходатайствовать об избрании ее в почетные члены Общества. Нельзя не пожалеть, что Обществу не удалось выразить эту признательность Матрене Григорьевне при жизни. Память покойной была почтена вставанием»²⁰⁷.

Сергей Максимович задумал увековечить память любимой матушки. Для этого делал взносы на благотворительные дела, строил общественные здания, которым просил присвоить имена своих родителей. Так упомянутому благотворительному обществу при Воскресенской лечебнице решил пожертвовать «капитал 8000 руб. имени М. Г. Поповой на пособие с процентов хроникам преимущественно района Ивановской фабрики»²⁰⁸. Со временем размер благотворительного фонда увеличился, в 1910 г. в нем было уже 9.817 руб.

Такому же благотворительному обществу при Звенигородской лечебнице С. М. Попов также сделал пожертвование: внес тысячу рублей «в неприкосновенный капитал имени М. Г. Поповой, с тем, чтобы % с него шли на текущие нужды общества»²⁰⁹.

Сергей Максимович решил увековечить память матери и на Ивановской фабрике. Как рассказывалось в четвертой главе, в 1909 г. приступили к постройке «новой каменной больницы имени “М. Г. Поповой”» [...] Затрачено на эти работы из особого капитала 25 711 р. 84 к.»²¹⁰. Вскоре больничное здание на 62 койки было построено. Согласно отчету по Ивановской фабрике за 1914–1915 гг., на больницу было потрачено из капитала «имени М. Г. Поповой» 8.488 руб.²¹¹, они пошли в том числе на лечение раненых воинов (тогда шла Первая мировая война). Больница использовалась по назначению в советские годы. Здание уцелело, однако ныне заброшено и разрушается (изо 4–25).

В книге “Суконщики Поповы” написано, что «При значительной доле его [С. М. Попова] денежной помощи также в Москве был учрежден Раковый институт (дань памяти любимой матушке,

¹ Врач Павел Арсеньевич Архангельский стоял у истоков здравоохранения в г. Воскресенске, заведовал земской лечебницей. Об этом враче рассказывалось в четвертой главе.

Изо 9–51. Приют для бедных имени Поповых²¹², 1910-е.

плетная (временно в помещении последней призываются старухи)²¹⁴. Дом был рассчитан на проживание 80–100 детей.

В том же издании приведен план земельного владения, чертеж фасада трехэтажного дома, в верхней части которого можно прочесть надпись: «имени М. Е. и М. Г. Поповых дом Попечительства о бедных пресненской части 1-го участка». В интернете обнаружена историческая фотография дома, на фасаде которого под козырьком крыши видны те самые слова. Это говорит о том, что здание для бедных было построено. Более того, оно сохранилось, в нем теперь размещается консалтинговая компания, современный адрес: Большой Трехгорный переулок, д. 15, стр. 1 (GPS 55.76139, 37.56488).

С. М. Попов предусмотрел, на какие средства будет содержаться построенный им «дом Попечительства о бедных» – передал обществу «5% облиг. Российск. Государств. займа» на сумму 20.625 руб. Спустя год благотворительный капитал составлял уже 38.437 руб. В том же 1913 г. сестра Сергея Максимовича Ольга пожертвовала 11 тысяч рублей на приобретение смежного с домом участка для «устройства сада и детской площадки для детского сада Попова»²¹⁵.

Это еще не все. В архиве ЦГАМ обнаружено дело, в котором говорится о том, что в 1916 г. почетный член попечительства С. М. Попов решил пожертвовать 60 тысяч рублей на приобретение у крестьянина В. Е. Бахвалова двух домов в Москве по Трехгорному и Б. Предтеченскому переулкам. Судя по всему, этот участок находился вблизи дома, построенного ранее для попечительства на деньги Попова. Предполагалось, что после проведения необходимого ремонта, устройства водопровода и канализации в одном из домов будет «размещен приют для безпризорных детей воинов Пресненского попечительства»²¹⁶. Сергей Максимович высказал только одно пожелание – о присвоении приюту «имени М. Е. и М. Г. Поповых». Совет попечительства и городские власти приняли щедрый дар, согласились присвоить благотворительному учреждению имени родителей жертвователя. Приют был организован. Правда, просуществовал он недолго: по сведениям из интернета – до 1918 г.

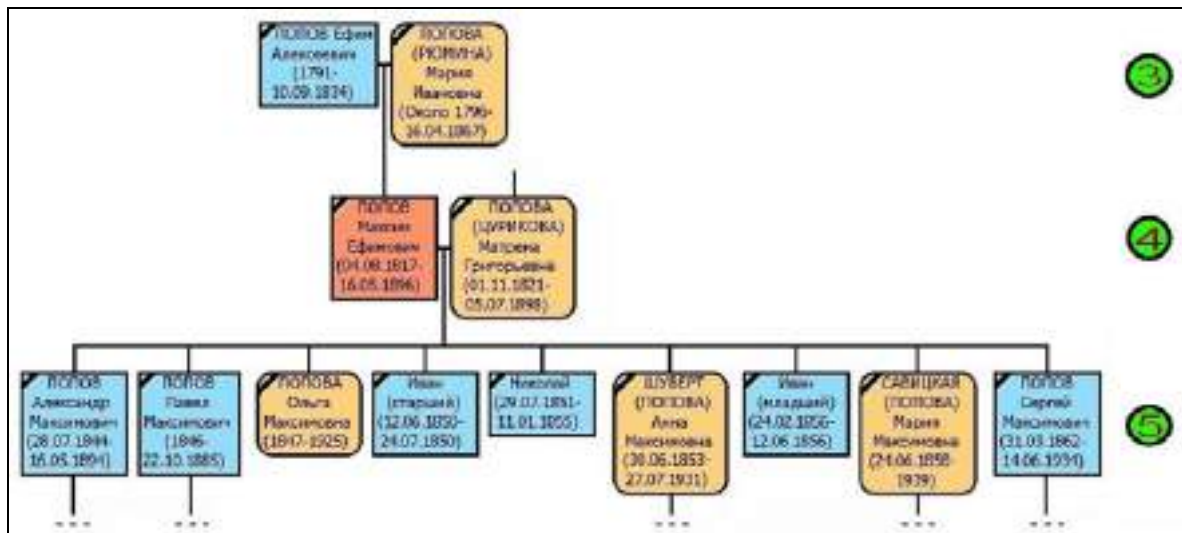
Все перечисленные факты наглядно показывают, как сильно Сергей Максимович Попов любил своих родителей, не останавливался перед крупными пожертвованиями, чтобы увековечить их память. Только кто теперь об этом знает и помнит?

Потомки Максима Ефимовича и Матрены Григорьевны Поповых

В завершении разговора о Поповых поговорим теперь об их потомках, которых оказалось немало. Следует сказать, что довольно подробный материал на эту тему собран Н. А. Круглянской в книге «Суконщики Поповы». Пересказывать все вряд ли имеет смысл, остановимся на отдельных, наиболее интересных личностях. Остальные люди будут упомянуты кратко. Далее будут приводиться фрагменты родословного древа Поповых для отдельных родственников. При построении древа данные брались из указанной книги с добавлением сведений из архивных дел.

умершей от рака)²¹³. Далее. В ходе работы над книгой была обнаружена информация об еще одном начинании Сергея Максимовича по увековечиванию памяти своих родителей. Это малоизвестный ныне факт, поэтому имеет смысл на нем остановиться подробнее.

В библиотеке РГБ имеется печатное издание «Отчет Городского попечительства о бедных 1-го участка Пресненской части за 1912 год». В нем приводится информация о том, что на средства С. М. Попова (80.000 руб.) в Трехгорном переулке было построено новое «большое изящное трехэтажное здание 770 куб. саж. объема, с водяным отоплением, приточной вентиляцией, электрическим освещением, прекрасно оборудованный и в хозяйственном отношении. [...] В дом попечительства будут помещаться три мастерских: швейная, вязальная и пере-

Изо 9–52. Фрагмент древа Поповых: дети Максима Ефимовича и Матрены Григорьевны.

Как известно в семье Поповых родилось 9 детей, из них трое мальчиков умерли младенцами.

Шестеро оставшихся детей дожили до взрослого возраста, у пятерых из них были семьи и дети. О них и пойдет далее речь.

1). **Александр Максимович Попов** (1844 – † 1894) был первенцем в семье Максима Ефимовича и Матрены Григорьевны. Восприемниками при его крещении были записаны родственники: дядя Д. В. Финляндский и тетя А. С. Цурикова²¹⁷. Как написано в книге “Суконщики Поповы”: «Образование он получил в немецком Петропавловском училище [в Петербурге ...] и Практической академии коммерческих наук. Был потомственным почетным гражданином, московским купцом первой гильдии. Александр Максимович вел все дела отца по торговле, по Ивановской фабрике (до отъезда туда на жительство брата Сергея Максимовича в 1888 году). Был скромным человеком, служил церковным старостой в соседней с домом церкви Вознесения»²¹⁸.

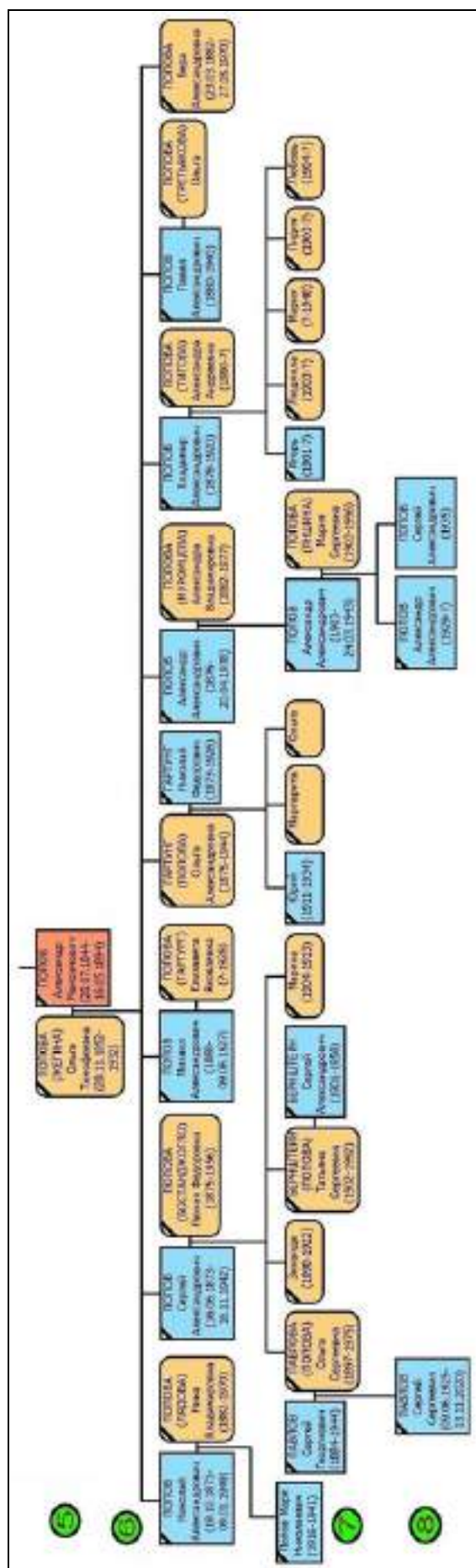
По воспоминаниям Шуберт: «Александр Максимович был сосватан заглазно за дочь саратовского фабриканта Жегина. Дело было слажено без согласия жениха и невесты». Невесту звали Ольга Тимофеевна Жегина. «Ее мать — дочь саратовских немцев колонистов по фамилии Шехтель — дала дочерям образование и своеобразное воспитание, передав им по наследству большой художественный вкус (ее племянник Ф.О. Шехтель, бывший сначала выучеником католической семинарии, стал затем известным академиком-архитектором)»²¹⁹. Ольга Тимофеевна привыкла жить «на широкую ногу», что сильно отличалось от патриархального уклада в семье Поповых. Она оказалась своенравной женщиной, отчего свекор Максим Ефимович конфликтовал с ней, т.к. она отказывалась его слушаться. Во многом поэтому М. Е. Попов оставил в своем завещании семью старшего сына без наследства.

Александр Максимович скоропостижно скончался на 50-м году жизни и был похоронен в Москве на Алексеевском кладбище. Ольга Тимофеевна намного пережила мужа, умерла в 1932 г.

Поговорим теперь о детях Александра, внуках Максима Ефимовича и Матрены Григорьевны.

Всего у Александра родилось восемь детей. Самым известным из них оказался, пожалуй, первенец **Николай Александрович Попов** (1871 – † 1949), который «выделялся артистическим талантом и впоследствии внес немалый вклад в историю отечественного театра».

Театральная деятельность Н. А. Попова начиналась на Ивановской фабрике. Но случилось это не сразу. После окончания реального училища Коля стал работать у своего отца, хотя его не прельщала перспектива стать купцом или конторским работником. От этой участи его спас дядя С. М. Попов, пригласив «помогать ему в устройстве быта рабочих и крестьян на Ивановской фабрике». Николай Александрович откликнулся на приглашение, приехал в Ивановское в 1890 г. Здесь в течение двух-трех лет он поставил несколько спектаклей, привлекал в качестве актеров работников фабрики (в третьей главе об этом уже говорилось, см. изо 3–40). «Сергей Максимович приводит выписку о датах первых спектаклей на фабрике и об участии в них Николая Попова: Первый спектакль – “Женитьба”, февраль 1890 г., 2-й – повтор пьесы в августе 1890 г., 3-й – “Мельник-колдун”,

Изо 9–53. Фрагмент древа Поповых: потомки Александра Максимовича.

“Сценка в корчме”, “Что такое жена?”, январь 1891 г. (первый спектакль с участием рабочих)»²²⁰. В приложении–18 приведены фотографии актеров-любителей и сцены одного из спектаклей (изо Р–51, Р–52).

В Википедии о Н. А. Попове написано: «Сценическую деятельность начал в 1894 году в “Обществе искусства и литературы”, где навсегда попал под обаяние К. С. Станиславского. [...] В 1907—1910 и 1929—1934 гг. — режиссер Малого театра; поставил: “Доходное место” А. Н. Островского, “Много шума из ничего” У. Шекспира. В 1919—1920 и 1926—1927 гг. — режиссер Большого театра».

Николай Александрович автор нескольких пьес и книг по вопросам народного театра. Он написал монографию “Станиславский и его значение для современного театра”. Материалы семейного архива Н. А. Попова оказались в театральном музее им. Бахрушина и в РГАЛИ. Именно там были обнаружены уникальные, прежде не публиковавшиеся фотоснимки Цуриковых и их родственников.

Н. А. Попов был трижды женат. Первые два брака с дворянкой Е. Лавровой и актрисой М. А. Ведринской оказались недолгими, детей в них не было. В 1916 г. Николай Александрович женился на актрисе Н. В. Лядовой. У них родился сын Марк, который в 1941 г. во время войны пропал без вести. Были и другие родственники, умершие не своей смертью.

Младший брат Николая **Михаил Александрович** (1888 – † 1927) был арестован. Коллегия ОГПУ «за участие в к.р. [контрреволюционной] террористической организации» в 1927 г. приговорила его к расстрелу.

Через десять лет был арестован другой брат **Александр Александрович** (1876 – † 1938). Его осудили на восемь лет лагерей и выслали в Амурлаг. Спустя год по ходатайству родных дело было отправлено на пересмотр. Но к тому времени осужденный уже умер в лагере. Александр Александрович был женат, у него имелись дети, внуки.

Дольше всех среди детей А. М. Попова прожила Вера – 88 лет. **Вера Александровна Попова** (1882 – † 1970) стала скульптором. В интернете найдены ее воспоминания, в аннотации к ним написано: «Училась в Строгановском художественно-промышленном училище у Н.А. Андреева. В 1906–1913 жила в Париже. Посещала свободные академии, занималась скульптурой, гравюрой, декоративной резьбой по дереву, бронзой. С 1906 выставлялась в салоне Независимых. Перед войной вернулась в Россию. В 1914 исполнила памятник актрисе М.Г. Савицкой-Буржаловой на Новодевичьем кладбище в Москве. В 1922 эмигрировала. Поселилась в Париже с художницей Н.А. Лазаревой. С 1923 выставляла бронзу и росписи по шелку в Осеннем салоне, с 1924 – в салоне Национального общества изящных искусств. В 1959 выставляла

бронзовые барельефы (в том числе портрет Б.Л. Пастернака) в Grand-Palais в Париже. В 1968 переехала в Канны, в старческий дом “Regina”. В холле дома установлен бюст Л.Н. Толстого ее работы. Рукописи воспоминаний хранятся в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк). Похоронена на кладбище Абади в Каннах»²²¹.

Еще один сын Александра Максимовича – **Сергей Александрович Попов** (1873 – † 1942) – как и Николай был связан с театром. Это один из трех членов рода Поповых, который в 1941 г. написал свои воспоминания (они были опубликованы в книге “Суконщики Поповы”). В настоящей книге использовано много цитат из этих воспоминаний. С. А. Попов в разные годы был директором “Товарищества суконной торговли и складов М. Попов с сыновьями”, членом ревизионной комиссии “Товарищества Ивановской суконной фабрики”, директором правления гостиницы “Лоскутная”.

Сергея Александровича несколько раз арестовывали. Но за него заступался режиссер Станиславский, и его отпускали на свободу. Умер в 1942 г. у себя дома в Москве.

Изо 9–54. С. А. Попов, 1910, (АШ).

2). Следующим после Александра в семье Максима Ефимовича родился **Павел Максимович Попов** (1846 – † 1885). Его племянница А. М. Шуберт написала о дяде: *«всеобщий любимец [...] человек очень добрый, жизнерадостный, музыкальный. В свое время родители не допустили его брака с любимой девушкой — гувернанткой его сестер. Он загулял, чтобы его спасти, родители женили его на другой очень красивой девушке [Е. А. Глуховской], но это его не спасло. Он успел уже где-то подхватить сифилис, от которого через год и погиб»*. Было ему всего 39 лет. Похоронили П. М. Попова в Алексеевском монастыре рядом с братом Александром. Павел хоть и успел жениться, но, по всей видимости, потомства не оставил. Ну а вдова потом вторично вышла замуж.

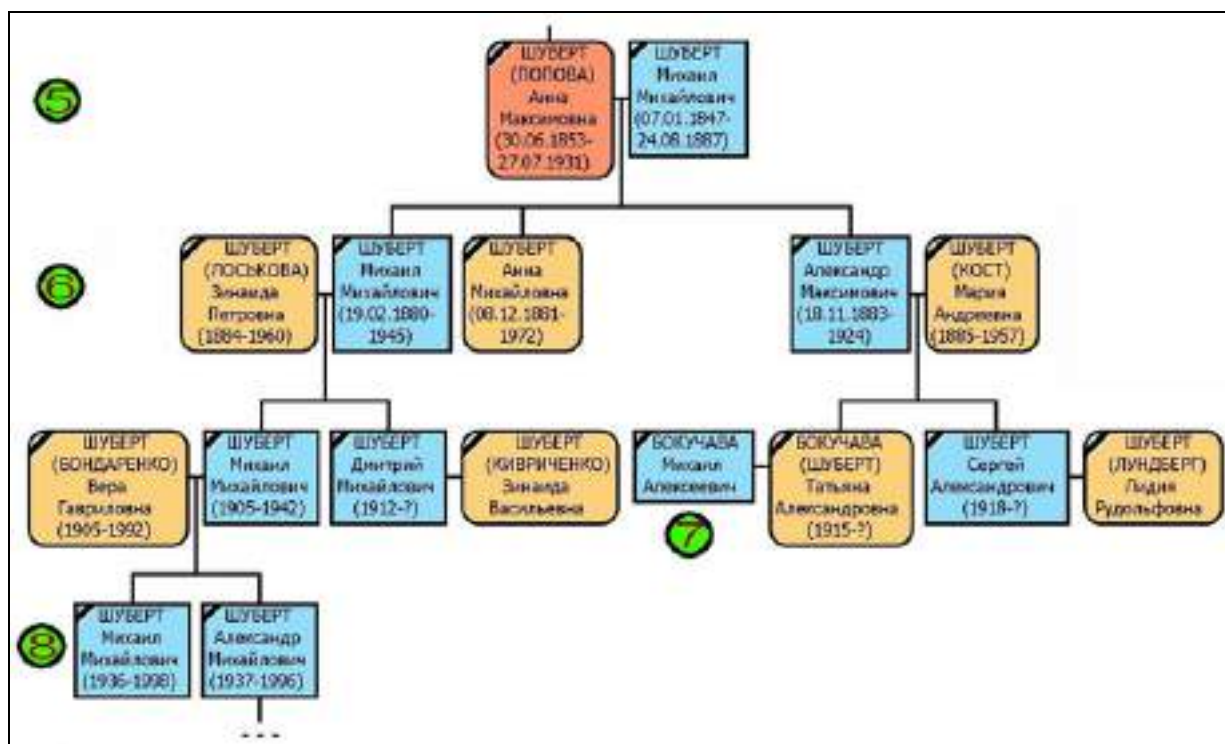
3). Также бездетной оказалась сестра Павла **Ольга Максимовна Попова** (1847 – † 1925). Она замуж не выходила, так и осталась девой. Хотя была красивой и в свое время у нее были женихи, их было чуть ли не 20. В поиске жениха принимал участие и дядя П. Г. Цуриков. Про это писал С. А. Попов: *«Судя по его письму от 6 февраля 1869 года, он [Павел Григорьевич] ездил в Петербург “узнавать насчет жениха для Ольги Максимовны”. Жених (не знаю, первый ли) некто Ветошкин. Справлялся об нем он у А.С. Мингалева»*.

Умерла Ольга в 1925 г. в возрасте 78 лет, была похоронена на Ваганьковском кладбище в ограде семейного некрополя Поповых. Памятника на ее могиле нет, стоит лишь железный крест, на котором уже даже надпись не читается.

4). А вот другая дочь Максима Ефимовича вышла замуж, ее звали **Анна Максимовна Шуберт** (урожд. **Попова**, 1853 – † 1931). О ее семье хотелось бы рассказать подробнее, там были интересные люди.

Мужем Анны Максимовны был Михаил Михайлович Шуберт, его мать была актрисой. Александра Ивановна Шуберт блистала на театральной сцене, начиная с 1850-х годов. Как потом писала внучка про свою бабушку: *она «пользовалась широкой известностью и уважением как среди деятелей театра, так и среди литераторов и общественных деятелей середины прошлого века. Многие из них, как например Гончаров, Достоевский, Кетчер, Островский, Писемский, Тургенев, Якушкин и ряд других известных лиц, с нею поддерживали дружеские отношения и переписку»*²²². Достоевский писал ей: *«Вы добры, умны, душа у Вас симпатичная... Да и характер Ваш обаятелен»*. Из писем писателя видно, что *«он был в то время сильно увлечен Александрой Ивановной»*. Критик потом заметил: *«это был роман, не нашедший почему-то своего завершения»*.

Александра Ивановна была замужем за актером Малого театра Михаилом Андреевичем (в

Изо 9–55. Фрагмент древа Поповых: Шуберты.

родословном древе они не показаны). У них родились три сына, первенца назвали Михаилом. Потом супруги развелись, через какое-то время актриса вышла вторично замуж. Александра Иванова отправила старшего сына учиться за границу. Михаил оказался в Англии и стал работать в суконной фирме «Голланда и Шерри». В 1867 г. в Лондон приехал по торговым делам Максим Ефимович Попов. «Ему порекомендовали установить связь с английскими фирмами через одного англичанина, знающего русский язык». Этим человеком оказался Михаил Михайлович Шуберт. Максим Ефимович уговорил его вернуться в Россию и тот стал работать приказчиком в его конторе. М. М. Шуберт был вхож в дом купца и там познакомился с его дочерью Анной. Молодые люди понравились друг другу, хотели создать семью. Но против брака был отец девушки и ее дядя. Как писала А. М. Шуберт: «Особенно противился этому браку “дядюшка” Анны Максимовны — владелец Ивановской суконной фабрики Павел Григорьевич Цуриков [...] лишь в 1879 году, после смерти “дядюшки”, родители Поповы сдались».

В январе 1879 г. состоялась свадьба Михаила Михайловича Шуберт и Анны Максимовны Поповой. В их семье родились два сына и дочь Анна — та самая, которая стала автором подробных воспоминаний, и в семейном архиве которой сохранилось немало бесценных фотографий родственников и самой Ивановской фабрики. Анна Михайловна окончила в Цюрихе философский факультет. Работала психиатром. В 1937 г. стала кандидатом педагогических наук, в 1952-м ей был вручен орден Ленина.

А. М. Шуберт в своих воспоминаниях писала, как в детстве их семья выезжала на летний отдых в Ивановское. Жили они в доме, построенном к свадьбе Павла Григорьевича и Анны Сергеевны (третье жилое место на фабрике, III). Обо всем этом уже рассказывалось. А вот о чем речи еще не было, так это о том, что «В 1904 году мама [Анна Максимовна], по совету дяди С.М. Попова, приобрела себе три с половиной десятины земли на высоком берегу Истры в полутора километрах от Ивановского и начала с поста 1905 года строить себе дачу». И далее Анна Михайловна пишет: «Через пару лет, в 1907 году, С.М. Попов подарил мне сруб небольшого дома, который долго стоял около фабрики и мок под дождем. Он предназначался для кого-то из служащих, а затем, будучи чем-то обижен, С.М. Попов стройку приостановил. Сруб перевезли на наш участок, и я стала отделять домик для наездов в него зимою. А летом там жили то брат Миша с семьей, то наоборот: они в большой даче, а мы в этом флигельке».

Так появилась «дача Шуберт», которая находилась на полпути от железнодорожной станции Манихино на Московско-Виндавской дороге к Ивановской фабрике. В архиве Анны Михайловны

Изо 9–56. Анна Михайловна
Шуберт, 1900, (АШ).

Изо 9–57. Главный дом дачи Шуберт, 1905, (АШ).

сохранилась фотография дома. На участке был еще один дом, поменьше (флигель). В этих двух домах проживало семейство Шуберт, там они спасались в голодные 1920-е годы. Потом недвижимость советская власть отобрала, в доме пытались организовать школу. Но ничего путного из этой затеи не вышло. Во время войны все постройки дачи Шуберт были утрачены.

Анна Михайловна не выходила замуж, детей у нее не было.

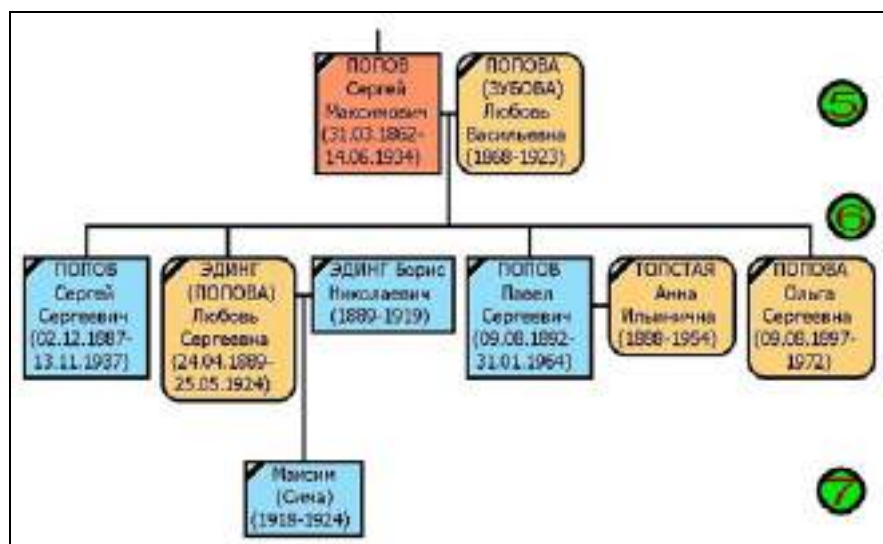
5). Еще одна дочь Максима Ефимовича вышла замуж, ее звали **Мария Максимовна Савицкая** (урожд. **Попова**, 1858 – † 1939). У нее родилась дочь Мария. Сведений об этом семействе немного. В книге “Суконщики Поповы” есть несколько упоминаний о супруге: «к ней [Марии] присватался молодой дворянин **Петр Михайлович Савицкий**, обремененный большими долгами. Его многочисленные векселя как-то попадали в руки деда **Максима Ефимовича Попова**, который занимался их дисконтированием. Дед вызвал его к себе, очень, говорили, его при разговоре оскорбил, но согласие на брак, в конце концов, все же дал. **Петр Михайлович Савицкий** по образованию был правоведом, после женитьбы завел нотариальную контору». И вот еще: «По специальности он был юрист, по профессии нотариус, но в то же время был большим любителем-садоводом. В Сходне (дача Поповых) он имел свой питомник и образцовую женскую школу садоводства. В саду и в питомнике у него водилось много редчайших растительных экземпляров и производились интересные опыты по акклиматизации, прививкам, скрещиванию и другое»²²³.

Упоминание о Марии Максимовне встретилось в архивном деле 1918 г., когда она прибыла на собрание пайщиков “Товарищества суконной торговли и складов М. Попов с сыновьями”.

В древе рода, приведенном в книге “Суконщики Поповы”, показано, что в семье Савицких была единственная дочь Мария, которая вышла замуж за Циммермана (имя и отчество супруга не указаны). В этой семье также родилась всего одна дочь, ее называли Ириной. Других сведений об этой ветви рода нет, кроме упоминания о внуках Марии Максимовны – Страментовых (в воспоминаниях Шуберт написано, что они, мол, продали портрет **Ивана Григорьевича Цурикова**).

6). Младшим в семье **Максима Ефимовича** и **Матрены Григорьевны** был сын **Сергей Максимович Попов** (1862 – † 1934). О его жизни и добрых делах подробно рассказывалось в конце третьей главы, приводились фотографии (изо 3–51, 5–29). Повторяться не будем, напомним лишь, что он с 1888 по 1918 гг. управлял Ивановской фабрикой сначала по доверенности отца, а потом уже как хозяин.

Сергей Максимович оказался третьим автором, который оставил воспоминания о себе, родственниках и суконной фабрике. Пусть они не такие подробные, как воспоминания **А. М. Шуберт** и **С. А.**

Изо 9–58. Фрагмент древа Поповых: потомки Сергея Максимовича.

Попова. Но ценность его записей оказалась даже выше, т.е. он по родственным связям был ближе к своим предкам, ибо был сыном, а не внуком Максима Ефимовича. Да и кому, как не ему знать обо всем, что происходило на Ивановской фабрике.

В своих воспоминаниях Сергей Максимович подробно описывает, как сперва ухаживал, а потом в 1886 г. женился на Любови Васильевне Зубовой, дочери богатого купца из г. Александров Владимирской губернии. В семье Сергея и Любови Поповых родилось и выросло четверо детей:

Сергей, Любовь, Павел и Ольга, первые трое потом стали известными в обществе людьми.

Первенец появился на свет в Москве, его назвали Сергеем. Остальные дети родились в Ивановском. **Сергей Сергеевич Попов** (1887 – † 1937) был талантлив в музыке. В годы советской власти стал авторитетным архивистом. Из-за своего прошлого (службы в царской армии) неоднократно арестовывался, но потом его отпускали. В 1937 г. Попов в очередной раз подвергся аресту. На сей раз его приговорили к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение на полигоне в Бутово. Так его имя оказалось в списке репрессированных членов рода Поповыхⁱ.

Старшая дочь Сергея Максимовича, **Любовь Сергеевна Эдинг** (урожд. **Попова**, 1889 – † 1924), увлекалась рисованием, ее снимок в детстве вместе с отцом приводился ранее (изо 9–47). Она стала известной художницей-авангардисткой, ее картины хранятся в русских и заграничных музеях. В 1918 г. вышла замуж за Бориса Эдинга, родился сын Сима (Максим). В 1924 г. Любовь заразилась скарлатиной от сына и умерла, чуть позже скончался и ее единственный сын. Подробнее о жизни художницы можно прочитать в статье²²⁴, два рисунка представлены в приложении–18 (изо Р–34, Р–35).

Павел Сергеевич Попов (1892 – † 1964) известен тем, что стал первым биографом советского писателя Михаила Афанасьевича Булгаковаⁱⁱ. В 1926 г. он женился на внучке другого знаменитого писателя Л. Н. Толстого, Анне, у которой было два сына от первого брака. Во втором браке детей не было. Павла также арестовывали органы ОГПУ, но сурового наказания не последовало. В послевоенные годы преподавал на философском факультете МГУ. Напомним, что в приложении–7 приведена статья П. С. Попова “Прообраз Бабьего царства”, написанная по мотивам рассказа А. П. Чехова.

О судьбе младшей дочери **Ольги Сергеевны Поповой** (1897 – † 1972) сведений мало. Как написано в книге “Суконщики Поповы”, она «Работала педагогом в открытой при фабрике школе 2-й ступени. Когда в 1920 году было объявлено о передаче дома Сергея Максимовича под эту школу, Ольга Сергеевна покинула Ивановское навсегда»²²⁵. Она также подвергалась арестам, жила в Московской области, работала учительницей. По всей видимости, замуж не выходила и детей не имела.

Таким образом, у С. М. Попова был только один внук Сима, да и тот умер в детстве еще при жизни Сергея Максимовича (дети А. И. Толстой не в счет, т.к. это некровное родство). Так что эта ветвь рода Поповых прервалась.

ⁱ По материалам книги “Суконщики Поповы” в списке репрессированных советской властью оказались Сергей Максимович Попов (арестован в 1918 г., отпущен) и трое его детей. Сергей Сергеевич, как бывший офицер царской армии, арестовывался пять раз, последний раз в 1937, расстрелян в Бутово. Павел Сергеевич был арестован в 1930, отпущен. Ольга Сергеевна была арестована в 1936 и выслана из Москвы на три года. Были репрессированы и два сына Александра Максимовича Попова. Михаил Александрович арестовывался в 1919 и 1927 годах, расстрелян. Александр Александрович был арестован в 1937, приговорен к ссылке на 5 лет, умер в ссылке.

ⁱⁱ В настоящей книге М. А. Булгаков упоминается второй раз. Напомним, что в третьей главе в рассказе о Толпениновых говорилось об этом известном писателе, приводилась его фотография (изо 3–48).

Если же говорить в целом, то у Максима Ефимовича и Матрены Григорьевны есть живые потомки по линии сына Александра и дочери Анны (Шуберт). Из родословного древа, приведенного в книге “Суконщики Поповы” следует, что род Александра Максимовича продолжается по линии его сыновей Сергея и Александра. Первые носят фамилию Стукловы, Павловы и Бернштейн, а вторые – Коваленко и Поповы. Таким образом, живы потомки с фамилией Попова – основателя рода Максима Ефимовича. Дети Анны Максимовны Шуберт, Александр и Михаил, женились, у них родились свои дети, потом внуки. Так что эта линия рода тоже продолжается, потомки носят фамилию своих предков Шуберт. Стоит обратить внимание на такой любопытный факт: как видно из древа (изо 9–55), в четырех поколениях подряд были Михаилы Михайловичи Шуберты!

Брат Иван Григорьевич Цуриков

Последним в семье мельника в 1829 г. родился мальчик Ваня. Это был поздний ребенок: отцу Григорию Михайловичу на момент его появления на свет шел 48-й год, а матери Матрене Анисимовне исполнилось 44 года. Запись о рождении малыша 12 апреля и крещении 15-го числа обнаружена в метрической книге Покровской церкви села Рубцово²²⁶. Восприемниками записаны дьячек храма и сестра малыша Наталья. Стоит напомнить, что в семье мельника был уже сын с таким именем. Первый Иван появился на свет на 14 лет раньше (в древе он помечен как старший), прожил всего два с половиной года. Про младшего Ивана хотелось написать, что ему повезло больше. Но можно ли так говорить о человеке, прожившем всего четверть века, не успевшем обзавестись семьей и детьми?

Как и все другие дети Григория Михайловича, **Иван Григорьевич Цуриков** (1829 – † 1855) родился крепостным помещика Д. П. Голохвастова. Но недолго он находился в неволе. Во второй главе рассказывалось, как четверо детей мельника обрели свободу. Вот часть текста отпускной грамоты для Ивана:

«1830-го года Сентября 8-го дня, я нижеподписавшийся, Надворный Советник и Кавалер Дмитрий Павлов сын Голохвастов отпустил вечно на волю крепостного своего дворового человека Ивана Григорьева Цурикова рожденного после ревизии, коего отец Григорий Михайлов достался мне по наследству после покойного родителя моего Действительного Статского Советника Павла Ивановича Голохвастова и по разделу с родительницею моею Елисаветою Алексеевною, братом моим Николаем и сестрою Натальею Павловыми детьми Голохвастовыми и написаны за нами по последней 7 ревизии Московской губернии Звенигородского уезда при селе Покровском Рубцово тож. И вольно ему Ивану Цурикову с сею данною от меня отпускною где он пожелает жить или в какой род жизни записаться впредь мне и наследникам моим до него дела нет, и ни почему не вступаться в уверении, чего за подписанием моим и свидетелевыми руками ему Ивану Цурикову¹ сия отпускная от меня и дана»²²⁷.

Вряд ли Ваня понимал, какая важная перемена произошла в его судьбе – ведь ему было всего полтора года. Мало что он осознавал и тогда, когда спустя четыре года старший брат Павел Цуриков, ставший к тому времени звенигородским купцом третьей гильдии, подал прошение о записи в книгу регистрации купцов еще и младшего брата Ивана. Напомним, что сразу это не получилось сделать, т.к. был получен отказ от властей со ссылкой на параграфы какого-то закона: мол, в одно семейство не могут быть записаны братья и сестры, если у них имеется свое хозяйство. Однако П. Г. Цуриков с этим не согласился и подал на имя государя Николая I бумагу, в которой написал:

«Всепресветлейший Державнейший Великий Государь Император Николай Павлович Самодержец, Всероссийский Государь Всемиловитейший. Просит вновь причисленный в Звенигородское 3-й гильдии купечество из вольно отпущенных Павел Григорьев Цуриков [...] Брат же Мой вышеписанный Иван отроду ныне имеет еще 6-й год и который неточно не может иметь никакой Собственности, но даже и возможности к приобретению чего либо, ни платеж Государственных повинностей, и который ни в каких распоряжении или же Учреждении входить не может, кроме как находиться должен до совершенного Его возраста при мне на собственном моем Содержании и воспитании под непосредственным моим попечительством, следовательно неотдельным от Меня по сим обстоятельствам. Прилагая при сем три отпускных брата моего и двух сестер Всепокорнейше прошу Дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение и три отпускных в Звени-

¹ Как видим, уже в 1830 г., т.е. можно сказать почти с рождения Иван имел фамилию Цуриков. Интересно, что в отпускных грамотах фамилии указаны только у братьев Павла и Ивана, а у сестер их не было.

городской Шестигласной Думе принять и о причислении в Звенигородское 3-й гильдии Купечество в Капитал и семейство мое брата Ивана и сестер, имеющих от роду Наталья 14 и Матрена 10 лет, неоставить войти с представлением в Московскую Казенную Палату вновь. [...] мая дня 1834 года»²²⁸.

В конце текста податель прошения собственноручно расписался: «Причисленный Звенигородский третьей гильдии купец Павел Григорьев Цуриков руку приложил».

Обращает на себя внимание написание фамилии «Цыриков» (такое же, как у дяди Михаила Михайловича). Но, думается, не стоит придавать этому особое значение, т.к. в заголовке поданного прошения, написанного чьей-то другой рукой, указано «Цуриков». И еще. В самом деле нет информации о том, чем завершилось ходатайство Павла Григорьевича. Но из ревизской сказки того же 1834 г. понятно, что оно было удовлетворено: в этом официальном документе купец Цуриков записан вместе с родственниками (в некоторых последующих документах так и писалось: «купеческая сестра»).

В архиве ЦГАМ обнаружено еще одно дело, в котором упоминается Иван Цуриков. Так в книге регистрации выдаваемых паспортов за 1845 г. записано: «20 [декабря] Паспорт на год мещанину Ивану Григорьеву Цурикову, холост, лет 15, рост 2 арш., волосы и брови русые, глаза серые, лицо чисто»²²⁹.

К сожалению, сам паспорт И. Г. Цурикова (или его копия) не обнаружен. Но можно сказать, что он имел не тот вид, к которому привыкли современные люди. Это был лист бумаги, на котором не было фотографии (их тогда еще просто не делали), а вместо этого для идентификации личности давалось словесное описание внешности подобно той, которая приведена для Ивана. Паспорт был нужен для дальних поездок, например, в Москву. Документ был ограничен по сроку действия, выдавался обычно на 1, 2 или 3 года. За его выдачу бралась немалая пошлина (за годовой паспорт Ивана было заплачено 1 руб. 45 коп.). В том же фонде ЦГАМ сохранились архивные дела за последующие годы, в которых зафиксирована выдача новых паспортов И. Г. Цурикову. Можно отметить, что описание внешности не менялось (это и понятно), увеличивался только рост. В 15 лет Иван был ростом (в пересчете на привычное нам измерение) всего 142 см, а через пять лет – 160 см. Прямо скажем маловато по нынешним меркам (в прежние времена люди были ниже ростом, чем сейчас).

Напомним, что в 1848 г. Иван вместе с братом Павлом стал совладельцем Ивановской фабрики. Но в дела производства он не вмешивался, занимался продажей сукна в Москве. Об этом сказано в

воспоминаниях С. А. Попова: «[Григорий Михайлович] обращался с просьбой найти торговое помещение для торговли младшего сына Ивана, отправленного в Москву. Максим Ефимович все это устроил». Жил он в доме Поповых в Варсонофьевском переулке, это подтверждают исповедные ведомости 1850 и 1853 годов²³⁰. Надо полагать, что к этому времени Иван был уже грамотным. А вот где он грамоте научился – нигде не сказано. Школы (училища) в то время при фабрике еще не было. Видимо, кто-то обучал мальчика частным образом (как, например, было с его сестрой Матреной).

Торговлей Иван Григорьевич Цуриков занимался, увы, недолго. 14 января 1855 г. он умер в Москве. Это подтверждает запись, обнаруженная в метрической книге «Вознесенской близ Сретенки церкви». В тексте указана причина смерти: «от чахотки»²³¹ (туберкулез). И отмечено, что погребение состоялось спустя три дня на Ваганьковском кладбище.

В воспоминаниях А. М. Шуберт написано, что на могиле младшего сына мельника был установлен «огромный памятник». Он хорошо сохранился¹ (GPS 55.76729, 37.55336), это видно по приводимой фотографии. На четырех его гранях выбиты слова: «Иван Григорьевич Цуриков; Родился в 1829 году апреля 14 числаⁱⁱ, скончался в 1855 году января 14 числа в 9 часов по по-

Изо 9–59. Памятник И. Г. Цурикову на Ваганьковском кладбище, 2022.

ⁱ В свое время о некрополе Поповых на Ваганьковском кладбище сообщила исследователь Н. П. Машкова, за что ей отдельная благодарность.

ⁱⁱ Выше приводилась выписка из метрической книги, согласно которой дата рождения Ивана 12 апреля.

лудни, жития его было 25 лет 9 месяцев; Господи! Прими дух мой с миром; Со святыми упокой Христе душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная».

Памятник похож на стоящее рядом надгробие А. И. Кручинина (изо 9–11): такой же черный отполированный четырехгранный камень, так же крест наверху оказался утрачен. Немало схожего оказалось и в судьбах родственников (Иван доводился Алексею дядей): молодые люди скончались с разницей менее полугода, прожили очень недолго (25 и 31 год). Оба не успели обзавестись семьей и детьми. К сказанному остается еще добавить слова из воспоминаний Шуберт об Иване Цурикове:

«Я помню его портрет маслом. Это был красивый молодой человек, хорошо одетый. Дядя Сергей Максимович очень дорожил этим портретом – он не сохранил ни одного портрета своего деда Григория Михайловича Цурикова, а портрет его сына просил всех сберечь. В годы Революции [...] Сергей Максимович отвез этот портрет к своей сестре Марии Максимовне Савицкой и просил ее беречь портрет. Портрет этот был хорошего письма маслом; поэтому вероятно он был отобран у нее позднее ее внуками Страментовыми и вероятно затем продан за хорошие деньги. Так он и исчез в неизвестности. Потомства Иван Григорьевич не оставил и таким образом иссякла эта основная линия потомства Цурикова. [...] Но то, что Поповы два раза называли своих детей Иваном, свидетельствует о том, что это делалось в память Ивана Григорьевича Цурикова»²³².

О продолжении рода Цуриковых

На этом рассказ о родственниках Цуриковых окончен. Пора подвести итоги.

Надеюсь, читатели согласятся, что в роду Цуриковых было немало интересных, достойных людей. Перечислять их всех вряд ли имеет смысл, поговорим лучше о продолжении рода основателя Ивановской суконной фабрики.

В данной главе поочередно описывались истории жизни близких и дальних родственников. У кого-то были дети, кто-то остался бездетным. К сожалению, довольно часто приходилось говорить, что достоверные сведения о потомках отсутствуют. Увы, такова действительность: порой намного проще отыскивать предков в стародавние времена, чем находить потомков, живших в советское время. После принятия закона о защите персональных данных это стало особенно сложно делать. Поэтому на многие вопросы о составе семей родственников, судьбах их членов ответов, увы, нет.

И все же, кое-какие выводы сделать можно. Как известно, у Павла Григорьевича своих детей не было, как и у его брата Ивана. Можно лишь говорить о потомках его родственников. Род сестры Натальи Финляндской скорее всего прервался. О роде другой сестры Александры Кручининой говорить однозначно трудно. С одной стороны, нет достоверных сведений о ныне живущих потомках. А, с другой стороны, учитывая, сколько много у Александры было внуков и правнуков, можно надеяться, что у кого-то из них есть живые продолжатели рода. Но это только предположение. А вот о чем можно говорить совершенно уверенно, так это о том, что живы потомки младшей сестры Матрены Поповой (некоторые из них даже помогали в подготовке настоящей книги¹). Это прямые наследники мельника Григория Михайловича.

Если же подняться в древе на один уровень выше и говорить о потомках дедушки благотворителя Михаила Ивановича Цурикова (для Павла Григорьевича это будут дальние родственники по боковым линиям рода), то тут такая же неопределенная ситуация. Как рассказывалось в начале настоящей главы, у некоторых представителей рода, например, у старшего Ивана Михайловича Цурикова оказалось много внуков и правнуков, были даже праправнуки. И велика вероятность, что у кого-нибудь живы потомки. Причем среди них могут оказаться люди с фамилией Цуриковы. Пока достоверных данных об этом нет. Но выход настоящей книги может поспособствовать тому, что такие потомки отыщутся. Ну а то, что надежды основаны не на пустом месте, свидетельствует, например, заметка, напечатанная в 1935 г. в районной газете «Истринская стройка». В номере № 138 «Открытое письмо учащихся–отличников образцовой средней школы им. Тимирязева»²³³ подписала группа школьников. И среди них стоит подпись ученицы «Н. Цурикова». А ведь эта школа находилась в Истре совсем рядом с местом, где стояла усадьба А. С. Цуриковой. Вполне возможно, что это какая-то дальняя родственница.

¹ Отдельная благодарность Сергею Александровичу Шуберту (он потомок мельника Г. М. Цурикова в седьмом поколении) за предоставленный богатый фотоархив своей семьи.

Заключение

Вот и завершен рассказ об Ивановской фабрике и людях, ее основавших и работавших на ней. Это далеко не полная история предприятия, т.к. в задачу не входило подробное описание событий, происходивших в XX веке (как до, так и после революции). Но и без этого книга получилась большая, у автора таких еще не было. Это вызвано как обилием собранного материала (значительной частью прежде не публиковавшегося), так и большим количеством людей, о которых решено было рассказать. Все они имели прямое или косвенное отношение к описываемым в книге историческим событиям: либо являлись родственниками владельцев Ивановской фабрики, либо трудились на производстве сукна, либо жили в данной местности. Много говорилось и о добрых делах, совершенных разными людьми.

Во введении было отмечено, что стимулом к написанию настоящей книги стали разговоры об установке памятника Павлу Григорьевичу Цурикову в наших краях. В 2020 г. на районном сайте «Истра.РФ» появилась заметка, которая начиналась следующими словами: *«При благоустройстве улицы 15 лет Комсомола, возможно, будет установлен памятник-бюст Павлу Григорьевичу Цурикову»*¹.

Автор посчитал, что хорошо было бы написать и издать книгу о П. Г. Цурикове, чтобы как можно больше местных жителей узнали о благотворителе и поддержали идею установки ему памятника. Ввиду срочности этого вопроса пришлось внести корректировки в личные творческие планы и заняться подготовкой книги о Павле Григорьевиче и его суконной фабрике. Работа по обработке собранного материала и написанию текста заняла два года. И вот книга издана. А где же памятник благотворителю? Первый этап благоустройства улицы 15 лет Комсомола в Истре завершен. Однако памятника П. Г. Цурикову в нашем городе пока нет и о нем больше не говорят.

Изо 10–01. Макет памятника
П. Г. Цурикову в глине, 2023.

Но не все так грустно. В начале 2023 г. на том же сайте появилась еще одна заметка, в которой говорилось об увековечивании памяти благотворителя в другом населенном пункте Истринского района – в селе Лужки, где много лет он был старостой Петропавловской церкви. В тексте заметки говорилось: *«По мнению лужковцев, улица в их деревне должна носить имя русского предпринимателя и благотворителя Павла Григорьевича Цурикова»*².

Инициатива по переименованию улицы и установки в селе памятника П. Г. Цурикову принадлежит местному жителю, старосте поселения Владимиру Каменскому. Бюст изготавливает на благотворительные средства скульптор Денис Владимирович Петров, чье творчество известно на нашей земле – это памятники священномученику Алексию Смирнову в п. Глебовский и графу Александру Кутайсову в с. Рождествено. Хотелось бы надеяться, что памятник Павлу Григорьевичу Цурикову в скором времени будет изготовлен (проект и макеты уже есть) и торжественно установлен в Лужках при большом стечении народа.

Ну а закончить книгу хотелось бы словами, которые были напечатаны в епархиальном журнале в годовщину смерти благотворителя:

*«Очень, очень желательно, и дай Бог, чтобы русское православное общество, чем дальше тем больше, богатело не одними денежными капиталами, а с тем вместе и такими прекрасными живыми деятелями, каким был покойный Павел Григорьевич!...»*³.

Приложение

1. Справка о дореволюционной России

Меры длины, площади, веса, объема

1 пуд = 40 фунтов = 16,38 кг; 1 фунт = 96 золотников = 409,5 г; 1 золотник = 4,26 г.

1 верста = 500 сажень = 1066,8 м; 1 сажень = 3 аршина = 2,13 м.

1 аршин = 16 вершков = 71,1 см; 1 вершок = 4,45 см.

1 десятина = 2.400 квадратных сажень = 1,09 гектара.

1 квадратная сажень = 9 квадратных аршин = 4,55 кв. м. Когда при указании размера площади писали, например, «1314 сажень», то это следует понимать, как «1314 квадратных сажень».

1 кубическая сажень (куб) = 9,71 куб. м.

1 четверть (мера объема сыпучих тел) = 209,9 л.

В прежние времена на Руси существовала так называемая трехполосная система землепользования: одно поле (осенью) засевалось озимыми культурами, другое (весной) – яровыми, а еще одно оставалось под паром (незасеянным). Размеры двух последних полей были схожи с первым: «а в дву потому же», то есть два других примерно такие же. Это означает, что для определения суммарной площади всей земли надо умножить площадь одного поля на три.

О стоимости денег

1 деньга = половина копейки; 1 алтын = 3 копейки;

гривна имеет несколько значений, одно из них 10 копеек.

Вопрос о соотношении старых и современных денег непростой, сильно зависит от года. Несмотря на обилие публикаций, достоверных сведений о курсах пересчета в разные периоды времени найти не удалось. В конце XVIII столетия стоимость 1 серебряного рубля соответствовала около 5 тысяч рублей нынешних. Примерно тогда же помимо монет появились бумажные деньги, так называемые ассигнации. Они не пользовались доверием у населения и ценились ниже. Так в 1840-х годах официальный курс пересчета составлял: 1 руб. сер. = 3,5 руб. асс. Тогда же ассигнации стали обменивать на кредитные банковские билеты, стоимость которых приравнивалась к серебряным монетам. С 1849 года деньги в России стали едиными. Стоимость одного рубля начала XX века примерно равнялась 1.200 современных рублей.

Оклады чиновников и служащих до революции были годовые. Например, учитель земской школы в конце XIX века получал 200 рублей в год (потом стало 240). Это приблизительно соответствовало нынешним 24–29 тысячам рублей в месяц.

Населенные пункты до революции

Где-то начиная с XVII столетия на Руси всякое поселение в сельской местности независимо от числа жителей, как правило, называлось **селом**, если в нем была православная приходская церковь, или **деревней** – если храма не было. **Сельцо** от деревни отличалось наличием усадьбы помещика. В советские времена при выборе термина для поселений использовался другой принцип, основанный на числе постоянно проживающих. Небольшие населенные пункты стали именоваться деревнями. Автор в своих книгах придерживается старого подхода.

Заштатный город – населенный пункт, пользовавшийся правами города, но не являвшийся административным центром уезда. По указу императрицы Екатерины II в 1781 году село Вознесенское Московского уезда, находившееся близ Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, было преобразовано в город **Воскресенск** с образованием одноименного уезда. По восшествии на престол Павел I в 1796 году издал новый указ, по которому Воскресенский уезд расформировали, а город был переведен в разряд заштатных.

Служители Церкви

Церковный староста – человек из мирян, отвечающий за хозяйство церковной общины и ведущий учет поступления и расходования денег в кассе храма.

Пономарь, дьячок (прежде писали «дьячѣк», «дьячек»), с конца 1880-х годов вместо них в составе причта стал **псаломщик** (ныне чтец, алтарник) – это все служители, не возведенные в степень священства. В их обязанности входило вносить в алтарь просфоры, вино, воду, возжигать и

гасить свечи, готовить и подавать иерею кадильницу, убирать храм, топить в нем печь. Кроме того, они отвечали за правильное пение на клиросе и чтение молитв. Те из них, которые были искусны в духовном пении и чтении церковных текстов, а также достаточно хорошо знали катехизис, удостоивались «*посвящения в стихарь*», т.е. права ношения специального богослужебного облачения.

Дьякон (прежде писали «*диакон*») – служитель первой, низшей степени священства. Не имеет права совершать богослужения самостоятельно. Основная обязанность дьякона заключается в помощи священнику при совершении таинств. Часто на этой должности оказывались люди с красивым, громким голосом.

Священник, иерей, пресвитер (а прежде **поп**) – служитель второй степени священства, имеющий право совершать богослужения и шесть из семи христианских таинств: крещение, миропомазание, евхаристия (причащение), покаяние (исповедь), брак (венчание) и елеосвящение (соборование).

Пономари, дьячки и псаломщики назывались еще **церковнослужителями** или **причетниками**, а священники и дьяконы – **священнослужителями**.

Некоторые вышедшие из употребления слова

«**Болярин**» – синоним слова боярин. В XIX веке, когда в России бояр уже не было, такое обращение обозначало влиятельного уважаемого человека, дворянина. Подобная форма обращения сохранялась преимущественно в церковном употреблении.

«**Восприемник**» – в просторечии крестный отец и крестная мать. Так называли лиц, которые при крещении младенцев и больных, лишенных дара речи, давали за них крещальные обеты и произносили Символ веры.

Слова «*построенная клетцки церковь*» означают, что она устроена на основе клетки, основанием служит сруб на четыре угла, имеющий перекрытие на два ската подобно избе, реже на четыре ската.

«**Понял за себя**» – эти слова в метрической книге означают «взял в жены».

«**Поручитель**» – по-нашему свидетель или шафер, который своей подписью подтверждал акт бракосочетания в метрической книге. Поручители (как правило, несколько) были со стороны жениха и со стороны невесты. Обычно на эту роль выбирали друзей или близких родственников. Поручители принимали участие в обручении и венчании, во время обхода жениха и невесты вокруг аналоя держали венцы над их головами.

Послужной список (ПС) или формулярный список (ФС) был основным документом для лиц, которые состояли на военной или гражданской службе в Российской империи. В него вносились сведения о прохождении службы, наградах, отпусках, участии в походах, о семейном положении и недвижимости, находящейся во владении. ПС и ФС заменял трудовую книжку.

«**Ревизские души**» — это мужчины (без различия возраста), которые платили подати (налоги) в Российской империи. Каждая ревизская душа считалась в наличии даже после смерти вплоть до следующей переписи (ревизии). Существовали с 1718 по 1887 год.

«**Ретирада**» – туалет, отхожее место. От французского слова, означающего отступление в бою.

Табель о рангах Российской империи (фрагмент)

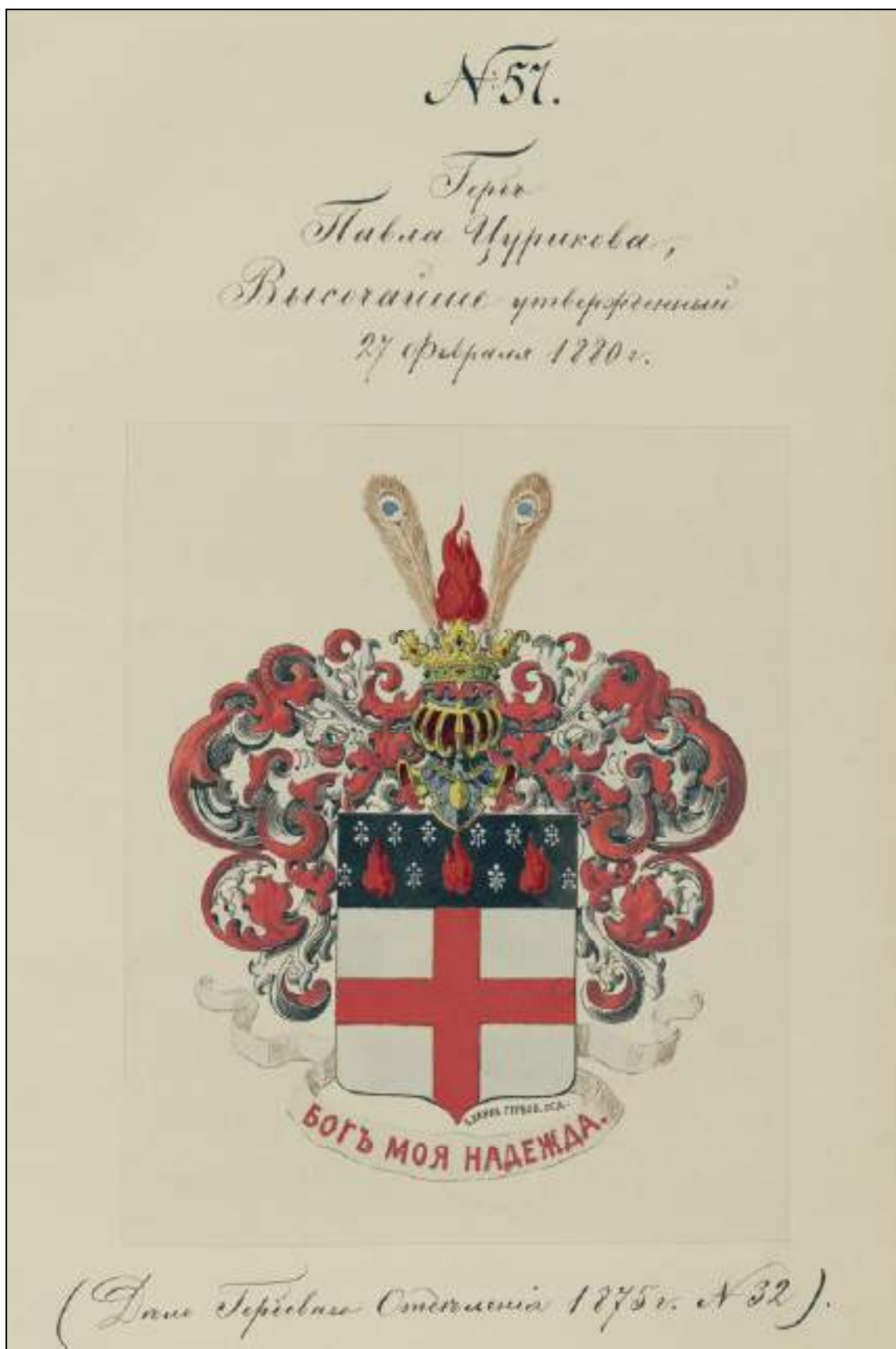
Класс	Гражданский чин	Равный армейский и морской чин
2	Действительный тайный советник.	Генерал от кавалерии, адмирал.
3	Тайный советник.	Генерал-лейтенант, вице-адмирал.
4	Действительный статский советник.	Генерал-майор, контр-адмирал.
5	Статский советник.	Бригадир.
6	Коллежский советник.	Полковник, генерал-адъютант, капитан 1-го ранга.
7	Надворный советник.	Подполковник, капитан 2-го ранга.
8	Коллежский асессор.	Майор, капитан 3-го ранга.
9	Титулярный советник.	Капитан, ротмистр.
10	Коллежский секретарь.	Штабс-капитан, штабс-ротмистр, мичман.
12	Губернский секретарь.	Поручик, унтер-лейтенант, мичман.
13	Провинциальный секретарь.	Подпоручик.
14	Коллежский регистратор.	корнет, прапорщик

2. Основные даты жизни П. Г. Цурикова

- 1812, 3 января – рождение сына Павла у дворового человека Григория Михайлова, с. Рубцово.
- 1830, 8 сентября – получена грамота отпуска на волю Павла, а также его сестер и брата.
- 1833 – звенигородский купец 3-й гильдии.
- 1837, 16 мая – сочетался браком с дворянкой Анной Сергеевной Мингалевой, с. Лужки.
- 1847, 13 июня – член «*Звенигородского отделения Попечительного о тюрьмах комитета*».
- 1848 – стал хозяином Ивановской суконной фабрики совместно с братом Иваном.
- 1849 – Ивановской фабрике вручена малая похвальная серебрянная медаль по итогам выставки мануфактурных изделий в Санкт-Петербурге.
- 1849 – звенигородский купец 2-й гильдии.
- 1850, 28 февраля – умерла мать Матрена Анисимовна, похоронена в селе Лужки.
- 1851 – директор «*Звенигородского Отделения Попечительного о тюрьмах Комитета*».
- 1852, 10 марта – умер отец Григорий Михайлович, похоронен в селе Лужки.
- 1852 – избран церковным старостой Петропавловской церкви села Лужки.
- 1857, 25 февраля – обмен земли с Ивановскими крестьянами; земля под фабрикой стала собственностью.
- 1857 – Ивановской фабрике вручена большая похвальная серебрянная медаль по итогам выставки мануфактурных изделий в Варшаве.
- 1857 – воскресенский купец 2-й гильдии.
- 1858, 30 декабря – **золотая медаль на Станиславской ленте** за пожертвования в пользу церкви села Лужки.
- 1861 – Ивановской фабрике вручена большая серебрянная медаль по итогам выставки мануфактурных изделий в Санкт-Петербурге.
- 1863, 24 мая – **орден св. Станислава 3-й степени в петлице** «за примерное усердие и пожертвование на устройство православных церквей Литовской епархии».
- 1863 – воскресенский купец 1-й гильдии.
- 1864, 5 февраля – потомственный почетный гражданин.
- 1864, 14 декабря – утвержден попечителем сельского приходского училища села Лужки.
- 1864 – «*Благословение Св. Синода*» за дар дома в Саввино–Сторожевский монастырь.
- 1865, 16-21 июля – приходское училище в Лужках разрешено именовать «*Цуриковским*», объявлена признательность министра за «*распространение образования между крестьянами*».
- 1865 – Ивановской фабрике по итогам выставки мануфактурных изделий в Москве присвоен «*Государственный герб золотой двуглавый орел*».
- 1865 – «*Благословение Св. Синода*» за пожертвование в храмы сел Рубцово и Никулино.
- 1866, 14 октября – **орден св. Станислава 2-й степени с Императорской короной** «о примерном усердии и пожертвованиях в пользу церкви».
- 1867 – участие Ивановской фабрики во Всемирной промышленной выставке в Париже.
- 1868, 5 июня – **орден св. Анны 2-й степени с Императорской короной** «во внимание к полезной деятельности и пожертвованиях в пользу церкви в Гельсингфорсе».
- 1868, 17 октября – избран церковным старостой Успенской церкви при Ивановской фабрике.
- 1868, 19 ноября – утвержден попечителем церковно-приходского училища при Ивановской фабрике.
- 1870, 29 сентября – утвержден попечителем приходского училища города Воскресенска.
- 1870, 7 ноября – мануфактур–советник (по итогам выставки в Санкт-Петербурге).
- 1870, 30 декабря – утвержден членом Звенигородского уездного училищного совета.
- 1871, 16 августа – **орден св. Равноапостольного князя Владимира 4-й степени** «с правом потомственного дворянства о примерном усердии и пожертвованиях в пользу церкви».
- 1872 – грамота св. Синода за устройство иконостаса в Вербиловском монастыре.
- ... 1872 ... – гласный (депутат) Воскресенской городской думы.
- 1873, 30 ноября – **орден св. Равноапостольного князя Владимира 3-й степени** «об особенном усердии на пользу Ивановского девичьяго училища [...] в Санкт-Петербурге».
- 1873 – участие Ивановской фабрики во Всемирной промышленной выставке в Вене.
- 1874, 29 мая – статский советник.
- 1877, 27 марта – действительный статский советник.
- 1870-е – избирался гласным Звенигородского уездного собрания и почетным мировым судьей.
- 1878, 5 и 8 января – смерть Павла Григорьевича, похороны в Успенской церкви при Ивановской фабрике.

3. Утверждение во дворянстве П. Г. Цурикова

(приводятся отдельные листы архивного дела 1875–1880 гг.¹).

Герб П. Г. Цурикова.

215

Сформуляр дворян на Императорское Дворянство
Павла Цурикова

Б О Ж І Е Ю

ПОСПѢШЕСТВУЮЩЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ,

АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКИЙ,

Московский, Киевскій, Владимирскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсонеса Таврическаго, Царь Грузинскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій, Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Вѣлостовскій, Бѣлорусскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новгородца новгородца земель, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій, Ярославскій, Білозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондѣйскій, Витобскій, Мстиславскій, и всея сѣверныя страны Повелитель; и Государь Имеретія, Картли-Имеретія и Кабардинскія земли и области Арменскія Черкесскія и Герцогскія Князей и иныхъ Наслѣдней Государь и Обладатель; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвиг-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій; и прочія, и прочая, и прочая.

Обязанность всемъ вообще и каждому особанно, чрезъ сію НАШУ жалованную Грамоту, что хотя МЫ по самодержавной, отъ Всемогущаго Бога НАМЪ данной ИМПЕРАТОРСКОЙ власти и по природной НАШЕЙ милости и щедротѣ, въѣхъ НАШИХЪ вѣрныхъ подданныхъ честь, пользу и приращеніе Всемилостивѣйшии всегда защищать и споспѣшествовать имъ желаемъ; однакоже папаче къ тому склонны, чтобы гдѣ НАШИХЪ вѣрныхъ подданныхъ и ихъ роды честию, достоинствомъ, такими и особенно НАШЕЮ милостию по ихъ состоянію, награждать, возвышать и издѣлывать преимуществами жалованья и по онымъ подтверждать которое по всеподданнейшей своей къ службѣ НАШЕЙ ревности НАМЪ и Государству НАШЕМУ стѣжкими предъ прочими услуги и вѣрность показывать.

Jan 6 29. 5. Am 1875
1832

Указ о присвоении П. Г. Цурикову дворянства (начало).

Известно Намъ, что Намъ верноподданный потомственный дворянинъ Павелъ Григорьевъ Цуриковъ 1847 Июня 13 дня утверждёнъ въ званіи члена Звенигородскаго уезднаго Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета, а по утверждённѣ новаго устава Попечительнаго о тюрьмахъ общества, 1851 Декабря 1 переименованъ въ званіе Директора Звенигородскаго Отдѣленія означеннаго Комитета; 1853 Декабря 29 за похвртвоаніа въ попому церкви Звенигородскаго уезда села Лукино, назримденъ золотое сщданио на Станиславской ментѣ, для поименія на шею; 1863 Мая 24 за примирное усердіе и похвртвоаніе на устройствѣ Православнаго церкви въ Митовской епархіи, поименованъ орденомъ Св. Станислава 3^{ей} степени; и, на означенномъ, стрѣлчаніи, Прасителствующаго Снмата 18 Декабря того же года бывъ возведенъ въ потомственный почетное гражданиство; 1866 Октября 14 за примирное усердіе и похвртвоаніа въ попому церкви, поименованъ орденомъ Св. Станислава 2^{ей} степени, Намшего коронного украшеннаго; 1868 Июня 5, во вниманіе къ попомой дѣятельности и похвртвоаніа въ попому новой церкви въ 2 Тимониндоростѣ, поименованъ орденомъ Св. Анны 2^{ей} степени, Намшего коронного украшеннаго; 1870 Сентября 29 утверждёнъ въ должноти Попечителя Воскресенской школы въ Звенигородскомъ уездѣ; того же года Ноября 1 во вниманіе къ попомой дѣятельности на похвртвоаніа отомоственной промышленности, поименованъ въ званіе Мануфактуръ-Советника, а Декабря 30 утверждёнъ членомъ Звенигородскаго уезднаго уримичнаго снмата; 1871 Января 16 за дѣятельствоаніе Святѣйшаго Синада о примирномъ усердіи и похвртвоаніа въ попому церкви, поименованъ орденомъ Св. Владиміра Кромонны, а въ 30 генъ Ноября 1873 года Мѣ Имменнаго указа Намшего, Капитулу даннаго военнаго осоданнаго усердіа потомственного дворянина, Кмитора церкви Ивановскаго Дѣтскаго уримича, отомоственнаго Императорскаго Высочайшаго общества, Цурикова, на попому церкви означеннаго уримича, Всемощнѣйшше поименованъ орденомъ Св. Владиміра Кромонны и всегда оказавати усердіе и релнотѣ.

Указ о присвоении П. Г. Цурикову дворянства (продолжение).

246

То МЫ въ возвышеніе ревностныхъ

его, Павла

Тригорьева
Цурикова,

наслужить также и по НАШЕЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ склонности и щедрости, которую МЫ для награжденія добродетелей, ко всемъ НАШИМЪ подданнымъ, любя и по дарованной НАМЪ отъ Всевышняго Бога самодержавной власти, Всемилостивѣйше соизволили поманутъ *его* НАШ *его* възводданнаго Павла Цурикова въ вѣчныя времена, въ честь и достоинство НАШЕЙ Имперіи Дворянства, равно обрѣтающемуся въ НАШЕЙ Всероссийской наследной Имперіи, Царствахъ, Княжествахъ и Земляхъ прочему Дворянству, возвести, постановить и пользоваться, яко же МЫ сему и силою сего

его, Павла Три

горьева Цурикова,

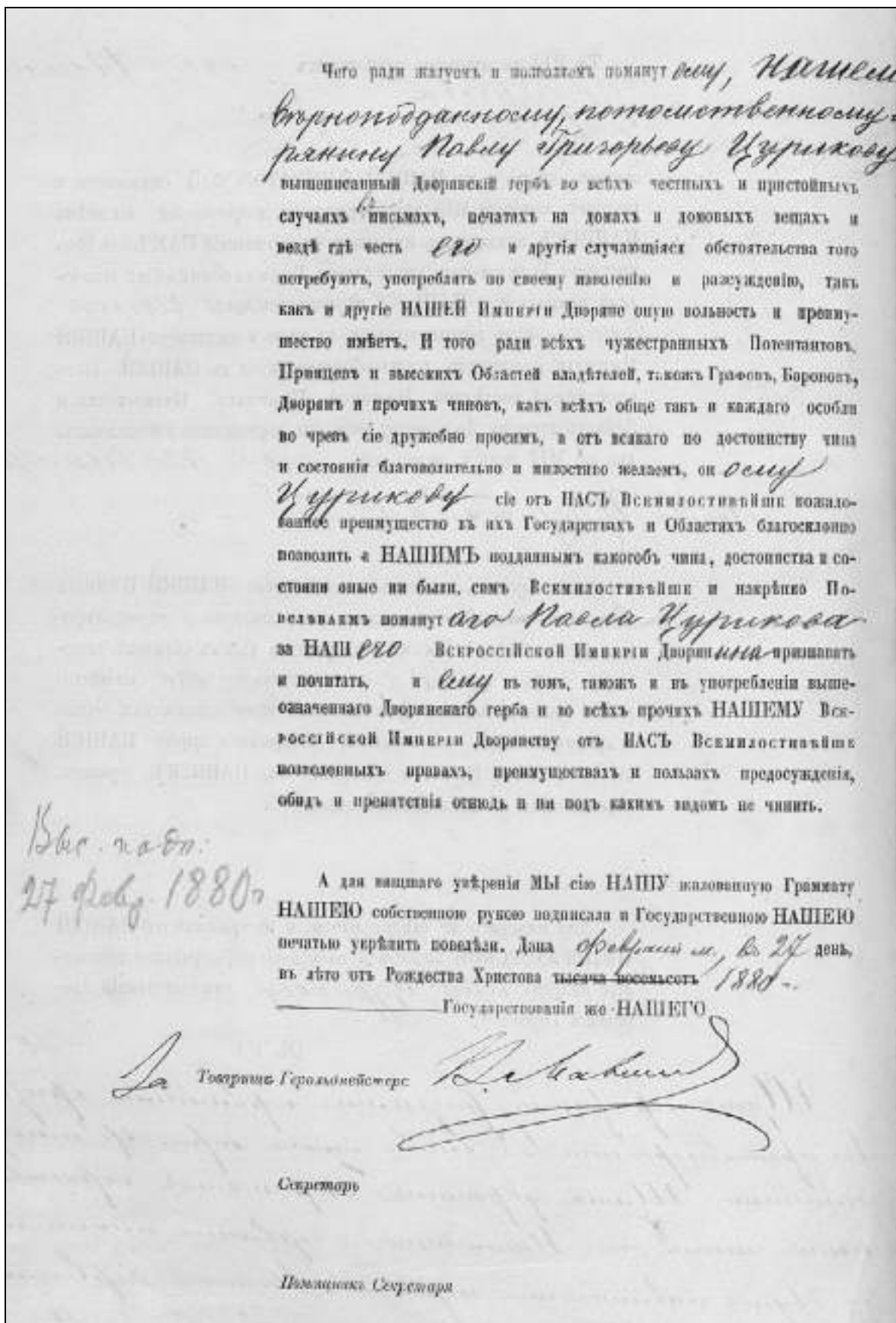
въ вѣчныя времена, въ честь и достоинство НАШЕЙ Имперіи Дворянство возводимъ, постановляемъ и жалуетъ и въ чиндопрочаго Всероссийской Имперіи дворянства такимъ образомъ воздаемъ, чтобы *сему* и потомству *его*, по нисходящей линіи, въ вѣчныя времена, всеми тѣми выгодами, честью и преимуществами пользоваться, которыми в другія НАШЕЙ Всероссийской Имперіи Дворяне по НАШИМЪ правамъ, учрежденіямъ и обыкновеніямъ пользуются.

Для вѣщаго же свидѣтельства, и въ армянствѣ сего НАШЕЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ жалости и поведенія въ Дворянское достоинство жалуетъ *сему* Цурикову, нижеслѣдующій Дворянскій Гербъ:

(М. Г.)

Щитъ серебряный, раздѣленный первыми крестомъ. Въ противоположности главъ щита три серебряныхъ тиса. Щитъ украшенъ дворянскимъ коронованнымъ шлемомъ. На шлемѣхъ: перья павлины, нафурку двурогъ павлинскихъ перьевъ. На щитѣ перьями въ серебряномъ. Девизъ: „Богъ мой надежда“, перьями на бурлаки на серебряномъ щитѣ —

Указ о присвоении П. Г. Цурикову дворянства (продолжение).

Указ о присвоении П. Г. Цурикову дворянства (конец).

4. Переписка Цуриковых и Мингалевых

(20 писем из архивов РГАДА, ГАРФ, НИОР РГБ. Тексты воспроизводятся с купюрами с оригиналов как есть, проставлены только кое-где знаки препинания).

Дело о росписании внутренности храма св. Праведного Филарета изображением по стенам разных святых на сумму купца Павла Григорьевича Цурикова², 1871

1871 июня 21-го дня. Учрежденным Собором по д. № 602 определено: надо переговорить с о. Симеоном.

ваше Высокопреподобие, отец Архимандрит Антоний.

Простите бога ради что я так долго к вам не писал и не спросил благословенно о нанесении иконы в клейме над церковью милостиваго Феларета а также над чесовней Максима Грека вызолотить главку. Зделайте милость не посетуйте на меня грешнаго. Я от души давно готов оное зделать.

Смею спросить ваше высоко приподобие, что скоро ли у милостиваго Феларета распишется церковь и украшена расписанием, и к какому числу будет готово прошу приказать уведомить. А также и сколько еще нужно выдать живописцу за работы тоже уведомить. А я буду стараться быть 5-го числа июля и расплатится с моей великой благодарностию, за все что будет стоить.

Остаюсь вашего высоко преподобия покорный слуга Павел Цуриков,

17 июня 1871 год, Ивановская фабрика.

Письма П. Цурикова к А. М. Голицыну³, 1875–1877

Письмо 1:

ваше сиятельство Князь Александр Михайлович.

При сем прошу вас покорнейшии не угодно ли будит еще приказать ко мне доставить ржаной муки хошь бы две тысячи пудов, за чтобы очень был вам благодарин и тогда бы был разицет ученен за 7 тысяч пудов. Ест ли заблагоразудити приказать отпустить, то немедлитель покуда дорога хорошая и провозицики повезут охотно.

Остаюсь вашего сеятельства покорной ваш слуга Павел Цуриков,

2-го декабря 1875 года.

Письмо 2:

ваше сиятельство Александр Михайлович.

Я к вам с моей покорной прозбою ежели можна, то не откажите [...] сей податель воскресенской купеческой сын Никола Алексеив Хропов катораго призывают в ратники. Он был требован по рекрутской повинности в 1875-м году, но жребий не достался ему, но теперь требуют. То доложу вашему сеятельству он поставщик разной провизии для моей фабрики и только что начал делать дела и вести торговлю в городе Воскресенске. И вод такое для ево разорение какова не дал бог. Отца нету, мать неводержанная, жена у нево женищина очинь тихая не можит некакой вести торговли и брат только 10 лет. Стало быть дом должен разориться положительно. Зделаити милость обратите ваше отечиское на оное внимание, не дайти совсем онаму дому погибнуть.

И так вполне надежда, что вы не откажитесь зделать самое доброе дело для сего нещиаснаго человека. Остаюсь с истинным уважением и такой же преданностию,

вашего сиятельства покорный слуга П. Цуриков. 2 августа 1877 года.

Письма Цуриковых к Д. Д. Голохвастову⁴, 1861, 1877

Письмо 3:

1861 года ноября 4.

Милостивый Государь Дмитрий Дмитриевич!!

Позвольте завтра прислать человека для объяснения. Теперь я не могу сообразить, что предпринять, это дело совершенно для меня новое и не понятное. Удивляюсь недобросовестности старика, столько лет служившаго Павлу Григорьевичу. В Контору я сделала заявление, чтобы его [нрзб] остановить.

При желании вам добраго здоровья и всего наилучшаго во всем для вас остаюсь преданная вам А. [Анна] Цурикова.

Письмо 4:

Милостивый Государь Дмитрий Дмитриевич,

с сим уведомляю, вас что я вчерашнего дня получил из Москвы от моего зятя господина Попова письмо, в котором меня уведомляет чтобы я немедленно ехал в Москву для приведения дел только недавно умершаго моего племянника Собалева и пасиш ево. Осталось 6 человек круглых сирот и дом у них назначен в продажу, которой мною им был выстроен для содержания етова семейства. Они успели оной дать заложить тому год наза. И вот пришел срок и назначен в продажу. И для онаго нужно непременно быть севодня мне в Москве. Так прошу извинений, что я немогу по оному случаю приехать на открытие больницы и при сем посылаю мною обезценные деньги 250 рублей которыхя прошу употребить на пизицу и чай для раненых с того только числа, с котораго поступят раненые в вашу больницу. И мною будут завсегда каждой месяц [передаваться] по двести петидисити [250] рублей пока будут раненые в вашей больнице. И так желаю, чтобы по больнице было все ко общему утешению а за ваши труды и хлопоты Господь вас наградит.

Остаюсь с истинным уважением и такою же преданностью вам милостивый государь покорный слуга П. Цуриков. 22-го сентября 1877 года.

Письмо 5:

Милостивый Государь Дмитрий Дмитриевич.

Позвольте и вас поздравить с текущим высоко торжественным праздником воскресения господа и желаю оный проводить во утешении и добрым здоровьем.

При сем честь имею вас уведомить, что я борки [Борки] готов продать естли только пожелают купить [...] покупателем цена оным шесть тысяч [рублей]. Патаму мною была дорога закончена, что вновь выстроен недурной домик кроме большо-ва. И на хорошем он месте поставлен, покрыт железом с кухнею. Посмотреть в настоящее время ехать никак невозможно [...]

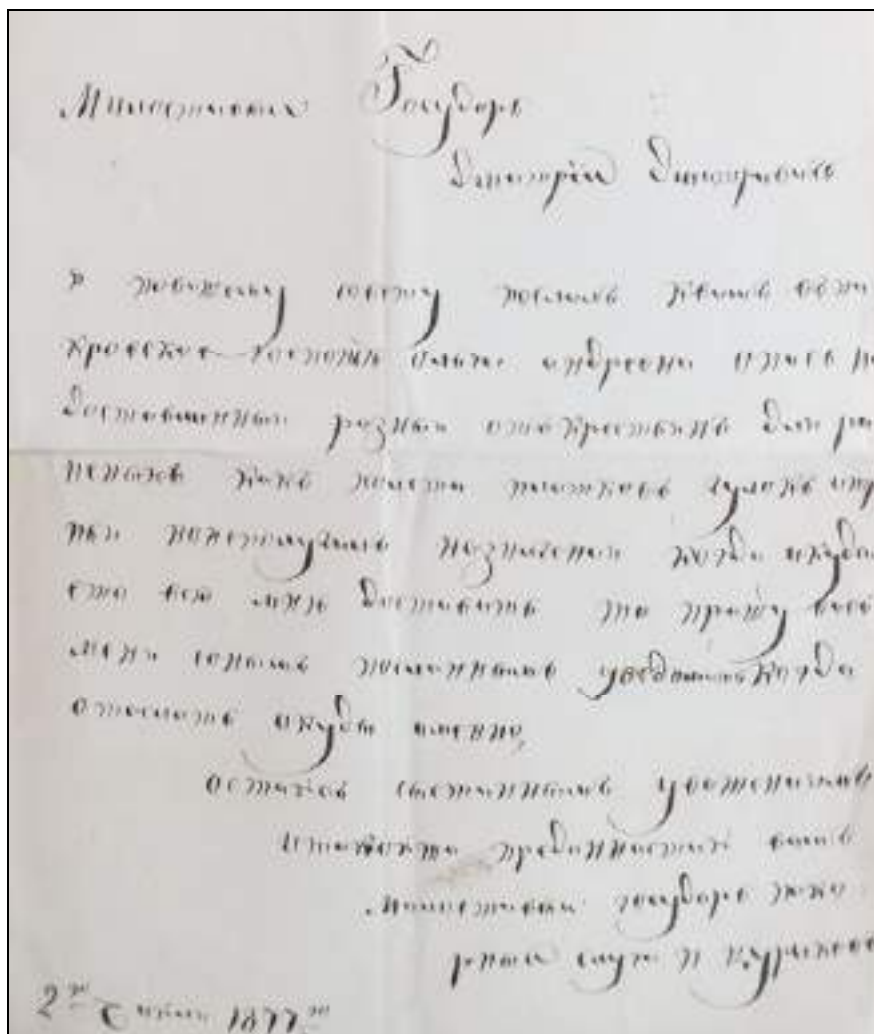
Остаюсь с истинным уважением и преданностью вам покорный слуга П. Цуриков. 31-го марта 1877 года.

Письмо 6:

Милостивый Государь Дмитрий Дмитриевич,

я по вашему совету послал к вам в пакровское [Покровское] госпоже Ольге Андреевне опись на доставленные разных от крестьян для раненых, как холста, платков, чулок, тряпки. Но не получил назначение, когда и куда это все мне доставить. То прошу вас меня с оным посланным уведомить, когда отослать и куда именно.

Остаюсь с истинным уважением и такою же преданностью вам милостивый государь покорный слуга П. Цуриков. 2-го июля 1877 года.

Письмо 6 П. Г. Цурикова к Д. Д. Голохвастову, 1877.

Письма Павла Григорьевича Цурикова к архимандриту Леониду (Кавелину)⁵, 1876, 1877

Письмо 7:

*ваше высоко преподобие отец Архимандрит Леонид,
извешите что так позно осмеливаюсь вас беспокоить вот почему. Сей час ко мне приехал отец економ с Троицкаго подворья. Прислан от владыки инокентия нарочно спросить меня – ково бы я желал, чтобы владыка представил на ваше место. И было писал владыка перевести как вы советовали из иверскова монастыря. И когда письмо мое он получил, севодня же владыка во втором часу [нрзб] приказал немедленно ехать економу ко мне. И спросить меня, непожелаю ли я прежде бывшево в ерусалиме [Иерусалиме] архимандрита Феодосия. Владыка ево хотел только однова приставить на ваше место, то осмеливаюсь вас покорнейше просить покончательно сказать свое мнение, каво лучше вы советуете у владыки просить. Право я стал в недоумении, если точно вам хорошо знаком, и хороший человек иверскаво монастыря, то об нем и буду хлопотать. Пожалуйста скажите откровенно, дабы незделать какой ошибки. Мне очень желательно, чтобы в новом ерусалиме иметь хорошева настоятеля
извешите, что позна посылаю. Економ говорит, чтобы утром ему уехать надо, до свидания, воскресенье у вас буду за обедней, остаюсь ваш покорный слуга П. Цуриков.
3 июня 1877 года.*

Письмо 8:

*ваше высоко преподобие отец Архимандрит Леонид,
присем позвольте вас усердно благодарить, в бытность мою в лавре за ваш ласковый прием и угощение. Очень было жаль что непришлось с вами побольше побеседовать и поговорить, что и как вы изволите привыкать к новой обители и другим для вас порядкам. И вам не успел лично передать о том именно, что мне у себя в комнатах отец протоерей зделал замечание. Именно зазвал к себе и говорит, чтобы и в чужой монастырь с своим уставом не ходил, и добавил вы это не сами сочинили письмо в Петербург. А я немедленно ответил ему, да я не сочинитель, а суконной фабрикант. Он кое что еще мне сказал, а я ему в ответ, что вы мне делаете замечание и дурново нечего нехотели, а только бы было хорошо и к общему утешению и удовольствию. А при том скажу вам я и несколько вас небоюсь, попросил чтобы он благословил. Что исполнил и от него прямо к вам отправился. Но из слов видно отца протоерея, что владыка не был доволен письмом от владыки иседора [Исидора]. Вот почему и по сее время в новом ерусалиме нет назначенного вениамина, потому что владыка инокентий кажется неспросил Сенат об нем и по сее время. Я недавно получил письмо от владыки исидора, в котором он меня приглашает к себе на родину 6-го августа на освезщение новаго храма. Едит он сам освезщать прямо на родину, не заезжая некуда и неостанавливаясь в Москве. И может быть на обратном [пути] не заедет в Москву, а может к вам в Лавру, но наверное не знаю.*

*Итак позвольте вам пожелать вечнаго утешения на вашем много трудном поприще и быть совершенно здоровым, остаюсь вашего высоко преподобия покорный слуга П. Цуриков,
23-го июля 1877*

Приглашение:

1876 года 19 сентября в Ставропигиальном Воскресенском монастыре (имен. Новый Иерусалим) совершены будут Архимандритом Леонидом и братиею малое освещение Гроба Господня, часовни над ним и литургия. Начало в 9 ½ часов.

Извещая Вас о сем М.Г. покорнейше прошу принять участие в этом духовном торжестве.

Павел Григорьевич Цуриков.

По окончании литургии благоволите пожаловать к обеденному столу в монастырских зданиях.

Письма Анны Сергеевны Цуриковой к архимандриту Леониду (Кавелину)⁶, 1877, 1890

Письмо 9:

1877-го июля 28.

Ваше высокопреподобие Отец Архимандрит!

Я получила ваше благословение и поздравление меня с Ангелом на случай моих Имянин. Это было первое поздравление дорогое и приятное во всех отношениях. Я приняла его с чувством особенно признательным и не могла не ценить горячо такого внимания от лица, которого мы так привыкли почитать и любить. И ваша память об нас и молитвы Преподобному Сергию принесут нам щастие – а нам остается только душевно вам быть признательными. И слов нет для выражения вполне того что чувствуем.

Мы встретим вас у себя как отца и друга и будем в теплой радости видеть вас в Ивановском.

Желаем искренне вам всего утешительного на вашем новом и трудном поприще, прошу молитв ваших и заступничества у Преподобного Сергия, прошу благословить меня как преданную и почитающую вас дочь. А. Цурикова.

Письмо 10:

Высокочтимый Отец Архимандрит!

В бумагах покойного мужа моего, Павла Григорьевича Цурикова, оказалось письмо на его имя Митрополита С.Петербургскаго Исидора, относительно назначения Вашего заместителем Троицко-Сергиевой Лавры. – Помня ваши добрые отношения к покойному Павлу Григорьевичу, покорнейше прошу Вас благосклонно принять в дар означенное письмо, которое напомнит Вам бывшее для меня столь щастливое время.

Усерднейше прошу Ваших Святых молитв.

Глубоко и сердечно уважающая Вас Анна Цурикова. Июля 1. 1890 года.

Письмо митрополита Исидора к Цурикову Павлу Григорьевичу⁷, 1877

Конверт:

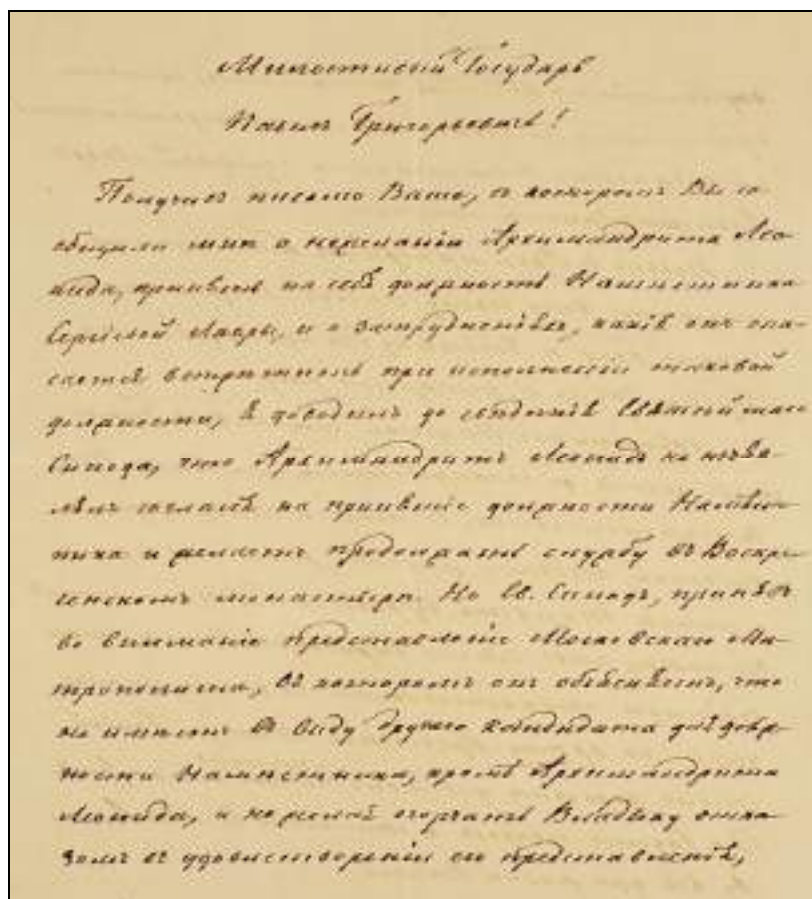
Почетному Гражданину Максиму Евфимиеву Попову с передачею Действительному Статскому Советнику Павлу Григорьевичу Цурикову.

В Москве. На Ильинке в доме Веригина в суконном магазине.

Письмо 11:

Милостивый государь Павел Григорьевич!

Получил письмо ваше, в котором вы сообщили мне о нежелании Архимандрита Леонида принять на себя должность заместителя Сергиевой Лавры, и о затруднениях, какие он опасается встретить при исполнении таковой должности. Я доводил до сведения Святейшаго Синода, что Архимандрит Леонид не изъявлял согласия на принятие должности Наместника и желает продолжить службу в Воскресенском монастыре. Но Св. Синод, приняв во внимание представление Московскаго Ми-

Письмо 11 митр. Исидора к Цурикову (начало), 1877.

трополита, в котором он объясняет, что не имеет в виду другого кандидата для должности Наместника, кроме Архимандрита Леонида. И не желая огорчать Владыку отказом в удовлетворении его представления, определением 25-го мая постановил: согласно представлению Митрополита переместить на должность Наместника Сергиевой Лавры Архимандрита Леонида.

Пусть о. Архимандрит Леонид благодушно примет это послушание. Верно так угодно Богу и Угоднику его Преподобному Сергию. Он же и поможет ему.

Священник Николай Семенович Боголепов довел до сведения моего, что Ваше Превосходительство, в честь и славу Царицы Небесной, изъявили желание росписать купол и стены Покровской церкви в селе Никольском. Не нахожу слов, чтобы выразить вам мою сердечную признательность за такое теплое усердие к храму Пречистой Матери Божией, столь дорогому для меня по местным воспоминаниям. Да будет покров и милость Ея над вами во все дни жизни вашей.

Призывая на вас благословение Божие, с искренним уважением и преданностью, честь имею быть,

Вашего Превосходительства Милостиваго Государя покорнейшим слугою,
Исидор, М. Новгородский и С. Петербургский
Мая 27, 1877.

Письма Анны Сергеевны Цуриковой к Д. Д. Голохвастову⁸, 1884

Письмо 12:

1884 год, мая 7.

Милостивый Государь Дмитрий Дмитриевич!

К сожалению я не могу исполнить вашего желания, я еще не получила Апрельскую книгу, но как только получу, тотчас ее вам пришлю.

При желании вам доброго здоровья и самого наилучшего остаюсь вам преданная
А. Цурикова.

Письмо 13:

1884, мая 15.

Милостивый Государь Дмитрий Дмитриевич.

Благодарю вас за присланную мне брошюру, – я не читала письма г. Энгельгардта, но с удовольствием прочту ваш разбор о них.

Хотела вам послать роман Валуева: Лорин, но может быть вы уже знакомы с ним и потом не знаю будет ли это вас интересовать. – Если же вам угодно, то могу его вам очень скоро переслать.

При желании вам благополучия и здоровья, истинно вам преданная
А. Цурикова.

Письмо 14:

1884 год, октября 16.

Милостивый Государь Дмитрий Дмитриевич.

Я очень рада, что могу исполнить ваше желание и с большим усердием и удовольствием спешу вас успокоить, прилагая в этом письме 1.500 р.

Не могла вам отвечать в Воскресенске, спеша возвратиться домой и бывши там на очень печальной церемонии – хоронили нашу хорошую г. Комуш, почтенную старушку.

Мне хотелось бы знать об вашем здоровье, вы ничего об этом не упоминаете, я бы от души порадовалась, если оно улучшается.

При желании вам возможного благополучия и полнейшего выздоровления, и с тем всегда преданная вам

А. Цурикова.

Письма Марии Мингалевой к Александре Андреевна Олсуфьевой⁹, 1869–1876

Письмо 15:

23-е июня 1872.

Ваше Сиятельство Графиня Александра Андреевна. [...]

Когда вздумаете послать деньги, то на имя сестры Любовь Сергеевны, у нее каждый [день] ездят на почту и все делается исправно. [...]

[подпись:] М. М.

Письмо 16:

29-го апреля 1873. [...]

Ваше Сиятельство Графиня Александра Андреевна. [...]

Десять рублей раздали как временное от Вас, пособие разным старушкам

Письмо 17:

19-го января 1876. [...]

Ваше Сиятельство Графиня Александра Андреевна. [...]

Сестра Софья в восторге от Вас и Ваших детушек. [...]

Письмо 18:

30-е марта 1876

Ваше Сиятельство Графиня Александра Андреевна. [...]

Поздравляю Вас с наступающим Светлым Великим Праздником [Пасхи ...] Прошу Вас принять платок моей слепой работы. Может быть в деревне в сырую погоду, Вы меня осчастливите и поносите его [...]

С истинною и душевною преданностью имею честь быть М. Мингалева.

Письма Любови Мингалевой к Александре Андреевна Олсуфьевой¹⁰, 1882–1891

Письмо 19:

Дорогая моя Александра Андреевна.

Решилась беспокоить Вас моей покорнейшею просьбою, а именно передать Алексею Васильевичу, что на днях я оставляю институт и в Москве жить не буду, следовательно не могу продолжать по поручению раздавать пенсии [...]

Душевно преданная вам Л. Мингалева, 1882 г. 2-го декабря.

Прилагаю список бедных, получающих от вас пенсию

Наталья Петровна Лаврова 10 руб.

Анна Дмитриева 3 руб.

Анна Афанасьева 1 руб. 50 к.

Анисья Тимофеева 1 руб. 50 к.

Итого 16 руб.

Письмо 20:

Дорогая и добрая Графиня Александра Андреевна.

Сердечно благодарю вас за ваше доброе внимание и память обо мне [...] Мне бы доставило также истинное удовольствие видеть вас, но здоровье мое плохое. [...] часто вспоминаю, как бы сестре Марье Сергеевне (если бы она была жива) было бы это по душе и утешало ее, она ведь вас всех так искренне любила. [...] Душевно преданная и много любящая вас Л. Мингалева

Сестра Анна Сергеевна благодарит вас за ваше доброе внимание, но она со смертью мужа никуда не выезжает.

20-го августа 1891 года.

5. Воспоминания Анны Михайловны Шуберт

Шуберт Анна Михайловна. Семейство Цуриковых¹¹, 1960-е

В 1817 г. крепостной мельник и плотинщик Григорий Михайлович Цуриков (рожд. 1782 г.) состоял на откупе у своего барина Павла Ивановича Голохвастова, проживавшего в своем поместье Покровском-Рубцове близ Новоиерусалимского монастыря Московской губернии Звенигородского уезда, и арендовал у экономических крестьян дер. Ивановской того же уезда пустопорожнюю землю на реке Истре, негодную для полевых работ. Земля же эта, носившая название "Коровий брод", служила крестьянам местом для прогона скота на водопой. Никто другой этой болотистой местностью не интересовался и против аренды Цурикова не возражал. Цуриков же имел в виду постройку здесь водяной "мукомольни" и "сукновального амбара". Место являлось для этого подходящим, поскольку оно находилось в глубокой лощине между двумя значительными возвышенностями: так называемой Павловской горой с одной стороны и Ивановской горой с другой. На Павловской горе лежала деревня того же именования, откуда дорога вела вниз к реке Истре. Между обоими взгорьями раскинулись тучные заливные луга, на что указывало и название лежащего ниже по реке села "Лужски". Вода была здесь чистой и протекала под сравнительно большим напором. Для увеличения этого напора Цуриков построил у Коровьего брода большую плотину, которая сохранялась в целости еще во время войны 1941 года. Такой напор воды был нужен Цурикову для приведения в движение построенной им здесь мельницы. Перед плотиной образовалось глубокое водохранилище, излишки воды которого сбрасывались в ту же Истру по вырытому Цуриковым обводному каналу, оканчивающимся значительно ниже плотины. А перед плотиной образовался теперь переезд — "брод", к которому подходила дорога от Московского шоссе к так называемой Павловской слободе, где имела казенная суконная фабрика. Для себя же и для своей семьи Цуриков построил недалеко от мельницы на берегу канала избу, куда и переселился.

Цуриков никогда не молол на своей мельнице муку, но промывал на ней сукна, которые доставлялись ему с этой целью с суконной фабрики в казенном Павловском. А поэтому понятно, почему мельница Цурикова никогда не называлась "мельницей", а называлась "мелюницей". Казенная фабрика как-то этот труд Цурикова оплачивала и стала давать ему значительный доход. Так было положено начало Ивановской суконной фабрики.

Мать Павла Григорьевича (р. 1785) происходила из семьи крестьян Ивановской деревни Засыпкиных. Как известно, крестьяне в дореволюционное время не имели "фамилий", т.е. названий, общих для всех ее членов и передаваемых их по наследству из поколения в поколение. Это было привилегией дворянства, а прочие люди получали только свое имя собственное, даваемое священником при крещении, а некоторые получали в придачу еще прозвище. Часто к имени собственному добавлялись некоторое указание на имя собственное отца, откуда появились наши многочисленные "Ивановы", "Петровы" и др. Однако эти добавления были нестойкими [...] Потребность в получении "фамилий" появлялась при поступлении в школу или куда-нибудь на работу. И тогда в школе, хозяева предприятия и волостные правления давали их своим питомцам и служащим по своему произволу. Фамилия жены Цурикова могла произойти от прозвища, если напр. члены семьи в чем-то помогали в работах Цурикову и что-то "засыпали" при постройке их плотины и мельницы.

В 1817 г. у Цуриковых имелся дома только один ребенок — сын Павел (р. 1812) [дописано:] и дочь Александра (р. 1804). В течение ближайших 2-х лет у него родились еще две дочери: Наталья (р. 1818) и Матрена (р. 1821) — наша прабабушка.

А. М. Шуберт с мужем Михаилом и детьми Сашей, Анной и Мишей, 1883, (АШ).

О том, что у нашего предка Г. М. [Григория Михайловича] Цурикова имелись какие-то родственные связи с крепостными деревни Ивановской, мне не раз говорил мой дядя Сергей Максимович Попов, сделавшийся через ряд лет владельцем Ивановской фабрики. Как-то в [18]90-х годах указал он мне на проходившего мимо нас Ивановского крестьянина и сказал: “посмотри, вот идет твой дядя Зима!”.

Возможен однако еще другой вариант происхождения семьи Г. М. Цурикова: согласно последнему он был женат не на крестьянке дер. Ивановской, а на крепостной господ Голохвастовых в имении Покровском-Рубцово. Краткое упоминание об этом нашла я когда-то в нашем семейном архиве. Это наводит на мысль о том, что Г. М. был женат на Матрене Онисимовне вторым браком и соответствует тому, что между рождением первого ребенка Цурикова (дочери Александры) и рождением второго его ребенка (сына Павла) прошло не много не мало как 8 лет! А также что Г. М. сохранял некоторые личные связи с Покровским-Рубцово еще много лет спустя. [Зачеркнуто:] Кроме того при этом втором варианте становится понятным, почему Г.М. при возвращении к нему его дочери Александры Григорьевны, он не стал поселять ее в один дом с другими своими детьми: ведь это были дети от разных матерей, выросшие отдельно друг от друга, и составляли как бы разные семьи. Постройка Цуриковым второй избы становится в таком случае тем более понятной).

Надо думать, что описанное выше сложное предприятие по эксплуатации “Коровьего брода” в 1817 году сложилось у Цурикова еще до этого года, поскольку эта местность около Ивановского была ему знакома и раньше, тем более, что он где-то поблизости проживал. Но чем он в те предшествовавшие годы промышлял и как приобретал средства для построения мельницы и плотины — неизвестно.

О том, что Цуриков здесь проживал с семьей еще в 1812 г. при нашествии в Россию Наполеона известно из следующего рассказа нашей бабушки, младшей дочери Цурикова, Матрены Григорьевны. Как-то ее отец шел около деревни Ивановской и заметил стоящего у высокого и крутого обрыва над Истрой француза из армии Наполеона. Тот стоял к Цурикову спиной и любовался, возможно, видом. Цуриков подошел к нему сзади и толкнул его с обрыва. Тот полетел вниз и, возможно, разбился на смерть. Мы же дети, и все окружающие нас взрослые, воспринимали этот поступок нашего прадеда как героический — поскольку французы являлись в те далекие времена, как захватчики, нашими врагами.

Но существовали рассказы и о еще более далеком прошлом семьи Цуриковых.

Так, в ней из поколения в поколение передавалось утверждение, что Цуриковы были выходцами из Швейцарии, а именно — из города Цюриха, откуда и произошла их фамилия “Цуриковых”. Как ни проблематична была эта версия, следует иметь ввиду, что в каждой легенде и даже в старинной песне кроется некое зерно истины. Как иначе объяснить то, что невежественная и б.ч. [большей частью] безграмотная семья Цуриковых так настаивает на своей связи с далеким иностранным городом? Ведь вполне вероятно, что один из предков Цуриковых, попав когда-то в далекую Россию, был закрепощен каким-нибудь помещиком, что, как известно, и практиковалось в более далекие времена. Имеются даже некоторые косвенные указания на то, в каких именно районах России такое закрепощение швейцарского выходца могло произойти. Едва-ли в центральных, поскольку все знавшие и помнившие Г. М. Цурикова одинаково свидетельствовали, что он “окал”, т.-е. резко отчеканивал звук “о”, что несвойственно подмосковным жителям, но зато неизменно отмечается или отмечалось раньше, у живущих на севере и на Волге. Позднее нам стали известны еще и другие более достоверные данные о возможном иностранном происхождении Цуриковых. Так наш дядя С. М. [Сергей Максимович] Попов (внук Г. М.), проживая до революции на Ивановской фабрике, получил однажды приглашение от одной помещицы приехать к ней в ее поместье, обещая рассказать ему о каких-то интересных данных, касающихся происхождения его предков Цуриковых. Дядя обещал к ней приехать, но так и не собрался до самой Революции, когда и сам был вынужден покинуть навсегда свои родные места. Об этом разговоре с упомянутой помещицей С. М. рассказывал мне лично не раз. Да и внешний облик потомков Цуриковых отнюдь не обнаруживал их крестьянского происхождения. Большинство из них, за малыми исключениями, отличались тонкими чертами лица и небольшими руками и ногами.

Спустя несколько лет после постройки Цуриковым плотины и мельницы на Истре, предприятие его оказалось настолько прибыльным, что он перестал удовлетворяться промывкой чужих сукон и задумал организовать близ Ивановской собственное суконное производство. Однако это ему было недоступно, поскольку он был крепостным и не имел права купить себе соответствующий участок земли. Тогда он вошел в согласие с неким Сырейчиковым [подчеркнуто в оригинале], человеком с некоторыми средствами и независимым. И тогда они начали строить вместе фабрику на месте Коровьего брода. Для организации соответствующих работ ими были приглашены специалисты, в основном, кажется, немцы. Наконец фабрика была в основном готова и начала работать. Дело оказалось стоящим, и доходы Цурикова продолжали расти.

Однако домашний быт Цуриковых оставался прежним. В то время как Сырейчиков построил себе

на месте, купленном для фабрики, каменный особняк из 4-х комнат со всеми удобствами, Г. М. продолжал жить в своей избе в обстановке простого крестьянина. Об этом его быте впоследствии рассказывала молодая дворянка Анна Сергеевна Мингалева (будущая невестка Г. М.), проживавшая в городе Воскресенске близ Нового Иерусалима. Как-то, еще до своего замужества, она проезжая на богомолье в Аносино мимо изб Цуриковых, постучала к ним и попросила дать напиться воды. И вот к ней вышел сын Цурикова П. Г. [Павел Григорьевич] и подал ей ковшик с водой. Это была первая встреча Цуриковых с Мингалевыми. П. Г., пленившись красотой и изяществом Анны Сергеевны, влюбился в нее и тогда же затаил желание жениться на ней, когда он будет владельцем ф-ки, но никому об этом заранее не рассказывал.

Между тем дети Цурикова подрастали и в начале [18]30-х годов сын их Павел (р. 1812) достиг совершеннолетия. Тогда его отец перевел свое дело на его имя. Надо сказать, что как этот Павел Г., так и все его сестры и младший брат Иван были уже давно выкуплены их отцом из крепостной зависимости. Теперь старший сын Павел был причислен к Звенигородскому 3-ей гильдии купечеству.

К 1835 году Г. М. был уже настолько богат, что смог выкупить у Сырейщикова все свое дело на владение фабрикой и сделался ее единоличным владельцем. Постепенно он стал одним из самых богатых и уважаемых лиц Звенигородского уезда, а его сын Павел – богатым женихом. Г.М. был грамотен, и сохранившиеся на его имя письма бывали написаны в самых почтительных выражениях. Однако грамотность его старшего сына оставалась на том же примерно уровне как и его собственная, а все три дочери Г. М. оставались и вовсе неграмотными.

Когда после этого Сырейщиков и его жена уехали совсем с фабрики ([зачеркнуто:] Г. М. переселил в их опустевший особняк свою старшую дочь Александру Григорьевну, которой был тогда 31 год, с ее семьей), Г. М. остался жить с женой и детьми в избах у канавы.

После того как Григорий Михайлович стал единоличным владельцем Ивановской фабрики, он сделал своего сына Павла ее совладельцем; и последний сделался богатым женихом. Тогда Григорий Михайлович стал склоняться к тому, чтобы приблизить его к местному дворянству. Он присватал его к дочери воскресенского домовладельца отставного коллежского асессора Сергея Егоровича Мингалева, проживавшего с пятью человеками детей в этом маленьком заштатном городе рядом с Новоиерусалимским монастырем. Вероятно финансовое положение этой семьи Мингалевых было тогда тяжелым, если она не уклонилась от сватовства ее дочери с Ивановским мужичком.

За период, последовавший за их помолвкой, Павел Григорьевич и Анна Сергеевна стали друг с другом переписываться. В сохранившихся ее письмах к нему, она писала о том “как она скучает по долгу не видя его и как она ждет их свидания”. Сомнительно, конечно, чтобы Анна Сергеевна действительно испытывала к нему какие-нибудь нежные чувства – ведь он не умел держать себя в более или менее культурном обществе ([зачеркнуто:] напр. рыгал за столом и т.п.). Вероятно лица, налаживавшие брак между А.С. и П.Г. прикладывали свою руку к их переписке, и вообще пытались его обтесать.

Ко времени их помолвки Павел Григорьевич уже значительно изменил свой внешний облик. Если его отец, судя по сохранившемуся портрету, продолжал ходить в крестьянской одежде и носить длинную бороду по пояс, то сын уже брил лицо и только сохранял деревенскую шевелюру: свои длинные волосы он расчесывал спереди прямым пробором и подстригал их только сзади под самую кромку глиняного горшка, который с этой целью предварительно надевал на голову: так было принято поступать в деревнях при стрижке волос. Он носил пиджаки, сюртуки и длинные брюки на выпуск. А на голову надевал, когда ехал в Москву, даже цилиндр, который хранил в большом футляре.

В отличие от своего жениха Анна Сергеевна была благовоспитанной светской барышней, получившей хорошее домашнее образование, причем владела французским языком. Венчание П.Г. и А.С. произошло в приходе Цуриковых в церкви села Лужки в 3-х верстах от Ивановской фабрики 16 мая 1837 года.

К этому сроку отец Павла Григорьевича построил для сына и своей “невестки-барыни” отдельный домик напротив своих изб. Это было деревянное строение из 4-х комнат с мезонином, с двумя открытыми террасами и теплой уборной (типа современных подмосковных дач). Вокруг этого домика был разбит сад с цветником. Как видно, Григорий Михайлович считал недостойным для Анны Сергеевны поселить ее в одной из своих изб среди кучи своих детей. Через много лет, в [18]90-х годах, в этом домике стала проводить летние месяцы моя семья.

После свадьбы П. Г. счел своим долгом нанести вместе с молодой женой визит барину своего отца – П.И. Голохвастову. Они поехали к нему в имение Покровское-Рубцово и отвезли ему в подарок большую корзину каких-то очень хороших фруктов. Однако Голохвастов не счел возможным допустить своего бывшего крепостного в свои внутренние покои и принял молодых в передней, хотя до этого Анна Сергеевна бывала принята в его доме и танцевала у него на балах. [...]

Помню, как в 900-х или несколько более поздних годах, к дяде С. М. Попову [...] пришел после венчания в церкви его конторщик В. М. Прохоров с молодой женой. [...] И вот, С. М. так же как когда-то Голохвастов не пустил молодоженов дальше передней, куда и вынес им по рюмке [...] поведение дяди меня поколебало. Да и Прохоров не был крепостным дяди!

Личные отношения между столь разными по своему образованию и привычкам людьми, как Павел Григорьевич и Анна Сергеевна, сложились после свадьбы более благополучно, чем это можно было ожидать. Павел Григорьевич относился к своей молодой жене с неизменным уважением и мягкостью, ласково называл ее “Аннатутенькой”. Анна Сергеевна со своей стороны со свойственным ей тактом никогда не давала своему тестю и другим своим новым родственникам почувствовать свое культурное превосходство над ними. При встречах и прощаниях муж и жена всегда целовали друг другу руки.

Павел Григорьевич охотно пошел на перестройку всего прежнего цуриковского домашнего уклада. Так началась их мирная и в общем благополучная семейная жизнь.

В течение нескольких лет (не менее 6 лет подряд) они прожили в своем особняке против изб Григория Михайловича, а затем приступили к постройке своего комфортного дома перед воротами фабрики. Анна Сергеевна стала возобновлять свои прежние связи с окружающей помещичьей знатью, а принимать ее было негде. О новом доме молодых Цуриковых придется сказать особо и более подробно.

Пока же Анна Сергеевна вела хозяйство, а на фабрике Павел Григорьевич вместе с отцом продолжал совершенствовать суконное производство. В техническую сторону этого дела Анна Сергеевна, конечно, не вмешивалась, но ее стремление к красоте явно сказывалось на обильном украшательстве фабричных строений: карнизы и входы в красные кирпичные корпуса снабжались разделкой из белого кирпича. Высокий деревянный забор вокруг всех зданий фабрики был украшен несколькими красивыми башенками, в одну из которых были вмонтированы часы, которые показывали время еще до первых годов Революции. Все деревянные подсобные строения окрашивались в нежный светло-серый тон с белой разделкой. В итоге Ивановская фабрика получил прозвание “Красавицы фабрики”.

Выход замуж Анны Сергеевны за богатого человека явилось истинным благодеянием для ее семьи. Оба ее брата, Александр и Василий Сергеевичи окончили московский Университет по юридическому факультету; обе ее сестры, Любовь и Софья Сергеевны, поступили и затем окончили Институт Св. Екатерины для благородных девиц в Москве. Одна из них — Любовь Сергеевна — сделала впоследствии классной дамой, а затем и начальницей этого наиболее аристократического женского среднего учебного заведения в Москве.

Очень большое культурное влияние стала она оказывать на всю семью Цуриковых. Так, она позаботилась о том, чтобы научить грамоте младшую сестру своего мужа, Матрону Григорьевну. Последней было тогда 16 лет, и она рисковала остаться такой же неграмотной, как ее сестры. И вот к ней был приглашен какой-то учитель в Покровском-Рубцове – вероятно из церковного причта в Рубцове. Из-за дальнего расстояния Матроне приходилось для получения уроков иногда там проживать у кого-то. Сохранились письма от ее учителя к ее отцу, Григорию Михайловичу. В одном из них он спрашивал, почему Матрена Григорьевна давно не приезжает к нему учиться: “Может быть”, спрашивал он далее, “она уже совсем выучилась или не совсем”? Что понимал этот учитель под словами “совсем выучилась”, не ясно.

Анна Сергеевна пыталась также научить свою золовку игре на рояле, но из этого ничего не вышло. Не помню я также того, чтобы впоследствии наша бабушка (Матрена Григорьевна), хоть когда-нибудь держала в руках книгу: как видно, “она выучилась не совсем”. Но зато она была живой, приветливой, доброй девушкой и всеобщей любимицей.

Строя себе новый дом, Павел Григорьевич и Анна Сергеевна не стали беспокоить старшую сестру Павла Григорьевича Александру Григорьевну Кручинину, и та продолжала спокойно жить в каменном особняке при фабрике, называемом флигелем: сначала жила одна, а потом со своей дочерью Анной Ивановной.

Анна Ивановна в [18]50-х годах вышла замуж за Ивана Яковлевича Сироткина. Последний был до женитьбы на А. Ив. служащим московского магазина Поповых. Такими же служащими стали и их дети – правнуки Григория Михайловича Цурикова. Анна Ивановна Сироткина скончалась от туберкулеза в 1865 году [в возрасте] 24 лет и похоронена на кладбище в с. Лужках. [...]

Я лично бывала в детстве в [18]80-х годах на елке у Соболевых, детей Ал-дры Ивановны (ур. Кручинной) и Егора Афанасьевича Соболевых. Это были люди среднего достатка, едва ли получившие законченное хотя бы среднее образование.

Помню их старшего брата Сергея Егоровича и его сестер (Олимпиаду, Анну и Софию). Олимпиада Егоровна была замужем за известным в Москве фотографом Труновым, державшим свое, может быть первое в Москве, фотоателье на Кузнецком мосту. (Оно было открыто при материальном содействии

бабушки нашей, Матрены Григорьевны; дано Олимпиаде Егоровне, как приданое). На елке мы бывали у детей Анны Егоровны, по мужу Солдатовой.

У Анны Ивановны и Ивана Яковлевича Сиротиных было два сына, Иван и Александр Ивановичи (остальные 2 умерли еще в раннем возрасте). В раннем детстве оба они подолгу жили в Ивановском у своей бабушки Александры Григорьевны и оба – крестники Анны Сергеевны (часто по ее желанию бывали привезены к ней и гостили у нее подолгу). Старший из них – Иван Иванович долго болел в Крыму туберкулезом, от которого затем и умер. Его брат Александр Иванович тоже болел им, но умер много позднее, уже стариком, может быть потому что подолгу жил в Ивановском, сделавшись служащим на фабрике. Так как был крестником Анны Сергеевны, о котором она заботилась, то получил среднее образование в немецкой школе при московской лютеранской церкви Петра и Павла. Он свободно овладел немецким языком, а Цуриковы очень ценили служащих, знавших иностранные языки. Тем не менее в конце концов и он заболел туберкулезом и передал его по наследству своему единственному сыну, после смерти которого и исчезли потомки Григория Михайловича Цурикова по линии Сиротинных. Что касается Соболевых, то их потомки здравствуют и поныне: несколько лет назад мне передали привет от некоего моего якобы родственника художника Соболева [...] Вероятно он был сын Сергея Егоровича, потому что сын Ал-дры Ивановны Соболевой Коля, родившийся в 1853 году, скончался в младенчестве (1856 г.) и похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.

Года через два после женитьбы Павла Григорьевича и Анны Сергеевны в семье Цуриковых была отпразднована еще одна свадьба: была выдана замуж вторая дочь Григория Михайловича, Наталья, 22 лет. Венчание произошло снова в приходе Цуриковых в Лужецкой церкви 14 января 1840 г., а не в Москве в приходе жениха, как это бывало принято. Григорий Михайлович явно становился главой всей семьи и всех ее родственников, как материально наиболее обеспеченный. Этот брак явился некоторой социальной деградацией в семье Цуриковых, поскольку жених был не купец, как брат невесты Павел Григорьевич, а мещанин “Напрудной Слободы” Дмитрий Васильевич Финляндский, названный в церковной книге, вероятно по безграмотности причта, как “Вишлянский”. [...] (Все приведенные справки о социальном принадлежности Цуриковых взяты из церковных записей, выписанных тогда дядей Сергеем Максимовичем Поповым).

После свадьбы молодые Финляндские уехали жить в Москву, где муж Натальи Григорьевны открыл (вероятно при содействии ее отца) суконную торговлю. Впрочем, через некоторое время он ее ликвидировал. Вместо нее его сын Николай Дмитриевич, а впоследствии его внук Павел Никитович (правнук Григория Михайловича) стали владельцами колокольного завода на улице Балчуг и еще дальше – владельцами гостиницы “Москва” на Большой Садовой улице. Такая резкая смена Финляндскими их производственных интересов не вызвала у Цуриковых ни симпатии, ни доверия, что в дальнейшем резко обнаружилось [...] Последняя весть о них я имею в [19]40-х годах нашего века и знаю, что тогда умер последний бездетный Финляндский. Так иссякли последние потомки Г.М. Цурикова и по этой линии.

Достойного себе советника и помощника в торговле Цуриков нашел в лице московского владельца двух суконных магазинов Максима Ефимовича ПОПОВА – нашего будущего деда. Он наезжал на Ивановскую фабрику для покупки сукна и скоро завоевал симпатии отца и сына Цуриковых. Он был сыном мелкого лавочника в городе Бобрики Епифанского уезда Рязанской губернии, торговавший, между прочим, водкой и обучился в свое время грамоте у дьячка. [...]

В дальнейшем Максим Ефимович получил от Цуриковых представительство на все цуриковские сукна, которые приобрели к этому времени известность на всю Россию.

В это время ему было 26 лет, а у Григория Михайловича была дочь на выданы 22 лет – Матрена Григорьевна. Максим Ефимович к ней посватался. Предложение его было принято отцом и молодыми Цуриковыми, Павлом Григорьевичем и Анной Сергеевной. Эта двойная удача (получение представительства на Цуриковские сукна и согласие на брак с младшей дочерью Григория Михайловича) привела его в такой восторг, что, возвращаясь в Москву и переезжая через Истру по броду ниже плотины выстрелил в воздух из ружья.

Этой комбинацией остались недовольны Финляндские: ведь они тоже сделали суконниками, а представительство на цуриковское сукно получили не они, а младший зять. В связи с этим они говорили, что Попов перебил им дорогу.

Венчание нашей бабушки Матрены Григорьевны с нашим дедом Максимом Ефимовичем произошло 29 мая 1843 года, конечно в их приходе в селе “Лужки”. Празднование свадьбы было устроено в домике Павла Григорьевича и Анны Сергеевны против изб Григория Михайловича. [...] После свадьбы молодые Поповы уехали в Москву. [...]

Если Анна Сергеевна лишь косвенно влияя на строительство Ивановской фабрики, смогла все же придать ей исключительно привлекательный вид, то ее тонкий вкус и изобретательность сказались тем более при постройке молодыми Цуриковыми их нового хозяйского дома перед воротами фабрики, где она

была уже почти полной хозяйкой.

Этот дом был поставлен у круто спускавшейся дороги из деревни Ивановской к броду и к избам Григория Михайловича. Дальше за фабрикой дорога тянулась по правому берегу Истры в другие селения. Большой участок земли вокруг дома был отведен под сад и захватывал “Коровий брод”. Этот приусадебный участок был отделен от дороги затейливым деревянным забором. В новом доме имелось 7 больших комнат с высокими потолками и окнами, по типу солидных помещичьих домов. Кухня устроена отдельно в одной из комнат рядом стоявшего домика Александры Григорьевны. Она соединялась с главным домом длинной застекленной галереей. Были проведены водопровод и канализация. Комнаты были затем обновлены добротной мебелью хорошей столярной работы, отчасти мягкой. К дому были пристроены две открытые веранды. Помимо них в верхнем саду были построены две застекленные беседки, которые были обставлены тоже мягкой мебелью. Одна из этих двух беседок была построена на ниже лежащем участке сада, но на высоком и красивом гроте, так что обе беседки оказались стоящими на одном уровне. Из верхнего садика вела вниз крутая дорожка. Внизу же, на ровной площади бывшего коровьего брода был разбит английский сад, из большого числа симметрично расположенных цветочных клумб. А дальше – в конце сада была построена оранжерея. Этот нижний сад оказался на берегу прокопанного канала с водой более чистой чем сама Истра. На этом канале была устроена купальня, тоже очень красивая со стороны ее постройки и раскраски. К ней вел из сада мостик. В общем и целом все окружение дома получилось очень красивым. В этой купальне Анна Сергеевна купалась, а впоследствии купались с детьми Поповы и мы все. Анна Сергеевна при своем купании изгоняла оттуда некоторых своих любимых дворовых собак, так как она не позволяла себе [...] купаться, если это были кобели.

Я не знаю, в котором году был разбит весь этот сад и в частности – когда была построена оранжерея, во всяком не раньше, чем через 7 лет после свадьбы Павла Григорьевича и Анны Сергеевны Я описываю сад Анны Сергеевны в том виде, как я его застала в 1889 г., когда мы стали впервые жить летом в Ивановском. В эти более поздние годы Анна Сергеевна оттуда уже давно уехала, и в ее доме жил наш дядя Сергей Максимович Попов с семьей, который, как я слышала, сохранил и дом и сад в том виде, каким они были при ней и при Павле Григорьевиче. Не знаю, когда были снесены избы Григория Михайловича, так как оранжерея стояла на их месте.

Когда дом Павла Григорьевича и Анны Сергеевны был готов и обставлен, Анна Сергеевна стала принимать к себе окрестную знать. У Цуриковых в их богатом и хлебосольном доме стали бывать, среди окрестных помещиков, даже сыновья бывшего барина Григория Михайловича Цурикова – братья П. и М. [ошибка, братья Павел и Дмитрий] Голохвастовы. Впрочем, говорили, что они бывали в Ивановском не только для того, чтобы сладко поесть и попить, а может быть главным образом для того, чтобы призанять у Цуриковых денег. Всякие съестные продукты более изысканные, им присылали из Москвы, причем систематически привозил их местный лавочник, огородник и возчик Захар Афанасьевич Кухтин. Он же выполнял и разные другие мелкие поручения Анны Сергеевны. Кухтин держал у себя лошадей, на которых при помощи трех своих сыновей, увозил и привозил гостей Цуриковых. Его делом была главным образом доставка в Москву с фабрики цуриковских сукон.

Так как фабрика лежала далеко от Москвы и от железной дороги, то [...] везли сукно в Москву прямо по шоссе на расстоянии всех 50 верст. И я ни разу не слышала, чтобы при перевозке что-либо из сукон пропадало.

Так складывалась и протекала в Ивановском жизнь молодой четы Цуриковых. Они оставались бездетными и потому женитьба Максима Ефимовича на Матрене Григорьевне внесла новое содержание в их жизнь. Личные связи между их домом при фабрике и домом Попова в Москве установились более тесные, чем с другими московскими родственниками, например, с Финляндскими. Каждые полтора-два года у Поповых появлялись новые дети, и у Анны Сергеевны ее неизжитое материнское чувство получало новые объекты для ее забот и ласки. Всего за годы супружества Поповы прижили девять человек детей. Сначала это были сыновья Александр (1844 г.) и Павел (1846), затем дочь Ольга (1847).

В 1846 г. М. Е. Попов купил себе в Москве двухэтажный особняк на Рождественке, в Варсонофьевском переулке (д. № 3). В нем родились уже и Павел и Ольга. Дом был двухэтажный каменный особняк с садом спереди. В нем в последствии с 1887 по 1917 моя семья прожила ровно 30 лет, а с 1846 по 1856 г. Поповы в нем прожили 10 лет. В 1856 году Максим Ефимович купил в Москве себе более обширное владение на Новинском бульваре на углу Кудринского переулочка и площади. С этих годов Цуриковы имели твердую опорную базу при их приездах сюда из Ивановского. Они даже получили для себя особую комнату, в которой постоянно хранился в огромном футляре цилиндр Павла Григорьевича, а вся эта комната стала называться “комнатой дядюшки”.

После 6–7 лет мирной и спокойной жизни в Варсонофьевском пер. семьи Поповых и Цуриковых по-

стигли печальные события: весной 1852 года скончался в Ивановском основатель фабрики – Григорий Михайлович Цуриков на 70-м году жизни. Он умер от воспаления легких после того как простоял всю пасхальную заутреню в церкви в селе Лужки в мокрых сапогах. Похоронен он был в тех же Лужках за церковной оградой. Над его могилой был воздвигнут памятник, который сохранялся еще ряд лет после Революции. Как говорили, Григорий Михайлович скончался в своих избах, прожив в них, таким образом, до конца своей жизни. Возможно, что только тогда эти избы были снесены, а на их месте была построена оранжерея для сада Анны Сергеевны. Где стала проживать после этого его жена, Матрена Онисимовна мне неизвестно. Никаких следов ее могилы не было позднее ни в Лужках, ни в Ивановском, ни в Москве. Да и дата ее смерти (1867 г.) не достоверна. Дата ее рождения где-то точно указана – 15.6.1785.

Случаи смерти среди родственников следовали затем в те годы один за другим.

В 1854 году 4.4 [4 апреля] скончался племянник Матрены Григорьевны и Павла Григорьевича – Алексей Иванович Кручинин, пасынок старшей сестры Александры Григорьевны и Ивана Алексеевича Кручининных, продолжавшей проживать в Ивановском. Этот Кручинин умер молодым и неизвестно от какой болезни в возрасте 31 года. Он, очевидно, жил в Москве, и поэтому его похоронили на Ваганьковском кладбище, где к этому времени Цуриковы и Поповы приобрели большое место, где и стали хоронить всех своих родных. Над могилой Алексея Ивановича воздвигли огромный гранитный памятник, который там стоит и до сих пор.

Спустя не многим более полугодом, 14.1.1855 года рядом с ним похоронили младшего сына Григория Михайловича – Ивана Григорьевича, умершего [в] 25 лет от туберкулеза. На его могиле был поставлен столь же огромный памятник. Я помню его портрет маслом. Это был красивый молодой человек, хорошо одетый. Дядя Сергей Максимович очень дорожил этим портретом – он не сохранил ни одного портрета своего деда Григория Михайловича Цурикова, а портрет его сына просил всех сберечь. В годы Революции [...] Сергей Максимович отвез этот портрет к своей сестре Марии Максимовне Савицкой и просил ее беречь портрет. Портрет этот был хорошего письма маслом; поэтому вероятно он был отобран у нее позднее ее внуками Страментовыми и вероятно затем продан за хорошие деньги. Так он и исчез в неизвестности. Потомства Иван Григорьевич не оставил и таким образом иссякла эта основная линия потомства Цурикова. [...] Но то, что Поповы два раза называли своих детей Иваном, свидетельствует о том, что это делалось в память Ивана Григорьевича Цурикова.

В том же 1856 г. на этом семейном месте был похоронен первый правнук Григорий Михайлович Цуриков – трехлетний Коля Соболев (вероятно сын упомянутого выше Егора Афанасьевича Соболева), умерший 1.12.1856 года. Ему был поставлен также белый мраморный памятник, и место Поповых на Ваганькове было заставлено многими памятниками [...] А так как свободного места на их участке [на Ваганьковском кладбище] больше не осталось, Максим Ефимович решил его законсервировать. Возможно, что Максим Ефимович приступил к этой консервации в середине [18]50-х годов. [...]

После смерти Григория Михайловича его сын, Павел Григорьевич сделался главой и до известной степени вершителем судеб обеих родственных семей – Поповых и Цуриковых, в Москве и Ивановском.

На фабрике он проявлял некоторое самодурство: самолично раздавал жалование рабочим, причем нередко совершенно произвольно. Никаких записей он при этой раздаче зарплаты не вел и вся отчетность на Ивановской фабрике стояла там, как говорилось, даже ниже, чем при его отце, Григории Михайловиче. Когда ему на это указывали, он говорил, что “всякая бухгалтерия у меня – в кармане”. В отношении служащих – мастеров-немцев, он себе этого не позволял, так как они были все-таки иностранцы, да и немцы представляли из себя несколько замкнутый кружок, личный контакт с хозяевами ограничивался сферой производства и их редкими визитами к хозяевам вместе со своими семьями по большим праздникам. Знала я всех этих Кенишей, Шенейхов и Вейсов, главным образом только в лицо: с русскими служащими они не сливались.

Анна Сергеевна оставалась далекой и от тех и от других и занималась на фабрике главным образом ее украшательством, а Павел Григорьевич – помимо производства и продажи сукна занимался скупкой соседних поместий и лесов (для отопления фабрики), и усердным храмостроительством. Он совершил далекое паломничество в Старый Иерусалим, который находился тогда на территории, принадлежащей Турции и сделал там много пожертвований в пользу православной церкви. Он позолотил огромный купол главного храма в Новом Иерусалиме. Наконец он построил в 1868 в Ивановском церковь. Место для нее было выбрано (вероятно по совету все той же Анны Сергеевны) исключительно удачно – на продолжении Ивановской горы как раз над новым домом Цуриковых в 1 версте от деревни. Ее белая колокольня была видна издали, и звон ее колоколов бывал порою слышен за несколько верст. От церкви спускалась вниз крутая чугунная лестница чуть ли не прямо к крыльцу Цуриковых. Сзади нее были построены дома для причта (так называемая “Поповка”), а рядом — церковно-приходская школа. [...]

Сохранилась фотография тех лет, изображающая обоих старших сыновей Поповых вместе с мужей их

двоюродной сестры – Иваном Яковлевичем Сиротининым. Сзади штамп петербургского фото. По моим данным эти оба мальчика учились в те годы в средней немецкой школе при петербургской лютеранской церкви. Вероятно Иван Яковлевич посещал их там по поручению их родителей, а может быть он возил их туда. [...]

Его розничный магазин на Тверской, открытый еще в 1847 г., был теперь известен всем в Москве и далеко за ее пределами. Это зависело в значительной степени от того, что Максим Ефимович имел представительство от Ивановской фабрики, а высокое качество Цуриковских сукон получило признание на международной промышленной выставке в Вене в 1867 г. Максим Ефимович сам ездил на эту выставку, а оттуда съездил еще и в Лондон.

Но все же главой семьи оставался Павел Григорьевич Цуриков. Ни одно важное решение в семье Поповых не принималось без санкции Павла Григорьевича, а если принималось, то вызывало неудовольствие последнего. Такие неприятности возникли при каждой помолвке старших детей Поповых. [...]

Не меньшее, если не большее неудовольствие вызвала у Павла Григорьевича помолвка моих отца и матери. Он считал совершенно недопустимым выход замуж дочери Максима Ефимовича Попова за его бывшего приказчика [...] Павлу Григорьевичу было далеко не по душе и то, что мать нашего отца была актриса. В итоге наши родители получили разрешение обвенчаться лишь через несколько лет после их помолвки, а именно после смерти Павла Григорьевича в 1878 г. [...]

В 1878 г. там [в Ивановском] скончался Павел Григорьевич Цуриков. Умер он далеко не таким старым, а именно 66 лет. Умер ли он внезапно или перед тем долго болел, и от какой болезни умер, мне неизвестно. Погребен он был в Ивановской церкви причем над его могилой было воздвигнуто мраморное надгробие. Все свое имущество, фабрику и все землевладения он оставил по завещанию своей жене Анне Сергеевне. Деньгами он оставил ей свыше одного миллиона рублей. Оставшись одной, она вероятно растерялась, так как была совершенно не знакома с суконным производством. У нее имелся только один выход: выдать полную доверенность на ведение всего дела на фабрике своему деверю, мужу нашей бабушки – Максиму Ефимовичу Попову.

Обязанности, принятые на себя при этом Максимом Ефимовичем, оказались далеко не простыми и не легкими. При Павле Григорьевиче это дело было проще: хозяин жил при фабрике, и вся ее работа протекала под неослабным его надзором. Выше я уже упоминала о том, что Павел Григорьевич распоряжался на ней совершенно своевольно и произвольно и даже зарплату выдавал рабочим самолично и произвольно. Понятно, что узнав о смерти хозяина, рабочие учинили какой-то “бунт”, потребовав какого-то увеличения расценок. Какую форму принял этот “бунт”, мне неизвестно. Знаю только, что фабрика продолжала работать, а Максим Ефимович ею управлять. Ведь он продолжал проживать в Москве и на фабрику только временами [мог] наезжать. А проезд туда был не таким простым: около одного часа езды по Николаевской ж.д. до станции “Крюково”, а оттуда 20 верст до Ивановской фабрики на лошадах. Иногда дед ездил туда на лошадах прямо из Москвы. Но не только это являлось для Максима Ефимовича наиболее затруднительным, а и то, что Анна Сергеевна сопротивлялась всем нововведениям, как например смене на фабрике машин и др. Она предпочитала, чтобы все на фабрике оставалось таким же неизменным, как это было при Павле Григорьевиче. Однако отказаться от управления фабрикой Максим Ефимович тоже не мог, так как от нее зависело благополучие его суконной торговли в Москве. В таком неопределенном положении дело тянулось около 10 лет подряд. Наконец Максим Ефимович решился на дальнейший неизбежный шаг: он предложил Анне Сергеевне купить у нее всю фабрику и все окружающие ее поместья.

Нельзя не признать, что те условия покупки, которые он предложил Анне Сергеевне, были весьма жесткими: наличными деньгами лишь 250 тысяч рублей, а 500 тысяч векселями, которые еще предстояло предъявить ко взысканию. Максим Ефимович и сам понимал несоответствие этих условий с фактической ценностью фабрики, почему и не представил этих условий самолично, но передал Анне Сергеевне через своего старшего сына Александра Максимовича. Последний поехал с поручением отца к Анне Сергеевне в Ивановское, на которое она была вынуждена безоговорочно согласиться. Дядя Александр Максимович рассказывал затем своим близким (в том числе и моей матери), что он сгорел от стыда, предъявляя такие условия Анне Сергеевне. Она была поражена и оскорблена, на все согласилась и уехала из Ивановского навсегда, чтобы уже никогда туда не возвращаться. Она переехала в г. Воскресенск, где ею (а может быть, и раньше Павлом Григорьевичем) были построены три дома между монастырем и городом: один — самый большой для нее самой, другой поменьше для ее сестры Любови Сергеевны, бывшей начальницы Екатерининского института, вышедшей в отставку, и третий небольшой (родительский был перестроен) для их сестры — Софьи Сергеевны. Там она прожила безвыездно до 1907 года, когда умерла и была похоронена во дворе Новоиерусалимского монастыря.

В 1887 году умерла в Ивановском Александра Григорьевна Кручинина, старшая дочь Григория Михайловича Цурикова. Так вымер без потомства весь его род. [...]

6. Статьи в дореволюционных периодических изданиях

(15 статей из журнала “Московские Епархиальные ведомости” и газеты “Московские ведомости”).

Освящение сельского храма¹² [в Аксиньино, 1870]

23 августа сего года в селе Аксиньино Звенигородского уезда происходило освящение двух приделов новоосуженного храма, заложенного по благословению в Бозе почившаго Митрополита Филарета 25 мая 1865 года. Крайняя необходимость вызвала постройку храма вместо прежнего деревянного. Ветхий, развалившийся, он стоял на крутом и сыпучем берегу Москвы реки, и каждый разлив ее, отмывая берег, обнажал могилы древнепогребенных около церкви, современников ее давно минувшаго процветания. И вот, через 5 лет после закладки, возвысилось величественное здание нового каменного храма, на новом и более устойчивом месте, при выезде из села близ дороги ведущей в Саввин Сторожевский монастырь. Крайняя нужда в постройке храма вызвала другую крайность, заставив начать его постройку при сумме в 2700 руб. серебром церковных денег, сумме далеко не обещавшей скорого и утешительного результата, особенно в виду бедности приходского населения, решившегося помогать строению церкви только одною подвозкою строительных материалов, на денежную же поддержку коего рассчитывать было по всей справедливости невозможно. Уже в первый год стройки церковная сумма истощилась, и будущее грозило остановкою на неопределенное время, но Бог не оставил без своей помощи доброго дела. Усердной просьбе местного священника, а более совершенно беспомощному положению строящейся церкви, внял потомственный почетный гражданин Павел Григорьевич Цуриков, и решился взять на свое иждивение окончательное достроение начатаго святого храма. Нет нужды говорить, что с сих пор работы пошли правильно и безостановочно. В 1867 году каменная вкладка церкви окончилась, крыши покрыты железом и окрашены, на куполах церкви и колокольни засияли великолепно отделанные, золоченные через огонь кресты. В 1869 г. внутренность трапезной церкви оштукатурена и окрашена. Изящно отделанные иконостасы, работы г. Соколова, и прекрасно исполненные г-м Мининым иконы, сделали внутренний вид церкви до того благолепным, что трапезная церковь может соперничать не с одною из столичных церквей. В начале августа сего года все потребное к освящению двух приделов было готово и получено от Его Высокопреосвященства дозволение освятить оные. Накануне освящения, в 6 часов вечера, пожертвованный г. Цуриковым ко дню освящения храма колокол возвестил начало всенащного бдения, и новоосуженный храм огласился стройным пением отлично организованного, собственно г. Цурикова, хора певчих, прибывших из села Ивановскаго, места жительства г. Цурикова. Вечером храм был иллюминирован по архитектурным линиям, что совершенно удалось при теплой и безветренной погоде, и долго за полночь народ любовался этим редким в наших краях зрелищем. В воскресенье 23 числа, пред ранней литургией, было совершено освящение придела во имя святителя Николая, местным благочинным, священником села Ивановскаго Г.Н. [правильно: Н. М. – Николай Мефодиевич] Волхонским, а перед поздней литургией совершено освящение другого придела во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, о. игуменом Саввино-сторожевского монастыря Галактионом. По окончании литургии, счастливые и благодарные прихожане, при многочисленном стечении народа поднесли г. Цурикову икону св. Николая, при чем местным священником была произнесена речь, выразившая и важность жертвы г. Цурикова, и признательность за оную прихожан, признательность, которую они заповедают своим потомкам.

Торжество заключилось предложенным г. Цуриковым, в доме священника, прекрасно сервированным обедом, на который кроме духовенства были приглашены почетнейшие из посетителей. В продолжение обеда были произнесены многолетия Царствующему дому, Святейшему Синоду, Высокопреосвященнейшему Иннокентию Митрополиту Московскому, и преосвященнейшему Леониду епископу Дмитровскому, и строителям церкви потомственному почетному гражданину и кавалеру Павлу Григорьевичу и супруге его Анне Сергеевне Цуриковым. Так окончился достопамятный и торжественный для села Аксиньино день 23 августа. Звенигородского уезда, села Аксиньино священник Михаил Соколов.

Корреспонденция из Воскресенска. Освящение нового училищного дома¹³, [1872]

28 ноября прошедшаго года, торжественно совершено освящение нового училищного дома в заштатном г. Воскресенске, устроенного иждивением Павла Григорьевича Цурикова. В августе месяце 1870 года г. Цуриков добровольно и с радушием принял на себя попечение над Воскресенским училищем по просьбе жителей г. Воскресенска, которые по небогатому состоянию, вследствие отказа

прежнего попечителя, г. Чикина, едва ли могли бы поддержать училище в прежнем порядке. В феврале месяце прошедшего 1871 года училищный дом вместе со всем училищным имуществом подвергся пожару. Попечитель училища немедленно под училище нанял дом, в котором дети обучались по-прежнему до 26 ноября 1871 года. В течение этого времени его изживением и на его же земле устроен дом с отличным помещением для класса и для учителя, и прекрасно обмеллирован. По прочности материала и красоте отделки он справедливо быть назван лучшим домом в Воскресенске.

Для совершения освящения нового дома попечителем приглашены были три священника приходских церквей: Успенской, при его суконной фабрике, благочинный о. Иаков Волхонский, Троицкой, в селе Троицком при р. Истра, о. Савва Нечаев (он и законоучитель упомянутого училища) и местный Воскресенский – Сергей Холмогоров. Торжественно началось служением литургии местным священником, во время которой молились Богу все учащиеся вместе с своим учителем. После литургии несколько икон крестным ходом в сопровождении священника с крестом при колокольном звоне учащимися перенесены были из храма в училищный дом, во вратах которого ход был встречен другим священником в облачении и с крестом. Для духовного торжества все было приготовлено в обширной классной комнате, где уже стояли сам попечитель, г. мировой судья, чины полиции, градский голова с членами думы и др. благородные лица, временно проживающие в Воскресенске, и много жителей Воскресенска и родителей учащихся. Совершено было водоосвящение, отслужено несколько молебнов, на которых пел стройный хор г. Цурикова, законоучителем отслужен был последний молебен “перед учением”, который пели общим хором все учащиеся под руководством местного псаломщика, который при училище состоит учителем пения. О. Савва сказал хорошую речь, тронувшую до слез многих и особенно самого попечителя. Провозглашено было многолетие Государю Императору с Августейшим семейством, Высокопреосвященнейшему Митрополиту Иннокентию и Преосвященнейшему епископу Леониду, г. попечителю училища с супругою, учащим и учащимся. Наконец, все поздравляли и благодарили благотворителя, кто чем и как мог. Градский голова и староста местной церкви поднесли попечителю хлеб-соль.

На обеде, данном попечителем для всех почетных лиц, бывших на освящении, г. попечитель обратился к градскому голове с следующими словами: деньги, полученные мною из страхового общества за сгоревший училищный дом и за проданную училищную землю (около 2000) я жертвую в пользу училища и желаю их обратить в билет, с тем чтобы он хранился в думе и процентами с него пользовался законоучитель в виде жалования. Так праздник освящения дома, устроенного благотворением, заключен еще новым благодеянием со стороны одного и того же благотворителя. У.Т.

Церковные торжества в Звенигородском уезде¹⁴ [в Саввинской Слободе, 1872]

Торжественные религиозные церемонии, время от времени совершающиеся в разных местах Звенигородского уезда, обильно удовлетворяют духовной потребности населения, возвышая и поддерживая религиозный строй духа в массе народной. Эти, поражающая громадным стечением народа, церемонии, бывают по случаю освящений и закладок храмов, поднятия на них крестов, колоколов и т.п. Никогда еще не было столько построек, поправок и украшений храмов в нашем, сравнительно бедном, краю, как в настоящее время, когда почти все церковные постройки производятся с помощью замечательного благотворителя, потомствен. дворянина Павла Григорьевича Цурикова. Его обильная материальная помощь является всюду, где только дойдет дело до вопиющих нужд, а этих нужд в бедном краю столько же, сколько церквей, обществ и семейств, слабых материальными средствами. Про его благотворения частным лицам и семействам мы не говорим, они безчисленны, как в самом деле безчисленны нужды населения, происходящие или от неожиданных несчастных случайностей, или просто от других обстоятельств; мы и не имеем права говорить о них, не нарушая пределов скромности и щадя христианское чувство смирения благотворителя. Мы говорим о том, что совершается на глазах всех и не может быть скрыто. Мы видим, что там, где был, напр., поврежден иконостас, является новый изящный и прочный, где была крайняя нужда в необходимой церковной утвари, там она восполнена с избытком, где недоставало средств на устройство ограды, она устроена, где не было у причтов домов, там они устроены, где бедное сельское общество с грустью взирало на полузгнивший деревянный храм, время постройки коего затерялось в глубокой древности, и где отстоять в зимнее время обедню было почти подвигом, там воздвигнут новый каменный храм, своим благолепием превзошедший самые смелые ожидания счастливых и благодарных прихожан. Почти одновременно сооружаются новые каменные храмы в селах: Аксиньине, Засекине, Локотне, вместо ветхих деревянных, и все это или пря-

мо на счет Павла Григорьевича, или с значительным пособием от него, пособием, без которого до-
строение храмов было бы невозможно.

5-го числа сего июня мы видели основание храма в Саввинских Подмонастырных Слободах, иначе
называемое закладкою. Место для постройки выбрано близ старой церкви, в нескольких саженьях от
нея и от большой дороги. Храм предположен трех-престольный, престолы расположены в ряд на пря-
мой линии, и главный из них предположен во имя Пр. Богородицы, правый во имя св. Николая, левый пр.
Саввы Сторожевского. [...] Так, мало по малу, упраздняются в нашем уезде деревянные храмы, скоро
обещая быть археологическою редкостью. На месте их являются новые, один другого краше, один дру-
гаго благолепнее; но венец всех храмовых построек в Звенигородском уезде, это храм в с. Ивановском,
имени г. Цурикова, освященный в 1868 году Высокопреосвященнейшим Иннокентием Митрополитом
Московским, в сослужении с преосвященнейшим Леонидом и преосвященнейшим Петром. Храм соору-
жен во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения, и по изяществу отделки не имеет
себе ничего подобного в провинции и весьма мало в столицах. [...] С. Аксиньино. 10 июня. С. М. Соколов.

Внутреннее обозрение¹⁵ [новое училище при Ивановской фабрике, 1875]

Известный благотворитель православных церквей, Статский Советник Павел Григорьевич г.
Цуриков, в 1868 году устроив при своей суконной фабрике новый храм, не замедлил в то же время
открыть при церкви и училище для сельских детей, в котором до сего 1875 года ежегодно обуча-
лось до 40 человек учеников. В настоящее время г. Цуриков, движимый христианской любовью к
детям, вновь устроил, на каменном фундаменте и крытое железом, обширное и красивое помеще-
ние для училища, в котором с удобностию может поместиться до 80 человек. Это новое училище
тем благодетельнее для нашей, скудной средствами образования для крестьян, местности, что
оно, при своей обширности, дает возможность обучаться в нем грамоте детям и других ближай-
ших к нам приходов. Для обучения детей, кроме законоучителя приходского священника, г. Цурико-
вым за приличное вознаграждение приглашен учитель, из окончивших курс Рязанской семинарии,
известный Звенигородскому училищному совету. Прежняя же школа, после внутренней переделки,
обращена в квартиру для учителя и снабжена необходимою и приличною мебелью.

7-го сентября, в воскресный день, пред освящением нового училища совершена была местным свя-
щенником Божественная литургия, к слушанию которой, кроме храмоздателя и попечителя с супру-
гою, собрались родители с детьми и многие другие посетители. За литургиею местным священником
И. В. сказано было слово “о пользе грамотности”. По окончании литургии попечитель с супругою, ро-
дители с детьми и все предстоявшие в храме, в преднесении св. икон и в предшествии священника со св.
крестом, при колокольном звоне направились в новоустроенное училищное здание. Здесь совершено бы-
ло с водоосвящением молебствие, при окончании которого местный священник сказал речь. За тем
провозглашено было многолетие Государю Императору, Святейшему Синоду, Высокопреосвященней-
шему Митрополиту Иннокентию, Преосвященнейшему Епископу Дмитровскому Леониду, основателю
и попечителю училища Болярину Павлу Григорьевичу и супруге его Анне Сергеевне, учащим и учащимся
и всем православным христианам. Когда г. Цуриков подходил к кресту, благодарные прихожане под-
несли ему икону Спасителя и усердно благодарили его за отеческое попечение его о детях их. По окон-
чании этого духовного торжества некоторые из присутствовавших при сем основателем и попечите-
лем новооткрытого училища радушно приглашены были в дом к обеденному столу.

Речь, произнесенная при открытии училища. Почтеннейшие посетители!

[...] И ближайший к нам заштатный город Воскресенск ему же [П. Г. Цурикову – Авт.] обязан
своим прекрасным, вполне обезпеченным в средствах обучения школьным помещением, в котором
обучаются дети местного населения. От него получают пособия и другие училища в нашем уезде.
Так он не щадит своего достояния для христианского обучения детей, зная, что воспитание в духе
православной веры служит верным залогом семейного счастья и общественного благосостояния.
Посему сей день благотворения невольно возбуждает уважение и благодарность самую искреннюю
к основателю сей школы, которым она и будет содержаться. Не одна сотня детей, отцев и мате-
рей будет благословлять имя благотворителя.

Доселе жители окрестных селений, по недостатку средств не имея вблизи школ, при всем жела-
нии обучать детей своих грамоте, не могли пользоваться сим счастьем: теперь это желание испол-
нилось. Благодаря христианской любви и усердию храмоздателя нашего, многие из детей получают в

сей школе познание о Боге, славимом во св. Троице, научатся молиться Богу с сознанием и с понятием, научатся отличать истину от лжи, святую веру — от суеверий и предразсудков, добро от зла, полезное от вредного, добродетель от порока и другими полезны познаниями просветят ум свой. [...]

Из заштатного города Воскресенска¹⁶, [утепление Вознесенской церкви, 1876]

Нынешний 1876 год в летописи Вознесенской, заштатного города Воскресенска, церкви останется навсегда достопамятным, как год полного всестороннего исправления и поновления сего храма, — такого поновления, какое прежде едва ли он когда-либо видел во все время своего 70-летнего существования. [...]

Воскресенское городское общество имеет счастье считать в числе своих сограждан всем известного (не только в Звенигородском уезде, но и далеко за пределами его) щедрого благотворителя меньшей братии Христовой, а с тем вместе ревностного опытного благоукрасителя св. храмов Божиих, статского советника Павла Григорьевича Цурикова. И по рождению своему и по месту жительства (Ивановская суконная фабрика 8 верст от Воскресенска), принадлежа Звенигородскому уезду, он для целого уезда незаменимый отец и благодетель, видимое сильное и для всех доступное орудие невидимой всесильной десницы Отца Небесного в делах благотворения и явных и тайных; жители города Воскресенска все — от малаго до старого — пользуются его постоянными благодеяниями; так, для детей своих сограждан он содержит приходское, в городе, училище, которого и состоит попечителем; до 75 человек мальчиков и девочек, обучающиеся в нем, получают от своего попечителя все учебныя принадлежности, летнюю одежду и щедрыя денежныя награды; для них содержит он законоучителя и двух наставников русского языка и пения. Новый дом (10 сажень длины и 5 саж. ширины), выстроенный под училище на собственной земле попечителя, один из лучших домов в городе, уступлен им вместе с находящеюся под ним землею в собственность города; что касается бедных и престарелых Воскресенских жителей, то все они получают от своего благодетеля немного что не ежемесячное пособие. Да едва ли есть во всем уезде хоть одно селение, или хоть одна приходская община, жители из которых не обращались бы к этому благотворителю с своими разнообразными нуждами, и обратившись ушли бы от него, не получивши или нужного совета, или возможного содействия, или посильной помощи для себя лично, или для своей приходской церкви. Что же касается ближайших к городу Воскресенску приходских сельских церквей, то все оне [сноска:] Церкви Ильинская на Городищах, Покровская в с. Рубцове, Преображенская в с. Никулине, Петропавловская в с. Дарне) поновлены и украшены преимущественно его усердием; есть и теперь в уезде храмы, которые строятся или поновляются также преимущественно на иждивение этого же благотворителя, сверх соборного храма Новоиерусалимской обители, капитальное возобновление коего и теперь еще продолжается, исключительно опять на средства этого неистощимаго в средствах и усердии ктитора святых храмов и обителей, Павла Григорьевича Цурикова. Ему же Бог судил быть орудием возобновления и украшения соседняго с обителию Воскресенскою небольшого храма Вознесения Господня в городе Воскресенске.

Прихожане этой церкви, прежде чем решиться на означенную перестройку существующей трапезной церкви, поставили себе долгом обратиться и обратились за советом и содействием в настоящем новом для них деле, к своему щедрому благотворителю. С полным вниманием и искренним участием выслушав усердную просьбу своих сограждан, он нашел предположенную ими перестройку трапезы делом преждевременным и не необходимым; не отказываясь, впрочем, от участия в нем, он советовал им, с своей стороны, вместо этого, воспользоваться, прежде всего, готовым помещением настоящей холодной церкви, обративши ее, посредством устройства духовой печи, в теплую и таким образом увеличить помещение в храме; и только тогда, когда всего этого помещения настоящей с трапезою будет недостаточно, приступить уже к распространению последней. А чтобы скорее и больше расположить своих сограждан к принятию этого высказаннаго предложения, он рассчитал им по плану, что и новая трапеза даст им помещения не больше того, как и ныне существующая вместе с настоящею, между тем как для постройки новой и времени и средств потребуетсся несравненно больше чем на это дело, то есть на устройство духовой печи в храме и на приспособление настоящей церкви к отоплению, — и все время этой постройки, следовательно года два или три прихожане еще гораздо больше, чем теперь, должны будут стесниться помещением в храме, которое и теперь так много наскучило им, тогда как в данном случае, при обращении настоящей холодной церкви в теплую, этого неудобства почти вовсе не придется им видеть, и что, наконец устройство

духовой печи в храме, в том и другом случае (для постоянного ли обращения настоящей церкви в теплую с нынешнею трапезою, или только на время постройки новой трапезы, чтобы возможно и удобно было в настоящей совершать богослужение зимою) есть дело одинаково неотложно нужное, и что, следовательно, с него и нужно начинать теперь благоустройство храма.

Выслушав такой практически верный взгляд на это дело, сколько щедрого, столько же и опытного благотворителя (который нисколько не стесняясь прихожан в выборе способа распространения помещения в храме, указывал им только вернейший и удобнейший путь достигнуть этого), прихожане не могли, конечно, не убедиться в практичности этого способа и не могли, поэтому, не согласиться принять его прежде всего. А как скоро принят был ими этот способ увеличения помещения в храме, и затем получено было разрешение начальства на устройство духовой печи для всего храма и на возобновление внутренности храма, – щедрый благотворитель не замедлил явиться с своим содействием; прежде всего им пожертвовано было две тысячи рублей на устройство духовой печи в храме; при его участии был найден и подряжен за сходную цену опытный печной мастер; потом, когда потребовался кирпич на устройство камеры для духовой печи под трапезою, которого заранее не было заготовлено при церкви и которого за сходную цену нельзя было приобрести нигде вблизи города Воскресенска, он же уступил безвозмездно на это дело сорок тысяч собственного кирпича, заготовленного им на постройку своего дома в Воскресенске. И все время производства этих работ в храме, не было недели, чтобы он по крайней мере одного раза в течение ее не побывал на этих работах, содействуя своею опытностью и личным наблюдением правильному, прочному и скорому окончанию их. Так, в один из таких своих приездов для осмотра работы в храме, заметивши, что новые рамы и двери для церкви все еще не делаются за неимением нужного материала и рабочих рук, он тут же взял это дело на свои руки; таким образом все новые двойные рамы и двери с колодами на всю церковь устроены опять его же иждивением и у него же на фабрике и скоро и прочно.

Осенью прошедшего года, когда устроена была духовая печь, поставлены были на место новые двойные с колодами рамы и двери, готов был и новый, из Подольского плитняка пол в трапезную церковь, и когда таким образом все черные земляные работы были окончены и церковь стала вся теплою, тогда приступлено было к внутреннему возобновлению храма, именно: начались промывка и поновление стенной живописи, возобновление иконостасов и золоченой резьбы на них; промывка и поновление икон, каковыя работы производились почти всю зиму до самой весны нынешнего года. И в этом деле внутреннего украшения храма щедрый благотворитель принял опять искреннее участие, именно: больше шестисот рублей пожертвовал наличными деньгами и, сверх того, принял на себя еще вновь позолоту царских дверей настоящей церкви, позолоту двух больших риз на местных иконах, принесши от себя в дар этой храмовой святыне две серебропозлащенные 84 пробы большие лампадки; и этим, впрочем, все-таки не ограничилось его усердие к обновляемому храму; как скоро заметил, что паникадило, находящееся в трапезной церкви слишком мало, бедно и не может служить украшением возобновленного храма, пожертвовал, вместо его, другое новое, вызолоченое, красивой формы, а в недавнее время украсил также позолотою и большое паникадило настоящей церкви. Если бы все эти работы, по возобновлению и украшению храма, производились на одне церковные средства и без наблюдения опытного блюстителя, то и средств этих наличных церковных (которые теперь почти все сбережены) было бы тогда далеко недостаточно, и самые работы не могли бы идти так успешно, правильно и отчетливо, как они велись теперь, при внимательном надзоре неугомиаго благотворителя.

В половине великаго поста внутренняя отделка храма стала приходить к концу; все с нетерпением ждали окончания этих работ; всем, в особенности, желательно было встретить приближавшейся Светлый праздник в отделанном и обновленном уже храме; а так как оставалось не больше двух недель до этого праздника, когда главные работы по возобновлению храма были окончены и когда, следовательно, можно было совершить духовное торжество обновления храма: то и другого более приличного времени для этого праздника нельзя было избрать, кроме недели Ваий. Таким образом день праздника торжественного входа Господня в Иерусалим был днем торжества обновления храма, настоящий другой Светлый праздник для целого прихода. Щедрый благодетель хотя и почтил этот праздник своим присутствием, но, по свойственной ему скромности, прибыл на него, не как главный виновник этого торжества, а скорее как простой усердный посетитель, или лучше, как дорогой желанный гость, чтобы принять участие в празднике прихожан храма, разделить духовную радость с своими согражданами, в деле которых, по их же просьбе, Бог привел его принять лишь маленькое участие.

Божественная литургия в этот день совершена была соборно при участии двух соседних священников и при пении хора певчих, которых тот же благотворитель давно уже содержит от себя при этом храме и так много украшает прекрасным пением праздничное богослужение для своих сограждан; при конце литургии было сказано, в обычное время, приходским священником приличное случаю слово; по окончании молебна поднесена была виновнику торжества в благословение и залог милостей Отца Небесного св. икона; городской голова с согражданами много благодарил щедрого благотворителя за все его искреннее участие, за все труды и пожертвования на возобновление их приходского храма; принимая от них хлеб-соль, любвеобильный благотворитель с своей стороны, поздравлял их всех с обновлением их приходского храма, благодарил Бога, что Он привел ему сделать еще хоть одно маленькое доброе дело для своих сограждан и пожелал еще большего благолепия обновленному их приходскому храму. По выходе из храма, он не отказался разделить в доме священника вместе с своими согражданами скромную праздничную хлеб-соль; всех здесь нашел своим ласковым словом, всех утешил своею сердечною любовью и отправился, напутствуемый молитвами и благожеланиями всех – всего благодетельствованного им прихода. [...] В. Ж. 1876 год, августа 28 дня. Воскресенский житель.

П. Г. Цуриков. (Некролог)¹⁷, [1878]

Пятого сего января скончался известный благотворитель и друг человечества действительный статский советник Павел Григорьевич Цуриков. Искренние сожаления и теплые молитвы всего уезда проводили Павла Григорьевича за пределы гроба. Покойный принадлежал к очень редким и крупным благотворителям человечества и пользовался громадной популярностью, которую доставили ему и неисчислимая сумма его благотворений, и его обширный светлый ум, и благородное теплое сердце. Как деятель и благотворитель, Павел Григорьевич был вообще первым лицом в уезде, поэтому утрата его почувствуется во всех сферах провинциальной деятельности уезда, где ни одно крупное и доброе дело не обходилось или без его совета, участия, направления или материальной помощи. Ни одна постройка церкви в уезде не обходилась без его практических советов и обильной материальной помощи. Несколько сельских школ обязаны ему своим существованием и вещественным и духовным процветанием. Нельзя сказать, чтобы благотворительность покойного была направлена исключительно на одну какую-нибудь излюбленную сторону местных потребностей и нужд, – она была неограниченна как неограниченны роды и виды благотворений и как безгранична самая потребность в благотворении. Его имение было центром, к которому с надеждой в сердце и плелись ежедневно бедность и убожество всего уезда, и утешенные возвращались, благословляя его имя, и не бедность, но даже достаточность всегда непременно с какими-нибудь непредвиденными случайными нуждами, в удовлетворении которых покойный находил для себя истинное счастье; стремилось к нему и все мыслящее, деятельное, что требовало опытной разработки возникшего вопроса или нового дела. В этих случаях советы раз данные П. Г. никогда не были ошибочны, тут замечательный природный ум покойного умел торжествовать над всем, что так охотно и любовно предлагалось на его разрешение. В нашем уезде не было человека, имя которого бы еще при жизни переходило из уст в уста с искренними благодарностями, удивлением, благословениями. Нет, русский крестьянин, русская женщина, целые общества сельские и заолустные деревенские относились к нему с непоколебимым доверием и безграничной любовью. В убогих хижинах его знал и стар и мал; в среде торговой Павел Григорьевич как коммерсант был известен как в высшей степени честный и безукоризненный деятель; в кругу чиновном все относились к нему с любовью и уважением; из высшей интеллигенции уезда около П. Г. группировалось все почетное, именитое и даровитое; духовенство не может забыть его благотворений. Общим столицам нашим П. Г. достаточно известен, но помощь его являлась и во многих краях нашего отечества. Звенигород, 8 января. С. М. С.

[...] **Слово при погребении действительного статского советника Павла Григорьевича Цурикова, января 8 дня в селе Ивановском Звенигородского уезда.** Возлюбленные братие, не стало более нашего храмоздателя, попечителя и благотворителя церковей божиих, питателя сирот и убогих. Куда ты идешь, скажем ему, оставляя нас, душою и сердцем тебе преданных. Поистине нет ни одного и из предстоящих zde и из отсутствующих по благословной вине, который бы не исполнен был скорби при разлуке с тобою! Сердца всех нас единогласно зывают к тебе: почто ты нас оставляешь? Куда ты вземлешься от нас? [...]

Великий радатель всякого полезного для церкви святого дела, усопший раб Божий Павел не пропускал почти ни одной литургии, всегда приходил к началу оной. В последний раз он пришел в церковь Бо-

жию, в день храмового праздника, великаго угодника Божия Николая чудотворца. Изнемогая от болезни, и не будучи в состоянии стоять, он склонился на колена, и в слезном сознании пред Богом грехов своих вольных и невольных, отдавался любви Божией, в воздыхании душевнаго Богохваления, в сладком забытии всего земнаго, в полноте умиления сердца, молился весь погруженный в помышления и ощущение небесныя. Выходя из храма, по обыкновению, он своими руками роздал милостыню нищим.

С тех пор усиливающаяся болезнь не позволила ему уже быть в храме Господнем и вот теперь, еще раз, он является в любимый им храм Господень, но является бездыханным и безмолвным.

Други мои, какая для нас великая потеря! Каких благотворений, каких приношений он ни учинил при жизни своей! Не моей духовной скудости описывать все его дела милосердия к бедствующим и нуждающимся! Он помогал целым селениям в их нуждах и бедствиях. Разорился ли кто от пожара? Всякой прямо шел к нему за верною посильною помощью. Всем умершим, без различия, от него отпускались гробы, без всякой платы, и сколько за эти благодеяния было призываемо от народа на него благословений Божиих! Можем-ли мы не скорбеть и не плакать, лишившись такого мужа, который делал добро другим не только явно, но и часто в глубочайшей тайне, чтобы левая рука не знала, что делает правая. [...]

Твои благотворения св. церкви известны царствующему дому, многие Российские архипастыри, вполне ценя твои жертвования для св. церкви, преподавали тебе свое архипастырское благословение и изъявляли свое благорасположение. Твоими благотворениями устроены народныя школы, где дети ежедневно в молитвах своих поминают имя твое, как попечителя и просветителя ума их и сердца. Твоими благотворениями благоуукрашены не только многия церкви в Российской земле, но и св. обители.

Всем было известно ревностное твое попечение о святых храмах Божиих. Редко почти проходил день, в который бы кто-нибудь из иноков и настоятелей церквей не являлся к тебе за помощью на нужды церкви. Для всякаго из них двери дома твоего были отворены, всякой из нуждающихся был любезно и ласково тобою принимаем и получал удовлетворение в своей просьбе. Не даром имя твое сделалось известным по всей России. Слыша о твоих милостивых благотворениях для церквей Божиих, нуждающиеся притекали к тебе из самых отдаленных губерний и, получив благопотребную помощь, повсюду прославляли имя твое и призывали на тебя и супругу твою милость Божию.

Я не говорю о том, что жители здешняго Звенигородскаго уезда пользовались от почившаго особенными благодеяниями, нет селения, в котором бы с любовно не воспоминалось имя его.

По истине память о тебе, добродетельный раб Божий Павел, в здешнем крае на долго и на долго сохранится в сердцах наших. Не забудет тебя здешний храм Господень, тобою созданный и толико благоуукрашенный; в нем, если будет Богу угодно, до самаго пришествия Христова, будет твориться молитва о тебе, как о благочестивом храмоздателе. Не забудет тебя Борисоглебская Аносинская обитель, в которой ты, на свое иждивение, воздвиг теплый храм и благоуукрасил настоящую холодную церковь; от щедрот твоих много лет питались смиренныя инокини этой обители, и во всех нуждах своих обращались к тебе, милостивому своему благотворителю и попечителю. Не забудет тебя святая обитель преподобнаго Саввы Сторожевскаго, для которой ты принес многия жертвы, благодаря которым обитель сия, по своему благолепию и благоустройству, в молящихся и притекающих к нетленным мощам преподобнаго Саввы, оставляет благоговейное удивление. Не забудет тебя дивный храм св. Воскресения Христова, при Воскресенском Новоиерусалимском монастыре. Трудно оценить твои заслуги, по благоуукрашению сего единственнаго в России храма. Довольно сказать, что благодаря твоим жертвам, храм сей, по красоте своей, сделался подобным небу. [...]

Из Звенигорода (Московской губ.)¹⁸, [о похоронах П. Г. Цурикова, 1878]

8 января. В селе Ивановском Звенигородскаго уезда, совершено сегодня отпевание и погребение известнаго благотворителя церквей и обителей и благодетеля бедных Павла Григорьевича Цурикова. Высокопреосвященнейший Иннокентий, митрополит Московский, при всем желании лично отдать последний долг почившему и проводить его на вечный покой, по нездоровью и в виду предстоящей поездки в С-Петербург, не мог этого исполнить. На погребении, по поручению владыки присутствовал преосвященный Игнатий, епископ Дмитровский, викарий Московский, привезший св. икону Божией Матери от владыки-митрополита в благословение вдове почившаго Анне Сергеевне, которую она приняла с чувством благоговения и глубокой благодарности.

Преосвященный Игнатий совершил богослужение с архимандритами: Ново-Иерусалимским Вениамином, наместником Саввино-Сторожевскаго монастыря Галактионом и проживающим в Сер-

гиевской Лавре Феофилом, с двумя иеромонахами, местным священником-благочинным и двумя священниками. Кроме того, при отпевании участвовали еще несколько священников из окрестных сел.

Прекрасная церковь устроенная Павлом Григорьевичем не могла вместить в себе огромного числа народа: он молился за помин души новопреставленного около церкви. Последнее прощание было трогательно, все были допущены, и каждый теснился в последний раз приложиться к иконе и поцеловать благодаявшую руку почившаго скромного труженика. Гроб был опущен преосвященным Игнатием во склеп правого придела храма при общей молитве тысяч народа.

Мир тебе и вечная память, честный труженик. Да воздаст милосердный Господь сторицею на небе за все добро сделанное тобою на земле!

В 2 часа дня преосвященный Игнатий отправился из Ивановскаго в Москву чтоб успеть проводить его высокопреосвященство в С. Петербург. Участвовавший в богослужении И. Сергий.

П. Г. Цуриков¹⁹, [о похоронах П. Г. Цурикова, 1878]

8 января, близ Воскресенска, на Ивановской суконной фабрике происходило торжественное погребение д.с.с. Павла Григорьевича Цурикова. На отпевание по болезни владыки Московскаго, желавшего вначале лично отдать последний долг почившему, прибыл преосвященный Игнатий, епископ Дмитровский. Без преувеличения можно сказать что весь Звенигородский уезд собрался в этот день вокруг гроба того кто в продолжении стольких лет был благотворителем всего края. Имя П. Г. Цурикова давно известно, не только в Москве и Петербурге, но даже на далеком Востоке. Все его знали не только как одного из значительнейших русских фабрикантов, но и как горячего ревнителя православия, любителя церковнаго благолепия, щедрого дателя, всегда готового помочь благому делу. Не одно благотворительное заведение было им основано и обеспечено, не один храм им украшен. Но об этой столичной и дальней благотворительности, в свое время печаталось и говорилось. Менее известно то что покойным сделано в Звенигородском уезде. Надо быть жителем края чтобы вполне понять чего лишился уезд с кончиною П. Г. Цурикова.

Покойный вышел из рядов народа, он любил это вспоминать, близко знал простой народ и умел помогать ему. К Звенигородской своей родине П.Г. был горячо привязан, и несмотря на богатство никогда не покидал тех мест где протекло его убогое детство. Для рабочих своих он был отцом. Он учредил при фабрике своей примерную во всех отношениях лечебницу и школу, которая считается одной из первых по уезду. Все церкви края были им или обновлены, или созданы вновь, или же получили богатые вклады. В Воскресенске он устроил великолепное училище, в Звенигороде основал Мариинскую земскую школу. Все тут было дело его рук – и новые прекрасные дома, и полное обустройство, и самое содержание этих школ. Звенигородская больница лет шесть тому назад была перестроена на его деньги, а в настоящем году образцовый лазарет Краснаго Креста на земской даче, близ Воскресенска, отделан и содержится почти исключительно на средства П. Г. Цурикова. Им же проведены были шоссе от фабрики к Волоколамской земской дороги и от Савина монастыря до Звенигорода. Но и это составляет только бледную сторону неоскудевавшего милосердия покойнаго. Щедро разсыпалась милостыня с притвора благолепнаго Ивановскаго храма, но еще более раздавалось ея так что шуйца не ведала того как благотворит десница. В самых отдаленных селах уезда оказались по смерти Цурикова бедные им призываемые. Со всех сторон стекались на Ивановскую фабрику бедняки, кто за помощью, кто за советом, кто за одобрением, и не было случая чтобы пришедший уходил с бременем на сердце.

Нет деревни во всем уезде где бы ни раздавался теперь самый искренний, самый раздирающий душу плач. Четыре дня стояло тело до погребения, и во все эти четыре дня раздавалась в скромном домике покойнаго одна немолчная панихида. Жители не только окрестных, но и отдаленных сел, с причтами во главе, являлись помолиться у гроба мирно почившаго благодетеля. Панихида следовала за панихидою не прерываясь.

Этот плач, это истинное глубокое неподдельное горе – лучшая похвала покойному. А. В.

Еще о П. Г. Цурикове²⁰, [1878]

В дополнение к напечатанному в №№ 9 и 16 Московских Ведомостей, покорнейше прошу поместить еще следующие строки:

Павел Григорьевич Цуриков происходил из предков вышедших из Швейцарии, из кантона Цюриха, родился около Воскресенска, образование получил домашнее; состояние приобрел своим собст-

венным неусыпным трудом, от доставшагося ему первоначально в наследство, в незначительных размерах, суконного производства. В последствии выработка сукон Цурикова доведена была до замечательной степени совершенства, и по своей доброкачественности и добросовестности приготовления, получила известность по всей России. Раз начатое дело не ослабевало в продолжение почти 40 лет; даже в критическое время, когда некоторые фабрики сокращали выработку, фабричная деятельность П. Г. Цурикова продолжалась в значительных размерах. Все это имело важное значение как для местного населения почти всего здешняго уезда, так и для соседних уездов находивших поддержку своего существования заработками на фабрике.

Покойный Цуриков первоначально был купцом 3-й гильдии, но за свою преданность и прилежание к фабричному делу был возведен в потомственные почетные граждане и назначен мануфактур-советником. Фабрика его имела государственный герб. Павел Григорьевич значительную часть выгод посвящал на дело благотворения, а сколько делалось им жертв которых он даже и не любил высказывать! Строитель многих храмов Божиих, щедрый благотворитель некоторых монастырей, он кроме того содержал на свой счет несколько школ и больницы, имел множество пансионеров. В Старом Иерусалиме, Цуриков купил землю, по преданию то самое место где находился Мамврийский дуб, и устроил часовню с богадельней и гостиницей для богомольцев. За все свои добрые дела Павел Григорьевич был удостоен особым Монаршем вниманием, возведен в потомственное дворянство, и награжден знаками отличия: Святого Равноап. Кн. Владимира 3 и 4 степеней, Св. Анны 2-й ст. с короной и друг. Кроме того он состоял почетным мировым судьей, почетным попечителем многих учреждений.

Весть о его кончине поразила не только близких, но и всех знавших его. Из местных монастырей и приходских церквей с утра и до вечера, без перерыва, архимандриты и священники стекались служить панихиды. На вынос тела прибыл из Москвы преосвященный Игнатий, епископ Дмитровский, который совершил и весь обряд отпевания с тремя архимандритами и множеством духовенства. Почетные лица и многие из Москвичей, друзей его, явились также отдать последний долг доброму, честному, редкому труженику для блага ближняго, каков был усопший. Умилительно было видеть массу фабричных из окружных деревень запрудивших все пространство от дома где умер Цуриков вплоть до самой церкви, эту толпу прибывшаго издалека простонародья, считавшаго своею обязанностью отдать последний долг усопшему благодетелю. П. Г. погребен близ города Воскресенска, в собственной Ивановской мануфактуре, в самом им построенном храме во имя Успения Пресвятой Богородицы. Вечная память будет звучать в сердцах всех благодетельствованных тобой, четный труженик. М. Ц-в. [врач Ивановской фабрики Михаил Цветаев]

Епархиальная хроника²¹, [40-й день смерти П. Г. Цурикова, 1878]

3-го февраля в храме святителя Николая чудотворца (придел) в Звенигородском уезде в селе Ивановском Преосвященнейшим Игнатием, епископом Дмитровским совершена литургия и панихида о упокоении ревностнаго благотворителя церквей и монастырей действительнаго статскаго советника Павла Григорьевича Цурикова в 40-й день по смерти. В служении были архимандриты: наместник Сергиевой лавры Леонид, Новоиерусалимскаго Воскресенскаго монастыря Вениамин, Высокопетровскаго монастыря Григорий, Даниловскаго монастыря Амфилохий и Саввинскаго Сторожевскаго монастыря наместник Галактион. Церковь наполнена была молящимися с преизбытком. На панихиде в облачении были 16 священников. Преосвященный Дмитровский по пути в село Ивановское посетил Борисоглебский монастырь и церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы в селе Павловском и в селе Еришове.

40-й день поминовения действительнаго статскаго советника Павла Григорьевича Цурикова в селе Ивановском (месте погребения его)²², [1878]

Накануне 40-го дня в 6 часов вечера было совершено всенощное бдение заупокойного в приделе церкви, где покоится прах приснопамятнаго почившего боярина Павла по чиноположению, которое напечатано в требнике митрополита Киевского Петра Могилы и заупокойный канон пред гробом почившего совершил отец архимандрит Леонид, наместник Свято-Троицкия Сергиевы Лавры, бывший настоятель Воскресенской Новоиерусалимской обители, в которой в бытность его настоятельства, щедрый благодетель Павел Григорьевич Цуриков возобновил весь храм Воскресения Христова изнутри и снаружи, употребив на это не одну сотню тысяч рублей серебром. Утром 13-го в самый 40 день прибыл к литургии в 9 часов преосвященнейший Игнатий, епископ Дмитровский с Высокопетровским архимандритом Григорием. Утром же прибыли к священнослужению о. архиманд-

рит Вениамин, теперешний настоятель Воскресенской обители и наместник Саввина монастыря о. архимандрит Галактион. А накануне еще один архимандрит прибыл Даниловский Амфилохий, бывший с 1856 по 1860 год настоятелем Воскресенской Новоиерусалимской обители. В сослужении литургии с преосвященным Игнатием было пять архимандритов, один иеромонах Сергей с Савинского подворья, приходский священник отец Иаков так, что служащие панихиду, начиная от возглавия гроба стояли до самых царских врат. Церковь была полна молящихся. За теснотою все не могли вместиться; непоместившиеся стояли вне и молились об упокоении своего незабвенного благодетеля и отца кормителя нищих и убогих. Певчие пели из фабричных и пели очень хорошо и безошибочно. Проповедь говорил простую, но прочувствованную приходский священник отец Иаков.

Замечателен случай построения церкви на том месте, где погребен Павел Григорьевич Цуриков. Находящийся при фабрике врач так мне рассказывал. Во время весеннего разлива реки Истры в светлый день Пасхи шел Павел Григорьевич Цуриков по горе, где выстроена церковь, в приходскую церковь, к которой во время весеннего разлива воды с трудом можно было дойти, а в сильнейший разлив вовсе не возможно. Шел далеко по горе, слышит благовест долгий, но дойти до церкви нет возможности от сильного разлива реки. Возвращается назад по горе, горько плача, что не может в такой великий светлый праздник Пасхи быть за службами церковными. Сел на горе против своего дома на камушках и еще сильнее и горче залился слезами и долго сидел в таком плачевном и горестном положении. Сидя вздремнул и ему представилась чудная долина, где невидимо для него поют невыразимо хорошие неземные жители. Один из них спрашивает его: о чем ты так сокрушаешься? о том, что не могу быть ныне в такой великий праздник в храме Божиим. Так что ж, построй у себя здесь церковь, тогда не будешь лишен этого душевного удовольствия. Благословите это доброе дело сделать. Начинай с Богом! Прислушавшись он успокоился и в том же году стал готовить все нужное для храма. О постройке на сем месте у покойного и прежде сего была мысль, но она осуществилась после видения.

Храм выстроен прекрасный, звон колоколов прекрасный же. Немногие из Московских церквей имеют такой звон. Местоположение церкви живописное. Кругом ее прекрасная сосновая роща, с горы вдаль на большое пространство чудные виды. Дома церковнослужителей прекрасные; тут же и дом для училища удобный, где дети фабричных родителей обучаются грамоте и письму безвозмездно.

Щедрую благотворительность покойный наследовал от своего отца. Близ фабрики недалеко есть небогатая женская Аносина обитель. В эту обитель отец Павла Григорьевича ежегодно целый обоз с хлебом и крупой в день Благовещения жертвовал. Но имени его отца никто из обители Аносиной не знал, и никому не сказывали о его имени. Только по смерти его отца добрый сын Павел Григорьевич сказал в монастыре, что ваш благодетель умер, молитесь о рабе Божии Григории. [сноска:] О благодетельном отце Павла Григорьевича Цурикова сообщила мне мать игуменя Рафаила, бывшая в то время послушницею. Бывало, говорила она, отец Павла Григорьевича и побранит сестер. Но все-таки не знали, что он благодетель, только и знали, что он позволял в своей мельнице даром молотить хлеб). Сын наследовавший от отца благотворительность продолжал до конца своей жизни благотворить сей обители. В прошедшем году отдал весь сенокос близ их монастыря находящийся даром; на круглый год было достаточно его для всего скота монастырского. По всей вероятности добрейшие наследники покойного продолжат благотворить Аносиной обители также, как делал и покойный, или увековечат дорогая имена благотворителей их Григория и Павла пожертвованием какого-нибудь участка земли близ Аносиной обители, с каковым участком имя Цуриковых увековечится, а обитель Аносина будет молить Бога о упокоении их душ дондеже святая обитель будет стоять.

Один из присутствовавших.

Слово при воспоминании в Бозе почившаго, действительного статского советника Павла Григорьевича Цурикова в сороковый день по кончине его²³, [1878]

Смерть мужу покой (Иов. 3, 13), говорит праведный Иов. И ты, приснопоминаемый нами раб Божий боярин Павел, достиг сего покоя от трудов временной сей жизни. Смерть положила предел твоим заботам и попечениям, которых у тебя, не смотря на твое видимое благосостояние и обеспеченность было довольно: откуда же и какая у него были эти заботы и попечения? Заботы и попечения о нуждах и скорбях меньших братий и бедствующих ближних, с которыми приходили к нему все и отовсюду. Теперь ничто не возмущает твоего покоя. Ты не слышишь вопля нищих братий, которых слезы ты осушал своею милостынею, ты не видишь около благословенного твоего

дома толпы странников и убогих, из коих никому не отказывала щедрая твоя рука в помощи. По прежней памяти, все сорок дней, после мирной твоей кончины, нищие и убогие во множестве собирались в сей храм получить милостыню за упокой души твоей и, получив оную, благословляли твою память и думали, что ты еще не совсем преселился в загробную жизнь. [...]

Всеобщая нелицемерная любовь, почтение и уважение к почившему особенно наглядно выразилось по его кончине. Не одни ближние, но и дальние и повсюду православные стекались на погребение его. С самого раннего утра, в день погребения, народ спешил к сему храму, весь путь шествия за гробом, от дома до храма, в полном смысле, был занят народом; каждый желал еще раз взглянуть на него, и проститься с ним. Для нашего времени поучителен пример его доброй жизни. Он был воздержан и трудолюбив. Никто из нас не видал во всю жизнь его, чтобы он употреблял когда-либо хмельные напитки, он был чужд всяких увеселений и раззорительных игр.

В то время, как другие расточают свое имение на мнимые чувственные удовольствия, он искал одних духовных наслаждений, любил украшать и посещать храмы Божии, искал Бога. Для своего успокоения он не более другого труженика имел свободного времени: раннее утро заставляло его уже за делом, и весь день освященный сначала молитвенным пребыванием в храме, до позднего вечера, был посвящаем деловому внимательному наблюдению за своим делом, или ласковому приему и благосклонному выслушиванию нуждающихся.

Он великодушно прощал ошибки в ближнем. Все знали его добрый характер; стоило только сознать свою ошибку пред ним, и всякий им был прощаем. Он сам был не спокоен душою, когда за вину лишил кого-либо работы на своем заведении: не было примера, чтобы рано или поздно не прощал виновных, зная, что от ошибки виновных, без работы страдают их семейства. [...] Не довольствуясь заботами об облегчении временных нужд местного населения, он возымел благую мысль построением сего храма дать возможность трудящимся на его заведении и окрестным жителям удовлетворять свои духовные потребности с большим против прежнего удобством. И вот на сей горе, осененной неувядаемою зеленью деревьев возсиял крест Христов над сим благолепно устроенным и украшенным храмом. И ныне в последнее лето своей жизни, как бы в тайном предчувствии близкой своей кончины, заявил желание почитать вечным успокоением в сем св. храме. Благоразсудное желание! Он знал, что нигде в другом месте не вознесется о нем к престолу Вседержителя столько искренних и сердечных воздыханий, как в сем св. храме, где каждый, не говоря взрослый, даже дитя видел и знал его как щедрого благотворителя и кормильца. Он действительно входил в нужды каждого из нас и своими благотворениями заслужил имя благодетеля человечества; от того-то живо и чувствуется общее сиротство наше. [...]

Почтенные прихожане св. храма сего! На нас лежит особенный долг всегда вспоминать в молитвах своих нашего храмоздателя и благотворителя. Вспомните, кому он из нас в нуждах не подавал руку помощи, кто не пользовался его благодеяниями, кому из нуждающихся не отверсты были двери его дома? Поистине нельзя его забыть нам. [...]

Села Ивановскаго, Успенской церкви священник Иаков Волхонский.

Несколько слов на память о покойном П.Г. Цурикове по случаю годовщины после его смерти²⁴, [1879]

1878 года января 5 дня, в Звенигородском уезде на Ивановской суконной фабрике скончался действительный статский советник Павел Григорьевич Цуриков. Год прошел, как смерть взяла из среды нас этого истинно доброго и благотворительного (в самом обширном значении этого слова) человека христианина. Через год 4 числа января, по случаю годичного поминовения его, – искренняя любовь и душевная признательность к покойному снова привлекли на его могилу очень многих почтителей памяти его, – и приходский храм покойного, при Ивановской фабрике, снова наполнился молящимися об нем. Несколько заметок о покойном сообщено было и прежде вскоре после его смерти: и теперь, при годичном поминовении, весьма благовременно снова сказать несколько слов о замечательной, во многих отношениях, личности покойного.

Русское православное общество, в лице покойного Павла Григорьевича потеряло одного из самых светлых, крупных, выдающихся представителей христианской благотворительности, – а с тем вместе – и в высшей степени скромного и честного, опытного и заслуженного деятеля в торговом мире. Неожиданная горестная весть о его смерти, как тогда очень быстро разнеслась везде и поразила глубокой скорбью всех, кто только знал покойного, так и теперь, с течением времени, эта скорбь по нем и какая-то пустота без него, чувствуется и доселе едва ли не всеми, во всем крае, где жил покой-

ный, – чувствуется живо, искренно, глубоко; и теперь, кажется, нет человека, который бы при воспоминании о покойном не скорбел об нем и не говорил бы: зачем эта прекрасная благотворная жизнь и деятельность пресеклись так неожиданно, так скоро, так рано... Сколько добра, сколько радости и счастья эта жизнь принесла бы всем, если бы продлилась еще, хотя на этот один год?! Но видно так было угодно Богу! Видно душа этого доброго христианина совершила все свое дело на земле и, как созревшая пшеница со стебля, взята из тела и отнесена в небесную житницу.

И при жизни покойного П. Гр. немало было известно о нем, как о весьма замечательном щедром благотворителе всех бедных и несчастных и ревностном ктиторе св. храмов и обителей: но это известны были тогда только некоторые, отдельные, так сказать, выдающиеся случаи его благотворительной деятельности, касавшиеся преимущественно благоустройства св. храмов и обителей; но ими далеко еще не ограничивается вся область его благотворений и не исчерпывается вся любовь его к этому св. делу. Служить и помогать ближнему, по возможности, во всех нуждах и бедствиях, благотворить всем и каждому, обращавшимся к нему с разных сторон ежедневно, благотворить просто, скромно, с любовью – было постоянным и, можно сказать, самым близким, сродным душе его занятием. Вот в чем проходила вся его жизнь! И вот большая часть такого рода благотворений его, как прежде оставались, теперь остаются, так, конечно, и навсегда останутся вполне известными все только Отцу Небесному и тем лицам, кому они, в свое время, были сделаны.

Владея весьма значительными материальными средствами, покойный П. Гр. именно собирал их не себе, а старался богатеть, по слову Евангелия, в Бога и ближних – делал и любил делать добро всем и каждому не из каких-либо своекорыстных расчетов, временных видов и нечистых побуждений, а по любви к добру, по влечению своего истинно-добраго сердца; считая себя не более, как приставником, а не хозяином богатства, он не прилагал к нему своего сердца, а, как верный раб Господень, что одною рукою получал от Господа, то другою рукою старался и спешил возвращать Ему в лице меньшей братии Его и в делах благоустройства святых храмов Его. И Господь благословлял верного раба Своего. Вот поэтому то богатство и текло к нему широкою рекою, равно также и широкою волною уходило, так сказать, разливалось от него ежедневно во все стороны. Впрочем, как ни обширна, как ни разнообразна была благотворительность покойного – она составляла у него как бы одно общее целое, как бы один непрерывный высокий, истинно, – христианский подвиг служения во славу Божию и благо ближнему.

Родившись и выросши среди простого русского народа в скромной и благотворительной семье своих родителей (крепостных людей господина Голохвастова), П. Гр. не мог получить тогда научного образования, но за то честию унаследовал он от своих родителей, а большею частию сам усвоил себе одну прекрасную черту характера из жизни этого народа – именно его искреннюю любовь – привязанность к храму Божию и благолепию церковному, и сохранял ее до конца своей жизни. Подобно тому, как простой православный селянин, при первой возможности, старается всегда украсить святыню в своем доме, и при достатке домашнем старается, хоть один раз в год, к Светлому напр. празднику, послужить чем-нибудь благолепию в своем приходском храме: так равно и покойный П. Гр. Как скоро нашлись у него достаточные материальные средства, то тотчас принялся за возобновление и благоустройство ближайших к нему сельских приходских храмов, которые в большинстве были тогда деревянные и очень бедные, как по своим средствам, так и по украшению. Таким образом, пользуясь сам материальными выгодами от своих рабочих обывателей окрестных селений (которые в большинстве жили у него при фабрике), он, в то же время, щедро начал делиться с ними этими своими выгодами, делая вместе с ними, или один, вместо их, то общее близкое дорогое всем им дело, которое они сами давно думали и желали бы сделать, но одни не в силах были, или не знали, как лучше сделать, то есть начал устраивать и украшать мало по малу их приходские храмы, и смотрел на это дело как на высокий святой подвиг служения своего во славу Божию и благо ближнему. С течением времени, когда, средства его еще больше увеличились, и благотворительность его от приходских храмов незаметно стала переходить мало помалу на соседние обители (Аносинскую, в которой покойный устроил обширную теплую трапезу при настоящей холодной церкви, – Саввинскую, при которой устроен им отдельный самостоятельный скит и – Воскресенскую); которые в настоящее время, благодаря его неистощимым средствам и усердию, капитально исправлены и прекрасно возобновлены и, конечно, навсегда сохранять благодарную память и любовь к своему щедрому благотворителю. Благотворительность покойного, в этом отношении, редко когда ограничивалась единовременными материальными пожертвованиями, а в большинстве случаев покойный сам входил в дело благоустройства храмов, осо-

бенно ближайших к нему, брал устройство храма на свои руки, располагая им как лучшие и, при своей практической опытности, вел его всегда до конца правильно и успешно, прочно и отчетливо, не оставившись, с своей стороны, ни перед какими материальными затратами. Деятельность его по устройству и украшению храмов, за последние годы жизни, приняла весьма обширные размеры, вышла далеко за пределы Звенигородского узда и продолжалась безостановочно в одно и то же время в нескольких местах; так напр. в одном месте покойный благотворитель начинал то или другое дело по устройству какого-нибудь храма, в другом – продолжал прежде начатое, в третьем – оканчивал, в четвертом – упрочивал или исправлял прежде сделанное, в пятом – готовил новые средства для какого-нибудь предположенного им дела. Об этом известно стало преимущественно теперь после его смерти (сам покойный об этом не любил распространяться с лицами сторонними), когда на могилу, его собрались многие из тех лиц и местностей, где покойный так или иначе участвовал своими благотворениями.

Любя украшать храм Божий, П. Гр. не меньше того любил и посещать их в праздничные дни, при Богослужении. А когда Бог привел ему устроить свой приходский храм при фабрике, он постоянно любил приходить и неопустительно приходил в него молиться; несмотря на свои разнообразные занятия иногда и на свое нездоровье, трудно и едва ли возможно было его, в этом случае, уговорить остаться дома, ограничиться одною домашнею молитвою; а потому редкий день проходил без того, чтобы он не был в храме Божиим за службою; и надо было видеть с каким усердием и любовью он спешил в него, с каким смирением и любовью всегда молился в нем; точно как будто бы здесь он отдыхал, душой своей среди молитвы, точно как бы почерпал себе здесь новые силы, новые побуждения на дела благотворительности!.. Замечательна и достойна подражания была еще одна черта характера из жизни этого боголюбца в отношении к лицам духовным, – именно священникам, которые всегда во множестве посещали его, кто по своим нуждам, а кто по делам и нуждам церковным; как при встрече с ними, так равно и при прощании, покойный всегда считал своей неременной обязанностью принимать и всегда просил и принимал у каждого из священников, кто бы они ни были сколько бы их у него ни было, благословение именем Господним, и принимал его всегда с искренним желанием и любовью, как знак милости к себе и благодати Отца Небесного. Среди православного русского общества, в настоящее время, много ли найдется таких лиц, если не в высшем кругу то в среднем, которые тоже дорожили бы благословением Божиим, преподаваемым рукою служителя Божия, как дорожил им покойный. По крайней мере все ли из прихожан и всегда ли считают своею обязанностью просить и принимать благословение у своих пастырей и отцов духовных? Не многие ли, напротив, в настоящее время смотрят на это благословение, как только на один простой внешний знак вежливости их по отношению к священнику, не имеющий, по их понятию, никакой благодатной силы и значения духовного...

Вышедши из среды простаго народа, П. Гр. всегда близко стоял к нему, не смотря на свое высокое, в последнее время, положение в обществе; искренно любил этот народ и, близко зная все его нужды, считал всегда своею св. обязанностью, по возможности, во всем помогать и умел помогать ему. Сотни лиц престарелых, безприютных, слепых, увечных, из разных селений, которые не в силах были бы сами кормиться и милостынею и, таким образом, были бы в тягость не только своим семьям, но и себе самим, получая от него ежемесячное содержание, спокойно доживали остаток дней своих и в случае своей смерти опять получали от него же и гроб, и деньги для могилы; больные, обращавшиеся к нему со всех сторон, всегда пользовались у него тоже бесплатно и советом врача, и медикаментами, а иногда и помещением в больнице при фабрике; потерпевшие от пожара, неурожая, семейных неурядиц и других житейских невзгод – все спешили к покойному за помощью, как к своему родному отцу и всегда уходили обратно от него, утешенные посильною помощью и искренним участием, с благодарною молитвою за своего благодетеля. И не только простой бедный народ, но и лица состоятельные из всех сословий, обращавшиеся к нему, всегда находили у него и самый радушный прием, и готовую поддержку материальную и нравственную в затруднительных обстоятельствах своей жизни. А при общественных несчастиях, покойный П. Гр. сам иногда являлся со своею помощью в ближайшие селения, ни кем не званный и не прошенный – утешал несчастных и, по возможности, помогал им в постигшем горе, и отправлялся обратно, напутствуемый благодарными слезами и молитвою этих страдальцев. Вообще частная благотворительность покойного П. Гр. была также обширна и разнообразна, как разнообразны и неисчислимы случаи нужд житейских и несчастий народа, как значительно было всегда и число лиц ежедневно обращавшихся к нему за советом или помощью. Всего и для всех у него всегда было достаточно: и времени, и сил, и любви, и участия и средств материальных.

Щедрая благотворительность покойного П. Гр. не ограничивалась одними частными лицами и случаями, она простиралась также на нужды и учреждения общественные. Так, за последнее время, покойный был весьма значительным, хотя и неизвестным вкладчиком на нужды минувшей отечественной войны, на больных и раненых воинов; своим щедрым пожертвованием он много содействовал устройству и открытию при городе Воскресенске больницы для раненых и больных воинов, на содержание которых сверх того ежемесячно отпускал значительную сумму; а при выходе из больницы выздоровевших воинов, снабжал их от себя и деньгами на дорогу и теплой одеждой. С открытием земских учреждений, он также всегда был значительным вкладчиком на нужды земства; вообще ни одно почти доброе, истинно полезное дело в уезде не обходилось без того, чтобы покойный не принимал в нем искреннего участия и не содействовал ему своими средствами.

Как фабрикант, в коммерческом мире П. Гр. пользовался всегда репутацией опытного, самого благонамеренного, благонадежного и заслуженного деятеля, с которым каждый из коммерсантов с удовольствием готов был иметь дело. Постоянно живши при своей фабрике, покойный сам постоянно наблюдал за нею во всех частях, поставил и содержал ее как нельзя лучше и в нравственном и хозяйственном отношениях. Фабричные местности вообще редко и мало где пользуются хорошою репутацией; пьянство, разгулы, ссоры, драки, воровство и т. под. – вот печальные и едва ли не повсеместные явления в таких местностях, особенно по праздникам. Ивановская суконная фабрика г. Цурикова в этом отношении всегда составляла и доселе составляет весьма редкое и резкое отрадное исключение; здесь, подобного рода безобразий не происходило и быть не могло, потому что ни при фабрике, ни вокруг ее питейных домов нигде не было ближе 8 верст от нея. С отменой откупной системы, когда вольная продажа вина стала распространяться, как зараза, по всем селениям, покойный благотворитель народа настоял на том, чтобы все ближайшия к фабрике селения не позволяли открывать у себя эти заведения; а чтобы не лишить через это обывателей каких-либо материальных выгод, сам стал вносить им ежегодно не меньшую сумму, чем какую они могли бы получать с этих заведений, и обывателей из этих селений, преимущественно пред другими, стал принимать к себе на фабрику для работ. Чистота и порядок во всех фабричных корпусах и на постороннего разборчиваго посетителя фабрики производили всегда самое приятное впечатление; осматривая ежедневно, и не один раз, всю фабрику – покойный П. Гр. обращал при этом свое внимание, впрочем, не на одну только чистоту, порядок, правильный и успешный ход работы, а с тем вместе постоянно следил и за нравственными качествами своих рабочих, и не только знал их, едва ли не всех, как рабочую силу, но знал также хорошо и семейное положение и состояние у многих из них. Вследствие этого и сами рабочие на фабрике, с одной стороны, внимательнее и усерднее относились к своему делу, а с другой – и вели себя всегда скромнее и степеннее в обращении между собою, боясь подвергнуться замечаниям и выговорам за неприличное обращение со стороны своего внимательного, доброго начальника-хозяина.

Любя созидать и украшать святые храмы Господни во все время своей жизни, покойный П. Гр. не оставил этого излюбленного им св. дела без внимания и на случай своей смерти. По духовному завещанию, оставшемуся после него, очень многие св. храмы с причтами, а равно также и св. обители, им воздвигнутые или украшенные и возобновленные, получили весьма значительные капиталы на свое содержание. Так что общая сумма всех благотворительных капиталов на этот предмет простирается свыше двух сот тысяч [200.000] руб. сер. Незабыты им, в этом отношении, и два приходския училища в городе Воскресенске и при фабрике, им устроенныя и в которых он был все время попечителем: и оне обезпечены также капиталами (по 10 тысяч каждое) на свое содержание. И частная благотворительность меньшей братии Христовой, в память покойного, все продолжается по прежнему.

Очень, очень желательно, и дай Бог, чтобы русское православное общество, чем дальше тем больше, богаче не одними денежными капиталами, а с тем вместе и такими прекрасными живыми деятелями, каким был покойный Павел Григорьевич!... Тогда и люди бедные меньше стали бы тяготиться своею бедностию, а люди состоятельные и богатые жили бы спокойнее и довольнее среди своего богатства; а в коммерческом мире, наверное, значительно сократились бы случаи банкротств и разного рода несостоятельности...

Мир душе твоей ревностный ктитор св. храмов Господних и истинный любитель меньшей братии Его! Небесная всеобъемлющая вечная любовь да возмерит тебе богатою мерою любви своей, за всю ту любовь и милосердие, которыми ты всегда, как солнце красное в видимой природе, со-

гревал и оживлял сердца всех обращающихся к тебе. Молитвы св. церкви, преимущественно в храмах тобою воздвигнутых, благоуукрашенных и обезпеченных, да взыдут на небо и, соединившись там с молитвами нищих и убогих призренных тобою, да отверзнут тебе вход к престолу Небесного милосердия и да водворят тебя в царство любви и вечного блаженства! Н...

Слово в день годовичного поминовения в Бозе почившаго, действительного статского советника Павла Григорьевича Цурикова²⁵, [1879]

[...] Поэтому жизнь его [П. Г. Цурикова] для многих из нас может служить поучительным уроком. Среди обилия и богатства, которыми Господь его благословил, он не увлекся обычным в этом случае желанием развлечений и мирских удовольствий, но до конца пребыл неизменно верен однажды избранной им скромной доле сельской, безмятежной жизни, полной, правда, приличного состоянию довольства, но чуждой излишней суетной роскоши. Но с другой стороны, не считая себя полным собственником, а только временным приставником посылаемого ему Богом богатства, он не прилагал к нему сердца своего; не считал приобретения его целью жизни, но только средством к деланию добра и чрез то – ко спасению. При виде изобилия, не томился, подобно неразумному евангельскому богачу, корыстолюбивою заботою о том, куда ему собрать благая своя, имея всегда заранее предначертанные добрые пути для распределения избытков своего приобретения. Подобно домовитому хозяину, который, пользуясь близостию многоводной реки, посредством искусственно устроенных преград и отводов, направляет ее на поля для орошения и тем возвышает их плодородие. И он также мудро пользовался текущим к нему изобилием богатства, употребляя большую часть его на дела богоугодныя и святыя и обильными разнообразными потоками милосердия и сострадания, орошая и напоая обширную ниву человеческих нужд и бедствий. Так детям окрестных селений и многих других не богатых людей он давал средства для воспитания и образования способностей к полезной и благополучной жизни в обществе. Многим удрученным старостию или болезнью и беспомощным вдовицам и сиротам он обезпечивал призрение [уход] и покой, и не было отказа у него в помощи никому из прибежавших к нему, угнетенных разными лишениями и скорбями житейскими. Многия благотворения он, по совету евангельскому, любил прикрывать тайною, так что шуйца не ведала, что творит милующая и благотворящая десница его. Только смерть его разрешила нам эту тайну и показала еще более, как много было в нем любви к страждущему человечеству. За то и он, как мы видим особенно теперь, пользовался нелицемерною любовию, почтением и уважением, которыми воздавали ему за его благодеяния. Не часто можно видеть такую любовь присных и знакомых к сроднику или другу, и такую искреннюю скорбь об его утрате, какую видим мы во всех скорбящих об его кончине. Особенно для жителей окрестных селений память его незабвенна. И действительно, почти у каждого из них имя его внесено в помянники наравне с их сродниками, и многие с благодарным воспоминанием его благодеяний, входя в сей храм, с благоговением повергаются пред распятием Спасителя, осеняющим место его упокоения, и возжигают свечи с молитвою за упокой души его. Эти в простоте творимыя молитвы, эти трудовыя свечи ярче звезд горят пред Господом, как свидетельство искренней, нелицемерной любви и благодарности к почившему за его благодеяния.

Да, много делал он добра для вспомоществования телесным потребностям ближняго своего, которого он видел во всяком, стесненном какою-либо нуждою или бедствием. Но еще большую часть достояния своего он употреблял во славу Божию и на удовлетворение духовных потребностей ближних своих: говоря это, разумею любовь почившаго к созиданию и украшению храмов Господних. Душа его, подобно Давиду, возлюбила благолепие дому Господня и всякий храм, как место селения Господа сил, был близок и возлюблен сердцу его. Глубоко убежденный, что святой храм есть жилище самаго Господа, в котором обитает Он, и невидимо и даже видимо, в таинстве пречистаго Тела Своего и Крови, он по чувству благоговения ко Всевышнему, по чувству благодарности и любви к нему, по чувству благоговения к самому месту, где для христианина совершаются святейшия таинства веры, не мог без скорби и сердечнаго сожаления, видеть этого святаго места в бедности и как бы в пренебрежении. Потому усердие его не щадило никаких издержек и никаких жертв, чтобы только соделать храм Божий достойным жилищем Вседержителя. Живое свидетельство сему – этот святой храм, в котором мы поминаем его, как приснопамятнаго создателя, и множество других храмов и в окрестности, и в отдаленнейших пределах нашего отечества его щедрыми пожертвованиями или созданных, или богато украшенных. Жертвы его на это святое дело были так велики, что многие из сторонних с недоумением вопрошали: откуда он берет такое обилие средств, особенно в последнее для многих и без то-

го трудное время?! Между тем тайна сего изобилия объясняется почивавшим на делах рук его благословением Божиим, за честность в труде его, и за чистоту в намерении и цели приобретения. Поэтому рука дающего не оскудевала, несмотря на то, что всегда давала, где нужно, неоскудно и щедро; потому что давала на дела святые и богоугодные. Таково особенно дело созидания и украшения храмов Господних, на которые почивший приносил обильные жертвы из своего достояния. Создать храм Богу и украсить его, есть дело поистине благодатное пред Богом и спасительное для человеков. [...] Итак благо почившему рабу Божию боярину Павлу, который в сердце своем обрел и до конца жизни поддерживал благочестивое желание и усердие созидать и украшать не один, но множество христианских храмов и память о своем усердии к дому Божию запечатлел навсегда у всех последним своим распоряжением, назначив значительные вклады во многие храмы и обители для поддержания их в подобающем святости благолепии и содержании служащих при них. В сем желании и усердии он обрел благодать, и, послужив благодати усердным исполнением сего желания, может получить за благодатный подвиг благодатное воздаяние. [...] Свящ. Иак. Волхонский.

Освящение храма в Саввинских подмонастырских слободах Звениг. уезда²⁶, [1879]

30 сентября сего года происходило освящение нового каменного трехпрестольного храма в Саввинских подмонастырских слободах Звенигородского уезда близ Саввино-Сторожевского монастыря [...] По предложению местного настоятеля церкви при этом решились начать постройку, не смотря на то, что церковной суммы имелось всего 2067 р. 68 коп. В первый же год постройки церковная сумма вся уже истощилась и новый храм доведенный до сводов, должен был оставаться недоконченным на долгое время. Но Господь не оставил без Своей помощи доброе начинание. Он призвал благочестивого ревнителя св. Божиих храмов потомственного дворянина действительного статского советника Павла Григорьевича Цурикова, который, вняв усердной просьбе местного священника и совершенно беспомощному положению строящейся церкви решился взять на свое иждивение окончательную постройку храма; это было в 1874 году. В 1875 г. каменная кладка церкви при содействии Павла Григорьевича окончена, крыши покрыты железом, как на церкви, так и колокольне поставлены золоченые кресты. В 1877 году внутренность церкви оштукатурена, в окна поставлены колоды и сделаны рамы. Но 5 января 1878 года Господу угодно было отозвать в вечность нашего доброго благодетеля. Такая потеря грозила прихожанам остановкою работ по построению церкви на неопределенное время. Но супруга покойного Анна Сергеевна не желала оставить недоконченным доброе дело своего любимого супруга. Она взяла на свое попечение окончательную постройку нового храма. При распорядительности родственника почившего, Максима Ефимовича Попова с мая месяца 1878 года работы пошли быстро, насланы полы, обнесена кругом церкви каменная ограда, устроены три величественных иконостаса, [...] написаны благолепные иконы по образцу древнего греческого письма [...] и в сентябре месяце сего года все уже было готово к освящению храма. 29 сентября в 6 часов вечера первый звон пожертвованного Анною Сергеевною колокола возвестил о начале всенощного бдения и народ массами спешил в новую церковь к богослужению, которое совершал наместник Саввино-Сторожевского монастыря архимандрит Галактион в сослужении с духовенством, прибывшим из соседних церквей на освящение храма. [...] В 9 часов прибыл о. архимандрит Галактион и им пред поздней литургией совершено освящение среднего престола во имя Тихвинския Божия Матери. По прочтении часов отслужена была панихида по храмоздателе боярине Павле; за панихидою всем предстоящим розданы были свечи и все молились с таким умилением, что у многих заметны были слезы. Во время причастного стиха местным священником сказано было приличное торжественное слово.

Торжество заключилось предложенным от щедрот Анны Сергеевны хорошо сервированным обедом во вновь отстроенном прихожанами училище близ церкви. Все скорбели, что не имели утешения видеть во время освещения добрую Анну Сергеевну, которая по своей болезни не могла прибыть к освящению. Почему 3-го октября все прихожане с местным священником отправились на Ивановскую суконную фабрику. Явились в устроенный Павлом Григорьевичем храм, где отслужили панихиду по боярине Павле. После чего поднесли Анне Сергеевне икону от своего усердия, вместе с благодарственным адресом.

Так закончился радостный для нас праздник; и память о благодетелях будет жить в нашем приходе в роды и роды. Г.Л.

7. Прообраз рассказа А. П. Чехова “Бабье царство”

(по публикации Павла Сергеевича Попова¹ в Чеховском сборнике²⁷, 1974).

Рассказ «Бабье царство» создан в 1893 г. и был напечатан в январской книжке «Русской мысли» за 1894 г. В письме А. С. Суворину от 25 ноября 1893 г. Чехов так лаконично характеризует свое произведение: «Описание одной девицы». В книге брата Антона Павловича, Михаила, где даются многочисленные указания, откуда брал Чехов свои сюжеты и какие прототипы лежат в основании его главных героев, о «Бабьем царстве» ничего не говорится. Однако есть все основания утверждать, что в сюжете рассказа, его персонажах и в образе главной героини Анны Акимовны отразились некоторые достоверные черты реальных лиц.

В рассказе дается картина фабричной жизни. На фоне ее выступает фигура молодой хозяйки, оторвавшейся от своей среды благодаря положению богатой владелицы фабрики и живущей в замкнутой атмосфере «бабьего» окружения.

Чехов хорошо знал такого рода ситуацию. В свою бытность в Воскресенске Московской губернии он имел полную возможность наблюдать за жизнью богатой фабрикантки Анны Сергеевны Цуриковой (1818—1907), владелицы Ивановской суконной фабрики.

А. С. Цурикова, урожденная Мингалева, была дочерью обедневшего дворянина города Воскресенска. В девичьи годы Мингалева решила на мезальянс. Она вышла замуж за сына соседнего мельника, дворового Голохвастовых. Цуриков-отец (Григорий Михайлович), первоначально занимавшийся мельничным делом, большой мастер строить плотины, соорудивший и у себя на мельнице очень хорошую плотину, стал для соседней фабрики валять сукно. Впоследствии он у себя организовал собственное производство. Его сын, Павел Григорьевич, малограмотный, до конца жизни писавший лишь печатными буквами, но большой скопидом и хороший хозяин, сделался мужем Анны Сергеевны.

С переездом на фабрику дворянки условия жизни хозяев изменились. Был выстроен новый дом и заведена новая обстановка. В 1878 г. П. Г. Цуриков умер. В продолжение 8 лет во главе дела стояла его вдова, Анна Сергеевна. В 1887 г. она переселилась в самый Воскресенск, продав фабрику, расположенную в семи верстах от города, своему родственнику. Когда Чехов бывал в Воскресенске и его окрестностях, начиная с 1883 г., Анна Сергеевна жила еще на своей фабрике, своеобразно руководя делом. Манерная и изысканная, она любила создавать праздничную обстановку вокруг себя. Так, например, ей казалось, что постели говорят о чем-то будничном и слишком житейском, поэтому спален в ее доме не было. Весь дом состоял из ряда гостиных. Приезжавшие гости спали на диванах, и сама она спала у себя в комнате на диване. Так было до конца ее жизни, а умерла она 89 лет. Желая видеть вокруг себя постоянный праздник, она не признавала черных платьев, обижалась, когда к ней приезжали в темном туалете, и сама бывала одета в светлые платья до конца жизни. Мужчины в доме у нее не жили, и мужской прислуги она не держала. Это казалось ей «неприличным». Даже собак для приличия у нее кастрировали. О смерти в ее присутствии говорить не полагалось. Вокруг дома был разбит сад с разнообразными клумбочками, фонтанами, беседками, гротом, перекидным мостиком на островок и т. п. Ничего не понимая в фабричном деле, она все же играла роль хозяйки. Обыкновенно через наушниц — жен фабричных мастеров поступали разные сплетни, и под влиянием этих бабьих разговоров Анна Сергеевна давала те или иные распоряжения. К концу ее пребывания на фабрике почему-то делами командовал местный врач.

Антон Павлович не был лично знаком с Цуриковой и не бывал у нее в доме. Но Ивановскую фабрику он хорошо знал — там у него были знакомые, которых он не раз навещал. Это, прежде всего, фабричный учитель Сергей Васильевич Соловьев, живший на фабрике с 1875 г. по 1892 г. Соловьев был обременен семейством, занятий у него было по горло, потому что он был единст-

¹ [сноска в статье:] Попов Павел Сергеевич, литературовед, автор работ по философии и логике. Публикуемая статья, основными источниками которой послужили личные архивы упоминаемых в ней лиц и беседы с местными жителями, написана в 1939 г. Оригинал (авторизованная машинопись) хранится в ЦГАЛИ (Ф. 549. Оп. 1. Ед. хр. 347).

венным преподавателем в школе. Обычно Чехов приезжал к нему.

Вместе они ходили к фабричному фельдшеру Григорию Петровичу Чеснокову. Бывал Чехов также и у других лиц на фабрике: так, например, у служащего Сергея Ивановича Топленинова. У Топленинова сохранялась визитная карточка Чехова, переданная однажды, когда Чехов не застал Топленинова дома. У Топлениновых же находился велосипед старой конструкции (с большим передним колесом и маленькими задними), на котором Чехов пробовал кататься на фабричном дворе.

Анна Сергеевна жила в новом доме, построенном рядом со старым флигелем (впоследствии оба здания были соединены коридором). Во флигеле проживала сестра покойного мужа Анны Сергеевны, Александра Григорьевна, простая деревенская женщина, принимавшая запросто у себя посетителей и жившая старой «отцовской жизнью». При Анне Сергеевне находилась ее доверенная прислуга Феклянька, прежняя крепостная Мингалевых. Дом жил на две половины: у Анны Сергеевны все было изысканно, во флигеле уклад жизни был совсем другой. Так, Анна Сергеевна бывала очень смущена тем, что при печении блинов Александра Григорьевна пользуется посудой, которая употребляется совсем для иной цели. Вообще очень многое в жизни ее шокировало. Ей казалось, что существует только очень определенный круг тем для разговоров. Между обеими половинами дома существовала несомненная разница в жизненном укладе. В рассказе Чехова читаем: «Верхний этаж в доме назывался чистой, или благородной половиной и хоромами, нижнему же, где хозяйничала тетушка Татьяна Ивановна, было присвоено название торговой, стариковской или, просто, бабьей половины» (VIII, 308)¹.

Когда Чехов бывал на фабрике, Цуриковой было уже свыше шестидесяти лет. Многие внешние обстоятельства Чехов изменил в своем рассказе. Фабрикантша-вдова 66 лет превратилась в девушку 26 лет, мечтающую о замужестве, но основная картина та же: своеобразная атмосфера женского царства в полной изоляции от того «дела», за счет которого протекает вся жизнь. Этот отрыв у Анны Сергеевны происходил оттого, что она никогда не вникала в фабричные дела, а также потому, что, как дворянка, она была отмежевана от всякой будничной работы. У Чехова несколько иначе. Анна Акимовна оторвалась от своей среды и скучает по прежним условиям жизни: «И ей захотелось стирать, гладить, бегать в лавку и кабак, как это она делала каждый день, когда жила с матерью. Ей бы рабочей быть, а не хозяйкой!» (VIII, 299). «Она ясно представила себе то далекое время, когда ее звали Анюткой и когда она, маленькая, лежала под одним одеялом с матерью, а рядом, в другой комнате, стирала белье жилища-прачка» (VIII, 298—299). Об обстановке, в которой протекает жизнь героини рассказа, Чехов говорит так: «Роскошные хоромы, в которых живет теперь Анна Акимовна, он <дядя Иван Иванович> держал запертыми и отпирал их только в большие праздники для важных гостей, а сам жил в конторе, в одной маленькой комнатке, уставленной образами» (VIII, 299—300).

Анна Сергеевна Цурикова любила благотворительствовать. Она была попечительницей той школы в Воскресенске, где преподавал брат писателя, Иван Павлович. Чаще же всего Анна Сергеевна благотворительствовала, вручая тем или иным просителям или посетителям отдельные суммы, «подарки». Впоследствии, когда она жила уже в самом Воскресенске, даже завелся такой порядок: всякий новый приезжий обычно являлся с визитом к Анне Сергеевне, хотя бы он был во все не знаком с ней. По вечерам за ужин садилось не менее 10—15 посетителей. Анна Сергеевна даже выражала неудовольствие, если кто-нибудь приезжал в город и не заходил в ней, хотя никаких дел у нее с ним не было. И всякому посетителю ей хотелось что-нибудь подарить. У Чехова дана очень яркая картина обеда у Анны Акимовны и того, как после обеда адвокат Лысевич неизвестно за что получает полторы тысячи, а действительный статский советник Крылин — 300 руб. «Она сообразила, что если Крылин бывал у дяди и отца и уважал их, то не даром: очевидно, делал добрые дела на их счет, служа в каком-нибудь благотворительном учреждении» (VIII, 324).

К хозяевам Ивановской фабрики и в 80-х годах, и впоследствии на праздники приходили многочисленные визитеры: с утра — местное духовенство, после — причт Лужецкой и Троицкой церквей, затем являлся фабричный церковный хор, а потом приходили поздравлять все мастера фабрики. В рассказе Чехова изображен первый день рождества. Явились сначала певчие, свой «батюшка», затем «вскоре приехал батюшка из чернорабочей больницы с дьячком, потом сестры из

¹ Слова «(VIII, 308)» означают ссылку на 8-й том полного собрания сочинений А. П. Чехова (1977 г.), с. 308.

общины, дети из приюта, и пение слышалось почти непрерывно. Пели, закусывали и уходили. Пришли с поздравлением служащие на заводе человек двадцать» (VIII, 310).

Когда накануне рождества Анна Акимовна выезжает с благотворительной целью с фабрики, то она думает о том, какой это обман совести ехать куда-то раздавать деньги, «когда дома постепенно разрушается и падает миллионное дело» (VIII, 298). Цуриковская фабрика то же пришла в упадок вследствие неумелого хозяйничания Анны Сергеевны; как раз в последний год пребывания Чехова в Бабкине фабрика стала. Тогда же Цурикова переехала в город, продавши все свое дело, которым она не в состоянии была руководить.

Черты сходства несомненны. В округе Воскресенска ходило множество рассказов и сплетен о богатой барыне-чудачке. При осмотре того же Ново-Иерусалимского монастыря, который Чехов хорошо знал, руководители в прежнее время неизменно повторяли, что главными «благотворителями» были фабриканты Цуриковы. Не мог не рассказывать брату о Цуриковой Иван Павлович, служивший непосредственно под ее началом. Взявши весь этот доступный ему по рассказам материал, Чехов сильно изменил его. Но, во всяком случае, наряду с «Тремя сестрами», «Детворой», «Недобрым делом» и другими произведениями, сюжетно связанными с Воскресенском, его жителями и жителями той округи, сюда же нужно причислить и «Бабье царство», навеянное картинками фабричного быта, которые удалось наблюдать писателю в «воскресенский» период его жизни. [...]

Любопытно отметить еще одну черточку Ивановской фабричной жизни, которую использовал Чехов в пьесе «Иванов» (1887).

Когда Боркин начинает строить планы разных своих коммерческих спекуляций, то он, между прочим, говорит Иванову: «На том берегу Овсянов продает полосу земли, как раз против нас, за 2300 р. Если мы купим эту полосу, то оба берега будут наши, а если оба берега будут наши, то, понимаете ли, мы имеем право запрудить реку. Ведь так? Мы мельницу будем строить, и, как только мы объявим, что хотим запруду сделать, как все, которые живут вниз по реке, поднимут гвалт, а мы сейчас, коммен зи гер, — если хотите, чтобы плотины не было, заплатите. Понимаете? Заревская фабрика даст 5000, Корольков 3000, монастырь даст 5000» (I действие, 2 явление). Ивановская фабрика Цуриковых как раз стояла в очень выгодном положении в смысле использования водной энергии. Река Истра разветвлялась и образовывала рукав — канаву. Это и привлекло старика Цурикова построить здесь водяную мельницу. Он закрепил за собой право запруды приобретением полосы земли на противоположном берегу. Вследствие запруды Истра выше фабрики была глубокой и полноводной, ниже — почти до самого впадения в Москву-реку — Истру можно было перейти чуть не в брод. В связи с запрудой для местного населения получался особый доход, о котором часто шла речь в Воскресенской округе. А именно, выше лежащие по реке деревни получали от фабрики ежегодно компенсацию за то, что некоторые низко расположенные луга оказывались под водой вследствие подъема воды от запруды. Все эти отношения отпечатались в комбинациях Боркина. Заревская фабрика, очевидно, Цуриковская. Монастырь — Аносин монастырь, расположенный ниже по течению Истры. Река Истра была украшением всего района. В своих верховьях она протекала под самым Бабкинским домом, затем текла мимо Воскресенска и ниже под фабрикой.

Материал П. С. Попова, не вошедший в статью²⁸:

Сама Анна Сергеевна, не будучи знакома с А. П. Чеховым, разумеется, слышала о нем, как о писателе, но, если и читала что-нибудь из его произведений, то лишь случайно. По стилю ее жизни и интересов такая литература не была в ее кругозоре. Преподавателя школы — Ивана Павловича Чехова — она, конечно, знала лично, но относилась к нему с холодком и во всяком случае очень сдержанно. Она боялась всяких «новых веяний» и не любила «интеллигентов».

8. Памятник А. С. Цуриковой в Новоиерусалимском монастыре

Выдержки из книги «Некрополь Нового Иерусалима»²⁹, 2006

(сохранено выделение жирным шрифтом как в оригинальном тексте).

В русском монументальном искусстве всегда, а в период так называемой эклектики особенно тесно, оказались переплетены проявления культурных парадигм, характеризующих как антично-западную традицию, так и византийско-русско-православную. Всякого рода стилизация и сращивание форм, уходящих в различные эпохи, когда, по словам А. В. Иконникова, «образ создавался как бы "отраженным светом" архитектуры прошлого» (Иконников А. В., 1984. С. 15), во многом определяют и облик русского некрополя второй половины XIX – начала XX вв. В Новом Иерусалиме примером памятников, несущих на себе выраженный отпечаток христианской культуры, но не являющих собою традиционных устоявшихся форм, является **надгробие-памятник** на могиле вдовы предпринимателя П. Г. Цурикова **Анны Сергеевны Цуриковой**, скончавшейся в 1907 году. Памятник выполнен из черного полированного лабрадорита в форме киота со ставшим характерным для Руси килевидным завершением, «кокошником», увенчанным четырехконечным каменным же крестом [...]. На лицевой плоскости в ковчеге киота помещено мозаичное изображение Приснодевы с младенцем Христом (по типу – Елеуса), выполненное по эскизу В. М. Васнецова. Образ Пресвятой Богородицы, облаченной в темно-синий мафорий, исполнен в рост, ошую к Ней прильнул Христос-младенец, одесную, чуть ниже, изображено Евангелие в виде разворачивающегося свитка. Фигуры помещены под сень.

Фрагмент иконы с памятника
А. С. Цуриковой, 2019.

За основу был взят образ, написанный знаменитым художником для главного иконостаса собора во имя св. равноапостольного князя Владимира в Киеве, над росписью которого Васнецов трудился целых одиннадцать лет – с августа 1885 по август 1896 года. Данный образ Богоматери в иконостасе собора расположен первым в местном чине слева от Царских врат. Эскиз этой работы хранится в Государственной Третьяковской галерее (Бум., акв., гуашь, зол. 27,9 x 18,7). Выгодное расположение и внушительные размеры этого надгробия привлекают к себе посетителей и паломников, возле него обычно лежат живые цветы. Мозаичный образ на надгробии Цуриковой в целом неплохо сохранился, хотя есть локальные повреждения. [...]

Цуриковой Анне Сергеевне:

Памятник представляет собою наиболее сложное и изысканное по виду надгробие из сохранившихся в некрополе Нового Иерусалима. Он расположен при входе со стороны Святых врат на южный участок старого братского кладбища и не перемещался. Композиция включает в себя горизонтальную и вертикальную часть. Горизонтальное основание выполнено из красноватого полированного родонита в виде плоско лежащего пьедестала (параллелепипед 1,88 x 1,2 x 0,33 м) со ступенькой, как бы приглашающей взойти к памятнику и приложиться к иконе, возжечь свечи и возложить цветы. Спереди к нему примыкает гранитная цветочница для выращивания грунтовых цветов. В задней части пьедестала фасцированные верхние кромки облегчают визуальный переход ко второму, вертикальному, ярусу памятника. Эта часть выполнена из черного полированного лабрадорита (размеры в плане 0,95 x 0,65 м, высота 0,62 м) и образует собою собственно основание большого киота из этого же материала, внутри которого в нише помещена мозаичная икона Пресвятой Богородицы со Христом, выполненная по эскизу В. М. Васнецова высотой 1,0 м и шириной 0,4 м с полукруглым завершением. Завершение самого киота тяготеет к килевидной форме, киот венчает четырехконечный крест три конца лучей которого имеют утолщения с лекальным обрезаем, как бы вписывающие крест в круг, что делает его близким так называемому корсунскому кресту. Но в отличие от классического корсунского креста, данный крест по форме – не греческий, равноконечный, а латинский (сгux immissa)».

Образ “Васнецовской” иконы Божией Матери

В 1852 г. митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Амфитеатров) в письме российскому императору Николаю I высказал идею сооружения в Киеве храма, который был бы памятником князю Киевскому Владимиру Святославичу. Предложение было одобрено и через 10 лет состоялась закладка первого камня в основание Божьего дома. Строительство длилось два десятилетия. Возник вопрос о внутреннем убранстве собора. За создание проекта оформления и отделки собора взялся археолог и профессор искусствоведения Адриан Прахов. Тот решил пригласить для росписи стен собора известных мастеров М.В. Нестерова, М.А. Врубеля, В. М. Васнецова.

Виктор Михайлович Васнецов не сразу принял приглашение. Но однажды «весенним вечером на даче, он был просто поражен образом своей супруги с сыном младенцем Михаилом на руках [родился в 1884 году]. Ребенок потянулся к открывшемуся ему дивному зрелищу весеннего сада и всплеснул руками. Вид женщины с младенцем настолько поразил Васнецова, что ему вдруг пришла мысль, как хорошо было бы написать Богородицу с младенцем, такими, как только что представшие перед глазами дорогие ему люди. Он тут же принял решение расписывать Собор и на другой день послал Прахову телеграмму о своем согласии»³¹. В 1885 г. контракт был заключен.

10 лет своей жизни художник посвятил росписи Владимирского собора. За этот труд он был удостоен почетного звания профессора живописи, о нем заговорили как о религиозном гении.

На Виктора Михайловича легла основная часть работы: центральная часть храма, купол, образа главного иконостаса. Алтарь в храме невысокий, практически вся восточная стена алтаря видна пришедшим на службу. Центральный образ – Богоматерь с младенцем, который стали позже называть «Васнецовским». Как потом писали: «Из глубины алтарной апсиды киевского собора св. Владимира Богоматерь несет к молящимся Христа-Младенца, а Он “простирает в этот мир свои детские ручки, любя и благословляя его, преображая в то же время руками крест, на котором будет распят».

Исследователь С. В. Худяков сообщил, что сын художника Михаил Викторович прожил долгую жизнь, о нем была написана большая статья. Речь идет о журнальной публикации В. Ф. Дауваальдер³², в которой рассказано, как в 1908 г. Михаил окончил математический факультет по курсу астрономии, во время Первой мировой войны был призван в запасной полк. Женится на Ольге Васильевне Полетаевой, стал жить в Одессе. У них родился сын Виктор. Так сложилось, что в

Владимирский собор, литография³⁰, 1898.

Сын художника Михаил, 1890-е.

Михаил Васнецов, жена Ольга, сын Виктор, Прага³³, 1926.

1920 г. Михаил Викторович эмигрировал, а жена с сыном остались в СССР. Воссоединиться семья смогла только в 1924 г. в Праге.

Знакомство с владыкой Сергием определило дальнейшую судьбу Михаила: он был рукоположен в сан священника. Служил в Никольском храме в Праге. Когда в 1945 г. во время наступления Красной армии храм был поврежден, службы продолжились в домовая церкви. Органами СМЕРШ был арестован сын Виктор, он был осужден на 10 лет. Во времена хрущевской оттепели Виктора Михайловича Васнецова освободили, он остался жить в СССР, женился. Жена священника Ольга Васильевна умерла в 1961 г., а сам о. Михаил скончался в 1972 г. Оба похоронены в Праге на кладбище Ольшаны.

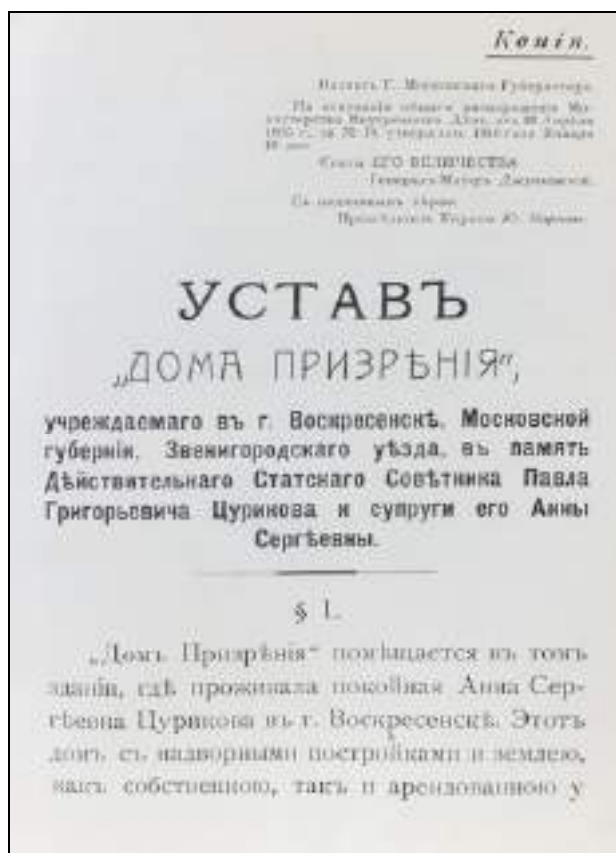
Образ Васнецовской иконы Богоматери настолько полюбился верующим людям, что в разных вариациях был десятки раз повторен в различных храмах и часовнях по всей стране. И в настоящее время его продолжают писать. Подборка некоторых изображений приведена на сайте "Храмы России"³⁴. На Донском кладбище в Москве сохранилась построенная примерно в 1900 г. часовня над захоронением семьи фабриканта Левченко с Васнецовской иконой над входом.

Икона в часовне Левченко на Донском кладбище.

9. Устав богадельни имени Цуриковых

(по материалам архивного дела³⁵, 1910–1911).

Копия. Надпись Г. Московскаго Губернатора.

На основании общаго распоряженія Министерства Внутренних Дел от 26 апреля 1905 г., за № 18, утверждаю. 1910 года Января 19 дня.

Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генерал-Майор Джунковскій.

С подлинным верно: Председатель Управы Ю. Карпов.

Устав “Дома призрения”, учреждаемаго в г. Воскресенске, Московской губернии, Звенигородскаго уезда, в память Действительнаго Статскаго Советника Павла Григорьевича Цурикова и супруги его Анны Сергеевны.

§ 1.

“Дом призрения” помещается в том зданіи, где проживала покойная Анна Сергеевна Цурикова в г. Воскресенске. Этот дом с надворными постройками и землею, как собственною, так и арендованною у Новоиерусалимскаго монастыря, а равно и обезпечивающий учрежденія капитал, заключающийся в 4% Государственной ренте на сумму по номинальной стоимости в 300 тысяч рублей [сноска: По постановленію очереднаго Звенигородскаго Земскаго Собранія сессіи 1910 года вышеозначенная 4 % Госуд. рента конвертирована в 5% Рос. Госуд. Заем 1906 года по номинальной стоимости в 274.312 руб. 50 коп.] передаются родственниками г.г. Цуриковых в собственность и заведываніе Звенигородскаго Уезднаго Земства и на другія потребности, кроме нижеупоминаемых, не могут быть употреблены.

§ 2.

% бумаги хранятся в Московской Конторѣ Государственнаго Банка и остаются навсегда неприкосновенными; им ведется особый, отдельный в Управѣ счет, проценты же с него поступают на содержаніе и ремонт “Дома Призренія”.

§ 3.

Нижний этаж дома отводится для призренія неимущихъ женщин, нетрудоспособныхъ вследствие старческой дряхлости, в количествѣ до 30 человек. Верхний этаж назначается как для

больных детей обоего пола, немогущих вследствие продолжительной болезни пользоваться обыкновенными больницами, так и для детей сирот и нуждающихся полусирот (мальчиков до 15 лет, девочек до 17 лет) также в количестве до 30 человек.

§ 4.

В “Дом Призрения” принимаются жители Звенигородского уезда, прожившие в нем не менее 3 лет, а для приема детей требуется такой же срок пребывания в уезде их родителей. В обоих случаях преимущество отдается жителям района деятельности Воскресенской и Ивановской лечебниц. Жители городов Звенигорода и Воскресенска принимаются с таким расчетом, чтобы общее количество их в обоих учреждениях не превышало 1/6 части всех призреваемых.

§ 5.

Лица с заразными болезнями не принимаются.

§ 6.

Для призреваемых детей могут быть организуемы по мере надобности учебные классы, занятия мастерством и садоводством.

§ 7.

Для заведывания делами “Дома Призрения” при Управе состоит особый попечительный Совет, состоящий из 5 членов: Председателя Управы, 2 членов из числа жителей Звенигородского уезда по выбору Земского Собрания сроком на 3 года, врача местной Воскресенской земской лечебницы и смотрительницы “Дома Призрения”. Все с правом голоса. Председательствует Председатель Управы. Впоследствии Совет пополняется попечителем, согласно § 8 Устава. Управа, в случае несогласия с решением Совета в делах, не терпящих отлагательства, выполняет свое решение под своею ответственностью и докладывает о том ближайшему Земскому Собранию; в остальных случаях спорный вопрос откладывается до решения Земского Собрания.

§ 8.

[в измененной редакции, утвержденной 19 января 1910 года]

Почетной Попечительницей “Дома Призрения” состоит ближайшая родственница покойной А. С. Цуриковой, сестра ея София Сергеевна Мингалева, которой предоставляется право утверждения и всех призреваемых в Доме. С. С. Мингалева может, если пожелает, передать свои права другому лицу из числа родственников г.г. Цуриковых, которое пользуется теми же правами, как и г-жа Мингалева. Дальнейшее же право назначения пожизненных попечителей переходит к Земскому Собранию, которое и выбирает такового из числа родственников г.г. Цуриковых, но право этого избранного Собранием попечителя ограничивается только участием в Попечительном Совете с правом голоса.

§ 9.

Совет заведует всеми делами “Дома Призрения”, представляет на утверждение Почетной Попечительницы кандидатов в призреваемые, принимает и увольняет всех служащих дома, кроме смотрительницы, устанавливает смету расходов, производит ремонт и проч., а также представляет ежегодно Земскому Собранию отчет о состоянии дел и капиталов Дома. Совет собирается по мере накопления дел, но не реже 1 раза в 2 месяца. Для действительности заседания достаточно присутствия 3 членов. При разделении голосов поровну голос Председателя дает решению перевес.

§ 10.

Для заведывания и непосредственного ведения дел в “Д. П.” приглашается Управой по соглашению с Почетной Попечительницей смотрительница с медицинской или педагогической подготовкой, которая и сносится по всем делам с Советом.

§ 11.

“Дом Призрения” имеет право устраивать, на общих основаниях, в свою пользу концерты, спектакли и проч., а также принимать пожертвования как для расхода, так и в неприкосновенный капитал.

§ 12.

“Дом Призрения” имеет печать с своим наименованием.

Подписал Кандидат прав Сергей Максимович Попов.

10. Рассказ о Любви Сергеевне Мингалевой

(выдержки из книги “Воспоминания институтки”³⁶, 1903).

Посвящается Любовь Сергеевне Мингалевой.

Дозволено цензурою Спб., 7 февраля 1903 г.

Отцы, не раздражайте детей ваших. Ап. Пав. к Еф. гл. 6, 4.

I.

10-го февраля 1903 г. Московский Екатерининский институт празднует свой столетний юбилей. 34 года тому назад я окончила свое образование и воспитание в этом институте и мне захотелось сказать несколько слов о дорогом для меня прошлом.

Я люблю свою „Alma mater“, и время, проведенное в стенах ея, считаю лучшими годами жизни. Учителя у нас были хорошие, и тем, кто желал, давалась полная возможность учиться и развиваться умственно. Впоследствии было уже не трудно пополнять чтением полученное в юные годы, дальше — сама жизнь учила, но все же главное — та хорошая подготовка, которую дал институт, и за которую я так благодарна ему. [...]

II.

Прошлое тем и дорого, что все дурное в нем как-то скорее забывается, точно расплывается в памяти, хорошее же остается на всю жизнь. И вот теперь, оглядываясь на это прошлое, в моем представлении самым ярким воспоминанием является образ светлой и незабвенной личности, Любовь Сергеевны Мингалевой... Поступив в Московский Екатерининский институт воспитанницей в 1834 году, она по окончании курса пробыла в нем еще два года пепиньеркой. В 1842 году Любовь Сергеевна оставила институт на 10 лет, в продолжение которых занималась воспитанием детей в семье Олсуфьевых в Петербурге.

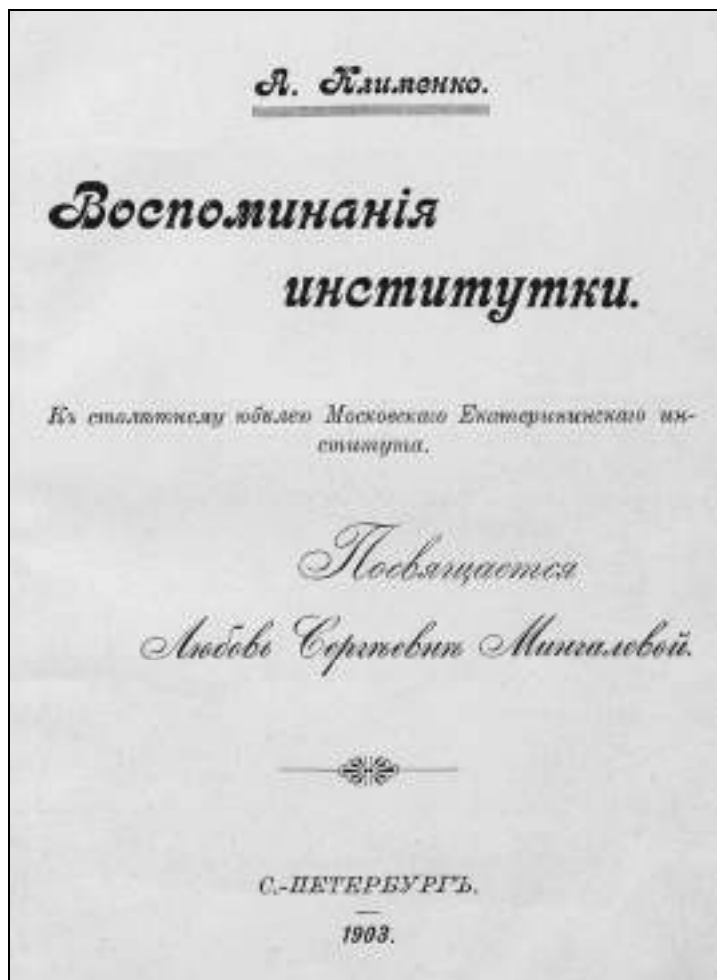
В 1857 году она вернулась в родные стены того же института, классной дамой, в 1859 году была назначена инспектрисой и, наконец, в 1867 году стала во главе Екатерининского института — начальницей.

В отставку Любовь Сергеевна вышла в 1883 году.

Таким образом почти всю свою жизнь она отдала институту и посвятила детям. Много поколений прошли через ея руки, и как же любили ее все эти поколения!..

Не знаю, обладала ли она тем, что называют „педагогическими способностями“, но хорошо помню, что не строгостью и страхом, а любовью и безконечной добротой она сумела овладеть сердцами вверенных ея попечению детей и действовала на нас обаятельно.

О какой бы то ни было несправедливости в ея отношениях к воспитанницам, конечно, и речи быть не может, но особенно важно то, что даже когда ей приходилось сердиться и бранить нас (всегда, впрочем, за дело) она „щадилась“ детское самолюбие и никогда никого не „оскорбляла“ и не

Титульный лист книги о Мингалевой, 1903.

„раздражала" на это же дети бывают больше всего чутки!...

В маленьких классах Любовь Сергеевну по-институтски „обожали", с годами это обожание переходило в крепкую, прочную привязанность и безграничное уважение.

За мое семилетнее пребывание в институте не было случая, чтобы кто-нибудь из воспитанниц позволил себе ей дерзко ответить: готовое сорваться резкое слово замирало на губах самых задорных при одном взгляде на ее милое лицо, такое грустное, когда она бывала недовольна нами, чистосердечное раскаяние овладевало провинившейся, ей делалось стыдно и больно огорчить Любовь Сергеевну и поднятая буря умиралась без криков и наказаний, одним лишь вмешательством обожаемой начальницы. Мне приходилось впоследствии встречать людей, которые ставили в упрек Любовь Сергеевне недостаточно строгое ее обращение с детьми и называли его „слабостью" Может быть, с „педагогической" точки зрения оно и так, но за то сколько молодых жизней созрело под лучами этой „слабости" и какую добрую память по себе оставила Любовь Сергеевна в сердцах своих бывших воспитанниц!..

III.

Меня привезли в институт глубокой осенью, и как сейчас помню тот день, пасмурный и холодный.

Дома и дорогой я так много плакала, что у меня разболелась голова и глаза опухли от слез. Помню то жуткое чувство одиночества, которое охватило меня, когда я осталась одна среди новых незнакомых людей.

Мне только что минуло десять лет, дома я росла ребенком балованным и привыкла к ласке, а тут было все такое холодное и равнодушное... мне казалось, что не только люди, но даже стены на меня смотрят враждебно.

„Чужие, чужие!" с отчаянием думала я.

Как загнанный дикий зверек безпомощно озиралась я вокруг, не зная, что со мною дальше будет и ища хоть в ком-нибудь сочувствия.

В эти-то ужасные для меня минуты я в первый раз увидела Любовь Сергеевну.

Ко мне подошла дама в синем платье, красивая, приветливая, она назвала меня уменьшительным именем, как меня дома звали, ласково потрепала по щеке, говорила какие-то совсем простые, но милые, душевные слова; сначала я боязливо сторонилась от нея, но она обняла меня и приласкала, руки ее мне показались такими мягкими, нежными... (точно мамины) мелькнуло в моем уме, я взглянула в ее добрые глаза, как-то сразу успокоилась, и уже не в силах противиться своему влечению, поймала ее руку, и доверчиво, крепко прижалась к ней.

С этой минуты я полюбила Любовь Сергеевну всем сердцем.

Не понимая еще, что она „начальство", (в то время Любовь Сергеевна была инспектрисой), я стала рассказывать ей про себя и про дом, она улыбаясь слушала мою болтовню, сама задавала вопросы, а когда увидела, что я совсем пришла в себя и даже развеселилась, повела меня в класс.

В первые дни моей институтской жизни стоило Любовь Сергеевне показаться в дверях класса, или дортуара, как я, забывая всякую дисциплину, и несмотря на строгие окрики классной дамы, как ураган срывалась с своего места и неслась к ней навстречу.

Тоже без всякой дисциплины я кидалась ей прямо на шею и обнимала ее, как это делала дома с матерью и бабушкой, но по институтским понятиям это считалось совершенно неприличным; уже гораздо позже я поняла, что в эти первые дни моей новой жизни совершала чуть не преступления, обращаясь так безцеремонно с инспектрисой.

Чуткой душой своей Любовь Сергеевна понимала душевное состояние девочки, впервые оторванной от родной семьи, понимала и ту неудержимую потребность любви и ласки, к которым так стремилось и которых так жаждало детское сердце.

Спокойно, но кротко останавливая мои слишком бурные порывы, она ни одним холодным словом не оттолкнула от себя беззаветно полюбившего ее, чужого ей ребенка...

От других девочек я потом узнала, что оне все пережили то, что переживала я: каждая „новенькая" испытала на себе привет и чарующую ласку Любовь Сергеевны.

Великое, великое ей за это спасибо!..

Освоившись в институте и обжившись в нем, я разумеется и сама стала сдержаннее и перестала душить Любовь Сергеевну в своих объятиях, но жизнь без нея мне уже казалась невоз-

можной, я почувствовала в ней родного человека, и верить ей все мои горя и невзгоды, сначала маленькие, а потом и более серьезные, стало для меня необходимостью.

В детские годы этих невзгод накапливалось много, так как и шалостям моим не было конца.

IV.

Через год после моего поступления в институт, со мной случился эпизод, особенно ярко оставшийся в моей памяти.

Это было зимой, на рождественских праздниках. В институте был бал, который удостоил своим посещением Принц Петр Георгиевич Ольденбургский.

Воспитанницы старших классов танцевали в зале, а мы, маленькие, сидели на хорах с левой стороны и смотрели сверху. Как раз под нами, около портрета государя, стояли, разговаривая, высокий гость, начальница и Любовь Сергеевна.

— Mesdames — вдруг предложила я, — а хорошо бы бросить вниз шарик из бумаги!

— Что ты, с ума сошла? — с ужасом сказала одна из девочек. — Да ты никогда и не посмеешь, — подхватила другая.

Сомнение в моей храбрости до того подзадорило меня, что я так вся и вспыхнула.

— Что? я-то не посмею? а вот смотри! — и не успели оне опомниться, как я перегнулась и изо всей силы бросила скатанный из бумаги шарик.

Что было бы со мной, если бы этот шарик попал в кого-либо из стоявших, — даже представить себе трудно, но на мое счастье никого не задев, он упал прямо к ногам Любови Сергеевны, которая незаметным движением накрыла его платьем и посмотрела наверх. Увидев, какой класс там находится, она, конечно, сейчас же поняла, кто виновница этой дикой шалости.

Я и мои соседки буквально замерли от страха...

Минут через десять Любовь Сергеевна пришла на хоры и прямо обратившись ко мне, самым обыкновенным, спокойным голосом спросила: — Анюта, ты?

— Я, Любовь Сергеевна! — с полнейшей готовностью ответила я, ни секунды даже и не думая отрицать.

— Пойдем! — все также спокойно позвала она меня. Я встала и покорно пошла за ней.

Любовь Сергеевна взяла меня под руку и повела; все это произошло так быстро, а шла она со мной так дружелюбно, что глядя на нас, никому и в голову не могло придти, что она ведет ужасную преступницу.

Дошли мы таким образом до коридора молча, но тут уж, у дверей дортуара, Любовь Сергеевна разразилась.

— Понимаешь ли ты, что за такую шалость тебя следует высечь? — с сердцем набросилась она на меня.

— Понимаю, что следует, — с такою же готовностью согласилась я.

— Ну, скажи, пожалуйста, — продолжала она, — что мне с тобой делать? Ты меня в гроб уложишь своим поведением, — таких дурных девочек я еще не видала! Раздевайся сейчас и ложись, на бал ты, конечно, не вернешься, лакомств не получишь, и знать я тебя больше не хочу!..

Совершенно ошеломленная всем происшедшим, я только при этих последних ее словах опомнилась и громко зарыдала. Целуя руки Любови Сергеевны, я умоляла ее меня простить и не сердиться.

— Что мне бал и что мне лакомства, если вы меня не простите! — всхлипывала я.

Рыдания мои были так горьки и безутешны, а раскаяние так полно и очевидно, что Любовь Сергеевне стало жаль меня и уже гораздо мягче она сказала:

— Ну, Бог с тобой, ложись теперь спать и больше не плачь, а то еще заболеешь. Подумай хорошенько о том, что ты сделала и постарайся исправиться, тогда и я не буду на тебя сердиться.

И затем, как это ни покажется странным и может быть, даже невероятным, но уходя, Любовь Сергеевна поцеловала и „перекрестила“ меня. Это факт, я не говорю ни одного слова вымысла.

Конечно, это была большая слабость с ее стороны, такая большая, что вот 39 лет прошло, а я ее забыть не могу, и при одном воспоминании, слезы умиления выступают на мои глаза!..

Одного этого эпизода достаточно, чтобы получить понятие о том, как обращалась Любовь

Сергеевна с детьми.

Так бранить, как она бранила нас, даже когда была недовольна и сердилась, — бранит только родная мать: не обижая и не оставляя осадка горечи в сердце провинившагося ребенка, только мать бранит, прощает и забывает. А ведь мы росли не дома, а в казенном заведении, среди чужих нам людей!

После ухода Любовь Сергеевны я легла в постель и еще долго плакала и каялась в своем проступке, а любовь и благодарность к ней росли и укреплялись в детском сердце.

Дальнейших последствий этого эпизода я не помню, но вероятнее всего их и не было. А между тем какими бы ужасными могли оказаться эти последствия, и как жестоко могла поплатиться 11-летняя девочка за свою глупую шалость, при другом, более строгом отношении...

V.

Когда Любовь Сергеевна стала начальницей Екатерининского института, я уже переходила в старшие классы.

В то время никаких эпизодов больше не случилось ни со мной, ни с моими подругами: детские годы прошли, а с ними прошли и детские шалости, — мы становились взрослыми.

Время летело незаметно, и оставался только год до окончания.

Выпускной класс на вакации не отпускали, но мы и не жалели: ведь это было последнее лето в институте, последнее с Любовью Сергеевной. Сад был огромный, обязательных занятий мало, и весь день мы проводили на воздухе.

Институт опустел, почти все уехали домой, только наш класс был в полном составе.

Выпускные пользовались некоторыми льготами, — им разрешалось, не спрашиваясь, гулять в саду, а кроме того они имели свободный доступ к Любовью Сергеевне, и этой льготой мы пользовались широко...

К квартире начальницы со стороны сада примыкал балкон, на котором с каким-нибудь рукоделием в руках, обыкновенно, сидела Любовь Сергеевна, а следовательно и мы.

Живой стеной окружали мы ее, — кто приносил работу, кто книгу, кто рисовал, а кто и ничего не делал, стараясь только устроиться поближе к Любовью Сергеевне, помню, у нас даже очередь учреждалась по часам, кому сидеть около нея.

С балкона дверь вела в так называемую красную залу, где был рояль, которым могли пользоваться выпускные; некоторые из воспитанниц хорошо играли, другие пели, и музыка в красной зале почти не прекращалась.

Иногда после исполнения серьезной пьесы, там вдруг раздавались задорные звуки веселого вальса, две три пары неслись танцевать, слышался шум, смех, звонкие голоса...

Жизнь была ключом.

А на балконе шли несмолкаемые разговоры: строились планы о жизни после института, говорили о прочитанном (мы много читали этим летом), поднимались горячие, уже не детские споры; молодые умы начинали работать, мысль крепла и развивалась, умственный кругозор расширялся... И все это, без всякой опаски и страха, происходило на глазах Любовью Сергеевны, — мы не боялись ее, а любили и сжились с ней! Казалось, что на балконе собралась одна дружная семья, центром же этой семьи была она, многолюбимая нами начальница.

Да, это было счастливое, золотое время, и как отрадно мне теперь его вспомнить!

Вот и последний год прошел.

Настал день выпуска. С грустью покидали мы институт, обливаясь слезами прощались с Любовью Сергеевной.

Отпуская нас на новую, неизвестную жизнь, она говорила: „Ну дети, мое дело с вами конечно: я любила и берегла вас, пока вы были малы, теперь вы выросли и из гнезда вылетаете на волю. Прощайте дети, дай вам Бог, на этой воле найти свое счастье в жизни!“

Дорогие слова! но как для многих из нас они не сбылись!..

Вылетал из улья один рой, на смену ему сейчас же являлся другой, снова закипала работа, и снова Любовь Сергеевна принималась за свое великое, святое дело!

VI.

В первый же год после выхода из института, я вышла замуж и виделась с Любовью Сергеевной; через три года была проездом в Москве и опять видела ее, а потом мне пришлось уехать

очень далеко, и как ни сильно бывало желание ее повидать, я не могла этого сделать, — обстоятельства всегда оказывались сильнее меня, а годы шли...

Прошло около тридцати лет и, наконец, недавно, в сентябре 1902 года заветное желание мое исполнилось и я видела Любовь Сергеевну.

Произошло это совершенно случайно.

Последнее лето я проводила в Тульской губернии, в деревне, и там познакомилась с одной соседкой-помещицей.

Разсказывая что-то, она упомянула об Екатерининском институте. — Вы были в Петербургском? — спросила я, совершенно равнодушно.

— Нет, в Московском, — последовал ей ответ, — а что?

— Я тоже была в Московском — сказала я.

— Когда, в каком году, как ваша девичья фамилия? — посыпались на меня ее вопросы.

Эта дама окончила институт много позже меня, но все же, как товарки, мы обнялись и торопясь, волнуясь и перебивая друг друга, стали делиться нахлынувшими на нас обеих дорогими воспоминаниями.

Первое слово, которое мы обе в один голос сказали, было, конечно, — „Любовь Сергеевна!"

— Я была у нея весной, она живет в Новом Иерусалиме, у нея там свой дом. Конечно, она теперь старушка, но какая изящная, прелестная старушка! Любовь Сергеевна все такая же милая, приняла меня как родную; к ней постоянно приезжают бывшие воспитанницы, ведь ее так все любили! Поезжайте к ней непременно, вы увидите, как она будет рада! — спешила мне сообщить неожиданно встретившаяся однокашница.

Я так давно мечтала узнать что-нибудь про Любовь Сергеевну, что была совершенно ошеломлена, взволнована и обрадована, и тут же решила, что поеду.

Не откладывая, я написала ей, напоминая о себе и спрашивая разрешения приехать.

Дней через пять пришел ответ: Любовь Сергеевна помнила меня и звала к себе.

2-го сентября я поехала, и так волновалась дорогой при одной мысли, что сейчас увижу ее, что даже не заметила, как проехала несколько верст от станции до ее дома, красиваго большого дома с балконами и башней.

Меня ждали, и лакей стоял у ворот.

Когда я вышла из экипажа и шла по двору, меня поразили какие-то тихие, мелодичные звуки; сначала я подумала, что это игра возбужденных нервов и мне просто чудится, но чем ближе я подходила к дому, тем яснее слышалась эта невидимая музыка и нежные звуки ее то замирали, то трепетали в воздухе...

— Что это! — с изумлением и почти с испугом спросила я лакея. — Эолова арфа на башне у Любовь Сергеевны, — ответил он.

Дверь была отперта, — я не звонила, поднялась по лестнице и остановилась...

Передо мной была анфилада комнат, ярко освещенных не лампами, а свечами, и в первой — у стола, лицом ко мне, сидела Любовь Сергеевна; она не слышала, как я вошла.

С секунду я простояла не двигаясь, и смотрела на нея, а сердце мое усиленно билось.

„Вот она моя любимая" думала я, „и как хорошо, что Эолова арфа, и что освещение такое оригинальное, все это так необыкновенно, да так оно и должно быть!" — безсвязно мелькало в моем уме, а к горлу что-то подступало и сжимало его...

Я сделала движение вперед и уронила зонтик.

Любовь Сергеевна насторожилась.

— Поля, — позвала она, — что это, приехала?

— Приехали, Любовь Сергеевна, — ответила горничная.

Дорогая старушка стала вставать, мне показалось, с трудом.

Вдруг радость осветила ее лицо: она увидела меня. — Аня, милая, — начала было она, но я не дала ей договорить и бросилась к ней.

— Любовь Сергеевна, дорогая, ненаглядная моя, какое счастье, что я вас вижу!

Я плакала и смеялась, целовала ее, целовала ее маленькие руки, опять что-то говорила и опять плакала...

Она тоже со слезами обнимала меня, и тоже что-то говорила, кажется, благодарила за па-

мать, словом, вышло что-то до того хорошее и трогательное, что я этих минут до конца дней моих не забуду!..

VII.

Я где-то читала, что прожитая жизнь кладет свою печать на лица старых людей. Когда проходит молодость с ее страстями и волнениями, и наступает покой старости, тогда преобладает в человеке духовная сторона и становится виднее душа его, хорошая или дурная: оттого мы и встречаем стариков привлекательных, но встречаем и неприятных, иногда даже отталкивающих.

Мне это вдруг вспомнилось глядя на Любовь Сергеевну и стало понятным: прожитая ею, можно сказать, святая жизнь, отданная другим и полная забвения себя, ярко отразилась на ее спокойном, кротком лице; на нем видна душа ее, чистая и добрая, видна она и в чарующей улыбке, и сейчас не утратившей прежнего обаяния и прелести.

Любовь Сергеевна теперь 80 лет, конечно, она старушка, но именно изящная, привлекательная старушка!

Долгая трудовая жизнь сказала, к сожалению, на ее здоровье. Любовь Сергеевна слаба и стала часто прихварывать, но память ее прекрасно сохранилась, — она много читает и живо всем интересуется.

Два дня, проведенные у нея, пролетели для меня как один миг.

Воспоминания особенно сильно охватили меня здесь, около Любови Сергеевны, в ее доме, где в каждой комнате с портретов и групп на меня смотрели знакомый лица, в которых я узнавала друзей и подруг моего детства и юности! Все вокруг, а главное она сама, так живо напоминало мне безвозвратное, дорогое прошлое.

— Вот Наташа, — показывала мне Любовь Сергеевна портрет красивой женщины с мальчиком, — какой у нея славный ребенок! Она привозила его ко мне и прогостила две недели весной; а это Милочка и Мери, — говорила она, — оне приезжали летом и обещали провести у меня Рождество, обе живут в Москве и часто навещают меня.

— А здесь молодые, — передавала она мне следующий портрет, — сын Машеньки женился на дочери Ольги, так что оне теперь породнились. Недавно они все приезжали и пробыли у меня несколько дней; сама не понимаю как я ухитрилась поместить у себя девять человек, было немножко тесно, но за то весело. Бог милостив ко мне, я не могу жаловаться на одиночество, — меня не забывают друзья!

Любовь Сергеевна оживилась рассказывая, улыбка осветила ее лицо и оно точно вдруг помолодело и стало совсем таким, как я его помнила много лет тому назад. Я слушала ее с каким-то благоговением: ведь все, о ком она говорила, были чужими для нея, — все это бывшие институтки и из этих чужих детей, она сумела создать себе родную, горячо любящую ее семью, так что и теперь, на покое, Любовь Сергеевна окружена все той же живой стеной своих бывших воспитанниц и их детей.

„Да, это не даром прожитая жизнь!“ думала я, глядя на дорогую старушку, „и какую счастливую, завидную старость она себе приготовила!“

Приняла меня Любовь Сергеевна действительно как родную, и не только она, но и обе сестры ее, которые тоже живут в Новом Иерусалиме, и такие же чудесные, привлекательные старушки, как она сама. Любовь Сергеевна, окруженная родными и друзьями, пользуется общим уважением и любовью, и в Новом Иерусалиме, этом тихом и очаровательно-живописном городке проходят ее дни, полные безмятежного спокойствия и душевной ясности.

Я счастлива, что видела ее, счастлива что видела ее жизнь, довольную и счастливую, и уезжая из Нового Иерусалима, мне казалось, что я побывала в каком-то очарованном, новом для меня мире, и что частица душевной ясности этого мира осталась и в моей душе.

Да сохранить Господь еще на многие годы ее жизнь, так для многих дорогую! Поклон до земли Московскому Екатерининскому институту в его столетний юбилей! Из его стен вышла светлая личность Любовь Сергеевны, в его стенах она воспиталась, ему посвятила тридцать один год своих сил и деятельности, и в его же стенах как солнечным лучом осветила и согрела детские и юные годы всех нас, — детей нашей дорогой „Alma mater“.

С.-Петербург, 15-го января 1903-го года.

11. Дополнительные сведения об Ивановской суконной фабрике

Первые документы о плотине и мельнице на реке Истре, 1815–1824

Соглашение с крестьянами деревень Ивановской и Санниково о постройке мельницы³⁷, 1815

1815-го года апреля дня мы нижеподписавшиеся Звенигородской округи экономической вельяминовской волости селца Ивановскаго выборной Федос Антонов крестьяне Михей Филиппов, Яков Гаврилов [... много ФИО] и прочие онаго селца мирския люди дали сию подписку той же округи воздвиженской волости деревни Санниковой выборному Григорью Афонасьеву со всеми мирскими людьми в том, что желаем мы Ивановские крестьяне построить в дачах своих ниже нашего селца Ивановскаго на реке Истре мукомольною и сукновальною пашвенную мелницу, то от нея никакого потопу лугам в проезде дорог в прогоне скота остановки не будет. Также под оной деревни озерки ни под каким видом на затоплять а в случае какова неудовольствия, то есть в потопе луга в проезде по своим надобностям дорог и прочаго то мы Ивановския крестьяне обязуемся и Санниковым во всем удовлетворить сполна, а в случае по несогласию и отвечаем по законам всеми и подписуемся [...]

1815 апреля 16 дня сия подписка в вельяминовском волостном правлении явлена и в книгу подлинном записана в удостоверение чего прилагается волостная печать.

Печать волостного правления, 1815.

Утверждение условий на постройку мельницы на реке Истре крестьянами селца Ивановскаго и дворовыми людьми Григорием и Михайлом Михайловыми³⁸, 1817

Указ [...] из Московской Казенной Палаты Звенигородскому Земскому Суду. Казенная палата слушав доношение, поданное Звенигородскаго уезда Экономической вельяминовской волости селца Ивановскаго от старосты Федоса Антонова с крестьяны [...] представленнаго при оном доношении условия, заключеннаго с дворовыми г-на Голохвастова людьми о выстройке сим последним в принадлежащих им дачах на реке Истре Мукомольной и Сукновальной Мельницы, [...] ПРИКАЗАЛИ: как заключены Звенигородскаго уезда Экономической вельяминовской волости селца Ивановскаго старостою и крестьянами с дворовыми г-на Голохвастова людьми Григорьем и Михайлою Михайловыми, о выстройке сими последними в принадлежащих Ивановским крестьянам дачах на реке Истре Мукомольной и Сукновальной Мельницы условие, по рассмотрении оказалось для крестьян выгодным, то по содержанию указов за март 1803 г. и 30 июля 1808 года оное подтвердилось, о чем учиня надпись возвратить и возвращено им Михайловым к выполнению по нем, Звенигородскому Земскому Суду дав об оном знать предписать. [...] Июня 13 дня 1817.

Прошение дворового человека Григория Михайлова о пересмотре договора о плотине и мельнице на реке Истра в Ивановском³⁹, 1822

Его Сиятельству Господину Генерал от Кавалерии, Московскому Военному Генерал Губернатору, Государственнаго Совета Члену и Разных Орденов Кавалеру, Князю Дмитрию Владимировичу Голицыну, Господжи Действительной Статской Советницы Елисаветы Алексеевны Голохвастовой и детей, ея двороваго человека Григория Михайлова Покорнейшее прошение.

В прошлом 1817-м году устроена мною в следствие указа Московскаго Губернскаго Правления от 8-го генваря 1816-го года за № 743-м Звенигородскаго уезда Экономическаго ведомства Вельяминовской волости при селце Ивановском на реке Истре мукомольная и сукновальная мельница о четырех поставах, которой устроение на таком месте, где прежде оной не было, доставляет казенным крестьянам ту выгоду, что хлеб их мелется и сукна валяются безденежно, сопряжено было для меня с значительными издержками. А потому, как Ваше Сиятельство усмотреть изволит из прилагаемаго при сем в оригинале условия, заключеннаго с ведома Московской Казенной Палаты, крестьяне селца Ивановскаго предоставили мне содержание оной на десять лет, из коих восемь безденежно, а последние два года с ежегодным платежем по триста рублей.

Так как мельница сия во время заведения ея была еще независима от Управления путей сообщения, то в разсуждении плотины поставлено мне было в обязанность как Ивановскими крестья-

янами, так и Губернским Начальством устроить оную так только, чтобы не могло быть ни малейшей остановки в прогоне лесу и дров, также подтопу дачам и подпору мельницам, что и соблюдено мною в точности. И с того времени лес и дрова проходили чрез оную безпрепятственно и жалоб ни от кого на меня приносимо Земскому Суду никогда не было.

Ныне же Московское Губернское Правление посредством Звенигородского Земского суда принуждает меня привести вышеозначенную плотину в совершенно новый вид, согласно положению, изъясненному в Рапорте оному Правлению г. Генерал Майора Апухтина, что и должно стоить новых и весьма значительных издержек.

Посему я осмелился прибегнуть под начальническую и благотельную защиту Вашего Сиятельства с покорнейшею просьбою, чтоб Ваше Сиятельство благоволили обратить правосудное внимание Ваше на то, что я принимая на себя устройство сей мельницы не мог предвидеть перемен зависящих от воли Начальства, и соизволили бы повелеть, чтоб перестройка плотины была отложена до истечения срочного времени. Будь же она должна быть произведена немедленно, то возложить устройство оной вновь на щет [счет] Ивановских крестьян, как всегдашних хозяев оной с тем, что будь они пожелают, чтоб она была устроена трудами и иждивением моим, то бы предоставлено им было по полюбовному соглашению со мною продолжить мне еще на несколько лет безденежное содержание оной.

Май дня 1822 года. [...]

К сему прошению дваровой человек Григорий Михайлов руку приложил.

Обязательство о не потоплении крестьянских лугов деревни Санниково⁴⁰, 1824

1824-го года декабря дня содержатель принадлежащей Звенигородской округи Экономическаго ведомства сельцу Ивановскому мукомольной мельницы вообще с сукновальельною состоящей на реке Истре господина надворного советника и кавалера Дмитрия Павловича Голохвастова дворовой человек Григорей Михайлов, находящемся ныне на месте для свидетельства оной мельницы Звенигородскому Земскому исправнику и кавалеру господину Кочергину дал сию подписку в том, что хотя спрудная накопная при оной мельнице вода на дачи принадлежащая крестьянам деревни Санниковой нигде не выливается и ни малейшаго подтопа или залива как луговым местам так озерам и огородам не имеется, но во избежание всякаго Судопроизводства и желая доставить спокойствие обязуюсь крестьянам деревни Санниковой, пока мельница сия до истечения срочного времени будет находится в моем владении и на теперешнем месте да и накопная вода будет в таком возвышении как ныне [...] каждагодно [обязуюсь] платить по сту [100] рублей. А если [...] оная мельница по случаю распоряжения начальством водяной комуникации будет снесена и устроена от нынешнего ея места по течению реки гораздо ниже [...] то тогда никакого от меня им крестьянам платежа делано не будет [...]

К сей потписке дваровой человек Григорий Михайлов руку приложил.

Сведения об Ивановской суконной фабрике, 1840-е

Ведомость о суконной фабрике, принадлежащей Звенигородскому 3-й гильдии Купцу Павлу Григорьеву Цурикову, находящейся Московской губернии Звенигородского уезда при сельце Ивановском при реке Истре, заведенной с 1830 г.⁴¹

- 1). Сортировка шерсти на фабрике не имеется.
- 2). Мойка шерсти на фабрике не имеется.
- 3). Трепание шерсти производится 3 механическими машинами, действующия водою, при оных рабочих людей 4 человек, оная работа продолжается в течении суток 14 часов. Чиска оной шерсти производится ручной работой, при оной чиске находится рабочих 80 человек.
- 4). Замасливание шерсти производится ручной работой, при оной находится рабочих 2 человека. Оная работа продолжается в течение суток 14 часов.
- 5). Красильнаго заведения при фабрике не имеется, а отправляются сукна в Москву бельем к купцу Шапошникову, от которого получается мытая белая шерсть для выработки сукон.
- 6). Чесание шерсти производится чесальными машинами, которых находится при фабрике 15 действующих водою. При оных находится рабочих людей 12 человек. На оных машинах вырабатывается шерсти до 16 пудов. Оная работы продолжаются в течение суток 14 часов.

7). Прядение шерсти: Машин имеется при фабрике 5, действующая ручной работой, при оных машинах рабочих 25 человек. И в каждой машине по 60 веретен. Тонкопрядильных машин 20, действующих тоже ручной работой и в каждой по 60 веретен. При оных машинах рабочих 20 человек. Машин 2, каждая по 260 веретен, действующих водою. При оных машинах рабочих 10 человек. Количество пряжи готовится до 16 пудов и оная работа продолжается в течение суток 14 часов.

8). Тканье сукон, снование, наклеивание: станок при фабрике имеется 108. При оных станах рабочих людей находится 108 человек. Еще 2 стана механических, действующих водою, при оных рабочих 2 человека [...] на всех станах вырабатывается суровых сукон в течение года 3.500 полуштук, в каждом полуштуке меры 35 аршин. [...]

9). Имеется при фабрике сукновальтельных 2 инструмента молотками, в каждом по 6 ступ, действующих водою. При оных рабочих 10 человек. Промывных машин 2, действующих водою, рабочих 2 человека. Работа производится в день и ночь.

10). Ворсовка сукон производится машинная, оных ворсовых машин 12, действующих водою, при оных находится рабочих 48 человек. Работа производится в день и ночь. По окончании ворсовки становится сукно. [...]

11). Стрижка сукна производится на стригальных машинах, оных имеется 1 продольная и 7 поперечных. Рабочих находится при оных машинах 32 человека. Работа производится в день и ночь, оные машины действующая водою.

12). Чищение сукон: Бастовальных машин при фабрике не имеется.

13). Прессование: Прессовки при фабрике не имеется.

14). Декатировка: Декатировки при фабрике не имеется.

На фабрике имеется прикащик 1, конторщик 1, магазинщик 1, мастеров [...] ткацкий 1, ворсовой 1, стрегальной 1. Рабочих людей трепальщиков 4, шерстяницы 80, [...] настальщиков 12, [...] присучальщиков 20, тонкопрядильщиков 20, [...] ткачей 110, сновальщиков 10, [нрзб] 52, сукновалов 10, промывальщиков 2, ворсаков 48, стригачей 32, сторожей 4, слесарей 3, столяра 2. А всего 433. Все оныя вольнонаемныя русския.

Шерсть шлейская [нрзб] белая получается из Москвы от купца Семена Иванова Шапошникова, к которому и доставляется отделанное бельем сукно до 3.500 штук, мерою в каждой штуке по 26 арш. Из получаемой от него [нрзб] сдельной платы по 11 [12?] руб. 14 коп серебром за штуку.

К сей ведомости звенигородской 3-й гильдии купец Павел Григорьев Цуриков руку приложил.

Договор (четвертый) на продление аренды мельницы и земли, 1846

(по материалам архивного дела⁴²).

1846 года декабря 4 дня г. Действительного Статского Советника Дмитрия Павловича Голохвастова дворовой человек Григорий Михайлов сын Цуриков заключил сие условие с рыбушкинским Волостным правлением, вследствие предварительного договора с крестьянами Рыбушкинской волости сельца Ивановскаго и утвержденных Высшим начальством Кондичий [условий] на отдачу ему Цурикову мукомольной мельницы, состоящей при означенном сельце Ивановском на реке Истре с принадлежащею к оной мельнице землею и особаго в том же месте участка земли, на котором находится устроенное на собственный его Цурикова счет сукновальное заведение с машинами и сушильными сараями, на следующих кондичиях:

1) Заключенным с утверждения Московской Казенной палаты крестьянами сельца Ивановскаго с ним Цуриковым в 18 день июня 1838 года условием отданы ему в оброчное содержание мукомольная мельница с землею при оной и под сукновальным заведением в количестве до 2-х десятин сроком с 1 марта 1839 года впредь на 10 лет, т.е. по 1-е же марта 1849 года. Хотя срок по сему условию еще не истек, но крестьяне по взаимному с Цуриковым согласию уничтожили то условие заключить новое. А как по сырости места, на котором ныне состоит сукновальное заведение, необходимо устроить новые сушильные сараи на возвышенном и сухом месте, для чего крестьяне согласились уступить ему Цурикову еще часть земли и именно к дороге из сельца Ивановскаго в сельцо Красновидово в таком количестве, чтобы все отведенное к мельнице и по сукнодельное заведение пространство земли не простиралось более трех десятин, в следствие чего и представляется ему Цурикову означенную мельницу с мукомольными поставами и сукновальными снарядами сколько их ныне имеется равно и землю. Как прежде содержимую так и вновь добавляемую всего не более 3-х десятин иметь в своем

оброчном содержании сроком с 1 марта сего 1846 г. впредь на 15 лет то есть по 1 марта 1861 года.

2) В продолжение сего срока он Цуриков обязан платить Ивановским крестьянам за землю по 164 руб. 28 коп. и за мельницу по 185 руб. 72 коп., вообще по 350 руб. серебром в год, производя сии платежи два раза в год именно в марте и сентябре месяце за каждое полгода вперед.

3) При означенной мельнице должен он Цуриков иметь в действии не менее 4-х поставов или Снастей: два мукомольных и два сукновальных. Впрочем если по усмотрению его Цурикова будет возможно к 4-м поставам прибавить и еще, то Ивановским крестьянам в том препятствия не делать, равно и в постройке новых строений каменных или деревянных на снятой им Цуриковым земле, какая для сукноделия потребуются не препятствовать.

4) Нынешнее мельничное строение заключает в себе два амбара длиною каждый по 13, шириною по 10 аршин, две жилые избы каждая по 8 аршин и двор бревенчатый. Каковыя строения со всеми в них снастями или поставами мельничными должны быть после срока зданы крестьянам на ходу в полном виде, а мельничные амбары и строения, если они в течение 15-летнего срока придут в ветхость, выстроить и переправить вновь. Прочия же строения к сукноделию относящиеся по окончании срока остаются в пользу Цурикова как его собственность и Ивановским крестьянам до того дела нет и не почему не вступаться.

5) Будь Цурикову по нечаянной необходимости то есть для укрепления каторого либо берега реки Истры или в случае повреждения береговых укреплений и плотины понадобится земля, то брать ему на прежнем месте безпрепятственно для запруды воды. Плотину содержать шпунтовую в том месте и в том положении как ныне она существует, а равно и спрудную воду иметь в том возвышении в каком ныне состоит. В случае повреждения плотины исправлять оную Цурикову своим капиталом и своими рабочими людьми.

6) Сверх вышеозначенной денежной платы Цуриков должен молоть на всех Ивановских крестьян безденежно всякого рода хлеб на одном поставе, как собственный так и покупной только для домашнего продовольствия крестьян. А если кто будет молоть для продажи, то с таковых Цуриков имеет право требовать за помол деньги наравне с посторонними помольцами. Равным образом обязан он Цуриков валять безденежно для Ивановских крестьян руския их сукна, но только собственно их ткачества.

7) Если я Цуриков в платеже оброка буду не исправен или же не стану исполнять в точности и других по договору кондиций, то крестьяне имеют права от содержания мельницы и земли мне Цурикову отказать прежде истечения 15-ти летнего срока, в каком случае он все свои фабричныя строения должен продать или с крестьянской земли снести куда хочет и употребить оная в свою пользу, а мельницу со всеми к ней мельничными принадлежностями и инструментами предоставить в распоряжение использования Ивановских крестьян для отдачи другим, желающим.

8) Если Цуриков в течение срочного по контракту времени пожелает передать мельницу с землей и сукнодельным заведением или даже и вовсе последнее кому-либо продать с передачею находящейся под ним землею, то крестьянам ему в сем не препятствовать с тем однако ж, чтобы новый Содержатель мельницы и земли обязался исполнять в точности все условия Цуриковым на себя принимаемая, и чтобы таковая передача была учинена не иначе как с ведома и разрешения Московской Палаты Государственных Имуществ.

9) Так как по распоряжению Высшаго правительства делается соединение Москвы реки с Волгою и для судоходства по реке Истре устраиваются спускныя ворота и шлюзы, то если при таковом устройстве или по другому какому либо случаю начальство потребует до истечения срока мельницу и плотину уничтожить, тогда платеж за мельницу оброка прекращается, а продолжаться будет за одну землю под сукнодельным заведением. Буде же и сия земля на что либо потребуется казне, в таком случае обязан я Цуриков все строения с принадлежностями относящиеся до сукноделия сломать на свой счет и в свою пользу, а принадлежащую крестьянам мельницу обязаны они сломать так же на свой счет составлением мельничных строений снасти и инструментов в пользу их. Разчет в платеже оброчной суммы как за мельницу так и за землю под сукнодельными строениями сделать по день прекращения права содержания и ни той, ни другой стороне никаких убытков не требовать и не отыскивать.

10) Если при устройстве начальством путей сообщения ворот и шлюзов спрудная вода спустится или до запрудного бруса откроется и от чего мельница в действии остановится, а сукновальное прекратится, то крестьянам оброчных деняг [денег] за то время в течении которого действие силою воды реки Истры не будет с него Цурикова не требовать, а так же и он не должен взыскивать с кре-

стьян никаких либо по сему случаю убытков.

11) Рабочих людей на мельнице и на заведении своем я Цуриков должен иметь с указными видами, в противном случае отвечать мне самому, а крестьян ни да каких хлопот и убытков не доводить.

12) Если в течение срочного по условию времени означенная мельница сгорит от небрежения моего Цурикова или моих рабочих людей, то обязан я построить мельницу с принадлежностями вновь на свой счет в том же самом виде как прежде была. Буде ж сгорит мельница от грозы и молнии или же по следствию окажется, что несчастье это произошло от соседственного пожара или от поджигательства, в таком случае к новой постройке мельницы его Цурикова не принуждать и оставить сие на его волю.

13) Так как годовой оброк за мельницу и землю составляет 350 руб. серебром, а мельничный амбар с сараями снастями и разными принадлежностями в особой описи означенными оценены в 857 руб. серебром, то в обеспечение исправного платежа оброка и целости мельничных строений обязан я Цуриков при самом заключении сего условия внести в рыбушкинское волостное правление третью часть годового оброка и оценки и именно 402 руб. 33 коп. серебром деньгами или билетами Сохранной Казны. Равным образом в оное же правление должен вносить половину годового за мельницу и землю оброка, а другую равную половину в Лукинское сельское правление в мирской капитал. По окончании же срока содержания мельницы и по исправной здаче оной согласно сему условию Ивановским крестьянам, если тогда по обоюдному нашему согласию и разрешению начальства вновь мельница снята мною не будет, вышеупомянутый залог мне возвратить, и наконец

14) условие сие с обеих сторон хранить Свято и ненарушимо. Подлинное иметь мне Цурикову, а копею с оного хранить в рыбушкинском волостном правлении.

К сему условию действительного статского советника и кавалера Дмитрия Павловича Голохвастова дворовой человек Григорий Михайлов Цуриков руку приложил.

Волостной Голова [... подпись] Волостный заседатель [... подпись] Лукинский сельский староста [... подпись] Поверенный от крестьян селца Ивановскаго [... подпись]

Описание производства сукна на Павловской фабрике

Суконная фабрика С. П. Ягужинского⁴³

[...] Для обеспечения армии сукном, как и другими припасами, существовало комиссариатское ведомство. Оно закупало у фабрикантов продукцию по заранее определенным ценам. Производителям эти цены, как правило, казались заниженными. Но деваться было некуда. Обязательные поставки составляли от 500 до 1000 аришин с одного ткацкого стана ежегодно.

Изготовление сукна имело три стадии: производство пряжи, приготовление суконного полотна (суровья) и его отделка. Пряжа для сукна должна быть как можно более пушистой, с короткими волокнами и не сильно вытягиваться при прядении. Сначала шерсть расчесывали, превращая ее в более-менее однородную массу волокон — вату. Шерстяную вату подавали тонким слоем на барабан. Чтобы слой был равномерным, вату отвешивали равными порциями специальные рабочие, или это делали машины — «питатели».

Когда слой ваты на барабане достигал определенной толщины, его снимали и пересчитывали, то есть прочесывали поперек того направления, в котором вата вышла из первой машины. Затем она поступала в машину, которая называлась ровничной или ленточной. Здесь тонкий слой ваты разделялся на множество ленточек, которые тут же скатывались между двумя кожаными поверхностями и принимали вид тонких жгутиков, или ровницы. Ровница поступала в тонкопрядильные машины, где утоньшалась и превращалась в пряжу. Перед ткачеством она разматывалась, сновалась и проклеивалась (шлихтовалась), обычно столярным мездряным клеем.

Ткачество происходило на массивных ручных или механических станках с медленным ходом. Сукно всегда ткалось полотняным переплетением, наиболее удобным для валки. С ткацкого станка сходило суровье, тканая основа сукна. Чтобы стать сукном оно красилось, ворсовалось, стриглось и прессовалось. Засоренное посторонними примесями суровье предварительно подвергалось обработке слабыми растворами кислот или других химикатов, которые разрушают растительную клетчатку, но почти не действуют на волокна шерсти.

Следующий этап производства — собственно сукновальное. Оно происходило в сукновальной машине, простейшей формой которой являлось деревянное корыто и пест. Дно корыта было ско-

шено уступами, и при ударах песта лежащее в корыте сукно как бы сбивалось вниз, и нити его равномерно уплотнялись. Для облегчения сваливания ткань постоянно смачивали теплым раствором мыла, соды или специальной сукновальной глины. Хорошо сваленный товар не должен был показывать на просвет ни малейших расстояний между нитями.

Затем следовало ворсование. Для этой операции применялись так называемые ворсильные шишки, соцветия растения, которое так и называли «ворсянкой», «кардовкой» или «чесалкой». Похожие на шишки хвойных растений они имеют чешуйки, заканчивающиеся острыми крючками. Это было промышленное растение, разводимое ради шишек. Лучшими считались французские (авиньонские) шишки, немецкие уступали им. В России разведение этого растения началось только в XIX в. в южных губерниях. Шишки закреплялись на особом барабане, который вращался со значительной скоростью, а вплотную к нему, по касательной, протягивалась ткань. Шишки имели то преимущество перед металлическими приспособлениями, что они не ржавели от постоянного соприкосновения с мокрой материей.

Далее образовавшийся ворс выравнивался. Сначала ткань сушили и приглаживали щетками, затем пропускали через стригальный валик. Несколько винтообразно направленных лезвий, расположенных на валике, проходили на очень близком расстоянии от ткани и срезали ворсинки под один уровень. В зависимости от предполагаемого качества сукна его стригли продольно, поперечно, или и вдоль и поперек. Однообразный по наклону и направлению ворс закреплялся продолжительным горячим прессованием. Ткань при этом находилась не в развернутом виде, а в сложенных кусках. После одного сеанса прессования куски переворачивали так, чтобы участки ткани, пришедшиеся на сгибы, оказались расправленными, после чего куски прессовались вторично. Иногда этот способ прессования заменялся пропуском ткани через цилиндрический пресс. Прессование придавало ткани ненужный блеск, поэтому для восстановления матовости «ее распаривали, отчего кончики волокон слегка и равномерно приподымались».

Описание производства на Ивановской фабрике, 1882 (выдержки из сборника санитарной статистики А. В. Погожева⁴⁴).

Частное описание фабричных заведений Звенигородского уезда.

1. **Суконная фабрика Цуриковой.** Осмотр. 11 [...] Марта 1882 года. См. план № 1. [Приложение–16].

Общая сведения. Фабрика вдовы дейст. совет. Анны Сергеевны Цуриковой находится при с. Ивановском Лучинской вол. Звенигородского уезда, на расстоянии 50 вер. от Москвы, 16 вер. от г. Звенигорода. От фабрики до Волоколамского шоссе на Москву проложено особое фабричное шоссе на протяжении 5 вер., а до Крюковской ст. Никол. желез. дор., по словам фабричной администрации, считается около 20 вер., хотя впрочем товар отправляется в Москву исключительно на лошадях, без перегрузки. В своем первоначальном виде, фабрика возникла около 43 л. тому назад, причем вначале на месте ее была мукомольная мельница, затем сукновальня местного крестьянина Цурикова, работавшего на известную казенную суконную фабрику в с. Павловском Звенигородского уезда. Начиная с крымской войны, дела владельца этой сперва маленькой сукновальни стали все более и более расширяться, а сам г. Цуриков из крепостного крестьянина достиг высших чинов, почестей и богатства. Таким образом, время возникновения этой громадной суконной фабрики можно считать около 1837–57 гг. Работа на фабрике производится в настоящее время постоянно, кроме небольших перерывов на Святой и Фоминой неделе, одного дня Рождества и трех дней масленицы.

Топография местности. Фабрика лежит в глубокой ложине и расположена в виде амфитеатра на правом берегу р. Истры у подножья двух довольно высоких гор. Ниже фабрики, по течению реки Истры лежат д. Красновидово в 1 вер. и с. Лужки в 3 вер. от фабрики. По словам фабричной администрации река, до своего впадения в Москву р., делает очень много поворотов и зигзагов, сохраняя везде довольно сильное течение. С трех сторон фабрика окружена холмами и лесом, причем на северо-восток находятся гора, фабричная церковь и с. Ивановское, а на северо-запад широкой лентой извивается р. Истра. Кроме этой реки, на фабричном дворе имеются ручей Студенец и 2 колодца, из коих один рытый, другой родниковый. В одном из этих колодцев уровень воды, отстоящей от поверхности земли на 9 ар., почти постоянно, кроме весны и лета, равняется около 1 ½ ар.

Сведения о строениях. Взаимное расположение всех фабричных зданий, широко раскинувшихся по правому берегу р. Истры, лучше всего можно видеть на прилагаемом плане, а потому не станем

останавливаться на внешнем описании фабрики. Заметим лишь, что, судя по первому впечатлению, живописное местоположение, красивые фронтоны главных фабричных корпусов, выкрашенные в темно-красную краску с белыми продольными полосами, архитектурные украшения, в виде различных ваз, гербов и т. п. на фронтонах, деревянные, окрашенные под кирпич, красивые будочки для писсуаров и ретирадов, и т. д. вполне могли бы подтвердить справедливость мнения местного исправника, что «это, в сравнении с другими, просто, красавица, а не фабрика.» Действительно, с внешней стороны, фабрика производит чрезвычайно отрадное впечатление: фабричный двор содержится довольно чисто, архитектура резко отличается от обычного фабричного шаблона, далее, перед одним из главных фабричных корпусов устроен даже фонтан, пускаемый, как говорят, по временам. Однако мы должны заранее оговориться, что такое благоприятное мнение о фабрике, спустя некоторое время, изменяется значительно к худшему, если мы не будем ограничиваться при исследовании одной лишь казовой [показной – Авт.] стороной, но, придерживаясь объективного, так сказать, клинического осмотра фабрики, вникнем в ее внутренний склад, о котором будет речь ниже. Наружные размеры главнейших фабричных и жилых строений, а также сведения о числе этажей, матерьял постройки и специальном назначении каждого здания указаны в нижеследующей таблице. Почти все строения выстроены из кирпича и крыты железом. Кроме зданий, непосредственно входящих в состав фабрики, в стороне от нея возвышается громадный белый дом владелицы, окруженный парком, цветниками, орangerеями и пр.; далее, на горе находятся фабричная церковь и неподалеку от нея школа, квартиры учителя, духовного причта и пр.

Сведения о мастерских. Размер мастерских в общем колеблется от 46 до 245 куб. саж., а в среднем выводе равняется около 124 куб. саж., причем на каждого работающего, вообще говоря, приходится от 1 ½ до 19 куб. саж. или в среднем, приблизительно, 3.7 куб. саж. пространства. Степень удовлетворительности дневного освещения выражается средним отношением световой поверхности окон к площади пола = 1:12. Стены во всех мастерских кирпичные, штукатуренные, а в некоторых немногих помещениях даже выкрашены масляной краской; бревенчатые стены оказались только в здании (XXIV), где производится чистка сукна. Полы почти всюду деревянные, но в нагонной, сукновальной, шерстомойной, сортировочной и прессовой пол выложен кирпичными плитками. Отопление мастерских совершается главным образом паром. Для искусственного освещения пользуются исключительно свечами и oleиновыми лампами, ибо керосин не допускается из опасения пожара. Степень удовлетворительности искусственного освещения, которым ручные ткачи пользуются на свой счет, заставляет, вообще говоря, желать очень и очень многого, ибо oleин значительно уступает в силе света общепринятому на всех крупных мануфактурах, более дешевому газовому освещению. [...]

От нагонной (зд. I) [здание 1]¹, за глухой досчатой переборкой, отделено особое помещение, дл. и шир. 6 ар., для чистки валиков: в этой маленькой мастерской на особой чистильной машине 2 рабочих занимаются, как уже нам известно из описания других фабрик, необычайно пыльной работой, причем устраиваемый обыкновенно под чистильной машиной особый вентилятор, вообще очень мало содействует меньшему развитию пыли в таком тесном пространстве; кроме 2 упомянутых рабочих, временно приходят сюда же еще около 15 таскальчиков валиков. Сушка суровья, т. е. сукна, поступающего прямо с ткацкого станка, производится (зд. VI) при помощи особых рам, в 18 ар. длиною, выдвигаемых по рельсам, проложенным по полу в преддверии и в самой сушилке; навеска бывает 4 раза в сутки, но самая работа производится только днем. Рядом с сушилкой суровья на рамах, за капитальной каменной стеной, устроена маленькая, дл. 6 ар., шир. 4 ар., сушилка ворсовых рам для нагонных машин; работают здесь посменно круглые сутки, при весьма скромном дневном освещении. Обе сушилки нагреваются паром; от смежной нагонной оне отделяются широким проходом, который освещается одним окном в 1 ½ кв. ар., а для удаления лишнего пара и хотя бы незначительного понижения весьма высокой всегда температуры, в потолке упомянутого прохода устроена отдушина с деревянной трубой в крыше. [...]

Вентиляция. [...] форточки в окнах устроены, сравнительно говоря, в достаточном количестве, но при этом, как и во всех других случаях, не следует забывать, что влияние их на очищение воздуха от пыли или на понижение чрезмерно высокой температуры вообще крайне ничтожно, за исключением очень немногих случаев. Несравненно большего внимания заслуживают искусственные приспособления для мастерских, а именно вентиляторы, приводимые в движение паром и ветром. Мы должны заметить, что в этом отношении деятельность директора-техника на описываемой фабрике, занимающая

¹ План Ивановской суконной фабрики с обозначениями зданий I, II и др. приведен в приложении–16, изд. Р–05.

гося с любовью и старанием данным вопросом, вполне заслуживает внимания и поощрения. В виду настоятельной необходимости ввести обязательно на всех фабриках и заводах механическую систему вентиляции, мы займемся подробнее обзором всех приспособлений в этом роде, устроенных на данной фабрике. Так, в нагонной (зд. I) [здание 1] в одном из окон устроен крыльчатый вентилятор, действующий приводом и делающий около 750 оборотов в минуту, при диаметре отверстия в 1 арш. Вентилятор действует вполне удовлетворительно и, что всего замечательнее, изготовлен был на самой фабрике, вследствие чего, по словам директора, изготовление его обошлось не дороже 38–40 руб. [...].

По сведениям, сообщенным вышеупомянутым директором, все приспособления для искусственной вентиляции по отдельным корпусам распределяются следующим образом. В аппаратном корпусе (зд. XIII): один вентилятор домашнего изделия, в 34" [34 дюйма] диаметром, делает около 700 оборотов в минуту, другой (заграничный), в 20" диам. делает 1500 оборотов в минуту, третий вентилятор, диаметром 34", готовится к постановке после Пасхи. [...]

Размещение машин. [...] Что касается весьма важной в санитарно-промышленном отношении ширины проходов между отдельными машинами, а равно и между последними и стенами мастерских, то мы можем сказать, что главные машины поставлены довольно просторно. Заметим, между прочим, что, по словам директора-механика на данной фабрике, в России существует особое предписание относительно размещения машин, о чем, будто бы, известно каждому русскому технику, а именно, чтобы промежуток между отдельными машинами равнялся не менее 12 вершков. Признаемся, для нас такое заявление было приятной, но неожиданной новостью, ибо редко вообще приходилось встречать на русских фабриках даже вдвое меньший простор в размещении машин, как в этом можно убедиться из появившихся уже в печати описаний отдельных фабрик и заводов Москов. губ. Относительно фабрики г-жи Цуриковой, мы можем привести следующие сведения: стригальные машины разставлены вдоль стен достаточно просторно с промежутком = $\frac{3}{4}$ – 1 ар.; расстояние между нагонными машинами, вообще менее опасными в смысле увечья, равняется $\frac{1}{4}$ ар., по середине оставлен проход = 9 ар., а между стеной и машинами 2 $\frac{1}{2}$ ар.; далее, в одной из прядильных мастерских главный проход = 2 ар., расстояние между каретками мюльных машин и ближайшей стеной = $\frac{3}{4}$ ар., а между погонами или рельсами, по которым ходит каретка, и стеной $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ ар., между шерстопрядильными аппаратами промежуток равняется не менее 1–1 $\frac{1}{2}$ ар. и только в некоторых местах он не превышает $\frac{3}{4}$ ар. Главные шестерни ограждены деревянными щитами, но остальные, не менее опасные, движущиеся части некоторых машин прикрыты вообще недостаточно надежно. [...]

Сведения о производстве. Фабрика производит около 15000 кусков в год различных сортов сукна, сатина, трико и драпа (из мериносовых шерстей). Для производства употребляются: иленская шерсть, покупаемая в грязном виде непосредственно на известных южных ярмарках; далее, различные матерьялы для промывки, крашения сукон и пр. Заметим, что из каждого пуда грязной шерсти обыкновенно выходит из промывки всего лишь 10–12 ф. [фунт], т. е. около 25–30 %. Количественный и качественный состав различных матерьялов для производства, [...] мы считаем необходимым привести подробно, пользуясь данными конторских книг за прошлый рабочий год, т. е. с Пасхи 1880 г. до Пасхи 1881 г.

Шерсти мытой около 15.000 пуд. Дров, пней и сучьев 490.514 саж. [...]

Фабрика приводится в движение паровой, водяной и ручной силой. Два паровых двигателя, в 25 – 35 сил, и два водяных колеса, в общей сложности, около 40 сил, помещаются в отдельных каменных пристройках к главным фабричным корпусам. Передача движения от главных двигателей производится частью ремнями, частью зубчатыми колесами. Заметим кстати, что в одной из паровых, довольно высоко на дверь, вывешаны печатные правила (по Рейхе) об уходе за паровыми котлами.

Паровые котлы, числом четыре, помещаются в отдельных каменных пристройках и работают обыкновенно попеременно; чистка производится 1 раз в месяц кочегарами. По словам директора, в одной из котельных (зд. V) недавно установлены два паровых котла, которые состоят из 9 труб, входящих одна в другую, охватываемых пламенем постепенно и потому, при данном устройстве, будто бы, в меньшей степени возможна опасность взрыва, чем в котлах обычно устроенных.

Вода для производства накачивается из реки паровой машиной в баки обоих главных фабричных корпусов; кроме того, в проходе, дл. 6 ар., шир. 4 ар., с отдельной выходной наружной дверью, между сукновальной, котельной и декатировкой, помещается паровая водокачка, накачивающая воду в бак и затем по чугунным трубам к промывным машинам.

Фабрика находится под главным наблюдением зятя владелицы, Московского 1-й гильдии купца Ф. Н. [правильно: М. Е. – Максим Ефимович] Попова, ибо сама хозяйка, как говорят, ни в какие дела по фабрике лично не вмешивается и пользуется лишь доходами ея. Кроме вышеупомянутого г. Попова, торгующего

оптом сукнами в Москве и бывающего на фабрике лишь наездами, фабричная администрация состоит из следующих лиц: воскресенского куп. С. А. Теплянинова [правильно: С. И. Топленинов], получившего воспитание в частном пансионе и заведующего ныне хозяйственной частью на фабрике, далее, директора-механика, инженер-технолога Миллера, кончившего курс в Москов. Техническом Училище около 15 л. тому назад, и наконец 4 немцев мастеров, из коих только один аппаратный мастер – русский подданный, остальные же (красильный, ткацкий и ворсовый мастер) числятся германскими подданными.

Сведения о рабочих. Число наличных рабочих, во время осмотра фабрики, простиралось до 1200 чел. обоего пола. Наибольшее число рабочих, с Успения до Пасхи, равняется 1400 чел., а наименьшее, около Пасхи и во время полевых работ, можно принять равным 900 чел., но вообще, по словам фабричной администрации, численность рабочего населения почти постоянно колеблется около 1100 рабочих обоего пола. Большинство рабочих принадлежит к местному населению из ближайших деревень, а именно; на расстоянии 2–3 вер. с. Ивановское, д. Красновидово, д. Борки, с. Лужки, на расстоянии 4 – 5 вер. и более д. Борисково, с. Аносьино, д. Синяково, д. Павловское и с. Дюдьково, в 15 вер. от фабрики. Более $\frac{3}{4}$ всего фабричного населения можно считать более или менее постоянными рабочими.

Рабочие, подвергавшиеся измерению, в количестве 1042 чел., по возрасту, полу и месторождению распределяются следующим образом: [...] Малолетних (мол. 14 л.) – 101 [человек] = 9,69 %. Подростков (14–18 л.) – 224 = 21,5 %. Взрослых (18–60 л.) – 690 = 66,22 %. Стариков (свыше 60 л.) – 27 = 2,59 %. Итого 716 мужчин, 326 женщин, = 1042.

Отсюда видно, что малолетние, работающие на фабрике, составляют около 9,7 % всех рабочих; число подростков равняется 21,5 %, взрослых слишком 66 %, а стариков только 2,6 %. Далее, не безынтересно будет заметить, что число малолетних, моложе 12 л., т. е. ниже минимального возраста, указанного в законе 1-го июля 1882 г. о работе детей на фабриках и заводах, равняется всего лишь 13 чел. обоего пола, что составляет немногим более одного процента всего фабричного населения описываемой на одной из самых крупных суконных мануфактур Московской губернии. Пришлые рабочие из других уездов Москов. губ., а равно из других губерний, [...] оставляют весьма ничтожный процент. [...]

Рабочий день. Работа производится на фабрике круглые сутки по системе 8 часовых смен, но притом так, что одна смена начинает работу, положим, в воскресенье в 7 $\frac{1}{2}$ час. вечера до 4 $\frac{1}{2}$ час. утра понедельника, затем эта ночная смена сменяется дневной, работающей до 8 $\frac{1}{2}$ час. утра, а во время завтрака на полчаса снова приходит ночная смена, также как и во время обеда, на 1 $\frac{1}{2}$ часа; следовательно, дневная смена продолжается от 4 $\frac{1}{2}$ час. до 8 $\frac{1}{2}$ час. утра, от 9 до 12 $\frac{1}{2}$ час. и от 2 час. до 8 $\frac{1}{2}$ час. вечера, когда ее место заступает ночная смена и т. д. Порядок смен, в которых рабочие всех возрастов и обоего пола принимают одинаковое участие, на следующей неделе меняется обратно вышеописанному, т. е. прежняя ночная смена работает 14 часов в 3 промежутка времени втечении дня, а прежняя дневная остается на фабрике 9 часов безотлучно втечении всей ночи и кроме того 2 часа во время завтрака и обеда. Работа, как мы видели выше, прекращается накануне праздничного дня в 8 $\frac{1}{2}$ час. вечера, но «зарабатывает» очередная смена в 7 $\frac{1}{2}$ час. вечера в самый праздник, так что фабричная администрация выигрывает таким образом в начале недели лишний час рабочего времени. По прекращении работы в конце недели все рабочие последней смены обязаны остаться еще на 1–1 $\frac{1}{2}$ часа неурочного времени, которое требуется для чистки машин, препорученных им. Таким образом, свободное праздничное время составляет около 20 часов, от 8 $\frac{1}{2}$ час. вечера субботы до 7 $\frac{1}{2}$ час. веч. воскресенья, у дневной смены, и около 26 час, от 2 час. полудни в субботу до 4 $\frac{1}{2}$ час. утра в понедельник, у прежней ночной смены, которая начинала или «зарабатывала» в начале истекшей недели, и наоборот. [...]

Продолжительность рабочего дня у дневных рабочих, не участвующих в ночной работе, равняется 13 $\frac{1}{2}$ час, от 5 час. утра до 8 $\frac{1}{2}$ час. вечера, за вычетом $\frac{1}{2}$ часа на завтрак и 1 $\frac{1}{2}$ часа на обед. Работа по праздникам, по заявлению фабричной администрации, бывает лишь по ремонту машин за двойную плату, а накануне праздников кончается часом раньше обычного.

Время начала и окончания работ распределяется по фабричным башенным часам, которые находятся под наблюдением директора – механика и ставятся обыкновенно по Московским часам. Иногда часы переводятся на $\frac{1}{2}$ часа назад, ради сбережения расходов на освещение, но при этом и работа кончается полчасом раньше.

Распределение занятий между фабричными рабочими различных возрастов и полов такое же, как и на других суконных мануфактурах.

Заработная плата. Фабричная контора учиняет расчет с рабочими обыкновенно спустя 1–1 $\frac{1}{2}$ месяца, за предыдущий месяц. Рабочие получают частью сдельную, частью месячную плату, причем,

судя по заявлению фабричной администрации, месячный заработок взрослого рабочего равняется 9 – 18 руб. [...], женщины получают от 6 до 8 руб. или в среднем около 7 руб., малолетние обоего пола от 3 р. 50 к. до 6 руб. или в среднем не более 4 руб. в месяц на своих харчах.

Более подробные и точные сведения относительно размера заработной платы мы можем сообщить со слов самих рабочих, а именно:

А. Месячные рабочие.

Аппаратницы взрослые получают большей частью 4 рубля и только некоторые 5 – 6 рублей.

Аппаратницы малолетние – 3 руб., подростки – 3 р. 50 – 4 р. в месяц.

Сновальщицы – 5 руб. 20 коп., самосновальщицы 4 р. – 5 руб.

Щипалки шерсти – 5 – 6 руб. в месяц.

Мальчики и девочки на присучке получают от конторы около 3 руб. 50 коп.

Присучальщики, более взрослые и опытные 4 – 6 рублей.

Катушники (мальчики и девочки, мотающие бумажную пряжу для кромошных основ) по 3 р. 50 коп. в месяц.

Прессовщики, сукновалы и промысловики получают 9 – 13 р., Мытальщицы шерсти и сушильщики от 8 до 9 руб., таскальщики рамок (мальчики–подростки) – 3 р. 50 коп. – 5 р. 50 коп.; нагонщики – 8 р. 50 – 9 р. 50 коп., слесаря – 9 – 25 руб., а слесарные ученики 4 р. 50 к. в месяц.

В. Работающие сдельно.

Прядильщики, получающие различную плату с пуда, вырабатывают обыкновенно от 18 до 24 рублей в месяц. Ткачи на механических станках получают с куска, длиной 45 ар. в основе и 40 ар. по выходе из работы, по 6 – 7 руб., что составит 1–1 ½ куска в неделю; средняя выработка колеблется от 5 до 20 руб. в месяц; по заявлению рабочих, постом они работают всегда дружнее. Шпульники при механическом ткачестве получают 7 – 10 коп. с каждого выработанного самоткачом рубля: следовательно, успевая мотать на 2 – 3 стана, можно выработать «на круг» около 3 р. 50 к. – 5 руб. в месяц. На высших сортах, по 2 р. 50 коп. с куска (работаются при свете 2 сальных свечей), самоткач может сработать без большего обременения, на 18 – 20 р. в месяц, а перед Пасхой иные вырабатывают и на 25 руб., но при этом, «отбиваются от сна и еды». Шпульники (мальчики и девочки подростки) получают от ткачей 10 – 20 коп. с куска, причем, мотая на 2 – 3 ст., можно выработать 4 р. 50 к. в месяц и только перед Пасхой на 6 руб., «а то и на харчи едва хватает»; малолетние шпульники, в возрасте около 12 лет, успевая мотать только на 2 стана, не могут выработать более 4 руб. в месяц. [...]

Шпульники получают 8 – 10 коп. с куска, мотают на 2 – 3 стана причем, в возрасте около 14 л., выработка не превышает 3 – 4 руб. в месяц, тогда как 17-летний шпульник, который скоро должен сделаться уже ткачом, может заработать 5 – 6 р. в месяц.

Кромошники (подростки, снующие основу для кромки на 3 ручных станках, за что контора с каждого ткача вычитает по 3 к. в месяц) вырабатывают от 4 до 5 руб. в месяц. [...]

В заключение заметим, что ткачи при работе пользуются освещением на собственный счет, причем каждому ткачу требуется в месяц 6 – 7 ф. свеч (покупаются в фабричной лавке, сальные по 20 к., пальмовые по 22 коп. за фунт), а перед Пасхой, когда дни прибавляются, не более 2 – 3 ф. Таким образом, приняв во внимание страшное напряжение сил при работе, расходы на освещение, на шпульников, кромошников и пр., штрафы, вычеты и браковку, оказывается, что заработная плата ткачей на данной фабрике далеко не так велика, как может показаться на первый взгляд.

Условия найма. При найме рабочие получают обычные тетради с печатными ссылками на законы, причем в условия найма данного рабочего контора вписывает следующее: 1) размер договорной платы; 2) обязательство рабочего, в случае поломки машин или чего подобного, за эти дни платы от конторы не требовать; 3) нанявшийся за договорную плату не должен требовать прибавки к ней, или оставлять работу ранее сентября, а в противном случае лишается половины всей его заработной платы. [...]

Далее, по заявлению фабричной администрации, за порчу товара, только в крайних случаях, налагается штраф, в размере от 50 коп. до 3 руб., но, в конце рабочего года, все эти начеты обыкновенно слагаются; за прогульное время вычитывается, будто бы, только стоимость одного рабочего дня, а не три дня за день, как на других фабриках.

Условия жизни рабочих. Громадное большинство фабричных рабочих живет в ближайших деревнях в своих домах, а на самой фабрике, в особо устроенных спальнях, помещается не более 280 чел. Для помещения фабричных рабочих и мастеров устроены спальни во 2-м этаже каменного корпуса зд. XI для ручных ткачей, в 1-м этаже бревенчатого здания (XXIV) над чисткою сукон, спальня аппаратниц и пр. и наконец в каменном двухэтажном корпусе (XXVI), в 1-м этаже которого находятся две смежных кухни для ткачей и

прядильщиков, а также хлебопекарня, а во 2-м эт. две спальни для холостых рабочих и общая каморка для мастеровых. Размер общих спален колеблется от 43 до 206 куб. саж., равняясь в среднем 86.7 куб. саж., причем на 1 чел. приходится 0.7 – 1.9 или в среднем 1.2 куб. саж. пространства. Средняя удовлетворительность дневного освещения выражается отношением 1:13.6. Все жилые помещения содержатся вообще грязно. За отопление, освещение и квартиру, по заявлению фабричной администрации, с рабочих не взимается никакой платы. Летом некоторые рабочие переселяются в летние балаганы, на скоро сколоченные из досок в различных местах фабричного двора, позади более отдаленных от хозяйского дома строений. Такова в общих чертах характеристика жилых помещений рабочих на данной фабрике, а что касается внутреннего их устройства, то мы считаем не лишним сообщить некоторые бытовые сведения в этом отношении, собранные при непосредственном осмотре фабрики.

В спальне прядильщиков, присучальщиков и пр. (зд. XXVI) отгорожена досчатой переборкой, на 2 ар. недоходящей до потолка, общая камора, дл. 12 ар., шир. 8 ар., для мастеровых при фабрике. Спальня, сравнительно с другими, содержитсЯ опрятнее и более светла; на сплошных нарах вдоль стен и на 4 досчатых койках располагается для ночлега около 10–15 чел. на тюфяках, набитых ворсом, причем у некоторых имеются свои одеялы и подушки. [...]

В спальне нагонщиков (зд. XXVI) располагается для отдыха в гулевую смену и для ночевки, как говорят, не более 40 мужчин, не считая 2 ткачей и сторожа с семьями; в праздник спальня бывает занята лишь несколькими сторожами, ибо все фабричные уходят к себе домой. Обстановка этой спальни обычная: на сплошных нарах вдоль двух стен и на одной наре по середине рабочие спят вповалку, не снимая той одежды, в которой пришли с работы; от конторы рабочие получают тюфяки и подушки, набитые ворсом, причем мы насчитали в общей сложности около 47 тюфяков. Заметим, что этими постельными принадлежностями пользуются попеременно то одни, то другие рабочие, смотря по очереди в порядке гулевых и рабочих смен, а потому нет ничего удивительного, что тюфяки и подушки засалены до невозможности, не говоря уже о всем прочем. Часть спальни занята русской печью, в которой готовит кушанье каждая из вышеупомянутых живущих семей отдельно для себя. Что касается нагонщиков и пр., то каждый из них харчуетсЯ отдельно, принося из дому картофель, капусту с водой и хлеб; только некоторые из них пользуются щами, сваренными дома и принесенными на фабрику кем либо из родных, если позволит досуг. Вообще, по характеру пищи, у этих, а равно и у других рабочих при тех же условиях, бывает, по их словам, круглый год пост, ибо они «пробуют мясо только в Светлый праздник». Съестные припасы они забирают частью в фабричной лавке, частью приносят из дому, а варят в самых мастерских. При описанной системе продовольствия харчи приблизительно обходятсЯ каждому не менее 4 руб. в мясоедный месяц, который впрочем собственно ничем не отличается от постного. Так как на фабрике существует также и артельная система продовольствия, как мы увидим ниже, то становится непонятным, почему же нагонщики, получающие около 9 руб. в месяц, не участвуют в артели, где пища всегда бывает лучше. Однако, по словам самих рабочих, оказываеТСЯ, что «заработок их не позволяет вести артельного хозяйства: жирно поешь, семье ничего не останется».

Большинство аппаратниц, присучальниц и пр., помещающихся в отдельной спальне (XXIV), в праздник уходит к себе домой, а потому оне ведут, так сказать, лагерный образ жизни и понятно пользуются условиями продовольствия, еще худшими, чем холостые и семейные рабочие.

Обе мастерские для чистки сукон (зд. XXIV) служат в то же время спальней для некоторых суконниц из дальних деревень. В одной из этих мастерских помещается например, как говорят, около 15 суконниц, не считая детей, живущих при них. В другой мастерской, кроме ночующих в самой мастерской, отгорожена небольшая каморка, дл. 5 ар., шир. 3 ½ ар. и выс. 4 ар., для одной семейной суконницы, семья которой состоит из 6 чел.; муж – ткач, жена и дочь чистят сукна, сын – мотает шпули для отца, остальные 2 ребенка учатсЯ еще в школе. Было бы весьма любопытно знать бюджет этой семьи, но, к сожалению, расход на харчи остался неизвестен, ибо заборной книжки не было на лицо, а посылать за нею в контору не было времени; относительно же размера выработки всех работающих членов семьи упомянутая суконница отозвалась незнанием и запамыванием, вероятно, из боязни, присущей в подобных случаях всякому простолюдину и, в особенности, русским бабам.

Далее, в спальне ткачей (зд. XI) вдоль длинных стен, отступя несколько от них, устроены отдельные нары, дл. 26 ар., шир. 6 ар., покатыя несколько в обе стороны и снабженные небольшим досчатым возвышением для изголовья вдоль нар, на которых спят вповалку рабочие без всяких тюфяков и подушек. Что касается красильщиков, то большинство из них ночует в мастерских и только 1/3 всего числа уходит на ночь домой. Красильщики, подобно всем другим рабочим, харчуютсЯ отдельными семьями или в одиночку, принося пищу из дому или готовя ее в самых мастерских. [...]

Для рабочих при фабрике устроен харчевой амбар, откуда желающим отпускаются в кредит различ-

ные предметы первой необходимости, а именно: мука, соль, крупа и масло. Харчевая лавка находится в заведывании особаго прикащика, назначаемого фабричной администрацией. Из так называемых общественных учреждений для рабочих на данной фабрике устроены только баня, школа и больница.

Баня устроена вообще удовлетворительно, топится 2 раза в месяц, рабочие пользуются ею с платою 8 – 10 коп. в месяц с каждого работающего на фабрике.

В школе, устроенной недалеко от фабрики, около фабричной церкви, и содержимой также, как и церковный причт, на средства самой владелицы, учатся только дети, не работающие на фабрике. Взрослые в школу не принимаются, хотя мы и можем заметить, что нашлось бы не мало охотников поступить в нее из среды рабочих в возрасте 16 – 18 лет. Школа помещается в бревенчатом, одноэтажном, крытом железом здании и состоит только из одного общего класса, дл. 18 ар., шир. 11 ар. и выс. около 4 ар.; остальная часть здания занята раздевальной и квартирой учителя. Классная комната достаточно освещается 12 окнами, в 1 $\frac{3}{4}$ кв. арш., отопливается большой голландской печью; для вентиляции в окнах вставлены две больших вертушки, но форточек в зимних рамах не имеется.

Ретирад для учеников доступен изнутри крытого корридора между зданием школы и помещением для сторожа; ретирад состоит из отделения для мальчиков и девочек; в каждом отделении по 2 досчатых писсуара; столячков не имеется, но выгребная яма просто прикрыта досками с прогалами, шир. в $\frac{1}{2}$ ар., причем следует заметить, что упомянутые прогалы на столько широки, что ребенок нечаянно легко может упасть вниз в яму ретирада. В смежном ретираде для учителя устроен деревянный столячок с крышкой, а над выгребной ямой поставлена деревянная вытяжная труба.

Фабричная школа принадлежит к разряду одноклассных народных училищ с трехлетним курсом обучения; ученье продолжается с 15-го августа до 1-го июня, причем самые занятия бывают только с 9 до 12 час. утром и от 2 до 4 часов пополудни. Число учащихся равнялось в то время 73 чел. обоего пола, в возрасте 8 – 12 лет, а именно; 49 мальчиков и 24 девочки; почти все ученики принадлежали к числу тех, родителей которых работают на фабрике; сторонних крестьянских детей было ничтожное число, а работающие на фабрике дети в школу вовсе не принимаются. Персонал учащихся составляют: учитель, получающий 450 руб. в год жалованья и квартиру, законоучитель – 120 руб. в год и наконец учитель пения или регент, получающий плату по урокам, что составляет приблизительно около 80 руб. в год. Относительно влияния школы на распространение грамотности среди фабричного населения заметим, что из 716 рабочих муж. пола, подвергавшихся измерению, оказалось: грамотных 218 чел. = 30,5 %, полуграмотных, т. е. умеющих только читать 5 чел. = 0,7% и безграмотных – 493 чел. = 68,8 %.

Распределением грамотности по отдельным возрастам мы займемся впоследствии, когда приступим к сводной разработке данных, полученных при измерении роста и груди рабочих всех мало-промышленных, уездов, исследованных уже нами, а именно: Вереysкого, Рузского, Можайского, Волоколамского и Звенигородского уезда.

Больница при фабрике состоит только из двух палат, аптеки и квартиры фельдшера: в верхнем этаже или мезонине над больницей помещаются квартиры регента и прикащика по двору. Собственно для помещения больных служит только одна женская палата, дл. 10 ар., шир. 6 ар., и выс. 5 ар. с 4 железными койками, на которых имеются тюфяки из тика, набитые ворсом, подушки, байковый одеяла и больничное постельное белье. В другой палате, мужской, длиной по фасаду 7 ар., шир. 14 ар., поставлены 6 коек со всеми постельными принадлежностями, но, видимым образом, больных здесь никогда не бывает, так что она служит, главным образом, хотя, как говорят, и временно, лишь комнатой для приема доктором приходящих больных. Остальная часть больницы занята квартирой фельдшера, маленькой аптекой, дл. и шир. около 5 аршин, ватерклозетом, ванной и темным корридорчиком, шир. 3 ар., между аптекой и одной из смежных между собою палат.

Больница отопливается, главным образом, 2-мя голландскими печами; дневное освещение, вообще говоря удовлетворительно; для вентиляции в окнах устроено по одной откидной фрамуге, а в одной незанятой больными палате в окнах кроме того вделаны две маленьких вертушки. Ватерклозеты (отдельно для мужчин и женщин), а равно и ванная помещаются между обеими палатами, в общей сложности, на пространстве 3 $\frac{1}{2}$ ар. в длину по фасаду и 6 ар. в ширину; ватерклозет содержится чисто; вода накачивается ручной помпой.

Больница по штату устроена на 10 коек, что приблизительно соответствует формальному требованию закона, чтобы на каждых 100 человек, работающих на фабричном заведении приходилась, по расчету, 1 больничная койка. Далее заметим, что больница заведывается постоянным врачом, живущим на самой фабрике, втечении уже 7 лет, и получающим от конторы 2000 р. в год жалованья, квартиру, отопление и освещение. Фельдшер, помещающийся в самом здании больницы, получает около 480–550 руб. в год, не считая квартиры, отопления и освещения.

Сведения о ретирадах и удалении отбросов. Все ретирады на фабрике доступны исключительно снаружи и размещены в различных местах фабричного двора. Достойно внимания, что все они вообще довольно приличны и даже красивы снаружи, но внутри содержатся крайне грязно и устроены неудовлетворительно: один из ретирадов помещается в отдельной небольшой каменной пристройке, остальные в красивых деревянных китайских будочках. Каждый ретирад состоит из мужского и женского отделения: стольчаков нет, но над ямой настланы поперек доски с широкими прогалами; в мужских отделениях устроены досчатые желоба, по которым моча стекает в особые кадки, поставленные снаружи ретирада. Сверх того в различных местах фабричного двора, в виде красивых будочек, устроены особые писсуары, в которых моча собирается в кадках и затем употребляется для производства, именно, для промывки грязной шерсти и очесов. Не мешает далее обратить внимание на сделанное нам заявление директора фабрики, о том, что вследствие особенностей местоположения фабрики, опоясанной с одной стороны рекой, а с 3-х других сторон примыкающей, в виде амфитеатра, к подошве довольно высоких холмов, удаление животных отбросов, при данных условиях, представляет вообще не малые затруднения. [...]

Санитарная оценка. Большинство рабочих, подвергавшихся измерению на данной фабрике, обнаруживало резко заметные признаки неправильного физического развития и неудовлетворительного питания организма, слабогрудия и плохой мускулатуры; особенно жалкий вид представляли малолетние обоего пола, а также и женщины. Сообщение цифровых данных, подтверждающих вышеизложенное заключение, мы отлагаем до ближайшего времени, когда мы специально займемся обработкой антропометрического исследования фабричных рабочих осмотренных нами заведений в 5 малопромышленных уездах Москов. губ. Заметим лишь, что рабочие на описанной выше суконной фабрике г-жи Цуриковой производили, вообще говоря, несравненно худшее впечатление, чем на большинстве других суконных мануфактур Москов. губ., осмотренных нами. Обстоятельство это, в виду лучшего внешнего благоустройства данной фабрики (просторное размещение машин и усовершенствованная вентиляция), должно, без сомнения, показаться до некоторой степени странным. Что касается нас лично, то мы, в пояснение вышесказанного, можем лишь указать на следующие главнейшие причины этого явления. Во первых, фабрика г-жи Цуриковой возникла в данном месте в течение около 40 лет, и притом главная масса фабричного населения состоит из крестьян, издавна привыкших к фабричной работе, в ущерб земледелию, а равно из рабочих и потомков их, перешедших с старинной, закрывшейся ныне, известной казенной суконной Павловской фабрики, население которой было, если не ошибаемся, приписано к местным мещанам. Вторую главную причину, содействовавшую, помимо многих других, упадку физического развития местного фабричного населения на описываемой фабрике г-жи Цуриковой, составляет то, что большинство рабочих, без различия пола и возраста, почти круглый год, за исключением разве лишь праздничного времени, да и то в недостаточной степени, вынуждено питаться исключительно сухоядением, в особенности, селедками и картофелем, который варится и съедается в самых мастерских, почти во время работы. Таким образом, питание организма, в особенности, в нежном детском возрасте, когда приход должен значительно преобладать над расходом, страдает в двояком отношении: 1) вследствие неудовлетворительности качественного и количественного состава ежедневной пищи, несоответствующей условиям, при которых совершается тяжелый труд и происходит индивидуальный физический рост того или другого субъекта; 2) пища принимается крайне неправильно и притом исключительно тяжелого свойства, требующая усиленной работы стенок желудка. Всякому, даже не врачу, известно, что правильное питание организма поддерживается не абсолютным количеством съедаемой пищи, но степенью ее усвояемости (ассимиляции), ибо можно быть прожорливым и в то же время страдать упадком питания. Между тем, из данных, приводимых д-ром Эрисманом, мы можем заключить, что, и вообще то, обычная пища русских рабочих не слишком богата питательными началами, но если, как в данном случае, приходится питаться почти исключительно картофелем, съедаемым притом второпях, то условия ухудшаются еще в большей степени. В самом деле, как известно, для того, чтобы доставить организму потребное количество азота, без которого он не может существовать, нужно съесть, по меньшей мере, 10 фунтов картофеля в день, предполагая при этом, что вся съеденная пища всосется в кишечном канале, на что конечно нельзя рассчитывать при указанных выше условиях потребления и без того слишком богатого крахмалом вещества, как картофель. В результате такого исключительного питания картофелем получается то слабое поддержание существования организма, которое известный ученый Фойт называет «состоянием полуголодания». Это полуголодание становится лишь менее заметным вследствие постоянного, чрезмерного наполнения желудка и кишок. Впоследствии мы будем иметь большую возможность заняться подробным анализом указанного вопроса, а пока заметим лишь, что указанные выше неправильные условия питания фабричных сильнее выражаются в коренном фабричном населении и притом, при посредстве матерей, отражаются все сильнее и сильнее на каждом последующем подрастающем поколении.

К сожалению, относительно сведений о болезненности и смертности на данной фабрике, не смотря на то, что при ней давно уже живет особый фабричный врач, нам приходится, с тяжелым чувством досады и сожаления, ограничиться обычным, стереотипным ответом: сведений по данной рубрике программы санитарно-фабричного исследования не имеется, за исключением официальных отчетов фабричного врача Москов. Врачебной Управе. [...]

Из лежавших в больнице в 1877 г. умер только один от водянки, развившейся вследствие неизвестной причины. [...]

Таким образом, в среднем выводе за 6 лет, оказывается, что в течение года лежавших больных было 13,5 чел. обоего пола, а среднее число посещений, сделанных больными из среды фабричного населения, равняется приблизительно 2564. Отсюда можно заключить, что на данной фабрике в течение каждого года, судя по этим дутым цифрам, за исключением легких амбулаторных случаев, все «обстояло благополучно», что и требовалось доказать.

Вот все то немногое, что мы, при всем своем желании, можем сообщить о болезненности фабричного населения одной из самых крупных суконных мануфактур в Москов. губ.: ни точных цифр, на которые можно было бы положиться, ни толковых диагнозов, ни сведений о травматических повреждениях, ни других каких либо данных, столь необходимых для правильной постановки вопроса об охране жизни и здоровья фабричных рабочих! А между тем на данной фабрике есть и фабричный врач, и больница, хотя и весьма плохая, но все-таки больница: тем не менее организация медицинской помощи и в данном случае крайне неудовлетворительна и ничем не отличается от обычного типа организации фабричной медицины "на показ", ради лишь формального требования закона. Причины такого печального явления, что фабричные врачи далеко не оправдывают тех надежд, которые в праве возлагать на них наука и общество, были указаны нами в другом месте, а потому ограничимся лишь констатированием факта, что приглашение фабричной администрацией своего особого врача не служит еще гарантией правильной организации медицинской помощи на фабрике. Считаю долгом заметить, что мы лично ничего не имеем против своего уважаемого коллеги, отнесиася к нам с полным вниманием и готовностью содействовать задаче нашего исследования, но, очевидно, как фабричный врач, он поставлен в такие условия на фабрике г-жи Цуриковой, что, при всем своем желании, не может ничего сделать и должен лишь "состоять при больнице", как это требуется законом и сознанием нравственного долга со стороны фабриканта. Достойно внимания, что, собственно говоря, на фабрике производится правильный и ежедневный прием больных, но в тоже время он ведется по такой системе, оправдать которую и уяснить себе ее практическое значение мы решительно не в состоянии. Дело в том, как мы сами были свидетелями этого и как подтвердили все нижеследующее сам врач и фабричный фельдшер, больные приходят в приемную доктора лишь после того, как они явятся в аптеку и фельдшер запишет карандашом в черновую больничную книгу данную форму болезни, но не по общепринятой номенклатуре, а основываясь только на субъективном показании больного, как напр. [...] (головная боль), [...] (боль живота) и т. п. Затем фельдшер дает на клочке бумаги указанные ему симптомами болезни и с этой запиской больной отправляется в другую комнату, где доктор берет от него записку фельдшера, расспрашивает, исследует больного, дает ему совет и пишет рецепт лекарства, какое, по его мнению, полезно в данном случае. С этим рецептом больной снова отправляется в аптеку к фельдшеру, который изготавливает лекарство, отдает его больному, снова растолковывает, как его употреблять, и наконец отпускает, приказывая навестить в больницу спустя некоторое время. Та же процедура производится и со всеми остальными больными. По окончании приема фабричных и сторонних больных, причем врач, в нашем присутствии, давал очень дельные советы и относился вообще внимательно к больным, утомленный своей работой медицинский персонал расходится по домам. [...] Что на данной фабрике больница устроена только для вида и формального выполнения известного закона, видно уже из того, что из двух палат одна служит лишь для приема доктором больных, а равно и из того, что, по официальным отчетам, в больнице в течение целого года, при фабричном населении в 1 ½ тысячи человек, средним числом, бывает не более 14 больных, лечение которых требовало бы правильного больничного содержания. Следовательно, нужно предположить одно из двух: или местоположение фабрики г-жи Цуриковой обладает такими прекрасными климатическими и санитарными условиями, что, вопреки теоретическим предположениям и данным относительно других фабричных заведений и отдельных районов Москов. губ. рабочие почти совсем не болеют серьезно, или же, что заболевшим рабочим отказывают в приеме в больницу, дабы не навлечь дурной славы, что среди рабочих часто встречаются серьезные заболевания и сверх того не усиливать обычного расхода на содержание лежащих больных.

Что касается ближайшей санитарной оценки описанной выше фабрики, то, мы, в своем заключительном слове, вынуждены заметить, что фабрика г-жи Цуриковой, судя по данным объективного исследова-

ния, по внешности вообще прекрасно устроенная, в тоже время далеко не удовлетворяет всем требованиям промышленной гигиены. Для большей наглядности, мы резюмируем все вышеизложенные данные в двояком отношении: в пользу и против удовлетворительного санитарного благоустройства фабрики.

А. Хорошие стороны устройства фабрики.

1. Забота о введении усовершенствованных систем механической вентиляции мастерских. 2. Изящество внешней архитектуры фабричных зданий и ретирадов. 3. Просторное размещение машин и сравнительно большая опрятность содержания мастерских. 4. Показание фабричной администрации, что, ради удобства работающих в нагонной, промывной и других мастерских, где пол бывает постоянно мокрый, были выписаны из-за границы особые деревянные башмаки, которые однако оказались очень неудобными для рабочих. 5. Показание фабричной администрации, что, в случае увечья при работе, потерпевшему рабочему выдается, будто бы, денежное пособие в размере 3–4 руб. в месяц. 6. Приглашение особого врача, живущего при фабрике.

В. Неблагоприятные условия фабричной работы.

1. Ночная работа и неправильное, крайне изнурительное чередование смен, причем не делается никаких льгот для малолетних, подростков и женщин. 2. Отсутствие льгот для беременных и родильниц; отсутствие колыбелен, детских приютов, а равно и других общественных и вспомогательных учреждений для рабочих, [...] 3. Неудовлетворительное устройство жилых помещений для рабочих и недостаточное число отдельных спален. 4. Неудовлетворительное устройство и неопрятное содержание ретирадов. 5. Неправильные и вредные для здоровья фабричного населения условия пищевого продовольствия. 6. Отсутствие правильной организации медицинской помощи на фабрике. 7. Спуск фабричных помоев в проточные воды.

Очевидно, сравнительное значение обеих приведенных рубрик относительно наиболее важных характерных черт санитарного устройства данной фабрики далеко не соответствует одно другому, а потому мы и должны прийти к заключению, что описанная выше суконная мануфактура г-жи Цуриковой также не удовлетворительно устроена, как и все другие фабричные заведения Москов. губ. В то же время она обнаруживает, рядом с общими неблагоприятными условиями фабричной работы, присущими данной отрасли промышленности, еще и другие вредные факторы, менее резко бросающиеся в глаза на таких же мануфактурах в остальных исследованных уездах, а именно: описанная суконная фабрика, по типу своего устройства, более напоминает бумагопрядильную, чем суконную мануфактуру, ибо также пагубно отражается на санитарном благосостоянии всего фабричного населения, в особенности, женщин и малолетних. [...]

Сведения из статистического отчета по Ивановской фабрике

(по книге “Исторические сведения и отчеты за 1893–1899 гг.”⁴⁵).

Исторические и общие сведения о фабрике и рабочих.

Ивановская суконная фабрика была основана Григорием Михайловичем Цуриковым в 1830-м году. Гораздо ранее, в 1817-м году, Цуриков, специалист по организации плотин, устроил несколько выше того места, где теперь расположена фабрика, плотину и мельницу, а затем, понемногу расширяя свою деятельность, завел сукновальный будки, или ступы, на которых валял сукна для казенной фабрики в Павловской слободе и для фабриканта Шапошникова в Лихоборах.

В 30-м году были приобретены некоторые прядильные машины, и суконное производство стало организовываться на фабрике в полном своем объеме, при чем многие рабочие перешли сюда с суконной фабрики в Дютькове, Звенигородского уезда, прекратившей свое существование. Однако фабрика обратилась в самостоятельное учреждение лишь с 40-х годов, когда деятельное участие в ней принял сын Григория Михайловича Павел Григорьевич, который после смерти своего отца в 1853 году [правильно: 1852], сделался единоличным хозяином фабрики. С 1846-го года весь готовый товар начал поступать для продажи в Московский магазин и склад зятя Григория Михайловича Максима Ефимовича Попова.

С того времени началась тесная и постоянная связь коммерческих дел Цурикова и Попова, и ни один кусок товара фабрики не был продан помимо склада Попова. Особенного процветания фабрика достигла после Крымской кампании (конец 50-х годов) и после Русско-Турецкой Войны (конец 70-х годов).

После смерти П. Г. Цурикова (в 1878 году) фабрика перешла в собственность его жены Анны Сергеевны, дела же ее велись М. Е. Поповым до 1 октяб. 1887 г., когда она была приобретена у А. С. Цуриковой Поповым и перешла в его единоличное заведывание.

Долголетним помощником П. Г. Цурикова по управлению фабрикой был Михаил Афанасьевич

Бухтеев, который в течение почти 50 лет состоял главным приказчиком на фабрике (умер в 1880 году). Затем, после кратковременного директорства В. И. Королева, заведывание фабрикой перешло к С. И. Топленинову (в 1882 году), состоящему и доныне ее директором.

В настоящее время фабрика насчитывает от 700 до 800 человек рабочих, вырабатывая на круг до 15 тысяч кусков сукна, драпа и проч. в год. В прежние годы число рабочих доходило до 1.000 человек (при 2-сменной ночной и дневной работе), но выработка не на много превышала настоящую вследствие несовершенства прежних машин.

П. Г. Цуриков построил при фабрике прекрасную каменную церковь (освящена 29 сентября 1868 года), обеспечив ее содержание и имеющийся при ней причт суммой до 55 тысяч рублей. Он же устроил и школу при фабрике, снабдив ее капиталом в 10 тысяч рублей. [...]

Колебания в числе рабочих по годам зависят от большего или меньшего спроса на произведения фабрики. С осеннего времени число рабочих обыкновенно увеличивается. Состав рабочих остается из-году в год приблизительно неизменным. Рабочие служат до старости и, при выходе в отставку, заменяются большею частью ближайшими родными. Таким образом нередкость встретить рабочих, прослуживших до 40 или 50 лет на фабрике.

В 1899 году служил при церкви сторожем бывший ткач (Дрегалин), поступивший на фабрику при ее открытии в 1830 году, (был взят мальчиком в присучальщики). [...]

Вспомогательные учреждения.

1. Больница.

До конца 60-х годов при фабрике имелся лишь приемный покой с фельдшером.

С 68-го года открыта больница с особым врачом (1-й врач — Будаевский). Прием сторонних больных разрешался лишь хозяином фабрики. Место Будаевского в 1875 году занял М. М. Цветаев, который продолжал свою службу на прежних условиях до августа 1888 года. С сентября этого года больница преобразована в фабрично-земскую с особым участком из 12 соседних деревень, радиусом до 5 верст, с населением до 4.000 человек. Из этих селений и вербуются главным образом рабочие фабрики. Первым заведующим фабричным врачом явился П. А. Архангельский, земский врач, лишь навещавший фабрику, где работал ассистент его Л. С. Трудницкая. Расход за первое время реорганизации дошел до 3.372 руб. 81 коп. (за 1888/9 год). Именно: жалованье 2.120 руб., провизия — 321 руб. 32 коп., медикаменты — 540 руб. 71 коп., отопление и освещение — 135 руб. 28 коп., остальное — мелкие расходы. [...]

2. Школа.

Школа при фабрике получила свое начало одновременно с церковью, т.-е. в 1868 году. Она была переведена из села Лужков, где существовала до того времени в виде приходской. Школа в Ивановском поместилась в одном здании с церковной сторожкой; преподавателем состоял приходский священник от. Волхонский, которому помогали остальные члены причта. Учащихся бывало до 40 человек, из них — до 1/4 девочек. В 1875 году училище было расширено пристройкой, преобразовано в земское, и был приглашен особый учитель (М. И. Сафонов, воспитанник Рязанской духовной семинарии). В 1877-м году место учителя занял С. В. Соловьев, окончивший курс Поливановской семинарии. В 1875/6 году учащихся было 71 человек (7 девочек) из всех окрестных деревень, так как ближайшая школа была только в г. Воскресенске. Окончили со свидетельством 5 мальчиков. За период 20 лет (1875—1894 года) всего училось в школе 538 человек (136 девочек). Окончили со свидетельствами 154 человека (21 девочка).

Школа имеет свой капитал (12.100 руб.), пожертвованный ею основателем П. Г. Цуриковым; проценты от этого капитала прибавляются к общим расходам фабрики на школу. [...]

Список лиц, служивших на Ивановской фабрике.

1. Ткацкие мастера.

1. Федор Баскаков (1848 г.).	7. Алексей Семенович Стручков (1868 г.).
2. Роберт Мекк (1856 г.).	8. Афанасий Филиппов (1871 г.).
3. Фогель.	9. Мансбах — 4 мес.
4. Андрей Францевич Лангенбаум (до 1867 г.).	10. Мюллер — 9 мес.
5. Гавриил Андреев.	11. Федор Иванович Бухгольц (до 1874 г.).
6. Фрол Матвеев (1859 — 1870 г.).	12. Эдуард Францевич Черни (1874 — 1881 г.).

13. Иван Иванович Гротц (1881 – 1883 г.).
14. Эрнст Иванович Канизиус (1883 – 1888 г.).
15. Август Августович Рейнарц (1888 – 1892).
16. Август Фомич Навратиль (1891 – 1898 г.).
17. Василий Францевич Шмитц (с 1892 г.).

II. Отделочные (ворсовые) мастера.

1. Лев Матвеевич Кнопс (1848 г.).
2. Иван Иванович Шнейдер (1856 – 1862 г.).
3. Андрей Иванович Кениш (до 1869 г.).
4. Яков Матвеевич Мейер (до 1870 г.).
5. Христиан Христианович Кальнинг (до 1876).
6. Эрнст Иванович Иокиш (1876 – 1878 г.).
7. Василий Иванович Рёрих (1880 г.).
8. Николай Алексеев, помощник (1883 г.).
9. Иван Петрович Вольф (1880 – 1893 г.).
10. Юлий Андреевич Кениш (1893 – 1908 г.).

III. Аппарато-прядильные мастера.

1. Филипп Ретман (1849 г.).
2. Тимистер.
3. Лейман (1851 г.).
4. Петр Иванович Брузе (1852 – 1866 г.).
5. Роман Кузьмич Вейс (1866 – 1904 г.).

IV. Красильные мастера.

1. Леонтий Иванович Гехт (1848 г.).
2. Адольф Брунзель (1849 г. [сведения из другого источника]).
3. Ангельс.
4. Федор Рейх (до 1864 г.).
5. Некрасов (1865 г.).
6. Христиан Христианович Иене (до 1879 г.).
7. Михаил Егорович Коге несколько месяцев.
8. Омецинский несколько месяцев.
9. Андрей Иванович Клейн (1880 – 1881 г.).
10. Рудольф Карлович Голе (до 1884 г. и 1893 – 1895 г.).
11. Осип Осипович Штелинг (до 1891 г.).
12. Гириш (1891 – 1893 г.).
13. Август Карлович Гюбнер (1895 – 1899 г.).

V. Сукновальные мастера.

1. Софрон Афанасьев (1856 – 1871 г.).
2. Дмитрий Иванов.
3. Андрей Иванович Лепорк (несколько мес.).
4. Павел Николаевич Булатов (1874 – 1894 г.).
5. Александр Петров (1894 – 1898 г.).
6. Николай Васильевич Поле (1898 – 1903 г.).

VI. Стригальные мастера.

1. Василий Алексеевич Кудрявцев (1848 г.).
2. Иван Федорович Холодов (до 1877 г.).
3. Евгений Алексеевич Алексеев (1877 – 1886).
4. Алексей Арсентьевич Веселов (до 1892 г.).
5. Михаил Михайлович Соколов (с 1892 г.).
6. Прессовальный мастер Андрей Егоров (с 1848 г.).

VII. Сортировальные мастера.

1. Менак (1851 г.).
2. Густав Баум (1856 г.).
3. Филипп Дмитриев (до 1874 г.).
4. Василий Ермолаевич Чуйков (1877 – 1883).
5. Емельян Андреевич Михеев (до 1886 г.).
6. Василий Трифонович Левашев (до 1895 г.).

VIII. Механики.

1. Никодем.
2. Кнопс.
3. Шурыгин.
4. Петр Александров (1870 г.).
5. Оскар Дмитриевич Миллер (1881 г.).
6. Адикс.
7. Федор Адольфович Шенейх.
8. Николай Иванович Богданов.

IX. Фабричные врачи.

1. Александр Иванович Будаевский (1869 – 1875).
2. Михаил Михайлович Цветаев (1875 – 1888).
3. Анна Степановна Трудницкая (1888 – 1890).
4. Дора Семеновна Таубер (1890 – 1893 г.).
5. Николай Викторович Кирьяков (1893–1894).
6. Дора Игнатьевна Аптекман (с декаб. 1894).

X. Фельдшеры.

1. Яков Павлович Павлов.
2. Никон Осипов (наезжал из Павловской слободы до д-ра Будаевского).
3. Иван Григорьев (1870 г.).
4. Григорий Ермолаевич Ермолаев (до 1888 г.).
5. Антонида Всеволодовна Серебрякова (1889 — 1893 г.).
6. Варвара Ильинична Попова (1894 г.).
7. Мария Егоровна Локтева (1894 — 1898 г.).
8. Ольга Михайловна Русинова (акушерка, с 1897 г.).
9. Иван Васильевич Горюнов (с Пасхи 1898 г.).

12. Описание Успенской церкви, составленное священником Голубевым

(по книге в память 25-летнего юбилея храма⁴⁶, 1893).

I.

Ровно двадцать пять лет исполнилось в 1893 г. (29 Сентября) – как в 45 верстном расстоянии от г. Москвы и в 7 верстном расстоянии от г. Воскресенска, в коем находится знаменитый монастырь святейшаго патриарха Никона, именуемый «Новый Иерусалим», возник каменный, с таковою же колокольнею, храм во имя Успения Б. Матери, близ Ивановской суконной фабрики, Звенигородского уезда, Московской Епархии. Этот храм, привлекавший и привлекающий в течение 25 лет взоры многих Архипастырей¹, храмоздателей и любителей церковного украшения, как выдающейся по своей архитектуре и богатству, заслуживает того, чтобы сделать описание храма и вспомнить об его храмоздателе.

Главный храм холодный, в честь Успения Божией Матери, построенный покойным (храмоздателем) фабрикантом Действительным Статским Советником Павлом Григорьевичем Цуриковым, близ своей фабрики, – на горе, окруженной неувядаемою зеленью – сосновым бором, имеет при себе, кроме означенного, два придела теплые: на правой стороне посвященный св. Николаю, а на левой – посвященный Преподоб. Павлу Фивейскому (празд. 15 Января) – Святому, имя коего носил покойный храмоздатель. – Сей св. храм основан был в 1864 г. 25 июля с благословения и разрешения Приснопамятного Митрополита Московскаго Филарета, грамота коего, данная храмоздателю, Цурикову, гласит следующее:

«Божиею Милостию»

«Смиранный Филарет Митрополит Московский».

По благодати, дару и власти Всесвятаго и Животворящаго Духа, данной нам от самага Великаго Архидерея Господа нашего Иисуса Христа чрез святых Его Апостолы и их наместники и преемники, благословили мы Почетному гражданину Воскресенскому 1-й гильдии купцу Павлу Григорьевичу Цурикову, на изживание его построить при деревне Ивановской, Звенигородскаго уезда новую каменную церковь во имя Успения Пресв. Богородицы с двумя теплыми приделами: одним во имя Святителя Николая, и другим во имя Преподобн. Павла Фивейскаго, с таковою же при ней колокольнею, с образованием при сей церкви и новаго прихода из крестьян означенной деревни Ивановской и жителей суконной фабрики его Цурикова, состоящих ныне в приходах Церквей Петро-Павловской села Лужсков и Ильинской с. Ильинскаго на Городищах, Звенигородскаго уезда, и с учреждением особаго причта, с тем 1) чтобы построение сие было произведено во всем согласно с одобренным проектом, под смотрением архитектора, имеющаго о своих познаниях в архитектуре и строительном искусстве законное удостоверение, и под наблюдением местнаго Благочиннаго села Ильинскаго, на Городищах, священника Иоанна Покровскаго; 2) чтобы здание храма по подобию прочих церквей обращено было алтарем на восток, престолы и жертвенники были узаконенной меры вышиною одного ариина шести вершков, а длиною и шириною сообразно с потребностью и пространством алтарей и 3) чтобы по построении храма сего Благочинный и г. Цуриков просили разрешения на освящение онаго с приложением описи храма и его имуществ, как то: священнослужебных сосудов, ризницы, книг и прочих принадлежностей священнослужения; о чем сия грамота за нашим подписанием с приложением печати и дана в Царствующем граде Москве тысяча восемьсот шестьдесят четвертаго [1864] года Мая в 12 деньⁱⁱ».

В сем же году, июля 25 дня, с благословения Его Высокопреосвященства приступлено было к построению храма. Земля для постройки храма и для домов будущих священноцерковнослужителей в количестве 8 десятин и двухсот сажень, из коей 4 д. 1600 саж. покрыты сосновым лесом, была

ⁱ [сноска в книге:] Следующие Архипастыри посещали св. храм: в 1868 г. Выс. Преосв. Митроп. Иннокентий, Преосвящен. Леонид Еп. Дм. [епископ Дмитровский] 2 раза, Преосвящ. Петр; в 1869 г. Преос. Леонид Еп. Дм.; в 1870 г. Пр. Леонид Еп. Дм.; в 1871 г. Пр. Леонид Еп. Дм. 2 раза; в 1872 г. Пр. Леонид 2 раза и Митроп. Иннокентий; в 1873 г. Пр. Леонид Еп. Дмитр.; в 1874 г. Митр. Иннокентий и Еп. Леонид; в 1875 г. Еп. Леонид; в 1876 г. Еписк. Никодим. В 1878 г. Игнатий Еп. Можайский, совершил отпевание храмоздателя и Преосв. Алексий Можайский. В 1881 г. Митроп. Макарий и Пр. Алексий. В 1883 г. Митроп. Иоанникий. В 1884 г. Мисаил Еп. Можайский и Алексий Еп. Дмитров. и Алексий Еп. Дмитров. В 1885 г. Алексий Еп. Дмитров. и Александр Еп. Можайский; в 1891 г. Иоанникий митроп. Московский. (Летопись Церкви).

ⁱⁱ Грамота хранится в ризнице Церкви.

еще заранее приобретена храмовладельцем Цуриковым у крестьян дер. Ивановской, за которую тем же храмовладельцем внесен капитал крестьянам дер. Ивановской для обеспечения их от оброков в количестве 26.000 р. Работы по построению храма, начатые в 1864 г., были окончены в 1868 г. и храм совсем был готов к освящению, которое, с благословения Его Высокопреосвященства Митрополита Иннокентия, и состоялось в 1868 г. 29 Сентября, в воскресный день. Освящение храма было торжественное: накануне освящения храма было совершено всенощное бдение Его Преосвященством, Преосвященнейшим Леонидом, Епископом Дмитровским. В самый день освящения к литургии изволил прибыть Высокопреосвященнейший Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский, который освящение настоящего храма во имя Успения Божией Матери и совершил лично, в сослужении Преосвященного Леонида, Епископа Дмитровского, Викария Московского и Преосвященного Петра, Члена Московской Синодальной канцелярии, Настоятеля Ставропигиального Воскресенского монастыря, именуемого Новый Иерусалим. Приделы же сего храма, по благословению Владыки Митрополита Иннокентия, были освящены в тот же день: с южной стороны во имя Святителя Николая Наместником Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря Игуменом Галактионом, который пожертвовал ко дню освящения храма богатое облачение, а с северной стороны во имя Преподобного Павла Фивейского священником сего храма благочинным Иаковом Волхонским. Погода в день освящения храма была прекрасная. Стечение молящихся из окрестных сел и деревень было столь велико, что храм не мог всех вместить, и многим из богомольцев пришлось стоять во время Богослужения на улице. Многие почетные и знатные лица нарочито прибыли из Москвы ко дню освящения. Мало этого, с раннего утра в день освящения храма до позднего вечера храм был отперт для желающих посмотреть его благолепия и только глубокая ночь заставила затворить двери храма. И до сих пор храм часто посещается, как Архиепископами, так и любителями церковного благолепия. Уже по одному этому можно судить о благолепии и украшении храма.

В главном храме – летнем во имя Успения Божией Матери весь иконостас сияет золотом с различными цветочными украшениями; все иконы фряжского письма чеканной работы, подсвечники, запрестольный семисвещник и паникадило медные-литые, позлащенные; лампы у икон все серебряные, тоже позлащенные. Теплые приделы с правой стороны во имя Святителя Николая, в котором приделе покоится прах храмовладельца Павла Григорьевича, а с левой – во имя Преп. Павла Фивейского тоже богато украшены. Иконостасы блестят золотом и иконы такого же письма, как в главном храме; стены росписаны картинами фряжского письма. Все подсвечники и паникадила (3) медные литые – позлащенные, все лампы серебро позлащенные. Вообще храм утварью богат, так что долго и очень долго он не будет нуждаться в ней. Если же и будет нужда какая в церкви, то она легко может быть устранена, благодаря капиталу в количестве 16.000 рублей, внесенному покойным храмовладельцем Цуриковым на обеспечение храма.

Причт при храме, по желанию храмовладельца, четырехчленный и состоит из Священника, Дьякона и двух псаломщиков. Дома для священноцерковнослужителей были выстроены храмовладельцем же, кои по прошествии 12 лет отданы в собственность причта.

Приход к сему храму образовался из крестьян деревни Ивановской, (в кол. 140 д., кои до сего времени принадлежали к двум приходам: в село Ильинское на Городищах (в 5 в.) и в с. Лужки (в 4 в.), сообщение с прежними храмами было крайне неудобное), и из рабочих, проживающих на фабрике. Для более безбедного существования причта покойным храмовладельцем отказан на вечное поминовение его и его родственников капитал в процентных бумагах на 26.000 р.; процентами с коего и пользуется причт.

II.

Сообщаем краткия сведения о храмовладельце П. Г. Цурикове.

Павел Григорьевич Цуриков родился в 1812 г. 3 Января в крестьянской семье не богатой по своим средствам, но богатой по своей нравственности. Воспитанный с юности в духе св. православной веры и правилах строгой нравственности, он остался таким же и в то время, когда стал обладать своими средствами, более или менее, значительными, когда он уже стал иметь свою собственную суконную фабрику, близ коей построен, им храм. С этого времени, можно сказать, в нем даже больше проявились религиозныя и нравственныя потребности благочестивой души его. Он начинает жертвовать из своих средств, так же как и его родитель Григорий Михайлович, на украшение соседних храмов и обителей. Благотворительность его, унаследованная от благочестива-

го родителяⁱ стала принимать все большие размеры и вскоре делается известною всей России. Сам он, как любитель Церковнаго Богослужения, желает, чтобы и работающие на его фабрике не оставались без Богослужения под воскресные и праздничные дни. Для этого под воскресные и праздничные дни из села Лужков, куда в приходе принадлежала фабрика, он стал приглашать на фабрику свой причт для служения всенощнаго бдения. Но этого мало. Ему хочется, что бы все трудящиеся на фабрике, а равно и сам он посещали Божественную литургию. Но где же посещать? Храмы далеко! Сообщение неудобно!!! И вот у него является мысль и душевное желание иметь свой храм; но он таит еще до времени это свое желание. Наконец, настал 1864 год, в котором и суждено было осуществиться желанию Павла Григорьевича. О своем желании и решительном намерении построить свой храм он открывает самому близкому для него человеку – своей супруге Анне Сергеевне, которая вполне сочувствуя его святому желанию, дает ему совет не медлить совершением этого святого дела и он не медлит: в сем же 1864 г. испрашивает разрешение на построение храма близ своей фабрики (на собственные средства) у Епархиальнаго Начальства и немедленно по получении разрешения приступает к построению его. Нужно заметить, что его благочестивая супруга еще раньше в виду неудобнаго сообщения с приходским храмом, а иногда даже и невозможнаго, советовала ему построить свой собственный храм.

Соорудив близ своей фабрики св. храм в честь Успения Б. Матери, покойный храмоздатель не оставлял его до самой своей кончины, как своею заботою об украшении его, так и своим посещением. Он, как любитель церковнаго Богослужения и человек глубоко верующий, не пропускал ни одной Божественной литургии. Мало этого, он исходатайствовал пред Его Высок. Преосв. Митрополит. Иннокентием разрешение под дни воскресные и праздничные совершать всенощное бдение с торжественным звоном для фабричнаго населения, кроме того сам поставил за правило, чтобы в его храме 4 раза или по крайней мере 3 раза на буднях в неделю совершалась литургияⁱⁱ, за которой всегда его можно было видеть молящимся. Даже самая болезнь, которую он чувствовал не могла удержать его от посещения службы Божией. 1877 г. 6-го Декабря в день храмоваго праздника великаго угодника Божия Николая Чудотворца в последний раз он пришел в церковь Божию. Изнемогая от болезни, и не будучи в состоянии стоять, он склонился на колена, и в слезном сознании пред Богом грехов своих вольных и невольных, отдавался любви Божией в воздыхании душевнаго Богохваления, в сладком забытии всего земнаго, в полноте умиления сердца, молился весь погруженный в помышления и ощущения небесныя. Выходя из храма по обыкновению, он своими руками роздал милостыню нищим и здесь захваченная простуда, dokonчила его земное существование. С тех пор усиливающаяся болезнь не позволила ему уже быть в храме Господнем, он слег в постель и в 1878 г. 5 Января волею Божиею отошел в вечность на 66-м году своей жизни. Погребение его совершал Преосвященный Игнатий Епископ Можайский, Викарий Московский. При отпевании, а равно и при заупокойной литургии стечение молящихся, пришедших воздать последний долг своему щедрому и незабвенному благотворителю, было громадное. По окончании отпевания гроб с прахом Павла Григорьевича был опущен в склеп, устроенный в приделе св. Николая, где сам покойный еще при жизни избрал себе место для вечнаго своего упокоения.

Вечная память тебе, Боголюбивый храмоздатель!! [...] 1893 г., 18 сентября.

Составлено Священником Успенской, что при Ивановской суконной фабрики, церкви Московской губернии, Звенигородскаго уезда Николаем Голубевым.

ⁱ [сноска в книге:] В пяти верстах от Ивановской фабрики есть небогатая женская Аносина обитель; в эту обитель отец Павла Григорьевича Григорий Михайлович ежегодно целый обоз с хлебом и крупю в день Благовещения жертвовал. Но имени благотворителя из обители Аносиной никто не знал, только по смерти его сын его Павел Григорьевич сказал в монастыре, что ваш благодетель умер, молитесь о рабе Божии Григории. (М. Ц. Вед. 1878 г. № 8) [правильно: Московские епархиальные ведомости, 1878, № 8, с. 81–82].

ⁱⁱ [сноска в книге:] Заведенный порядок г. Цуриковым благодаря гг. Поповым, родственникам покойнаго храмоздателя Цурикова, кои владеют, в настоящее время фабрикой, соблюдается и до сих пор. Хор для пения в Храме Божием, устроенный Цуриковым, существует и до сих пор, благодаря гг. Поповым, кои ежегодно уделяют из своих средств значительное количество на поддержание церковнаго благолепия. А до гг. Поповых после смерти храмоздателя П. Г. Цурикова заведенный порядок им поддерживала его благочестивая супруга Анна Сергеевна, которая по передаче фабрики своим родственникам Поповым, переехала жить в г. Воскресенск, где живет и в настоящее время.

13. Дополнительные сведения об Успенской церкви

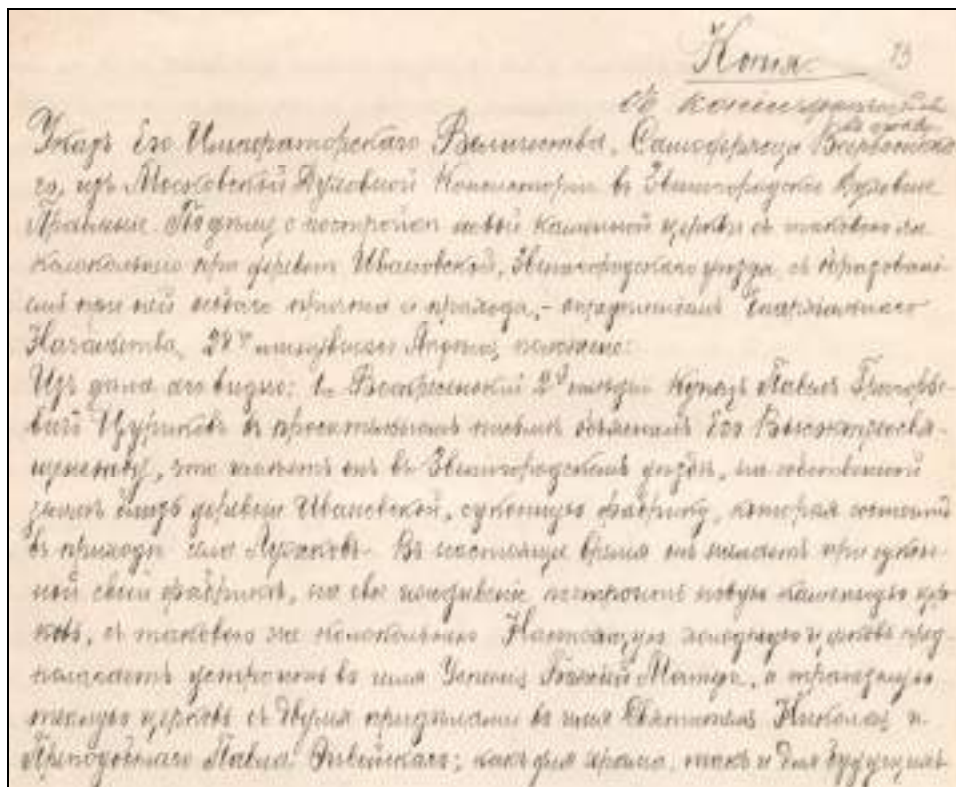
Указ МДК о построении Успенской церкви⁴⁷, 1864

Копия с копии, хранящейся в церкви.

Указ его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Московской Духовной Консистории в Звенигородское Духовное Правление. По делу о постройке новой каменной церкви с таковою же колокольнею при деревне Ивановской, Звенигородского уезда, с образованием при ней особаго причта и прихода, – определением Епархиального начальства 28-го минувшаго Апреля [1864] положено:

Из дела сего видно:

1). Воскресенский 2-й гильдии Купец Павел Григорьевич Цуриков в просительном письме объяс-

Указ о построении церкви в дер. Ивановской (начало), 1864.

нил Его Высокопреосвященству, что имеет он в Звенигородском уезде, на собственной земле близ деревни Ивановской, суконную фабрику, которая состоит в приходе села Лужков. В настоящее время он желает при суконной своей фабрике на свое иждивение построить новую каменную церковь, с таковою же колокольнею. Настоящую холодную церковь предполагает устроить во имя Успения Божией Матери, а трапезную теплую церковь с двумя приделами во имя Святителя Николая и Преподобнаго Павла Фивейскаго; как для храма, так и для будущих при нем священно-церковно-служителей, деревни Ивановской, ведомства Государственных Имуществ, крестьяне изъявили желание отвести собственной земли 7 десятин и 200 сажень и для кладбища 1 десятину и сами все крестьяне оной деревни желают быть причислены к будущему новому приходу. В упомянутой деревне Ивановской находится душ мужскаго пола 137, из них 108 принадлежат к приходу села Лужков, а остальные 29 душ к приходу села Ильинскаго, что на Городищах; на фабрике же находится жителей разных уездов до 150 муж. пола, кроме женскаго. Село Лужки за рекой Истрой находится от фабрики и деревни Ивановской в 4-х верстах, а село Ильинское в 5-ти верстах; новая же церковь будет расстоянием как от фабрики, так и от означенной деревни Ивановской в одной четверти версты. За отчислением от прихода села Лужков его фабрики и 108 душ из деревни Ивановской к новому приходу, остаются в приходе села Лужков 620 душ мужескаго пола. На содержание священно-церковно-служителей при новой церкви, он Цуриков, желает положить в Сохранную Казну десять тысяч рублей серебром, дабы они с сего Капитала ежегодно получали надлежащие проценты. Сверх сего он принимает на себя обязанность устроить при новой церкви приходское училище и для будущего причта деревянные дома на каменном фундаменте с надворным строением и покрыть дома железом, а надворное строение тесом, каковыя дома и надворное строение, по прошествии десяти лет поступают в собственность священно-церковно-служителей, которые в это время будут при сем приходе находиться. По справке с клировыми ведомостями за 1862 год, оказалось: а) в приходе Петропавловской села Лужков церкви, дворов 196, в них душ мужескаго пола 740, в том числе в деревне Ивановской дворов 33, душ мужескаго пола 118, расстоянием от церкви в 4-х верстах препятствий в сообщении нет; б) в приходе Ильинской, села

Ильинского на Городищах, церкви дворов 158, в них душ мужеска пола 603, в том числе в деревне Ивановской дворов 10, душ мужеска пола 26, разстоянием от церкви в 5-ти верстах, препятствий в сообщении нет. В представленных Звенигородским Духовным Правлением сведениях значится:

а) Государственные крестьяне означенной деревни Ивановской в числе 49 человек, в мирском своем приговоре, составленном 12 октября 1862 года, изложили, что они быв означенного числа на сельском сходе в присутствии сельского старосты Дмитрия Ипатова, где выслушали желание и усердие Воскресенского 2-й гильдии купца Павла Цурикова относительно постройки на собственный свой капитал церкви и прошение его, Цурикова об отводе для содержания означенной церкви и постройки домов для священно церковно-служителей, а также и для кладбища достаточного количества земли, почему имея ввиду, что для них эта церковь будет приходская, от чего все имеемая в настоящее время неудобности по исправлению духовных треб будут устранены, ибо приходская их церковь, к коей они в настоящее время причислены, состоит в селе Лужков за судоходною рекою, так что во время разлитий воды и водополий на оной, для исправления разных духовных треб обращаются к другим церквам, с общего и непринужденного согласия определили: церковь на общественной земле их селению принадлежащей, выстроить ему, Цурикову дозволить, и они со своей стороны на сие препятствия никакого не имеют, для постройки же означенной церкви, так равно и домов для причта назначают без всякаго прекословия и вознаграждения неудобную для хлебопашества, но удобную по грунту и качеству и приличную для сего землю, состоящую в четверть версты от их селения, смежную с землею купца Цурикова, количеством 7 десятин и 200 сажень и сверх того 1 десятину для кладбища;

б) по осмотре Саввинским Наместником иеромонахом Галактионом с сотрудником священником села Троицкого, что при реке Истре, Саввою Нечаевым, при Звенигородском Исправнике Брюзгине и волостном голове Никите Зиновьеве, местности, где предполагает купец Цуриков построить церковь, оказалось, что оная местность для означенной постройки весьма прилична и удобна. Представленный купцом Цуриковым проект на постройку новой церкви и колокольни при деревне Ивановской, Московскою Губернскою Строительною и Дорожною Комиссиею одобрен и препровожден ею в Консисторию к исполнению, с тем, чтобы надзор за правильностию работ по постройке церкви поручен был лицу, имеющему законной аттестат о своих познаниях в строительном искусстве. Московская Палата Государственных Имуществ уведомила Консисторию, что она не встречает препятствий на отвод помянутой земли, так как крестьяне деревни Ивановской и за отводом ее будут владеть достаточным количеством земли, и что Начальник Губернии одобрил составленные Палатою планы на нарезку земли под церковь с кладбищем и для причта, и разрешить отвести вышеозначенныя 8 десятин, 200 кв. сажень, согласно представленным Палатою планам для постройки помянутой церкви и домов для ее причта, и для кладбища, с отдачею находящегося на них лесного материала бесплатно, в видах предоставления будущему причту средства для разчистки и приведения отводимого участка в удобное состояние. Вслед за сим уведомлением Палата препроводила в Консисторию и акт передачи земли для церкви при деревне Ивановской, вместе с планами на землю и планом на церковь. В акте, составленном 9-го марта 1864 года сказано, что земля в количестве 8 десятин 200 кв. сажень, пожертвованная крестьянами деревни Ивановской под церковь и кладбище и для причта, землемером хозяйственного отделения при чиновнике особых поручений и поверенных от крестьян той деревни сдана Депутату с духовной стороны, священнику Вознесенской, города Звенигорода, церкви Николаю Фивейскому, а сим последним принята. Посему учинить следующее:

1), как Воскресенский 2 гильдии купец Павел Григорьевич Цуриков желает при деревне Ивановской в Звенигородском уезде построить на свой счет новую каменную церковь с таковою же колокольнею и при ней приходское училище и для будущего причта деревянные дома на каменном фундаменте с надворным строением, причем он Цуриков обязывается положить в Сохранную Казну капитал в 10000 р.сер., процентами с которого будет обезпечено содержание священно-церковнослужителей при новой церкви.

2). Государственные крестьяне изъявили желание отвести для означенной церкви и ее причта земли 7 десятин 200 сажень и для кладбища 1 десятину, каковая земля уже и передана в духовное ведомство.

3). По сооружении церкви на земле крестьян деревни Ивановской устраняются те неудобст-

ва, которая они в настоящее время испытывают по отправлению разных духовных треб, будучи вынуждены обращаться к другим отдаленным церквям во все время разлития и водополя судоходной реки Истры, которою они разъединены от своего настоящего прихода села Лужсков.

4). Отчисление крестьян деревни Ивановской в приход новоустрояемой церкви, для приходов, к которым они принадлежат в настоящее время, не составит значительной утраты; между тем для будущего причта устрояемой церкви деревня сия, заключающая в себя 43 двора при 144 душах мужескаго пола, и при этом суконная фабрика купца Цурикова с находящимися в ней жителями до 150 душ мужескаго пола при вышеозначенном обеспечении от купца Цурикова, доставят содержание достаточное, то

1, согласно прошению купца Цурикова, дозволить ему при деревне Ивановской, Звенигородского уезда, построить новую каменную церковь во имя Успения Божия Матери, с двумя теплыми приделами: одним во имя Святителя Николая, и другим во имя Преподобного Павла Фивейскаго с таковою же при ней колокольнею, на его иждивении, по одобренному Строительною и Дорожною Комиссиею плану, под надзором опытного архитектора, имеющего о своих познаниях в архитектуре и строительном искусстве законный аттестат и под наблюдением местного благочинного.

2, На построение церкви дать ему, Цурикову, храмозданную грамоту, а проект церкви проводить при указе в Звенигородское Духовное Правление, для выдачи просителю к исполнению.

3, Когда совершенно будет окончена постройкою новая церковь при деревне Ивановской и устроены для причта дома, равно внесен будет купцом Цуриковым Капитал для обеспечения содержания священно-церковно-служителей, то определить к оной одного священника и двух причетников, отделив к сей церкви прихожанами крестьян деревни Ивановской и суконную фабрику купца Цурикова, с находящимися в ней жителями, а самую церковь причислить к ведомству Благочиния Ильинскаго на Городищах священника.

4, Предписать Звенигородскому Духовному Правлению выдать в новую церковь, для надлежащих по церкви [обрыв бумаги] записей, метрических и обыскных книги, исповедных ведомости, [обрыв бумаги] приходе-расходных книги за надлежащею скрепою, а в настоящем [обрыв бумаги] [учинить?] надлежащее распоряжение к сохранению и сбережению леса, находящегося на земле, пожертвованной крестьянами деревни Ивановской для церкви и причта и переданной Палатою Государственных Имуществ в духовное ведомство. О чем сей указ с приложением проекта на трех листах в Правление и посылается.

Мая 4 дня 1864г. [подписи].

С копией, хранящейся в церкви верно. Благочинный Успенской при с. Петровском церкви священник Михаил Кудрин. 1903 г. 18 июля.

Опись Успенской церкви, 1868

(выдержки из архивного дела НИОР РГБ⁴⁸).

Опись Московской епархии Звенигородского уезда Успенской при Ивановской суконной фабрике церкви.

Настоящая церковь холодная во имя Успения Божия Матери с приделами в трапезной церкви во имя Святителя Николая и Павла Фивейскаго, зданием каменная об одной медной позлащенной главе, крест четвероконечный, обложен медью и вызолочен. Настоящая церковь вид имеет осьмугольный, покрыта белым железом, а трапезная покрыта простым железом и окрашена медянкою. Построена в 1868 году иждивением потомственного почетнаго гражданина Воскресенскаго 1-й гильдии купца Павла Григорьевича Цурикова. В связи с трапезною церковью колокольня каменная, покрыта белым железом об двух ярусах, вид имеет четвероугольный, на ней четвероконечный крест, шпиль, яблоко и чаша медные, позлащенные.

Часть первая. Опись церквей.

А) Настоящая холодная Церковь во имя Успения Божия Матери.

Глава первая. Олтарь.

1.1. Престол весь дубовый с кипарисною декою, вышиною один аршин шесть вершков, длиною и шириною один аршин восемь вершков. Престол сей освящен Митрополитом Иннокентием 1868 года сентября 29 дня.

2.2. Срачица [сорочка] на нем полотняная.

3.3. Одежда на престоле из золотого глазета, верх из желтой шелковой материи, вокруг обложена золотым гасом с белыми шелковыми цветочками, на передней стороне крест шитый серебром по карте с простыми камнями, сияние вокруг креста и вся передняя сторона одежды шиты серебром цветами, подкладка белая демикотоновая.

4.4. Антиминс из белаго голландскаго полотна освящен 1868 года августа 11 дня Московским Митрополитом Иннокентием.

5.5. За престолом крест четвероконечный с рукоятью длиною два ариина десять с половиною вершков, шириною один ариин четыре с половиною вершка, вставлен в деревянную позлащенную тумбу с иконописным изображением на нем Распятия Господа нашего Иисуса Христа с предстоящими Богородицею и Св. Апостолом Иоанном Богословом, вверху изображен Господь Саваоф. С задней стороны креста вверху изображение Господа Саваофа, в середине Воскресения Христова, по сторонам – четырех Евангелистов.

6.6. Икона Иверския Божия Матери иконописная, вышиною девять вершков, шириною восемь вершков, с задней стороны сей иконы изображен Святитель Николай Чудотворец. Икона сия помещена в деревянной позлащенной раме, которая с рукоятью вставлена в деревянную позлащенную тумбу.

7.7. На горнем месте близ стены в деревянном позлащенном с резьбою киоте икона Воскресения Христова иконописная вышиною три ариина, шириною один ариин 14 с половиною вершков.

8.8. Жертвенник весь дубовый, вышиною один ариин шесть вершков, длиною один ариин четыре вершка.

9.9. На нем срачица полотняная.

10.10. Одежда на жертвеннике из золотого глазета, с трех сторон обложена золотым гасом с белыми шелковыми цветами, верх из желтой цветам шелковой материи. На передней стороне крест шитый по карте серебром, сияние вокруг креста шито серебром, подкладка белая демикотоновая.

11.11. За жертвенником на стене в деревянной позлащенной раме икона Знамения Пресвятыя Богородицы иконописная, вышиною шесть вершков, шириною пять вершков, на ней риза шитая золотом.

12.12. Над царскими дверьми в олтаре в деревянной позлащенной раме икона Нерукотвореннаго Спасителя иконнаго писания, вышиною один ариин восемь вершков, шириною один ариин четыре вершка.

Глава вторая. Предолтарный иконостас.

Иконостас из сосноваго дерева, столярной работы, прямой, о четырех ярусах, коего 28 резных колонн, капители, корнизы и рамы около икон с резною уборкою вызолочены на полименте, местами позлащенная резьба в Иконостасе украшена разнообразными цветами.

13.1. В нижнем ярусе сего иконостаса в середине Царския врата резныя вызолоченныя, на них в шести отдельных деках иконы Благовещения Богородицы и четырех Евангелистов Богородица и Архангел, вышиною один ариин и два с половиною вершка, шириною восемь вершков; Евангелисты Матвей, Марк, Лука, Иоанн круглой формы, каждый в диаметре восемь с половиною вершков.

14.2. По правую сторону Царских врат икона Живоначальная Троицы, явившейся Аврааму при дубе Маврийском, вышиною один ариин и два с половиною вершка одиннадцать вершков, шириною один ариин два вершка.

15.3. Южная дверь мерою в вышину четыре ариина восемь вершков, в ширину [...], в ней икона с изображением Ангела Новаго Завета, вышиною [...], шириною один ариин два вершка.

16.4. Рядом с южной дверью икона Св. Первоверховных Апостолов Петра и Павла, одинаковой меры с иконою Ангела Новаго Завета.

17.5. По левую сторону Царских врат икона Успения Пресвятыя Богородицы, вышиною два ариина одиннадцать вершков, шириною один ариин два вершка.

18.6. Северная дверь одинаковой меры с южной дверью, в ней икона с изображением Ангела Ветхаго Завета, [...].

19.7. Рядом с северною дверью икона Св. Николая Чудотворца, одной меры с иконою Ангела Ветхаго Завета.

Во втором ярусе Иконостаса:

20.8. В середине икона Успения Пресвятыя Богородицы мерою в квадрате один ариин девять с половиною вершков.

По сторонам оной помещены следующие иконы: По правую сторону:

21.9. Вознесения Господня.

22.10. Сошествия Св. Духа на Апостолов.

23.11. Воздвижения Животворящего Креста.

По левую сторону: 24.12. Взятия на небеса Богоматери.

25.13. Преображения Господня.

26.14. Происхождения Честных Древ.

Каждая из сих икон вышиною один аришин пять вершков, шириною один аришин.

В третьем ярусе:

27.15. В середине икона Господа Вседержителя, сидящего на престоле, вышиною [...].

По сторонам оной помещены следующие иконы по правую сторону:

28.16. Иоанна Предтечи и Архангела Михаила.

29.17. Св. Апостолов Павла, Матвея и Филиппа.

30.18. Иакова Алфеева, Симона Зилота и Иуды Иаковлева.

По левую сторону: 31.19. Богоматери и Архангела Гавриила.

32.20. Апостолов Петра, Иоанна Богослова и Иакова Заведеева.

33.21. Андрея, Варфоломея и Фомы.

Каждая из сих икон вышиною два аришина восемь вершков, шириною один аришин два вершка.

В четвертом ярусе:

34.22. В середине икона Господа Саваофа, Спасителя и Духа Святого, вышиною [...].

По сторонам оной помещены следующие иконы: по правую сторону:

35.23. Икона Моисея, Аарона и Илии Пророка вышиною [...].

По левую сторону: 36.24. Икона Царя Давида, Пророка Исаии и Иеремии той же меры.

37.25. Вверху Иконостаса крест с изображением на нем Распятого Господа, [...].

38.26. Против южной двери Иконостаса правый клирос столярной работы вызолоченный с резьбою.

39.27. При нем на древе овальная хоругвь с иконными изображениями на медной деке с лицевой стороны Крещения Господа нашего Иисуса Христа, с задней стороны Преображения Господня [нрзб] в диаметре девять вершков, вокруг хоругви лучистое сияние бронзовое позлащенное, весу в меди с металлическою декою один пуд три фунта.

40.28. Против северной двери Иконостаса левый клирос во всем подобен правому.

41.29. При нем на древе овальная хоругвь с иконными изображениями на медной деке с лицевой стороны Успения Богоматери, с задней стороны Знамения Божией Матери [...].

Все иконы в Иконостасе сей холодной церкви иконного писания.

Глава третья. Иконостасы и иконы в прочих местах храма.

42.1. Плащаница малинового бархата с живописным изображением Спасителя, лежащего во гробе, шитая золотом на карте. Вокруг плащаницы вышит золотом тропарь: благообразный Иосиф, по углам четыре Херувима, шиты золотом. Края плащаницы обложены золотою бахромою, по углам четыре золотые кисти. Гробница для плащаницы деревянная, покрыта белую под лак краскою, по местам вызолочена.

Глава четвертая. Паникадила, лампы, подсвечники и аналогии [аналон].

43.1. Паникадило среди Церкви бронзовое, позлащенное, о трех ярусах, в коем [36] свещников, весу в нем с железом десять пуд двадцать фунтов.

44.2. Лампадка тройная пред образом Воскресения Христова, что на Горнем месте, бронзовая позлащенная, весу в ней с железом и цепочками шесть и три четверти фунта. Четыре лампы, висящие пред местными иконами: 45.3. [...] 46.4. [...] 47.5. [...] 48.6. [...].

Все четыре серебряные позлащенные 84-й пробы с цепями, весу в каждой [55] золотников, цену по двадцати копеек за золотник.

49.7. За престолом седмисвечник бронзовый позлащенный, весу в нем с железом три пуда двадцать фунтов. Четыре подсвечника в олтаре холодной церкви пред иконами:

50.8. [...] 53.11. [...].

Все четыре бронзовые позлащенные одной формы, весу в каждом с железом [33] и три четверти фунта.

54.12. На жертвеннике в малом виде седмисвечник бронзовый позлащенный, весу в нем [5,5] фунтов. 55.13. [...] 61.19. [...].

Глава пятая.

Б) В трапезной части Церкви по правую сторону придел во имя Святителя Николая Чудотворца.

Олтарь.

62.1. [...] 64.3. [...]. 65.4. Святый Антиминс желтого атласа освящен в 1868 году 11-го августа Иннокентием Митрополитом Московским.

66.5. [...] 67.6. Икона Неопалимая Купины Божия Матери иконописная, вышиною девять вершков, шириною восемь вершков, с задней стороны сей иконы изображен Преподобный Павел Фивейский. Икона сия помещена в деревянной позлащенной раме с рукоятью, вставленную в деревянную, покрытую белую краской тумбу. 68.7. [...] 71.10. [...].

Глава шестая. Предолтарный Иконостас.

Иконостас из соснового дерева, столярной работы, прямой, покрыт белую краскою, о трех ярусах, коего [18] резных колонн. Капители, карнизы и рамы около икон с резною уборкою вызолочены на полименте. 72.1. [...] 90.19. [...]

Глава седьмая. Паникадила, лампы, подсвечники и аналоги.

91.1. Паникадило бронзовое, позлащенное, о двух ярусах, в коем [18] свещников, весу в нем с железом два пуда [35] фунтов. 92.2. [...] 101.11. [...]

Глава Осьмая.

В) В трапезной части Церкви по левую сторону придел во имя Павла Фивейского.

Олтарь.

102.1. [...] 104.3. [...]. 105.4. Святый Антиминс белого голландского полотна, освящен в 1868 году 11-го августа Иннокентием Митрополитом Московским. 106.5. [...] 111.10. [...].

Глава девятая. Предолтарный Иконостас.

Иконостас из соснового дерева, столярной работы, прямой, покрыт белую краскою, о трех ярусах, коего [18] резных колонн. Капители, карнизы и рамы около икон с резною уборкою вызолочены на полименте. 112.1. [...] 130.19. [...]

Глава десятая. Иконостасы и иконы в прочих местах трапезной Церкви.

При входе в настоящую Церковь в арке между двух приделов устроены сосновые иконостасы, покрытые белую под лак краскою с позлащенною резьбою о трех ярусах, в них помещены следующие иконы: 131.1. [...] 164.34. [...].

Все иконы в обоих Иконостасах и прочих местах трапезной Церкви иконного писания.

Часть вторая. Опись ризницы.

Глава первая. Евангелия.

1.1. Евангелие печатано в Москве в 1862 году на белой бумаге в лист, длиною с окладом одиннадцать вершков, шириною восемь вершков, с обеих сторон обложено чеканным вызолоченным серебром. На верхней деке в середине чеканное изображение Воскресения Христова, а по углам четыре Евангелиста. На нижней деке чеканное изображение Успения Пресвятыя Богородицы, и по углам четыре ножки, застежки гладкия сребропозлащенные, серебро 84-й пробы, весу в нем восемь фунтов и двенадцать золотников, ценою по двадцати копеек за золотник.

2.2. Евангелие печатано в Москве в 1862 году [...].

3.3. Евангелие печатано в Москве 1862 года [...].

4.4. Евангелие печатано в Москве в 1851 году [...].

Глава вторая. Кресты напрестольныя.

5.1. Крест серебряный вызолоченный длиною пять с половиною вершков, на нем чеканное изображение Распятия Господня, вверху Господа Саваофа, по сторонам Божией Матери и Иоанна Богослова. В сем кресте находятся часть древа Креста Господня, часть гроба Господня и [28] частей мощей следующих святых: Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Апостола Иакова, Св. Апостола Иакова брата Господня, Св. царя Константина, Св. Игнатия Епископа Ростовского, Св. Праведного Лазаря, Св. Апостола Тита, Св. Апостола Тимофея, Св. Апостола Филиппа, Св. Исаии Епископа Ростовского, Преподобного Григория Декаполита, Св. Мученика Петра Александрийского, Св. Епифания Епископа Кипрского, Св. Иоанна Милостиваго, Св. Мученика Василия, Преподобного Ефрема Новоторжского, Св. Германа Казанского, Св. Нифонта Новгородского, Св. Исаакия Ростовского, Св. Никифора Патриарха, Св. Михаила Клопского, Св. Симеона Суздальского, Св. Мония Архиепископа, Св. Пантелеимона, Св. Мученика Георгия, Св. Мученика Феодора Тирона, Св. Мученика [нрзб], Св.

Мученицы Иулиты. С передней стороны сего креста имеется надпись: «Сей крест купца Константина Ильина». Серебро сего креста без пробы. Вклад храмоздателя купца Цурикова.

6.2. Крест серебряный вызолоченный длиною пять с половиною вершков, на нем в середине на финифте изображение Распятия Господня, вверху в клейме на финифте изображение Спасителя, по сторонам в клеймах на финифте изображены Божия Матерь и Иоанн Богослов. Внизу в клеймах также на финифте Адамова глава. В сем кресте находятся части мощей следующих святых: Св. Мученика Мины, св. Мученика Бонифатия, Св. Мученика Трофима, Св. Мученика Оresta. Вклад храмоздателя купца Цурикова. Серебро сего креста без пробы.

7.3. Крест серебряный вызолоченный чеканной работы длиною [...].

8.4. Крест серебряный вызолоченный чеканной работы длиною [...].

9.5. Крест серебряный вызолоченный чеканной работы длиною [...].

10.6. Крест серебряный вызолоченный длиною [...].

Глава третья. Священнослужебные сосуды.

11.1. Потир серебряный вызолоченный чеканной работы. [...].

К сему потиру: а) Дискос [...] б) Звезда [...] в) Лжица [...] г) Два блюда [...] д) Ковш для теплоты.

12.2. Потир серебряный золоченный чеканной работы, [...].

К сему потиру: а) Дискос [...] б) Звезда [...] в) Лжица [...] г) Два блюда [...] д) Ковш для теплоты.

13.3. Потир серебряный золоченный [...].

14.4. Копие стальное с серебряно-вызолоченною ручкою, весу в нем [...].

Глава четвертая. Дарохранительницы.

15.1. Дарохранительница серебряная вызолоченная в виде четырехугольного храма [...].

16.2. Дарохранительница серебряная вызолоченная в виде четверо угольного храма [...].

17.3. Дарохранительница серебряная вызолоченная [...].

Глава пятая. Кадила. [...].

Воздухи и покровцы. [...].

Пелены.

24.5. Пелена на аналогий по серебряному глазету [...].

Завесы.

25.6. Завеса к царским вратам в настоящей церкви Успения [...].

26.7. Завеса к царским вратам в придельном храме Св. Николая Чудотворца [...].

27.8. Завеса к царским вратам в придельном храме Преподобного Павла Фивейского [...].

Ризы. [...].

Глава осьмая. Стихари. [...].

Глава девятая. Блюда. [...].

Глава тринадцатая. Колокола.

68.1. Большой колокол весом [614] пудов [27] фунтов.

69.2. Колокол в [156] пудов [11] фунтов.

70.3. Колокол в [48] пудов [23] фунта.

71.4. Колокол в [20] пудов [17] фунтов.

72.5. Малых колоколов четыре, в коих весу [17] пудов [17] фунтов.

Глава шестая. Билеты сохранный казны.

На вечное содержание священно и церковнослужителей означенной Успенской церкви от храмоздателя Потомственного Почетного гражданина Воскресенского 1-й гильдии купца Павла Григорьевича Цурикова пожертвовано [15] свидетельств Государственного банка на непрерывный доход по выкупу за №№ 29264 суммою 11 руб., 30988 суммою 55 руб., 27691 суммою 275 руб., 29976 – 16 руб. 50 к., 30989 – 55 руб., 30987 – 55 руб., 52389 – 27 р. 50 к., 37865 – 16 р. 50 к., 49261 55 р., 55073 – 55 р., 55074 – 55 р., 32847 – 11 руб., 49395 – 55 р., 40300 – 16 р. 50 к., 11560 – 38 р. 50 к.. А всего на [...] (797 р. 50 к.).

Сия главная церковная и ризничная опись, Московской епархии Звенигородского уезда новоустроенной Успенской, при Ивановской суконной фабрике церкви, поверенная, найдена во всем согласною с формою и наличностей вещей. В чем и свидетельствую благочинный Успенской, при Ивановской суконной фабрике церкви священник Яков Волхонский.

Метрика Успенской церкви, 1887

(выдержки из архивного дела ИИМК⁴⁹, приведены ответы на вопросы анкеты).

Метрика 1024

**для получения верных сведений о древне-православных храмах
Божиих, зданий и художественных предметов.**

I. История церквей, монастырей и их местоположение.

- 1). Во имя Успения Божия Матери.
- 3). Основана 1868 года.
- 4). Каменная.
- 5). Храмоздателем был потомственный почетный гражданин, Воскресенский 1-й гильдии купец Павел Григорьевич Цуриков.
- 6). Церковь находится близ Ивановской суконной фабрики, основана на горе при реке Истре.
- 7). Церковь не старинная и пристроек при ней нет.

II. Наружные части церкви.

- 9). Крестообразная и одноэтажная.
- 10). Алтарь с одним полукружием.
- 11). Церковь в высоту 42 аршина, в длину 60 аршин, а в ширину 21 аршин.
- 13). Церковь построена вся из кирпича.
- 14). Стены церкви выложены все сплошную кладкою. Кирпич обожженный и не более 12 фунтов.
- 15). Упомянутых украшений [архитектурных элементов] при церкви не имеется.
- 16). Карниз из белого камня.
- 18). Кровля железная и выкрашена медянкою.
- 19). Фонарь на своде глухой и без украшений. Предглавие вызолоченное.
- 20). На церкви одна глава, покрыта медными листами, вызолоченная.
- 21). Крест четырех конечный и вызолоченный на меди.
- 22). Окна продолговатая полуциркульные.
- В холодной церкви в алтаре два окна, а в теплой в алтарях по одному окну.
- Решетки в окнах прямые с фигурами.
- 23). В холодной церкви двое дверей северная и южная, а в теплой одни западные. Все они железные.
- 25). Паперть имеется при входе.

III. Внутренняя часть храма.

- 26). Церковь внутри устроена крестообразно. Алтарь от храма не отделяется каменной стеною. В церкви приделов два, трапеза открытая.
- 27). Своды устроены на столбах дугообразно.
- 28). В церкви поставлено два столба, гладкие четырехгранные.
- 30). В холодной церкви пол мозаический, а в теплой из Подольского мрамора.
- 31). Алтари не разделены стенами. В трапезной церкви в алтарях своды лежат на столбах. В холодной церкви в алтаре два окна, в теплой в алтарях по одному. Помост в алтаре не ровен с помостом храма в холодной церкви возвышен на четыре ступени, а в теплой на одну ступень.
- 32). Все три престолы дубовые.
- В холодной церкви престол в ширину полтора аршина, в длину тоже полтора аршина, а в высоту аршин шесть вершков. В теплой церкви престолы в ширину аршин с четвертью, в длину тоже, в высоту аршин шесть вершков.
- 36). Жертвенники поставлены на открытом месте. Жертвенники все дубовые. В холодной церкви жертвенник в ширину аршин с четвертью, в высоту аршин шесть вершков. В теплой жертвенники в высоту аршин шесть вершков, а в ширину аршин.
- 37). В холодной церкви иконостас нового устройства с колоннами, из дерева с резьбой на золотом фоне. Резьба цветами. В иконостасе четыре яруса. Царские двери деревянные, полуциркульные с резьбою. В теплой церкви иконостасы нового устройства с колоннами, из дерева с резьбою на белом фоне. Резьба обыкновенная. В иконостасах три яруса. Царские двери полуциркульные деревянные с резьбою.
- 38). От клирос[ов] устроены солеи каменные.

В холодной церкви солея выше помоста храма на четыре ступени, а в теплой церкви солеи выше помоста храма на одну ступень. В холодной церкви солея отделена решеткою бронзовою.

39). Как [в] холодной настоящей церкви, так в трапезной устроены амвоны из камня, при них сеней нет.

40). При клиросах украшений никаких нет.

45). В холодной церкви хоры устроены при входе в оную из трапезы с западной стороны с чугунной фигурной решеткой, вышины хор от пола десять аршин, а в теплой хоры от пола пять аршин с подобною решеткой.

46). В трапезной церкви в правом приделе устроен памятник из итальянского белого мрамора над могилою храмоздателя Действительного статского советника Павла Григорьевича Цурикова.

50). Колокольня построена в одном 1868 году вместе с церковью из кирпича.

51). Колоколов на колокольне восемь и все они сооружены упомянутым храмоздателем.

IV. Иконописание.

52). В трапезной церкви стены росписаны иконописным письмом в 1867 году.

59). В церкви есть два креста серебрянные с мощами. Оба кресты пожертвованы храмоздателем 2-м Цуриковым в 1869 году. В упомянутых крестах находятся части разных Святых.

V. Разные предметы.

69). Интересных памятников Русского Зодчества не имеется.

72). Церковь не имеет сходства с древними постройками.

VI. Императорской Академии Художеств желательно знать:

[кто давал ответы]

1). Означенной Успенской, что в селе Ивановском, церкви священник Иаков Волхонский.

2). [Обучался:] В Московской Духовной Семинарии. 3). 72 лет, священствует 48 лет.

4). [Метрика заполнена:] 1887 года января 20 дня.

Страхование от пожара Успенской церкви, 1910

(выдержки из архивного дела ЦГАМ⁵⁰).

Страховая оценка

Июля 24 дня 1910 г. мы, нижеподписавшиеся, производили оценку строений, принадлежащих Успенской, что при Ивановской суконной фабрике, церкви 2-го благочиннического округа Звенигородского уезда, Московской епархии.

При осмотре оказалось, что Успенской, что при Ивановской сук. фабр. церкви принадлежат нижеследующия строения:

1. Успенская с приделами Св. Чудотв. Николая и Преп. Павла Фивейского, Церковь, каменная, снаружи и внутри оштукатурена; снаружи выбелена известкой; внутри в теплом храме окрашена масляной краской, в холодном клеевой. Длина церкви, считая и колокольню 18 саж., наибольшая ширина 8 саж., высота трапезы 3 с. 1 арш., высота настоящей 2-ярусной – 7 саж. На церкви имеются 3 главы: одна малая над алтарем и две больших над главною церковью и над колокольней, верх которой оканчивается 6 арш. вызолоченным шпилем.

Больших в нижнем ярусе церкви окон 16 шт., а в верхнем ярусе 6 шт.; во 2-м ярусе колокольни 4 больших окна и 1 малое. Дверей наружных створчатых железных 3 пары, одна железная у ризницы и одна у колокольни. Во 2-м ярусе у двух хор по железной двери. Деревянных внутрен. дверей 5 пар, наружных в колокольне 3 пары. Холодная церковь от теплой отделяется аркой с тремя парами со стеклами дверей.

Иконостас в настоящей длиною 4 саж., вышиною до креста 5 саж. 1 аршин. Оценен в три тысячи руб. – 3.000.

В 2-х приделах иконостасы каждый длиною с 3 воротами 4 саж. 2 арш.; вышиною 2 саж. 1 арш. Оценены по тысячи пятисот руб. каждый. – 3.000.

Церковь отапливается одной духовой подпольной печью.

Колокольня в 3 ½ яруса, общею высотой до верхнего карниза 10 саж.

Ближайшия к церкви постройки:

Двухклассное имени Павла Григор. и Анны Сергеевны Цуриковых деревянное, крытое железом, земское училище, – с западной стороны на расстоянии 15 саж.

С северной стороны дома причта, расстояние от 13 ½ до 33 саж.

Церковь построена в 1868 году, строение сохранилось хорошо.

Оценена вместе с иконостасом и колокольною в двадцать шесть тыс. руб. – 26.000.

2. Близ церкви находится каменная оштукатуренная снаружи и внутри часовня, восьмигранная; длиною и шириною 2 с. и ¼ арш., вышиною 1 ½ саж., находится от церкви на восточной стороне в 7 саженьях. Оценена в 300 руб. (триста руб.) – 300.

3. Сарай деревянный с кирпичными столбами; длиною 3 саж.; шир. 3 саж. 2 арш., высотой 4 арш., с досчатым полом; без потолка, крыт железом, имеет одни ворота, тверд, находится на северной стороне от церкви в 20 саж. Оценен в триста руб. – 300.

4. Сторожка при церкви деревянная на каменном фундаменте, крыта железом, длиною и шириною 10 арш., высотой 3 ½ арш. Имеет 6 окон и 2 двери; построена в 1910 году; новая, находится на юго-восточной стороне от церкви в 14 с. Оценена в семьсот руб. – 700.

Страховая карточка

Нижеуказанные строения, принадлежащая Успенской, при Ивановской суконной фабрике, церкви, 2-го благочиннического округа, Звенигородского уезда, Московской епархии, приняты на страх по страховой оценке, произведенной 24 июня 1910 года.

1. Церковь камен. [каменная], прочно, 26000 [страховая сумма в рублях], 26 [годовой страховой взнос в рублях].

2. Часовня камен., прочно, 300 [страховая сумма в рублях], 0–30 [годовой страховой взнос].

3. Сарай деревян. [деревянный], прочно, 300 [страховая сумма в рублях], 1–38 [взнос].

4. Сторожка деревян., прочно, 700 [страховая сумма в рублях], 3–22 [годовой взнос].

Итого: 27.300 [страховая сумма в рублях], 30–90 [годовой страховой взнос].

Клировая ведомость Успенской церкви, 1916

(выдержки из архивного дела ЦГАМ⁵¹).

Ведомость о церкви Успения Божией Матери состоящей Звенигородского уезда Московской епархии что при Ивановской суконной фабрике за 1916 год.

I. Ведомость о церкви.

– Церковь построена в 1868 г. Сентября 29 дня тицанием Почетного Гражданина Воскресенского 1-й гильдии купца Павла Григорьевича Цурикова.

– Зданием каменная с таковою же колокольнею. Крепка. План и фасад на оную имеются. Настоящая церковь холодная. Внутри снизу окрашена масляной краской, а верх клеевой. Трапезная – с двумя приделами теплая. Отделяется от настоящей аркой с двойными стеклянными дверями. Отопляется подпольной духовой печью. Стены и потолок окрашены масляной краской и росписаны. Иконостасы: в Настоящей в 4 яруса в приделах в 3 яруса. Вызолочены.

– Престолов – три. В Настоящей в честь Успения Бож. Матери, в приделах в честь Св. Николая Чуд. и Прп. Павла Фивейского.

– Утварью достаточна.

Клировая ведомость Успенской церкви (начало), 1916.

- По штату при ней положены: священник, диакон и два псаломщика.
- Жалования положено: нет.
- Круговых доходов за 1916-й год получено 1030 р.
- Другие источники содержания членов причта и количество поступающего от них дохода: С капитала, положенного Храмоздателем Цуриковым, Поповым и другими лицами за их вечный помин получается в год %% 1994 р. 14 коп.
- Земли при церкви состоит: усадебной вместе с погостом церковным 2 десят. 1800 квадр. саж., [...] под смешанным лесом 5 дес. 800 кв. саж. Всего 8 десят., 200 квадр. саж.
- Земля изображает песчаный холм, поросший большею частью сосновым лесом. Генерального плана и межевых книг на сию землю нет, а значит она в плане Государственных крестьян деревни Ивановской.
- Качество церковной земли: песчаная. Для пахоты и покоса неудобна.
- Средний доход ею приносимый: доходу не приносит.
- Дома для священно и церковно-служителей на церковной усадебной земле деревян. на камен. фундаменте крыты железом [...] и составляют собственность причта.
- Другия здания, принадлежащая церкви:
 1. Каменная Часовня, крыта железом, построена для выноса покойников из фабричной больницы.
 2. Деревянная 10 кв. ари. сторожка, на каменном фундаменте, крыта железом, построена в 1910 г.
 3. Деревянный с кирпичными столбами сарай 3 саж. [на] 3 саж. 2 ари. Крыт железом.
- Расстоянием сия церковь от Консистории в 50 верстах, от местного благочинного в селе Ильинском на р. Москве в 22 верстах, от уездного города Звенигорода в 15 верстах, от почтовой конторы в 7 верстах; почтовый адрес церкви: Ст. Манихино – Виндавской ж.д. ф-ка Попова.
- Ближайшие к сей церкви: Петро-Павловская в с. Лужках в 3-х вер., Троицкая в с. Троицком на р. Истре в 3-х вер., Троицкая в Аносине Борисо-Глебском девичьем монастыре в 5 вер.
- Приписанных к сей церкви церквей нет, часовен одна каменная близ церкви для выноса покойников с фабрики.
- Домовых кладбищных и молитвенных домов, к сей церкви приписанных нет.
- Опись церковному имуществу заведена с 1868 года, хранится в целости, проверена в 1915 году.
- Приходо-расходные книги о суммах свечной и церковной за шифром и печатью, Моск. Духов. Кон. даны 1915 года, ведутся, хранятся в целости.
- Копии с метрических книг хранятся в целости с 1868 года.
- В обыскной книге, выданной в 1902 году, мая 16 дня, за шифром и печатью, 95 писанных листов, 5 не писанных.
- Исповедные росписи находятся в целости с 1868 года.
- Книги, до церковного круга подлежащая имеются в 2-х экземплярах – ветхие. В церковной библиотеке находится книг для чтения предназначенных 350 томов.
- Церковные деньги в целости за ключом ц. старосты и печатью церковною. Неподвижной суммы состоит в кредитных учреждениях [...] билеты находятся в целости. %% бумагах на 88.788 р. 50 коп., хранятся в Московской Конторе Государ. Банка и по сберегательным книжкам 908 р. 94 к. Из них церковных 35.643 р. 52 коп. и причтовых 53.154 р. 98 коп.
- Имеющиеся в приходе школы: 1. Близ церкви 2-х классное земское училище.
- 2. В деревне Петровской земское одноклассное училище. [...]
- При церкви состоит старостою церковным А. И. Балакин который должность свою проходит с 1915.
- Преосвященный в последний раз посетил приход в 1914 году.

II. Послужные списки.

– **Священник Николай Мефодиев Виноградов**, 47 л. Награжден набедренником в 1902 г. Награжден фиолетовой скуфьей в 1908 г. Награжден камилавкой в 1916 г. В память 25-летия церковной школы имеет серебр. медаль. За народную перепись имеет бронзовую медаль. Ставленную грамоту и Указ имеет. Содержание получает %% с капитала 997 р. 2 коп. и от прихода 515 р. Из духовного звания. [имеет] Деревянный крытый железом дом. Где получил образование [...]: Окончил курс учения в Вифанской духовной семинарии по 2 разряду, 1892. По окончании курса был учи-

телем ц. приходской школы в с. Спасском-Торбееве Дмитровского у., 1892, 8 ноября по 1895, 30 января. Произведен во священника к Троицкой с. Еришова, церкви, Звенигородского у., 1895, 9 февр. Переведен к Петропавловской, что при р. Клязьме церкви, Богородского у., 1908, 13 авг. Переведен на настоящее место, 1914, авг. 29. Состоял законоучителем в Еришовской ц-приходской школе с 1895 по 1908 г. Петро-Павловской церковной школы с 1908 по 1912, Аксеновской ц-приходской школы с 1911 по 1914, Шаловской земской школы с 1908 по 1914, Каменковской земской школы с 1911 по 1914. Состоит законоучителем в местном 2-х классном училище с 1915 янв. Состоит членом Ревизионной комиссии при Звенигородском духовном училище с 1897. Состоит членом Ревизионной комиссии при Звенигородском отделении Кирилло-Мефодиевского Бр-ва [Братства] с 1901 по 1908. Состоит членом Археологического отдела при О-ве Духовного Просвещения с 1908. [Суду] не подвергался и [под следствием] не состоит. Женат. В семействе у него жена Екатерина Иванова 41 л. Дети их Иоанн 23 л. состоит на воинской службе. Надежда 21 л. обучается по курсу рукоделия. София 20 л. состоит городской учительницей в гор. Воскресенске. Николай 19 л. обучается в 5 классе Вифанской духовной семинарии на своем содержании. В причте ни с кем в родстве не состоит. Поведения отлично хорошаго.

– **Диакон Александр Сергеев Нежданов**, 30 л. В память 25-летия церковной школы имеет серебрян. медаль. Содержание получает %% с капитала 498 р. 51 коп. и от прихода 257 р. 50 к. Ставленную грамоту имеет. По Указу Моск. Дух. Конс. 1911 г. 5 ноября с разрешения Св. Синода дана из церковных сумм ссуда на постройку дома в 1000 р. из 4% годовых сроком на 5 лет. Уплачено 900 руб. Из духовного звания. [имеет] Деревянный крытый железом дом. Образование получил в Вифанской духовной семинарии из 5 класса коей по семейным обстоятельствам уволен, 1907, окт. Епархиальным Училищным советом Московского Кирилло-Мефодиевского Б-ва был назначен учителем ц-приходской школы при фабрике Чернышевых Московского у. с 1907 по 1910. Определен на настоящее место в диакона, 1910, ав. 26. Состоял учителем в школе великовозрастных рабочих фабрики мужчин и женщин фабрики, 1910–12. Состоял учителем и законоучителем 1-го отделения в местном 2-х классном земском училище, 1911–13. Состоял бесплатным учителем церковного пения в Аносином Борисо-Глебовском девичьей монастыре. Состоит законоучителем в Петровском земском начальном училище с 1913, сент. Состоит законоучителем пения в местном 2-х классном училище с 1916. [Суду] не подвергался и [под следствием] не состоит. Женат. В семействе у него жена Ольга Петрова 30 л. Дети их: Лидия род. 1912 г., 6 марта. Зинаида род. 1913, 2 окт. Находятся при родителях. В причте ни с кем в родстве не состоит. Поведения отлично хорошаго.

– **Псаломщик Павел Семенов Любимов** 46 л. В стихарь посвящен 1889 г. 8 сент. Ставленную грамоту имеет. За успешное обучение пению от Звенигородск. отделения Кирилло-Мефодиевского Б-ва награжден 20 р. в 1898 г. Содержание получает %% с капитала 249 р. 25 к. и от прихода 128 р. 75 к. Из духовного звания. [имеет] Деревянный крытый железом дом. Обучался в Вифанской духовной семинарии из 1 класса коей по собственному желанию был уволен, 1889. Определен к Христорождественской с. Каринского церкви, Звенигородск. у. во псаломщика, 1889, 8 февр. Переведен на настоящее место, 1889, 26 июль. Состоял учителем пения в ц-приходской школе села Дарны, Звенигород.у. в 1897–98. Состоял учителем пения, садоводства и огородничества в местном двух-клас. земск. Училище, 1897–[19]13. [Суду] не подвергался и [под следствием] не состоит. В причте ни с кем в родстве не состоит. Поведения отлично хорошаго. Женат. В семействе у него жена Клавдия Петрова 44 лет. Дети их: Валериан 1890 г. 18 фев., состоит на военной службе. Мария род. 1892 г. 14 авг., состоит учительницей ц-приходской школы. Павел род. 1894 г. 15 нояб., обучается в Юрьевском университете. Иоанн род. 1896 г. 22 февр., обучается в 5 классе Вифанской дух. семинарии на казен. содержании. Борис род. 1898 г. 11 февр., в 4 классе Вифанской духовной семинарии на казенн. содержании. Анна род. 1901 г. 2 сент., обучается в 4 кл. Филаретов. Епарх. училище на своем содержании. Елена род. 1904 г. 24 янв., обуч. в 2 кл. Филаретов. училище на своем содержании. Алексей род. 1906 8 мар. обуч. в 3 отд. местного училища.

– **Псаломщик Петр Дмитриевич Хрусталеv**, 27 л. В стихарь посвящен 1909 г. 6 мая. Ставленную грамоту имеет. Содержание получает % с капитала 249 р. 25 к. и от прихода 128 р. 75 к. Из духовного звания. [имеет] Деревянный крытый железом дом. Обучался в Московской духовной семинарии из 3 кл. коей по собственному желанию был уволен, 1907 г. Имеется звание учителя ц-

приходской школы. Определен на настоящее место во псаломщика, 1908, 17 февр. [Суду] не подвергался и [под следствием] не состоит. Женат. В семействе у него жена Серафима Сергеева 27 л. Дети их: Лариса род. 1910 г. 13 мар. Валентина род. 1912 г. 22 января, находятся при родителях. В причте ни с кем в родстве не состоит. Поведения отлично хорошаго.

Защитные, вдовы и сироты.

– Бывший при сей церкви псаломщик Семен Иоаннов Любимов, 67 л. В стихарь посвящен. Получает пособие от Попечительства 42 р. Из духовного звания. Обучался в Вифанской духовной семинарии из низшаго отделения коей был уволен, 1867. Определен на настоящее место, 1868, сент. 4. [Суду] не подвергался и [под следствием] не состоит. Уволился за штат, 1889, июня 26. Женат. В семействе у него жена Елена Борисова 64 л. Дети их Михаил род. 1869 г., 6 ноя., состоит учителем начального училища г. Клина. Павел состоит местным псаломщиком. Псаломщику Любимову отец.

– Бывшаго при сей церкви священника Николая Голубева жена вдова Клавдия Федоровна Голубева, 45 л. Из духовного звания. [имеет] Деревянный крытый железом дом. Вдова с 1900 г 30 мар. Дети ея: Владимир род. 1891, 11 июля состоит на военной службе. Павел род. 1894, 17 янв. состоит на военной службе. Константин род. 1896, 28 июн. Обучается в 6 классе Вифанской духовной семинарии на казенном содержании. В причте ни с кем в родстве не состоит.

– Бывшаго при сей церкви диакона Павла Богословского жена-вдова Елизавета Андреева Богословская, 64 л. Получает половину пенсии 100 рублей. Из духовного звания. [Своего жилья] нет. Вдова с 1902, 48 л. Дети ея: Анна 35 л. состоит учительницей земской школы. Петр 46 л. священник с Домодедова Подольскаго у. В причте ни с кем в родстве не состоит.

– Церковный староста села Ивановскаго крестьянин Алексей Иванов Балакин. Указ на 1-е трехлетие получил 1915 г. 11 марта. Крестьянин.

III. Ведомость о приходе.

– В селе Ивановском 110 домов, 405 муж. душ, 437 жен. душ, при церкви.

– В деревне Петровской 85 домов, 220 муж. душ и 263 жен. душ. В 3 верстах. Препятствий в сообщении нет.

– Итого в приходе: 195, 625, 700 [домов, муж. душ, жен. душ]. В том числе духовных 5, 14, 16; дворян 1, 6, 6; мещан 15, 64, 68; крестьян 174, 541, 620.

– Кроме того в пределах прихода имеют жительство: иноверцы 1 муж. душа, 5 жен. душ.

– Инославы, раскольники и сектанты [не заполнено].

– Итого: 195 домов, 626 муж. душ, 705 жен. душ.

Изъятие церковных ценностей, 1922

(выдержки из архивного дела ЦГАМО⁵²).

Общая опись ценностей, изъятых из церкви Успения Бож. Мат.

при Ивановской с. ф-ке Комиссией Воскресенскаго района

- 1). Дарохранительница, серебр.-вызол., 12 ф. [фунтов] 79 зол. [золотников].
- 2). Сосуды с прибором, -"- , 6 ф. 60 зол. 3). Сосуды с прибором, -"- , 2 ф. 39 зол.
- 4). Лампада 3-ная [тройная], с цепочк., 2 ф. 94 зол.
- 5). Четыре лампы одинар., с цепочк., 2 ф. 34 зол.
- 6). Крест, -"- , 1 ф. 51 зол. 7). Крест, -"- , 1 ф. 16 зол. 8). Крест, -"- , 72 зол.
- 9). Крест, -"- , 39 зол. 10). Венчик, -"- , 1 ф. 11). Венчик с икон., -"- , 34 зол.
- 12). Обложка от иконы, 87 зол. 13). Крышка от Еван., 8 ф. 20 зол.
- 14), тоже, 1 ф. 34 зол. 15), тоже, 1 ф. 43 зол. 16), тоже, 39 зол.
- 17). Копие (лом), 5 зол. 18). Кадило, с цепочк., 1 ф. 4 зол.

Итого : 1 пуд, 5 ф. 78 зол.

Подписи: Уполномоченный Районной Комиссии: [нрзб]

Представитель верующих: свящ. Н. Виноградов

Поименованные места принял: Н. Груздева

14. Служители церкви, работники школы и больницы

Священно и церковнослужители Успенского храма

Священники:

1868–1887	– Иаков Никитич Волхонский.
1887–1900	– Николай Николаевич Голубев.
1900–1914	– Иоанн Иосифович Бобцов.
1914–1924?*	– Николай Мефодиевич Виноградов.
1923?–1925?	– иеромонах Антонин (Волчков).
1926–1929?	– Алексей Владимирович Вяжлинский.

Дьяконы:

1868–1872	– Димитрий Стефанович Степанов.
1873–1884	– Димитрий Федорович Смирнов.
1884–1902	– Павел Петрович Богословский.
1902–1910	– Александр Александрович Малышев.
1910–1918?	– Александр Сергеевич Нежданов.

Дьячки:

(с 1886 должность переименована в псаломщика).	
1868–1905	– Петр Михайлович Глебов.

Пономари:

(с 1886 должность переименована в псаломщика).	
1868–1889	– Семен Иванович Любимов.

Псаломщики:

(должность введена с 1886).	
1889–1918?	– Павел Семенович Любимов.
1905–1907	– Сергей Петрович Ильинский.
1907	– Сергей Михайлович Никитский.
1908–1917?	– Петр Дмитриевич Хрусталеv.

Церковные старосты:

1868–1878?	– потомственный почетный гражданин Павел Григорьевич Цуриков.
1878?–1890?	– потомственный почетный гражданин Максим Ефимович Попов.
1891?–1915	– потомственный почетный гражданин Сергей Максимович Попов.
1915–1917	– крестьянин Алексей Иванович Балакин.
1917–?	– крестьянин Андрей Иванович Евграфов.
1924–1926?	– крестьянка Мавра Захарова.

* Примечание: Указанные даты не всегда означают крайние годы службы (время поступления и время увольнения-перехода). Это просто даты документов, в которых упоминается имя служителя.

Владыки, посещавшие Успенскую церковь

Успенская церковь при Ивановской фабрике занимала исключительное место среди сельских церквей Звенигородского уезда. Редко, когда такие храмы посещали митрополиты и епископы. Это могло происходить раз в 10 лет, а то и реже. А вот в Успенскую церковь первые два десятилетия владыки приезжали служить чуть ли не ежегодно, а бывало и чаще. Конечно, это все благодаря тому, что хозяевами фабрики, при которой находился храм, были отличавшиеся гостеприимством Павел Григорьевич и Анна Сергеевна Цуриковы. Со многими иерархами они были в хороших отношениях, относились с огромным уважением и не забывали благодарить за труды.

В 1893 году приходской священник Николай Голубев написал книгу об истории Успенской церкви. В ней перечислено, когда и какие владыки посещали фабричный храм за первую четверть века ее существования⁵³:

- 1868: митрополит Московский Иннокентий, епископ Дмитровский Леонид 2 раза, епископ Петр;
- 1869: епископ Дмитровский Леонид;
- 1870: епископ Дмитровский Леонид;
- 1871: епископ Дмитровский Леонид (2 раза);
- 1872: митрополит Московский Иннокентий, епископ Дмитровский Леонид (2 раза);
- 1873: епископ Дмитровский Леонид;
- 1874: митрополит Московский Иннокентий, епископ Дмитровский Леонид;
- 1875: епископ Дмитровский Леонид;
- 1876: епископ Дмитровский Никодим;
- 1878: епископ Дмитровский Игнатий, епископ Можайский Алексей;
- 1881: митрополит Московский Макарий, епископ Можайский Алексей;
- 1883: митрополит Иоанникий;
- 1884: епископ Можайский Мисаил, епископ Дмитровский Алексей;
- 1885: епископ Можайский Александр, епископ Дмитровский Алексей;
- 1891: митрополит Иоанникий.

В последующие годы владыки также приезжали в Успенскую церковь, правда, уже реже (вероятно, потому, что Ивановская фабрика не принадлежала Цуриковым). Так, например, в журнальной заметке⁵⁴ 1914 г. сообщалось о приезде епископа Можайского:

«В начале 1-го часа владыка прибыл в село Ивановское, где, между прочим, целым городом расположилась известная суконная фабрика С. М. Попова. Благолепный Ивановский храм (щедрый дар П. Г. Цурикова) был полон народу, хотя время было обеденное и большинство рабочих было на отдыхе. И здесь, как и в Лужсках, владыку приветствовал о. прот. Бобцов. Владыка радовался благолепию храма и благодарил всех, сему содействовавших. После посещения министерской школы и дома протоиерея владыка был приглашен ктиторм храма С. М. Поповым на квартиру, где и была предложена закуска. Радужный хозяин очень был тронут высоким вниманием архипастыря. Около 2 час. владыка отбыл в село Ершово — имение графа Олсуфьева».

Имя владыки в заметке не указано, по всей видимости, это был епископ Можайский Димитрий.

Учителя Ивановской школы

1875–1877	– Михаил Иванович Сафонов.
1877–1895	– Сергей Васильевич Соловьев.
1893–после 1918	– Софья Александровна Обновленская.
1895–до 1898	– Екатерина Дмитриевна Дубенская.
1898–1917?	– Павел Николаевич Бенедиктов.

Врачи Ивановской больницы

1869–1875	– Александр Иванович Будаевский.
1875–1888	– Михаил Михайлович Цветаев.
1888	– Павел Арсеньевич Архангельский (приезжал из Воскресенска).
1888–1890	– Анна Степановна Трудницкая.
1890–1893	– Дора Семеновна Таубер.
1893–1894	– Николай Викторович Кирьяков.
1894–1911	– Дора Игнатьевна Аптекман.
1911–1914	– Николай Никандрович Кураев.

15. Дополнительные сведения о художнике Иване Соболеве

(Сведения получены из архива РГАЛИ в августе 2021 г. за подписью К. В. Яковлевой).

Иван Сергеевич Соболев родился 5 (18) декабря 1894 г. в Москве, русский (ф. 2082, оп. 4, ед. хр. 1428, л. 1).

В 1915 г. поступил вольным посетителем в Училище живописи, ваяния и зодчества: в списке учеников училища на 1915–1916 учебный год числится «вновь принятым» (ф. 680, оп. 4, ед. хр. 4, л. 158). Продолжал числиться вольным посетителем также в 1916–1917 (ф. 680, оп. 4, ед. хр. 4, л. 176) и 1917–1918 учебных годах (ф. 680, оп. 4, ед. хр. 4, л. 192).

В «Списке учащихся для отметок взносов платы за ученье в 1915–1916 гг.» напротив имени Ивана Соболева, учащегося головного класса живописного отделения училища, имеется отметка: «освобожден» (ф. 680, оп. 4, ед. хр. 4, л. 227об). В аналогичном списке на 1916–1917 учебный год напротив имени Ивана Соболева имеется отметка: «На [взносы?] В.О. Высоцкого» (ф. 680, оп. 4, ед. хр. 4, л. 240).

Для уточнения обстоятельств поступления И.С. Соболева в училище просмотрено дело «Прошения лиц, желавших поступить в Училище. (Л – Я). 1 мая–14 августа 1915 г.» (ф. 680 оп. 1 ед. хр. 9786). Прошение И.С. Соболева в деле не выявлено. Его личное дело в качестве ученика Училища живописи, ваяния и зодчества в фонде № 680 также отсутствует.

После преобразования московского Училища живописи, ваяния и зодчества в Высшие государственные художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС) И.С. Соболев продолжил обучение на живописном отделении. В списке студентов ВХУТЕМАС на 1918–1919 учебный год имеется упоминание о «ст. [старом] уч. [ученике]» Соболеве Иване Сергеевиче 05.12.1894 г.р., год поступления – 1915 г., посещающем мастерскую Кузнецовой (ф. 681 оп. 2 ед. хр. 415 л. 116). В аналогичном списке студентов на 1919–1920 учебный год приводятся те же данные о дате рождения И.С. Соболева, годе поступления и посещении мастерской Кузнецовой, а также имеется информация об адресе его проживания (Кадашевская набережная, Малый Толмачевский пер., д. 3, к. 4), размере получаемого социального обеспечения (900 рублей) и отношении к воинской повинности. Так, указано, что И.С. Соболев имеет удостоверение об отсрочке от призыва № 14353, выданное военным комиссариатом Москвы 11 мая 1920 г. (ф. 681 оп. 2 ед. хр. 416, л. 173об.–174). И.С. Соболев окончил монументальное отделение ВХУТЕМАСа в 1923 г. (ф. 2082, оп. 4, ед. хр. 1428, л. 1).

В «Книге учета художественных произведений и книг, принадлежащих Московскому музею живописной культуры (Инвентарная книга № 1)», относящейся к 1 апреля–17 июля 1924 г., имеются упоминания о нескольких живописных и графических работах И.С. Соболева: 1) «Натюрморт с коркой хлеба» (картон, масло) – передан в Государственный музейный фонд по акту № 92 от 7 февраля 1925 г. (ф. 664, оп. 1, ед. хр. 6, л. 9об.–10); 2) «Натюрморт с виолончелью» (холст, масло) – передан в Государственный музейный фонд по акту № 93 от 12 февраля 1925 г. (ф. 664, оп. 1, ед. хр. 6, л. 29об.–30); беспредметный рисунок (бумага, карандаш) – по акту № 119 определен на ликвидацию (ф. 664, оп. 1, ед. хр. 6, л. 72об.–73); беспредметный рисунок 1919 г. (бумага, карандаш) – по акту № 119 определен на ликвидацию (ф. 664, оп. 1, ед. хр. 6, л. 73об.–74).

В карточке персонального учета члена Союза художников СССР, в разделе «Основные произведения художника» упоминается еще несколько художественных работ И.С. Соболева 1920-х годов: «Портрет Флавия Кузнецовского» (1921) и «Фактурная обработка» (1922) – обе приобретены в Государственный музейный фонд, а также пейзажи 1922–1924 гг. (без названий), которые экспонировались на выставке Общества художников «Маковец». Имеются также сведения о картине 1942 г. «Лето» (холст, масло), которая демонстрировалась на 7-й выставке московских художников в Петровском пассаже (ф. 2082, оп. 4, ед. хр. 1428, л. 3об).

20 марта 1933 г. группа художников из объединения «Маковец» (Н.М. Чернышев, Е.О. Маишев, М.С. Родионов, И.Ф. Завьялов) обратилась в Московскую организацию Союза художников РСФСР (МОССХ) с ходатайством о приеме И.С. Соболева и Е.М. Беляковой в члены МОССХ как «активно работающих на фронте ИЗО с самого окончания ВХУТЕМАСа». В ходатайстве отмечалось, что И.С. Соболев участвовал своими работами в нескольких выставках общества «Маковец» и был принят в члены данного общества (ф. 2943, оп. 1, ед. хр. 1129, л. 10). В протоколе заседания бюро живописного сектора МОССХ б/н от 20 марта 1933 г. имеется упоминание о И.С.

Соболеву с пометкой: «Принять в члены Союза» (ф. 2943, оп. 1, ед. хр. 1129, л. 14).

В 1938 г., в ходе перерегистрации членов МОССХ, И.С. Соболев был переведен в кандидаты в члены МОССХ с формулировкой «ввиду недостаточной квалификации» (протокол № 20 заседания комиссии по перерегистрации членов МОССХ от 16 марта 1938 г.; ф. 2943, оп. 1, ед. хр. 169, л. ббоб.). Решением Правления МОССХ от 14 июня 1939 г. И.С. Соболев по результатам кандидатской выставки по живописному сектору был вновь переведен в члены союза (ф. 2943, оп. 1, ед. хр. 204, л. 3).

Как видно из архивных материалов МОССХ, И.С. Соболев по крайней мере с середины 1930-х годов работал преимущественно в области монументальной живописи в технике фрески и сграффито.

В отчете для секции монументальной живописи МОССХ от 19 марта 1948 г. (ф. 2943, оп. 1, ед. хр. 1515, л. 36) И.С. Соболев указывал, что в 1935–1939 гг. им были выполнены росписи кинотеатров в Москве («Родина», 1938–1939), Калинин, Кирове, Кашире, Ярцеве, Астрахани, Таганроге, Нальчике, Махачкале, Дербенте, Черкесске, Энгельсе, Мичуринске, Элисте, роспись игрового зала в Московском дворце пионеров (1937), роспись ваз на набережной в Парке культуры и отдыха им. А.М. Горького (1938), росписи в Перовской поликлинике (так в деле) и в школе ФЗУ московского завода № 235. В 1939–1940 гг. принимал участие в росписи плафона и зрительного зала кинотеатра «ЗИС» Завода им. Сталина (фреска «Праздник молодости»). В 1942–1945 гг. находился в рядах Красной армии. В 1946–1947 гг. принимал участие в росписи лекционного зала («Торжество советской культуры»), библиотеки и буфета Дворца культуры в Златоусте. В этот же период им были подготовлены эскизы росписи соматического санатория в Тамбове. В 1948 г. планировал заниматься росписью плафона буфета театра в Улан-Удэ, эскизы к которому им уже были выполнены.

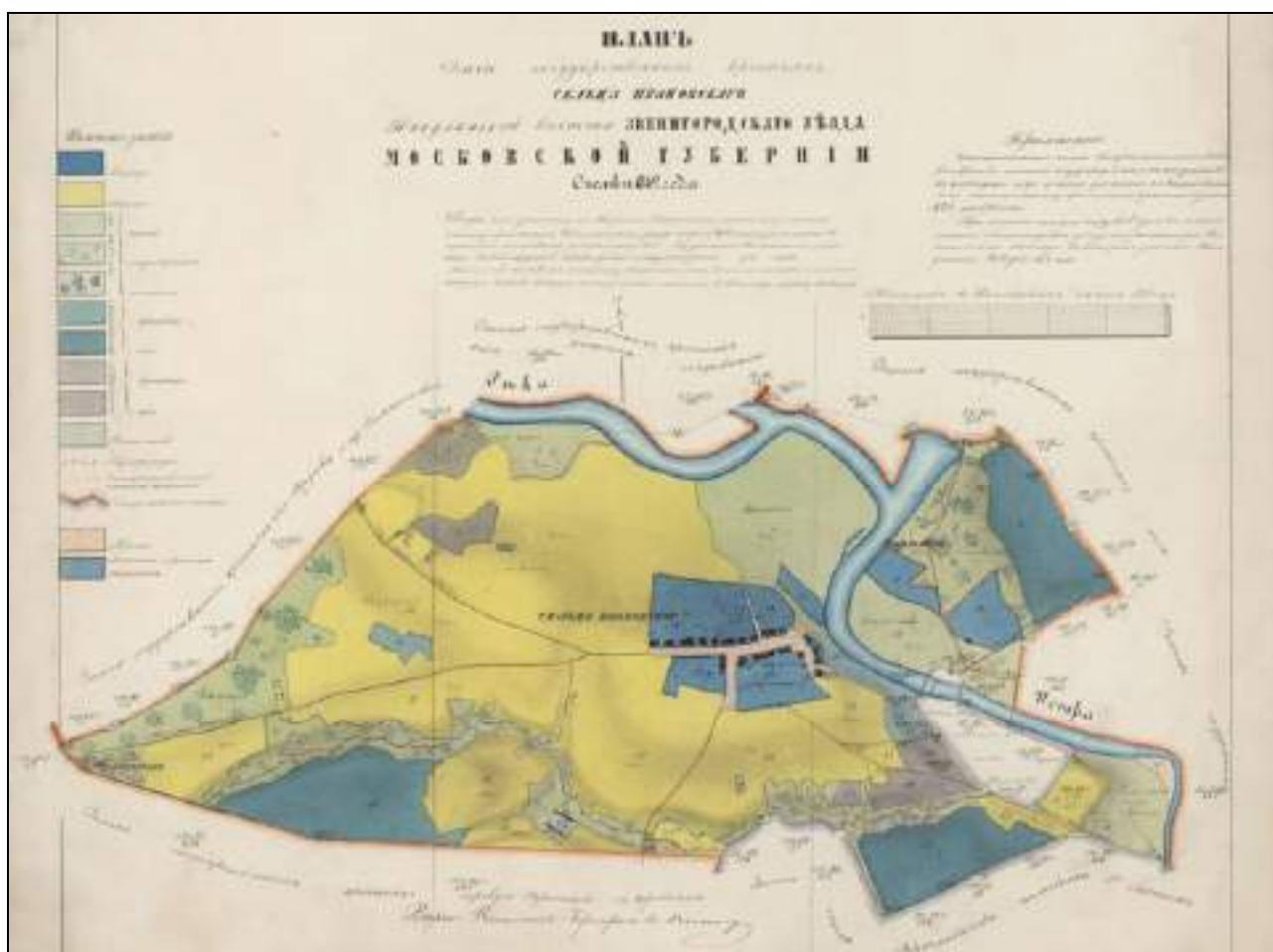
В заявлении в МОССХ от 12 марта 1940 г., написанном совместно с художниками Екатериной Михайловной Беляковой и Иваном Ивановичем Свешиковым (соавторами большинства перечисленных выше работ И.С. Соболева), художник отмечал, что работы по росписи кинотеатров, дворца пионеров и других объектов производились им в тяжелых материальных и климатических условиях, из-за которых им «не пришлось развернуть всех наших творческих возможностей» (ф. 2943, оп. 1, ед. хр. 235, л. 434об.). Также он упоминал, что их творческий коллектив заключил 4 октября 1939 г. договор с Заводом им. Сталина на роспись 20 кв. метров плафона, медальонов зрительного зала и фойе, капителей колонн согласно строительной смете, а также взял на себя обязательства безвозмездно выполнить роспись всего плафона площадью 90 кв. метров. В связи с этим творческий коллектив ходатайствовал о выделении МОССХом денежных средств, необходимых для выполнения этих работ (ф. 2943, оп. 1, ед. хр. 235, л. 435).

В карточке персонального учета члена Союза художников СССР И.С. Соболева имеются также сведения о его работе над росписями плафона в фойе кинотеатра в Смоленске («История города Смоленска») в 1950 г., лоджий на фасаде здания и садовых ваз в санатории в Цхалтубо в 1951 г., плафона большого фойе, лекционного зала и панно в коридоре Дворца культуры (закрытый объект) в 1952 г., лоджий фасада здания посольства Чехословакии в Москве в 1954 г. (ф. 2082, оп. 4, ед. хр. 1428, л. 4).

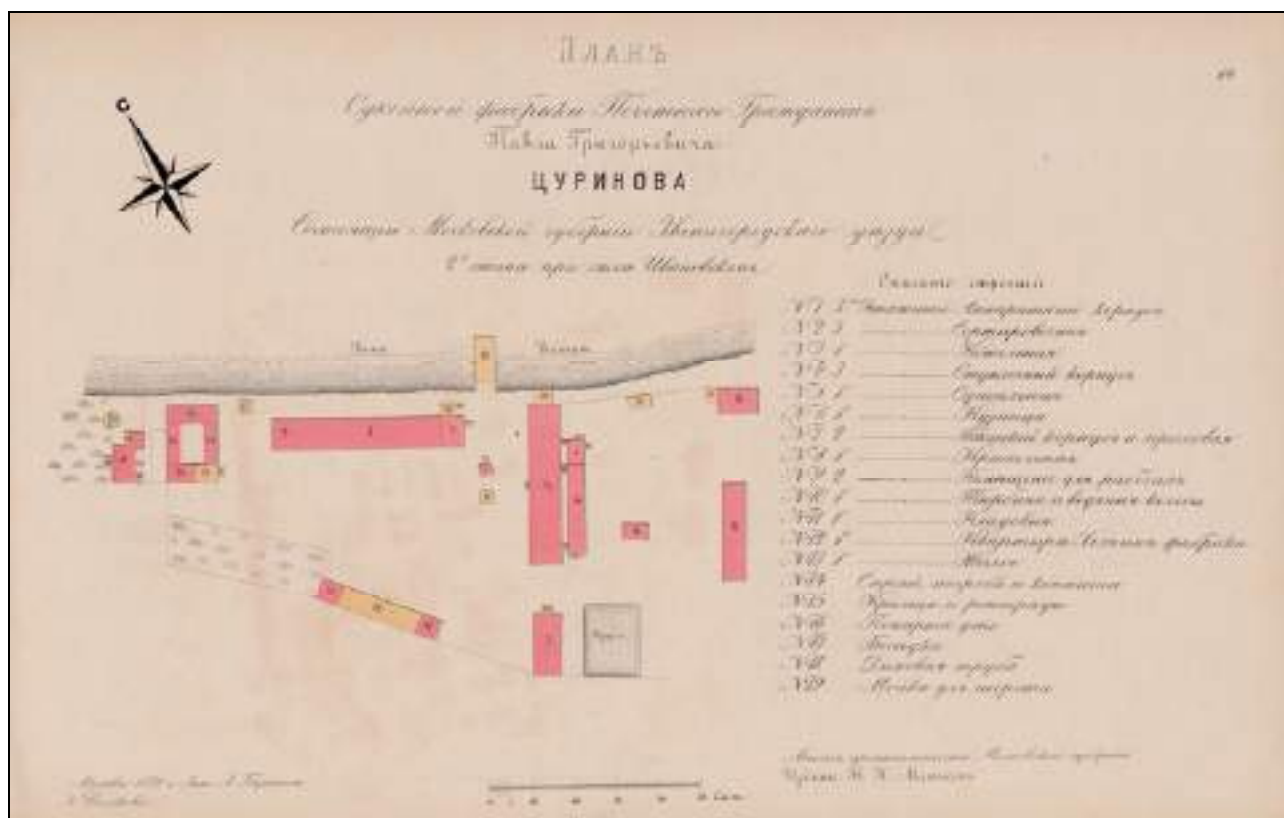
С 1955 г. по февраль 1958 г. И.С. Соболев находился на административной работе в должности начальника цеха монументальной и декоративной живописи Комбината декоративно-прикладного искусства Московского отделения Художественного фонда СССР. 10 февраля 1958 г. был вынужден уйти на пенсию по состоянию здоровья (ф. 2082, оп. 4, ед. хр. 1428, л. 5).

Умер в 1964 г., похоронен на 7-м участке Ваганьковского кладбища в Москве (ф. 1345, оп. 7, ед. хр. 2, л. 112).

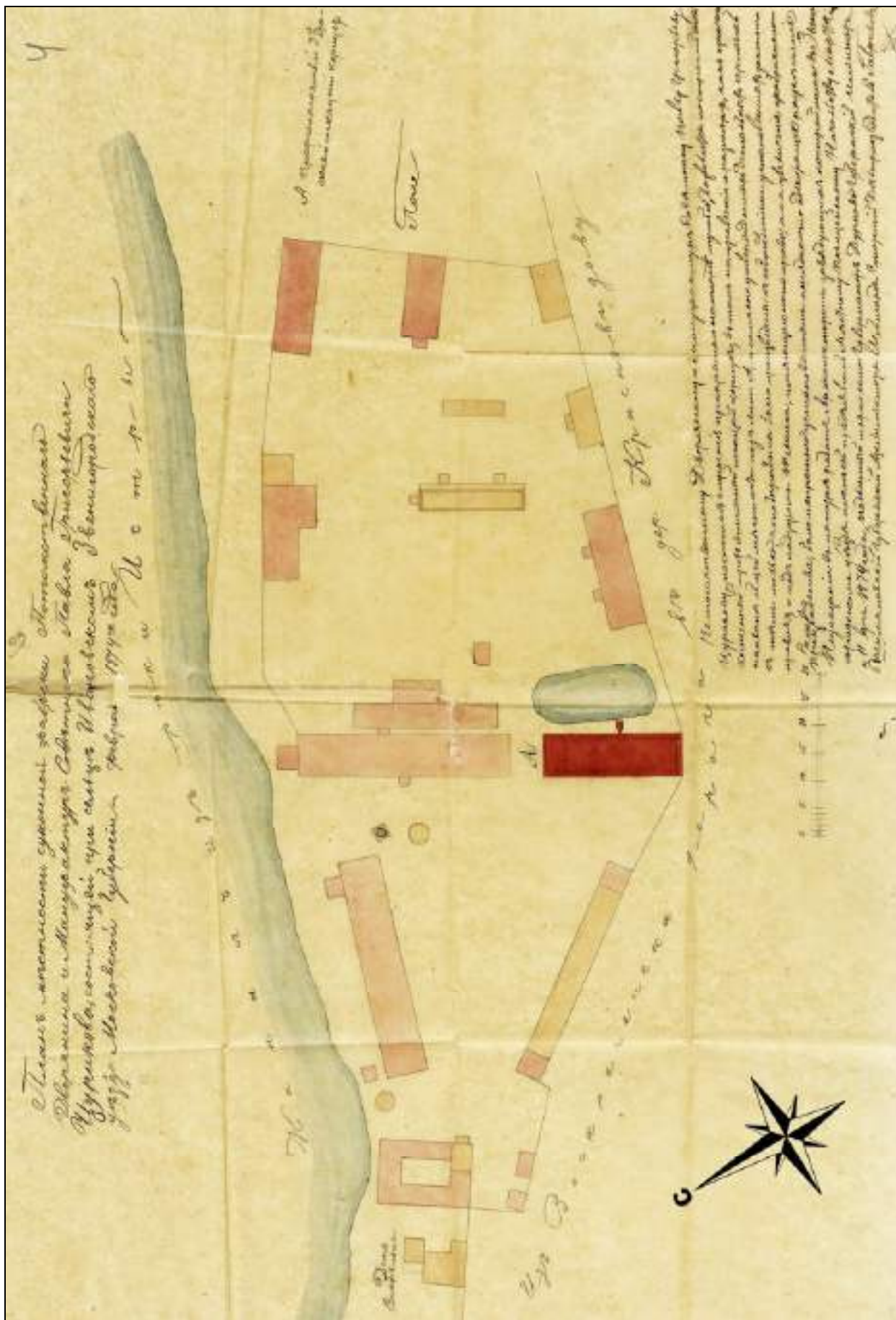
Дополнительно сообщаем, что помимо упомянутых выше документов, в фондах РГАЛИ выявлены следующие связанные с И.С. Соболевым материалы: выступление И.С. Соболева на собрании подсекции монументальной живописи МОССХ по докладу о работе КПДИ 27 ноября 1956 г. (ф. 2943, оп. 1, ед. хр. 1545, л. 4-27), упоминание о И.С. Соболеве в списке участников выставки, посвященной I Всесоюзному съезду советских художников от 24 января 1957 г. (ф. 2943, оп. 1, ед. хр. 3178, л. 17), заявления И.С. Соболева в бюро подсекции монументальной живописи МОССХ о творческой помощи и ее зачете от 23 апреля 1957 г. и 20 апреля 1959 г. (ф. 2943, оп. 1, ед. хр. 1555, л. 20 и ф. 2943, оп. 1, ед. хр. 1572, л. 14, 15), упоминание о И.С. Соболеве в списке членов МОССХ на 1942 г. (ф. 2075, оп. 7, ед. хр. 347, л. 69об.).

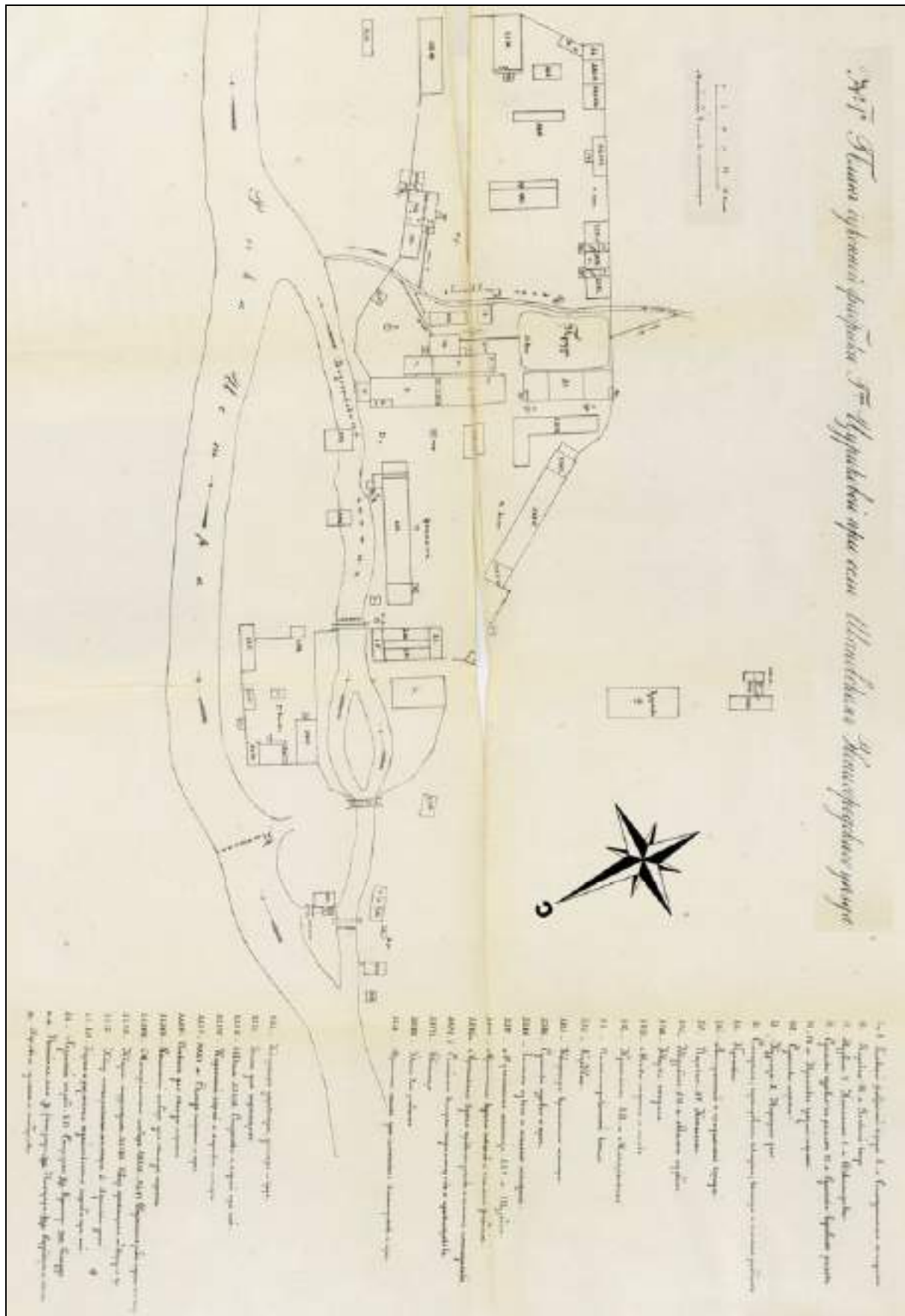
Изо Р-02. «План дачи государственных крестьян сельца Ивановского»⁵⁶ (переработан, фрагмент), 1862, (Российский государственный исторический архив, С-Петербург).

Изо Р-03. «План суконной фабрики П. Г. Цурикова»⁵⁷, 1872.

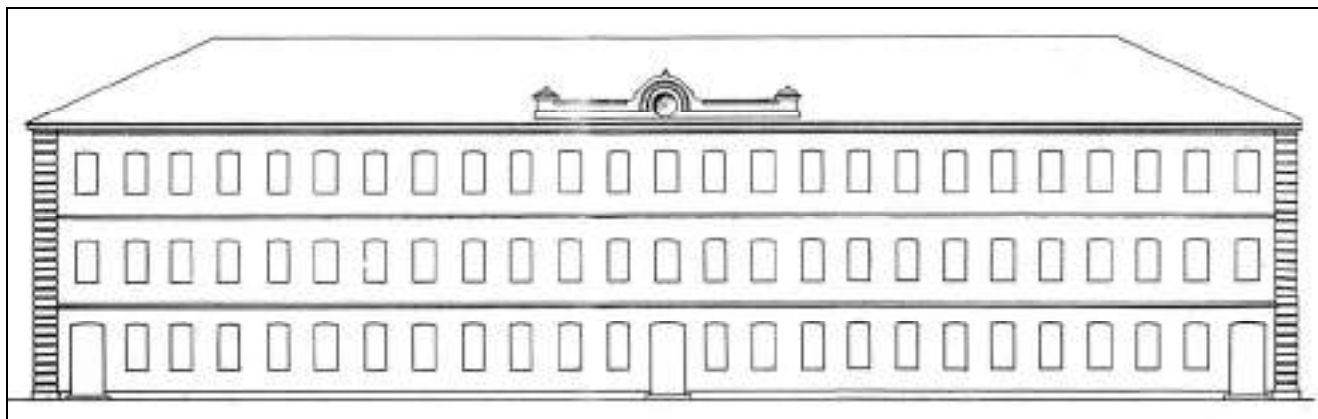
Изо Р-04. «План местности суконной фабрики П. Г. Цурикова»⁵⁸, 1874, (Главархив Москвы. ГБУ «ЦГА Москвы»).

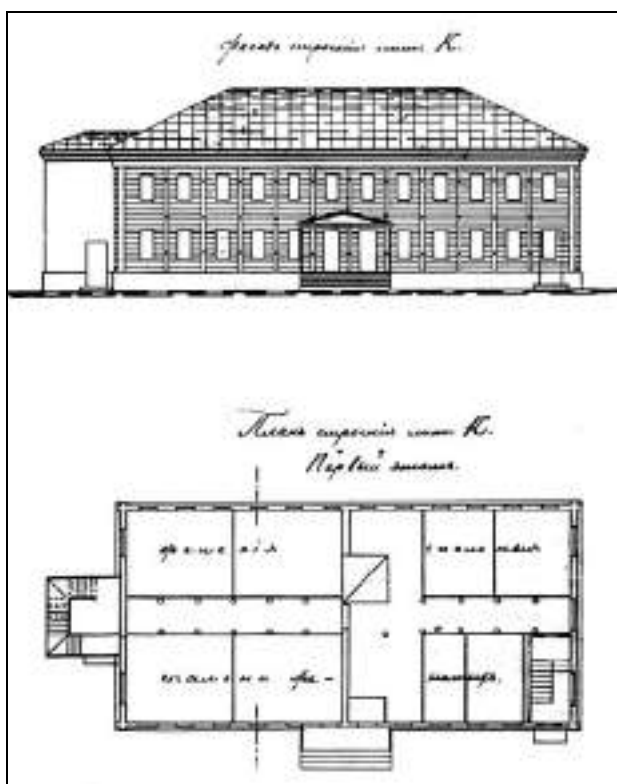
Изо Р-05. «План суконной фабрики г-жи Цуриковой»⁵⁹ (переработан), 1882.

Изо Р-06. «Генеральный план владения Ивановской фабрики С. М. Попова»⁶⁰ (переработан), 1897, (Главархив Москвы. ГБУ "ЦГА Москвы") – приведен на обороте обложки настоящей книги.

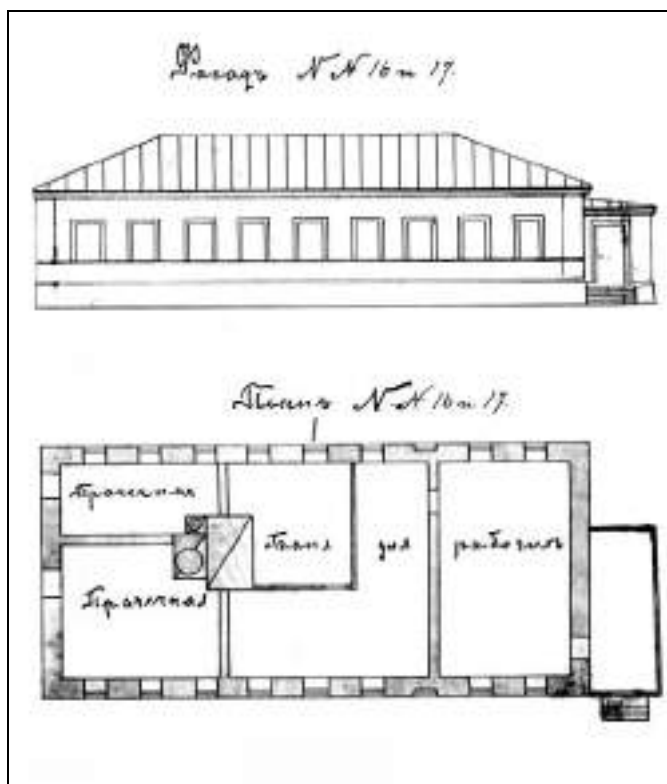
17. Чертежи зданий Ивановской суконной фабрики

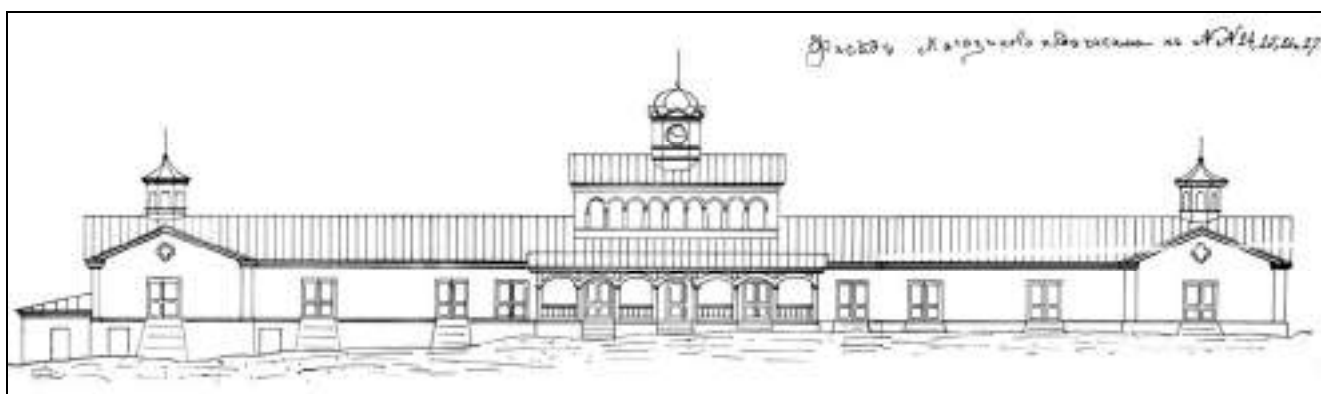
Изо Р-07. Ткацкий корпус⁶¹, 1874.

Изо Р-08. Общежитие для рабочих⁶², 1889.

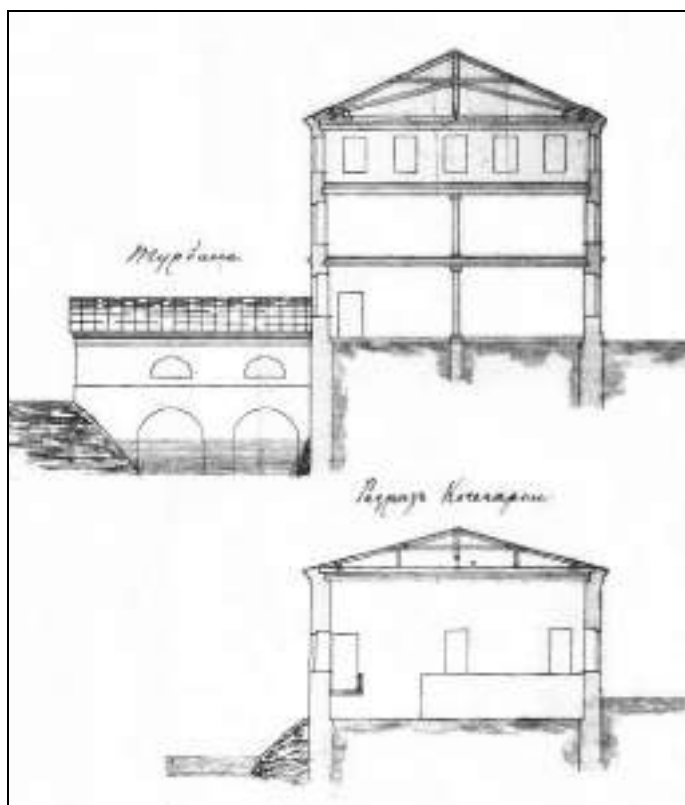
Изо Р-09. Прачечная и баня для рабочих⁶³, 1897?

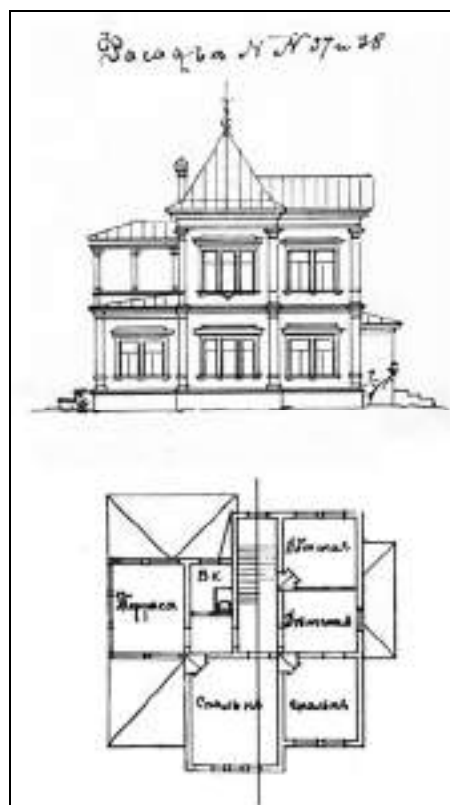
Изо Р-10. Магазин и фабричные склады⁶⁴, 1897?

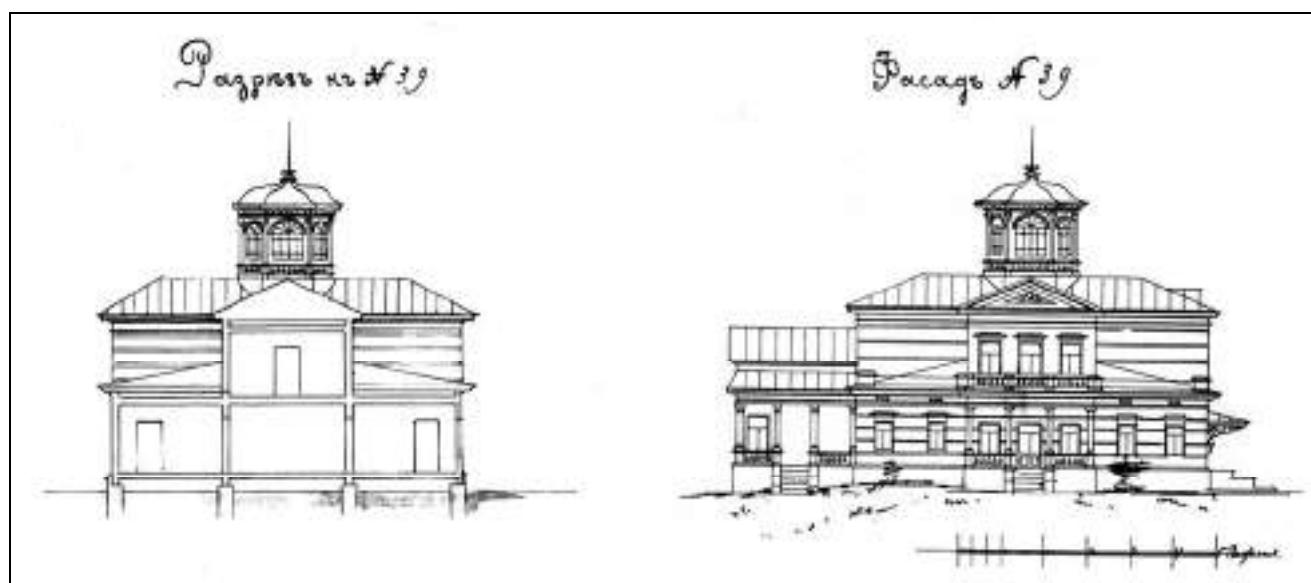
Изо Р–11. Аппаратно-прядельный корпус Ивановской фабрики⁶⁵, 1889.

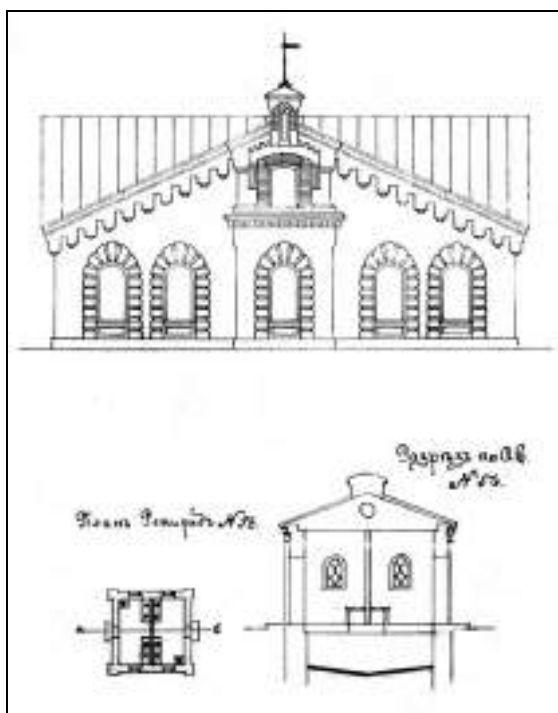
Изо Р–12. Турбина (на канале) и котеларка⁶⁶, 1889.

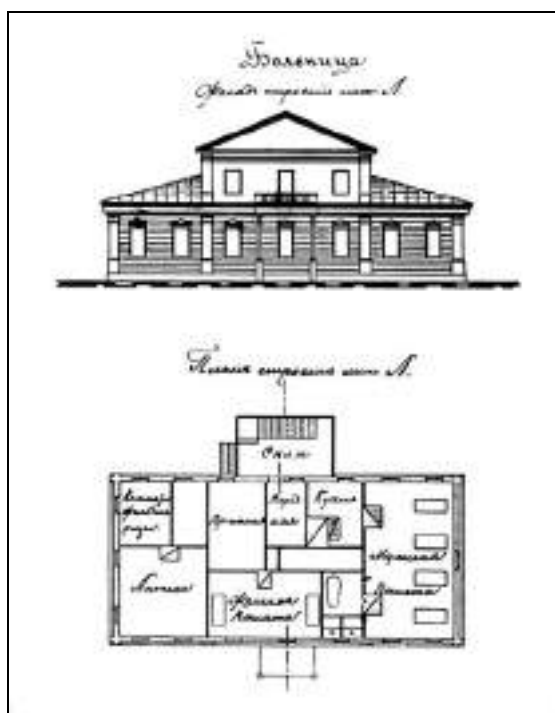
Изо Р–13. Дом М. Е. Попова⁶⁷, 1897?

Изо Р–14. Большой дом хозяев фабрики Цуриковых-Поповых⁶⁸, 1897?

Изо Р-15. Прессовая и ретирады⁶⁹, 1875.

Изо Р-16. Старая фабричная больница⁷⁰, 1889.

Изо Р-17. Конюшня, кухня, сарай⁷¹, 1897?

Изо Р-18. Новая фабричная больница⁷², 1909.

18. Исторические виды Ивановской (Октябрьской) фабрики

Изо Р–19. «Ивановская суконная фабрика П.Г. Цурикова.
Литогр. при Музеум на Мясницкой»⁷³, 1868, (Государственный исторический музей, Москва).

Изо Р–20. Главный двор Ивановской фабрики, 1910-е, (АШ).

Изо Р–21. Главный двор фабрики, справа склады и магазин⁷⁴, 1910.

Изо Р–22. Главный фабрики двор, вид на аппаратно-прядельный корпус⁷⁵, 1910.

Изо Р–23. Магазин со стороны дороги, (АШ).

Изо Р–24. «Народный дом», (АШ).

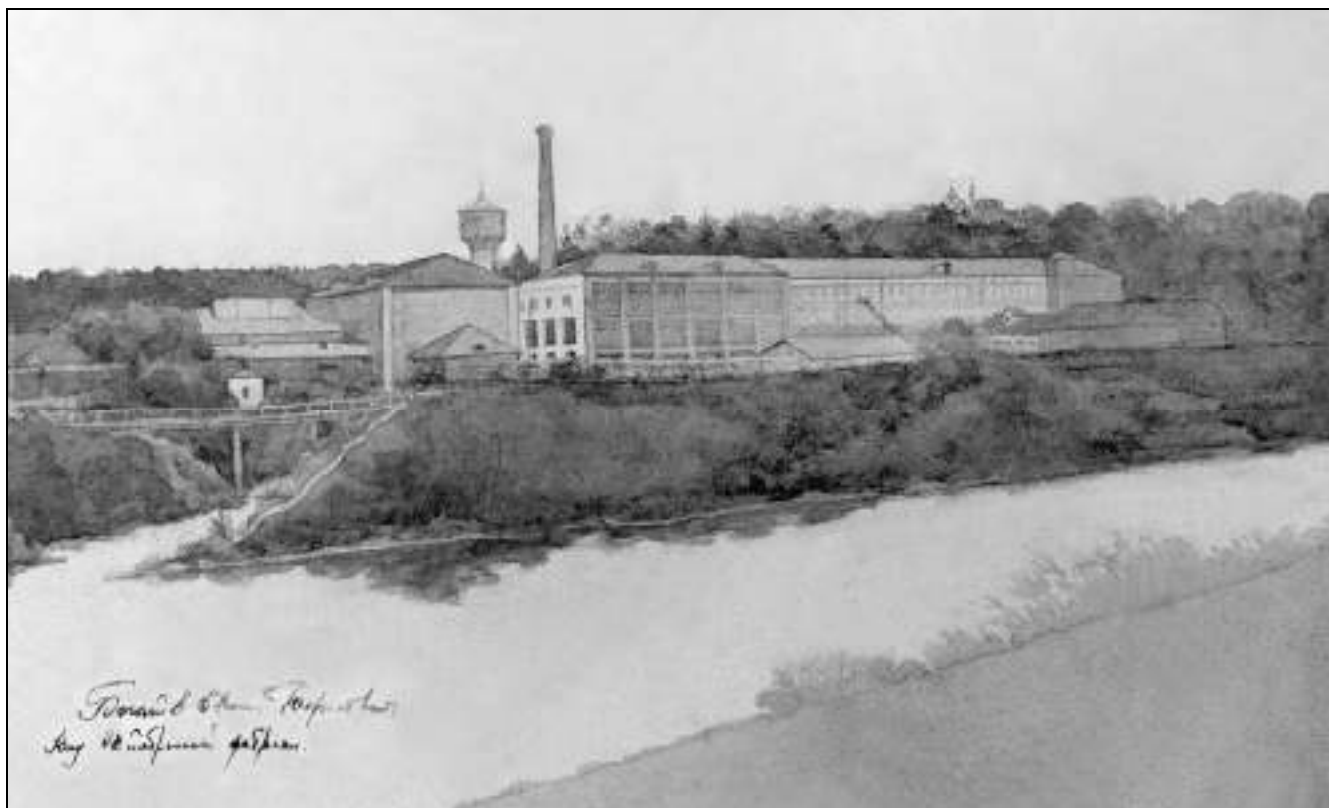
Изо Р–25. «Торг у ворот Ивановской фабрики»⁷⁶, 1892, (РГАЛИ).

Изо Р-26. «У ворот фабрики в день выдачи зарплаты, нач. XX в.», (АШ).

Изо Р-27. Вид с юга на Ивановскую фабрику, 1890-е, (АШ).

Изо Р-28. Вид из-за реки Истра на Ивановскую фабрику, 1920-е ?, худ. Е. Б. Богатов.

Изо Р-29. Вид на Октябрьскую фабрику от плотины на реке Истра, 1920-е ?
(семейный архив бывшего директора фабрики А. С. Волкова).

Изо Р-30. Дети Шуберт у здания мельницы на берегу канала, 1890-е, (АШ).

Изо Р-31. Здание мельницы, (АШ).

Изо Р-32. Плотина на реке Истра, 1894, (АШ).

Изо Р-33. Остатки плотины⁷⁷, 1959.

Изо Р-34. Ивановская фабрика, худ. Л. Попова, 1908.

Изо Р-35. Пейзаж с красным домом и прачкой, худ. Л. Попова, 1908?, (из собрания Харджиева).

Изо Р-36. Главный въезд на фабрику, 1890-е, (АШ).

Изо Р-37. Главный въезд на фабрику и бывший дом
Сырейщиковых-Кручининых, нач XX. в., (АШ).

Изо Р–38. «Ивановская фабрика в 80-х годах. Сад при доме П. Г. Цурикова»⁷⁸,
(Государственный исторический музей, Москва).

Изо Р–39. Малый дом семьи
Цуриковых⁷⁹, 1891, (РГАЛИ).

Изо Р–40. «Дом выстроенный для
невестки-барыни», (АШ).

Изо Р–41. «Дневной приют для детей
рабочих фабрики. Нач. XX в.», (АШ).

Изо Р–42. Лестница от храма к большому
дому Цуриковых-Поповых, 1910-е ?, (АШ).

Изо Р-43. «Ивановская фабрика в 70-80 годах. Сад при доме П.Г. Цурикова»⁸⁰,
(Государственный исторический музей, Москва).

Изо Р-44. «Сад при доме П. Г. Цурикова на Ивановской фабрике», 1892, (АШ).

Изо Р-45. Большой дом Цуриковых-Поповых, 1910-е, (АШ).

Изо Р-46. Усадебный дом в имении Красновидово, (АШ).

Изо Р-47. Усадебный дом в имении Красновидово, (АШ).

Изо Р-48. Усадебный дом в имении Красновидово, (АШ).

Изо Р-49. Служащие и конторские работники Ивановской фабрики⁸¹, 1898–1904?

Изо Р-50. Ученики Ивановской школы⁸², 1915–1917?

Изо Р-51. «Ивановская труппа»⁸³, 1895,
 (Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина).

Изо Р-52. Спектакль «Женитьба» на сцене Ивановской фабрики⁸⁴, (РГАЛИ).

Изо Р-53. Главный двор фабрики, 1920-е,
(семейный архив А. С. Волкова).

Изо Р-54. Один из корпусов, ок. 1950,
(семейный архив Е. Г. Корочкиной).

Изо Р-55. Октябрьская фабрика после отступления немцев, зима 1941–1942?

Изо Р-56. Вид на место, где находилась Октябрьская (Ивановская) фабрика⁸⁵, 1959.

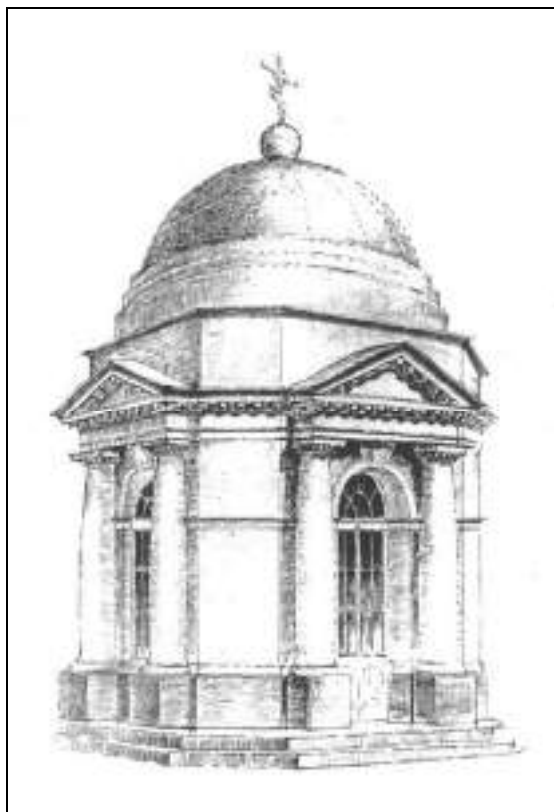
Изо Р-57. Успенская церковь⁸⁶, 1893.

Изо Р-58. Успенская церковь.

Изо Р-59. В центре дом псаломщика, слева Успенский храм, справа арка кладбища, нач. XX в., (АШ).

Изо Р–60. Проект юбилейной часовни⁸⁷,
арх. В. Веснин, 1916, (ГНИМА).

Изо Р–61. Проект юбилейной часовни⁸⁸,
арх. В. Веснин, 1916, (ГНИМА).

Изо Р–62. Раскопанный фундамент
Успенской церкви, 2021.

Изо Р–63, Р–64. Обломки Успенской церкви,
найденные на раскопе, 2022, 2021.

19. Фотографии Цуриковых и их родственников

Изо Р-65. П. Г. Цуриков⁸⁹, 1871–1876,
(Российский государственный архив
литературы и искусства).

Изо Р-66. П. Г. Цуриков⁹⁰, печать 1881,
(Государственный музей истории российской
литературы имени В. И. Даля).

Изо Р-67. П. Г. Цуриков⁹¹, печать 1893.

Изо Р-68. П. Г. Цуриков⁹², 1868?, (РГАЛИ).

Изо Р-69. А. С. Цурикова, (АШ).

Изо Р-70. А. С. Цурикова у себя дома в Воскресенске⁹³, 1890-е ?

Изо Р-71. А. С. Цурикова⁹⁴, 1868, (Российский государственный архив литературы и искусства).

Изо Р-72. А. С. Цурикова, Поповы Ольга и Анна (справа)⁹⁵, 1868, (РГАЛИ).

Изо Р-73. А. С. Цурикова с сестрами Мингалевыми⁹⁶, после 1887?
(Государственный историко-художественный музей "Новый Иерусалим").

Изо Р-74. А. С. Цурикова с сестрами Мингалевыми⁹⁷, после 1887?
(Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник А. П. Чехова "Мелихово").

Изо Р–75. А. С. Цурикова с сестрами и племянником П. В. Мингалевым⁹⁸,
(Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник А. П. Чехова "Мелихово").

Изо Р–76. А. С. Цурикова, ее сестры, А. И. Сиротинин, священник Голубев⁹⁹, 1890-е ?

Изо Р-77. В. С. Мингалев¹⁰⁰, (РГАЛИ).

Изо Р-78. Л. С. Мингалева¹⁰¹, 1868, (РГАЛИ).

Изо Р-79. М. Е. Попов¹⁰²,
Фотограф Трунов, (РГАЛИ).

Изо Р-80. М. Е. Попов, (АШ).

Изо Р–81. М. Г. Попова (справа)¹⁰³, (РГАЛИ).

Изо Р–82. «Бабка Матрена Гр. Попова»¹⁰⁴, (РГАЛИ).

Изо Р–83. М. Г. Попова¹⁰⁵, (РГАЛИ).

Изо Р–84. М. Г. Попова. 1890-е. (АШ).

Список источников и литературы

Примечание. Актуальность интернет-ссылок проверена с 19 июля по 18 августа 2023 г. (длинные интернет-адреса усечены, за полной ссылкой можно обратиться к автору nspnsp@mail.ru).

К введению:

1. Несколько слов на память о покойном П.Г. Цурикове по случаю годовщины после его смерти // МБ, 1879, № 7, с.52–54.
2. Ярцев А. Очерки и наблюдения. Прогулка четырнадцатая по уголку "Московской Швейцарии". // МБ, 1894, № 184, с.4.
3. П.Г. Цуриков. (Некролог) // МБ, 1878, № 3, с.28.
4. Крючкова М. Воскресенский меценат. // ИВ, № 97–98, с.7; № 99, с.3.
5. Крючкова М. А. Цуриков. Предпринимательская и благотворительная деятельность. // Никоновские чтения в музее "Новый Иерусалим". – М.: 2002, с.250–252.
6. Козлов В. Ф. Звенигородский купец-благотворитель Павел Григорьевич Цуриков // Город, музей, монастырь. История и поиски путей развития. – Звенигород: 2004, с.165–170.
7. Суконщики Поповы: "Записки о московской жизни" и не только. – М.: 2010, 638 с.
8. Ярцев А. Очерки и наблюдения. ... с.4.
9. Павел Григорьевич Цуриков. Учетная карточка; URL: <http://www.istra-lit.ru/people/curikov.htm>
10. Мамаев С. Благотворитель земли Истринской. Доброй памяти Павла Григорьевича Цурикова // Духовная нива, 2013, № 1, с.5; № 2, с.5.
11. Благотворитель земли Истринской. Доброй памяти Павла Григорьевича Цурикова // Сборник статей по материалам газеты Истринского благочиния "Духовная Нива". Вып.1 – Истра: 2014, с.21–24.

К главе 1:

1. Еще о П. Г. Цурикове. // МБ, 1878, № 24, с.4.
2. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.501. Л.445, 445об.
3. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.480. Л.487.
4. Покровское-Рубцово. Историко-краеведческий сборник. – М.: 2010, 368 с.
5. Истринская земля. Серия "Энциклопедия сел и деревень Подмосковья". – М.: 2004, с.554.
6. Герб рода Нащокиных; URL: <https://gerbovnik.ru/arms/314.html>
7. РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.253. Л.309.
8. Истринская земля ... с.555.
9. Истринская земля ... с.556.
10. РГАДА. Ф.1264. Оп.1. Д.450а. Л.1.
11. ЦГАМ. Ф.184. Оп.5. Д.7. Л.25.
12. Нащокин Николай Михайлович; URL: <https://adelwiki.dhi-moskau.de/> (ссылка неполная).
13. Зеленская Г.М., Святославский А.В. Некрополь Нового Иерусалима. – М.: 2006, с.178–180, 351, 352.
14. Герб рода Голохвастовых; URL: <https://gerbovnik.ru/arms/213.html>
15. Рязанова А. История усадьбы Покровское-Рубцово // Юный краевед, 2009, № 11, с.14.
16. Руммель В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т.1 – СПб.: 1886, с.195.
17. Анна Михайловна Сабурова (Нащокина); URL: <https://www.geni.com/people/> (ссылка неполная).
18. РГАДА. Ф.1264. Оп.1. Д.120. Л.10.
19. РГАДА. Ф.1264. Оп.1. Д.114. Л.130.
20. ЦГАМ. Ф.4. Оп.1. Д.46. Л.24.
21. Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1772. – СПб.: 1772, с.24.
22. Полный список шефов, полковых командиров и офицеров Лейб-гвардии конного полка с 1731 по 1886 год. – СПб.: 1886, с.59.
23. Голохвастов Павел Иванович; URL: <https://adelwiki.dhi-moskau.de/> (ссылка неполная).
24. Месяцослов с росписью ... – СПб.: 1789, с.110.
25. ЦГАМ. Ф.4. Оп.14. Д.455. Л.2.
26. Акты, относящиеся до рода Голохвастовых – М.: 1848, с.1.

27. ЦГАМ. Ф.4. Оп.14. Д.456. Л.5.
28. ЦГАМ. Ф.4. Оп.1. Д.4266. Л.39об.
29. Икона Всемиловитова Спаса в селе Субботниках, Боровского уезда. // К Калужский епархиальный ведомости, 1900, № 16неоф., с.361.
30. Памятники архитектуры Московской области / под общей ред. Подъяпольской Е. Н. Вып. 2. – М.: 1999, с.203.
31. Герцен А. И. Былое и думы – М.: 1979, с.8.
32. РГАДА. Ф.1264. Оп.1. Д.111. Л.3.
33. О некоторых из сел Калужской губернии, расположенных по реке Наре (в боровском уезде) // Калужский епархиальный ведомости, 1891, № 19. Часть оф. Прибавления, с.642.
34. ЦГАМ. Ф.205. Оп.2. Д.27. Л.627.
35. Легостаев В. В., Носиков С. П., Шатохин А. В. Храмы Боровского уезда. – Брянск: 2015, с.377.
36. ЦГАМ. Ф.4. Оп.1. Д.3268. Л.32об.
37. ЦГАМ. Ф.98. Оп.1. Д.80. Л.1.
38. ЦГАМ. Ф.50. Оп.10. Д.1189. Л.1.
39. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.921. Л.327.
40. Герцен А. И. Былое и думы – М.: 1979, с.511.
41. Дом Голохвастовых; URL: <https://localway.ru/moscow/poi/> (ссылка неполная).
42. Проезд Тверского бульвара; URL: <https://pastvu.com/p/679276>
43. ЦГАМ. Ф.50. Оп.10. Д.520. Л.1, 1об.
44. ЦГАМ. Ф.50. Оп.10. Д.938. Л.1.
45. РГАДА. Ф.1264. Оп.1. Д.111. Л.8.
46. ГИМ. КТ 21416. Портрет Д.П. Голохвастого, двоюродного брата А.И. Герцена; URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=28902140>
47. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.921. Л.1об.
48. Некролог. Д.П. Голохвастов // Москвитянин. Московская летопись, 1850, ч.1, № 2, с.63.
49. ЦГАМ. Ф.50. Оп.5. Д.8557. Л.1.
50. ЦГАМ. Ф.66. Оп.5. Д.938. Л.40, 40об.
51. ЦГАМ. Ф.54. Оп.184. Д.58. Л.3об–11об.
52. ОПИ ГИМ. Ф.404. Д.1. Л.7.
53. Д.П. Голохвастов (некролог) // МБ, 1850, №1, с.11.
54. ЦГАМ. Ф.459. Оп.1. Д.1472. Л.27.
55. Александр Иванович Герцен; URL: <https://biographonline.ru/aleksandr-gertsen/>
56. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том IX (17). "Гоа – Гравер" – СПб.: 1893, с.111.
57. Пассек Т. П. Из дальних лет. Т. 1. – М.: 1963, с.319, 320.
58. Герцен А. И. Былое и думы – М.: 1979, с.506, 519.
59. Суконщики Поповы ... с.158.
60. ОПИ ГИМ. Ф.404. Д.109. Л.6об.
61. Записки Сергея Михайловича Соловьева. – СПб.: с.41, 42.
62. Акты, относящиеся до рода ... 146 с.
63. ЦГАМ. Ф.4. Оп.16. Д.624. Л.1.
64. Михеева Е. В. Охранители основ – дворяне Голохвастовы // История (газета), 2010, № 13, с.26.
65. Альбом пятидесятилетнего юбилея Московского общества любителей конского бега. 1834–1884 – М.: 1884, с.37.
66. Истринская земля ... с.557.
67. Военно-статистическое обозрение Российской империи ... Т.6, ч.1: Московская губерния – СПб.: 1853, с.141, 142.
68. Бутович Я. И. Лошади моего сердца. Из воспоминаний коннозаводчика – М.: 2013, с.197.
69. Альбом пятидесятилетнего юбилея ... с.70.
70. Герцен А. И. Былое и думы – М.: 1979, с.526, 527.
71. Покровское-Рубцово ... с.29.
72. Н. И. Шатилов. Из недавнего прошлого // Голос Минувшего (журнал), 1916, № 1, с.174.
73. Памятники архитектуры ... с.203, 204.
74. Герцен А. И. Былое и думы – М.: 1979, с.527.
75. Д.П. Голохвастов (некролог) // МБ, 1850, №1, с.12.
76. ЯХМ–13584. Медаль. Д.П. Голохвастов. Императорское Московское общество охотников ...; URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11950380>
77. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.322. Л.557.
78. Герцен А. И. Былое и думы – М.: 1979, с.516, 517.
79. Ткаченко О. В. Теплое. История Знаменской церкви и владельцев усадьбы. – М.: 2022, с.140.
80. История рода Новосильцевых, часть 4.; URL: <https://baronet65.livejournal.com/70413.html>
81. ЦГАМ. Ф.4. Оп.9. Д.134. Л.22об.
82. Паспорт муниципального образования. Ясногорский район в области ... туризма, с.22; URL: <https://ocktula.ru/dokumenty/> (ссылка неполная).
83. О роде Новосильцевых, владельцев усадьбы в Есукovo; URL: <https://alxlav.ru/?p=1504>
84. История рода Новосильцевых, часть 3.; URL: <https://baronet65.livejournal.com/70151.html>
85. ЦГАМ. Ф.2125. Оп.1. Д.785. Л.149об, 150.
86. Екатерина Владимировна Новосильцева; URL: <https://ready.ru/author/13020/>
87. ЦГАМ. Ф.2124. Оп.1. Д.1722. Л.45.
88. Шатиловы; URL: <http://www.krimoved-library.ru/> (ссылка неполная).
89. ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО; URL: <http://tolstoy-ii.ru/tolstoy/> (ссылка неполная).
90. Дети Н. И. Шатилова; URL: <https://shatilovy.kogda.to/collections/show/18>
91. ЦГАМ. Ф.4. Оп.14. Д.456. Л.64об.
92. Герцен А. И. Былое и думы – М.: 1979, с.516.
93. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1713. Л.813об, 814.
94. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.922. Л.1, 1об.
95. РГВИА. Ф.386. Оп.1. Д.3641. Л.9.
96. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.921. Л.1об.
97. ЦГАМ. Ф.50. Оп.7. Д.2685. Л.12.
98. РГАДА. Ф.1264. Оп.1. Д.111. Л.93.
99. Из епархиальных отчетов за 1867 год. // Калужский епархиальный ведомости, 1868, № 7. Часть Оф., с.84.
100. Объявления. // Калужский епархиальный ведомости, 1870, № 8. Часть Оф., с.77.
101. ЦГАМ. Ф.50. Оп.7. Д.2893. Л.3, 3об.
102. ЦГАМ. Ф.4. Оп.1. Д.163. Л.53об, 54.
103. ЦГАМ. Ф.50. Оп.7. Д.2893. Л.27.
104. Носиков С. П. История села Филатово, Рождественского погоста и Саввино (по материалам архивных исследований) – М.: 2020, с.166.
105. ЦГАМ. Ф.66. Оп.5. Д.938. Л.10.
106. ЦГАМ. Ф.184. Оп.2. Д.457. Л.8об, 9.
107. ЦГАМ. Ф.184. Оп.2. Д.459. Л.11об, 12.
108. ЦГАМ. Ф.277. Оп.9. Д.82. Л.43.
109. РГАДА. Ф.1264. Оп.1. Д.421. Л.43, 43об.
110. ЦГАМ. Ф.184. Оп.2. Д.457. Л.28об, 29.
111. Журналы Московского губернского земского собрания, декабрь 1872 года. – М.: 1873, с.307–309.
112. ЦГАМ. Ф.16. Оп.25. Д.171. Л.48.
113. ЦГАМ. Ф.17. Оп.47. Д.133. Л.437об, 438.
114. ОПИ ГИМ. Ф.404. Д.96. Л.1–8.
115. ЦГАМ. Ф.4. Оп.1. Д.163. Л.53об, 54.
116. Наброски из воспоминаний князя Д.Д. Оболенского // Русский архив, 1894, № 12, с.581–582.
117. ЦГАМ. Ф.17. Оп.43. Д.21. Л.6об.
118. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.2820. Л.299.
119. ЦГАМ. Ф.17. Оп.63. Д.169. Л.71об.
120. Труды Десятого Губернского съезда врачей Московского земства: Сент. 1889 г. – М.: 1890, с.80.
121. ЦГАМ. Ф.17. Оп.71. Д.139. Л.87.
122. ЦГАМ. Ф.17. Оп.73. Д.59. Л.83.
123. Н. И. Шатилов. Из недавнего ... с.174, 175.
124. Из переписки (к Фету). // Русское обозрение, 1901, № 1, с.81.
125. Суконщики Поповы ... с.165.
126. РГАДА. Ф.1264. Оп.1. Д.39. Л.4.
127. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.884. Л.306об, 307.

128. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.328. Л.532.
129. Н. И. Шатилов. Из недавнего ... с.177, 178.
130. Истринская земля ... с.558.
131. ГМТ. КП–11077/873. Толстой Лев Николаевич. Письмо П.Д. Голохвастову; URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=31611055>
132. Чехов М. П. Вокруг Чехова: Встречи и впечатления – М.: 1960, с.124, 125.
133. Памятники архитектуры ... с.203.
134. ЦГАМ. Ф.184. Оп.5. Д.7. Л.24–27об.
135. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.4547. Л.19.
136. Из переписки (к Фету). ... с.81.
137. Павел Дмитриевич Голохвастов // МВ, 1892, № 155, с.1.
138. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.4547. Л.2.
139. П. Д. ГОЛОХВАСТОВ. // Русский архив, 1892, № 8, с.566.
140. Н. И. Шатилов. Из недавнего прошлого ... с.206.
141. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Том 1. А–Г – М.: 1992, с.618.
142. Крестовская, ныне Первомайская...; URL: <http://ierusalem.ru/?p=352>
143. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Том 27. Дневник писателя – Л.: 1984, с.173, 174.
144. Шрамченко А. П. Справочная книжка Московской губернии (описание уездов) – М.: 1890, с.216.
145. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.132. Л.45.
146. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.4547. Л.15об.
147. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.2330. Л.297об, 298.
148. № 445. Александр Алексеевич; URL: <https://lopukhins.ru/person/445/>
149. Лопухин, Александр Алексеевич; URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (ссылка неполная).
150. Елена Гилярова, Сергей Завьялов. Голохвастовы // Покровское-Рубцово. Историко-краеведческий сборник. – М.: 2010, с.26–31.
151. Михеева Е. В. Охранители основ ... с.23.
152. Покровское-Рубцово ... с.4.
153. ЦГАМ. Ф.203. Оп.746. Д.217. Л.1.
154. Памятники архитектуры ... с.205, 185.
155. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1511. Л.28об.
156. ЦГАМ. Ф.203. Оп.758. Д.193. Л.1.
157. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1519. Л.40об.
158. ЦГАМ. Ф.608. Оп.3. Д.4. Л.9.
159. Дяков Н. П. Виноградные. Материалы для истории церкви Московской епархии в эпоху Отечественной войны 1812 года. Вып. 2. Церкви города Звенигорода и Звенигородского уезда. – М.: 1913, с.9.
160. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1581. Л.42об.
161. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2156. Л.31.
162. РГАДА. Ф.1207. Оп.1. Д.1373. Л.4.
163. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1334. Л.1об.
164. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1402. Л.1.
165. ЦГАМ. Ф.66. Оп.5. Д.939. Л.3.
166. ЦГАМ. Ф.203. Оп.752. Д.6527. Л.2об.
167. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2057. Л.33.
168. ЦГАМ. Ф.203. Оп.582. Д.147. Л.9об.
169. ЦГАМ. Ф.203. Оп.648. Д.244. Л.1.
170. ЦГАМ. Ф.203. Оп.661. Д.213. Л.1–14.
171. ЦГАМ. Ф.203. Оп.667. Д.180. Л.6.
172. ЦГАМ. Ф.66. Оп.5. Д.907. Л.1.
173. ЦГАМ. Ф.203. Оп.759. Д.34. Л.69об.
174. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2463. Л.64об.
175. ЦГАМ. Ф.454. Оп.3. Д.71. Л.143.
176. ЦГАМ. Ф.203. Оп.677. Д.192. Л.8.
177. Истринская земля. ... с.399.
178. РГАДА. Ф.1354. Оп.250. Д.И–2с. Л.1.
179. ЦГАМ. Ф.66. Оп.5. Д.907. Л.1.
180. Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описания землевладений. – М.: 2004, с.162.
181. ОПИ ГИМ. Ф.465. Д.123. Л.123.
182. Приходы церквей Звенигородского и Рузского уездов ...; URL: <http://www.istra-htc.ru/> (ссылка неполная).
183. Исторический атлас Московской губернии: Доработанное репринтное издание военно-топографической карты Московской губернии 1860 года – СПб.: 2010, с.56.
184. РГИА. Ф.380. Оп.14. Д.791. Л.7.
185. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.687. Л.144об.
186. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.936. Л.244.
187. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.4.
188. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1981. Л.1, 2.
189. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1813. Л.1639об, 1640.
190. Попов П. С. Прообраз "Бабыного царства" // В творческой лаборатории Чехова – М.: 1974, с.202.
191. Суконщики Поповы ... с.158.
192. ЦГАМ. Ф.50. Оп.7. Д.2983. Л.11.
193. Суконщики Поповы ... с.158.
194. Ткаченко О. В. Теплое. ... с.46.
195. Воскресенский уезд Московской губ. Общественно-Экономический сборник – Воскресенск: 1924, с.123, 124.
196. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.1. Д.1158. Л.5.
197. Ивановская суконная фабрика. Историческая сводка и отчеты за 1893–1899 гг. – М.: 1910, с.3.
198. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.2.
199. Прообраз "Бабыного царства" ... с.207.
200. ЦГАМ. Ф.743. Оп.1. Д.465. Л.2.
201. ЦГАМ. Ф.16. Оп.6. Д.7943. Л.1.
202. ЦГАМ. Ф.743. Оп.1. Д.190. Л.3.
203. ЦГАМ. Ф.16. Оп.6. Д.7943. Л.1.
204. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.4, 5.
205. Женская Оптина: материалы к летописи Борисоглебского женского Аносина монастыря – М.: 2007, с.519.
206. РГАДА. Ф.1354. Оп.250. Д.И–2с. Л.1.
207. РГАДА. Ф.1354. Оп.250. Д.И–24с. Л.1.
208. Погосов А. В. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Том 3. Вып. 6. Санитарное исследование фабричных заведений Можайского, Волоколамского и Звенигородского уездов. III. Планы фабричных заведений Звенигородского уезда, снятые на местах. – М.: 1882, с.1.
209. Павловская слобода. 500 лет в истории России. – М.: 2004, с.65–74.
210. ЦГАМ. Ф.743. Оп.1. Д.233. Л.27.
211. РГВИА. Ф.349. Оп.29. Д.85. Л.1.
212. Историко-этнографические очерки Псковского края. – Псков: 1999, с.116.
213. Всемирная иллюстрация, 1879, т.22, № 20, с.377.
214. Историческая сводка ... с.3.
215. ЦГАМ. Ф.743. Оп.1. Д.233. Л.14.
216. ЦГАМ. Ф.16. Оп.6. Д.7943. Л.1об.
217. Суконщики Поповы ... фото между с.352, 353.
218. НИОР РГБ. Ф.547. К.9. Д.12. Л.13.
219. ЦГАМ. Ф.54. Оп.175. Д.2133. Л.2.
220. ЦГАМ. Ф.17. Оп.25. Д.30. Л.1.
221. ЦГАМ. Ф.743. Оп.1. Д.465. Л.1.
222. РГВИА. Ф.386. Оп.1. Д.3641. Л.9.
223. Прообраз "Бабыного царства" ... с.207.
224. ЦГАМ. Ф.51. Оп.10. Д.953. Л.5.
225. Суконщики Поповы ... с.160.
226. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1203. Л.672об.
227. ЦГАМ. Ф.17. Оп.23. Д.32. Л.1, 1об.
228. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.5, 6.
229. Суконщики Поповы ... фото между с.352, 353.
230. Суконщики Поповы ... с.160.
231. Историческая сводка ... с.3.
232. ЦГАМ. Ф.98. Оп.3. Д.50. Л.69.
233. Суконщики Поповы ... с.158.
234. ОПИ ГИМ. Ф.493. Д.38. Л.9.
235. ГИМ. 70156/685. Сырейщиков Петр Алексеевич; URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=34780165>
236. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.107. Л.73об.
237. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1063. Л.549об.
238. Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года: Ч. 2. – СПб.: 1833, с.316.
239. Суконщики Поповы ... с.160.
240. ЦГАМ. Ф.16. Оп.24. Д.4169. Л.14.
241. ЦГАМ. Ф.32. Оп.7. Д.29. Л.20.
242. ЦГАМ. Ф.78. Оп.17. Д.691. Л.149об.
243. ЦГАМ. Ф.78. Оп.17. Д.695. Л.25.
244. Справочная книга о лицах, получивших ... купеческие и промысловые свидетельства по Москве на 1871 год. – М.: 1871, с.268.
245. Суконщики Поповы ... с.44.
246. РГИА. Ф.733. Оп.147. Д.962. Л.1, 1об.
247. Столетие Московской практической академии коммерческих наук, 1810–1910 – М.: с.347.
248. Ульянова Г. Н. Благотворительность московских предпринимателей, 1860–1914 – М.: 1999, с.444.
249. ЦГАМ. Ф.418. Оп.233. Д.51. Л.1.
250. Шомина Т. В. Пятницкое кладбище в Москве: Православный церковный некрополь – Сергиев Посад: 2021, с.24.
251. Сырейщиков Д.П. Иллюстрированная флора Московской губернии. В 4 частях. – М.: 1906–1914.
252. Сырейщиков Дмитрий Петрович; URL: <http://herba.msu.ru/russian/botanists/syreish/>
253. Д.П. Сырейщиков (1866–1932). [Некролог] // Природа, 1933, № 1, с.76.
254. Шапошников М.Б. Шапошниковы из Коломны, их потомки и родственники: родословная роспись семнадцати поколений семьи – М.: 2020, с.272.
255. ЦГАМ. Ф.51. Оп.7. Д.2034. Л.2, 2об.
256. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.7.
257. РГВИА. Ф.386. Оп.1. Д.3641. Л.9.
258. РГИА. Ф.383. Оп.9. Д.8180. Л.14об.
259. Историческая сводка ... с.3.
260. РГИА. Ф.383. Оп.9. Д.8180. Л.5.
261. ЦГАМ. Ф.17. Оп.10. Д.1. Л.171.
262. ЦГАМ. Ф.743. Оп.2. Д.83а. Л.17об, 18.
263. РГИА. Ф.383. Оп.9. Д.8180. Л.20об.
264. ЦГАМ. Ф.16. Оп.29. Д.1. Л.32об.
265. Атлас промышленности Московской губернии, составленный Л. Самойловым. – М.: 1845, с.93.
266. РГИА. Ф.383. Оп.9. Д.8180. Л.5об.
267. Атлас промышленности ... с.13.
268. Найденов Н. А. Материалы для истории Московского купечества. Т. 8. – М.: 1889, с.112.
269. Мануфактуры Москвы 19 века: суконная фабрика Кожевникова; URL: <https://www.liveinternet.ru/users/> (ссылка неполная).
270. Шеватов Б. Несентиментальные прогулки по Свиблову – 2012.
271. ЦГАМ. Ф.50. Оп.4. Д.4765. Л.12.
272. ЦГАМ. Ф.16. Оп.24. Д.3943. Л.1.
273. ЦГАМ. Ф.16. Оп.25. Д.20. Л.342–345.
274. Историческая сводка ... с.3.
275. Суконщики Поповы ... с.356.
276. Суконщики Поповы ... с.158.
277. Памятные записки игумены Страстного монастыря Евгении Озеровой // Русский архив, 1898, № 3, с.348, 349.
278. 40-й день поминовения действительного статского советника Павла Григорьевича Цирикова в селе Ивановском (месте погребения его) // МВ, 1878, № 8, с.82.
279. Женская Оптина ... с.22.
280. ЦГАМ. Ф.203. Оп.625. Д.85. Л.38.
281. Приходы церквей Звенигородского и Рузского уездов ...; URL: <http://www.istra-htc.ru/> (ссылка неполная).
282. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2009. Л.90об.
283. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.654. Л.40.
284. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2081. Л.88об.
285. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2156. Л.89об.
286. РГАДА. Ф.1207. Оп.1. Д.1366. Л.13б.
287. Полное собрание резолюций Филарета, митрополита Московского. Т.5. Вып.1. – М.: 1914, с.7.
288. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.666. Л.189.
289. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1008. Л.1.
290. ЦГАМ. Ф.203. Оп.625. Д.85. Л.37об.
291. ЦГАМ. Ф.203. Оп.646. Д.211. Л.17об.
292. ЦГАМ. Ф.203. Оп.633. Д.7. Л.95, 95об.
293. ЦГАМ. Ф.203. Оп.268. Д.19. Л.182.
294. ГИХМ "Новый Иерусалим". Фототека НВФ 2154.
295. ЦГАМ. Ф.203. Оп.636. Д.2. Л.5.
296. ЦГАМ. Ф.203. Оп.625. Д.85. Л.37об.
297. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1861. Л.1576об, 1577.
298. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.15.

К главе 3:

1. РГИА. Ф.383. Оп.9. Д.8180. Л.26об.
2. ЦГАМ. Ф.17. Оп.22. Д.92. Л.6, 7.
3. ЦГАМ. Ф.17. Оп.31. Д.31. Л.8.
4. Максимович А. Обзорение Выставки российских мануфактурных изделий в Санкт-Петербурге в 1849 году – СПб.: 1850, с.106, 107.
5. ЦГАМ. Ф.16. Оп.24. Д.4108. Л.4об.
6. ЦГАМ. Ф.17. Оп.23. Д.32. Л.1, 1об.
7. ЦГАМ. Ф.743. Оп.2. Д.106. Л.87, 87об.
8. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.877. Л.38.
9. Суконщики Поповы ... с.165.
10. Суконщики Поповы ... с.361.
11. Суконщики Поповы ... с.180, 181.
12. Суконщики Поповы ... с.356.
13. Суконщики Поповы ... с.165.
14. ЦГАМ. Ф.16. Оп.16. Д.1634. Л.8.
15. Указатель селений и жителей уездов Московской губернии. Составлен по официальным сведениям и документам К. Нистремом. – М.: 1852, с.344.
16. ЦГАМ. Ф.16. Оп.24. Д.3124. Л.74–75.
17. Статистическое обозрение промышленности Московской губернии, составленное Тарасовым – М.: 1856, с.14.
18. Суконщики Поповы ... с.25.
19. Суконщики Поповы ... с.178.
20. ЦГАМ. Ф.743. Оп.2. Д.97. Л.48.
21. Суконщики Поповы ... с.165.
22. РГИА. Ф.383. Оп.19. Д.25598. Л.11.
23. Суконщики Поповы ... с.167.
24. ЦГАМ. Ф.743. Оп.3. Д.184. Л.2.
25. РГАДА. Ф.1320. Оп.6. Д.3061. Л.4, 4об.
26. РГАДА. Ф.1354. Оп.250. Д.И–25с. Л.1.
27. ЦГАМ. Ф.13. Оп.1. Д.334. Л.114об.
28. ЦГАМ. Ф.17. Оп.31. Д.31. Л.6, 7.
29. Список лиц, удостоенных наград по бывшей в 1857 году в Варшаве выставке мануфактурных изделий и земледельческих произведений. // Мануфактур и торговли (журнал), 1859, №3, с.186.
30. ЦГАМ. Ф.17. Оп.34. Д.2. Л.2,2об.
31. ЦГАМ. Ф.17. Оп.34. Д.2. Л.35, 35об.
32. ЦГАМ. Ф.16. Оп.23. Д.846. Л.3.
33. Суконщики Поповы ... фото между с.352 и 353.
34. ЦГАМ. Ф.17. Оп.35. Д.24. Л.2.
35. Статистическая сведения о фабриках и заводах, получивших награды на мануфактурной выставке 1861 – СПб.: 1862, с.36.
36. ЗИАХМ. КП–11529. Пломба товарная звенигородского купца Павла Григорьевича Цурикова; URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=21605647>
37. ЦГАМ. Ф.16. Оп.23. Д.3303. Л.7, 7об.
38. ЦГАМ. Ф.71. Оп.1. Д.119. Л.37.
39. ЦГАМ. Ф.210. Оп.31. Д.744. Л.3.
40. ЦГАМ. Ф.50. Оп.7. Д.2853. Л.12об.
41. ЦГАМ. Ф.184. Оп.9. Д.449. Л.179, 213.
42. Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период второй мировой войны. Том 12. Историко-архитектурный и художественный музей "Новый Иерусалим". Книга 1. – М.: 2005, с.113.
43. ГИМ. 99497/8488. Ивановская суконная фабрика П. Г. Цурикова. Литогр. при Музее на Мясницкой. 1868.
44. Указатель V Московской выставки русских мануфактурных произведений. – М.: 1865, с.13.
45. Историческая сведения ... обложка.
46. Указатель русского отдела Парижской всемирной выставки 1867 г. – СПб.: 1867, с.83.
47. Киттары М. Я. Всемирная выставка 1867 года в Париже – СПб.: с.XXXIII (33).
48. Суконщики Поповы ... с.164.
49. ЦГАМ. Ф.17. Оп.42. Д.105. Л.91об.
50. РГИА. Ф.40. Оп.1. Д.22. Л.198об.
51. Суконщики Поповы ... с.165, 166.
52. Отчет о Всероссийской мануфактурной выставке 1870 года в Санктпетербурге. – СПб.: 1871, с.111.
53. Скальковский К.А. Всероссийская мануфактурная выставка в промышленном отношении. – СПб.: 1870, с.51.
54. Еще о П. Г. Цурикове. // МВ, 1878, № 24, с.4.
55. Матисен Н. И. Атлас мануфактурной промышленности Московской губернии – М.: 1872, с.74, 75.
56. Указатель Русского отдела Венской всемирной выставки 1873 г. – СПб.: 1873, с.66.
57. РГИА. Ф.386. Оп.1. Д.3641. Л.9.
58. Матисен Н. И. ... с.14.
59. ЦГАМ. Ф.16. Оп.25. Д.311. Л.132.
60. ЦГАМ. Ф.54. Оп.129. Д.210. Л.4.
61. Зодчие Москвы времени эклектики, модерна и неоклассицизма (1830–е – 1917 годы) – М.: 1998, с.85, 86.
62. ЦГАМ. Ф.54. Оп.132. Д.51. Л.7.
63. ЦГАМ. Ф.54. Оп.134. Д.161. Л.1.
64. Суконщики Поповы ... с.381.
65. Суконщики Поповы ... с.163.
66. Погожев А. В. Сборник статистических ... с.152.
67. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.9.
68. ЦГАМ. Ф.54. Оп.151. Д.66? Л.6.
69. ЦГАМ. Ф.54. Оп.151. Д.66. Л.3.
70. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.6.
71. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.15.
72. ЦГАМ. Ф.54. Оп.151. Д.66?
73. НИОР РГБ. Ф.547. К.9. Д.12. Л.11.
74. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.8.
75. ГИМ. 95171/15917. Ивановская суконная фабрика. Сад при доме Павла Григорьевича Цурикова, 1880-е.
76. Суконщики Поповы ... с.381.
77. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.14.
78. Суконщики Поповы ... с.163.
79. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.13, 14.
80. ГИМ. 95171/15911. Ивановская фабрика в 70–80 годах. Сад при доме П.Г. Цурикова.
81. Прообраз "Бабьего царства"... с.203.
82. ЦГАМ. Ф.54. Оп.151. Д.66?
83. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.22, 23.
84. Суконщики Поповы ... с.178, 179.
85. ЦГАМ. Ф.16. Оп.25. Д.1624т1. Л.169–171об.
86. Погожев А. В. Сборник статистических ... с.161, 162.
87. ЦГАМ. Ф.54. Оп.151. Д.66?
88. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.2051. Л.90об.
89. Суконщики Поповы ... фото между с.352 и 353.
90. Архив музея А. П. Чехова "Мелихово". МЧ-НВФ 3691. Сведения о семьях Цуриковых и Мингалевых по записям родственников, с.2.
91. ЦГАМ. Ф.142. Оп.23. Д.416. Л.17об.
92. Историческая сведения ... с.27–29.
93. ЦГАМ. Ф.2332. Оп.1. Д.1. Л.87об–89.
94. ЦГАМ. Ф.2332. Оп.1. Д.3. Л.93.
95. ЦГАМ. Ф.2332. Оп.1. Д.4. Л.2об.
96. ЦГАМ. Ф.2332. Оп.1. Д.3. Л.1об.
97. Суконщики Поповы ... с.165, 162, 164.
98. Сороковой день поминовения действительного статского советника Павла Григорьевича Цурикова в селе Ивановском // МВ, 1878, №8, с.82.
99. РГИА. Ф.1151. Оп.6. Д.115. Л.13об.
100. Памятные записки и гугении Евгении Озеровой // Русский архив, 1898, № 7, с.404.
101. Истринская земля ... фото между с.384 и 385.
102. Историческая сведения ... с.4.
103. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1311. Л.1037об.
104. ЦГАМ. Ф.608. Оп.4. Д.131. Л.15об, 16.
105. ЦГАМ. Ф.54. Оп.151. Д.66?
106. ЦГАМ. Ф.203. Оп.671. Д.161. Л.3.
107. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.4. Д.130. Л.1об, 2об.
108. ЦГАМ. Ф.78. Оп.6. Д.239. Л.1.
109. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.790. Л.479об, 480.
110. ЦГАМ. Ф.203. Оп.759. Д.48. Л.34.
111. ЦГАМ. Ф.203. Оп.671. Д.161. Л.1.
112. ЦГАМ. Ф.184. Оп.9. Д.336. Л.277.
113. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.14, 15.
114. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.6. Д.90. Л.3
115. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.419. Л.1602об.
116. ЦГАМО. Ф.3917. Оп.1. Д.13. Л.58об, 59.
117. ЦГАМО. Ф.3917. Оп.1. Д.10. Л.16.
118. Зорче классовую бдительность. Классовый враг под темным крылышком // ИС, 1931, № 42, с.3.
119. Мамаев С. Ю. Поиски вчерашнего дня. Истоки настоящего – М.: 2018, с.327.
120. ЦГАМ. Ф.520. Оп.1. Д.47. Л.82об, 100об, 124об.
121. ЦГАМ. Ф.2332. Оп.1. Д.4. Л.1об.
122. Историческая сведения ... с.22.
123. Мамаев С. Ю. Поиски вчерашнего дня. ... с.336.
124. РГАЛИ. Ф.837. Оп.1. Д.198. Л.3, 3об, 4, 4об.
125. Историческая сведения ... с.25.
126. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.877. Л.35.
127. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.6. Д.81. Л.2.
128. Отчет благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1899–1900 г. – М.: 1900, с.3.
129. Мамаев С. Ю. Поиски вчерашнего дня. ... с.268.
130. ЦГАМ. Ф.2332. Оп.1. Д.8. Л.5об, 6.
131. Истринская земля ... с.355.
132. Погожев А. В. Сборник статистических ... с.185.
133. Погожев А. В. Сборник статистических ... Том 3. Вып. 6. ... III. Планы фабричных заведений ... с.2.
134. Истринская земля ... с.355, 356.
135. Историческая сведения ... с.6.
136. Старый кадровый рабочий // ИС, 1939, № 214, с.2.
137. Прообраз "Бабьего царства" ... с.203, 204.
138. ЦГАМ. Ф.2332. Оп.1. Д.6. Л.1об.
139. Отчет благотворительного общества ... за 1910 г. ... с.27.
140. ЦГАМ. Ф.520. Оп.1. Д.50. Л.122об.
141. ЦГАМ. Ф.520. Оп.1. Д.51. Л.51об.
142. МАНСУРОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК, Д.9. ДОМ ТОПЛЕНИКОВЫХ; URL: <https://moskva.kotoroy.net/> (ссылка неполная).
143. Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1916 год. Алфавитный указатель адресов жителей г. Москвы и ее пригородов – М.: 1916, с.502.
144. АКТ государственной историко-культурной экспертизы ... Мансуровский пер., Д.9; URL: <https://www.mos.ru/upload/> (ссылка неполная).
145. Ушакова Наталия Абрамовна. Фотопластинка. Топленинов Сергей Сергеевич, ...; URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=12530693>
146. Мансуровский переулоч; URL: <https://eltoledo.livejournal.com/477575.html>
147. Суконщики Поповы ... с.54.
148. ЦГАМ. Ф.54. Оп.146. Д.130. Л.3.
149. ЦГАМ. Ф.54. Оп.181. Д.1252. Л.1.
150. Шрамченко А. П. Справочная ... с.219.
151. ЦГАМ. Ф.16. Д.129. Д.33. Л.1, 1об, 2.
152. ЦГАМ. Ф.199. Оп.2. Д.415. Л.30.
153. ЦГАМ. Ф.16. Оп.133. Д.58. Л.3.
154. ЦГАМ. Ф.54. Оп.156. Д.257. Л.2.
155. Суконщики Поповы ... с.427.
156. ЦГАМ. Ф.54. Оп.163. Д.96.
157. Суконщики Поповы ... с.29.
158. Как мы жили (Из воспоминаний старого рабочего) // ИС, 1937, № 166, с.3.
159. Суконщики Поповы ... с.449.
160. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.3. Л.4.
161. Суконщики Поповы ... с.448.
162. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.6. Л.23.
163. Суконщики Поповы ... с.347.
164. Суконщики Поповы ... с.36.
165. Суконщики Поповы ... с.36.
166. Суконщики Поповы ... с.64.
167. Суконщики Поповы ... с.450, 451.
168. Суконщики Поповы ... с.455.
169. Поиски вчерашнего дня. ... с.107.
170. ЦГАМ. Ф.51. Оп.10. Д.953. Л.1.
171. ЦГАМ. Ф.51. Оп.10. Д.953. Л.3.
172. ЦГАМО. Ф.3851. Оп.1. Д.18. Л.18.
173. Барские привычки // Воскресенские известия, 1923, № 34, с.3.
174. Истринская земля ... с.407.
175. ЦГАМО. Ф.1567. Оп.1. Д.163. Л.51об.
176. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.6. Л.27.
177. ЦГАМО. Ф.3851. Оп.1. Д.25. Л.49, 77.
178. Истринская земля ... с.407.
179. Ивановская суконная мануфактура при станции Манихино; URL: <https://russiainphoto.ru/> (неполная).
180. ЦГАМО. Ф.3851. Оп.1. Д.39. Л.20.
181. ЦГАМО. Ф.3851. Оп.1. Д.67. Л.453.
182. Истринская земля ... с.409.

К главе 4:

1. Отчет вспомогательных учреждений при Ивановской суконной фабрике Т-ва Попова за 1909–1910 г. – М.: 1910, 30 с.
2. Исторические сведения ... с.11.
3. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.41). Д.98. Л.130б-в.
4. ЦГАМ. Ф.203. Оп.311. Д.82. Л.57об.
5. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.50б.
6. Погожев А. В. Сборник статистических ... Том 3. Вып. 6. ... III. Планы фабричных заведений ... с.1
7. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1068. 127.
8. Внутреннее обозрение // МВБ, 1875 год, № 43, с.372, 373.
9. РГИА. Ф.91. Оп.3. Д.573. Л.35.
10. Несколько слов на память ... с.54.
11. Исторические сведения ... с.12.
12. РГИА. Ф.91. Оп.3. Д.573. Л.36об.
13. ЦГАМ. Ф.184. Оп.13. Д.104. Л.14.
14. РГИА. Ф.799. Оп.33. Д.967. Л.11об.
15. Погожев А. В. Сборник статистических ... с.172.
16. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.252.
17. ЦГАМ. Ф.184. Оп.6. Д.376. Л.53.
18. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.252.
19. ЦГАМ. Ф.17. Оп.48. Д.414. Л.113.
20. ЦГАМ. Ф.184. Оп.14. Д.1244. Л.493.
21. ЦГАМ. Ф.459. Оп.15. Д.97. Л.9.
22. ЦГАМ. Ф.520. Оп.1. Д.47. Л.137об.
23. ЦГАМ. Ф.142. Оп.23. Д.422. Л.10.
24. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.138. Л.43.
25. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.354. Л.134об.
26. Фотографии Чехова; URL: <http://chehov.lit-info.ru/chehov/family/fotografii.htm>
27. Прообраз "Бабыного царства" ... с.203, 204.
28. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.5. Л.43.
29. ЦГАМ. Ф.189. Оп.3. Д.63. Л.50б.
30. РГИА. Ф.91. Оп.3. Д.573. Л.35.
31. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.146. Л.287.
32. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.148. Л.93об.
33. Исторические сведения ... с.14.
34. Отчет вспомогательных... за 1909–1910 г. ... с.13.
35. Отчет благотворительного общества ... за 1897–98 г. ... с.15.
36. ЦГАМ. Ф.189. Оп.3. Д.63. Л.50б.
37. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.1433. Л.5.
38. ЦГАМО. Ф.3767. Оп.2. Д.1. Л.120.
39. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.145. Л.51об.
40. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.146. Л.284об.
41. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.6. Л.34.
42. Бенедиктов Евгений Николаевич; URL: <http://forum.yar-genealogy.ru/> (ссылка неполная).
43. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.145. Л.54. 52.
44. ЦГАМ. Ф.520. Оп.1. Д.54. Л.30об. 31.
45. Отчет вспомогательных... за 1909–1910 г. ... с.20.
46. ЦГАМ. Ф.142. Оп.23. Д.939. Л.16, 16об.
47. ЦГАМ. Ф.49. Оп.1. Д.560. Л.26об.
48. ЦГАМ. Ф.189. Оп.3. Д.52. Л.1.
49. с.Ивановское приход с.Луки; URL: <https://genealogia.ru/170/276/ivanovskoe-metr>
50. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.136. Л.95.
51. Погожев А. В. Сборник статистических ... с.171, 172.
52. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.248.
53. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.134. Л.42об.
54. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.255.
55. ЦГАМ. Ф.17. Оп.54. Д.127. Л.62об. 63.
56. ЦГАМ. Ф.17. Оп.63. Д.169. Л.100об. 101.
57. ЦГАМ. Ф.17. Оп.71. Д.139. Л.119, 120.
58. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.142. Л.132.
59. Исторические сведения ... с.23.
60. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.138. Л.43об.
61. РГИА. Ф.91. Оп.3. Д.573. Л.37об.
62. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.354. Л.134.
63. Исторические сведения ... с.14.
64. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.148. Л.92.
65. Отчет вспомогательных... за 1902–1903 г. ... с.9.
66. Доклад № 2 Звенигородской уездной земской управы по медицинской и ветеринарной части (за 1910 г.) // Звенигородскому уездному земскому собранию. Доклад Звенигородской уездной земской управы. ... – 1910, с.15.
67. ЦГАМ. Ф.203. Оп.480. Д.92. Л.2.
68. Суконщики Поповы ... фото между с.352 и 353.
69. Журналы заседаний Звенигородского Уездного Очередного Земского Собрания ... – Звенигород: 1907, с.11.
70. Доклад № 2 Звенигородской ... с.15.
71. НИОР РГБ. Ф.547. К.9. Д.40. Л.3.
72. ЦГАМ. Ф.203. Оп.702. Д.172. Л.5.
73. ЦГАМ. Ф.203. Оп.702. Д.172. Л.2, 2об.
74. ЦГАМО. Ф.3917. Оп.1. Д.2. Л.25.
75. ЦГАМО. Ф.261. Оп.1. Д.77. Л.29, 53.
76. Радченко Е., Евтюхов Н. По Истринскому краю. – М.: 1934, с.23.
77. В новой школе // ИС, 1936, № 114, с.4.
78. Школа не обеспечена дровами // ИС, 1937, № 107, с.2.
79. Список начальных, неполных средних и средних школ Московской области – М.: 1937, с.92.
80. ГАРФ. Ф.Р7021. Оп.31. Д.127. Л.6.
81. Спутниковый снимок Москвы, 1980; URL: http://retromap.ru/0519802_55.858019.36.923696
82. Исторические сведения ... с.8.
83. ЦГАМ. Ф.17. Оп.42. Д.75. Л.67.
84. ЦГАМ. Ф.54. Оп.151. Д.66. Л.3.
85. ЦГАМ. Ф.203. Оп.329. Д.2. Л.167об, 168.
86. ЦГАМ. Ф.203. Оп.759. Д.39. Л.15.
87. ЦГАМ. Ф.203. Оп.360. Д.103. Л.104.
88. ЦГАМ. Ф.203. Оп.362. Д.127. Л.264.
89. ЦГАМ. Ф.203. Оп.401. Д.13. Л.130.
90. Суконщики Поповы ... фото между с.352 и 353.
91. Погожев А. В. Сборник статистических ... с.172, 173.
92. Исторические сведения ... с.30.
93. Чехов М.П. Вокруг Чехова: ... 1964, с.138.
94. Колбасова Т. В. К вопросу об атрибуции неизвестной фотографии Ефрема (Цветаява) // XVIII Золотарёвские чтения. Материалы научной конференции – Рыбинск: 2020, с.235–243.
95. Чужие голоса. (Обзор периодической печати) // Ярославский губернский ведомости. Часть неофициальная, 1895. № 151, с.2.
96. ЦГАМ. Ф.418. Оп.97. Д.148. Л.1.
97. ЦГАМ. Ф.418. Оп.100. Д.426. Л.3.
98. ЦГАМ. Ф.4. Оп.10. Д.2371. Л.2об.
99. Книга адресов жителей Москвы составлена по официальным сведениям и документам. 1-я часть. Лица служащие, 1857 – М.: 1857, с.52.
100. ГАЯО. Ф.79. Оп.7. Д.1405. Л.2.
101. Книга адресов жителей Москвы ... с.483.
102. ГАЯО. Ф.86. Оп.1. Д.2462.
103. ГАЯО. Ф.1150. Оп.2. Д.41. Л.19.
104. ГАЯО. Ф.549. Оп.1. Д.1575. Л.1.
105. Календарь Ярославской губернии на 1872 год – Ярославль: с.96, 89.
106. ГАЯО. Ф.1150. Оп.1. Д.129. Л.2, 2об.
107. ЦГАМ. Ф.4. Оп.3. Д.397. Л.410.
108. Шереметевский В. В. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. – М.: 1914, с.922.
109. ЦГАМ. Ф.203. Оп.669. Д.119. Л.6.
110. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1185. Л.290об.
111. Погожев А. В. Сборник статистических ... с.179, 180.
112. Прообраз "Бабыного царства" ... с.203.
113. НИОР РГБ. Ф.148. К.10. Д.33. Л.1об.
114. Чужие голоса. ... с.2.
115. ЦГАМ. Ф.229. Оп.4. Д.4655. Л.1об.
116. И. Е. Забелин и Донской монастырь: По переписке об издании "Исторического описания Московского ставропигиального Донского монастыря"; URL: <http://old.donskoi.org/?p=28140>
117. Чехов М.П. Вокруг Чехова: ... 1964, с.140, 141.
118. Архимандрит Ефрем, бывший доктор М.М. Цветаев. Поездка в Абиссинию. – М.: 1901, с.1.
119. Труды Десятого Губернского съезда врачей Московского земства: (Журн. заседаний, докл. и реф.). Сент. 1889 г. – М.: 1890, с.67, 68.
120. Мамаев С. Ю. Павел Арсеньевич Архангельский – устроитель Воскресенской земской лечебницы // Истра.РФ (журнал). 2022, № 3 (56), с.2.
121. ЦГАМ. Ф.418. Оп.40. Д.386. 1876. Л.4.
122. Музей-заповедник А.П. Чехова "Мелихово", МЧОФ–1581. Архангельский Павел Арсеньевич, ...
123. Отчет благотворительного общества ... за 1897–98 г. ... с.3.
124. Сведения земской санитарно-врачебной организации Московской губернии, 1913, № 11, с.1162.
125. Михеев В. А. Истринская районная больница; URL: <https://istra-lic.ru/> (ссылка неполная).
126. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.6. Л.34.
127. ЦГАМ. Ф.17. Оп.75. Д.2. Л.172.
128. ГАРФ. Ф.102. Оп.87. Д.42. Л.1.
129. Исторические сведения ... с.25.
130. Большая Российская энциклопедия. Т.5 – М.: 2006, с.161.
131. ВЕРИГО Борис (Бронислав-Валентин) Фортунович; URL: <http://wiki.tsu.ru/wiki/> (ссылка неполная).
132. ВЕРИГО, АЛЕКСАНДР БРОНИСЛАВОВИЧ; URL: <https://rus-big-biography-enc.slovaronline.com/17786>
133. Чудакова М.О., Левин М.В., Тоддес Е.А. К вопросу о поколении 1890-х годов и его месте в современной отечественной культуре: биография и творчество М.Б. Вериги // Четвертые Тыняновские чтения: – Рига: 1988, с.189–191.
134. Чехов М.П. Вокруг Чехова: ... 1964, с.139.
135. ГЛМ. КП 40799. Дом при Воскресенской земской больнице, в котором располагались квартиры врача и мирового судьи, Август 1914.
136. Архангельский П. А. Из воспоминаний об Антоне Павловиче Чехове // Отчет благотворительного общества ... за 1910 г. Год 14-й. – М.: 1911, с.29.
137. Чехов М.П. Вокруг Чехова: ... 1964, с.146, 148.
138. У стен Нового Иерусалима. История города Воскресенска-Истры. – М.: 2010, с.170.
139. Сталь А. (Таубер А.С.). Пережитое и передуманное студентом, врачом и профессором (быль). Книга первая – студенчество – СПб.: 1908, с.71, 76.
140. Отчет благотворительного общества ... за 1897–98 г. ... с.15.
141. Памятная книжка Московской губернии на 1899 год. – М.: 1899, с.515, 769.
142. Степанова Н. А. Земский врач Дора Семёновна Таубер // Наследие. Прощание славянки. пятая район. науч.-практ. конф. – Волоколамск: 2015, с.82–83.
143. Обухова М. А. Земские врачи с.Осташёво – Дора Семеновна Таубер и Абрам Павлович Штерн // 20-е Константиновские чтения. Сборник материалов научной конференции 21 октября 2022 года – СПб.: 2023, с.221.
144. Исторические сведения ... с.9.
145. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.2298. Л.154об, 155.
146. Исторические сведения ... с.8, 9.
147. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.419. Л.1601, 1601об.
148. Отчет вспомогательных... за 1902–1903 г. ... с.7.
149. ЦГАМ. Ф.203. Оп.416. Д.18. Л.144.
150. Отчет вспомогательных... за 1909–1910 г. ... с.8, 9.
151. ЦГАМ. Ф.54. Оп.163. Д.58. Л.4.
152. ЦГАМ. Ф.54. Оп.163. Д.58. Л.16.
153. Отчет вспомогательных... за 1914–1915 г. ... с.8.
154. ЦГАМ. Ф.51. Оп.10. Д.954. Л.5.
155. ЦГАМ. Ф.51. Оп.10. Д.955. Л.2об.
156. Петров Ф. Октябрьская больница // ИС, 1937, № 25, с.4
157. Истринская земля ... с.408.
158. Суконщики Поповы ... с.427–444.
159. Суконщики Поповы ... с.32.
160. ЦГАМ. Ф.54. Оп.157. Д.286. Л.1.
161. Отчет вспомогательных... за 1903–1904 г. ... Л.6.
162. Отчет вспомогательных... за 1909–1910 г. ... Л.17, 18.

К главе 5:

1. Голубев Н. Описание Успенской, что при Ивановской фабрике церкви Московской губернии Звенигородского уезда – 1893, с.15.
2. 40-й день поминовения ... с.81, 82.
3. Голубев Н. Описание Успенской, ... с.11, 12.
4. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.17.
5. Суконщики Поповы ... с.163.
6. Истринская земля ... с.403.
7. ЦГАМ. Ф.203. Оп.543. Д.56. Л.33об.
8. ЦГАМ. Ф.13. Оп.1. Д.454. Л.5, 5об.
9. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1204. Л.1108об.
10. ЦГАМ. Ф.13. Оп.1. Д.454. Л.21об.
11. ЦГАМ. Ф.203. Оп.543. Д.56. Л.14.

12. Преображенская церковь в Вельяминово Домодедовского района Московской области. ... URL: http://templates.ru/show_picture.php?PictureID=44721
13. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в селе Мышенское Ступинского района ... URL: http://templates.ru/show_picture.php?PictureID=164747
14. ЦГАМ. Ф.21. Оп.1. Д.527. Л.4.
15. ЦГАМ. Ф.203. Оп.543. Д.56. Л.140б.
16. Голубев Н. Описание Успенской, ... с.5.
17. ИИМК. Ф.Р-III. Д.4079. Л.90б.
18. НИОР РГБ. Ф.175. К.10. Д.4. Л.1.
19. Колокольно-литейный завод Павла Николаевича Финляндского в Москве – М.: 1896, с.13.
20. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.5. Л.90, 91.
21. РГАДА. Ф.1207. Оп.1. Д.1389. Л.79.
22. Женская Оптина ... с.177.
23. Голубев Н. Описание Успенской, ... с.6, 7, 8.
24. Архимандрит Леонид (Кавелин). Московский Звенигород и его уезд в церковно-археологическом отношении. – М.: 1878, с.49.
25. Церковные торжества в Звенигородском уезде // МЭВ, 1872, № 28, с.205.
26. ГИМ. 99497/8488. Ивановская суконная фабрика П. Г. Цурикова. Литогр. при Музее на Мясницкой. 1868.
27. ИИМК. Ф.Р-III. Д.4079. Л.20б–50б.
28. РГИА. Ф.799. Оп.33. Д.967. Л.11, 110б.
29. НИОР РГБ. Ф.175. К.10. Д.4. Л.43, 430б.
30. ЦГАМО. Ф.66. Оп.18. Д.295. Л.5.
31. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.368. Л.1880б.
32. ЦГАМ. Ф.203. Оп.654. Д.240. Л.31, 33.
33. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.6. Д.41. Л.230б.
34. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.6. Д.31. Л.12.
35. Исторические сведения ... с.4.
36. Отчет вспомогательных... за 1909–1910 г. ... с.6.
37. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.81. Л.144.
38. ЦГАМ. Ф.203. Оп.759. Д.40. Л.790б–80.
39. ЦГАМ. Ф.203. Оп.360. Д.108. Л.1600б, 409.
40. ЦГАМ. Ф.203. Оп.395. Д.94. Л.2170б, 218.
41. ЦГАМ. Ф.203. Оп.416. Д.17. Л.1790б, 428.
42. Отчет вспомогательных... за 1909–1910 г. ... с.6.
43. ЦГАМ. Ф.203. Оп.746. Д.1738. Л.38.
44. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.6. Д.38. Л.50б.
45. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.6. Д.40. Л.150б.
46. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.6. Д.41. Л.280б.
47. Истринская земля ... с.424–426.
48. Носиков С. П. Об ошибках идентификации сел Петровское и Рождествено Звенигородского уезда // Забытые святыне села Соколово – М.: 2016, с.54–63.
49. Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII столетий. Вып. 2. Звенигородская десятина. – М.: 1882, с.127.
50. Памятная книжка Московской губернии на 1914 год. Приложение. Фабрики и заводы ... – М.: 1913, с.192.
51. ЦГАМ. Ф.210. Оп.31. Д.612. Л.3.
52. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.81. Л.1500б.
53. Отчет благотворительного общества ... за 1904–1905 г. ... с.11.
54. Отчет вспомогательных... за 1909–1910 г. ... с.13.
55. ГАРФ. Ф.Р7021. Оп.31. Д.127. Л.82.
56. Учетная карточка. Деревня Петровское; URL: <http://www.istra-ltc.ru/chapel/petrovskoe.htm>
57. Рушатся церковные устои. // ИС, 1931, № 10, с.3.
58. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.3299. Л.1620б.
59. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.377. Л.203, 2030б.
60. РГАДА. Ф.1207. Оп.1. Д.1410. Л.22.
61. ЦГАМ. Ф.203. Оп.775. Д.886. Л.450б.
62. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.386. Л.392.
63. ЦГАМ. Ф.203. Оп.543. Д.56. Л.10б.
64. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.423. Л.298, 2980б.
65. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.402. Л.129, 1290б.
66. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.81. Л.144–156.
67. ЦГАМ. Ф.203. Оп.462. Д.25. Л.1.
68. ЦГАМ. Ф.54. Оп.181. Д.1421. Л.227.
69. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.413. Л.14160б.
70. Корреспонденция. Из Подольского уезда. // МЦВ, 1892, № 49, с.759, 760.
71. Забытые сны Никольского собора; URL: <https://exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/125829/>
72. Тропаревский Сергей Константинович; URL: <http://moskraeved.ru/> (ссылка неполная).
73. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.81. Л.1440б.
74. РГИА. Ф.799. Оп.33. Д.967. Л.110б.
75. ЦГАМО. Ф.3917. Оп.1. Д.5. Л.24.
76. ЦГАМО. Ф.4583. Оп.1. Д.9а. Л.8.
77. Учетная карточка. Текущая работа; URL: <https://istra-ltc.ru/chapel/ivanovskoekol.htm>
78. Часовня в Крюково; URL: <http://templates.ru/card.php?ID=6284>
79. ГНИМА. ОФ–1433/481. Веснин А.А.; Веснин В.А.; Веснин Л.А. Проект мемориальной часовни в память столетия Ивановской мануфактуры Попова. Фасад. 1916 г.
80. Суконщики Поповы ... с.35.
81. Чиняков А. Г. Братья Веснины. – М.: 1970, с.174.
82. Мастера советской архитектуры об архитектуре. Т. 2. Советская архитектура. – М.: 1975, с.38–40.
83. Освящение сельского храма // МЭВ, 1870, № 39, с.8.
84. Корреспонденция "Моск. Епарх. Вед." Из Звенигородского уезда. // МЭВ, 1871, № 38, с.368.
85. 40-й день поминовения ... с.81.
86. Голубев Н. Описание Успенской, ... с.12.
87. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.6. Л.19.
88. Прообраз "Бабьего царства" ... с.205.
89. Отчет вспомогательных... за 1914–1915 г. ... с.30.
90. ЦГАМ. Ф.520. Оп.1. Д.47. Л.980б.
91. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.768. Л.1480б.
92. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.250.
93. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.257.
94. ЦГАМ. Ф.2332. Оп.1. Д.1. Л.20б, 3.
95. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.2520б.
96. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.133. Л.42.
97. Суконщики Поповы ... с.33.
98. ЦГАМ. Ф.1786. Оп.1. Д.877. Л.1520б.
99. Кравец Л. Л. Павел Григорьевич Чесноков: Жизнь и творчество // Труды Московской регентско-певческой семинарии. — М.: 2002, с.68, 69.
100. По театрам // МЛ, 1997, № 353, с.4.
101. Плотникова Н. «Чутко к музыкальной красоте, к движению душевным». К 140-летию со дня рождения П. Г. Чеснокова // Православие и современность. Саратов, 2017, № 41, с.98.
102. Наумов А. 24 октября 100 лет со дня рождения Павла Григорьевича ЧЕСНОКОВА (1877—1944) // Ежегодник памятных музыкальных дат и событий 1977 года – М.: 1977, с.152, 153.
103. Неизвестные письма Павла Григорьевича Чеснокова // Московский журнал, 1999, № 6, с.42.
104. Птица К. П. Мастера хорового искусства в Московской консерватории – М.: 1970, с.60, 61.
105. Терновых Е. Памяти Павла Чеснокова, русского композитора – посвящается; URL: <http://www.pravoslavie.uz/> (ссылка неполная).
106. Чесноков П. Г. Хор и управление им: Пособие для хоровых дирижеров – М., Л.: 1940, 220 с.
107. Диакон Андрей Нефедов. П.Г. Чесноков — дирижер, регент, ученый // Труды Московской регентско-певческой семинарии. — М.: 2002, с.91.
108. Памяти П. Г. Чеснокова // Журнал Московской Патриархии, 1998, № 2, с.77.
109. Библиейский код Павла Чеснокова; URL: <https://www.muzklondike.ru/announce/340>
110. Птица К. П. Мастера хорового искусства в Московской консерватории – М.: 1970, с.62, 63, 66, 67.
111. ЧЕСНОКОВ, Александр Григорьевич; URL: <https://www.conservatory.ru/> (ссылка неполная).
112. Гольцев А. Н. Павловская Слобода. Взгляд в прошлое. Книга вторая – М.: 2023, с.17–20.
113. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.2503. Л.111.
114. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1672. Л.140б.
115. Голубев Н. Описание Успенской, ... с.12.
116. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1213. Л.3780б.
117. Суконщики Поповы ... с.63.
118. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.398. Л.770б.
119. ЦГАМ. Ф.203. Оп.763. Д.153. Л.43.
120. ЦГАМО. Ф.2538. Оп.1. Д.24. Л.7.
121. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.3100. Л.181.
122. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1100. Л.103.
123. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1001. Л.5100б.
124. ЦГАМ. Ф.229. Оп.5. Д.162. Л.50б.
125. ЦГАМ. Ф.203. Оп.646. Д.211. Л.1.
126. Нескільки слов о покойном Павле Григорьевиче Цурикове, по случаю годовщины после смерти. // МЭВ, 1879, № 7, с.55.
127. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.40б.
128. Исторические сведения ... с.11.
129. Внутреннее обозрение // МЭВ, 1875, № 43, с.372.
130. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.249.
131. ЦГАМ. Ф.203. Оп.763. Д.1. Л.70б, 8.
132. Высочайшая награда // МЭВ, 1871, № 22приб., с.49.
133. Список духовных лиц Московских епархий, кои ... удостоены награждения за службу по Епархиальному ведомству. // МЦВ, 1883, № 110ф, с.55.
134. ЦГАМ. Ф.203. Оп.669. Д.9. Л.10.
135. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.854. Л.640б, 65.
136. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.6. Д.38. Л.30б, 40б.
137. ЦГАМ. Ф.203. Оп.763. Д.86. Л.250б.
138. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.6. Д.89. Л.10б.
139. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.3320. Л.1390б, 140.
140. Корреспонденция "Моск. Епарх. Вед.". Из Звенигородского уезда. // МЭВ, 1871, № 38, с.368.
141. ЦГАМ. Ф.203. Оп.543. Д.56. Л.390б, 40.
142. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.6. Д.40. Л.140б.
143. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.6. Д.41. Л.250б.
144. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.6. Д.77. Л.1.
145. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.832. Л.190б, 20.
146. ЦГАМ. Ф.203. Оп.763. Д.86. Л.250б.
147. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.6. Д.89. Л.1.
148. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.3292. Л.1650б, 166.
149. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.81. Л.1540б, 155.
150. Дубинский А. Ю. Вифанская Духовная Семинария: Алфавитный список выпускников 1881–1900 годов (генеалогический справочник) – М.: 2002, с.16.
151. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1215. Л.3870б.
152. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.2504. Л.1450б, 1460б.
153. Корреспонденция из г. Воскресенска. Чтения для народа. // МЦВ, 1890, № 18, с.243.
154. У стен Нового Иерусалима. ... с.247.
155. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.867. Л.3680б, 387.
156. Распоряжение епархиального начальства. // МЦВ, 1893, № 200ф, с.65.
157. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.2357. Л.1850б, 186.
158. ЦГАМ. Ф.203. Оп.757. Д.3819. Л.14.
159. ЦГАМ. Ф.17. Оп.85. Д.10. Л.146, 152, 156.
160. Отчет вспомогательных... за 1909–1910 г. ... с.14.
161. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.81. Л.1530б, 154.
162. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1913. Л.9080б, 909.
163. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.6. Д.34. Л.110б.
164. ЦГАМ. Ф.427. Оп.1. Д.2109. Л.23.
165. ЦГАМ. Ф.427. Оп.1. Д.2109. Л.23.
166. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.117. Л.20б.
167. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.767. Л.2950б, 296.
168. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.117. Л.40б.
169. Из-под Москвы. Аносин монастырь // МЛ, 1889, № 199, с.3.
170. ЦГАМ. Ф.203. Оп.543. Д.4. Л.1.
171. ЦГАМ. Ф.203. Оп.696. Д.35. Л.10б.
172. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.388. Л.4450б.
173. Памятная книжка Московской губернии на 1904 год. – М.: 1904, с.267.
174. ЦГАМ. Ф.203. Оп.476. Д.21. Л.57.
175. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.395. Л.169, 1690б.
176. Спутник по Московско-Виндавской железной дороге – М.: 1909, с.105.
177. ЦГАМ. Ф.203. Оп.763. Д.68. Л.281.
178. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.117. Л.60б, 70б.
179. ЦГАМ. Ф.203. Оп.763. Д.104. Л.95–960б.
180. ЦГАМ. Ф.203. Оп.763. Д.242. Л.4.
181. Протоиерей Лавринов В. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. Книга 54. – М.: 2016, с.261.
182. ЦГАМО. Ф.139. Оп.2. Д.7. Л.22.
183. Голиков В. М. История Земли Можайской. 1904–1941 гг. – Можайск: 2015, с.79.
184. ЦГАМ. Ф.203. Оп.763. Д.104. Л.96а.
185. ЦГАМ. Ф.427. Оп.1. Д.3087. Л.380б.
186. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.81. Л.1480б.

187. Список священнослужителей, награжденных ... // МЦВ, 1916, № 18–190ф, л.166.
 188. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.81. Л.150об.
 189. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.152. Л.65.
 190. ЦГАМ. Ф.203. Оп.480. Д.92. Л.2.
 191. ЦГАМ. Ф.203. Оп.763. Д.145. Л.188об.
 192. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.99. Л.42об.
 193. **Дубинский А. Ю. Московская духовная семинария. Алфавитный список выпускников. 1901–1917 годов (генеалогический справочник).** – М.: 1998, с.58.
 194. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.104. Л.154об.
 195. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.281. Л.72об.
 196. Никонов В. В. Этапность в политических преследованиях духовенства в 1920–1930-х гг. на примере настоятеля Владимирского храма в селе Краскове Московской губернии священника Сергея Никитского // Христианское чтение, 2022, № 3, с.316.
 197. Памяти протоиерея Сергея Никитского; URL: <http://kraskovo.cerkov.ru/> (ссылка неполная).
 198. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.81. Л.152об.
 199. ЦГАМ. Ф.203. Оп.480. Д.92. Л.20, 20об.
 200. ЦГАМ. Ф.Р1215. Оп.3. Д.113. Л.639.
 201. Дубинский А. Ю. Московская ... с.51.
 202. ЦГАМ. Ф.1786. Оп.1. Д.243. Л.152об.
 203. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.81. Л.149об.
 204. ЦГАМ. Ф.17. Оп.85. Д.10. Л.146.
 205. ЦГАМ. Ф.203. Оп.696. Д.35. Л.6.
 206. ЦГАМ. Ф.203. Оп.543. Д.56. Л.110б.
 207. Голубев Н. Описание Успенской, ... с.9.
 208. ЦГАМО. Ф.660. Оп.1. Д.81а. Л.46.
 209. ЦГАМ. Ф.2303. Оп.1. Д.278. Л.1.
 210. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.243. Л.81.
 211. РГИА. Ф.831. Оп.1. Д.279. Л.202.
 212. ЦГАМО. Ф.660. Оп.1. Д.81а. Л.53.
 213. Отошла коту масленица // Голос деревни, 1924, № 20, с.3.
 214. ЦГАМО. Ф.2538. Оп.1. Д.24. Л.7.
 215. ЦГАМО. Ф.2538. Оп.1. Д.39. Л.111об.
 216. Братия. Архимандрит Антоний (Волчков); URL: <https://troice-skanov.ru/brothers/bratiya/>
 217. ЦГАМО. Ф.2538. Оп.1. Д.24. Л.7.
 218. ЦГАМО. Ф.2538. Оп.1. Д.112. Л.2.
 219. ГАЛО. Ф.273. Оп.2. Д.36. Л.227об., 228.
 220. Классовый враг в рясе // ИС, 1931, № 25, с.3.
 221. Архив ФСБ. Д.Р–35998. Следственное дело Вяжлинского, Алексея Владимировича, 1934. Л.11.
 222. ЦГАМО. Ф.66. Оп.18. Д.295. Л.5.
 223. Колокол не нужен, даешь электричество // Голос деревни, 1924, № 42, с.3.
 224. ЦГАМО. Ф.3917. Оп.1. Д.5. Л.21.
 225. ЦГАМО. Ф.3917. Оп.1. Д.10. Л.21.
 226. ЦГАМО. Ф.966. Оп.4. Д.1795. Л.220.
 227. ЦГАМО. Ф.2157. Оп.1. Д.37. Л.341.
 228. ЦГАМО. Ф.261. Оп.1. Д.77. Л.29.
 229. ЦГАМО. Ф.4583. Оп.1. Д.9а. Л.134.
- К главе 6:**
1. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1067. Л.358.
 2. Сукоцники Поповы ... с.160.
 3. ЦГАМ. Ф.98. Оп.3. Д.50. Л.69об, 70.
 4. ЦГАМ. Ф.1634. Оп.1. Д.80. Л.2.
 5. ЦГАМ. Ф.51. Оп.8. Д.227. Л.7об, 8.
 6. ЦГАМ. Ф.1634. Оп.1. Д.162. Л.245, 245об.
 7. Сукоцники Поповы ... фото между с.352 и 353.
 8. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.8.
 9. Сукоцники Поповы ... с.161.
 10. Сукоцники Поповы ... с.162, 164, 165.
 11. ГИМ. 95171/15912. Ивановская суконная фабрика, сад при доме Павла Григорьевича Цурикова. 1880-е гг.
 12. ЦГАМ. Ф.1066. Оп.1. Д.16. Л.16.
 13. ЦГАМ. Ф.1066. Оп.1. Д.26. Л.82.
 14. ЦГАМ. Ф.203. Оп.633. Д.7. Л.95.
 15. ЦГАМ. Ф.203. Оп.646. Д.211. Л.17об.
 16. ЦГАМ. Ф.203. Оп.633. Д.7. Л.95об.
 17. ИИМК. Ф.Р-III. Д.3526. Л.9об.
 18. ЦГАМ. Ф.203. Оп.636. Д.2. Л.5.
 19. ЦГАМ. Ф.51. Оп.8. Д.431. Л.5об.
 20. Голубев Н. Описание Успенской, ... с.10.
 21. Несколько слов на память ... с.53.
 22. П.Г. Цуриков. (Некролог) // МЕВ, 1878, № 3, с.28.
 23. Несколько слов на память ... с.53.
 24. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1264. Л.1.
 25. Истринская земля ... с.419.
 26. Женская Оптина ... с.505, 519, 520.
 27. Воспоминания архимандрита Пимена, настоятеля Николаевского монастыря, что на Угреше – М.: 1877, с.291.
 28. Женская Оптина ... с.190.
 29. НИОР РГБ. Ф.175. К.8. Д.2. Л.5об.
 30. ИИМК. Ф.Р-III. Д.3533. Л.2, 9об.
 31. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1210. Л.47.
 32. ИИМК. Ф.1. Д.93(1916 г.). Л.9.
 33. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.1.
 34. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.3, 3об.
 35. ЦГАМ. Ф.1183. Оп.1(ч.40). Д.13. Л.3.
 36. Ставропигиальный Воскресенский монастырь именуемый Новым Иерусалимом: [фотоальбом] / [...] **Фотограф М.И. Грибов** – М.: [1907], с.16.
 37. Фотограф М.И. Грибов ... с.21.
 38. ЦГАМ. Ф.1183. Оп.1(ч.40). Д.13. Л.3.
 39. ЦГАМ. Ф.203. Оп.279. Д.23. Л.34, 34об.
 40. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.4.
 41. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.40). Д.13. Л.3.
 42. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.1об.
 43. Из заштатного города Воскресенска. // МЕВ, 1876, № 42, с.361.
 44. Ярцев А. Очерки и наблюдения. ... с.4.
 45. Несколько слов на память ... с.53.
 46. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.40). Д.13. Л.3.
 47. Фотограф М.И. Грибов ... с.15.
 48. ЦГАМ. Ф.203. Оп.644. Д.395. Л.2.
 49. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.3об.
 50. ЦГАМ. Ф.203. Оп.643. Д.63. Л.44, 44об.
 51. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.41). Д.98. Л.13об-а, 13об-б.
 52. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1402. Л.1.
 53. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.4.
 54. Спутник по Московско-Виндавской ... с.110.
 55. Ильинская церковь на погосте Ильинское на Городище // Сборник статей ... "Духовная Нива" ... с.17–19.
 56. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.4об.
 57. ЦГАМ. Ф.203. Оп.644. Д.395. Л.38, 38об.
 58. Солнечногорье – страницы истории. Издание третье, дополненное. – Тверь: 2014, с.188.
 59. ЦГАМ. Ф.203. Оп.644. Д.395. Л.42, 42об.
 60. Забытые святые села Соколово (Сборник статей). / Автор-составитель Носиков С. П. – М.: 2016, 80 с.
 61. Женская Оптина ... с.163.
 62. ГАЯО. Ф.1324. Оп.1. Д.2. Л.1.
 63. Незаполненная память: история деревни Никульское; URL: <http://moskva-volga.ru/> (ссылка неполная).
 64. Холмогоровы В. и Г. ... Вып. 4. Селецкая десятина. ... с.59–61.
 65. Скорцов Н.А. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век : Вып. 1. – М.: 1911, с.180.
 66. ЦГАМ. Ф.203. Оп.439. Д.22. Л.29об.
 67. РГИА. Ф.802. Оп.8. Д.23931. Л.1.
 68. Духовное училище в Саввино-Сторожевском монастыре; URL: <https://pastvu.com/p/263317>
 69. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.4об.
 70. ГНИМА. ОФ–5029/2. Церковь Вознесения Господня, 1805 г. Южный фасад. МО, Истринский р-н, г. Истра. Нач. XX в.
 71. Вознесенская церковь в городе Воскресенск (Истра) // Сборник статей ... "Духовная Нива" ... с.75–80.
 72. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.4об.
 73. ЦГАМ. Ф.203. Оп.646. Д.104. Л.25об.
 74. ЦГАМ. Ф.54. Оп.138. Д.6. Л.95.
 75. Холмогоровы В. и Г. ... Вып. 3. Загородская десятина. – М.: 1886, с.26.
 76. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1676. Л.70.
 77. ЦГАМ. Ф.203. Оп.748. Д.2. Л.229.
 78. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.1об.
 79. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.38). Д.114. Л.1.
 80. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.1об.
 81. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.4об.
 82. Собор Успения Пресвятой Богородицы; URL: <https://pastvu.com/p/141797>
 83. ЦГАМ. Ф.203. Оп.516. Д.16. Л.183.
 84. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Выпуск четвертый. – СПб.: 1875, с.73, 74.
 85. Архиепископ Леонид (Краснопевков). Записки московского викария – М.: 2012, с.417, 418.
 86. **Яшина О.Н. Скит Преподобного Саввы.** – Звенигород: 2007, с.30.
 87. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.4об.
 88. ЦГАМ. Ф.71. Оп.1. Д.119. Л.37.
 89. ЦГАМ. Ф.50. Оп.7. Д.2853. Л.1.
 90. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.4. Д.95. Л.3об, 4.
 91. Саввин Сторожевский монастырь в его прошлом и будущем. Изд. второе, с рисунками – М.: 1904, с.13.
 92. ГАЯО. Ф.1324. Оп.1. Д.7. Л.1.
 93. Яшина О.Н. Скит ... с.31.
 94. **Воспоминания о высокопреосвященном Леониде, архиепископе Ярославском и Ростовском.** – Харьков: 1877, с.244, 245.
 95. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.4об, 5.
 96. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.5.
 97. Выезд подвижного Рентгеновского кабинета Всероссийского Земского Союза в село Воскресенское // Русская иллюстрация – М.: 1915, № 1, с.16.
 98. Холмогоровы В. и Г. ... Вып. 3. Загородская десятина. – М.: 1886, с.224.
 99. Истринская земля ... с.512.
 100. Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861–1862. – М.: Л.: 1950, с.238.
 101. Спутник по Московско-Виндавской ... с.110.
 102. РГАДА. Ф.1207. Оп.1. Д.1383. Л.60.
 103. ЦГАМ. Ф.203. Оп.648. Д.241. Л.27об.
 104. Яшина О.Н. Скит ... с.24.
 105. ЦГАМ. Ф.203. Оп.650. Д.274. Л.9.
 106. ЦГАМ. Ф.203. Оп.313. Д.171. Л.2.
 107. Женская Оптина ... с.169.
 108. Женская Оптина ... с.175.
 109. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.41). Д.98. Л.13об-б.
 110. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.39). Д.232. Л.2.
 111. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.5об.
 112. ЦГАМ. Ф.203. Оп.582. Д.147. Л.9об.
 113. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.5об.
 114. ИИМК. Ф.1. Д.72(1915 г.). Л.7.
 115. ЦГАМО. Ф.660. Оп.1. Д.370. Л.33.
 116. Носиков С. П. История храмов села Никулино (по материалам архивных исследований) – М.: 2019, 202 с.
 117. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.4. Д.130. Л.3об, 6об.
 118. ЦГАМ. Ф.203. Оп.759. Д.34. Л.69об.
 119. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.39). Д.232. Л.2об.
 120. ГАЯО. Ф.1324. Оп.1. Д.7. Л.1об.
 121. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.41). Д.98. Л.13об-г.
 122. ЦГАМ. Ф.203. Оп.650. Д.211. Л.1.
 123. **Найденов Н. А. Москва.** Соборы, монастыри и церкви. Ч. IV: Местность за Земляным городом. – М.: 1883, N 29.
 124. Сукоцники Поповы ... с.566.
 125. Сукоцники Поповы ... с.163.
 126. Еще о П. Г. Цурикове. // МВ, 1878, № 24, с.4.
 127. **Переписка архимандрита Антонина** (Капустина) с графом Н. П. Игнатьевым, 1865–1893 – М.: 2014, с.451.
 128. Фотограф М.И. Грибов ... с.30.
 129. Переписка архимандрита Антонина ... с.280, 281.
 130. **Зеленская Г. М. Новый Иерусалим.** Путеводитель. – М.: 2003, с.360.
 131. ЦГАМ. Ф.203. Оп.763. Д.86. Л.15об.
 132. Иоанно-Златоустовский храм Д.Козино; URL: <http://krasnoblaz.ru/> (ссылка неполная).
 133. ЦГАМ. Ф.1878. Оп.1. Д.31. Л.1.
 134. **Слово в день годовичного поминовения** в Бозе почившаго, действительного статского советника Павла Григорьевича Цурикова. // МЕВ, 1879, № 7, с.55.
 135. РГАДА. Ф.1183. Оп.10(ч.5). Д.468. Л.7об.
 136. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.41). Д.98. Л.13об-д.
 137. Крючкова М. А. Цуриков. ... с.252.
 138. Спутник по Московско-Виндавской ... с.108.
 139. НИОР РГБ. Ф.175. К.8. Д.2. Л.45об.
 140. Женская Оптина ... с.181.
 141. **Носиков С. П. Святитель Филарет Московский и благотворитель П. Г. Цуриков** // МЕВ, 2016, № 6, с.144–153.

142. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.22722. Л.166об.
143. Внутренность храма Св. Пр. Филарета Милостивого, что в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, где погребен Митрополит Московский Филарет, скончавшийся 19 ноября 1867 г. — [Сергиев Посад] : 1876.
144. ГИМ. И-III-70349. Ивановская суконная фабрика П.Г. Цурикова. Литогр. при Музеем на Мясницкой, 1868.
145. Церковные торжества в Звенигородском уезде // МЕВ, 1872, № 28, с.205.
146. ЦГАМ. Ф.17. Оп.42. Д.75. Л.67.
147. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.41). Д.98. Л.13об-д.
148. Годичный отчет по Братству Святителя Николая (1868–1869) — М.: 1869, с.19.
149. Освящение сельского храма. // МЕВ, 1870, № 39, с.8.
150. Церковь святителя Николая Чудотворца в Аксиньино — Аксиньино: 2003, с.12.
151. Шестакова А. И. Аксиньино. Наследие предков. История. Рассказы. Воспоминания. Фото. — М.: 2020, с.23–25.
152. Слово в день годовщины поминовения ... с.55.
153. ГАЯО. Ф.1324. Оп.1. Д.7. Л.1об, 2.
154. Материалы для истории московского купечества. Общественные приговоры. Т. 8: журналы. — М.: 1909, с.470.
155. История Московского Купеческого общества. 1863–1913. Т. 5: Учреждения, недвижимости и капиталы Московского Купеческого Общества. Вып. 1. — М.: 1913, с.291.
156. ЦГАМ. Ф.203. Оп.654. Д.240. Л.33, 32.
157. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.22730. Л.208об.
158. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.692. Л.76.
159. Из Воскресенска. Письмо к издателям. // МВ, 1869, № 159, с.3.
160. ЦГАМ. Ф.203. Оп.334. Д.35. Л.118об, 119.
161. ЦГАМ. Ф.17. Оп.48. Д.131. Л.85об, 86.
162. Журналы Московского губернского земского собрания, декабрь 1868 года — М.: 1869, с.79, 80.
163. Навроцкий А.А. Новый Иерусалим. Из путевых заметок. // Русская старина, 1884, № 8(43), с.270.
164. ЦГАМ. Ф.17. Оп.42. Д.105. Л.198.
165. П. Г. Цуриков // МВ, 1878, № 16.
166. Освящение сельского храма // МЕВ, 1870, № 39, с.8.
167. Женская Оптина ... с.188.
168. 14-е сентября в Новом Иерусалиме // МЕВ, 1870, № 39, с.7.
169. Из Воскресенского Ново-Иерусалимского именного монастыря. // МЕВ, 1874, № 41, с.435.
170. Черниговский скит; URL: <https://pastvu.com/p/1207330>
171. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.11321. Л.1.
172. Истринская земля ... с.382.
173. Исторический отдел. Село Полевшина и его церковь. // МЕВ, 1876, № 18, с.150.
174. Освящение нового училищного дома. // МЕВ, 1872, № 3, с.26.
175. ЦГАМ. Ф.17. Оп.97. Д.205. Л.2об.
176. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.41). Д.98. Л.13об-е, 13об-ж.
177. РГИА. Ф.40. Оп.1. Д.22. Л.7.
178. Освящение нового училищного дома. // МЕВ, 1872, № 3, с.26.
179. ЦГАМ. Ф.17. Оп.44. Д.144. Л.67об.
180. РГИА. Ф.91. Оп.3. Д.573. Л.24.
181. ЦГАМ. Ф.54. Оп.182. Д.28а. Л.1.
182. Из заштатного города Воскресенска. // МЕВ, 1876, № 42, с.361.
183. ЦГАМ. Ф.17. Оп.48. Д.131. Л.86об.
184. ЦГАМ. Ф.184. Оп.6. Д.376. Л.51.
185. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.51.
186. ГЛМ. КП 52048/573. Воскресенск (Истра). Приходское училище. Главный (северный) фасад, 1880-е.
187. П.Г. Цуриков // МВ, 1878, № 16, с.4.
188. ЦГАМ. Ф.17. Оп.48. Д.414. Л.113.
189. Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санк-Петербурга — СПб: 2003, с.210.
190. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.11311. Л.4.
191. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.11480. Л.1.
192. Спасо-Вифанский монастырь. Колокольня; URL: <https://pastvu.com/p/148938>
193. Историческая справка; URL: <http://vifanskymonastir.cerkov.ru/istoriya-monastirya/>
194. Пятидесятилетний юбилей отца настоятеля рязанского Троицкого монастыря, архимандрита Владимира, 16 августа 1885 года // Рязанские епархиальные ведомости, 1885, № 19приб., с.482.
195. История Николо-Радовицкого монастыря насчитывает более пяти веков; URL: <http://радовицы.рф/istoriya-monastirya.htm>
196. МО, Радовицы. Николо-Радовицкий монастырь; URL: <https://sobory.ru/photo/236624>
197. Тульская область, Городищи, урочище. Церковь Параскевы Пятницы; URL: <https://sobory.ru/photo/284503>
198. Приходы и церкви Тульской епархии. — Тула: 1895, с.401, 402.
199. НИОР РГБ. Ф.231-II. К.21. Д.96. Л.10, 10об.
200. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891 — М.: 2010, с.289.
201. Глушецкий А. А. Вылит сей колокол в царствующем граде Москве. История московских колокольных заводов XVIII — начала XX в. — М.: 2019, с.102.
202. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.41). Д.98. Л.13об-ж.
203. Козлов В. Ф. Звенигородский ... с.167.
204. Яшина О.Н. Скит ... с.22.
205. Яшина О.Н. Скит ... с.32.
206. П.Г. Цуриков // МВ, 1878, № 16, с.4.
207. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.22741. Л.177об.
208. Церковные торжества в Звенигородском уезде // МЕВ, 1872, № 28, с.205.
209. Приглашения к пожертвованию // МЕВ, 1872, № 9, с.75.
210. Воспоминания о высокопреосвященном Леониде, ... с.225, 226.
211. Художник Дмитрий Дроздецкий; URL: <https://artdrozd.jimdofree.com/книжная-графика/>
212. В возрождающемся Покровском женском монастыре д.Вербиллово Пустошкинского района был совершен молебен на начало строительства храма; URL: <https://www.luki-eparhia.ru/> (ссылка неполная).
213. ЦГАМ. Ф.17. Оп.44. Д.129. Л.78.
214. Леонид (Кавелин). Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именного, монастыря — М.: 1894, с.24, 25.
215. Женская Оптина ... с.203.
216. ЦГАМ. Ф.454. Оп.3. Д.71. Л.29.
217. МО село Акулово. Храм Покрова Пресвятой Богородицы; URL: <https://pastvu.com/p/188322>
218. История Покровского храма; URL: <http://pokrov-akulovo.ru/church/history>
219. ИИМК. Ф.Р-III. Д.3516. Л.9об.
220. Колокольно-литейный завод ... с.12.
221. Истринская земля ... с.364.
222. Холмогоровы В. и Г. ... Вып. 3. Загородская десятина. — М.: 1886, с.43.
223. ЦГАМ. Ф.203. Оп.206. Д.435. Л.2.
224. ЦГАМ. Ф.17. Оп.44. Д.150. Л.207.
225. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.41). Д.98. Л.13об-з.
226. Голубев Н. Описание Успенской, ... с.1.
227. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.41). Д.98. Л.2, 2об, 3.
228. Суконщики Поповы ... с.356.
229. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.41). Д.98. Л.2.
230. Из Воскресенского Ново-Иерусалимского ... с.435.
231. Обновление храма в Новом Иерусалиме (Заштатный город Воскресенск) (окончание) // Всемирная иллюстрация, 1874, № 304, с.282.
232. Известия и заметки. Церковное торжество в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре // МЕВ, 1874, № 39, с.411.
233. РГАДА. Ф.1625. Оп.1. Д.32. Л.45, 45об.
234. Путеводитель по Гегиманскому Скиту, что близ Свято-Троицкия Сергиевы Лавры. — М.: 1880, с.31, 32.
235. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.41). Д.98. Л.20.
236. Из Звенигородского уезда. Освящение сельского храма. // МЕВ, 1874, № 40, с.420.
237. Храм в честь святителя Николая Чудотворца (1624–1980 гг.); URL: <https://nikola-ml.ru/> (ссылка неполная).
238. Освящение храма в Саввинских подмонастырских слободах Звенигородского уе. // МЕВ, 1879, № 43, с.359.
239. Храм в честь Тихвинской иконы Божией Матери; URL: <https://nikola-ml.ru/> (ссылка неполная).
240. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.41). Д.98. Л.35об, 36.
241. Найденов Н. А. Москва. ... N 1.
242. Высочайшая награда. // МЕВ, 1874, № 29оф., с.129.
243. ЦГАМ. Ф.17. Оп.47. Д.420. Л.10.
244. ЦГАМ. Ф.17. Оп.47. Д.469. Л.12.
245. Из заштатного города Воскресенска. // МЕВ, 1876, № 42, с.360.
246. ИИМК. Ф.Р-III. Д.3561. Л.9об.
247. ЦГАМ. Ф.17. Оп.48. Д.414. Л.113.
248. Отчет об Алтайской духовной миссии за 1875 // Сборник статей о Сибири и о прилежащих к ней странах Т.6 — Томск: 1876, с.24, 25.
249. На месте разрушенного храма Горно-Алтайска патриарх Кирилл заложил собор; URL: <https://foma.ru/> (ссылка неполная).
250. П. Г. Цуриков. // МВ, 1878, № 16, с.4.
251. ЦГАМ. Ф.1183. Оп.1(ч.41). Д.98. Л.35об, 36.
252. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.11901. Л.5об.
253. РГИА. Ф.1411. Оп.1. Д.80. Л.216.
254. РГИА. Ф.1343. Оп.49. Д.1877. Л.4.
255. Носиков С. П. Святитель Филарет ... с.151.
256. Из заштатного города Воскресенска. // МЕВ, 1876, № 42, с.362.
257. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.6. Д.51. Л.9, 9об.
258. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.41). Д.98. Л.3, 3об.
259. Из Воскресенского Ново-Иерусалимского ... с.435.
260. Вид Храма Воскресенского, Новый Иерусалим именного Монастыря, ... Фотограф иеродиакон Диодор; URL: <https://sobory.ru/photo/476342>
261. НИОР РГБ. Ф.148. К.10. Д.35. Л.5.
262. ЦГАМ. Ф.17. Оп.48. Д.92. Л.18.
263. ЦГАМ. Ф.184. Оп.9. Д.449. Л.179, 213.
264. Освящение храма в Саввинских ... с.359.
265. Приходы и церкви Тульской епархии. — Тула: 1895, с.417.
266. НИОР РГБ. Ф.148. К.12. Д.38. Л.2об.
267. Ярцев А. Очерки и наблюдения. ... с.4.
268. Из Московского уезда, села Спасского Тушина // МЦВ, 1886, № 34, с.516.
269. Токмаков И. Ф. Село Спас-Тушино Московской губ. и уезда : Крат. ист.-стат. и археол. очерк. — М.: 1905, с.12.
270. Холмогоровы В. и Г. ... Вып. 3. Загородская десятина. — М.: 1886, с.211.
271. РГАДА. Ф.1264. Оп.1. Д.106. Л.8.
272. РГАДА. Ф.1264. Оп.1. Д.39. Л.2об.
273. Несколько слов на память ... с.54.
274. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.4. Д.282. Л.1.
275. У стен Нового Иерусалима. ... с.251.
276. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.41). Д.98. Л.45, 45об.
277. Теляковский Н.Н. Старина и святыни города Романова — Ярославль: 1913, с.51.
278. Несколько слов на память ... с.52.
279. Копьев Я. Летопись церкви святых благоверных князей Бориса и Глеба, состоящей в селе Куритникове — М.: 1884, с.121, 122.
280. Из Воскресенска. Письмо к издателям. // МВ, 1869, № 159, с.3.
281. РГИА. Ф.1282. Оп.3. Д.134. Л.75–76.
282. ЦГАМ. Ф.203. Оп.653. Д.179. Л.1.
283. ЦГАМ. Ф.17. Оп.47. Д.54. Л.1об.
284. Из Звенигородского уезда. // МЕВ, 1874, № 31, с.332.
285. Несколько слов на память ... с.53, 54.
286. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.6. Л.10.
287. Из заштатного города Воскресенска. // МЕВ, 1876, № 42, с.361.
288. РГАДА. Ф.1263. Оп.6. Д.577. Л.3.
289. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.776. Л.411об, 412.
290. Суконщики Поповы ... с.54.
291. [Объявление] // Русские ведомости, 1878, № 5, с.1.
292. П.Г. Цуриков. (Некролог) // МЕВ, 1878, № 3, с.28, 29.
293. П.Г. Цуриков // МВ, 1878, № 16, с.4.

294. Еще о П. Г. Цурикове. // МВ, 1878, № 24, с.4.
295. Слово при воспоминании в Бозе почившаго действительнаго статскаго советника Павла Григорьевича Цурикова в сороковой день по кончине его // МВБ, 1878, № 8, с.82.
296. Сукоцки Поповы ... с.54.
297. Из Звенигородского (Московского губ) // МВ, 1878, № 9, с.4.
298. Еще о П. Г. Цурикове. // МВ, 1878, № 24, с.4.
299. ИИМК. Ф.Р-III. Д.4079. Л.8об.
300. Епархиальная хроника. // МВБ, 1878, № 8, с.80.
301. Несколько слов на память ... с.52.
302. Несколько слов на память ... с.53.
303. Сукоцки Поповы ... М.: 2010, с.167.
304. Архив музея А.П. Чехова "Мелихово". МЧ-НВФ 3691. ... с.2.
305. ЦГАМ. Ф.203. Оп.543. Д.56. Л.32.
306. Несколько слов на память ... с.54.
307. Ярцев А. Очерки и наблюдения. ... с.4.
308. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.12526. Л.14, 14об.
309. Священник Г.А. Любимов (некролог) // МЦВ, 1889, № 22, с.299.
310. ЦГАМ. Ф.454. Оп.3. Д.72. Л.138об.
311. Слово в день годовичнаго поминовения ... с.56.
312. ОПИ ГИМ. Ф.420. Д.535. Л.77.
313. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.21.
314. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.5, 7, 8.
315. Сукоцки Поповы ... с.161.
316. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.874. Л.9.
317. П.Г. Цуриков. (Некролог) // МВБ, 1878, № 3, с.28.
318. Сукоцки Поповы ... с.165.
319. Голубев Н. Описание Успенской, ... с.10.
320. Несколько слов на память ... с.54.
321. Сукоцки Поповы ... с.166.
322. Воспоминания архимандрита Пимена, ... с.240.
323. Сукоцки Поповы ... с.162.
324. Из записок Высокопреосвященнаго Леониды, епископа Ярославскаго, 1866 год // МВБ, 1911, № 19, с.431–433.
325. Сукоцки Поповы ... с.162, 164.
326. Несколько слов о покойном ... с.54.
327. Сукоцки Поповы ... с.164.
328. ЦГАМ. Ф.17. Оп.47. Д.133. Л.19.
329. Несколько слов на память ... с.53.
330. Слово в день годовичнаго поминовения ... с.55, 56.
331. РГАИ. Ф.1411. Оп.1. Д.80. Л.214.
332. Сукоцки Поповы ... с.162, 163.
333. Носиков С. П. Святитель Филарет ... с.144–153.
334. Женская Оптина ... с.111.
335. Очерк жизнеописания высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго и Коломенскаго. Третье издание. – М.: 1875.
336. Женская Оптина ... с.159.
337. Полное собрание резолюций Филарета, митрополита Московскаго. Т. 5. Вып. 1. 1842–1843 гг. – М.: 1914, с.7.
338. Протоколы Московскаго Попечительнаго о тюрьмах комитета // Врата милосердия. Книга о докторе Газе. Сост. А. Нежный. – М.: 2002, с.363–384.
339. Сукоцки Поповы ... с.163.
340. Воспоминания о высокопреосвященном Леониде, ... с.245.
341. Женская Оптина ... с.166.
342. Женская Оптина ... с.175.
343. Женская Оптина ... с.176.
344. Духовская церковь; URL: <https://pastvu.com/p/1231346>
345. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.11311. Л.4.
346. БОРЕЛЬ Петр Федорович [1829–1898]. Коллекция Государственного Эрмитажа. Часть 1; URL: <https://www.liveinternet.ru/> (ссылка неполная).
347. НИОР РГБ. Ф.148. К.12. Д.37. Л.3об.
348. НИОР РГБ. Ф.148. К.12. Д.38. Л.2об, 3.
349. НИОР РГБ. Ф.148. К.10. Д.35. Л.3об, 4.
350. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.40). Д.142. Л.1.
351. Леонид (Кавелин). Историческое описание ... с.24, 25.
352. Иерей Иоанн Кудласевич. Архимандрит Леонид (Кавелин): церковный и научный деятель в России и на православном востоке // От Иерусалима до Нового Иерусалима: к 200-летию со дня рождения архимандрита Леониды (Кавелина). – М.: 2022. с.259, 262.
353. НИОР РГБ. Ф.148. К.12. Д.38. Л.2.
354. НИОР РГБ. Ф.148. К.10. Д.35. Л.1.
355. Прощание с настоятелем монастыря (корреспонденция из Нового Иерусалима) // МВБ, 1877 год, № 27, с.252.
356. Воспоминания о высокопреосвященном Леониде, ... с.245.
357. еп. Леонид. Слово на литургии 18 сентября 1873 года, в Борисоглебском Аносине монастыре по исполнении 50-ти лет со дня открытия Монастыря, сказанное Леонидом, епископом Дмитровским. – М.: 1873, с.12, 13.
358. Женская Оптина ... с.201.
359. Московская хроника // МЦВ, 1881, № 27, с.379.
360. ИИМК. Ф.Р-III. Д.3526. Л.9об.
361. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.11480. Л.1.
362. ЦГАМ. Ф.454. Оп.3. Д.71. Л.29.
363. ИИМК. Ф.Р-III. Д.3516. Л.9об.
364. ИИМК. Ф.Р-III. Д.3561. Л.9об.
365. ЦГАМ. Ф.454. Оп.3. Д.72. Л.138об.

К главе 7:

1. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.874. Л.83.
2. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1153. Л.7.
3. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.1912. Л.90об.
4. РГАИ. Ф.91 Оп.3. Д.573. Л.25.
5. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.8, 9.
6. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.7.
7. Сукоцки Поповы ... с.45.
8. Сукоцки Поповы ... с.357.
9. ЦГАМ. Ф.608. Оп.4. Д.79. Л.332.
10. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.9.
11. Голубев Н. Описание Успенской, ... с.11, 12.
12. Освящение храма в Саввинских ... с.359.
13. НИОР РГБ. Ф.148. К.10. Д.36. Л.2, 2об.
14. Сукоцки Поповы ... с.161.
15. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.877. Л.2.
16. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.8.
17. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.13–14.
18. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.14.
19. Сукоцки Поповы ... фото между с.352, 353.
20. Сукоцки Поповы ... с.45.
21. Пробраз "Бабьего царства" ... с.206.
22. Сукоцки Поповы ... с.382, 383.
23. РГАЛИ. Ф.549. Оп.1. Д.347. Л.5.
24. Архив музея А.П. Чехова "Мелихово". МЧ-НВФ 3691. ... с.1.
25. ЦГАМ. Ф.142. Оп.23. Д.416. Л.17, 17об.
26. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.23–24.
27. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.6. Д.290. Л.2.
28. ЦГАМ. Ф.54. Оп.162. Д.45. Л.9.
29. У стен Нового Иерусалима. ... с.256.
30. Воскресенск на Истре. Дворянская улица; URL: <https://pastvu.com/p/172692>
31. ЦГАМ. Ф.71. Оп.1. Д.119. Л.37.
32. Из прошлого Истры. Воспоминания М.И. Майоровой // Истринские вести, 2006, № 26, с.19.
33. Из прошлого Истры. Воспоминания М.И. Майоровой. Часть 6; URL: <https://архив.истра.рф/> (неполная).
34. Канашева Ф.А. Воспоминания о школе. 1938–40 гг.; URL: <https://архив.истра.рф/> (ссылка неполная).
35. Ярцев А. Очерки и наблюдения. ... с.3–4.
36. Истринская земля ... фото между с.384 и 385.
37. ЦГАМ. Ф.184. Оп.9. Д.336. Л.339об, 340.
38. ЦГАМ. Ф.4. Оп.5. Д.667. Л.149об.
39. Сукоцки Поповы ... с.382, 383.
40. Музей им. А. П. Чехова "Мелихово". МЧ/НВФ 3690.
41. Пробраз "Бабьего царства" ... с.205, 206.
42. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.6. Л.12.
43. Сукоцки Поповы ... с.383.
44. Воспоминания архимандрита Пимена, ... с.240.
45. Сукоцки Поповы ... с.382, 383.
46. Пробраз "Бабьего царства" ... с.203.
47. РГАДА. Ф.1264. Оп.1. Д.74. Л.1, 2.
48. НИОР РГБ. Ф.148. К.10. Д.36. Л.1–2об.
49. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.43). Д.94. Л.9, 9об.
50. ЦГАМ. Ф.495. Оп.1. Д.280. Л.114об, 115.
51. Дорошенко С. М. Настоятели Воскресенского монастыря Нового Иерусалима: живая история обители. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом, 2009, № 2 спецвыпуск, с.156.
52. ЦГАМ. Ф.142. Оп.23. Д.67. Л.1об.
53. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.42). Д.70. Л.1.
54. ЦГАМ. Ф.65. Оп.3. Д.12. Л.34.
55. ЦГАМ. Ф.142. Оп.23. Д.466. Л.4.
56. Памятная книжка Московской губернии на 1899 г. – М.: 1899, с.238, 242.
57. Список домохозяев по гор. Воскресенску Московской губ., имеющих право участия в избрании городских уполномоченных на четырехлетие 1906–1910 // Московские губернские ведомости, 1906, № 21, с.3.
58. ЦГАМ. Ф.4. Оп.5. Д.744. Л.27об.
59. Истринская земля ... с.410–412.
60. ЦГАМ. Ф.17. Оп.42. Д.105. Л.218об.
61. ЦГАМ. Ф.54. Оп.163. Д.58. Л.5.
62. ЦГАМ. Ф.17. Оп.41. Д.122а-об, 122б.
63. ЦГАМ. Ф.65. Оп.21. Д.251. Л.19об.
64. Музей им. А. П. Чехова "Мелихово". МЧ-НВФ 3691. ... с.3.
65. Истринская земля ... с.412, 413.
66. Сукоцки Поповы ... с.382.
67. ЦГАМ. Ф.142. Оп.23. Д.213. Л.10, 10об.
68. ЦГАМ. Ф.4. Оп.5. Д.744. Л.28.
69. ЦГАМ. Ф.4. Оп.3. Д.552. Л.119об, 120.
70. ЦГАМ. Ф.50. Оп.7. Д.2853. Л.11.
71. РГАИ. Ф.577. Оп.20. Д.870. Л.9.
72. Носиков С. П. История села Филатово, Рождественского погоста и Саввино (по материалам архивных исследований) – М.: 2020, с.166–169.
73. ЦГАМ. Ф.66. Оп.5. Д.998. Л.2.
74. По чеховским местам Подмосковья – М.: 1959, с.15.
75. Истринская земля ... с.373.
76. ГАРФ. Ф.1019. Оп.1. Д.1342. Л.3об.
77. ЦГАМ. Ф.210. Оп.38. Д.6. Л.15об.
78. ЦГАМ. Ф.184. Оп.9. Д.449. Л.40.
79. ЦГАМ. Ф.184. Оп.9. Д.701. Л.110, 112.
80. Памятная книжка Московской губернии на 1899 г. – М.: 1899, с.242.
81. У стен Нового Иерусалима ... с.121.
82. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.40). Д.16. Л.1.
83. Фотограф М.И. Грибов ... с.3.
84. Токмаков И.Ф. Историко-статистическое и археологическое описание заштатного города Воскресенска (Звенигородского уезда, Московской губернии) и его окрестностей: – М.: 1905, с.37.
85. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.6. Д.51. Л.25об.
86. Токмаков И.Ф. ... города Воскресенска ... с.7.
87. Некрасов А.И. Художественные памятники Москвы и городов Московской губернии – М.: 1928, с.115.
88. ЦГАМ. Ф.203. Оп.662. Д.189. Л.1.
89. Освящение храма в Саввинских ... с.359, 360.
90. ЦГАМ. Ф.454. Оп.3. Д.72. Л.203об, 205об, 206.
91. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.375. Л.88.
92. ЦГАМ. Ф.203. Оп.466. Д.19. Л.3.
93. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.383. Л.286об.
94. ЦГАМ. Ф.54. Оп.181. Д.1421. Л.114.
95. У стен Нового Иерусалима ... с.260.
96. Мамаев С. Ю. Женское начальное училище в городе Воскресенске // Истра.РФ (журнал), 2016, № 19, с.6–11.
97. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.134. Л.25об.
98. ЦГАМ. Ф.17. Оп.50. Д.570. Л.78об.
99. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.50об, 52.
100. Музей им. А. П. Чехова "Мелихово". МЧ/ОФ–3948.
101. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.52.
102. Чехов М.П. Вокруг Чехова: ... 1960, с.123, 124.
103. Из прошлого Истры. Воспоминания М.И. Майоровой // ИВ, 2005, № 91, с.19.
104. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.136. Л.90.
105. Сукоцки Поповы ... с.383.
106. РГАЛИ. Ф.549. Оп.1. Д.347. Л.5.
107. ГМИРЛИ. КП 52048/576. Воскресенск (Истра). Приходское училище. Вид с Крестовой (Первомайской) улицы, 1915 – апрель 1916.
108. ЦГАМ. Ф.184. Оп.14. Д.1244. Л.446.
109. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.133. Л.23об.
110. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.136. Л.91об.
111. История в историях // ИВ, 2008, № 11, с.8.
112. ЦГАМ. Ф.17. Оп.71. Д.139. Л.120об, 121.

113. ЦГАМ. Ф.184. Оп.9. Д.336. Л.369об, 370.
114. ЦГАМ. Ф.17. Оп.73. Д.59. Л.121об, 122об.
115. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.138. Л.21.
116. Отчет Звенигородского уездного училищного совета за 1900–1901 учебный год – М.: 1901, с.20.
117. ЦГАМ. Ф.184. Оп.14. Д.1244. Л.460.
118. ЦГАМ. Ф.65. Оп.22. Д.143. Л.2об.
119. РГИА. Ф.91. Оп.3. Д.573. Л.21.
120. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.354. Л.94.
121. ЦГАМ. Ф.65. Оп.9. Д.15. Л.82.
122. Отчет Звенигородского Саввинского Братства за 1900–1901 г. – М.: 1901, с.5.
123. Отчет Звенигородского уездного училищного совета за 1905–1906 учебный год. – М.: 1907, с.10.
124. Памятная книжка Московской губернии на 1899 год. – М.: 1899, с.222.
125. Из прошлого Истры. Воспоминания М. И. Майоровой // ИВ, 2005, № 91, с.19.
126. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.148. Л.29.
127. ЦГАМО. Ф.2510. Оп.1. Д.4033. Л.64.
128. У стен Нового Иерусалима ... фото между с.384 и 385.
129. Звенигородское Уездное Земское Собрание. Доклад 2а. О достижениях всеобщего начального обучения в Звенигородском уезде – 1908, с.34.
130. ГИХМ "Новый Иерусалим". Фототека КП–18678/3.
131. Изобразительные материалы по женскому начальному училищу в городе Воскресенске (ныне Истра) и оставшимся от него пилонам; URL: <https://istra-lic.ru/> (ссылка неполная).
132. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.66об.
133. ЦГАМ. Ф.17. Оп.50. Д.136. Л.78об.
134. Отчет Братства преподобного Саввы Сторожевского ... за 1903–1904 год // МЦВ, 1905, № 80ф., с.29.
135. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.131. Л.249.
136. ЦГАМ. Ф.184. Оп.10. Д.136. Л.94об.
137. Московское училище ордена Св. Екатерины. 1803–1903 гг. Исторический очерк. – М.: 1903, с.172.
138. ЦГАМ. Ф.203. Оп.360. Д.103. Л.33об, 34.
139. РГАДА. Ф.1264. Оп.1. Д.74. Л.3.
140. ЦГАМ. Ф.114. Оп.1. Д.55. Л.9.
141. Отчет благотворительного общества ... за 1897–98 г. ... с.5.
142. Каким я помню Воскресенск // ИВ, 2000, № 71–74, с.12.
143. Купцы-меценаты города Воскресенска ; URL: <https://urok.1sept.ru/articles/660352>
144. Прообраз "Бабьего царства" ... с.205.
145. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.3647. Л.267об, 277.
146. Музей Чехова в Мелихово. МЧ-НВФ 3691. ... с.3.
147. Зеленская Г.М., Святославский А.В. ... с.375.
148. Журналы Звенигородского уездного земского собрания... – Звенигород: 1907, с.4.
149. Отчет Звенигородского-Саввинского отделения Кирилло-Мефодиевского братства с 1915 по 1916 г. – Звенигород: 1916, с.16.
150. У стен Нового Иерусалима ... с.247–249.
151. ГИХМ "Новый Иерусалим". Фототека НВФ 3602.
152. Журналы Звенигородского уездного земского собрания... – Звенигород: 1909, с.19.
153. ЦГАМ. Ф.65. Оп.28. Д.47. Л.1.
154. ЦГАМ. Ф.65. Оп.28. Д.47. Л.22об, 23.
155. РГАДА. Ф.1183. Оп.1(ч.49). Д.65. Л.2.
156. У стен Нового Иерусалима ... с.248.
157. Музей Чехова в Мелихово. МЧ-НВФ 3691. ... с.3.
158. ЦГАМ. Ф.184. Оп.5. Д.1474. Л.5.
159. Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губернии. – М.: 1912, № 4, с.275.
160. ЦГАМ. Ф.184. Оп.5. Д.1474. Л.1.
161. Из-под Москвы. Новый приют. // МВ, 1914, № 149, с.3.
162. ЦГАМ. Ф.65. Оп.32. Д.16. Л.78.
163. ЦГАМ. Ф.65. Оп.43. Д.344. Л.10, 10об.
164. Сводный каталог культурных ... с.99.
165. Из прошлого Истры. Воспоминания М.И. Майоровой // ИВ, 2006, № 26, с.19.
166. Из прошлого Истры. Воспоминания М.И. Майоровой. Часть 6; URL: <https://архив.истра.рф/> (ссылка неполная).
167. ГИХМ "Новый Иерусалим". Фототека КП–30514.
168. У стен Нового Иерусалима ... с.307.
169. ГИХМ "Новый Иерусалим". Фототека НВФ 1858.
170. Из прошлого Истры. Воспоминания М.И. Майоровой // ИВ, 2006, № 26, с.19.
171. Истринская детская школа искусств; URL: <https://istra-dmsh.mo.muzkult.ru/ruspalru>
172. Покровское-Рубцово ... с.47.
173. Зеленская Г. М. Новый Иерусалим. ... с.319.

К главе 8:

1. У стен Нового Иерусалима. ... с.111–121.
2. Носиков С. П. Анна Сергеевна Цурикова и дворянский род Мингалевых // Вторые Воскресенские чтения. – Истра: 2019, с.92–111.
3. ЦГАМ. Ф.16. Оп.1. Д.267. Л.2.
4. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1789 г. – СПб.: с.113; Месяцеслов ... 1790 г. ... с.123.
5. Месяцеслов ... 1791 г. ... с.116; Месяцеслов ... 1796 г. ... с.146.
6. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.645. Л.414об.
7. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.726. Л.12об.
8. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.2040. Л.8.
9. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1746. Л.33, 72.
10. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.531. Л.302.
11. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.670. Л.319.
12. ЦГАМ. Ф.32. Оп.4. Д.239. Л.8.
13. Политов В. В. Промышленность Коми края в XVIII веке – Сыктывкар: 2005, с.109.
14. ЦГАМ. Ф.49. Оп.1. Д.560. Л.6об.
15. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1746. Л.40.
16. РГИА. Ф.1343. Оп.25. Д.4102. Л.6.
17. ЦГАМ. Ф.49. Оп.1. Д.560. Л.7об.
18. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1041. Л.6, 6об.
19. РГИА. Ф.1343. Оп.51. Д.251. Л.1, 59об.
20. ЦГАМ. Ф.98. Оп.3. Д.37. Л.19–21.
21. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1120. Л.1023об.
22. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.4. Д.130. Л.4об.
23. Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1841. Часть вторая. Московская губ., в Звенигороде, с.16.
24. РГИА. Ф.1343. Оп.25. Д.4102. Л.20об.
25. Русский провинциальный некрополь ... с.559.
26. ЦГАМ. Ф.608. Оп.1. Д.13. Л.218об.
27. У стен Нового Иерусалима. ... с.246.
28. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.22730. Л.208об.
29. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.836. Л.305.
30. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.676. Л.447, 447об.
31. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.738. Л.4об.
32. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.661. Л.424об, 425.
33. ЦГАМ. Ф.51. Оп.8. Д.226. Л.93об.
34. ЦГАМ. Ф.16. Оп.4. Д.886. Л.6об.
35. ЦГАМ. Ф.50. Оп.5. Д.8852. Л.1.
36. У стен Нового Иерусалима. ... с.111.
37. У стен Нового Иерусалима. ... с.247.
38. НИОР РГБ. Ф.547. К.9. Д.39. Л.5.
39. Архив музея А. П. Чехова "Мелихово". МЧ/ОФ–4017. Семья Мингалевых и Цуриковых, 1880-е?
40. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1868 г. Часть 1. – СПб.: с.34, 585; Часть 2. – СПб.: с.522.
41. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1746. Л.61.
42. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.974. Л.50.
43. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1546. Л.386.
44. ГАРФ. Ф.1019. Оп.1. Д.1343. Л.8, 9.
45. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.706. Л.78об.
46. Спутник по Московско-Виндавской ... с.113.
47. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1746. Л.66.
48. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1444. Л.63об.
49. РГИА. Ф.1349. Оп.3. Д.1446. Л.42об.
50. Сукожники Поповы ... с.166, 167.
51. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1857 г. Часть 1. – СПб.: с.18.
52. Адрес-календарь. ... 1868 г. Часть 1. ... с.34.
53. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.880. Л.85.
54. Русский провинциальный некрополь ... с.559.
55. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.874. Л.81.
56. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1202. Л.503.
57. Московское училище ... Св. Екатерины. ... с.551.
58. Московское училище ... Св. Екатерины. ... с.456.
59. Клименко Анна. Воспоминания институтки: К столетнему юбилею Московского Екатерининского института – СПб.: 1903, с.5.
60. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.23.
61. Памятная книжка Московской губернии на 1899 г. – М.: 1899, с.236.
62. ЦГАМ. Ф.184. Оп.9. Д.336. Л.201–202об, 277–278об.
63. У стен Нового Иерусалима. ... с.216.
64. У стен Нового Иерусалима. ... с.213.
65. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.3647. Л.288об, 289.
66. ГАРФ. Ф.Р4041. Оп.4. Д.1144. Л.6об.
67. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1233. Л.903.
68. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.9.
69. ЦГАМ. Ф.142. Оп.23. Д.67. Л.1об.
70. ЦГАМ. Ф.184. Оп.9. Д.336. Л.199–200об.
71. ЦГАМ. Ф.17. Оп.48. Д.348. Л.7.
72. Памятная книжка Московской губернии на 1899 г. – М.: 1899, с.236.
73. РГИА. Ф.577. Оп.26. Д.1191. Л.9об.
74. ЦГАМ. Ф.114. Оп.1. Д.55. Л.9.
75. Отчет Благотворительного Общества ... за 1896–97 г. ... с.4.
76. ЦГАМ. Ф.65. Оп.44. Д.431. Л.143.
77. Жизнеописание Мученика Михаила Строева. – М.: 2017, с.14–15.
78. Архив музея А. П. Чехова "Мелихово". МЧ-НВФ 3691. ... с.3.
79. ЦГАМ. Ф.522. Оп.2. Д.20. Л.24.
80. Иверонов С. А. История одного опыта: Трудовая колония для несовершеннолетних. – М.: 1913, с.35.
81. Иверонов С. А. История одного опыта: ... с.34.
82. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.4060. Л.280об, 281.
83. ЦГАМ. Ф.49. Оп.3. Д.2321. Л.5.
84. ЦГАМ. Ф.522. Оп.1. Д.13. Л.3.
85. ГАРФ. Ф.Р4041. Оп.4. Д.1144. Л.6.
86. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.874. Л.82.
87. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1449. Л.74об, 90об.
88. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1349. Л.1125об.
89. РГИА. Ф.1343. Оп.25. Д.4102. Л.20.
90. ЦГАМ. Ф.418. Оп.297. Д.360. Л.5об.
91. Адрес-календарь. ... 1868 г. Часть 2. ... с.522.
92. Глазунов С. Р., Шулуш И. И. Земские гласные Владимирской губернии в 70–80-х гг. и "третий элемент". // История земств и Советов России: (Вторая половина XIX в. – 1917 г.) – Владимир: 1999, с.11.
93. ЦГАМ. Ф.131. Оп.23. Д.20. Л.17об.
94. ЦГАМ. Ф.49. Оп.1. Д.560. Л.3.
95. РГИА. Ф.1660. Оп.1. Д.20. Л.170.
96. ЦГАМ. Ф.239. Оп.2. Д.230. Л.2, 6.
97. РГИА. Ф.573. Оп.20. Д.1522. Л.3об.
98. ЦГАМ. Ф.131. Оп.4. Д.1557. Л.9.
99. ЦГАМ. Ф.522. Оп.2. Д.12а. Л.6.
100. ЦГАМ. Ф.65. Оп.43. Д.344. Л.10, 10об.
101. ЦГАМ. Ф.203. Оп.744. Д.434. Л.6об.
102. ЦГАМ. Ф.65. Оп.26. Д.10. Л.126.
103. РГИА. Ф.1291. Оп.74. Д.474. Л.2об.
104. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.3820б. Л.423об, 424.
105. ЦГАМ. Ф.65. Оп.44. Д.431. Л.144.
106. ЦГАМ. Ф.65. Оп.44. Д.431. Л.112.
107. ЦГАМ. Ф.49. Оп.1. Д.560. Л.18.
108. ЦГАМ. Ф.49. Оп.1. Д.560. Л.26–27.
109. ЦГАМ. Ф.142. Оп.23. Д.939. Л.14об–16об.
110. РГИА. Ф.1287. Оп.46. Д.3605. Л.19об.
111. Как в жизни одного человека могут переплестись сразу несколько стран: авиатор Владимир Гарлинский; URL: <https://irinalisova.wordpress.com/> (ссылка неполная).

К главе 9:

1. Носиков С. П. Новые сведения о родне Цурикова по восходящей линии; URL: <https://istra-ltc.ru/> (ссылка неполная).
2. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.480. Л.487.
3. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.741. 1786, Л.151об.
4. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.796. Л.413об.
5. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1983. Л.23.
6. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.615. Л.592.
7. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1981. Л.1, 2.
8. Женская Оптина ... с.638.
9. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.2, 3.
10. Родственники Матроны Анисимовны Цуриковой; URL: <https://istra-ltc.ru/> (ссылка неполная).
11. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.480. Л.487.
12. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1514. Л.1288об.
13. ЦГАМ. Ф.4. Оп.14. Д.456. Л.25об.
14. ЦГАМ. Ф.51. Оп.8. Д.90. Л.684об.
15. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1075. Л.69об.
16. ЦГАМ. Ф.51. Оп.8. Д.689. Л.1235об–1237.
17. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.826. Л.278.
18. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.774. Л.329об, 330.
19. ЦГАМ. Ф.743. Оп.1. Д.190. Л.1.
20. с.Вознесенское часть 4 О-С; URL: <https://genealogia.ru/170/> (ссылка неполная).
21. ЦГАМ. Ф.608. Оп.2. Д.1983. Л.24.
22. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.752. Л.140.
23. ЦГАМ. Ф.51. Оп.8. Д.93. Л.58об, 59.
24. ЦГАМ. Ф.51. Оп.8. Д.226. Л.100об, 101.
25. ЦГАМ. Ф.71. Оп.1. Д.133. Л.1.
26. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1838. Л.488об, 489.
27. ЦГАМ. Ф.51. Оп.8. Д.420. Л.25об, 26.
28. ЦГАМ. Ф.51. Оп.8. Д.681. Л.98об.
29. с.Вознесенское часть 2 Г-И; URL: <http://genealogia.ru/170/276/> (ссылка неполная).
30. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.2342. Л.137об, 138.
31. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1209. Л.17.
32. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1076. Л.7.
33. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.501. Л.9об.
34. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.690. Л.7об.
35. ЦГАМ. Ф.51. Оп.8. Д.93. Л.2об, 3.
36. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.904. Л.3.
37. ЦГАМ. Ф.51. Оп.8. Д.227. Л.30об, 31.
38. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1266. Л.1313об.
39. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.6, 10.
40. Прообраз "Бабьего царства" ... с.204.
41. ЦГАМ. Ф.203. Оп.780. Д.854. Л.63об, 64.
42. ЦГАМ. Ф.1634. Оп.1. Д.696. Л.17.
43. ЦГАМ. Ф.2126. Оп.1. Д.112. Л.213об, 214.
44. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1786. Л.342об, 343.
45. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.10.
46. ГИХМ "Новый Иерусалим". Ф.4. Д.95. Л.5об, 6.
47. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.10, 11.
48. Сукоцки Поповы ... с.54.
49. ЦГАМ. Ф.149. Оп.2. Д.426. Л.7–14.
50. Красносельский синодик. с.247; URL: <http://hram-ks.ru/docs/MON-DUX.DOC>
51. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.6. Л.9об.
52. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.815. Л.36, 54об.
53. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.6. Л.23.
54. ЦГАМ. Ф.2332. Оп.1. Д.6. Л.1об.
55. ЦГАМ. Ф.2332. Оп.1. Д.8. Л.2об.
56. ЦГАМ. Ф.16. Оп.235. Д.4329. Л.18об.
57. Отчет благотворительного общества ... за 1896–97 г. ... с.16.
58. ЦГАМ. Ф.2332. Оп.1. Д.8. Л.2об, 3.
59. с.Вознесенское часть 4 О-С; URL: <http://genealogia.ru/170/> (ссылка неполная).
60. ЦГАМ. Ф.520. Оп.1. Д.52. Л.79об, 80.
61. ЦГАМ. Ф.150. Оп.1. Д.313. Л.7.
62. ЦГАМ. Ф.372. Оп.3. Д.7320. Л.32.
63. ЦГАМ. Ф.608. Оп.4. Д.188. Л.108об, 109.
64. Сукоцки Поповы ... с.257.
65. Найденов Н.А. Материалы ... Т.8: ... с.276.
66. Найденов Н.А. Материалы ... Т.9: ... с.245.
67. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.16.
68. РГАДА. Ф.1264. Оп.1. Д.39. Л.2, 2об.
69. НТДМ. Ф.Т–1. Оп.17. Д.101. Ед.Хр.1. Л.1.
70. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.519. Л.98об, 99.
71. ЦГАМ. Ф.2125. Оп.1. Д.385. Л.280об, 321об; ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.569. Л.478об.
72. ЦГАМ. Ф.78. Оп.17. Д.771. Л.130–131.
73. ЦГАМ. Ф.78. Оп.17. Д.770. Л.6.
74. ЦГАМ. Ф.78. Оп.17. Д.772. Л.206.
75. ЦГАМ. Ф.78. Оп.17. Д.771. Л.135, 135об.
76. НТДМ. Ф.Т–1. Оп.17. Д.101. Ед.Хр.2. Л.1.
77. Свод результатов общей оценки недвижимых имуществ в Москве. Список владений Якиманской части. – М.: 1875, с.9.
78. Адрес-календарь города Москвы на 1886 г. Алфавитный указатель домовладельцам – М.: 1886, с.441.
79. Вся Москва. ... 1901 год ... с.269.
80. ЦГАМ. Ф.5. Оп.1. Д.72. Л.129об–132.
81. Соболев Иван Сергеевич. Живописная работа. Утро в Аджарии в декабре; URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=17601479>
82. Соболев Иван Сергеевич; URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (ссылка неполная).
83. ЦГАМ. Ф.203. Оп.768. Д.9. Л.1005об.
84. Адрес-календарь города Москвы ... на 1893 г. ... с.197.
85. Вся Москва. ... на 1900 г. ... с.302.
86. НТДМ. Ф.Т–1. Оп.17. Д.101. Ед.Хр.4. Л.8.
87. ЦГАМ. Ф.179. Оп.63. Д.17680. Л.3.
88. ЦГАМ. Ф.203. Оп.771. Д.13. Л.110об.
89. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.558. Л.468об.
90. ЦГАМ. Ф.5. Оп.1. Д.84. Л.189об.
91. ЦГАМ. Ф.179. Оп.62. Д.17816. Л.1об, 2.
92. Шипова Т.Н. Московские фотографы Москвы 1839–1930. История московской фотографии. – М.: 2012, с.343–348.
93. Попов А.П. Российские фотографы (1839–1930) – Коломна: 2013, т. 2, с.435–437; т. 3, с.533–537.
94. ЦГАМ. Ф.16. Оп.26. Д.3. Л.156.
95. (Объявление) // Московский листок, 1882, № 302, с.1.
96. (Объявление) // Московский листок, 1885, № 151, с.4.
97. ЦГАМ. Ф.51. Оп.7. Д.2833. Л.8об.
98. ЦГАМ. Ф.16. Оп.123. Д.168. Л.1.
99. ЦГАМ. Ф.16. Оп.123. Д.498. Л.1.
100. ЦГАМ. Ф.16. Оп.124. Д.397. Л.1.
101. В память священного коронования их императорских величеств Николая Александровича и Александры Федоровны [в Москве] 14 мая 1896 года. – СПб.: 1896, с.49.
102. Архив музея А.П. Чехова "Мелихово". МЧ/ОФ–3533; URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=8724080>
103. Пребывание принца Шведского в Москве // МЛ, 1892, № 25, с.2.
104. (Объявления) // МЛ, 1896, № 157, с.2.
105. ЗИАХМ. 9211/1; URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=21416424>
106. ЦГАМ. Ф.16. Оп.189. Д.137. Л.1.
107. ЦГАМ. Ф.16. Оп.195. Д.769. Л.1.
108. ЦГАМ. Ф.203. Оп.782. Д.295. Л.115об, 116.
109. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.105. Л.208об, 209.
110. Список лиц, избранных в действительные члены Общества на очередном Собрании 15 ноя. 1907 года // Повестки русского фотографического общества в Москве. Вып.2, 1907, с.15.
111. РГАЛИ. Ф.677. Оп.1. Д.9043. Л.1–4.
112. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.856. Л.57об, 58.
113. ЦГАМ. Ф.2124. Оп.2. Д.26. Л.529об, 530.
114. ЦГАМ. Ф.5. Оп.1. Д.84. Л.102об.
115. ЦГАМ. Ф.16. Оп.76. Д.404. Л.2.
116. ЦГАМ. Ф.2121. Оп.2. Д.54. Л.153.
117. ЦГАМ. Ф.608. Оп.4. Д.39. Л.16об.
118. ЦГАМ. Ф.608. Оп.4. Д.131. Л.69об, 70.
119. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.11.
120. ЦГАМ. Ф.51. Оп.8. Д.317. Л.807об.
121. Найденов Н.А. Материалы ... Т.8: ... с.43.
122. Московская купеческая управа. Архив. Опись дел, хранящихся в Архиве Московской купеческой управы. Т.1: 1787–1863 гг. – М.: 1888, с.175, 203, 244.
123. Адрес-календарь жителей Москвы составлен К. Нистремом. – М.: 1846, с.720.
124. НТДМ. Ф.Т–1. Оп.6. Д.901. Ед.Хр.1. Л.1.
125. Алфавитный указатель к плану Столичного города Москвы, составленному ... А. Хотеевым – М.: 1852–1855, с.139.
126. ЦГАМ. Ф.142. Оп.4. Д.2686. Л.29, 29об.
127. Сукоцки Поповы ... с.160.
128. ЦГАМ. Ф.16. Оп.24. Д.4327. Л.6об.
129. Справочная книга о лицах, получивших ... на 1870 год ... с.281.
130. Дмитрий Васильевич Финляндский (некролог) // МЛ, 1892, № 360, с.1.
131. Наталия Григорьевна Финляндская (некролог) // Ведомости Московской городской полиции, 1878, № 44, с.2.
132. Похороны Д.В. Финляндского // МЛ, 1892, № 362, с.2.
133. Глушечкий А. А. ... с.113.
134. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.572. Л.278об, 279.
135. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1175. Л.787.
136. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.364. Л.163об.
137. НТДМ. Ф.Т–1. Оп.6. Д.491. Ед.Хр.6. Л.1.
138. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.874. Л.12, 73.
139. Справочная книга о лицах, получивших ... на 1869 год ... с.644.
140. Глушечкий А. А. ... с.112.
141. Сукоцки Поповы ... с.566.
142. Глушечкий А. А. ... с.79.
143. НТДМ. Ф.Т–1. Оп.6. Д.491. Ед.Хр.8. Л.8.
144. ЦГАМ. Ф.32. Оп.1. Д.322. Л.1.
145. Колокольню-литейный завод ... с.4.
146. Спасская-Садовая улица; URL: <https://pastvu.com/p/102286>
147. ЦГАМ. Ф.117. Оп.5. Д.868. Л.2об.
148. Справочная книга о лицах, получивших ... на 1899 год ... с.141.
149. Николай Дмитриевич Финляндский (некролог) // Русские ведомости, 1914, № 263, с.1.
150. Церковные вести. Похороны Н. Д.Финляндского // Русские ведомости, 1914, № 265, с.4.
151. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.572. Л.269об.
152. Сукоцки Поповы ... с.44.
153. Сукоцки Поповы ... с.78.
154. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.891. Л.127об.
155. Кузнецовы; URL: <https://forum.svt.ru/topic/8059-кузнецовы/>
156. Духин И. Колокольные заводы Москвы – М.: 2004, с.77.
157. Колокольню-литейный завод ... с.12, 13, 25, 17, 18.
158. Смоленский В. Сооружение храма во имя иконы Казанской Божией Матери в селе Ламишине ... – М.: 1915, с.32.
159. Горохов В. А. Звонят колокола – М.: 2006, с.89.
160. Гиляровский В. А. Москва и москвичи. – М.: 2005, с.84–85.
161. ЦГАМ. Ф.3. Оп.3. Д.486. Л.2об–4об.
162. Отчет Звенигородского-Саввинского отделения Кирилло-Мефодиевского братства с 1914 по 1915 г. – Звенигород: 1915, с.16.
163. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.895. Л.4об–6.
164. ЦГАМ. Ф.459. Оп.3. Д.4319. Л.29об.
165. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.892. Л.100об, 101.
166. ЦГАМ. Ф.363. Оп.4. Д.26557. Л.1.
167. ЦГАМ. Ф.418. Оп.470. Д.794. Л.4.
168. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.900. Л.4об–5.
169. ЦГАМ. Ф.418. Оп.321. Д.1934. Л.1.
170. «И возникает многоглавый дом...» (история деревянных домов на улице Шумкина); URL: <https://russia4d.ru/> (ссылка неполная).
171. Сукоцки Поповы ... с.363.
172. Сукоцки Поповы ... с.43.
173. Сукоцки Поповы ... с.168.
174. Сукоцки Поповы ... с.25.
175. Сукоцки Поповы ... с.65.
176. ЦГАМ. Ф.608. Оп.4. Д.131. Л.279об, 280.
177. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.874. Л.39.
178. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.874. Л.87.
179. ЦГАМ. Ф.203. Оп.636. Д.2. Л.5.
180. Исторические сведения ... с.4.
181. ЦГАМ. Ф.78. Оп.6. Д.239. Л.9.
182. Сукоцки Поповы ... с.178.
183. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.874. Л.70.
184. Сукоцки Поповы ... с.359–363.
185. Сукоцки Поповы ... с.174.

186. Сукошники Поповы ... с.363.
187. Сукошники Поповы ... с.26.
188. ЦГАМ. Ф.3. Оп.3. Д.369. Л.30б.
189. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.525. Л.364об, 365.
190. Максим Ефимович Попов // МВ, 1896, № 136, с.1.
191. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.874. Л.7.
192. Сукошники Поповы ... с.184.
193. Сукошники Поповы ... с.359, 360.
194. Сукошники Поповы ... с.43.
195. Сукошники Поповы ... с.44, 45.
196. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1194. Л.252.
197. Сукошники Поповы ... с.159.
198. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.12, 13.
199. ЦГАМ. Ф.608. Оп.4. Д.131. Л.279об, 280.
200. Сукошники Поповы ... с.170.
201. Сукошники Поповы ... с.358, 359.
202. Справочная книга о лицах, получивших ... на 1875 год ... с.41.
203. НТДМ. Ф.Т-1. Оп.7. Д.243. Ех.Хр.3. Л.1.
204. ЦГАМ. Ф.203. Оп.776. Д.525. Л.458об, 459.
205. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.26.
206. Отчет благотворительного общества ... за 1896–97 г. ... с.16.
207. Отчет благотворительного общества ... за 1898–99 г. ... с.3–4.
208. Отчет благотворительного общества ... за 1901–02 г. ... с.3.
209. Отчет благотворительного общества при Звенигородской земской лечебнице за 1909 год – Звенигород: 1910, с.4.
210. Сукошники Поповы ... с.430, 431.
211. Отчет вспомогательных... за 1914–1915 г. ... с.8.
212. Дом имени М.Г. и М.Е. Поповых попечительства о бедных Пресненской части, 1910 – 1913; URL: <https://pastvu.com/p/85135>
213. Сукошники Поповы ... с.449.
214. Отчет Городского попечительства о бедных 1-го участка Пресненской части за 1912 год – М.: 1913, с.2.
215. Отчет Городского попечительства о бедных ... за 1913 год ... с.2.
216. ЦГАМ. Ф.179. Оп.21. Д.3465. Л.1.
217. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.390. Л.286об.
218. Сукошники Поповы ... с.469.
219. Сукошники Поповы ... с.361.
220. Сукошники Поповы ... с.536.
221. ВОСПОМИНАНИЯ ВЕРЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ПОПОВОЙ; URL: <https://lamanova.com/> (ссылка неполная).
222. Сукошники Поповы ... с.335.
223. Сукошники Поповы ... с.593.
224. Золотарева Е. Н. Художница Любовь Попова – «русская амазонка» с Истринской земли. ... // Третьи Воскресенские чтения – Истра; Коломна: 2020, с.128–142.
225. Сукошники Поповы ... с.468.
226. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.1319. Л.845об.
227. ЦГАМ. Ф.98. Оп.3. Д.50. Л.70, 70об.
228. ЦГАМ. Ф.1634. Оп.1. Д.80. Л.2–3.
229. ЦГАМ. Ф.1634. Оп.1. Д.490. Л.13.
230. ЦГАМ. Ф.203. Оп.747. Д.1591. Л.186.
231. ЦГАМ. Ф.203. Оп.745. Д.516. Л.172об, 173.
232. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.16.
233. Мы действительно счастливые дети счастливой страны // ИС, 1935, № 138, с.2.

К заключению:

1. Зачем в Истре памятник П. Г. Цурикову?; URL: <https://истра.рф/> (ссылка неполная).
2. Жители Лужков предложили переименовать улицу в их деревне; URL: <https://истра.рф/> (ссылка неполная).
3. Несколько слов на память ... с.54.

К приложению:

1. РГИА. Ф.1411. Оп.1. Д.80. Л.214–216об.
2. РГАДА. Ф.1204. Оп.1. Д.11311. Л.4.
3. РГАДА. Ф.1263. Оп.6. Д.577. Л.1–3.
4. РГАДА. Ф.1264. Оп.1. Д.39. Л.2–4.
5. НИОР РГБ. Ф.148. К.10. Д.35. Л.1–5.
6. НИОР РГБ. Ф.148. К.10. Д.36. Л.1–2.
7. НИОР РГБ. Ф.148. К.12. Д.37. Л.1–3.
8. РГАДА. Ф.1264. Оп.1. Д.74. Л.1–3об.
9. ГАРФ. Ф.1019. Оп.1. Д.1343. Л.8–9, 12, 13–16об, 20, 37, 37об.
10. ГАРФ. Ф.1019. Оп.1. Д.1342. Л.1–3об.
11. НИОР РГБ. Ф.547. К.8. Д.8. Л.2–24.
12. Освящение сельского храма // МВ, 1870, № 39, с.8.
13. Корреспонденция из Воскресенска. Освящение нового училищного дома. // МВ, 1872, № 3, с.26.
14. Корреспонденция "Моск. Епарх. Ведомостей." Церковные торжества в Звенигородском уезде. // МВ, 1872, № 28, с.205.
15. Внутреннее обозрение. // МВ, 1875, № 43, с.372, 373.
16. Из заштатного города Воскресенска. // МВ, 1876, № 42, с.360–362.
17. П.Г. Цуриков. (Некролог). // МВ, 1878, № 3, с.28–30.
18. Из Звенигорода (Московский губ). // МВ, 1878, № 9, с.4.
19. П.Г. Цуриков. // МВ, 1878, № 16, с.4.
20. Еще о П. Г. Цурикове. // МВ, 1878, № 24, с.4.
21. Епархиальная хроника. // МВ, 1878, № 8, с.80.
22. 40-й день поминовения действительного статского советника Павла Григорьевича Цурикова в селе Ивановском (месте погребения его) // МВ, 1878, № 8, с.81–82.
23. Слово при воспоминании в Бозе почившего, действительного статского советника Павла Григорьевича Цурикова в сороковый день по кончине его. // МВ, 1878, № 8, с.82–83.
24. Несколько слов на память о покойном П.Г. Цурикове по случаю годовщины после его смерти // МВ, 1879, № 7, с.52–55.
25. Слово в день годовичного поминовения ... с.55–56.
26. Освящение храма в Саввинских подмонастырских слободах Звенигородского уе. // МВ, 1879, № 43, с.359, 360.
27. Попов П. С. Прообраз Бабьего царства // В творческой лаборатории Чехова – М.: 1974, с.202–207.
28. РГАЛИ. Ф.549. Оп.1. Д.347. Л.5.
29. Зеленская Г.М., Святославский А.В. Некрополь Нового Иерусалима. – М.: 2006, с.214, 215, 216, 374.
30. Владимирский собор ; URL: <https://pastvu.com/p/192406>
31. Васнецов Виктор Михайлович. Росписи во Владимирском соборе Киева ; URL: <https://obiskusstve.com/> (ссылка неполная).
32. Дауваальдер В. Ф. Михаил Викторович Васнецов // Наше наследие, 1991, № 4, с.19–26.
33. Ольшаны – некрополь русской эмиграции. Путеводитель – Прага: 2011, с.58.
34. Богоматерь с младенцем (Васнецовская) ; URL: <http://temples.ru/iconography.php?TteminID=792>
35. ЦГАМ. Ф.65. Оп.28. Д.47. Л.22–28.
36. Клименко А. Воспоминания институтки. К столетнему юбилею Московского Екатерининского института – СПб.: 1903, 18 с.
37. ЦГАМ. Ф.743. Оп.1. Д.465. Л.2, 2об.
38. ЦГАМ. Ф.743. Оп.1. Д.190. Л.1.
39. ЦГАМ. Ф.16. Оп.6. Д.7943. Л.1–2.
40. ЦГАМ. Ф.743. Оп.1. Д.465. Л.10, 10об.
41. ЦГАМ. Ф.16. Оп.29. Д.1. Л.32–34об.
42. РГИА. Ф.383. Оп.9. Д.8180. Л.20–21об.
43. Павловская слобода. 500 лет в истории России. – М.: 2004, с.66, 67.
44. Погожев А. В. Сборник статистических ... с.151–182.
45. Историческая сведения ... с.3–30.
46. Голубев Н. Описание Успенской ... с.3–15.
47. ЦГАМ. Ф.203. Оп.543. Д.56. Л.13–15.
48. НИОР РГБ. Ф.175. К.10. Д.4. Л.1–88об.
49. ИИМК. Ф.Р-III. Д.4079. Л.1–14.
50. ЦГАМ. Ф.203. Оп.746. Д.1738. Л.38; РГИА. Ф.799. Оп.33. Д.967. Л.11, 11об, 13.
51. ЦГАМ. Ф.1371. Оп.1. Д.81. Л.144–156.
52. ЦГАМО. Ф.66. Оп.18. Д.295. Л.5.
53. Голубев Н. Описание Успенской ... с.3.
54. Обозрение церквей и приходов Звениг. уе. Преосвященным Димитрием, епископом Можайским 13–15 июля 1914 г // МЦВ, 1914, № 34, с.656.
55. РГАДА. Ф.1354. Оп.250. Д.И-15с.
56. РГИА. Ф.380. Оп.14. Д.791. Л.7.
57. Матисен Н. И. Атлас ... с.14.
58. ЦГАМ. Ф.54. Оп.131. Д.31. Л.4.
59. Погожев А. В. Сборник статистических сведений ... Том 3. Вып. 6. ... III. Планы фабричных заведений ... с.1.
60. ЦГАМ. Ф.54. Оп.151. Д.66. Л.3.
61. ЦГАМ. Ф.54. Оп.131. Д.31. Л.3.
62. ЦГАМ. Ф.54. Оп.146. Д.130. Л.4.
63. ЦГАМ. Ф.54. Оп.151. Д.66?
64. ЦГАМ. Ф.54. Оп.151. Д.66? Л.6.
65. ЦГАМ. Ф.54. Оп.146. Д.130. Л.4.
66. ЦГАМ. Ф.54. Оп.146. Д.130. Л.4.
67. ЦГАМ. Ф.54. Оп.151. Д.66?
68. ЦГАМ. Ф.54. Оп.151. Д.66?
69. ЦГАМ. Ф.54. Оп.132. Д.51. Л.7.
70. ЦГАМ. Ф.54. Оп.146. Д.130. Л.4.
71. ЦГАМ. Ф.54. Оп.151. Д.66?
72. ЦГАМ. Ф.54. Оп.163. Д.58. Л.4.
73. ГИМ. 99497/8488. Ивановская суконная фабрика П. Г. Цурикова. Литогр. при Музее на Мясницкой. 1868.
74. Историческая сведения ... обложка.
75. Историческая сведения ... обложка.
76. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.877. Л.38.
77. НИОР РГБ. Ф.547. К.9. Д.12. Л.13.
78. ГИМ. 95171/15917, И-VI-31301. Ивановская суконная фабрика. Сад при доме Павла Григорьевича Цурикова, 1880-е.
79. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.877. Л.2.
80. ГИМ. 95171/15911, И-VI-31295. Ивановская суконная фабрика. Сад при доме П. Г. Цурикова, 1880-е.
81. НИОР РГБ. Ф.547. К.9. Д.41. Л.1.
82. НИОР РГБ. Ф.547. К.9. Д.40. Л.3.
83. ЦГТМ им. А. А. Бахрушина. КП 47786-2. ФДД 33971. Фотография. Группа участников Ивановской труппы (служащие на фабрике и рабочие), 1895.
84. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.877. Л.28.
85. НИОР РГБ. Ф.547. К.9. Д.12.
86. Голубев Н. Описание Успенской ...
87. Протоиерей О. Пензжко. Храмы Истринского района. Часть 1. – Владимир: 2009, с.314.
88. ГНИМА им А. В. Щусева. ОФ-1433/481. Веснин А.А.; Веснин В.А.; Веснин Л.А. Проект мемориальной часовни в память столетия Ивановской мануфактуры Попова. Фасад. 1916 г.
89. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.874. Л.3.
90. ГМИРЛИ. КП 12739. П.Г. Цуриков. Москва, 1881.
91. Голубев Н. Описание Успенской ...
92. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.874. Л.9.
93. Истринская земля ... фото между с.384 и 385.
94. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.874. Л.83.
95. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.874. Л.84.
96. Архив музея "Новый Иерусалим". НВФ 3602.
97. Архив музея А.П. Чехова "Мелихово". МЧ/ОФ–4017. Семья Мингалевых и Цуриковых, 1880-е?
98. Архив музея А.П. Чехова "Мелихово". МЧ–НВФ 3690.
99. Истринская земля ... фото между с.384 и 385.
100. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.874. Л.82.
101. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.874. Л.81.
102. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.874. Л.39.
103. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.874. Л.5.
104. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.874. Л.87.
105. РГАЛИ. Ф.837. Оп.2. Д.874. Л.7.

(Итого 1878 ссылок).

Список принятых сокращений

арш.	– аршин.	МО	– Московская область.
ас., асс.	– ассигнации, ассессор (в зависимости от контекста).	НИОР РГБ, РГБ	– Российская государственная библиотека, Научно-исследовательский отдел рукописей.
АШ	– семейный архив Шуберт.	н/д	– нет данных.
в.	– век, вершок, верста, волость (в зависимости от контекста).	нрзб	– не разборчиво (не разборчивое слово в рукописном тексте).
г.	– год, город, господин, гильдия (в зависимости от контекста).	об.	– оборот листа.
г.о.	– городской округ.	ок.	– около.
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации (в Москве).	п.	– пуд, поселок (от контекста).
ГАЯО	– Государственный архив Ярославской обл.	п., пос.	– поселок.
ГИМ, ОПИ ГИМ	– Государственный исторический музей, отдел письменных источников.	ПС, ФС	– послужной (формулярный) список.
ГИХМ	– Государственный историко-художественный музей “Новый Иерусалим”.	преп.	– преподобный.
ГМИРЛИ	– Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля.	р., руб.	– рубль.
ГНИМА	– Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева.	РГАДА	– Российский государственный архив древних актов (в Москве).
ГЦТМ	– Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина.	РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства (в Москве).
д.	– дом, десятина, десятина (от контекста).	РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив (в Москве).
д., дер.	– деревня.	РПЦ	– Русская Православная Церковь.
д., дес.	– десятина.	РГИА	– Российский государственный исторический архив (в Петербурге).
др.	– другое.	с.	– село, сажень, страница, сын (от контекста).
ж.п.	– женский пол.	с., саж.	– сажень.
ИВ	– Истринские вести (газета).	св.	– святой.
ИИМК	– Институт истории материальной культуры (в Петербурге).	см.	– сантиметр, смотри (от контекста).
им.	– имени.	СПб., С-П	– Санкт-Петербург.
ИС	– Истринская стройка (газета).	ст.	– степень (ордена).
к., коп.	– копейка.	т., тыс.	– тысяч.
кв.саж.	– квадратная сажень.	т.д., т.е.	– так далее, то есть.
кн.	– князь, книга (от контекста).	т.к., т.п.	– так как, тому подобное.
л.	– лист.	у., уе.	– уезд.
л.с.	– лошадиная сила (единица мощности).	УБД	– Утраченный Божий Дом (краеведческий проект, сайт).
м., М.	– метр, Москва.	УК	– Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической республики.
м.п.	– мужской пол.	РСФСР	– фунт, фонд (от контекста).
МГУ	– Московский государственный университет.	ф.	– фонд, опись, дело.
МДК	– Московская духовная консистория.	Ф., Оп., Д.	– фамилия, имя, отчество.
МВ	– Московские ведомости (газета).	ФИО	– Главархив Москвы. ГБУ “ЦГА Москвы” (прежде назывался ЦИАМ).
МЕВ, МЦВ	– Московские епархиальные, церковные ведомости (журналы).	ЦГАМ	– Центральный государственный архив Московской области (в Москве).
мл	– Московский листок (газета).	ЦГАМО	– Global Positioning System (англ.), система глобального позиционирования.
		GPS	– Uniform Resource Locator (англ.), адрес страницы в интернете.
		URL	

Об авторе

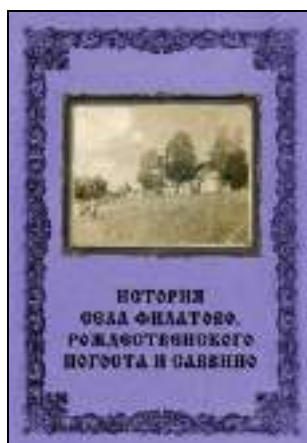
Сергей Павлович Носиков – выпускник Московского авиационного института 1979 года (радиофакультет). Кандидат технических наук. В настоящее время пенсионер, житель г. Истра Московской области. В 2022 году было присвоено звание “Почетный гражданин городского округа Истра”.

Один из основателей проекта “Утраченный Божий Дом”, автор ряда книг краеведческой и историко-церковной тематики. Тексты книг автора можно бесплатно скачать с сайта УБД <http://www.istra-ltc.ru/new.htm>, они также доступны

для свободного чтения онлайн на сайте главной библиотеки страны РГБ <https://www.rsl.ru/>. На этих ресурсах через некоторое время будет размещена и данная книга.

Контакты: тел. 8–916–616–95–51, почта nspnsp@mail.ru.

Носиков Сергей Павлович

**История Ивановской суконной фабрики Цуриковых и Успенской церкви
(по материалам архивных исследований) – М.: ООО "Сам Полиграфист", 2023, 656 с.**

Верстка: С. П. Носиков.

Оформление обложки: С. Ю. Мамаев.

Заказ № 15922. Подписано в печать 5.09.2023 г.

Формат 210x297 мм. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии «OneBook.ru». ООО «Сам Полиграфист».
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва».
www.onebook.ru

ISBN 978-5-00227-087-3

- № 69-70. Кирпичная дымоходная труба.
- № 71. Деревянное одноэтажное строение — охотничий домик.
- № 72. Каменные одноэтажные кирпичные постройки.
- № 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80. Каменные двухэтажные.
- № 81. Деревянное двухэтажное кирпичное — для склада материалов.
- № 82. Просторное здание для скотного двора. Деревянное с укрепленным двухэтажным примурованном погребом.
- № 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90. Валуны.

1897

Воспитанникъ Императорскаго
Всесвѣтлаго Синода
22-го класса
1877-78

